МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД
«ДЕМОКРАТИЯ»
(Фонд Александра Н. Яковлева)

РОССИЯ. XX ВЕК

ДОКУМЕНТЫ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1997 ГОДУ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА А.Н. ЯКОВЛЕВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.Н. Яковлев (председатель),
Г.А. Арбатов, Е.Т. Гайдар, В.П. Козлов,
В.А. Мартынов, С.В. Мироненко, В.П. Наумов,
Е.М. Примаков, Э.С. Радзинский, А.Н. Сахаров,
Г.Н. Севостьянов, Н.Г. Томилина, С.А. Филатов,
А.О. Чубарьян, А.А. Яковлев, В.Н. Якушев

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД «**ДЕМОКРАТИЯ**», МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «**МАТЕРИК**», МОСКВА

РОССИЯ.
XX ВЕК

ДОКУМЕНТЫ

ДЕЛО ГЕНЕРАЛА Л.Г. КОРНИЛОВА

Материалы Чрезвычайной комиссии
по расследованию дела
о бывшем Верховном главнокомандующем
генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках.
Август 1917 г. – июнь 1918 г.
В 2-х томах

Том 2
Показания и протоколы допросов
свидетелей и обвиняемых.
27 августа – 6 ноября 1917 г.

Под редакцией
академика РАН Г.Н. Севостьянова

Ответственный составитель Ю.Г. Орлова

Составители:
О.К. Иванцова, М.В. Тихонова, В.М. Хрусталев

МОСКВА 2003

ББК 63.3(2)611
Д29

Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева) выражает признательность Федеральной архивной службе России и Государственному архиву Российской Федерации за помощь в подготовке издания

Издается при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)

Д29 **Дело генерала Л.Г. Корнилова.**
Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. В 2-х томах.
Том 2. Показания и протоколы допросов свидетелей и обвиняемых. 27 августа – 6 ноября 1917 г. Сборник документов и материалов. Под ред. Г.Н. Севостьянова; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.К. Иванцова, М.В. Тихонова, В.М. Хрусталев. Рецензенты: З.И. Перегудова, А.Д. Степанский
М: МФД, 2003 – 592с. – (Россия. XX век. Документы).
ISBN 5-85646-095-2

Комплекс публикуемых документов раскрывает события августа 1917 г. и отражает настроения в российском обществе и армии накануне октября 1917 г. Материалы, освещающие события с разных позиций, возможно, позволят ответить на вопрос, существовал ли заговор и «корниловский мятеж» или все случившееся можно объяснить «предательством Керенского», находившегося под «контролем Советов».

ББК 63.3 (2)611

© Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева), 2003
© О.К. Иванцова, Ю.Г. Орлова, Г.Н. Севостьянов М.В. Тихонова, В.М. Хрусталев, составление, примечания, аппарат, 2003

ISBN 5-85646-095-2

ВВЕДЕНИЕ

Данное издание является вторым томом сборника документов «Дело генерала Л.Г. Корнилова». Первый том («Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках: Между обществом и властью. Август 1917 г. — июль 1918 г.») целиком посвящен функционированию Чрезвычайной комиссии. Второй том сборника — «Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках: Показания и протоколы допросов свидетелей и обвиняемых по делу генерала Л.Г. Корнилова. 27 августа 1917 г. — 6 ноября 1917 г.» — раскрывает следственный процесс.

Документальная база следствия по делу генерала Корнилова весьма обширна. Комиссией было собрано и проанализировано огромное количество документов и материалов. В ходе расследования было допрошено 350 человек и составлено 406 протоколов и показаний.

Большинство обвиняемых и свидетелей допрашивалось членами Чрезвычайной комиссии. Однако следствие по делу Верховного главнокомандующего с самого начала не было единым, поэтому собранные и созданные самой комиссией материалы не исчерпывают всей документальной базы следствия.

Чрезвычайная комиссия была образована постановлением Временного правительства за подписью министра-председателя А.Ф. Керенского и министра юстиции А.С. Зарудного 29 августа 1917 г.[I] Само следствие по делу Корнилова было начато еще раньше: 27 августа вышло постановление судебного следователя Петроградского окружного суда 16-го участка г. Петрограда Шульца о начале предварительного следствия о заговоре против Временного правительства[II]. 29 августа предварительное следствие по делу Корнилова было начато и в Московском окружном суде судебным следователем по особо важным делам А.В. Коренковым[III]. Поводом для начала следствия и в том и в другом случае стало сообщение министра-председателя о выступлении генерала Корнилова против Временного

[I] Постановление Временного правительства о назначении Чрезвычайной следственной комиссии для расследования дела о бывшем главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках от 29 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 120. Л. 196.

[II] Постановление судебного следователя Петроградского окружного суда 16-го участка г. Петрограда Шульца о начале производства предварительного следствия по делу о заговоре против Временного правительства от 27 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 1б–1б об.

[III] Постановление судебного следователя Московского окружного суда по особо важным делам А.В. Коренкова о начале производства следствия по делу о посягательстве на насильственное изменение государственного строя и смещение Временного правительства от 29 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–1 об.

правительства от 27 августа, подтвержденное прокурорами Петроградской и Московской судебных палат.

Такое начало следствия было возможно в силу особенностей функционирования судебного ведомства в революционное время. После Февральской революции в столицах были установлены дежурства товарищей прокурора и судебных следователей, в обязанности которых входило немедленное возбуждение следствия по поводу всех происходивших во время дежурства преступных действий в пределах города. Поэтому дежуривший 27 августа судебный следователь Шульц, получив сообщение от прокурора Палаты о выступлении Корнилова, имел законное основание для начала предварительного следствия. Таким образом, к приезду членов Чрезвычайной комиссии (председателя главного военно-морского прокурора И.С. Шабловского, военных юристов полковников Н.П. Украинцева и Р.Р. Раупаха, а также следователя по особо важным делам Н.А. Колоколова) в Ставку Верховного главнокомандующего следствие уже велось в г. Петрограде — участковым следователем Шульцем (затем его сменил следователь по особо важным делам В. Гудвилович) и в г. Москве — следователем А.В. Коренковым.

В ходе предварительного расследования, проведенного в Петроградском и Московском окружных судах, был собран обширный материал. В частности, именно следователем Петроградского окружного суда 27 августа впервые были допрошены в Зимнем дворце главные свидетели по делу Корнилова — министр-председатель А.Ф. Керенский и В.Н. Львов. В Петроградском окружном суде были сняты показания и протоколы допросов с военнослужащих Кавказского туземного конного корпуса, направленного Корниловым под командованием генерала А.М. Крымова к столице. Кроме того, в Петроградском окружном суде были образованы и два самостоятельных дела: полковника Генерального штаба Д.А. Лебедева (см. документы № 80–83), а также командира 1-го кавалерийского корпуса А.Н. Долгорукова (см. документы № 75–79). Последний был арестован матросами Балтийского флота, увидевшими в его случайной командировке часть плана заговора Ставки, якобы намеревавшейся привлечь флот к выступлению против Временного правительства. Только после длительных переговоров с Исполнительным комитетом Балтфлота удалось избежать самосуда, и князь Долгоруков был доставлен в Петропавловскую крепость, где и дал свои первые показания военному следователю Петроградского военно-окружного суда полковнику Опацкому (см. документы № 75, 76).

Следственный материал, собранный в Московском окружном суде, оказался не столь значительным, что объяснялось удаленностью Москвы от центра событий. Расследование в Москве ограничилось лишь несколькими частными случаями, из которых выделяется только дело командира 14-й Донской казачьей особой сотни, оказавшейся на момент выступления в Москве, подъесаула С.В. Овсянкина (см. документы № 90–92).

Предварительное следствие в Петроградском и Московском окружных судах велось до конца сентября 1917 г. 30 сентября И.С. Шабловским были направлены два письма, одно в Петроград следователю Гудвиловичу, а другое — в Москву следователю Коренкову, в которых председатель Чрезвычайной комиссии просил выслать все делопроизводство, относящееся к расследованию дела генерала Корнилова, а также все имеющиеся при деле вещественные доказательства и документы в распоряжение комиссии[1]. Законным основанием для этого

[1] Письмо председателя Чрезвычайной комиссии И.С. Шабловского судебному следователю по особо важным делам Петроградского окружного суда В. Гудвиловичу от 30 сентября 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 93. Л. 151. Письмо председателя Чрезвычайной ко-

требования послужил пункт 1 Положения о Чрезвычайной комиссии, согласно которому расследованием всего дела бывшего Верховного главнокомандующего имела право заниматься только специально созданная для этой цели правительственная комиссия. Положение было утверждено Временным правительством 29 августа, но самой комиссии пришлось еще долго отстаивать свои права и добиваться сосредоточения у себя всего следствия. Что касается Московского и Петроградского окружных судов, то требуемые комиссией документы были немедленно высланы в ее распоряжение, за исключением еще не оконченных дел, переданных позднее. Значительно сложнее сложились взаимоотношения комиссии с многочисленными следственными комиссиями, стихийно возникавшими в дни выступления Верховного главнокомандующего.

Распыленность следствия между Петроградом, Москвой и Могилевом, где работала сама Чрезвычайная комиссия, объяснялась спецификой судопроизводственной практики, возникшей после Февральской революции. Напротив, разбросанность следствия по многочисленным стихийно возникшим следственным комиссиям объяснялась уже спецификой самого политического момента, когда в результате прокатившейся по армии волны самочинных арестов многие офицеры российской армии были обвинены в сочувствии выступлению Верховного главнокомандующего. Политическая борьба в армии, вспыхнувшая с первого дня выступления генерала Корнилова, не утихала и после создания Чрезвычайной комиссии. Даже несмотря на то, что 1 сентября был объявлен специальный приказ министра-председателя А.Ф. Керенского о сосредоточении всего следствия по делу генерала Корнилова исключительно в руках Чрезвычайной комиссии[1], самочинно созданные следственные комиссии стали серьезной проблемой, с которой пришлось столкнуться комиссии в своей работе.

В конце августа — сентябре 1917 г., в дни ликвидации выступления Верховного главнокомандующего, особую активность проявили Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые по своей инициативе занялись арестами предполагаемых сторонников главковерха и ведением следствия. Поэтому, как правило, самочинные следственные комиссии работали под их непосредственным руководством. Среди стихийно появлявшихся следственных комиссий были и армейские комиссии, однако подавляющее их большинство создавалось под руководством Советов. Используя настроения солдатских масс, а во многом и подогревая их, представители исполнительных комитетов местных Советов создавали многочисленные «комитеты спасения революции», неотъемлемой частью которых были и «свои» следственные комиссии. Большинство подобных комиссий не просуществовали долго, однако среди них были и такие, которым действительно удалось организовать самостоятельное расследование. Среди них: следственная комиссия Военной секции Гомельского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; следственные комиссии при Великолукском, Солецком и Борисовском Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; следственная комиссия при Совете солдатских депутатов Осташковского гарнизона, а также чрезвычайные следственные комиссии при Комитете 28-го армейского корпуса и при Исполнительном бюро Полкового комитета 535-го пехотного Липецкого полка. Материалы этих комиссий имеются в фонде 1780 (см. документы в разделе IV — подраздел 3 «Следственные комиссии Советов»).

миссии И.С. Шабловского судебному следователю по особо важным делам Московского окружного суда А.В. Коренкову от 30 сентября 1917 г. см.: Там же. Д. 27. Л. 157.

[1] Приказ министра-председателя А.Ф. Керенского от 1 сентября 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 62. Л. 42–46.

Собственно армейские комиссии были немногочисленны. Среди них выделяется расследование, проводившееся в Московском военном округе. Инициативу по его проведению в данном случае взял на себя командующий Московским военным округом генерал А.И. Верховский, на волне борьбы с «корниловщиной» сделавший себе карьеру и поднявшийся от командующего округом до военного министра Временного правительства. Но и следствие в Московском военном округе проводилось при непосредственном участии представителей Московского городского Совета рабочих и солдатских депутатов. Так, по инициативе Московского Совета было начато дело по заявлению юнкеров Александровского военного училища в Московский городской Совет рабочих и солдатских депутатов с сообщением о приуроченном к открытию Московского государственного совещания военном перевороте. Заявление поступило в Московский Совет 12 августа, однако тогда ему не придали особого значения и вспомнили о нем только после событий 27 августа. Собственно говоря, все расследование, проводившееся в Московском военном округе, было сосредоточено на поисках сведений, подтверждающих мнение о заранее подготовленном заговоре Ставки. С этой же целью было сформировано и дело о назначении почетного караула из формировавшегося женского батальона при встрече генерала Корнилова на московском Государственном совещании, само название которого говорит о содержательной стороне таких поисков.

К армейским следственным комиссиям принадлежали и следственные комиссии Северного, Западного и Юго-Западного фронтов, однако они также были созданы при поддержке и непосредственном участии исполнительных комитетов фронтов. Инициаторами их создания в данном случае выступали комиссары фронтов. Последние зачастую умело использовали возникший инцидент и, играя на революционных настроениях солдат, часто преследовали не только политические, но и сугубо личные цели. Положение комиссаров Временного правительства, оказавшихся между армейской верхушкой и комитетами, было весьма сложным. Арест сторонников «мятежного генерала», а тем более проведение следствия и суда позволили бы им значительно укрепить свое положение.

Одним из первых с инициативой организации самостоятельного следствия выступил комиссар Временного правительства при армиях Северного фронта Станкевич, отдавший приказ об аресте начальника военных сообщений фронта генерала К.М. Ушакова[I], а также главнокомандующего Северным фронтом генерала В.Н. Клембовского[II]. Несмотря на то что вся вина, например, последнего состояла в отказе занять должность Верховного главнокомандующего после устранения от нее Корнилова, расследованием его деятельности занялась специально созданная по распоряжению комиссара и при его непосредственном участии Следственная комиссия Северного фронта. Предполагалось, что задачей комиссии будет расследование степени участия чинов фронта в выступлении генерала Корнилова, однако все следствие на Северном фронте сосредоточилось главным образом вокруг персональных дел Ушакова, Клембовского, Грекова[III].

Как правило, самочинно созданные в дни выступления генерала Корнилова следственные комиссии имели весьма расплывчатую структуру и были плохо организованы. Однако на Северном фронте комиссия действовала четко и сла-

---

I «Дело начальника военных сообщений фронта генерала К.М. Ушакова» см. документы № 102–107.

II «Дело главнокомандующего Северным фронтом В.Н. Клембовского» см. документы № 99–101.

III «Дело начальника 1-й Донской казачьей дивизии Грекова» см. документы № 93–98.

женно: она проводила допросы, снимала показания, составляла заключения и вела протоколы заседаний.

Хорошо организовано было и следствие на Юго-Западном фронте. Созданная по распоряжению комиссара Временного правительства при армиях Юго-Западного фронта Н.И. Иорданского следственная комиссия Юго-Западного фронта имела фиксированный персональный состав: в нее вошли главный военно-полевой прокурор фронта С.А. Батог, помощник комиссара фронта Шестоперов, член Киевского окружного суда полковник Франк и член Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов Юго-Западного фронта младший фейерверкер Ливенберг[I]. Именно нежелание этой следственной комиссии передать арестованных на Юго-Западном фронте сторонников генерала Корнилова и материалы следствия Чрезвычайной комиссии вызвали наиболее значительный общественный резонанс.

Настаивая на самостоятельном расследовании деятельности арестованных в г. Бердичеве главнокомандующего фронтом генерала А.И. Деникина и его ближайших соратников С.Л. Маркова, М.И. Орлова, И.Г. Эрдели, Е.Ф. Эльснера, Г.М. Ванновского, В.В. Клецанды, комиссар Иорданский и следственная комиссия Юго-Западного фронта стремились создать прецедент, который означал бы окончательное распыление единого дела генерала Корнилова на множество мелких следствий. Понятно, что в таком случае ни о каком соблюдении законности в деле генерала Корнилова не могло быть и речи. Только благодаря упорству Чрезвычайной комиссии, не желавшей допустить подобной победы «революционного права» над законно установленным, прецедент не был создан: на заседании Бюро Военного отдела ВЦИК, где рассматривался этот вопрос, требования Чрезвычайной комиссии получили поддержку[II].

Решение ВЦИК имело большое значение для сохранения следствия по делу Корнилова единым. Уже после того, как был исчерпан бердичевский инцидент, комиссии удалось получить согласие от Витебского Совета на передачу материалов проведенного им расследования и арестованных в ходе него А.А. Римского-Корсакова, председателя Главного комитета Союза офицеров армии и флота Л.Н. Новосильцева и управляющего отделом печати Комитета Союза Георгиевских кавалеров И.В. Никанорова, удерживаемых по примеру Юго-Западного фронта. Вслед за тем и другие самочинно образованные следственные комиссии, получившие от главного органа революционной демократии подтверждение законности требований Чрезвычайной комиссии, передали ей свои материалы.

В результате к концу сентября 1917 г. расследование дела бывшего Верховного главнокомандующего оказалось сосредоточено в одних руках. Чрезвычайная комиссия получила возможность объединить ранее разрозненное следствие. Однако к данному времени это имело значение лишь для сохранения законности в деле генерала Корнилова. Из всех переданных ей материалов комиссия использовала только небольшую часть, главным образом при составлении итогового документа. В некоторых случаях следователи комиссии провели повторные допросы. Однако в подавляющем большинстве переданные ей материалы носили либо частный, либо надуманный характер и ничего не добавляли к следствию, по которому Чрезвычайная комиссия уже пришла к совершенно определенному выводу.

О.К. Иванцова

[I] См.: *Знаменский В.М.* Правда о мятеже генерала Корнилова // ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 1027. Л. 44.

[II] Протокол заседания Бюро Военного отдела ВЦИК от 13 сентября 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 546. Л. 106–107 об.

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Подготовка сборника осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (2-е изд. М., 1990).

Издание является видовой пофондовой публикацией. В состав сборника вошли показания и протоколы допросов свидетелей и обвиняемых по делу генерала Л.Г. Корнилова, хранящиеся в ГА РФ в фонде Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках (Ф. 1780. Оп. 1). В публикацию включено 123 документа.

Читателям предоставляется возможность ознакомиться с комплексом документов, освещающих события в августе 1917 г., а также проследить изменение настроений и состояние российского общества и армии накануне октября 1917 г.

Незначительная часть показаний и протоколов допросов была издана, причем многие из них публиковались в извлечениях, за исключением протокола допроса министра-председателя А.Ф. Керенского от 27 августа. Среди них: показания обер-прокурора Священного синода В.Н. Львова от 14 сентября, бывшего министра юстиции Временного правительства А.С. Зарудного от 26 августа, начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала А.С. Лукомского от 2–4 сентября, протоколы допросов министра-председателя А.Ф. Керенского от 27 августа (полностью), штабс-капитана Г.Г. Гогоберидзе от 4 сентября[1]. Опускались те части документов, в которых свидетели или обвиняемые негативно отзывались о большевиках. Не публиковались показания и протоколы допросов, если они не укладывались в концепцию советской историографии о «корниловском мятеже».

Обширная стенограмма допроса А.Ф. Керенского (см. документ № 28) была издана с его собственными комментариями в 1918 г. (*Керенский А.* Дело Корнилова. М., 1918).

Другая судьба у показания Л.Г. Корнилова. Впервые частично оно было опубликовано 2 октября 1917 г. в газете «Общее дело», когда следствие еще не было завершено. Затем документ неоднократно издавался (*Katkow G.* The Kornilov Affair. London, 1980; Генерал Л.Г. Корнилов перед Чрезвычайной комиссией Временного правительства (публ. подготовлена Г.З. Иоффе) // Кентавр. 1995. № 5. С. 105–120; № 6. С. 101–113).

Самая объемная группа документов фонда 1780 — это показания и протоколы допросов обвиняемых и свидетелей по делу о выступлении генерала Л.Г. Кор-

[1] Великая Октябрьская социалистическая революция (документы и материалы). Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 425–432, 441, 442, 444, 445, 452, 453. (Далее: Революционное движение в России).

нилова. Основной массив документов — это подлинники. Также в составе фонда имеются их рукописные и машинописные копии (иногда в нескольких экземплярах). К большинству показаний и протоколов имеются документы-приложения, изъятые при обысках или представленные самими обвиняемыми или свидетелями. Они располагаются либо непосредственно за протоколами, либо из них сформированы отдельные дела. Прежде всего это приказы и воззвания генерала Л.Г. Корнилова от 27–31 августа 1917 г., а также приказы Верховного главнокомандующего за период с июля по август 1917 г. Кроме того, в фонде имеется телеграфная переписка Ставки с командующими фронтами с июля по сентябрь 1917 г. и донесения из войсковых частей о положении на фронтах и о настроениях в армии.

Благодаря тому, что в сборнике представлены материалы, освещающие события с разных позиций, возможно, удастся ответить на вопрос, существовал ли заговор и «корниловский мятеж», было ли это просто недоразумением между Ставкой (Корнилов) и Временным правительством (Керенский), или же все случившееся можно объяснить «предательством Керенского», находившегося под «контролем Советов».

В ходе следствия было допрошено большое число участников и свидетелей корниловского выступления. В сборник включены показания не только ключевых фигур этих событий, но и рядовых участников и свидетелей.

Документы отличаются по стилю и по форме: это может быть пространное описание с рассуждениями о взаимоотношениях Корнилова и Керенского, анализ происходящего с предложением своих способов вывода России из кризиса (например, показание В.С. Завойко — см. документ № 22). Иногда получалось так, что авторы показаний, по сути, писали воспоминания с лирическими отступлениями от темы (например, показание М.М. Филоненко — см. документ № 65). Большинство же рядовых свидетелей говорили о своем отношении к действиям Ставки и Временного правительства, четко и достаточно подробно описывали события: направление движения войск, поведение и настроения сослуживцев и командования.

Конечно, необходимо учитывать и то, что обвиняемые и свидетели давали показания следственным комиссиям и поэтому старались представить дело таким образом, чтобы убедить следствие в своей невиновности.

Сборник состоит из четырех разделов, сформированных по названиям комиссий, которые вели следствие по делу генерала Л.Г. Корнилова:

Раздел I. Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках.

Раздел II. Петроградский окружной суд.

Раздел III. Московский окружной суд.

Раздел IV. Армейские следственные комиссии. Следственные комиссии Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Четвертый раздел разбит на подразделы: 1. Чрезвычайная следственная комиссия по делу об участниках заговора генерала Корнилова в районе Северного фронта. 2. Показания офицеров штабов о командировании их в Ставку для изучения минометов и бомбометов. 3. Следственные комиссии Советов.

В ходе следствия формировались дела на отдельных лиц. Они сохранены в сборнике как структурные единицы. Например, во втором разделе: «Дело командира 1-го кавалерийского корпуса А.Н. Долгорукова» (документы № 75–79), «Дело полковника Генерального штаба Д.А. Лебедева» (документы № 80–83); в третьем разделе: «Дело командира 14-й Донской казачьей особой сотни С.В. Овсянкина» (документы № 90–92) и др.

Документы внутри разделов расположены в алфавитном порядке фамилий допрашиваемых.

В делопроизводствах комиссий не было единообразия в оформлении протоколов допросов. Подавляющая часть документов представляет собой свободное повествование от первого лица. Исключение составляют несколько протоколов допросов в Московском окружном суде (см. документы № 81, 92), а также показания и протоколы допросов офицеров штабов (см. документы № 109, 110, 116).

Документы в сборнике систематизированы по комиссиям, которые вели следствие, поэтому в заголовках документов не указывается, где проводился допрос. К документам составлены сокращенные редакционные заголовки, в некоторых случаях оставлены собственные заголовки документов.

В комиссиях существовал следующий порядок оформления показаний. Начинал составлять документ один из членов комиссии. Например: «Протокол. 2–4 сентября 1917 г. Чрезвычайная комиссия для расследования действий генерала Корнилова и его соучастников производила допрос нижепоименованного, и он собственноручно изложил следующее...». Далее показание писал сам допрашиваемый.

В протоколах допросов Петроградского и Московского окружных судов в начале и в конце документов дается штамп и текст, вписанный в него.

Большая часть документов публикуется полностью. Иногда в ходе следствия в один день давали показания несколько человек, и при этом все оформлялось в едином протоколе допроса. В тех случаях, когда показания содержат поглощенную или повторяющуюся информацию, они опускаются, отмечаются отточием, и в текстуальных примечаниях оговаривается, чьи показания опущены. В заголовках документов фамилии лиц, чьи показания публикуются, отмечаются подчеркиванием.

Некоторые протоколы допросов (или показания) составлялись в течение нескольких дней. Это отразилось в датировке документов (например, 2–4 сентября).

Ошибки текста, не имеющие смыслового значения (орфографические ошибки, опечатки и т.п.), исправлены. Пропущенные в тексте документов и восстановленные составителями слова и части слов в тексте оговорены в примечаниях. Основная масса аббревиатур и сокращенных слов раскрыта в списке сокращений.

Непонятные места текста, не поддающиеся восстановлению или исправлению, оставлялись без изменения с оговоркой в примечаниях: «Так в тексте». В тексте документов сохранены подчеркивания только в тех случаях, когда они несут особую смысловую нагрузку (см., например, документы № 2, 7, 22, 40, 41). Отточия документов воспроизводятся без оговорок.

Объемные зачеркнутые части текста и текст, вписанный (впечатанный) над строкой, заключаются в угловые скобки. В постраничных примечаниях указывается, что текст зачеркнут или вписан (впечатан) над строкой.

Подписи под всеми документами сохранены. В случае невозможности прочтения подписи в примечаниях оговаривается: «Подпись неразборчива».

При отсутствии даты на документе она устанавливается составителем, что вместе со способом установления датировки оговаривается в примечании.

Текст каждого документа сопровождается легендой, в которой указывается: архив, номер фонда, описи, дела, листа, подлинность и способ воспроизведения.

В состав научно-справочного аппарата входят: археографическое предисловие, примечания, комментарии по содержанию, документы-приложения к сборнику, список сокращений, именной указатель, содержание. Именные комментарии и хроника событий расположены в первом томе настоящего сборника.

В постраничных примечаниях указывается: обоснование датировки, содержание опущенных частей документов, неразборчивость подписей, неисправности текста, перекрестные ссылки на публикуемые документы, примечания самого документа, даются отсылки на упомянутые в тексте документы, отсутствие или местонахождение упоминаемых в тексте документов приложений, раскрываются редко встречающиеся сокращения. В отсылках на документы сборника и приложения указываются номера томов.

Большая часть приложений к показаниям и протоколам допросов описана в комментариях.

В список сокращений внесены также сокращения, встречающиеся в именных комментариях.

Ю.Г. Орлова

В работе над сборником «Дело генерала Л.Г. Корнилова» (т. 2) принимала участие также Е.А. Данилина (компьютерный набор текста, именной указатель, список сокращений).

РАЗДЕЛ I. ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ДЕЛА О БЫВШЕМ ВЕРХОВНОМ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ГЕНЕРАЛЕ Л.Г. КОРНИЛОВЕ И ЕГО СОУЧАСТНИКАХ

№ 1
Протокол допроса старшего писаря Управления дежурного Генерального штаба главковерха Г. Акимова

7 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 7 дня член Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и других полковник Украинцев допрашивал нижепоименованного:

Ст. писарь Упр[авления] деж[урного] Ген[ерального] штаба Верховного главнокомандующего Гавриил Акимов, 25 лет, православный, по делу показываю:

Я состою товарищем председателя нашего командного комитета. О событиях я впервые мог догадаться утром 27 августа. Мы живем рядом с текинцами. Обыкновенно у них наблюдалась мирная картина, а тут я увидел, что они вооружаются, скатывают постели, выставили часового у парадных, из окна поставили пулемет, в городе были их конные патрули. После смотра уже все знали и говорили о событиях. Среди писарей некоторые радовались, большинство молчало, настроение было нервное.

Среди офицеров большинство радовалось, говорили, что теперь будет порядок. Но приходилось слышать среди офицеров и недовольство тем, что их не посвящают в события, что генерал Корнилов с ними не советовался, а отвечать придется всем. Настроение с течением времени становилось все более нервным, так как говорилось, что придет артиллерия и обстреляет Могилев, что будут отбирать подписки, за кого каждый стоит. Я не замечал, чтобы в эти дни кто-нибудь выделялся своей активной ролью, в общем жизнь текла нормально, занятия шли своим чередом. Признаков какого-нибудь заговора я не наблюдал. Могу отметить, что в Особом комитете, гарнизонном Ставки, соответствующего армейскому, в котором я также состою, на экстренном собрании 29-го числа подполковник Управления путей сообщения Голубев настоятельно уговаривал нас поддержать генерала Корнилова, даже с оружием в руках, если в этом явится надобность. Он говорил, что генерал Корнилов единственный спаситель Родины, что он за Вр. правительство не пойдет, так как [оно] работает с большевиками и немецкими шпионами на немецкое золото.

2 сентября в том же Особом комитете спрашивали подполковника Голубева его мнение по поводу речи от 29 августа. Он ответил, что шел тогда за генералом Корниловым, так как видит в нем надежду спасения России, теперь, когда выяснилось, что вся Россия не признала генерала Корнилова, то он пойдет

там, где большинство. «Я не обвинял Вр. правительство в том, что оно действует на немецкое золото, а высказывал свое мнение как свободный гражданин».

2 сентября команда наша обсуждала вопрос о том, кто из офицеров в эти дни выражает свое сочувствие генералу Корнилову, и составили такой список. Никаких определенных обвинений этим офицерам не выяснилось, и мы этот список уничтожили. Арестованный полковник Сазонов в него не вошел, и в команде даже было возмущение, что его арестовали.

Прочитано *Гавриил АКИМОВ*

Член Чрезвычайной комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 180, 180 об. Подлинник. Рукопись.

№ 2
Показание бывшего члена 1-й Государственной Думы А.Ф. Аладьина

2–4 сентября 1917 г.

Протокол

2–4 сентября 1917 г. Чрезвычайная комиссия для расследования действий генерала Корнилова и его соучастников производила допрос нижепоименованного, и он собственноручно изложил следующее.

Алексей Федорович Аладьин, бывший член 1-ой Государственной Думы; вероисповедания православного, женат, 44 года, под судом не был, но в административном порядке просидел в одиночном заключении в Казани 9 1/2 месяцев и был дважды в изгнании за границей (двадцать лет).

Я вернулся из Англии, Лондона, в Россию, Петроград, 2 августа 1917 [г.]

Немедленно по возвращении я представился М.В. Родзянко и как бывший член Государственной Думы просил его, председателя 4-й Думы, помочь мне устроить свидание с А.Ф. Керенским.

3 августа я узнал, что Верховный главнокомандующий в Петрограде. Так как в Англии я работал много и долго по изучению образования и развития британских армий и, в частности, имел поручение передать привет от командира штаба британских армий русским товарищам по оружию, то я воспользовался случаем пребывания Верховного главнокомандующего в Петрограде, представился ему на вокзале. Во время нашего свидания разговор ограничился исключительно моим отчетом о британской армии и передачей привета. Свидание длилось около четверти часа.

Мой следующий визит был к бывшему военному министру Савинкову. Цель визита — представиться и попросить позволения поехать в Ставку Верховного и объехать русский фронт. Савинков охотно дал разрешение и прибавил, что в Ставке и на фронте я должен быть гостем не только Верховного главнокомандующего, но и верховного комиссара Филоненко. Кроме этого, Савинков помог мне устроить по телефону немедленное свидание с Карташевым по вопросу о положении церкви и готовившегося в Москве Собора[1]. Свидание с Савинковым закончилось моей просьбой помочь мне устроить свидание с А.Ф. Керенским. Не теряя времени, я представился верховному комиссару Филоненко. Свидание ограничилось простым знакомством друг с другом.

Мой следующий визит был к министру иностранных дел Терещенко. Разговор касался исключительно положения России за границей и закончился опять-

таки просьбой помочь мне устроить свидание с А.Ф. Керенским. Моя настойчивость для получения свидания объясняется тем, что на личное обращение по телефону о возможности свидания я получил короткий ответ, что А.Ф. Керенский не располагает временем для свидания, о котором я просил, ответ был дан адъютантом. После свидания с министром иностранных дел я выехал в Москву на Государственное совещание[2].

Когда в Москву приехал Верховный главнокомандующий, я явился к нему с визитом на вокзал и потом провожал его при отъезде. Во время моего свидания с ним разговор шел исключительно о Государственном совещании как отражении политического состояния России. Верховный[I] пригласил меня приехать в Ставку. В поезде Верховного был также верховный комиссар Филоненко. Я сообщил последнему о своем намерении приехать в Ставку и получил от него пригласительное письмо, переданное в данный момент в руки Комиссии[II].

Я выехал в Ставку 14 августа, прибыл туда 18-го, был встречен на вокзале Филоненко, поехал к нему на квартиру, где и провел ночь с 18-го на 19-е.

18 августа я обедал у Верховного главнокомандующего, где и получил приглашение остаться на более продолжительное время и ознакомиться с состоянием русских армий. Это приглашение я принял и на следующий день, т.е. 19 августа, выехал в Москву, чтобы начать там подготовку моей поездки на Волгу, захватить необходимые вещи из моего багажа и вернуться в Ставку.

По дороге в Ставку 17 августа мне представился в штабном вагоне Иван Александрович Добрынский, визитную карточку которого прилагаю[III]. На ней сделаны пометки моей рукой со слов самого Добрынского. Что делал в Могилеве Добрынский, мне не известно. На возвратном пути в Москву в штабном вагоне я опять встретился с Добрынским. Наши разговоры ограничивались обычным обменом впечатлений о Московском собрании и его последствиях.

В Москве я остановился в «Национальной» гостинице. Там же, после некоторых затруднений из-за недостатка комнат, остановился и Добрынский. 21 августа Добрынский явился ко мне и сказал, что Владимир Николаевич Львов едет немедленно в Петроград для переговоров с А.Ф. Керенским и что было бы желательно для меня повидаться с ним.

Я встретился с В.Н. Львовым в номере, занимаемом им в «Национальной» гостинице. Львов мне сказал, что он близкий личный друг А.Ф. Керенского, что его намерение тотчас ехать в Петроград и попробовать убедить А.Ф. Керенского изменить состав кабинета в направлении образования коалиционного кабинета. Я согласился, что подобная реформа желательна, пожелал Львову успеха и удалился. Свидание длилось около четверти часа. Львова я не знал и серьезных результатов от его поездки не ожидал.

23 августа Добрынский пришел ко мне и заявил, что Львов вернулся с полномочиями от А.Ф. Керенского, что они вместе с Добрынским выезжают в Ставку и что я должен повидаться со Львовым в четыре часа дня. В указанное время я застал Львова у него в номере. Львов заявил мне, что он виделся с А.Ф. Керенским и получил от него полномочия заявить, что:

1-ое. А.Ф. Керенский согласен на переговоры с Верховным главнокомандующим; 2-ое, что переговоры должны вестись через него, В.Н. Львова; 3-е, что

I Верховный — здесь и далее в тексте имеется в виду Верховный главнокомандующий.

II В делах фонда 1780 письмо не обнаружено.

III Визитную карточку И.А. Добрынского см.: ГА РФ. Ф.1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 115. На визитной карточке сделаны пометы: «10 марта. [Неразборчиво], село Золотуха. Астраханской губ. Явсотосевского уезда села Балхунов».

А.Ф. Керенский согласен на переформировку кабинета в направлении сделать его коалиционно[I] народным; 4)[II] что для этого должна быть выработана определенная программа работы; 5) выставлены определенные требования состава кабинета; 6) что переговоры должны вестись негласно.

Последнее требование Львов мотивировал тем, что А.Ф. Керенский опасается за свою жизнь, если о переговорах узнают раньше, чем переговоры закончены. В предложении Львова я не нашел ничего нежелательного, но так как я не знал Львова, то не решился дать ему письмо к Верховному главнокомандующему, а дал только письмо к В.С. Завойко с перечислением пунктов полномочий В.Н. Львова, предложением рассмотреть эти полномочия и доложить о них, если они окажутся серьезными. Львов уехал в Ставку 23 августа.

Я закончил мои дела в Москве, как и намеревался это сделать при выезде из Ставки, к 24 августа и вечером 24-го выехал в Могилев. Туда я прибыл 25 августа и остановился в качестве гостя Верховного у него в Ставке. Львова в Ставке я уже не застал. Мне сказали, что Львов уехал в Петроград для продолжения переговоров.

26 августа я виделся с Филоненко сначала у него на квартире, а потом у Верховного главнокомандующего. Вполне естественно, что под впечатлением возможности скорого начала переговоров А.Ф. Керенского и Ставки о переустройстве кабинета разговоры шли на тему коалиционного правительства. Как политический деятель с сравнительно широким опытом я относился к разговорам просто как к материалу для момента, когда стороны встретятся и начнут уже не разговоры, а переговоры.

26-го вечером Верховный главнокомандующий имел разговор по аппарату с А.Ф. Керенским[III], при котором получилось впечатление, что А.Ф. Керенский решил приехать с Савинковым в Ставку для переговоров.

27-го утром Верховный неожиданно получил телеграмму об отставке[IV]. Излишне говорить о впечатлении от этой телеграммы, предыдущие события шли в вразрез самой возможности такой телеграммы.

Конфликт разразился в момент, когда было впечатление, что соглашение достигнуто. Передо мной встала дилемма — уехать из Ставки или остаться. Меня никто не задерживал, я мог уехать свободно. Я решил остаться. Мои мотивы были следующие: 1-ое, предотвратить конфликт я был бессилен; 2-ое, оставаясь в Ставке, я мог надеяться, что моя опытность, как политического деятеля, может и должна помочь свести конфликт до минимума интенсивности и остроты; 3-е, во имя блага родины я чувствовал, что моя обязанность не уклоняться, а принять на себя ответственность.

Я это и сделал. Опасность подобного шага для меня была ясна. Ее я не боялся. При старом режиме я боролся за благо народа 24 года, из которых я провел около года в одиночке и 20 лет в изгнании (два раза). Когда жизнь отдана на служение народу, об опасности не думают. За время нескольких дней конфликта я ни на минуту не уклонялся от наблюдения за его деталями и льщу себя надеждой, что бескровный исход конфликта зависит, хотя бы и в малой доле, от моего неустанного наблюдения и участия.

[I] Так в тексте.

[II] Так в тексте. Здесь и далее в тексте пункты обозначены: *«4)»; «5)» и т.д.*

[III] Запись разговора по прямому проводу А.Ф. Керенского с Л. Г. Корниловым 26 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 40–41. Опубл.: Революционное движение в России... С. 443.

[IV] См. документ № 1 — т. 1.

Избегать ответственности я не желаю, но как общественный деятель, которого знает Россия, Англия и Америка, считаю долгом заявить, что ни в каких заговорах я не участвовал и не мог участвовать, что для себя лично я ничего не искал и в своих действиях и поступках руководился исключительно благом родины, на алтарь свободы которой я принес лучшую часть моей жизни.

Данное заявление написано по требованию Следственной комиссии.

К этому заявлению я прилагаю: a) карточку визитную Добрынского; b) пункты полномочий В.Н. Львова от А.Ф. Керенского[3], набросанные моей рукой[1] в номере Львова в «Национальной» гостинице, в Москве, 23 августа 17 [г.]

Алексей Аладьин, член I Государственной Думы

P.S. Считаю долгом прибавить, что ни к каким партиям я не принадлежу и ни в каких обществах, союзах и т.д. не участвовал и не участвую.

Алексей Аладьин

В дополнение к моему показанию считаю долгом прибавить следующие пункты.

1-ое. После Московского собрания для меня стало вполне ясным, что в России образованы три пункта концентрации левых сил: a) правительство, опирающееся на элементы левые; b) торгово-промышленные классы и землевладельческие группы вместе с организованными партиями центра и правой (кадеты и т.д.) и c) армия народная. По моему мнению, правительство не пользовалось необходимым доверием торгово-промышленных классов, землевладельческой группы, партии центра и командного состава армии. Такое положение я считаю не только ненормальным, но и исключительно опасным. Исходя из такого взгляда, я немедленно начал из разговоров с общественными деятелями и людьми, пользующимися доверием в обществе, выяснять себе, возможно или нет соглашение трех пунктов концентрации левых сил страны. Скоро я убедился, что непреодолимых препятствий на пути нет. Считая, что Россию может спасти только соглашение между тремя указанными элементами, я решил направить свою работу всецело на достижение такого соглашения.

2-ое. Почему В.Н. Львов решил обратиться ко мне?

Точно сказать не могу, потому что у Львова об этом не спрашивал. Но думаю, и у Львова могли иметься в руках следующие элементы:

a) на Московском собрании я был принят бывшими товарищами по общественной деятельности и новыми деятелями вполне удовлетворительно;

b) газетный мир меня знал;

c) мое посещение Верховного во время его приезда в Москву было в газетах описано;

d) поэтому я не уди[ви]лся, что Львов мог обратиться ко мне перед его первой поездкой в Петроград.

Рассчитывал Львов найти во мне поддержку достижению его личных желаний?

Вполне возможно и это. Несомненно, что у Львова был примерный список министерств будущего, и несомненно тоже, что он рассчитывал на участие в министерстве в качестве министра внутренних дел. К его списку министерств и к его личному желанию я отнесся абсолютно без какого бы то ни было серьезного внимания, зная, что министерские портфели не получаются только потому, что их хочется получить.

---

[1] Далее зачеркнуто: *«у»*.

Почему вообще я пошел повидаться со Львовым?

Его прошлое обер-прокурора Святейшего Синода было достаточно для того, чтобы я мог отнестись к нему не как к первому встречному. Роль Добрынского ограничилась исключительно представлением меня Львову.

3-е. Присутствовал ли я при переговорах бывшего военного министра со Ставкой?

Нет, не присутствовал и не мог присутствовать, потому что не был в Ставке. Даже о содержании этих переговоров ничего не знал до момента, когда они были показаны мне[I] занесенными на бумагу лицами, участвовавшими в них, каковой момент был после телеграммы генерала Алексеева о его приезде в Ставку. Я ехал в Ставку с полной уверенностью, что переговоры с Петроградом не только возможны, но и, вероятно, начались уже. Разговор Верховного главнокомандующего по аппарату с А.Ф. Керенским 26 августа и обещание А.Ф. Керенского приехать вместе с Савинковым в Ставку для переговоров совершенно укрепили во мне уверенность, что дело объединения разрозненных элементов левых сил страны на правильном и прочном пути, поэтому я не мог даже интересоваться предыдущими событиями, такими, как переговоры Савинкова со Ставкой.

4-е. Присутствовал ли верховный комиссар Филоненко 26 августа у Верховного главнокомандующего и участвовал ли в разговоре о возможном составе министерства?

Да, присутствовал и в разговоре о возможном составе министерства участие принимал. В этом ничего странного я не усмотрел, потому что я был гостем и Верховного главнокомандующего, и верховного комиссара, последнее по предложению военного министра Савинкова.

К разговору о министерском возможном составе я отнесся серьезнее, чем, например, к листу Львова, но и этот разговор я считал материалом и только материалом для будущих переговоров Верховного главнокомандующего, А.Ф. Керенского и Савинкова. Мое имя упоминалось в связи с Министерством иностранных дел, но я категорически указал, что такого поста не желал бы, а предпочел бы работать, если обстоятельства того потребуют, в связи с гражданской деятельностью Ставки. Имя Филоненко упоминалось в связи с Министерством иностранных дел тоже. Но еще раз повторяю, что разговор был именно разговором на тему, каким путем создать истинно представительный кабинет. Упоминались имена из торгово-промышленного мира, из партии кадетов и прочее. Разговор должен был дать только материал для переговоров Верховного главнокомандующего с А.Ф.[II] Керенским и Савинковым, которые должны были, судя по разговору по аппарату, приехать на другой день, т.е. 27 августа.

5-е. Присутствовал ли я при переговорах Львова и Верховного главнокомандующего?

Нет, не присутствовал и точнее узнал об их содержании только уже после телеграммы Керенского о смене главнокомандующего. Они меня мало интересовали сами по себе, потому что из всех разговоров с Верховным главнокомандующим я знал, что Верховный главнокомандующий искал только одного — соглашения с правительством об изменении состава кабинета в направлении истинно народного кабинета. И раз я знал, что переговоры начались, что стороны встретятся, в полном соглашении я не сомневался, и подробностями простых разговоров до встречи заинтересованных сторон, каковыми я считал только

[I] Слова *«показаны мне»* вписаны над строкой.

[II] Далее зачеркнуто: *«Савинковым»*.

Верховного главнокомандующего и правительство, я мало интересовался и не старался запомнить их или записать.

На одном я должен абсолютно настоять, и я уверен, что мое утверждение будет поддержано всеми, с кем я когда-либо говорил в[1] Москве или Ставке: для себя лично никаких министерских постов не требовал и ни на какое место себя лично ни прямо, ни косвенно не предлагал.

Что я знал о корпусе генерала Крымова?

Я абсолютно не знал, когда и при каких условиях зародилось намерение послать корпус генерала Крымова, не знал, когда намерение это сделать превратилось в решение это сделать, не знал также, кем было принято это решение и с какой целью. Мне не было известно, когда корпус генерала Крымова двинулся в путь, не знал я также ничего о составе этого корпуса...

О корпусе Крымова я услышал, когда была получена телеграмма об отставке Верховного главнокомандующего, т.е. когда между Ставкой и корпусом Крымова не было никакой решительно связи, и, насколько мне известно, связь между Ставкой и корпусом Крымова почти и не была восстановлена вплоть до приезда генерала Алексеева.

О роли бывшего министра Савинкова в посылке корпуса генерала Крымова я узнал только от участников переговоров Ставки с Савинковым.

Желал ли Верховный абсолютной власти для себя самого?

По моему глубокому убеждению, нет. Если бы он мечтал о власти для себя самого и я об этом знал, я оставил бы немедленно Ставку и сделал все зависящее от меня, чтобы такие мечтания в жизни не осуществились. Даже больше, мне достоверно известно, что Верховный главнокомандующий был готов заплатить своей жизнью за установление власти сильной и прочной, если бы только правительство сделало это даже без участия его главнокомандующего. Обвинять человека в захвате власти, когда этот человек готов заплатить своей жизнью за установление власти сильной и прочной, бессмысленно.

Не находил ли я странным присутствовать при Верховном главнокомандующем в такие серьезные минуты, как получение телеграммы об отставке?

Нисколько. Я через Львова участвовал в начале переговоров Ставки с правительством в лице Керенского. Реальность таких переговоров была подтверждена переговором Верховного главнокомандующего с А.Ф. Керенским 26 августа. Было бы по меньшей степени странным, если бы Верховный главнокомандующий не сообщил мне немедленно о резком, неожиданном перерыве переговоров и получении телеграммы об отставке.

А после того, как конфликт разразился, самый факт, что я не уехал из Ставки, должен был укрепить доверие Верховного главнокомандующего ко мне, и я льщу себя надеждой, что его высокопревосходительство включил меня, гостя, в свой семейный круг как личного друга.

Что делала Ставка после того, как конфликт разразился?

Поскольку мне известно, деятельность Ставки ограничилась опубликованием заявлений о причинах решения Верховного главнокомандующего не оставлять свой пост. Да большего они и не могли ничего делать, потому что связь с миром внешним и армиями, кроме оперативной части, была прекращена. Разумеется, Ставка могла бы проявить себя активно местно, т.е. в городах, с которыми связь не прекращалась. Но тут и проявились не только мудрость, но и глубокий государственный смысл Верховного главнокомандующего, когда он даже отказался серьезно считаться с возможностью вызвать явления местного

[1] Далее зачеркнуто: *«Петрограде»*.

характера. Этим решением и объясняется бескровный исход всего конфликта. Кроме того, считаю долгом заявить, что если бы Верховный главнокомандующий ушел со своего поста по получении телеграммы, не известив об этом ни армии, ни нового Верховного, генерала Клембовского, несомненно, настал бы момент безвластия из-за отказа Лукомского и Клембовского со всеми его последствиями. Не нужно забывать, что вплоть до момента объявления себя[1] А.Ф. Керенским Верховным главнокомандующим пост генерала Корнилова оставался незанятым.

Участвовал ли я в мерах, принятых Ставкой в Могилеве?

Нет, не участвовал и не мог участвовать: Могилева я не знал, все время провел в Ставке, практически не выходя оттуда.

Каким образом мог я немедленно после возвращения из-за границы после одиннадцати лет изгнания сразу войти в круг общественных деятелей?

Просто потому, что Россия не забывает тех, кто боролся за ее свободу. К тому же Московское совещание помогло. Оно усилило впечатление неудовлетворительности состава кабинета, и все деятели были готовы встретиться с теми, у кого есть имя, и обсуждать возможности будущего.

В протоколе сделаны следующие поправки, примечания и надписи:

На странице 18-ой надписано «от А.Ф. Керенского» над третьей строкой сверху.

В дополнении к протоколу, на странице 2-ой надписаны слова «показал мне» над третьей строкой снизу.

На странице 4-ой, зачеркнуто «Савинков» в 10-й строке сверху и «Петрогр» во второй строке снизу.

На странице 7-ой надписано «себя» в строке 11.

Алексей АЛАДЬИН, член 1-ой Государственной Думы

Член Комиссии КОЛОКОЛОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 91–112 об. Автограф.

№ 3

Показание начальника Штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева

7 сентября 1917 г.

Протокол

7 сентября 1917 года член Чрезвычайной комиссии по расследованию действий ген. Корнилова и др. Н.А. Колоколов производил допрос нижепоименованного, и он показал:

Михаил Васильевич Алексеев, 60 лет, православный, генерал от инфантерии, начальник Штаба Верховного главнокомандующего, по делу объясняю.

1. Направление III конного корпуса в окрестности Петрограда состоялось по взаимному соглашению генерала Корнилова и г. Савинкова, представителя Временного правительства. Соглашение это не было, по-видимому, облечено в письменную форму, а ограничилось словесным заявлением г. Савинкова. Во всяком случае, неоспоримо, что движение корпуса было вызвано внутренними

[1] Слово *«себя»* вписано над строкой.

политическими причинами и вполне отвечало целям и желаниям министра-председателя и Временного правительства.

2. При такой постановке вопроса не может быть речи о том, как могло отразиться направление корпуса к Петрограду на нашем военном положении. Раз внутреннее положение государства требовало усилия войск в Петрограде, фронт должен был найти средства для выполнения воли Временного правительства. Но III-ий конный корпус находился во 2-ой половине августа в резерве, и движение его к Петрограду не ослабляло фактически силы нашей обороны на фронте. Нужно прибавить и то, что, по-видимому, вслед за прибытием III-го конного корпуса в окрестностях Петрограда должна была формироваться особая армия для обороны столицы и, вероятно, Финляндии. Заключаю об этом по фактам командирования из Могилева вместе с ген. Крымовым ген. Дитерихса, предназначенного на должность начальника штаба будущей армии. Необходимость этой особой армии подсказывается стратегической обстановкою второй половины августа и настоящих дней.

3. 26 августа я выехал из Петрограда в Смоленск, но в пути получил телеграмму министра-председателя, предлагавшую мне немедленно по неотложному делу прибыть в Петроград экстренным поездом.

В 1 час ночи на 28 августа я прибыл в Петроград и был встречен В.В. Вырубовым и вместе с ним отправился в Зимний дворец к министру-председателю. От В.В. Вырубова получил первые сведения о событиях. В Зимнем дворце встретил члена Союза казачьих войск. Член Союза передал мне, что 28 августа они предполагают, с согласия А.Ф. Керенского, ехать в Могилев для того, чтобы найти почву для соглашения Временного правительства с ген. Корниловым, чтобы избежать дальнейших недоразумений, могущих иметь тяжкие для России последствия.

Министр-председатель кратко объяснил мне обстановку и высказал, что за отчислением ген. Корнилова от должности Верховного главнокомандующего мне предлагается принять эту должность. Я попросил дать мне для прочтения документы, характеризующие положение дел. Мне представлен был ряд телеграмм и переговоров по аппарату Юза. Документы были неполны, не было нескольких, по-видимому, существенной важности телеграмм, но и наличный материал давал полное основание для выводов:

1) что у ген. Корнилова существовали ранее переговоры как с министром-председателем, так и с г. Савинковым;

2) что в этих переговорах принял участие В.Н. Львов, по чьей инициативе явился он в Могилев, узнать было нельзя;

3) переданное словесно В.Н. Львовым А.Ф. Керенскому ультимативное требование не было совершенно проверено при переговорах по Юзу в смысле точности и безошибочности содержания и изложения;

4) отчисление ген. Корнилова от должности Верховного главнокомандующего последовало, по-видимому, после изложения В.Н. Львовым требований ген. Корнилова.

Принимая во внимание, что в документах много было неясного, недоговоренного, что, по моему мнению, смена в такие минуты Верховного главнокомандующего могла гибельно отозваться на самом существовании армии, мало устойчивой и прочной, я решительно отказался от принятия должности Верховного главнокомандующего и высказал свое убеждение, что в переживаемые минуты дело нужно закончить выяснением недоразумений, соглашением и оставлением ген. Корнилова в должности, чтобы избавить армию от толчков и пагубных потрясений.

Министр-председатель ответил, однако, что теперь никаких соглашений с ген. Корниловым быть не может. От министра иностр[анных] дел М.И. Терещенко я услышал, что уже послана телеграмма по всем линиям железных дорог о том, что ген. Корнилов изменил России и ее правительству и потому никакие приказания его по линии железных дорог не должны быть выполняемы. Автором этой телеграммы, разрушающей всякую возможность выяснить недоразумение и прийти к соглашению, был Н.В. Некрасов. Говорили, что от него уже исходили распоряжения о порче железных дорог, по которым двигались дивизии III конного корпуса, не останавливаясь перед производством крушения поездов.

В Зимнем дворце я был задержан до 7 ч. 15 м. утра. Там же в это время я узнал, что ген. Корнилов обратился с воззванием к русскому народу[I], но текста этого воззвания я еще не читал.

Так как представлялось весьма вероятным, что в этом деле ген. Корнилов действовал по соглашению с некоторыми членами Временного правительства и что только в последние дни, 26 и 27 августа, это соглашение или было нарушено, или народилось какое-то недоразумение, в 3 часа дня 28 августа П.Н. Милюков и я отправились еще раз к министру-председателю, чтобы сделать еще попытку склонить его к командированию в Могилев нескольких членов правительства и П.Н. Милюкова для выяснения и соглашения или уже, в крайнем случае, к продолжению переговоров по аппарату Юза. Но в этом было решительно отказано. Никаких переговоров с ген. Корниловым после 26 августа и [в] ночь на 27-е число не велось. Вечером 28-го числа я узнал, что была решительно отклонена поездка в Могилев представителей Союза казачьих войск.

От ген. Корнилова ожидалось полное подчинение Временному правительству. Хотя распоряжением министра-председателя временное верховное командование было передано ген. Клембовскому, но последний фактически едва ли мог осуществить это распоряжение и телеграммою просил освободить его от возложенных обязанностей[II].

Начинался распад верховного управления: Временное правительство запретило исполнять какие бы то ни было распоряжения ген. Корнилова и приостановило все перевозки войск, совершаемые по соображениям стратегическим; ген. Клембовский ответил, что он не может взять на себя одновременное управление и своим фронтом, и всеми армиями, тем более оставаясь в Пскове. Главнокомандующие оставались без указаний свыше, тревожно спрашивали министра-председателя, чьи распоряжения они должны выполнять. Этим периодом распада власти мог воспользоваться противник.

Это побудило меня принять утром 30 августа предложение вступить в должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего. Верховное командование принимал на себя А.Ф. Керенский.

Я высказал свои условия вступления в должность и принял обязательство после переговоров по аппарату Юза с ген. Корниловым[III] вполне спокойно пе-

---

[I] Воззвание Л.Г. Корнилова к русскому народу см.: Д. 60. Л. 52. Опубл.: Революционное движение в России... с. 446. (См. приложение № 3 — т. 2).

[II] Телеграмму министра-председателя А.Ф. Керенского главнокомандующему Северным фронтом В.Н. Клембовскому о назначении его временно исполняющим должность Верховного главнокомандующего и телеграмму В.Н. Клембовского об отказе от этой должности см.: Д. 60. Л. 59, 77. Опубл.: Революционное движение в России... С. 455–456.

[III] Запись разговора по прямому проводу генерала М.В. Алексеева с Л.Г. Корниловым 30 августа см.: Д. 10. Л. 78–86 об. Опубл.: *Мартынов Е.Н.* Корнилов (Опыт военного переворота). М., 1927. С. 191–193.

рейти к новому командованию при условии, что я не замедлю своим приездом в Могилев и что никакие войска не будут направлены чьим-либо распоряжением в этот пункт. Переговоры эти происходили в 2 часа дня и в 8 час. веч[ера] 30 августа.

31-го числа я выехал в Могилев и в Витебске узнал, что распоряжением А.Ф. Керенского в гор. Орше собирается отряд полк. Короткова для действий против Могилева и для ареста ген. Корнилова и других лиц. Пришлось остановиться в Витебске и Орше, чтобы приостановить возможность столкновения.

В 3 часа дня 1 сентября я прибыл в Могилев и тотчас же по аппарату из Москвы получил от ген. Верховского такое извещение: «Сегодня выезжаю в Ставку с крупным вооруженным отрядом для того, чтобы покончить то издевательство над здравым смыслом, которое до сих пор имеет место. Корнилов, Лукомский, Романовский, Плющевский-Плющик, Пронин и Сахаров должны быть немедленно арестованы и препровождены. Это является целью моей поездки, которую считаю совершенно необходимой. Вызвал Вас к аппарату, надеюсь услышать, что эти аресты уже произведены»[1].

В то же время по другому аппарату из Петрограда говорил А.Ф. Керенский, что «за сутки был получен целый ряд сообщений устных и письменных, что Ставка имеет большой гарнизон из всех родов оружия, что она объявлена на осадном положении, что на 10 верст в окружности выставлено сторожевое охранение, произведены фортификационные работы с размещением пулеметов и орудий... Я, принимая всю обстановку во внимание, не считал возможным подвергать Вас и Следственную комиссию возможному риску и предложил Короткову двигаться»[4].

Из всех сообщений, полученных А.Ф. Керенским, справедливым было одно: Могилев и окрестности радиусом на 10 верст объявлены на осадном положении[5]. Все остальное был вымысел, подсказываемый тем, что у страха глаза велики.

Чья-то злая воля толкала войска на Могилев. Если Верховский выражал надежду, что ген. Корнилов и другие арестованы, то зачем же он стремился в Могилев с 14 эшелонами войск? Для чего, до моего доклада, были двинуты из Орши части отряда полк. Короткова и дошли своими головными частями до ст. Лотва (около 20 верст от Могилева)?

Должен засвидетельствовать, что ген. Корнилов, согласно обещанию по аппарату, беспрепятственно передал командование над армиями, не выразил даже протеста против ареста. Что касается гарнизона, то войска его оставались совершенно спокойными в своих казармах, не делая никаких приготовлений к встрече двигающихся войск. Нехорошее возбуждение существовало только в Совете солдатских депутатов гарнизона под влиянием председателя и нескольких солдат. Пришлось призвать к спокойствию и порядку.

Направление дела о ген. Корнилове, сведения о событиях в Бердичеве создали среди чинов Штаба Верховного главнокомандующего столь тяжелую атмосферу, что в связи с некоторыми другими причинами я вынужден был вечером 5 сентября просить Верховного главнокомандующего освободить меня от моих обязанностей, так как нравственное мое состояние исключает возможность спокойной, плодотворной работы.

По общему убеждению, ген. Корнилов не поднимал руки против государственного строя, он стремился только к созданию власти сильной, рабочей,

---

[1] Цитируется разговор по прямому проводу генерала А.И. Верховского с генералом М.В. Алексеевым 1 сентября 1917 г. Запись разговора см.: Д. 10. Л. 106–107.

умелой; он ничего не желал для себя, был готов работать с теми, кто был бы способен спасти родину и вывести ее из того тупика, в который она попала.

В этом стремлении к благу родины заключается причина, в силу которой на стороне ген. Корнилова симпатии многих. Страдая душой вследствие отсутствия власти сильной и деятельной, вследствие проистекающих отсюда несчастий России, я сочувствую идее ген. Корнилова и не могу пока отдать свои силы на выполнение должности начальника Штаба, сознавая полную беспомощность водворить порядок в войсках и вернуть им боевую мощь.

Генерал от инфантерии Мих[аил] АЛЕКСЕЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 2–5. Автограф; Д. 12. Л. 1–4. Копия. Машинопись.

№ 4
Показание начальника Штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева

7 октября[6] *1917 г.*

Протокол

7 октября 1917 года в Петрограде Чрезвычайная комиссия для расследования дела о б[ывшем] Верховном главнокомандующем ген. Корнилове дополнительно допрашивала нижепоименованного, и он показал:

Генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев.

В дополнение к показанию моему, данному члену Чрезвычайной следственной комиссии Н.А. Колоколову, представляю в распоряжение Комиссии имеющиеся у меня документы, относящиеся к делу генерала Корнилова. Документы эти состоят из переговоров по телеграфному аппарату Юза, веденных мною 30 августа — 1 сентября 1917 г.

1) 30 августа с генер. Корниловым 1–8 листы
2) 30 августа с генер. Корниловым 9 лист
3) 1 сентября с генер. Лукомским 10–27 листы.
4) 1 сентября с генер. Верховским 28–29 листы.
5) 1 сентября с А.Ф. Керенским 30–35 листы.
6) 1 сентября Вырубова с А.Ф. Керенским 36 лист.
7) 1 сентября с полк. Барановским 37–39 листы[1].

В пояснение этих переговоров показываю:

В ночь с 26 на 27 августа генерал Корнилов отрешен от должности Верховного главнокомандующего; во все армии и подчиненные ему округа были посланы приказания Временного правительства не исполнять распоряжений Верховного главнокомандующего; перевозки войск, производимые по оперативным соображениям, приостановлены распоряжением из Петрограда. 27 августа главнокомандующий Юго-Западным фронтом и все старшие чины, ведающие оперативной и продовольственной частью этого фронта, арестованы; власть перешла в руки малоопытных лиц и импровизированного штаба; почти то же произошло в Особой, I и VII армиях. Главнокомандующий Сев[ерным] фронтом генерал

[1] Приложения к показанию см.: № 1 — ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 78–85; № 2 — Там же. Л. 86, 86 об.; № 3 — Там же. Л. 87–104; № 4 — Там же. Л. 106–107; № 5 — Там же. Л. 109–114; № 6 — Там же. Л. 116; № 7 — Там же. Л. 118–120. Телегр. бланки.

Клембовский, получив приказание вступить временно в исполнение обязанностей Верховного главнокомандующего, просил освободить от этого поручения, так как, оставаясь во Пскове, не имея непосредственно связи с фронтами, не будучи освобожден от командования армиями Сев[ерного] фронта, он фактически не мог управлять всеми армиями, не зная притом намерений и распоряжений ген. Корнилова. Не мог не знать ген. Клембовский и того, что ген. Корнилов отказался сложить с себя обязанности Верховного главнокомандующего, хотя распоряжения его армиями уже не исполнялись, да, как кажется, и не получались, так как на телеграфе перехватывались армейскими комитетами.

Вот поистине ужасающая картина высшего военного управления в течение 27—30 августа, а вернее, вплоть до вечера 1 сентября. Общего руководства не существовало вовсе, и если бы в этот период неприятель начал широкую наступательную операцию, дело окончилось бы катастрофой. Но общее внимание в эти дни было обращено на борьбу с ген. Корниловым; о неприятеле как будто забыли.

По этой-то причине я, насколько умел, убеждал министра-председателя как ночью с 27 на 28 августа, так и в 15 час. 28-го числа не менять Верховного главнокомандующего и не ставить на край гибели существование армии. По этой же причине 30 августа, по принятии должности начальника Штаба Верховного главнокомандующего, я вызвал ген. Корнилова к аппарату Юза, прежде всего просил не прерывать оперативной деятельности (лист 2-ой документов, лист 6-ой оборотная сторона, лист 7-ой).

Вполне признавая необходимость этого, ген. Корнилов указал на необходимость вывести начальников из опасного и неопределенного положения, сообщив им, чьи распоряжения ими должны исполняться (лист 4-ый, лист 8-ой — особенно).

Результатом этого разговора (документ № I в целом) и моего доклада его Верховному главнокомандующему А.Ф. Керенскому было распоряжение (циркулярное) от 30 августа, что ген. Корнилов обязуется до приезда в Могилев ген. Алексеева руководить операциями армий и что стратегические перевозки войск по железным дорогам надлежит выполнять согласно предположений (за исключением некоторых). Телеграмма эта была ген. Корниловым получена, распоряжения им сделаны (документ № II, лист 9). Но положение вопроса высшего управления армии от этого не улучшалось. Указанное выше распоряжение было дискредитировано ранее разосланными телеграммами, воззваниями правительства, подорвавшими окончательно значение и власть ген. Корнилова (документ № I, лист 6-ой); «смута» в войсках была уже доведена до крайности, и фактически армии оставались без общего управления до минуты моего приезда в Могилев 1 сентября.

Обстоятельства требовали моего скорейшего прибытия в Могилев, и я просил отправить меня в 6 час. у[тра] 31 августа, чтобы к ночи того же числа прибыть по назначению (лист 9). Но ожидалось прибытие в Петроград ген. Крымова. Мне необходимо было видеть его и выслушать его доклад о состоянии и месте нахождения частей его корпуса. Это задержало меня в Петрограде до 10 час. 31 августа (лист 17). Крайне неутешителен был доклад ген. Крымова: под влиянием идущих из Петрограда распоряжений и агитации (посылка делегаций) дивизии корпуса нравственно развалились и едва ли были пригодны к работе даже в том случае, если в деятельности их встретилась бы надобность даже в интересах самого Временного правительства в Петрограде. Безнаказанно нельзя разрушать войсковой порядок и ставить солдата в ложное положение. Ген. Крымов цитировал мне свой приказ, из коего я вывел заключение, что им не предъ-

являлось никаких требований идти против Временного правительства (ссылка на этот приказ на листе 32 документов). Нравственное разложение прочного дотоле корпуса произвело угнетающее впечатление на ген. Крымова.

На пути я видел несколько эшелонов Кавказской туземной дивизии: всадники были сбиты с толку развращенными солдатами кадра, т.е. русскими писарями, обозными и другими нестроевыми, настроение которых было скверное.

Перед отъездом в Могилев, вечером 30 августа, я доложил новому Верховному главнокомандующему, А.Ф. Керенскому, что ручаюсь за вполне спокойный исход дела в Могилеве, беспрепятственное вступление в должность (лист 31-ый документов). За это ручался характер моих разговоров с ген. Корниловым, изложенных в документах № I и № II. Но уже на пути настигали слухи, что в Могилеве расклеены какие-то объявления, что я ожидаюсь в качестве уполномоченного для переговоров, а в Витебске ко мне явились три представителя местного Совета раб[очих] и солд[атских] депутатов, из беседы с которыми я выяснил, что:

1) В г. Орше собирается отряд полк. Короткова для действий против Могилева. Депутаты показали мне перехваченную на телеграфе в Витебске телеграмму, адресованную А.Ф. Керенским полк. Короткову, кажется, за № 525. Телеграмма предписывала отряду двинуться к Могилеву и там действовать по указанию В.В. Вырубова и председателя Чрезвычайной следственной комиссии.

2) Во все это дело вмешались Советы раб[очих] и сол[датских] депутатов и распоряжались войсками. Депутаты в Витебске говорили мне: «Мы собираем 1 1/2 тысячи штыков и 16 орудий. Так как у нас нет такого количества штыков, то мы обратились с просьбою к Смоленскому Совету Р. и С. деп[утатов] и получили обещание помощи...» Такое самочинное и вполне неумелое вмешательство не обещало ничего доброго. Напротив, грозило тяжкими последствиями.

3) Совет Витебский получал массу сведений из Могилева. Там, видимо, шпионил всяк, кто хотел. Но общий характер сведений относился к области сплетен; однако на них строились распоряжения.

Наиболее опасным представлялось указание А.Ф. Керенского полк. Короткову действовать в Могилеве, где я являлся бы старшим и ответственным начальником, по распоряжению г. Вырубова и председателя Следственной комиссии. Я вообще не мог допустить вооруженного столкновения в Могилеве, ибо это явилось бы преступлением и совершенно не вызывалось положением дел. Никоим образом я не мог бы допустить того, чтобы события развивались помимо меня и я явился бы только жалким зрителем их. Все это нужно было выяснить путем переговоров со Штабом Верховного главнокомандующего. На это ушла в Витебске вся ночь с 31 августа на 1 сентября. Документ № III заключает в себе разговор с ген. Лукомским. Выводы из разговора:

1) Меня ожидают как полномочного руководителя армии (лист 23).

2) Никакого сопротивления в Могилеве не готовится. Но столкновение возможно, если туда будут введены или подведены войска из других пунктов (листы 23 и 24).

3) Следовательно, и ген. Корнилов готов передать себя в распоряжение следственных властей.

Приказав отменить формирование в Витебске двух батарей из 7-го запасного артиллер[ийского] дивизиона и задержать отправление посаженных в вагоны 320 пехотинцев (к тому же неорганизованных), я поспешил в Оршу, чтобы предотвратить движение на Могилев частей отряда полк. Короткова. Думаю, что отчет о действиях и существовании этого отряда уже представлен полк. Коротковым в Штаб Верховного главнокомандующего.

За короткое время моего пребывания в должности начальника Штаба я приказал этот отчет представить и получил ответ, что приказание будет исполнено. В Орше не сразу удалось устранить возможность движения к Могилеву частей полк. Короткова. Штаб-офицер этот указывал на категорическое приказание Верховного главнокомандующего и, видимо, находился под сильным впечатлением разговора по аппарату с помощником начальника Политического отдела Кабинета военного министра прапорщиком Толстым. Настаивая на необходимости занятия вооруженной силою Могилева, сей прапорщик давал сведения о местности, расположении пулеметов, делал указания, как удобнее брать город.

Трудно понять появление такого документа после моего отъезда из Петрограда с обязательством привести дело к благополучному концу. Видимо, главным виновником представления А.Ф. Керенскому неверных, непроверенных и явно преувеличенных сведений (лист 32 документов) был именно этот малосведущий офицер.

Полк. Коротков указывал, что движение его войск будет полезно и мне, так как создаст «бутафорию» атаки и заставит быть ген. Корнилова более сговорчивым. Приказав остановить двигавшиеся эшелоны на ст. Лотва, я продолжал путь в Могилев, куда прибыл в 15 час. Первые распоряжения и условия, в которых пришлось работать, полагаю, вполне характеризуются документами № IV, V, VI и VII (листы 28–39).

Должен только отметить несогласованность: ген. Верховский говорит, что о своем движении с вооруженным отрядом в Могилев он уже переговорил с Верховным главнокомандующим (лист 28). А.Ф. Керенский сообщил, что от него, кроме указаний полк. Короткову, «никаких других распоряжений каким бы то ни было войсковым частям не исходило» (лист 32) и «Москва же не может выступить без моего приказа». (Лист 34).

Документ № VII (листы 37–39) объяснил мне ту нервность, которая была внесена 1 сентября во все это дело.

Генерал от инфантерии АЛЕКСЕЕВ

Председатель Комиссии[1]

Члены Комиссии: полковник УКРАИНЦЕВ
полковник РАУПАХ
Ник[олай] КОЛОКОЛОВ
Мих[аил] ГОЛЬДМАН-ЛИБЕР

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 73–76. Автограф; Д. 12. Л. 5–7. Копия. Машинопись.

№ 5
Показание подполковника 110-го пехотного Камского полка М.Д. Аловского

4–6 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 4–6-го дня член Чрезвычайной комиссии, учрежденной для расследования дела о генерале Корнилове и других, допрашивал нижепоименованного:

[1] Подпись председателя отсутствует.

Подполковник Михаил Дмитриевич Аловский, 35 лет, православный, не судился, по делу показываю:

Показание записываю собственноручно.

Я, подполковник 110-го пех[отного] Камского полка Михаил Дмитриевич Аловский, член Главного комитета Союза офицеров армии и флота[7], состою в прикомандировании к Управлению коменданта Главной квартиры с 23 июня сего года. Ни о какой организации заговора я не знал, не слыхал и не знаю. В составе Комитета я состою библиотекарем, членом культурно-просветительной комиссии и заведую рассылкой газеты «Вестник Главного комитета Союза офицеров»[8]. Как боевой офицер, бывший на фронтах в строю 34 месяца, в Комитете я работаю, как и другие члены, исключительно в направлении развития тех профессиональных идей Союза, которые указаны в уставе. Некоторая часть прессы с первых дней возникновения Союза, еще с офицерского съезда, бывшего в мае месяце, обвиняет Союз в контрреволюционности. На[I] все эти обвинения Главный комитет выступал в своем «Вестнике» с рядом статей, указывающих на беспочвенность обвинений.

Обычная деловая работа Главного комитета шла до последних дней. Вечером 27 августа стали распространяться слухи в столовой, что ген. Корнилов устранен от верховного командования. Утром 28-го числа были выпущены ген. Корниловым объявление и воззвание к народу. Члены Главного комитета, собравшиеся в этот день утром для обсуждения волнующих и тревожных вопросов, были поставлены перед фактами чрезвычайной важности: смещение Верховного главнокомандующего ген. Корнилова, отказ от верховного командования ген. Лукомского и Клембовского, заявление четырех главнокомандующих фронтами о гибельности смещения ген. Корнилова. Положение армии, оказавшейся фактически без высшего руководительства, представилось ясно трагическим. Сопоставляя все это с теми заявлениями, которые делало правительство несколько дней раньше, что оно с полным доверием относится к ген. Корнилову, члены Комитета были в полном недоумении — гибель армии казалась неизбежной. Исключительно боязнь за целость и существование армии и доверие искренности заявлениям[II] ген. Корнилова побудили, как это выяснилось при обмене мнений, присоединиться Главный комитет к ген. Корнилову. Кем было предложено обратиться с воззванием, не знаю, т.к. многие были взволнованы и сам я выходил в другие комнаты. Когда было оглашено воззвание, то т.к. оно по своему содержанию не отличалось от воззвания ген. Корнилова, то и было принято. Сколько было членов, принявших это воззвание, точно не припомню. 29-го и 30-го числа я, согласно предписанию коменданта Главной квартиры, исполнял обязанности цензора в почтово-телеграфной конторе. Когда стало известно о переговорах ген. Алексеева с ген. Корниловым, то Главный комитет, — мое личное мнение, — спокойно стал ожидать разъяснения конфликта. Число членов, обсуждавших воззвание, думаю, было больше десяти.

Зачеркнуто: «все».

Подполк[овник] АЛОВСКИЙ

Член Комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 134–135. Автограф.

I Далее зачеркнуто: *«все»*.

II Так в тексте.

№ 6
Показание командира учебного батальона 102-й пехотной дивизии Н.Х. Андерсона

3–7 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 3–7 дня член Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и других полковник Украинцев допрашивал нижепоименованного:

Командир учебного батальона 102-ой пехотной дивизии штабс-капитана 408-го пех[отного] Кузыцкого полка Николай Христофорович Андерсон, 31 года, православный, не судился, показываю:

Показание записываю собственноручно.

27 августа во время утреннего чая в гостин[ице] «Бристоль» я услышал, что генер. Корнилов отрешается от верховного командования. Весть эта передавалась из уст в уста с обычными комментариями, предположениями и создавала приподнятое настроение окружающих. Но никто ничего определенного не мог сказать. Все слухи и слухи.

В комитете приходящие члены и офицеры старались расспросить друг у друга, но каждый передавал то, что слышал, и слухам не было конца. Через некоторое время появилось воззвание генерала Корнилова «По линиям железных дорог». Там объявлялось, что «свершилась великая провокация», что не Корнилов посылал Львова к Керенскому, а он к нему. Это воззвание произвело сильное впечатление и приподняло нервы. После по слухам я узнал, что Корнилов отрешен от верховного командования и что нового Верховного нет, т.к. Клембовский отказался, а все другие главнокомандующие поддержали Корнилова. О переговорах Львова с Корниловым я совершенно не знал.

26-го, кажется, в Главный комитет пришел какой-то штатский. Я, как комендант гостиницы, подошел к нему и спросил, что ему нужно. Он назвал фамилию Львов и ответил: «Мне никого и ничего здесь не надо, я приехал от Керенского к Корнилову», — и я сейчас же отошел. Существовала ли какая-нибудь организация около Корнилова, кто был около него, я совершенно ничего не знал. Об Аладьине я впервые узнал, когда прочел его фамилию в воззвании Корнилова. О Завойке ничего не знал, пока не прочел о нем в газетах. Его самого никогда, так же как и Аладьина, не видел.

Филоненко за все время пребывания его в Могилеве я также не видел. Узнал из слухов, что он арестован будто бы Корниловым, а позже, что он уехал в Петроград.

Распространились слухи, что правительство ушло, что большевики в Петрограде произвели беспорядки и что посланы войска на Петроград. Казалось, что единственная власть теперь в руках Корнилова, поддержанного всеми главнокомандующими. Это давало еще надежду, что Россия не погибнет, т.к. правительство, судя по газетам, поддержало Корнилова в его требованиях, направленных к поднятию боевой мощи армии и порядка до последних дней. Мне пришлось особенно много слышать самых различных слухов. В комитете я исполняю должность квартирмейстера и заведую хозяйственной частью.

После болезни и выхода из лазарета при Штабе Верховного в первых числах августа я особенно был занят хозяйственными вопросами и большую часть времени проводил в гостинице «Париж», где и жил. Числа 27-го комендант Главной квартиры предложил членам комитета, в том числе и мне, быть цензорами и прислал предписания.

Это было поздно вечером, а на следующее утро я по просьбе Комитета просил сложить с меня всякие поручения коменданта, т.к. и в промежутки между очередями дежурств в цензуре вместо необходимого отдыха меня звали в комитет, чтобы я приезжающим офицерам давал бы квартиру и устраивал бы их на стол. Комендант меня утром же освободил от цензорской обязанности и приказал сходить в епархиальное училище осмотреть помещение для приезжающих офицеров и направлять их туда. По этому вопросу и являлись ко мне офицеры, приезжающие, как и всегда, в Комитет с мест, и даже направлялись офицеры, приехавшие и в Ставку. Пришлось, начиная с утра 28-го, почти безвыходно сидеть в Комитете или быть в гостинице «Париж», т.к. опять-таки приносили слухи, что гостинице «Париж» грозит опасность, и я, как комендант, был дома. Эти слухи особенно распространялись, когда уже после приезда ген. Алексеева начались митинги на улицах. Но никаких эксцессов в городе, видимо, не было. Вслед за выходом и расклейкой воззваний и приказов Корнилова утром, придя в Комитет, я увидел в комнате заседаний телеграмму от Главного комитета и несколько офицеров, читающих ее. Поинтересовавшись, узнал, что эту телеграмму принесли из Ставки. Видя общее нервное состояние читающих и недослушав, ушел к своему столу. Через некоторое время члены Комитета собрались на заседание. Была прочитана еще раз телеграмма всем членам Комитета и единогласно принята. Спокойно сидеть на заседании и даже вдуматься в текст было трудно при общем приподнятом настроении. Одно было ясно, что мы в этот момент должны поддержать Корнилова. Все с ней согласились, и телеграмма должна была быть редакционной комиссией только исправлена. В исправлении я не участвовал. Исправлялась ли она редакционной комиссией, в которой я не состою, или кем другим, не знаю.

С облегченной душой встретили весть о том, что идет в Могилев генерал Алексеев, назначенный начальником Штаба. Было решено встретить его на вокзале, для чего Комитетом были избраны два члена, которые и встретили его.

Штабс-капитан АНДЕРСОН

Член Чрезвычайной комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 165а–166 об. Автограф.

№ 7
Показание есаула 43-го Донского казачьего полка А.И. Аникеева

9 октября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года октября 9 дня в гор. Петрограде член Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове полковник Раупах допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, причем на предложенные вопросы он показал:

Я, член Совета Союза казачьих войск, есаул 43-го Донского казачьего полка Андрей Иванович Аникеев, 35 лет, православный, не судился, по делу показываю:

По делу о событиях, связанных с выступлением бывшего Верховного главнокомандующего, мне известно следующее:

27 августа вечером в Совете Союза казачьих войск было созвано экстренное заседание, на котором присутствовал я как член Совета. Члены Совета войско-

вой старшина Александр Николаевич Греков и Петр Афанасьевич Авдеев доложили, что в штабе Петроградского военного округа, куда они спешно были вызваны главнокомандующим, им сообщили, что Верховный главнокомандующий генерал Корнилов, получив приказ Керенского о смене, заявил о неподчинении этому приказу. Поэтому в настоящее время возник серьезный конфликт между генералом Корниловым и Временным правительством.

Положение рисовалось нам до чрезвычайности тяжелым. Трудно было учесть тяжесть последствий этого конфликта. Ясно было только одно, что по чьей-то вине сделан был большой прыжок в сторону гибели и позора России. Перед нами встал весь ужас возможности кровавой братоубийственной войны, ужас тем более для нас страшный, что в этот водоворот неизбежно должны быть вовлечены казачьи части, поставленные перед лицом жестокой необходимости стрелять друг в друга, так как казаки, подчиняясь приказу начальства, могли выступить и с той и с другой стороны, а разрешение конфликта могло вызвать употребление в дело оружия.

Совет постановил: «Командировать Временному правительству для предложения услуг Совета по принятию необходимых мер к ликвидации конфликта между Временным правительством и Верховным главнокомандующим и предотвращения братоубийственного столкновения — войскового атамана Терского войска М.А. Караулова, представителя Совета А.И. Дутова и товарища председателя А.И. Аникеева (меня)».

Около 24-х часов ночью мы поехали в Зимний дворец. Нас принял министр-председатель А.Ф. Керенский в присутствии управляющего (в то время) Военным министерством Савинкова. Керенский был взволнован. На вопросы отвечал довольно сдержанно. Савинков был откровеннее. Мы сообщили о цели посещения. Здесь мы узнали, что министр-председатель Керенский отдал уже приказ о смене Верховного главнокомандующего генерала Корнилова, но Корнилов не подчинился этому приказу. Мы предложили свои услуги принять участие ликвидировать конфликт, находя единственно правильное решение при сложившейся политической и военной обстановке в интересах спасения родины — разрешить его ТОЛЬКО ПУТЕМ ПРИМИРЕНИЯ, ибо дальнейшее разногласие между генералом Корниловым и Керенским могло быть причиной неисчислимых бедствий для России. На той же точке зрения стояли и Керенский и Савинков. Они говорили: «Кто бы ни вышел из начавшейся борьбы побежденным, победу будут торжествовать немцы». Хотя в то же время Керенский заявил, что о примирении с Корниловым в смысле оставления его на посту не могло быть и речи. Об этом, по его словам, еще можно было думать 26 августа. Но теперь, когда выяснилось, что генерал Корнилов задержал в Ставке комиссара Филоненко, собиравшегося ехать в Петроград, что против желания Временного правительства он отправил в Петроград в составе кавалерийского корпуса Туземную дивизию и корпус подчинил генералу Крымову, — никакое соглашение невозможно и генерал Корнилов должен покинуть пост.

Единственно, чем могут помочь члены СКВ[1], — это принять на себя труд убедить генерала Корнилова подчиниться приказу Временного правительства сдать должность. Мы попросили разрешения Керенского поехать в Ставку, надеясь путем переговоров с генералом Корниловым уладить конфликт. Керенский разрешил, поставив условие, что мы едем с определенной целью — убедить генерала Корнилова сдать должность.

---

[1] СКВ — Союз казачьих войск.

В разговоре с нами Савинков в присутствии Керенского рассказал, что 25 августа он возвратился из Ставки, куда ездил для переговоров с генералом Корниловым по вопросу о введении военного положения в Петрограде и выделении его из подчинения Верховному главнокомандующему. Из разговоров с генералом Корниловым он, Савинков, вынес впечатление, что разногласий между генералом Корниловым и Керенским как будто бы не было. При отъезде его из Ставки генерал Корнилов заявил, что он всемерно поддержит министра-председателя Керенского и Временное правительство.

26 августа из Ставки приехал член Государственной Думы В.Н. Львов с предложением от генерала Корнилова передать ему всю полноту военной и гражданской власти. Керенский и Савинков приглашались в Ставку. Неожиданность такого предложения удивила Керенского. Он попросил к аппарату генерала Корнилова и в присутствии В.Н. Львова спросил, уполномочивал ли он Львова говорить от его имени. Генерал Корнилов подтвердил. После этого разговора был отдан приказ о смене генерала Корнилова. Несмотря на громаднейшую важность создавшегося положения, — насколько удалось мне вывести заключение из слов Керенского и Савинкова, — разговор по аппарату Керенского с Корниловым носил характер очень краткой беседы и оставил после себя несколько весьма существенных невыясненных деталей. Что разговор, предшествовавший приказу Керенского, не был исчерпывающим, — это сознавал и сам Керенский, так как говорил, что 26 августа все происшедшее еще можно было бы считать недоразумением. Но дальнейший ход событий убедил его, что все это далеко не недоразумение. Подтверждение — задержание комиссара Филоненко в Ставке, посылка Туземной дивизии и генерала Крымова в Петроград.

28 августа утром я поехал в Политическое управление Военного министерства взять пропуски для командирования в Ставку к генералу Корнилову. Начальник Политического управления поручик Степун распорядился заготовить пропуски, а сам выехал в Зимний дворец. По возвращении оттуда он пригласил меня в кабинет и сообщил, что пропуски нам выданы быть не могут, так как надобность в нашей командировке в Ставку миновала.

29 августа в Совет Союза казачьих войск явились казаки 1-ой Донской казачьей дивизии (головных эшелонов 15-го Донск[ого] казачьего полка), двигавшейся к Петрограду в составе кавалерийского корпуса генерала Крымова, фельдшер Гуров, урядники Мельников и Даращев, и доложили председателю Совета, что их эшелоны подошли к гор. Ямбургу и встретили препятствие: железнодорожный путь был разобран, пропуск через город, по словам местного Совета Р и СД, воспрещен Временным правительством. От того же Совета казаки узнали, что их направляют в Петроград с контрреволюционными целями. Поэтому они приехали в Петроград выяснить цель их движения. В Петрограде они направились прямо к министру-председателю Керенскому, который сказал им, что генерал Корнилов поднял мятеж против Временного правительства, что он изменник родине и хочет воспользоваться казаками для мятежных целей. Керенский приказал не исполнять приказаний офицеров о движении к Петрограду и таких офицеров арестовывать. Казаки эти стали просить командировать с ними в эшелоны кого-нибудь из членов Совета, чтобы освещением обстановки успокоить казаков. Председатель Совета войсковой старшина Александр Иванович Дутов попросил меня поехать в штаб округа и исходатайствовать пропуск. В штабе округа давно уже ожидали казаков, чтобы отправить их в свои части. В то время, когда я спрашивал разрешения начальника штаба военного генерал-губернатора полковника (ныне генерала) Багратуни поехать вместе с казаками в

сотни 15-го Донского казачьего полка, ему прислали на подпись бумагу, которую он начал читать вслух в моем присутствии. Бумага эта касалась ареста некоторых[I] офицеров 1-ой Донской казачьей дивизии и начальника этой дивизии генерала Грекова. Когда полковник Багратуни дочитал бумагу до того места, где отдавалось приказание об их аресте, он, не знаю почему, остановился и докончил чтение про себя, а затем после подписи приказал вручить по принадлежности тем уполномоченным от правительства, которые командировались в казачьи эшелоны. Для меня стало ясно, что Временное правительство распорядилось об аресте казачьих офицеров, а еще яснее — после того, когда я узнал, что казаки, бывшие со мною, произведены в офицеры. Я подумал: «За что?» Распоряжение Временного правительства об аресте офицеров дало мне[II] на это ответ. Члену Совета Союза казачьих войск разрешено было поехать с казаками. Из штаба округа мы поехали в Совет Союза. С нами был адъютант Керенского лейтенант Ковалько, который также ехал вместе с казаками с особым поручением от правительства. В 15-ый Донской казачий полк поехал из Совета прапорщик Худяков. На железнодорожной станции, где ожидал их специально приготовленный паровоз, Худяков узнал, что ему предстоит быть свидетелем ареста казачьих офицеров в 15-ом полку. Это сказал ему подпоручик Клембовский, командированный с казаками для приведения в исполнение приказа Керенского об аресте офицеров по указанию фельдшера Гурова и его товарищей, и подтвердил личный адъютант Керенского лейтенант Ковалько. В казачьи эшелоны, кроме того, командировались представители от Совета Р. и СД. Не получив от Совета СКВ директив на случай ареста офицеров, прапорщик Худяков возвратился в Совет и спросил, как ему действовать в случае ареста офицеров. Совет просил не допустить, по возможности[III], ареста офицеров, проверить на месте заявление Гурова и его товарищей и успокоить казаков разъяснением известной Совету обстановки. В помощь Худякову был уполномочен другой член Совета, П.А. Авдеев. Перед выездом в Ямбург Худяков и Авдеев были приняты военным генерал-губернатором Савинковым, который после некоторого колебания дал пропуск, ознакомил делегацию с обстановкой, изложив ход событий с момента окончания Московского совещания, где, между прочим, слово «родина» впервые было произнесено некоторыми представителями революционной демократии рядом со словом «революция». 30 августа Худяков и Авдеев ездили в головной эшелон 1-ой Донской казачьей дивизии. По словам Худякова, Временное правительство приказало подпоручику Клембовскому и представителям от Совета Р. и СД арестовать следующих офицеров: начальника 1-ой Донской казачьей дивизии генерала Грекова, 15-го Донского казачьего полка войскового старшину Еманова, подъесаула Васильева и прапорщика Краснушкина. Делегаты от Совета Худяков и Авдеев убедили Клембовского во избежание могущих быть осложнений не арестовывать офицеров, а взять с них слово поехать в Петроград и дать объяснение Временному правительству. Что они и сделали.

30 августа председателя Совета А.И. Дутова, атамана Терского казачьего войска Караулова и меня пригласил в штаб округа Б.В. Савинков, который более-менее подробно рассказал нам о событиях, начиная с 10 августа, т.е. со времени представления Временному правительству генералом Корниловым докладной записки о необходимости провести в жизнь предложенные им мероприятия для

I Слово *«некоторых»* вписано над строкой.

II Слово *«мне»* вписано над строкой.

III Слова *«по возможности»* вписаны над зачеркнутым: *«ни в каком случае»*.

поднятия боеспособности нашей армии и оздоровления страны. А также ознакомил с теми официальными документами, которые касались переговоров Временного правительства с генералом Корниловым в последние августовские дни. Оттуда мы получили приглашение прибыть в 7 час. вечера в Зимний дворец к Керенскому. В 7 час. по распоряжению Керенского нас принял генерал Алексеев, назначенный в то время начальником Штаба Верховного главнокомандующего. Генерал Алексеев обратился ко мне со следующими словами: «Я принужден согласиться принять предложенную мне должность начальника Штаба Верх[овного] главнокомандующего, ибо если бы я отказался, то этот пост мог бы быть вручен другому человеку, не совсем подготовленному к такой ответственной обязанности в тяжелый момент: я опасался за судьбу отечества. Считаю необходимым провести все мероприятия для поднятия боевой мощи армии, предложенные генералом Корниловым. Кроме того, нахожу нужным предложить Временному правительству еще и ряд своих[1] условий, при наличии которых, по моему мнению, правда, с большим трудом, можно добиться если не полного оздоровления, то, по крайней мере, относительной боеспособности армии, почти вконец развращенной большевистскими лозунгами.

Первое, на что необходимо обратить самое серьезное внимание, — это поднятие престижа власти офицеров в армии как ее фундамента. В данное время в связи с полным недоверием со стороны солдат к командному составу вследствие последних политических событий весьма важно наладить отношения между офицерами и солдатами и предотвратить возможность осложнений между ними. Уже начались случаи дикой, кровавой расправы солдат с офицерами. Такие осложнения под влиянием пропаганды безответственных лиц возможны, хотя и маловероятны, и в ваших казачьих частях, подошедших к Петрограду. Надеюсь, вы не откажете мне в помощи и поедете в казачьи части поговорить с казаками, чтобы своим авторитетом успокоить их. Теперь в казачьих частях еще сохранился порядок, и поддержать его крайне необходимо.

Временное правительство обещает провести в жизнь поставленные мною условия, но разве «им» можно верить? Оно даже при самом искреннем желании сделать это (если бы оно было) окажется бессильным перед тем ненужным привеском власти, который все время мешает работать правительству. Это — Совет рабочих и солдатских депутатов».

Отставка генерала Алексеева через неделю после его назначения вполне подтвердила это. Генерал Алексеев ознакомил нас с содержанием разговора его с генералом Корниловым по аппарату. Генерал Корнилов заявлял, что он готов согласиться сдать должность, если в России будет установлена твердая власть. Лично для себя он ничего не добивается, кроме искреннего желания спасти родину.

Мы обещали поехать в полки. Но на следующий день, когда мы собрались ехать, поездка наша по распоряжению Временного правительства была отменена.

После разговора с генералом Алексеевым Совет обратился к войскам с воззванием подчиниться Временному правительству. 31 августа Керенский вызвал члена Совета войскового старшину Грекова с воззванием к казакам. Ни само воззвание, ни объяснения Грекова не удовлетворили министра. Он вызвал президиум в полном составе и в присутствии министра призрения И.Н. Ефремова в непозволительном повышенном тоне обратился к президиуму Совета со следующими словами: «Почему Совет так поздно нашел возможность сказать свое слово о подчинении Временному правительству. Совет это слово сказал тогда,

[1] Далее зачеркнуто: *«мер»*.

когда стало ясно, что выступление[I] генерала Корнилова ликвидировано. Кроме того, генерал Каледин поднял мятеж на Дону, грозит отрезать Москву и Петроград от угольного района, занял станцию Поворино, в Урюпинске сосредоточивает мятежные войска, разъезжает по области и призывает казаков к восстанию против Временного правительства. Совет в своем воззвании не вынес осуждения ни генералу Корнилову, ни генералу Каледину как мятежникам и предателям и изменникам родины. Я требую от Совета самого жестокого осуждения генералам Корнилову и Каледину. Если Совет это сделает, то все происшедшее я могу считать недоразумением. Совет СКВ в известном письме к министру-председателю не нашел возможным вынести осуждения, предоставив сделать это законному суду и беспристрастной истории. Все обвинения генерала Каледина по проверке оказались неосновательными, что засвидетельствовал Совету военный министр Верховский, заявив, что правительство было введено в заблуждение в отношении Дона и Каледина донесениями своих агентов[II] Союзов почтово-телеграфного, железнодорожного и начальников частей Юга и Юго-Востока. 1 сентября я был с прапорщиком Худяковым у министра-председателя Керенского по поводу появившихся в газетах заметок об отрешении от должности войскового атамана Каледина, предании его суду, аресте и воспрещении созыва Войскового круга на Дону. Керенский был ужасно недоволен Советом и держал себя по отношению к нам, членам Совета, возмутительно: кричал на нас, волновался, делал непозволительные скачки и жесты и все время подчеркивал, что он Верховный главнокомандующий, а мы — военнослужащие. Хотя мы разговаривали с ним не как с Верховным главнокомандующим, а как с министром, и не как военнослужащие, а представители казачества.

Член Совета казачьих войск Донского войска
есаул Андрей Иванович АНИКЕЕВ

Надписанному: «некоторых», «своих агентов» верить, а зачеркнутое «ни в каком случае» и «мер» не читать. Слову «по возможности» вместо «ни в каком случае» верить. Есаул Андрей Иванович Аникеев.

Член Чрезвычайной комиссии полковник РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 141–147. Автограф.

№ 8
Протокол допроса старшего мастера в наборной типографии Штаба Верховного главнокомандующего С.Л. Афанасьева

3 сентября 1917 г.

Протокол допроса свидетеля

1917 года сентября 3-го дня в гор. Могилев член Чрезвычайной следственной комиссией по расследованию дела о генер. Корнилове и др. в порядке ст. 7-ой Зак[она] 12 июля 1917 г. допрашивал нижепоименованных лиц, которые показали:

I Далее зачеркнуто: *«(бо)»*.

II Слова *«своих агентов»* вписаны над строкой.

Я, старший по наборной типографии Штаба Верх[овного] главн[окомандующего] и председатель командного комитета нестр[оевого] старш[его] разряда Степан Лаврентьевич Афанасьев, 28 лет, православный, не судился.

По делу показываю:

В ночь на 28 августа с[его] года около трех часов дежурный ординарец Степанов разбудил старшего команды Иосифова и вышел с ним из помещения. Некоторое время спустя Иосифов вернулся, разбудил дежурных наборщиков и ушел с ними в типографию. Через несколько минут Иосифов разбудил меня и, показав мне воззвание[I], просил его прочесть, сказав, что сам в нем не разбирается. В воззвании генер. Корнилов обвинял правительство в том, что оно идет на поводу у большевиков, в числе которых много изменников, и, таким образом, работает в пользу германского генер[ального] штаба. Впоследствии я узнал, что оригинал воззвания принес н[ачальни]к типографии подп. Гринфельдт, которого тогда же ночью вызвали с квартиры из Управления генерал-квартирмейстера.

Я собрал всю команду, разъяснил им содержание воззвания и предложил его не печатать. Предложение это было принято, причем с этим согласился и подполк[овник] Гринфельдт, заявивший, что он пойдет с командой даже под арест. Наше решение подп. Гринфельдт по телефону сообщил в квартирмейстерскую часть кн. Голицыну и получил от него ответ сообщить о нашем отказе в Комендантское управление. Оттуда сообщили, что *бы*[II] мы ждали распоряжения. Около двух часов дня 28 августа[III] электротехническая команда сообщила нам, чтобы мы готовились к смене всех нас. Вслед за этим пришел помощник н[ачальни]ка типографии в[оенный] чиновник Ревин и по телефону получил приказание явиться в Комендантское управление. Вернувшись оттуда, чиновник Ревин принес оригиналы представляемых вам и помеченных номерами 2 и 3 воззваний[IV]. Ревин сообщил нам, что, по словам коменданта полковника Квашнина-Самарина, город объявлен на осадном[V] положении и потому если принесенные им воззвания не будут нами напечатаны, то весь состав типографии[VI] будет расстрелян. Под такой угрозой большинством было решено исполнить работу. Чиновник Ревин тогда же сообщил со слов коменданта, что исполнение нами приказания о напечатании принесенных воззваний не освобождает нас от ответственности за заявленный ночью отказ и что о смягчении этой ответственности он только может похлопотать. Около трех часов дня заведующий типографией бюро печати капитан Брагин вызвал к телефону[VII] ст[аршего] р[азряда] Жданова и спросил, какой последний номер приказа Верховного, заявил, что у них печатается приказ Верх[овного] главнокомандующего. Жданов[VIII] сообщил № 886,

---

I Далее зачеркнуто: *«и»*.

II Часть слова, выделенная курсивом, вписана над строкой.

III Слова *«28 августа»* вписаны над строкой.

IV Здесь и далее в документе даны отсылки на документы-приложения, представленные следствию Афанасьевым. Приложение № 2 (телеграммы генералов Клембовского № 474/А, Щербачева № 493, Балуева № 10459 от 28 августа и Деникина № 145 от 27 августа) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 45. Приложение № 3 («Обращение к народу» генерала Л.Г. Корнилова от 28 августа 1917 г.) см.: Там же. Д. 11. Л. 46.

V Слово *«осадном»* вписано над зачеркнутым: *«военном»*.

VI Далее зачеркнуто: *«к 9 ч. вечера»*.

VII Далее слово неразборчиво.

VIII Фамилия *«Жданов»* вписана над зачеркнутым: *«Я»*.

под которым и вышел представляемый мной приказ № 4[I]. Вечером того же 28 авг[уста] в нашей типографии было отпечатано обязательное постановление, экземпляр которого, помеченный № 5, представляю[II]. 29 ав[густа] подп. Гринфельдт принес оригинал приказа № 897, который представлен в двух видах (№№ 6 и 7[III]). При этом на[чальни]к типографии нам сообщил, что получил приказы ночью от правителя[IV] канцелярии полковн[ика] Ковалевского. Почти одновременно с приказом № 897 было доставлено бойскаутом[V] из Комендантского управления воззвание казакам, печатный экземпляр которого представляется и помечается № 8[VI]. 30 авг[уста] вечером[VII] было представлено для напечатания объявление о приезде генер. Алексеева для официальных переговоров. Печатный экземпляр представляется и помечается № 9[9].

31 авг[уста] в 2 ч. дня мы получили из Комендантского управления для напечатания телеграмму Керенского. Печатный экземпляр представляется и помечается №[VIII] 10[IX]. Около 7 ч. вечера того же 31 авг[уста] Комендантское упр[авление] прислало нам для напечатания объявление ген. Корнилова, печатный экземпляр которого представляется и помечается номером 11[X].

Из представляемых 11 номеров 1-ый и 4-ый[XI] у нас не печатались, остальные же печатались в числе от тысячи до десяти тысяч каждый.

В ночь с 30-го на 31-е комендантский адъютант капитан Никольский по телефону распорядился отпечатать приказ № 897 в количестве 100 тысяч экземпляров. Распоряжение это исполнено не было, т.к. подп. Гринфельдт потребовал письменного приказания дежурного генерала, какового не последовало. Больше ничего по делу я показать не могу. Показание мне прочитано.

Добавляю:

Н[ачальни]к типографии подп. Гринфельдт в ночь на 28 авг[уста] был вызван в Управление дежурного генерала полковником[XII] Ковалевским, который направил его в Управление генерал-квартирмейстера. Оттуда он и прибыл к нам с оригиналом воззвания, помеченного № 1. Кроме указанных документов в нашей типографии был напечатан еще разговор генералов Алексеева с Корниловым в ночь на 31 августа. Экземпляр, помечаемый № 12, представляю[XIII].

I Приложение № 4 (приказ главковерха Л. Г. Корнилова № 886 от 28 августа) см.: Там же. Д. 11. Л. 44.

II Приложение № 5 (постановление коменданта Главной квартиры Квашнина-Самарина об объявлении Могилева и его окрестностей на осадном положении) см.: Там же. Д. 11. Л. 43.

III Приложения № 6 и 7 (экземпляры приказа главковерха № 897 от 28 августа) см.: Там же. Д. 11. Л. 41, 41а, 42.

IV Так в тексте.

V Так в тексте.

VI Приложение № 8 («Воззвание к казакам») см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 40.

VII Слово *«вечером»* вписано над зачеркнутым: *«около 2-х ч. дня»*.

VIII Далее зачеркнуто: *«9»*.

IX Приложение № 10 см.: Там же. Д. 11. Л. 38а.

X Приложение № 11 (объявление Л.Г. Корнилова «К войскам и населению города Могилева» от 31 августа) см.: Там же. Д. 11. Л. 38.

XI Приложение № 1 (обращение Корнилова «По линиям железных дорог...») см.: Там же. Д. 11. Л. 44а. Приложение № 4 (приказ Корнилова № 886 от 28 августа) см.: Д. 11. Л. 44а.

XII Слово исправлено. Первоначально было: *«подполковником»*.

XIII Приложение № 12 (выдержки из разговора по прямому проводу генералов Алексеева и Корнилова от 30 августа) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

Вписано: «бы», «28 августа», «осадном», «Жданов», «вечером».

Зачеркнуто: «военном», «к 9 ч. вечера», «я», «около 2-х часов дня», «9», «под».

Степан АФАНАСЬЕВ

Член Чрезвычайной комиссии полковник РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 32–35. Подлинник. Рукопись.

№ 9

Протокол допроса начальника Кабинета министра-председателя и Верховного главнокомандующего В.Л. Барановского и штаб-офицера для поручений при начальнике Кабинета министра-председателя К.О. Данилевича

7 сентября 1917 г.

Протокол допроса свидетеля

1917 года сентября 7 дня, в гор. Могилеве, член Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о генерале Корнилове и др. допрашивал нижепоименованного, который показал:

Начальник Кабинета министра-председателя и Верховного главнокомандующего, ген.-майор Владимир Львович Барановский, 35 лет, православный, не судим, по делу показываю:

24 августа я прибыл в Ставку вместе с управляющим Военным министер[ством] Савинковым[1], имея задачей установить границы предполагавшегося Петроградского генерал-губернаторства. С вокзала Савинков вместе с Лукомским и комиссаром Филоненко отправились к генер. Корнилову. Я же поехал в Управление генерал-квартирмейстера. С Савинковым я условился, что буду вызван около 10 1/2 ч. к Верх[овному] главнокомандующему для доклада о границах предполагавшегося генерал-губернаторства. О том же я вел беседу и с генералом Романовским. В назначенный час я вошел в кабинет ген. Корнилова вместе с генер. Романовским и застал там, кроме хозяина, генерала Лукомского, Савинкова и Филоненко. После сделанного мною доклада были установлены границы Петроградского генерал-губернаторства. Я в точности теперь не припоминаю, что именно говорил тогда Савинков Корнилову, но знаю, что генер. Корнилов, не скрывая недовольства по поводу выделения Петрограда из его ведения, сказал приблизительно следующее: «Конечно, если 3-ий конный корпус будет введен в Петроград, то, согласно отданных мной распоряжений, он будет действовать самым решительным образом». На это Савинков заметил, что, конечно, если корпус будет введен в Петроград, то это укажет, что правительство пошло на решительные меры. На это я позволил себе заметить, что введение корпуса[II] еще ничего не значит и вовсе не доказывает желания правительства принять решительные меры. К этому я добавил, что лично я сомневаюсь, чтобы оно приняло их. Фразы: «Конечно, необходимо действовать самым

---

[1] Протокол пребывания управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова 24 и 25 августа 1917 г. см.: Д. 14. Л. 34–36. Опубл.: *Владимирова В.* Контрреволюция в 1917 г. М., 1924. С. 206–209. (Приложение № 2 — т. 2).

[II] Текст *«введение корпуса»* вписан над зачеркнутым: *«это»*.

решительным образом и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия», — я не произносил. Утверждаю это категорически. Насколько я вспоминаю, кроме вышеуказанного[I] сомнения в принятии правительством решительных мер, я ничего более не говорил. В пути или по возвращении домой я говорил поручику Данилевичу о том, что границы генерал-губернаторства установлены, и, высказав удивление относительно категорических заявлений Савинкова по поводу возможных со стороны правительства решительных мер, повторил ему свои по этому поводу сомнения. Был ли у Савинкова разговор с ген. Корниловым по поводу возможных со стороны правительства решительных мер в отношении Сов[ета] С. и Р. депутатов, я сказать не могу, т.к. был занят очерчиванием границ генерал-губернаторства и к их разговору не прислушивался. В кабинете у генер. Корнилова я вообще находился не более пяти минут. Я не могу утверждать, что Савинков говорил ген. Корнилову, что действия в Петрограде должны быть самые решительные и беспощадные. На обратном пути, в вагоне, беседуя с Савинковым, я слыхал от него, что ген. Лукомский встретил его не совсем любезно, не очень был якобы[II] доволен его приездом и генер. Корнилов, и потому первый день его пребывания в Могилеве был для переговоров неудачен. Корнилов категорически и неуклонно требовал немедленного проведения предложенных им правительству мер. Второй день, по словам Савинкова, был удачнее, т.к. ему удалось прийти к соглашению с Корниловым, который даже лично проводил его к поезду. Беседовал Савинков с Корниловым на следующие темы: о комитетах и комиссарах, о введении в Петрограде военного положения, о дисциплинарной власти начальников и законе о смертной казни. Сущность разговоров по всем этим вопросам он мне не передавал, и я, видя его нежелание об этом распространяться, его и не расспрашивал. Между прочим, находясь в Ставке, я обратил внимание на то, что в Оперативном отделении, куда обыкновенно никто не допускался, было очень много[III] приезжих, не принадлежавших к составу Ставки офицеров. Разговоры велись почти исключительно на темы политические, причем все интересовались событиями в Петрограде. Больше ничего по делу я показать не могу. Показание мне прочитано.

Зачеркнуто: «это», «замечания», «каких-то совер[шенно]», надписано: «введение корпуса», «якобы».

Генерал-майор БАРАНОВСКИЙ

Я, и.д. штаб-офицера для поручений при н[ачальни]ке Кабинета министра-председателя и Верховного главнокомандующего поручик Константин Осипович Данилевич, 30 лет, православный, не судился, по делу показываю:

24 августа с. года я сопровождал генерала Барановского во время приезда его и управляющего Военным министерством в Ставку. На обратном пути из Ставки в Петроград я беседовал с генералом Барановским по поводу тех решений, которые были приняты в Ставке на случай подавления ожидавшего[ся] в Петрограде большевистского выступления. По словам Барановского, Савинков проводил мысль о необходимости подавления этого восстания вооруженной силой[IV]. Корнилов всецело присоединялся к такому взгляду, говорил, что 3-му конному

I Далее зачеркнуто: *«замечания»*.

II Слово *«якобы»* вписано над строкой.

III Далее зачеркнуто: *«каких-то совер[шенно]»*.

IV Далее зачеркнуто: *«и»*.

корпусу, направленному к Петрограду, даны указания действовать решительно в смысле водворения порядка. Взгляд Савинкова высказывался им не только как его личный, но и как отражающий мнение всего правительства. Вывод[I] Барановским, по его словам, был взят под сомнение, и он высказался в том смысле, что едва ли правительство разделяет это мнение. Весь этот разговор с ген. Барановским я воспроизвожу по памяти и потому за детальную точность его не ручаюсь.

Больше ничего по делу я показать не могу.

Прочитано. Зачеркнуто: «и».

Поручик ДАНИЛЕВИЧ

Член Чрезвычайной комиссии полковник РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 176–179 об. Подлинник. Рукопись.

№ 10
Показание младшего унтер-офицера 4-й тыловой автомобильной мастерской М.П. Булычева

6–9 октября 1917 г.

Протокол

1917 года октября 6–9 дня член Чрезвычайной комиссии по делу генерала Корнилова и его соучастниках допрашивал нижепоименованного:

Мл. унт.-оф. 4-ой тыловой автомобильной мастерской Михаил Петрович Булычев, 31 года, православный, не судился, по делу показываю:

Я, нижеподписавшийся, член Центрального исполнительного комитета Сов[ета] раб[очих] и солд[атских] деп[утатов] Михаил Булычев в 12 ч. дня 27 августа был назначен комиссаром в г. Лугу от Временного военного комитета для освещения событий Лужскому гарнизону и принятию мер на случай появления Корниловских войск. Согласно назначения выехал в Лугу в 5 ч. дня, предупредивши[II] телеграммой Исполн[ительный] комит[ет] Лужского Совета Р. и СД о своем приезде для доклада Совету, прибыл в Лугу в 8 ч. веч.[III], и тотчас же сделал доклад Исполн[ительному] комитету и Совету о назревающих событиях, и просил членов Совета быть готовыми к повторению 1 марта[10], <т.е. тех событий>[IV], когда Лужский гарнизон задержал 26 эшелонов, направлявшихся в Петроград на подавление революционного движения. После доклада Совету в Исполнит[ельном] комитете были выработаны практические меры для задержания могущих прибыть эшелонов с войсками, о чем и было сообщено штабу округа и Врем[енному] военному комитету в 11 3/4 час. ночи.

Около 10 час. веч. один за другим прибыло в Лугу 3 эшелона с войсками, которые дежурн[ым] начальником станции были в полном согласии с Советом задержаны, причем коменданту эшелонов указывалось на порчу паровозов как [на] причину[V] неотправки их дальше. В составе прибывших трех эшелонов

I Перед словом «вывод» слово не разобрано, возможно «означенный».

II Так в тексте.

III Веч. — вечер.

IV Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

V Слово *«причину»* вписано над зачеркнутым: *«следствие»*.

находился и штаб корпуса Крымова, о котором стало известно после получения на его имя телеграммы от Керенского в 10 ч. 45 м. веч., которая и была передана ему начальником станции. До получения соответствующих распоряжений из штаба округа и Времен[ного] в[оенного] комит[ета] Исполнительным комитетом было решено ни в какие переговоры со штабом Крымова не вступать, а, вооруживши гарнизон Луги, окружить эшелоны незаметным образом для прибывших войск.

В 2 час. ночи 28 августа, по получении приказа от штаба округа о задержании эшелонов, я вместе с начальником гарнизона отправился для переговоров к Крымову на предмет выяснения цели и направления прибывших войск.

По заявлению генер. Крымова, войска предназначались для выполнения боевой задачи на случай возможной десантной высадки немцев и направлялись согласно приказа главковерха Корнилова. По выслушании этих заявлений мною была передана ген. Крымову телеграмма Керенского по всем линиям ж.д. и поставлен вопрос: «Не поддерживает ли и он (Крымов) Корнилова в его авантюре?» В ответ на вопрос Крымов показал мне телеграмму от Керенского с приказанием вернуться обратно и повторил, что он преследует стратегические задачи и только приказы главковерха будет исполнять, приказы же Керенского считает для себя необязательными. Об отставке Корнилова и назначении Клембовского ему официально ничего не известно, и потому он считает и до сих пор главковерхом Корнилова, которому делает телеграфный запрос и ждет от него дальнейших приказаний.

С момента прибытия эшелонов и до разгрузки таковых члены Лужского Совета вели агитационно-осведомительную работу среди прибывших войск, распространяя экстренно отпечатанную в большом количестве ж.д. телеграмму Керенского. При этом выяснилось, что большинство из казаков корпуса Крымова не знали, куда и зачем их направляют. Остальные же указывали, что они направляются в Петроград для подавления восстания большевиков и для разгона Советов, которые, по их сведениям, арестовали правительство. Раздаваемые телеграммы Керенского производили довольно заметное впечатление на казаков, офицерство же к этой агитации относилось крайне несочувственно и призывало казаков отгонять от вагонов ораторов из чл[енов] Совета, считая таковых если не большевиками, так непременно сочувствующими им, и просили казаков не верить тому, что им говорят представители Лужского гарнизона.

В 8 час. утра 28 августа в присутствии нач. гарнизона я имел вторичный разговор с генер. Крымовым. Во время беседы я ему показал полученные мною телеграммы от штаба округа на мое и его имя и предложил Крымову вернуться обратно, заявляя, что Лужский гарнизон во исполнение приказа штаба округа и Вр[еменный] воен[ный] комит[ет] примут все меры, чтобы не пропустить эшелонов к Петрограду, движению же назад будут всячески содействовать. В ответ на это предложение Крымов заявил, что приказаний штаба округа он совершенно не признает и может вернуться обратно только по получении соответствующего приказа от главковерха. Беседа происходила в самой корректной форме, но уверенности в тоне Крымова, которая чувствовалась при первом разговоре, уже не было: проскальзывало (мое впечатление) сомнение и неуверенность в своих действиях.

К 8 час. утра в Лугу прибыло около 8 эшелонов, а к моменту разгрузки эшелонов (6 ч. веч.) на путях ж.д. находилось уже 12–13 эшелонов. Около 12 час. дня 28 авг[уста] полковником из штаба Крымова мне было заявлено, что прибывшие войска могут вернуться обратно, если им будут предоставлены паровозы, на что я дал свое согласие, и с этой целью мы с ним отправились к начальнику

станции. Во время разговора с начальником станции из Пскова к телефону ж.д. был вызван генер. Крымов и в моем присутствии получил приказ от генер. Дитерихса двигаться вперед по следующему маршруту: Уссурийской кон[ной] дивизии — в Царское Село, а Туземной дивизии — в Гатчину.

Телефонный приказ принимал полковник из штаба Крымова, а записывал под его диктовку член Исполнит[ельного] комитета прапорщик Разумовский. По получении приказа Крымов в настойчивой форме заявил, чтобы через полчаса паровозы были готовы к отправлению, и демонстративно прекратил всякие переговоры со мною и с окружающими. Железнодорожники стали готовить паровозы, но предупредили нас, что готовы жертвовать собою, если это Исполн[ительный] комитет найдет нужным, т.е. могут повести паровозы вперед и создать крушение паровозов, т.к. их железнодорожн[ый] путь в это время во многих местах был разобран. Паровозы часа через 2 были прицеплены к эшелонам, но трогаться с места приказа (вторичного) не поступало.

В 3 часа дня вместе с генералом Изергиным (командиром 4-го осадного полка, стоявшего в Луге) я отправился к Крымову для переговоров. Во время переговоров я показал ему последнюю телеграмму от штаба округа с приказанием портить ж.д. путь, если Крымов захочет двинуться вперед. В ответ на это Крымов заявил, что порча ж.д. пути его остановить не может, т.к. он может и пойдет во избежание крушения поездов походным порядком. На это я указал Крымову, что Лужский гарнизон во исполнение приказа штаба округа должен будет дать бой и потому польется братская кровь, которая должна быть дорога и ему (Крымову) и всем... Крымов ответил, что Лужск[ий] гарнизон, исполняя приказ шт[аба] округа[I], будет действовать правильно, но что и он (Крымов), исполняя приказ от главковерха двигаться вперед, тоже будет действовать правильно. О пролитии же братской крови при выполнении боевых приказов говорить не приходится, и таковая из[II] тех, кто были на фронте, никого не устрашит... Разговор поддерживался в корректнейшей форме, и после этого заявления я удалился.

После разговора Крымовым были посланы казаки осмотреть ж.д. путь и, найдя таковой разобранным около ст. Преображенской, заставили с оружием в руках железнодорожников его восстанавливать.

В 4 ч. дня 28 авг[уста] Крымов занял ж.д. телеграф и телефон своими войсками. Лужский гарнизон в этом случае ему не оказал сопротивления, т.к. в руках Совета была радиостанция в 6 верстах от города, откуда я и поддерживал связь с Петроградом все время.

В 6 час. веч. эшелоны стали разгружаться и на ночь отошли на юг от Луги верст на 15 в дерев[ню] Заозерье, выставивши усиленные караулы и устроивши баррикады на Псковском шоссе с целью задержки Лужского гарнизона, если бы таковой попытался напасть на них.

В 7 час. веч. 28 авг[уста] я выехал на автомобиле в Петроград и, заехавши в Гатчину, сделал доклад Гатчинскому военному комитету о положении Луги. В 12 ч. дня 29 авг[уста] мною был сделан доклад в штабе округа, откуда я, не получивши никаких определенных указаний, выехал вновь в Лугу, давши телеграмму Лужск[ому] Исп[олнительному] комитету с просьбой усилить агитацию среди войск Крымова.

В 3 ч. 45 м. дня на имя генер. Крымова в Луге была получена телеграмма от Керенского с приказанием двигаться корпусу по его оперативному назначению

[I] Слова *«шт[аба] округа»* вписаны над строкой.

[II] Предлог *«из»* вписан над строкой.

в г. Нарву. Телеграмма в Лужск[ом] военн[ом] комитете возбудила сомнение и после запроса военному министру и Времен[ному] воен[ному] комитету была отменена. Крымову эта телеграмма не передавалась.

Весь день 29 августа в войсках Крымова через крестьян и невооруженные разъезды гарнизона продолжалась агитационная работа, причем от разъездов получались сведения, что в деревнях у казаков происходят митинги.

В 12 ч. ночи я приехал в Лугу.

В 1 ч. ночи 30 августа от разъездов было получено сообщение, что войска Крымова выступили из мест своей стоянки и идут по направлению к Луге. Около 3 ч. утра получены дополнительные сообщения, что казаки, не дойдя до Луги четырех верст, вернулись обратно в деревни ввиду отказа 13 и 15 полков наступать на Лугу ночью.

Около 5 ч. утра в полках Крымова происходили митинги, на которых казаков уговаривали идти в Петроград, и затем был дан Крымовым приказ «пробиться во что бы то ни стало через Лугу; 9 полку идти первым и, занявши город, пропускать по шоссе другие полки». К моменту выступления (7 ч. утра) 15 полк категорически отказался идти через Лугу, и потому Крымов решил обойти Лугу, выступивши в 8 ч. утра по направлению к Винд[аво]-Рыб[инской] ж.д. (ст. Оредеж).

В 9 час. утра 30 августа из Луги в штаб Крымова выехала делегация в составе генер. Изергина, начальника гарнизона и члена Исп[олнительного] комитета доктора Ладунга.

Около 11 ч. дня делегация нагнала Крымова в 12-ти верстах от Луги и от Крымова узнала, что войска Крымова идут в обход Луги во избежание столкновения с Лужским гарнизоном. О неизбежности столкновения Крымов вынес впечатление еще ночью, когда его войска в четырех верстах от Луги встретились с нашими вооруженными заставами и, не желая вступать в бой, повернули обратно. Казаки из корпуса Крымова заявляли делегации, что теперь они убедились в авантюре Крымова и Корнилова, и просили дать им приказ от Временного правительства на предмет ареста Крымова и других офицеров. В 3 ч. дня доктором Ладунгом и в 4 ч. дня 30 авг[уста] мною были посланы телеграммы Временному правительству с просьбой издать официальный приказ об аресте Крымова и обещанием привести его в исполнение, но ответ на эту телеграмму был получен только 2 сентября от нач. Каб[инета] воен[ного] мин[истра] Барановского, извещающего о назначении Чрезв[ычайной] след[ственной] комиссии и о самоубийстве Крымова...

В 5 ч. веч. в Лугу прибыл полковник Самарин и, справившись о местонахождении отряда Крымова, выехал туда.

В 8 час. веч. недалеко от города я встретил ген. Крымова, возвращающегося в Лугу, и решил арестовать его. Полковник Самарин, узнавши о моем намерении, заявил, что Крымов под его покровительством и ответственностью следует в Петроград и потому арестован быть не может и что вообще в Луге создано слишком много шума в связи с прибытием войск Крымова.

Считаясь с заявлением полковника Самарина, я отменил распоряжение об аресте Крымова и тем самым не предупредил самоубийство Крымова[11], за что и по сие время себя упрекаю...

В 9 ч. веч. полк. Самарин вместе с Крымовым на автомобиле выехал в Петроград, а вслед за ними выехала и делегация от казаков.

В 3 час. дня 31 августа вместе с другими делегатами, прибывшими из Петрограда, я выехал на ст. Оредеж, чтобы узнать о положении дел в корпусе Крымова. В 8 час. веч., прибывши туда, мы устроили совещание в штабе Дон-

ской дивизии, где нам командир дивизии определенно указывал, что Крымов от него все скрывал, и он ничего не знал о цели и направлении движения дивизии, и даже упрекал нас за то, что в Луге мы его ни с чем не ознакомили. Чувствовалась в словах начальника дивизии полная растерянность и желание «подделаться» к нам...

С утра 1 сентября мы (делегаты) вели агитационно-осведомительную работу в Донской дивизии и там убедились (в 9-ом полку), что казаки и особенно офицеры довольно сильно настроены против Керенского, Советов и большевиков, но против Временного правительства (в целом) резкого недовольства не высказывалось.

Добавляю, что, по моему наблюдению, Крымов и его штаб к приказу, полученному по телефону от Дитерихса, отнеслись как вполне к законному, и прекращение демонстративно переговоров с нами, как это я понял, означало поворот его отношений к нам. Считаю необходимым указать, что при беседе с казаками на ст. Оредеж мне и моим товарищам приходилось тратить много усилий, чтобы выяснить им, что такое Совет Раб. и С. деп. и кто такие большевики, так как у большинства казаков, особенно в 9-ом полку, понятие о тех и других было совершенно неправильное: они считали, что Советы сплошь состоят из большевиков. Станционный телеграф и телефон были заняты войсками Крымова только часа на 2, т.е. на время разгрузки эшелонов. По моему убеждению, если бы генерал Крымов захотел предпринять агрессивные действия по отношению к Лужскому гарнизону, то он имел бы полную фактическую возможность добиться успеха.

Михаил БУЛЫЧЕВ

Член Комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 124–128. Автограф.

№ 11

Показания редактора газеты «Известия действующей армии» капитана А.П. Брагина[1]

4–5 сентября 1917 г.

Протокол

4 и 5 сентября 1917 г. Чрезвычайная комиссия для расследования действий ген. Корнилова и др. производила допрос нижепоим[енованного], и он показал:

Александр Павлович Брагин, 39 лет, православный, капитан, под судом и следствием не был.

Я, капитан Александр Павлович Брагин, показывая все, что мне известно по поводу событий 28–31 августа, заявляю, что о существовании какого-либо заговора или организации, преследующей мятежные цели, мне ничего не было известно.

Смутные слухи, носившиеся давно, о том, что в стремлениях командного состава возродить погибшую боеспособность армии принимают горячее участие многие патриотически настроенные и сознательные общественные круги, — эти слухи после Московского совещания еще усилились.

[1] Дополнительные показания А.П. Брагина см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 16.

В частности, у нас в Ставке вполне определенно говорили о том, что ген. Корнилов находит горячую поддержку своим начинаниям в бывшем министре Савинкове, в министре-председателе А.Ф. Керенском и в верховном комиссаре Филоненко. А о каком бы то ни было заговоре никто не говорил, и я не слышал ничего.

С половины августа стали усиленно говорить о том, что в Петрограде готовится грандиозное восстание большевиков и что будто бы туда посылаются войска для поддержки Временного правительства.

28 августа рано утром (часов около 10) меня вызвали к коменданту Главной квартиры. Там я застал большое количество офицеров. Вышел комендант и чрезвычайно серьезным, как мне показалось, внушительным тоном сказал приблизительно так: «Верховный главнокомандующий приказал типографии Штаба отпечатать это воззвание. Но наборщики забастовали. Сегодня с трех часов пополудни вводится осадное положение в Могилеве. Поэтому неисполнение этого приказания грозит смертною казнью. Потрудитесь напечатать это воззвание в Вашей типографии, и как можно быстрее». С этими словами мне был передан отлитографированный оттиск (на шапирографе) воззвания Верховного главнокомандующего к железнодорожникам. Прочитавши его и увидя всю серьезность этого документа, я попросил коменданта дать мне письменное предписание; тот согласился, и скоро я получил от коменданта предписание за № 9928[I].

Сильно взволнованный всем происходящим и в полной уверенности, что в Петрограде произошло действительно нечто чудовищное, я поехал к себе в типографию.

На улицах всюду уже собирались кучки солдат и публики, разъезжали конные патрули. Опасаясь, что забастовщики не ограничатся прекращением работ у себя, а попытаются прекратить работу и моей типографии, а может быть, и испортят дорогие машины, я попросил ехавшего во главе патруля прапорщика-текинца сопровождать меня до типографии и окарауливать[II] ее вплоть до распоряжения свыше о наряде охраны. Прапорщик согласился и по пути заехал ко мне во двор типографии. Я просил его не допускать никого в типографию, особенно же вооруженных людей. Затем мне позвонил секретарь начальника Штаба шт[абс]-ротмистр Кузьминский и спросил, идет ли печатание? Я ему ответил, что надеюсь на удачный исход полученного мною приказания, а затем сообщил штабс-ротмистру Кузьминскому о своих опасениях за целость казенного имущества, прося его о содействии. Тот ответил, что доложит ген. Лукомскому. Через несколько минут шт[абс]-ротмистр Кузьминский сообщил мне, что наряд от Текинского полка будет выслан для охраны типографии и ее личного состава.

Выйдя к наборщикам, я вкратце очертил им предстоящую нам задачу и рассказал им о том, как начальство ввиду устанавливаемого осадного положения решило расправиться с бастующими наборщиками штабной типографии. Я добавил, чтобы мои наборщики не боялись ничего, так как нас охраняют текинцы. Затем я известил о том, что хотя наши машины и стоят и придется работать на ручных станках, но мы обязаны выполнить приказание начальства, что за это приказание отвечает только тот, кто его отдал и т.д. «Придется работать день и ночь посменно», — сказал я наборщикам и печатникам. За сверхурочную же и успешную работу я обещал выхлопотать крупную награду <в 100 руб. каж-

---

[I] Предписание коменданта Главной квартиры Штаба главковерха А.П. Брагину № 9928 от 28 августа 1917 г. см.: Там же. Д. 11. Л. 89.

[II] Так в тексте.

дому по окончании всех заказов>[I]. Я вызвал сначала желающих; вышло 8 чел. После этого все наборщики согласились стать на работу, вполне согласившись и поверив мне, что им за это никакой ответственности не будет. Стали на ручные станки. Я немедленно донес рапортом о всем вышеизложенном (вкратце) генералу Лукомскому и просил его распоряжения о немедленной даче мне тока на моторы плоских машин. Результатом этого рапорта было то, что к вечеру прибыли монтеры и стали проводить ток к машинам.

Тем временем ко мне беспрестанно заезжали служащие в Комендантском управлении и брали отпечатанные партии воззваний и приказов Верховного главнокомандующего.

К вечеру я узнал, что и типография Штаба стала на работу и печатает то же, что и моя типография. Очередные №№[II] приказов (для проставления) мне были сообщены из штабной типографии чиновником Ревиным по телефону и подтверждены из Упр[авления] дежурного генерала. За все это время в Могилеве было тихо. Шла только усиленная агитация среди солдат гарнизона о неподчинении генер. Корнилову.

Как я узнал впоследствии, тайком от меня, т.е. не докладывая мне ничего, наборщики вверенной мне типографии отпечатали в большом количестве приказ министра А.Ф. Керенского о неподчинении армии приказам генерала Корнилова. В ночь с 28-го на 29-ое была моя очередь дежурить по службе связи в Управлении генерал-квартирмейстера. Всю ночь шли телеграммы в Ставку и из Ставки; все работало обычным порядком: и телеграфисты, и писаря, и офицеры Генерального штаба. У меня было странное чувство: не то мы все бунтовщики, но очень хорошо исполняющие свой долг, не то мы все — самые честные офицеры, исполняющие свой долг, а бунтовщики — те, кто не слушает ген. Корнилова. И это ощущение все усиливалось, а с ним вместе росло и беспокойство.

28-го генерал Корнилов, как мне передавали, делал смотр гарнизону и произнес сильную патриотическую речь. Мне приходилось тогда беседовать с солдатами (по разным случаям), и общий голос их можно прорезюмировать[III] так: «Мы теперь ничего не понимаем, совсем с толку сбиты... Кто прав, кто виноват — мы уже теперь понять не можем». И эти слова можно отнести не только к солдатам, но и к самым сознательным офицерам... Положительно, все недоумевали. Носились слухи о какой-то чудовищной провокации Львова, а потом все стали говорить, что конфликт генерала Корнилова с министром Керенским — чистое недоразумение; что, наоборот, они оба — люди, преисполненные самых горячих желаний спасти Россию, и никто из них не виноват, а виноват кто-то третий...

О воззвании офицеров (Офицерского союза) я узнал только тогда, когда оно уже было отпечатано без моего ведома. Типография, которой я заведую, была приобретена для газеты Ставки, которую я редактировал. Потом газета прекратилась, и типографию генерал Корнилов велел передать в пользование Военному союзу и Главному комитету Офицерского союза.

В последние дни августа предстоял[IV] выйти приказ начальника Штаба (по дежурству) о придании типографии штатного характера для урегулирования ее отношений к обоим Союзам. Предполагал и я попасть на должность (штатную) начальника этой типографии. До сих же пор, ввиду того, что мною не сдана

I Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

II №№ — номера.

III Так в тексте.

IV Так в тексте.

еще должность редактора, я продолжаю на ней числиться. Мои обязанности до сих пор заключались в заведовании этой типографией и ее оборудовании.

Подчинялся я 2-му генер.-квартирмейстеру, а последнее время по заведованию типографией — дежурному генералу согласно приказу Верховного главнокомандующего. Дежурному генералу я докладывал обо всех полученных мной заказах, и он одобрял все мои действия.

Больше добавить ничего не имею. Показания писал собственноручно.

Вписаны слова: «в 100 рублей каждому по окончании всех заказов». Представляю при сем предписание № 9928.

Капитан Александр Павлович БРАГИН

Член Комиссии Н. КОЛОКОЛОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 84–88. Автограф.

№ 12
Протокол допроса военного министра А.И. Верховского

11 октября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года октября 11-го дня, в гор. Петрограде Чрезвычайная комиссия по делу о генер. Корнилове и др. допрашивала нижепоименованного, который на предложенные ему вопросы показал:

Я, военный министр генерал-майор Александр Иванович Верховский, 30 лет, православный, не судился, по делу показываю:

В Ставку я приехал 25 августа 1917 года для присутствования[I] в комиссии по сокращению численности армии. В Ставке я тогда виделся только с Прониным, Сахаровым, Романовским, Лукомским, Корниловым и Филоненко. Разговор со всеми этими лицами, кроме Филоненко[II], имел[III] приблизительно одну и ту же тему — о восстановлении боеспособности армии. Намечались тогда две линии: постепенные воспитательные меры, подбор командного состава, усиление деятельности организаций и т.д. Этот путь всеми упомянутыми лицами признавался слишком медленным. Вторая линия — это было предложение быстрых и решительных мер, подавление всякого сопротивления силой других и т.д. С генер. Лукомским я по поводу этого второго взгляда говорил подробнее и указывал ему, что такими решительными мерами всю Россию покорит центр, на что он возражал, что в этом и нет надобности, т.к. достаточно показать несколько главных центров. Такой же разговор с Корниловым закончился его вопросом: как я отнесусь к диктатуре, если таковую объявит Временное правительство? Я указал, что диктатура повлекла бы за собой резню офицеров и повела[IV] к совершенному расстройству боеспособности армии. К этому я прибавил, что если Вр. правительство диктатуру введет, то я сделаю все, чтобы уменьшить вред, который она может принести. На этом наш разговор закончился. Во

I Так в тексте.

II Слова *«кроме Филоненко»* вписаны над строкой.

III Слово *«имел»* вписано над зачеркнутым: *«носил»*.

IV Слово *«повела»* вписано над строкой.

время разговора мною неоднократно высказывалась мысль о невозможности в настоящее время мечтать о единой организованной власти. Вышеупомянутые разговоры привели меня в отчаяние, т.к. давали основание предполагать, что диктатура близка к осуществлению. При этом у меня создалось впечатление, что мысль о диктатуре создалась и созревала в Ставке, и только для видимости мне указывали на возможность создания ее Временным правительством. Для того чтобы выяснить себе положение, я отправился к комиссару Временного правительства при Верх[овном] главнокомандующем Филоненко и спросил его, правда ли, что Временное правительство намеревается объявить диктатуру? От него я узнал, что это совершенная неправда и что Вр. правительство никогда диктатуры не объявит. На мой вопрос, что же значат те разговоры, которые ведутся в Ставке, и известны ли они Вр. правительству, — он ответил, что Корнилов в настоящий момент представляет из себя высоту, за которую борются две силы и которая переходит из рук в руки. Одна из этих сил офицерство Ставки и особенно Лукомский, приведенные в отчаяние разложением армии, они хотят сильными мерами создать порядок в армии, а другая — это он, Филоненко, который как представитель правительства сделает все возможное, чтобы оградить Корнилова от безумных шагов, что он надеется и достигнуть. Тогда же Филоненко просил меня упомянуть в разговоре с Корниловым[I], что в случае если б последний предпринял самостоятельно какие-нибудь шаги, тогда я буду иметь возможность сформировать до двух корпусов настоящего войска со всеми вспомогательными частями и артиллерией и стать во главе их с сознанием своей силы и с моим боевым опытом, и[II] ему, Корнилову, придется потратить много усилий, чтобы справиться с этим. Я исполнил эту просьбу Филоненко и сообщил изложенное Корнилову, который, ничего на это не ответив, сел только поглубже в кресло. В разговоре с Романовским, подп. Прониным и Сахаровым о применении решительных мер для поднятия боеспособности армии указывалось[III], что эти меры могут быть осуществлены при опоре на казачество, Союз Георгиевских кавалеров и Союз офицеров. <Я возразил, что>[IV] казачеством всю Россию не покоришь, а союзы Георгиевский и Офицеров будут погублены и тем еще более подорвана боеспособность армии. На это упомянутые лица согласились дать указание Союзу офицеров и Георгиевских кавалеров[V] в Москве работать непосредственно под моим руководством.

Между прочим, Филоненко, не предлагая мне прямой координации действий на случай выступления Ставки, заявил полную готовность поступить в мое распоряжение. Я говорил из квартиры Филоненко с генер. Лукомским по телефону по поводу того, почему мне не дают поезда? Ничего такого, что бы составляло секрет, я тогда после разговора с Лукомским Филоненко не говорил. Я должен был ехать 26 августа в 1 час дня, не повидав Корнилова, который был на смотру, но к моменту отхода поезда ко мне прибыл офицер Генерального штаба с просьбой задержаться для переговоров с[VI] Корниловым. Разговор с Корниловым был около 6 часов вечера, это был[VII] разговор о двух корпусах, которыми я могу располагать. После этого разговора Корнилов мне заявил, что

I Далее зачеркнуто: *«упомянуть»*.

II Союз *«и»* вписан над строкой.

III Слово *«указывалось»* вписано над зачеркнутым: *«я указывал»*.

IV Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над зачеркнутым: *«Но в таком случае»*.

V Слова *«и Георгиевских кавалеров»* вписаны над строкой.

VI Далее зачеркнуто: *«ним»*.

V Далее слово неразборчиво.

я свободен и могу выехать. 26 августа в 11 ч. утра я хотел представиться Корнилову, но сделать этого не мог, т.к., по словам ген. Лукомского, он смотрел опыты с самодвижущейся миной, а по другим полученным мною сведениям он находился на смотру. Фразой[1] о борьбе двух сторон за высоту Филоненко иллюстрировал борьбу свою и Савинкова, с одной, и офицеров Ставки, с другой стороны, из-за разрабатывавшихся мероприятий по поднятию боеспособности армии. Еще в Петрограде Савинков спрашивал меня, не имеется ли препятствий для расквартирования в Московск*ом округе*[II] одного казачьего полка, не мотивируя это ничем определенным. Я ответил, что с моей стороны к тому препятствий не имеется. О том же казачьем полку мне телеграфировал ген. Лукомский, сообщавший, что в Москву посылается полк во время Государственного совещания. Я ответил, что за отсутствием места в самой Москве полк расквартирован быть не может, и предложил это сделать в пределах Московского округа. Ставка предложила мне вывести один из запасных полков и на его место поставить казаков. И на этот раз требование это мотивировано не было, почему я и запросил, почему Верховный главнокомандующий больше меня заботится о том, какую часть в Москве разместить. Ответа на этот вопрос не последовало.

Московское совещание было встречено с недоверием со стороны войск гарнизона, и когда мне удалось добиться не только доверия к нему, но и готовность охранять Совещание, то было получено известие о движении на Москву одного из казачьих полков, который и был мной остановлен в Можайске, а затем отправлен после Совещания в Каширу.

Впоследствии Лукомский сказал мне, что Верх[овный] главнокомандующий очень удивился задержанию мной полка в Можайске, на вопрос же мой, с какой целью он посылался, ген. Лукомский ответил, что он посылался на случай возможного большевистского восстания.

В день получения телеграммы генерала Корнилова с приказанием исполнять только его директивы были получены сведения от железнодорожных служащих о движении казачьих частей из Смоленска на Москву, из Курска о прибытии туда и о движении эшелонов на Харьков через станцию Козиевку. Это вызвало мое распоряжение о приостановлении дальнейшего продвижения в пределы Московского округа казачьих[III] частей. Впоследствии легальность движения всех этих частей вполне определилась, кроме упомянутого казачьего полка, двигавшегося с ним железнодорожного батальона.

Сведений о сношениях генер. Корнилова с Калединым в то время ко мне не поступало, и я о них ничего не знал. По получении телеграммы Корнилова об исполнении его распоряжений мною были собраны командиры казачьих частей, расположенных в Москве, и им предложил вопрос о том, будут ли они поддерживать Временное правительство или же перейдут на сторону Корнилова. Вполне определенно они ответили, что ждут распоряжения с Дона от своих войсковых правительств и до получения таких указаний будут поддерживать только порядок, а не Временное правительство и не генер. Корнилова. На это я заметил командирам частей, что если они станут на сторону Корнилова, то я могу предоставить им эшелоны и они могут уезжать. Телеграмма моя об арестовании генер. Каледина была вызвана целым рядом донесений советов и Железнодорожного союза[12], совершенно совпадавших с тем, что мне говорил генер. Лукомский в Ставке о захвате важнейших центров, фактическим движением на

I Слово *«Фразой»* вписано над зачеркнутым: *«Вопросом»*.

II Текст, выделенный курсивом, вписан над строкой.

III Далее зачеркнуто: *«вацких»*.

них казачьих частей и[I] заявлением командиров казачьих частей в Москве. Тогда же прок[урор] М[осковской] суд[ебной] палаты Сталь показал мне телеграмму одного из командиров Московских казачьих частей о произведенном мной[II] рассредоточении казачьих частей в округе с запросом, как поступить. Сведения о намерении казачества отрезать угольный район от Москвы поступили ко мне одновременно и от Временного правительства, и от Железнодорожного союза. После назначения генерала Алексеева ко мне поступили сведения, что генерал Корнилов и другие участники мятежа на свободе, что в Могилеве значительное количество войск, Ставка продолжает руководить фронтом и перевозками войск, и ни с какой стороны не принимаются меры для того, чтобы с этим покончить. Эти данные и послужили основанием к предполагавшейся отправке войск в Могилев. В телеграмме на имя генер. Алексеева[III] я указал на необходимость ареста Корнилова, Лукомского, Романовского, Плющевского-Плющика, Пронина и Сахарова, исходя из того соображения, что Пронин и Сахаров тесно связаны, один с Союзом офицеров, а другой с Георгиевским союзом, а остальные тесно связаны между собой по своей служебной деятельности. Никаких определенных данных о виновности упомянутых лиц, помимо изложенного выше, в моем распоряжении не имелось, и указание на необходимость их ареста сделано мной как мера предупредительная. Больше ничего показать не могу. Прочитано.

Вписано: «кроме Филоненко», «повела», «и Георгиевских кавалеров», «фразой», «Алексеев», «я возразил, что», «указывалось», «ском округе», «произведенном мной», «с запросом, как поступить», «Алексеева».

Зачеркнуто: «упомянуть», «я указывал», «но в таком случае», «ним», «вопросом», «вацких»[IV], «с командирами», «Корнилова».

ВЕРХОВСКИЙ

Председатель комиссии[V]

Члены комиссии: полковник УКРАИНЦЕВ
полковник РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 148–155. Подлинник. Рукопись.

№ 13
Протокол допроса помощника начальника Штаба Верховного главнокомандующего В.В. Вырубова

7 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 7 дня член Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и других полковник Украинцев допрашивал ниже поименованного:

Помощник начальника Штаба Верховного главнокомандующего Василий Васильевич Вырубов, 38 лет, православный, не судился, показал:

I Далее зачеркнуто: *«разговором с командиром»*.

II Слова *«произведенном мной»* вписаны над строкой.

III Слово *«Алексеева»* вписано над зачеркнутым: *«Корнилова»*.

IV Так в тексте.

V Подпись председателя отсутствует.

26 августа днем я был у министра-председателя. Выйдя оттуда, направился через площадь к Морской ул. У арки встретил Владимира Николаевича Львова. Он меня остановил и спросил, где Керенский. Я сказал, что сейчас Керенского нет и что будет он у себя часа через два. Тут Львов мне ответил, что ему видеть Керенского необходимо, и начал разговор, в котором указал, что Керенский не оправдал его, Львова, надежд на создание сильной власти, оказался «бабой», что раньше он содействовал проведению Керенского в председатели Совета Министров, а теперь полагает, что для спасения страны его необходимо заменить более сильным человеком. Я, считая Львова человеком ограниченным и слишком высокого мнения о себе, хотя и в высшей степени порядочным, нашел возможным ответить ему шуткой: «27 августа будет выступление большевиков, вот тогда Вы и выскажете Ваше заявление». Вернувшись домой около 6 1/2 часов, я был вызван к министру-председателю. Придя в помещение министра, я узнал, что у него находится Львов. Ожидая в приемной, я видел, что А.Ф. Керенский вышел из кабинета, спросил бумаги, и через несколько минут после этого Львов ушел, и я был приглашен к министру. Он мне показал лист бумаги и сказал: «Вот что Львов написал»[13]. Бумаги я хорошенько не прочитал, а из слов А.Ф. Керенского, сопровождавших показ бумаги, было ясно, что Верховный главнокомандующий требует сложения правительством своих полномочий, приезда его в Ставку и участия в сформировании нового правительства. Та форма, в которую Львов облек требование от имени Верховного главнокомандующего о перемене правительства, была воспринята Керенским как явно неожиданная, он был несколько взволнован, однако не очень сильно. Я рассказал министру о своей дневной встрече со Львовым и высказал подозрение в его нормальности. А.Ф. Керенский решил переговорить с генералом Корниловым по прямому проводу, сделал соответствующие распоряжения и пригласил и меня к аппарату к 8 1/2 часам. Я немного опоздал, приехал к середине разговора. Во время разговора А.Ф. Керенский держался совершенно спокойно. Спустившись в кабинет, туда вошел Львов, и мы втроем сейчас же в автомобиле отправились во дворец. Еще в кабинете Львов прочитал ленту и сказал: «Теперь Вы видите, что я не лгун». Кроме того, помню еще одну фразу: «Я Вас спас». А.Ф. Керенский говорил как от своего имени, так и от имени Львова, так как между ними было условлено, что они будут говорить вместе, а Львов опоздал. Я тогда не обратил внимания на то, что в вопросе А.Ф. Керенского не цитировалось содержание записки, написанной Львовым. Той же ночью я обратил внимание А.Ф. Керенского на это обстоятельство, на что он мне ответил, что он видит подтверждение требований генерала Корнилова в том, что Львов, ознакомившись с его разговором по прямому проводу, вновь повторил эти требования от имени Верховного главнокомандующего. Вернувшись во дворец, А.Ф. Керенский[I] предложил нам со Львовым подождать его в приемной. Тут меня Львов спросил по-французски, знаю ли я все. Я понял, что это относится к содержанию требований генерала Корнилова, и, связанный словом А.Ф. Керенскому, ответил, что нет. Вскоре Львов был приглашен в кабинет, а минут через 15 и я. А.Ф. Керенский мне сказал, что Львов признавал, что необходимо принимать важные решения, устранив Корнилова от должности. В это время Керенский был взволнован, а до этого и во время разговора по аппарату и до самого возвращения во дворец был вполне спокоен. В кабинет заходил Балавинский[II], относительно которого я потом узнал, что он, незаметно

[I] Далее зачеркнуто: *«довольно»*.

[II] В тексте ошибочно: *«Балабинский»*.

для Львова, присутствовал при его разговоре с А.Ф. Керенским. К этому времени были уже собраны для делового заседания министры, которые и открыли закрытое заседание. Ими было вынесено известное постановление о предоставлении А.Ф. Керенскому исключительных полномочий и об объявлении Петрограда на военном положении. До получения воззвания генерала Корнилова, в котором Вр. правительство было названо германскими агентами, Савинков настаивал на необходимости переговоров с генералом Корниловым, стоял на этой точке зрения и я, и генерал Алексеев, но после получения воззвания возможность переговоров отпала. Я был за переговоры с генералом Корниловым, зная его порядочность и надеясь на его любовь к Родине. Кроме воззвания Вр. правительство имело сведения только от Филоненко из Ставки. Савинков был сторонником переговоров с генералом Корниловым, указывая на то, что, провожая его из Ставки в последний раз, генерал Корнилов просил передать Керенскому, что он его всецело поддержит. Речь шла о реформах в армии, которые Керенский в качестве военного министра должен был проводить в согласии с генералом Корниловым. Филоненко было приказано выехать в Петроград. Он несколько раз, кажется бы[I], говорил из Ставки. Из разговоров, поскольку мне их передавали, было не ясно, арестован он или нет, если он был арестован, то почему ему позволяют говорить по прямому проводу, а если не арестован, то почему не сидит. После приезда его в Петроград мне с ним, собственно, говорить не приходилось.

Зачеркнуто: «довольно».

Прочитано. *Василий Васильевич ВЫРУБОВ*

Член Чрезвычайной комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 182–183 об. Подлинник. Рукопись.

№ 14
Протокол допроса командира 1-й Кавказской туземной дивизии А.В. Гагарина

31 августа 1917 г.

Протокол допроса свидетеля

1917 г. августа 31 дня в гор. Петрограде член Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о генер. Корнилове и др. полковник Раупах допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, причем он по предложенным вопросам показал:

Я, командир 1-ой Кавказской туземной дивизии генерал-майор Александр Васильевич Гагарин, 48 лет, православный, не судился.

По делу показываю:

24 августа этого года я получил телеграмму Верх[овного] главнокомандующего немедленно прибыть в Ставку. 26 августа я прибыл в Могилев, а 27-го в 10 ч. утра меня принял генер. Корнилов и сообщил, что ввиду полного доверия Туземной дивизии ко мне как бывшему начальнику бригады этой дивизии он назначает[II] меня начальником 1-ой Кавказской туземной дивизии. Дивизия эта

[I] Так в тексте.

[II] Далее зачеркнуто: *«Вас»*.

стояла на станции Дно, куда я и выехал 27 августа и прибыл 28-го утром. Никаких особых инструкций генер. Корнилов мне не давал, но, между прочим, в разговоре сказал, что вообще нет порядка и что он уверен, что все приказания, которые я получу, будут исполнены в точности. По поводу Временного правительства и современного политического положения никаких разговоров с ген. Корниловым у меня не было.

28 августа я прибыл на станцию Дно, где явился к[оманди]ру корпуса генералу кн. Багратиону. Последний приказал мне следовать с эшелоном моей дивизии, находившейся уже в движении, и воссоединиться на станции Семрино. 29-го утром пятый эшелон моей дивизии дошел до станции Вырица и следовать дальше не мог, т.к. путь был уже разобран. Первые мои эшелоны уже успели пройти Вырицу, но, как я узнал впоследствии, до Семрино не дошли. Достигнуть же этой станции удалось только одному Татарскому полку на следующий день, т.е. 30 августа, после исправления пути. До настоящего времени не разгружены обе батареи (16-ая и 20-ая в[I]) и весь Кабардинский полк. 28 августа во время представления ген. кн. Багратион устно сообщил мне[II] цель движения моей дивизии — Царское Село, в[III] котором и расквартироваться. Кн. Багратион определенно сказал мне, что мы посылаемся на случай возможных беспорядков. О движении на Петроград кн. Багратион мне не говорил ничего, но из приказа генерала Крымова[14] я знал, что такое движение предполагалось. Однако и это движение имело в виду только беспорядки, но не переворот, о котором не было речи. В частности, слова «диктатура» я ни от кого не слыхал. Генерала Крымова я видел только в Могилеве 26 авг[уста] на станции. На мой вопрос, куда он едет, я получил ответ: «В Псков». 29 августа днем в Вырице ко мне явился комитет пулеметной команды моей дивизии, и обратился ко мне с вопросом о цели движения дивизии и заметил, не за тем ли их ведут, чтоб восстановить старый строй. Я им категорически сказал, что о возвращении старого режима не может быть и речи и что мы идем исключительно на случай возможных беспорядков. В числе явившихся семи человек комитета был председатель Поломарчук. Фамилий остальных я не знаю. Ответом моим члены комитета были вполне удовлетворены. Насколько вспоминаю, 29 августа на станции Вырица я лично читал циркулярную телеграмму генерала Корнилова о его полной готовности работать во Временном правительстве для восстановления порядка[15]. В телеграмме этой ген. Корнилов приглашал все Временное правительство в Ставку, гарантируя им честным словом полную неприкосновенность. Эта телеграмма исключала всякое предположение о какой-либо борьбе с Временным правительством.

30 августа я получил от князя Багратиона телеграмму: «Дальнейшее продвижение дивизии приостановить»[16]. Телеграмму эту Вам представляю. (Свидетелем представлена телеграмма от 30 авг[уста] за подписью генерал-майора князя Багратиона). Впервые части моей дивизии в лице квартирьеров встретились с петроградскими войсками 29 июля в Царском Селе. Два квартирьера-офицера застали там капитана Козьмина и спросили его, какие деревни еще не заняты и какие они могут занять. На это кап[итан] Козьмин ответил, что им здесь располагаться нельзя. Затем он или кто-либо другой при беседе с квартирьерами спросил их, не приехала ли дивизия для восстановления старого режима. Офицеры ответили, что нет, что приехали только для порядка, на что и пехот-

---

I Далее слово неразборчиво.

II Слова *«сообщил мне»* вписаны над строкой.

III Предлог *«в»* вписан над строкой.

ные солдаты заметили, что и они тоже за порядок. Всадников, которые стали здороваться с солдатами, последние начали качать. Обо всем этом офицеры, вернувшись в дивизии, рассказали нам, и мы тут впервые узнали, что в Петрограде на нас смотрят как на силу, имеющую своим назначением восстановить старый режим.

При сем прилагаю записку, вследствие которой я прибыл сегодня в Петроград. (Свидетелем представлена записка карандашом от 31/VIII за подписью: «генерал-лейтенант Крымов»[17]).

Больше ничего по делу я показать не могу.

Прочитано. Зачеркнуто: «Вас», «и».
Дописано: «сообщил мне», «в», «ся».

Командующий 1-ой Кавказской туземной конной дивизией,
генерал-майор князь ГАГАРИН

Член Чрезвычайной комиссии полковник РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 12–14. Подлинник. Рукопись.

№ 15
Протокол допроса генерала для поручений при Верховном главнокомандующем В.В. Голицына

11 сентября 1917 г.

Протокол

11 сентября 1917 г. Чрезвычайная комиссия по расследованию действия генерала Корнилова и других допрашивала нижепоименованного, и он показал:

Владимир Васильевич Голицын, 39 лет, православный, полковник, под судом и следствием не был, проживаю в гор. Могилеве — губернском, в гостинице «Рим», комната № 16.

Я с 24 июля занимаю должность генерала для поручений при Верховном главнокомандующем. На мне лежала обязанность организации личной охраны генерала Корнилова, а также и ведение переписки по всякого рода просьбам, приветствиям и жалобам, присылаемым на его имя. Просьбы были исключительно о помощи, и переписка по ним была значительная потому, что генерал Корнилов исключительно чутко относится к горю людскому. Из Могилева за эти 1 ½ месяца я выезжал 4 раза: один раз в местечко Шостку для расследования по делу охраны Шостенского порохового завода, два раза — в г. Петроград для сопровождения генерала Корнилова и один раз — в г. Москву, с ним же. В гор. Могилеве я буквально ни в одной квартире не был, как и вообще выезжал из дому только на вокзал, а выходил лишь три раза в церковь и три раза в баню. Из лиц, бывавших у генерала Корнилова, я видел почти всех, так как, неся на себе серьезную ответственность за охранение генерала, я должен был видеть тех, кто желал ему представиться. Некоторых лиц, внушавших подозрение, а также и психически ненормальных я не допускал к генералу. Были, хотя и редкие случаи, когда генерал за недостатком времени поручал мне опрос некоторых посетителей. Ни в каких заговорах я не участвовал и о существовании их ровно ничего не знаю. Относительно пребывания в Ставке бывшего обер-прокурора Святейшего Синода В.Н. Львова знаю лишь следующее: 24 августа, око-

ло 3–4 час. дня, ко мне пришел есаул Родионов и сказал, что в Могилев приехал В.Н. Львов, который находится у него в гостинице и желает представиться генералу Корнилову, так как он, Львов, приехал к генералу Корнилову с поручением от министра-председателя А.Ф. Керенского. Имея в виду: 1. Что г. Львов приехал с поручением от министра-председателя и 2. Бывший член Государственной Думы и Временного правительства, я передал дежурному адъютанту, чтобы он, когда придет г. Львов, пропустил его к генералу беспрепятственно, сам же он считал необходимым предварительно с ним познакомиться, так как общественное[I] положение г. Львова исключало возможность предположения о покушении на жизнь генерала Корнилова. Познакомился я с В.Н. Львовым уже после его представления генералу, 25 августа. Никаких разговоров с ним я не вел. Генерал же Корнилов, что я отчетливо помню, в тот же день, 25 августа, во время завтрака сказал мне, что г. Львов приезжал к нему с поручением от г. Керенского. Относительно бывшего управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова могу сказать лишь только, что видел его несколько раз, но никогда с ним не разговаривал.

Со штабс-капитаном Филоненко я познакомился в конце июня во время боев у г. Станиславова. До начала августа наши взаимоотношения были нормальными, хотя еще в конце июля мне показалось несколько странным его настойчивое желание, чтобы из Ставки были переведены генералы Лукомский и Тихменев. Не помню точно числа, 25–27 июля, при мне штабс-капитан Филоненко говорил по прямому проводу с Б.В. Савинковым[II], причем сказал, что генерал Тихменев «...ведет для Мирта коня бледного...». На мою просьбу расшифровать это выражение штабс-капитан Филоненко объяснил, что «Мирт» — это Лавр Георгиевич Корнилов, а «конь бледный» — это смерть. Слышал, что последствием этого разговора был экстренный вызов генерала Тихменева в Петроград, но к моменту отъезда его этот вызов был отменен. В начале августа я почувствовал, что штабс-капитан Филоненко что-то недоговаривает, что у него есть нечто затаенное. Мои подозрения усилились, когда я обратил внимание, что штабс-капитан Филоненко перестал открыто и прямо смотреть мне в глаза. Быть может, это странность, но я как-то не могу с открытой душой относиться к тем людям, которые не смотрят мне прямо в глаза. 14 августа в г. Москве штабс-капитан Филоненко настойчиво стремился сесть в автомобиль рядом с генералом Корниловым, когда генерал ехал на Государственное совещание, а также и возвращался обратно, но я оба раза этому воспрепятствовал, так как лично мне надо было быть в автомобиле как лицу, ответственному за охранение генерала Корнилова. В желании же штабс-капитана Филоненко я видел одно лишь тщеславие, а потому в автомобиль его не пустил. Насколько я улавливал характер взаимоотношений между генералом Корниловым и штабс-капитаном Филоненко, то они представляются мне так: генерал Корнилов относился к штабс-капитану Филоненко с полной доверчивостью и прямотой, штабс-капитан Филоненко же производил впечатление человека, которому, как говорится, «пальца в рот не клади». С его стороны я не чувствовал полной искренности, с чем[III] еще в самом начале августа поделился с генералом Корниловым. Помню, что генерал Корнилов, который вообще относится с безмерной доверчивостью, был недоволен высказанным мной мнением. По возвращении из Мос-

---

I Слово *«общественное»* впечатано над строкой.

II Запись разговора по прямому проводу М.М. Филоненко с Б.В. Савинковым 31 июля 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 75–77.

III Так в тексте.

квы отношения наши резко нарушились по следующему поводу: мой доклад генералу Корнилову по разного рода просьбам, поступавшим на его имя, был от 8–9 час. вечера ежедневно. 16 августа, во время моего доклада, в кабинет генерала Корнилова вошел адъютант и доложил, что генерала желает видеть штабс-капитан Филоненко по срочному делу. Я, конечно, должен был прервать свой доклад и выйти из кабинета. 17 августа штабс-капитан Филоненко вновь таким же образом прервал мой доклад, 18 августа также. Естественно, что это мне не понравилось, и я прямо заявил штабс-капитану Филоненко, что, учитывая элементарные правила вежливости, я так бы не поступал, а испросил бы у генерала Корнилова указания, когда именно можно являться к нему с докладом. С этого момента штабс-капитан Филоненко начал проявлять ко мне явно враждебное отношение, что меня только смешило, так как штабс-капитан Филоненко представлялся мне не серьезным человеком, способным стоять у важных государственных дел (он занимал должность комиссара Временного правительства при Верховном главнокомандующем), а покушающимся на эту роль. В течение всего августа я присутствовал лишь при двух беседах его с генералом Корниловым: 27 августа, около полудня, в саду у дома Верховного главнокомандующего в присутствии нескольких лиц, и около четырех часов дня, когда штабс-капитан Филоненко пришел к генералу Корнилову в сильно возбужденном состоянии, почему я вместе с ним вошел в кабинет генерала и сел за другим столом с целью воспрепятствовать какому-либо насилию. Генерал Корнилов под благовидным предлогом удалил меня из кабинета. Лично же я со штабс-капитаном Филоненко наедине вел беседы только тогда, когда он обращался ко мне с разного рода просьбами, главным образом об устройстве управления комиссариата и его личном благополучии. Из более серьезных тем было лишь две: 1) как-то на моем столе он увидел издание Союза солдат-республиканцев, и когда я сказал ему, что принимаю самое деятельное участие в распространении литературы этого Союза, то мы побеседовали о целях Союза; 2) о гг. Керенском и Савинкове. Относительно Савинкова он говорил, что Савинков сильный человек с большим государственным умом, а г. Керенский уже выдохся. Затем мельком я слышал от В.С. Завойко, что штабс-капитан Филоненко предполагает быть министром внутренних дел, но к вести этой я относился иронически, как к чему-то недостаточно серьезному. 31 августа я прочитал в телеграммах нижеприводимое обращение г. Филоненко к всадникам Туземной конной дивизии: «Вы знаете меня по 8-ой[I] армии и поверите, если я скажу вам, что генерал Корнилов и ваши начальники обманывают вас, ведут в Петроград не против большевиков, а против Временного правительства, желая свергнуть его и восстановить старый строй. Никакие мои уговоры, никакие убеждения мои не подействовали на генерала Корнилова, решившегося начать гражданскую войну и пролить вашу кровь для восстановления старого строя. Солдаты, ваши начальники поддерживают генерала Корнилова, они тоже изменники Свободы и Родины. Не слушайтесь их, бросайте ваши полки, которые без вас ничего не могут сделать. Идите в Царское Село к товарищам солдатам и Временному правительству. Комиссар Временного правительства Филоненко. 30 августа 1917 г.»[II]. С момента прочтения этого воззвания я отношусь к г. Филоненко с безмерной гадливостью, так как иначе не могу относиться к человеку,

[I] Цитируется ошибочно. В телеграмме указано: *«по шестой армии»* (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 23. Л. 108).

[II] Телеграмму-обращение М.М. Филоненко к солдатам Туземной дивизии см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 23. Л. 108–109.

который нашел возможным заявить, что генерал Корнилов «обманывает» и повел Туземцев против Временного правительства «...для восстановления старого строя...». Это заведомая гнусная ложь, ибо генерал Корнилов — сын Народа, всей своей жизнью доказавший преданность интересам Народа, не мог изменить делу борьбы за Народовластие. Вероятно, г. Филоненко вообще не думал, когда писал это воззвание, так как если бы думал, то сообразил бы, что при восстановлении дома Романовых генерал Корнилов был бы один из первых, с которым бы расправилось Самовластие. Кроме того, и я, наверно, не считал бы за величайшее счастье служить моей Родине в непосредственном подчинении генералу Корнилову, так как хотя бы даже распространение литературы о республиканском строе никак нельзя связать с борьбой за Самовластие. Об аресте штабс-капитана Филоненко 27 августа я ровно ничего не знаю и думаю, что сведение это неверно, так как я в течение этого дня видел его несколько раз совершенно свободно входившим и выходившим из дома генерала Корнилова.

На первой странице над пятой строчкой снизу надписано слово «общественное».

Полковник Владимир Васильевич ГОЛИЦЫН

Член Чрезвычайной комиссии полковник РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 21–22 об. Подлинник. Машинопись.

№ 16
Показание преподавателя Донского кадетского корпуса А.Н. Грекова

4 октября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года, октября 4 дня, в гор. Петрограде Чрезвычайная комиссия по делу о генерале Корнилове и др. допрашивала нижепоименованного, который на предложенные ему вопросы показал:

Я, штатный преподаватель Донского кадетского корпуса, член Совета Союза казачьих войск, войсковой старшина Александр Николаевич Греков, 39 лет, православный, не судился, по делу показываю:

Около 6 ч. вечера 27 августа 1917 года мне сообщили из канцелярии Совета Союза каз[ачьих] войск, что туда передана телефонограмма, по которой просят прибыть какому-либо члену Совета на заседание под председательством Савинкова, которое будет происходить в комнате помощника командующего Петроградским воен[ным] округом в 7 ч. вечера. Получив это извещение, я вместе с членом Совета казаком Кубанского войска Авдеевым немедленно отправился в дом командующего войсками, куда и прибыл к назначенному времени. В комнате, в которой предполагалось, по телефонограмме, наше заседание, уже совещались, но нас туда не допустили, а попросили обождать внизу, в приемной комнате.

Совершенно не понимая, зачем мы вызваны, я и член Совета казак Авдеев начали строить свои предположения, которые свелись к тому, что, вероятно, нас хотят эвакуировать из Петрограда, тем более что накануне к нам в[1] Совет приходили из Казачьего отдела Главного штаба и сообщили, что они предназначены к эвакуации. Вскоре к нам вышел генерал Васильковский (командую-

[1] Предлог *«в»* вписан над строкой.

щий в то время Петрогр[адским] окр[угом]) и, поздоровавшись с нами, задал мне такой вопрос: «Как вы относитесь к последним событиям?» Совершенно не понимая, к чему относится этот вопрос, я на вопрос ответил вопросами: «К каким событиям? Прорыву под Ригой или к выступлению назавтра большевиков?» На что генерал Васильковский удивленно заявил: «Да разве вам не известно, какую штуку выкинул Корнилов? Ведь он объявил себя диктатором и идет на Петроград». В это время к нему обратился какой-то офицер из состава Штаба, и на этом наша беседа прекратилась. Известие, сообщенное нам Васильковским[I], было новостью, никто из Совета до этого ничего не знал. Прождав около часа, я обратился к адъютанту командующего войсками за разъяснением, почему нас не приглашают на заседание, а заставляют ждать. На что получил ответ, что там происходит другое заседание, а чтобы мы прошли в следующий этаж и ждали там. Поднявшись в указанную комнату, мы застали там представителей Комитета Георгиевских кавалеров и Офицерского комитета, которые выражали также неудовольствие по поводу того, что бесцельно просидели больше часа. Вскоре после этого к нам пришел капитан Кузьмин, который и объявил, что Савинков к нам не выйдет, ибо он отправился к министру-председателю, а вместо себя поручил ему, Кузьмину, переговорить с нами. В непродолжительной беседе Кузьмин довольно неясно, вкратце познакомил нас с событием. Из его сообщения нам было ясно только, что от Корнилова приехал Львов к Керенскому с предложением, что он, Корнилов, будет диктатором, а Керенский — министром юстиции и т.п. Причем было сказано, что на Петроград идут казачьи части, против которых высланы войска из Петрограда, и что на Дону Каледин поднял восстание. Здесь же в комнате[II] находился, если я не ошибаюсь, и помощник командующего войсками Московского округа. Полученные нами сведения настолько были кратки, что не дали нам точной картины происшедшего. На мой вопрос, почему ведут беседу только с представителями вышеназванных трех организаций отдельно, капитан Кузьмин ответил, что мы показали себя на Московском совещании сторонниками Корнилова, и вообще из его слов можно было вывести заключение, что нам как бы не очень доверяют. Из дальнейших разговоров выяснилось, что по распоряжению командующего Петроградского военного округа в казачьи части, идущие на Петроград, посланы делегаты от Совета солдатских депутатов. На что мною был заявлен протест, почему не обратились за этим в Совет Союза каз[ачьих] войск, который мог бы послать делегатов от себя, и эти делегаты были бы более приятны для своих станичников. Капитан Кузьмин на это возразил, что и от казачьих полков, стоящих в Петрограде, т.е. 1-го, 4-го и 14-го Дон[ских] полков, посланы тоже делегаты. Впоследствии[III] выяснилось, что от этих полков делегаты не посылались. По окончании разговора с Кузьминым я немедленно отправился к своему председателю, войск[овому] стар[шине] Дутову, чтобы собрать немедленно Совет и обсудить создавшееся положение, так как Совет до этого совершенно ничего не знал о корниловском выступлении. Оказалось, что Дутов в это время узнал из частного источника о происшедшем, так как в городе уже начали ходить слухи, и сам собрал Совет, который в полном составе ждал нашего возвращения, чтобы от нас получить точные сведения. Выслушав наш доклад, Совет постановил, ввиду полной неясности цели движения войск на Петроград, командировать к Керенскому трех человек и просить у него разреше-

---

I Слово *«Васильковским»* вписано над зачеркнутым: *«Верховским»*.

II Слова *«в комнате»* вписаны над строкой.

III Далее зачеркнуто: *«от»*.

ния ехать в Ставку и опросить самого Корнилова. В делегацию были избраны войск[овой] стар[шина] Дутов, подъесаул Караулов (атаман Терского войска) и есаул Аникеев. Депутация была принята Керенским, и было решено на другой же день отправить ее для переговоров с Корниловым. Когда же на другой день депутация прибыла за получением разрешения на выезд, то застала разрешение лежащим на столе, уже заготовленным, но еще не подписанным. Когда была потребована подпись, то депутации было сказано, что разрешение им не будет дано, так как надобность в посылке подобной делегации миновала.

На другой день к нам в[I] Совет прибыли 3 казака 15-го Дон[ского] каз[ачьего] полка, которые заявили, что они были у Керенского, но о чем говорили с ним, не сказали, причем добавили, что, сказав там, что идут обедать, прибежали узнать, что им делать и как относится Совет к выступлению Корнилова. Причем сказали, что им плевать на правительство, а лишь бы уйти всем на Дон. Предупреждаю, что лично мне они этого не говорили, а говорили председателю Совета СКВ. Во всяком случае, эти лица были выделены из общей казачьей массы и произведены Керенским в прапорщики. Не помню, на другой или на третий день, в Совет приехал адъютант Керенского, офицер морской службы, и просил дать ему какого-нибудь офицера из Совета для поездки в 1-ую Донскую каз[ачью] дивизию. На это был назначен прапорщик Худяков, который и отправился с адъютантом на Балтийский вокзал. По дороге прапорщику Худякову была показана бумажка об аресте начальника 1-ой Дон[ской] каз[ачьей] дивизии и некоторых офицеров и сказано, что его берут с собою для придания большей авторитетности этой комиссии. Узнав об этом, прапорщик Худяков заявил, что он Советом для этой цели не уполномочен, а потому считает себя обязанным вернуться в Совет, доложить об этом Совету и тогда[II] уже, если Совет найдет нужным поручить ему это, то он поедет. Когда прапорщик Худяков доложил об этом Совету, то Совет постановил делегировать двух членов Совета в 1-ую дивизию с целью добиться во что бы то ни стало отмены ареста офицеров. Что им вполне удалось. Затем 30 августа, когда отчасти обстановка стала яснее, наш Совет выпустил свою резолюцию, в которой рекомендовал казачьим частям слушаться приказаний Вр. правительства. Это воззвание не удовлетворило министра-председателя, и он потребовал к себе весь президиум Совета в Зимний дворец. Прибыл в числе этой делегации и я. Там с нами вел беседу Керенский в присутствии министра призрения Ефремова. Причем в повышенном тоне требовал от нас, чтобы мы вынесли резолюцию, что Корнилов и Каледин изменники и мятежники. На что мы обещали вечером же дать ответ. По возвращении из Зимнего дворца мы снова собрали весь Совет и, обсудив предложение Керенского, написали ему письмо, которое я в копии при этом прилагаю[18]. Ввиду же того, что, разговаривая с нами, Керенский заявил, что это мы, офицерство, против него, а все рядовое казачество на его стороне, мы свое письмо отправили с казаками не чиновными, которые и вручили ему это письмо. Надо заметить, что сначала Керенский отказался принять это письмо, но после настойчивого требования делегации взял его и прибавил, что за последствия он не отвечает. Спустя много времени, точно числа я установить не могу, я был приглашен к военному министру Верховскому, который заявил мне, что он хотел бы побеседовать со мною и выяснить то недоразумение, которое произошло между ним и Войском Донским. Рассказав мне все причины, которые заставили его объявить приказ о

I Предлог *«в»* вписан над строкой.

II Далее зачеркнуто: *«же»*.

бунте на Дону и выступлении частей войск Московского района против мнимого похода донских казаков на Москву, генерал Верховский заявил, что разве, при наличии всех этих данных, мог ли он поступить иначе. Когда я спросил у генерала Верховского, могу ли я весь разговор с ним передать нашим войскам и частям, последний сказал, что да, я могу это сделать, но чтобы я не перепутал всех фактов, что он напишет на бумажке главнейшие, по его мнению, факты, что тотчас и сделал. Копию всех этих фактов я прилагаю при сем[19]. Причем впоследствии оказалось, что все эти факты ничего общего с корниловским движением не имели, за исключением пункта № 1, а именно:

Пункт 2. Заявление генерала Лукомского и движение, в связи с этим, казачьих эшелонов по разным направлениям. Оказалось, что эти эшелоны шли для формирования новой каз[ачьей] дивизии.

Пункт 4. Никакой угольный район никто не шел захватывать, а была послана на один из рудников, где пошаливали рабочие, сотня казаков для успокоения.

Пункт 5. Выход пеших частей, по-моему, можно объяснить лишь желанием оказать почет в то время Верховному главнокомандующему, казаку.

Кроме этих главных пунктов, указывалось еще на то, 1) что в станице Урюпинской группируются казачьи части, 2) что станции Поворино и Алексино заняты казаками и 3) что генерал Каледин объезжает станицы и призывает казаков к восстанию.

Всем живущим на Дону известно, что ст. Урюпинская всегда служила сборным пунктом для казаков этого округа, как Каменская — для Донецкого округа, гор. Новочеркасск — для Черкасского и т.д., почему естественна группировка частей в ней, в связи хотя бы того же формирования новой каз[ачьей] дивизии.

Что касается станции Поворино и Алексино, то приехавший с Дона представитель крестьянских депутатов Мельников (если не ошибаюсь фамилией) и проезжавший эти станции 28—29 августа не видел в них ни одного вооруженного казака. Следовательно, и здесь далеко от истины.

И, наконец, п. 3, объезд Калединым станиц. Каждому казаку известно, что по принятому издавна обычаю каждый вновь назначенный атаман обязан был объехать главнейшие станицы, познакомиться с казаками и побеседовать с ними. Тем более обязан был сделать это первый избранный самим войском атаман. Тот же самый депутат от крестьян области Войска Донского случайно присутствовал в станице в момент произнесения речи Калединым на площади со стола и говорит, что ни одним словом не обмолвился атаман о Корнилове и восстании. Вся его речь была направлена к тому, чтобы жители станицы жили мирно и не ссорились казаки с крестьянами.

Ко всему сказанному могу добавить, что во время беседы с генералом Верховским я заявил, что казачество желало бы видеть в числе членов Следственной комиссии и своего представителя, на что генерал Верховский обещал свое содействие. На другой день я был вызван снова к генералу Верховскому, и последний объявил, что место в Следственной комиссии предоставлено казачеству, и просил указать лицо, которое займет это место[1]. Я просил разрешение этого вопроса предоставить войску, ибо лично на себя я решение этого вопроса взять не могу. На мой телеграфный запрос Войсковое правительство Войска Донского ответило, что доверяет этот вопрос разрешить Совету Союза каз[ачьих] войск. Таким лицом избран Харламов — присяжный поверенный.

---

[1] О включении в состав комиссии представителя от казачества И.Г. Харламова см. документ № 49 — т. 1.

При последней встрече генерал Верховский передал мне еще ряд телеграмм, касающихся к делу Каледина, копии коих при сем прилагаю[I], а также прилагаю копию с предсмертной речи генерала Крымова[20]. К сожалению, установить, как она попала в Совет, мне до сих пор не удалось.

Войсковой старшина А. ГРЕКОВ

Зачеркнутому «Верховским» и написанному «Васильковским» верить.

Войс[ковой] стар[шина] ГРЕКОВ

Члены Комиссии[II] *Н. КОЛОКОЛОВ*

Полковник РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 61–63 об. Автограф.

№ 17
Протокол допроса генерал-квартирмейстера при Штабе главковерха М.К. Дитерихса

31 августа — 1 сентября 1917 г.

Протокол

Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о генерале Корнилове и его соучастниках 31 августа и 1 сентября 1917 года допрашивала нижепоименованного, который показал:

Михаил Константинович Дитерихс, генерал-майор, 43 лет, состою в распоряжении начальника Штаба Верховного главнокомандующего.

Я командовал дивизией в Салониках. Был вызван оттуда телеграммой Керенского. Прибыл в Петроград 10 августа сего года в Главное управление Генерального штаба. По наведенным в Штабе справкам предполагалось назначить меня командующим Петроградского военного округа, но к моменту моего прибытия это место уже было занято. Когда Керенскому доложили о моем прибытии, то он приказал позвать меня в Зимний дворец. 11-го числа я явился к нему. У него в это время находился Савинков. У них было бурное объяснение, последствием которого была решена отставка Савинкова. В беседе с Керенским выяснилось, что он предполагал пригласить меня на пост военного министра. В беседе я пожелал выяснить политическую конъюнктуру и основные взгляды правительства на данный момент. Керенский высказался, что левый и правый фланги нашего политического фронта уже определились. Он жаловался на отсутствие сотрудников среднего направления, ибо более крайние меры могут вызвать железнодорожную забастовку и анархию. Финансовое положение он изобразил как отчаянное и говорил о необходимости сокращений расходов наполовину. По его словам, правый фланг политического фронта составляют люди, недовольные новым строем и желающие восстановить самодержавие. За крайними левыми партиями стоит улица — чернь, которая доминирует над ними и

I Копию телеграммы командующего войсками Московского военного округа К.И. Рябцева в Военное министерство см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 69.

II До слов *«Члены Комиссии»* зачеркнуто: *«Председатель Комиссии»*.

препятствует проведению реформ. Центр составляют кадеты и примыкающие к ним на почве недовольствия Временным правительством земские партии и крестьянство. Флангов он не опасается, однако, в общем, положение политического фронта таково, что никакие решительные меры к укреплению порядка проведены быть не могут. Он представляет себе возможность гражданской войны, но старается избежать ее. В свою очередь я говорил, что время не терпит, что на фронте не ждут, что порядок необходимо водворить, если даже для этого придется отсечь эти фланги. По вопросам чисто военным мы переговорить не успели, ибо вскоре началось Московское совещание. Не желая оставаться бездеятельным, я отпросился в армию. Меня отпустили 21 августа. 22 августа вечером я выехал из Петрограда, испросив разрешение начальника Главного управления Генерального штаба Романовского съездить к родным в Киев на два дня. Поехал я через Ставку в одном поезде с Савинковым. В Могилеве на вокзале среди встречавших Савинкова лиц я видел генерала Крымова. Кто-то из офицеров от имени генерала Лукомского передал мне приказ высадиться в Могилеве и явиться к нему. Тогда же Крымов отвел меня в сторону и говорил, что формируется новая армия для защиты подступов к Петрограду, что Северный фронт упраздняется и что мне предназначена должность начальника штаба армии. Я согласился. Тогда как раз состоялся прорыв на Рижском фронте, и где остановится армия, было неизвестно. На случай оставления нашей армией Венденских позиций уже давно было намечено два пути для ее отступления, разделяемые системой озер: Псково-Новгородское и Нарвско-Петроградское направление. Последнее, Нарвско-Петроградское, в связи с Финляндией составляло одну задачу — оборону Финского побережья и ближайшим образом — оборону подступов к Петрограду. Момент осуществления этой формации обусловливался двумя положениями: временем возможной передачи Северным фронтом своего управления войсками Западному и временем передачи корпусов правофланговых в распоряжение возникающей новой армии. Кроме этих правофланговых корпусов, в состав этой особой армии должны были войти войска, находившиеся в Финляндии, и третий конный корпус, который по требованию Временного правительства направлялся в Петроград. Учреждение этой Особой Петроградской армии влекло за собою упразднение Северного фронта и Управления снабжениями Северного фронта, что в свою очередь влекло значительное сокращение расходов. Вопрос этот, очевидно, был разработан заранее детально, так как при мне говорилось уже только о территории, которая должна была быть подчинена новому командующему Особой армией. Как раз по вопросу об этой территории, между прочим, в Ставку 23 августа приехал Савинков, и вместе с ним было намечено, что в нее войдут весь Петроградский округ, за исключением Петрограда, Финляндия, Эстляндская губ. и Балтийский флот. Между прочим, при мне в Ставку приезжал генерал-квартирмейстер Раттель из штаба Западного фронта для переговоров о времени принятия от Северного фронта управления частями войск, переходящих к нему. Ставка торопила формирование новой армии ввиду неизвестного положения на Северном фронте, так как Клембовский доносил, что хотя войска остановились на Венденских позициях, однако что произойдет дальше, определить было трудно. Я вступил в переговоры, чтобы узнать, что сделано на этом фронте в инженерном отношении, и вел эти переговоры с генералом Величко и адмиралом Бубновым, так как по плану Балтийский флот должен был быть подчинен командующему этой новой армии. Командующим этой армии предназначался генерал Крымов. В Ставке Крымов был без своего штаба, только с адъютантами, подполковником и двумя обер-офицерами.

23 или 24 августа генерал-квартирмейстер Ставки Иван Романовский, когда я выяснил детали нахождения войск новой армии, сообщил мне, что 3-ий конный корпус по требованию Временного правительства передвигается к Петрограду и уже начал посадку. Когда я явился к Лукомскому 23-го, то он мне сделал предложение официально занять должность начальника штаба новой армии, на что я согласился. Он мне сказал, что 3-ий конный корпус передвигается уже теперь по требованию Временного правительства к Петрограду, где между 27 августа и 1 сентября ожидаются большевистские выступления. Между прочим, и Савинков в этот свой приезд обсуждал вопрос о посылке конных частей к Петрограду. В состав третьего корпуса, по словам Лукомского, должны были войти первая Донская, Уссурийская и Туземная дивизии, а кроме того, в момент беспорядков предполагалось двинуть из Усикирки 5-ую Кавказскую дивизию и, по особой просьбе Савинкова, 2-ой уланский Курляндский полк. Как я позднее узнал, этот полк считался наиболее дисциплинированным. Лукомский тогда же говорил мне, что Временное правительство хотело бы, чтобы во главе 3-го корпуса был поставлен другой, а не генерал Крымов, так как генерал Крымов в общественном мнении считался правее Временного правительства, однако с этим главнокомандующий не согласился, потому что намеченный для замены Крымова генерал Краснов не успел к тому времени прибыть. Входившие в состав 3-го конного корпуса части в боевой линии не находились, а были в разных местах в тылу по водворении дезертиров. Крымов, собственно, и был ранее командиром 3-го конного корпуса, но за боевые отличия был представлен в командующие 11-ой армией, и, как оказалось впоследствии, к этому времени был подписан приказ Керенским о его назначении. Однако, когда назрела настоятельная потребность в формировании новой крайне ответственной Петроградской армии, Крымов был предназначен командовать ей. Первая задача, поставленная Крымову при формации этой новой армии, была эвакуация из Петрограда правительственных учреждений и музеев, а также разоружение рабочих и эвакуация Петроградского гарнизона на работы по возведению и укреплению фортов. Крымов говорил мне и подтверждал начальникам дивизий, что при вступлении в Петроград ни в коем случае нельзя освобождать арестованных Временным правительством министров старого режима, сановников и вообще лиц — приверженцев старого строя, ибо меры, которые будут приняты по эвакуации Петрограда, ничего не имеют общего с контрреволюцией. Точно такие же приказания были отданы Корниловым.

При формировании новой армии, по словам Крымова, нужно было создать нормальные условия в тылу для ее существования, и Крымов находил положение в Петрограде таким, что очистка его от большевиков и анархистов назрела как крайняя необходимость. 28 августа Крымов получил распоряжение Керенского остановить движение частей к Петрограду, что и исполнил.

Крымов говорил мне, что вопрос о включении Петрограда в сферу его деятельности — вопрос времени[21]. Хотя Временное правительство пока исключает Петроград из этой сферы, с чем Верховный главнокомандующий и теперь не согласен, но со временем, когда правительство эвакуируется в Москву, вопрос разрешится сам собою. Однако, независимо от того, будет ли включен Петроград сейчас или позднее в сферу деятельности нового командующего, очистка его от анархистов и лиц, сеющих беспорядок в тылу, будет необходима, особенно если выступления большевиков вызовут новые беспорядки. В последнем случае придется войти в Петроград, и на этот конец[1] Верховный главнокоман-

[1] Так в тексте.

дующий несколько раз подтвердил, чтобы ни под каким видом не освобождались арестованные Временным правительством приверженцы старого режима. Когда Лукомский говорил со мною о побочных целях (усмирение возможных беспорядков со стороны большевиков) передвижения 3-го конного корпуса к Петрограду, я высказывал свои соображения, что после Московского совещания, очевидно, у Керенского произошел какой-то сдвиг, ибо в беседе со мной он не решался на крайние меры, на что Лукомский ответил, что, по словам Савинкова, в этом вопросе они уже приняли решение. Далее я говорил и предлагал вопросы о том, не возможна ли в случае осложнения реакция, как в 1905 году, на что Лукомский ответил мне, что об этом не может быть и речи.

25 августа во вторник, часу в 16-ом, Крымов сказал мне, что к Корнилову от Керенского приехал Львов и спрашивает Корнилова, не следует ли ему, Керенскому, ввиду создавшегося положения на фронте и положения в стране, передать свои полномочия Корнилову в форме диктатуры. По словам Крымова, от личной диктатуры Корнилов отказался, по поводу же участия своего в коллегиальной диктатуре обещал дать ответ назавтра. Однако мне кажется, что в этом направлении он дал ответ в тот же день, потому что Крымов, бывший у Корнилова на завтраке 25-го, передавал мне, что Корнилов говорил Львову, что он согласен принять участие в коллективной диктатуре, но в сотрудничестве с Керенским, которого просит быть министром юстиции, Савинкова — военным министром, а Филоненко — министром внутренних дел. Тогда же я спрашивал Крымова, как выйти из положения, если Петроград будет включен в нашу сферу, так как, согласно Положения о полевом управлении войск, главнокомандующему Особой армией подчиняются все правительственные учреждения. Крымов ответил мне, что в таком случае правительство переедет в Москву. После этого Крымов подробно остановился на тех задачах, которые возлагались на него. Он составил приказ, который озаглавил: «Приказ главнокомандующего Особой армией»[22]. Кончался этот приказ словами, что он входит в силу со времени его опубликования. Пункт первый этого приказа гласил, что территорию Особой армии, передаваемой Верховным главнокомандующим в командование генералу Крымову, составляет Финляндия, Эстляндия, Балтийский флот и Петроградское градоначальство. Второй пункт гласил, что Верховный главнокомандующий повелел генералу Крымову восстановить порядок во всем этом районе, не останавливаясь перед применением вооруженной силы.

Во исполнение пункта второго предписывалось учредить полевые суды их трех офицеров по назначению начальника части. Далее было изложено обязательное постановление, запрещающее выходить на улицу ранее седьмого и позднее 19 часа дня; запрещались сборища, митинги и издания газет без предварительной цензуры. Приказ этот объявлял Петроград, Петроградскую губ. и Финляндию на осадном положении. На случай возникновения беспорядков предписывалось усмирять их вооруженной силой, а равно применять оружие по отношению к мародерам и грабителям. Предписывалось всем гражданам сдать оружие и выдать скрывающихся дезертиров. Далее предписывалось за преступления, предусмотренные параграфом 17 Военного положения, предавать военно-полевому суду. Приказ этот, набросанный Крымовым, был размножен только в семи экземплярах. Три из них были напечатаны на машинке, и четыре были написаны от руки. Приказ этот был приложен к предписанию и препровожден начальникам дивизий 3-го конного корпуса для сведения и руководства. При этом предлагалось разделить Петроград на три части по числу дивизий. Начальнику каждой дивизии предписывалось в своем районе обезоружить население, учредить комендатуру и частные комендатуры и подавлять всякие беспорядки, кото-

рые могли бы возникнуть. Однако в каждом предписании было оговорено, что все арестованные Временным правительством лица ни в коем случае не подлежат освобождению. В том виде, как мне представлялась эта идея водворения порядка, я ей всецело сочувствовал. Все, что я знал о нашем предприятии, я знал отрывками от Крымова. В качестве начальника штаба ознакомлялся с районом нашей будущей деятельности и был убежден, что все осуществляется по требованию Временного правительства и в тесном единении Корнилова с Керенским, тем более что я знал, что разговор об этом от имени Временного правительства вел Савинков со Ставкою. Точно так же думал и Крымов. Из позднейшего я вполне убедился в этом. К предписанию Крымова был приложен план Петрограда, на котором Крымов отметил казармы и фабрики для каждого начальника дивизии особо в его районе и давал приблизительные сведения о примерной численности вооруженных рабочих и численности полков. 25 августа мне предложено было выехать с Крымовым в качестве начальника его штаба, а 26-го днем мы выехали из Могилева через Дно — Псков. В пути я спросил Крымова, почему у нас нет письменного приказа от Верховного главнокомандующего. Крымов ответил, что письменный приказ нам обещали прислать в Гатчину с офицером из Ставки. Я хотел точно установить, где в тот момент находились наши дивизии, но оказалось, что и сам Крымов в этом отношении хорошо ориентирован не был. Затем мы занялись обсуждением оперативных планов, а также обсуждением отношений наших к Финляндии, Стаховичу, состоянием наших Нарвских позиций, Ревельского района и его укреплений. В Псков мы прибыли рано утром 27 августа. Я проснулся, когда мы уже проехали Псков. Около двух часов дня, т.е. в 14 часов 27-го, мы пришли на станцию Новоселье. Несколько времени спустя после остановки к нам пришел начальник эшелона и доложил, что по распоряжению начальника передвижения Луги дальнейшее движение эшелонов останавливается. Крымов попросил меня пойти на станцию и выяснить, в чем дело. Я обратился к помощнику начальника станции и просил его запросить начальника передвижения в Луге, от кого получено приказание о приостановке движения наших эшелонов. Тот запросил и получил ответ, что от Верховного главнокомандующего. Свидетелями в этом могут быть начальник станции Новоселье и телеграфист там же. Тогда я попытался соединиться с Псковом, чтобы узнать, нет ли там каких-либо распоряжений, и послал телеграмму от имени Крымова начальнику сообщений в Псков с уведомлением, что передвижение наших эшелонов приостановлено в Новоселье, и просил его ориентировать нас. Когда я доложил Крымову о приостановке нашего передвижения по распоряжению Верховного главнокомандующего, то Крымов был очень удивлен и сказал, что, вероятно, произошли какие-то перемены. Наша остановка в Новоселье продолжалась около двух часов, а потом помощник начальника станции передал нам, что из Пскова получено распоряжение двинуть нас вперед, и мы тронулись. Вторая остановка была на станции, не доезжая Луги. Остановили нас ненадолго. К нам в вагон вошел кто-то со станции и сообщил, что адъютант штаба корпуса, уже находившийся с эшелоном в Луге, извещает генерала Крымова, чтобы по прибытии в Лугу он позвонил начальнику штаба округа по указанному тогда же номеру в Петроград. Поэтому по прибытии в Лугу в ночь на 28 августа приблизительно в первом часу ночи или немного позднее мы отправились с Крымовым к телефону. Мы звонили по указанному нам номеру, там нам сказали позвонить по другому, и, наконец, подошел полковник Барановский, который сообщил, что вскоре подойдет начальник штаба округа. Действительно, как затем передавал Крымов, к телефону кто-то подошел, назвал себя начальником штаба округа и

колеблющимся голосом, крайне нерешительно сообщил, что военный министр Керенский приказал остановить движение эшелонов. Крымов на это ответил, что он получил приказ Верховного главнокомандующего, обозначающий границы передвижения, что он границ этих не достиг и для приостановки движения должен иметь приказ Верховного главнокомандующего. Лицо, назвавшее себя начальником штаба округа, неожиданно спросило, как фамилия командира 3-го корпуса. В связи с этим вопросом, крайне удивившим генерала Крымова, он высказал сомнение в том, что творится в Петрограде, и опасение за то, что власть уже не находится в руках Керенского, а, вероятно, в руках большевиков. Тут же генерал Крымов сказал начальнику штаба, что просит его, чтобы приказ Керенского о приостановке движения был послан ему в письменной форме. На это он получил ответ, что просимый приказ будет послан. Телефон в Луге находился в городе минутах в 15 пути от железнодорожной станции. Когда мы возвратились в свой поезд, то застали на станции обстановку боевого характера. Вокруг поездов на вокзале и повсюду бродили кучки вооруженных людей. На вопросы, кто остановил движение наших эшелонов, почему тут толпятся вооруженные, из толпы отвечали, что по приказанию Исполнительного комитета. Кто-то из толпы сунул нам записку от руки, в которой излагалась первая телеграмма Керенского. В вагоне мы застали офицера с бумагой от главкосева, где говорилось: «По приказанию главкосева сообщаю копию распоряжения главковерха, что в случае приостановки железнодорожного движения надлежит следовать в пункты сосредоточения походным порядком». Бумага была подписана генералом Вахрушевым. Пунктом сосредоточения для Туземной дивизии было Царское Село, для Уссурийской дивизии — Красное Село, а для Донской — Гатчина. Первый вопрос, предложенный нами прибывшему офицеру[I], был о том, когда он выехал из Пскова. Офицер отвечал, что он выехал из Пскова 27-го числа в 22 часу вечера. Люди же из толпы в Луге объясняли нам, что телеграмма Керенского получена в Луге в 19 часу. Тогда мы спрашивали офицера, известно ли ему, что Клембовский назначен главковерхом[23], на что он отвечал, что такое известие в Пскове еще не получено. С этого момента перед Крымовым стал вопрос, что ему делать. Мы решили подождать письменного приказа Керенского. Приказ этот пришел около четырех часов ночи, и, насколько помню, содержание его таково: «Приказываю остановить перевозку конного корпуса к Петрограду и его окрестности. В Петрограде все спокойно. А. Керенский»[II]. Ввиду такого положения Крымов предложил мне поехать в Псков, где мы предполагали [увидеть] нового главковерха и выяснить, что нам делать. Я выехал с офицером на автомобиле в четверть пятого 28-го числа. Перед моим отъездом мы получили из Петрограда два телеграфных распоряжения. Одно из них гласило, чтобы эшелоны, сосредоточенные в Луге, направить на Нарву через Мшанную. Подпись была, кажется, заведующего передвижением войска. Во исполнение этого приказания головные эшелоны Донской дивизии были двинуты нами на Нарву, но после второго эшелона Лужский гарнизон уничтожил железную дорогу, и дальнейшая отправка эшелонов приостановилась. Тогда последовало из Петрограда второе распоряжение эшелонам, прибывшим в Лугу, высадиться в Луге, а прочим остаться в Пскове. Кем было подписано это второе распоряжение, не знаю. Мы обсуждали оба распоряжения, но так как мы ничего толком не знали: ни того, кто главковерх, ни каков его взгляд на петроградские события, на задачи нашей Особой армии и т.д., то

[I] Слова *«бывшему офицеру»* впечатаны над строкой.

[II] В делах фонда 1780 приказ А.Ф. Керенского не обнаружен.

мы подчинились этим распоряжениям, чтобы не осложнять еще более запутанное положение. Итак, четверть пятого я выехал в Псков на автомобиле. Прибыл туда в 9 часов утра и сейчас же отправился к генералу Клембовскому, которому доложил, как по распоряжению Корнилова формировалась наша Особая армия, как началось передвижение 3-го конного корпуса к Петрограду, что мы застали в Луге и кто теперь у нас главковерх. Клембовский ответил мне, что до него дошли слухи о предложении ему должности главковерха, но что он до сих пор, т.е. до 10 часов утра 28 августа, никаких официальных предложений от Керенского в этом смысле не получал. При этом он заметил, что мы без Ставки и Верховного главнокомандующего ни одного часа существовать не можем, поэтому он думает, главковерхом еще состоит Корнилов и что себя на этот пост при создавшихся обстоятельствах на фронте он считает не способным. Тогда я ответил, что в таком случае мы должны продолжать выполнение данного нам поручения по формации новой армии и действовать сообразно с обстоятельствами. После этого я ходил к начальнику сообщений узнать, где наши эшелоны. От него я узнал, что мы растянулись по всей линии. Так как Клембовский прибавил, что положение его войск таково, что он не рассчитывает на их сопротивление после Рижского прорыва, то я просил начальника сообщений подтянуть хвосты наших эшелонов. Я вызвал также из Пскова Ставку. Подходил, кажется, Романовский. Ему я рассказывал, где находятся наши дивизии, говорил о нашем положении в Луге, говорил, что нет из Петрограда точных известий, что мы даже не знаем, кто наш главковерх, и просил ориентировать нас. Он ответил мне, что Верховным главнокомандующим остается Корнилов, который вошел в сношение с Временным правительством, и что будет достигнуто соглашение, но пока ответ не получен[24]. Тогда я сказал ему, что нам остается только собирать части и ожидать на месте распоряжений. После этого я вызвал к аппарату Крымова и передал ему оба разговора, а также положение наших дивизий. На это Крымов ответил мне, что тем временем в Луге обстоятельства настолько обострились, что он, опасаясь вооруженного столкновения, принял решение отвести все наши эшелоны обратно верст на 20 от Луги и, кроме того, послал в другие дивизии офицеров отменить свой приказ как главнокомандующего Отдельной армией, о котором я говорил раньше и который был написан в семи экземплярах. Около 15 часов 28 августа, окончив эти разговоры в Пскове, я сел в поезд и поехал догонять Крымова. Догнал я Крымова только 29-го в 16 часу дня в верстах 18 в деревне[I], не доезжая села Заозерье. Здесь я узнал от Крымова, что в мое отсутствие к нему приезжал из Ставки офицер и сообщил ему, что в Петрограде далеко не спокойно и что в силу этого он решил приблизиться к Петрограду, не входя, однако, в изъятый из его компетенции район города, и по возможности сосредоточиться там, где находились головные эшелоны, не достигая даже предназначавшихся пунктов, чтобы не входить в соприкосновение с Петроградским гарнизоном, на причины сосредоточения корпуса и выхода его к железной дороге[II], являли и соображения чисто хозяйственные, а именно: необходимость в подвозе продовольствия и фуража со станции Дно, которая была базой фронта, так как, полагая, что перевозка корпуса будет совершенно беспрепятственной, интендантство корпуса выехало с головным эшелоном и попало в Гатчину, где и было отрезано от всего остального корпуса. Около 19 часов 29 августа генерал

[I] Так в тексте. Нарушен порядок слов в предложении. Вероятно, следует читать: *«в деревне в верстах 18, не доезжая села Заозерье»*.

[II] Так в тексте.

Крымов отдал приказ[I]. В § 1 этого приказа помещена телеграмма Керенского, в § 2 — телеграмма генерала Корнилова, в § 3 — из моих слов и по совокупности всей обстановки генерал Крымов разъяснял казакам о том, что Клембовский не вступил в верховное командование, что в Петрограде начались беспорядки, что в силу этого может понадобиться их работа, но чтобы казаки помнили, что он ни в каком случае не поведет их на свержение существующего строя. Причинами к изданию такого приказа послужило то, что к вечеру 29 августа по рукам казаков стали ходить призывы как Керенского, так и Корнилова[II] и, естественно, вызвали недоразумения, каковых должен избегать строевой начальник и обязан сам оповещать всех своих подчиненных о том, что могло бы дойти до них окольными путями, чтобы, объяснив обстановку, как она представляется ему, сохранить часть в своих руках.

Первоначально Крымов хотел перейти Лугу ночью с 29 на 30 августа, чтобы выйти к станции Вырица. По сведениям на этой станции был начальник Туземной дивизии, однако у города Луги головные части встретили сторожевое охранение гарнизона, и во избежание столкновения вернулся назад, и решил пойти другой дорогой и выйти на станцию Оредеж той же железнодорожной линии, что и было выполнено в течение 30 числа августа. Утром 30-го генерал Крымов пропускал мимо себя всю колонну дивизии, почему отстал и оставался около Заозерья в 18 верстах от Луги. Сюда прибыли к нему около 12 часов дня 30 августа полковник Самарин и капитан Данилевич, причем полковник Самарин передал ему, что Керенский во имя спасения России просил его приехать в Петроград, гарантируя честным словом его безопасность. Вызвав меня из головы колонны, с которой я шел, Крымов решил последовать призыву Керенского, и мы вчетвером отправились в Лугу на лошадях, откуда уже на автомобиле через Царское Село в Петроград. В Царском мы были часа в 4 ночи на 31 августа. Там генерал Крымов посетил Исполнительный солдатский комитет. Я в комитете не был, но от Крымова слышал, что члены комитета выражали желание видеть мятежные войска, на что Крымов им ответил, что казаки никогда мятежными не были. В Петроград мы приехали около 7 часов утра 31 августа, а в 12 часов были приняты председателем Керенским. Крымов начал свой доклад о задаче, которая на него была возложена, о ходе событий с 26 по 30 августа в обстановке, как она ему представлялась, и в подтверждение того, что он вел войска не против Временного правительства и не для свержения существующего строя, генерал Крымов представил свой последний приказ от 29 августа. До получения приказа Керенский слушал совершенно спокойно, но, прочтя приказ, пришел в сильно возбужденное состояние и обратился к Крымову со словами: «Вы, генерал, очень умны. Я давно слышал, что Вы умный. Этот приказ Вами так скомбинирован, что он не может служить Вам оправданием. Все Ваше движение было подготовлено заранее, и еще[III] месяце Вы были в Петрограде для подготовки задуманных действий» (какой месяц назвал, я не помню). На это Крымов ответил: «Клянусь Вам, что я в Петрограде не был и не мог быть, потому что был на фронте». «Верю Вам, — сказал Керенский, — но Вы все-таки позволили себе напечатать воззвание Корнилова, в котором сказано, что я действовал заодно с германским генеральным штабом». Крымов снова ответил ему: «Клянусь Вам, что я всю мою службу работал для

[I] Здесь речь идет о приказе Крымова № 128 от 29 августа 1917 г. См. комментарии № 11, 14 — т. 2.

[II] Воззвания Л.Г. Корнилова см.: приложения № 3, 4 — т. 2.

[III] Так в тексте. Далее название месяца не указано.

государственного порядка и теперь я шел для него сюда. Клянусь Вам, что и Вам я был бы помощником в деле порядка. Мне больно слышать, что Вы подозревали меня в каком-то умысле, тогда как я всю жизнь мою посвятил Родине».

В это время вошел главный военно-морской прокурор, которому Керенский передал приказ Крымова, предложив допросить Крымова. Это было около 14 часов 31 августа. Прокурор предложил Крымову прибыть для допроса в 15 часов в Главное военное морское судное управление[25].

В 15 часов генерал Крымов застрелился.

Генерал-майор ДИТЕРИХС

Председатель Комиссии Иосиф ШАБЛОВСКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 241–248. Подлинник. Машинопись.

№ 18
Протокол допроса генерал-квартирмейстера при Штабе главковерха М.К. Дитерихса

28 сентября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года сентября 28 дня в гор. Могилеве член Чрезвычайной комиссии по делу ген. Корнилова и др. полковник Раупах допрашивал нижепоименованного, который показал:

В 20-х числах сего сентября генерал английской миссии Бартер предложил Ставке[I] организовать в Могилеве обучение офицеров и солдат пользованию бомбометом и *мино*метным[II] огнем против укрепленных позиций при атаках. При этом генерал мне сказал, что атаки эти предполагалось произвести еще и раньше, но ввиду наступивших в конце августа событий опыты не состоялись. Ввиду этой просьбы генерала Бартера п[олковни]к Штаба Верховного главнокомандующего приказал мне сделать соответствующие распоряжения о командировании в Ставку офицеров и солдат, которые и должны прибыть сюда к 7 октября с[его] года. Больше ничего по делу показать не могу.

Прочитано.

Генерал-майор ДИТЕРИХС

Член Чрезвычайной комиссии полковник РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 226, 226 об. Подлинник. Рукопись.

№ 19
Показание статского советника И.А. Добрынского

16–17 октября 1917 г.

Протокол

16 и 17 октября 1917 года член Чрезвычайной комиссии для расследования дела о генер. Корнилове и его соучастниках Н.А. Колоколов в Петрограде в канцелярии Комиссии допрашивал нижепоименованного, и он показал:

I Слово *«Ставке»* вписано над зачеркнутым *«мне»*.

II Слово исправлено. Первоначально было: *«пулеметным»*. Часть слова, выделенная курсивом, вписана над строкой.

Иван Александрович Добрынский, 33 лет, православный, под судом и следствием не был, статский советник, постоянно проживаю в Новочеркасске, Хлебный пер., 5а.

17 августа с.г. после московского Государственного совещания, на которое я был делегирован (хотя опоздал) как член Владикавказского Исполнительного комитета Георгиевских кавалеров, я выехал в Ставку по делам Союза. В купе 1-го класса (вагон штаба), которое я занимал, вошел неизвестный мне господин в форме английского офицера и назвал себя «Аладьин». Разумеется, я немедленно назвал себя, и завязался разговор. Г[осподин] Аладьин вынул маленький портрет-медальон в рамке лорда Китченера и поставил перед собой. Из отдельных фраз я убедился, что Аладьин склонен к мистицизму; в этом мнении я особенно укрепился на обратном пути из Ставки, когда Аладьин развивал предо мною целую теорию о загробной жизни, масонстве и пр. и, вынимая книжечку на английском языке, наугад открывал страницу и прочитывал то, что ему предуказано свыше на сегодняшний день. Едучи в Ставку, Алексей Федорович не особенно много говорил, хотя успел показать два письма — одно полковника Голицына, из которого ясно было видно, что Аладьин приглашается в Ставку Верховным главнокомандующим; и другое, написанное карандашом на телеграфном бланке, от Филоненко в любезных выражениях — также приглашение в Ставку. 18-го мы приехали в 3 ч. 30 м. дня на ст. Могилев. Выйдя на перрон, я обратил внимание, что Аладьина любезно приветствовали два неизвестных мне господина: один вертлявый, в чине штабс-капитана, кажется, инженер, и другой, солидный, в форме вольноопределяющегося, терского казака. Аладьин меня познакомил. Оказалось, это и были верховный комиссар Филоненко и ординарец главковерха Завойко. Причем первый из них в моем присутствии сказал Аладьину: «Главковерх Вас ждет в 7 часов, а пока идемте ко мне». Я раскланялся и поехал в Ставку. Получив необходимую справку в канцелярии дежурного генерала (приказ № 207 или 217 главковерха) о порядке формирования Георгиевских батальонов, я пошел пообедать в офицерское собрание и здесь, сидя за большим столом, слышал разговор неизвестных мне гг. офицеров, которые характеризовали недовольство и огорчение на развал, царящий в армии, грозящий создать России неслыханную катастрофу. Сетования сводились к тому, что слишком медлят в Петрограде с проведением рекомендуемых Ставкой мер к поднятию боеспособности армии и упорядочению тыла. Ночью я уехал на вокзал, ночевал в вагоне и утром дожидался там поезда. В последнюю минуту к отходу поезда приехал Аладьин в сопровождении вчерашних знакомых — Филоненко и Завойко.

Дорогой снова завязался разговор — Аладьин говорил о своих предположениях поехать по Волге прочесть ряд лекций на тему о спасении России, говорил, что пора поднять крестьянство на спасение России и действительной, а не призрачной свободы. В разговоре я не утерпел и спросил Аладьина: «А скажите, пожалуйста, что представляют собой и Филоненко, и Завойко, и Вы, словно триумвират?» Аладьин ответил, что мало их знает, вообще не распространялся на эту тему. Далее он говорил о необходимости созыва Гос[ударственной] Думы, вернее, совещания с участием демократии (в лице благоразумной части Советов рабочих и солдатских депутатов), о создании в союзе со Ставкой твердой власти и т.д.

Прибыв 20 августа в Москву, я пошел к Владимиру Николаевичу Львову[26], который, как я, жил в «Национальной» гостинице и которого пред отъездом в Ставку я встретил в гостинице, и мы сердечно, как давние знакомые, поздоровались. Я поделился с ним своими впечатлениями в связи с разговорами, слы-

шанными за обедом в офицерском собрании, и беседами с Аладьиным. Причем от себя я сказал, что разделяю точку зрения о необходимости создания твердой власти, что топтание на месте вредно, и спросил его, что, собственно, представляет собой наш глава, т.е. А.Ф. Керенский. Львов горячо заговорил, что А.Ф. Керенский — государственный ум, большой патриот и что он, Львов, всецело и во всех отношениях доверяет Александру Федоровичу. Я передал Львову желание Аладьина познакомиться с ним, Аладьин[I], насколько мне известно, беседовал с Челноковым и др., но безуспешно. У себя в номере я представил Аладьина Львову. Львов спросил Аладьина, что он теперь собой представляет, как Англия и т.д. Аладьин высказал Львову свои соображения о политическом моменте, о том, что все должно решаться министром-председателем сообща со Ставкой. Имя Корнилова названо не было. В.Н. Львов заявил, что поедет к Керенскому и переговорит с ним 21-го утром, а 23-го возвратился восторженный и Аладьину, и мне заявил, что Керенский находит своевременным создание народного кабинета и официально уполномочил его, Львова, вести все переговоры с общественными деятелями и Ставкой. Помню, что Аладьин просил уточнить и формулировать пожелания министра-председателя. И, насколько помню, по словам В.Н. Львова выходило, что министр-председатель согласен вести переговоры со Ставкой и общественными деятелями, что переговоры ведутся при посредстве В.Н. Львова и негласно, чтобы не узнали те группы о переговорах, на которые исключительно в данное время опирается А.Ф. Керенский, что последний согласен сформировать кабинет, пользующийся доверием всех частей населения и армии, что должна быть выработана определенная программа и что он, министр-председатель, выйдет в отставку, если общественные группы и Ставка докажут ему, Керенскому, что в интересах Родины это надо сделать. Говорил это В.Н. Львов глубокоубежденно[II], искренно и, несомненно, правдиво. Я знал Владимира Николаевича с октября 1910 года, мы часто встречались в петроградских клубах (обществ[енных] деятелей и других), много беседовали и даже вели переговоры по коммерческим делам. Львов, по моему убеждению, честнейший, искреннейший человек, а потому я не сомневался и в данную минуту не сомневаюсь, что Владимир Николаевич говорил только правду о беседе с Керенским и о его поручениях. Потому, когда Владимир Николаевич тут же попросил меня ехать с ним в Ставку и помочь также вести переговоры с общественными деятелями, я, придавая этому всему значение государственной важности, охотно согласился во всем помочь Львову. В исполнение возложенного Керенским поручения мы с Львовым того же 23-го выехали в Ставку. Надо добавить, что помимо моей веры в заявления Львова я согласился ехать в Ставку и потому, что учитывал самое сердечное расположение Львова к Керенскому, и что впутался он в это дело исключительно потому, что когда был первый разговор о необходимости создания широкого народного кабинета по примеру А. Рибо во Франции[27], то Львов с пеной у рта доказывал, что возглавить его должен только Керенский. Какие же у меня могли быть сомнения, что Львов не беседовал с Керенским и т.д. Я верил Львову, и сейчас моя вера не поколебалась в него. Перед отъездом в Ставку Владимир Николаевич беседовал со своим братом Николаем Николаевичем. О чем говорили, не знаю, но, вероятно, он передавал ему разговор с Керенским.

24 августа в 2 ч. 30 м. дня мы приехали на ст. Могилев, я позвонил в Ставку к дежурному офицеру и сообщил, что приехал к главковерху с важным поруче-

---

I Фамилия *«Аладьин»* вписана над зачеркнутым: *«и который»*.

II Так в тексте.

нием бывший обер-прокурор Синода Львов и что не укажут ли, где бы мы могли остановиться. Дежурный ответил, что все помещения переполнены, тогда мы с В.Н. Львовым объездили все гостиницы и, не найдя ни одного номера, отправились в Союз офицеров, прося нас устроить. В.Н. Львов поместился в комнате полковника Новосильцева, который был в отлучке, а я — в другом помещении.

После обеда я прошел в Ставку и просил дежурного офицера доложить генералу Корнилову, что к нему прибыл В.Н. Львов и что желательно сегодня же увидеться. Было отвечено, что просят в 9 часов вечера. Проводив Львова, в кабинет лично я не пошел, так как не был делегирован кем бы то ни было и был незнаком с ген. Корниловым. Я пошел к Завойко, которого видел только раз в жизни, как выше упомянуто, на вокзале, но имел к нему письмо от Аладьина, в котором Алексей Федорович сообщает Завойко о полномочиях Львова от Керенского и что он, Аладьин, «прибудет» завтра. Однако меня не пропускали к Завойко ординарцы, говоря «их нет, они уехали в командировку», я же отлично знал, что Завойко здесь. Однако подумал, что Аладьин, вероятно, не вполне осведомлен. Тогда я прошел к полк. Голицыну. Войдя к нему, я нашел там и Василия Степ[ановича] Завойко. Я не скрыл моего удивления — оказалось, избегали встречи с Савинковым. Тем временем вышел из кабинета главковерха В.Н. Львов, крайне удовлетворенный своей беседой и удивленный необыкновенной демократичностью взглядов ген. Корнилова. Тут же выяснилось, что визит Львова не есть неожиданность для Корнилова, что накануне был Савинков, также говоривший с главковерхом о сближении с министром-председателем, о том, что все меры, рекомендуемые Корниловым, немедленно будут проведены в жизнь, но что для поддержки самого правительства (разумея Керенского, Савинкова) идет или пошел уже 3-ий конный корпус ген. Крымова — по просьбе Савинкова, и что 27-го предполагается восстание большевиков, которое и должен подавить Крымов. Из продолжавшейся беседы с Львовым, Завойко и Голицыным было ясно, что соглашение Ставки с А.Ф. Керенским обеспечено, что на всякие комбинации с включением непременно Керенского, Савинкова, Филоненко генер. Корнилов не только согласен, но и считает необходимым их участие. Однако, когда я узнал, что Филоненко предназначается на пост министра вн[утренних] дел, то я в решительной форме запротестовал, доказывая, что в столь серьезный момент на столь ответственный пост должно быть назначено лицо с большим авторитетом в России, а не Филоненко, которого Россия совершенно не знает. Львов меня поддержал. Наутро Львов должен был получить окончательный ответ. Идя в Союз офицеров ночевать, я благодарил Львова за то, что благодаря ему и, по-видимому, визиту Савинкова все недоразумения улажены, раз Керенский и Савинков участвуют во всякой комбинации. Утром 25-го Львов ушел раньше в Ставку, а я пошел хлопотать о билетах на обратный проезд — мне было заявлено в Управлении сообщений, что на Москву есть место только на 26-ое. Затем около 11 утра я пришел в Ставку и застал В.Н. Львова в комнате Завойко, там же был полковник Голицын и еще кто-то. Продолжался вечерний разговор, и мы с Львовым проводили мысль о необходимости предварительного совещания видных общественных деятелей. На это все согласились, а Завойко заявил, что главковерх пошлет нужные телеграммы, а от Львова я узнал, что Верховный поручил ему просить Керенского и Савинкова немедленно выехать в Ставку на совещание, а также и потому, что главковерх опасался, чтобы большевики не узнали что-либо и не прикончили бы Керенского раньше прибытия Крымова с войсками. Это подтвердили тут и Завойко, и Голицын. С этим поручением, далеким от какого бы

то ни было ультиматума, Львов выехал в Петроград. Я обращаю внимание, что вся речь сводилась к поддержке Временного правительства и реконструирования на широких общественных началах кабинета. Я поехал провожать Львова на вокзал, туда же прибыл для встречи Аладьина Завойко, и там же я видел Филоненко (который встречал Терещенко). Я с любопытством разглядывал фигурку в декадентском стиле претендента на роль министра внутренних дел, вводящего военное положение, и совершенно не вслушивался в разговор Завойко с Львовым на перроне. Я, прощаясь с Львовым[I], горячо советовал[II] ему из Петрограда вместе с Керенским прибыть в Москву и устроить там предварительное совещание, чтобы приехать в Ставку со своим вариантом или программой. Вечером 25 августа я узнал, что в Ставке генер. Крымов, будучи с ним знакомым с 1915 г.[III] (я познакомился с генералом в 1-ом кавал[ерийском] корпусе ген. Орановского, трагически погибшего в Выборге), я поспешил его найти. Придя в Ставку, я застал [ныне] покойного выходящим от ген. Лукомского, — знал его за прямодушного солдата, непоколебимо храброго, честного, — я попросил по старому знакомству высказаться определенно, в чем дело, почему он идет на Петроград, желая проверить еще раз то, что соглашение достигнуто, <и найти ключ к>[IV] тем неясностям и противоречиям вроде уклонения Василия Степ[ановича] Завойко от свиданий с Савинковым, с одной стороны, а с другой — взаимная несомненная дружба Филоненко и с Савинковым, и Завойко... И участие в будущем[V] кабинете всех трех названных лиц... Ген. Крымов со свойственной ему прямотой и сердечностью ответил: «Иду в распоряжение военного министра по просьбе Савинкова, 27-го выступают большевики, если будет восстание, отобью охоту его повторять...» *[Добрынский]*: «А как будет с Советом рабочих и солдатских депутатов?» *[Крымов]*: «О них не знаю. Впрочем, кто из них словом или делом поддержит большевиков, то я исполню долг перед родиной...» При этом ген. Крымов выразил радость, что Временное правительство стало на твердый путь, путь поднятия боеспособности армии и поднятия своего престижа в стране, что давно пора было рекомендуемые генералом Корниловым меры провести в жизнь. Я просил пояснить, из чего он усматривает соглашение: «Из последней беседы Корнилова с управляющим Военным министерством и из визита Львова». Крымов только беспокоился за Керенского и Савинкова, находя, что в интересах безопасности им надо спешно выехать в Ставку, но что Львов вовремя поехал с приглашением.

26-го утром я получил бумагу от генерала для поручений Голицына на имя коменданта станции Москва-Александровская с требованием предоставить 8 мест в вагоне штаба для лиц, приглашенных в Ставку Верховным главнокомандующим, и с этим я выехал 26-го из Ставки в Москву, послав из Могилева в 11 утра 26-го телеграмму: «Петроград. Министру-председателю Керенскому для Владимира Николаевича Львова. Обратно езжайте чрез Москву. Родзянко [в] Петрограде пригласите. Добрынский». Мне хотелось, чтобы под председательством А.Ф. Керенского в Москве состоялось предварительное Совещание общественных деятелей. Я должен был пригласить: Родзянко, кн. Львова, Тесленко, Маклакова, Н. Львова, П.П. Рябушинского, Сироткина и Третьякова[28]. Арест Львова меня поразил, и на этом была поставлена точка нашим хлопотам.

I Далее зачеркнуто: *«и»*.

II Слово *«советовал»* вписано над зачеркнутым *«доказывал»*.

III Далее зачеркнуто: *«в корпусе генерала Орановского»*.

IV Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

V Слова *«в будущем»* вписаны над строкой.

Генерала Корнилова я видел один раз и случайно[1] вечером 25-го. Он сердечно поздоровался со мной, поговорил о Георгиевском союзе, произвел на меня самое выгодное впечатление своей прямотой, сердечностью... Из разговоров всюду было ясно, что среди офицерства он пользуется большой популярностью, а ныне и в стране, несмотря на всю историю.

Подводя итог всему, что мне известно, никакого ультиматума ген. Корнилов с Львовым не посылал, никаких определенных решений о диктатуре не было, все было отложено до прибытия в Ставку министра-председателя, и что во всех проектах ген. Корнилова, независимо от их приемлемости, должны были участвовать Керенский, Савинков безусловно и Филоненко под знаком вопроса.

Ко всему изложенному на отдельные вопросы добавлю следующее: в Ставку я выехал первый раз потому, что не мог получить от председателя Центрального комитета Союза Георгиевских кавалеров Скаржинского никаких циркуляров и распоряжений о формировании Георгиевских батальонов, а мне было председателем Владикавказского комитета поручено точно узнать, в каком направлении должна развиваться деятельность Союза и как формировать роты, батальоны и т.д. В Московском отделе также не было еще и своего устава и циркуляров, и один из офицеров посоветовал мне проще всего проехать в Ставку и получить там циркуляр, что я и сделал. В Ставке же я получил приглашение в числе прочих на совещание 28-го.

В частности, перед самым отъездом Львова, повторяю, я не знал содержания беседы с Завойко, но Львов, уезжая, просил меня, если приедет Терещенко, то пройти в вагон к нему и от его имени передать, чтобы М.И. Терещенко или возвратился в Петроград, или бы проехал к себе в деревню.

В.Н. Львов ночевал в комнате Новосильцева с есаулом Родионовым. О чем они говорили, неизвестно. Когда я был первый раз в Ставке, то я не вынес впечатления, что Керенскому грозит какая-либо опасность, хотя недовольство его нерешительностью в борьбе с развалом армии было совершенно определенное. Фразы, сказанной кем бы то ни было, о том, что Керенскому в случае выступления большевиков не на кого опереться в Петрограде, т.е. что его не поддержат войска, не помню. При первом свидании с В.Н. Львовым, т.е. в день моего отъезда в Ставку, я никаких особенных разговоров с Вл[адимиром] Ник[олаевичем] не имел, кроме того, что выезжаю в Ставку. По поводу предъявленной мне беседы с сотрудником газеты «Вольный Дон» могу заявить, что, в общем, содержание беседы изложено довольно близко к действительному нашему разговору, но с маленькими неточностями. Так, например, в газете сказано, что визит Львова не был неожиданностью для Корнилова, правильнее было бы сказать, что приезд именно был, быть может, и неожидан для Корнилова, но содержание его бесед вполне, по моим впечатлениям, совпадало с предшествовавшими переговорами Ставки с Петроградом.

По поводу состава кабинета, рекомендуемого окружавшими ген. Корнилова, я сказал «не левый, а несерьезный». В ответ на мое замечание, кажется, Завойко в присутствии Львова сказал, что это не обязательно и что вернее будет поручено сформирование ген. Алексееву при диктатуре Керенского и Корнилова. Но, словом, этот вопрос остался открытым до прибытия общественных деятелей на совещание во главе с министром-председателем.

Могу еще добавить, что когда В.Н. Львов вышел из кабинета, то в подтверждение демократичности ген. Корнилова приводилась и Львовым, и другими, т.е. Завойко и прочими, фраза ген. Корнилова: «Романовы перешагнут только

[1] Слова *«и случайно»* вписаны над строкой.

через мой труп». В связи с этим на Ваш общий вопрос о том, не было ли получено мною в 1-ый или во 2-ой приезд в Ставку каких-либо данных, свидетельствующих о готовящемся заговоре, насильственно низвергнуть существующее Временное правительство или отдельных членов, могу заявить — таких данных в моем распоряжении не имеется. Насколько я мог понять, общее настроение в Ставке было, безусловно, против крайних социалистов вроде Чернова, и в разговорах высказывалась надежда, не помню кем, что объявление военного положения во всей стране заставит Чернова добровольно уйти в отставку: враждебное отношение к Чернову объяснялось тем, что к нему, как к подозреваемому пораженцу, относились подозрительно.

Далее добавлю, что при разговорах на политические темы В.Н. Львов и мне и другим говорил, несколько раз возвращаясь к этому, что наряду его глубокой веры в А.Ф. Керенского он опасается дурного влияния министра Некрасова, о котором он отзывался нелестно и считал, что этот «авантюрист» когда-нибудь может вовлечь доброго Александра Федоровича в беду.

По поводу предъявленной мне справки домовой книги «Национальной» гостиницы в Москве могу объяснить, что я выехал вместе с Львовым не в Петроград, а в Ставку 23 августа, а не 24-го. Отметку о выбытии В.Н. Львова из Москвы 28-го объясняю тем, что номер как Львов, так и я оставляли за собой, и, вероятно, после ареста В.Н. Львова за его номер уплатил деньги либо брат, либо управляющий, и отказался за него.

Больше к своим показаниям я добавить ничего не имею. Показание записывал собственноручно. Зачеркнуто: «и который», «в корпусе генерала Орановского», «как», «доложил». Вписано: «Аладьин», «пред», «найти ключ к», «советовал», «будущем», «и случайно».

Припоминаю еще следующее обстоятельство, которое считаю долгом отметить: перед отъездом в Петроград Владимир Николаевич Львов передал мне письмо к своему брату Николаю Николаевичу, которое я отправил по прибытии в Москву к нему на квартиру: содержание не знаю.

В Москве в исполнение поручения я говорил с Д.В. Сироткиным, который прежде, чем ехать в Ставку, решил при моем участии совместно с П.П. Рябушинским совещание в номере «Национальной» гостиницы [перенести], на другой день в 12 час. дня, т.е. 28-го, так как 27-го мы выехать не могли. <Хотя в сущности, Сироткин отказался ехать.>[1] Третьякова в городе не оказалось, он был на даче и болен. Н.Н. Львов согласился ехать при условии, если поедут Родзянко и кн. Львов, к последним я не обращался, так как они имели телеграфное приглашение, и комендант ст. Москва-Александровская мне заявил, что для Родзянко и кн. Львова места оставлены и они едут 28-го. Маклаков был в Петрограде, к Тесленко я не успел зайти, так как вечером 27-го в Москве стало известно об объявлении министра-председателя и аресте Львова — естественно, всякие разговоры и хлопоты прекратились.

Вставлено: «хотя, в сущности, Сироткин отказался ехать».

Иван Александрович ДОБРЫНСКИЙ

Член Чрезвычайной комиссии Ник[олай] КОЛОКОЛОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 212–217. Автограф; Д. 19. Л. 1–20. Копия. Машинопись. (4 экз.); Д. 20. Л. 5–9 об. Копия. Машинопись.

[1] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

№ 20
Показание военного комиссара Временного правительства при командующем Западным фронтом В.А. Жданова

3 сентября 1917 г.

Протокол допроса свидетеля

1917 года, сентября 3 дня в гор. Могилеве Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о генер. Корнилове и др. допрашивала нижепоименованного, который на предложенные ему вопросы показал:

Я, комиссар Западного фронта Владимир Анатолиевич Жданов, православный, не судился, по делу показываю и показания записываю собственноручно.

Я занимаю должность военного комиссара Временного правительства при главнокомандующем Западным фронтом. На 24 августа с.г. я был вызван комиссарверхом в Ставку на съезд. Здесь перед съездом я встретился у комиссарверха с управляющим Военным министерством Б.В. Савинковым, знакомым мне более 12 лет. Вечером я был на квартире у М.М. Филоненко. Там были комиссарюз Н.И. Иорданский, я, комиссарверх М.М. Филоненко и его помощник Фонвизин. Б.В. Савинков указывал нам на положение на фронте и в тылу, особенно в Петрограде. Разговор имел деловой характер, дабы мы могли знать, чего опасаться и в каком направлении направить свою деятельность. Между прочими его сообщениями наиболее им было подчеркнуто сообщение о положении дел в Петрограде. Он указал, что на начало сентября правительство, по имеющимся у него сведениям, ожидает беспорядков со стороны[I] левых групп и что эти выступления могут совпасть с попыткой высадки десанта немцами и какими-либо выступлениями наиболее революционных групп Финляндии. В конце совещания комиссаров на заседание явился Верховный главнокомандующий генерал Корнилов. Он обратился к собранию с заявлением, сделанным им при закрытых дверях, о положении дел в России и указал на поражение на Северном фронте, о готовящихся наступлениях у Финского залива и на Бессарабию. Закончил речь совершенно неожиданным выпадом против проекта о комитетах и комиссарах, каковые проекты обсуждались на нашем совещании, заявив, что в нем есть пункты, к[ото]рые он допустить не может. Какие, он не указал. После этого он быстро вышел. За ним вышел М. Филоненко и, сейчас же вернувшись[II], сообщил, что главковерх не успел сказать всего, что хотел сказать, и поручил ему добавить о положении дел в России. Тут Филоненко повторил о положении России все то, что говорил Б.В. Савинков и что мною выше сказано. Какие меры принимает правительство против готовящихся в Петрограде беспорядков, ни Б.В. Савинков, ни М.М. Филоненко не указывали.

27 августа вечером я приехал в Минск и ночью в 12 часов по радиотелеграмме узнал о событиях в Ставке. Это была передача агентской телеграммы о том объявлении, к[ото]рое было расклеено в г. Петрограде от имени Временного правительства.

Первая телеграмма Временного правительства об устранении Корнилова до нас не дошла. Я сообщил эту телеграмму сначала всем армейским комитетам, обязав их сообщить командирам армий, а затем главкозапу генералу Балуеву, он, оказывается, не знал еще ее.

[I] Далее слово неразборчиво.

[II] Далее зачеркнуто: *«доо»*.

Он знал об отставке генерала Корнилова из телеграммы, присланной из Ставки, но причин ее не знал. Предполагая, что эта отставка вызвана несогласием Временного правительства со взглядами генерала Корнилова на способы и меры улучшения и укрепления армии, он послал телеграмму Временному правительству о том, что, поддерживая политику Корнилова, считает его отставку вредной для России. Из его слов мне было совершенно ясно, что если у генерала Балуева и было какое-либо соглашение с генералом Корниловым, то только по вопросу о поддержании тех мер, кои указаны были в записке генерала[I] Корнилова, но об отказе подчиниться воле правительства со стороны генерала Корнилова генерал Балуев не знал.

Распоряжения г. Корнилов отдавал и после этого, но я, не вмешиваясь в часть оперативную, содержания их не знаю.

На второй странице зачеркнуто: «доо», на четвертой «Бал».

Комиссарзап Влад[имир] ЖДАНОВ

Председатель Чрезвычайной комиссии[II]

Члены Комиссии: полковник РАУПАХ
Н. КОЛОКОЛОВ
полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 28–29 об. Автограф.

№ 21
Показание ординарца Л.Г. Корнилова В.С. Завойко, данное Следственной комиссии военной секции Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов

31 августа 1917 г.

Протокол

1917 года 31 августа г. Гомель. Следственная комиссия военной секции Гомельского совета рабочих и солдатских депутатов производит допрос прапорщика Кузнецова[29]*, причем он показал:*

Я, Василий Степанович Завойко, после данного мне слова об отправке телеграммы о моем аресте [в] Ставку полковнику Голицыну[30], сообщил кое-какие данные из моей жизни и открыто заявил, кто я на самом деле и причины, заставившие меня скрыть свое имя.

Уехал из Ставки согласно распоряжения моих близких друзей в целях сохранения моей безопасности, причем был командирован в Кавказскую армию в 7-ой Оренбургский полк, причем указываю, что моим намерением было проехать [во] Владикавказ к моему другу Гермоеву и у него на некоторое время скрыться в Чечне с тем, чтобы в полк вовсе не являться.

В прапорщики произведен с 30 августа вечера, состоял с 9 апреля сего года на военной службе в должности ординарца Верховного главнокомандующего, никаких особых поручений и миссий на меня возложено не было.

I Далее зачеркнуто: *«Бал»*.

II Подпись председателя отсутствует.

Содержание изорванного мною письма[31] мне непонятно, а адресовано было в Асхабад. Изорванная же мною бумажка заключала в себе список пунктов и людей, у которых я мог остановиться.

В.С. ЗАВОЙКО
1917 года 31 авг[уста]. Гомель.

Представитель от коменданта шт[абс]-кап[итан] РАДУНОВ
Члены Следственной комиссии РОЗНЕВИЧ и ГЕЙЛИКМАН

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 116. Автограф; Д. 93. Л. 88. Заверенная копия. Машинопись.

№ 22
Показание ординарца генерала Л. Г. Корнилова прапорщика В.С. Завойко[1]

6 октября 1917 г.

Приступая к изложению моего показания, я считаю долгом сразу же оговориться и указать на то, что вследствие массы сильных, быстро сменявшихся и все нараставших впечатлений в последующем изложении у меня могут встретиться ошибки в обозначении чисел месяцев описываемых мною событий. Однако я полагаю, что эти события настолько значительны и ими затронуто столь большое количество лиц, что для следствия не составит никакого труда точно установить эти числа и в связи с этим определением ввести в мое показание соответствующие поправки.

Действуя и работая в течение последнего времени в постоянном общении с М.М. Филоненко, комиссаром Временн[ого] правит[ельства] при Верховном главнокомандующем, я должен заявить, что об этой деятельности и работе у нас состоялось словесное соглашение, подкрепленное словом и рукопожатием в том, что во имя «Спасения Родины» мы идем с Филоненко вместе рука об руку и что каждый из нас обязан в случае, если он сознает, что наши пути расходятся, сообщить об этом другому совершенно прямо и, по возможности, немедленно. Это соглашение было заключено при нижеописываемых обстоятельствах:

14 июля Б.В. Савинков, М.М. Филоненко и я выехали в поезде ген. Корнилова, тогда главнокомандующего Юго-Западным фронтом, из города Каменец-Подольска в гор. Бердичев одновременно с переводом штаба фронта. Вечером того же дня на перегоне Каменец-Подольск — Проскуров я пришел в отделение Б.В. Савинкова и предложил ему совместную работу во имя «Спасения Родины». Не касаясь совершенно вопроса личности, Б.В. Савинков любезно, но вместе с тем и чрезвычайно категорически ответил мне, что это предложение для него неприемлемо, так как в своей работе он вообще всегда был «одиночкой» и таковым же останется, используя окружающих лиц как орудия для достижения поставленной себе цели. После разговора с Б.В. Савинковым я имел такой же разговор с М.М. Филоненко, которому передал содержание моей беседы с Савинковым. С М.М. Филоненко мы обоюдно пришли к совершенно противоположному заключению, чем с Савинковым, и, не связывая себя никакими обязательствами в смысле тактики, политической программы и т.д., дали

[1] Дело Завойко в следственной комиссии военной секции Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 93. Л. 88–103. См. также перечень показаний и протоколов допросов — т. 2.

слово временно поддерживать друг друга, пока мы будем сознавать, что цель наша одна и та же и пути наши совпадают. Единственное обязательство, которое при этом мы на себя приняли, — это было предупредить друг друга открыто и немедленно о том, что согласованность и общность нашей работы прекращается в тот момент, когда мы сознаем, что наши дороги расходятся.

На основании вышеизложенного и считая, что доклад М.М. Филоненко в зале Технического института 8 сентября, переданный в отчете «Вечернего времени» от 9 сентября, на который со стороны М.М. Филоненко ни в одной из газет не последовало опровержения, имеет два существенных недостатка: 1) доклад сообщает одну правду, но не всю правду, и 2) сообщаемой докладом одной правде придается в некоторых местах совершенно неправильная окраска.

Я заявляю, что с ним наши дороги разошлись, и наша работа не может быть общей и согласованной; почему в своих действиях, поступках и показаниях я считаю себя теперь вполне свободным.

Обо всем вышеизложенном покорнейше прошу Следственную комиссию немедленно осведомить М.М. Филоненко, дабы у него не могло бы родиться даже подозрение в том, что я действую не открыто и не согласно принятому на себя обязательству. [...][I]

«Петроград. Причины поступления на военную службу»

[...][II]

Пробегая большинство газет, анализируя бесконечное количество всевозможных слухов, я пришел к заключению, что наиболее видным деятелем, наиболее яркою, цельною и благородною фигурой, олицетворяющей в себе высокие идеалы великих эпох, является генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Его демократическое происхождение, его выдающиеся способности, непрерывное гонение при прежнем режиме, наконец, чудесное бегство и спасение из плена, — все вместе взятое как бы велением судьбы указывали в нем человека, предназначенного к спасению России, к возрождению гибнущей родины и на новых основах, достойных великого, свободного народа русского. Случайная, неожиданная встреча, вся сила первого впечатления подтвердили мне правильность бродивших у меня в голове предположений, и выбор был сделан.

Человек дела, а не слова, я бросил все: детей, дом, службу, дела и пошел туда, куда меня звал долг русского гражданина, человека, отдающего себя целиком делу служения Родине.

Я явился к ген. Корнилову и предложил ему свои услуги и свою работу в качестве человека, знающего страну почти от края и до края, работавшего в самых разнообразных условиях в различных областях, имеющего связи и знакомства во всех слоях и классах общества, искусившегося в политической деятельности, располагающего словом и способностью письма. Я говорил генералу, что готов исполнять всякую работу, которую он мне даст, и буду считать своею главнейшею обязанностью оберегать его от влияния всяких политических течений, представители которых будут стремиться привлечь его в свои ряды, что его задача стоять выше каких-либо партий и во что бы то ни стало объединить всю страну во имя одной великой цели: спасения родины от внешнего врага и от восстановления монархии.

I Далее опущен раздел «Биографические данные: кое-что из моего прошлого».

II Далее опущены биографические данные Завойко за более ранний период (1895 — апрель 1917 гг.).

Ген. Корнилов отвечал мне, «что дорога к трону для любого из Романовых лежит через его, генерала Корнилова, труп», и принял мое предложение, назначив меня ординарцем. Находившийся случайно в Петрограде командир конного Кабардинского полка зачислил меня в списки полка всадником-охотником, и я надел солдатскую форму и погоны. В Петрограде я не нес никаких определенных обязанностей, не исполнял никаких поручений и изредка являлся вечером к генералу поговорить и изложить ему свои точки зрения. Я постоянно докладывал генералу о том, что, по моему мнению, ему место не в Петрограде, что здесь, в этой яме политического разгула и разврата, его деятельность будет бесполезна и бесцельна, что его боевые заслуги, что его опыт и талант полководца при нынешнем безлюдье призывают его на фронт, во главу армии, к боевому[1] водительству вооруженными силами народа. Я не скрывал от него всей тяжести положения, великой муки принимаемой на себя обязанности и высказывал ему мою уверенность в конечном торжестве здравого смысла в массах в пробуждении заглушаемого извне инстинкта самосохранения и независимого, свободного существования великого народа.

Обстоятельства внутренней политической жизни благоприятствовали осуществлению высказываемых мною предположений. Развал власти, разруха внутри нарастали, и ген. Корнилов воспользовался первым представившимся случаем, чтобы с честью уйти из Петрограда на пост командующего VIII армией, уже с начала войны заслужившей себе славу самой доблестной армии. Официально ген. Корнилов получил назначение в 8-ую армию в конце апреля месяца.

VIII армия

В течение месяца я оставался в Петрограде ликвидировать свои личные и служебные дела и прибыл в Черновицы в штаб 8-ой армии в конце мая месяца. Не преследуя никаких личных целей и стараясь оставаться в тени, я избегал посещать штаб и вообще показываться в тех местах, где почему-либо мог обратить на себя внимание.

С первых же дней моего приезда из разговора с ген. Корниловым выяснилось, что прибытие его на фронт встречено недружелюбно высшим командным составом, что и ген. Гутор, главнокомандующий Юг[о]-З[ападным] фронтом, и ген. Брусилов, Верховный главнокомандующий, видят в ген. Корнилове сильного соперника и возможного заместителя и, начиная с самых мелочей, стараются постоянно всунуть ему палки в колеса. Одновременно стало совершенно очевидным, что выработанный ген. Брусиловым, Гутором совместно с Керенским план наступления не выдерживает самой снисходительной критики при условии наличности того состояния армии, в котором она находилась в конце мая и начале июня. Удар на фронте 11-ой и 7-ой армий представлялся лобовым ударом, направленным против наиболее сильно укрепленных позиций, защищаемых лучшими войсками противника. И не нашей, тогда уже разваливающейся армии было по силам идти в лоб против таких позиций и такого противника.

Ген. Корнилов сразу же понял сущность всей операции, предсказал ее полный провал и умолял во имя «спасения родины» изменить составленный план, перенеся удар в долину реки Днестра между этой рекой и Карпатами; дабы таким образом развить наступление против слабых укрепленных позиций, менее стойкого врага и главным образом лобовой удар обратить во фланговый. Дово-

[1] Так в тексте.

ды ген. Корнилова были оставлены без внимания, ему было отвечено, что союзники, внутренняя политическая обстановка страны требуют немедленного «наступления», что нет времени для перегруппировки войск. И таким образом было решено заведомо обреченное на неудачу наступление и подготовлена почва к Тарнопольскому разгрому; ибо очевидно было для всякого, что любая неудача при тогдашнем состоянии армии в этой армии подорвет и без того разваливающуюся дисциплину, падающее доверие к командному составу и т.д., но неизбежное должно было случиться и случилось; ибо в настоящее время никому не верим, никого не слушаем и все испытываем на личном опыте. Уж «если падать, то как следует! Так падать, чтобы не встать».

Учитывая всю неизбежность надвигающейся катастрофы и будучи бессильным предотвратить ее, ген. Корнилов находился в очень тяжелом нравственном состоянии; тем более что всевозможные говорильные меры, предпринимавшиеся со стороны правительства, организаций союзников только все сильнее и сильнее разлагали армию и отвлекали командный состав от исполнения его прямых обязанностей. В это время ген. Корнилову пришла мысль для спасения положения просить о прирезке фронта 8-ой армии за счет 7-ой посредством присоединения к ней 16-го и 12-го корпусов как единственного участка, на котором могло быть предпринято наступление; так как первоначальный фронт расположения 8-ой армии, гребень Карпатских гор, являлся мертвым фронтом без объекта наступления, без питающих путей сообщения для накапливания войск и т.д. В случае получения этой прирезки ген. Корнилов полагал возможным сорганизовать наступление при помощи собственных сил 8-ой армии, стягивая большинство войск к одному участку фронта.

Соответствующая телеграмма ген. Корниловым была послана ген. Гутору и Брусилову, но ответа не поступило. Тогда я, зная громадное влияние иностранцев на наши внутренние дела и имея большие связи в посольствах в Петрограде, предложил ген. Корнилову свои услуги в качестве особого посланца в посольства на предмет выяснения истинного положения на фронте и просьбы оказания помощи и содействия.

Ген. Корнилов выразил свое согласие на мое предложение и командировал со мной для выяснения стратегической обстановки военным миссиям союзников полковника Голицына. Мы вдвоем немедленно отправились в Петроград и посетили французскую и английскую военные миссии, где наше предложение было встречено весьма сочувственно и нам была обещана возможная в пределах дипломатических сношений помощь. В тот же день нами в Петрограде от ген. Корнилова была получена телеграмма о прирезке фронта. Таким образом, цель нашей поездки была достигнута, собственно говоря, помимо нашего выступления, и если оно оказалось полезным, то лишь в смысле необходимого усиления артиллерии, отрядов броневых автомобилей и снабжения аппаратами и запасными частями авиации армии.

Возвратившись на фронт, я застал ген. Корнилова всецело занятым подготовкой наступления 25-го июня. Впоследствии услужливые корреспонденты приписали ген. Черемисову весь успех наступления, но я как очевидец должен категорически заявить, если не для современников, то для суда истории, что вся операция 25 июня была задумана, разработана и подготовлена ген. Корниловым: что касается ген. Черемисова, то Россия уже однажды пожала плоды его самостоятельной работы во время отступления 8-ой армии, которая отходила не в лучшем виде, чем ее ближайшие соседки 11-ая и 7-ая армии, и во время какого отступления ген. Черемисов доказал полную свою неспособность руководить на деле, а не на бумаге большими войсковыми массами. Я не сомнева-

юсь, что это было первое сравнительно не тяжелое предупреждение; за ним последует следующее и роковое по новой должности, занимаемой ген. Черемисовым, и тогда вся страна узнает, кто говорил правду, но боюсь, что это будет слишком поздно. Я же утверждаю, что весь успех боев 25 и 26 июня — это дело рук и таланта ген. Корнилова; но этот человек с характеризующей его скромностью даже мне при возвращении с поля сражения упрямо старался доказать, что вся честь и заслуга победы принадлежит ген. Черемисову. Для такого самопожертвования, по-моему, действительно необходимо одно непременное условие: надо быть ген. Корниловым.

В эти дни подготовки боев ген. Корнилов приказал мне объезжать пехотные полки, предполагавшиеся для атаки, знакомиться с настроением солдатской массы, полковых комитетов, если удастся, поднимать настроение и свои впечатления докладывать ему.

Я успел побывать приблизительно в 15—18 полках, причем в каждую часть привозил в подарок от имени командующего армией табак, папиросы, бумагу и т.п. Накапливающиеся у меня впечатления я передавал ген. Корнилову. Не могу не упомянуть о первой Заамурской дивизии, дважды посещенной и самим ген. Корниловым. В бытность этой дивизии в 7-ой армии против нее чуть ли не собирались ставить боевой заслон, так как ожидали почему-то с ее стороны удара на свои войска в случае их перехода в наступление. Эта же дивизия, переведенная в состав 8-ой армии, специально обработанная ген. Корниловым, пошла в атаку и дралась доблестно. Должен упомянуть, что ген. Корнилов настолько подробно входил в подготовку операции, что сам лично назначал, например, в первом полку этой дивизии отдельные части для атаки определенных целей и в самые последние дни устранял неспособных командиров полков.

В отношении картины боя и атаки 25 июня могу сказать со слов опытных очевидцев операции, что стремительность удара, подъем духа отдельных частей напоминали лучшие дни славных боев Русской армии, что отдельные полки соревновались между собой в моменте начала атаки.

Операция была осуществлена силами одной восьмой армии без присылки каких-либо подкреплений. Успех боя 25 июня известен всей России и не требует повторного описания. Продвижение вперед на 25—30 верст, до семидесяти орудий, около двухсот пулеметов, громадные запасы снарядов и всяких трофеев при двенадцати, тринадцати тысячах пленных.

Несмотря на все усилия, успех не мог быть развит, победа была локализирована, мольбы о подкреплениях не были услышаны, личные счеты, страх роста популярности ген. Корнилова заставили высший командный состав отказать в предоставлении возможности дальнейшего развития одержанной победы.

Ген. Корнилов был в отчаянии. Как русский он болел душой, как военный и генерал он предвидел грядущую катастрофу у Тарнополя. Дело в том, что организация наступления в 8-ой армии и в соседних седьмой и одиннадцатой в корне отличались друг от друга. Тогда как в первой наступала вся масса пехоты, в двух других шли вперед ударные части. Следствие: в первой незначительные потери и убыль вне зависимости от личных качеств солдат, во вторых — уничтожение большей части доблестного и лучшего состава. Должен отдать должную дань каждому в этой подготовке участвовавшему, в вышеуказанной организации наступления — большая заслуга комиссара восьмой армии М.М. Филоненко и его помощника Н.И. Ципкевича.

Встретив ген. Корнилова в вышеописанном нравственном состоянии и узнав причины его, я обратился к нему с предложением немедленно отправиться в

г. Каменец-Подольск к комиссару фронта Б.В. Савинкову и изложить ему все положение. Ген. Корнилов одобрил мое предложение и для стратегических объяснений командировал со мной полковника Голицына. Мы вдвоем немедленно в автомобиле выехали из Коломыи в город Каменец-Подольск.

Сама судьба благоприятствовала нам; при въезде в местную гостиницу Гранд-Отель немедленно по приезде в город Каменец-Подольск нами в воротах гостиницы были встречены Б.В. Савинков и М.М. Филоненко, направлявшиеся в ресторан обедать.

М.М. Филоненко отправился с нами, и мною за обедом ему подробно было изложено все создавшееся положение; прошлое, настоящее и будущее всей операции. Я был, насколько помнится, очень возбужден и говорил, вероятно, чрезвычайно горячо. М.М. Филоненко вполне разделил, кажется, мои соображения и доводы полковника Голицына. После обеда из кабинета вышел обедавший там в другой компании Б.В. Савинков, и я вкратце сообщил ему цель моего приезда и все рассказанное нами М.М. Филоненко.

Результатом этой беседы было собрание председателей всех армейских комитетов Юго-Западного фронта, всех комиссаров и посылка этим собранием телеграммы военному министру, Верховному главнокомандующему и копии главнокомандующему Юго-Западным фронтом с требованием о назначении ген. Корнилова главнокомандующим фронтом. Узнав от М.М. Филоненко об отправке этой телеграммы, мы на следующее утро выехали обратно в штаб в Коломыю.

Заканчивая описание событий, происшедших в 8-ой армии, я не могу не остановиться хотя бы мимоходом на приезде А.И. Гучкова в штаб армии к ген. Корнилову с просьбой о зачислении его в один из полков армии. А.И. Гучков был дважды принят генералом и на все обращенные к нему просьбы получил вполне определенный ответ, что ген. Корнилов, принимая во внимание чрезвычайно яркую политическую окраску А.И. Гучкова, считает неудобным для себя какие-либо хлопоты о зачислении Гучкова в один из полков восьмой армии и предоставляет самому Гучкову добиться этого зачисления. Туземная дивизия, к которой обратился А.И. Гучков с просьбой о его зачислении, отказалась принять его в какой-либо из ее полков. Вследствие вышеизложенного А.И. Гучкову пришлось оставить восьмую армию и переехать в седьмую; впоследствии он, кажется, был зачислен в один из полков Кавказской казачьей дивизии.

Мое знакомство с Б.В. Савинковым и М.М. Филоненко

Как сказано выше, мне пришлось столкнуться с Б.В. Савинковым и М.М. Филоненко в Каменец-Подольске и впервые вступить с ними, если можно так выразиться, в деловые отношения. До этого времени я однажды встречался с Б.В. Савинковым в Петрограде, где был познакомлен с ним журналистом, бывшим эмигрантом Е.П. Семеновым; насколько мне помнится, наша беседа в то время касалась возможного сотрудничества Савинкова в предполагавшемся мною к изданию еженедельном журнале.

С М.М. Филоненко я неоднократно встречался в штабе восьмой армии и, насколько у меня создалось представление, у нас как будто сразу установились порядочные отношения, хотя временами Филоненко, казалось, боялся этих отношений и, во всяком случае, опасался и присматривался ко мне. Впоследствии, познакомившись с обоими названными лицами гораздо ближе, я не считаю возможным пройти их молчанием и остановлюсь на их характеристике несколько подробнее.

Б.В. Савинков представляет собою достаточно большую фигуру допереворотной России. Его репутация создана не словами, а делами; имя его широко известно, а потому ко всему сказанному про него в печати мне остается добавить лишь несколько строк. Мне кажется, что тяжелое прошлое, постоянная опасность преследования, необходимость исключительно конспиративной работы наложили на него свою печать, и в настоящее время он сохраняет еще многие следы этого прошлого, и в большой общественной работе эти привычки и навыки должны ему, несомненно, мешать. Человек сильный, решительный и смелый, по моему мнению, он является исключительно надежным исполнителем во всякой отрасли, в которой ему представилось бы работать; но я полагаю, что тяжелая работа прошлого лишила его способности широкой творческой деятельности, руководимой личной инициативой, в области создания новых условий государственной и общественной жизни.

М.М. Филоненко имеет большой основной недостаток, которым является его молодость, а вместе с ней излишняя горячность, отсутствие выдержки и чрезмерное честолюбие. Это комок нервов, способный на проявление величайшего геройства, но в то же время и великую прострацию. Я считаю его человеком редко умным, очень образованным, талантливым оппонентом и оратором с сильною волею в смысле подчинения себе массовой воли в отдельные критические моменты жизни и совершенно безвольным в отношении отдельных личностей в условиях повседневной жизни. Это человек если и не способный сам к творческой работе, то исключительно талантливый истолкователь всякой новой идеи и мысли; обосновать брошенную мысль в обстановке прошлого и настоящего, окрылить ее теоретическими построениями, развить в виде целого ряда мер практического приложения — во всех этих отношениях я бы затруднился назвать достойного ему соперника. Мне кажется, карьера этого человека еще только что началась, и в будущем строительстве российской государственности он еще не раз блеснет чрезвычайно резким светом, и в этом отношении, я полагаю, он пойдет значительно дальше Савинкова. Его натянутые и недружелюбные отношения со многими людьми, враждебность к нему со стороны целого ряда лиц, на мой взгляд, главным образом объясняются тем, что он как бы торопится жить, он скользит сверху, не смотрит по сторонам, не вникает в окружающую повседневность и потому многих оскорбляет, задевает самолюбие и во все стороны, как ощетинившийся еж, колет всякого к нему приближающегося; но пройдут года, явится опыт, жизнь раз-другой хватит его как следует, и я уверен, что в лице М.М. Филоненко молодая Россия будет иметь одного из самых полезных и толковых работников.[...][1]

Назначение ген. Корнилова Верховным главнокомандующим

Во время пребывания штаба фронта в г. Бердичеве я был однажды позван к ген. Корнилову; причем пришедший за мной адъютант передал мне, что генерал его очень торопил и приказал мне явиться немедленно. Едва я успел переступить порог кабинета, как генерал обратился ко мне с сообщением, что он назначен Верховным главнокомандующим. Признаюсь, что я был чрезвычайно далек от мысли о возможности столь быстрого назначения, несмотря на то что окружающая обстановка и петроградские события как будто бы ясно говорили о том, что наша страна входит в не встречавшуюся еще во всемирной истории

[1] Далее опущен раздел «Назначение ген. Корнилова главнокомандующим Юго-Западным фронтом».

эпоху «сверхпомпадурства» и потому ныне каждому русскому обывателю прежде и раньше всего надлежит отказаться от способности чему-либо удивляться.

Тем не менее сообщение генерала было для меня настолько неожиданно, что я просил предоставить мне несколько времени для того, чтобы иметь возможность хотя бы немножко подумать. Не скрою, что я сразу же заметил, что полученное назначение было по сердцу генералу и что внутренне он был доволен; ибо кому не известно, что мечта каждого военного и генерала — стоять во главе всех вооруженных сил страны.

Возвратясь в кабинет генерала после некоторого непродолжительного отсутствия, я просил его разрешения высказаться откровенно и приблизительно изложить ему нижеследующие мысли. Назначение Верховным не следует принимать тем более, что эта должность прежде и раньше всего административная и потому в настоящее время сильно связанная со всею внутреннею политикою страны, каковая политика покамест в ближайшем будущем, кроме дальнейшего развития анархии и чисто русской неразберихи, ничего не обещает. Затем эта должность имеет мало общего с непосредственным водительством войсками и потому всякая боевая слава уже становится почти невозможной. Кроме того, за время командования генералом фронтом ничего не сделано в смысле боевом; ибо нельзя же считать заплатанье[I] Тарнопольского разгрома стратегическим успехом, и следует, во всяком случае, дождаться на этой должности возможности наступающих действий и оставить ее только после блестящих побед.

Далее, несомненно, на Верховном главнокомандующем, а не на ком-либо другом лежит ответственность за продовольствие армии, и если, по моему мнению, при немедленной организации продовольственной части еще можно пропитать Юго-Западный фронт благодаря близости хлебородных губерний и соответствующей сети железных дорог, то это совершенно невозможно в отношении Северного и Западного фронтов. К сказанному я прибавил, что в современной обстановке не представляется интересным принимать на себя всю ответственность и, наоборот, надлежало бы находиться в таком положении, чтобы стоять как бы за заслоном в отношении к внутреннему неустойчивому и крайне бессознательному политическому центру.

Во время доклада я заметил, что мои соображения, хотя как будто бы и разделяются генералом, но одновременно и раздражают его. И действительно, в конце моего доклада генерал показал мне телеграмму Временного правительства и выразил мнение, что она редактирована таким образом, что от назначения отказаться невозможно. Тогда я заявил, что пассивное подчинение приказу и прием должности без всяких условий обратит генерала в такого же серого, рядового Верховного главнокомандующего, какими были и его предшественники, и поэтому надлежит, по крайней мере, во имя «спасения родины» поставить условия о реорганизации армии на началах, могущих вернуть ей известную боеспособность. Я не могу сказать, чтобы и это предложение пришлось генералу по душе; но в этом случае[II] бестактность, дабы не сказать резче, петроградского сверхпомпадурства оказала неожиданную поддержку моей идеи. Дело в том, что, решив принять должность Верховного главнокомандующего, ген. Корнилов вызвал в заместители себе ген. Балуева; петроградское же сверхпомпадурство, будучи чрезвычайно высокого мнения о своих военных способностях, не справляясь вовсе с мнением нового Верховного, ибо ясно, всякий человек, получивший такое назначение, должен быть счастлив и потому наслаждаться,

---

[I] Так в тексте.

[II] Далее зачеркнуто: *«нет»*.

сочло за благо главнокомандующим Юго-Западным фронтом назначить ген. Черемисова. Между тем этот генерал за время командования восьмой армией успел доказать свою неспособность распоряжаться большими массами войск, и потому ген. Корнилов считал невозможным передать ему начальствование над самым важным фронтом. Эта телеграмма из Петрограда оказала на генерала должное влияние и на деле показала, что молчаливое согласие на прием должности к добру не ведет и, взваливая на его плечи всю ответственность, одновременно с этим лишает его сил и возможности эту ответственность нести; ибо издревле известно, что главный недуг помпадурства есть невозможность самоограничения в точных пределах самодурства. После этого генерал согласился с моими доводами, и им была послана Временному правительству средактированная мною телеграмма. И тогда началось знаменитое Бердичевское трехдневное сидение и столь же продолжительное нахождение армии без верховного командования, телеграфные переговоры с Временным правительством, присылка для улаживания конфликта комиссара Филоненко — все чрезвычайно резкие признаки великой эпохи сверхпомпадурства. Насколько мне кажется, этот инцидент более всего наслажденья доставил именно М. Филоненко; ибо его тщеславие в исполнении этой миссии нашло глубокое удовлетворение, что неоднократно прорывалось у него наружу. Это сидение окончилось приездом М. Филоненко и заверением его от лица Временного правительства в том, что поставленные ген. Корниловым условия будут осуществлены.

За время этого сидения я впервые почувствовал, что ген. Корнилов как будто бы утомлен моим постоянным общением с ним. Эпизод этот чрезвычайно характерен, и потому я считаю долгом остановиться на нем подробнее. Кроме всего вышеизложенного о ген. Корнилове, отдельных черт характеристики, общего нравственного облика, делающего его на голову выше всех окружающих, — я не могу не указать на одну чрезвычайно редкую и вместе с тем интересную черту его характера, а именно — человек исключительной, сумасшедшей воли, настойчивости и решительности в исполнении раз принятого им решения, он оказывается человеком крайне бесхарактерным в течение всего периода выбора того или иного решения. И я ясно почувствовал во время нашего Бердичевского сидения, что воля ген. Корнилова утомлена моей волей, о чем тогда же говорил с полковником Голицыным. Поэтому, когда ген. Корнилов позвал меня как-то к себе и заявил, что Временное правительство через посредство министра Терещенко указывало ему на мое безответственное влияние и просило о моем устранении из числа его окружающих, я просто просил его сказать мне, действительно ли это так или, может быть, это только предлог, найденный им самим. Он подтвердил мне сказанное, и тогда я немедленно решил уехать. Ген. Корнилов сказал мне, что он предоставляет двухмесячный отпуск. Вечером того же дня из откровенного разговора с полк. Голицыным я узнал, что г. Терещенко не только заявлял переданное мне генералом, но позволил себе уже лично рассказывать про меня всякие гадости, вплоть чуть ли не до обвинения меня в шпионстве. Сугубо известно из истории того же помпадурства, что излюбленное средство борьбы этих господ была клевета и возведение всяческих, по возможности самых нелепых поклепов; очевидно, гг. сверхпомпадурам оставалось только идти по проторенной их предшественниками дорожке, ибо как люди, принадлежащие к этой чрезвычайно ценной породе, выдумать что-либо своего и нового они не могли.

По приезде в Бердичев М.М. Филоненко я начал с ним самую откровенную беседу о себе лично; я передал ему сделанное мне генералом сообщение, причем Филоненко полностью его подтвердил и прибавил, что то же самое

говорил ему и Б.В. Савинков, которого Терещенко старательно настраивал против меня.

Я сказал Филоненко, что лично ничего не имею против моего отъезда, но боюсь, что мое отсутствие ген. Корнилов, особенно принимая во внимание его новое назначение, будет со всех сторон обложен разными партийными деятелями и добровольцами и, пожалуй, благодаря своей отчужденности от всякой политической деятельности, сделает какие-нибудь неправильные политические шаги, трудно поправимые в будущем и мешающие единой цели — «спасению родины». Филоненко обещал мне и дал честное слово сделать все возможное, дабы уберечь генерала от сторонних политических влияний, и в случае чего немедленно вызовет меня, с какою целью я дал ему мои адреса на время моего отсутствия.

22 июля около 12 ночи я откланялся ген. Корнилову и на ст. Казатин покинул поезд Верховного главнокомандующего, который следовал из Бердичева через Киев в Могилев.

Я уехал в имение к моим родственникам в Балтский уезд Подольской губернии и 1 августа был в Петрограде для того, чтобы вступить в исполнение моих довоенных служебных обязанностей.

Время, проведенное в деревне, и встреча с ген. Корниловым 3 августа в Петрограде

[...][I]

В Петрограде я нашел полную сумятицу и неразбериху, общее трепетанье и испуг; все кричали и голосили об общей гибели, развале, разрухе, и все, все заботились, без исключения, о своих собственных пользах, интересах и выгодах. Одни требовали увеличенья заработной платы, другие скрывали свои прибыли, третьи спекулировали, четвертые создавали новые организации и изобретали новые платные места, что же касается министров, то они в большинстве женились или стремились к этому. Шли партийные раздоры, споры, теоретические рассуждения и разговоры без конца. Одним словом, Петроград оставался верным самому себе и, утопая в нескончаемых потоках слов, наивно думал, что он творит великое дело спасенья родины и воссозданья новой демократической России. Однако тоска по власти, разочарованье неясное и глухое безделье и здесь бросались в глаза, и люди, живущие в чиновничьем городе, по-бюрократически же изыскивали средства к общему спасению, видя одно целительное и спасительное лекарство от этих болестей[II] и несчастий в новом списке состава Совета Министров.

В первый же день приезда мне было показано несколько таких чудодейственных рецептов: был здесь список и контрреволюционный, и кадетский, и общественных деятелей, и чисто социалистический, и коалиционный, и советский... Одним словом, на все вкусы и все недуги. Одно, что было ясно: болезнь власти[III] стала хронической, и со всех сторон к ней лезли с советами, указаниями, пожеланиями, и в то же время все убежденно и искренне только в себе самих видели залог и непременное условие спасения и возрождения.

В этом круговороте «болезни власти» я находился первые дни моего приезда в Петроград и, как все окружающие, вдруг узнал, что кризису этой болезни

I Далее опущено описание положения деревни.

II Так в тексте.

III Слово *«власти»* вписано над строкой.

свыше назначено быть готовым к разрешению, и выявлено на Московском совещании. Ну, будьте же, господа современники, хоть немножко объективны и беспристрастны к себе, не правда ли, одна из великолепнейших страниц для истории «сверхпомпадурства». Я понял тогда же, что не бывает болезней с заранее определенным переломом и что кризис власти принял затяжной, безнадежный характер с сильным уклоном в сторону анархии власти или полного безвластия.

В это время я случайно из газет узнал о приезде Верховного главнокомандующего в Петроград; но так как время прибытия поезда было указано неправильно, то я опоздал на вокзал к приходу и мог видеть ген. Корнилова только поздно вечером. В этот день до меня доходили уже какие-то неясные слухи о переговорах насчет создания нового состава министерства, о проекте общих мероприятий, разрабатываемом совместно Верховным главнокомандующим, Б.В. Савинковым и М.М. Филоненко.

Вечером в поезде мне рассказывали о том, как министр-председатель заснул во время доклада военного министра, как Верховный главнокомандующий был предупрежден о том, что среди министров есть люди неверные и ненадежные, что это предупреждение исходило от самого министра-председателя, и как, наконец, все почтенное собрание Совета Министров боязливо реагировало на случайный разрыв автомобильной шины на набережной.

Полковник Голицын, с которым я разговаривал раньше, чем идти к Верховному главн[окомандующему], сообщил мне снова, что министр Терещенко воспользовался случаем и продолжил свои милые нападки на меня, доставляющие, очевидно, чувство полного удовлетворения его самовлюбленному джентльменству.

Ген. Корнилова я видел в течение лишь очень короткого промежутка времени и, предупрежденный полковником Голицыным, был совершенно подготовлен к его ответу на мое предложение «снова сопровождать его» категорическим отказом со ссылкой на Временное правительство и г. Терещенко.

Ген. Корнилов имел вид чрезвычайно озабоченный, был очень недоволен и, очевидно, совершенно разочарован в тех переговорах, которые ему пришлось вести в Петрограде.

В этот же вечер А.Ф. Аладьин был впервые представлен ген. Корнилову, и так как я находился при этом свидании, то могу сказать, что А.Ф. Аладьин ограничился выражением своего уважения, восхищенья чудесным бегством и спасением генерала из плена, передачею ему привета от великобританского главнокомандующего и поверхностным изложением военной обстановки на Западном фронте.

Дождавшись отхода поезда, Аладьин со мной отправились ночевать ко мне, так как, встретившись с ним в течение дня, мы условились, что он остановится и будет жить у меня.

Знакомство и отношения с А.Ф. Аладьиным

До этой встречи в Петрограде я знал А.Ф. Аладьина лишь понаслышке, и если и сталкивался с ним во время сессии Первой Государственной Думы, то эти встречи были так мимолетны, что не оставили о себе определенных впечатлений. С первых же слов нашего разговора я увидел пред собой человека, совершенно не думающего и не говорящего о себе, а целиком отдающегося делу спасения погибающей родины. Мне понравились его невозмутимое спокойствие и тягучая, медленная речь, хотя, сознаюсь, в целом ряде выражений и манере

себя держать я видел резкое проявление снобизма. Человек с определенным именем и связями в Англии, с привычкой к политической борьбе, — он всегда должен был бы быть полезен России в ее стремлении к возрождению, и я искренно приветствовал в его лице одного из борцов за лучшее будущее русского народа. В течение двух-трех дней, что я оставался в Петрограде после отъезда Верховного главнокомандующего, мы вели с А.Ф. Аладьиным по вечерам нескончаемые разговоры на все современные темы, и, если я не ошибаюсь, он мне сообщил о свиданиях с Савинковым, Филоненко, Терещенко и другими. Этот последний в разговоре с А.Ф. воздержался от каких-либо сплетен и клевет на мой счет.

Что касается меня лично, то я, занятый исключительно у себя в правлениях, виделся только с Савинковым, который встретил меня вполне дружелюбно и даже был любезен удовлетворить одну из моих частных просьб о Ветрове, товарище председателя Могилевского Совета Р. и С. депутатов, которому я просил оказать содействие в его переводе на должность, соответствующую его специальности — монтажу физических и оптических приборов, и отклонить другую — об И.Р. Кюрц, по моему глубокому убеждению, высланном из Петрограда на почве сведения личных счетов при помощи контрразведочного[1] отделения. Кроме того, в разговоре мною было предложено Б.В. Савинкову несколько практических мероприятий военного характера, чисто местного значения, которые он здесь же отметил на блокноте.

В доме же военного министра около двенадцати часов ночи я встретился с М.М. Филоненко, и с ним в течение доброго получаса мы беседовали на общеполитические темы, говорили о переменах в составе Совета Министров, и я еще раз повторил мою просьбу о более внимательном наблюдении его за обстановкою, окружающею ген. Корнилова, в целях охранения генерала от всякого вмешательства в ту или иную политическую борьбу.

Прочитанное на днях в газетах откровение Б.В. Савинкова об установлении за мной наблюдения с 7 августа крайне меня удивило, так как 5 августа я оставил Петроград, и потому это наблюдение, вероятно, носило чисто мифический характер.

Должен заметить, что я уезжал из Петрограда под влиянием слуха о том, что ген. Корнилов не будет приглашен и допущен на Московское совещание. Помню, что как раз на эту тему мне пришлось говорить с А.Ф. Аладьиным, и он высказался в том смысле, что если Московское совещание будет носить государственный характер, то оно, несомненно, потребует приезда ген. Корнилова для выслушиванья его сообщения о состоянии армии и общем стратегическом положении.

Моя поездка имела целью объезд вверенных моему управлению отделений обществ в городах Юга России и промыслов в Грозном и Баку, по дороге на Юг я остановился на день в Москве по делам наших предприятий.

Возвращение назад в Москву и выезд навстречу ген. Корнилову

В Ростове-на-Дону, где я также имел остановку по моим личным делам, я узнал, что ген. Корнилов вызван на Московское совещание, и немедленно же решил возвратиться обратно и ехать ему навстречу. Причинами этого решения были — необходимость выступления ген. Корнилова на совещании и потому произнесение речи, в обсуждении и составлении которой, как ясно из всего пре-

[1] Так в тексте.

дыдущего, я считал себя обязанным принять участие, и предположение о возможности совершения различных попыток в целях привлечения ген. Корнилова в ту или иную политическую группу.

Должен упомянуть, что к этому времени вопрос создания новой власти в смысле перемены состава Совета Министров принял всероссийский характер, и чуть ли не каждый город и не всякий поезд железной дороги имел свой самый достоверный и последний список.

Я выехал Верховному главнокомандующему навстречу на ст. Вязьма и сел в поезд около 5 час. утра 13 августа.

Немедленно я прошел в отделение полковника Голицына, и он осведомил меня обо всех сопровождавших генерала и разных обстоятельствах жизни Ставки за последнее время, а равно и о последней поездке Верховного главнокомандующего в Петроград, по поводу которой вышло неясное для меня недоразумение между Керенским и Савинковым.

В поезде находился и комиссар при Верховном главнокомандующем М.М. Филоненко, с которым мы встретились самым дружественным образом и, разговаривая о предстоящем в Москве дне, здесь же в поезде решили, что нам надлежит настоять на том, чтобы Верховный никуда бы не выезжал и ни в каких предварительных совещаниях участия не принимал.

Считаясь же с тем, что Корнилов и Керенский оба являются в Москве гостями, нет необходимости и смысла и в этом визите. Как известно, эта программа была полностью осуществлена.

Верховный главнокомандующий после блестящей встречи в Москве на вокзале никуда не поехал и ограничился впоследствии посещением часовни Иверской Божьей Матери.

Не могу не рассказать здесь одного чисто анекдотического происшествия, ярко характеризующего переживаемое нами время как эпоху «сверхпомпадурства». Московский командующий войсками полковник Верховский при встречах с журналистами предупредил их о том, что он не будет рапортовать Верховному главнокомандующему при встрече, как то полагается по уставу, и действительно сдержал свое слово и не рапортовал; но впоследствии, испугавшись содеянного им преступления, просил тех же журналистов об этом не печатать.

Вообще весь приезд Верховного главнокомандующего в Москву произвел на правительство и его ближайших агентов какое-то ошеломляющее впечатление; для стороннего наблюдателя вся обстановка казалась трагикомедией; а сущность всего определялась воплощеньем в жизнь «сверхпомпадурства» со всеми его отрицательными сторонами.

На меня, свежего человека, вся обстановка этого приезда произвела удручающее впечатление, и я сразу увидел, что назревает или какой-то нелепый конфликт, или существует великое недоразумение, или попросту русский обыватель, объявившись сам сверхпомпадуром, воображает невероятные ужасы и, как водится, трепещет неведомо [от] чего, ибо по наследию перешедшее к нему право и состояние вечного трепетанья для него наиболее свойственно.

Во всяком случае, я утверждаю, что в Москве всему верующими россиянами были распущены слухи о каких-то замыслах ген. Корнилова, что полковник Верховский препятствовал организации торжественной встречи, сделал выговор выехавшим на встречу генерала казакам, что какой-то дальновидный помпадур мелкого типа, искренно верующий в чудеса, запретил молебен в Иверской часовне, что другой не менее многообещающий помпадур поместил в каюте второго класса против места стоянки поезда Верховного целый наряд шпиков, что третий властитель российских совещаний на вопрос о том, когда же высту-

пить Верховному с речью, благосклонно и высокомилостиво отнес его к числу безответственных организаций, и, наконец, задержка отбытия поезда Верховного из Москвы на два часа по причине недостачи завтрака для всех собравшихся заставила главу правительства пять раз справляться по телефону о состоянии, в котором находится поезд.

Поистине, события, достойные пера великого сатирика, и если бы все это не было так унизительно-жалко[1], так бесконечно до обидного мелко и себялюбиво гадко и не касалось бы великой России и ее руководителей, то, право, кроме самой злой насмешки и гадливости презрения, ничего бы другого не заслуживало.

Вот она, русская действительность, революционная мощь, свободолюбивый размах, гордый народ-демократ, поучающий все народишки мира, торжество и господство революции — на словах и в выкриках, а на деле — в действительности — ужас бездарности и эпоха сверхпомпадурства.

Всем вышеописанным обстоятельствам и событиям — налицо бесконечный ряд свидетелей; так что придуманного, искусственно созданного ничего нет. Да, мне кажется, что после того, как жестокая история волею судьбы дала сподвижнику Николая II полную внутреннего значения фамилию Распутина, нам, свидетелям современности, не надлежит давать волю своему воображению; ибо оно бессильно бороться и даже следовать за действительностью.

Ну, кому, например, может прийти в голову, что у председателя Совета Министров в Москве может найтись время, встретивши на улице маленького военного корреспондента из Ставки, едущего на извозчике, останавливать свой автомобиль, останавливать извозчика корреспондента, и только для того, чтобы спросить о том, что делается в Ставке? Жаль, жаль — нет Щедрина, он бы это изобразил, что называется, вовсю, описал бы как следует, с полным выявлением всего внешнего бума и бездонной внутренней пустоты.

Я, однако, ввиду серьезности положения позволяю себе самым категорическим образом утверждать, что не только каких-либо наступательных, а вообще никаких планов насчет Москвы у генерала Корнилова не было, и он в разговоре со мной вечером в день нашего приезда и впоследствии неоднократно, вспоминая дурашливую обстановку пребывания в Москве, говорил: «Это какое-то сплошное сумасшествие. Но, помилуйте, чтобы считать что-либо подобное возможным и осуществимым, необходимо не только не знать русского народа, но его еще надо не уважать».

Что касается меня лично, я вполне присоединяюсь к этому выводу, сделанному ген. Корниловым, и верю, что русский народ, во всяком случае, без сравнения толковее и разумнее своих случайных руководителей.

Придавая этому дню вообще исключительное значение, я попробую восстановить его здесь, насколько мне позволит память, в хронологическом порядке.

Немедленно по входе в поезд я прошел, как указано выше, в отделение полковника Голицына, который поделился со мной этими последними новостями, между прочим разговорами о создании нового министерства, с предложениями о котором обращаются со всех сторон, в том числе и со стороны правительства, и своими подозрениями в том, что М.М. Филоненко является попросту провокатором. Я неоднократно уже и раньше защищал Филоненко от всяких нападок; потому и в этом случае определенно заявил, что для того, чтобы возводить на человека подобное обвинение, надо иметь факты, а их нет. Полковник Голицын вообще и раньше относился к Филоненко с крайним подозрением и вообще отрицательно.

[1] Так в тексте.

После беседы с Голицыным я перешел в отделение Филоненко, который немедленно же начал со мной разговор о новом составе Совета Министров, и мы вместе с ним составляли один из безгласных списков, в котором, как и полагается, фигурировали мы оба, причем Филоненко — на ролях иностранных или внутренних дел, а я — финансов или продовольствия. Должен снова подтвердить, что беседа наша носила совершенно искренний характер и мне чужда была мысль не только о провокаторстве, но даже о возможности такого предательства. Правда, во время моего отсутствия из Ставки[1] мне пришлось неоднократно слышать от людей, близко знающих и в течение ряда лет Филоненко, что это человек без каких-либо принципов, задерживающих центров, способный все и вся принести в жертву своей карьере и честолюбию, которым нет предела. Сталкиваясь с Филоненко довольно близко, и в делах сплошь да рядом первостепенной государственной важности, я за все время наших отношений не заметил с его стороны ничего такого, что дало бы мне повод подозревать его в предательстве; но его объяснения в печати, и в особенности рассказы о докладе 8 сентября, на котором он чуть ли не открыто заявил себя солидарным с идеологией Азефа, принудили меня к предпосланию моему показанию заявления Филоненко.

И, несомненно, если когда-либо подтвердится правдивость этих чудовищных сплетен и слухов, то М.М. Филоненко ждет не карьера государственного деятеля, а судьба крупного преступника, и мне придется раскаяться в моем доверчивом отношении к этому человеку на протяжении целых трех месяцев. Удивительно безобразно и уродливо гибнут лучшие люди из-за отсутствия нравственных устоев и воли, в хорошем и чистом смысле этого слова.

До прихода поезда в Москву время было проведено за чаем и завтраком и общими разговорами. В Москве на вокзале была устроена очень торжественная встреча с почетным караулом, речами и криками ура. Единственно, что меня поразило неприятно при этой встрече и придавало ей вид искусственности и деланности, — это цветы в руках солдат. Как-то не вяжется и не укладывается у меня в голове и душе облик нашего настоящего солдата, героя в серой шинели со слабыми цветочками в руках... при встрече начальства. Поэтому, вероятно, и все гастроли в армии моего великого согражданина Керенского оставляли у меня всегда самое жалкое впечатление и воспоминание; несмотря на горячие и страстные призывные речи на импровизированных трибунах — эти появления военного министра, разбрасывающего в конце концов оборванной и нарочито небрежно одетой солдатской массе розы и другие цветы на память, воскрешали в моем представлении появления обожаемой балерины и ее бесконечно грациозные реверансы в сторону безумствующих поклонников.

То ли бы дело — настоящий смотр и, если уж так надо, добрый шкалик водки. Солдат всегда останется солдатом и в балетного созерцателя, да еще на позиции, его так вдруг не переделаешь.

Весь день 13 августа я никуда из поезда не отлучался; оставался в поезде и Филоненко, который только вечером выехал в какой-то артистический кружок ужинать.

Верховный главнокомандующий ездил к Иверской.

В течение вечера помимо многочисленных родственников и корреспондентов к ген. Корнилову заходили ген. Алексеев, П.Н. Милюков, А.Ф. Аладьин, проф. Яковлев, и больше из общественных деятелей и людей на виду я никого не видел. Ген. Каледин и Родичев были в числе встречавших. Родзянко, по слухам, собирался приехать, звонил по телефону, назначил время около 8 ч.

---

[1] Так в тексте.

вечера; но потом, как передавали, был специально задержан Керенским и, таким образом, не мог осуществить своего намерения.

П.Н. Милюков, встретивши на своем пути к вагону ген. Корнилова А.Ф. Аладьина, также зашедшего повидать генерала, еще в коридоре вагона недовольно спросил Верховного главнокомандующего: «А зачем здесь Аладьин?» На что последовал такой же ответ со стороны ген. Корнилова: «А зачем здесь П.Н. Милюков?» Случайный свидетель этого разговора, я спросил А.Ф. Аладьина об его отношениях к Милюкову, и он мне ответил, что отношения их характеризуются словом «никакие», что Милюкова он считает выдающимся профессором и ученым, но горе-государственным[1] человеком и «богом бестактности».

Из забавных эпизодов этого дня не могу не вспомнить двух. Поездка полковника Пронина в Городскую думу с целью узнать, когда же на следующий день будет надлежать говорить Верховному главнокомандующему, и ответ на это заявление одного из сверхпомпадуров, заведовавшего этим делом, что Верховный главнокомандующий есть общественная организация и потому о времени выступления ему надлежит сговориться с этими организациями. И телефонные переговоры министра-председателя с Верховным главнокомандующим, в течение которых он пытался убедить Верховного вовсе не выступать с речью на совещании и, наконец, в случае выступления ограничиться исключительно изложением стратегической обстановки.

Около двенадцати часов ночи я был приглашен в вагон Верховного главнокомандующего и имел с ним один из самых продолжительных и откровенных разговоров. Ген. Корнилов жаловался на сумбур и неразбериху настоящего, рассказывал недоразумение, вышедшее с его последним приездом в Петроград, одни члены Временного правительства вызывали, другие просили не приезжать, указывая на нелепые слухи, сопровождающие его приезд в Москву, на какой-то трепет и боязнь Временного правительства его выступления на совещании, и наряду с этим на продолжающийся развал армии; грозную стратегическую обстановку, ближайшее падение Риги, для спасения которой он бессилен что-либо сделать благодаря психозу, всецело охватившему двенадцатую армию, начиная с командующего ею ген. Парского, комиссара Войтинского вплоть чуть ли не до самой незначительной части, и несомненной гибели страны, если торжествующим анархии и разврату не будет положен предел.

Мы говорили очень долго и, в общем, в оценке безвыходности положения совершенно сходились. На мой вопрос, что делать мне дальше, ген. Корнилов отвечал «ехать в Ставку». Я справился об отношении к этому вопросу Временного правительства и Терещенко, он отвечал мне, что и раньше он был уверен в том, что эти господа попросту лгут, но он должен был им уступить, ныне же начались такой сумбур и неразбериха, что мое присутствие около себя он находит необходимым. После этого мы приступили к составлению речи, имеющей быть сказанной на совещании; но просидели до начала четвертого часа и работа у нас не клеилась, так как мы оба были очень уставши. Тогда я уговорил генерала идти спать и обещал приготовить речь утром. Принимая же во внимание, что речь строилась на основаниях доклада, разработанного совместно ген. Корниловым, Савинковым и Филоненко, я предупредил генерала, что приглашу к себе в помощь Филоненко и вместе с ним справлюсь с возлагаемой на меня задачею. Генерал согласился.

На следующее утро я встал в 6 ч. утра, разбудил Филоненко, и мы уселись вдвоем за писание речи, к переписке которой был мною приглашен полк. Голи-

[1] Так в тексте.

цын. К 9 ч. утра речь была составлена, переписана, и генерал, ознакомившись с ней и сделав некоторые поправки, в общем одобрил ее. Все утро четырнадцатого августа я снова провел в поезде, Филоненко выезжал только на совещание.

Когда генерал вернулся с совещания и выяснилось, что собралось очень много родственников и знакомых, Филоненко, я и еще несколько человек из состава свиты с разрешения генерала отправились завтракать в «Эрмитаж», что вызвало задержку в отходе поезда часа на два и вызвало пять тревожных телефонных звонков по приказанию председателя Совета к коменданту вокзала с целью выяснения причин в задержке отправки поезда Верховного главнокомандующего.

На обратном пути в Ставку мы делились впечатлениями московского пребывания, смеялись над боязнью и трепетом сверхпомпадуров, мудростью принимавшихся ими мер, организацией шпионажа, наблюдением за установленными у нас в поезде телефонами и т.д. Справедливость требует признать, что замечания и рассказы Филоненко были особенно остроумны и его ярко неприязненное и прямо враждебное отношение к Керенскому и его мальчишеским выходкам ядовито-зло[1].

Что же касается, в частности, Московского совещания, то было ясно, что оно останется бесплодною смоковницею и прародительницею целой серии новых совещаний разнообразных составов, из которых, совершенно очевидно, ни одно не принесет никакой пользы и ни на йоту не подвинет вперед дело; ибо известно, нет места словам там, где уже опаздывают действия и, тем более, всевозможные решения и резолюции.

Россию, повторяю, спасет чудо и отдельные люди, а не партии и их организации, ибо вся история говорит за то, что партийность и государственность — понятия несовместимые, из чего единое следствие — роскошь существования партии доступна лишь крепко спаянному государству, а вне существования такого государственного уклада нет места для бытия партий. Эта истина, простая и ясная, доступна пониманию, к несчастью, людей только зрячих и не зараженных сверхпомпадурским самодовольством и себялюбием.

Возвращение в Ставку

Мое прибытие в Ставку после подневольного двадцатичетырехдневного отсутствия ставило меня, очевидно, в хвост развернувшихся в мое отсутствие событий, создавшихся условий и господствовавших настроений. Я никоим образом не мог уже влиять на изменение создавшейся обстановки, будучи не в курсе как ее возникновения, так и первоначального развития; мне оставалось только понять происходившее и тем или иным образом сочетать мои действия с общим направлением хода событий.

Так, прежде и раньше всего я должен был констатировать факт наличия в Ставке той же всероссийской болезни — общего переустройства министерства и власти. Об этом вопросе говорили все без исключения находившиеся в Ставке, все приезжавшие по различным делам из Петрограда официальные представители разнообразных ведомств и миссий, весь комиссариат, и в том числе и верховный комиссар, который в указываемое время этому вопросу перемены состава министерства и реконструкции власти отдавал наибольшее внимание.

Таким образом, на основании окружающей обстановки у меня создавалось совершенно определенное и твердое убеждение, что Временным правительством

[1] Так в тексте.

со Ставкой, а потому и с ген. Корниловым ведутся затянувшиеся переговоры о составе нового министерства и существе власти. [...][1]

Жизнь в Ставке до 23 августа

Наряду с повседневной работой по разработке вышеприведенных проектов жизнь Ставки шла своим чередом во всем согласно описанию, сделанному в предыдущей части показания. Ничто во внешней жизни не давало повода сомневаться в том, что между Ставкой и Временным правительством идут постоянные переговоры о пересоздании власти и что каждая оказия используется в этих целях впредь до момента нащупывания, если можно так выразиться, общих точек зрения и отправных пунктов.

В области жизни военной за это же время пришлось перенести новый тяжелый и чрезвычайно позорный удар — это падение Риги. Если мне, как русскому вообще, был тяжел и ужасен позор Рижского провала, то во сколько раз больше этот удар должен был отозваться на ген. Корнилове, Деникине и других, когда-то водивших Русскую армию по пути побед и любивших в ее лице серого героя-солдата всем сердцем и всею душою. Если психоз современности казался для меня явлением хотя и обидным и позорным, но все-таки объяснимым, то ведь для этих генералов он являлся повторным ударом хлыста по самому больному для них месту — это чести Русской армии. А эта честь ныне чужда и солдатской массе, и возглавляющим ее комитетам и комиссарам. Можно ли говорить о «чести», когда идет вопрос о собственной своей поганой шкуре. Простое и ясное представление о том, что «честь» дороже жизни, нескоро получит права гражданства в русском народе.

Позорные страницы истории Рижского разгрома ярче всяких слов и страстных филиппик говорят о той благодетельной роли в армии комитетов и комиссаров, которая ведет руководимые ими войска от одного поражения к другому. В этих случаях незачем отводить душу в страстных самооправданиях, незачем искать действительно виновных, незачем лгать! История и грядущие поколения увидят ужасную правду позора из официальных реляций нашего сегодняшнего противника. И Рижский разгром — это великий исторический памятник комитетам и комиссарам; ибо на всем фронте не было армии, в которой, подобно двенадцатой армии, вся власть была бы захвачена этими учреждениями и организациями.

Потому я не могу не остановиться хотя бы на кратком описании Рижского провала, потому что позором этой операции во многом объясняется душевное и нравственное состояние лиц, обвиняемых ныне истерическими выкриками сверхпатриотов чуть ли не в измене и мятеже.

Я не знаю и не имею чести и удовольствия знать ни ген. Парского, ни комиссара Войтинского, ни одного из членов комитета двенадцатой армии; но я знаю одни голые факты, и эти факты говорят следующее.

За три или четыре дня до позорных дней Двины Войтинский и ген. Парский в ясном сознании плодотворности творимой ими словесной работы послали в газеты, а копии в — Ставку, телеграммы чрезвычайно надменно-уверенного

---

[1] Далее опущен текст о государственных реформах, предлагаемых Завойко, разделы: «Власть законодательная»; «Проект мероприятий в области военного строительства и возрождения боеспособности армии»; «План в области политики международной»; «Проект реформ финансовых»; «Земельная реформа»; «Проект земельного переустройства»; «Мероприятия и реформы в области вопросов продовольствия»; «Общий план объединения государственного строительства».

содержания, осведомившие население и всех, что войска доблестной двенадцатой армии, вверенные их руководству и попечительству, не отдадут ни пяди родимой земли и готовы к самым упорнейшим боям.

Непосредственный за этими телеграммами переход немцами могучей Двины, как маленького ручейка, с потерею с их стороны одного солдата убитым и одного раненым, о чем свидетельствуют протоколы опросов германских пленных, взятых в позднейших боях. Самый характер прорыва, подсчет переправившихся в первый день через Двину германских войск и их продвижение вглубь чуть ли не на пятнадцать-восемнадцать верст свидетельствуют о характере и силе противопоставленного германскому наступлению бегства наших войск. Ясно, переход Двины у Икскюля настоятельно указывает на необходимость очищения Рижского плацдарма и оставление Риги; но ведь бывает отступление с арьергардными боями, с временными задержками, но бывает также и бегство по упрощенному способу, без всяких боев, задержек и в полном беспорядке. Об этих подробностях мне не приходится говорить, их излил в полных себялюбивого самооправдания рассказах один из героев Риги — комиссар Войтинский; из этих рассказов определенно следует, что весь Рижский плацдарм, г. Рига, линия реки Двины и т.д. были оставлены даже без боя со всеми оборудованиями и запасами в величайшей поспешности и при соответствующем беспорядке. К сказанному нечего прибавить, ибо для каждого, кто в себе носит «честь» Русской армии, факт Рижского провала — это острый нож в сердце.

Жестокая история за время существования революционной армии вписала в боевую летопись русских войск позорнейшие страницы, и нет сил природы, которые смогли бы смыть и уничтожить эти черные листы. Одно утешение для революционной армии, и только в том, что революционный флот не уступит ей этого позора и в ближайших же боях запятнает и истреплет[1] когда-то славный Андреевский флаг. Из поколения в поколение перейдет сказание о Тарнопольском и Рижском разгромах, и будет у детей презренна память их отцов.

Не на полях позора и бегства выковываются судьбы новых государств: на них догорают и тлеют головешки умирающих организмов, и нет пути к славе, силе, праву и творчеству через омовение в трусости и подлости.

Гнетущее настроение, созданное в Ставке Рижским разгромом, характеризовало время середины августа. Сознание своей беспомощности и бессилия, яркая картина гибели отечества, недоступная только зрению слепцов, накладывали свою тяжелую печать на все окружающее, и в тяжелой тревоге за ближайшее будущее тянулись день за днем.

Одновременно в Ставку почти ежедневно поступали бюллетени контрразведки, которые только еще сгущали атмосферу и усиливали угнетенное состояние. Мне попались в руки некоторые из этих сообщений, и я читал в них о предстоящем десанте в Финляндию, о вооруженном восстании там же, уже совершенно подготовленном и готовом разразиться чуть ли не каждый день, о выступлении большевиков в конце августа, об их намерении захватить власть хотя бы на трое суток в целях разгрома Временного правительства, создания новой власти на предмет заключения сепаратного мира с Германией, разгрома банков и передачи всей земли в руки крестьян. Я прекрасно понимал, что осуществление всего предсказывавшегося было не так уж легко, но у меня и ген. Корнилова ни на минуту не было и не могло быть сомнения в том, что попытки к исполнению всего предсказывавшегося будут сделаны и что сведения, сообщаемые Ставке, действительны, тем более что для нас было ясно, что при существующем поло-

[1] Слово *«истреплет»* вписано над зачеркнутым: *«запачкает»*.

жении важен не конечный успех, а дальнейшее разрушение и развал и без того уже погибающей страны.

Все это вместе взятое заставляло нас с нетерпением ожидать намеченного на 23 августа приезда в Ставку с чрезвычайно важным поручением от Временного правительства Б.В. Савинкова. Накануне приезда управляющего Военным министерством полковник Голицын сказал мне, что, по его бы мнению, следовало, чтобы я уехал куда-нибудь на два дня, дабы не вызывать лишних разговоров ввиду всех делавшихся на мой счет в прошлом сообщений. О моем предстоящем отъезде я непосредственно сообщил Филоненко, и он также согласился с тем, что вследствие бывших у него с Савинковым обо мне разговоров лучше было бы, если я на время его присутствия в Ставке уеду куда-нибудь в окрестности.

23 августа утром вместе с проф. Яковлевым я отбыл в одно из имений вблизи Могилева к одному из моих знакомых помещиков, где и оставался до 25 августа раннего утра, причем двадцать четвертого вечером был вызван на некоторое время в Ставку к ген. Корнилову и имел с ним собеседование по поводу посещения Савинковым Ставки. Все время совместного пребывания с проф. Яковлевым было нами использовано на детальную разработку проекта земельных реформ.

Пребывание Савинкова в Ставке

Ген. Корнилов сообщил мне о том, что Б.В. Савинков в должности управляющего Военным министерством приезжал в Ставку для того, чтобы приказать от имени Временного правительства отправку к Петрограду кавалерийского корпуса на предмет подавления предполагавшегося в Петрограде восстания большевиков. Затем Савинков сообщил о том, что проект возрождения боевой мощи армии, разработанный ген. Корниловым совместно с ним и Филоненко, Временным правительством принципиально принят и обсужден и что Временное правительство опасается, что опубликование этого проекта во всеобщее сведение вызовет восстание большевиков и оно разразится ранее намеченного ими срока. Для предупреждения возможности какой-либо катастрофы Временное правительство поручает ген. Корнилову, по сосредоточению корпуса в ближайших окрестностях Петрограда, немедленно послать военному министру условленную телеграмму, и что тогда последует объявление Петрограда на военном положении, назначение генерал-губернаторства и усмирение всякого восстания, с какой бы стороны оно ни исходило. Из любопытных подробностей разговора ген. Корнилова и полк. Голицына передавали мне о том, что Савинков было стал[I] возражать против оставления ген. Крымова во главе намеченного к отправке в Петроград корпуса; но после слов ген. Корнилова о том, что ген. Крымов — это половина силы корпуса, Савинков пожал плечами и согласился. Кроме того, Савинков находил необходимым, чтобы направляющиеся к Петрограду полки[II] 3-го кавалерийского корпуса, в состав которого входили казачьи части и Туземная дивизия, были бы непременно разбавлены[III] регулярной кавалерией для того, чтобы подавление восстания не носило бы характера натравливания одной части населения на другую: ген. Корнилов вполне согласился с доводами Савинкова, говорившего от имени Временного правительства. Мне было сообщено и о том, что Савинков от лица Временного правительства требовал беспощадной расправы и с Советами в случае, если бы они присоединились к вос-

---

I Так в тексте.

II Слово *«полки»* вписано над зачеркнутым: *«части»*.

III Далее зачеркнуто: *«частями»*.

ставшим, и что это пожелание было особенно категорически поддержано Барановским, каким-то свояком Керенского, на что ген. Корнилов отвечал, что он вообще против употребления войск в роли пугала и что если войскам приходится действовать, то они должны действовать как войска, а не как полиция, ибо последнее их только разлагает.

Мне известно, что ген. Лукомский и Романовский являются свидетелями большей части этих разговоров; мне также доподлинно известно, что требование Временного правительства о направлении корпуса к Петрограду было известно и комиссару Филоненко, который сам мне об этом говорил, почему заявление Филоненко 8 сентября, переданное «Вечерним временем» 9 сентября, я считаю самою неприличною ложью. Об этом посещении Савинковым ген. Корнилова и целях его приезда в Ставку знали все; а потому нет никаких сомнений в том, что Савинков действовал и говорил от лица Временного правительства, ибо иначе он, как всякий заговорщик, должен был бы обставить свою поездку величайшею конспирациею, на которую он такой мастер, и, во всяком случае, не стал бы говорить с ген. Корниловым при свидетелях и отдавать распоряжения и условиться о подробностях.

По совершенно объективному наблюдению происшедшего я делаю заключение, что Б.В. Савинков приезжал в Ставку с ведома и по поручению Временного правительства и, тем более, председателя Совета Министров А.Ф. Керенского уже по тому одному, что он, Савинков, вообще на первые роли не годится, что и доказал всей своей революционной допереворотной карьерой.

Я утверждаю, что на мой вопрос 24-го вечером ген. Корнилову о том, не спрашивал ли он, в каком составе Временное правительство приняло решение о подавлении большевистского восстания и приказание о направлении кавалерийского корпуса к Петрограду, ген. Корнилов отвечал мне: «Ну, конечно, всем Временным правительством». И тогда же вечером я ему сказал, что Керенский, провозгласивший об отмене смертной казни в России навсегда и введший ее впоследствии, что Керенский, вышедший из волн Советов, попустительствовавший, если не покровительствовавший большевикам и ныне поднимающий на них руку и обнажающий меч, дорого заплатит за свою непростительную близорукость и предательство; ибо его вина велика есть.

Ген. Корнилов отвечал мне, что будущее неведомо, но что он бы никогда не шел в закрытую, и если бы находился в одинаковом с Временным правительством положении, то он бы открыто заявил по-старому, по-военному «иду на вы» и тогда бы ни перед чем не остановился для достижения поставленной себе цели. Зная характер ген. Корнилова и видя его в повседневной тяжелой работе нашего безвременья, я подтверждаю, что ген. Корнилов поступил бы именно так, как он и говорил.

Тогда же 24-го поздно вечером ген. Корнилов сообщил мне, что у него был чрезвычайный посол от Керенского В.Н. Львов, в миссии которого он не видит ни причин, ни смысла, что он отложил разговор со Львовым на следующее утро и просит меня присутствовать.

Пребывание В.Н. Львова в Ставке

25 августа утром по возвращении в Ставку я получил от полковника Голицына письмо, переданное накануне В.Н. Львовым от А.Ф. Аладьина. В этом письме Аладьин сообщал мне, что представленный ему в Москве Львов заявил, что является особоуполномоченным министра-председателя Керенского на предмет ведения переговоров с ген. Корниловым о переустройстве власти и разработке

программы нового правительства, причем по настойчивому желанию Керенского означенные переговоры должны вестись негласно. Около 10 ч. утра Львов явился к Верховному главнокомандующему, и я одновременно с ним вошел в кабинет ген. Корнилова. Это была моя первая встреча с В.Н. Львовым. Прежде я с ним никогда не встречался; хотя изредка сталкивался с двумя его братьями. Разговор сразу был поставлен ген. Корниловым на серьезную почву и начался с вопроса о том, на каком основании и по чьему поручению Львов ведет свои переговоры, на что со стороны Львова последовал вполне определенный ответ, что он послан по инициативе и личному приказанию А.Ф. Керенского. На вопрос о письменных полномочиях, поставленный, если не ошибаюсь, мною, Львов отвечал, какие же могут быть письменные полномочия в столь ответственном и интимном политическом деле, что лучшею гарантиею правдивости его слов является участие его в качестве министра в бывшем Совете Министров. На вопрос, почему же А.Ф. Керенский выбрал именно его, Львова, он отвечал, что является интимнейшим другом Керенского, человеком, связанным с ним не только узами самой искренней дружбы, но и целым рядом взаимных политических услуг и обязательств. Когда ген. Корнилову и мне вопрос о действительности полномочий Львова показался достаточно выясненным, то ген. Корнилов просил Львова перейти к изложению существа дела. Львов начал с того, что в очень мрачных красках описал положение страны, бессилие правительства, безвыходность положения. По моему мнению, это описание хотя в сущности и соответствовало положению страны и власти, но одновременно носило чрезвычайно сумбурный характер и не отражало действительности. После этого вступления Львов заявил, что задачи его заключаются главным образом в выяснении принципиальных оснований для реконструкции власти. И, переходя на чрезвычайно возвышенный тон и пафос, сообщил, что его интимный друг Керенский, в сознании всей безвыходности и трагичности положения страны, всецело забывая о себе лично, уполномочил его выяснить отношение генерала к одному из нижеследующих трех способов реконструкции правительства:

1. Генерал образует Совет Министров без участия Керенского, который возвращается к частной жизни.

2. Генерал образует Совет Министров с участием Керенского как министра юстиции или на каком-либо ином посту.

3. Временное правительство декретирует ген. Корнилова как единственного диктатора.

Я заявляю, что это единственно верная редакция предложения, сделанного Львовым ген. Корнилову, и что я немедленно по окончании беседы сообщил о ней полк. Голицыну и по встрече с А.Ф. Аладьиным передал ему. Я не знаю, что хотел сказать Львов, но я утверждаю, что он сказал именно все вышеприведенное.

По сообщению этого предложения Керенского Львов сейчас же перешел к высказыванию своего взгляда на все эти проекты реконструкции власти, причем очень горячо и упорно настаивал на принятии генералом Корниловым именно третьего варианта, всячески убеждая его в том, что, по его, Львова, мнению, в единоличной диктатуре единственный выход из создавшегося положения. Категорический отказ ген. Корнилова, неоднократно повторяемый им, как будто бы только разжигал настойчивость Львова в повторении им своих доказательств о необходимости осуществления именно третьего варианта.

Между тем ген. Корнилов заявил, что, всецело занятый реорганизацией армии и сознающий всем своим существом ее отчаянное, почти безвыходное положение, он прекрасно понимает, что все его время, все его мысли, вся его душа

будут отданы именно работе над восстановлением боевой мощи армии и что у него нет ни времени, ни желания, ни даже опыта и знаний, чтобы принять на себя единолично бремя управления государством. Ген. Корнилов вполне определенно стоял на той точке зрения, что лично он никаких собственных целей не преследует, что ему дорого будущее родины и армии и что сам он готов полностью отдать все свои силы, всю свою жизнь, и его искреннее и горячее желание только в том, чтобы и в тылу нашлись люди, которые своей работой по организации внутренней жизни страны облегчили бы ему выполнение великой задачи на фронте. Вывод, который делал ген. Корнилов, сводился к тому, что если Временное правительство действительно находит положение страны безвыходным, то он согласен принять участие и быть даже председателем Совета обороны, который олицетворял бы собою коллективную диктатуру; но при едином безусловном условии, что он, ген. Корнилов, не оставляет Ставки, армии и фронта и имеет в Совете заместителя председателя, которым может быть или ген. Алексеев, или Керенский, или Савинков. Убедившись в том, что ген. Корнилова невозможно сдвинуть с занятой им позиции, Львов перешел на обсуждение двух других вариантов; причем первый его вопрос был о том, находит ли ген. Корнилов желательным участие Керенского в Совете Министров. На этот вопрос ген. Корнилов отвечал утвердительно и свое мнение обосновывал тою популярностью, которою Керенский продолжает пользоваться в широких кругах населения. Тогда Львов предложил сохранение за Керенским поста министра юстиции, на что ген. Корнилов отвечал замечанием, что это такая деталь, о которой всегда успеется переговорить, а я сказал, что популярность Керенского объясняется исключительно влиянием его крайне истерической натуры на массы, охваченные психозом истерии, что Керенский на посту министра юстиции довершал с другой только стороны славное дело Щегловитова по окончательному убиению русского правосудия и по искоренению в сознании широких масс всякого представления о началах права и справедливости, что Керенский и систематическая работа и творчество — понятия несовместимые и потому единственное место, которое можно предоставить Керенскому в Совете Министров, — это почетное место заместителя председателя без всяких обязанностей, и держать его на должности гастролирующего оратора, совершающего турне по стране, и ни в коем случае не пускать его на фронт, где влияние его гастролей ярко отрицательное. После этого разговор перешел на состав Совета Министров, причем Львов указывал на необходимость образования кабинета из общественных деятелей, а я утверждал, что все эти люди себя так зарекомендовали перед страной, что кабинет должен быть составлен из сведущих людей, известных в области чисто практической работы, и что только на этих людей страна будет иметь право и некоторые основания возлагать какие-либо надежды. Говорилось также о созыве сессии чрезвычайной Государственной Думы, причем Львов категорически отвергал наш проект и горячо настаивал на созыве лишь одной четвертой Государственной Думы, упрямо отрицая малейшие указания на ее непопулярность.

Ген. Корнилов, которого ждали срочные дела по Штабу, должен был прервать нашу беседу заявлением о том, что из имевшего место обмена мнений Львов знает общие точки зрения генерала по затронутым им от имени Керенского вопросам и не откажется передать министру-председателю просьбу о немедленном приезде в Ставку для выяснения всех вопросов и обсуждения создавшегося положения. После этих слов Львов откланялся, и мы вместе вышли из кабинета Верховного главнокомандующего и перешли в комнату, занимавшуюся полковн[иком] Голицыным и мною одновременно.

Я не скрываю, что за время моего заключения в Комендантском управлении из газет я узнал о совершенно ином описании пребывания Львова в Ставке, причем даже показания ген. Корнилова в их передаче газетами расходятся с моими, и тем не менее я настаиваю на правдивости именно моего изложения. Ген. Корнилов, в его благородном стремлении покрыть вся и всех и сделать виновным исключительно себя одного, упускает то, что может касаться других, и подчеркивает то, что оттеняет его деятельность. Наше дело, его ближайших сотрудников, заявить открыто и прямо, что мы сознательно шли за нашим вождем и в его высокопатриотической и полной искреннего самозабвения работе видели спасение нашей родины. Я с чувством гадливого презрения отвергаю все те показания, в которых некий герой, кутаясь в мантии римских сенаторов, пытается доказать, что демократическим мышлением и избранием правильных путей спасения страны ген. Корнилов обязан исключительно их влиянию. Ген. Корнилов — большой и сильный человек, его жизнеописание служит лучшим доказательством того, что у него дело всегда следовало за словом, и если современники не поняли его сегодня, то из этого не следует, что они не побегут за ним завтра. Ген. Корнилов — рожденный демократ в лучшем смысле слова, олицетворение военной и гражданской доблести, и не маленьким людишкам, купавшимся в лучах его имени, пытаться ныне отыскать или указать иной источник этого света. Я заявляю, что вся работа вокруг ген. Корнилова шла постоянно при его непосредственном участии и руководстве и что, прекрасно разбираясь в слабостях лиц, близких к нему[I], он часто бросал отрывки мыслей или проектов, которые подхватывали некоторые из его окружающих и тщеславно выдавали за свои. Ген. Корнилов, как всякий великий человек, чужд славе и исканию популярности. Они сами пришли к нему, и настанет[II] время, они великим ореолом окружат его имя; поэтому ген. Корнилов никогда не стоял на страже авторских прав того или иного полезного для дела назначения и всегда уступал эту честь любому из окружающих, находившему в этом удовлетворение своему самолюбию. Ген. Корнилов преследовал единую великую цель «спасения родины» и был чужд мелочам и тщеславию повседневности.

Я утверждаю, что никакого поручения, за исключением просьбы о приезде Керенского в Ставку, ген. Корнилов Львову не давал. Что же касается воззвания председателя Совета Министров с заявлением о каком-то требовании ген. Корнилова, предъявленном им через Львова, — это есть, во-первых, наглая ложь и, во-вторых, преступная выходка жалкого юродивого истерика, цепляющегося зубами и ногтями за призрак власти и за связываемое им с ним свое личное благополучие.

После ухода от ген. Корнилова Львов перешел ко мне в комнату и сидел там до самого отъезда на вокзал. Кроме него там же находились г. Добрынский, с которым я также впервые познакомился, и, насколько мне помнится, проф. Яковлев. Разговор вертелся около тех же тем, обсуждавшихся в кабинете ген. Корнилова. Львов особенно горячо настаивал на пагубности идеи созыва сессии Государственной Думы по разработанному нами проекту и всячески убеждал ограничиться кратковременною сессией четвертой Думы на предмет, как он говорил, исключительно «освящения власти». Согласия по этому вопросу ему не удалось добиться. Тогда он перешел на обсуждение вопроса о составе нового Совета Министров, причем также стоял на точке зрения, диаметрально противоположной той, которая установилась в Ставке. Он настаивал на кабинете из

I Слова *«лиц, близких к нему»* вписаны над зачеркнутыми: *«его окружающих»*.

II Слово *«настанет»* вписано над зачеркнутым: *«придет»*.

общественных деятелей, Ставка — на кабинете из деловых людей. Львов указывал на необходимость присутствия в составе кабинета таких общественных деятелей, как М.В. Родзянко, А.И. Гучков, П.Н. Милюков и др., — Львов с особенным упрямством останавливался именно на кандидатуре П.Н. Милюкова и находил, что без его участия не может быть никакого министерства, пользующегося общественным доверием. Здесь же я составил один из бесчисленных списков состава Совета, причем сейчас не отдаю себе отчета в том, был ли это список мой или диктуемый Львовым. Если этот список был наш, то он должен был бы заключать в себе следующие имена по нижеследующим ведомствам именно утром 25 августа, так как вечером того же дня и 26 августа он окончательно вылился в несколько иной форме после совместного обсуждения с ген. Корниловым, Филоненко и Аладьиным на предмет представления Керенскому при его ближайшем приезде в Ставку.

О большинстве этих имен в Ставке говорилось уже в течение приблизительно целого месяца, и потому их нахождение в списке должно служить доказательством происхождения этого списка[32].

Председатель Совета Министров и Верховный главнокомандующий — ген. Корнилов.

Заместители председателя С[овета] Мин[истров] — Керенский или ген. Алексеев.

Министр военный и морской — Б.В. Савинков.

Управляющий Военным министерством — ген. Лукомский.

—"—"—"—"— морским —"—"—"—"—" — адм[ирал] Колчак.

Министр иностранных дел — А.Ф. Аладьин.

—"—"—" внутренних дел — М.М. Филоненко.

—"—"—" продовольствия — Троицкий-Сенютович или Батолин.

—"—"—" труда — Плеханов при товар[ище] мин[истра] Белоножкине.

—"—"—" путей сообщения — Тахтамышев при товар[ище] министра Шуберском, Шаргине, Лансберге и Юрченко.

—"—"—" торговли и промышленности — С.Н. Третьяков.

—"—"—" вероисповеданий — Карташев.

—"—"—" народного просвещения — гр. Игнатьев.

—"—"—" финансов — Путилов, Батолин, Завойко.

—"—"—" юстиции — Малянтович, Таганцев.

—"—"—" почт и телеграфов — Церетели.

—"—"—" без портфеля и на время его пребывания в Ставке или в Москве — Каледин.

Должен повториться, что с большинством министров, предполагавшихся к назначению, никаких переговоров не велось, и предполагалось издание особого закона, которым отказ от занятия какой-либо правительственной должности квалифицировался бы как преступление.

Как сказано выше, в течение вечеров 25 и 26 августа этот список был подвергнут пересмотру и в дальнейшем изложении будет приведен в исправленном виде. Что же касается вышеприведенного списка, то, насколько мне помнится, в это время за министрами-кадетами еще сохранялись их портфели, тогда находившиеся в их распоряжении. Считаю нужным оговориться, что составление списков в течение последнего месяца стало настолько повседневным явлением, что я не в состоянии вспомнить во всех деталях список, составлявшийся совместно со Львовым.

После обсуждения состава Совета Министров беседа перешла на рассмотрение разработанного у нас проекта земельного устройства; насколько помнится,

и этот проект особенного сочувствия у Львова не встретил. Вообще после посещения Ставки Львовым у меня составилось вполне определенное представление о том, что наши политические и экономические идеалы ничего общего не имеют и нам с ним ни в коем случае не суждено договориться до одной общей программы. Львов и Добрынский у меня в той же комнате завтракали, после чего я поехал проводить их на вокзал с главною целью встретить приезжавшего Аладьина и купить газеты. На вокзале у меня уже никаких серьезных разговоров, да и вообще никакого продолжительного собеседования с Львовым не было; так как там я встретил разъезжавшихся после совещания в Ставке комиссаров и большую часть времени разговаривал с ними, в особенности с Цеткевичем, и успокаивал Филоненко, который приехал на вокзал встретить Аладьина и находился в нервной прострации по поводу выступления ген. Корнилова на совещании комиссаров, представителей комитетов и штабов, во время которого генерал заявил о том, что не допустит вмешательства комитетов в вопросы назначения начальствующих лиц и потребует от правительства самого точного и строгого определения их обязанностей и введения тяжкой ответственности и кары за всякие правонарушения.

Отвлекаемый целым рядом встреч, занятый разговорами с другими лицами, я если и разговаривал на вокзале со Львовым, то только урывками, постоянно оставляя его; почему утверждаю, что никакого разговора со Львовым на вокзале серьезного характера у меня не было и не могло быть просто по недостатку времени и по полному несоответствию обстановки.

Устанавливая факт обращения особого внимания Следственной комиссии именно на мой разговор с Львовым будто бы на вокзале и на приписываемые мне Львовым какие-то самостоятельные заявления ему в смысле определения условий реконструкции власти, считаю долгом указать, что в течение всего моего пребывания в Ставке я никаких самостоятельных выступлений не делал и все время старался оставаться в тени; так как больше всего избегал случая оказаться в официальном положении и в необходимости непосредственного сношения с Временным правительством. Я не могу себе представить тех соображений и побудительных причин, которые могли бы заставить меня в этом случае поступить иначе; ибо лично для себя я никогда ничего не искал и не добивался. Правда, у меня есть отвратительная черта характера — в том случае, когда я вижу пред собой исключительного дурака, отлить ему в разговоре с самым серьезным видом какую-нибудь пулю, идущую вразрез со всем сказанным до того времени; если что-нибудь подобное случилось и со Львовым, я снимаю с себя всякую ответственность, оставляя таковую всецело на его интимном друге Керенском, остановившем свой выбор именно на столь подходящем посланце.

Я не могу закончить мое показание о пребывании Львова в Ставке, не коснувшись, хотя бы вкратце, того впечатления, которое этот человек произвел на меня. Мне, положительно, казалось, что передо мной какой-то дикий человек или большой ребенок, совершенно выбитый из нормального отношения к окружающей действительности, и я искренне удивлялся тому, что именно на нем как на своем посланце остановил выбор А.Ф. Керенский. Львов, видимо, наслаждался возложенным на него поручением, и оно поднимало его авторитет и великое значение в собственных глазах. Про себя и свое поручение он говорил во множественном числе и в разговоре сплошь да рядом поднимался до тонов высокого пафоса; в критике наших проектов проявлял снисходительность высокого сановника и тоном высокомилостивой благожелательности предлагал свои советы и поправки. Не могу не отметить, что манера держать себя с ген. Корниловым и со мной у него резко изменялась, и если с первым он говорил с

некоторою даже несколько преувеличенною предупредительностью, то со мной — тон его немедленно переходил в сановно-покровительственный, и он говорил, как человек, все испытавший и все знающий, беседует с молодым, только что вступающим в жизнь юношей. Во всяком случае, роль полномочного посла была им сыграна в совершенстве, и только неудовлетворительность результатов его миссии, обращая всю его поездку в какой-то блеф «путешествия милого коммивояжера» или «маршалка ко двору» с приглашением одного большого пана к другому, будто бы разочаровала его и заставляла постоянно нащупывать почву для возможности получения более обширных полномочий. Во всяком случае, по моему мнению, это человек крайне ограниченный, чтобы не сказать больше, с целым арсеналом предвзятых мнений и специальных пунктиков, крайне высокого мнения о своей собственной особе, чванливо-тщеславный и по ограниченности кругозора и полной недальновидности совершенно не способный к объективному восприятию действительной жизни.

А.Ф. Аладьин приехал из Москвы с поездом, приходящим до отхода поезда, с которым уезжал Львов, и мы с вокзала немедленно отправились в Ставку; так как Аладьин останавливался в доме Верховного главнокомандующего.

Дни 25 и 26 августа в Ставке

Дни 25 и 26 августа с А.Ф. Аладьиным были использованы нами на разговоры и обсужденье разработанных мною проектов. По вечерам же мы собирались вместе с Филоненко в кабинете Верховного главнокомандующего и совместно с ним обсуждали как состав нового Совета Министров, так и некоторые из проектов, в ожидании предстоящего приезда Керенского и Савинкова.

Меня крайне удивляет повествование Филоненко об его отговаривании ген. Корнилова от мысли о единоличной диктатуре. Мне кажется, я могу утверждать, что много ранее дней 25 и 26 августа я неоднократно убеждал Филоненко в том, что у генерала нет и в помыслах плана о единоличной диктатуре, но, очевидно, чрезвычайно трудно, если не невозможно, убедить человека в том, что он хочет во что бы то ни стало познать существующих[1].

На этих совещаниях было решено одобрить мысль о создании коллективной диктатуры под названием Совета обороны, в состав какового Совета должны были входить как постоянные члены ген. Корнилов, Керенский, Аладьин, Савинков и Филоненко. Одно время предполагалось и мое участие в этом Совете; но впоследствии эта мысль была отвергнута по соображениям слишком большого численного состава Совета. Я совершенно спокойно отнесся к этому решению и вполне согласился с доводами остальных участников наших совещаний. Предполагалось, что каждый из министров входит в состав Совета обороны вполне полноправным членом на время обсуждения вопросов, касающихся его ведомства.

Состав Совета Министров по нашему проекту определялся в окончательном виде согласно нижеследующему списку:

Председатель Совета Министров и Верховный главнокомандующий — ген. Корнилов.

Заместитель председателя — А.Ф. Керенский.

Министр военный и морской — Б.В. Савинков.

Управляющий Военным министерством — сделать предложение ген. Алексееву и в случае его отказа — ген. Лукомский.

---

[1] Так в тексте.

Управляющий Морским министерством — ад[мирал] Колчак.
Министр иностранных дел — М.М. Филоненко.
Министр без портфеля для общей связи — А.Ф. Аладьин.
—"—"—" продовольствия — В.С. Завойко.
—"—"—" труда — Плеханов при товарище А.И. Белоножкине.
—"—"—" почт и телеграфов — предложить Церетели.
—"—"—" юстиции — Малянтович или Таганцев Н.Н.
—"—"—" финансов — Путилов или Батолин.
—"—"—" торговли и промышленности — С.Н. Третьяков.
—"—"—" путей сообщения — Тахтамышев или Шуберский.
—"—"—" вероисповеданий — Карташев.
—"—"—" народного просвещения — гр. Игнатьев.
—"—"—" земледелия — Пешехонов или Г.Е. Львов.
—"—"—" внутренних дел — называлось несколько имен, но выбор не был остановлен ни на ком.

В заключение было решено целый ряд министерских постов, за исключением перечисленных, в первую голову оставить с условными кандидатами и выбор лиц для замещения их отложить до времени приезда в Ставку Керенского, Савинкова и прочих общественных деятелей, вызванных также к этому времени.

Что касается опасности, будто бы грозившей кому-либо из лиц, ожидавшихся в Ставке, то я утверждаю, что в толковании этого вопроса услужливыми друзьями или дальновидными дураками вызвано какое-то невероятное недоразумение. Об опасности пребывания в Ставке для кого бы то ни было даже ни разу не поднималось разговора; говорилось лишь об опасности нахождения в Петрограде в момент выступления большевиков и подавления восстания. Телеграмма ген. Корнилова с гарантией безопасности Керенского и Савинкова на время пребывания их в Ставке объясняется сознанием штатской логики означенных лиц и возможностью распространения всевозможных нелепых слухов, вроде, например, выдуманного намерения ген. Корнилова о каком-то его никому из нас не ведомом выступлении в Москве. Я утверждаю, что в Ставке жизнь протекала настолько спокойно, что не было даже почвы для возможности возникновения каких-либо опасений о чьей-либо жизни.

Но известно, что у страха глаза велики и от великого до смешного один шаг. Так, с чувством глубочайшего изумления узнал я из газет о том, что окружающие ген. Корнилова в бытность его главнокомандующим Юго-Западным фронтом оберегали его от комиссаров и предостерегали его об опасности со стороны их. Показания гг. Савинкова и Филоненко в этом месте, безусловно, грешат против истины; в стремлении придать себе ореол сверхгероев, людей, ежеминутно рисковавших жизнью, они великолепно забыли русскую пословицу, что у страха глаза велики, и изобрели просто невероятные небылицы. Конечно, опасаться и постоянно остерегаться — это чрезвычайно полезное и свойственное эпохе сверхпомпадурства времяпрепровождение, но в громадном большинстве случаев оно оказывается и смешным. Что касается всех нас, окружавших ген. Корнилова, никому из нас не приходило и мысли о возможности взаимной опасности для него и комиссаров друг от друга, и если и были приняты особенные меры к охране ген. Корнилова, и если я и ездил даже в г. Каменец-Подольск говорить по этому поводу в ординарческий эскадрон, то это было вызвано исключительно целою сериею писем с крайне правого крыла, в которых говорилось, что ген. Корнилов своими поступками навлек на себя недовольство этих кругов, что его победа при Станиславове — это доказательство его

клятвопреступления и согласия служения новому правительству, почему он предупреждается в том, что на днях будет убит.

В постоянной подготовке к приезду Керенского и Савинкова прошли дни 25 и 26 августа в полном спокойствии и тишине. Разговор ген. Корнилова с Керенским по Юзу, происходивший в моем присутствии, не вселил никому никаких подозрений и не нарушил общего хода жизни. Никому из нас и в голову не могло прийти каких-либо предположений о невероятных событиях, происходивших в это время в Зимнем дворце. Даже разговор по Юзу Филоненко с Савинковым прошел совершенно незамеченным, и Филоненко, как оказалось впоследствии, даже не понял его; так далеки мы были от мысли о возможности каких-либо осложнений.

Тем неожиданнее и нелепее явилась для нас впоследствии необходимость придать разговору Корнилова с Керенским по Юзу значение исторического события; ибо лента, гласившая о подтверждении переданного через Львова приглашения Керенского в Ставку, обещание приезда и взаимные приветствия ни для одного здравомыслящего человека не могли таить в себе зародыша надвигающихся осложнений. Что же касается переговоров Савинкова и Филоненко по тому же аппарату, то насколько настроение Ставки было чистосердечно, искренне и просто, лучше всего подтверждается фактом непонимания сделанного ему обращения хитроумным Одиссеем — Филоненко, для которого конспиративное сообщение Савинкова осталось темным, «яко вода в облацех». В этом же совершенно спокойном настроении мы разошлись по своим комнатам; и вечером, сидя у себя за последним стаканом чая, обсуждали с полков[ником] Голицыным и Аладьиным ближайший приезд Керенского и способ устроить для него наиболее удобное и подходящее помещение; причем остановились на мысли, что самым комфортабельным для него будет оставаться в его великокняжеском вагоне.

27 августа

Я не был еще одет, когда ко мне прибежал адъютант и сообщил, что Верховный главнокомандующий немедленно требует меня к себе. Закончив наскоро свой туалет, я пошел в кабинет ген. Корнилова. По лицу генерала я понял, что случилось нечто особенное. Когда же генерал, чрезвычайно возбужденный, протянул мне телеграмму и сказал: «Читайте» — и в моих руках очутился лоскуток бумаги — телеграмма без числа и часа отправки, без номера и с краткою подписью: «Керенский», в которой в неприличных выражениях говорилось о смещении Верховного и его немедленном выезде из Ставки, я спокойно улыбнулся и сказал: «Очевидная немецкая провокация». Ген. Корнилов был даже озадачен моим спокойствием, а я хладнокровно предложил вызвать комиссара Филоненко и высказал убеждение, что он вполне присоединится к моему мнению. Одному из адъютантов было приказано вызвать комиссара к Верховному немедленно, а я остался в кабинете генерала, доказывая полную невозможность и несообразность означенной телеграммы. Я ссылался на вчерашний разговор по Юзу генерала с Керенским, на посещение Могилева Савинковым и т.д. Я убеждал не принимать никаких решений до проверки действительного источника телеграммы и не придавать ей никакого значения; в подтверждение моих слов я высказал предложение об истребовании из архива телеграммы об отставке ген. Брусилова. Телеграмму немедленно принесли: в ней были число и часы отправки, номер, но, к сожалению, те же неприличные, полные отсутствия сознания власти и человеческого достоинства жалкие и трусливые слова. И

тогда же встал в моей памяти когда-то рассказанный мне С.Ю. Витте способ, примененный для его выставки[I] с должности министра финансов Николаем II: «В очередной день доклада царю, — говорил Витте, — приехал на Царскосельский вокзал. Нашел там моего управляющего банком Плеске. Спрашиваю: куда? Отвечает: вызван во дворец, к царю. Зачем? — Не знает. Предложил ехать вместе. Поехали. Приехали. Я пошел с докладом, Плеске остался дожидать[II]. Докладываю, все честь честью, как всегда. С одним докладом царь согласен; другой отклоняем, третий откладываем на следующий раз. Одним словом, ничего не замечаю, все, как обыкновенно. Доложил. Откланиваюсь. Царь мне руку пожал, сказал до свиданья. Я, со своей стороны, также. Дошел до двери, вдруг слышу: Сергей Юльевич! Оборачиваюсь, гляжу: стоит царь у окна, ко мне спиной, пальцами по стеклу тарабанит, не оборачивается; стоит, пальцами тарабанит и говорит: «Я забыл Вам сказать, Вы больше не министр финансов. Там Плеске, ему сдайте». На что уж я в положениях бывал, а тут ошалел. «Слушаюсь», — говорю и выскочил. Так-с, молодой человек, настоящий-то барин и лакея своего не выгонит, как у нас царь министров финансов гоняет».

И встала у меня параллель: самодержавный царь, слабовольный маньяк, и властный Витте, и забывшийся взбалмошный истерик, и верховные главнокомандующие. Та же боязнь смотреть правде в глаза, то же отсутствие достоинства, та же позорная и подлая трусость, природная бестактность и неуважение к человеческому самолюбию[III]. Роковая насмешка и жестокость истории, преемственность власти, деспот Николай II и актер на ролях любовника революции Керенский, — те же основные черты характера, та же мелочность и то же чувство гадливого омерзения, вызываемое обоими. Ничего достойного высокого положения и великой переживаемой эпохи.

Тем временем в дом Верховного главнокомандующего прибыл комиссар Филоненко. Телеграмма Керенского была показана ему без всякого предупреждения, и он ответил так же, как и я получасом раньше: «Несомненная провокация». Поговорили и решили, что телеграмму Керенского Филоненко проверит у Савинкова, а пока получится ответ, было условлено никаких мер не принимать. Между тем известно, что после переворота установился совершенно новый порядок, характеризуемый тем, что нет ничего тайного, что бы не стало сейчас явным; а потому само собою ясно, что содержание означенной телеграммы немедленно облетело весь Могилев. И со всех сторон в дом Верховного главнокомандующего устремились люди различных положения и значения; одни волновались и кричали, что это гибель армии, неизбежный прорыв фронта, другие, что они этому позорному делу не приспешники и должности не примут, третьи — представители казачества — что казаки, верные своему слову о несменяемости Верховного, уведут с позиции по домам свои полки. Еще, собственно говоря, ничего не случилось, была только явно провокационная телеграмма неизвестного происхождения, а в Ставке уже создавалась атмосфера неминуемой катастрофы и возможности гибели страны. Я не сомневаюсь, что в такой обстановке Керенский спасал бы себя и слагал бы все полномочия. Между тем переговоры Филоненко с Савинковым не налаживались, и возбуждение и тревога в Ставке росли. Было получено сообщение, что вечером накануне в Ставку выехал министр иностранных дел Терещенко. Я не скажу, чтобы эти предложения, угрозы и обещания, сыпавшиеся со всех сторон, вносили бы

[I] Так в тексте.

[II] Так в тексте.

[III] Слово *«самолюбию»* вписано над зачеркнутым: *«достоинству»*.

хотя какой-нибудь свет в нараставшее настроение; они запутывали его еще больше, сгущали скопившиеся тучи и создавали атмосферу, близкую к грозовой. Людям штатским, не бывшим на фронте, не участвовавшим в боях, не понять ни этой психологии, ни этого настроения. Здесь люди привыкли смотреть на жизнь, как на игрушку; сегодня — есть, а завтра — нет, привыкли во имя сознания великого долга служения родине идти в огонь и умирать, привыкли к открытому, честному бою и чуждались подлых приемов политиканствующих прохвостов. Здесь люди знали, что позади Галицийское отступление, позор Тарнополя и Риги, вокруг разлагающаяся армия, впереди — надменная угроза Гинденбурга: «Где вздумаю ударить на русском фронте, там и осуществлю все, о чем подумаю, и даже больше». Здесь люди понимали, что ставка идет на самостоятельное бытие России, на все будущее страны, что честь армии и ее слава уже отданы на поругание врагу. Здесь люди твердо знали, что честь армии для них претворялась в высокой должности Верховного главнокомандующего, и свидетели не принятого увольнения ген. Брусилова громко заявляли: «Довольно армии получать пощечины от руки зазнавшегося адвокатишки». Ведь если французские маршалы и офицерство прощали Наполеону его подчас безумные выходки, то причина этого лежала в самом Наполеоне; не он ли водил свои армии к славным победам, не он ли в разгар битвы воодушевлял свои полки и делил со своими офицерами и солдатами все трудности и опасности сражений и походов. Но ведь то был Наполеон, гениальный полководец, а ныне только Керенский, неудачный адвокат.

Но, к великому несчастью, все то, что в Могилеве рассматривалось и понималось как высшие идеалы великого свободного народа, в Петрограде в руках политиканствующих уличных мальчишек являлось дрянными побрякушками, которым место в грязи под тяжелым сапогом германца, а сущностью всего положения являлось преследование целей личных самолюбвишек[1] и избрание атамана для затянувшейся игры в казаки-разбойники. Могилев и Петроград — два полюса, два мировоззрения, и придет время — история произнесет о них свой правдивый, но страшный приговор.

Филоненко вернулся из аппаратной и сообщил, что телеграмма Керенского действительно имеет силу, что он ничего не понимает, что, очевидно, создалось какое-то невероятное недоразумение, что он получил приказание немедленно отправиться в Петроград.

Тогда ген. Корнилов спросил ген. Лукомского, примет ли он от него должность. При выражениях всеобщего сочувствия и одобрения ген. Лукомский отказался от предлагаемой ему чести и отправился составлять телеграмму военному министру. Все присутствующие резко выражали свое негодование и возмущение, казаки продолжали грозить увести полки с фронта; Филоненко убеждал всех в наличности какого-то великого недоразумения и высказывал уверенность, что все уладится, но постепенно стал впадать в нервную прострацию. Было решено обратиться ко всем главнокомандующим фронтами с запросом по поводу их отношения к факту смены Верховного и ожидать ответа на телеграмму ген. Лукомского Савинкову.

Филоненко все время находился в доме Верховного главнокомандующего, вел себя как искренний сторонник ген. Корнилова, возмущался поведением Керенского и ругательски ругал его. Телеграмма ген. Лукомского была составлена и в точности передавала все распоряжения, отданные Савинковым в бытность его в Ставке. В скором времени на эту телеграмму по Юзу Савинковым

[1] Так в тексте.

был дан ответ, не отвечающий достоинству смелого и решительного политического бойца, а характеризующий Савинкова как политиканствующую посредственность; ибо в этом своем ответе Савинков отвергал правдивость распоряжений, данных им в присутствии целого ряда свидетелей. Я всегда уважал Савинкова, а в этот момент я почувствовал резче, чем когда-либо, что этот человек — исключительный исполнитель при хорошем вожде; в иных же положениях — это безвольный человек, поддающийся влиянию третьих лиц и отражающий их в себе. Иначе я не в силах объяснить ответа Савинкова; ведь против очевидности вообще храбрые и умные люди не спорят. После этого начались разговоры по Юзу ген. Корнилова с Филоненко и Савинковым, которые затянулись почти до трех часов. Вокруг росло возбуждение против Временного правительства, против Керенского и комиссара Филоненко как его представителя, раздавались предложения о его аресте, высказывались убеждения, что все происходящее — это провокация с заранее обдуманным намереньем и искусно проводимая и т.д. Я успокаивал окружающих, насколько у меня хватало сил и умения, говорил, что фактов еще мало, что не нужно поспешности, и требовал терпеливого, вдумчивого отношения, но меня слушали мало, и возбуждение росло. Слухи о предполагавшемся аресте, очевидно, дошли и до Филоненко, и он пришел ко мне с сообщением об этом, а также и о том, что как верный слуга правительства, отставка которого еще не принята, он считает себя обязанным немедленно выехать в Петроград согласно полученному приказанию. Я вынул часы и сказал ему, что теперь об этом говорить поздно: поезд ушел. Тогда Филоненко сказал, что он смог бы уехать на автомобиле; но, во-первых, он сомневается, что таковой ему будет предоставлен, и, во-вторых, он не хотел бы уезжать без согласия ген. Корнилова, которого искренно чтит и на стороне которого всецело находится, и поэтому, по его мнению, самое лучшее было бы, если я ему устроил бы у ген. Корнилова арест на честное слово. Настоящее предложение искренно мною приветствовалось; с одной стороны, я видел общее возбуждение вокруг, с другой, считал пребывание Филоненко в Ставке очень полезным, так как предвиделась возможность возобновления переговоров по Юзу с Савинковым и ожидался ответ на приглашение ген. Корнилова, повторенное по аппарату Савинкову о приезде его и Керенского в Ставку. Об этой просьбе Филоненко мною было сказано нескольким лицам по выходе из комнаты, где мы с ним находились, и я немедленно передал ее ген. Корнилову, который согласился с моими доводами и осуществил просьбу Филоненко об аресте на слово. Таким образом, я утверждаю, что Филоненко в течение всего дня 27 августа находился на свободе, под арестом не сидел, оружие от него не отбиралось, и если номинально он и был арестован под честное слово, то это было сделано по его просьбе, переданной ген. Корнилову через меня. Правда, того же 27 августа были по чьему-то распоряжению арестованы помощник комиссара Фонвизин и офицер при комиссаре Языков, от них было отобрано оружие и они были заключены в приемной Верховного впредь до того момента, пока об этом не узнал ген. Корнилов, не вызвал к себе Фонвизина и, переговоривши с ним, не отпустил его и спутника на свободу; причем им было возвращено и оружие. Мне думается, что все заключение обоих вышеназванных лиц не продолжалось долее двух — двух с половиной часов. В течение дня были получены ответы от всех главнокомандующих фронтами, и, несомненно, общее сознание неизбежности катастрофы все нарастало и нарастало, тем более что присутствующие представители казачьих войск упорно твердили об обязательности для казаков делом и поведением поддержать постановление Совета Союза казачьих войск. Для того, чтобы внести успокоение в

окружающих его смятенных и возбужденных людей, ген. Корнилов заявил, что он должности своей не сдаст впредь до приезда в Ставку членов Временного правительства. Таким образом, был сохранен мозг армии — Штаб Верховного главнокомандующего, была возвращена ему обычная работоспособность, и ход оперативной работы не был прерван ни на один день; в чем и скрыта причина того, что фронт оказался непрорванным и что армия сравнительно легко перенесла провокационную выходку своего революционного, себялюбивого, не думающего о стране правительства. Я не касаюсь здесь безобразных выходок в Главной квартире Юго-Западного фронта; ибо вина разрухи этого фронта всецело на совести комиссара и представителей фронтовых организаций, которые в сознании своего великого достоинства и благородного примера Временного правительства сочли возможным провоцировать темную и бессознательную солдатскую массу во имя сведения личных счетов с одним из доблестнейших генералов Русской армии, носителем ее чести и былой славы. В ослеплении мелких самолюбий, в эгоизме удовлетворения личной жалкой мести эти убогие представители революционной России, с одной стороны, поставили на карту все довольствие армии и ее снабжение хлебом и фуражом, и без того после Тарнопольского разгрома находившееся почти на грани катастрофы, и, с другой стороны, своей провокационной агитацией нарядили русского солдата в такие облачения хама и хулигана, которых им никогда не забудет солдатская масса, просветленная тяжелыми грядущими событиями. Это сохранение работоспособности Штаба Верховного главнокомандующего в эти исключительно грозные дни — лучшее доказательство полной самоотверженности всех, находившихся в Ставке в то время.

В течение же этого дня было получено сообщение о назначении Верховным главнокомандующим ген. Клембовского, о временном переносе Ставки и штаба в Псков и о патриотическом отказе ген. Клембовского от этого назначения. Эта роковая телеграмма окончательно возмутила всех, и настроение обострилось до последнего предела. Становилось явным, что во главе страны стоят не правители, а преступники-предатели. Для кого же является тайной, что Штаб Верховного — это мозг армии, в нем в бесчисленных клеточках скрыты все карты расположения армий, численный и нравственный учет всех сил и отдельных частей, как своих, так и противника, задачи, выполняемые отдельными армиями, все распоряжение направлением подкреплений, их места расположения, постепенность использования и т.д., и что этот мозг бесчисленными проводами-нервами связан со всем тылом армии? Кому могла прийти в голову предательская мысль перенести Штаб Верховного в Псков, т.е. в пункт, лишенный всего необходимого материала для руководства армиями и даже не имеющий с ними связи, за исключением армий Северного фронта? Если такая простая истина являлась для министра-председателя и его военного министра незначащею подробностью, обстоятельством, не заслуживающим внимания, то ведь для каждого военного, мало-мальски смыслящего в современной организации армии, это являлось актом предательства, покушением на самую жизнь армии, фактом, подтверждающим все сообщения контрразведки о планах предательства армии. Есть обстоятельства, которые не могут рассматриваться с обыкновенной гражданской точки зрения; для правильного их освещения необходимо становиться на точку зрения людей, их воспринимающих, и стремиться понять их психологию. Несомненно, к разряду таких фактов относится перевод Штаба в пункт, не связанный телеграфом со всеми армиями. Если явление такого порядка со штатской точки зрения можно рассматривать как проявление безусловного легкомыслия и самодурства, то с точки зрения военной такому по-

ступку нет иного названия, нет другой квалификации, как предательство, измена, умышленное убийство армии. Ясно, что телеграмма эта, попавшая в исключительно военную среду, произвела соответствующее впечатление, и тогда же было решено, пусть будет, что будет, а во имя спасения армии и страны должность не сдавать впредь до приезда в Могилев соответствующего лица. Так действуют люди, которые предпочитают смерть гибели порученного и доверенного им народом дела; так действовали в Ставке, но не так поступали в штабе Юго-Западного фронта г. Иорданский и ему же присные. Не могу не упомянуть об одной имеющей некоторое значение подробности. Вышесказанную точку зрения вполне разделял комиссар Филоненко и высказывался в том же духе, призывая на голову Керенского все громы и молнии небесные. Ответа из Петрограда на подтвержденное утром по Юзу приглашение приехать в Ставку до вечера не последовало. Филоненко переговорил с ген. Корниловым, и между ними было решено, что ночью Филоненко с экстренным поездом уедет в Петроград. Перед отъездом Филоненко забежал ко мне проститься, и так как у нас в комнате было много посторонних лиц, он вызвал меня в коридор, где мы и разговаривали. Филоненко был сильно расстроен и почти не владел собой; это его нравственное состояние резко проявлялось вовне. Я уговаривал его успокоиться, держать себя в руках и относиться к происходящим событиям с наибольшим хладнокровием, ибо сила только в спокойствии.

Филоненко сказал мне приблизительно следующее: ясна наличность величайшего исторического недоразумения, причины — истеричность и неуравновешенность Керенского, глупость Львова, трусость всего состава правительства и преследование каких-то личных целей непосредственно председателем Совета Министров. Непонятна для него исключительно роль Савинкова во всей этой кутерьме. Тем не менее он надеется найти в себе силы и доводы, чтобы убедить всех в Петрограде ликвидировать это недоразумение, и надеется на успех. Он обращается ко мне с просьбой воспрепятствовать приему скороспелых решений и постараться сделать так, чтобы ничто не попало в газеты. В этом случае он надеется, что успех его поездки будет гарантирован. Мы расстались дружески с взаимными увереньями в продолжении совместной работы во имя «спасения родины». Случайный свидетель нашего прощания полковник Голицын накинулся на меня после ухода Филоненко за дружеское прощание, называя его провокатором и предателем. Я отвечал категорически и определенно: что до сих пор о Филоненко я слышу одни разговоры, фактов же его предательства нет, и потому, пока таковых у меня не будет, я буду относиться к нему по-прежнему дружески, ибо, помимо всего остального, я считаю его человеком умным и в беседе с ним нахожу для себя удовольствие. К вечеру этого дня настроение в Ставке было чрезвычайно напряженное, полное всяких предположений и страхов; но вместе с тем и линия поведения была сразу же взята вполне определенная: прежде и раньше всего — дела военные, фронт и оперативные занятия, затем ликвидация внутренней смуты и выяснение невероятного недоразумения.

Дальнейшее развитие событий

С момента отправки телеграммы о смещении ген. Корнилова с должности Верховного главнокомандующего в том виде, как она была отправлена из Петрограда, без числа и номера, события уже потеряли всякую логическую последовательность: началась какая-то истерическая свистопляска, не сдерживаемая никакими соображениями государственной безопасности, блага страны и вооб-

ще того, что принято понимать под человеческою порядочностью. Люди обнажились без всякого стыда перед всей страною, на глазах всего народа скинули свои одежды и показались в том виде, в каком они есть на самом деле.

Смещение ген. Корнилова с должности Верховного главнокомандующего по единому распоряжению Керенского, ибо официальная телеграмма подписана «Керенский» и ни слова больше, — есть акт государственного преступления, дерзкого и тщеславного превышения власти. Всей стране известно, что назначение и смещение с должности Верховного главнокомандующего должно происходить не иначе как по опубликовании указа Сенатом.

Вечной памяти самодержавный режим к этому именно акту верховной власти относился с чрезвычайной осторожностью и торжественностью, твердо памятуя, что оборона страны и выбор и назначенье для него особо доверенных лиц есть первое условие дальнейшего существования государства. Блаженной памяти революционный режим Александра IV[1] именно в этой области государственной обороны считает вполне допустимым всякие фокусы и вольты самодурства, ибо иначе назвать то, что было сделано с ген. Корниловым, невозможно.

Итак, обстановка в Ставке сложилась приблизительно нижеследующим образом. С одной стороны, вполне незаконное отрешение от должности, акт величайшего предательства армии в виде переноса Штаба в пункт, не имеющий связи со всей армией, факт невероятно наглого отрицания только что отданных распоряжений; с другой стороны, телеграммы главнокомандующих о неизвестности какой-либо смены на посту Верховного главнокомандующего, заявление представителей казачества о поддержке казаками своих резолюций и необходимости продолжения оперативной работы в смысле сохранения армии и целости фронта. Вот та альтернатива, которая стояла перед людьми, находящимися в Ставке в момент получения гнусной телеграммы министра-председателя с объявлением ген. Корнилова и других мятежниками, предателями и изменниками. Такую телеграмму мог послать только вполне безответственный человек, сумасшедший монарх, играющий судьбами своей страны с легкомыслием, достойным игрока в кости.

Для нас, в данном случае я могу сказать и для меня, потому что эта телеграмма вытаскивала меня во главу так грубо созданных «мятежников» и «предателей», это известие явилось ударом хлыста, ничем не вызванным, ничем не заслуженным.

Здесь мне, к крайнему сожалению, приходится оговориться и снова коснуться лично себя. Вся страна совершенно не знала меня, и в самом деле, какой-то ординарец в чине всадника-охотника, т.е. солдата, никому не ведомый, оказывается вдруг монаршею волею Керенского во главе заговора и в объявлении об означенном заговоре приходится оповещать всю страну о том, чем этот всадник занимался раньше. Ну, что можно выдумать жальче и ничтожней этой телеграммы? Перед этой телеграммой я становлюсь совершенно в тупик и утверждаю, что такую телеграмму мог послать исключительно или человек до крайности ограниченный умственно, или человек, привыкший подписывать не читая все, даже то, что подсовывают его враги. Полное отсутствие собственного достоинства и чистосердечное признание в крайнем бессилии власти — вот единственно возможная характеристика этого безумного послания. Растерянность ли, граничащая с прострацией? Последний ли приступ паралича, добивающий тяжко больного? Я затрудняюсь понять возможность появления телеграммы в подобной редакции и способность ее подписать.

---

[1] Здесь имеется в виду А.Ф. Керенский.

Но, несмотря на все вышесказанное, телеграмма существовала, и с ней приходилось считаться как с одним из величайших обстоятельств переживаемого момента. Эта телеграмма затрагивала не только нас, в ней перечисленных, она охватывала все создавшееся положение и квалифицировала его. В этом именно и заключается весь ее ужас и все ее безумие. И вслед за этой телеграммой полетели другие телеграммы, воззвания, приказы и т.д., посыпались как из рога изобилия, одна за другой, и все написанные на один и тот же лад: жалкие слова, пустозвонные призывы, ругань и брань без конца, и ни слова, и ни в одной из них о великой страдалице — русской земле, нашей общей Родине. Мне кажется, для выяснения всего вопроса было бы достаточно взять, с одной стороны, все истерические выкрики правительства и его агентов, а с другой — все обращения и приказы ген. Корнилова, и не понадобилось ни следствия, ни суда, ни всего этого гама и шума для того, чтобы честно и открыто ответить на вопрос, которая из обеих сторон стояла за защиту интересов Родины и ее бытия и которая себялюбиво схватилась за спасение собственных выгод и мелкого самолюбьишка.

Но телеграмма была получена в Ставке и одновременно разнеслась по всей стране. За первою ложью гналась следующая и грозила мерзкою слюною неправды и дикого озлобления затопить весь народ. Наглая, бесстыдная, подтасованная ложь услужливо передавалась по всем телеграфным проводам, поднимая на свою защиту все темные, бессознательные, эгоистические элементы страны. Одна телеграмма гласила о реставрации, другая — об отобрании всех завоеванных свобод, третья — об отнятии земли и т.д. Что ни слово, то ложь, наглая, бесконечная ложь, рассчитанная на самые хищнические инстинкты, на самые шкурные вопросы. Иначе говоря, во имя защиты собственных интересов и выгод поднимались для борьбы все мелкие местные самолюбишки, затемнялась общая цель, и великий народ-страдалец, охваченный психозом себя-потопления[1], толкался еще глубже, еще настойчивее в бездну небытия, в яму торжества безнравственности и подлости.

В связи со всем вышеизложенным, особенно в связи с событиями 27 августа, с телеграммой ген. Клембовскому и о переносе Штаба в Псков для всех находившихся в Ставке вопрос о будущем перестал существовать. Ясно — правительство добивало армию, открывало фронт врагу и предавало Родину. Для нас выбора не было, и решение, приветствуемое всеми, было вынесено: мы умрем вместе с армией, вместе с Родиной, ибо вне Родины и с раздавленной армией, опозоренной навсегда, без надежды на лучшее, великое будущее нам не жить. И вслед за принятым решением прежде и раньше всего все внимание было обращено на фронт, и вся забота была устремлена на его сохранение и спокойствие. Штабная работа продолжалась, как будто ничего не случилось, и оперативные распоряжения и приказания прерывались только создаваемыми на местах, как, например, в штабе Юго-Западного фронта, затруднениями.

Одновременно с этим было опубликовано первое воззвание к народу. В этом воззвании говорилось о том, что свершилась великая историческая провокация, но что родина находится в смертельной опасности, и потому нет места личным обидам и оскорблениям, и пред лицом всего народа заблудшие правители приглашались прибыть в Ставку и исчерпать недоразумение. Помните, что эта телеграмма подписывалась и посылалась военными, т.е. людьми, привыкшими с оружием в руках отстаивать свою честь и честь своего мундира, и если вы только вспомните это, для вас станет ясным, что единым лозунгом этих людей было «от великой любви к родине».

---

[1] Так в тексте.

И несмотря на всю тяжесть положения, на бездну сыпавшихся личных обид и оскорблений, ген. Корнилов имел мужество объявить окружающим, что до принятия последующих решений он в течение двадцати четырех часов ожидает ответа на эту свою телеграмму. Ген. Корнилов сказал и сдержал свое слово. Может быть, этим именно обстоятельством объясняется и временное торжество нынешнего правительства, и заключение всех нас; но слово всегда останется делом у честных людей, и следующее воззвание появилось только через двадцать четыре часа, т.е. тогда, когда все телеграфы и ближайшие узловые станции были захвачены сторонниками будто бы низвергаемого правительства.

Но неисповедимы грядущие судьбы народные, велика и бесконечна мощь России, и глубоко верится, что в толщу народную пройдет слово о беззаветной любви к Родине, о бескорыстном служении своему народу и его подлинным, великим идеалам, и что это слово не пропадет даром и даст свои могучие отпрыски, которые день ото дня, укрепляясь и развиваясь, спасут великую страну.

Мне остается в дополнение ко всему вышесказанному ответить на некоторые вопросы, поставленные верховной следственной комиссией, и коснуться сущности и подробностей некоторых показаний, объявленных за это время в газетах:

1. Об авторе всех воззваний и телеграмм, отправляемых генералом Корниловым.

Редакция большинства телеграмм принадлежит мне; обыкновенно писание этих телеграмм производилось нижеследующим образом: выяснялась необходимость отправки какой-либо телеграммы или из общей беседы, или являлась у ген. Корнилова, или приходила мне в голову, и тогда я шел с соответствующим докладом, и, когда принималось решение об отправке телеграммы, ген. Корнилов сообщал мне тезисы, и я вырабатывал редакцию, которую исправлял ген. Корнилов, но в большинстве случаев должен заметить, что редакция не требовала поправок.

Все же воззвания, за исключением одного, которое отличается большою растянутостью, кажется за № 897, написаны мною. Также мною же составлено и воззвание к казакам, причем это воззвание было исправлено одним из лиц, находившихся в Ставке, но не генералом Корниловым. Не желая назвать это лицо, я признаю все исправления принадлежащими мне.

Что же касается показания ген. Корнилова о том, что воззвания написаны мною по его приказанию и что воззвание к казакам написано им, то это еще лишний раз доказывает благородное стремление генерала покрыть всех и вся и всю вину за несуществующее преступление принять на себя. Эти воззвания, как и все остальное, писались мною в обычных условиях, т.е. возникала необходимость их появления, я советовался с ген. Корниловым о содержании и вырабатывал редакцию.

2. Относительно продвижения 3-го кавалерийского корпуса к Петрограду.

Третий кавалерийский корпус был поворочен с пути следования в тыл армий Северного фронта и направлен к Петрограду по распоряжению управляющего Военным министерством, переданному им от лица Временного правительства в присутствии целого ряда свидетелей в Ставке 23 августа. Тогда же управляющим Военным министерством было заявлено о предстоящем объявлении в Петрограде военного положения.

3. Откуда Польский легион, и для какой цели?

Польский легион, если я не ошибаюсь, прибыл походным порядком из Быхова на предмет поддержания в г. Могилеве и его районе порядка на правах как бы нейтрального войска, не участвующего в распре обеих сторон и не подверженного влиянию разыгравшихся страстей.

4. Агентская телеграмма о том, что ген. Каледин присоединился.

В числе прочих агентских телеграмм в Ставке была получена агентская телеграмма о присоединении ген. Каледина и о его угрозе отрезать в случае чего [I]Юг России от Москвы. Получение этой телеграммы было встречено с большим недоверием; тем более что ген. Каледину никаких телеграмм, насколько мне известно, не посылалось. Означенную телеграмму было решено проверить, и я лично пытался установить связь по телеграфу с Новочеркасском, но мешал Харьков, который шел даже на провокацию.

Неизвестные лица, дежурившие на харьковском телеграфе, пытались выдавать себя за представителей Войскового правительства и даже за начальника штаба атамана. Но провокация их открывалась с первых же слов, и разговор прекращался мною. Таким образом, связи с Новочеркасском установлено не было.

5. Мой отъезд из Ставки.

Из Ставки я выехал в ночь на 30 августа после разговора ген. Корнилова с ген. Алексеевым и после получения телеграммы Временного правительства всем главнокомандующим фронтами об их подчинении всем оперативным распоряжениям и приказаниям ген. Корнилова. Несмотря на чрезвычайно обидную и хамскую редакцию, эта телеграмма была принята немедленно к исполнению. Еще лишнее доказательство чистоты намерений лиц, находившихся в Ставке.

Я выехал с документами, выправленными по моему желанию и требованию на чужое имя, по направлению [в] Новочеркасск на автомобиле. При мне было письмо ген. Каледину от ген. Корнилова, которого я не читал, но содержание которого Аладьин мне передал в следующих словах: «Меня, т.е. ген. Корнилова, не существует, ибо во всех моих делах и поступках отсутствует что-либо личное. Живет и должна жить Россия, которая превыше и дороже всего. С ее интересами и благами согласуйте Ваши действия».

Инструкция, полученная мною на словах от ген. Корнилова, вполне соответствовала сказанному Аладьиным. «Скажите атаману, — приказал мне генерал, — скажите от моего имени, что есть Россия — наша Родина и что она должна жить свободной и независимой, а что касается ген. Корнилова — его может и не быть. Это не важно».

Я направлялся через Новочеркасск на Кавказ. Уезжал же я под чужой фамилией вследствие гнусной телеграммы Керенского, объявившего меня мятежником.

6. Мой арест в Гомеле.

Арестован был в Гомеле на территории вокзала, проехав девять застав; арестован был благодаря предательству помощника шофера. При аресте письмо уничтожил. При допросе в Гомеле показал, что по настоянию друзей уехал из Ставки в целях личной безопасности, открыл свое настоящее имя и в дальнейшие объяснения не входил. Был препровожден в Петроград.

7. Отношения с местными организациями демократии.

Ни в каких отношениях с местными организациями не состоял и, кроме товарища председателя Совета Р. и С. депутатов г. Могилева господина Ветрова, с которым случайно встретился в поезде, никого не знал. С организациями в связь не входил, потому что, во-первых[II], никогда ничего не искал для себя лично и, во-вторых[III], считал и считаю их, т.е. организации, вовсе не демократическими, а псевдодемократическими, ведущими страну к реставрации, в чем мне с ними не по пути.

I Далее зачеркнуто: *«от России»*.

II Словосочетание *«во-первых»* обозначено: *«во-1-х)»*.

III Словосочетание *«во-вторых»* обозначено: *«во-2-х)»*.

8. Почему могло создаться представление как о контрреволюционере?

Прошу прочесть все показание и найти ответ. Полагаю, потому что никому не кланяюсь и никого ни о чем не прошу.

9. Комитет Государственной Думы, его военная секция и всякие прочие организации.

За исключением Ив[ана] Ив[ановича] Дмитрюкова, с которым встречался по частным делам как работающий с ним в одном правлении Акц[ионерного] товарищества Мирзоевых, и В.Н. Львова, с которым познакомился в Ставке 25 августа и сидел вместе в комендантском, никого из членов этих организаций не знал и ни в каких с ними отношениях не состоял и не состою.

10. Показание Б.В. Савинкова о моем ходатайстве за Кюрца.

К крайнему моему сожалению, мне приходится выступать с объяснениями по этому поводу и заявить, что, хотя в показании Савинкова и есть кое-какая правда, но многое в нем ложно добавлено и, главное, всему этому незначительному инциденту придана явно провокационная окраска. Я не стесняюсь заявить во всеобщее сведение, что Илью Романовича Кюрца знаю долее десяти лет и считаю отношение к нему нынешнего правительства позорным и достойным всякого осуждения. И.Р. Кюрц — незаконный сын кн. Гедройца, бывший французский гражданин, недавно перешедший в русское подданство. Все свое пребывание в России работал безупречно на пользу этой страны. Если что-либо ему может быть поставлено в вину, так это исключительно близость его к Николаю II, частные поручения которого он изредка исполнял. Как любитель-разведчик Кюрц находился в штабе главнокомандующего Юго-Западным фронтом ген. Иванова и с его поручением даже во время войны ездил за границу. Это поручение объясняется знанием Кюрцем венгерского языка. Во время его деятельности в должности разведчика в Румынии еще до объявления войны у него были серьезные недоразумения личного и служебного характера с официальными представителями контрразведки в Румынии. Я утверждаю, что Кюрц не шпион, честный человек и ныне терпит все лишения из-за сведения с ним личных счетов лизоблюдов псевдодемократии, проскочивших наверх и не стесняющихся использовать свою временную власть в целях удовлетворения личной мести. Я не стесняюсь заявить, что за возможность предоставления Кюрцу права оправдаться и узнать возводимое на него обвинение я хлопотал неоднократно и у главнокомандующего Петроградским округом ген. Половцова.

Я очень жалею, что во время моей беседы с Савинковым отсутствовали свидетели: это обстоятельство лишает меня возможности доказать Савинкову неискренность его показания. Я говорил Савинкову, что считаю Кюрца исключительно полезным человеком в работе контрразведки, что возможность использовать его принесла бы нашему командованию великую пользу и имела бы громадное значение, но что на почве сведения личных счетов и удовлетворения жалкого чувства мести И.Р. Кюрц, как будто бы по подозрению в чем-то, находится в ссылке в Рыбинске, что все его и мои просьбы и ходатайства о предъявлении ему обвинения остаются без удовлетворения и что поэтому я прошу предъявить Кюрцу обвинение, после оправдания в каковом, в чем я не сомневаюсь, прислать его в Ставку Верховного главнокомандующего, где он будет целиком использован в своей специальности. Вот правда о моем ходатайстве за Кюрца; судите сами, как она изложена в показании Савинкова.

Я могу напомнить М.М. Филоненко, что при наших встречах на Юго-Западном фронте я неоднократно говорил о Кюрце и высказывал сожаление в его отсутствии. Я нахожу глубокое удовлетворение в том, что показание, брошенное Савинковым, позволяет мне, наконец, открыто поднять голос в защиту

И.Р. Кюрца и заявить, что это позор для страны, позор для режима, что человек уже в течение пяти месяцев находится в ссылке под гнетом столь тяжкого и позорного подозрения и что доныне, т.е. в течение пяти месяцев, никто из агентов правительства не удосужился не только предъявить к нему обвинение, но даже официально объяснить причину ссылки.

Во имя справедливости, во имя чести правосудия, во имя сохранения человеческого достоинства я требую, чтобы верховная следственная комиссия по делу ген. Корнилова и других вмешалась бы в это позорное дело и заставила соответствующую власть предъявить Кюрцу обвинение и предоставить ему гарантии гласного суда. И тогда, я уверен, откроются такие язвы нашего строя, что сам Щегловитов приветливо улыбнется и скажет, что при нем было если не хуже, то, во всяком случае, не подлее.

11. Записка о корниловском деле кн. Гр[игория] Н. Трубецкого.

В этой записке кн. Гр.Н. Трубецкой, говоря обо мне, прибавляет к моей фамилии эпитет «некий». Я не сомневаюсь в том, что для большинства из окружающих Верховного главнокомандующего я никакой загадки не представлял, и если бы князь пожелал обо мне справиться, он бы получил все необходимые сведения. Но я не стану отрицать, я очень виноват перед князем. Ген. Корнилов неоднократно мне указывал на желательность привлечения к разработке наших проектов и воззваний кн. Трубецкого, с которым он о них говорил; я же не сделал этого, и не сделал потому, что прекрасно видел, что из этих работ ничего, кроме словопрений, не выйдет; ибо мы — люди с князем совершенно различных основных воззрений и смотрим в противоположные стороны.

12. Показания М.М. Филоненко.

Я помню, был я маленьким мальчишкой. Была у меня нянька, добрая старушонка. Сказки рассказывала. Одна, о прекрасной царевне и самовлюбленном принце, мне особенно запомнилась. Была-жила царевна, как ясный день хороша. Был-жил принц, и собой недурен, и головой не дурак; да все хотел, чтоб об нем лучше думали, чем на самом деле был. И влюбился принц в царевну, за ней по пятам гоняется, куда она, туда и он. Платье каждый час меняет, одно краше другого надевает и все перед зеркалом вертится, собою любуется. Что ни день, то песню новую сложит и все поет так, чтоб царевна слышала, да и кругом чтоб народ собирался. Словечки острые складывает, да все новые да каленые. Сам доволен, собою любуется, себя же заслушивается, а царевна хвостом вертит да дальше и дальше уходит. И вспомнилась мне сказка эта не попросту, а так по совокупности всего пережитого. Популярность все равно что красивая женщина; ты — за ней, она — от тебя, и что ни делай, мимо пройдет, не посмотрит, а то хуже — еще в глаза посмеет и совсем отворотится; а вдруг, ни слова не сказавши, к тебе подойдет и так сразу полюбит, что и удержу нет; а ты, тем временем, дурак дураком в сторонке стоял и об ней совершенно не думал.

Жизнь учит, чем больше за популярностью гоняешься, тем дальше она отходит; а если суждено человеку популярным и славным быть, каждое лыко в строку зачтется, и что ни делай, сама к тебе слава придет.

В вышесказанном вся сущность показания М.М. Филоненко. Правда, и имя, и отчество Максимилиан в России редко встречается, да и с Робеспьером тезка, но ведь это еще мало: на одних словах так уж далеко не уедешь. По сущности показаний Филоненко я позволяю себе отметить только три места, об остальном мне не хочется говорить.

Ссылка на меня как на автора слуха о диктатуре великого князя Николая Николаевича. Да, я это сказал, но совершенно несерьезно, я пошутил, как со

мной часто случается. Мне просто хотелось убедиться, насколько комиссары в курсе настроений армии, насколько они близки действительности и насколько высоко парят в облаках фантазии. Когда я увидел, насколько бесконечно высок их взлет и как они далеки от жизни, я вынужден был предупредить ген. Корнилова о моей шутке. Вероятно, ген. Корнилов сосредоточился для ответа на странную филиппику комиссара о диктатуре, что так картинно изложено в напечатанном показании М.М. Филоненко, потому что, зная истинную причину заявления, удерживался от того, чтобы не рассмеяться. Это одно.

История тяжкой телеграммы о смертной казни, которую некоторым лицам угодно называть «исторической», изложена совершенно неправильно, и, к несчастью, существуют оба экземпляра этой телеграммы, от начала до конца написанные моею рукой. Я не отрицаю того факта, что в разработке редакции опубликованной телеграммы участвовал и М.М. Филоненко; но не скрою того, что на следующий день тот же Филоненко сказал мне, что очень сожалеет о том, что мы занялись исправлением первоначальной редакции, так как она была гораздо ярче и сильней. Конечно, теперь это всегда можно объяснить проявлением высшей любезности. Это два.

И, наконец, факт воззвания к кадровым солдатам Туземной дивизии за подписью комиссара Филоненко и самооправдание в написании этого воззвания. Я соглашаюсь с тем, что, может быть, были обстоятельства, заставлявшие во что бы то ни стало обратиться с воззванием к солдатам, но я утверждаю, что для меня не существует обстоятельств, которые могли бы заставить меня так заведомо лгать. Это три.

Василий ЗАВОЙКО

6 октябр[я] 1917 г. Петроград.

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–135. Автограф.

№ 23
Показание министра юстиции А.С. Зарудного

18 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 18 дня члены Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и его соучастниках допрашивали нижепоименованного:

Александр Сергеевич Зарудный, 54 лет, православный, судился в 1905 году по делу о забастовке, по делу показываю:

Показание записываю собственноручно. В августе 1917 года я занимал пост министра юстиции. В заседании Временного правительства 26 августа, вечером, министр-председатель А.Ф. Керенский сообщил правительству следующее. Дня три до того к нему явился член Государственной Думы Львов и сделал ему предложение преобразовать правительство в смысле усиления его, Керенского, власти. По объяснению А.Ф. Керенского, он ответил согласием, с целью обнаружения соучастников Львова, и сказал последнему, что ему, Керенскому, необходимо иметь более подробные и точные сведения о том, из каких политических кругов исходит делаемое ему предложение. 26 августа Львов вновь явился к министру-председателю и сообщил, что он был в Ставке и что генерал Корнилов предлагает ему преобразовать правительство таким образом: председателем станет сам Корнилов, министром юстиции — Керенский, военным министром —

Б.В. Савинков, нынешние министры должны немедленно выйти в отставку и сдать управление министерствами своим товарищам. При этом Корнилов предупредил, что на этих днях ожидается восстание, организованное партиею большевиков, что Керенскому и Савинкову угрожает опасность, которой они не могут избежать нигде, кроме Ставки, куда он, Корнилов, и приглашает их приехать. С целью проверки этого рассказа Львова Керенский переговорил с Корниловым по прямому телеграфному проводу. Министр-председатель прочел нам, министрам, телеграфную ленту этих его переговоров с Корниловым. Доложив Временному правительству вышеизложенное, А.Ф. Керенский заявил, что он считает возможным бороться с поднятым Корниловым мятежом лишь при условии предоставления Временным правительством ему единолично всей полноты власти, необходимой для борьбы с контрреволюцией, и что с целью передачи ему всей необходимой власти Временное правительство должно быть несколько преобразовано. Выслушав это заявление А.Ф. Керенского, все присутствовавшие в заседании министры, кроме меня, объявили, что, признавая необходимость передать председателю всю полноту власти и соответственно с этим преобразовать правительство, они слагают с себя обязанности министров и подают в отставку. Прошения об отставке были тут же написаны министрами и переданы министру-председателю. Со своей стороны, я первоначально заявил, что, признавая необходимым предоставление А.Ф. Керенскому чрезвычайных полномочий для борьбы с контрреволюцией, я в то же время не вижу никакой надобности подавать в отставку, которая совершенно не вытекает из факта поднятого Корниловым мятежа, но в конце заседания, при самом его закрытии, заявил, что ввиду подачи в отставку всеми министрами я хотя остаюсь при прежнем мнении, но, подчиняясь решению всех товарищей, присоединяюсь к означенному их решению и сам подаю в отставку. А.Ф. Керенский, сколько помню, не объявил министрам, что он принимает их отставки, но так как поданные ему письменные о том заявления были им приняты и, по окончании заседания, унесены с собою, то я из этого вывел, что отставки наши приняты. Сколько помню, вопрос об отставке генерала Корнилова в том заседании не поднимался, но из самого факта предоставления А.Ф. Керенскому всей полноты власти, с одной стороны, и прекращения деятельности Временного правительства, за отставкою всех министров, кроме председателя, с другой, — вытекало, как мне кажется, право А.Ф. Керенского уволить Корнилова собственною властью[1].

Через день, если я не ошибаюсь, после этого мы, бывшие министры, приглашены были в Зимний дворец, где на частном совещании нам было сообщено о положении дела. Из сообщения этого оказывалось, что всякая надежда на отражение контрреволюционных войск и на спасение революции, по-видимому, исчезла и что кровопролитие неизбежно. Помню, что в таком пессимистическом духе говорили министры Скобелев, Некрасов и Керенский. Со своей стороны, я убеждал принять все меры к предупреждению кровопролития, считая, что оно могло бы оказаться роковым для революции. С этою целью я рекомендовал вступить в переговоры с Корниловым, не для каких-либо политических уступок ему, а чтобы побудить его удержать подчиненные ему войска от насильственных действий по отношению к правительственным войскам. Помню, что в числе моих доводов было указание на то, что и с разбойниками, засевшими в засаде, полиция, прежде чем расстрелять их, вступает в переговоры.

[1] Показание А.С. Зарудного от 18 сентября опубликовано в кн.: «Революционное движение в России...» (С. 445) до слов: *«уволить Корнилова собственной властью...»*.

Ту же мысль — о необходимости войти с означенною целью в переговоры с Корниловым — проводили и некоторые другие министры, в том числе, если я не ошибаюсь, и С.Н. Прокопович, говоривший раньше меня. В тот же день вечером меня посетил член Совета Р. и С. депутатов Л.М. Брамсон, сообщивший мне сведения, не имевшиеся у правительства, из которых оказалось, что положение правительства вовсе не так опасно, как полагали названные выше министры, и что солдаты, по-видимому, не склонны восставать против правительства.

На вопрос о том, известны ли мне какие-либо другие случаи контрреволюционных заговоров, отвечаю отрицательно, если не считать следующего: в тот день, когда в вечерних газетах появилось известие об аресте б. великого князя Михаила Александровича, А.Ф. Керенский в беседе со мною сообщил мне, между прочим, что был случай предложения ему составить «заговор в его пользу», на каковое предложение он ответил отказом. Больших подробностей А.Ф. Керенский мне не сообщил, и я об этом деле ничего больше не знаю. По-видимому, об этом случае упомянул А.Ф. Керенский в своей речи 14 сентября в Демократическом совещании[33].

В бытность министром юстиции П.Н. Переверзева Временное правительство ассигновало министру юстиции сто тысяч рублей для расследования по делам о германском шпионаже. На эти средства П.Н. Переверзевым организована была при Министерстве юстиции контрразведка, начальником которой состоит Миронов, занимающий одновременно место и начальника контрразведки при Военном министерстве. За мою бытность министром юстиции я этою контрразведкою не пользовался и собирался преобразовать ее, слив ее с существующей в ведении Судебного ведомства уголовною милициею и подчинив ее прокурору палаты. От названного Миронова слышал, что он в августе был занят исполнением поручений А.Ф. Керенского по каким-то розыскам, каким именно, не знаю.

Дело о заговоре, по которому обвиняется фрейлина Хитрово, сколько мне известно, не имеет к делу Корнилова никакого отношения.

Александр ЗАРУДНЫЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 51–52 об. Автограф.

Частично опубл.: Революционное движение в России... С. 444–445.

№ 24
Протокол допроса рядового 2-й тыловой автомобильной мастерской М.Ф. Засорина и фельдфебеля 92-го пехотного Печорского полка Н.И. Минина

2 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 2 дня член Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и других полковник Украинцев допрашивал нижепоименованного:

Ряд[овой] 2-ой тыл[овой] авт[омобильной] мастерской Михаил Флорович Засорин, 29 лет, православный, судился неоднократно по политическим преступлениям, показываю:

Я состою председателем Исп[олнительного] губернского ком[итета][I] Совета крестьянских депутатов[II]. 1 сентября местным Советом С. и Р.Д. было избрано Вр[еменное] революционное бюро охраны революции в числе 11 человек (6 представителей от Исп[олнительного] ком[итета] и 5 — от гарнизонного собрания). В это бюро был выбран и я, и этим бюро командирован к вам. Вместе с тем я состою членом президиума Губернского исп[олнительного] ком[итета] Совета С. и Р.Д.

Главную вину генерала Корнилова мы видим в том, что он посягнул по своей воле и инициативе на Вр. правительство, которое было поддерживаемо всей революционной демократией. Из всех его воззваний видно, что он хотел взять всю власть в свои руки в форме диктатуры. Мнение большинства было то, что он намерен ввести политический строй по образцу Французской республики, который нами признается неудовлетворительным как строй буржуазный, меньшинство полагало даже, что он может вернуться к самодержавию, опираясь на те круги, среди которых теперь обнаружен контрреволюционный заговор. Осуществить свое намерение ген. Корнилов хотел, безусловно, путем вооруженного восстания. Так, он ввел сюда свой полк (Корниловский) и дагестанцев. Кроме того, он хотел здесь ссадить артиллерию, но та заявила, что поддержит Вр. пр[авительст]во, и проехала дальше. Дагестанцы в городе показывались мало, они несли караульную службу за городом — верст на 25 в сторону Гомельского шоссе и версты за 2–3 за железную дорогу. Корниловский полк окарауливал город. Говорили, что где-то расставлена артиллерия, пулеметы, что в его распоряжении имеются бронированные автомобили, нам сообщали воображаемые места их расположения, мы повсюду ездили, ездили, искали, и я переодевался и искал, но нигде ничего не нашло[III]. Фортификационных работ вокруг Ставки или города, кроме тех, которые давно уже вырыты, не производилось.

Мы считали, что на первых порах ген. Корнилов опирался главным образом на Союз офицеров армии и флота, который мы считали способным на переворот еще со времени Тарнопольского прорыва[34] и вступления ген. Корнилова в Верховное главнокомандование, но конкретных данных для этого у меня нет, и как только я их получу, сейчас же сообщу Вам. Было ли ядро заговорщиков вокруг генерала Корнилова, я не знаю, но мы глубоко убеждены, что такое ядро было. Об этом Вам может дать обильный материал другой представитель нашего бюро Минин. Указать Вам других осведомленных свидетелей сейчас не могу.

Роль комиссара Филоненко во всем этом деле нам представляется подозрительной. С самого начала прибытия его сюда мы, представители революционной демократии, хотели установить с ним связь, контакт, но он назначал нам официальные разные сроки приема и так и не принял, за исключением одного раза, когда наша делегация явилась к нему по специальному поводу — аресту прапорщика Гольмана[IV]. Не принял он и представителя Вр. правительства губернского комиссара Певзнера, добивавшегося этого приема. Странным нам казалось и то, что он был задержан сначала генералом Корниловым, а затем как-то неожиданно отпущен и выехал.

[I] В тексте нарушен порядок слов. Первоначально было: *«ком[итета] губернского»*. Над ними проставлены цифры: над словом *«ком[итета]»* — цифра 2, над словом *«губернского»* — цифра 1.

[II] Далее зачеркнуто: *«31 августа»*.

[III] Так в тексте.

[IV] В документе фамилия указана ошибочно: *«Гольдман»*.

В течение последних дней здесь корниловцами производились аресты, главным образом по поводу высказывавшегося теми или иными лицами несочувствия генералу Корнилову. С наибольшей демонстративностью в эти дни вели себя здесь корниловцы-офицеры, в особенности на вокзале при обысках пассажиров, которых спрашивали, приставляя револьвер к груди: «За кого: за Корнилова или Керенского?»

Зачеркнуто: «31 августа».
Показания прочитаны 2 сентября. *М. ЗАСОРИН*

Фельдфебель 92-го пех[отного] Печорского полка Никита Иванович Минин, 25 лет, православный, не судился, показал:

Я состою членом Исп[олнительного] вр[еменного] ком[итета] Всеросс[ийского] военного союза, а со вчерашнего дня, как и Засорин, выбран во Временное революционное бюро охраны революции.

Я сейчас могу вам сказать только, что активное участие в событиях последних дней принимали полковник Сахаров и капитан Брагин.

Брагин явился 29 августа в типографию Бюро печати и под угрозой смерти заставил 7 человек из 22 печатать первое воззвание и телеграмму генерала Корнилова. Первые партии этих воззваний были напечатаны в типографии Ставки. При требовании капитана Брагина присутствовал чиновник военного времени Николаев (член Вр[еменного] ком[итета] Военного союза) и ефр[ейтор] 1-го Заамурского полка Лемишевский (член того же Союза). В ночь с 30-го на 31-е кап. Брагин вновь явился в Петроградское бюро печати, разбудил спящих, сказал им, что войска ген. Корнилова заняли Петроград, Вр. пр[авительст]во арестовано, а Керенский куда-то забежал, и требовал вновь печатать какие-то воззвания. Вы говорили, что ген. Корнилов не отказывается ни от каких своих требований, генерала Алексеева сюда не пустит, а арестует. Рабочие решили начать печатать в 8 час. утра. Когда наутро явился кап. Брагин, то он не только не настаивал на печатании, но и потребовал разобрать набор первых воззваний. Однако этот набор разобран не был.

О том, что Брагин под угрозой смерти заставил работать печатников, он сам подал рапорт дежурному генералу. Рапорт этот должен быть или у дежурного генерала, или у ефр[ейтора] Рутера. 30-го числа тот же капитан Брагин явился в типографию и предложил всем 22 рабочим по 100 рублей за работу. Рабочие отказались.

30-го числа в той же типографии должны были печататься воззвания Офицерского союза по распоряжению полковника Сахарова. Содержание этого воззвания я вам достану. В воззвании, обращенном к войскам, предлагалось поддержать ген. Корнилова. Было ли напечатано это воззвание, не знаю. Этот полковник Сахаров являлся членом Исполнительного комитета Георгиевского союза и нашего Военного союза, но у нас он никакого участия почти не принимает.

Первые слухи о назревающих событиях в Ставке и в Могилеве появились 28 августа. Говорили, что Петроград в руках большевиков, что Вр. пр[авительст]во[1], что туда послали для подавления большевиков войска под командой генерала Крымова. Наш Исполнительный комитет собрался по этому поводу, чтобы обменяться мнениями, и на этом собрании офицеры наши предлагали вынести резолюцию о поддержке ген. Корнилова. Собрание, однако, вынесло

[1] Далее неразборчивы два слова.

резолюцию о сохранении спокойствия. Мы отчасти верили слухам, а отчасти нет. Последние главным образом потому, что по настроению в Ставке мы просто чувствовали, что происходит что-то неладное. В тот же день вечером солдаты нашего комитета снова собрались и вынесли другую резолюцию, выражавшую полную поддержку и доверие Вр. пр[авительству] и называющую ген. Корнилова изменником. Эту резолюцию мы до сведения Ставки не довели, а отправили тайным образом с ефр[ейтором] Рутером в Петроград.

Офицеры наши говорили, что план Корнилова — сформирование диктатуры с участием Керенского и Савинкова. Мы не могли принять эту комбинацию, так как считали, что это переходный этап к диктатуре единоличной. Кроме того, мы думали, что главная роль в этом деле принадлежит не ген. Корнилову, а окружающим его — ген. Лукомскому и главным деятелям Исполнительного комитета Союза офицеров.

В Союзе офицеров я считаю главнейшими деятелями полковника Пронина, подполковника Новосильцева, капитана Роженко, капитана Кравченко и пр[апорщика] Иванова. Генералу Лукомскому приписывали главную роль ввиду его благосклонного отношения к идее формирования отдельных частей из Георгиевских кавалеров, которых предполагалось подчинить особым начальствующим лицам и при помощи этих частей очистить тыл. Это нам казалось подозрительным.

Я специально занимался вопросом о том, какие части поддерживают ген. Корнилова, где они расположены и как они предполагают защищаться. За последнее время прибыли следующие части: Корниловский ударный батальон — около 3000 чел. при 30 пулеметах, два Польских легиона — всего около 2500 чел. без пулеметов. С самого начала прибытия этих легионов из разговоров с ними я выяснил, что они ни на одну сторону не перейдут, а лишь будут поддерживать порядок в городе от грабежей и насилий. Еще явился какой-то небольшой отряд не то дагестанцев, не то ингушей. Они стали за городом в лесу и охраняли подходы к городу. Число их мне установить не удалось, но их было немного. Вчера с ударниками прибыло 8 орудий, их куда-то двинули по направлению к Орше, но позиций они не занимали, а просто стояли бивуаком.

Никаких броневых автомобилей здесь нет и не было, а по слухам должны были прийти 17 таких автомобилей французских и английских «для морального воздействия».

Никаких особых фортификационных работ не производилось, а ударники нашли участок старых окопов[1] сверху и притом в таком месте, что я не придал этому абсолютно никакого значения и считал это просто маневрами.

28 августа сюда прилетели откуда-то два аэроплана и 29-го кружились особо над Могилевом. 30-го и 31-го они были здесь же, но уже не летали.

Я слышал, что здесь есть комиссар Филоненко, какой-то Завойко, но какую они играли политическую роль, не знаю.

Постоянный гарнизон составляет один Георгиевский батальон, который определенно на стороне Вр. пр[авительст]ва.

Показание прочитано и мною прослушано.

Никита МИНИН. 2 сентября

Член Чрезвычайной комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 19–22 об. Подлинник. Рукопись.

[1] Далее слово неразборчиво.

№ 25
Показание прапорщика Могилевской караульной команды А.В. Иванова

4 сентября 1917 г.

Протокол

4 сентября 1917 года Чрезвычайная комиссия для расследования действий генерала Корнилова и его участников производила допрос нижепоименованного, и он собственноручно изложил следующее:

Александр Владимирович Иванов, член Главного комитета Союза офицеров армии и флота, прапорщик Могилевской караульной команды, по профессии в мирное время — присяжный поверенный округа Московской Судебной палаты, 37 лет, женат, под судом не был, по 2 раза отбывал тюремное заключение в административном порядке по политическим делам.

На предложенные мне Чрезвычайной комиссией вопросы представляю следующие объяснения.

Я участвую в Союзе офицеров армии и флота с первого дня его, а ранее принимал участие в созыве съезда офицеров, на каковом было положено основание Союза. В то время я[1], как член Временного комитета по созыву съезда, участвовал во всей подготовительной работе. В основу Союза была положена единственная мысль — воссоздать боеспособность армии и на этой почве объединить офицеров. Вопрос о политической платформе Союза поднимался, но был разрешен в смысле полнейшей беспартийности Союза. Я, насколько помню, был первый, указавший, что объединение офицеров на одной политической программе невозможно ввиду крайнего разнообразия изначального состава офицерства. Привлекать офицеров к какой-нибудь средней линии политического поведения было не только нецелесообразно, но и вредно, так как оттолкнуло бы от этой линии крайние течения офицерства и поселило бы рознь в офицерской среде. С другой стороны, было ясно, что объединение офицерства на какой-нибудь умеренной политической платформе еще более удалило бы их от солдат, идущих в своей массе за лозунгами социалистических партий. Объединять же офицеров на почве социализма было совершенно невозможно именно в силу разнообразия социального состава офицерства. Эти мои соображения, в общем, были разделены членами Временного комитета, а затем и съездом офицеров, состоявшимся в Ставке в мае месяце. Офицерство объединилось в Союз исключительно на почве признания необходимости восстановить и оздоровить армию. На этой же почве постоянно стоял и Главный комитет Союза офицеров, не допуская никаких политических выступлений. В этом отношении характерно, между прочим, что, когда Главному комитету стало известно о приглашении одного из подразделений Союза голосовать за кадетский список по выборам в Городскую Думу, то Главный комитет единогласно постановил разъяснить подразделению недопустимость подобного выступления, хотя симпатии многих членов Комитета были на стороне этого списка.

В частности, относительно самого себя могу сказать, что для меня, разделяющего программу социально-демократической партии, работавшего в одной студенческой организации с И. Церетели, отбывавшего дважды наказание в тюрьме по политическим делам, впоследствии — вплоть до войны бывшего председателем рабочего клуба и подвергавшегося в связи с этой деятельностью неоднократным обыскам жандармской полиции, — для меня было бы совершенно не-

[1] Далее зачеркнуто: *«был»*.

возможно принимать участие в Офицерском союзе, если бы последний был организацией политической, соответствовавшей политическим воззрениям главной массы офицерства. Тем менее еще я мог принимать участие в организации контрреволюционной. Обвинения Союза в контрреволюционности, сыпавшиеся на Главный комитет, как из рога изобилия, со стороны всей социалистической прессы, в том числе и социал-демократической, были для меня оскорбительными, но разубедить кого-либо в этом отношении было чрезвычайно трудно и даже невозможно ввиду полного искажения общественной перспективы в умах современных руководителей партий. Простая истина — что армия должна быть восстановлена в своей боеспособности путем ограничения известными пределами самоопределения военнослужащих, путем строгой регламентации комитетской деятельности, восстановления[1] авторитета начальников и т.п. — принималась как поход против завоеваний революции и как стремление к возврату к дореволюционному режиму. Этим и объясняется, что все постановления Главного комитета, направленные на достижение в армейской жизни реформ, безусловно необходимых, встречали ожесточенные нападки на страницах социалистической прессы. Несколько особое место в деятельности Главного комитета занимает воззвание, принятое им в связи с выступлением генерала Корнилова. Последние недели Главный комитет, как и все организации и лица, озабоченные современным состоянием армии, с ожиданием и надеждою наблюдал по газетным сообщениям за движением вопроса о реорганизации армейской жизни. Комитету были в общих чертах известны взгляды генерала Корнилова на этот вопрос, было также известно, конечно, по слухам, что правительство проявит некоторую склонность ввести в большей или меньшей мере требуемые реформы. В то же время приказ об устранении Корнилова явился для Комитета полной неожиданностью и отчасти крушением надежд на восстановление армии, каковое мыслилось в связи с именем генерала Корнилова. В этот день события следовали с большой быстротой и усложнялись еще многочисленными и самыми разнообразными слухами, проверить которые Комитет не имел возможности. Многое, что сообщалось в Комитет как сведения из Ставки, претендовавшие на полную достоверность, оказывалось впоследствии совершенно неверным. С другой стороны, Комитету осталось неизвестным много такого, что было необходимо для правильной ориентации. Вполне, однако, несомненным оставалось для Главного комитета то, что генерал Корнилов — лицо, по общему признанию способное восстановить мощь армии, устранено Временным правительством и что другие кандидаты на пост Верховного главнокомандующего, генералы Лукомский и Клембовский, отказались занять предложенное им место. Для Главного комитета стало ясно, что такое положение равносильно анархии и что оно ни на минуту не допустимо в армии в военное время. Поэтому Комитет, кстати сказать, к тому моменту довольно немногочисленный, без всяких колебаний решил поддержать выступление генерала Корнилова. Для колебаний, собственно говоря, не было и времени, потому что все свершалось настолько быстро и реакция Комитета на события требовалась, силою вещей, совершенно незамедлительно. Главный комитет, как центральный орган всего офицерства, должен был сразу занять определенную позицию в отношении выступления первого офицера Русской армии генерала Корнилова. Быть может, если бы обстоятельства позволили, выступление генерала Корнилова было бы обсуждено Комитетом более разносторонне и для полного его понимания Комитет постарался бы собрать исчерпывающие материалы, отвер-

[1] Далее зачеркнуто: *«компете»*.

гнув все искажающие истину слухи. При данных же условиях Комитет видел только одно: армия остается без Верховного главнокомандующего, и наступает безвластие. Правительство, устранив Корнилова, тем самым засвидетельствовало свой отказ от необходимых для армии реформ. И Главный комитет тогда же без особых возражений принял предложенный текст воззвания, внеся в него лишь ничтожные редакционные поправки. Никакого голосования при этом произведено не было, постановление, если не ошибаюсь, не было даже занесено в журнал, так как при общей взволнованности по поводу неожиданных событий заседание не носило правильного характера и журнал не велся. Самое заседание было проведено, так сказать, явочным порядком, так как собрались лишь наличные в тот момент члены Комитета и никто не принимал мер об оповещении остальных. Поэтому в заседании не участвовал, например, полковник Сазонов, хотя и находился в Ставке. Указанное воззвание было единственным актом Главного комитета как такового в этом деле. В дальнейшем Главный комитет встретил совершенно спокойно назначение Верховным главнокомандующим А.Ф. Керенского, приветствовал сохранение за Корниловым оперативных распоряжений до сдачи должности, в чем видел подтверждение своего мнения о недопустимости безвластия, и, наконец, принял участие в официальной встрече нового начальника Штаба Верх[овного] глав[нокомандующего] генерала Алексеева.

Зачеркнутое на 2 стр. «компете» не читать.

Прапорщик Александр Владимирович ИВАНОВ

Член Комиссии КОЛОКОЛОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 90–92 об. Автограф.

№ 26
Протокол допроса коменданта Главной квартиры С.Н. Квашнина-Самарина

3 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 3-го дня член Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и других полковник Украинцев допрашивал нижепоименованного:

Комендант Главной квартиры полковник Сергей Николаевич Квашнин-Самарин, 37 лет, православный, не судился, по делу показываю:

Регистратура приезжающих и отъезжающих офицеров ведется по соответствующим книгам, и дело это отвозится в место визита. Фактически офицеры не все являются, но, во всяком случае, большинство явилось. Обязанность явок была подтверждена приказом недели 3 тому назад. Приказ этот я вам разыщу и доставлю, завтра же доставлю и книги. Усиленного приезда в Ставку офицеров во второй половине августа мною не наблюдалось. К этому времени должны были приехать 150 человек офицеров для демонстрирования им подполковником (фамилии сейчас не помню) метания бомб и приспособления для стрельбы из ружья ночью. Демонстрирование это не состоялось, а вместо этого генерал Величко демонстрировал ползучую мину. Некоторые вызванные для этой цели бомбометчики и до сих [пор] имеются в Ставке. Кроме бомбометчиков в середине и второй половине августа здесь одновременно были и другие менее многочисленные комиссии. Съезд был очень большой, но большинство из них разъехалось до 20 августа.

Генерал Крымов был здесь перед Московским совещанием, на это совещание выезжал в одном поезде с генералом Корниловым, был здесь затем и после Совещания. Жил он здесь, кажется, на станции в вагоне.

3/IX. Показание мне прочитано. *Сергей КВАШ[НИН]-САМАРИН*

Полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 49, 49 об. Подлинник. Рукопись.

№ 27

Протокол допроса судебным следователем Петроградского окружного суда Шульцем министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского[35]

27 августа 1917 г.

Протокол допроса

1917 года августа 27 дня судебный следователь Петроградского окружного суда, 16 участка гор. Петрограда, в помещении Зимнего дворца допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства][36]*, и он показал:*

Я, Александр Федорович Керенский, 36 лет, православный, министр-председатель Временного правительства.

Числа 23 или 24 августа ко мне явился член Государственной Думы бывший обер-прокурор Святейшего Синода во Временном правительстве Владимир Николаевич Львов и с глазу на глаз сообщил мне, что он уполномочен спросить меня, буду ли я вести переговоры о реконструкции Временного правительства, причем несколько раз упирал на то, что он должен, но кому именно, он не указывал, привезти тот или иной определенный ответ от меня и ссылался на то, что он сейчас же должен уехать. Не имея определенного указания, от кого исходят эти уполномочия В.Н. Львова, я не счел для себя возможным отказаться от дальнейших переговоров со Львовым, ожидая от него в дальнейшем более точного разъяснения, в чем дело. Вчера, 26 сего августа, в начале восьмого часа вечера, В.Н. Львов, прибывший ко мне вторично, как он мне говорил, прямо из гор. Могилева из Ставки Верховного главнокомандующего, в разговоре со мной, тоже с глазу на глаз, передав мне следующие ультимативные требования от имени Верховного главнокомандующего генерала Корнилова: 1) объявить гор. Петроград на военном положении; 2) передать всю власть военную и гражданскую в руки Верховного главнокомандующего и 3) отставка всех нынешних министров, не исключая и министра-председателя, и передача временного управления министерствами товарищам министров впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим. При этом В.Н. Львов, передав мне требование генерала Корнилова о том, что я эти условия генерала Корнилова должен [был] передать Временному правительству во вчерашнем же заседании, и этой же ночью на сегодня с управляющим Военным министерством Савинковым выехать в Ставку. Считая заявления, сделанные мне В.Н. Львовым, прямо невероятными, я ответил ему, что я не считаю для себя возможным передавать такое требование генерала Корнилова Временному правительству голословно. На это В.Н. Львов выразил готовность переданные им мне пункты требований генерала Корнилова изложить письменно и записал их собственноручно на кус-

ке бумаги, который я и передаю вам к делу[I]. Приняв это письменное заявление от В.Н. Львова, я все-таки не мог побороть в себе сомнений и уже сам предложил В.Н. Львову вызвать генерала Корнилова к прямому проводу и совместно с ним, Львовым, переговорить с генералом Корниловым с тем, чтобы получить возможное при переговорах в присутствии третьего лица постороннего (телеграфиста) подтверждение полномочий Львова, и на это мое предложение В.Н. Львов согласился. Тогда я сделал распоряжение о вызове к восьми с половиной часам вечера генерала Корнилова к прямому проводу в доме Военного министерства. Но В.Н. Львов опоздал к разговору моему с генералом Корниловым по прямому проводу, почему я вел разговор с генералом Корниловым один, но от имени обоих нас — меня и В.Н. Львова. Ленту телеграфную моего разговора с генералом Корниловым я представляю при сем к делу[II]. Когда после окончания моего разговора с генералом Корниловым я спускался в свой кабинет в Военном министерстве, туда вошел опоздавший В.Н. Львов и в присутствии Василия Васильевича Вырубова сказал мне: «Я опоздал, ну что, я говорил правду и действительно Ваш друг?!» Я со своей стороны предложил В.Н. Львову заехать ко мне в Зимний дворец. Здесь я прочитал В.Н. Львову ленту моего разговора с генералом Корниловым, причем по отдельным местам этой ленты между нами происходил разговор, разъяснивший сущность переговоров моих с генералом Корниловым. Это чтение ленты и беседу мою с В.Н. Львовым слышал находившийся тоже в кабинете С. А. Балавинский. В своей беседе со мной как до разговора моего по прямому проводу с генералом Корниловым, так и после этого разговора В.Н. Львов передавал мне предложение генерала Корнилова в имеющем быть образованном вновь кабинете министров занять мне пост министра юстиции и Савинкову — пост военного министра. Объяснили этот переворот и вызов меня в Ставку ожидаемыми беспорядками в связи с агитациями большевиков, при каковых беспорядках войска не окажут нужной поддержки Временному правительству. Наконец, В.Н. Львов говорил все время, что он действует, спасая мою жизнь, и что генерал Корнилов говорил ему, что он, Корнилов, не может ручаться за мою жизнь на пространстве всего государства, почему и настаивает на приезде моем в г. Могилев. По окончании моего разговора с В.Н. Львовым мною было отдано распоряжение о задержании и аресте его, Львова. Первый, кому я показал написанные В.Н. Львовым требования генерала Корнилова, был вошедший ко мне в кабинет, по уходе Львова, В.В. Вырубов, который видел меня взволнованным и которому я передал сущность моего разговора с В.Н. Львовым. Подтверждаю, что, когда я сказал В.Н. Львову, что в Ставку я не поеду, он очень обрадовался, говоря, что это для меня лучше, так как он не уверен, что меня, Керенского, ожидает в Ставке. Более пока ничего добавить не имею.

Показание прочитано.

Александр КЕРЕНСКИЙ
Судебный следователь ШУЛЬЦ
Товарищ прокурора Судебной палаты ПОВОЛОЦКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 2–3 об. Подлинник. Рукопись; Д. 2. Л. 1, 1а. Копия. Машинопись; Д. 3. Л. 1–5. Копия. Машинопись. Д. 4. Л. 1а–3. Заверенная копия. Машинопись.

Опубл.: Революционное движение в России... С. 441, 442.

[I] Записку В.Н. Львова с изложением требований генерала Л.Г. Корнилова от 26 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 47. Л. 9. См. также комментарий № 13 — т. 2.

[II] Запись разговора по прямому проводу А.Ф. Керенского с Л.Г. Корниловым 26 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 40–41. Опубл.: Революционное движение в России... С. 443.

№ 28
Стенограмма допроса министра-председателя А.Ф. Керенского[37]

8 октября[I] *1917 г.*

Присутствуют: председатель Чрезвычайной комиссии И.С. Шабловский; члены Комиссии: полковник Р.Р. Раупах, полковник Н.П. Украинцев, В.Н. Крохмаль, М.И. Гольдман-Либер, Н.А. Колоколов.

Председатель. Г[осподин] министр, нам бы хотелось иметь компетентную проверку тех ссылок, которые были даны как генералом, так и Савинковым и Филоненко. Эти вопросы отмечены Комиссией и соответствуют вполне тому, что изложено в показании этих лиц.

Керенский. Вы по вопросам, может быть?

Председатель. Если разрешите. Первый вопрос: при каких условиях Корнилов из командующего 8-ой армией стал главнокомандующим Юго-Западного фронта и какую роль при этом играли Савинков и Филоненко?

Керенский. Тогда никакой они не играли роли, по-моему, насколько я помню. Это было после неудачи у Гутора. Я лично настаивал перед Брусиловым о том, что необходимо назначить решительного человека, уже с некоторым именем, которое он составил после своей операции на Галиче. Они говорят? Что же, они указывают что-нибудь в связи с этим?

Председатель. Этот вопрос вытекал таким образом из показаний. Нам хотелось выяснить, собственно, когда Филоненко начал выдвигаться с Савинковым? Не было ли это по донесению Филоненко? Тем более он постоянно вмешивался в оперативные задачи.

Керенский. Видите, получена была телеграмма. Тогда, значит, Корнилов командовал 8-ой армией, и у него Филоненко был комиссаром. Нужно сказать, что ведь Корнилов вообще обладает свойством зарываться, и обыкновенно все его блестяще начавшиеся операции, как и раньше было указано, кончались крахом по его зарыву. И здесь, когда уже по обстановке видно было, что дальше нельзя двигаться, по общестратегической обстановке *Юго*-Западного[II] фронта, Корнилов продолжал движение вперед и никакие телеграммы ни командующего Юго-Зап[адным] фронтом, ни Верховного главнокомандующего, которые посылались и от него лично, и разговоры со мною никакого впечатления не производили. Наоборот, он посылал разные телеграммы сюда с предложением перегруппировки, передвижения войск. И эти телеграммы, эти требования поддерживал от себя Филоненко. Вот тогда впервые мы[III] говорили, Брусилов и я, что вмешательство комиссара в оперативные распоряжения совершенно недопустимо. Но при назначении на Юго-Западный фронт Корнилова случилось именно так, п[отому] ч[то] Гутор растерялся. Это был единственный человек, и, как нам казалось тогда, опасная сторона Корнилова, а именно зарывчатость в случае успеха при начавшемся уже отступлении, не представляла опасений. Тот момент, когда могла проявиться опасная сторона, был так далек, что в данном случае можно ждать только положительной стороны, т.е. решимости, умения известным образом сорганизовать, проявить, во всяком случае, независимость решения, <но что это, мол, ни к чему не приведет. Но Вы понимаете?

I Датируется по опубликованным показаниям: *Керенский А.Ф.* Дело Корнилова. М.: Задруга, 1918.

II Часть слова, выделенная курсивом, вписана над строкой.

III Далее зачеркнуто: *«тогда»*.

Председатель. Да.

Керенский.>[I] И вот поэтому тогда он был назначен на Юго-Западный фронт. Совершенно никого не было, кроме него. И лично мне казалось это соображение исчерпывающим.

<*Председатель.* Затем следующим вопросом хронологически поставлен — совещание Корнилова.

Керенский.> И вот тогда, я помню, Брусилов... нужно сказать, как и все командующие до него, и Алексеев, и все, отнесся к назначению Корнилова очень отрицательно, и мне пришлось почти, так сказать, прямо оказать всевозможное давление, какое я мог сделать, чтобы он не сомневался. И вот именно этим я мотивировал.

Председатель. Затем, совещание 16 июля в Ставке[38]. Какие были высказаны на этом совещании взгляды, и не послужило ли это совещание о постановке некоторых реформ в армии причиной для намечающейся затем замены Брусилова Корниловым?

Керенский. Совещание 16 июля, несомненно, известную роль сыграло в назначении Корнилова. Это как будет, не для печати?

Председатель. Для нас.

Керенский. Нужно сказать, что совещание 16 июля произвело на меня и на всех, кто присутствовал тогда со мною вместе, удручающее впечатление, совершенно удручающее. Я созвал тогда это совещание по собственной инициативе и, так сказать, пригласил всех авторитетов, которые могли быть, т.е., значит, пригласил... Вы знаете состав, не надо повторять?

Председатель. Нет.

Керенский. Но особенно там вот эти Алексеев и Рузский... И как раз Корнилова не было. И ему была послана такая телеграмма, по которой видно было, что его и не хотели приглашать. Там было сказано так, что ввиду трудной обстановки Юго-Западного фронта вы, конечно, не можете приехать. Я не могу точно воспроизвести фразы, но смысл такой: вы приехать не можете. И среди совершенно удручающего мнения, которое было высказано всеми присутствующими, некоторым просветом была телеграмма, сообщенная Корниловым. Т.е. там было столько тяжелого, сколько и в плюс других генералов, но плюс было некоторое такое еще более объективное отношение к массам и к командному составу. Нужно сказать, что все эти генералы, в особенности Алексеев, Рузский и Деникин, они проявили отсутствие всякого такого стратегического и политического горизонта, и все несчастие, по их мнению, сводилось исключительно к солдатской массе. Так, один из них говорил, например, что главная реформа, которая нужна, чтобы не бежали, это немедленно восстановить отдание чести. Такого рода, одним словом, суждения высказывались. И на этом фоне мнение ген. Корнилова, что переживаемые несчастия заключаются не только в деморализации солдатской массы, но и в коренных недостатках командования, которые были всегда, и что поэтому в настоящее время необходимо одновременно с мерами репрессий и самые решительные меры к оздоровлению, омоложению и т.д. офицерского командного состава. Оно как будто показывало, что человек немножко шире смотрит на это. Но по стилю, когда потом я многие телеграммы получал, для меня стало ясно, т.е. я почти убежден, что не им составлялась эта телеграмма, п[отому] ч[то], наоборот, когда он был назначен Верховным главнокомандующим, все его назначения исходили от обратного принципа. Он немедленно стал восстановлять[II] наиболее таких людей старых

[I] Здесь и далее в документе текст, заключенный в угловые скобки, зачеркнут.

[II] Так в тексте.

традиций. Хотя бы вот период разгрома Юго-Западного фронта, который сейчас же начался. Перевел туда Деникина, Маркова. Там началось генеральное изничтожение всего командного состава. Я не могу всего сказать, но так, например, отставка Вероновского и целый ряд других. Мне пришлось выдержать большую борьбу с ним. Так, он выдвигал во что бы то ни стало на командный пост Лечицкого, который совершенно в новых условиях не мог быть. Так что практика его была потом противоположного содержания. Так что мне кажется, что, вероятно, или Савинковым или Филоненко, я не могу утверждать, я не был при этом, но думаю, что ими была составлена телеграмма.

Председатель. Вот здесь, между прочим, по поводу этого совещания. Деникин участвовал?

Керенский. Да.

Председатель. Он ссылается лично на то, что его взгляды на необходимые в ближайшее время реформы в армии вызвали Ваше одобрение.

Керенский. Нет, Деникин хороший, мужественный человек. Нужно сказать, что когда я приехал на это совещание, то т.к. это было не в момент успехов, а в момент поражения, то я сразу увидал, что все, что накопилось, что скрылось в этих генералах против меня и против нового строя, оно сейчас готово выплескаться. И Алексеев, и Брусилов, и Рузский в особенности, они, как более искушенные в разных таких вещах, они очень сдерживались и так кипели только. А Деникин, он как ведет себя? Как прямой, простой солдат он выступил с речью, речью по содержанию такою, что ни при каком правительстве в глаза правительству они бы не решились сказать. Если бы при старом режиме, едва ли кто стал бы слушать. Тут были личные нападки на меня, одним словом, самое такое... И вот, чтобы подчеркнуть, что я совершенно иначе отношусь и ценю его мнение, когда он окончил и чтобы не было такого рода скандала, все генералы не знали, куда деваться, я встал, протянул ему руку и сказал: «Благодарю Вас, генерал, за то, что вы имеете смелость высказывать откровенно свое суждение». Это была моя оценка в отношении его лично, а не в отношении того, что я одобрил, что изложил он. А затем, когда я говорил, я возражал против такой точки зрения и защищал. Но Деникин наиболее ярко изложил ту точку зрения, которую разделяли все: немедленное уничтожение организаций, уничтожение всех прав декларации[39]. Одним словом, восстановление немедленно старого порядка в армии, что даже остальные здесь присутствующие признавали, что в такой мере сделать невозможно.

Председатель. Не это ли совещание послужило основанием для замены Брусилова Корниловым?

Керенский. Т.е. в известной мере. У нас вообще выбор был чрезвычайно маленький, и когда ген. Брусилов, по-моему, оставаться не мог, п[отому] ч[то] он совершенно растерялся и не знал, что же дальше ему делать, т.к. он, видимо, совершенно потерял возможность дальше вести тот курс, который он вел с ориентацией на массу больше, чем на командный состав. И положение было такое, что события могли идти дальше с катастрофической быстротой, раз бы не было твердой руки, уже по всему фронту, п[отому] ч[то] предполагалось, что удар немецкий мог развиваться дальше. С другой стороны, я должен был считаться с тем, что назначение человека, предположим, с программой Деникина не сделало бы такого сразу генерального взрыва во всей массе, то по этим соображениям и пришлось остановиться...

Председатель. И не было там какого-нибудь намека, может быть, политического соображения какого-нибудь в смысле, так сказать, реакционности Брусилова или его склонности даже к контрреволюционным стремлениям в то вре-

мя, или таких данных не было, и только оставалась растерянность, неуверенность в возможности отстаивать фронт при создавшихся условиях?

Керенский. Я и раньше замечал после разгрома наступления, и раньше, когда мне пришлось участвовать в наступлении, я раньше замечал, что, собственно говоря, Ставка не имеет плана, что все это не твердо в целом ряде, но так больше идут по событиям, а событиями не руководят. Это и раньше было. Даже я помню в момент, когда у нас выяснилось, что не тот темп развития наступления, кот[орый] я имел из разговора с Брусиловым, я видел, что он ужасно не ориентировался и терялся в обстановке, и никаких данных к тому, чтобы я сказал, что Брусилов контрреволюционер, не было. Я только считал, что при этом отсутствии ориентировки и тех качеств, о которых я говорил, и при этом его состоянии неопределенности, что он не в состоянии будет дальше идти, своей линии не имел. На этом совещании он не противопоставил ничего этим разговаривающим генералам. Т[ак] ч[то] положение такое получилось, что если бы мы остались с Брусиловым, мы бы шли с полной неизвестностью. Мы не могли бы сказать, что завтра пойдем по этой линии или по другому пути, что сделается с армией, не пойдем ли по всем направлениям.

Председатель. Не велся разговор в вагоне с Савинковым и Филоненко по поводу совещания, чем и вызван наш вопрос, не было ли в вагоне по этому поводу у Вас разговора с Савинковым и Филоненко?

Керенский. Я не знаю, какой разговор? Конечно, разговоры были разные.

Председатель. О намечавшейся замене Брусилова Корниловым.

Керенский. Должен сказать, что Савинкова от Филоненко нужно различать. Савинков приехал, насколько я помню, на это совещание со мною. Он был тогда сотрудник... Ах нет, он приехал с Юго-Западного фронта. Он был тогда еще комиссаром. И с самого начала я даже не знал, что Филоненко здесь. Вообще, я Савинкова знал с Юго-Западного фронта, с ним разговаривал. Филоненко очень мало мне известная личность. Я его впервые здесь увидал. И вот после собеседования 16 июля вообще разговор был. Я не помню, присутствовал ли Филоненко. Я думаю, что Филоненко в такой степени разговаривать, как Савинков, не мог тогда.

Председатель. И, может быть, по поводу некоторых перемен в правительстве велась беседа в связи с этим совещанием? Какой тогда намечался состав правительства или некоторые изменения в составе правительства?

Керенский. Не помню совершенно тогда, что было. Это было 16 июля. Тогда я уже был председателем, значит. Я не помню, кончился ли тогда этот кризис или не кончился[40]. Как будто это было то время, когда не был пополнен состав целиком. Не могу сказать, не помню. Может быть, если не был пополнен состав, тогда кризис длился очень долго, кажется, чуть ли не месяц. Когда кончилось тем, что я выходил в отставку. И тогда только заставил общественные круги, в конце концов, сговориться.

Чл. Чр.[1] *комиссии Крохмаль.* Когда было ночное совещание Центрального совета во дворце?

Керенский. Это было позже. Это в самом начале августа.

Чл. Чр. комиссии Крохмаль. Это числа 27-го — 28-го в Малахитовом зале это было совещание[41].

Керенский. Вообще, я должен сказать, что если ссылаются на какой-нибудь разговор, то, должен сказать, вообще разговоры, которые идут вокруг меня, они свободно идут. Я никогда не препятствовал никому, не только комиссару

[1] Чл. Чр. — член Чрезвычайной комиссии.

армии, но даже если подпоручик батальона высказывает свое мнение, советуется и т.д. Но это редко имеет какое-нибудь значение, влияние на последующие события.

Председатель. Каково было отношение Ваше, г. министр, и Временного правительства к начинаниям Корнилова по укреплению дисциплины в армии и восстановлению порядка как на фронте, так и в тылу? К его программе, требованиям и т.д., которые он предъявлял с момента его назначения Верховным главнокомандующим?

Керенский. Видите, тут надо взять две сущности — его пожелания и формы, в которые он хотел их проводить. Существо в известной мере уже проектировалось нам до этого из его мероприятий и должно было проводиться, как, например, урегулирование взаимоотношений между комитетами и начальством, между комиссарами и начальством, урегулирование дисциплинарных отношений в армии, между прочим, по восстановлению или укреплению соответствующего положения офицерского состава. Все это, собственно говоря, идеи, которые у нас уже разрабатывались. Прибавилось то, что требование, которое предъявлялось Корниловым[I]. Это было очень подчеркнуто, и особенно выдвигалась репрессивная сторона в виде смертной казни, революционных судов в тылу и т.д. И вот здесь по существу часть Временного правительства высказывалась за то, чтобы принять целиком требования Корнилова. Я же и другая часть, мы находили, что корниловские требования могут быть только материалом, как и всякие предложения других начальников, хотя бы и очень высоких частей, но подлежащие свободному обсуждению Временного правительства, и что мы не можем изменять нашей принципиальной линии. Т.е. вводить постепенно и только то, что приемлемо без всяких излишних потрясений. Это по существу. Что касается формы, то тут решительно мы должны были, я лично и все другие, должны были самым категоричным образом против этой формы протестовать и с нею, так сказать, бороться во имя охранения престижа и права верховной власти Временного правительства, вообще правительственной власти. Ведь первый ультиматум, который был предъявлен ген. Корниловым, когда он только что был назначен Верховным главнокомандующим и когда он выезжал из Бендер, был прислан ультиматум[II]. Я ему послал телеграмму, где поздравлял его с назначением, говорил, что надеюсь, что с его командованием... Одним словом, как всегда. По существу мне казалось, что человек без всякой задней мысли действительно будет действовать. В ответ на это я получил сразу с места в карьер первый ультиматум. Надо сказать, что вы знаете эту историю насчет Черемисова[42]. И тогда во Временном правительстве я говорю, что нужно немедленно уволить Корнилова, что мы, собственно говоря, должны, раз мы хотим восстановить дисциплину в армии, мы должны показать пример на верховном командовании. Этот номер не прошел, а он понял как ясное доказательство бессилия Временного правительства, и поэтому с тех пор еженедельно я получал какой-нибудь ультиматум[43]. Должен сказать, с этими ультиматумами, манерою управления, я борьбу вел самую решительную, боролся с первого дня до последнего.

Председатель. Всегда он направлял эти требования о реформе в армии и в тылу Вам, или они шли через Савинкова, и всегда ли Вы были ознакомлены с ними?

Керенский. Нет, я должен сказать, что самым в этом отношении моментом был момент почти срыва Московского совещания накануне его открытия, когда помимо моего ведома был вызван Корнилов туда. Хотя он отказывался ехать

[I] Так в тексте.

[II] Так в тексте.

туда, п[отому] ч[то] было тяжелое положение под Ригой, но все-таки настаивало Военное министерство, видимо, Филоненко и Савинков. И когда я узнал, я послал ему в пути телеграмму, смысл которой был приблизительно такой: мы Вас не вызывали, не настаивали и даже не берем никакой ответственности за ваш приезд в смысле стратегической обстановки. И затем была предложена, так сказать, записка, якобы выработанная по соглашении[I] между военным министром и Верховным главнокомандующим. Но я ее не видел до этого момента, когда она была показана мне Верховным главнокомандующим. И Верховный главнокомандующий тоже ее не видел и думал, что я ее знаю. Вот он сидел на этом маленьком стуле, а я на том кресле сидел. И как будто мне удалось доказать, что вообще как бы ни относиться по существу, по самой форме невозможно, не могло быть такого положения, чтобы от моего имени шел документ, по существу мне не известный. Он с этим согласился. Взял эту записку, уехал. Но вечером приехал совершенно в измененном настроении, сказал, что он вполне присоединяется, и я доклад подписал.

Председатель. Т[ак] ч[то] эта записка не от него исходила, а, вероятно, писал ее Савинков?

Керенский. Составлена она, кажется, Филоненко, насколько я помню, это было не накануне. Накануне был ультиматум Корнилова. На Московское совещание приезд его был за день или за два. Он успел съездить еще в Ставку, а на второй день приехал в Москву.

Чл. Чр. комиссии Раупах. Это 10-го было?

Керенский. Да, 10-го. А 11-го утром явился Кокошкин с заявлением о том, что выйдет в отставку, если не будет сделано. С большим напряжением, но мне удалось эту историю ликвидировать. Тогда я предложил, уговорил Савинкова выйти в отставку. Вообще у меня мягкий характер. Когда все это ликвидировалось в Москве, то, казалось, было ясно, что борьба с Временным правительством невозможна на почве этой. Мне казалось, дальше не стоит это развивать, но это, конечно, может быть, и было неправильно.

Председатель...[II]

Шабловский. Были ли донесения вам Филоненко о заговоре в Ставке, и на чем основывались они, в частности по поводу Лукомского и Тихменева?

Керенский. Я читал в газетах, что какое-то большое значение придается тому, что якобы мне были донесения о заговоре чуть ли не под руководством Лукомского и я не обратил на это внимания... На самом деле обстоятельства были совершенно иные. Разговор был, но вот в какой обстановке? Когда Филоненко был назначен комиссаром при Верховном главнокомандующем, то дня через два после этого мне говорил Савинков, что Филоненко что-то раскрыл и что он настаивает на немедленном увольнении Лукомского. Я говорил: «Как это может быть, ведь он только что приехал?» Затем Филоненко приехал сюда и заявил мне, что «я не доверяю генералу Лукомскому и настаиваю на его немедленном увольнении». Я ответил на это, что не могу этого сделать, потому что уволить начальника Штаба Верховного главнокомандующего без оснований и без данных совершенно невозможно, что мое положение будет совершенно нелепое, скажут, что это произвол в совершенно недопустимой форме: сегодня уволил одного, завтра уволит другого. Генерал Лукомский до сих пор исполнял добросовестно свои обязанности, ни в чем не замечен, если вы представите данные, тогда разговор будет другой.

[I] Так в тексте.

[II] Так в тексте.

Шабловский. А данных он не представил...

Керенский. Данных он не представил, он только сказал: «Я заявляю, что я совершенно не доверяю Лукомскому и настаиваю на его немедленном удалении». М.И. Терещенко, который ездил в то время в Ставку, приехав, говорил мне, что настроение там чрезвычайно тяжелое, потому что Филоненко ведет самую настойчивую кампанию против Лукомского. После этого никаких новых сообщений не было, больше того, до меня доходили сведения, что взаимоотношения там наладились.

Шабловский. В связи с этим указанием Филоненко на отсутствие данных, подтверждающих желание его видеть Лукомского уволенным, не было ли дано вами разъяснение Филоненко, что ему, как комиссару при Верховном главнокомандующем, надлежит с начальником Штаба поддерживать хорошие отношения?

Керенский. Я сказал так: «Я вообще (не помню, как его зовут) считаю такое поведение нежелательным, и что без достаточных оснований не следует этого делать, и настаиваю на том, чтобы Ваше отношение к начальнику Генерального штаба было хорошее».

Шабловский. И что пока Лукомского вы не подозреваете в контрреволюционности...

Керенский. Да, потому что никаких данных нет...

Шабловский. В частности, г. министр, по поводу Тихменева[I]. Не требовалось ли того же самого на том основании, что он является чуть ли не главою заговора, и не было ли это чем-нибудь обосновано?

Керенский. Должен сказать, что история с Тихменевым как сквозь сон прошла для меня: я слышал, что была послана телеграмма о вызове сюда Тихменева и что потом он был возвращен в пути назад, и все это было на основании телеграммы, которая была найдена у Корнилова на столе на блокноте. Насчет «Коня бледного». Эта история до меня не доходила, но она, кажется, была основана на том, что по приезде туда... «Тименев[II] ведет «коня бледного» для Лавра...». Как-то так было сказано. Потом он объяснил это тем, что было передвижение 3-го корпуса с юга к Ставке...

Шабловский. Не поручался ли тогда, в частности, за Тихменева генерал, тогда полковник[III], Барановский[IV], что относительно Тихменева до настоящего времени никаких подозрений не возникало, и что это и послужило реабилитацией Тихменева?

Керенский. Насчет Лукомского разговор был, а тихменевская история не доходила до меня, только кто-то рассказал как казус, что телеграмма получена такого мистического содержания. Может быть, я путаю, но, кажется, было так.

Председатель. Затем приезд Корнилова 3 августа[44]: причины, цели и затем все, что имело здесь место. И Корнилов, и Савинков высказываются по этому поводу очень подробно[V].

Керенский. 3 августа Корнилов приезжал для...

I Здесь и далее в документе фамилия указана ошибочно: *«Техменев»*.

II Над фамилией *«Тихменев»* впечатано слово *«тихо»*.

III Слово исправлено карандашом. Первоначально было: *«поручик»*.

IV Здесь и далее в документе фамилия указана ошибочно: *«Бороновский»*.

V Показание Л.Г. Корнилова от 2–5 сентября см. документ № 32 — т. 2. Показания Б.В. Савинкова см. документы № 57 (от 13–15 сентября), № 58 (от 18–19 сентября), № 59 (от 20 сентября) (все — т. 2).

Раупах[I]. ...Для стратегического изложения положения вещей...

Керенский. Да, да...

Шабловский. Они ссылаются на записку, которую Савинков написал Корнилову и передал через министра Терещенко. В связи с этим Корнилов дает обширные показания, что тут произошел перелом его представлений.

Керенский. ...В его показаниях сказано, что я сказал: «Не говорите тут всего...»

Шабловский. Да, а Савинков ему записку дал. Корнилов был вызван правительством или явился, как 10-го, по вызову Савинкова?

Керенский. Не могу сказать, по чьей инициативе, правительство ли его вызвало, или он заявил, что готов к тому, чтобы представить доклад. У нас был такой порядок, что фактически Верховный главнокомандующий приезжал, чтобы непосредственно делать общий обзор положения и обсуждать самые основные вопросы с правительством, но, во всяком случае, это было совершенно лояльно. По чьей инициативе, все равно он приехал, и было только не вечером, а днем назначено специально для него заседание, на котором он и делал доклад. Да, перед этим было так: он приехал с запиской, не им, конечно, написанной, а кем-нибудь в Ставке, не знаю кем, во всяком случае, его запиской, которая была такого содержания, что я считал невозможным огласить ее во Временном правительстве, потому что там был предложен целый ряд мер вполне приемлемых, но в такой редакции и с такими аргументациями, что это вызвало бы обратные результаты, и, во всяком случае, был бы взрыв, а при опубликовании ее сохранить Корнилова главнокомандующим было бы невозможно. Поэтому я настаивал и просил управляющего Военным министерством сделать так, чтобы эта записка не докладывалась. И тогда было решено так, что записка эта будет переработана вместе с Военным министерством, значит со мной, в такую форму и в такое содержание, которое было бы приемлемо и для них, и для общественного мнения, и для меня, а в первый приезд он сделает только доклад о стратегическом описании армии и затем о военных перспективах. Кстати, не знаю, не знаете ли вы, что во второй записке появились два совершенно новых отдела — фабрично-заводской и путей сообщения; во второй записке 10 августа...

Шабловский. А 3-го не было?

Керенский. Не было. И оба эти отдела, совершенно щедринского содержания, не были, как оказалось, известны Корнилову. Мы, т.е. Некрасов, Терещенко и я, настоятельно просили Корнилова, чтобы он, по крайней мере, этого вопроса не касался, причем говорили, что если он эти отделы огласит, то будет просто большой таки скандал. Действительно, если бы мы хотели Корнилова провалить, нам нужно было сделать одно — не возражать против того, чтобы он огласил эту записку и оба, путейский и фабрично-заводской, отделы. Тогда дело было бы, конечно, совершено. Так вот, так делано было: он сказал, что сей<час изложит то-то, а меры будет второй раз докла>[II]дывать. Я не знаю, что Савинков написал и какую записку он получил, что касается меня, то я не хочу судить теперь, искренне или неискренне толкует он эпизод в связи с этой запиской, но разговор мы имели с ним совершенно другого содержания. Он очень долго докладывал. И по вопросу о предполагаемой тогда наступательной операции на Юго-Западном фронте, и о целом ряде других мер он уже

[I] Здесь и далее в документе фамилия напечатана ошибочно: *«Раух»*.

[II] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан карандашом поверх «слепого» текста, отпечатанного на машинке.

сказал, и затем начал говорить об очень технических подробных деталях. Я наклонился к нему и сказал: «Генерал, здесь эти подробности совершенно не нужны». Больше ничего.

Шабловский. Так как общая часть, военно-стратегическое положение было обрисовано.

Керенский. Больше того, он даже сказал о готовящемся ю[го]-з[ападном] наступлении, и когда я увидел, что все существенное изложено, я сказал: «Генерал, здесь эти подробности не нужны». Больше ничего. Нужно сказать, что я всегда, члены Временного правительства могут подтвердить это, стремлюсь к возможной краткости выступлений и совершенно беспощадно режу и министров, и неминистров, когда вижу, что суть дела изложена, и прошу прекратить...

Крохмаль. Мысли о необходимости конспирации не было?

Керенский. У меня не было. Просто, если бы это был член Временного правительства или человек мне близкий, я бы сказал: «Иван Иванович, довольно, это уже ясно». Я не хотел его...

Крохмаль. ...Обидеть...

Керенский. ...Поставить в неловкое положение и сказал: «Генерал, эти подробности здесь совершенно не нужны».

Шабловский. А записка Савинкова какого содержания?

Керенский. Этого я не знаю. Записка к Корнилову.

Шабловский. Да, к Корнилову пришла записка от Савинкова, и в своих показаниях теперь он подчеркивает эту записку.

Керенский. Я думаю, не было ли этого потом, и не записки, а разговора. Я сидел рядом с Корниловым и заметил бы, если бы ему была передана записка. Даже если бы это было сделано за моей спиной, я бы заметил, как Корнилов протянул руку.

Шабловский. Этот эпизод не в Вашей памяти...

Керенский. Да, я не помню.

Шабловский. Не ездил ли 3–4 августа в Ставку генерал, полковник тогда, Барановский? И чем была вызвана эта поездка? Мы имеем в виду выяснить, когда начинаются более определенные доклады относительно возможного заговора в Ставке...

Керенский. Это давнишняя история, гораздо раньше Барановского...

Шабловский. Раньше 3–4 августа...

Керенский. ...Вы знаете, что на Московском совещании была попытка...

Шабловский. Это было уже позднее, а 3, 4 августа?..

Керенский. Почему ездил Барановский... Может быть, тогда шел вопрос о введении военного положения в связи с Ригой?..

Крохмаль. Нет, Рига была взята после Московского совещания...

Раупах. Барановский 23-го ездил...

Керенский. Да, он тогда ездил, когда нужно было разрешить вопрос о разделении...

Либер. Это другая поездка. Она известна, о выделении территории Петроградской...

Шабловский. Это вместе с Савинковым они ездили 23-го — 24-го, а 3-го — 4-го была поездка по поводу тогда уже создавшихся отношений Ставки к Временному правительству. Что, собственно, не возникало тогда вопроса о замене Верховного главнокомандующего?

Крохмаль. Ведь 3 августа Корнилов был здесь. Чтобы напомнить — поездка Барановского была после этого...

Украинцев[1]. Полковник Барановский должен был ехать в Киев к больной матери или к отцу и по дороге заехал в Ставку.

Керенский. Да, он ездил в Киев к больному отцу. Я хочу быть точным и боюсь сказать определенно, может быть, я просил его, а может быть, он и сам заехал. Допустим, что я просил его заехать, но вопрос мог идти тогда о выяснении позиции Союза офицеров. Нужно сказать, что давно, вероятно, вы это видели по документам, Союз офицеров занял довольно агрессивную позицию в отношении к Временному правительству и посылал телеграммы большевистского, по существу, содержания: требуем того, требуем другого. Когда я приезжал туда, то Новосильцев всегда довольно оппозиционно меня встречал. Ведь много бывает в отношениях, особенно в отношениях политических и общественных, вещей, которых нечем документировать, но которые ощущаются. И напряженность атмосферы в Ставке и особенно среди Союза офицеров давно чувствовалась, в особенности в связи с тем, что, вероятно, за месяц, если не больше, до всех этих событий. Так, в конце июля я уже получил точные сведения об офицерском заговоре, который готовился и который имел опорные пункты и в Петрограде, и в Ставке...

Шабловский. В конце июля?..

Керенский. Да. Даже, может быть, раньше. Можно сверить с тем, когда был издан закон о праве внесудебных арестов и высылке за границу[45]...

Либер. Кажется, 9 июля.

Керенский. Нет, позже. Недели за две до этого я лично думал, как это сделать, и в конце концов законопроект, который еще в апреле месяце, когда я был министром юстиции, я вносил чисто теоретически, теперь понадобился практически. Должен сказать, что я Временное правительство в курсе этого держал. Тогда произошли аресты великих князей, но, оказывается, мы в известной мере сознательно были на ложный путь направлены. И тогда Барановский поехал по своей инициативе, или я его просил, не помню, для того, чтобы ориентироваться в настроениях и выяснить, в чем дело. Когда второй раз он ездил вместе с Савинковым, то он сказал, что сейчас атмосфера в Ставке убийственная, что Вас там совершенно не выносят и даже о Савинкове в его отсутствие говорят самым отрицательным образом.

Шабловский. Какие, собственно, были сведения о широте заговора, о лицах или, может быть, об организациях, которые могли быть замешаны в этом заговоре? Или были только общие указания, что что-то готовится?

Керенский. Не только что что-то готовится, но и конкретные указания были. Вы знаете, положение наше теперешнее, без органов розыска мы совершенно как слепые щенята в этом вопросе, нас можно обходить и мы ни черта не видим. Вообще накопился целый клубок сведений, и уже перед Московским совещанием я ожидал с неизбежностью почти развивающихся событий. Сведения эти были в конце июля или в самом начале августа скорее.

Шабловский. Это был военный заговор?

Керенский. Т.е. лица, которые указывались, были все военные, но они имели связь с некоторыми штатскими элементами, и затем имели средства, потому что появился целый ряд и ныне процветающих газет, которые тогда начали травлю и лично меня, и вообще сторонников сильной власти. «Живое слово»[46] и «Народная газета»[47], будущая «Народная Русь», кажется. Я, конечно, не могу для следствия это сказать, но для меня и сейчас ясна вся эта конструкция...

---

[1] Фамилия *«Украинцев»* вписана чернилами.

Шабловский. Подготовка путем печати мнения определенных групп?

Керенский. Да.

Шабловский. Не было ли указаний, какие, собственно, ближайшие цели?

Керенский. Захват власти с арестом Временного правительства. Подготавливался типичный переворот, не массовое движение, а переворот.

Шабловский. На что же они могли опираться?

Керенский. Проходили ведь у вас в показаниях некоторые квартиры, Дюсиметьера[1], затем вернувшегося Эльвенгрена. Тут уж величайшие революционеры мира ему помогли, Гельсингфорский Совет, который сохранил его для России. Затем они имели связь со Ставкой. Тогда, собственно, указаний на Корнилова не было, но говорилось о части офицерства ставочного. Первый источник был совершенно достоверный, так как это были не агентурные сведения, так сказать, не доносчиские, а от людей чрезвычайно порядочных, которые честно, по существу, были взволнованы, хо[тели] предотвратить и дали мне сведения, чтобы я заранее был ориентирован в возможности. Затем те же сведения были получены уже из менее достоверного внешнего источника, и они совершенно совпали. Тогда мы начали уже наблюдение вести, насколько это было в наших средствах. Конечно, это очень трудно было делать, потому что настроение в Ставке было таково, что всякое лицо, появившееся от меня, вызывало тем самым раздражение и подозрение.

Шабловский. Когда Корнилов был 3-го, не вели ли Вы с ним беседы или не совещались ли просто по поводу того, как бы он смотрел на Ваш личный уход от власти? Не было ли такого собеседования, совещания или просто разговора?

Керенский. Я читал про это и удивлялся, как это можно так изложить... Где-то были напечатаны его показания[48], в которых было сказано, что «Керенский со мной совещался» или «спросил меня, не пора ли ему [у]ходить», — в таком стиле что-то.

Шабловский. У него несколько иначе это изложено...

Керенский. На самом деле я, это было в этом кабинете, всячески доказывал ему, что существующая комбинация — единственно возможная комбинация власти и что всякий другой путь гибелен. Я ему говорил: «Ну, положим, я уйду, что же из этого выйдет?» — Вот что я говорил...

Шабловский. Так что, это было собеседование?

Керенский. Совещания никакого не было. Все, что он говорит и говорят другие относительно того, что ему придавалось политическое значение, совершенная чепуха. Единственно, что делал я и те, кто мог, стремились его устранить от политических его аллюров, которые просто ему были не по разуму, он совершенно не ориентировался.

Шабловский. Так что этот разговор если имел место, то имел значение рассуждения, а не совещания?

Керенский. Я говорил: «Чего, собственно, Вы хотите? Военной диктатуры? Но что же из этого выйдет? — Как я потом сказал в Демократическом совещании: Вы окажетесь в безвоздушном пространстве, дороги не будут ходить, телеграф не будет действовать». В этой форме и был разговор. Вообще же мое отношение к Корнилову и ко всему этому отлично известно и во Временном правительстве, и всюду. Ведь мне приходилось напряженнейшую борьбу все время вести за сохранение единства власти и за предотвращение авантюр. И я утверждаю сейчас и всегда буду утверждать, что это был единственный метод, которым я шел.

---

[1] В тексте ошибочно: *«Дессимитьера»*.

Керенский[I]. Я уверен был всегда и сейчас уверен, что это был единственно правильный метод, которым я шел, потому что действовать по этим сведениям негласным, которые мы имели, и просто дружеским сообщениям я не мог, и, кроме того, я бы тогда показался в общественном мнении или нелепым человеком, или больным, как называется, манией преследования. Ничего бы из этого не вышло, но я был на страже и следил все время за малейшими изменениями в этих кругах...

Председатель. Затем, это обстоятельство вызова Корнилова. Об этом, г. министр, вы изложили раньше в вашем показании[II], что Вы не вызывали, Временное правительство не вызывало Корнилова, что Вы стали перед фактом, и, узнав о приезде такового, старались только предупредить, и посылали депешу, но разошлись, и затем он сюда прибыл, и в этот приезд он уже представил...

Керенский. Прибыл и вошел ко мне с пулеметами, так что насколько было с его стороны отношение дружеское...

Украинцев. Как с пулеметами?

Керенский. Впереди ехал автомобиль с пулеметом и сзади автомобиль с пулеметом, а затем текинцы внесли два мешка с пулеметами и положили в вестибюле. Два дня прислуга была совершенно потрясена, что ко мне подъезжают с пулеметами.

Председатель. Т.е. как текинцы вошли с пулеметами?

Керенский. Да.

Председатель. И оставили?

Керенский. Зачем, когда стала уезжать вся компания, впереди автомобиль с пулеметами и сзади автомобиль с пулеметами, и уехали. Ах да, я еще забыл, кроме этой кампании, которая велась, мне сообщено было о целом таком салоне, так сказать, политическом, что ли, где специально велась кампания за Корнилова и против меня и где тоже всячески шла агитация и подготовка общественного мнения, но так как это салон дамский, то Бог с ним, фамилии называть не буду, это неважно.

Председатель. Вот тогда Вы в своем прежнем показании показали, что 10 августа эта записка взята им обратно, и потом он уже представил ее сам или через Савинкова в обработанном виде, где появились новые пункты относительно фабричной и заводской производительности?

Керенский. Нет, он мне ее привез, насколько я помню, дело было так, что тогда, когда они его ездили встречать, то там и вручили ему записку. По-моему, это было так, но я могу на этом и не настаивать, мне кажется, что я верно говорю, что он с этой запиской и приехал ко мне, с новой запиской, и там было так: подпись для него, уже подпись стояла Савинкова, а внизу стояла подпись Филоненко.

Председатель. И вот эти пункты о железных дорогах и о фабриках и заводах. С этой новой запиской Корнилов явился тогда один или в сопровождении Савинкова?

Керенский. Нет, он совершенно один приехал, так как в это время Савинкова, насколько я помню, не было. Ведь Савинков настаивал на том, чтобы Корниловым был сделан доклад во что бы то ни стало Временному правительству.

Председатель. Когда, 10 августа, когда его вызывали?

Керенский. Во Временном правительстве перед этим я сказал, что этого не должно быть в то время, как мы целиком заняты подготовкой к политическому

I Так в тексте.

II Протокол допроса А.Ф. Керенского от 27 августа см. документ № 27 — т. 2.

моменту — Московского выступления[I], что это совершенно не время и не место, тогда они все-таки вызвали его, и все-таки то, что я сказал, было сделано, и доклада во Временном правительстве не было. Это было здесь, в кабинете. Я вызвал Терещенко, Некрасова, и Корнилов эту записку нам изложил здесь.

Председатель. Вы изволили свой взгляд высказать уже днем, он Вас не ознакомил с этой запиской ранее?

Керенский. Нет, я днем перелистал, увидел фабрично-заводской и железнодорожный отделы, увидел, что совершенно новые были вопросы, там были совершенно нелепые вещи написаны.

Председатель. И тогда Вы заявили ваше отрицательное отношение?

Керенский. Нет, я говорил, что и конструкция была неправильная. Что же такое управляющий Военным министерством? Ведь управляющий Военным министерством при мне, ведь управляющий Военным министерством не мог подписывать и выступать контр своего министра[II], он согласился с тем, что раз этой записки я[III] не видел и приехал с этой запиской, полагая, что она мне известна, он согласился и не настаивал, он понял, что Савинков поступил недисциплинированно в этом выступлении, и затем, вечером, когда Корнилов нам докладывал, пришел Савинков и доложил: «Управляющий Военным министерством». Я его не принял, и он не присутствовал, так как я считал, что он уже тогда был в отставке, т.е. это для меня было ясно.

Председатель. Т.е. тогда было принято так, что бестактность Корнилова произошла благодаря Савинкову, т.е. готовилась записка к докладу Временному правительству, о которой Вы не были осведомлены!

Раупах. А Савинков устно не делал Вам доклада по содержанию записки?

Керенский. У нас дело велось так: я всегда возражал против введения смертной казни по всей России, обыкновенно на этом и кончалась у нас беседа. Он мне заявлял: «Раз Вы с основным пунктом не согласны, остальное все несущественно. Все остальное более или менее, за исключением железнодорожного и фабрично-заводского пунктов, и ранее разрабатывалось в другой форме, но разрабатывалось. Я говорю, что это совершенное заблуждение, которое поддерживается, что каждый вновь назначенный человек как бы впервые приступает к реформам. Корнилов впервые приступил, теперь Верховский как будто бы впервые приступил к реформам. На самом деле все это материалы, которые полностью разрабатывались систематически, все эти меры шли к известной цели. С самого начала, когда я сделался военным министром, когда я выяснил, собственно говоря, на это потребовалось очень мало времени, в каком безысходном положении бросил Военное министерство Гучков со своими нелепыми реформами[49], я выяснил определенно, какая громадная работа требуется, чтобы все это дело провести планомерно и систематично. Корнилов же хотел именно действовать срыву[IV], такими вещами, которые только могли потрясти государство.

Председатель. Так что в этом совещании принимали участие, кроме Вас, г. министр?..

Керенский. Тут были Терещенко, Некрасов и сам Корнилов.

[I] Московское выступление — здесь имеется в виду выступление на Московском совещании.

[II] Так в тексте.

[III] Слово *«я»* впечатано над строкой.

[IV] Так в тексте.

Председатель. Вы, так сказать, на этом совещании высказали свое мнение по поводу записки, или Вам не пришлось высказать мнения?

Керенский. Нет, конечно, было только двое говоривших, а мы[I] молчали — Некрасов и Терещенко.

Председатель. Вы уже днем сказали Ваше мнение?

Керенский. Мы так и говорили, что большинство изложенного по содержанию правильно и приемлемо, но по форме невозможно.

Председатель. Вот еще один вопрос: в этой записке говорилось что-либо об упразднении комитетов и Советов в армии?

Керенский. Во второй раз нет. Комбинация как будто бы менялась настолько, что потом, когда накануне Московского совещания обсуждался этот вопрос, мне удалось провести, что Временное правительство[II] большинством приняло эту записку в моей редакции, а не в редакции Корнилова, ведь на Московском совещании мне пришлось читать записку в моей редакции.

Председатель. Т.е. за исключением смертной казни в тылу?

Керенский. За исключением смертной казни в тылу, так как было так сказано, что, принципиально принимая те или иные меры, нужно принимать их так, чтобы эти меры обсуждать сообразно с обстоятельствами и на местах.

Председатель. Не обсуждался ли вопрос на этом заседании о выступлении Корнилова на Московском совещании[50]?

Керенский. Да.

Председатель. Как отнеслись к этому выступлению?

Керенский. Видите ли, у нас была точка зрения совершенно определенная. Мы имели задачу такую. Ведь тут получается некоторое недоразумение. Наше понимание, нашу линию, которую мы проводим всегда одинаково везде, часто по недоразумению считают признаком бессилия власти. Она заключается в том, чтобы никаких событий не форсировать, по возможности не вызывать никаких взрывов. Поэтому наша задача заключалась в том, чтобы создать такую обстановку на Московском совещании, чтобы выступление Корнилова, если бы оно было, не вызвало бы настроения против в широких массах, потому что нам просто казалось, что Корнилова было некем заменить в то время. Исходя из этого, мы и предложили план, что политическую часть возьмут на себя министры, а Верховный главнокомандующий выступит только вот с таким докладом, который он нам сделал в первый раз, т.е. о положении на фронте, состоянии армии и вопросы стратегические и т.д. Значит, по поводу Московского совещания Временное правительство вынесло категорическое постановление о рамках выступления генерала Корнилова, и несмотря на это...

Председатель. Несмотря на это, несмотря на предупреждение, он поступил по-своему. А он был предупрежден здесь, в Петрограде?

Керенский. Кажется, он был предупрежден еще здесь. Затем, когда он приехал в Москву, тогда ездил к нему сначала министр путей сообщения накануне, затем в тот день, в театре, я вызвал Корнилова в отдельное помещение, где опять повторил и очень просил его, и затем уже, когда он все же говорил, что он скажет так-то и так-то, я уже сказал, чтобы он имел в виду, что это уже будет с его стороны недисциплинированным: «Вы же должны все-таки показывать пример, а Вы нарушаете дисциплину». В это время он был в таком настроении, что был убежден в совершенном бессилии правительства, считал, что правительство уже в прошлом, так сказать, это момент, с которым считаться не следует.

[I] Слово *«мы»* впечатано над строкой.

[II] Далее зачеркнуто: *«единогласно»*.

Если мы говорим, что не нужно или нужно что-нибудь сделать, то только потому, что мы боимся. Вот, мне кажется, эта психология, которая была в близком entourage'n[1].

Либер. Разрешите задать вопрос. Вам известно было, что речь, произнесенная Корниловым на Московском совещании, была составлена Филоненко, что, во всяком случае, он принимал участие в составлении?

Керенский. Мне об этом неизвестно. Я и забыл еще сказать, что он накануне, когда он ехал, он уже знал, что Савинков в отставке. С дороги он присылал телеграммы, настаивая на сохранении Савинкова, затем я получил телеграмму, где он сообщал, что ему крайне необходимо на Московском совещании присутствие Савинкова и Филоненко, которые могут поддержать его. Вот я не помню, как это было сказано — в его требованиях или в его выступлении, одним словом, такую телеграмму я получил, но будемте считать редакцию менее одиозной, скажем в «выступлении», я не помню хорошо. При этом там была еще о Савинкове такая аттестация, что это человек в высшей степени известный, пользующийся громадным влиянием у демократии, что-то в этом роде, не буквально, но это там было изложено.

Раупах. Позвольте мне вернуться к вопросу о записке. Этот проект Корнилова был представлен Временному правительству от Вашего имени как военного министра или же представлен главнокомандующим от своего имени?

Керенский. Его представил Корнилов от себя.

Раупах. Новый проект, который обсуждался 10 августа?

Керенский. Так как мы просили Корнилова, он оставил проект в первой редакции.

Раупах. Но он считал нужным внести...

Председатель. Г[осподин] министр, председатель разъяснил нам, что этот проект был новый и подписанный...

Керенский. Была подпись управляющего министерством на втором проекте, но ее не читали.

Председатель. Этот второй проект не читали тогда?

Керенский. Тогда он не фигурировал, этот второй проект, он так и исчез. Единственное отступление, которое было сделано на Московском совещании, в речи его было оговорено, что он не входит в обсуждение мер, которые необходимо провести для железных дорог и в организации промышленности.

Раупах. От этого он отклонился?

Керенский. У нас было оговорено, что он не коснется железных дорог, а он коснулся.

Председатель. Ко времени Московского совещания или раньше уже поступали сведения о заговоре, не нарастали ли и не усиливались ли?..

Керенский. Все время.

Председатель. Не ставилась ли фамилия Корнилова в связи с заговором?

Керенский. Фамилия Корнилова уже потом, незадолго до развернувшихся событий. Тут появлялся еще один офицер, которого я после передал в контрразведку. Наполовину, т.е. немного, он, несомненно, был шантажистом, но он очень близко вращался в Советах казачьих войск и, видимо, был в курсе вообще вещей. Он являлся предупреждать меня так же, как и Львов, т.е. что мне грозит неминуемая гибель в связи с событиями, которые в ближайшие дни произойдут, именно захват заговорщиками власти.

Раупах. Справа или?..

---

[1] Entourage *(франц.)* — окружение. Это слово вписано карандашом.

Керенский. Справа. Он, несомненно, был в курсе, этот офицер, но так для меня мало ясным осталось: приехал ли он ко мне разведчиком сюда или он кое-что слыхал и хотел просто что-либо для себя сшантажировать, но несомненно, что он был в известной мере в курсе дела.

Председатель. Но он не называл тогда Корнилова или кого-нибудь другого?

Керенский. Корнилова не называл, но называл элементы, близкие к нему — Завойко и других близких к нему лиц, кого я не помню. Затем, во время Московского совещания, как вам известно, туда был вызван казачий полк в Москву.

Председатель. 7-ой Сибирский[I] казачий полк?

Керенский. ...Помимо командующего Московским округом. Затем в это время из Финляндии приближался корпус кн. Долгорукова к Петрограду, корпус, который был остановлен командующим здесь войсками Васильковским, и среди юнкеров ходили слухи, я не знаю, чем кончилось это расследование, мы получили сообщение от юнкеров московских[51], что их предупреждал один офицер, что во время Московского совещания будет провозглашена диктатура. К каким результатам привело расследование этого дела, я не знаю; я не знаю, в каких целях полки казачьи двигались.

Председатель. <Корнилову неизвестно было?>[II] Нужно думать, для поддержания каких-то требований?

Керенский. Вероятно.

Председатель. Точно не установлено, кем был вызван полк?

Керенский. Известно было, что помимо командующего Московским округом, помимо Временного правительства и военного министра был вызван полк, мы ничего не знали, успели его[III] остановить в Можайске.

Председатель. Какие были у Вас сведения относительно выступления большевиков, от кого исходили эти сведения, не были ли они провокационными?

Керенский. Видите ли, почти через каждые две недели появлялись сведения о большевистских выступлениях, и как-то незадолго во Временном правительстве, кто-то, кажется, из кадетских министров, не помню, задал вопрос: «Известны[IV] ли мне и министру внутренних дел слухи о готовящемся большевистском выступлении, и насколько они серьезны?» Тогда мы ответили, что мы считаем эти слухи несерьезными.

Председатель. Вот тогда, в Москве, не возникало ли у правительства в связи с тем, что Корнилов не хотел подчиниться директивам Временного правительства, сомнение относительно личности его, так как имелись слухи о заговоре в связи с этим, не ставило ли Временное правительство личность Корнилова под сомнение?

Керенский. Видите ли, нужно сказать, что часть Временного правительства была очень гипнотизирована тогда личностью Корнилова. Я это говорю не в том смысле, чтобы было какое-либо соприкосновение или сочувствие к его аллюрам, а просто им казалось, что это человек вне политики, честный, смелый солдат, который должен организовать армию, и потому смотрели вот на эту попытку как на попытку с негодными средствами, потому что это человек, совершенно ничего не понимающий в политике, неумелый, но у каждого есть свое гражданское чувство, мы на это смотрели, мы это все учли, и, даже приехав сюда, я говорил близким своим друзьям, кажется, во Временном прави-

---

I Слово *«Сибирский»* вписано карандашом над зачеркнутым: *«Оренбургский»*.

II Текст, заключенный в угловые скобки, зачеркнут.

III Слово *«его»* вписано карандашом над зачеркнутым: *«их»*.

IV Текст исправлен. Первоначально было: *«Что известно»*.

тельстве, что я очень доволен, так как что мне нужно было, я совершенно учел и знаю, где, что[1] и как, и после уже, когда это совершилось, мне один из кадетов сказал, что вот только теперь мы поняли занятую Вами на Московском совещании позицию, вообще Ваш тон и тогда нам казавшиеся непонятными угрозы в правую сторону.

Председатель. Вот после Московского совещания, не возникал ли вопрос об изменении в составе Временного правительства, не назывались ли какие-либо фамилии?

Керенский. Нет, были только разговоры, что необходимо воспользоваться создавшимся настроением после эпизода Бубликова и Церетели и понемногу начать переговоры с промышленниками о вхождении их во Временное правительство. Тогда весь вопрос сводился к тому, весь смысл изменений заключался в том, чтобы вернуть к участию в управлении представителей цензовых элементов, не в смысле кадетов, а именно в смысле введения в министерство Коновалова и других.

Председатель. Какие меры предпринимались правительством против ожидавшегося выступления большевиков в Петрограде и Кронштадте?

Керенский. В Кронштадте никаких не предполагалось. Я должен сказать, что никакой роли вообще выступление большевиков здесь не играло. У меня есть, кажется, показание, которое я давал, о разговоре со Львовым, что Львов, приехав ко мне, уверял меня, что большевистское выступление неминуемо, а я уверял его, что по нашим сведениям большевистское выступление не предполагается, я даже сказал: «Вы так уверены, что как будто бы Вы сами участвуете в выступлении».

Председатель. Вот это предполагавшееся объявление Петрограда на военном положении[52], оно было вызвано стратегическими соображениями, а не было в связи с большевистским выступлением или организацией твердой власти?

Керенский. Если бы у меня было свободное время, то по старой памяти больших следствий я бы всю историю восстановил по-настоящему. Там, несомненно, была какая-то группа лиц, которые все явления, происходящие в государстве, стремятся использовать всегда в определенном направлении, так же и после прорыва у Риги сейчас же я стал получать требования о введении военного положения в Петрограде, о передаче всего войску, всего в распоряжение главнокомандующего.

Крохмаль. Требования от кого?

Керенский. Из Ставки от Корнилова. Вот тогда и началась для меня довольно трудная работа, потому что опять часть Временного правительства готова была пойти прямо на все. Я, считаясь с положением вещей и считаясь, с другой стороны, с тем, что действительно, раз приближается фронт и уже все окружности, ближайшие к Петрограду, постепенно могут быть втянуты в обязанности тыла, и так как и до протопоповского выделения[53], которое последовало 16 февраля 1917 г., т.е. за несколько дней до революции, окрестности Петрограда всегда были в распоряжении Верховного главнокомандующего, и только 7 месяцев этого нет, у меня не было мотива, почему же я мог сказать, что это выделение должно быть сохранено, и я только поставил себе одну цель, которую так мотивировал во Временном правительстве, что ввиду острого политического положения вещей невозможно правительству отдавать себя совершенно в распоряжение, в смысле, так сказать, распоряжения вооруженными силами Ставки. Я и предполагал, что хотя бы Петроград и его близкие окрестности, во

[1] Слово *«что»* впечатано над строкой.

всяком случае, выделить, и на этом я категорически настаивал, что мы, значит, передаем все что нужно по стратегическим соображениям, а Петроград, как политический центр, пока здесь есть Временное правительство, должен быть экстратерриториален[I]. Вот на этой почве около недели я вел борьбу, и в конце концов удалось получить формальное согласие от Корнилова, потом, как выяснилось, Корнилов думал, что это отсрочка дней на четыре, на пять, потому что наше заявление — «пока в Петрограде Временное правительство» — понял в том смысле, что Временное правительство чуть ли не на другой день уедет из Петрограда, хотя этого, конечно, никто не предполагал. Только таким образом можно было отстоять известную часть. Затем, как известно из того, что мне сказал перед самоубийством ген. Крымов, что он ехал сюда с приказом о введении осадного положения и распределении всего Петрограда на военные комендатуры. Так что во всякое время, значит, мы были окружены. И вот в связи с этим положением вещей в Ставке и возможными всякими осложнениями при новом положении вещей в Петербурге[II] с выводом войск на позицию, который у нас происходит не совсем гладко, затем в связи с эксцессами при переездах и, главное, вот ввиду этих возникших отношений и предполагалось иметь определенное количество вооруженной силы именно в распоряжении Временного правительства, но никоим образом не в распоряжении Верховного главнокомандующего, т.е. вообще Северного фронта или Верховного главнокомандующего.

Председатель. Так что вообще военное положение[III] не должно было быть введено ввиду выделения Петрограда.

Керенский. Оно должно было быть введено, но с особыми правами под непосредственным наблюдением Временного правительства, а не Верховного главнокомандующего.

Шабловский. Предполагалось ли упразднение и разоружение Кронштадта[54], и какими соображениями это было вызвано? Вызывалось ли это стратегическими соображениями?

Керенский. В это время никакого разговора не было. Это старая летняя история.

Либер. 8 августа была подписана официальная бумага, следовательно, в связи с этим?

Керенский. Нет, это старая история. Нужно сказать, что в Кронштадте находятся весьма ценные орудия, которые нам сейчас весьма нужны на других позициях. Я, думая, что здесь было не только революционное увлечение, но и сознательная германская работа, потому что в Кронштадте их много. Были предложения из Ставки все время с самого начала революции, особенно летом, о передаче этих орудий в распоряжение Северного фронта для постановки их на вновь организованных позициях, но это встречало решительное сопротивление Кронштадта, что это есть не что иное, как измена, что хотят обезоружить Кронштадт.

Крохмаль. По политическим соображениям?

Керенский. Не только по политическим, но и по изменническим тенденциям. Они довели до того, что соответствующая позиция недостаточно вооружена и совсем не может быть вооружена в ближайшем будущем. Вместе с этим, при новой конъюнктуре, при соотношении сил и при новом положении на Фин-

---

I Слово исправлено. Первоначально было: *«экстротериален»*.

II Так в тексте.

III Далее зачеркнуто: *«Шабловский. ...военное положение»*.

ском заливе было решено если не в июне, то в июле упразднение Кронштадтской крепости и преобразование Кронштадта в базу снабжательную[I] для разных складов и т.д.

Шабловский. Не считалась ли крепость в военном отношении нулем и не более существенным считалось прибрежье?

Керенский. Да, поэтому все это и делалось в смысле требования орудий и упразднения крепости. Это было вызвано соображениями чисто военно-стратегическими.

Либер. А вывод гарнизона Кронштадта?

Керенский. Это было упразднение Кронштадта как крепости. Если бы крепость была нужна и имела значение как оборонительный пункт, то какой бы ни был гарнизон, из правительственных соображений правительство не постановило бы разоружить крепость — это нелепость, а с выводом оттуда тяжелой артиллерии это давало свой смысл. Сейчас Кронштадт никакого военно-стратегического значения не имеет.

Либер. Ограничения работ по укреплению Финляндии были предприняты с ведома Корнилова, и об этом на Московском совещании было решено?

Керенский. Вероятно, это было раньше решено.

Либер. Но с ведома ли Корнилова? Было ему это известно?

Керенский. Я думаю, что это было решено раньше, до назначения Корнилова Верховным главнокомандующим. Об этом можно справиться по журналу Временного правительства. Это было вызвано признанием ненужности[II] и нелепости этих мероприятий. В укреплении Финляндии сейчас выяснилось, что это ни к чему. А это почему имеет значение?

Либер. Потому что Корнилов в своих показаниях указал, что прекращение работ в Финляндии является определенным актом со стороны правительства, которое теперь имеет печальные последствия.

Керенский. Вот чепуха.

Шабловский. Ожидалась ли ввиду предстоящего введения военного положения в Петрограде какая-либо оппозиция со стороны Советов, и против этой меры входило ли Временное правительство в собеседования или совещания с Центральным исполнительным комитетом об устранении возможного конфликта?

Керенский. Нет, никаких переговоров не было. Это, вероятно, и Либер знает. По вопросу о введении военного положения никаких переговоров я, по крайней мере, не вел и от моего имени никто не вел. У нас всегда было достаточное количество советских представителей: Авксентьев, Чернов, Скобелев и я, и вообще никакого возражения не встречали. Обсуждения во Временном правительстве шли к тому, чтобы так сделать, чтобы гарантировать от неожиданностей и экспериментов, т.к. мы в себе достаточно уверены.

Шабловский. Так что 3-ий корпус, который сюда двигался, должен был быть той военной силой, которая должна быть не в распоряжении Верховного главнокомандующего, а Временного правительства на случай эвентуальности[III]?

Керенский. Да.

Шабловский. Предполагалось употребить этот корпус на подавление беспорядков, если бы таковые возникли, или вопрос об этом не возбуждался во Временном правительстве?

I Так в тексте.

II Далее слово зачеркнуто и неразбрчиво.

III Эвентуальность (eventus, *лат.*) — возможный при известных обстоятельствах.

Керенский. Для чего понадобились эти войска, определенно не уяснялось. Вообще на случай для того, чтобы правительство имело опору, неизвестно было, в какую сторону надо было бы их употребить, и я не думаю, чтобы их нужно было употребить. Во всяком случае, они никакого отношения к командующему фронтом или к Верховному главнокомандующему не должны были иметь.

Шабловский. Так что этот корпус должен был быть в распоряжении Временного правительства или должен был быть ячейкой для формации новой армии на побережье ввиду прорыва на Рижском фронте?

Керенский. Это едва ли. Тут был старинный спор, образовывать ли прибрежную армию. Это настолько специальный военный вопрос, он шел еще при Гучкове между Ставкой и Гучковым и Корниловым, который очень варьировался, как организовать петроградские войска на случай, если им придется охранять не только революцию, но и подступ к Петрограду. Это был давнишний вопрос.

Крохмаль. Мысль о вызове этого 3-го корпуса возникла только после взятия Риги?

Керенский. Да.

Крохмаль. У Вас с Савинковым не было какого-нибудь разговора относительно прямого назначения этого корпуса для возможного подавления большевистского восстания здесь, и не известно ли, в какой форме Савинков говорил с Корниловым по поводу вызова этого корпуса?

Керенский. В какой форме Савинков говорил с Корниловым, я сказать не могу, потому что по газетным сообщениям я вижу, что в Ставке говорилось многое то, о чем здесь даже не упоминалось. Я читал, что там происходили обсуждения возможного состава Временного правительства с совершенно фантастическими именами, о чем мы здесь и представления никакого не имели. Но здесь вопрос конкретно о том, вызывать ли для большевиков, — в такой форме не ставился. Вообще, того значения, которое там разыгрывалось, здесь не придавалось, это было между прочим. Вообще никаких разговоров не было. Как, например, одно время, когда думали, что мы будем уезжать в Москву, предполагалось вызвать жел[езно]-дор[ожный] батальон, чтобы поднять работу Николаевской жел[езной] дороги. Это все такие эпизоды, которым мы значения не придавали. Затем я помню, когда Савинков вернулся из Ставки, тогда, кажется, впервые и было сказано, что 3-ий корпус. Я почему так говорю, потому что, когда началась вся эта история, многие, кто был ближе ко мне, спрашивали, не помню ли я, как возникла эта история, почему 3-ий корпус. И мы никто не могли вспомнить, как это началось, почему и что, — настолько не фиксировано у нас было здесь. А что касается именно 3-го корпуса, я помню, что когда Савинков вернулся, то сказал, что ему удалось отбить посылку сюда Дикой дивизии и, значит, Крымова. Я не знаю, известно ли вам, что я подписал указ о назначении Крымова командующим 11-ой армии. Это было дано для большего успокоения.

Крохмаль. Для чьего успокоения?

Керенский. Для моего успокоения. Я знаю, что Крымов командир 11-ой армии, и вопрос окончен. Оказывается, он все время сидел в Ставке и вырабатывал эту дислокацию и вдруг очутился здесь. Когда мне говорят, что Крымов здесь, я говорю: «Как здесь?» Я его спрашиваю: «Кто Вы такой?» — «Я командующий Особой армией». — «Какой?» — «Которая назначена в Петроград».

Крохмаль. Но приказа о назначении его командующим армией не было?

Керенский. Нет. Тут был помощник военного министра. Я спрашиваю: «Вы знаете?» — «Нет, я ничего не знаю, и Военное министерство ничего не знает». Это был единственный указ, который я подписал.

Крохмаль. Вопрос о вызове сюда дополнительных войск проходил через Временное правительство или через[1] частное совещание части членов Временного правительства?

Керенский. Я думаю, что это было в порядке разговора. Обыкновенно во Временном правительстве бывают разговоры: каково положение, достаточно ли сил, на которые правительство может рассчитывать, какие взаимоотношения между настроением войск в той части, в другой...

Крохмаль. Не в официальных заседаниях?

Керенский. У нас бывают разные заседания: деловые, политические, обыкновенные, и я всегда стараюсь, насколько возможно, давать общий очерк положения правительству, чтобы оно знало и было всегда в курсе. Тогда возникал вопрос, что необходимо, чтобы в такое трудное время правительство было обеспечено в достаточной мере силами для поддержания порядка. Должен сказать, что тут возникал большой вопрос в связи с градом беженцев. Я помню ваше сообщение по поводу положения вещей на дорогах, и я тогда докладывал об этом Временному правительству. Тогда шла большая агитация в войсках вокруг едущих в Петроград. Вообще настроение было напряженное, и если прибавить неизбежность ожидавшегося мною конфликта рано или поздно со Ставкой, то обстановка была достаточная для того, чтобы несколько беспокоиться о положении вещей.

Крохмаль. Когда и в каком составе Временного правительства обсуждался этот вопрос о вызове, Вы не помните?

Керенский. Нет. Я думаю, даже наверно могу сказать, что в такой форме, чтобы вызвать 3-ий корпус или 5-ый или 12-ый, вообще разговоров не было. Просто спрашивают: достаточно вы обеспечены, и тогда отвечает военный министр или министр вн[утренних] дел, что меры принимаются, или обеспечение будет достаточное.

Крохмаль. В составе Временного правительства поднимался вопрос о необходимости вызова войск в связи с возможным или ожидавшимся определенно выступлением большевиков, Вы не помните?

Керенский. Нет, не помню.

Крохмаль. Савинков Вам не говорил?

Керенский. Может быть, такие разговоры и были.

Крохмаль. Но чтобы это было определенно связано с вызовом войск, этого не было?

Керенский. Чтобы это фиксировалось, чтобы ожидался взрыв большевиков? У нас внимание было сосредоточено в другую сторону. Вы помните, как раз происходили аресты великих князей и ряд других обысков. После Московского совещания для меня было ясно, что ближайшая попытка удара будет справа, а не слева.

Шабловский. Когда у Вас, г. министр, была впервые беседа со Львовым по вопросу о преобразовании и усилении власти? По чьей инициативе возник этот разговор, какие конкретные предложения исходили от Львова?

Керенский. Такой беседы у меня с ним не было.

Шабловский. Какие конкретные предложения он делал?

Керенский. В числе бесконечного числа лиц, приходящих ко мне с разного рода разговорами, прожектами, предложениями и советами (потому что каждый считает, что все несчастье заключается в том, что я его не выслушал), пришел и В. Львов. Он не говорил о прожектах, о перемене состава или о

[1] Слово *«через»* вписано над строкой.

реформе, сколько о том, что моя песенка спета, что т.к. я не имею никакой опоры нигде, потому что, с одной стороны, меня теперь ненавидит правая часть, а, с другой стороны, курсом большей решительности в смысле применения репрессий и борьбы с большевиками я подрывал свое положение и у демократии, то поэтому я ни на что не опираюсь и мое Временное правительство, и что он полагал бы, что необходимо такую опору найти и что это можно сделать так: реконструировать состав кабинета и ввести туда элементы более правые, чем к.-д.[1] даже. Так как это было в скором времени после Московского совещания, то было естественно, что человек приходит и высказывает свои мысли. Я ему ответил, что я являюсь убежденным сторонником коалиции. Теперь я не помню подробностей этого разговора, но суть его разговора была главным образом в стремлении показать, что у него есть что-то такое за спиной. Он говорил: «Мы то, мы другое». Я спрашиваю: «Кто такое мы? Что у Вас есть, что Вы можете дать, от какой группы Вы говорите?» Он говорит: «Я не имею права Вам этого сказать, я только уполномочен спросить Вас». Я не помню, в начале это было или в конце, но выходило так, как будто он является по поручению какой-то группы, это было несомненно. Он неоднократно потом говорил, что он откуда-то приехал и сегодня же должен туда уехать и что «я должен знать Ваше мнение, мне поручено спросить, угодно Вам или неугодно ввести новые элементы и по этому поводу вести беседу». Я на это ответил ему, что прежде, чем дать ответ, я должен знать, с кем я имею дело, какая такая группа и что они хотят. Он говорит: «Общественные деятели». Я говорю: «Общественные деятели бывают разные». Вот в таком роде был разговор. Я ему сказал: «Ну что же, если я ни на что не опираюсь, что Вы можете предложить, какую реальную силу вы можете дать, я представляю Ваш круг, кто общественные деятели?» Он стал намекать, что я ошибаюсь, что они имеют достаточную реальную силу, с которой необходимо считаться. Вот приблизительно такой был разговор, и я ему никаких поручений, никаких полномочий не давал. Потом он, кажется, признался, что превысил свои права, когда сказал, что от моего имени говорил. Разумеется, я ему этого не говорил. Я сказал: «Прежде чем что-либо ответить, Вы мне скажите, с кем я имею дело?»

Шабловский. И он говорил, что не имеет права пока сказать?

Керенский. Да. Это меня и заинтересовало на фоне целого клубка разных решений, имеющихся у меня и ранее намеченных линий разных направлений. Меня заинтересовала такого рода тайна. Вообще я Львова давно знаю, и я видел, что он зашел попросту поболтать. Он говорил, что хорошо ко мне относится, заинтересован лично мною и т.д.

Шабловский. Так как он не называл, от кого именно он явился, то не предложили Вы ему, что если он не имеет права назвать, получить это право высказаться яснее?

Керенский. Я не сказал право, я сказал: «Прежде чем сказать свое мнение о данной комбинации, я должен знать, с кем я имею дело, кто говорит, что говорит, от чьего имени Вы говорите».

Шабловский. Как же он кончил свой разговор?

Керенский. Он не окончил, он спросил: «Значит, Вы будете разговаривать, если я скажу?» Я говорю: «Скажите более определенно, что Вы хотите знать». Он простился и ушел. Больше ничего не было.

Шабловский. После этой беседы ждали Вы, что он явится с чем-то более определенным и выскажется яснее, или Вы считали разговор с ним оконченным?

---

[1] К.-д. — кадеты.

Керенский. Я считал, что дело на этом и кончится, потому что вообще никакого значения этому не придавал. Но некоторые подробности и скорее тон Львова несколько меня заинтересовали, и я про себя размышлял, что дело относится к той родзянковской группе[55], к группе бывших, так сказать, старых людей, которые засели в Москве. Вообще тогда были разные переговоры, тем более, что перед этим раньше в июне—июле изредка кое-какие господа ко мне появлялись с разными предложениями разных реконструкций. Мне даже были прямые предложения о диктатуре, и это мне несколько облегчало наблюдение за корниловскими окружающими, потому что я видел тех же самых, которые сначала пытались ко мне захаживать.

Шабловский. А Львов предлагал только ввести эти более правые элементы, на которые можно опереться, или он предлагал усиление власти путем привлечения более широких масс в состав правительства, или предлагал какую-нибудь реальную силу в смысле усиления власти?

Керенский. Когда он был первый раз, разговор был именно о введении новых элементов, которые бы расширили базу Временного правительства, а когда я говорил: «Кто же может усилить базу? Ну, будь [на] два-три человека больше». Тогда он, несколько улыбаясь, говорил: «Ну, Вы можете ошибаться, силы у нас есть». — «Какие силы?» — «Вы не знаете, но силы у нас есть». Это меня заинтересовало в том смысле, что мне показалось, что Львов не от себя болтает.

Шабловский. Вы, г. министр, говорили Вашим товарищам Зарудному и Некрасову или какому-нибудь другому об этих предложениях, которые были сделаны Львовым в том духе, что вот заманчивое предложение преподнес Львов, и не давали Вы кому-нибудь поручения выяснить, на что опирается Львов, откуда у него это предложение исходит?

Керенский. Не помню.

Шабловский. В смысле осведомления о том факте, который имел место?

Керенский. Не могу Вам сказать. Я скорее предполагаю, что я кому-нибудь просто, между прочим, сказал, что был Львов, но точно сейчас сказать не могу, потому что серьезного значения я тогда этому посещению не придавал. Нужно сказать, что во второй приезд он вообще изменил манеру. Он очень меня добивался. Я помню, у меня не было ни[I] времени, ни охоты с ним видеться, тем более что он ушел из состава Временного правительства. Он, кажется, Терещенко резко сказал обо мне в связи со своим уходом. Когда он пришел второй раз, я говорю: «Вы, значит, опять по этому делу пришли разговаривать?» (Я точно боюсь сказать, но смысл был такой.) Он ответил: «Теперь все по-другому, обстановка изменилась». И во второй раз он не говорил вовсе о том, чтобы я ввел новые элементы, что надо расширить базу, а с места в карьер сказал, что приехал меня предупредить, что мое положение крайне рискованное, что я обречен и что в ближайшем будущем будет большевистское восстание, и правительству не будет оказано никакой поддержки, и за мою жизнь не будет никакой гарантии и т.д. И когда он увидел, что ничего не действует и я отшучиваюсь: что суждено, то суждено, — приблизительно в такой форме, тогда он сразу оборвал разговор. Он, видимо, очень волновался...

Керенский[II]. ...Видимо, он все время волновался. Он сказал тогда: «Я должен Вам передать формальное предложение». Я говорю: «От кого?» — «От Корнилова». Когда он сказал мне все эти нелепости, это на меня произвело впе-

---

[I] Частица *«ни»* впечатана над строкой.

[II] Так в тексте. По-видимому, сменилась очередь стенографистов.

чатление такое, что это, во всяком случае, или сумасшедший, или что-нибудь... Насколько все это было серьезно, это может быть доказано всеми окружающими. Когда я его выпустил, сейчас же вошел Вырубов. Когда он вошел, я показал письменный документ и говорю: «Вот до чего мы дожили, что делается».

Чл. Чр. с. к.[1] *Крохмаль.* А каково происхождение этого письменного документа?

Председатель. Савинков ездил в Ставку с ведома и по поручению правительства или сам по себе?

Керенский. Видите, он сам назначил, я даже не знал об этом, что там назначается собрание всех комиссаров и представителей комитетов[56] для обсуждения проектов реформ. А т.к. в это же время шел вопрос о военном положении территории, то я просил Барановского поехать туда, чтобы и военная сторона, так сказать, была обставлена больше, что мне нужно было.

Председатель. Он доложил, что поедет на это собрание, и тогда от себя Вы просили Барановского, чтобы быть в курсе дела?

Керенский. Да.

Председатель. Известно ли Вам было, доложено ли было, что он берет с собою Миронова и для чего он это делает?

Керенский. Нет, про Миронова я не знал. Я помню, как раз на другой день после их отъезда мне Миронов понадобился для установления наблюдения за новым лицом. Я вызвал Миронова. Мне сказали, что он уехал с Савинковым в Ставку.

Председатель. Так что Савинков ехал больше на совещание по вопросу о реформах и вот по вопросу о создавшемся положении в связи с продвижением 3-го корпуса, о военном положении в Петрограде в связи с создавшимся положением после прорыва Рижского фронта?

Керенский. Нет, я думаю, просто совещание совпало с этим, раз он сказал, что он едет. Обыкновенно мы по прямому проводу переговаривались. Т[ак] ч[то] я помню, что здесь мы как раз на этом столе мы эту территорию определяли, которая должна быть изъята из военного положения.

Голос. И Петроград остается в компетенции не верховного командования?

Керенский. Здесь был Савинков, два товарища министра, я, Барановский, еще кто-то такой. И, кажется, здесь было решено, что они поедут вместе, когда выяснилось, что Савинков все равно едет.

Председатель. Какой доклад представил Вам Савинков о своей поездке?

Керенский. Особенно не докладывал. Он докладывал, что когда приехал, то в первый день съезда было отношение крайне возбужденное, непримиримое, но потом ему путем длительных переговоров удалось смягчить, и когда уезжал, то к нему приехал, не помню, сам или кто-то от Корнилова специально был прислан в поезд, и просил передать, что он целиком желает работать со мною и мне предан.

Председатель. А правительству не делал доклада о своей поездке?

Керенский. И в это время приехавший Барановский говорил, что атмосфера в Ставке невозможная, что там «Вашего имени даже произносить невозможно и что работа почти не идет, п[отому] ч[то] все за всеми столами во всех местах только идут политические разговоры». И нужно сказать, что одной из совершенно таких неожиданных для меня линий было то, что с момента назначения Корнилова Верховным главнокомандующим, собственно говоря, вопросы военные, стратегические, фронтовые совершенно Ставку не интересовали. И сравни-

[1] Чл. Чр. с. к. — член Чрезвычайной следственной комиссии.

тельно то, что обыкновенно было прежде в разговоре с Алексеевым, Брусиловым, тут совершенно было на втором плане. Я до этого эпизода говорил, что меня удивляет, что это невозможно, такая гипертрофия политики там, где она не должна быть.

Председатель. Предупреждал ли Вас Савинков, г. министр, о том, что им предположено в связи с продвижением 3-го корпуса к Петрограду объявление Петрограда на военном положении и что это будет в зависимости от приближения корпуса к Петрограду?

Керенский. Так было, на что я отвечал, что никакого для меня значения приближение или неприближение корпуса не имеет. Я нахожу это совершенно излишним. Что это мера, которая необходима ввиду изменившейся обстановки, что она совершенно возможна, объявление военного положения возможно, не ожидая никакого прихода. Т[ак] ч[то] я мнение это оспаривал, и правительству этого доклада не делалось.

Председатель. Только доложил Вам?

Керенский. Насколько помню, правительству доклада не делалось.

Председатель. Не предполагалась ли посылка Терещенко тогда в Ставку, чем эта вызывалась посылка в Ставку?

Керенский. Собственно, когда? Какая посылка?

Председатель. А вот сейчас же после возвращения Савинкова. Чем это было вызвано?

Керенский. Он перед этим ездил. Он ездил в самом начале. Он привез сведения, что Филоненко ведет интригу против Лукомского.

Ч.Ч. с. к.[1] *Гольдман-Либер.* Перед этим, перед Львовым?

Керенский. Он ездил по своим делам. Я не знаю, может быть, хотел говорить лично. Кажется, в это время должен был туда ехать Маклаков, который предполагался послом в Париж.

Председатель. Т[ак] ч[то] это стояло вне всякой связи с посылкой Савинкова.

Керенский. Мне кажется, это сравнительно мелочь. Тогда я этим не был занят.

Ч. Ч. с. к. Раупах. Извиняюсь, на минуту задержу. Барановский тогда ездил с Савинковым, имея самостоятельную задачу или нет?

Керенский. Он ездил как начальник кабинета, главным образом по вопросу выяснения военной ориентировки, и он присутствовал только по вопросу о выделении Петрограда.

Ч. Ч. с. к. Раупах. И, значит, в этом вопросе он должен был настаивать на выделении?

Керенский. Здесь все военные, и на нашем совещании Якубович, Туманов, они всегда были. Одним словом, все против выделения в такой мере. Но я хотел просто по соображениям военным разделить перед ними военную точку зрения, и тут они были все более или менее солидарны, и поехал туда Барановский с тем, чтобы там присутствовать и проводить мою точку зрения.

Председатель. Вот 26 августа, когда появился здесь Львов, он доложил заранее через кого-нибудь или внезапно появился? И затем, г. министр, не доходило ли до Вас сведение в тот день, что Львов распространяет по городу какие-то тревожные вести?

Керенский. К сожалению, я узнал после, как он ушел от меня. Перед этим у меня сидел комиссар туркестанский. Какой мой источник? Да кто-то там видел из моих. Он был в довольно возбужденном состоянии. Позвольте, тут

[1] Ч. Ч. с. к. — член Чрезвычайной следственной комиссии.

еще кто-то разговорился. Он отмечал, что, кроме разговора на улице, где-то здесь он очень остро позволил себе. Я не помню кто.

Председатель. Затем доклад Львова. Как он его мотивировал? Ставил ли его в связи с предшествующим посещением Вас или так внезапно новое что-нибудь привел?

Керенский. Вот именно, что он совершенно как будто изменился. Все предшествующее как будто насмарку было.

Председатель. Т[ак] ч[то] вне связи с предшествующим?

Керенский. Не то что вне связи, я не помню, какой разговор, но я сказал: «Вы все с вашей материей?» Он говорит: «Нет. Тут обстоятельства изменились». Я не помню, кажется, так сказал. Здесь уже никакого разговора. Тут вопрос шел, чтобы я сдал должность и уходил. Никакого введения новых элементов или расширения базы, тут не было разговора. Я остаюсь при моем тогдашнем убеждении, которое тогда высказывал, что это был единственный вечер, может быть, когда Львов был более или менее искренен, и действительно, зная грядущие события, может быть, совесть в нем заговорила или испугался, но, несомненно, он хотел спасти меня от чего-то. Это подтвердил разговор в автомобиле, когда при Вырубове я нарочно сказал, что переменил решение и поеду в Ставку, сказал, чтобы проверить его. И тогда он схватил за грудь и говорит: «Спаси Бог. Вы ради Бога не ездите, п[отому] ч[то] дело Ваше там плохо». Это было в присутствии Вырубова.

Председатель. Он Вам подробности какие-нибудь рассказывал, собственно, почему, или только требование предъявил или ультиматум?

Керенский. Ультиматум. Он сказал: «Я имею поручение от ген. Корнилова». Я сказал: «Ныне созвано вечернее заседание правительства». Он сказал: «Сейчас же садитесь в поезд и немедленно должны ехать в Ставку».

Председатель. Он подробно Вам рассказывал или какие-нибудь имел сведения?

Керенский. Нет, он изложил. Очевидно, он хорошо знал, п[отому] ч[то] и устно, и письменно излагал точно. Это введение военного положения, затем передача власти и отставка. И 4-й пункт, который, говорит, лично для Вас немедленный отъезд. И поэтому, т.к. на бумаге не было, я хотел восстановить в ленте. И для меня после разговора в ленте самое решающее значение, одно из самых важных имело то место, когда я спрашивал по ленте: предложение о приезде относится ко мне или также к Савинкову? П[отому] ч[то] Львов говорил мне, что поездка предложена как Вам, так и Савинкову. Что Корнилов одинаково настаивает на немедленном приезде Вашем и Савинкова. Поэтому я и задал такой конкретный вопрос сейчас: что относится ли предложение о приезде только ко мне или к Савинкову? И вот категорический ответ насчет Савинкова, и затем такое заявление, что только крайние обстоятельства заставляют его к этому прибегать. Для меня стало совершенно очевидным, что Львов в курсе дела.

Председатель. Значит, записку эту читал Вырубов?

Керенский. Я подал и говорю: «Читайте».

Председатель. Какое впечатление произвело на Вырубова?

Керенский. Он говорит: «Что же делать?» Я говорю: «Вот какие меры принимают». Затем Львова арестовали.

Председатель. Т[ак] ч[что] Львова тогда не было?

Керенский. Вырубов вышел, и Львов вышел. И затем, я просил, чтобы был своевременно на прямом проводе. Я вызвал Балавинского[1]. Тут все пришлось организовывать для того, чтобы установить это все.

---

[1] В тексте фамилия указана ошибочно: *«Балабинского»*.

Ч. Ч. с. к. Раупах. Значит, Львов предложил эти пункты не как мнение Корнилова, не как совет, а как требование, как ультиматум?

Керенский. Ни о каком мнении разговора не было, а был ультиматум, требование. И затем, второе, что для меня в ленте было, это вопрос, который я задал, то, что для меня было нужно. И здесь, когда я вел разговор со Львовым, я старался выяснить и повторил вопрос в присутствии Балавинского, что, собственно говоря, это нужно поехать только в том случае. Мне хотелось знать, действительно они верят в большевизм или это есть предлог. Я им задал вопрос: «Все это нужно только в том случае, если будет действительно наступление большевиков?» Я говорил: «Если никаких выступлений большевиков не будет, все равно надо поехать?» — «Все равно». Поэтому вопрос я задал Корнилову. Не помню, как на ленте.

Ч. Ч. с. к. Раупах. «Необходимо ли мне приехать?»

Керенский. «Только в случае события или во всяком случае?» Ответ: «Во всяком случае». Т[ак] ч[что] эти два человека, находящиеся на большом расстоянии и не зная, что говорил Львов, Корнилов и Львов отвечали на те же вопросы совершенно одинаково. И затем, третий раз, когда вернулся Львов и был Балавинский, я при нем задал вопрос...

Председатель. Львову?

Керенский. Да. Ехать ли во всяком случае или только если будет выступление большевиков? Я наверное знал, что никаких большевистских выступлений не будет.

Председатель. Т[ак] ч[что] арест Львова был решен Вами после разговора с Корниловым и в связи с предстоящей поездкой?

Керенский. Нет, в связи с тем, что для меня совершенно было ясно, что это человек, который участвовал, что-то знает и говорит правду, и что он особенно в первом разговоре довольно часто употреблял «мы».

Председатель. Кому же, г. министр, в порядке постепенности Вы изволили рассказать об этом эпизоде со Львовым и Ваш разговор с Корниловым?

Ч. Ч. с. к. Крохмаль. Я хотел задать вопрос: каким образом получился этот документ?

Керенский. Ах, это получилось очень просто. Здесь показано. Он изложил все устно и требовал от меня категорически. Я ему ответил: «Вы сами понимаете, Владимир Николаевич, если я приду во Временное правительство и сделаю такое заявление, что создалось такое положение вещей, ведь все равно никто не поверит, и сочтут меня за сумасшедшего или пошлют раньше проверить и спросить, делал ли мне такое заявление Корнилов и давал ли Корнилов такой приказ. Я же буду в глупом положении. Какое я имею право? Я Вам доверяю, я отлично Вас знаю, но не могу же я говорить». Он говорит: «Нет, я ручаюсь». — «Если Вы ручаетесь, так напишите». Он говорит: «С удовольствием, п[отому] ч[то] я, как Вы знаете, никогда неправды не говорю». Хотя он иногда и прибавляет. Взял и написал это.

Ч. Ч. с. к. Раупах. Это было до разговора по ленте?

Керенский. Это было до разговора. И вот эти пункты я показал Вырубову и затем поехал говорить по ленте.

Ч. Ч. с. к. Раупах. Львова не было с Вами?

Керенский. Он опоздал, но приехал. Когда мы спустились, он подымался. Поэтому я и прочел весь разговор по ленте, чтобы он подтвердил.

Ч. Ч. с. к. Раупах. Разговор шел от Вашего имени и от имени Львова?

Керенский. Да. Он сказал мне, что, может быть, запоздает несколько. Но т.к. Корнилов был около 20 минут, то я согласно этому разговору эти вопросы задавал от имени двух.

Ч. Ч. с. к. Раупах. Почему Вы считали необходимым от имени двух говорить? Чем это было вызвано? Так было удобнее с Корниловым разговаривать?

Керенский. П[отому] ч[то] Львов от Корнилова ко мне приехал. Он сказал, что исполняет поручение Корнилова. Мы так условились, что будем говорить вместе со Львовым. Когда мы спустились, он шел навстречу. Львов говорит: «Что же, Александр Федорович, я верным другом оказался? Не обманул Вас?» Я говорю: «Нет».

Ч. Ч. с. к. Раупах. Это после разговора?

Керенский. Когда спускались, он подымался к нам навстречу. Я говорю: «Не обманули». А затем поехали вместе сюда и потом поехали дальше.

Ч. Ч. с. к. Раупах. Здесь в присутствии Балавинского?

Керенский. Здесь в присутствии Балавинского в основных чертах то, что нужно было, повторил. А, главное, мне важно было не столько слова, сколько установить, чтобы был свидетель, чтобы установить тон и ту взволнованность, серьезность исключительную, которую придавал всему этому сам Львов.

Ч. Ч. с. к. Колоколов. А Львов знал, что Балавинский присутствовал?

Керенский. Нет, не знал.

Председатель. Кому же в порядке постепенности Вы изволили передать это предложение Львова и разговор с Корниловым по ленте, и когда прочитали эту ленту и записку, не было ли каких-нибудь возражений со стороны Ваших товарищей?

Керенский. Видите, было так. Затем мы вернулись. Был разговор. Львов был арестован. Тут, кажется, собрались, насколько я помню, Некрасов, Балавинский, кажется, был. Я не помню, Терещенко приехал в это время или нет. Я помню, что мест довольно много было занято за этим столом, но кто был, не помню. Потом Савинков пришел.

Председатель. Никто, ознакомившись с этой лентой и ознакомившись с запиской, не сделал возражений Вам по этому поводу?

Керенский. Савинков предлагал сейчас же переговорить с Корниловым по прямому проводу. Это я помню.

Председатель. А вот не возникало ли сомнения у министров в том, что не напутал ли Львов, что, собственно, лента и доклад Львова могут не соответствовать, не восполнять друг друга?

Керенский. Я только помню хорошо предложение Савинкова, чтобы ему предоставлена была возможность с Корниловым переговорить по прямому проводу, это я помню. И затем, когда я читал во Временном правительстве все это одно за другим, тогда тут никакого возражения не было, насколько я помню. Может, потом и было, но я не помню.

Председатель. Т[ак] ч[то] вслед за тем было созвано заседание с 26-го на 27-е, и там изволили тогда?..

Керенский. Заседание должно было быть в этот день, и тогда я все подробно изложил, как что было. И посещение Львова, и весь этот эпизод. И затем предложил тогда, ведь наше предложение сводилось тогда к тому, чтобы Корнилов сдал должность и больше ничего[57].

Председатель. А не предложено ли было министрами Вам или Вами министрам ввиду сложившегося положения, ввиду мятежа, который налицо, предоставить Вам особые полномочия, всю полноту власти для борьбы с контрреволюцией?

Керенский. Да, я не помню, в какой форме, но я, кажется, не предлагал, чтобы всей полноты власти, в такой форме[1]. Но указывал на необходимость,

[1] Так в тексте.

чтобы мне была предоставлена некоторая свобода действий. Я считал, что иначе тогда нельзя было поступить.

Председатель. Значит, уже Временное правительство обсуждало в этом заседании с 26-го на 27-е вопрос о мятеже, с которым мы имеем дело?

Керенский. Я не помню, употреблялось ли слово «мятеж». Вообще о чрезвычайно серьезной обстановке и явном неповиновении Корнилова, не то неповиновения[I], не то попытке ниспровержения.

Председатель. Кем и когда была составлена и отправлена первая депеша Корнилову об отставлении[II] его?

Керенский. Ах, вот я забыл еще сказать, почему они хотели, чтобы я ехал туда, на чем они настаивали, видимо. Львов неоднократно повторял, что самое важное для них — это именно то, чтобы произошла легальная передача власти, чтобы не было захвата, а чтобы это все-таки было формальное постановление. На этом они, видимо, очень настаивали. По крайней мере, раза три возвращался, что чрезвычайно важно для них, чтобы было постановление правительства о передаче, чтобы в легальной форме было сделано.

Ч. Ч. с. к. Раупах. Скажите, пожалуйста, что, сдача портфелей министрами на этом ночном совещании не вызывалась стремлением предоставить Вам более широкой власти для борьбы с мятежом?

Керенский. Да. Положение было такое. Ведь перед этим уже довольно трудное взаимоотношение во Временном правительстве, и здесь едва ли могли быть все меры приняты, т.к. не было сплоченности и солидарности в правительстве по целому ряду вопросов. В особенности противопоставление с одной стороны, Кокошкин и Чернов. Это были элементы, которые едва ли могли быть.

Ч. Ч. с. к. Раупах. Т[ак] ч[то] с этого момента, когда портфели были Вам вручены, Вы считали, что вся полнота власти принадлежит Вам?

Керенский. Нет, я не считал, п[отому] ч[то] отставки не принимал. Задача заключалась в том, чтобы создать возможность сделать перегруппировку в министерстве. На этом создалось некоторое обострение к кадетам, которые подавали в отставку, которая не была принята. Тут и выяснилась некоторая разница отношения к событиям. Большинство министров продолжали исполнять обязанности и фактически всемерно содействовали прекращению. Одним словом, фактическая работа шла такая. И небольшая очень часть сейчас же поставила чересчур формально и решительно устранилась от малейшего прикосновения к Временному правительству, пока не выяснится обстановка.

Ч. Ч. с. к. Раупах. Я этот вопрос предлагаю, потому что увольнение Верховного главнокомандующего возможно ведь только указом правительства.

Керенский. Это и было сделано до отставки.

Ч. Ч. с. к. Раупах. А был указ, постановление правительства об увольнении Корнилова?

Керенский. Это сейчас же решили.

Председатель. И он имеется в письменной форме?

Керенский. Я не знаю, имеется ли в письменной форме. Т.к. было бурное заседание...

Ч. Ч. с. к. Раупах. Т[ак] ч[то] увольнение не было актом явно Вашим, а это было постановление правительства?

Керенский. Я не могу сказать, было ли постановление зафиксировано. Во время заседания сидит управляющий или кто-нибудь из Канцелярии Временно-

---

[I] Так в тексте.

[II] Так в тексте.

го правительства и потом вносит в журнал. Насколько я помню, мое предложение заключалось в том, что необходимо немедленно предложить Корнилову сдать должность. Это я заявлял.

Ч. Ч. с. к. Раупах. Не помните, как была редактирована телеграмма, от имени Вашего или что Временное правительство предлагает?..[I]

Керенский. Телеграмма была наспех составлена.

Раупах. В исходящий журнал не была внесена?

Керенский. Она очень наспех была составлена, нужно помнить обстановку той ночи.

Раупах. Но она должна иметься, она была передана по прямому проводу. Здесь она должна иметься. Там мы ее найти не могли.

Керенский. Где там?

Раупах. В Ставке. Там ее не оказалось.

Керенский. То есть как не оказалось?

Шабловский. Она оказалась затерянной. Она была взята Корниловым, бралась в Штаб, пользовались ею как показанием, но там ее не оказалось. Подлинника мы не получили.

Керенский[II]. Здесь все время были министры Некрасов, Терещенко, Скобелев. Они были тут в ту ночь и на другой день, и здесь в Малахитовом зале я неоднократно имел с ними собеседование. Затем, я говорил, небольшая группа министров подчеркивали, что они больше не министры, но я говорил им, что, значит, они сами вышли в отставку, потому что отставка членов Временного правительства не принята и они юридически должны продолжать свои обязанности.

Раупах. Так что увольнение Корнилова было актом не лично Вашим, а постановлением Временного правительства? Это очень важно.

Керенский. Это было предложено во Временном правительстве до вручения мне отставок. Это несомненно. Я сделал подробный доклад и сделал из этого доклада соответствующий вывод. У нас и раньше существовала, еще при Львове, группа, так называемый Комитет обороны[58]. Без этого невозможно обойтись в деле управления. И сейчас мы систематически каждое утро собираемся: одна группа по управлению, другая — по экономике, чтобы в скорейшем порядке разрешить вопросы, не требующие отлагательства, и если там будет какое-нибудь решение, то оно уже проходит.

Шабловский. Что произошло, г. министр, после отправки первой телеграммы в хронологическом порядке? Какие были возражения ввиду вырабатывающегося сообщения министра-председателя от 27 августа?

Керенский. Кажется, возник вопрос о желательности задержать эту телеграмму, и она была задержана, кажется... Собственно, о какой телеграмме идет речь?..

Шабловский. О сообщении от Вашего имени от 27 августа.

(Один из членов Комиссии дает Керенскому ту телеграмму, о которой идет речь.)

Шабловский. Не было ли возражений против посылки этой телеграммы?

Керенский. Были возражения, говорили, что дело, может быть, кончится компромиссом. Говорили это те, которые держались точки зрения, наиболее ярко выраженной потом П.Н. Милюковым, который явился с предложением

[I] Отточие документа. Далее на следующей странице повтор: *«Раупах. Вы не помните, как была редактирована телеграмма: от имени Вашего или Временного правительства?»*

[II] Фамилия *«Керенский»* вписана карандашом над фамилией *«Некрасов»*.

посредничества и с заявлением, что я должен понимать, что вся реальная сила на стороне Корнилова.

Шабловский. Тут у нас возникает вопрос относительно лиц.

Керенский. Пока не выяснилось окончательно, что мои предсказания были правильны и что они окажутся в таком случае в безвоздушном пространстве. До последней минуты была масса сторонников именно компромисса или, правильнее сказать, фактической сдачи позиции Корнилову, и, кроме того, был массовый исход из места, заведомо обреченного на гибель. Была одна такая ночь, когда я почти в единственном числе прогуливался, не потому, что не хотел ни с кем действовать, а просто была такая атмосфера, что полагали более правильным быть дальше от гибельных мест.

Шабловский. А не было ли у Вас разговора по поводу создавшегося положения с Терещенко, Дутовым, Карауловым, Савинковым?..

Керенский. Эти разговоры никакого отношения к телеграмме не имеют. Дутов[I] и казаки находились, насколько я помню, в тот же день ночью[II].

Шабловский. Да, так.

Керенский. Но отношения к телеграмме не имели. Они приходили и говорили, что желали бы поехать для посредничества, для урегулирования[III]. И я сказал, что дам соответствующее разрешение, но на другой день, когда последовал следующий акт со стороны Корнилова, т.е. явный отказ от повиновения и объявление нас немецкими агентами, я уже сказал, что при теперешних условиях никаких посредничеств, никаких поездок для урегулирования не может быть, так как вопрос перешел в совершенно другую стадию. Они, кажется, выражали претензию, что я сначала сказал, что пропуск дам, а потом не дал, но я им ответил, что изменилась решительным образом обстановка.

Раупах. А предложения Якубовича, Туманова, Савинкова, Лебедева пойти на компромисс?

Керенский. Я не помню разговора с Якубовичем и Тумановым. С Савинковым был разговор, чтобы была предоставлена ему возможность переговорить по прямому проводу.

Раупах. А после того он не говорил, что есть еще возможность?

Керенский. Ему была предоставлена[IV] возможность говорить по прямому проводу, и он говорил целый день. А когда пришла телеграмма, Вы ее помните, вероятно, то он, прочитав ее, дал мне расписку, что прочитал такой-то № и заявляет, что это клевета, что от моего имени он переговоров не вел и вести не мог и что это заявил по прямому проводу Корнилову.

Раупах. А этот разговор не послужил ли основанием к тому, что Савинков указывал, что возможно...

Керенский. Это было ночью...

Раупах. После переговоров по прямому проводу?

Керенский. Может быть, я не помню.

<*Раупах.* Я, собственно, хочу выяснить о всех лицах, о>[V] которых говорится здесь.

I В тексте фамилия напечатана ошибочно: *«Дудов»*.

II Так в тексте.

III Слово *«урегулирования»* впечатано над зачеркнутым *«уговоров»*.

IV Слово *«предоставлена»* впечатано над строкой.

V Далее текст обрывается, листы перепутаны. (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 2. Л. 55, 56). Продолжение текста см.: Там же. Л. 57. Текст, заключенный в угловые скобки, повторяется дважды.

Керенский. Тут лица совершенно разные, их нужно разгруппировать в разные стороны. Что касается казачьего посещения, то они хотели вовремя до Ставки доехать. Для меня совершенно несомненно, что они принадлежали к той группе лиц, как и Милюков, которые были убеждены, что победа будет на стороне Корнилова, а не на стороне революции.

Раупах. На стороне реальных сил?

Керенский. Да, они очень настаивали, чтобы их пустить, я согласился, но затем, когда изменилась обстановка, я в пропуске отказал. Никакого отношения по существу это к телеграмме не имеет. Затем, нельзя в одну кучу все эти лица смешивать: что касается Якубовича и Туманова, то вообще я не помню разговора с ними. Может быть, они и говорили со мной, но это был столь ничтожный разговор, что я его не помню. Я знаю только одно: когда я спросил, почему я не вижу ни Туманова, ни Якубовича, то мне было сказано, не помню кем, кажется, Савинковым, что на Туманова так все подействовало, что он в очень угнетенном состоянии находится. А перед этим, насколько я помню, я, кажется, просил пригласить кого-либо на помощь по организации сопротивления, и тогда был вызван Пальчинский, и Половцов, кажется, появлялся и еще кто-то. Но то, что я помню твердо, это было предложение Савинкова переговорить, затем 29-го был Милюков, затем в заседании Временного правительства, когда мы обсуждали этот вопрос, кажется, накануне уже кризиса, то часть правительства высказалась за необходимость, так сказать, компромиссного решения ввиду соотношения сил и необходимости не вызывать потрясений. Некоторые аргументировали это тем, что неизбежно усилится течение большевиков. Разные были разговоры, но это было уже в другой плоскости, в плоскости оценки соотношения сил. Я стоял на определенной линии, что тут нет двух сторон, а есть Временное правительство и нарушивший свой долг генерал. Была группа лиц и общественного мнения, которая считала, что есть две стороны, которые равноправны и в борьбе за власть, и в ведении между собою, так сказать, мирных переговоров, и в обращении к посредничеству. Я считал, что такой путь наносит решительный удар идее революционной власти, ее единству с момента революции, и поэтому на этот путь двух лагерей, переговаривающихся через посредников, я встать не мог и считал, что нарушил бы присягу, если бы встал на него...

Раупах. Предложений переговоров ввиду возможности недоразумений не было?

Керенский. Савинков делал предложение...

Раупах. После разговора по ленте?.. А Терещенко и Лебедев?

Керенский. Про Лебедева не помню. Скорее, наоборот. Лебедев очень недоверчиво относился к роли Филоненко в этом деле, и уход Филоненко был вызван, собственно говоря, сообщением Лебедева о некотором разговоре, который происходил в Штабе. А Терещенко — да, Терещенко одно время был сторонник системы соглашения и даже в одном из заседаний говорил таким образом, что это дело надо ликвидировать так, чтобы обоих за штат отправить — и Керенского, и Корнилова, обе стороны удовлетворить взаимным жертвоприношением.

Шабловский. Кем было составлено обращение к областным губернским комиссарам за Вашей, г. министр, подписью?

Крохмаль. Виноват, а кем составлено сообщение 27 августа[1]?

Керенский. Не помню.

---

[1] Здесь имеется в виду сообщение об отставке Л.Г. Корнилова.

Шабловский. А губернским комиссарам?

Керенский. Тоже не могу сказать.

Шабловский. Нас интересует роль Некрасова. Не была ли это его редакция.

Керенский. Какая же особая роль Некрасова, никакой такой особой роли Некрасова не было.

Шабловский. В связи с заметкой, в которой говорится, что Временное правительство готово было воздержаться от депеши, которая объявляла заговор, но Некрасов поторопился это сделать и сделал вопреки мнению правительства, поставив правительство перед совершившимся фактом в смысле печатания.

Керенский. Не помню. Я помню, что телеграмма, которая должна была идти по радиотелеграфу, была задержана просто потому, что мы считали, что не следует чрезмерно возбуждать общественное[I] настроение.

Шабловский. А как относительно Крымова, отряда 3-го корпуса, было отдано распоряжение о задержке, о порче пути и т.д.? Вызывались они документами или[II] опасением каким-нибудь мало обоснованным своевременно[III], только вследствие создавшейся обстановки Крымов оказал явное неповиновение распоряжениям Штаба? Что, собственно, было на самом деле?

Керенский. Я убежден, что Крымов был участником и лично шел, и небольшое количество офицеров с ним, с совершенно определенными видами. Это даже доказывает небольшой штрих: когда он застрелился, один офицер, кажется, Багратион, хорошо не помню, сказал: «Теперь все концы в воду канули». Распоряжение остановить движение он не исполнял и продолжал двигать войска.

Шабловский. Так что распоряжения если делались, то вызывались документами.

Керенский. Да, сообщениями о месте нахождения соответствующих частей. Главную роль здесь играли железнодорожники, которые осведомляли о малейших изменениях.

Шабловский. Когда прибыл Филоненко из Ставки, что, собственно, он доложил?[IV]

Керенский. Для меня посещение Филоненко было не совсем понятно. Не знаю, собственно, зачем он появлялся. Я спросил: «Как Вам удалось проскочить?» Он ничего мне не докладывал, пока я его не вызвал сюда. Я его видел в ночь, когда я пришел в Штаб. Туда явился Филоненко, и Савинков заявил, что желает, чтобы он был его ближайшим помощником. Я на это возражал, но, в конце концов, так как я считаю, что ближайший руководитель может выбирать себе помощников на свою ответственность, я не возражал против этого, а на другой день, кажется, он пробыл здесь одну ночь или две, помощником объяснилось, что он вел несоответствующий с генералом Корниловым разговор, я вызвал его сюда, и здесь он признался, какой разговор вел, т.е. просто изложил разговор и потом давал целый ряд комментариев. Савинков, нужно сказать, очень доверчивый человек, и раз поверил человеку, очень долго не замечает никаких недостатков. Филоненко сказал, что когда Корнилов говорил с ним о диктатуре, то он сказал, что против личной диктатуры и отказался, а когда Корнилов предложил диктатуру групповую в составе Корнилова,

---

I Далее зачеркнуто: *«мнение»*.

II Союз *«или»* впечатан над строкой.

III Так в тексте.

IV Далее текст обрывается, листы перепутаны. (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 2. Л. 59, 60, 61). Продолжение текста см.: Там же. Л. 55, 56 и далее Л. 60.

Керенского, Филоненко и Савинкова, он в такую комбинацию он[I] войти готов. Я, конечно, считал, что это настолько недопустимый разговор, ведь всякий мог предположить, что у него есть какие-нибудь основания так говорить, раз он является уполномоченным от центральной власти при Верховном главнокомандующем, что дальше продолжать свои обязанности он не может. Я думал сначала даже его арестовать, но потом решил, что это можно будет и потом сделать, а пока предложил ему освободить это место.

Шабловский. Вообще продвижение служебной карьеры Филоненко вызывалось его личными качествами, или это был протеже Савинкова?

Керенский. Савинков до встречи с ним во время отступления и операций на Юго-Западном фронте очень плохо его знал, по крайней мере, когда Филоненко в разговоре перед назначением к работе в армии ссылался на Савинкова, то Савинков сказал, что он его очень мало знает. Филоненко был один из молодых военных, который много сделал по организации комиссариата и посылки на фронт комиссаров, спасая не только уговорами, но и фактическим участием в наступлениях. Это комиссары личного примера. Он сам проявил большое мужество в 8-ой армии во время наступления, и здесь они сошлись. Затем, когда было неизбежно назначение Корнилова, я его учитывал, и мое намерение было назначить при нем верховным комиссаром Савинкова. Я дальше этого не шел, но Савинков сказал, что он полагал бы более правильным, если бы Филоненко был комиссаром, потому что он привык к Корнилову, с ним работал. Я Филоненко раз видел в Петрограде, потом видел в то время, когда был день в районе 8-ой армии, но почти никогда с ним не разговаривал и потом видел его в Ставке после совещания 16 июля.

Шабловский. На нас произвело впечатление в[II] показании Савинкова отстаивание Филоненко. Он отождествлял его даже [с] собою. Когда Вам угодно было его устранить, то Савинков чуть ли не ставил это в зависимость от своего ухода.

Керенский. Я говорил Савинкову: «Я Вам вполне доверяю. Я нахожу, что Вы можете делать ошибки, что нисколько не сомневаюсь в Вашей преданности революции, но я совсем не знаю Филоненко». Действительно, это особая черта Савинкова отстаивать преданных ему людей до конца, и он каждый раз ставил вопрос о Филоненко как о себе лично. Когда я Филоненко предложил немедленно сложить с себя обязанности, то Савинков поставил вопрос о своем уходе, и мне пришлось немножко оттянуть. Но я считал, что невозможно, и тогда Савинков сам (газеты неверно сообщают)[III] категорически заявил, что не желает со мной больше служить, т.к. новое назначение Верховского и Вердеревского он не одобряет и категорически настаивает на отставке.

Шабловский. Не было ли у правительства каких-либо данных при предании суду Корнилова, Лукомского, Кислякова, Деникина и Маркова, чего-нибудь такого, чего у нас нет, каких-нибудь сведений, которые мы упустили допросить? Мы производили расследование сейчас в Петрограде, допрашивая отдельных лиц, но, может быть, у правительства есть что-нибудь, чего мы не знаем?

Керенский. Насколько я знаю, преданы были суду все те, которые активно проявили себя в деятельности после формального отчисления Корнилова. Кисляков продолжал делать соответствующие распоряжения. Лукомский — его позиция совершенно определенна. Деникинская история и Маркова[59] Вам известна.

Шабловский. Особых докладов не было?

I Так в тексте.

II Предлог *«в»* впечатан над строкой.

III Пояснение документа.

Керенский. Напротив, телеграммы и дальнейшее поведение Лукомского для меня было неожиданностью. Я не думал, что Лукомский пойдет этим путем. Я и сейчас думаю, что, вероятно, Лукомский один из последних примкнул. Все-таки суть этого дела, несомненно, в Завойко и Аладьине.

Раупах. Вопрос, который только что предложил председатель, нас интересует, потому что в редакции было указано, что они предаются суду за мятеж. Какие фактические данные свидетельствовали о том, что они участвовали в мятеже?

Керенский. Это Вы переходите в область квалификации того преступления, которое они совершили. Мы считали, что явное неповиновение и отказ от сдачи должности с теми призывными прокламациями, которые издавал Корнилов, был мятеж, и вообще участники и сторонники в этом деле являются соучастниками мятежа, так что квалификация по главному виновнику. Я не знаю, какая еще другая квалификация.

Раупах. Но степень участия Кислякова, Лукомского, Деникина и Маркова?

Керенский. У нас, кажется, вообще предполагается так, что если Временное правительство принимает меры, то оно является организацией мятежнической. Но это зависит от точки зрения. Для меня несомненно, что генерал, который позволяет себе называть Временное правительство агентами немецкого штаба и объявляющий себя властью, есть мятежник. Я не знаю, в чем неправильность квалификации.

Раупах. Я против квалификации не возражаю, но были данные против Деникина, Лукомского, Кислякова, Маркова и других?

Керенский. Они продолжали сотрудничать с восставшим генералом — совершенно определенные данные. Когда ген. Лукомскому предлагается принять должность Верховного главнокомандующего, что он обязан сделать по закону, и в случае его сопротивления его арестовать, то он заявляет, что он не может этого сделать, потому что он на стороне Корнилова...

Керенский[I]. ...Что он не может этого исполнить, потому что он на стороне Корнилова.

Председатель. Вот, затем, по поводу Новосильцева, как произошел арест его, не было ли какого-либо доклада по поводу действий Новосильцева, как его арестовали?

Керенский. Новосильцев ведь был арестован по местной инициативе[II].

Председатель. Ведь он председатель Главного комитета, но он не находился там...

Керенский. Он уезжал в то время.

Председатель. Как будто бы приказ об его аресте был отсюда тоже.

Керенский. Я думаю, что если был приказ, то это был приказ в порядке административном, ведь правительство, военный министр и министр внутренних дел имеют право арестовать, вообще, кого мы хотим, по нашим соображениям.

Председатель. Я только в смысле сведений, г. министр, быть может, были у Вас сведения?

[I] Так в тексте.

[II] Протокол допроса председателем Судебно-следственной комиссии Витебского Совета солдатских депутатов К.И. Болдескулом командира 19-й ополченческой батареи Л.Н. Новосильцева [не ранее 29 августа 1917 г.] см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 52. Л. 45; показание Л.Н. Новосильцева, данное Чрезвычайной комиссии, от 2 сентября см.: Там же. Д. 52. Л. 48–61 об.

Показание командира 19-й ополченческой батареи Л.Н. Новосильцева от 26 сентября 1917 г. см.: Там же. Д. 28. Л. 216–217. Автограф.

Керенский. Нет, но лично, субъективно, я этого доказать не могу, быть может, в условиях нашего розыскного дела, но часть Союза офицеров, и именно Главного комитета, была весьма близка ко всяким попыткам и к этой попытке. Вот я и говорю, что в заговор, который здесь готовился офицерскими частями, часть офицеров входила, и все телеграммы были явно такого характера, они все подписывались Новосильцевым. Как он вел себя во время этого дела, если бы он не отсутствовал, то, я думаю... Если бы, я думаю, скажем, например, Дюсиметьер[I] появился, ведь тогда он скрылся, когда его хотели арестовать, и этим самым в известной мере подтвердил подозрение, но если бы он появился, он прекраснейшим образом был бы восстановлен в своей должности. Он офицер Генерального штаба, нужно подтвердить, а мы ничего, кроме явного пристрастия и произвола, в этом отношении предъявить не могли бы, он бы мог служить.

Председатель. Опять-таки в связи с газетными заметками. У нас не было показаний Алексеева, а в газетах было относительно[II] приказаний полковнику Короткову взять Могилев, был ли дан приказ в период накопления войска?

Керенский. Да, кажется, был. Дело в том, что, к счастью, это все потом обнаружилось. Моя линия поведения, к счастью, была доведена до конца, она заключалась в том, чтобы мирным путем ликвидировать эпизод и по возможности без всяких эксцессов, и тогда же был вызван генерал Алексеев, который тогда взял на себя очень трудную миссию, а в это время мы были осаждаемы целым рядом...

Председатель. Требований?

Керенский. Не только требований, но и отчасти потом оказавшихся фантастическими сведениями вроде окружения Могилева фортификационными сооружениями, установки пулеметов и орудий на склоне губернаторской горки и губернаторского сада, и, кроме того, всюду спонтанейно[III] начали возникать отряды, которые начали стремиться к Могилеву, и, в конце концов, Московский военный округ[60].

Председатель. По поводу вот движения эшелонов...

Керенский. Командующий Московским военным округом, даже когда генерал Алексеев уехал туда в Ставку, очень категорически настаивал, чтобы ему было немедленно разрешено двинуть комбинированные отряды по направлению к Могилеву. И вот, когда Корнилов сам появился в Орше, я дал телеграмму о том, чтобы он подготовлял, организовывал, но чтобы он действовал в контакте. Таким образом, все сводилось в известные рамки.

Председатель. Так что все это движение отдельных частей, и в частности, вот это самое организованное Московским военным округом, оно обязательно повиновалось Временному правительству?

Керенский. Нам, собственно, нужно было в известном отношении действовать. Я лично всем этим сведениям не особенно доверял, но, во всяком случае, нужно было считаться со всеми этими слухами, с тем, что если бы мы не приняли никаких мер, а потом оказались бы все эти слухи действительностью, то я тогда оказался бы уже окончательно предателем и контрреволюционером, и мне тогда было бы уже не выкарабкаться никогда. Здесь еще достоверным оказалось то, что действительно осадное положение было введено в Могилеве, и некоторый террор довольно серьезный был. Корнилов там прямо говорил, что тех, кто против него, он расстреляет, и в этом отношении это совершенно

I В тексте ошибочно: *«де-Семитьер»*.

II Далее зачеркнуто: *«показаний»*.

III Так в тексте. Вероятно, *«спонтанно»*.

спасает, собственно говоря, всех участников, так как каждый из них имел основанием действовать под террором, создавшимся в Могилеве.

Председатель. Потом вот у нас пробел в смысле Крымова, так как он не был у нас допрошен, поэтому Комиссия покорнейше просит сказать, были ли у Вас какие-либо объяснения?

Керенский. Я могу Вам всю сцену восстановить, потому что эта сцена у меня осталась в памяти.

Председатель. Какие сведения были до момента его появления вообще о движении его корпуса?

Керенский. Видите ли, мы послали к нему офицера, который когда-то у него служил с ним вместе, для того, чтобы он разъяснил ему обстановку уже тогда, когда наши телеграммы оставались без впечатления. Миссия эта, так сказать, удалась, и с этим офицером — генералом[I] Самариным — ген. Крымов сюда приехал. Затем мне было доложено, что явился ген. Крымов, я вышел к нему, просил войти в кабинет, и здесь у нас вот был разговор. Кажется, насколько я помню, здесь присутствовал еще ген. Якубович, товарищ военного министра. Вначале ген. Крымов говорил, что они шли отнюдь не для каких-либо целей, что вот они были направлены сюда в распоряжение Временного правительства, что, по их сведениям, они должны были оказать здесь нам содействие, и что как только выяснилась обстановка, что никто никогда и не думал идти против Временного правительства, что как только выяснилась соответствующе вся обстановка, то все недоразумение это разъяснилось, и что он даже имеет по этому поводу и приказ, он вначале этот приказ не показал, я никаких оснований сомневаться в том, что он лично был введен в заблуждение, не имел, и затем, видимо, у него было, может быть, инстинктивное, а может быть, сознательное некоторое колебание, но затем он отдал этот приказ, который был явно определенного содержания.

Председатель. Вы изволили мне его передать.

Керенский. Вы знаете его, он написан очень ловко. Я прочел этот приказ, я знал Крымова и относился всегда с очень большим уважением к нему как к человеку с определенными убеждениями, но очень честному и порядочному, я подошел к нему вплотную, в это время он также встал, он увидел, что на меня приказ произвел не особенно хорошее впечатление, он подошел сюда, к этому столу, я подошел к нему вплотную и сказал: «Да, я вижу, генерал, что Вы действительно очень умный человек, благодарю Вас». После этого он увидел, что для меня уже ясна его роль в этом деле. Потом я Вам, кажется, говорил, я Вас вызвал[II].

Председатель. И передали приказ?

Керенский. Во время этого разговора он мне сказал, что он находился в Ставке, что они там выработали дислокацию и положение о введении осадного положения в Петрограде, затем говорил о том, что предполагалось Петроград по этому плану разделить на военные комендатуры, и затем, вот ему главное, что невыносимо было, это то, что было установлено уклонение его от истины: во-первых, то, что он не сразу откровенно сказал о своей роли, а во-вторых, потому, что там приказ ведь начинается этими словами: «Из Ставки мне сообщили и по моим личным сведениям в Петрограде происходят бунты и т.д.» Когда я его спросил, какие же он основания имел от своего личного имени заявлять таким образом, он принужден был сослаться на неизвестно откуда, неизвестно

[I] Так в тексте. Правильно — *«полковником»*.

[II] Далее зачеркнуто: *«и передал Вам приказ»*.

куда проезжавшего офицера, вообще он никакого объяснения этого факта не мог дать. После этого я расстался, т.е. отпустил его, не подав ему руки.

Председатель. У меня общих вопросов нет, может быть, господа члены имеют вопросы?

Колоколов. Я имею вопрос.

Керенский. Я должен так сказать, общее заключение этого показания, сам от себя сказать. Скажу, что очень трудно, я думаю, что трудно и для Следственной комиссии невозможно будет установить, собственно говоря, действительную картину и действительных лиц, принимавших участие, потому что в этом вина[1] уже и администрации и наша, что мы не можем тех материалов, которые имела бы возможность предъявить старая власть, мы их предъявить не можем, но для меня лично совершенно несомненно, что за Корниловым работает совершенно определенная группа лиц, связанная не только готовящимся планомерным заговором, но и обладающая большими материальными средствами и располагающая возможностью получать некоторые средства из банков, это для меня совершенно несомненно.

Либер. Один вопрос, Александр Федорович. Когда предполагалось введение осадного положения в Петрограде, не предполагало ли правительство, что оно может встретить противодействие и, во всяком случае, резко отрицательное со стороны Советов отношение, если предполагалось, то не предполагалось ли принять какие-либо меры?

Керенский. Я могу сказать, что если вообще могли быть разговоры о большевиках, то разговоров о Советах, которые в то время были не большевистскими, и Центральном комитете — никаких не возникало.

Либер. Я должен определенно Вам сказать, что Савинков показывал, что это играло очень большую роль, он определенно показывает, что возможно было ожидать именно противодействия со стороны Советов, и если бы подобные предположения о сопротивлении могли иметь место, то, конечно, корпус мог бы пригодиться и для этого. Для нас важно установить вообще, было ли подобное предположение правительством обсуждаемо или нет?

Керенский. Видите ли, самая конструкция правительства Вам дает представление, что о Центральном комитете и о Совете как таковом и разговоров таких быть не могло, и затем само введение военного положения не предполагалось делать в форме, такой одиозной и неприемлемой для широкого общественного мнения, и, в-третьих, если и были разговоры вообще, как всегда, знаете, ходили разговоры об этом, большею частью о возможности повторения событий третьего и четвертого июля, то предполагалось, что большевики будут с одной стороны, а вся остальная страна будет с другой стороны, так что вот в этом направлении шли события. И когда, например, во Временном правительстве задавали этот вопрос, не помню, кажется, Кокошкин, он сказал: осведомлены ли военный министр и министр внутренних дел о ходящих слухах по поводу готовящегося движения большевиков, тогда, кажется, М.И. Скобелев говорил, что такие сведения были, но что по проверке они под собой серьезной почвы не имеют. Такой разговор я помню.

Колоколов. Разрешите предложить вопрос. Вот Вы изволили сказать, г. министр, что нет таких данных, которые могли бы с совершенной точностью установить наличность заговора, и что они могли бы быть только при старом режиме, но все-таки есть у Вас какие-либо данные, проверка которых была бы необходима для Следственной комиссии?

---

[1] Далее зачеркнуто: *«наша»*.

Керенский. Я могу сказать так: спросите М.И. Терещенко, министра иностранных дел, не вспомнит ли он разговора, который он мне передавал насчет сообщения или заявления Завойко одной даме о тех средствах, которыми они располагают для ниспровержения правительства. Затем, я должен сказать, что в настоящее время очень трудно вообще давать сведения, потому что с момента переворота у нас совершенно вышло из употребления разделение правительства и частных лиц. Что бы мы ни говорили, те сведения, которые мы имеем в качестве правительства, очень быстро делаются достоянием кого угодно и превращаются в орудие или в мотив и способ личных счетов[I], требование личных доказательств и т.д. Например, об организации заговора группы военных людей, офицеров, я считаю, что мы действительно имели весьма точные сведения, и за ними, поскольку это было нам возможно, мы следили, и события корниловские нам показали, что эта посылка как раз офицеров сюда по этим адресам шла, как Дюсиметьер[II], например. Затем тут была некоторая соприкосновенность части офицеров, но я просил бы не записывать, по чисто политическим соображениям это нежелательно, безразлично какая группа офицеров, но, во всяком случае, эти лица, они сейчас устранены из Ставки, и затем большой осведомленностью в известной мере обладала часть[III] казачьих войск, для нас это тоже несомненно, опять-таки это сейчас недоказуемо. Затем, по соображениям, по многим соображениям исследование в эту сторону нежелательно вести сейчас, просто результаты не окупят, так сказать, всех последствий, которые могут быть по теперешнему настроению масс, и затем нам нежелательно, я лично не хотел бы создавать новых мотивов для распри между отдельными группами населения, потому что за действия отдельных лиц группа как таковая не отвечает.

Колоколов. Затем, я хотел бы Вам предложить такой вопрос: вот в сообщении от Вашего имени от 27[IV] августа значится, что действительность полномочий члена Государственной Думы Львова Корнилов подтвердил, между тем как в ленте по прямому проводу говорится: «Да, я подтверждаю, что я просил Вас приехать в Ставку». Вот, я хотел бы спросить: почему Вы считали, что он подтвердил действительность полномочий, я хотел бы более подробного разъяснения во избежание кривотолков.

Керенский. Там другое — от имени Владимира Николаевича говорил Александр Федорович, сомневается, исполнит ли и не доверяет, я хорошо не помню, как там сказано, где эта лента (Колоколов дает ленту Керенскому, из которой Керенский читает отдельные места), так что тут самой конструкцией фразы говорится, что он подтверждает, и в контексте и в постановке фразы совершенно ясно, что полномочия Львова Корнилов подтвердил. В беседе со мной ген. Корнилов подтвердил полномочия Львова. Вся обстановка, весь разговор совершенно ясно показывали, что ген. Корнилов понимал, о чем идет речь, иначе он бы сейчас же спросил, например, «то определенное решение, которое нужно исполнить, Вы просили меня известить, Александр Федорович, только совершенно лично». Ведь если бы этого не было, он бы сказал: «Что за решение?» Он отлично знал, в чем дело.

Колоколов. Потом второй вопрос: какие Вы, г. министр, имели основания к аресту Львова?

Керенский. Для меня совершенно было ясно из всего его разговора, что он

I Так в тексте.

II В тексте ошибочно: *«Семитьер»*.

III Слово *«часть»* впечатано над строкой.

IV Цифра исправлена карандашом. Первоначально было: *«28»*.

гораздо больше знает, чем он мне говорил, я понял так, что или он приехал в последнюю минуту, просто испугавшись, или, может быть, потому, что у него заговорила совесть, потому что кроме хорошего он ничего от меня не видел, я свыше мер удерживал его в составе Временного правительства просто для того, чтобы не затрагивать октябристских[61] кругов, но действительно то, что он мог бы пойти против меня сначала, это показывает те настроения, с которыми он ушел, он сказал: <«Maintenant Kerensky c'est mon ennemi?»>[I] Он был в страшно раздраженном состоянии.

Колоколов. Когда он сказал?

Керенский. Он сказал по уходе из Временного правительства, он никак не ожидал, что ему придется уйти, но для меня другого выхода не было, потому что я и сейчас убежден, что, несомненно, то показание, которое я читал в газетах, рассказ Завойко, какого-то Добрынского и затем то, что распространяется. Я не знаю, известно ли Вам посещение Завойко и Аладьиным князя Львова в Москве. Как раз только что перед этим Вырубов от имени Львова приехал ко мне с категорическим заявлением. Вырубов от имени Львова передавал, — это произвело на него впечатление, что Львов и Аладьин совершенно серьезно, это тоже в записках есть, чтобы Керенский имел в виду, что впредь Керенский никаких перемен в правительстве без согласия Ставки не мог бы производить[II]. Я в Москве не был, никакого участия в разговоре не принимал, и затем вот по поводу аграрной реформы, подготовка, аграрный манифест, не помню этого профессора из Москвы...

Председатель. Яковлев.

Керенский. Все это подтверждает, что велась подготовка.

Украинцев. В связи с тем указанием, что Вы говорили, что по вопросу о заговоре у Вас имеется целый клубок сведений о заговоре, что имеется два источника — один достоверный, а другой менее достоверный. Не найдете ли возможным передать их нам? Это бы дало возможность к раскрытию заговора.

Керенский. Нет, т.е. я могу сказать одни сведения, так сказать, агентурные сведения контрразведки. У меня даже, собственно, было три источника, потом[III] четвертого я передал — этого офицера — как фамилия[IV] — Верещагина, он приехал ко мне предупреждать о том, что мне грозит неминуемо...

Украинцев. Это не тот ли офицер, который вращался в казачьих кругах, который указывал на Завойко?

Керенский. О Завойко давно были скверные сведения, он вообще человек довольно странного прошлого. Какая-то странная, непонятная роль его пребывания, но вместе с тем это человек, который наиболее имеет влияние на ген. Корнилова. И вот, например, Савинкову на Юго-Западном фронте удалось устранить тогда, так как он тогда уже имел скверное влияние, затем он вернулся, затем тут прибавился Аладьин.

Украинцев. Меня интересует имя того офицера, который вращался среди казачьих офицеров. «Наполовину шантажист», — говорили Вы. Он Вам передавал о большой опасности?

Керенский. Я опять-таки прошу, чтобы в показании не было употреблено, что он шантажист, потому что, хотя я имею некоторые основания, что он шан-

---

I «Maintenant Kerensky c'est mon ennemi?» *(фр.)* — «Теперь Керенский мой враг?» Текст, заключенный в угловые скобки, вписан карандашом.

II Так в тексте.

III Далее зачеркнуто: *«четыре»*.

IV Так в тексте.

тажировал, нечто вроде <«wahrheit und dichtung»>[I], но я, кроме Верещагина, еще ряд других офицеров передавал.

Председатель. Афанасьева?

Керенский. Афанасьева я передал для ближайшего расследования этого эпизода. Нужно сказать, что все эти ораторы вращались все у тех же тем.

Украинцев. Вы, между прочим, говорили, что Вам было сделано предложение о диктатуре, и потом этих лиц Вы встречали среди окружающих Корнилова. Кто эти были лица?

Керенский. Я должен сказать, что, собственно говоря, это из тех же казачьих кругов бывали такие разговоры, затем некоторые общественные элементы и деятели.

Украинцев. Значит, Вы можете указать слои, но не отдельных лиц?

Керенский. Я не хотел бы указывать.

Крохмаль. Но это не имело вида предложения формального? Это был совет, так сказать?

Керенский. Т.е. говорили так, если Вы согласитесь и так далее, но так как это падало на бесплодную почву, несчастья для государства не произошло, то Бог с ними.

Украинцев. Значит, может быть, и самые предложения не имели характера конкретных предложений?

Керенский. Нет, когда «общественность» разочаровалась во мне как в возможном организаторе и главном деятеле для изменения системы управления в сторону сильной власти, <тогда начались розыски других[II] лиц...>[III] я считаю, что жажда и стремление к нахождению человека было очень сильно. Именно этому отвечает, что в разговорах со Львовым он сказал: «Он не хотел, так мы ему покажем».

Либер. Докладывали Вам, что по тому вопросу, на который Вы ссылаетесь, который постепенно муссировался, назывались кандидаты: Керенский, Савинков и Корнилов?

Керенский. Да, вообще зондировалась почва. Некоторые после этого находили, что самое лучшее, что я мог бы сделать, это чтобы я ушел, чтобы я не путался, что я мешаю карты и что они предвидят время засилья большевиков, что это им даст возможность в конце концов восторжествовать. Так что Корнилов был просто довольно неудачный исполнитель, потому что все-таки для того, чтобы провести эту кампанию и создать в России диктатуру, необходимо обладать не только львиным сердцем, но и некоторыми качествами умственными, которые не у всех и не часто встречаются.

Украинцев. Вы, характеризуя разговор со Львовым, упомянули, что он в ультимативной форме сделал предложение, а не обратили Вы внимание потом, когда он письменно излагал, что он заменил слово «требует» — «генерал Корнилов предлагает»?

Керенский. Если бы я заметил это, то я бы сказал: «Вы пишите так, как Вы говорили». А я просто сложил и спрятал в карман.

Украинцев. Вы обратили внимание только на пункты?

Керенский. Да, только на пункты, и положил в карман. Обстановка разговора для меня была настолько очевидная, что я не мог предвидеть, что впо-

---

[I] «Wahrheit und Dichtung» *(нем.)* — «правда и поэзия». Текст, заключенный в угловые скобки, вписан карандашом.

[II] Слово *«других»* вписано карандашом над словом *«таких»*.

[III] Текст, заключенный в угловые скобки, повторяется в документе дважды.

следствии общественному мнению будет угодно превратить меня в участника корниловского заговора или в какую-то непонятную фигуру. Если бы я это предусматривал, то я бы эту сторону совсем по-другому обставил, но я считал, что я сделал все, когда я решительно и чрезвычайно быстро в корне изъял эту попытку.

Украинцев. Имели Вы какие-нибудь сведения относительно того, что ген. Корнилов реальную борьбу с Временным правительством возлагает именно на 3-ий корпус, или эта борьба усматривалась только в движении на Петроград?

Керенский. Нет, и в том положении, которое занимал Крымов, и в том, что Дикая дивизия была вопреки решению в пути и изменила направление. Вообще все расчеты были на Дикую дивизию. Я считаю, что просто Львов соврал, он на два дня, на день раньше сказал. Если бы они дошли сюда, то, может быть, не так легко было с этим справиться, потому что тогда бы начали действовать те силы, которые здесь ожидали, т.е. стачечный отдел и те присланные офицеры, которые съехались, и те небольшие группы, которые были в некоторых военных училищах и которые должны были в известный момент оказать поддержку с тыла.

Украинцев. В докладе Савинкова о военной реформе[62] не приходилось Вам обратить внимание, что этому докладу они придавали больше значения, — не военной реформе, а общеполитическому характеру[I]?

Керенский. Да. Я принял отставку Савинкова, потому что считал, что это был такой акт, которого я не ожидал от человека, которого я привлек к работе. Меня ставили перед фактом. Накануне 11-го утром Кокошкин, министр государственного контроля, предъявил мне заявление об отставке (это было накануне Московского совещания), и мог быть большой взрыв, если бы не удалось кое-как ввести это в рамки. Тут был такой план, видимо, поставить людей перед фактом и во что бы то ни стало нас против воли связать в единую силу — меня и Корнилова. Мне кажется, и Савинков с Филоненко были использованы. Савинков никогда не стремился, чтобы Временное правительство и меня ликвидировать. Этого у него не было, но они думали, что они самые умные, но на самом деле были люди, которые их переумнили[II], и они являлись очередным орудием для той основной работы, которая велась.

Украинцев. Не имели ли Вы в Ваших руках распоряжения в том смысле, которое бы свидетельствовало о том, что содержание этого доклада Савинкова и Филоненко хотели написать в качестве государственной программы перед Московским совещанием?

Керенский. Этого я не знал.

Украинцев. Затем еще один вопрос, относительно беседы, которая имела место по возвращении из Ставки после совещания 16 июля. Не предлагал ли Филоненко составить особый военный кабинет в составе Вр. правительства?

Керенский. Не помню. Я вспоминаю его разговор здесь. Филоненко стремился превратить этот разговор о диктатуре в Ставке якобы в то самое, о чем шла речь здесь у меня во Вр. правительстве о военном кабинете. Но это небо и земля, апельсин и свинья, ничего общего не имеющие. У нас всегда было, и при первом составе правительства к этому постоянно возвращались, и сейчас существует внутри Вр. правительства как подготовительное и подсобное для быстроты дела выделение группы для определенной цели, и больше ничего, и все, что говорилось, все, что делалось, делалось внутри Вр. правительства.

I Слово *«характеру»* впечатано под строкой.

II Так в тексте.

Нужно или повторяться, или быть идиотом, чтобы думать, что у Вр. правительства или у меня могла быть мысль, что Филоненко мог быть членом Вр. правительства. Это настолько нелепое предположение, что оно смешно. Это неловкий способ выйти из глупого положения. Был разговор, но ничего общего с этим не имеющий.

Шабловский. Позвольте Вас поблагодарить, г. министр.

Конец.

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 2. Л. 1б–75. Правленая копия. Машинопись; Д. 3. Л. 1–5. Копия. Машинопись (не завершена). Стенограмма без подписи.

Опубл.: *Керенский А.Ф.* Дело Корнилова. Екатеринослав, 1918.

№ 29
Показание товарища министра путей сообщения на театре военных действий В.Н. Кислякова

4–5 сентября 1917 г.

Протокол

4 и 5 сентября 1917 г. Чрезвычайная комиссия производила допрос нижепоим[енованного], и он показал:

Владимир Николаевич Кисляков, 41 г., православный, ген.-майор, под судом и след[ствием] не был.

Около двадцатых чисел августа сего 1917 года ко мне в служебный кабинет зашел генерал Крымов, который сообщил мне, что в ближайшем будущем может потребоваться перевозка его корпуса к Петрограду на линию Царское Село — Гатчина — Красное для подавления большевистского бунта, и спросил, может ли эта перевозка быть осуществлена быстро. Я ответил, что возможно, если заблаговременно об этом будет дано указание. На этом окончился наш разговор, и в дальнейшем шел лишь разговор о личной жизни и безысходности положения, в котором очутилась Россия, причем оба мы сходились на взгляде, что определенного решения для спасения России быть не может.

Дня через два после этого, во время доклада моего у генерала Лукомского последний спросил меня: был ли у меня Крымов и что я ему ответил относительно перевозки. Я сказал, что Крымов был и что перевозка возможна. Никаких комментарий[1] к сему ни со стороны генерала Лукомского, ни с моей не было.

Затем Крымов зашел ко мне дня через два, причем мы опять говорили с ним на общие темы, не касаясь вопроса о предстоящей перевозке, и только в конце разговора Крымов, прочтя в газете о готовящемся 2–3 сентября выступлении большевиков, сказал, что «вот, очевидно, скоро и понадобится ехать». Я при этом спросил Крымова, что же предполагается делать после подавления бунта, на что он ответил, что этого он не знает и это его не касается.

25 августа днем ко мне в третий раз зашел генерал Крымов и сказал, что Уссурийскую дивизию надо перевозить с 26 августа, а остальные с 27 августа.

В личном обращении ко мне Крымова я не усмотрел ничего особенного, ибо ко мне часто обращались отдельные начальники непосредственно с прось-

[1] Так в тексте.

бой ускорить или подготовить перевозку их части. Я спросил Крымова, делается ли эта перевозка по соглашению с Временным правительством, дабы, в противном случае, доложить о неизбежной путанице в распоряжениях. Он мне ответил, что эта перевозка осуществляется по просьбе Временного правительства, что эту перевозку еще сегодня просил сделать управляющий Военным министерством Савинков. Затем Крымов просил меня отправить его отдельным паровозом и добавил, что, по-видимому, в Петрограде боятся, что во главе корпуса идет он, ибо М.И. Терещенко запрашивает, где он его может увидеть.

Я поинтересовался, почему именно боятся лично Крымова, на что он мне ответил, что еще весной он сказал М.И. Терещенко: «Помните, Михаил Иванович, ведите честную политику и знайте, что я свое маленькое дело для спасения России сделаю». Смысл этого был для меня таков, что Крымов считал политику правительства не независимой[I] и в этом смысле, вероятно, высказывался. <При этом Крымов сказал, что 26 августа из Петрограда в Ставку выезжают министр Керенский и Савинков>[II]. Сделав распоряжение о подготовке составов, я пошел к генералу Романовскому и сказал ему, что по просьбе Крымова я отдал распоряжение о направлении порожняка в район Великие Луки — Псков — Дно, но что перевозка может начаться только в случае, если последует распоряжение. Генерал Романовский сказал, что распоряжение делается, с чем я и ушел в Управление, где мною было получено распоряжение от и.д. начальника военных сообщений полковника Раттеля о перевозке.

Итак, вплоть до 25 августа вечера я оставался в убеждении, что перевозка совершается совершенно официально, в полном согласии с Временным правительством, причем ни о каких дальнейших предположениях с чьей-либо стороны не знал и ни с кем о сем разговора не имел, в том числе ни с генералом Корниловым, ни с генералом Лукомским.

То же положение оставалось для меня и в течение всего дня 26 сего августа. В этот день я заехал на вокзал проводить генерала Крымова, который мне сказал, что с ним едет и генерал Дитерихс, назначенный к нему начальником штаба. Я пожелал генералу Крымову успеха и просил беречь себя, никаких разговоров с его попутчиком не вел.

26 августа вечером я зашел к генералу Романовскому спросить[III], будет ли распоряжение о перевозке от Дно[IV] и Пскова, на что он мне ответил, что распоряжение уже сделано, после чего я ушел.

27 августа я пошел в Штаб узнать, не произошло ли каких-либо изменений. По дороге встретил генерала Лукомского, который мне сказал, что генерал Корнилов вызван в Петроград с предложением сдать временно командование генералу Лукомскому, что генерал Корнилов ехать отказался, а генерал Лукомский не признал возможным принять командование. Я еще раз спросил у генерала Лукомского подтверждение — производится ли перевозка по требованию Временного правительства, на что он ответил, что об этой перевозке Временное правительство просило. Около трех часов дня я был вызван генералом Лу-

---

I Слова *«не независимой»* вписаны над зачеркнутым текстом.

II Текст, заключенный в угловые скобки, вписан в строку другими чернилами. В конце страницы примечание: *«Вписано: «не независимой»; «при этом Крымов сказал, что 26 августа из Петрограда в Ставку выезжает министр Керенский и Савинков». Вычеркнуты слова под надписанными: «не независимой». Генерал-майор Кисляков».*

III Слово *«спросить»* вписано над строкой. В конце страницы примечание: *«Вписано: «спросить». Генерал-майор Кисляков».*

IV Так в тексте.

комским, который мне сказал, чтобы я подождал генерала Корнилова, который в это время разговаривал по аппарату. Около этого же времени меня вызвал из Управления инженер Величко, который сообщил, что начальник эксплуатационного отдела передает требование генерала Васильковского из Петрограда перевозку прекратить. Доложив о сем генералу Лукомскому и получив от него подтверждение, что перевозка должна продолжаться, я дал о сем телеграмму начальникам дорог (приложение № 1)[I]. Между 4–5 часами дня я был позван генералом Корниловым, который в присутствии генерала Лукомского, генерала Романовского, члена Государственной Думы Аладьина и ординарца казака Завойко (последних двух я увидел впервые, знаком с ними раньше не был) прочел свой разговор с Савинковым и написанный им ответ ему, причем генералы Лукомский и Романовский подтвердили правильность тех мест, в которых он ссылался на их присутствие, причем все сказанное было ими подтверждено.

Лично у меня от всего услышанного оставалось убеждение, что с Верховным главнокомандующим совершилась какая-то недостойная провокация. Присутствие при этом Аладьина и Завойко я определял как присутствие близких людей, которые, очевидно, были и раньше в курсе тех переговоров, о которых я услышал впервые. Ответ генерала Корнилова Савинкову не встретил ни с чьей стороны возражения и был им отправлен на аппарат.

Во время моего пребывания у генерала Корнилова мне передали, что из Петрограда меня вызывает инженер Ливеровский. Я просил передать, что я у Верховного, что прошу передать что нужно инженеру Величко. На это он ответил, что просит меня вызвать, когда я освобожусь.

В седьмом часу вечера я вызвал инженера Ливеровского. Он мне передал, что сегодня был вызван министром Керенским, который назначил его управляющим министерством, сообщил ему, что генералу Корнилову приказано сдать верховное командование, что перевозки к Петрограду приказано прекратить, что в верховное командование вступает генерал Клембовский, и спрашивал меня, отменю ли я свою телеграмму о перевозке.

На это я ответил, что по положению я должен принимать все требования о перевозках начальника Штаба, почему я пойду и спрошу его, ибо об уходе генерала Лукомского мне ничего не известно. С этим я ушел к генералу Лукомскому, доложил ему об этом разговоре и спросил, какое последует окончательное распоряжение, ибо я получил сведения, что часть войск перевозится, часть остановилась, что железным дорогам нужны определенные указания. Генерал Лукомский ответил, что[II] сейчас он идет обедать, а затем просит меня прийти к генералу Корнилову, после чего и последуют окончательные указания, добавив, что о назначении генерала Клембовского ничего не известно[III]. При таких условиях я по телефону приказал передать прилагаемую записку (приложение № 2)[IV] инженеру Ливеровскому, оставаясь в убеждении, что все зиждется на недоразумении, которое будет согласовано.

Около 9 часов вечера я пришел к генералу Корнилову, где был генерал Лукомский, генерал Романовский, Генерального штаба полковник Лебедев и

[I] Слова *«приложение № 1»* вписаны над строкой. В конце страницы примечание: *«Вписано: «приложение № 1». Генерал-майор Кисляков».* Приложение № 1 см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 122.

[II] Слово *«что»* вписано над строкой.

[III] Далее зачеркнуто вписанное над строкой: *«(приложение № 2)».* В конце страницы примечание: *«Зачеркнуто: «приложение № 2». Генерал-майор Кисляков».*

[IV] Приложение № 2 см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 123.

подполковник Пронин, Аладьин и Завойко. Я доложил свой разговор по[I] аппарату и сказал, что прошу определенного решения, что двинуть войска с применением силы я считаю невозможным и что необходимо отвести железнодорожных агентов из ряда противоречивых указаний[II]. Генерал Корнилов не давал определенного ответа, полковник Лебедев докладывал с полной убежденностью, что выступление большевиков произойдет 28-го и не позднее 29 августа (откуда были у него эти сведения, я не знаю, но он передавал это как свой разговор с кем-то в Петрограде, имен, кажется, никаких не называл, во всяком случае, я ни одного не помню). В это время меня вызвал по телефону инженер Величко, который передал, что получена телеграмма министра Керенского, объявляющая, что генерал Корнилов через члена Государственной Думы князя Львова потребовал себе всю полноту власти и посему он отрешается от своего поста.

Я приказал принести мне эту телеграмму и пошел сообщить о ней генералу Корнилову и присутствующим. В это же время генерал Лукомский, ходивший говорить с генералом Клембовским, сообщил, что никакого распоряжения вступить в должность главковерха он не получил, считает это невозможным для себя, равно как и уход генерала Корнилова. Одновременно генерал Романовский передал, что генерал Деникин спрашивает согласия отправить телеграмму с выражением своего мнения, на что генерал Корнилов свое согласие и дал. При этом генерал Корнилов сказал, что в поддержке генерала Валуева он уверен, ибо тот всегда признавал уход генерала Корнилова невозможным. В это время под влиянием всех происшедших фактов решимость генерала Корнилова, дотоле как будто заколебавшаяся, окрепла.

Для меня лично обстановка, сколько помню, развивалась в таком виде:

1) Главнокомандующие фронтов не признают возможным уход генерала Корнилова.

2) Министр-председатель оповестил всю Россию о требованиях генерала Корнилова в неправильной форме.

3) В Петрограде, несомненно, ожидается выступление большевиков, несмотря на что правительство не исполняет свое первоначальное обещание, направленное именно против выступления большевиков.

Помню, что общее настроение после совершившегося стало крайне возбужденным, никто не отговаривал генерала Корнилова от принятого им решения, а член Государственной Думы Аладьин сказал: «Итак, правительство на нас напало!» Для меня лично был весьма важен вопрос о перевозке, причем я еще раз доложил, что в противоречивых указаниях невозможно держать железнодорожную администрацию; и на вопрос одного из присутствующих: «Не могут ли войска продвинуться силой?» — категорически заявил, что считаю насилие недопустимым, с чем согласился и генерал Лукомский.

После обсуждения маршрутов походного движения генерал Корнилов окончательно остановился на решении, что войска будут пешком подтягиваться из Луги, что и оставляло, таким образом, возможность вполне благополучного разрешения конфликта. (Мои телеграммы — приложения №№ 3 и 3-а)[III]. Около этого же времени Завойко прочел проект телеграммы ответа на телеграмму министра Керенского, и я решительно не помню, чтобы кто-либо выразил одоб-

---

[I] Слова *«разговор по»* вписаны над строкой. В конце страницы примечание: *«Вписано: «разговор по». Генерал-майор Кисляков».*

[II] Так в тексте.

[III] Приложения № 3 и 3а см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11 Л. 124–125.

рение или порицание. По крайней мере, идя распорядиться отменой перевозки, я составил себе впечатление, что дальнейшие шаги будут еще обсуждаться.

Я пошел к телеграфу передать распоряжение об отмене перевозок, приказав доложить об этом инженеру Ливеровскому (приложения №№ 3 и 3-а). Когда я выходил из дворца, ко мне подошел Завойко и передал мне подписанную уже генералом Корниловым телеграмму в ответ на телеграмму министра Керенского, адресованную по адресам железных дорог.

По дороге в Управление я обдумал положение, создающееся после отправки этой телеграммы, придя к себе, прочел еще раз и решил, что отправка ее сведет генерала Корнилова с того пути мирного разрешения конфликта, который предполагался.

Об этом я решил идти и доложить. При выходе из Управления встретил полковника Языкова, который, держа в руках экземпляр такой же телеграммы, сказал, что он пришел передать от начальника штаба, что эта телеграмма должна быть отправлена <по линиям железных дорог>[I]. На мой вопрос, отправлена ли эта телеграмма по правительственным проводам, он ответил утвердительно. Я отправился к генералу Лукомскому и спросил его, передал ли он мне такое распоряжение через полковника Языкова. «Какая телеграмма?» — спросил генерал Лукомский и, когда я ему ее показал, сказал: «Я вообще ее не понимаю». Я сказал, что тоже отношусь к ней подозрительно, о чем и шел доложить, но что не знаю, как быть, ибо телеграмма эта уже отправлена по правительственным проводам, что подтвердил бывший тут Генер[ального] штаба подполковник Пронин. Ему я и передал эту телеграмму с просьбой передать в службу связи, считая, что эта телеграмма должна быть отправлена распоряжением военных властей, ибо она служит ответом на телеграмму, отправленную управл[яющим] Министерством путей сообщений, и, следовательно, я не имею права предъявлять ее к отправке.

На следующий день я получил эту телеграмму, переданную мне по адресу. Ночью мне позвонили по телефону (чиновник особых поручений В.М. Кочетков) и передали, что начальник штаба генерал Багратион спрашивает, надо ли продолжать перевозку ввиду противоречив[ых] приказаний, на что я в полном убеждении определенности принятого решения ответил, что перевозка отменена.

Утром в Управлении мне была передана телеграмма инженера Ливеровского, что все распоряжения надлежит получать из Пскова от генерала Клембовского, но снова ничего не говорившая об уходе генерала Лукомского (приложение № 4)[II]. Ввиду сего я немедленно дал телеграмму с перечислением всех своих прав по перевозкам начальнику военных сообщений Северного фронта генералу Ушакову (приложение № 5)[III], считая, что если действительно в Пскове ясно, где распоряжения как Верховного должны исполняться, то все распоряжения будут правильны.

Затем я пошел в штаб, по дороге встретил генерала Лукомского, который мне сказал, что вышло какое-то недоразумение с моей телеграммой, отменяю-

---

[I] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой. В конце страницы примечание: *«Вписано: «по линиям железных дорог». Генерал-майор Кисляков».*

[II] Слова *«(приложение № 4)»* вписаны над строкой. Приложение № 4 см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 126.

[III] Слова *«(приложение № 5)»* вписаны над строкой. Приложение № 5 см.: Там же. Д. 11. Л. 127. В конце страницы примечание: *«Вписано: «приложение № 4» и «приложение № 5». Генерал-майор Кисляков».*

щей перевозки, на что я ответил, что такая телеграмма мною действительно была дана на основании решения генерала Корнилова и что распорядительная власть передана мною генералу Ушакову. От него же я узнал, что генерал Клембовский подал в отставку, не вступая в должность.

Вслед за сим ко мне позвонил генерал Романовский и сказал, что начальник штаба приказал подтвердить дорогам о продолжении перевозок.

Не считая уже себя вправе распоряжаться перевозками на Северном фронте, я передал это приказание генералу Ушакову, сообщив распоряжение дорогам лишь в копии.

Такую передачу[I] распоряжения я признавал наиболее правильным, ибо если генерал Клембовский действительно вступил в должность главковерха, как сообщил инженер Ливеровский, то генерал Ушаков будет руководиться его требованиями. Никаких сведений о том, кто главковерх и кто начальник его штаба (если генерал Корнилов ушел), в течение дня мною не получалось. Придя в Управление вечером, я узнал, что Могилев уже на осадном положении. Являлось необходимым твердо знать, чьи же распоряжения как Верховного должны исполняться по указанию генерала Корнилова, какового указания спрашивали у меня мои подчиненные.

Наметив ответ, который давал в этом отношении предписание[II], я пошел к генералу Корнилову; доложил ему телеграмму министра Керенского (приложение № 6)[III] и спросил его, считает ли себя генерал Корнилов Верховным главнокомандующим или же он сдал кому-либо должность.

Получив ответ, что должности Верховного главнокомандующего генерал Корнилов никому не сдавал, я показал ему проект телеграммы, которая создавала, по-моему, ясное для всех исполнителей представление. Генерал Корнилов телеграмму одобрил, один из адъютантов отдал ее в переписку, после чего генерал Корнилов и подписал, после чего указал, чтобы скрепил ее и я.

Признавая для себя в подписанной телеграмме уже предписание себе от старшего начальника в гарнизоне, объявленном на осадном положении, я ее скрепил, а затем, придя в Управление, я признал более правильным оговорить ее значение (приложение № 7)[IV]. Эта телеграмма моя была последней, отправленной по дорогам.

30 августа я получил телеграмму линии железных дорог[V], что я уволен от должности и чтобы моих распоряжений не исполнять. С этой телеграммой я пошел к генералу Корнилову и доложил, что впредь до отмены этого распоряжения Временным правительством я никаких распоряжений делать не могу, что старший по мне[VI] инженер Шуберский также отзывается в Петроград и что, если генерал Корнилов желает, чтобы я распоряжался, надо спросить об этом Временное правительство. В этом смысле генерал Корнилов телеграфировал генералу Алексееву. Осведомившись на другой день, что министр Керенский ответил в этом отказом, указал, что все распоряжения должен делать инженер Величко, я смотрел о сем телеграмму. Таким образом, уже с вечера 30 августа я оставался как частное лицо и зритель событий.

I Слово *«передачу»* вписано над строкой. В конце страницы примечание: *«Вписано: «передачу». Генерал-майор Кисляков».*

II Так в тексте.

III Приложение № 6 см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 128.

IV Приложение № 7 см.: Там же. Д. 11 Л. 129.

V Так в тексте. Вероятно, следует читать: *«по линиям железных дорог».*

VI Так в тексте.

Итак, подводя итоги моих распоряжений от 25 августа, я утверждаю следующее:

1) Что я делал распоряжения о сосредоточении подвижного состава в районе Великие Луки — Псков — Дно по заявлению генерала Крымова о готовящейся перевозке, каковая должна была происходить по соглашению с Временным правительством.

2) Что мною было сделано распоряжение 27 августа[I] о перевозке ввиду полученной противоречивости, ввиду того, что такое распоряжение исходило из инстанции, требования коей для меня обязательны (начальник штаба) в противоположность требованиям для меня не обязательным (генерал Васильковский).

3) Что, получив уведомление управляющего министерством, что перевозки отменяются, я обратился за указаниями к законному лицу — начальнику штаба, сообщив о сем упр[авляющему] МПС.

4) Получив в тот же день распоряжение об исполнении перевозок, распорядился сим безотлагательно, донеся управляющему Министерством ПС.

5) Что, получив указание управляющего министерством, что впредь надо руководствоваться указаниями нового главковерха генерала Клембовского, я передал всю распорядительную власть по перевозкам на Северном фронте на законном основании и законному лицу, находившемуся в одном пункте с генералом Клембовским, <поставив о сем в известность управляющего министерством>[II].

6) Получив новое требование от начальника штаба, передал его тому же генералу Ушакову, который мог на месте знать, действительно ли генерал Клембовский принял должность главковерха, в каковом отношении сведения, сообщенные мне управляющим министерством, расходились с теми сведениями, кои имелись в штабе. Адресование мне этой телеграммы в копии начальникам дорог не могло иметь обязательной для них силы впредь до получения подтверждения о сем со стороны генерала Ушакова из Пскова.

6)[III] Что ввиду объявления вечером 28-го сего августа города Могилева на осадном положении в связи с непринятием должности главковерха генералом Клембовским, каковой факт не подтверждал правильности изложенного управляющим Министерством путей сообщения, я обратился к старшему начальнику в гарнизоне генералу Корнилову, чьи распоряжения должны исполняться как Верховного главнокомандующего. Получив от него указание, что таким лицом является он, генерал Корнилов, никому не сдавший должности, я представил ему проект письменного о сем предписания в виде телеграммы, снимающей позор измены со стороны тех, кои исполняют его приказания, <право на каковые со стороны генерала Корнилова было признано и Временным правительством с 30 августа.>[IV]

Усмотрев в подписанной телеграмме предписание как себе, так и своим подчиненным, я затем счел для себя обязательным скрепить по приказанию генерала Корнилова эту телеграмму, а затем сделал приписку с предложением принять ее лишь к руководству и призывал исполнять свой долг перед родиной.

[I] Слова «27 августа» вписаны над строкой. В конце страницы примечание: *«Вписано: «27 августа». Генерал-майор Кисляков».*

[II] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой. В конце страницы примечание: *«Вписано: «поставив о сем в известность управляющего министерством». Генерал-майор Кисляков».*

[III] Так в тексте. Нарушена нумерация пунктов.

[IV] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан под строкой. В конце страницы примечание: *«Вписано: «право на каковые со стороны генерала Корнилова было признано и Временным правительством с 30 августа». Генерал-майор Кисляков».*

7) Никаких распоряжений после этой телеграммы мною не делалось.

8) Получив телеграмму министра Керенского, что я уволен от должности и приказаний моих исполнять не следует, я доложил генералу Корнилову, что лишен в дальнейшем возможности[I] исполнять какие-либо распоряжения по железным дорогам. Генерал Корнилов счел нужным просить о возвращении мне распорядительных прав. Узнав об отказе в сем и что распорядиться должен инженер Величко, я сему последнему сообщил, что я никаких прав за собой распоряжаться не признаю.

10)[II] В дополнение к изложенной распорядительной деятельности моей отмечаю, что 28 августа днем мною была послана подчиненным мне начальникам дорог прилагаемая телеграмма[III], призывающая работать спокойно и планомерно (приложение № 8)[IV].

<Никаких иных распоряжений и требований, кроме перечисленных, ко мне не поступало, и никаких распоряжений я не[V] делал.>[VI]

Как мною указано выше, получив 30-го сего августа телеграмму министра Керенского об увольнении меня от должности, я не считал далее себя вправе делать какие-либо распоряжения, а потому в дальнейшем оставался лишь штатским человеком. Не зная, куда деваться ввиду ухода моего из Управления, я заходил к генералу Лукомскому, Романовскому, в комнату полковника Голицына, где собирались офицеры. Генерал Лукомский говорил, что на положение он смотрит мрачно, в том смысле, что никакой пользы из положения, занятого генералом Корниловым, для дела он уже не видит, так же смотрел и генерал Романовский, хотя оба они, видимо, полагали, что генерал Алексеев, ознакомившись с ходом всего дела, придет к иным выводам о характере этого дела, чем пришел министр Керенский, офицеры же в таком именно разрешении вопроса не сомневались. По крайней мере, так думал полковник Плющевский-Плющик, подполковник Пронин. Генерал Корнилов, к которому я зашел 31 августа днем, сказал мне, что он твердо стоит на своем убеждении, что никакого другого выхода для спасения России, кроме исполнения выставленного им требования, нет (сильное, независимое правительство) и что его в этом никто не переубедит[VII]. Я ему сказал, что мне, ставшему теперь уже частным человеком, большое удовлетворение слышать, что он твердо верит в правоту своего дела, и высказал свое мнение, что, как и с самого начала, я говорил[VIII], [что] эта борьба ведется на моральных факторах, посему я и 31 августа усматривал возможность моральной победы генерала Корнилова, считая же таковую, если генерал Алексеев, спокойно ознакомившись со всем ходом событий этих дней, признает позицию, занятую генералом Корниловым, правильной. Этот

I Слово *«возможности»* вписано над строкой. В конце страницы примечание: *«Вписано: «возможности». Генерал-майор Кисляков».*

II Так в тексте. Нарушена нумерация пунктов.

III Далее зачеркнуто: *«Приложение №».*

IV Приложение № 8 см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 131.

V Далее зачеркнуто: *«исполнял».*

VI Текст, заключенный в угловые скобки, вписан между строк. В конце страницы примечание: *«Зачеркнуто: «приложение №» и «меняли». Вписано: «никаких моих распоряжений и требований, кроме перечисленных, ко мне не поступало, и никаких распоряжений я не делал». Генерал-майор Кисляков».*

VII Далее зачеркнутый текст не разобран. В конце страницы примечание: *«Вычеркнута предпоследняя строчка и одно слово на последней. Генерал-майор Кисляков».*

VIII Далее зачеркнуто: *«это дело».*

свой взгляд я высказал и члену Государственной Думы Аладьину, который с ним соглашался. Как на возможный исход я считал наиболее правильным[I], что весь этот инцидент был бы тщательно расследован Исполнительным комитетом Государственной Думы, до окончания коего, однако, не должно откладывать[II] ни создание сильного, независимого правительства, ни назначение нового Верховного главнокомандующего, ибо такое решение, не возбуждая страну, давало возможность узнать всю правоту о причине кошмарного события.

Лично у меня от всего пережитого, виденного и слышанного остается такое убеждение: генерал Корнилов пришел к убеждению в невозможности прийти к победе иначе, как при сильном и независимом правительстве, в чем он и решил оказать поддержку А.Ф. Керенскому. Дальнейших соображений о том, как это будет достигнуто, т.е. как и из кого должно образоваться это правительство, у генерала Корнилова, по моему предположению, не было. В этом меня убеждает то, что никто из представителей общественности около генерала Корнилова не был. Вообще из посторонних лиц за это время на моих глазах около него были только А.Ф. Аладьин и некий инженер Николаев.

Не допускаю возможности, чтобы генерал предлагал открыть «боевые действия» против Временного правительства, ибо для сего нужна была бы обеспеченная связь с генералом Крымовым и предварительное соглашение с главнокомандующим Северным фронтом. Ни то, ни другое, видимо, подготовлено не было. В полной мере доверяя генералам Корнилову, Лукомскому и Крымову, я никогда не усомнюсь, что перевозки корпуса начались по соглашению с правительством. Выступление против него тех, в согласии с коими он действовал (министра Керенского и Савинкова), по-видимому, укрепили его в убежденности, что надо добиться создания твердой и независимой власти, причем даже после телеграммы министра Керенского о том, что якобы генерал Корнилов требовал передачи себе всей полноты власти, генерал Корнилов не предполагал открывать «военные действия», ибо, во избежание насилий над железнодорожными агентами, он приказал корпус вести к Луге походом. По-видимому, генерал Корнилов рассчитывал, что большевики выступят на днях и тогда в Петрограде вновь обратятся к ранее согласованному плану.

Считаю, что телеграмма, отправленная в ответ на первую телеграмму министра Керенского, свела генерала Корнилова с того пути, который он перед собой видел. Невольно обращало на себя внимание, что все воззвания генерала Корнилова вышли достаточно поздно, из чего лично я приходил к убеждению и считал притом, что никакого определенного плана действий у него заранее не было.

Ни от генерала Корнилова, ни от офицеров его я ни разу не слышал предложений захвата власти, и, напротив того, всеми высказывались желание и уверенность в мирном разрешении создавшегося положения путем создания сильного и независимого кабинета. Никакого заговора против правительства я не видел и ни разу об этом не слышал, но из разговоров, бывших при мне, я видел, что существует определенная осведомленность о выступлении большевиков.

Из частных лиц за это время я видел около генерала Корнилова только члена Государственной Думы Аладьина, некоего инженера Николаева и казака Завойко. Всех их до 27 августа я не видел и знаком с ними не был. Что именно делал

[I] Так в тексте.

[II] Слово *«откладывать»* вписано над зачеркнутым: *«отсрочиваться»*. В конце страницы примечание: *«Зачеркнуто: «это дело» и «отсрочиваться». Вписано: «откладывать». Генерал-майор Кисляков».*

инженер Николаев, сказать точно не могу, впечатление такое, как будто он выжидал исхода событий, ничем не проявлял активной деятельности.

Казак Завойко тоже мне представлялся в виде лишь ординарца, но человека, близкого генералу Корнилову[I]. Член первой Государственной Думы Аладьин держался крайне спокойно, производил все время анализ происходящих событий, усматривал все время в них возможность для мирного соглашения между правительством и генералом Корниловым.

В чем именно выражалось его участие в деле, я не мог себе уяснить из того, что происходило на моих глазах. Определенных планов я от него[II] ни разу не слышал, и, спрашивая его мнение о происходившем, я все время слышал от него уверенность в благополучном разрешении создавшегося положения.

Комиссарверха Филоненко я видел всего один раз, а именно 27 августа в коридоре, в то время, когда генерал Корнилов разговаривал по аппарату. Он был в большом смущении и сказал мне: «Какой начался кавардак!» На что я ответил: «Не дай Бог!» — и прошел дальше.

Полагаю, что о сосредоточении 3-го кавал[ерийского] корпуса в районе В[еликие] Луки — Псков — Дно ему было известно, ибо эта перевозка проходила через брата его, инженера Е.М. Филоненко, который около 20 августа уехал в отпуск на несколько дней и вернулся с генералом Алексеевым.

По всей моей деятельности, ни в мятеже, ни в каком-либо преступном заговоре виновным себя не признаю, считаю, что формально действовал правильно, по убеждению же считал единственной возможностью для спасения Родины удовлетворение требований генерала Корнилова о создании сильного, независимого Временного правительства, считая, что создавшееся положение должно разрешиться в моральной плоскости без допущения кровопролития, каковые взгляды и высказывал.

Генерал-майор Владимир Николаевич КИСЛЯКОВ

Член Чрезвычайной комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 105–120 об. Автограф.

№ 30

Из протокола допроса председателя полкового комитета Текинского конного полка Х.Н. Джумиева, секретаря полкового комитета Текинского конного полка Ч.П. Непесова, председателя батальонного комитета Георгиевского батальона Ф.Д. Макаса, товарища председателя полкового комитета Корниловского ударного полка подпоручика П.Н. Кондратьева

5 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 5-го дня член Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и др. полковник Украинцев допрашивал нижепоименованных: [...][III]

[I] Слова *«генералу Корнилову»* вписаны над строкой. В конце страницы примечание: *«Вписано: «генералу Корнилову». Генерал-майор Кисляков».*

[II] Слово *«него»* вписано над строкой.

[III] Опущены показания Х.Д. Джумиева, Ч.П. Непесова, Ф. Д. Макаса.

4). Товарищ председателя полкового комитета Корниловского ударного полка подпоручик Петр Никифорович Кондратьев, 35 лет, православный, не судился, по делу показываю:

Наш председатель полкового комитета в командировке. Полк пришел в Могилев 26 августа из Проскурова, где мы укомплектовывались. Я в тот же день приехал из Петрограда, куда был делегирован полком для выяснения того, что из себя представляет Всерос[сийский] Совет С. и РД и его отношение к фронту и армии. Я бывал на собраниях и Петроградского Совета, и Центрального Исп[олнительного] ком[итета], просил предоставить мне слово, но ни в роте, ни в другом месте его не дали, а из частных бесед я вынес впечатление, что эти Советы и комитеты не нуждаются в голосе[I] фронта.

27 августа ген. Корнилов делал смотр нам и георгиевцам. Потом его окружили, внутри ближе к нему георгиевцы и мы, и он говорил речь. Говорил тихо, объяснил, что он решил не подчиняться Вр. пр[авительст]ву, потому что оно не пошло навстречу сформирования твердой власти. Поддержки он у нас не просил, но обратился три раза с каким-то вопросом к георгиевцам, те недружно отвечали «так точно», и вместе с ними ответили мы.

Потом стали нести усиленную караульную службу в городе и на вокзале. Окопов не рыли, пулеметов не трогали, они все время стояли во дворе, ни к чему военному не готовились. Мало того, командир полка капитан Неженцев постоянно говорил, начиная с 27-го числа, что генерал Корнилов гражданской войны не допустит, что все окончится дипломатическим путем.

Настроение в полку было твердое, за Корнилова. Постепенно местный Совет С. и Р. депутатов и, может быть, какие-нибудь другие организации стали вносить в полк разруху, солдаты стали ходить куда-то за город на собрания. Появились беглецы, просившие об отчислении от полка.

За генерала Корнилова в полку агитировал я. Я находил и нахожу необходимость в твердой власти, за которую только и боролся генерал Корнилов. Я слышал от капитана Неженцева, что генерал Корнилов говорил, что если будет сформирована твердая власть, то он готов уйти со своего поста. Все это я говорил солдатам и призывал к спокойствию.

Я являюсь противником Петроградского Совета С. и Р. депутатов в настоящем их составе и об этом делал доклад в батальоне полка, вернувшись из Петрограда.

Ни на какое вооруженное восстание, по моим наблюдениям и понятиям, генерал Корнилов не готовился и нашего полка к этому не призывал. Наш полк знал и верил только генералу Корнилову, был готов исполнять его приказания, но заговора какого-нибудь у нас не было, и я о нем и понятия не имею. Однако и вера в генерала Корнилова имела границу: если бы он нас послал на гражданскую войну, полк этого приказания не исполнил бы.

Четыре офицера нашего полка у нас находятся под бойкотом: Горбацевич, Колоколов, Яковенко[II] и еще один. 30 августа на общем собрании они объявили себя сторонниками Вр. правительства и в резких выражениях выступали против генерала Корнилова. Поднялся шум, требовали их ареста, и они сами настаивали на своем аресте. Командир полка не хотел их арестовывать, но требование солдат было категорично, и они были арестованы. Но причиной бойкота их со стороны офицеров полка является следующее. Почувствовав, что курс генерала Корнилова падает, они тайно от полка пошли к комиссару губер-

---

[I] Слово *«голосе»* вписано над строкой.

[II] Показание прапорщика Корниловского полка Яковенко см. документ № 66 — т. 2.

нскому и сообщили ему о настроениях полка и чуть ли не послали телеграмму Вр. правительству о том, что Корниловцы идут против него.

Надписано: «голосе».

Показание прочитано: подпор[учик] КОНДРАТЬЕВ

Член Чрезвычайной комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 79, 81–82 об. Подлинник. Рукопись.

№ 31
Показание личного адъютанта генерала Л.Г. Корнилова штабс-ротмистра 17-го гусарского Черниговского полка А.А. Корнилова

11 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 11 дня член Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и его соучастников полковник Украинцев допрашивал нижепоименованного:

Штабс-ротмистр 17-го гусарского Черниговского полка Аркадий Афанасьевич Корнилов, 24 лет, православный, не судился, по делу показываю:

Показания записываю собственноручно.

Я состою личным адъютантом при генерале Корнилове с марта месяца. Был с ним в Петрограде в штабе VIII армии Юго-Западного фронта и 23 июля приехал в Могилев. Генерал Корнилов со мной и другими адъютантами о своих планах и намерениях никогда не говорил. Дежурили мы через два дня в третий, и за дней десять до начала событий полковник кн. Голицын уехал в отпуск, и мы дежурили вдвоем с прапорщиком Долинским. Во время дежурства мы находились в адъютантской комнате, относили бумаги от Верховного главнокомандующего начальнику Штаба и докладывали о являющихся на прием. Представления и приемы были ежедневно. Верховный главнокомандующий часто приглашал представлявшихся ему высших начальников завтракать или обедать. Кроме того, у нас обедали министр Терещенко, румынский посланник, управляющий Военным министерством Савинков и комиссар Филоненко. За завтраками и обедами велись разговоры, не имеющие отношения к службе и политике.

Со штабс-капитаном Филоненко я познакомился в штабе VIII армии. Как тогда, так в дальнейшем отношения у него с генералом Корниловым были очень хорошие. Еще в штабе VIII армии он в разговоре со мной сказал, что к генералу Корнилову питает нежные чувства и такого генерала еще не встречал. В Ставку он являлся к генералу Корнилову почти ежедневно, а иногда несколько раз на день, причем мы о нем докладывали вне очереди. По-видимому, он был также в хороших отношениях с В.С. Завойко, т.к. они часто разговаривали, когда штабс-капитан Филоненко ожидал приема к генералу.

С Завойко познакомился в штабе VIII армии, куда он приехал добровольцем. Знал я о нем только, что он большой финансист, любит родину и, желая принести пользу, добровольцем поступил в армию. Когда генерал Корнилов с ним близко познакомился, он стал его ординарцем и жил с нами в одном помещении. Завойко, живя с нами, мог встречать генерала, кроме обеда и завтрака, во время прогулок, когда генерал на несколько минут выходил в сад. Все же остальное время генерал Корнилов работал у себя в кабинете.

А.Ф. Аладьин был представлен генералу Корнилову в Петрограде 5 августа на вокзале по приезде из Англии. Его мы еще раз видели в Москве на совещании. 19 августа он был у нас в Ставке и был приглашен к обеду. Вторично он приехал 25 августа и поселился у нас в нашей половине. О том, кем он был приглашен, я не знаю, но у меня составилось представление, что он старый знакомый Завойко. А.Ф. Аладьин обедал и завтракал с нами, очень много рассказывал об Англии и был очень интересный собеседник. 27 августа начались события, и ему уезжать уже нельзя было, т.к. сообщение было неопределенное.

Управляющий Военным министерством Савинков относился всегда с большим вниманием к генералу Корнилову, [в] последний свой приезд он говорил с генералом наедине, обедал у нас и завтракал.

Относительно приезда В.Н. Львова могу сказать следующее. Я был дежурным адъютантом. Вечером в мою комнату зашел Добрынский и просил доложить Верховному главнокомандующему, что бывший обер-прокурор Св. Синода В.Н. Львов приехал с поручением от министра-председателя А.Ф. Керенского и просит его принять. Я доложил Верховному главнокомандующему о В.Н. Львове, но он был занят бумагами и просил передать, что примет завтра утром. Когда же я доложил, что он с поручением от А.Ф. Керенского, генерал Корнилов просил сказать, чтобы он пришел сейчас. В.Н. Львов зашел в кабинет на несколько минут и сразу вышел, явившись на следующий день утром. Он не был приглашен ни к завтраку, ни к обеду. Где он останавливался, я не знаю. Распоряжения об отводе ему помещения или купе в вагоне я не делал.

27-го утром телеграмму от министра-председателя об отчислении генерала Корнилова принес генерал Романовский в 8 1/2 ч. утра. Сразу за ним вошел начальник Штаба генерал Лукомский, по приказанию которого я вызвал верховного комиссара Филоненко. К генералу Корнилову являлось так много депутаций, делегаций Советов, комитетов и представителей различных частей и организаций, что трудно назвать какие-нибудь отдельные фамилии.

Штабс-ротмистр КОРНИЛОВ

Член Чрезвычайной комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

Адрес: Москва, дом «Метрополь», кв. 3.[I]

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 23–24 об. Автограф.

№ 32
Показание[63] Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова

2–5 сентября 1917 г.

<2–5 сентября 1917 г. Чрезвычайная комиссия производила допрос нижепоименованного, и он показал.

Лавр Георгиевич Корнилов, генерал от инфантерии, 47 лет, православный, не судился.>[II]

Тотчас же после государственного переворота 27 февраля я был назначен Временным правительством на пост главнокомандующего войсками Петро-

[I] Адрес вписан членом Чрезвычайной комиссии Украинцевым.

[II] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан чернилами.

градского военного округа и, прибыв из действующей армии, 5 марта вступил в должность. С первых же шагов своей деятельности я убедился в крайне вредном влиянии на войска Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов, который, вовлекая войска гарнизона в борьбу политических партий, проводя в жизнь начала, разрушающие дисциплину и подрывающие авторитет начальников, постоянно дезорганизовал войска гарнизона, и без того не представлявшие из себя хорошо сплоченные войсковые части. Совет неоднократно пытался принять непосредственное участие в деле командования войсками с целью иметь в них оружие для достижения своих политических целей. Не считая возможным для себя быть невольным свидетелем и участником разрушения армии, я предпочел просить освободить меня от поста главнокомандующего войсками Петроградского военного округа и получил в начале мая назначение на должность командующего VIII армией. Я принял армию в состоянии почти полного разложения. Благодаря войсковым комитетам высший командный состав был лишен влияния на войска. Многие генералы и значительная часть командиров полков под давлением комитетов были удалены от занимаемых ими должностей. За исключением немногих частей братание процветало. Были случаи братания с участием хоров немецкой музыки, выставлявшихся между нашими и немецкими проволочными заграждениями. В течение двух месяцев мне почти ежедневно пришлось бывать в войсковых частях, лично разъяснять солдатам необходимость дисциплины, ободрять офицеров и внушать войскам необходимость войны, необходимость активных действий, словом, подготовлять войска к намеченному уже наступлению. В отношении комитетов я занял твердую позицию: отклоняя их вмешательство в деле перемен в командном составе, я постепенно вводил комитеты в рамки их законной деятельности, внушая им убеждение, что главнейшей задачей их является содействие командному составу в деле подъема духа в войсках. 25 июня армия перешла в наступление и имела блестящий успех, выразившийся в прорыве позиции противника на фронте 30-ти верст с захватом гор. Галича и Калуша, свыше десяти тысяч пленных и более ста орудий. Тут уже я убедился, что твердое слово начальника и определенные действия необходимы, чтобы остановить развал нашей армии. Я понял, что этого твердого слова ожидают и офицеры, и солдаты, сознательная часть которых уже утомилась от полной анархии. В ночь с 7-го на 8 июля я принял должность главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Прорыв фронта XI армии, начавшийся утром 6 июля, уже был в полном разгаре. XI армия отступала в беспорядке. Прорыв расширялся все далее и далее, захватывая правый фланг VII армии, находившейся южнее. По донесениям с фронта, многие части не исполняли приказаний, бросали свои позиции, другие не шли на поддержку. Каждое боевое приказание обсуждалось на митингах. По всем дорогам брели толпы солдат, дезертировавших из своих частей, производя грабежи и насилия в попутных селениях. Я немедленно потребовал от начальников решительных действий против предателей и изменников, предупредив, что всю ответственность я беру на себя. Я приказал расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя трупы расстрелянных на дорогах, на видных местах, с соответствующими надписями. Вместе с тем я послал 8 июля Верховному главнокомандующему телеграмму за № 3733[64], с копиями председателю Совета Министров, военному министру и комиссару Юго-Западного фронта, в которой в первый раз указал на необходимость применения исключительных мер, до введения смертной казни на театре военных действий, добавляя, что «иначе вся ответственность на тех, кто словами думает править на тех полях, где царит смерть и позор предательства, малодушия и себялюбия». Копия телеграммы за № 3733 прилага-

ется[I]. На эту телеграмму я получил телеграмму от Верховного главнокомандующего, который сообщил, что он вполне разделяет мой взгляд, а от военного министра — что в моем распоряжении пункт 14 декларации прав солдата[65]. Ввиду все усиливающегося развала армии Юго-Западного фронта и продолжавшегося отступления я вынужден был усилить строгость уже принятых мер, приказав сформировать особые ударные отряды из юнкерских батальонов для борьбы с дезертирством, мародерством и насилиями. Я приказал запретить в районе действующей армии митинги, объявив их незаконными сборищами, подлежащими разгону силой оружия. 11 июля я обратился к председателю Совета Министров, с копией — Верховному главнокомандующему, с телеграммой за № 3911, которая начиналась словами: «Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит...»[66]. В телеграмме я указал на «необходимость немедленного восстановления закона смертной казни на театре военных действий». Телеграмму закончил словами: «Сообщаю вам, стоящим у кормила власти, что Родина действительно накануне безвозвратной гибели, что время слов, увещаний и пожеланий прошло, что необходима непоколебимая государственно-революционная власть. Я заявляю, что, занимая высокоответственный пост, я никогда в жизни не соглашусь быть одним из орудий гибели Родины. Довольно. Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мной мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному ее назначению защиты Родины и Свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокомандующего. [№] 3911. Генерал Корнилов. Со своей стороны разделяю мнение генерала Корнилова и поддерживаю высказанное им от слова до слова, комиссарюз Савинков»[II]. Утром 12 июля я получил телеграмму от министра-председателя, что принципиально закон о смертной казни принят, и вечером мне будет сообщена окончательная редакция этого закона. Объявление этого закона в армиях фронта произвело сразу отрезвляющее впечатление на массы. 16 июля в Ставке собиралось совещание с участием министра-председателя и всех главнокомандующих фронтами для обсуждения мер по поднятию боеспособности армии. Я получил телеграмму Верховного главнокомандующего за № 5067, что ввиду положения на Юго-Западном фронте мой приезд в Ставку не признается возможным и что мне предлагается представить свои соображения по вопросу, который будет рассматриваться на совещании. Мой ответ изложен в телеграмме № 4254[III]. В этой телеграмме я указал на необходимость распространения закона о смертной казни и военно-революционных судов на внутренние округа, исходя из мысли, что никакие меры по восстановлению боеспособности армии не дадут желаемого результата, пока армия будет получать из тыла укомплектования в виде банд распущенных, необученных, распропагандированных солдат, которые способны разложить даже самые крепкие войсковые части. В той же телеграмме я указывал на необходимость восстановления дисциплинарной власти начальников, ограничения круга деятельности войсковых комитетов, ус-

---

[I] Конец предложения помечен знаком «х», под строкой дана отсылка: *«Приложение № 1»*. Здесь и далее в документе пометы и отсылки к приложениям вписаны чернилами. Приложение № 1 (телеграмма № 3733) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

[II] Конец предложения помечен знаком: «хх», под строкой отсылка: *«Приложение II»*. Приложение № 2 (телеграмма № 3911) см.: Там же. Д. 14. Л. 16–20.

[III] Конец предложения помечен знаком: «ххх», под строкой отсылка: *«Приложение III»*. Приложение № 3 (телеграмма № 4254) см.: Там же. Д. 14. Л. 21–24.

тановления их ответственности за превышение власти, запрещение митингов законом, запрещение ввоза в район армии газет с крайними учениями, наконец, воспрещение въезда всякого рода депутаций, делегаций и агитаторов. В этой же телеграмме я впервые заявил о необходимых мерах для поднятия в армии престижа офицера, приниженного, лишенного своего авторитета целым рядом мероприятий, проведенных правительством. Совещание в Ставке ни к какому практическому результату не привело вследствие того, что у всех участников этого совещания, за исключением генерала Деникина, не хватило гражданского мужества поставить вопрос о мерах поднятия боеспособности армии вполне точно и определенно. 19 июля постановлением Временного правительства (телеграмма № 5807) я был назначен на пост Верховного главнокомандующего. В ответ на эту телеграмму я обратился к председателю Совета Министров с телеграммой № 4424[67], адресованной также и Военному министру (копия прилагается)[I], изложив им те условия, при которых я считаю возможным принять пост Верховного главнокомандующего. Одним из таких условий являлось полное невмешательство Временного правительства в мои оперативные распоряжения, а потому и в назначения высшего командного состава. В ответ на эту телеграмму я получил телеграмму от военного министра, что за мной признается право назначения моих помощников, а на следующий день из агентских телеграмм узнал, что без моего представления и без моего ведома главнокомандующим Юго-Западным фронтом назначен генерал-лейтенант Черемисов. Я вынужден был обратиться к военному министру с телеграммой № 4431[II], с просьбой отменить сделанное назначение генерала Черемисова, предупредив, что иначе я не признаю возможным принять на себя верховное главнокомандование армиями. 20-го же июля я послал в кабинет военного министра г. Савинкова телеграмму № 4459 (копия прилагается)[III] о том, что до получения категорического ответа на телеграммы №№ 4424 и 4431 я в Могилев не выеду. Из Петрограда мне было сообщено, что для переговоров со мной в Бердичев командирован комиссар Юго-Западного фронта Филоненко. 23 июля он прибыл в Бердичев и доложил от имени Временного правительства, что все мои пожелания, изложенные в телеграммах №№ 4254 и 4424, правительством принципиально принимаются, генерал Черемисов назначается в распоряжение Временного правительства. Выслушав этот доклад Временного правительства, я немедленно выехал в Могилев и 24 июля вступил в исполнение обязанностей Верховного главнокомандующего. 30 июля в Ставке было совещание[68] с участием министра путей сообщения г. Юренева, министра продовольствия г. Пешехонова, начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала Лукомского, товарища министра путей сообщения на театре военных действий генерала Кислякова и начальников отделов Штаба. Обсуждался вопрос о мерах по обеспечению армии провиантом и фуражом и упорядочению железнодорожного транспорта. Доклад по вопросу о состоянии нашей железнодорожной сети, сделанный инженером Э.П. Шуберским, раскрыл участникам совещания вопиющую картину полной дезорганизации железнодорожной службы и всю ее грозную опасность для армии и для страны. В своем заключительном слове я высказал, что для достижения целей

[I] Конец предложения помечен знаком: «*x*», под строкой отсылка: «*Приложение IV*». Приложение № 4 (телеграмма № 3911) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

[II] Конец предложения помечен знаком: «*xxx*», под строкой отсылка: «*Приложение V*». Приложение № 5 (телеграмма № 4431) см.: Там же. Д. 14. Л. 26.

[III] Конец предложения помечен знаком: «*xxxx*», под строкой отсылка: «*Приложение VI*». Приложение № 6 (телеграмма № 4459) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 27.

войны и для благополучного ее окончания миром почетным, достойным Великой, Свободной России, нам необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу, в мастерских и заводах, приготовляющую для армии на фронте все ей необходимое, и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту. Я заявил, что я не касаюсь вопроса, какие меры необходимы для оздоровления рабочей и железнодорожной армий, предоставляя разобраться в этом вопросе специалистам, но я считаю, что для правильной работы этих армий они должны быть подчинены той же железной дисциплине, которая устанавливается для армий фронта. Немедленно по вступлении в должность Верховного главнокомандующего я приказал начальнику Штаба разработать по данным мной указаниям в соответственных отделах Штаба ряд докладов относительно мер по приведению армии в необходимый порядок. Из этих докладов после предварительного обсуждения с начальниками отделов был составлен общий доклад, с которым я 3 августа отправился в Петроград с целью лично доложить его Временному правительству. По прибытии в Петроград я с вокзала поехал в Зимний дворец представиться министру-председателю. В разговоре со мной А.Ф. Керенский коснулся вопроса, между прочим, о том, что со времени моего назначения Верховным главнокомандующим мои представления правительству носят слишком ультимативный характер. Я заявил, что эти требования диктуются не мной, а обстановкой, т.к. боеспособность армии слишком понижена, а противник, видимо, намерен использовать такое состояние армии и разруху в стране. Я заявил, что только в твердых мерах, проводимых без всяких колебаний, можно видеть спасение армии и страны от развала. Здесь впервые А.Ф. Керенский поинтересовался моим мнением, что следует ли ему оставаться далее руководителем государства. Смысл моего ответа заключался в том, что, по моему мнению, влияние его в значительной мере понизилось, но тем не менее я полагаю, что он как признанный вождь демократических партий должен оставаться во главе Временного правительства и что другого положения я не представляю. В 4 часа дня, в тот же день, было назначено заседание Временного правительства, и мне было предложено выступить с докладом о положении на фронте и состоянии армии. Узнав до начала совещания от управляющего Военным министерством г. Савинкова, что в Военном министерстве по его указанию разрабатывается ряд проектов по вопросу о восстановлении боеспособности армии и оздоровлению тыла, я по соглашению с управляющим Военным министерством решил отклонить мой доклад Временному правительству по этому вопросу с целью представить в свой следующий приезд в Петроград общий доклад с управляющим Военным министерством. Об этом решении я сделал заявление Временному правительству в начале заседания. Ввиду изложенного доклад мой Временному правительству 3 августа ограничился изложением общей обстановки на всех фронтах, численности армий, их состояния, состояния запасов довольствия артиллерийского, интендантского, санитарного и проч. и общей обрисовкой тех вероятных перемен в стратегической обстановке, которые могут произойти в зависимости от наметившихся уже намерений противника перейти в наступление на рижском участке, я указал, что удар, по всей вероятности, будет нанесен в районе Икскюля, указав, что меры для противодействия приняты, но ввиду малой устойчивости наших войск вообще, а армии Северного фронта в особенности нам, по всей вероятности, не удастся удержать Ригу. Я считаю необходимым отметить, когда я коснулся о соотношении наших сил и противника на различных участках фронта, и на каком из них возможно было бы перейти, при наличии некоторых условий, в наступление, министр-председатель, сидевший со мной рядом, наклонившись ко мне, ше-

потом предупредил, что в этом вопросе нужно быть осторожным. Немного спустя мне была передана записка г. Савинкова с таким же предупреждением. Я был страшно поражен и возмущен тем, что в Совете Министров Российского государства Верховный главнокомандующий не может без опаски касаться таких вопросов, о которых он, в интересах обороны страны, считает необходимым поставить правительство в известность. По окончании заседания из некоторых слов Б.В. Савинкова мне стало ясным, что предупреждение имело в виду министра земледелия Чернова. В ночь на 4 августа я выехал из Петрограда в Ставку. Комиссар Филоненко остался в Петрограде с целью заняться по указаниям г. Савинкова разработкой общего доклада моего и управляющего Военным министерством, причем основой этого общего доклада должен был явиться мой уже готовый доклад, переданный мной А.Ф. Керенскому. После 3 августа левая пресса повела против меня кампанию. 7 августа помощник комиссара Временного правительства при Верховном главнокомандующем Фонвизин предупредил меня, что, по сведениям из Петрограда, вопрос о моей отставке в Петрограде решен окончательно. Я заявил, что лично меня вопрос о пребывании на посту Верховного главнокомандующего мало занимает, но я прошу довести до сведения кого следует, что такая мера вряд ли будет полезна в интересах дела, т.к. может вызвать в армии волнения. Я сослался на настроение офицеров, казачьих частей и многих общественных кругов, отношение которых к вопросу о моей отставке мне известно. В промежуток между 7 и 9 августа я получил от Военной лиги, Исполнительного комитета Союза офицеров[69], Совета Союза казачьих войск[70], Конференции Союза Георгиевских кавалеров[71], от Совещания общественных деятелей[72] ряд резолюций[73] с протестом против моей отставки и, кроме того, много телеграмм и писем от частных лиц со всех концов России. Копии резолюций прилагаю[1]. Получив сведение, что 12 августа в Москве предположено открытие Государственного совещания, и имея в виду положение дел на фронте, я 8 августа, вечером, приказал передать в Петроград, что 10 августа в Петрограде быть не могу, а прошу Б.В. Савинкова взять на себя представление моего доклада Временному правительству с теми намерениями, которые желательно в нем сделать по мнению управляющего Военным министерством. Б.В. Савинков и комиссар Временного правительства при Верховном главнокомандующем Филоненко по прямому проводу стали доказывать мне необходимость моего переезда в Петроград для личного участия в обсуждении доклада, и из их слов я предположил, что они действуют с ведома министра-председателя и что участие мое в обсуждении доклада представляется желательным самому Временному правительству. 9 августа я выехал в Петроград. 10 августа, утром, прибыв уже в Петроград, я получил телеграмму министра-председателя, полученную в Ставке после моего отъезда и переданную мне вслед, что мое участие в обсуждении доклада не представляется необходимым и что Временное правительство снима-

[1] Конец предложения помечен знаком: *«»*, под строкой отсылка: *«Приложения VII, VIII, IX, X, XI»*. Приложение № 7 (резолюция соединенного собрания центральных руководящих органов Военной лиги, Союза офицеров армии и флота, Союза Георгиевских кавалеров, Союза воинского долга и др. от 31 июля 1917 г.) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 28, 28 об.; приложение № 8 (выписка из протокола заседания Совета Союза казачьих войск от 7 августа 1917 г.) см.: Там же. Л. 29, 29 об.; приложение № 9 (резолюция Совета Союза казачьих войск от 6 августа 1917 г.) см.: Там же. Л. 30; приложение № 10 (выписка из протокола заседания конференции Союза Георгиевских кавалеров от 7 августа 1917 г.) см.: Там же. Л. 31, 31 об.; приложение № 11 (телеграмма Совещания общественных деятелей от 9 августа 1917 г.) см.: Там же. Л. 32.

ет с себя ответственность за последствия моего отсутствия с фронта. По прибытии в Петроград я представился министру-председателю, по словам которого доклад, разработанный комиссаром Филоненко по указанию Савинкова, ему не известен, что внесение этого доклада в Совет Министров он, А.Ф. Керенский, как военный министр не считает возможным и что он не уполномочивал г. Савинкова приглашать меня в Петроград для участия в заседании. Ввиду сего я пожелал предварительно объясниться с управляющим Военным министерством Б.В. Савинковым, который заявил мне, что доклад действительно не был представлен А.Ф. Керенскому в законченном виде, но что он докладывался ему г. Савинковым по частям по мере его изготовления и, во всяком случае, содержание доклада министру-председателю известно, что приглашение мое в Петроград сделано с ведома Временного правительства, а об отправке вышеупомянутой телеграммы ему, Савинкову, не было известно. В 6 час. вечера я, подписав общий доклад о мерах по оздоровлению армии и тыла, уже подписанный гг. Савинковым и Филоненко, доложил его частному совещанию Временного правительства[74] в составе гг. Керенского, Некрасова и Терещенко. По рассмотрении доклада мне было заявлено, что правительство соглашается на все предложенные мной меры, вопрос же об их осуществлении является вопросом темпа правительственных мероприятий, что же касается вопроса о милитаризации железных дорог и заводов и фабрик, работающих на оборону, то до обсуждения этого вопроса, ввиду его сложности и слишком резкой постановки его в докладе, он подвергнется предварительному обсуждению в подлежащих специальных ведомствах. Относительно отсрочки последних двух вопросов я согласился, тем более что в моем первоначальном докладе они детально совсем не затрагивались. В конце заседания мне был задан вопрос: можно ли рассчитывать на то, что Рига не будет захвачена противником до Московского совещания. Я заявил, что в зависимости от того, как немцы ведут свои операции, я рассчитываю, что Рига может продержаться неделю, но больше вряд ли. Из разговора с А.Ф. Керенским я убедился, что он был против моего приезда в Петроград и не желал допустить обсуждения моего доклада в пленарном заседании членов Временного правительства. Ввиду того, что в силу обстановки на фронте я должен был спешить отъездом из Петрограда, я не стал добиваться участия в общем заседании. Оставив А.Ф. Керенскому свой первоначальный доклад и послав ему с вокзала общий доклад, я выехал в ту же ночь в Могилев. Перед отъездом меня посетил Б.В. Савинков, из слов которого я заключил, что отношения его с А.Ф. Керенским за последние дни ухудшились. Министр-председатель не принимает его с личным докладом, и в тот же день вечером, когда я сидел с докладом у министра-председателя, последний отказался принять управляющего Военным министерством, прибывшего с докладом по тому же вопросу, о котором докладывал и я. В этот же приезд мой в Петроград А.Ф. Керенский снова задал мне вопрос: представляется ли, по моему мнению, желательным уход его, Керенского, из состава правительства, я ответил то же, что сказано было мной при свидании 3 августа. 10 августа во время моего доклада в частном совещании членов Временного правительства было решено, что я как Верховный главнокомандующий приму участие в Государственном совещании в Москве, но программа моего выступления точно установлена не была. По дороге из Петрограда в Ставку я по просьбе комиссара Филоненко послал телеграмму А.Ф. Керенскому с заявлением, что ввиду необходимости довести до конца программу, предложенную мной в докладе, я считаю крайне нежелательной отставку управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова, об уходе которого с поста по личным разногласиям с Керен-

ским сообщил мне Филоненко. 11 августа я получил телеграмму министра почт и телеграфов с приглашением принять участие в совещании. 13 августа я приехал в Москву и тотчас же командировал Генерального штаба подполковника Пронина к министру почт и телеграфов выяснить, когда назначено время моего выступления в совещании. По докладу подполковника Пронина г. Никитин заявил, что речи представителей правительства уже закончились, 14 августа будут говорить только представители Дум и общественных организаций, выступления же моего не предвиделось, о дальнейшем же мне было предложено переговорить с министром-председателем. Вечером 13 августа ко мне приехал министр путей сообщения г. Юренев с заявлением, что по постановлению Временного правительства я могу выступить в совещании 14 августа, но могу касаться только стратегического положения на фронтах. Вечером я переговорил по телефону с министром-председателем, который заявил, что члены правительства уже коснулись в своих речах всех вопросов, касающихся жизни армии, поэтому выступление мое по тем же вопросам не признается желательным, в особенности не признается желательным расхождение по этим вопросам с взглядами Временного правительства. Я доложил, что я считаю возможным, выступая перед представителями всей страны, ограничиться изложением только сведений о стратегическом положении на фронте и нахожу безусловно необходимым ознакомить страну с истинным состоянием ее вооруженных сил и указать, что необходимо, чтобы поднять их боеспособность; я доложил, что не позволю себе никаких резкостей и нападок, поэтому прошу предоставить мне свободу выбора тем речи. Определенного ответа мне А.Ф. Керенский не дал. 14 августа я выступил на совещании с речью[75], из которой воспроизвожу здесь конец: «...Для действительного воплощения воли народа к жизни и великому будущему Свободной Страны необходимо немедленно проведение в жизнь всей совокупности тех мер, которые перечислены в моем докладе. Я ни одной минуты не сомневаюсь в том, что все эти меры рано или поздно будут осуществлены, но невозможно допустить, чтобы решимость к проведению этих мер каждый раз совершалась бы под давлением поражения и уступок отечественной территории. Если решительные меры по поднятию дисциплины на фронте последовали как результат Тарнопольского погрома и утраты Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был последствием потери Риги, порядок же на железных дорогах — следствием уступки противнику Молдавии и Бессарабии. Я верю в гений русского народа и в спасение страны. Я верю в светлое будущее России и полное восстановление боевой мощи нашей армии. Нельзя только терять времени. Нужна решимость и твердое непреклонное проведение намеченных мер». 18 августа началось наступление немцев на фронтах XII армии, и утром 20 августа пала Рига. Несмотря на то что место вероятной переправы нам было заранее известно и распоряжениями главнокомандующего армиями Северного фронта и командующего XII армией к месту прорыва были сосредоточены значительные резервы, войска наши без упорного сопротивления отдали врагу сильные укрепленные позиции, прикрытые первоклассной оборонительной линией — рекой Двиной. Немцы переправились в районе Икскюльского предмостного укрепления. Вопрос об оставлении предмостного укрепления у Икскюля, расположенного на левом берегу реки Двины, был возбужден еще в конце июня и окончательно разрешен 6 июля, к 14 июля эти укрепления были очищены нами, т.е. за неделю до моего назначения на пост Верховного главнокомандующего. На Рижском фронте повторилась приблизительно история Тарнопольского прорыва, за исключением кавалерии, артиллерии, пулеметных команд, партизанских отрядов и очень немногих пехотных частей, исполнивших свой долг перед

Родиной, остальные части пехоты почти не проявили устойчивости, отходили в беспорядке, бросая свою артиллерию и отдавая значительное число пленных. Обратив внимание на резкую разницу донесений о поведении войск в бою командующего XII армией генерала Парского и комиссара той же армии г. Войтинского с донесением командиров корпусов той же армии, я приказал главнокомандующему армиями Северного фронта генералу Клембовскому назначить по этому делу следствие и привлечь генерала Парского и г. Войтинского к суду по обвинению в неправильных донесениях. Благодаря Рижскому прорыву мы потеряли сильные оборонительные линии, потеряли крепость Усть-Двинск, богатый город Ригу, много артиллерии, разного рода запасы, и, кроме того, наше положение на побережье Рижского залива в значительной мере поколебалось. XII армия с большими потерями и в большом расстройстве отошла на Венденские позиции. В Ставку стали поступать сведения о подготовке немцами десантной операции, получались сведения о подготовке транспортных средств в Либаве и Данциге, о появлении в Балтийском море немецких судов и немецких тральщиков, производивших вылавливание мин в Ирбенском проливе. Стали получаться сведения о том, что немецкие аэропланы производят усиленную рекогносцировку[1] у берегов Даго и Эзеля, а немецкие подводные лодки стали устанавливать минные заграждения в проливах, ведущих с севера в Рижский залив. Все указывало, что немцы готовятся к производству десантной операции в сторону Ревеля и далее, быть может, на Петроград. В это время я получил телеграмму о наших потерях при взрыве пороховых заводов и артиллерийских складов в Казани[76]. Пожаром было уничтожено до миллиона артиллерийских снарядов и двенадцати тысяч пулеметов, предназначенных для отправления в армию. Были получены сведения о покушении на уничтожение наших заводов в Одессе и готовящемся покушении на другие заводы наши и фабрики, работающие на оборону. С других фронтов получались также весьма неутешительные сведения. В особой армии солдатами был зверски убит командующий 111-ой пехотной дивизией генерал Гиршфельд и комиссар той же армии Линде. Из внутри страны я получал со всех сторон письма о насилиях, творимых над помещиками, и о полной разрухе во всех отраслях народной жизни. 24 августа по моему приглашению в Ставку съехались комиссары и представители со всех фронтов для ознакомления с проектом нового положения о комиссарах и комитетах. 24 августа, когда было назначено открытие съезда, в Ставку прибыл управляющий Военным министерством Б.В. Савинков. С поезда он проехал ко мне. С ним вместе прибыли встречавшие его на вокзале начальник Штаба генерал-лейтенант Лукомский и комиссар при Верховном главнокомандующем Филоненко. Г[осподин] Савинков заявил, что желал бы переговорить со мной наедине. Начальник Штаба и комиссар вышли из моего кабинета, г. Савинков сказал, что г. Керенский, признанный вождь левых партий, и я, на ком, по его мнению, зиждутся все надежды правых политических партий России, должны идти рука об руку и что несогласия между нами могли бы вызвать крайнее обострение в положении, поэтому он считает своей важнейшей задачей подготовить почву соглашения между г. Керенским и мной с целью на нашей согласованной работе основать формирование сильной, крепкой власти. Я заявил, что не считаю себя вождем правых партий, но не отрицаю и того, что несогласия между г. Керенским и мной могли бы иметь пагубные последствия.

---

[1] Рекогносцировка (от *лат.* recognoscere, рассматривать) — разведка с целью получения сведений о расположении противника, его огневых средствах, особенностях местностей и т.п.

Я заявил, что, хотя и не претендую на то, чтобы иметь влияние на тот или другой состав правительства, раз интересуются моим мнением, то я считаю возможным заявить и открыто сказать, что нахожу Керенского человеком слабохарактерным, легко поддающимся чужим влияниям и, конечно, не знающим того дела, во главе которого он стоял. Лично я против него ничего не имею, думаю, что другой состав правительства без участия г. Керенского мог бы тоже справиться с делом. После долгого обсуждения вопроса в связи с положением страны я в конце концов согласился, что при современном соотношении политических партий участие г. Керенского в составе правительства я признаю безусловно желательным. Затем я добавил, что я готов всемерно поддерживать А.Ф. Керенского, если это нужно для блага отечества. В ответ Б.В. Савинков заявил мне, что он счастлив слышать от меня эти слова. Все это подтверждено самим г. Савинковым при разговоре со мной по прямому проводу 27 августа в 5 час. 50 мин. дня. Выдержка из этого разговора прилагается[1]. Дальнейший ход событий 24 августа и содержание бесед моих с г. Савинковым изложены в «Протоколе пребывания управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова в Могилеве 24 и 25 августа 1917 г.»[II]. В этом протоколе, восстановленном по памяти мной, генералами Лукомским и Романовским, все, о чем говорилось мной с Савинковым в присутствии двух названных генералов. Протокол гласит: «24 августа Савинков с поезда проехал прямо к Верховному главнокомандующему. Одновременно с ним приехали: начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Лукомский и комиссар при Верховном главнокомандующем Филоненко. Войдя в кабинет к главковерху и поздоровавшись с ним, Савинков заявил, что ему хотелось бы переговорить с генералом Корниловым с глазу на глаз. Генерал Лукомский и Филоненко из кабинета вышли. Разговор Савинкова с генералом Корниловым касался установления тесных отношений между генералом Корниловым и министром-председателем Керенским, так как Савинков считал, что оба эти лица, будучи вождями различных партий, должны работать рука об руку. Затем Савинков показал генералу Корнилову те проекты законов, которые выработаны для рассмотрения Временным правительством на основании требований, предъявленных генералом Корниловым. В тот же день, после обеда, примерно в 9 часов вечера, в кабинете генерала Корнилова собрались кроме хозяина Савинков, генерал-лейтенант Лукомский и Филоненко. Сначала обсуждался вопрос о комитетах и комиссарах, причем Савинков и Филоненко высказались против главкоюза генерала Деникина, который не может наладить отношений с комиссарами и комитетами, и высказали опасение, что если во главе фронтов будут стоять такие генералы, то трудно будет установить дружную работу и это будет отражаться на состоянии войск. Генерал Корнилов и генерал Лукомский горячо восстали против возможности легко убирать отличных боевых генералов из-за того, что у них являются иногда шероховатости в работе с комитетами. Было высказано, что если новое положение о комиссарах и комитетах будет составлено вполне определенно, то никаких недоразумений не будет. Хороших же боевых генералов слишком мало, чтобы их выбрасывать за борт из-за всякого недоразумения. Затем

[1] Конец предложения помечен знаком: «»», под строкой вписана отсылка: *«Приложе[ние] XII»*. Приложение № 12 (выписка из записи разговора по прямому проводу Л.Г. Корнилова с Б.В. Савинковым 27 августа) в деле 14 отсутствует. Запись разговора см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–14. Опубл.: Революционное движение в России... С. 448–452.

[II] Протокол пребывания управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова в Ставке 24 и 25 августа 1917 г. (25 августа 1917 г.) см. приложение № 1 — т. 2.

Савинков предложил обсудить вопрос об установлении границ Петроградского военного губернаторства, которое признается необходимым выделить из состава Петроградского Военного округа при формировании Особой армии для обороны подступов к Петрограду. В кабинет были приглашены генерал-майор Романовский и полковник Барановский (начальник кабинета военного министра), которые принесли карты, и полковник Барановский доложил о тех границах губернаторства, которые считает нужным установить в Петрограде. После некоторых переговоров граница была установлена. До прихода генерала Романовского после доклада полковника Барановского о необходимости выделить особое Петроградское военное губернаторство Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, сказал почти дословно следующее: таким образом, Лавр Георгиевич, Ваши требования будут удовлетворены Временным правительством в ближайшие дни, но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные осложнения. Вам, конечно, известно, что примерно 28 или 29 августа в Петрограде ожидается серьезное выступление большевиков. Опубликование Ваших требований, проводимых через Временное правительство, конечно, послужит толчком для выступления большевиков, если последнее почему-либо задержалось. Хотя в нашем распоряжении и достаточно войск, но на них мы вполне рассчитывать не можем. Тем более, что еще не известно, как к новому закону отнесется Совет рабочих и солдатских депутатов. Последний также может оказаться против правительства, и тогда мы рассчитывать на наши войска не можем. Поэтому прошу Вас отдать распоряжение о том, чтобы 3-ий конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и был предоставлен в распоряжение правительства. В случае, если кроме большевиков выступят и члены Совета рабочих и солдатских депутатов, то нам придется действовать и против них. Я только прошу Вас во главе 3-го конного корпуса не присылать генерала Крымова, который для нас не особенно желателен. Он очень хороший боевой генерал, но вряд ли пригоден для таких операций. После этого пришел генерал Романовский, и были окончательно установлены границы Петроградского военного губернаторства. Затем Савинков вновь вернулся к вопросу о возможном подавлении при участии 3-го конного корпуса выступления в Петрограде большевиков и С. Р. и С. Д., если последний пойдет против Временного правительства. При этом Савинков сказал, что действия должны быть самые решительные и беспощадные. На это генерал Корнилов ответил, что он иных действий и не понимает, что инструкции будут даны соответственные и что он вообще к вопросу употребления войск при подавлении беспорядков относится серьезно и им уже отдавалось приказание о предании суду тех начальников, которые допускают стрельбу в воздух, что и в данном случае, раз будет выступление большевиков и С. Р. и С. Д., то таковое будет подавлено со всей энергией. Полковник Барановский, стоявший около стола, со своей стороны прибавил: «Конечно, необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия». После этого Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, сказал, что необходимо, дабы не вышло недоразумения и чтобы не вызвать выступления большевиков раньше времени, предварительно сосредоточить к Петрограду конный корпус, затем к этому времени объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и объявить новый закон, устанавливающий целый ряд ограничений. Дабы Временное правительство точно знало, когда объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и когда опубликовать новый закон, надо, чтобы генерал Корнилов точно телеграфировал ему, Савинкову, о времени, когда подойдет корпус к Петрограду. После этого Савинков и Барановский ушли. В доказа-

тельство соглашения генерала Корнилова с управляющим Военным министерством Савинковым о подводе к Петрограду 3-го конного корпуса приводится следующий текст телеграммы, отправленной Савинкову в зашифрованном виде 27 августа в 2 часа 40 минут: «Управвоенмину. Корпус сосредоточивается в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении. 29 августа. № 6394. Генерал Корнилов». Подлинный подписали: генерал от инфантерии Корнилов, генерал-лейтенант Лукомский и генерал-майор Романовский[I]. К сказанному в протоколе добавлю, что управляющий Военным министерством просил меня заменить, если представится возможным, Кавказскую туземную дивизию регулярной кавалерией, так как «неловко поручать утверждение русской свободы кавказским горцам». Я обещал сделать все возможное и поручил начальнику Штаба запросить Северный и Западный фронты, нельзя ли будет из наличных на этих фронтах кавалерийских дивизий отправить бригаду (не казачью) в распоряжение генерала Крымова. Кроме того, считаю необходимым привести следующую выдержку из разговора, бывшего у меня 27 августа, в 5 часов 50 минут дня по тому же вопросу с г. Савинковым по прямому телеграфному проводу[II]. Г[осподин] Савинков сказал: «...Я считаю долгом для восстановления исторической точности заявить, что я по поручению министра-председателя просил у Вас конный корпус для обеспечения проведения в жизнь военного положения в Петрограде и для подавления всяких попыток возмущения против Временного правительства, откуда бы они ни шли...» Во время нашего разговора по прямому телеграфному проводу присутствовали: в Петрограде с г. Савинковым — В.А. Маклаков, со мной — г. Филоненко. 25 августа г. Савинков уехал из Могилева. В тот же день, утром, ко мне явился В.Н. Львов, которого в бытность мою главнокомандующим войсками Петроградского военного округа я видел раза два в заседаниях Совета Министров, знал, что он был членом Государственной Думы, обер-прокурором Синода, кроме обычных приветствий при встрече, никаких разговоров с ним я прежде не вел. Войдя ко мне в кабинет, Львов сразу заявил мне: «Я к Вам от Керенского с поручением». Я подчеркиваю, что Львов был послан не мной, так как я его с апреля месяца не видел и слишком мало знал, а прибыл он ко мне от Керенского. В доказательство прилагаю заметку о переговорах В.Н. Львова с членом 1-й Государственной Думы А.Ф. Аладьиным, переданную мне 30 августа (Приложение XIV)[III]. Упоминаемого в этой заметке И.А. Добрынского я ни разу не видел, и о переговорах, изложенных в заметке, мне стало известно только по прочтении этой заметки, переданной мне А.Ф. Аладьиным 30 августа. В.Н. Львов заявил мне от имени Керенского, что если, по моему мнению, дальнейшее участие последнего в управлении страной не даст власти необходимой силы и твердости, то Керенский готов выйти из состава правительства. Если Керенский может рассчитывать на поддержку, то он готов

[I] Конец предложения помечен знаком: «хх», под строкой отсылка: *«Подлинник протокола прилагается. Приложение XIII»*. Приложение № 13 (протокол пребывания управляющего Военным министерством Савинкова в г. Могилеве 24, 25 августа 1917 г.) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 34–36. Опубл.: *Владимирова В.* Контрреволюция в 1917 г. М., 1924. С. 206–209. (См. приложение к сборнику № 1 — т. 2).

[II] Запись разговора по прямому проводу управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова и члена партии кадетов В.А. Маклакова с генералом Л.Г. Корниловым 27 августа 1917 г. см. приложение № 2 — т. 2.

[III] Отсылка документа. Приложение № 14 (заметка А.Ф. Аладьина о его переговорах с В.Н. Львовым) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 37.

продолжать работу. Львов просил меня высказать мое мнение по поводу предложения Керенского и изложить программу. Я, очертив общее положение страны и армии (положение дел на фронте, приготовления немцев к производству десанта на побережье Рижского залива и возможность дальнейшего развития этих операций в направлении на Ревель и Петроград, известие об убийстве солдата, начальника 111-ой пехотной дивизии генерала Гиршфельда и комиссара XI армии Линде, пожар пороховых и артиллерийских складов в Казани), заявил, что, по моему глубокому убеждению, единственным исходом из тяжелого положения страны является установление диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении. Я заявил, что лично не стремлюсь к власти и готов подчиниться тому, кому будут вручены диктаторские полномочия, будь то сам А.Ф. Керенский, генерал Алексеев, генерал Каледин или другое лицо. Львов заявил, что не исключается возможность такого решения, что ввиду тяжелого положения страны Временное правительство в его нынешнем составе само придет к сознанию необходимости установления диктатуры и, весьма возможно, предложит мне обязанности диктатора. Я заявил, что если бы так случилось, то, всегда держась мнения, что только твердая власть может спасти страну, я от такого предложения бы не отказался. Я просил В.Н. Львова передать А.Ф. Керенскому, что независимо от моих взглядов на его свойства, его характер и его отношение ко мне я считаю участие в управлении страной самого Керенского и Савинкова безусловно необходимым, кроме того, я просил его передать А.Ф. Керенскому, что, по имеющимся у меня сведениям, в Петрограде в ближайшее время готовится выступление большевиков и на А.Ф. Керенского готовится покушение, поэтому я прошу А.Ф. Керенского приехать в Ставку, чтобы договориться с ним окончательно. Я просил передать ему, что я честным словом гарантирую его полную безопасность в Ставке. Выслушав мое заявление, Львов, по-видимому, тронутый, сказал: «...Генерал, Вы благороднейший человек». В конце нашей беседы в кабинет вошел с докладом В.С. Завойко, исполняющий обязанности моего ординарца. В его присутствии я еще раз повторил В.Н. Львову суть сделанных мной заявлений. 26 августа заканчивались занятия съезда комиссаров и представителей армейских комитетов. Я выступил там с речью, в которой кратко очертил тяжелое положение страны, призвал командный состав, комиссаров и комитеты к дружной работе для поднятия боеспособности нашей армии. В речи я отметил также, что, пока остаюсь у власти, я никогда не соглашусь на участие войсковых комитетов в деле аттестования командного состава. Пункт этот был включен в проект положения о комитетах, разработанный в Военном министерстве. 24 августа при обсуждении его со мной управляющий Военным министерством г. Савинков, ввиду моего категорического протеста против права участия комитетов в аттестациях, гг. Савинков и Филоненко мне заявили, что пункт этот будет, безусловно, исключен из проекта, я настаивал, что пункт этот не подлежит даже оглашению на съезде. Несмотря на их заявления, означенный пункт был оглашен на съезде и включен в новый обнародованный уже закон о правах комитетов. 26-го же, вечером, у меня в кабинете собрались: комиссар Филоненко, В.С. Завойко и А.Ф. Аладьин. Разговор снова коснулся тяжелого состояния страны и необходимости иметь во главе ее сильную власть. Я предложил им, считая их людьми хорошо знающими, наших наиболее выдающихся общественных деятелей, и, имея в виду мои разговоры с Савинковым и Львовым, наметить такую схему организации власти и состава правительства, которая, включая в себя лучшие силы всех главных политических партий страны, могла бы дать ей правительство твердое, работоспособное, пользующееся полным доверием страны и армии.

Был набросан проект Совета народной обороны с участием Верховного главнокомандующего в качестве председателя, А.Ф. Керенского — министра-заместителя, г. Савинкова, генерала Алексеева, адмирала Колчака и г. Филоненко. Этот Совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным. На посты других министров намечались гг. Тахтамышев, Третьяков, Покровский, граф Игнатьев, Аладьин, Плеханов, князь Г.Е. Львов, Завойко. За исключением князя Львова, Аладьина и Завойко, я с другими не знаком. О моем взгляде о необходимой конструкции власти комиссар Филоненко в ту же ночь сообщил по прямому проводу г. Савинкову, что и подтверждено было последним в разговоре со мной по прямому проводу 27 августа (Приложение № XV)[I]. В тот же вечер я был приглашен к аппарату и имел разговор с министром-председателем и В.Н. Львовым. Разговор этот, согласно записи на телеграфной ленте, заключается в следующем: «Здесь министр-председатель Керенский, ждем генерала Корнилова. У аппарата генерал Корнилов. *[Керенский]:* Здравствуйте, генерал. У телефона Владимир Николаевич Львов и Керенский. Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем. *[Корнилов]:* Здравствуйте, Александр Федорович. Здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мной Владимиру Николаевичу, с просьбой доложить Вам, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок. *[Львов]:* Я, Владимир Николаевич, Вас спрашиваю: то определенное решение нужно исполнить, о котором Вы просили известить меня Александра Федоровича только совершенно лично, без этого подтверждения лично от Вас Александр Федорович колеблется мне вполне доверить. *[Корнилов]:* Да, подтверждаю, что я просил Вас передать Александру Федоровичу мою настойчивую просьбу приехать в Могилев. *[Керенский]:* Я, Александр Федорович, понимаю Ваш ответ как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков? *[Корнилов]:* Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович приехал вместе с Вами. Сказанное мной Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать Вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить Вас. *[Керенский]:* Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае. *[Корнилов]:* Во всяком случае. *[Керенский]:* До свидания. Скоро увидимся. *[Корнилов]:* До свидания»[II]. Не допуская, чтобы г. Львов, член Государственной Думы и бывший член Временного правительства, мог бы по каким бы то ни было побуждениям исказить точный смысл сказанного ему мной, я подтвердил по аппарату только приглашение свое А.Ф. Керенскому приехать в Ставку, твердо надеясь объясниться с ним здесь и прийти к окончательному соглашению. При свидании с ним я предпо-

---

[I] Отсылка документа. Приложение № 15 (выписка из разговора по прямому проводу Л.Г. Корнилова с Б.В. Савинковым 27 августа) в деле 14 отсутствует. Запись разговора см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–14.

[II] Предложение отмечено знаком: *«хх»*. Под строкой вписано примечание: *«Подлинник разговора, записанный на телеграфной ленте, прилагается. Приложе[ние] XVI»*. Приложение № 16 (запись разговора по прямому проводу А.Ф. Керенского, В.Н. Львова с Л.Г. Корниловым от 27 августа) см.: Там же. Д. 14. Л. 40, 41.

лагал обсудить указанную выше схему организации власти и состав правительства. К участию в обсуждении вопроса о состоянии страны и мер, необходимых для спасения от окончательного развала ее и армии, я хотел привлечь М.В. Родзянко, князя Г.Е. Львова и П.Н. Милюкова, которым были посланы телеграммы с просьбой прибыть не позже 29 августа в Ставку. Я ждал, что 27 августа министр-председатель выедет в Ставку. Утром, 27 августа, я получил телеграмму за подписью «Керенский», но без номера с указанием сдать временно должность Верховного главнокомандующего генералу Лукомскому и, не ожидая прибытия нового Верховного главнокомандующего, выехать в Петроград. Зная, что в Петрограде накануне рассматривался в заседании Временного правительства проект распространения закона о смертной казни на внутренние округа России, что должно было сильно отразиться на боеспособности армии в благоприятную сторону и обуздать анархические выступления левых партий, я пришел к убеждению, что правительство снова подпало под влияние безответственных организаций и, отказываясь от твердого проведения в жизнь предложенной мной программы оздоровления армии, решило устранить меня как главного инициатора указанных мер. Ввиду тягчайшего положения страны и армии я решил должности Верховного главнокомандующего не сдавать и выяснить предварительную обстановку. Объявив об этом генерал-лейтенанту Лукомскому, я спросил его, намерен ли он принять от меня обязанности Верховного главнокомандующего. Генерал-лейтенант Лукомский доложил мне, что при настоящих тяжелых условиях страны и армии он не считает возможным заменить меня на посту Верховного главнокомандующего, и доложил мне проект его телеграммы Временному правительству за № 6406[1]. Одобрив проект этой телеграммы, я приказал мое решение и решение генерал-лейтенанта Лукомского довести до сведения главнокомандующих армиями всех фронтов, что и было сделано в телеграмме генерал-лейтенанта Лукомского от 27 августа за № 6412. В 5 час. 50 минут дня того же 27 августа я переговорил по прямому телеграфному проводу с управляющим Военным министерством Б.В. Савинковым, которому заявил, что ввиду создавшихся условий я не считаю возможным уйти со своего поста. 28 августа мне была доложена копия телеграммы министра-председателя за № 710 на имя генерала Клембовского о назначении его временно исполняющим должность Верховного главнокомандующего с оставлением его в Пскове и с исполнением должности главнокомандующего армиями Северного фронта. На этой телеграмме я положил следующую резолюцию: «Прошу генерала Клембовского срочно уведомить меня о его решении, так как на основании его вчерашней телеграммы мной уже принято определенное решение, отмена которого явится причиной больших потрясений в армии и стране. Генерал Корнилов. 28 августа 1917 г.». 28 августа Временное правительство объявило меня изменником Родины и потребовало отмены приказания о движении частей 3-го конного корпуса, сосредоточившегося в окрестностях Петрограда. Имея в виду: 1) предыдущее распоряжение того же Временного правительства о направлении 3-го конного корпуса к Петрограду для подавления большевистского движения; 2) принципиальное согласие Временного правительства на предложенную мной программу мер для оздоровления армии; 3) беседы с управляющим Военным министерством Б.В. Савинковым; 4) сведения об усилении давления Совета С. и Р.Д. на Временное правительство, я пришел к выводу, что правительство окон-

[1] Предложение отмечено знаком: «х». Под строкой вписано примечание: *«Прилож[ение] XVII»* Приложение № 17 (копия телеграммы № 6406) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 42, 42 об.; Д. 46. Л. 19–21.

чательно подпало под влияние Совета, для борьбы с которым правительство само же вызывало войска. А потому, опираясь на заявления главнокомандующих Северным, Западным, Юго-Западным и Румынским фронтами, в телеграммах за №№ 574 А, 10459, 493 и 145 (копии прилагаются)[I], я решил выступить открыто и, произведя давление на Временное правительство, заставить его: 1) исключить из своего состава тех министров, которые, по имеющимся у меня сведениям, были явными предателями Родины, и 2) перестроиться так, чтобы стране была гарантирована сильная и твердая власть. Для оказания давления на Временное правительство я решил воспользоваться 3-им конным корпусом генерала Крымова, которому и приказал продолжать сосредоточение к Петрограду. История появления этого корпуса в районе Пскова, Великие Луки и Луги такова: в конце апреля, занимая должность главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, я, предвидя возможность падения Риги, развития операций немцев на побережье Рижского и Финского заливов и Финляндии, приказал разработать в штабе Петроградского военного округа проект формирования отдельной Петроградской армии с возложением на нее задачи: оборона подступов к Петрограду через Финляндию, южным берегом Финского залива и морем через Финский залив. В состав этой армии предполагалось включить: войска, расположенные в Финляндии, в районе Ревеля, и весь Петроградский гарнизон. Проект этого доклада был мной доложен примерно 29—30 апреля бывшему Верховным главнокомандующим генералу[II] от инфантерии Алексееву, им одобрен и им же был в штабе Петроградского военного округа, в присутствии моем и начальника штаба округа генерал-майора Серебренникова, продиктован помощнику начальника Штаба полковнику Балабину проект приказа Верховного главнокомандующего о сформировании этой армии. Ввиду того, что через несколько дней я был назначен командующим VIII армии, проект этот, видимо, не получил осуществления. Приняв должность Верховного главнокомандующего, я, озабоченный принятием мер для обеспечения нашего положения на путях, ведущих к столице Петрограду, приказал Штабу Верховного главнокомандующего снова разработать вопрос о сформировании особой Петроградской армии с включением в нее Балтийского флота и о соединении фронтов Северного и Западного в один Северо-Западный со штабом в Витебске. Приказ о сформировании Петроградской армии был подписан мной 26 августа, но в войска он не рассылался ввиду того, что выделение этой армии и соединение фронтов я предполагал произвести только тогда, когда обстановка вынудит нас отходить с Венденских позиций. На должность командующего Петроградской армией мной был предназначен командир 3-го конного корпуса генерал Крымов, один из лучших, энергичных и решительных генералов нашей армии. Генерал Крымов был вызван мной в Ставку и получил приказание ознакомиться со всеми соображениями по обороне подступов к Петрограду через Финляндию и от побережья Рижского залива, а также приступить к постепенному сформированию штаба армии. В состав Петроградской армии было предложено включить войска, расположенные в Финляндии, Петроградский гарнизон, войска Ревельского укрепленного района, два правофланговых корпуса XII армии и конные части, направленные мной на усиление Северо-Западного

[I] Предложение отмечено знаком: «*x*». Под строкой вписано примечание: «*Приложе[ние] XVIII*». Приложение № 18 (телеграммы генералов Клембовского (№ 574А), Щербачева (№ 493), Балуева (№ 10459), Деникина (№ 145) о поддержке генерала Корнилова) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 43. Типогр. экз. См. приложение к сборнику № 7 — т. 2.

[II] Так в тексте.

фронта с Юго-Западного фронта, а именно: Кавказскую туземную конную дивизию и 3-ий конный корпус. Необходимость перевезения[I] этих конных частей на Северный фронт почувствовалась еще раньше, когда обозначилась возможность выступления немцев против Риги. Поэтому распоряжение о перевозке Кавказской туземной конной дивизии из VII армии было сделано телеграммой от 7 августа за № 5920, и первый эшелон ее был отправлен с Юго-Западного фронта 10 августа[II]. Дивизия была направлена в район Великие Луки и Дно, где было указано переформировать ее, по прибытии Осетинской пешей бригады и двух туземных полков 2-ой конной Кавказской дивизии, в Кавказский туземный конный корпус. Распоряжение [о перевозке] 3-го конного корпуса из района Волочиска было отдано 12 августа телеграммой № 5955, причем было указано, что перевозку надо начать немедленно за последним эшелоном Кавказской туземной дивизии. Все эти части были взяты не с фронта, а из глубоких резервов армейских и фронтовых Юго-Западного и Румынского фронтов. Таким образом, отправлением этих войск боевые линии нигде не были разрежены или ослаблены. Кроме того, ввиду обозначившейся возможности наступления немцев в районах Якобштадта и Двинска было телеграммой от 21 августа за № 6187 приказано отправить с Юго-Западного фронта одну пехотную дивизию и подготовить к посадке другую дивизию для отправления также на Северный фронт. Для отправления на Северный фронт мной была выбрана Кавказская туземная конная дивизия и 3-ий конный корпус потому, что в тылу за расположением Северного фронта и поблизости к Петрограду я желал иметь части, способные устоять от разлагающего влияния Петроградского Совета Р. и С. Д. Приказ о формировании Петроградской армии, как было сказано выше, мной был подписан 26 августа, так как только 24 августа в телеграмме за № 10085–36848 мне было сообщено министром-председателем согласие правительства на подчинение мне всей территории Петроградского военного округа, которая должна была войти в район Петроградской армии. Генерал Крымов отправился в район расположения своих частей вечером 25 августа. Перед отъездом, в дополнение к предписанию о подчинении ему Кавказской туземной конной дивизии я ему дал две задачи: 1) в случае получения от меня или непосредственно на месте [известия] о начале выступления большевиков немедленно двигаться с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части Петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Советы; 2) по окончании исполнения этой задачи генерал Крымов должен был выделить одну бригаду с артиллерией в Ораниенбаум и по прибытии туда потребовать от Кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк. Согласие министра-председателя на разоружение крепости Кронштадта и вывод его гарнизона последовало 8 августа, и доклад об этом Морского генерального штаба с резолюцией министра-председателя был представлен начальнику Штаба Верховного главнокомандующего при письме адмирала Максимова. На случай необходимости усилить войска генерала Крымова мной было приказано командиру 1-го конного корпуса поступить в распоряжение генерала Крымова с двумя полками 5-ой Кубанской дивизии, сосредоточенной в районе между Выборгом и Петроградом; Екатеринодарский казачий

[I] Так в тексте.

[II] Предложение отмечено знаком: «*хх*». Под строкой вписано примечание: «*прилагается справка из Штаба Верх[овного] гл[авнокомандующего]. Приложение XIX*». Приложение № 19 (справка о воинских подразделениях, направленных к Петрограду) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 44.

полк этой дивизии был оставлен в Гельсингфорсе по требованию генерал-губернатора Финляндии г. Стаховича для поддержания там порядка ввиду ожидавшегося восстания большевиков. Кроме того, флоту было приказано, в случае если в гор. Гельсингфорсе возникнут беспорядки, то судовой артиллерии разгромить город. Телеграмма об этом приказании за подписью генерала Лукомского была мной одобрена, и на ней имеется вверху моя собственноручная подпись. Ввиду ненадежности некоторых войсковых частей Ревельского укрепленного района я приказал перевести из гор. Проскурова, то есть глубокого резерва, стоявший в этом городе на отдыхе Корниловский пехотный полк, как одну из наиболее твердых и надежных частей. Головные эшелоны этого полка проходили через Могилев 27 августа, и полк был мной задержан ввиду разыгравшихся событий. Генерала Крымова я больше не видел. Невыполнение им возложенной на него задачи я приписываю тому, что с ним была прервана связь и он не мог получить последних моих указаний. Особых мер для поддержания с ним связи не было принято потому, что корпус направлялся в Петроград по требованию Временного правительства и я не мог предвидеть такого положения дел, что связь его со Ставкой будет прервана распоряжением правительства же. 29 августа я послал ему указание продолжать движение и, в случае дальнейшего перерыва связи, действовать сообразно с обстановкой в духе моих первоначальных указаний. Письмо было послано с офицером-летчиком, фамилии не помню, но доставлено ли ему это письмо, мне неизвестно.

30 августа, узнав из разговора по прямому телеграфному проводу о смерти генерала Крымова, я принял меры для бескровной и безболезненной для страны и армии ликвидации столкновения моего с министром-председателем г. Керенским. Начиная с 27 августа я не прекращал управления армиями, следил за положением на фронтах и делал распоряжения, что видно из моих отметок на оперативных сводках. Ввиду того, что г. Керенским было сделано распоряжение о неисполнении моих оперативных приказаний, я, как только вошел в связь с генералом Алексеевым, потребовал отмены этого распоряжения г. Керенского. (Справка: мой разговор по прямому телеграфному проводу с генералом Алексеевым 30 августа[1].) Затем я заявил через генерала Алексеева Временному правительству, что я приму немедленно меры к успокоению тех кругов, которые последовали за мной, как только выяснится, что Временное правительство стало на путь создания твердой власти, и, наконец, я настойчиво просил генерала Алексеева ускорить его приезд в Ставку. Как только я получил сведение, что он выехал, я немедленно отдал приказ частям Могилевского гарнизона сохранять полное спокойствие и подчиниться генералу Алексееву по приезде его в Ставку. Получив 30 августа распоряжение Временного правительства о том, что запрещение исполнять мои приказы отменено, я немедленно отдал приказание продолжать намеченные стратегические перевозки для усиления Северного фронта. Из этого следует, что генерал, обвиненный г. Керенским в измене и предательстве Родине, тем не менее до вечера 1 сентября оставался руководителем обороны государства.

Ни в каких заговорах я не состоял и не состою. Во всех своих разговорах с представителями различных политических партий я всегда заявлял, что ни к каким политическим партиям не принадлежал и не принадлежу, а всегда поддерживал и буду поддерживать те из них, которые стремятся, задаются одним намерением спасти страну от гибели и вывести армию из состояния развала. Я

[1] Запись разговора Л.Г. Корнилова с М.В. Алексеевым 30 августа см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д.60. Л. 140–148.

заявлял, что всегда буду стоять за то, что судьбу России и вопрос о форме правления страны должно решить Учредительное собрание, которое одно лишь может и должно выразить державную волю русского народа о его дальнейшей судьбе. Я заявлял, что никогда не буду поддерживать ни одной политической комбинации, которая имеет целью восстановление дома Романовых, считал, что эта династия в лице ее последних представителей сыграла роковую роль в жизни страны. Мне не было известно ни одной организации, которая бы стремилась к достижению тех же целей, во имя которых действовал я. Когда я выступил против министра-председателя, офицеры Штаба, узнав об этом, немедленно и точно исполняли мои приказания. Приняв на себя такую ответственность, я не допускал даже и мысли, чтобы кто-нибудь не исполнил моих приказаний. Мотивы моего выступления и последовательность развития его видны из приказов моих за №№ 897 и 900, отданных мной 28 и 29 августа, и из обращений к народу и казакам (Приложения за №№ XX–XXIV)[1].

Бывшего командующего войсками Московского военного округа полковника, ныне генерал-майора, Верховского я видел 26 августа. Он был приглашен в Ставку для обсуждения вопроса о сокращении численности армий. В разговоре с ним я коснулся вопроса об установлении в стране диктатуры как неизбежного следствия тяжелого положения страны и возможных результатов такой меры. Генерал-майор Верховский высказался, что, по его мнению, установление единоличной диктатуры могло бы вызвать большие потрясения в стране, диктатура же коллективная могла бы быть осуществлена с меньшими потрясениями. В беседе нашей ничего конкретного — ни имен, ни времени — не указывалось. Я просил генерал-майора Верховского остаться в Ставке еще на следующий день, имея намерение переговорить с ним по вопросам, разрабатываемым в Штабе, но ввиду его заявления, что он должен спешить в Москву, я распростился с ним.

С генералом Калединым мы старые боевые товарищи. Мы оба, командуя дивизиями, бились рядом в боях под Львовом; в мае этого года я принял после него VIII армию. Как старый боевой офицер, с болью в сердце смотрящий на развал нашей некогда могучей армии, и как казак по рождению, я с глубоким сочувствием отношусь к генералу Каледину — этому рыцарю нашего казачества. Незадолго перед Московским совещанием председатель Совета Союза казачьих войск, войсковой старшина Дутов, приезжавший ко мне в Ставку по делам Союза, просил меня послать телеграмму генералу Каледину с предупреждением, что его собираются арестовать в Москве во время Совещания. Послана ли была такая телеграмма, я не помню, но заметка о просьбе войскового старшины Дутова сохранилась на отрывном блокноте, найденном у меня в кабинете. С генералом Калединым я виделся 13 августа, когда генерал Каледин от имени казачества приветствовал меня по случаю приезда в г. Москву. Вечером того же дня он был у меня в вагоне, и мы беседовали с ним на темы о состоянии страны и армии и о содержании речей, с которыми мы предполагали выступить на Совещании. 29 августа с моим ординарцем В.С. Завойко я послал генералу Каледину письмо, в котором ориентировал его в положении дел и просил

[1] Отсылка документа. Приложения см.: № 20 (приказ № 897) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 45 (см. приложение к сборнику № 5 — т. 2); № 21 (приказ № 900) см.: Там же. Л. 46 (см. приложение к сборнику № 6 — т. 2); № 22 (обращение «По линиям железных дорог») см.: Там же. Л. 47; № 23 («Обращение к народу») см.: Там же. Л. 48 (см. приложение к сборнику № 3 — т. 2); № 24 («Воззвание к казакам») см.: Там же. Л. 49. См. приложение к сборнику № 4 — т. 2.

его со своей стороны оказать содействие в моем давлении на Временное правительство. Дошло ли это письмо, мне не известно. Ввиду получения мной от генерал-губернатора Финляндии сведений о тревожном положении в крае, 25 августа телеграммой за № 6314 я предложил генералу Каледину одну из Донских казачьих дивизий, формировавшихся в области и предназначавшихся к отправлению на Кавказский фронт, направить в Финляндию через Москву. 30 августа, после переговоров моих с генералом Алексеевым, распоряжение это было отменено телеграммой № 11766.

С членом 1-ой Государственной Думы А.Ф. Аладьиным раньше я не был знаком. 3 августа, когда я был в Петрограде, он прибыл из Англии и тотчас же приехал ко мне в вагон с приветом от главнокомандующего английскими войсками в действующей армии генерала Робертсона, которому представлялся перед своим отъездом в Россию. Разговор наш продолжался несколько минут и касался исключительно состояния и организации английской армии, при которой А.Ф. Аладьин пробыл некоторое время. Второй раз я его видел в Москве во время Государственного совещания. Мы обменялись с ним нашими впечатлениями по поводу речей, произнесенных во время заседания. А.Ф. Аладьин показался мне человеком очень интересным, отлично ознакомленным с настроением политических кругов в России, Англии, Франции и Америки, почему я пригласил его навестить меня в Ставке. Он приехал ко мне 24 или 25 августа, в точности не помню, остался моим гостем и был застигнут событиями в Могилеве. Когда возник вопрос о возможности изменений в составе правительства, я интересовался его мнением о представителях наших крупных политических партий.

С В.С. Завойко я познакомился в апреле этого года в Петрограде. По имеющимся у меня сведениям, он несколько лет тому назад был предводителем дворянства Гайсинского уезда Подольской губернии, работал на нефтяных промыслах Нобеля в г. Баку и, по его рассказам, занимался исследованием горных богатств в Туркестане и Западной Сибири. В мае месяце он приехал в Черновицы и, зачислившись добровольцем в Дагестанский конный полк, остался при штабе армии в качестве личного при мне ординарца; отлично владеет пером. Поэтому я поручал ему составление тех приказов и тех бумаг, где требовался особенно сильный, художественный стиль. По моему приказанию и по моим указаниям им составлены: телеграмма к начальствующим лицам и обращение к народу, выпущенные мной 27 и 28 августа. Приказы за №№ 897 и 900, отданные 28 и 29 августа, были написаны по моему приказанию и по моим указаниям в Штабе, а воззвание к казакам составлено лично мной. Со штабс-капитаном Филоненко я впервые познакомился в мае настоящего года. Он прибыл в VIII армию, которой я командовал, в качестве комиссара Временного правительства. В июне, во время подготовки армии к наступлению, он проявил много уменья, энергии, настойчивости и решительности в деле согласования работы командного состава с комитетами и при водворении порядка в частях, в которых обозначилось резкое нарушение дисциплины и порядка, а в боях во время Станиславского прорыва[77], принимая непосредственное участие в боевых действиях войск, проявил много личного мужества и воинской доблести. С назначением моим главнокомандующим Юго-Западным фронтом штабс-капитан Филоненко был назначен фронтовым комиссаром, а затем комиссаром Временного правительства при Верховном главнокомандующем. Он был открытым сторонником проведения твердых и решительных мер в деле оздоровления армии и страны, пользовался моим полным доверием и был посвящен в мои пожелания и предположения относительно необходимых изменений в со-

ставе Временного правительства, изменений, которые, по моему мнению, могли обеспечить стране власть твердую, работоспособную и честную.

К некоторым из моих сотрудников по Штабу, и в частности к генералам Лукомскому и Тихменеву, штабс-капитан Филоненко относился с недоверием и даже пытался подготовить почву для удаления генералов Лукомского и Тихменева из Ставки, но я этому решительно воспротивился, считая, что право и ответственность за выбор помощников должны лежать всецело на начальнике и слаженность работы в штабах, особенно в высших, несравненно важнее, чем принадлежность к каким-либо политическим партиям. Штабс-капитан Филоненко неоднократно докладывал мне, что деятельность Главного комитета Союза офицеров армии и флота внушает опасение и другим комиссарам. Поэтому я согласился на перевод Главного комитета в Москву и в этом направлении дал 21–22 августа указание председателю Комитета подполковнику Новосильцеву. 27 августа штабс-капитан Филоненко доложил мне, что он предполагает отправиться немедленно в Петроград. Находя, что присутствие его в Ставке, ввиду еще не выяснившегося положения в вопросе о сдаче мной должности Верховного главнокомандующего, представляется мне более полезным для дела и, кроме того, имея сведения, что против штабс-капитана Филоненко существует большое возбуждение в офицерских кругах, я предложил ему остаться в г. Могилеве или отложить свой отъезд до 28 августа, заявив, что ему 27 августа не будет предоставлено ни места в вагоне, ни автомобиля. Штабс-капитан Филоненко доложил мне, что он получил приказание ехать в Петроград и желал бы получить удостоверение, что он не исполнил этого приказания не по своей вине. Тогда я послал телеграмму управляющему Военным министерством, что штабс-капитан Филоненко задержан мной. Никакому аресту штабс-капитан Филоненко не подвергался, а в ночь с 27 на 28 августа ему для следования в Петроград был предоставлен экстренный поезд. Помощник комиссара г. Фонвизин был задержан вследствие неправильно понятого дежурным офицером приказания. Как только мне было доложено о задержании г. Фонвизина, я пригласил его немедленно к себе, приказал освободить его и вернуть отобранный у него револьвер.

Приложения:[1]

1. Копия телеграммы генерала Корнилова на имя главковерха от 8 июля 1917 г. за № 3733.
2. Копия телеграммы генерала Корнилова на имя министра-председателя от 11 июля 1917 г. за № 3911.
3. Копия телеграммы генерала Корнилова на имя главковерха от 15 июля 1917 г. за № 4254.
4. Копия телеграммы генерала Корнилова на имя председателя Совета Министров от 19 июля 1917 г. за № 4424.
5. Копия телеграммы генерала Корнилова на имя военного министра от 20 июля 1917 г. за № 4459.
6. Копия телеграммы генерала Корнилова на имя Кабинета военмина от 20 июля 1917 г. за № 4459.
7. Копия резолюции Соединенного собрания центральных руководящих органов. 31 июля 1917 г.
8. Выписка из протокола заседания конференции Союза Георгиевских кавалеров от 7 августа 1917 г.

[1] Все нижеперечисленные приложения см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 15–49. Отсылки см. ранее в примечаниях и комментариях.

9. Резолюция Совета Союза казачьих войск от 6 августа 1917 г.

10. Выписка из протокола заседания конференции Союза Георгиевских кавалеров от 7 августа 1917 г.

11. Телеграмма председателя Совещания общественных деятелей г. Родзянко на имя генерала Корнилова от 9 августа 1917 г.

12. Выдержка из разговора с г. Савинковым от 27 августа 1917 г. в 5 час. 50 м. дня по прямому телеграфному проводу Могилев — Петроград.

13. Протокол пребывания управляющего Военным министерством Савинкова в гор. Могилеве 24 и 25 августа 1917 г. и касающийся разговоров Верховного главнокомандующего генерала Корнилова с ним и с другими лицами по вопросу, касающемуся ближайших событий, подписанный генералом от инфантерии Корниловым, генерал-лейтенантом Лукомским и генерал-майором Романовским.

14. История переговоров с бывшим обер-прокурором Святейшего Синода Владимиром Львовым, подписанная членом 1-ой Государственной Думы А. Аладьиным.

15. См. приложение № 12.

16. Разговор по прямому телеграфному проводу между генералом Корниловым и г. Керенским.

17. Копия телеграммы генерала Лукомского от 27 августа 1917 г. за № 6406 на имя министра-председателя.

18. Копии телеграмм генерала Клембовского от 28 августа 1917 г. за № 574А на имя военного министра; генерала Балуева от 28 августа 1917 г. за № 10459 на имя военного министра; генерала Щербачева от 28 августа за № 493 на имя военного министра и генерала Деникина от 27 августа 1917 г. за № 145 на имя министра-председателя.

19. Справка о времени перевозки Кавказской туземной дивизии из VII армии 3-го конного корпуса, 45-ой пех[отной] дивизии, двух пехотных дивизий, 14-ой кав[алерийской] дивизии, формировании Петроградской армии, о согласии правительства на передачу в подчинение главковерха Петроградского военного округа, о разоружении кр[епости] Кронштадт, отправлении одной Донской каз[ачьей] див[изии].

20. Приказ Верховного главнокомандующего от 28 августа № 897.

21. Приказ Верховного главнокомандующего от 29 августа № 900.

22. Телеграмма генерала Корнилова по линиям железных дорог всем начальствующим лицам от 27 августа 1917 г.

23. Обращение к народу Верховного главнокомандующего генерала Корнилова от 28 августа 1917 г.

24. Воззвание к казакам Верховного главнокомандующего генерала Корнилова от 28 августа 1917 г.

Генерал от инфантерии КОРНИЛОВ

Председатель комиссии ШАБЛОВСКИЙ

Члены комиссии: полковник УКРАИНЦЕВ
Н. КОЛОКОЛОВ
полковник РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–14. Подлинник. Машинопись.

Опубл.: Генерал Л. Г. Корнилов перед Чрезвычайной комиссией Временного правительства (публ. подготовлена Г.З. Иоффе) // Кентавр. 1995. № 5. С. 105–120; № 6. С. 101–113; *Katkow G.* The Kornilov Affair. London, 1980.

№ 33
Протокол допроса Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова

24 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 24 дня члены Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и других допрашивали нижепоименованного.

Генерал Корнилов, показываю дополнительно:

Предъявляемое вами мне письмо от 30 августа на имя Крымова[78] написано мною лично. По содержанию его на ваши вопросы отвечаю: под организациями, упоминаемыми в письме, я разумею офицеров, отправившихся в Петроград, ранее вызванных для обучения бомбометанию, а затем командированных в Петроград для того, чтобы их всех в полки Петроградского гарнизона и удержать последних от содействия большевикам. Генералу Каледину было отправлено два письма однородного содержания с двумя гонцами — с Завойко и каким-нибудь офицером, которого я приказал назначить. Участь обоих писем мне не известна. Письма через Завойко в Асхабад не посылал. Упоминаемая в письме инструкция заключалась в решительном подавлении большевиков, арест Советов, если они поддержат это движение, разоружение рабочих и упразднение Кронштадта. Никаких действий, направленных против Вр. правительства, в инструкции не указывалось. Содержание инструкции было известно Савинкову. Письмом к Крымову я предлагал ему действовать как в том случае, если бы движение большевиков возникло. Письмо это я приказал отправить с кем-нибудь из офицеров. С кем оно было отправлено, не знаю наверное.

С генералом Калединым я два раза пытался говорить по прямому проводу, но оба раза неудачно, кто-то в пути перебивал. Посылались ли тогда же генералу Каледину телеграммы, не помню.

На ваш вопрос отвечаю: днем 26-го ко мне пришел кто-то из офицеров и сказал, что офицерам, отъезжающим в Петроград, нужно дать денег. Деньги нужно было выдать спешно, мне сказали, что достать их сейчас нельзя, я и выдал 5–6 тысяч рублей, бывших у меня в письменном столе, присланных мне для какой-то определенной цели и не переданных еще по назначению. Вечером с тем я приехал, чтобы расход этих денег был потом как-нибудь оформлен.

Относительно вызова казаков с Западного фронта для рекогносцировки Финского побережья я ничего точного показать не могу. Вероятно, у меня спросили разрешения послать, я и разрешил. Нужно сказать, что в это время мною было приказано всеми мерами усиливать оборону Ревельского района: реконструировать дороги, наметить позицию, предполагалось послать туда офицеров. Георгиевские кавалеры вызывались с фронта потому, что мною было приказано заменить ими в Георгиевском батальоне не раненых и тех, кто был скомпрометирован принятием денег во время выборов[1].

23-го вечером, при обсуждении вопроса о выделении города Петрограда, я помню, что меня в мысли о невозможности выделения Петрограда поддерживал и Барановский, но в каких именно выражениях, не помню. Разговаривая с Савинковым о тех мероприятиях, которые должны были быть приняты в случае выступления большевиков, я ни минуты не сомневался, что Савинков говорит со мной по поручению Вр. правительства, в частности министра-председателя, что Савинков и подтвердил в разговоре со мной по прямому проводу 27 августа.

---

[1] Так в тексте.

Когда 24 августа часов в 11 ко мне пришел Львов, то он сразу сказал, что он явился от Керенского с поручением. На мой вопрос, в чем дело, он сказал, что[I] А.Ф. Керенский просит меня высказать мое мнение о положении страны и желает знать, что при создавшемся положении не следует ли ему уйти от власти, если же он может рассчитывать на мою поддержку, то он останется. При этом Львов мне сказал, что он уже однажды был посредником при организации власти Керенским. Затем Львов от имени того же Керенского мне предложил высказать мою программу. Содержание моего ответа Львову изложено в моем первом показании[II], и из него видно, что я Вр. правительству никаких ультиматумов не предъявлял, а лишь высказывал мое мнение на поставленные вопросы Львовым от имени Керенского. Генерал Крымов двигался к Петрограду в качестве командира конного корпуса, будучи осведомлен, что в случае сформирования Петроградской армии, о чем шли сношения, он предназначается к назначению командующим ею. Савинков просил меня не посылать к Петрограду генерала Крымова и Туземной дивизии. Категорического обещания я ему не давал, а сказал: «Попробую».

Надписано: «что».

Прочитано

Генерал КОРНИЛОВ

Председатель — Иосиф ШАБЛОВСКИЙ

Полковник УКРАИНЦЕВ

М. ГОЛЬДМАН-ЛИБЕР

Полков[ник] РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 191–192 об. Подлинник. Рукопись.

Опубл.: *Мартынов Е.Н.* Корнилов. (Попытка государственного переворота). Л.: Изд Военной типографии Управления делами наркомвоенмор и РВС, 1927. С. 193–194.

№ 34
Протокол допроса министра путей сообщения А.В. Ливеровского

4 октября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года октября 1 дня в гор. Петрограде член Чрезвычайной комиссии по делу о генер. Корнилове и др. допрашивал нижепоименованного, который на предложенные ему вопросы показал:

Я, министр путей сообщения, Александр Васильевич Ливеровский, 50 лет, православный, не судился, по делу показываю:

27 августа с[его] года, около двух часов дня, заместитель министра-председателя Н.В[III]. Некрасов вызвал меня в Зимний дворец и сообщил, что министр путей сообщения Юренев пост свой покидает и управление министерством поручает мне. Там же в Зимнем дворце я получил письмо А.Ф. Керенского, содержание которого воспроизвожу по памяти. В нем было три пункта: 1) дать экстренный поезд генер. Алексееву для проезда в Петроград, 2) не исполнять

I Слово *«что»* вписано над строкой.

II Показание Л.Г. Корнилова от 2–5 сентября см. документ № 32 — т. 2.

III Инициалы *«Н.В.»* вписаны над зачеркнутыми *«В.Н.»*.

распоряжений генер. Корнилова, относящихся к передвижению войск, и 3) задержать идущие в Петроград эшелоны. Я поехал в министерство, где и сделал соответствующие распоряжения. Вечером я получил с некоторых линий уведомления, что часть эшелонов продолжает движение без путевых, заставляя машинистов вести поезда под угрозой. Сколько именно эшелонов отказывались остановиться и силой продолжали идти, <я не помню>[I]. На докладе об этом А.Ф. Керенскому и Н.В. Некрасову я <получил лишь указания эшелоны задерживать>[II], а ночью сам предложил им разобрать пути и загромоздить линии вагонами с принятием всех мер для предотвращения крушения. Получив согласие на принятие этих мер, я сделал соответствующие распоряжения, и пути около Семрино, Преображенской и Ямбурга были разобраны. Около Семрино войска остановились у самых заграждений, а у Преображенской и Ямбурга за один перегон. Таким образом, движение войск было остановлено в ночь с 27 на 28 августа. Насколько <я помню>[III], попыток к восстановлению испорченной части пути войсками не делалось.

Больше ничего по делу я показать не могу. Прочитано.

Зачеркнуто: «В.Н.», «мне не сообщалось», «определенных указаний от них не получал», «мне известно».

Надписано: «Н.В.», «я не помню», «получил лишь указания эшелоны задерживать», «я помню».

Министр путей сообщения А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Член Комиссии полков[ник] РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 17–18. Подлинник. Рукопись; Д. 6. Л. 1. Копия. Машинопись.

№ 35
Протокол допроса судебным следователем Петроградского окружного суда Шульцем члена Государственной Думы В.Н. Львова[79]

27 августа 1917 г.

Протокол допроса

1917 года августа 27-го дня судебный следователь Петроградского окружного суда 16-го участка гор. Петрограда в помещении Зимнего дворца допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 и 722 ст.[80] *Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства], и он показал:*

Я, Владимир Николаевич Львов, 45 лет, православный, член Государственной Думы, живу в г. Петрограде по Захарьевской ул., д. № 7, кв. 2.

Приступая к даче показания, я раньше всего считаю нужным указать на мотивы моих действий в настоящем случае, потому что может вполне правильно возникнуть вопрос, почему я ввязался в дело и взялся за поручения, совершенно меня не касающиеся и которым лично я совершенно не сочувствую. В этом случае мною руководило то горячее чувство дружбы и преданности к Александру

I Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над зачеркнутым: *«мне не сообщалось»*.

II Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над зачеркнутым: *«определенных указаний от них не получал»*.

III Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над зачеркнутым: *«мне известно»*.

Федоровичу Керенскому как гражданину и человеку, которые я к нему питаю и благодаря которым я никогда не мог оставаться равнодушным, когда вопрос касался его личности и политической деятельности.

После Московского Государственного совещания для меня стало ясно, что политический фундамент А.Ф. Керенского основан довольно шатко благодаря коренному разногласию двух общественных слоев русского государства; с другой стороны, в Москве, кажется, от Аладьина, по слухам из Ставки Верховного главнокомандующего я узнал, что при наступлении большевиков нынешнее Временное правительство никем поддержано не будет. О таком грозном положении для Временного правительства я решил немедленно осведомить А.Ф. Керенского и со своей стороны хотел принять возможные меры, чтобы поставить правительство в более нормальные условия. Поэтому, приехав в Петроград и сообщив А.Ф. Керенскому о полученных мною сведениях, я при свидании моем с ним прямо вырвал у А.Ф. Керенского дозволение обратиться к различным общественным силам страны с целью сформирования более крепкого кабинета на общенародных основаниях. Для этого я даже намеревался обратиться к партиям правее кадетов. По возвращении в Москву после свидания с А.Ф. Керенским я ни с кем из общественных деятелей не видался и не говорил, а лишь просил моего брата Николая Николаевича Львова побеседовать на эту тему с различными представителями общества, сообщив брату, что я имею на это дозволение А.Ф. Керенского. Затем я решил познакомиться лично с настроением Ставки и решил туда отправиться. В гостинице «Националь» в г. Москве я встретился с бывшим чиновником особых поручений при Кривошеине, главноуполномоченном Красного Креста Добрынским, который постоянно ездит в Ставку, и мы с ним вместе выехали в Ставку 24-го августа, каждый по своему делу, хотя я говорил Добрынскому о цели моей поездки. Верховный главнокомандующий генерал Корнилов принял меня в Ставке вечером у себя, и, когда я первым делом осведомился у него, каково будет отношение войск в случае нового выступления большевиков, генерал Корнилов категорически меня успокоил, что Временное правительство, конечно, будет поддержано войсками. После этого я сказал генералу Корнилову, что имею дозволение А.Ф. Керенского представить ему определенную программу и требования различных общественных групп, и спросил его, какие его требования, на что генерал Корнилов просил меня зайти к нему завтра, 25 августа, в 10 часов утра. Это свидание и разговор с генералом Корниловым происходил у меня с глазу на глаз. Когда я утром 25 августа пришел к генералу Корнилову, он сразу заявил мне, что ввиду того, что по точно имеющимся у него сведениям большевики между 27 августа и 1 сентября намерены произвести восстание, свергнуть Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов, захватить в свои руки власть, передать немцам Балтийский флот и заключить сепаратный мир, оповестить затем войска о состоявшемся мире; что Петроград они хотят обратить в кашу, и ввиду общей разрухи в стране он, Корнилов, поручает мне передать председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому о необходимости немедленного объявления в г. Петрограде военного положения и передачи всей военной и гражданской власти в руки Верховного главнокомандующего, не настаивая, однако, на себе как на Верховном главнокомандующем: это заявление генерала Корнилова настолько меня поразило, что, когда он сказал о передаче всей военной и гражданской власти Верховному главнокомандующему, я его даже переспросил по поводу выражения его «гражданской» власти. В дальнейшем разговоре моем с генералом Корниловым, который продолжался довольно долго и велся мною с ним с глазу на глаз, генерал Корнилов, между прочим, сказал,

что портфель министра юстиции он предлагает А.Ф. Керенскому, а когда я[I] переспросил генерала Корнилова: «Так портфель министра юстиции Керенскому?», в кабинет Корнилова вошел прапорщик или вольноопределяющийся Завойко и развязным тоном заявил, что Керенский на пост министра юстиции не годится, а что ему можно предоставить только пост заместителя председателя министра. В общем, я вынес такое впечатление, что генерал Корнилов в отношении политики находится всецело под влиянием Завойко, и последний вертит генералом Корниловым, как хочет. Под конец разговора я спросил генерала Корнилова о дошедшем до меня слухе, будто при наступлении большевиков Временное правительство не найдет нигде поддержки, и генерал Корнилов подтвердил мне это и сказал, что лично для Керенского и Савинкова положение настолько угрожающее для их жизни, что он, генерал Корнилов, нигде, как только под своей личной охраной у себя, не может ручаться за их жизнь. Проводил меня к генералу Корнилову Добрынский, который в Ставке как свой человек, и он ожидал окончания моего разговора с генералом Корниловым. От генерала Корнилова мы с Добрынским пошли завтракать с Завойко, у которого был еще какой-то неизвестный мне агроном, и тогда Завойко писал на клочке бумаги список тех министров, которые должны войти в новый кабинет[II]. Записанные Завойкой[III] имена не заключали ни одного видного и известного общественного деятеля, а, насколько я помню, министром внутренних дел намечался Филоненко, министром иностранных дел — А. Задоин, министром финансов — сам Завойко, других имен я не помню, так как это были имена неизвестных каких-то авантюристов. Когда я затем передал после завтрака Добрынскому мой разговор с генералом Корниловым, мы оба пришли к несомненному убеждению, что Завойко — авантюрист, не имеющий связи ни с какими общественными группами, и вертит генералом Корниловым, как хочет, и нас ужасала та возможность гибели и полного крушения России, которые наступят в случае осуществления предполагаемой диктатуры генерала Корнилова. Поэтому как я, так и Добрынский пришли к убеждению, что единственное средство предотвратить такое несчастье, собрать в гор. Москве совещание видных общественных деятелей и послать их в Ставку образумить генерала Корнилова, вылить на него, так сказать, ушат холодной воды, для чего Добрынский и хотел ехать в г. Москву, а я поспешил в гор. Петроград предупредить А.Ф. Керенского о грозящей ему опасности, так как под влиянием сообщенного мне Верховным главнокомандующим генералом Корниловым я был уверен в действительности всего того, что, по словам Корнилова, имело произойти в Петрограде, и находился как бы под гипнозом. Поэтому, когда А.Ф. Керенский доказывал всю несуразность предпосылок, на которых основано предложение генерала Корнилова, переданное мною, я даже обиделся на А.Ф. Керенского, как он мог подумать, что Верховный главнокомандующий может основываться на непроверенных сведениях. Я, со своей стороны, всеми силами старался отговорить А.Ф. Керенского от поездки в Ставку, я не только не настаивал на его поездке и уговаривал А.Ф. Керенского согласиться на предложение генерала Корнилова для спасения жизни членов Временного правительства и главным образом А.Ф. Керенского. Из г. Петрограда после разговора с А.Ф. Керенским я предпо-

---

[I] Далее зачеркнуто *«его»*.

[II] Записку В.С. Завойко с фамилиями кандидатов в состав нового правительства см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.

[III] Фамилия *«Завойко»* вписана над зачеркнутой: *«Добрынским»*.

лагал ехать в г. Москву, а затем к себе в деревню, доказательством чего служат представляемые мною железнодорожные билеты на 26 августа в Москву[I], и в Ставку я вовсе не намеревался возвращаться. Телеграмма, присланная мне сюда Добрынским[81], очевидно, относится к предполагавшемуся нами созыву Совещания общественных деятелей для успокоения умов в Ставке, и главным образом генерала Корнилова. Никаких разговоров о Казачьем союзе[82] или иной воинской части, которые поддержали бы объявление диктатуры генерала Корнилова, ни с самим Корниловым, ни с Завойко у меня не было. Я смотрю на всю затею Завойко и К° как на авантюристическую и пришел в ужас, увидев, что вокруг такого ответственного лица, как Верховный главнокомандующий, группируются подобные авантюристы. А.Ф. Керенский вел разговор с генералом Корниловым, хотя один и от моего имени, но с моего ведома и уполномочия, а потом прочел мне телеграфную ленту этого своего разговора. Предъявляемая Вами мне записка с требованиями генерала Корнилова написана и подписана мною собственноручно. Я припоминаю, что у меня осталась записка с написанными собственноручно Завойко именами предполагавшихся министров, которую я Вам и представляю, я категорически удостоверяю, что упоминающиеся в этой записке имена некоторых видных общественных деятелей внесены Завойко самовольно, и лица эти никакого отношения к Завойко не имеют; это чисто авантюристическая затея Завойко. Добавляю, предложение генерала Корнилова я не передавал А.Ф. Керенскому в ультимативной форме, а говорил, что я свое дело сделал, передал поручение, и от Временного правительства зависит, принять эти условия или отвергнуть, или же уволить генерала Корнилова. Сам же я настолько доверял сведениям, сообщенным мне генералом Корниловым, что находил необходимым, чтобы предложения генерала Корнилова обсуждались бы Временным правительством как серьезное предложение Верховного главнокомандующего; что же касается до моего личного[II] предложения о выходе из тяжелого положения для страны, то я не думал вовсе о диктатуре, а находил средство для этого в образовании нового «народного» кабинета как более широкой базы для поддержки Временного правительства. В разговоре со мной генерал Корнилов настаивал на необходимости приезда к нему в Ставку А.Ф. Керенского и Савинкова не позже 27 августа, так как в этот день, по его сведениям, должны были начаться беспорядки, и просил меня передать это А.Ф. Керенскому категорически. Более ничего добавить не имею.

Показание прочитано. На четвертой странице протокола зачеркнуто «Добрынским» и надписано «Завойкой», на 7-ой странице надписано «личного».

В. ЛЬВОВ

Судебный следователь ШУЛЬЦ

Товарищ прокурора Петроградской судебной палаты ПОВОЛОЦКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 6–9. Подлинник. Рукопись; Д. 4. Л. 6–8 об. Заверенная копия. Машинопись; Д. 16. Л. 1–4. Копия. Машинопись.

I Железнодорожные билеты В.Н. Львова см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 47. Л. 4, 5.

II Слово *«личного»* вписано над строкой.

№ 36

Протокол допроса дежурным судебным следователем Петроградского окружного суда Цветковым члена Государственной Думы В.Н. Львова

30 августа[83] *1917 г.*

Протокол

1917 года августа 30 дня дежурный судебный следователь Петроградского окружного суда в здании Зимнего дворца допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 и 722 ст. Уст[ава] уг[оловного] суд[опроизводства], и он показал дополнительно:

Владимир Николаевич Львов (л. д.[1] 6)

Вскоре после Московского совещания в Москве от Ивана Александровича Добрынского я услышал, что в Ставке будет происходить какое-то совещание; возможно, что на совещании, хотя в этом я не уверен, должен был присутствовать и Добрынский. Будучи человеком, не принимающим участия в политической жизни страны и несведущим в политических вопросах, он спросил мое мнение о политическом моменте, говоря, что в Ставке крайне озлоблены против Керенского как председателя Временного правительства. Зная хорошо Керенского как политического деятеля и считая нападки на него неосновательными, я высказал свое мнение в защиту его; при этом я заметил, что было бы полезно и отвечало бы государственным интересам реформирование кабинета Керенского с привлечением в его состав более широких слоев общества. 22-го сего августа я вновь встретился с Добрынским, который зашел ко мне в номер «Национальной» гостиницы, где проживал Добрынский и где я останавливался во время приездов в Москву. Во время нашего разговора Добрынский сказал, что в Ставке готовится переворот в смысле объявления Корнилова диктатором, но на совещании, которое там происходило, Добрынский защищал те положения, которые я ему высказал при первом нашем разговоре, и что эти мысли одержали верх. Кто был на этом совещании, Добрынский мне не говорил, и мне это не известно. В тот же день Добрынский познакомил меня с Аладьиным, с которым зашел ко мне. Тут я узнал от Аладьина, что в случае выступления большевиков правительство нигде не встретит поддержки. После этих разговоров по личной инициативе я поехал к Керенскому, у которого был 23 августа в 6 часов вечера и которому изложил необходимость, ввиду серьезности момента и шаткости опоры Временного правительства, преобразоваться на более широких основах, так как я узнал о происходившем в Ставке совещании и вообще о настроении широких общественных кругов, то я, говоря о необходимости реформировать кабинет, излагал это не как мое личное мнение, но как мнение общественных групп. Я, несмотря на первоначальное нежелание Керенского, настаивал, чтобы он не отклонял моего предложения вести переговоры с общественными группами. В конце разговора Керенский сказал, что он может вести переговоры, только зная определенные программы и требования и те группы, от которых таковые исходят. Считая, что после этого разговора я вправе вступить в переговоры с различными общественными группами, я в тот же день уехал в Москву, где и сообщил о разговоре с Керенским своему брату Н.Н. Львову. При встрече с Добрынским я рассказал ему о моей беседе с

[1] Л. д. — лист дела.

Керенским, о том же я сказал Аладьину, который при этом заметил мне: «Слава Богу, мы, кажется, избегли крови». От Добрынского я узнал, что настроение в Ставке за это время круто изменилось и там что-то затевается, и моя мирная точка зрения провалилась. Только под влиянием этого разговора, желая узнать, что готовится в Ставке, а также надеясь внести умиротворение, я решил немедленно отправиться в Ставку вместе с Добрынским, так как сам я в Ставке никого не знал; Корнилова же я видел только во Временном правительстве и до поездки в Ставку ни по государственным, ни по иным делам с ним никогда не беседовал. По приезде в Ставку я остановился в гостинице Союза офицеров в одном номере с казачьим офицером Родионовым, имя и отчество которого я не знаю; на погонах у него была одна продольная черта, как в пехоте у капитана. Неожиданно для себя от этого офицера я узнал: 1) что Верховный главнокомандующий подписал смертный приговор Керенскому; 2) что у Корнилова готов манифест, и, следовательно, готовится что-то необычайное. К словам офицера я отнесся с недоверием и потому взял горячо под защиту Керенского, говоря, что все нападки на него несправедливы и что он выдающийся государственный деятель, что Корнилов не Наполеон и не имеет никаких данных, чтобы стать таковым. Когда офицер узнал о моих личных отношениях к Керенскому, то начал относиться ко мне подозрительно и на мою просьбу достать мне билет для выезда из Ставки ответил категорическим отказом, благодаря чему у меня явилось убеждение, что меня хотят задержать. В тот же вечер я был у Корнилова; подробности беседы я не помню, но общий характер ее был таков, что я вернулся совершенно успокоенным и сказал разгоряченному офицеру Родионову[1], что не понимаю его состояния, так как Верховный главнокомандующий настроен совершенно иначе. В разговоре со мной Корнилов высказал, что Временное правительство всегда может надеяться на поддержку. Во время беседы с Корниловым я просил его высказать свою определенную программу и требования, так как имею дозволение Керенского узнать настроение общественных групп. На это Корнилов попросил меня зайти на следующий день к 10 часам утра. Когда на другой день я к нему явился, то он изложил мне следующие свои требования: 1) объявление на военном положении гор. Петрограда; 2) передача всей военной и гражданской власти Верховному главнокомандующему, безразлично, кто бы таковым ни был. По второму пункту Корнилов добавил, что возможно и совмещение верховного командования с председательствованием во Временном правительстве. Далее он говорил, что армейские комитеты должны остаться, но необходимо их ввести в законные рамки, что он не враг, а друг народа, высказывал свои демократические убеждения, говорил, что передача всей власти Верховному главнокомандующему должна быть временною, до Учредительного собрания, что все это необходимо ввиду чрезвычайно тревожного времени для спасения России, что положение таково: Рига взята, опасность угрожает Петрограду, Румыния может быть отрезана от России, в довершение всего он, на основании точных данных, имеет сведения о восстании большевиков между 27 августа и 1 сентября, что во время этого восстания произойдет невероятная каша, что в Петрограде имеются большевистские войска, советские войска, правительственные войска, что все это сцепится и будет невероятный хаос, в котором правительство не будет иметь никакой защиты, что, кроме того, за жизнь Керенского и Савинкова он не ручается нигде в России, что поэтому он просит их приехать в Ставку не позднее

[1] Фамилия *«Радионову»* вписана над строкой.

27 августа, где они найдут себе защиту под личною его охраной, и что он предлагает им: Керенскому — портфель министра юстиции, а Савинкову — портфель военного и морского министра. Тронутый демократическими убеждениями Корнилова, его, казалось мне, глубокою искренностью и участием к Керенскому, я сказал ему: «Ну, уж, если кому занимать такой выдающийся пост, то, конечно, Вам как имеющему благородное сердце». В этот момент разговора вошел Завойко, которому я и передал желание Корнилова, чтобы Керенский занимал пост министра юстиции, на что Завойко, самоуверенно подойдя к Корнилову, сказал: «Нет, нет, пусть Керенский будет заместителем председателя». Тут же я сказал Корнилову, что, если он желает, чтобы я выехал сегодня, то пусть он сам прикажет мне выдать билет, потому что в получении билета мне было отказано. Приказание о выдаче билета Корнилов сделал Завойко, для чего последний лично выехал со мною на вокзал. В разговоре Корнилов мне не говорил, что в случае отказа в удовлетворении его требований он прибегнет к вооруженной силе. Я более точно вспоминаю, что когда вошел Завойко, то не я осведомил его о желании Корнилова назначить Керенского министром юстиции, а он сам услышал об этом фразу, произнесенную Корниловым или мною, и вмешался в наш разговор. С Завойко я познакомился только тут и ранее его не знал; представился мне Завойко в 10 час. утра в этот день, когда я шел к Корнилову. В разговоре со мною Корнилов говорил лишь о Керенском и Савинкове как о будущих министрах и более никого в качестве кандидатов в министры не называл. После окончания разговора с Корниловым Завойко пригласил меня к себе завтракать и там, взяв лист бумаги, собственноручно наметил список министров корниловского кабинета. Из этого списка я ясно увидел, в какую авантюру сам Корнилов, или, вернее, под влиянием своих приближенных, безумно шел. На вокзале, когда я уезжал, то, удивляясь, почему, идя против Керенского, все же включают его в состав будущего кабинета, я спросил Завойко, какие основания включения Керенского в кабинет, на что Завойко ответил: «Это нужно для солдат, мы делаем это для видимости, а через десять дней мы все равно с ним разделаемся». Тут я понял, с какими господами я имел дело, когда же ко мне подбежал после ухода Завойко Добрынский и с ужасом передавал, что с поездом должен приехать Терещенко, которого[I] собираются, по словам Завойко, переданным мне Добрынским, «ухлопать», то мы решили дождаться Терещенко и его предупредить, но поезда наши разошлись. Тогда мы приняли с Добрынским то решение, о котором я говорил в первом показании[II]. Кроме личного разговора с Корниловым, я ни на каких совещаниях в Ставке или заседаниях каких-либо организаций не был и об отношении Союза офицеров или иных комитетов к плану Корнилова объявить себя диктатором мне решительно ничего не известно. Требования Корнилова я изложил Керенскому по просьбе Корнилова, считая себя только передаточною инстанциею. Подробности этого разговора с Керенским мною даны уже в первом показании. Настаивая на докладе Керенским требований Корнилова Временному правительству, я не настаивал на поездке Керенского в Ставку и даже отговорил его от этого, когда он выражал желание поехать туда вместе со мною; говорил я об этом в автомобиле, в присутствии Вырубова. Делал я это, потому что подозревал, что в Ставке замышляется что-то неладное. При отъезде на вокзале Завойко сказал мне: «Итак, не забудьте, что от Временного

[I] Далее зачеркнуто: *«они»*.

[II] Протокол допроса В.Н. Львова от 27 августа см. документ № 35 — т. 2.

правительства требуются три акта: 1) введение военного положения в Петрограде; 2) передача всей военной и гражданской власти Верховному главнокомандующему и 3) отставка всех министров с передачею управления министерствами товарищам их впредь до образования нового кабинета Верховным главнокомандующим. Завойко мне точно формулировал те требования, о которых у меня шла речь во время разговора с Корниловым и которые я изложил на бумаге Керенскому. Я ни с кем из Штаба Верховного главнокомандующего не виделся. Добрынский, о котором я говорю, никакого участия в планах Корнилова не принимал и, как и я, пришел в ужас от того, что мы увидели в Ставке. Офицера Родионова я ранее никогда не знал и случайно остановился с ним вместе за неимением свободных номеров. Когда я был в Ставке, то я не видел там Аладьина, равным образом не видел никого из общественных деятелей. Более показать ничего не имею.

Показание мне прочитано и с моих слов записано правильно.
Надписано «Родионову», зачеркнуто «они».

В. ЛЬВОВ

И. д. судебного следователя[1]

Товарищ прокурора Судебной палаты
ПОВОЛОЦКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 11–14 об. Подлинник. Рукопись Д. 4. Л. 9–11 об. Заверенная копия. Машинопись; Д. 16. Л. 5–8. Копия. Машинопись.

№ 37
Показание члена Государственной Думы В.Н. Львова

14 сентября 1917 г.

Протокол

14 сентября 1917 г. Чрезвычайная комиссия по расследованию действий ген. Корнилова и др. производила допрос нижепоименованного в дополнение к данным ранее показаниям, и он объяснил.

Владимир Николаевич Львов, дополнительно.

12 августа сего года я приехал в Москву для участия в Государственном совещании и Церковном Соборе, в коих я и заседал в обоих на правах их членов. Я остановился в гост[инице] «Националь», где я имею обыкновение всегда останавливаться.

16 или 17 августа заходит ко мне в номер Иван Александрович Добрынский, уполномоченный Красного Креста, который случайно остановился в той же гостинице. Добрынского я не видал несколько лет и знаком был с ним как с дельным чиновником Министерства земледелия, которому я хотел поручить исследование добычи нефти у себя в имении. Зайдя в мой номер, он сказал мне, что обращается ко мне как к единственному крупному общественному деятелю, которого он знает, ввиду затруднительного своего положения. Дело в том, что он выезжает в Ставку, куда едет в первый раз, на какое-то политичес-

[1] Подпись неразборчива. Возможно, *«Цветков»*.

кое совещание, что он в политике плохо разбирается и просит сказать ему, что теперь в политике происходит. Причем он прибавил, что в армии к Керенскому относятся отрицательно и поговаривают о диктатуре Корнилова. Я счел своею обязанностью заступиться за Керенского и вместе с тем объяснить ему, что дело вовсе не в диктатуре, а в том, чтобы сохранить доброе согласие между Керенским как военным министром, Корниловым как Верховным главнокомандующим и Савинковым как управляющим Военным министерством, что это доброе согласие необходимо для гармоничных распоряжений на фронте и в тылу. А что касается до организации Временного правительства, то, по моему мнению, необходима реконструкция его в смысле расширения базы его в виде привлечения представителей торгово-промышленного класса. Это даст большую устойчивость правительству, так как Московское совещание показало, что без привлечения представителей широких общественных слоев общество слишком резко раскалывается на две половины. Добрынский уехал.

Через несколько дней, в то время, как я оставался в Москве для занятий на Соборе, появляется в моем номере снова Добрынский; это было 20 августа вечером. Я попросил, ввиду позднего времени, зайти его на другой день. На другой день 21 августа он явился ко мне в номер и сказал мне, что он был в Ставке, где происходило секретное политическое совещание, на котором было намерение провозгласить Корнилова диктатором военной силою, намерение весьма определенное, но что он, Добрынский, удержал их от этого, говоря речь в том политическом духе, как воспринял ее от меня, т.е. в защиту Керенского и реорганизации правительства на широких народных основах. Я был очень рад такому неожиданному результату моих слов и принял решение немедленно ехать в Петроград, предупредить Керенского о грозящей опасности, тем более что, как выяснил из слов Аладьина или Добрынского, не помню, что в случае какого-либо выступления большевиков правительство не может рассчитывать ниоткуда получить себе помощи. С Аладьиным меня в этот же день познакомил Добрынский, говоря, что он играет какую-то видную роль в Ставке.

Я уехал в Петроград и 22 августа явился к Керенскому. Я изложил ему положение вещей, объяснил, что в случае нападения большевиков правительство беззащитно и что для придания ему силы необходимо пополнить его ряды представителями общественных групп, которые в нем не представлены, что это пополнение даст ему силу и устойчивость. Я убеждал его не отказываться от нащупывания почвы для переговоров. На что Керенский мне ответил, что для переговоров необходимы определенные требования и определенные программы, и не отклонил моего предложения посредничества для таковых переговоров. С тем я и уехал назад в Москву.

Приехавши в Москву, я тотчас вызвал к себе в гостиницу моего брата Николая Николаевича Львова и предложил ему начать переговоры с московскими общественными силами для выяснения, на каких условиях они войдут в состав Временного правительства, а затем по отъезде брата ко мне в номер зашли Добрынский с Аладьиным, и я им сказал, что поездка моя увенчалась успехом, что Керенский согласен говорить о реконструкции кабинета. На что мне Аладьин ответил: «Ну, слава Богу, мы, кажется, избегли крови», — и тут же написал на листе бумаги для памяти свои выводы из моих слов; это не были мои положения, но это были выводы Аладьина с моих слов. Но в этот же день я узнал от Добрынского, что из Ставки получены им тревожные вести, что опять там взяло верх течение в пользу объявления военной диктатуры, и я решил немедленно же ехать в Ставку, чтобы по возможности парализовать это движение, так как представлял его себе довольно внушительным.

В Ставку я выехал 23 августа вместе с Добрынским. В вагоне, где я ехал, находился и князь Григорий Николаевич Трубецкой.

Приехал я в Ставку 24 августа; никакие автомобили нас не встречали, и я с Добрынским на извозчике отправились сперва к Штабу, где Добрынский взял мне пропускной билет, а затем оттуда в гостиницу, где мне пришлось за неимением места остановиться в одном номере с есаулом Родионовым. С ним познакомил меня Добрынский. С первых же слов своих Родионов меня сразил, говоря, что Верховный главнокомандующий подписал Керенскому смертный приговор. Я в ужасе оцепенел и, желая узнать, отчего такое отношение к Керенскому, спросил Добрынского, могу ли я быть откровенным с Родионовым. На что, получивши утвердительный ответ, стал защищать Керенского и сказал при этом, что с согласия Керенского я хочу вступить в переговоры с Корниловым, для чего я в Ставку и приехал. Хотя Керенский и не уполномочивал меня специально с Корниловым вести переговоры, но я считал, что могу говорить от имени Керенского, так как, в общем, он согласен на реорганизацию власти. Родионов, узнав о моих дружеских чувствах по отношению к Керенскому, увидел, что попал впросак, и после, как мне уж Добрынский говорил, спрашивал его, не расскажу ли я все это Керенскому. Затем я от Родионова узнал, что Корнилов готовится провозгласить себя военным диктатором и что уже готов какой-то манифест, но что об этом никто даже из офицеров не знает, так как держат все в строжайшей тайне. Я пришел в остолбенение и возразил ему, что если Корнилов провозгласит себя диктатором в Могилеве, то, быть может, на Кавказе еще кто-либо провозгласит себя диктатором, в Петрограде тоже объявится диктатор, еще где-нибудь еще другой, и что из этого получится хаос. Я говорил, что Временное правительство есть единственное законное правительство, а все, о чем говорит Родионов, есть узурпация власти, весьма опасная всегда, а в военное время преступная. Родионов, кажется, со всем этим согласился. Но все же на мою просьбу достать мне на завтра билет, чтобы ехать в Петроград, я получил почему-то отовсюду уклончивые ответы, из чего понял, что меня хотят задержать. Такие же уклончивые ответы я получил и на мою просьбу, чтобы обо мне доложили Корнилову, так как я приехал специально, чтобы его видеть. Тут же Добрынский мне сказал, что со времени его последней поездки в Ставку настроение в Ставке внезапно изменилось и стало весьма бурным. От всего этого я пришел в уныние, думая, что и Корнилова я не увижу, да и в Петроград не попаду. Но внезапно, не знаю уже почему, Родионов говорит мне, что Корнилов меня примет сегодня же вечером, и я пошел к Корнилову. Это было 24 августа вечером.

Корнилову я сказал, что имею согласие Керенского узнать его требования, определенно и ясно изложенные. Я коснулся также вопроса о реорганизации власти на началах широкого народного кабинета. Зная от Добрынского, что Корнилов вполне в курсе всего, что происходит вокруг него в Ставке, я желал предотвратить возможность крупного вооруженного столкновения и найти пути примирения и выход из тупика: более всего я старался уладить, умиротворить. В ответ на все это Корнилов просил меня зайти к нему завтра в 10 утра. На мой вопрос, правда ли, что при восстании большевиков войска не поддержат правительство, Корнилов меня успокоил словами, что положение очень тяжелое, но до этого не дойдет; войска исполнят свой долг и поддержат правительство. Я вернулся домой и с иронией отметил Родионову, что тон Корнилова совсем не соответствует его тону, что Корнилов меня успокоил.

Второе свидание мое с Корниловым произошло утром 25 августа. Меня встретил в приемной Завойко в солдатской рубахе и познакомился со мной. Я

изумленно на него взглянул, потому что не знал, кто он и что он. Из кабинета Корнилова вышло несколько офицеров, и после того я был принят Корниловым.

Начав разговор, Корнилов обрисовал сперва передо мною положение вещей: Рига взята, Румыния может быть всякую минуту отрезана, настроение в войсках мрачное, армия всюду ищет виновников своего позора, на фронте и в тылу нестроения, взятие Риги сильно подействовало на мрачное состояние армии. Ко всему этому Корнилов добавил: «От 27 августа до 1 сентября ожидается выступление большевиков. План их заключается в свержении правительства, водворении себя на их место, заключении немедленно сепаратного мира, после заключения мира объявление его по фронту для деморализации армии и в выдаче Балтийского флота Германии. Для предотвращения таковой опасности у правительства решительно нет никаких сил. В Петрограде в войсках полная неразбериха: одни войска стоят за большевиков, другие — за Совет, третьи — за правительство, четвертые — неизвестно за кого. При восстании большевиков произойдет бурное столкновение всех этих сил, невероятная получится каша, в которой Временное правительство, без сомнения, провалится. Не подумайте, что я говорю для себя, — продолжал Корнилов, — но для спасения Родины. Я не вижу другого выхода, как передача в руки Верховного главнокомандующего всей военной и гражданской власти». Тут я заметил: «И гражданской?» На что Корнилов мне ответил: «Да, и гражданской власти. Впрочем, можно удовлетвориться совместительством власти Верховного главнокомандующего и председателя Временного правительства. Комитеты должны существовать, но с хозяйственными функциями; тыл и фронт должны быть соединены. Кто будет назначен председателем Временного правительства — безразлично». Затем Корнилов добавил, что Керенскому он предлагает пост министра юстиции, а Савинкову — министра военного. Не ручаясь за их жизнь в других местах, он предлагает Керенскому и Савинкову под личной своей ответственностью за их безопасность приехать в Ставку. В это время Завойко вмешался в разговор и сказал, что Керенскому портфель не министра юстиции, а заместителя министра-председателя. Тон Завойко при этом, не допуская возражений, импонировал Корнилову. Мне сделалось одновременно и жалко за Корнилова, и убедительно ясно, что секретарь держит Верховного главнокомандующего в своих руках. Затем я с Корниловым расстался[1], а Завойко пригласил меня к себе завтракать.

Во время завтрака Завойко взял лист бумаги и, сказавши, что хочет намечать кабинет, стал набрасывать ряд имен, причем подчеркивал то имя, которое ему нравилось. Таким образом был составлен собственноручно рукою Завойко тот список министров, который я передал судебному следователю. Окончив список, Завойко протянул его мне, и я машинально его взял. Для чего он мне его дал, я не знаю. Когда речь зашла об отношении Корнилова к Милюкову, то Завойко заметил, что у них отношения самые натянутые, ибо в Москве когда Милюков увидел Корнилова с Аладьиным, то спросил Корнилова: «Зачем тут Аладьин?» На что Корнилов отвечал: «А зачем тут Милюков?» О Гучкове и Терещенко Завойко не сказал ни слова. Затем разговор наш зашел об аграрной реформе. Тут же сидевший какой-то господин приводил какие-то цифры в доказательство осуществимости своего плана; я видел, что все эти проекты сочинялись для задабривания масс и привлечения их на свою сторону. Затем я уехал

[1] Показание В.Н. Львова от 14 сентября опубликовано в кн.: «Революционное движение в России...» (С. 428) до слов: *«Затем я с Корниловым расстался...»*.

на вокзал, причем Завойко меня провожал. Когда я на станции спросил Завойко, для чего, в сущности, они в свой кабинет включают Керенского, когда в душе они против него, то Завойко мне объяснил, что это надо как имя для солдат, но что это только на 10 дней, а потом его уберут. Тогда я, ошеломленный, возразил: «А как же Корнилов поручился за его безопасность?», — то Завойко мне ответил: «Разве может Корнилов ручаться за жизнь Керенского, когда Керенский выйдет из дому?» Немного погодя подходит ко мне взволнованный Добрынский и говорит мне, что Завойко сказал, что приезжающий с поездом М.И. Терещенко живой в Петроград не вернется. Добрынскому и мне стало страшно за все происходящее в Ставке, и мы решили: мне немедленно ехать в Петроград спасать Керенского, а Добрынскому ехать в Москву и предупредить общественные круги обо всем, происходящем в Ставке.

Приехавши в Петроград, я приехал к себе на квартиру и тотчас же через адъютанта Керенского по телефону просил Керенского меня принять. Но так как Керенский назначил мне быть у него только в семь часов вечера, то я заехал к П.Н. Милюкову, с которым я никакими политическими отношениями не связан, чтобы предупредить его по собственному своему желанию об ожидающемся на 27 августа восстании большевиков и о грозной от того опасности для Петрограда и, в частности, для самого Милюкова. Затем я поехал к Керенскому и у Салтыковского подъезда, встретившись с Вырубовым, смеясь, говорю ему: «Вот Керенский не захотел быть диктатором, так теперь сядет к нам другой диктатор». На эту мою шутку Вырубов рассмеялся.

Взойдя к Керенскому, я сильно волновался, и когда передавал ему дословно все слова Корнилова, то был смущен, ибо я понимал всю важность и все последствия моего сообщения, но, раз это были слова Верховного главнокомандующего, я считал себя обязанным их передать. Относительно восстания большевиков Керенский сказал мне, что восстания не будет, но я настаивал на том, чтобы то, что было сказано мне Корниловым, было доведено до Временного правительства, потому что слова и предложения Верховного главнокомандующего не могут оставаться пустым звуком, а что по ним надо иметь суждение и вынести решение: или принять, или отвергнуть, или уволить Корнилова. Когда же Керенский сказал, что он затрудняется слова передавать Временному правительству, то я, подошедши к письменному столу, записал на бумаге три конкретных предложения Корнилова, скрепив их моею подписью, и передал Керенскому. Это не были требования, не было ультиматумом. Я ведь к Керенскому пришел не по поручению Корнилова. К Корнилову я явился с согласия Керенского и потому передавал ему то, что мне сказал Корнилов. Но я не говорил Керенскому, что это предложение Корнилов посылает в ответ на запрос самого Керенского; Керенский мог и забыть наш предыдущий разговор. Предложение Корнилова я передавал в ясной формулировке, сделанной мне на станции Завойко, когда, прощаясь со мною, Завойко мне сказал: «Итак, не забудьте, что от Временного правительства требуется три акта: 1) объявление Петрограда на военном положении, 2) передача всей военной и гражданской власти в руки Верховного главнокомандующего и 3) отставка всех министров с временным замещением их товарищами. Тут же Завойко прибавил, чтобы Керенский и Савинков непременно приехали в Ставку 27 августа.

Керенский сказал мне, что в никакие министры юстиции он не пойдет, а лучше подаст в отставку. Опасаясь за жизнь Керенского, я был удовлетворен этими его словами. Затем Керенский пригласил меня заехать с ним на прямой провод, чтобы проверить мои слова непосредственно через Корнилова. Я приехал на аппарат, уже когда разговор кончался, в нем участия я не принимал.

Потом, уже во дворце, Керенский мне показал ленту, а у аппарата он только сказал, что Корнилов подтвердил.

Когда мы ехали обратно во дворец, то в автомобиле Керенский, обратясь ко мне, сказал: «Мы поедем с вами вместе туда, откуда Вы приехали, т.е. в Ставку». На что я живо возразил против такого решения и убеждал его этого не делать, так как в Ставке я боялся за его жизнь.

Приехав во дворец, у себя в кабинете мне Керенский снова задал вопрос, думаю ли я, что ему надо подать в отставку и уехать туда, куда и я не буду знать. На что, все время опасаясь за его жизнь, я и ответил: «Да, уезжайте». При этих словах мы оба встали, но когда я хотел уходить из кабинета, Керенский велел меня арестовать.

Мне могут напомнить, что порой я говорил о диктатуре. Но я никогда определенную и категоричную политическую форму в это слово не вкладывал. Когда я говорил о диктатуре, я просто разумел сильную власть и в этом смысле при восстании большевиков от 3 июля я говорил в критическую минуту о диктатуре Керенского. Избрание Керенского в председатели Временного правительства и затем дача ему полномочий по составлению кабинета и есть то усиление власти, в котором я деятельное принимал участие. Я бы очень желал, чтобы тогда, когда произошло первое столкновение Корнилова с Временным правительством, а именно в конце июля месяца, чтобы Керенский совместил должности председателя Временного правительства с Верховным главнокомандованием. Если бы это было сделано в июле, то печальный Корниловский заговор не имел бы места. Вот в каком смысле говорил я о диктатуре Керенского. Что касается до моих отношений к Временному комитету Государственной Думы, то я давно уже с Комитетом порвал, разойдясь на почве моей церковной политики, которую Комитет резко осуждал. Да и на Государственном совещании в Москве я отказался подписать резолюцию IV Государственной Думы. Таким образом, во всех переговорах я действовал вовсе не от каких-либо общественных групп, а лично от себя и за себя. Но думаю, что мое вмешательство в область того, что происходило в Ставке, дало возможность Временному правительству парализовать тот удар Корнилова, который он втайне готовил и который, разразившись неожиданно, был бы гораздо сильнее, опаснее и губительнее для России и дела свободы.

В Ставке до 24 августа я не был ни разу, а с Корниловым я встречался только один раз во Временном правительстве в апреле месяце сего года. 17 августа Добрынский, сообщая мне о вызове его в Ставку, не говорил мне, кто его вызывал.

25 августа я знал, что Савинков находится в Ставке, но не считал возможным сказать ему то, что мне сказал Корнилов, потому что, во-первых[I], я с ним почти не был знаком, видя его всего лишь раз в жизни, а во-вторых, не считал себя вправе передавать кому бы то ни было слова Верховного главнокомандующего, предназначавшиеся только для А.Ф. Керенского.

Когда Завойко на листе бумаги при мне составлял список министров, то я затрудняюсь сказать, не зная, был ли этот список импровизацией его в этот момент или результатом предшествующего обсуждения с кем-либо.

21 августа, когда Добрынский вернулся из Ставки, то он мне сказал[II], что наедине с ним Корнилов выразил ему свое решение объявить себя диктатором, но просил его об этом никому не передавать, о чем я впервые упоминаю

[I] В тексте слова *«во-первых»* и *«во-вторых»* обозначены: *«во 1)»*, *«во 2)»*.

[II] Слово *«сказал»* вписано над строкой.

здесь на Ваш вопрос. Настаивая перед Керенским о необходимости довести до сведения правительства предложения Корнилова, я действовал по собственной инициативе и пониманию создавшегося положения, а не по поручению Корнилова.

Излагая Керенскому на листе бумаги предложения Корнилова, я упомянул в соответствии с формулировкой Завойко третий пункт об отставке министров и вступлении в должность их товарищей, о коем Корнилов в разговоре со мной не упоминал.

На 24 стр. надписано «сказал».

Владимир ЛЬВОВ

Полковник УКРАИНЦЕВ
Н. КОЛОКОЛОВ
Михаил ГОЛЬДМАН-ЛИБЕР
В. КРОХМАЛЬ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 156–168. Автограф; Д. 16. Л. 9–12 об. Копия[I]. Машинопись.

Частично опубл.: Революционное движение в России... С. 425–428.

№ 38
Протокол допроса члена Государственной Думы В.Н. Львова

5 октября[84] *1917 г.*

Протокол

Чрезвычайная комиссия по расследованию дела ген. Корнилова и его соучастников 5 октября 1917 г. допрашивала Владимира Николаевича Львова, который показал:

Я, Владимир Николаевич Львов, содержусь под стражей в Петроградском комендантском управлении.

Дополнительно показываю. Из деликатности до сих пор в своих показаниях в отношении А.Ф. Керенского я в некоторых местах не поставил точки над «i», полагая, что он сам сделает это. Не дождавшись, в интересах Родины и правосудия я считаю себя обязанным совершенно ясно и категорично изложить все обстоятельства так, как они были. Я ездил в Ставку по поручению А.Ф. Керенского. Никакого ультиматума я ни от кого не привозил и не мог привезти, потому что ни от кого таких полномочий не получал, тем более, что то, что мною написано, написано по требованию Ал[ександра] Фед[оровича] Керенского. Александр Федорович поставил меня в Зимнем дворце в такое положение, о каком многим и не снилось: он в Зимнем дворце устроил одиночные камеры с часовыми, а когда я от тоски и одиночества пытался заговорить с <лакеями, приносившими пищу>[II], то и это мне было запрещено. Первую ночь я провел в постели с двумя часовыми в головах. Меня допросили, но когда я написал свое показание, Ал[ександр] Федорович Керенский остался им недоволен и послал ко мне следователя и прокурора, и допрашивали вновь. Я вовсе не давал поручения Керенскому говорить от моего имени с Корниловым по проводу, но от меня требовали такого показания, и из деликатности я это показал.

I Машинописная копия показания В.Н. Львова не завершена.

II Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над зачеркнутым: *«часовыми»*.

Керенский дал мне категорическое поручение представить ему от Ставки и от общественных организаций их требования о реконструкции власти в смысле ее усиления. Во исполнение этого поручения я и поехал в Москву и в Ставку. В Москве я пробыл недолго и, кажется, в тот же день поехал в Ставку. В Ставке я говорил с Корниловым, указал ему на данное мне поручение. Мы беседовали с ним о реконструкции власти, и деталей я уже не помню, потому что измучен пережитыми волнениями. Никакого ультимативного требования Корнилов мне не предъявлял; у нас была простая беседа, во время которой обсуждались различные пожелания в смысле[I] усиления власти. Эти пожелания я и высказал Керенскому. Никакого ультимативного требования я не предъявлял и не мог предъявлять, а он потребовал, чтобы я изложил мои мысли на бумаге. Я это сделал, а он меня арестовал. Я не успел даже прочесть написанной мной бумаги, как он, Керенский, вырвал ее у меня и положил в карман. При расставании с Корниловым он просил меня передать Керенскому его мнение, что при создавшемся положении он считал бы наиболее целесообразной единоличную власть с широкими полномочиями, однако не предрешая, кому она должна принадлежать, и относясь к этому безразлично, но никакого, повторяю, ультимативного требования Корнилов не предъявлял, и я этого от его имени не высказывал, и я не понимаю, кому такое толкование моих слов и для чего понадобилось. Никакого списка министров будущих я тоже никому не предъявлял. Вы предъявляете написанную мною в кабинете Керенского бумажку. По поводу ее я могу сказать следующее. Говорил я с Керенским в течение часа, и вдруг мне было предложено набросать мои слова на бумаге. Выхватывая отдельные мысли, я набросал их, и, повторяю, мне Керенский не дал их даже прочесть. Толкование записанных мною слов «Корнилов предлагает» как требование отнюдь не вытекает из написанного, не имеет этого значения, как я уже говорил выше, и такое толкование я называю подвохом. К проводу для разговора с Корниловым меня пригласили. Я опоздал. Когда я приехал, то мне сказали, что уже переговорили. Ленту мне Ал[ександр] Фед[орович] Керенский прочел в своем кабинете. Там было видно, что говорилось от моего имени, на что я вовсе не уполномочил[II]. Высказаться по поводу такой неделикатности мне не пришлось, так как Керенский тут же арестовал меня. По поводу предъявляемой мне записки из Могилева от 25 августа 1917 года я должен заявить, что послал ее моему брату Николаю Николаевичу Львову в Москву с Иваном Александровичем Добрынским. В этой записке я упоминал о необходимости пригласить в Ставку общественных деятелей, так как знал, что туда должен приехать Керенский, давший мне уполномочия на переговоры с общественными деятелями, и так как, с другой стороны, и Корнилов был на такие переговоры согласен.

На третьей странице зачеркнуто: «обсуж». На второй стр. зачеркнуто: «часовыми» и надписано там же: «лакеями, приносившими пищу».

Показание мне прочитано.

В. ЛЬВОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 249–251. Подлинник. Рукопись.

[I] Далее зачеркнуто: *«обсуж»*.

[II] Так в тексте.

№ 39
Показание члена Государственной Думы Н.Н. Львова

24 сентября 1917 г.

Протокол

24 сентября 1917 г. в Москве, в штабе Московского военного округа, члены Чрезвычайной комиссии В.Н. Крохмаль и Н.А. Колоколов производили допрос нижепоименованного, и он показал:

Николай Николаевич Львов, 50 лет, православный, под судом не был, член Государственной Думы 1, 3 и 4 созыва.

В двадцатых числах августа мой брат Владимир вызвал меня в «Национальную» гостиницу и передал мне, что он имеет поручение от министра-председателя Керенского войти в переговоры с видными общественными деятелями о сформировании нового состава правительства. По словам брата, Керенский пришел к убеждению, что для борьбы с растущим влиянием большевиков правительству необходимо привлечь в свой состав представителей более правых общественных групп. Возможное вооруженное восстание необходимо подавить военной силой и создать сильную правительственную власть, свободную в преследовании своих целей от давления Советов солдатских и рабочих депутатов, подпавших под большевистское влияние. Конечно, это не точные выражения моего брата, которых я не могу запомнить, но смысл сводился, несомненно, к тому, что необходимо сформирование сильной правительственной власти для решительной борьбы с большевизмом и Советами. Тогда же мне показалось очень странным такое поручение министра-председателя, но, зная близкие и дружеские отношения моего брата к Керенскому, я мог допустить, что такое поручение могло быть дано моему брату. В тот же день, увидевшись с некоторыми московскими общественными деятелями, с С.Н. Третьяковым, П.П. Рябушинским и М.В. Родзянко, передал им, не называя моего брата, о намерениях министра-председателя сформировать новое правительство. Через несколько дней я получил записку, датированную от 25 августа, из Ставки от моего брата Владимира следующего содержания: «Генерал Корнилов просит приехать в Ставку выдающихся лидеров партий и общественных деятелей, в особенности Родзянко, немедленно. Предмет обсуждения: составление кабинета. Чрезвычайно важно поспешить откликнуться на его призыв. Телеграфируй число приезжающих и время приезда по адресу: Ставка, князю Голицыну. В. Львов. Могилев, 25 августа 1917 г.»[I]. Я получил эту записку 27 августа около 5 часов вечера. Для меня не было ни малейшего сомнения, что мой брат, вызывая меня в Ставку, действует в полном согласии с министром-председателем, и, конечно, получи я записку несколькими часами раньше, то я того же 27-го числа выехал бы с шестичасовым поездом в Ставку. Какое именно поручение давал Керенский моему брату Владимиру, я не знаю, но ни одной минуты не сомневаюсь, что брат мой Владимир был убежден, что он выполняет поручение Керенского. С Добрынским[II] я лично не знаком и узнал об его участии в этом деле из его собственного признания, напечатанного в газетах. Только благодаря случаю, позднему получению записки от брата, я не выехал того же 27 августа в Моги-

---

[I] Записку В.Н. Львова Н.Н. Львову от 25 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 176.

[II] В тексте фамилия указана ошибочно: *«Добринжинским»*.

лев и, таким образом, не был вовлечен в разыгравшиеся впоследствии события. Я тем менее имел основание сомневаться, что приглашение прибыть в Ставку делается с ведома и согласия министра-председателя, что в тот же день 27 августа мне стало известно, что полковник Верховский, ныне военный министр, по возвращении из Ставки в Москву, призвал к себе офицеров, в том числе председателя Союза Георгиевских кавалеров, и заявил им, что у правительства с генералом Корниловым состоялось соглашение о диктатуре на приемлемых условиях. <От кого я слышал, не помню.>[I]

Распутать узел невероятных недоразумений, интриг, сознательной или бессознательной провокации в деле генерала Корнилова не представляется никакой возможности, но почва, на которой возникло выступление Корнилова, совершенно ясна. Это общественное движение возникло из тех невероятных мучений, которым подвергалось офицерство и командный состав Русской армии, из того национального позора, который пережила Россия при постыдном отступлении от Тарнополя и бесславной сдачи Риги. Те, в душе которых не заглушено чувство национальной чести, не могут не признать себя моральными соучастниками в деле генерала Корнилова, и я лично счел бы для себя за высокую честь сесть на скамью подсудимых рядом с генералом Деникиным и Корниловым. Выставление генерала Корнилова как честолюбца, стремившегося к захвату власти, ложно, как равно ложно определение того общественного движения, которое группировалось вокруг генерала Корнилова, как контрреволюционной попытки реставрации монархии. Вся популярность генерала Корнилова вытекала из того, что с ним была связана надежда на избавление нашей армии от того растления, к которому привела ее революция[II]. Означенная записка моего брата была доставлена на квартиру моей сестры в мое отсутствие. Кем была доставлена эта записка, мне не известно. Говоря о моральном соучастии в деле генерала Корнилова, как я его понимаю, я, тем не менее, безусловно отрицаю возможность возникновения заговора о насильственном свержении Временного правительства на Московском совещании 8–9 августа. Совещание собиралось впервые из самых разнообразных групп и партий, центральным вопросом был вопрос о положении нашей армии по докладу генерала Алексеева. Не генерал Корнилов, а Алексеев был душою совещания 8–9 августа.

Считаю нужным прибавить, что брат мой Владимир, благодаря глубоко пережитым душевным потрясениям, связанным с революцией марта 1917 г., отличался крайнею неуравновешенностью характера и порывистостью принимаемых решений.

Член Государственной Думы Н. ЛЬВОВ

Члены Комиссии В. КРОХМАЛЬ
Н. КОЛОКОЛОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 173–175. Автограф.

[I] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан другими чернилами.

[II] Далее текст вписан другими чернилами.

№ 40
Показание начальника Штаба главковерха А.С. Лукомского[1]

2–4 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 2–4 дня член Чрезвычайной комиссии, учрежденной для расследования дела о генерале Корнилове и других, полковник Украинцев допрашивал нижепоименованного:

Генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, православный, 49 лет, не судился, показал:

Показания записываю собственноручно.

Примерно 6 или 7 августа генерал-квартирмейстер, генерал-майор Романовский доложил мне, что генерал Корнилов приказал передать мне о необходимости перевезти сначала Туземную дивизию, а затем две дивизии 3-го конного корпуса в район Великие Луки — Невель. Ставя эти перевозки в связь с событиями на Северном фронте, при первом же докладе я спросил генерала Корнилова, почему им выбран указанный им район и не лучше ли подать ближе к фронту, сосредоточив так, чтобы конницу, в случае необходимости, можно было бы подать возможно скорей в район XII или V армии в зависимости от направления наступления немцев. К этому времени агентурные связи и разведка давали основание считать, что германцы поведут наступление против Северного фронта и, наиболее вероятно, в Рижском районе.

Генерал Корнилов мне ответил, что он считает указанный им район наиболее подходящим, ибо отсюда можно одинаково удобно подать конницу как на Северный фронт, так, в случае надобности, на Западный. Затем генерал Корнилов мне сказал, что у него есть еще особые сообщения, о которых он со мной переговорит в ближайшие дни. Как Туземная дивизия, так и 3-ий конный корпус находились в резерве Юго-Западного фронта в районе Проскурова. К этому времени вполне определенно выяснилось, что дальнейшего нажима на Юго-Западном фронте со стороны противника в ближайшем времени не будет, и, таким образом, Юго-Западный фронт является районом, в коем можно наши силы ослабить — для перевозки на угрожаемые фронты. Для переброски на Северный фронт, где казалась наиболее вероятной ближайшая операция германцев, намечалось еще две пехотных дивизии с артиллерией и на Румынском фронте (были данные ожидать и там нажим противника) — одной пехотной дивизии с артиллерией.

При одном из следующих докладов я опять спросил по вопросу о сосредоточении конницы в районе Великие Луки — Невель, и, между прочим, спросил генерала Корнилова, не имеет ли он чего-либо против меня в связи с тем, что, насколько мне известно, комиссар Филоненко явно восстановлен против меня, а также для меня не совсем ясна его мысль сосредоточить конницу в указанном им районе.

Генерал Корнилов ответил, что г. Филоненко действительно почему-то восстановлен против меня и что, кроме того, какой-то общественный деятель ему говорил, что Лукомский вряд ли подойдет к нему, генералу Корнилову. «Но это не важно, — добавил генерал Корнилов, — а вот нам необходимо переговорить с Вами по другому, более серьезному вопросу». Затем генерал Кор-

[1] Воспоминания генерала А.С. Лукомского см.: Архив русской революции. М.: Терра, 1991. Т. 5. С. 101–189, 102–104.

нилов[I] указал на необходимость в ближайшем будущем в случае, если начнутся серьезные операции на Северном фронте, образовать Особую армию для обороны подступов к Петрограду по обоим берегам Финского залива, указал на грандиозное значение, которое приобретает Петроград, ибо он станет штаб-квартирой штаба фронта или будет находиться непосредственно рядом с этой штаб-квартирой. При этих условиях необходимо очистить Петроград от всяких тыловых учреждений, а также от запасных войск. Вообще придется принять ряд мер, дабы оздоровить Петроград, а проведение этих мер в жизнь может вызвать ряд серьезных недоразумений. Далее генерал Корнилов указал, что по вполне достоверным данным в конце августа надо ожидать выступление в Петрограде большевиков, с которыми Вр. правительство или может не справиться, или же пойдет опять на полумеры, следствием которых опять получится затяжка и никакого оздоровления не последует. Учитывая все эти обстоятельства, ген. Корнилов и решил сосредоточить конницу в указанном районе, причем полагает возможным одну из дивизий расположить в районе Пскова. При таком сосредоточении можно будет конницу двинуть и на фронт, и к Петрограду, если это потребуется[II] вследствие выступления большевиков или осложнении по проведению в жизнь мер по эвакуации из Петрограда всего лишнего и вредного.

При этом генерал Корнилов считал, что при образовании Отдельной армии для обороны подступов к Петрограду последний будет ему подчинен. Затем генерал Корнилов заговорил о необходимости скорей провести в жизнь все им намеченные мероприятия, а также добиться того, чтобы страна получила, наконец, твердую власть, которая могла бы спасти армию, спасти Россию. «Я не контрреволюционер, — прибавил генерал Корнилов, — я ненавидел старый режим, который тяжко отразился на моих близких. Возврата к старому нет и не может быть. Но нам нужна власть, которая действительно спасла бы Россию, которая дала бы возможность с честью закончить войну и довела бы Россию до Учредительного собрания, которое бы и занялось строительством свободной России. Среди нашего теперешнего правительства есть твердые люди, но есть и такие, которые губят дело, губят Россию. Главное же, у нас теперь нет власти, и надо эту власть создать. Возможно, что мне придется оказать некоторое давление на правительство. Возможно, что если в Петрограде будут беспорядки, то после их подавления мне придется войти в состав правительства и принять участие в создании новой сильной власти».

Затем генерал Корнилов спросил, могу ли я после того, что он мне сказал, оставаться начальником Штаба. Я ответил, что хотя вполне верю, что он лично для себя ничего не ищет, но хочу определенно от него услышать, что здесь нет никаких авантюристических стремлений, нет желания добиться диктаторской власти и что это не вызовет ни гражданской войны, ни отразится на фронте. Получив заверение, что, конечно, ничего этого не будет, я спросил, есть ли у него уверенность, что его план вызовет поддержку широких кругов населения и поддержку главарей главнейших политических партий. Генерал Корнилов ответил, что ему приходилось говорить со многими политическими деятелями и представителями крупных общественных кругов, и он убежден, что поддержка будет полная. В частности, он указал, что в состав будущей власти должны будут, конечно, войти такие люди, как Керенский и Савинков. Затем со слов генерала Корнилова я понял, что г. Филоненко в курсе дела.

[I] Показания А.С. Лукомского от 2–4 сентября опубликованы в книге «Революционное движение в России...» (С. 428), начиная со слов: *«Затем генерал Корнилов...»*.

[II] Далее зачеркнуто: *«(необходимым)»*.

Не видя во всем сказанном ген. Корниловым чего-либо бесчестного, а, наоборот, всецело разделяя взгляд, что надо же наконец создать такую власть, которая действительно управляла бы страной, я ответил, что остаюсь начальником Штаба. В частности, относительно А.Ф. Керенского я нисколько не сомневался, что с ним генерал Корнилов договорится. Я сам слышал, как на заседании в Ставке, в присутствии ген. Брусилова, Рузского, Алексеева, Деникина и Клембовского, на нападки на общую политику Вр. правительства по отношению [к] армии А.Ф. Керенский сказал: «Я делаю и постараюсь сделать, что могу. Но если вы хотите, то я могу хоть сейчас совсем уйти из состава правительства».

Со слов М.И. Терещенко, пол[ковника] Барановского и контр-адмирала Бубнова я неоднократно слышал, что А.Ф. Керенский неоднократно возвращался к вопросу о необходимости создать наконец сильную власть. Неоднократно обсуждался вопрос о создании директории. Таким образом, насколько я мог судить по тому, что неоднократно приходилось слышать, я был уверен, что в А.Ф. Керенском ген. Корнилов не встретит противодействия.

В дальнейшем, приходя иногда не в мои часы доклада к ген. Корнилову, я, случалось, заставал у него его ординарца Завойко или чл[ена] 1-ой Гос[ударственной] Думы Аладьина, или обоих вместе. Случалось, что ген. Корнилов спрашивал меня, не знаю ли я того или иного общественного деятеля. Слышал от генерала Корнилова, что если события развернутся так, как он предполагает, то вопрос о составе правительства будет предварительно обсуждаться с Керенским, Савинковым, председателем Гос[ударственной] Думы и другими видными общественными деятелями, дабы состав будущего кабинета удовлетворил все главные политические партии.

До 24 августа могу отметить, что ген. Корнилов остался совершенно не удовлетворенным ни своей поездкой в Петроград, ни Московским совещанием. Хотя после последнего мне сказал, что он все же надеется, что ему не придется оказывать сильное давление на правительство, ибо последнее, по-видимому, сознает, что надо принять меры для создания сильной власти. В частности, после поездки в Петроград генерал Корнилов с возмущением рассказывал мне, что на заседании министров А.Ф. Керенский и упр[авляющий] В[оенным] м[инистерством] Савинков (один запиской, а другой на словах) его предупредили, чтобы он в своем докладе был осторожен, всего не говорил, так как в составе кабинета есть такие министры, при которых надо быть осторожным. Что касается передвижения войск в район, не соприкасающийся непосредственно с фронтом, то для сформирования 4-ой бригады Туземной дивизии из 3-ей Кавказской дивизии, бывшей в резерве на юге, было приказано направить в район Великие Луки Дагестанский и Осетинский полки и Осетинскую пешую бригаду. Формирование этой бригады находилось в непосредственной связи с развертыванием Туземной дивизии в корпус. После прорыва германцами XII армии и полученного донесения, что части 45-ой пех[отной] дивизии, бывшие в Финляндии, отказываются от посадки для отправления в район XII армии, был вызван с Юго-Западного фронта Корниловский полк, который предполагалось сначала перевезти в район Нарвы. Впоследствии этот полк для поддержания порядка был задержан в Могилеве. Наконец, уже значительно позже в Могилев был вызван Польский уланский полк и Польский стрелковый. Направляя эти части в Могилев, имелось в виду лишь поддержание порядка, а не для каких-либо действий. Польский уланский, Осетинский и Дагестанский полки были в пути задержаны и не пропущены по назначению. Что касается того, был ли какой-либо разговор против Временного правительства, какие-либо организации для оказания активной поддержки генералу Корнилову, то я глу-

боко убежден, что этого не было. Допускаю лишь возможность, что в ближайших центрах были организации для локализации выступления большевиков. Но повторяю, что это лишь допускаю, безусловно, ничего не знал про какой-либо предварительный заговор или про активные организации.

Предполагаю, что генерал Корнилов, будучи уверен в выступлении большевиков в Петрограде и в необходимости подавить это выступление самым беспощадным образом, считал, что это естественно повлечет за собой правительственный кризис и создание нового правительства, новой власти, причем в образовании этой власти он решил принять участие совместно с некоторыми из членов нынешнего Вр. правительства и с крупными общественными и политическими деятелями, на полное сочувствие которых он, по-видимому, имел полное основание рассчитывать. Со слов же ген. Корнилова знаю, что об образовании правительства, в состав которого входил бы и Верховный главнокомандующий, он говорил с А.Ф. Керенским, Савинковым и Филоненко.

Затем, до 24 августа, я ни в чем никакого участия не принимал, да и лишен был бы это и делать, так как своими прямыми обязанностями был занят с утра до глубокой ночи.

24 августа приехал упр[авляющий] В[оенным] мин[истерством] Савинков и при-вез проекты выработанных законов по требованиям ген. Корнилова и проекты положений о комитетах и комиссарах. До обеда ген. Корнилов разговаривал с г. Савинковым без свидетелей. Со слов ген. Корнилова знаю, что разговор шел о взаимоотношениях между ген. Корниловым и А.Ф. Керенским и о том, чтобы в дальнейшей работе им не расходиться. После обеда (около 9 ч. вечера) в разговорах между ген. Корниловым и г. Савинковым принял участие и г. Филоненко. Сначала обсуждался вопрос о комитетах и комиссарах, а затем г. Савинков сказал, что Вр. правительство рассмотрит новые законы в ближайшие дни, и они будут распубликованы. При этом г. Савинков сказал, что опубликование этих законов может встретить серьезные выступления со стороны как большевиков, так и со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов. Что, как, конечно, известно ген. Корнилову, большевики в конце августа или первых числах сентября намерены сделать серьезное выступление, что это выступление беспокоит правительство, что если это выступление не произойдет до объявления новых законов с различными организациями и введением смертной казни в тылу, то распубликование этих законов вызовет немедленное выступление большевиков, а возможно, что и Совета рабочих и солдатских депутатов. Учитывая все это, упр[авляющий] Воен[ным] министерством от имени министра-председателя просил предоставить в распоряжение Вр. правительства 3-ий конный корпус, но, прибавил Савинков, нельзя ли вместо генерала Крымова прислать во главе корпуса другого генерала. Упр[авляющий] Воен[ным] министерством указал, что немедленно после подвода корпуса к Петрограду столица с окрестностями будут объявлены на военном положении, новые законы будут опубликованы, и если большевики и Совет раб[очих] и солд[атских] депутатов выступят, то движение будет подавлено силою. Затем в кабинет ген. Корнилова были приглашены г[енерал]-м[айор] Романовский и полковник Барановский. Последний сделал доклад о необходимости при образовании отдельной армии для обороны подступов к Петрограду выделить Петроград с окрестностями в особое военное губернаторство, подчиненное непосредственно Вр. правительству. Когда вопрос о границах Петроградского военного губернаторства был решен, то упр[авляющий] Воен[ным] министерством вновь вернулся к вопросу об ожидаемом выступлении большевиков и возможном выступлении Сов[ета] раб[очих] и солд[атских] депутатов. Г[осподин] Савинков просил дня за два до сосредоточения

частей корпуса у Петрограда прислать об этом телеграмму, тогда Петроград будет объявлен на военном положении, будут опубликованы новые ограничительные законы, и всякое выступление будет подавлено вооруженной силой. При этом, добавил Савинков, надо действовать действительно решительно и беспощадно. Присутствовавший при этом полк. Барановский (начальник кабинета военного министра) сказал, что надо ударить так, чтобы это отозвалось во всей России. Ген. Корнилов сказал, что инструкции будут даны соответственные, что вообще он не считает допустимым шутить с применением вооруженной силы и что им уже был отдан приказ о предании суду тех начальников, кои при подавлении беспорядков допускают стрельбу в воздух. Затем г. Савинков и полк. Барановский ушли. После их ухода я обратился к ген. Корнилову и сказал, что у меня теперь не остается никаких сомнений, что его действия вполне согласуются со взглядами министра-председателя и упр[авляющего] Военным министерством, и я не опасаюсь никаких недоразумений. В этот же вечер ген. Корнилов дал инструкции ген. Крымову, и 25-го ген. Крымов поехал к своему корпусу. Доказательством того, что корпус был двинут к Петрограду по соглашению с упр[авляющим] Воен[ным] министерством, служит телеграмма ген. Корнилова на имя военного министра о времени окончательного сосредоточения корпуса к Петрограду с просьбой объявить Петроград на военном положении 29 августа (телеграмма находится в делах 1-го генерал-квартирмейстера)[I].

25 августа в Могилев приехал член Государственной Думы Владимир Львов (бывший обер-прокурор Св. Синода). Я при разговоре его с ген. Корниловым не присутствовал. Со слов же ген. Корнилова знаю, что В. Львов приезжал по поручению А.Ф. Керенского переговорить о том, как лучше образовать сильную власть. В. Львов сказал, что А.Ф.[II] спрашивает, что именно предпочитает ген. Корнилов: 1) полный уход из состава кабинета А.Ф. Керенского; 2) оставление А.Ф. Керенского министром-председателем, но с обязательным включением в состав кабинета ген. Корнилова как Верховного главнокомандующего, или 3) диктатуру. Ген. Корнилов ответил, что он не допускает и мысли об уходе из состава кабинета А.Ф. Керенского и г. Савинкова, ибо их имена слишком популярны. Что оставление А.Ф. Керенского министром-председателем вряд ли желательно, ибо он вряд ли может дать больше того, что уже дал (кроме того, ген. Корнилов считал, что А.Ф. Керенский слишком связан своей партией), что он, генерал Корнилов, предпочел бы диктатуру, что если обстоятельства потребуют, он готов был бы принять на себя всю ответственность и тяжесть власти. Затем ген. Корнилов просил передать А.Ф. Керенскому и Савинкову, что он считает безусловно необходимым приезд в Ставку к 28 августа их обоих, ибо при назревающих в Петрограде событиях он не может отвечать за их безопасность.

Я полагаю, что первое крупное недоразумение произошло из-за выражения «диктатура». В Петрограде, по-видимому, поняли, что ген. Корнилов хочет объявить себя диктатором, но я глубоко убежден, что под словом «диктатура» ген. Корнилов подразумевал диктатуру коллегиальную, а не единоличную. Я не помню только 25 или 26 ав[густа] вечером, когда я зашел к ген. Корнилову с каким-то срочным докладом, я застал у него в кабинете г. Завойко и чл[ена] 1-й Гос[ударственной] Думы Аладьина. Ген. Корнилов предложил мне присесть и выслушать схему намечаемой власти, которую, если события в Петрограде

[I] Показание А.С. Лукомского от 2–4 сентября опубликовано в кн.: «Революционное движение в России...» (С. 432) до слов: *«(телеграмма находится в делах 1-го генерал-квартирмейстера)...»*.

[II] Здесь и далее в документе под *«А.Ф.»* имеется в виду А.Ф. Керенский.

развернутся, он хочет предложить на обсуждение А.Ф. Керенскому, Савинкову и представителям крупнейших политических партий, которых он вызывает в Ставку. По этой схеме должен был бы быть образован Совет народной обороны с диктаторской властью. Председателем этого Совета генерал Корнилов считал наиболее правильным быть ему как Верховному главнокомандующему. Но при этом генерал Корнилов добавил, что если он будет признан для этого не подходящим, то могут назначить другого, что он лично никакой власти не ищет. Затем, он считал, что заместителем председателя Совета и фактическим министром-председателем (так как Верх[овный] гл[авнокомандующий] будет отвлечен работою Ставки и не всегда может присутствовать на заседаниях Совета обороны) должен быть А.Ф. Керенский. Затем, в состав Совета должны входить министры — военный и морской (намечался Савинков), иностранных дел, финансов и внутренних дел, а также путей сообщения. При этом кто-то из присутствовавших прочитал проектируемый список кандидатов на министерские посты. Услышав, что на пост министра иностранных дел называют Филоненко, я горячо запротестовал, указав, что никто на это не даст согласия. Тогда ген. Корнилов заметил, что Филоненко, в крайнем случае, согласен принять портфель министра внутренних дел. Из этого я заключаю, что г. Филоненко был в курсе всего дела. Дальше я не оставался, а ушел заниматься своими штабными делами.

26 августа произошел разговор по прямому проводу (лента в делах 1-го генерал-квартирмейстера) между мин[истром]-предс[едателем] Керенским и ген. Корниловым. А.Ф. Керенский просил подтвердить правильность того, что передано ему Владимиром Львовым, и сказать, настаивает ли ген. Корнилов на приезде его, А.Ф. Керенского, в Ставку. Генерал Корнилов ответил, что он подтверждает вновь то, что он сказал В. Львову, и настаивает на приезде в Ставку А.Ф. Керенского и Савинкова, указывая, что если они останутся в Петрограде, то он не может ручаться за их безопасность. А.Ф. Керенский ответил, что сегодня (26 ав[густа]) он выехать не может, а выедет с Савинковым 27 августа.

При этом разговоре ген. Корнилов допустил очень серьезную ошибку, не попросив А.Ф. Керенского повторить то, что передано было ему Владимиром Львовым. Судя по газетам, здесь произошло второе серьезное недоразумение, ибо ответ ген. Корнилова трактуется как ультиматум ко Вр. правительству, а не как мнение ген. Корнилова на вопросы, переданные от имени А.Ф. Керенского через посланного им в Ставку В. Львова.

27-го рано утром от А.Ф. Керенского на имя ген. Корнилова была получена телеграмма, в которой сказано, что ген. Корнилов отчисляется от должности Верх[овного] главнокомандующего, должен сдать должность мне и немедленно ехать в Петроград. Я пошел к ген. Корнилову, который заявил, что он стал жертвой недостойной провокации, что это может вызвать серьезные волнения в армии и что он не находит возможным при таких условиях силою покоряться решению членов Вр. правительства. Я сказал, что со своей стороны затрудняюсь принять при создавшейся обстановке командование армиями и сейчас пошлю телеграмму министру-председателю. Телеграмму эту с изложением создавшейся обстановки и затруднительности для меня принять командование я послал министру-председателю[85]. Телеграмму я закончил фразою: «О последующем решении испрашиваю указаний» (возможно, что редакция несколько иная, но смысл этот; телеграмма находится в делах 1-го генерал-квартирмейстера). В ответ на эту телеграмму я был объявлен предателем и изменником, а во временное командование было указано вступить главнокомандующему Северным фронтом, оставаясь во Пскове. Генерал Клембовский указал на невыполнимость этого с технической стороны, ибо управлять армией можно только из Ставки —

из Могилева. Дабы не прерывалось управление армиями хотя бы на один день, я телеграфировал (телеграмма в делах 1-го генерал-квартирмейстера) военному министру с просьбой отдать распоряжение, чтобы все оперативные и боевые приказания, идущие от имени ген. Корнилова или моего, исполнялись бы фронтом беспрекословно, или указать лицо в Ставке, распоряжение которого было бы для фронтов обязательным. Из Петрограда было указано, что боевые и оперативные распоряжения генерала Корнилова и его Штаба должны всеми исполняться. С Северным, Западным, Юго-Западным и Кавказским фронтами связь не прерывалась ни на один час, и всеми оперативными вопросами руководила Ставка. С Румынским фронтом не было связи почти двое суток, ибо образовавшийся там революционный комитет запретил исполнять какие-либо указания Ставки, даже оперативного характера (была даже прекращена отправка в Ставку ежедневных оперативных сводок и разведывательные).

Я послал об этом телеграмму военному министру, и вследствие, вероятно, последовавшего указания из Петрограда, связь с Румынским фронтом была восстановлена.

Вслед за создавшимся конфликтом были получены телеграммы от главнокомандующих фронтами и некоторых командующих армиями (все телеграммы в делах 1-го генерал-квартирмейстера) с протестом против увольнения генерала Корнилова.

Выступление большевиков в Петрограде не состоялось, и фактически все закончилось. Создалось действительно для широкой публики впечатление, что генерал Корнилов поднял мятеж и отправил корпус громить Петроград.

В дальнейшем я никакого активного участия ни в составлении воззваний, ни объявлений не принимал. Я определенно стоял на том, что гражданская война недопустима, что возникшие события не должны отразиться на оперативной работе фронтов, и какое-либо сопротивление в Могилеве не может иметь места (как я выразился: «Недопустимо создавать из Могилева форт Шаброль»[86]), указывая, что всякое сопротивление в Могилеве вызовет резню офицеров на фронте.

Подводя итог тому, что произошло, считаю, что ген. Корнилов совершенно искренно, не стремясь захватить власть в свои руки, имел в виду лишь пользу Родины. О каких-либо контрреволюционных действиях не может быть и речи. Генерал Корнилов переоценил свою популярность, переоценил заверения различных общественных кругов, что они его всецело будут поддерживать. Генерал Корнилов слишком наивно и доверчиво относился к людям, которые лишь делали вид, что идут с ним рука об руку, а в действительности, толкая его на различные решения, занимались провокацией. Особенно ошибся ген. Корнилов в А.Ф. Керенском, Савинкове и Филоненко. Я думаю, что А.Ф. Керенский сам был введен в заблуждение, а роль Савинкова и Филоненко представляется в очень некрасивом свете.

Не думая ни одной минуты быть мятежником, ген. Корнилов, вследствие крайне ловко подстроенной интриги, оказался таковым в глазах очень многих.

Страшно то, что теперь усилится влияние большевиков, России не добиться скоро достойной и сильной власти, и вряд ли будут проведены в жизнь меры, намечавшиеся ген. Корниловым для поднятия боевой мощи армии. А если это не будет сделано, то скоро армия как таковая перестанет существовать, и тогда погибнет Россия, погибнут все свободы.

Что касается арестованных генерал-квартирмейстеров, то я считаю долгом заявить, что ген.-майор Романовский вряд ли знает больше моего, а полковник Плющевский-Плющик, как ведавший личным составом Генерального штаба и

политической жизнью армии, был совершенно в стороне от всего происходившего и, безусловно, ничего не знал.

Применительно к ст. 20 «Положения о полевом управлении войск в военное время» Верховный главнокомандующий исключительно и непосредственно подчинен Вр. правительству как верховной власти в России. Никакое правительственное место, учреждение и лицо в России не дает Верховному главнокомандующему предписаний и не может требовать от него отчетов. Таким образом, Верх[овный] главнокомандующий должен подчиняться лишь постановлениям Вр. правительства, а не приказам и приказаниям, исходящим непосредственно от министра-председателя или от других отдельных членов Вр. правительства.

27 августа, примерно около 12 часов, я зашел в кабинет ген. Корнилова и застал там, кроме генерала Корнилова, еще члена 1-ой Государственной Думы Аладьина и комиссара при Верховном главнокомандующем штабс-капитана Филоненко. Ш[табс]-к[апитан] Филоненко, продолжая разговор, обратился к генералу Корнилову с заявлением, что вследствие создавшегося положения он, как комиссар Вр. правительства, получивший телеграмму прибыть в Петроград, должен немедленно отправиться по вызову. Г[осподин] Аладьин на это ему ответил: «Если Вы понимаете то, что произошло, Вы, как честный человек, должны обо всем телеграфировать Вр. правительству и остаться при ген. Корнилове». Филоненко возразил, что он останется в Могилеве, только если его арестуют или будет определенно сказано, что ему выезд из Могилева воспрещается. Генерал Корнилов ему ответил, что выезд ш[табс]-к[апитана] Филоненко воспрещается до 28 августа, а если он все же попытается выехать, то его задержат. Ш[табс]-к[апитан] Филоненко остался и вечером 27-го получил разрешение уехать; в 4 ч. утра 28-го ему и его помощнику был дан паровоз и вагон, и он отправился в Петроград. Ш[табс]-к[апитан] Филоненко арестован не был. Что касается до его помощника Тизенгаузена, то он пытался уехать 27-го с поездом, но был задержан и доставлен в дом, где жил ген. Корнилов. Через несколько времени он был приглашен к генералу Корнилову, а затем был отпущен. Зайдя к генералу Корнилову 27 августа около трех часов дня, я опять застал у него шт[абс]-кап[итана] Филоненко, горячо о чем-то разговаривавших. При мне ш[табс]-к[апитан] Филоненко говорил о том, что, по-видимому, произошло какое-то невероятное недоразумение, и предложил тут же составить телеграмму на имя военного министра. Телеграмма, в которой ш[табс]-к[апитан] Филоненко указывал на недопустимость смещения ген. Корнилова, была тут же им составлена. Я не знаю, послана ли она им в Петроград или нет, но, написанная им собственноручно и подписанная, хранится при делах 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем.

26 августа у меня был командующий войсками Московского в[оенного] окр[уга], которого я предупредил о вероятном выступлении большевиков в Петрограде, о принятых мерах и решениях и о том, что события могут отразиться на Москву. Полк. Верховский сказал, что большевизм в Москве очень разросся и что нелегко будет подавить возмущение, если оно начнется. Я на это ответил, что ему надо принять необходимые меры, и если понадобится, то надо будет усилить его казачьими войсками. Полковник Верховский спросил меня, действует ли ген. Корнилов в согласии с министром-председателем, так как в противном случае он будет поставлен перед дилеммой, действовать ли во главе Московских войск против присылаемых войск или же принять начальство над присылаемыми войсками, действовать против войск Московского гарнизона, если последние присоединятся к большевикам. Я ответил, что, прежде всего, в Москву пока ничего не посылается, а, во-вторых, если бы ген. Корнилов шел

против министра-председателя и если б этому я даже сочувствовал, то тогда вряд ли его об этом предупреждал. Затем, полк. Верховский был у ген. Корнилова. О чем они говорили, я не знаю. За обедом (в 7? ч. веч[ера] 27 авг[уста]) полковник Верховский ко мне подошел, сказал, что он говорил с ген. Корниловым, убедился, что ему необходимо срочно ехать в Москву, и просил устроить ему экстренный поезд. Просьба его была удовлетворена. Если б у меня было хоть малейшее сомнение в том, что ген. Корнилов задумывает предприятие против Временного правительства и если б я ему в этом сочувствовал, то вряд ли говорил бы об этом полковнику Верховскому. В дополнение к изложенному отвечаю на вопросы, поставленные мне военным следователем:

1) Указать более точно мое отношение к событиям после 27 августа, т.е. после того момента, когда генерал Корнилов открыто пошел против Вр. правительства.

Как я уже сказал, до 27 августа я считал, что генерал Корнилов действует вполне солидарно с представителями Вр. правительства. 27 августа, после разговора по прямому проводу ген. Корнилова с упр[авляющим] Военным министерством Савинковым, генерал Корнилов открыто пошел против Вр. правительства. Если б не было предварительного уговора ген. Корнилова с упр[авляющим] В[оенным] мин[истерством] Савинковым и мин[истром]-предс[едателем] Керенским (через В. Львова и затем 26 ав[густа] по прямому проводу с мин[истром]-председателем Керенским), то, конечно, дальнейшие действия ген. Корнилова не могли бы быть ничем оправданы и я, как нач[альни]к Штаба и ближайший его помощник, должен был бы немедленно совершенно отстраниться от дальнейших его действий. Но положение создалось крайне сложное: А) Действия представителей правительства были столь неприглядны, носили столь провокационный характер, что невольно все симпатии были на стороне ген. Корнилова, который ничего, кроме блага Родины, не желал.

Б) Теплилась еще надежда, что Вр. правительство пойдет на компромисс ради избежания колоссального скандала и дабы не вносить дальнейшей разрухи в армию.

В) Было понятно, что если бы даже ген. Корнилов сразу уступил требованию Вр. правительства, то следствия и огласки не избежать, и в результате пострадал бы корпус офицеров, так как начались бы на местах всякие недоразумения между солдатами и офицерами. Избежать этого можно было бы лишь при уступке со стороны Вр. правительства.

Г) Чисто товарищеское чувство и чувство чести не позволяло оставить ген. Корнилова, которого так жестоко подвели те, кои теперь решили его карать.

Вот все эти соображения, вопреки сознанию, что дальнейшие действия явно незакономерны и что дальше ничего путного не будет, заставили меня остаться на своем посту. Наконец, мой отказ принять должность главковерха[87] уже трактовался преступным и, следовательно, подлежащим суду. При этих условиях и при единодушном сочувствии всех офицеров Ставки Корнилову мой уход со своего поста носил бы характер трусости и бегства. Кроме того, я считал, что чл[ен] 1-ой Гос[ударственной] Д[умы] Аладьин, Завойко, а также те молодые офицеры, к которым обращался ген. Корнилов, могут толкнуть ген. Корнилова на еще более крайние решения. Устранившись от каких-либо текущих решений, связанных с политической стороной, и отдельных распоряжений, ибо я отлично понимаю, что в этой области я ничего изменить не могу, я задался лишь целью приложить все усилия, дабы не возгорелась гражданская война и внутренние события возможно менее отразились бы на фронте, а также не допустить <столкновений у Могилева, если б к нему были двинуты

войска.>[I] Насколько знаю, всякими воззваниями и обращениями заведовал Завойко, получая указания от ген. Корнилова, а по подтверждению связи с г. Крымовым и по вопросам, связанным с создавшимся положением, ген. Корнилов отдавал распоряжения через полк. Пронина (см. п. 11)[II].

2) Как генерал Корнилов отказался сдать должность?

Это решение было принято ген. Корниловым, насколько я помню, 27-го после разговора с упр[авляющим] В[оенным] мин[истерством] Савинковым. Подробностей решительно не помню.

3) Какие отдавались распоряжения после отказа ген. Корнилова сдать должность?

Главнейшим распоряжением было указание генералу Крымову и кн. Багратиону (нач[альни]ку Туземной дивизии) продолжать движение к Петрограду по железной дороге, а если это встретит затруднение, то походным порядком.

Товарищу министра путей сообщения г[енерал]-м[айору] Кислякову было дано указание продолжать перевозку войск по железной дороге.

4) Как поддерживалась связь с Крымовым и кн. Багратионом?

Распоряжения отдавались ген. Корниловым через полк. Пронина. Знаю, что на автомобиле поехал полковник Лебедев и еще кто-то, кто — не знаю. Знаю, что ген. Корнилов приказал, кажется, через полк. Пронина потребовать в Ставку 4 аэроплана. Но из них вылетел, насколько знаю, только один. Мне говорили, что не было бензина.

5) Зачем приезжал в Ставку кн. Долгоруков?

Был вызван ген. Корниловым, о чем они говорили, не знаю. Предполагаю, что кн. Долгорукову было дано указание, в случае надобности, продвинуть к Петрограду Кавказскую кав[алерийскую] дивизию из Выборгского района. Говорю — предполагаю, ибо это намечалось в случае выступления в Петрограде большевиков.

6) Какие записки и через кого посылались к ген. Крымову?

Я этого не знаю.

7) Известно ли мне, какие меры были приняты для установления связи с генералом Калединым, и не посылались ли ему какие-либо записки?

Я об этом ничего не знаю.

8) Какие это предполагались в Ставке бомбометные курсы, и куда в действительности направлялись офицеры?

Англичане действительно предполагали доставить в Ставку свои бомбометы, и я об этом слышал от ген. Бартера (английский представитель). При этом англичане хотели, чтобы с этими бомбометами познакомились наши офицеры. Но затем, если не ошибаюсь, 26 августа выяснилось, что бомбометы задержались в пути, и англичане считали желательным их доставить в Лугу.

Вызов офицеров делался по приказанию ген. Корнилова, насколько знаю, через полк. Пронина. Сколько вызывалось офицеров, откуда и куда они направлялись из Могилева и с какими инструкциями, я не знаю.

9) Какие шаги и меры предпринимались генералом Корниловым, чтобы склонить на свою сторону главнокомандующих?

Я по приказанию ген. Корнилова лишь спросил по телеграфу ген. Клембовского, какое его решение на приказание правительства принять должность Верховного главнокомандующего (моя телеграмма и ответ ген. Клембовского — в делах 1-го генерал-квартирмейстера).

[I] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан между строк.

[II] Отсылка дана Лукомским. См. 11-й пункт настоящего показания.

Какие телеграммы посылались другим главнокомандующим, я не знаю[I].

10) Что я подозреваю, говоря, что Корниловский полк был задержан в Ставке, дабы предотвратить беспорядки?

По докладу дежурного генерала было ясно, что в Георгиевском батальоне и в различных командах Ставки шло брожение против ген. Корнилова. Впрочем, я все же должен ввести поправку в мое показание о том, что Корниловский полк и другие части направлялись в Могилев лишь для поддержания порядка. Это мое личное мнение и мое решение не допустить какое-либо кровопролитие в Могилеве. Я как-то по этому вопросу говорил с ген. Корниловым и определенно ему сказал, что у Могилева и в самом Могилеве никакие сопротивления недопустимы, указал, что это невозможно вследствие того, что это было бы просто глупостью, а во-вторых, от того, что это могло бы нарушить на несколько дней связь с фронтами. Ген. Корнилов со мной согласился. В то же время должен отметить, что, производя смотр Георгиевскому б[аталь]ну и Корниловскому полку, ген. Корнилов им прямо сказал, что он теперь определенно идет против Временного правительства. Возможно, что ген. Корнилов, приказывая собрать несколько частей к Могилеву, допускал возможность куда-либо их направить (напр[имер], для занятия каких-либо важных железнодорожных узлов), но об этом он мне не говорил. Допускаю даже, что какие-либо горячие головы думали о вооруженном сопротивлении у Могилева, но, повторяю, я этой мысли не допускаю и уверен, что если б кто-либо и захотел осуществить, то мне удалось бы настоять на противном.

11) Хочу добавить еще несколько слов к п. 1. (Указать более точно мое отношение к событиям после 27 августа, т.е. после того момента, когда генерал Корнилов открыто пошел против Вр. правительства).

Для того, чтобы правильно осветить вопрос, каким образом я, да, вероятно, и другие, решил 27 августа открыто идти против Вр. правительства, оставшись рядом с ген. Корниловым, необходимо понять весь кошмар создавшегося положения.

А) Для восстановления боеспособности армии было необходимо немедленно провести ряд мер, на каких настаивал ген. Корнилов. Главнейшие из них: 1) установить в тылу, как и на фронте, смертную казнь; 2) восстановить дисциплинарную власть начальников и их авторитет; 3) восстановить наружную дисциплину и обязательное взаимное приветствие; 4) ограничить право в армии митингов и собраний, широкое развитие коих мешало нести службу и производить занятия, и на которых безответственные ораторы разжигали страсти, вносили рознь между офицером и солдатом и разлагали армию; 5) выработать положение о комитетах и комиссарах, точно определяющее их права и обязанности. Без срочного проведения в жизнь этих мер армия в ближайшие 2–3 месяца должна окончательно развалиться, и продолжение войны будет невозможно, это же знаменует гибель России.

Введение смертной казни в тылу является необходимым для оздоровления тыла и армии[II]. Пока этого не будет сделано, армия будет получать из запасных батальонов и полков такие укомплектования, которые будут постоянно развращать и разваливать действующие части. Кроме того, в связи с пропагандой «ленинцев» шкурный вопрос легко прикрывать «идеей» и уклоняться от отправления в действующую армию.

[I] В конце предложения поставлен знак: «*х)*». Под строкой Лукомским вписано: «*Допускаю, что кой-что я забыл. Все телеграммы и документы находятся в делах 1-го генерал-квартирмейстера*».

[II] Слова «*и армии*» вписаны над строкой.

Без восстановления дисциплинарной власти начальников и их авторитета оздоровление армии невозможно. Увещеваниями и хорошими словами на темную массу не подействуешь. Чувствуя себя безответственным и не понимая чувства долга, солдату гораздо приятней делать то, что он хочет, а не то, что от него требуют. Требование порядка, занятий, добросовестное исполнение службы называют возвращением к «старому режиму» и не хотят подчиняться. Положение офицеров стало невыносимо, над ними издеваются, их не слушают. Намечено было дисциплинарную власть создать на иных началах, чем она была прежде. Предполагалось создать шкалу взысканий, наложение коих обязательно для начальника. За проступки же, не внесенные в шкалу взысканий, предавать дисциплинарным судам, образованным в войсковых частях. Восстановление наружной (внешней) дисциплины необходимо, чтобы, помимо придания воинского вида солдатам, облегчать проведение и внутренней дисциплины. Чем менее культурен народ, чем меньше в нем чувство долга, тем строже должна быть внешняя дисциплина, которая вносила бы привычку подчинения. Восстановление обязательного взаимного приветствия, причем младший обязан приветствовать первым, является безусловно необходимым, ибо это, при нашей некультурности, должно автоматически подымать[I] значение начальника. Кроме того, проявление внешней вежливости должно быть вообще обязательным в армии.

Требование об ограничении митингов и собраний также вполне понятно. Ведь теперь даже в ближайшем районе к фронту больше «митингуют», чем занимаются и работают. В тылу же установилось полное безделье. Укомплектования, прибывающие в армию, совершенно не обучены, развращены и не желают признавать власти начальников.

Продолжать при этих условиях войну невозможно. Надо или открыто признать себя подлецами, нарушить союзнические обязательства и вести Россию к гибели, или принять решительные меры для приведения армии в боеспособный вид и для оздоровления тыла.

На все эти минимальные требования генерала Корнилова, по словам бывшего упр[авляющего] В[оенным] мин[истерством], последовало полное согласие министра-председателя, и оставалось лишь провести их через Вр. правительство. Для нас многое еще не ясно, многое скрыто от наших глаз. Я не сомневаюсь, что А.Ф. Керенский, г. Савинков, М.И. Терещенко, министры-кадеты и, вероятно, министр Некрасов вполне искренно решились бы удовлетворить требования ген. Корнилова, ибо они не могли не понимать весь ужас положения. Но вряд ли Чернов и те из министров, кои считали себя ответственными перед Советом солдатских и рабочих депутатов, пошли бы на удовлетворение требований ген. Корнилова. Скажут, что большинство министров должно было бы поддержать требования ген. Корнилова, и поэтому[II] проведение этих мер в жизнь было обеспечено. Да, это так, если б Вр. правительство рискнуло совсем порвать с Советом Р. и СД, так как проведение в жизнь этих мер, конечно, знаменовало бы этот разрыв, ибо СР и СД никогда бы на это не согласился и объявил бы открытую войну Вр. правительству. Согласие на эти меры Сов[ет] Р. и СД не дал бы[III] потому, что опубликование этих мер прежде всего уничтожило бы «декларацию прав военнослужащих»[88], которой в Советах и солдатских массах придается такое громадное значение.

I Так в тексте.

II Далее зачеркнуто: *«было признано»*.

III Далее зачеркнуто: *«прежде всего»*.

Допускаю, что упр[авляющий] В[оенным] мин[истерством] Савинков, говоря ген. Корнилову о необходимости подвести к Петрограду 3-ий конный корпус и о передаче его в распоряжение Вр. правительства, ясно сознавал всю трудность проведения в жизнь намеченных мер и учитывал большую вероятность выступления Сов[ета] Р. и СД открыто против Вр. правительства и не ради поддержки большевиков, а чтобы не допустить проведение в жизнь мер, явно неугодных солдатской массе. Отношение Сов[ета] Р. и СД к мерам, проектировавшимся ген. Корниловым, совершенно определилось после Московского совещания. Достаточно просмотреть вышедшие за это время номера «Известий Исп[олнительного] комит[ета] Сов[етов] Р. и СД», чтобы ясно понять, что без большой борьбы Сов[ет] Р. и СД своей позиции не сдаст. Совет даже настаивал на отмене всех мер, кои были уже введены на фронте.

Положение Вр. правительства было действительно трудное, ибо ведь оно только номинально полновластно, в действительности же до последнего времени оно должно было сообразовать[I] свои действия с гораздо более полновластным, чем оно, Советом Р. и СД.

Допускаю, что большинство членов Вр. правительства совершенно сознательно ради спасения армии и Родины предлагали пойти против Сов[ета] Р. и СД и провести меры, предложенные ген. Корниловым. Но предполагать одно, а решиться это другое. Повторяю, что еще многое от нас скрыто. Но чувствуется, что Вр. правительство решалось <в последнюю минуту>[II] пожертвовать ген. Корниловым, а не разрывать с Сов[етом] Р. и СД.

Б) В России до последней минуты нет власти ни наверху, ни на местах. Развал полный во всех отраслях. Хлеб в деревне есть, но крестьяне его не везут к станциям и пристаням. В крупных центрах наступает голод. Заводы перестают работать. Железные дороги едва-едва справляются с подвозом к фронту самого необходимого, причем бывают крупные недовозы[III], образовать на фронтах никаких запасов нельзя, обозных паровозов более 25%, и еще 25% ходят в неисправном виде и скоро выйдут из строя. В деревне идет захват крестьянами помещичьих угодий, в городах террор от «товарищей», прибывших с фронта. Вся страна кричит о том, чтобы дали ей, наконец, сильную власть. При этих условиях продолжать войну трудно. Нужны решительные меры, нужно спасать самое существование России, нужно создать действительно сильную власть, не находящуюся под давлением каких бы то ни было безответственных органов.

Генерал Корнилов, ответственный за армию и за исход войны, как Верховный главнокомандующий поднял и здесь свой голос. Судя по тому, что мне известно, взгляды ген. Корнилова разделялись и многими членами Вр. правительства и широкими общественными кругами. Но вот опять-таки то, что намечалось ген. Корниловым, вряд ли соответствовало взглядам тех безответственных организаций, которые привыкли руководить делами и для которых создание власти по схеме ген. Корнилова было бы равносильно самоупразднению. А это без борьбы не отдается.

Увольнение ген. Корнилова могло знаменовать не только перемену лица, но отказ Вр. правительства идти по тому пути, который главные члены этого же правительства считали пред тем единственно правильным для спасения России.

В) Выработке «Положения» о комиссарах и комитетах, точно определяющего их права, генерал Корнилов придавал чрезвычайное значение, так как толь-

---

I Так в тексте.

II Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

III Так в тексте.

ко при правильной постановке вопроса о комитетах и комиссарах жизнь в армии могла наладиться нормально. Проект «Положения» был выработан в Политическом отделе при управл[яющем] Военным министерством, и 24 августа г. Савинков привез этот проект на одобрение ген. Корнилова. Савинков настаивал, чтобы ген. Корнилов сейчас же одобрил проект, дабы его можно было беззамедлительно утвердить и опубликовать. Но генерал Корнилов, которого я перед тем просил с этим не торопиться, сказал, что это слишком серьезный вопрос, чтобы его решать в течение 1—2 часов, и ему нужно хоть 2 дня, чтобы основательно ознакомиться с проектом. Савинков все же настаивал хотя бы на принципиальном одобрении главных оснований проекта, говоря, что в Ставке теперь собраны все комиссары фронтов и армий и председатели фронтовых и армейских комитетов, которых надо ознакомить с проектом. При беглом просмотре обнаружилось два основания, с которыми ни ген. Корнилов, ни я никак согласиться не могли: а) право и обязанность[I] соответствующих комитетов давать аттестации начальствующим лицам, причем эти аттестации должны подшиваться к послужным спискам и передаваться в новые места службы; б) право соответствующих комиссаров отводить (т.е., попросту говоря, увольнять) «младший» командный состав до командиров корпусов включительно.

Генерал Корнилов и я решительно заявили, что это недопустимо, что некоторый % командного состава будет подлаживаться и заискивать у комитетов и комиссаров, а многие при этих условиях примут все меры, чтобы уйти из армии, и армия потеряет много хороших генералов и офицеров.

Упр[авляющий] В[оенным] мин[истерством] Савинков заявил, что он согласен с нашими замечаниями, что это напутали у него в Политическом отделе. Тут же Савинков обратился к присутствующему комиссару Филоненко и сказал, что оба эти пункта надо вычеркнуть и не докладывать в заседании с комиссарами и председателями комитетов.

Но дальше происходит что-то странное:

А) 25 августа, на заседании комиссаров и председателей комитетов под председательством Филоненко, начальник Политического отдела гр. Толстой, делая доклад о вновь выработанном «Положении», полностью говорит и об «аттестациях» и об «отводах»[II].

Б) В записке, присланной 27 августа, Филоненко на одобрение ген. Корнилова[III] оснований нового «Положения», полностью говорится и об «аттестациях» и об «отводах».

Получается впечатление, что опять-таки в угоду принципа «демократизации армии» не хотят считаться с мнением и самолюбием командного состава. Согласие на такое «Положение» ген. Корнилов никогда бы не дал, а следовательно, для его проведения в жизнь[IV] на основаниях, выработанных в Политическом отделе упр[авляющего] Воен[ным] министерством, надо было бы убрать ген. Корнилова. Таким образом, уход ген. Корнилова и в этом отношении знаменовал бы собой дальнейший развал армии.

После получения распоряжения об увольнении ген. Корнилова обстановка рисовалась в следующем виде:

I Слова *«и обязанность»* вписаны над строкой.

II Над строкой поставлен знак: *«х)»*. Внизу страницы примечание: *«Может подтвердить полк. Плющик-Плющевский, бывший на заседании»*.

III Над строкой поставлен знак: *«хх)»*. Внизу страницы примечание: *«Находится в делах 2-го генерал-квартирмейстера»*.

IV Далее зачеркнуто: *«в редакции»*.

1) По тем или иным причинам Вр. правительство отказалось или принуждено отказаться от проведения в жизнь полностью всех требований ген. Корнилова.

2) Терялась надежда на образование достойной и твердой власти, которая могла бы вести Россию на путь спасения.

В итоге с уходом Корнилова невольно связывалось: 1) дальнейший развал армии и дальнейшая разруха в стране; 2) уход из армии или гибель лучших офицеров; 3) невозможность продолжения войны и гибель России.

Подчеркиваю, что здесь не дело[I] в личности ген. Корнилова. Его, конечно, можно было бы заменить другим, и дело не погибло бы. А весь вопрос в том, как и при каких обстоятельствах увольнялся ген. Корнилов.

Получалась уверенность, что, собственно, увольняется не так сам ген. Корнилов, как отвергаются идеи, им проводимые. Последнее же было бы гибельно и позорно для многострадальной России.

Так понимал я. Отсюда вытекало и окончательное мое решение остаться рядом с ген. Корниловым. Еще теплилась надежда, что Вр. правительство пойдет на уступки, поймет, что весь этот вопрос при ином решении может получить катастрофический характер. Я отлично сознавал, что с формальной стороны я иду по преступному пути. Но, имея в виду лишь пользу Родины и пользу армии, я решил остаться с ген. Корниловым, считая, что та кара, которая нас постигнет, не должна меня останавливать. Вся эта кошмарная история, по моему глубокому убеждению, в результате принесет Родине пользу, встряхнет русское общество и заставит лиц, коих судьба выдвинет к кормилу правления, создать не только сильную, но и достойную Великой России власть.

К этому показанию прикладываю дополнительное мое показание со следующими заголовками: «Общий очерк», «Мои отношения к ген. Корнилову» и «Отношения мои к комиссару при Верх[овном] гл[авнокомандующем] Филоненко и другим лицам, бывшим при ген. Корнилове».

Генерал-лейтенант ЛУКОМСКИЙ
Могилев. 4 сентября 1917 года

Член Чрезвычайной комиссии
полковник УКРАИНЦЕВ

<Исправлено: на 19 стр. зачеркнуто и подписано «может»; на 25 стр. вписано «столкновений у Могилева, если б к нему были двинуты войска»; на 26 стр. — «помощь»; на 29 стр. вписано «и армии», зачеркнуто «не»; на 32 стр. «благоприятные» зачеркнуто, зачеркнуто «прежде»; на 33 стр. вписано «в последнюю минуту»; на 35 стр. вписано «и обязанность»; на 37 стр. зачеркнуто «в редакции».>[II]

Генерал-лейтенант ЛУКОМСКИЙ

Член Чрезвычайной комиссии
полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 50–69. Автограф.

Опубл. частично: Революционное движение в России... С. 428–432.

[I] Так в тексте.

[II] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан членом Чрезвычайной комиссии Украинцевым.

№ 41
Дополнительное показание генерал-лейтенанта Лукомского в связи с обвинением его в мятеже[I]

4 сентября 1917 г.

Общий очерк.[II] 1) После Февральского переворота сейчас же за выходом приказа № 1 Совета солдатских и рабочих депутатов[89] армия стала быстро разлагаться. Отмена этого приказа дела не исправила. Лозунг в толпу был брошен, и события стали развиваться естественным путем.

Между солдатами и офицерами образовалась пропасть. После первого угара, благодаря работе командного состава и работе войсковых комитетов (большая часть которых работала в примирительном направлении), отношения между солдатами и офицерами стали сглаживаться, и работа в армии начала налаживаться.

Но появление Ленина, его проповедь «большевизма» и объявленная «декларация прав» опять ухудшили положение. Проповедь «большевиков» нашла полный отклик в солдатской массе, и так как шкурный вопрос стало возможным легко объяснять «идеей», то «большевиков» стало в армии все более и более.

Некоторые из представителей высшего командного состава горячо восстали против создавшегося положения, но следствием этого явилось лишь увольнение генералов Алексеева, Гурко и Драгомирова. Положение в армии осложнялось тем, что никто не знал прав и обязанностей комитетов.

Приказ Верховного главнокомандующего о правах и обязанностях комитетов был заменен приказом по армии и флоту № 213, а затем, впредь до выработки нового положения, был отменен и приказ № 213. До настоящего времени нет положения о комитетах, и это внесло громадный сумбур. Многие комитеты произвольно стали расширять свои права, и это только вело за собой дальнейшие столкновения между командным составом и солдатами.

Речь А.Ф. Керенского в Исполн[ительном] комитете Совета Р. и СД[III], помещенная в «Известиях Совета», в которой говорится о праве «отвода начальников», внесла во взаимные отношения между солдатами и офицерами еще больше розни.

Учреждение в армии института комиссаров[90] было, в общем, полезно, но грешило опять-таки тем, что не были определены точно права и обязанности комитетов. Все зависело от личности комиссаров, и в некоторых случаях они не улучшали, а ухудшали дело. Высший командный состав хорошо сознавал, что теперь без комитетов и комиссаров обойтись нельзя, но настойчиво требовал, чтобы права и обязанности как тех, так и других были точно определены.

Армия продолжала разваливаться. Высший командный состав сознавал, что скоро армия перестанет существовать, что мы не будем в состоянии продолжать войну, что вряд ли при создавшихся условиях армия останется на зиму в окопах. Прекращение же нами войны знаменовало бы гибель России, гибель полученных народом свобод и расплату за войну. Наши союзники от нас отвернулись бы, и, конечно, Россия, главным образом, должна была бы уплатить за войну другим государствам или территорией, или какими-либо другими компенсациями.

I Заголовок документа.

II Здесь и далее в документе текст, выделенный курсивом, вписан на полях и подчеркнут.

III Над строкой поставлен знак: *«х)»*. Внизу страницы примечание: *«В мае 1917 г.»*.

Сознавал это и бывший Верховный главнокомандующий генерал Брусилов. Если обратить внимание на его приказы[91], то ясно будет, как у него нарастала тревога за армию и насколько решительными и твердыми были его последние приказы перед уходом с поста Верховного главнокомандующего.

Между тем наши союзники, начавшие операции на Западном фронте, настойчиво требовали, чтобы мы, согласно обязательствам, данным на последней союзнической конференции[92], перешли в наступление. Главнокомандующие фронтами оттягивали начало наступления, считая, что войска крайне ненадежны. Наконец, решено было произвести наступление в половине июля, начиная с Юго-Западного фронта. На серьезный успех никто не рассчитывал, но наступление являлось неизбежным ради наших союзнических обязательств. Наступление состоялось, и затем последовала всем известная катастрофа на Юго-Западном фронте[93]. Еще до наступления на Юго-Западном фронте высшим командным составом армии отлично сознавалось, что недостаточно требовать занятий и работы на фронте, но необходимо принять меры, чтобы разложение армии не шло с тыла. Неоднократно указывалось, что пропаганду «ленинцев» и «большевиков» надо считать столь же опасной для Родины и для свобод, завоеванных народом, как и пропаганду справа (контрреволюции). Указывалось, что за пропаганду большевизма надо карать со всей строгостью закона, объявив эту пропаганду преступной и опасной для Родины. Но правительством в этом отношении ничего существенного не предпринималось. Только в период катастрофы на Юго-Западном фронте раздался в первый раз громкий, решительный голос вновь назначенного главнокомандующим Юго-Западным фронтом генерала Корнилова. В своих требованиях о введении смертной казни на фронте генерал Корнилов был поддержан комиссарами Савинковым и Филоненко. Требования генерала Корнилова были удовлетворены. Но этого было недостаточно. Все отлично понимали, что, какие бы меры на фронте ни принимались, армию нельзя оздоровить до тех пор, пока не будет оздоровлен тыл.

После назначения генерала Корнилова Верховным главнокомандующим он немедленно стал настаивать перед Вр. правительством на проведении в жизнь ряда мер, которые должны были бы оздоровить и армию и тыл.

Еще до назначения генерала Корнилова Верх[овным] главнокомандующим на особом совещании в Ставке — при участии А.Ф. Керенского, М.И. Терещенко, Савинкова, генералов Брусилова, Алексеева, Рузского, Деникина, Клембовского и меня — рассматривались вопросы, проведение коих в жизнь считалось необходимым. Все присутствовавшие на заседании сошлись на том, что надо провести ряд решительных мер. Срочному проведению в жизнь мер по оздоровлению армии и тыла генерал Корнилов придавал чрезвычайное значение, ибо сознавал, что если эти меры не будут проведены в ближайшее время, то будет крайне трудно удержать армию в окопах на зиму и вряд ли можно будет привести ее в боеспособный вид к весне.

Как министр-председатель, так и управляющий Военным министерством шли навстречу требованиям ген. Корнилова, но разрешение вопроса затягивалось. Наконец, за несколько дней до Московского совещания представители правительства и генерал Корнилов вполне договорились.

На Московском совещании было сделано заявление о необходимости принять ряд решительных мер для оздоровления армии и тыла, и оставалось лишь провести меры через Вр. правительство.

После Московского совещания началась в различных крайних газетах, а также в «Известиях СС и РД» травля против г. Корнилова. И хотя 24 августа упр[авляющий] В[оенным] мин[истерством] Савинков провел готовый проект представ-

ления во Вр. правительство, но ясно чувствовалось, что проведение в жизнь этих мероприятий встретит серьезные затруднения как со стороны большевиков, так и со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов.

В течение[I] августа чувствовалось, что атмосфера сгущается. Со всех сторон стали поступать вполне определенные сведения о том, что большевики выступят в Петрограде между 28 и 31 августа. Имелись сведения, что большевики попытаются захватить, хотя на короткое время, власть в свои руки, а это могло бы повлечь за собой какой-нибудь шаг с их стороны, еще более серьезный, чем приказ № 1. В частности, ходили упорные слухи, что большевики, захватив власть в свои руки, немедленно объявят перемирие и постараются вступить с Германией в переговоры о мире. Если бы это случилось, то удержать армию на фронте было бы крайне трудно.

После катастрофы на Северном фронте (отдача Риги и беспорядочный отход XII армии) особенно остро встал вопрос о необходимости оздоровить Петроград.

Стратегическая обстановка указала на необходимость образовать Особую армию для обороны подступов к Петрограду по обоим берегам Финского залива. При этом штаб этой армии естественно должен был бы расположиться в Петрограде или в ближайших его окрестностях.

Обстоятельства требовали, чтобы в этом случае Петроград был очищен от всяких тыловых учреждений, запасных войск, а также являлось необходимым принять меры к тому, чтобы Петроград перестал быть очагом политических волнений, передающихся в армии. Последний вопрос крайне озабочивал верховное командование.

Мои отношения к ген. Корнилову. 2) Будучи назначен начальником Штаба Верховного главнокомандующего одновременно с назначением главковерхом генерала Брусилова, я после назначения и приезда генерала Корнилова немедленно его спросил, хочет ли он, чтобы я оставался начальником Штаба, и если хочет, то я остаюсь при условии полного ко мне доверия, так как только при этих условиях возможна совместная работа Верховного главнокомандующего и его начальника Штаба. В ответ на мой вопрос генерал Корнилов (это было 23 июля) сказал, что он меня совсем не знает, знает только по слухам, и также считал, что совместная работа возможна лишь при полном доверии, просит пока остаться, а затем, в зависимости как сложатся наши отношения, будет видно. Я остался.

До этого времени я ген. Корнилова знал только по слухам, ибо нам никогда не приходилось совместно служить. Видел я генерала Корнилова ежедневно: утром от 11 до 12 ½ ч. при оперативном докладе и от 6 до 7–7 ½ ч. — при ежедневном текущем докладе. Кроме чисто служебных разговоров приходилось касаться вопросов по устроению армии и ее оздоровлению. В этих вопросах наши взгляды вполне совпадали, и мы оба считали, что необходимо[II] принять все меры к тому, чтобы оздоровить тыл, а в частности, Петроград.

Характер работы у начальника Штаба Верховного главнокомандующего таков, что приходится заниматься в сутки от 12 до 14 часов и, помимо своего прямого дела, нет физической возможности заниматься еще чем-либо иным.

Отношения мои к комиссару при Верх[овном] гл[авнокомандующем] Филоненко и другим лицам, бывшим при ген. Корнилове. 3) Вместе с ген. Корниловым с Юго-Западного фронта прибыл М.М. Филоненко, назначенный Вр. правительством комиссаром при Верховном главнокомандующем. После первой моей

[I] Слова *«в течение»* вписаны над зачеркнутыми: *«к концу»*.

[II] Далее зачеркнуто: *«нужно»*.

встречи с г. Филоненко я вынес впечатление, что это человек умный, властный, но с громадным самомнением и вряд ли искренний.

В разговоре со мной г. Филоненко выказывал полную готовность идти рука об руку, высказывая, что наши взгляды не расходятся. Казалось, что он ничего против меня не имеет. Но вот я узнал от контр-адмирала Бубнова (при морском штабе в Ставке) и затем от приезжавшего в Ставку полковника Барановского (начальник кабинета военного министра), что г. Филоненко заявлял в Военном министерстве, что, по его мнению, г[енерал]-л[ейтенанта] Лукомского не следует оставлять в качестве начальника Штаба. Что это было доложено А.Ф. Керенскому, и последний предложил г. Филоненко оставить меня в покое. Затем, телеграммою от упр[авляющего] В[оенным] мин[истерством] Савинкова был экстренно вызван в Петроград начальник военных сообщений г[енерал]-м[айор] Тихменев, но на другой день была прислана телеграмма, что Тихменев не должен приезжать. Контр-адмирал Бубнов, ездивший в Петроград, рассказал мне, что вызов ген. Тихменева произошел по указанию г. Филоненко, обвинявшего г[енерал]-м[айора] Тихменева в контрреволюционерстве, и что после того как к[онтр]-ад[мирал] Бубнов сказал, что вряд ли возможно на основании каких-то непроверенных слухов вызвать для смещения с должности генералов из Ставки, решено было вызов ген. Тихменева отменить.

После этих случаев, видя полное доверие, оказываемое г. Филоненко генералом Корниловым, я спросил последнего, что за человек Филоненко и вообще насколько ему можно доверять. Ген. Корнилов ответил мне, что он вполне доверяет Филоненко, настолько же, насколько он доверяет Савинкову, что эти два человека идут с ним рука об руку в деле укрепления мощи армии и что они для него являются очень ценными, ибо окажут влияние не только на восстановление мощи армии, но и на устроение вообще сильной власти в государстве. На последние слова я тогда не обратил внимание и только, воспользовавшись случаем, спросил, зачем приехал в Ставку Завойко и что он будет делать; при этом предупредил, что, зная прежде Завойко, я несколько раз слышал, что он не пользуется солидной репутацией. Генерал Корнилов мне ответил, что Завойко его ординарец, иногда помогает ему в переписке по различным частным вопросам и что он ему вполне доверяет. Что касается офицеров, приехавших с ген. Корниловым с Юго-Западного фронта, и затем появившегося члена 1-ой Государственной Думы Аладьина, то я их прежде не знал.

Генерал-лейтенант ЛУКОМСКИЙ[I]
4 сентября 1917 г., г. Могилев

Член Чрезвычайной комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

<Исправлено: на 40 стр. вписано «были»; на 46 стр. зачеркнуто «к концу»; надписано «в течение»; на 49 стр. зачеркнуто «нужно»; на 52 стр. зачеркнуто «Краткое описание событий».>[II]

Генерал-лейтенант ЛУКОМСКИЙ
Член Чрезвычайной комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 70–76 об. Автограф.

[I] На полях зачеркнуто: *«4). Краткое описание событий»*.

[II] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан членом Чрезвычайной комиссии Украинцевым.

№ 42
Показание бывшего члена Временного правительства П.Н. Милюкова

21 октября 1917 г.

Протокол

21 октября 1917 г. в Петрограде Чрезвычайная комиссия по делу о генерале Корнилове и его соучастниках допрашивала нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Павел Николаевич Милюков, 58 лет, православный, проживаю в Петрограде, Бассейная, 60, кв. 30.

Во время Московского Государственного совещания в августе 1917 г. я посетил ген. Корнилова в его вагоне на станции Александровской железной дороги, еще до его выступления, по приглашению самого ген. Корнилова, переданному мне кем-то из наших общих знакомых[94]. Я охотно принял это приглашение ввиду того, что к этому времени русское общество резко разделилось на 2 группы: сторонников решительного оздоровления армии и восстановления ее боеспособности по программе генерала Корнилова и противников его программы. Я знал, что вокруг этого вопроса шла затяжная борьба и среди членов Временного правительства.

Мое свидание с Корниловым происходило с глазу на глаз. Разговор наш касался общего положения России, ее распада; беседовали мы и на тему о восстановлении боеспособности армии, о принятии генералом Калединым и другими генералами программы Корнилова по укреплению силы и дисциплины в войсках. Далее он мне рассказал о двух своих поездках из Ставки в Петроград, имевших место — одна в начале августа, а другая непосредственно перед Московским Государственным совещанием. Во время этих поездок ген. Корнилов, по его словам, вел беседы с А.Ф. Керенским, который его спрашивал в первый раз о том, не следует ли ему выйти в отставку и не потеряна ли в армии его популярность, на что он, Корнилов, ответил, что хотя популярность Керенского действительно падает, но в некоторых частях она сохранилась еще, а потому уходить от власти ему, Керенскому, не следует. Во время второй поездки разговор Керенского и ген. Корнилова отчасти, насколько я помню, касался той же темы, однако велся уже в более острой форме, и Корнилов вынес впечатление, что отношение к нему Керенского ухудшилось, причем даже упоминалось и о возможности отставки ген. Корнилова. Помню, что Корнилов передавал мне также свои впечатления по поводу отсрочки прочтения им в правительстве своего доклада. Оказывается, что он желал доложить свои основные положения в пленарном заседании Временного правительства, а Керенский, по-видимому, хотел выслушать Корнилова в сокращенном составе министров. В конце концов Корнилов понял, что с изложением его доклада произошла какая-то оттяжка и что доклад свой он должен прочитать в Москве на Государственном совещании. Во время этой части нашей беседы вошел министр путей сообщения Юренев, как оказалось, командированный правительством для переговоров с генералом Корниловым по поводу предстоявшего его выступления на совещании. Я при их разговоре не присутствовал, выйдя из салона. После ухода Юренева я снова прошел к Корнилову, который был взволнован и рассказал мне, что правительство на Совещании предложило ему говорить только о положении армии, не касаясь вопроса об общей политической обстановке. Корнилов этим предложением был недоволен и высказывался в том смысле, что по долгу сове-

сти он должен Совещанию доложить все, и предполагал позднее по этому вопросу снестись с А.Ф. Керенским по телефону. Перед уходом от Корнилова я, увидев дожидавшегося также приема у Верховного главнокомандующего б[ывшего] члена 1-ой Государственной Думы А.Ф. Аладьина, счел своим долгом предупредить ген. Корнилова, что Аладьин не серьезный общественный деятель, а авантюрист. Для подобной характеристики у меня имелись следующие основания. В 90-ых годах я встречал Аладьина в Лондоне. Он был мелким бухгалтером и читал лекции в Уайт-Чапле; здесь он никогда не считался крупной величиной. Потом я с ним встретился в 1-ой Государственной Думе, где Аладьин сразу взял очень наглый тон. Он как-то спросил меня, каково мое мнение о характере его выступлений; я прямо сказал ему, что они недопустимы. Вообще я вынес впечатление, что внешность и тон его выступлений совершенно не соответствовали содержанию его речей. Трудно сказать, были ли у него какие бы то ни было убеждения. Позднее Аладьину снова пришлось выехать за границу, и он поселился опять в Лондоне. Носились слухи, что в этот период времени он доходил до вымогательства денег у русских граждан. Он, кроме того, пристроился к нашему посольству, где им первоначально пользовались для мелких посылок. Позднее ему удалось укрепить свою позицию и даже завоевать себе некоторый авторитет у англичан, которые стали с ним считаться как с серьезным политическим деятелем. Когда началась революция, Аладьин прислал б[ывшему] министру-председателю князю Львову телеграмму с изъявлением своего желания для пользы родины приехать в Россию. Зная Аладьина, я посоветовал отказать ему в возвращении. Но князь Львов, по свойственной ему мягкости характера, послал Аладьину по телеграфу уведомление, что его услуги в Лондоне нужнее, чем в России. Как я узнал впоследствии, Аладьин и этой телеграммой князя Львова воспользовался для самовозвеличивания. Во время малого Московского совещания в первой половине августа 1917 года Аладьин, только что перед тем прибывший из Лондона в Россию, появился в Москве и там во время заседаний также старался афишировать себя, стал рядом с Родзянко, а на другой день об этой подробности было сообщено в газетах. Вот все эти сведения о личности Аладьина и послужили основанием для предупреждения с моей стороны генерала Корнилова о том, что с Аладьиным не следует связываться. Я помню, что Корнилов на это мое замечание или совсем ничего не ответил, или сказал что-либо малозначащее, не оставшееся в моей памяти.

Коснувшись вопроса о Московском Государственном совещании, я должен еще отметить, что между членами правительства и военными секретарями в то время чувствовалась обостренность отношений, причем некоторые члены правительства выражали опасение, не сделают ли чего-либо против них военные. Я со своими товарищами по партии, входившими тогда в состав правительства, смеялись над этими страхами, считая их совершенно беспричинными.

26 августа вечером, когда уже темнело, ко мне на квартиру *приехал*[1] В.Н. Львов в приподнятом настроении. Он мне рассказал, что приехал из Ставки и что ген. Корнилов уполномочил его передать А.Ф. Керенскому следующее предложение. Так как в Ставке, по данным разведки, имеются сведения более точные, чем у правительства, о том, что 27 или 28 августа готовится восстание большевиков, которые хотят захватить власть и заключить мир с неприятелем, по-видимому, сепаратный, и во время этого восстания жизнь Керенского будет находиться в опасности, то Корнилов и предлагает ему прибыть в Ставку. При этом Корнилов предлагал, по словам Львова, себя в качестве держателя военной

[1] Часть слова, выделенная курсивом, вписана над строкой.

власти, а Керенского и Савинкова приглашал в Могилев для обсуждения вопроса об их участии в Кабинете. Рассказывая мне об этом, Львов был очень высокого мнения о своей роли как спасителя Керенского и России. Объяснения Львова были довольно запутанны, и я сначала не мог понять всего. Главное, что меня удивило, это вопрос, чем же вызваны все эти переговоры. В дальнейшей беседе мне удалось выяснить, что эти предложения Корнилова являются результатом предыдущих переговоров и что Львов ездил к ген. Корнилову по поручению министра-председателя Керенского с тремя вариантами комбинаций, один из которых и был принят Корниловым. Я спросил В.Н. Львова, уверен ли он в приеме, который окажет Керенский ему при передаче предложения Корнилова, и просил его снова заехать ко мне после посещения Керенского. И действительно, позднее Львов снова заехал ко мне, радостный и довольный результатами своей беседы с министром-председателем. По его словам, Керенский сначала ему не поверил и даже сказал: «Вы бредите». Когда же Львов убедил его, то Керенский все же колебался, докладывать ли об этом министрам, а потом сказал: «Ну что же, хорошо! Мне давно хочется бросить власть, я уйду». На В.Н. Львова еще произвела впечатление следующая фраза Керенского: «Знаете, Вы одни могли это сказать мне!» Львов эту фразу понял как подтверждение важности своей роли. Из бесед моих с Львовым в тот день я вынес совершенно определенное впечатление, что Львов понимает свою роль как человека, спасающего Россию улаживанием отношений между главою правительства и главою армии. Он ни слова не говорил мне о том, будто Керенскому грозит какая-либо опасность в Ставке, а, напротив, высказывался за необходимость ему уехать в Ставку от опасности, угрожающей ему в столице. Он считал так, что спасает Россию и Керенского при помощи Корнилова, и был весьма рад своему участию в этом спасении.

Ни о каких заговорах против Временного правительства, ни об опасности, грозившей министру иностранных дел Терещенко, Львов не обмолвился ни одним словом. О Завойко он в разговоре со мной не упоминал.

Я должен пояснить, что хотя я с В.Н. Львовым не был близок, однако знал его достаточно и всегда считал его человеком, правда, увлекающимся, но честным, прямолинейным. Нахожу, что он может поддаваться влиянию более сильных людей; его психология несложная. Я бы мог его назвать человеком боязливым. В тот день, 26 августа, его небо было совершенно безоблачное. И потому я был крайне изумлен, узнав на другой день об аресте Львова. Приезд его ко мне тогда я объяснял его уважением ко мне как к общественному деятелю. У меня он засиделся несколько более долго, чем предполагал. Он говорил, что ему необходимо попасть к определенному часу к аппарату Юза, так как Керенский, по словам Львова, все же хотел проверить сообщение Владимира Николаевича переговором с генералом Корниловым[1]. Я еще указал В.Н. Львову, с каким трамваем ему удобнее ехать, предупредив, что он, вероятно, не поспеет к назначенному часу.

На следующий день, 27 августа, стало известно, что Керенский принял сообщение Львова вовсе не так, как предполагал этот последний. Помнится, Василий Алексеевич Маклаков рассказывал, что между Керенским и Корниловым произошло недоразумение, что он и Б.В. Савинков вели переговоры с Корниловым по прямому проводу и сообщили о том А.Ф. Керенскому, который, однако, заявил, что уже поздно, и 2 часа уже по Москве и всей России гуляет телеграмма с извещением о мятеже ген. Корнилова. Но в этом отношении я

[1] Так в тексте.

могу передавать Вам только чужие слова. Лично же мне о дальнейших событиях известно еще следующее.

28 августа днем я был в Зимнем дворце в помещении Федора Александровича Головина. Туда же приходили генерал М.В. Алексеев, В.В. Вырубов, С.А. Балавинский и Фед[ор] Фед[орович] Кокошкин. Там друг другу передавались сведения о положении дел. Картина рисовалась тогда в следующем виде. Генерал Корнилов имеет успех, настроение правительства самое мрачное, Керенский находится в полной нерешительности. Помнится, Вырубов тут еще сказал: «Как бы повлиять на Керенского, чтобы он действовал, а не находился в прострации». Я вспомнил, что от генерала Корнилова я перед тем получил телеграмму с просьбой приехать в Ставку не позднее 29 августа, что я этим приглашением до сего времени не воспользовался, но я готов предложить ныне свои услуги и съездить в Могилев, если нужно что-либо передать генералу Корнилову через мое посредство. Вырубов ухватился за эту мысль и пошел переговорить с А.Ф. Керенским, не пожелает ли он принять меня и генерала Алексеева. На это со стороны министра-председателя последовало согласие, и мы с генералом Алексеевым сейчас же прошли в кабинет А.Ф. Керенского. В ответ на мое предложение последний сразу стал на ту точку зрения, что с Корниловым, как мятежником, он вести переговоры не считает для себя возможным, но что если есть группа лиц, которые чувствуют за собой силу, то он готов передать таким лицам власть с тем, чтобы они уже от себя вели переговоры с Корниловым. Я вернулся к Головину, а тем временем в Зимнем дворце началось заседание Совета Министров. По окончании заседания к Головину пришел Ф. Ф. Кокошкин и сообщил, что министр-председатель Керенский передал своим товарищам по Временному правительству свое предложение о передаче им власти тем лицам, которые чувствуют за собою силу, и что некоторые министры настойчиво поддерживали эту мысль, в том числе он, Кокошкин, а также А.С. Зарудный и, кажется, Прокопович, остальные же министры, по словам Кокошкина, хотя и не вмешивались резко в переговоры, но, видимо, склонялись к тому же, при этом некоторые из говоривших выставили кандидатом на пост министра-председателя генерала М.В. Алексеева. Тогда Керенский возразил, что Алексеев не примет этого поста.

Присутствовавшие у Головина при вышеупомянутом сообщении Ф.Ф. Кокошкина обратились ко мне с вопросом, нельзя ли склонить генерала Алексеева принять на себя власть министра-председателя, если это ему будет предложено. Я вызвался узнать мнение генерала Алексеева по этому вопросу, съездить на[I] вокзал Царскосельской дороги, где он останавливался в вагоне, и получил его принципиальное согласие. Это было уже вечером. Когда я вернулся в Зимний дворец, то узнал, что началось новое заседание Совета Министров с участием Н.М. Кишкина, которому я тотчас же послал записку с просьбой передать, в случае надобности, о согласии ген. Алексеева занять пост министра-председателя.

Несколько позднее я узнал, что вечером стали поступать сообщения о колебаниях в войсках Корнилова и что настроение А.Ф. Керенского и его ближайших друзей во Временном правительстве резко изменилось. Вот и все, что я имел пояснить по настоящему делу.

Вписано: «ехал», зачеркнуто: «Цар».[II]

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 46. Л. 97–103 об. Подлинник. Рукопись.

[I] Далее зачеркнуто: *«Цар»*.

[II] Далее подписи отсутствуют. Вероятно, показания записаны М.И. Гольдман-Либером.

№ 43

Протокол допроса начальника контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа Н.Д. Миронова[95]

19 сентября 1917 г.

Протокол

19 сентября 1917 года Чрезвычайная комиссия для расследования дела о ген. Корнилове и его соучастниках в камере своей допрашивала нижепоименованного, и он показал[I]*:*

Николай Дмитриевич Миронов, 37 лет, начальник контрразведыват[ельного] отделения штаба Петроградского военного округа, православный, проживаю в Петрограде, Зверинская, 2, кв. 23[II].

Окончив Страсбургский университет со степенью д[окто]ра философии в 1903 г., я по приезде в Петроград поступил на службу в Азиатский музей Академии наук, где работал над составлением каталога индийских рукописей. Официально состою причисленным к Министерству народного просвещения с 1909 г. Осенью 1916 г. стал читать лекции по санскриту в качестве приват-доцента по кафедре языкознания в Петроградском университете. С 1905 г. работал в революционных организациях партии социалистов-революционеров. В дни 1-ой Государственной Думы организовал издание газеты «Известия крестьянских депутатов». В июле 1906 г. был арестован по делу Железнодорожного союза партии социал-революционеров; ссылка в северные губернии была заменена высылкой на 2 года за границу. Эти 2 года провел большей частью в Париже, состоя членом парижской группы социал-революционеров. Принимал деятельное участие во внутренних распрях ее, примыкая к левому крылу сторонников террора и антагонистов Центрального комитета. После раскола внутри группы, поведшего к выделению правой группы содействия, оставался в группе, руководимой Агафоновым и Делевским. Эта группа немало поработала в деле разоблачения Азефа; начало этой работы проходило на моих глазах. По возвращении в Россию в 1908 г. я, под влиянием разоблачений о центральной провокации, — ввиду разгрома партии в России, — стал в стороне от революционной работы и ушел в научную деятельность. В 1909 г. парижская группа вышла из партии социал-революционеров. Таким образом, моя связь с партией порвалась, хотя я и поддерживал знакомство с некоторыми деятелями (Русановым, Ивановым-Разумником, А.Ф. Керенским, — с последним я знаком с 1901–02 гг.). Революция застала меня совершенно больным; только поэтому я не мог принять в ее событиях активного участия. Я вновь примкнул к партии социал-революционеров и ныне состою членом Организационного совета Петроградской группы социал-революционеров. В апреле с.г. я был приглашен в Комиссию по разработке дел б. Департамента полиции (позже — Комиссия по обследованию деятельности б. Департамента полиции) под председательством Щеголева. Здесь я, разрабатывая агентурные дела, познакомился с методами тайного розыска, доведенного в учреждениях б. Департамента полиции до виртуозности. Я заинтересовался преимущественно делами, связанными со шпионажем, контрразведкой, особенно делами о шпионаже или работе в интересах врага под политическим флагом. В половине июня с.г. б. министр юстиции П.Н. Переверзев

[I] Текст, выделенный курсивом, вписан чернилами.

[II] Далее следует машинописный текст.

привлек меня к организации контрразведывательного отдела Министерства юстиции, имевшего целью борьбу со шпионажем под политическим флагом и контрреволюционными попытками (преимущественно справа, но также и слева). Необходимость в таком учреждении вызывалась ограниченностью сферы деятельности военной контрразведки, борющейся исключительно с вражеским шпионажем в чистом виде, т.е. преимущественно коммерческим. Однако Германия после революции быстро перестроила свою форму шпионажа, используя некоторые политические организации (дело Козловского и Ленина, — еще раньше деятельность «Союза вызволения Украины»[96]). Чины военной контрразведки слишком мало были подготовлены для такой работы, не разбираясь в политических группировках, кроме того, при неопределенности политического положения часто не имели достаточной решительности. Неподготовленность их к политическим делам признавалась высшими руководителями Военного ведомства (напр[имер], б. начальником Главного управления Генерального штаба генералом Романовским). Другая задача «борьба с контрреволюцией или вообще попытками ниспровержения существующего строя» не менее необходима: ни один режим — от самодержавного до анархического — не может не заботиться о самосохранении и должен располагать органом, который бы, по крайней мере, осведомлял его о готовящихся покушениях на его насильственное ниспровержение. Такого рода деятельность «революционного жандарма» представлялась и представляется мне[1] чрезвычайно тяжелой, но вместе с тем крайне необходимой. Всякий тайный розыск по своей природе легко ведет к злоупотреблениям, дает своим представителям возможность известным образом влиять на политику власти, — так легко неверно осведомить в каких-либо личных или политических видах. Я полагал, что, обладая теоретическими познаниями по методу розыска, старым опытом конспиративной работы, я могу взять на себя подобные обязанности. Меня побуждали к тому еще следующие мотивы: будучи с юных лет революционером и социалистом, я был и остаюсь горячим патриотом, поклонником принципа национальности и национального государства, — что не мешает мне, конечно, видеть идеал международного строя в братстве свободных народов — Интернационале, — для меня представляется величайшим преступлением против России, революции и международного социализма — работа на пользу Вильгельма под флагом Интернационала[97] со стороны некоторых революционных группировок, — работа на пользу и на средства Германии. Такая работа ослепленных фанатиков и негодяев, примазавшихся к революции, грозит, по моему мнению, не только существованию России, но и самой идее революционного социализма.

Я позволяю себе остановиться так долго на этом вопросе вследствие чрезвычайного интереса Комиссии к постановке контрразведки и особенно замеченного мною недоумения члена Центрального исполнительного комитета Либера по поводу моего назначения на эту должность: я полагаю, что я не менее способен руководить контрразведкой, чем бывшие партийные агитаторы русским государством. Мои ближайшие сотрудники по организации контрразведывательного отдела Министерства юстиции были даны мне П.Н. Переверзевым, именно работавшие по приведению в порядок архива б. Петроградского охранного отделения, прап[орщик] В.А. Афанасьев (Таврическая, 7, тел. 126–32) и В.С. Колонтаев. Я был назначен заведующим, поименованные лица — моими помощниками, причем между нами было условлено, что мы будем действовать только сообща, коллегиально. Выработанное нами положение о контрразведыватель-

[1] Слово *«мне»* вписано над строкой.

ном отделе (довольно несовершенное и не согласованное с постановлением Временного правительства о правах и обязанностях чинов сухопутной и морской контрразведывательной службы от 17 июня с.г.) было утверждено министром юстиции 3 июля; отдел был учрежден с ведома и одобрения Временного правительства, однако положение было утверждено лишь в порядке внутреннего управления министерством, а распубликовано не было. Тем самым контрразведывательный отдел был обречен на неустойчивость, чересчур зависел от отношения к делу министра. Мы приступили к набору служащих, к завязыванию связей с учреждениями Военного ведомства и пр., однако в самом начале этой работы организация отдела была прервана Июльским мятежом, повлекшим за собой уход П.Н. Переверзева из состава Временного правительства. Несмотря на слабость аппарата (всего 5–8 наблюдателей), отдел мог сообщить министру (и военным властям) некоторые сведения о готовящемся выступлении анархистов и большевиков. Уход П.Н. Переверзева и последовавшая быстрая смена лиц, стоящих во главе ведомства юстиции (Скарятин, Ефремов, Зарудный), обрекли отдел на бездействие, особенно при Зарудном, относившемся к отделу неблагосклонно. Столкновения с моими помощниками — людьми политически незрелыми и не способными к самостоятельной работе — побудили меня 18 или 19 июля просить управляющего министерством Скарятина об отставке, которую я, однако, по настоянию Г.Д. Скарятина, через несколько дней взял обратно, хотя с тех пор почти не работал в отделе. К тому меня вынудили, кроме внутренних трений, моя болезнь и, наконец, назначение на должность начальника контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа (28 июля).

За все время моего ближайшего участия в работе контрразведывательного отдела Министерства юстиции таковая сводилась почти исключительно к негласному наблюдению и информированию властей; самостоятельных дознаний чины отдела почти не производили. Позже (в августе) мои помощники принимали участие в ликвидации «заговора Хитрово»[98]. Я стоял в стороне от этого дела, считая его, по некоторым данным, несерьезным, раздутым (что впоследствии подтвердилось).

С начала августа я стал получать поручения от управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова, а также от А.Ф. Керенского: в воздухе носились слухи о каких-то контрреволюционных монархических интригах; не оставалась без внимания и Ставка. Сам ген. Корнилов не возбуждал сомнений, но Савинков полагал, что окружающие его (Лукомский, Плющевский-Плющик[1], Завойко и др.) могут толкнуть его на авантюру. Привлекал к себе внимание «Союз офицеров», во всяком случае антидемократическая организация. Поступали сведения о «Союзе монархистов» с Клерже, Дюсиметьером и капитаном II ранга Фоминым. Некоторые сведения поступали к Савинкову (и Керенскому) от меня. Большей же частью Савинков давал мне указания для наблюдения и разработки. Мое положение было нелегко: аппарат контрразведывательного отдела Министерства юстиции был слишком слаб, средствами же контрразведывательного отделения штаба округа я не мог пользоваться, так как политический розыск не может входить в круг деятельности этих военных учреждений. Тем не менее, получив от Савинкова указания относительно Завойко и Аладьина, я счел возможным установить за ними наблюдение агентами военной контрразведки: Завойко был в каких-то сношениях с известным шпионом Кюрцем, Аладьин же, по собственному признанию, прибыл в Россию с какими-

[1] В документе фамилия указана ошибочно: «*Плющик-Плющевский*».

то странными поручениями от английских властей. Известную пользу в разработке этих данных приносил и агентурный аппарат Министерства юстиции (которым я пользовался через моего помощника прапорщика Афанасьева). Однако результаты были довольно скудны, установить какую-либо связь «Союза монархистов» со Ставкой не удалось (позже она стала ясна: Дюсиметьеру направляли офицеров из Ставки). Некоторое беспокойство внушали и бывшие великие князья Михаил и Павел Александровичи: после отъезда б. императора в Тобольск в их дворцах замечалось какое-то странное оживление, особенно по ночам. Таким образом, были основания ожидать какой-нибудь попытки переворота справа. Вместе с тем, из разных источников шли известия о готовящемся выступлении большевиков, назначались дни этого выступления и пр. Проверить эти сведения наружным наблюдением невозможно; необходимо было бы «внутреннее освещение», завести таковое и трудно, и рискованно, если не желать чистого политического розыска. Между прочим, французские офицеры сообщили Савинкову сведения (полученные из Стокгольма) о большевистском выступлении между 1—5 сентября. Аналогичные сведения тогда же попали в газеты («Новое время»[99]). (Позже такие же сведения были доставлены и в Генеральный штаб заграничной агентурой.) По этим данным большевистское выступление должно было совпасть с решительными военными и морскими операциями со стороны немцев. Таким образом, Временному правительству угрожал, с одной стороны, переворот контрреволюционный (реставрация), с другой — большевистский мятеж. 22 августа Савинков выехал в Ставку, имея в виду по поручению А.Ф. Керенского ликвидировать Комитет «Офицерского союза» и избавить ген. Корнилова от его влияния. Савинков взял меня с собой именно для негласного расследования на месте деятельности этого Комитета. Цель моей поездки была известна начальнику штаба Петроградского военного округа полковнику (ныне генерал-майору) Багратуни и генерал-квартирмейстеру подполковнику Пораделову. Мне было дано официальное поручение обсудить в Ставке вопрос о подчинении финляндской контрразведки штабу Петроградского военного округа. По приезде в Ставку я беседовал с Филоненкой, который сообщил мне, что еще в начале августа он чуть было не ушел в отставку вследствие своего требования удаления из Ставки генерала Лукомского и др., казавшихся ему политически опасными, нашедшими, однако, защитника в лице А.Ф. Керенского.

Я пытался завязать некоторые связи в Ставке, среди ее антидемократических элементов: я познакомился с кап. Роженко, — но сразу же убедился, что от него ничего узнать не удастся. Моя попытка возобновить знакомство с моим товарищем по гимназии Э.П. Шуберским, начальником Управления путей сообщения, не удалась вследствие отъезда этого лица (а Шуберский, как я слышал, афишировал свое контрреволюционное настроение).

Беседа с полк. Плющевским-Плющиком носила чисто деловой характер и также нимало не помогла мне в сборе сведений о настроениях Ставки. Хотя я посвятил бóльшую часть времени, проведенного в Ставке, беседам по вопросу о финляндской контрразведке, истинная цель моего приезда оказалась известна генералу Корнилову: как Савинков сообщил мне на обратном пути, Корнилов грозил арестовать меня и отдать текинцам для расстрела, если я в поисках контрреволюции стал бы производить обыски и аресты без его ведома. Мы уехали из Ставки под тяжелым впечатлением подробностей неудачи под Ригой, — ходили слухи об очищении и Двинска. На обратном пути я спросил Савинкова, не считает ли он необходимым усилить Петроградский гарнизон частями с фронта, на которые могло бы положиться Временное правительство на случай ка-

ких-либо выступлений, и узнал, что он просил Корнилова направить в Петроград кавалерийские части, причем ему (Савинкову) удалось добиться замены назначенной Корниловым Тузем[ной] дивизии — дивизией регулярной.

В день отъезда из Ставки (24 августа) на вокзале я встретил В.Н. Львова, с которым я лично не знаком. Из слов б. управляющего Морским министерством В.И. Лебедева я узнал, что Львов приехал в Ставку для поступления в армию добровольцем; я вполне согласился с Лебедевым, что положение России отчаянное, если такие люди, как Львов, идут в добровольцы. Лишь позже мне стала ясна цель приезда Львова в Ставку. Около 9 час. веч. 26 августа пом[ощник] главнокомандующего войсками Петроградского военного округа А.И. Козьмин по телефону передал мне приказание министра-председателя прибыть в Зимний дворец. Здесь я увидел этого же Львова, прошедшего в кабинет А.Ф. Керенского. Стоя в соседней комнате вместе с Козьминым и замечая некоторую растерянность на лицах всех виденных мною во дворце, я спросил его, что все это значит, и узнал, что опасаются государственного переворота, м[ожет] б[ыть], ареста Временного правительства. На моих глазах В.Н. Львов был арестован. Причину ареста я узнал несколькими часами позже. Под утро я был приглашен на совещание, в котором участвовали Керенский, Савинков, Барановский, кн. Туманов и генерал Половцов. Насколько я мог судить, Керенский и Савинков стояли за решительные меры по отношению к Корнилову, тогда как Барановский, казалось, старался смягчить остроту положения, восставая, напр[имер], против посылки радиотелеграммы в армию. С утра 27 августа я находился в штабе округа, где выполнял различные поручения генерал-губернатора Савинкова и А.Ф. Керенского. По их указаниям я произвел несколько обысков и арестов лиц, заподозренных в соучастии с Корнилов[ым] и вообще в контрреволюционной деятельности (Пуришкевич, полковник Клерже, обыск у полковника Дюсиметьера, обыски и аресты в «Астории»). Я действовал по полномочию, предоставленному мне министром юстиции. Вследствие совершенно ненормальных отношений моих к контрразведывательному отделу Министерства юстиции я вынужден был действовать один или же с помощниками-добровольцами. Работа моя задерживалась также необходимостью работать в контрразведывательном отделении штаба округа. Вызванный 7 сентября управляющим Министерством юстиции г. Демьяновым, я высказал свое мнение о необходимости упразднения контрразведывательного отдела, так как в своем настоящем виде он совершенно бесполезен. По предложению управляющего министерством я представил ему на следующий день рапорт в этом смысле. Но еще 7 сентября в вечернем заседании Временного правительства[100] г. Демьянов, ссылаясь на мое мнение, доложил о необходимости упразднения контрразведывательного отдела Министерства юстиции[I].

Продолжаю собственноручно. Выступление ген. Корнилова было для меня полной неожиданностью, и никаких предвестников я не имел. Насколько мне известно, мои помощники по к[онтр]р[азведывательному] отд. М[инистерства] ю[стиции] Афанасьев и Колонтаев никаких непосредственных докладов помимо меня у Керенского и Савинкова не имели. Я наводил справки в качестве нач. к[онтр]р[азведывательного] отд. штаба округа об адресах и фамилиях членов ЦИК, имея в виду главным образом выяснение деятельности отдела международных сношений, полагая, что секретарем[II] является подозрительный — по шпионажу, ведущий отправку курьеров.

[I] Далее текст показания дописан Н.Д. Мироновым.

[II] Далее фамилия неразборчива. Вероятно, *«Перазич»*.

При сем прилагаю:

1) Брошюру «Новый народный главнокомандующий» с визитной карточкой Соскова[I].

2) Три (3) справки о Завойко и Аладьине[II].

3) Записка на телеграфном бланке без числа и без подписи на листах[III].

4) Заявление о «Монархическом союзе» на 2 листах[IV].

Николай МИРОНОВ

Полковник УКРАИНЦЕВ

М. ГОЛЬДМАН-ЛИБЕР

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 53–58. Подлинник. Машинопись.

№ 44
Показание финляндского генерал-губернатора Н.В. Некрасова

15 сентября 1917 г.

Протокол допроса

1917 г. сентября 15 дня, в гор. Гельсингфорсе член Чрезвычайной комиссии по делу о генер. Корнилове полковник Раупах допрашивал нижепоименованного, причем на предложенные вопросы он показал[V]*:*

Я, финляндский генерал-губернатор Николай Виссарионович Некрасов, 37 лет, православный, несудимый, по делу показываю:

О телеграмме комисарверха Филоненко относительно выяснившегося для него заговора в Ставке, каковая телеграмма была им послана на имя министра-председателя А.Ф. Керенского 31 июля, я узнал от самого министра-председателя вскоре по получении им названной телеграммы. Я не помню, однако, чтобы в передаче Александром Федоровичем Керенским мне содержания этой телеграммы шел разговор о заговоре. Насколько помню, А.Ф. Керенский говорил мне о том, что вновь назначенный комисарверхом Филоненко сразу же по прибытии в Ставку не поладил с наштаверхом Лукомским и другими чинами его Штаба. При чрезвычайно внимательном отношении А.Ф. Керенского ко всяким сведениям о контрреволюционных замыслах я не сомневаюсь, что тон А.Ф. Керенского был бы иной, если бы сообщенные Филоненко сведения носили серьезный характер. Я помню, однако, что и при этом случае, как и во многих других, я не скрыл от министра-председателя своего отрицательного отношения к сохранению Лукомского в должности наштаверха. На это А.Ф. Керенский ответил мне, что он и сам рад был бы заменить Лукомского другим лицом, но совершенно не видит подходящего для этого кандидата. Генерала Лукомского я считаю чрезвычайно умным, талантливым и прекрасно знающим организацию Военного министерства и армии человеком, но относился к нему резко отрица-

---

I Брошюру «Первый народный главнокомандующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов» см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 60 (в деле листы брошюры не пронумерованы). Объем брошюры 48 стр. Визитную карточку Соскова см.: Там же. Л. 59, 59 об.

II Справки о В.С. Завойко и А.Ф. Аладьине см.: Там же. Л. 61–64 об.

III Записку на имя Б.В. Савинкова см.: Там же. Л. 65–68.

IV Заявление о «Монархическом союзе» см.: Там же. Л. 69–70 об., 71.

V Текст, выделенный курсивом, вписан чернилами.

тельно, помня ту роль, которую играл он, будучи помощником военного министра Поливанова. Переход Лукомского, бывшего одним из ближайших сотрудников генерала Сухомлинова, в сторонники сменившего Сухомлинова генералом Поливановым[1] показывал, с моей точки зрения, лишь уменье генерала Лукомского приспособиться к любой обстановке, но заставлял сильнейшим образом сомневаться в искренности такого перехода. Действительно, в дальнейшем деятели общественных организаций, работавшие, как я, в Особом совещании по обороне государства, не раз имели случаи убедиться, что при внешней благожелательности генерал Лукомский на деле постоянно тормозил нашу работу, стремясь всеми способами стеснить и урезать права общественных организаций. Во всяком случае, от разговора с А.Ф. Керенским относительно телеграммы Филоненко у меня не осталось впечатления заговора, особенно потому, что в то же время я не раз слышал от А.Ф. Керенского о серьезных мерах, принимавшихся им для предотвращения контрреволюционных попыток по неизмеримо меньшим поводам. Вскоре после этого генерал Корнилов приехал в Петроград и 3 августа впервые делал сообщение Временному правительству в качестве Верховного главнокомандующего. В этом заседании я сидел, как и всегда, по правую руку Керенского, а по левую от него сидел генерал Корнилов. Во время доклада генерала Корнилова, говорившего с чрезвычайной свободой и касавшегося вопросов глубокой военной и политической тайны, у меня было впечатление, что некоторых пунктов он напрасно касается даже в среде Временного правительства, ибо это не вызывалось никакой необходимостью, а вместе с тем вводило в круг знающих лиц новых 10–15 человек. В то же время Б.В. Савинков, сидевший на другом конце стола, прислал А.Ф. Керенскому записку, которую А.Ф. Керенский показал и мне. В этой записке, насколько помню, было определенное указание на нежелательность раскрытия таких военных и государственных тайн в присутствии министра земледелия В.М. Чернова. Записку эту ни я, ни Керенский, думаю, не могли принять в смысле указания на возможность сознательного разглашения В.М. Черновым государственных тайн, но я лично понял ее как повторение неоднократно и с разных сторон высказывавшегося недоумения по поводу того, что В.М. Чернов, участник Циммервальдской конференции[101], может горячо относиться к делу обороны государства. Я помню, что, проходя вскоре после этого к телефону мимо Б.В. Савинкова, я остановился около него и сказал, что вообще удивляюсь, зачем Корнилов без всякой надобности касается специально военных тайн. В заседании этом генерал Корнилов совершенно не затрагивал в острой форме вопросов внутренней организации армии и поднятия дисциплины в тылу, но в беседах с А.Ф. Керенским он уже ставил соответствующие вопросы. Последующий затем период до самого мятежа 27 августа Временное правительство провело, можно сказать, в постоянном ожидании кризиса в отношениях со Ставкою и в стремлениях как-либо избежать казавшегося временами неизбежным столкновения. В моей памяти особенно напряженным был период с 3 по 10 августа. В газетах появлялись секретные телеграммы Корнилова А.Ф. Керенскому раньше, чем они получались адресатом; в официальных сообщениях Ставки чувствовалась определенная тенденция, всем требованиям генерала Корнилова стремились с разных сторон придать ультимативный характер. В этих условиях членам Временного правительства стало известно, что генерал Корнилов 10 августа приезжает в Петроград для экстренного доклада своих требований по части поднятия дисциплины в армии, а также суровых репрессий в тылу. Этот внезапный приезд

[1] Так в тексте.

накануне Московского совещания производил тяжелое впечатление, ибо подтверждал газетную кампанию, противопоставлявшую генерала Корнилова Временному правительству. При выяснении вопроса, зачем приезжает генерал Корнилов, оказалось, что его выезд состоялся по настоянию Б.В. Савинкова, так как сам генерал Корнилов считал нежелательным уезжать из Ставки в очень напряженный стратегический момент. А.Ф. Керенский о вызове Савинковым генерала Корнилова узнал уже как о совершившемся факте. Это обстоятельство и послужило основной причиной предполагавшегося в тот момент ухода Б.В. Савинкова в отставку. Вообще, в истории с требованиями генерала Корнилова Б.В. Савинков[1] вел вместе с комисарверхом Филоненко свою самостоятельную линию, не совпадавшую с намерениями А.Ф. Керенского и большинства членов Временного правительства. Достаточно сказать, что вторая записка генерала Корнилова, содержавшая наиболее неприемлемые требования, была подписана также Филоненко и Савинковым, эта вторая записка стала мне известной одновременно с первой запиской, носившей подпись лишь генерала Корнилова, вечером 10 августа в кабинете А.Ф. Керенского, где после дневных переговоров Корнилова с Керенским собрались А.Ф. Керенский, я, М.И. Терещенко для ознакомления с предположениями генерала Корнилова. Мое внимание было привлечено в особенности той частью второй записки, которая касалась мероприятий в тылу — милитаризации железных дорог и промышленности. Я счел своим долгом высказать свое определенно отрицательное мнение к этой части записки, в чем был поддержан и М.И. Терещенко. Генерал Корнилов сказал на это, что ему важны результаты, а в вопросе о средствах по гражданской части он не считает себя вполне компетентным. Тем не менее он тут же подписал вторую записку, уже имевшую подписи Филоненко и Савинкова. Я отчетливо помню то тяжелое впечатление, которое создалось у меня при этой демонстрации солидарности трех человек. Что касается военной части записки, то все присутствовавшие сознавали неизбежность пойти навстречу требованиям Ставки насколько возможно больше. В последовавшем затем обсуждении Временным правительством соответствующих мероприятий накануне Московского совещания выяснилось, что принципиальная допустимость необходимых мер признавалась всем Временным правительством. В своей речи на Московском совещании А.Ф. Керенский даже менее определенно выразил положительное отношение Временного правительства к пожеланиям Ставки, чем это было им формулировано в самом заседании Временного правительства. Министры — члены партии народной свободы — были этим определенно недовольны. На Московском совещании я был только первый день его, а Корнилов приехал на второй, почему в переговорах с ним в Москве я не участвовал. Мой отъезд в Петроград был вызван определенными сведениями о готовящемся вооруженном выступлении большевиков. На этот случай признавалось необходимым мое присутствие в Петрограде как человека, знавшего в качестве участника революции, а также событий 3–5 июля все условия возможной вооруженной борьбы. Помню, однако, что уже первый день совещания в Москве начался для министров чрезвычайно тревожно. Были получены сведения о том, что Верховный главнокомандующий Корнилов вопреки уговору с членами Временного правительства приезжает в Москву на первый же день совещания и будет требовать слова вслед за представителями Временного правительства. Между тем в бытность Корнилова в Петрограде было решено, что он приедет на второй день к вечеру и выступит лишь на третий день. Известие это оказалось затем неправильным, но

[1] Слова *«Б.В. Савинков»* вписаны над строкой.

в первый момент создало большую тревогу, ибо совпало с известием о движении к Москве казачьих полков, часть которых была задержана уже в Можайске по распоряжению командующего Московским военным округом, тогда полковника Верховского. У всех были свежи в памяти и воспоминания о приезде Корнилова в Петроград в сопровождении сильного конвоя текинцев. По-видимому, такое настроение было довольно широко распространено, так как по приезде в Петроград я слышал со слов инженера, прибывшего из Ставки, что Корнилов выехал в Москву с текинцами и пулеметами. К началу совещания вопрос о Корнилове еще не был выяснен, и я помню, что А.Ф. Керенский ехал на заседание под сильным впечатлением всех разговоров. Вернувшись в Петроград, я застал здесь полное внешнее спокойствие, но толки о возможном выступлении большевиков не прекращались, причем постоянно приходилось слышать, что в пользу выступления ведут сильную агитацию и крайние правые элементы под маскою большевизма. Тревожное настроение в этом отношении особенно усилилось после Рижского прорыва, ибо в первые моменты не было ясно, где нашим войскам удастся задержать наступление неприятеля. Еще до прорыва генерал Корнилов сообщал, что в случае удара германцев под Ригой он не надеется остановить отступающую нашу армию раньше позиций Чудского озера. При этих условиях мы должны были неизбежно считаться с появлением в Петрограде волны беженцев и дезертиров, которые могли бы повторить здесь картины Тарнополя, Калуша и Черновиц. Объявление военного положения в Петрограде при этих условиях становилось совершенно неизбежным. Нужно заметить, что подобные разговоры уже и ранее неоднократно имели место, хотя и совершенно в иной постановке. Говорилось именно о необходимости поставить беспечное петроградское население в такие условия, при которых жизнь в Петрограде перестала бы [быть] приманкою для бездельников и прожигателей жизни. Предполагалось в этом направлении прекратить увеселения, публичные собрания, рано прекращать движение по улицам, закрыть модные магазины и торговлю предметами роскоши и т.п., под каковыми мерами понимался переход Петрограда «на военное положение». Поэтому почва для введения в Петрограде военного положения была вполне подготовлена, и требования генерала Корнилова в этом смысле не застали врасплох Временное правительство. Последнее не считало лишь возможным передать Петроград — резиденцию Временного правительства — в распоряжение Верховного главнокомандующего, так как этим создавалось бы недопустимое двоевластие. Кроме того, считалось возможным, что самое объявление военного положения может послужить поводом для взрыва мятежа в Петрограде. На этот случай считалось необходимым иметь в распоряжении Временного правительства дисциплинированную военную силу для подавления беспорядков. Таким образом, вызов к Петрограду кавалерийских частей носил, так сказать, оборонительный на случай мятежа, а не наступательный — в смысле борьбы с Советами — характер. Я не помню, чтобы шла речь специально о Кронштадте, но, конечно, военное положение и предохранительные меры должны были коснуться и его. Подробности военных мероприятий, носившие технический характер, и в этом случае, как всегда, не подвергались обсуждению во Временном правительстве, но принципиально вопрос об объявлении военного положения был предрешен Временным правительством, причем одновременно было решено и выделение Петрограда в отдельное генерал-губернаторство. Эта последняя мера, несомненно, имела не только теоретический, принципиальный характер с целью избежать двоевластия, но, несомненно, и предохранительный против возможных покушений Ставки оказать давление на Временное правительство. К этому времени относится

поездка[1] в Ставку Б.В. Савинкова, главною целью которой было урегулировать вопрос о так называемых «требованиях генерала Корнилова» в отношении тыла. По возвращении его выяснилось, что между Военным министерством и Ставкою достигнуто полное соглашение о порядке и пределах необходимых мероприятий в отношении тыла. Подробности этого соглашения я не знаю, но был совершенно спокоен, считая, что соглашение Керенского и Корнилова обеспечивает интересы государства со всех сторон.

О цели и результатах поездки в Ставку полковника Барановского мне ничего не известно. После сравнительного успокоения, связанного с благоприятными результатами поездки Савинкова, приезд В.Н. Львова и переданные им требования Корнилова явились для меня совершенною неожиданностью. 26 августа, вечером, я приехал в заседание Временного правительства, в Зимний дворец, с некоторым опозданием, о котором заранее предупредил А.Ф. Керенского. Войдя в Малахитовый зал, я увидел, что заседание еще не открыто; ко мне сейчас же подошел Б.В. Савинков, отвел в сторону и взволнованно спросил: «Правда ли, что Корнилов прислал Керенскому какой-то ультиматум и что Керенский поехал на прямой провод говорить с Корниловым?» Я ответил, что мне ничего об этом не известно, и немедленно прошел в кабинет А.Ф. Керенского. Оказалось, что последний уже посылал за мною адъютанта и встретил меня очень взволнованным, рассказывая о визите В.Н. Львова, своем разговоре с генералом Корниловым по прямому проводу и последующем разговоре с В.Н. Львовым в присутствии С. А. Балавинского, находившегося на хорах без ведома В.Н. Львова. Я помню фразу А.Ф. Керенского, которой он закончил свой рассказ: «Я им революции не отдам. Готовы Вы, Николай Виссарионович, идти со мною до конца?» Я был совершенно ошеломлен этим известием и просил дать мне хоть пять минут, чтобы вдуматься в документ и разговор по телеграфной ленте, которые А.Ф. Керенский мне передал. Через несколько минут вошел Б.В. Савинков, которому Керенский начал снова рассказывать о происшедшем, а я сказал А.Ф. Керенскому, что, конечно, пойду с ним вместе, и высказал лишь сомнение, достаточно ли определенно Корнилов подтвердил свое присоединение к требованиям, переданным В.Н. Львовым, так как при беглом чтении ленты мне не было это вполне ясно. А.Ф. Керенский тут же обратил мое внимание на некоторые места разговора по ленте, которые, по его мнению, совершенно подтверждали, что В.Н. Львов совершенно точно передал требования Корнилова. В ультимативном характере самого документа, который был подписан В.Н. Львовым, никаких сомнений у меня не возникало. Относительно первого посещения В.Н. Львова А.Ф. Керенский упомянул лишь вскользь, причем ни о каких полномочиях, которые будто бы получил от него В.Н. Львов, не было и речи. Тут же возник вопрос, когда сообщить остальным министрам о происшедшем. Так как А.Ф. Керенский должен был отдавать срочные распоряжения на случай нападения со стороны Корнилова, то он не мог немедленно прийти в заседание, и я предложил вести его пока в деловом порядке, а затем попросить министров собраться снова в час ночи и тогда доложить об ультиматуме Корнилова. Так и было сделано. Доклад Керенского произвел на министров ошеломляющее впечатление: требования Керенским чрезвычайных полномочий для борьбы с мятежом не вызвали никаких возражений. Государственный контролер Ф. Ф. Кокошкин сразу же заявил, что в таком положении, когда одному лицу передаются диктаторские полномочия, роль остальных министров совершенно меняется, ибо они делаются простыми ис-

[1] Слово *«поездка»* вписано над зачеркнутым: *«повестка»*.

полнителями воли диктатора, и он предпочитает вручить немедленно свою отставку. Затем и остальные министры заявили о своих отставках, тут же написав прошения и передав их А.Ф. Керенскому. Многие министры, однако, считали необходимым оставаться при техническом исполнении своих обязанностей, как бы на правах управляющих министерствами. На другой день предполагалось собраться в два часа дня лишь для того, чтобы подписать необходимые журналы о чрезвычайных полномочиях А.Ф. Керенского и о новом составе Временного правительства, который предполагалось к этому времени уже составить. После заседания я уехал на несколько часов домой, почему при отправлении телеграммы Керенского Корнилову с предложением сдать должность не присутствовал. Приехавши утром в Зимний дворец, я получил поручение от А.Ф. Керенского проредактировать[1] текст объявления о совершившемся для передачи по радиотелеграфу, через телеграфное агентство и по железнодорожному телеграфу. Редакция эта была мною окончательно закончена совместно с А.М. Никитиным и, если не ошибаюсь, С.Н. Прокоповичем. Журналистам, Петроградскому агентству и по железным дорогам этот текст был передан немедленно, отправка же по радиотелеграфу задержалась по причинам, мне не вполне ясным, но зависевшим не от А.Ф. Керенского. Около этого же времени А.Ф. Керенский отдал распоряжение по железным дорогам относительно задержки эшелонов войск, двигавшихся к Петрограду. Еще раньше для передачи текста объявления А.Ф. Керенского по железным дорогам я вызвал в Зимний дворец директора канцелярии министра путей сообщения П.И. Корженевского, распоряжение же А.Ф. Керенского передал П.П. Юреневу, который до этого момента еще не передавал управление министерством никому. Получив распоряжение А.Ф. Керенского, П.П. Юренев сказал мне, что в таком случае он немедленно передаст управление старшему товарищу министра А.В. Ливеровскому. Последний был немедленно вызван в Зимний дворец, получил распоряжение и вместе с П.И. Корженевским отправился их выполнять. Тем временем были получены ответные телеграммы Корнилова с отказом сложить полномочия, телеграмма Лукомского с отказом принять командование, и для нас всех не могло быть никаких сомнений, что завязывается настоящая гражданская война. Тем не менее, для избежания кровопролития считалось необходимым не упустить ни малейшей возможности, чем и объясняется поездка на прямой провод Б.В. Савинкова и В.А. Маклакова для разговора с генералом Корниловым. Возвращение Б.В. Савинкова пришлось ждать долго. Наконец вместо него приехали помощники военного министра Якубович и Туманов с заявлениями, что, по их и Б.В. Савинкова мнению, налицо, несомненно, недоразумение, ибо генерал Корнилов был введен в заблуждение В.Н. Львовым. На вопрос, где же сам Б.В. Савинков и лента его разговора, мы узнали, что Б.В. Савинков проехал поесть и просил до его возвращения не предпринимать никаких шагов, в частности же, еще задержать радиотелеграмму, до этого момента (часов около 7 вечера) еще не посланную. Я горячо протестовал против дальнейших оттяжек — указывал, что вся тактика Ставки указывает на полную подготовленность заговора и каждый час промедления может оказаться роковым, ибо заговорщики, несомненно, не дремлют и действуют. Тем не менее радиотелеграмма была еще задержана. Прошло около полутора часов, пока вернулся Б.В. Савинков и привез ленту разговора. Для А.Ф. Керенского и других присутствовавших министров было ясно, что все ссылки генерала Корнилова на переговоры с комиссаром Филоненко, Б.В. Савинковым и В.Н. Львовым как на

[1] Так в тексте.

источники недоразумения не выдерживают критики перед ярким фактом открытого мятежа, определенно подготовленного и планомерно проводимого. Все колебания были оставлены, радиотелеграмма послана, и с этого момента борьба с мятежом вступила в совершенно определенные формы.

<Вписанному моей рукой «Б.В. Савинков», исправленному моей рукой «комиссарверхом», «генерала Корнилова», «милитаризации», надписанному моей рукой сверх зачеркнутого «поездка» верить, зачеркнутого «тех, кто спокоен, считая» и «[упо]мянул» не читать.

Бывший заместитель министра-председателя Временного правительства и министр финансов, ныне финляндский генерал-губернатор, инженер путей сообщения Николай Виссарионович Некрасов.>[I]

Член Чрезвычайной комиссии полковник РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–5. Подлинник. Машинопись.

№ 45
Протокол допроса финляндского генерал-губернатора Н.В. Некрасова

2 октября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года октября 2 дня в гор. Гельсингфорсе член Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове полковник Раупах допрашивал нижепоименованного, причем на предложенные вопросы он показал:

Я, финляндский генерал-губернатор Николай Виссарионович Некрасов, 37 лет, православный, не судился, по делу показываю дополнительно:

Первоначальная мысль о вызове в Петроград более надежных войск возникла по поводу получавшихся правительством сведений о большевистском движении. Вопрос этот относился к числу секретных и обсуждался[II] в «закрытом заседании» Вр. правительства. По регламенту состав таких заседаний слагался исключительно из членов Вр. правительства, из управляющих министерствами[III] военным и морским, и финансов, причем заменять себя товарищами в таких заседаниях министры не могли. Очень часто по[IV] вопросам, обсуждавшимся в таких заседаниях, решения правительства в журнал не заносились, а выполнялись тем министром, в сферу ведения которого он входил, и в пределах его полномочий. Усиление Петроградского гарнизона новым войском входило в компетенцию военного министра и Верх[овного] главнокомандующего, почему по этому вопросу и не должно было быть особого постановления «закрытого заседания». Какого именно числа обсуждался в закрытом заседании правительства вопрос о свежих войсках, я теперь сказать не могу, но знаю, что особенно острым он стал после падения Риги. Подтверждаю, что вызов новых войск ни в коем случае не преследовал наступательных целей и вызывался исключительно

I Текст, заключенный в угловые скобки, вписан Н.В. Некрасовым.

II Далее зачеркнуто: *«по 3 пункту»*.

III Слово *«министерствами»* вписано над строкой.

IV Далее зачеркнуто: *«эти»*.

ожидавш*имся*[I] выступлением большевиков, с которым, как и вообще со всеми элементами, восставшими против Вр. правительства, ему и приходилось бы вести борьбу. О борьбе с Советами мысль в правительстве вообще не возникала, т.к. с Центральным комитетом он всегда находился в полном контакте. Однако в Петроградском Совете последнее время влияние большевиков значительно усилилось, и предположение, что часть его членов будет действовать с большевиками против правительства, казалось возможным. Если бы это осуществилось, то, конечно, действовать пришлось бы и против них.

Насколько мне известно, Савинков отправлялся в Ставку для совещания с комиссаром, имевшего место 27 августа, и обсуждения проектов г. Корнилова о предполагавшихся мероприятиях в тылу. Поручено ли ему было детальное обсуждение деятельности посылавшегося в Петроград отряда, мне неизвестно, во всяком [случае], во Временном правительстве Савинков по своем возвращении из Ставки ничего об этом не докладывал.

Когда именно мне говорил А.Ф. Керенский о своем первом разговоре с В.Н. Львовым, как и подробности этого разговора, я теперь вспомнить не могу. Помню, что в ироническом тоне он как-то сообщил мне об одном из членов Государственной Думы, сделавшем ему «заманчивые предложения», и что его заинтересовал вопрос об источнике этих предложений. Что касается второго посещения Львова, то о нем я знаю не только со слов А.Ф. Керенского, но и читал сам изложенный собственноручно Львовым ультиматум Корнилова, хотя в нем говорилось, что генерал Корнилов «предлагает», но для всех знакомых с прежними обращениями генер. Корнилова к правительству, неизменно носившими повелительный и ультимативный характер, не могло быть сомнений, что «предложение» ген. Корнилова означало не выраженное им мнение или пожелание, а являлось обращенным к правительству требованием. Такого же взгляда держались и все члены правительства, которые были ознакомлены 26 августа вечером с составленным Львовым, по предложению А.Ф. Керенского, письменным изложением требований Корнилова. Получал ли Львов от Корнилова переданные им требования и в какой форме последний их ему изложил, я, конечно, не знаю, и редакция ленты разговора А.Ф. Керенского с Корниловым во мне лично не создала твердой уверенности, что Корнилов подтвердил переданный Львовым ультиматум, но сам А.Ф. Керенский, разбирая отдельные фразы разговорной ленты, находил, что они вполне подтверждают сообщенное Львовым. Выраженное А.Ф. Керенским в одном заседании правительства желание обладать всей полнотой власти для борьбы с мятежом было обусловлено тем, что при все увеличивавшейся разнице в политических взглядах правого и левого крыла правительства обсуждение и принятие срочных мер являлось крайне затруднительным. Насколько помню, с этим соглашались тогда все члены правительства, и потому все они вручили А.Ф. Керенскому свои портфели. С этого момента он и являлся[II] единственным обладателем правительственной власти до сформирования нового кабинета. Сосредоточение всей полноты власти в руках одного лица и срочные меры, которые должен был принять А.Ф. Керенский еще 26 августа, обусловливались также твердою уверенностью, что г. Корнилов будет стремиться осуществить свой ультиматум при помощи вооруженной силы. В этом убеждал ультимативный характер всех предъявляемых им правительству требований, посылка Туземной дивизии и поручение командования генер. Кры-

---

[I] Слово исправлено. Первоначально было: *«ожидавшегося»*. Часть слова, выделенная курсивом, вписана над строкой.

[II] Далее зачеркнуто: *«фактически»*.

мову вопреки определенно выраженной Савинковым просьбе именно генерала Крымова не посылать. 27 августа около часу дня я получил распоряжение министра-председателя остановить движение всех направлявшихся на Петроград эшелонов и не исполнять могущих быть по этому поводу распоряжений Корнилова. Как я уже говорил в первом своем показании, министр путей сообщения Юренев отказался привести это распоряжение в исполнение и заявил, что передает управление министерством Ливеровскому. Последний был вызван и отправился выполнять приказания Керенского. Часов около трех дня Ливеровский уведомил меня по телефону, что Туземная дивизия захватывает силой паровозы и что при таких условиях остановить движение эшелонов можно только при помощи порчи пути или устройства искусственного крушения. Я доложил об этом А.Ф. Керенскому и по его приказанию передал Ливеровскому, чтобы он не останавливался ни перед какими мерами, но добился бы остановки движения Корниловских войск. После этого под Семрино и был испорчен путь.

27 августа между 12 и 2 часами дня, до разговора Савинкова с Корниловым по прямому проводу, я вместе с Никитиным и, кажется[1], Прокоповичем редактировал правительственное сообщение о текущих событиях, вышедшее за подписью Керенского.

Существование заговора подтверждалось главным образом посылкой Туземной дивизии, назначением вопреки уговору ген. Крымова и всей предыдущей политикой Ставки в отношении Временного правительства, так отдельные факты, которым раньше не придавалось значение, приобретали теперь особый смысл. Таковым фактом, например, являлась телеграмма Корнилова с демонстративной поддержкой требований Союза паровозных бригад.

Больше ничего по делу я показать не могу. Прочитано.

Зачеркнуто: «по 3 пункту», «[ожидавш]егося», «фактически».
Вписано: «министерствам», «[ожидавш]имся», «кажется».

Финляндский генерал-губернатор
Николай Виссарионович НЕКРАСОВ
2 октября 1917 года

Член Чрезвычайной комиссии полковник РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 11–15. Подлинник. Рукопись.

№ 46
Протокол допроса вольноопределяющегося 11-го Сибирского стрелкового запасного полка Н.М. Палутиса

18 сентября 1917 г.

Протокол допроса свидетеля

1917 года сентября 18 дня в гор. Петрограде Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о генер. Корнилове и др. допрашивала нижепоименованного, который на предложенные ему вопросы показал:

Я, вольноопределяющийся 11-го Сибирского стрелк[ового] полка Николай Михайлович Палутис, 26 лет, православный, не судился.

[1] Слово *«кажется»* вписано над строкой.

По делу показываю:

22 июля 17 года я, получив отпуск из своей части, прибыл в гор. Петроград, где поселился у своих знакомых. Накануне отъезда А.Ф. Керенского в Москву, число теперь точно не помню, днем я вместе с женой, тогда еще невестой, и ее матерью зашли в новую Европейскую гостиницу на Троицком проспекте, чтобы навестить знакомых моей жены, фамилию которых не помню. Знакомых этих дома не оказалось, и мы стали их ожидать. В соседнем номере шел громкий разговор нескольких человек, осуждавших и даже ругавших Керенского. Там говорили о Корнилове, хвалили его и находили, что если ему удастся «это» провести, то он будет президентом. Заинтересовавшись этим разговором, я вышел из комнаты, подошел к двери соседнего номера и стал подслушивать. Разговоры о Керенском и Корнилове того же характера продолжались. Тогда я нагнулся и стал подсматривать в скважину замка, причем увидел одного офицера в обер-офицерском чине, одного студента, одного штатского и одного в гимнастерке. Все они сидели у стола, на котором лежала кипа бумаг, которые студент читал на немецком языке. Студент по внешнему виду был еврей. Немецкого языка я не знаю и потому сказать, какого содержания были бумаги, я не могу. Не дождавшись[I] возвращения наших знакомых, мы ушли, а на другой день я явился в Зимний дворец, где добился личного разговора с А.Ф. Керенским. Узнав обо всем мною слышанном, он мне дал письмо на имя Н. Дм[итриевича] Миронова, заведовавшего контрразведывательным бюро. Явившись к нему в тот же день, я вручил ему письмо, причем ни ему, ни Ал[ександру] Фед[оровичу] Керенскому фамилии лиц, подозревавшихся мной в заговоре Корнилова, я назвать не мог. Миронов мне ответил, что политическим сыском он не занимается, и указал, что по поводу моего заявления он переговорит с А.Ф. Керенским и с Борисом Викторовичем Савинковым. По предложению Миронова я явился к 12 ч. вечера в дом военного министра на Мойку 67, просидел там до четырех часов утра, но ни Савинковым, ни Мироновым принят не был. По указанию курьера я должен был на другой день в пять часов вечера позвонить Миронову, что я и сделал, но получил ответ, что он и Савинков уехали в Ставку и примут меня по возвращении. Несколько дней спустя я звонил Миронову по телефону, который сообщил мне, что Савинков по моему доносу ничего сделать и предпринять не может. После этого я еще неоднократно звонил Миронову, но он меня просил им не надоедать. Тогда я отправился к А.Ф. Керенскому, но свидания с ним не добился и пошел к полковнику Туган-Барановскому, направившему меня к полк.[II] Пораделову, генерал-квартирмейстеру штаба Петр[оградского] в[оенного] округа. Пораделов сам со мной не разговаривал, а выслал какого-то штабс-капитана, который также со мной разговаривать не стал и приказал прийти на другой день, но я больше в[III] контрразведывательное бюро не пошел.

Когда я первый раз был принят А.Ф. Керенским, он приказал мне зайти к нему по возвращении из Москвы, а на мое указание, что у меня кончается отпуск, приказал продлить мне его на один месяц[IV]. Отсрочка эта истекла уже 15 сентября, и я сообщил об этом полк. Барановскому, когда был у него 13 сентября. Полковник сказал мне, что по закону за просрочку в семь дней я не отвечаю, и я остался в Петрограде, т.к. решил добиться свидания с А.Ф. Ке-

---

I Далее зачеркнуто: *«знако»*.

II Далее зачеркнуто: *«Погорелову»*.

III Далее зачеркнуто: *«штаб округа»*.

IV Далее зачеркнуто: *«Отпуск»*.

ренским, на что рассчитывал, т.к. получил от него в присутствии его адъютанта Ковалько приказание явиться по возвращении его из Москвы. Больше ничего по делу показать не могу.

Прочитано. Зачеркнуто: «знако», «Погорелову», «из того округа», «отпуск».

Николай ПАЛУТИС

Член комиссии полковник РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 48–50. Подлинник. Рукопись.

№ 47
Показание полковника Генерального штаба Ю.Н. Плющевского-Плющика

2–4 сентября 1917 г.

Протокол

2–4 сентября 1917 г. Чрезвычайная комиссия для расследования дела о генерале Корнилове и его соучастниках на основании положения о Комиссии допрашивала нижепоименованного, и он показал:

Юрий Николаевич Плющевский-Плющик, 40 лет, православный, под судом не был, полковник Генерального штаба, проживаю при Ставке Верховного главнокомандующего.

Должность второго генерал-квартирмейстера я принял, кажется, 3 июня с.г.[1] В компетенцию моего Управления входили следующие вопросы: служба Генерального штаба, личный состав, переводы, назначения, исторические и военно-научные вопросы, т.е. описание сражений, сбор истор[ических] документов, разработки и составление инструкций, уставов, наставлений, контрразведка и, наконец, политическая жизнь армии. Службой Генерального штаба (III отд[ел]) ведал полков. Киященко, истор[ической] частью (IV отд[ел]) — полков. Капустин, к[онтр]разведкой — полков. Терехов и, наконец, политикой (Особ[ое] делопр[оизводство]) — полковник Сахаров. К данному процессу какое-либо отношение может иметь лишь деятельность Особого делопроизводства, а потому об остальных в моем показании мне вряд ли упоминать придется.

Вопросы стратегические, вопросы передвижения, сосредоточения и перевозки войск, меня совершенно не касались, и так как представляли область секретов, то узнавал я о них совершенно случайно и сведения мои имели отрывочный характер. Также не касались меня и вопросы высшего командования и управления. Разговоры по аппарату с министрами хранились не у меня в Управлении, и о них я узнавал тоже случайно. О разговорах А.Ф. Керенского, Савинкова, Львова, имевших такой фатальный и решающий характер, о всем деле я тоже узнал уже после 27-го частью из приказов и воззваний, частью из разговора с генералами Лукомским и Романовским. Издание и писание приказов и воззваний уже шли помимо меня, и кто их писал, я до сих пор не знаю. Один только приказ, кажется № 897, был продиктован мне генер. Лукомским и после моего редактирования вышел с пометкой моего Управления. Приказ этот относился к войскам и излагал всю историю конфликта. Из этого приказа

[1] Слова *«с. г.»* вписаны над строкой.

я и узнал, кажется, первый раз, более-менее подробно, как и что было. В общем, характеризуя мою роль во всем этом деле, я смог бы выразиться кратко: «До 27-го я ничего не знал, а после 27-го моя деятельность тоже прекратилась, т.к. фронты поддерживали с нами связь лишь по определенным вопросам». Такое мое положение объяснялось главным образом тем, что я не пользовался доверием генер. Корнилова и лиц, непосредственно его окружающих. Я имел сведения, это мне говорил генер. Лукомский, что два раза поднимался вопрос о моем отчислении из Штаба. Генерал Лукомский, знавший и уважавший меня, категорически протестовал и даже ставил мой уход в зависимость от своего. Генерал Лукомский также долго не пользовался доверием, тяготился этим и, кажется, пошел на открытое объяснение. После этого объяснения генер. Корнилов, кажется, стал больше доверять ген. Лукомскому. Думаю, что вся кампания как против меня, так и против Лукомского велась главным образом комис[саром] Филоненко. Лукомский ему мешал как человек сильной воли и глубоко порядочный, а я как человек искренно уважающий и близкий к Лукомскому. Мне было известно, что мне Филоненко, например, ставит в вину мою якобы близость к семье Керенского. Как пример приводился случай, что я, вычеркивая телеграмму Лембича о каких-то якобы загадочных целях одного из приездов генер. Барановского, «побелел как полотно». Я помню, что меня просто поразила наглость этой телеграммы, и я не думал бледнеть или белеть, просто вычеркнул ее, сказав: «Охота Вам печатать всякую ерунду?» Потом я уже узнал, что Филоненко оценивал приезд Барановского как разведку возможности А.Ф. Керенскому принять на себя верховное главнокомандование. В тот приезд я Барановского не видал, с ним не говорил и искренне верю, что он приезжал перевезти больного отца. Меня поразило тогда, поражает и теперь, что, с точки зрения комиссара Вр. правительства, близость кого-нибудь к министру-председателю ставится в вину. Убежден, что так же на это смотрел и генерал Корнилов, рассказавший об этом генер. Лукомскому, вероятно, как факт, заслуживающий улыбки. Так или иначе, но недоверие это я чувствовал и уже из самолюбия не навязывался. Генерал Лукомский, всегда ко мне прекрасно относившийся, вероятно, не желал ставить меня в неловкое положение, обставив мою службу так, что мне и не приходилось соприкасаться с такими вопросами, которые это неловкое положение могли бы создать. Неосведомленность свою я объясняю еще тем, что все свободное время я проводил дома и почти не соприкасался с офицерством, кроме двух-трех человек, часто у меня бывавших. Сам я к политике никак не стремился и получил полное к ней отвращение еще с первых же дней революции, когда в силу обстоятельств и моего служебного положения (я был тогда и.д. генералом для поручений при Дегенверне) мне пришлось быть товарищем председателя в Офицерско-солдатском союзе[102]. Повинность эту я нес 5 недель и довел себя до ночных кошмаров. Союз этот теперь уже не существует, а я вышел из него недели за две до его закрытия. Из всего изложенного явствует, что о каком-либо заговоре я не знал, знать не мог да и не особенно в него верю. Думаю, что политическая атмосфера России слишком насыщенна. Вспышки возможны ежеминутно, ориентироваться же, особенно человеку, политикой не интересующемуся, во всех направлениях и течениях очень трудно. Я убежден, что в феврале был лишь переворот. Власть от одного класса перешла к другому, а так как власть по самой природе своей должна стоять вне класса и партии, то, следовательно, революция, со всеми ужасами, ей присущими, еще впереди. Относительно характера выступлений генерала Корнилова могу сказать лишь то, что я мог вывести из телеграммы и разговоров после 27-го августа. Мне, безусловно, ясно, что генерал Корнилов

существующий порядок ниспровергать не собирался, возвращаться к старому тоже не хотел, а желал лишь дать России твердую власть при помощи министерства нового состава и отвечавшего только перед всем народом и своей совестью. Мне было ясно, что в этих своих намерениях до утра 27-го он определенно шел в полном согласии с А.Ф. Керенским и Савинковым и считал невозможным министерство без их участия. Правительство, в лице, по крайней мере, этих его представителей, знало о каждом шаге генерала Корнилова, и такие действия, как сосредоточение корпусов, конечно, не могли производиться тайно. Все распоряжения проходили не по моему Управлению, но я убежден, что о них правительство знало, знало также, что корпуса эти армию не ослабляют, так как перевозятся с юга в наиболее опасный (в стратегическом отношении) северный район. Намерение А.Ф. Керенского и Савинкова 28-го быть в Ставке, приезд Львова, разрыв Львова, Керенского и Корнилова 26-го — все это носит характер чего-то ужасного, кошмарного, безнадежно неисправимого. Кому и зачем все это было нужно, я затрудняюсь сказать. Свершилось что-то фатальное и роковое... Погибнет масса лучших людей, погибнет, вероятно, и Россия, и только беспристрастная история установит, на чью голову должна пасть кровь невинных и слезы жен и детей.

Перехожу теперь к более подробному описанию деятельности моего Управления. Как я уже сказал, хоть некоторое отношение к данному процессу может иметь только работа Особого делопроизводства, ведающего политической жизнью армии, под понятием «политическая жизнь» я разумею организацию армии на новых началах, т.е. деятельность войсковых комитетов и деятельность комиссаров. Через это делопроизводство проходили как отдельные донесения о всяких эксцессах, так и еженедельные сводки о том, что делается в армии. Весь этот материал давал ужасающую картину полного развала. С болью в сердце я видел, что армия разлагается, что армия погибнет, если уже не погибла. Причины этой гибели заключались: 1) в полном отсутствии дисциплины, 2) в полном отсутствии власти и падении всяких авторитетов, не исключая и религию, 3) в политике и преступной агитации. Большевизм, своеобразно понятый темной массой с точки зрения чисто шкурной, сделал свое каиново дело, свалил русского колосса, и нет теперь такой силы, которая могла бы воссоздать разрушенное. Офицерский состав бессилен что-либо сделать. Мы связаны долгом и совестью, мы взываем к подчинению и порядку, но слова наши заглушаются криками тех, кто обещает ему не принадлежащее, кто настаивает только на правах, забывая об обязанностях, кто потворствует животному инстинкту под видом раскрепощений духовной личности человека. Оружие слишком неравное для того, чтобы, принимая во внимание нашу некультурность, сомневаться, на чьей стороне будет победа. Еще нет года, что я сдал полк, которым честно командовал. Я искренне любил солдата, люблю его и сейчас, и тем больнее и невыносимее мне видеть то, что сделали в армии чужие для нее люди. Месяц тому назад я еще рассчитывал, вернее, надеялся, что дело еще поправимо, если нам удастся: 1) восстановить дисциплину и 2) восстановить в армии единовластие строевых начальников. Я не самообольщался и в действие магической палочки не верил. Я думал и утверждал, что сразу сломать нельзя, но что долг каждого честного офицера вести работу так, чтобы приемлемым было все, что этим двум принципам отвечает, а неприемлемым — все, что им противоречит. Я полагал, что комитет должен быть сохранен, но без исполнительной власти и как орган, действующий в определенных рамках и подчиненный начальникам, а что институт комиссаров должен иметь место только при условии, что комиссары будут помогать начальникам оздоровить армию всеми имеющи-

мися у них средствами, будут[1] способствовать постепенному переходу власти в руки тех, кто ведет войска в бой и кто управляет ими в бою.

16 июля происходило совещание в Ставке под председательством А.Ф. Керенского. Присутствовали: М.И. Терещенко, Савинков, генер. Деникин, Клембовский, Алексеев, Рузский и другие. Картина состояния фронтов была нарисована ужасная, но каких-либо реальных выводов о том, как оздоровить армию, как поправить дело, не указывалось. Разъехались с тяжелым чувством, но ничего не решили. Я долго думал над этим вопросом и пришел к выводу, что материал так или иначе обработать надо, и к приезду ген. Корнилова, т.е. к 23 июля, подал доклад наштаверху о тех мероприятиях, которые необходимо провести для оздоровления армии. Через некоторое время доклад этот попал к генер. Корнилову, был им просмотрен и возвращен мне с резолюциями и приказаниями составить подробную записку Вр. правительству. Записка была готова к 1 августа, рассмотрена в заседании у генер. Корнилова при участии некоторых н[ачальни]ков Управления, а 3 августа генер. Корнилов повез ее в Петроград для представления Вр. пр[авитель]ству. Записка эта, даже подлинная с пометками на ней не то Савинкова, не то Филоненко, равно как и мой доклад, находятся в делах Ос[обого] делопроизводства, а потому я ее излагать не буду. Сравнивая эти два документа, можно прийти к выводу, что в ней мое и что прибавлено по приказанию начальства. В поездке этой в Петроград я не участвовал. Ездил генерал Романовский. Из рассказов его я понял, что доклад правительству не читался, а попал в руки Савинкова, который должен был разработать согласительный проект доклада, сглаживающий некоторые разногласия между Ставкой и Военным министерством. Что произошло за это время между Корниловым и Керенским и между Керенским и Савинковым, я не знаю, но знаю только, что предполагалась вторая поездка в Петроград, что она то отменялась, то нет, что 10-го было приказано меня послать в Москву, куда я командировался на Государственное совещание представителем Ставки, и знаю, что в конце концов, кажется, 9-го мы все-таки поехали в Петроград, собравшись как-то слишком неожиданно. Ходили слухи, за достоверность которых не ручаюсь, что Савинков, а может быть, [и] Филоненко просто умоляли Корнилова поехать и были в этом оба и сильно заинтересованы. Итак, 9-го мы выехали. В дороге меня пригласил генер. Корнилов к себе, и здесь я первый раз имел ему доклад в течение около часа. Доклад сводился к делам уставной комиссии, которая созывалась в Ставку, и записке, поданной правительству. Особенно существенного значения разговор наш не имел. Кажется, в Павловске к нам в поезд сел Филоненко, а в Петрограде мы были встречены Терещенко и Савинковым. Эти три лица о чем-то долго совещались с генер. Корниловым, а потом мы поехали в Зимний дворец к министру-председателю. Здесь выяснилось, что приезд наш был, кажется, желанием не А.Ф. Керенского, а исключительно Савинкова и Филоненко. О чем Корнилов совещался с Керенским, я не знаю. Говорили около часу. Ввиду того, что Савинков в это время подал в отставку, чувствовалось наличие какого-то конфликта, но в чем он заключался, для меня ясно не было. Из Зимнего дворца мы поехали к Савинкову на Мойку 67. Там генер. Корнилов опять совещался с Савинковым и Филоненко, но я был приглашен лишь за несколько минут до конца. Генерал Корнилов дал мне бумагу и сказал: «Просмотрите скорее этот доклад и скажите, в чем он расходится с нашим». В своем распоряжении я имел очень мало времени, но тем не менее даже при беглом просмотре мне удалось установить,

[1] Далее зачеркнуто: *«помогают начальникам подобрать в свои руки»*.

что савинковский проект по внешности очень похож на наш, но там, где мы стараемся поднять власть начальников, в его варианте все усилия направлены к поднятию авторитета комитетов или комиссаров. Местами прямо в нашей фразе вместо слова «начальник» ставилось слово «комиссар» и т.д., что, конечно, сводило на нет идею проекта, нами разработанного, что я здесь уже и высказал. Савинков почти молчал, а Филоненко много и взволнованно доказывал, что это только первый шаг и что далее мы пойдем вместе. Все усилия и Савинкова, и Филоненко были направлены к тому, чтобы Корнилов подписал проект, что тот и сделал, но, по-видимому, не очень охотно. Подписанный проект мы взяли с собою, а вечером повезли его в Зимний дворец на заседание трех министров: Керенского, Терещенко и Некрасова. Перед заседанием уже во дворце ко мне прибежал Филоненко и указал на настоятельную необходимость сегодня уже вручить этот проект правительству. На этот раз на заседание был приглашен и я, причем мне было приказано прочесть записку Савинкова. Ознакомившись с ней, таким образом, более подробно, я все-таки остаюсь при своем мнении. При проведении ее в жизнь она неизбежно вызвала бы большие трения, но как тенденциозный компромисс успеха не имела бы. Кроме того, в ней были затронуты вопросы, совершенно не входящие в компетенцию главковерха, как, например, подробности устройства жизни заводов и железных дорог на началах милитаризации и т.п. По существу проекта возражали все три министра, и главным образом против его «невоенной части», которая подвергалась жесткой критике. Я вынес впечатление, что относительно мероприятий, намеченных для армии, почва вполне благоприятная, и не только для проведения проекта савинковского, но и нашего. Вопрос, по-видимому, сводился ко времени и порядку постепенности, в котором должны эти мероприятия проводиться. Кто-то из министров даже высказал большие симпатии нашему проекту, после чего генер. Корнилов предложил оставить для рассмотрения не савинковский доклад, а копию нашего. Копия эта у меня была, и приказание я исполнил. По окончании заседания мы поехали на вокзал. Там нас опять встретили Савинков и Филоненко. О чем они говорили с генер. Корниловым, я не знаю, но через несколько минут я был приглашен в вагон, и мне было лично приказано запечатать савинковский доклад в пакет и, адресовав на имя м[инистра]-председателя, передать Савинкову. И это приказание я исполнил, передав пакет не отходившему от меня Филоненко. В Могилев мы прибыли 11-го, а 12-го должны были ехать в Москву. На обратном пути я еще раз имел разговор с генер. Корниловым и еще раз докладывал ему мою точку зрения на савинковский проект. 12-го мы уехали в Москву. Перед отъездом я получил приказание отправить министру-председателю телеграмму, написанную рукою ген. Корнилова, которой он ходатайствует о неувольнении в отставку Филоненко ввиду его высокополезной деятельности. Телеграмму эту я отправил около 7 вечера. Забыл сказать, что когда мы возвращались из Петрограда, то генер. Корнилов приказал мне составить проект его речи в Москве. По пути в Москву я этот проект и составил, проводя ту мысль, что для спасения армии необходимы: 1) дисциплина и 2) единоначалие строевых начальников. Проект этот мною был подан 13-го (кажется), но использован он не был. То, что говорил генер. Корнилов, составлял ему, кажется, Завойко, Голицын и, может быть, даже Филоненко. Лично я совершенно от всего этого отстранился и был в Москве скорее на ролях статиста. Московская встреча на меня произвела хорошее впечатление. Говорили, что было бы еще лучше, если бы не противодействия Верховского. В чем его обвиняли, я особенно не интересовался, так как в изъявлении разных восторгов толпою давно изверился. Из Москвы уехал с тя-

желым чувством. Я видел, что к водопаду слов, до сего сказанных, прибавился еще океан и что бедной России от этого лучше не будет. 15-го мы вернулись в Ставку, и за период до 24-го, кажется, все было спокойно. Был здесь генер. Крымов. Зачем он здесь, я точно не знал. Его назначение хранилось в тайне даже от меня. Мне говорили, что он предназначается командующим 11-ой армией, а пока, кажется, он сам говорил, работает над реорганизацией конницы. Впервые я узнал о его назначении командующим Петроградской армией от генер. Дитерихса, кажется, 25-го. Я был этим удивлен, потому что еще во время первой поездки в Петроград мне генерал Корнилов (это было, кажется, 9-го) говорил, что он предполагает осуществить давнишний проект уничтожения Сев[ерного] фронта и что командармом Петроградской армии предполагает назначить Лечицкого. Этот, может быть, незначительный факт назначения Крымова еще больше убедил меня в том, что начальство не желает посвящать меня в область вопросов, лежащих вне моей компетенции, а сам я не считал возможным навязываться, хотя бы из самолюбия. Таким образом, сказать, когда и почему поднялся вопрос о выделении Петроградской армии, я не могу. Как офицер Генер[ального] штаба полагаю, что такое мероприятие имело смысл и с точки зрения стратегической, особенно ввиду полной неустойчивости наших войск вообще и на Северном фронте в особенности.

24-го в 12 час. дня было назначено заседание по вопросу о комитетах и комиссарах. Положение составлялось в кабинете военмина. Корнилов просил, чтобы за два дня обсужденный проект был предоставлен ему, но это исполнено не было, и проект, говорят, объемом в 112 страниц, был привезен Савинковым 24-го и дан генералу Корнилову всего на несколько часов для беглого просмотра. На совещание съехались представители командного состава, комиссары и председатели комитетов фронтовых и армейских. Представители комитетов и комиссары приехали раньше и в течение 23-го имели частные совещания. Совещались также и 24-го до общего собрания. Когда мы, представ[ители] ком[андного] состава, прибыли на заседание, то нас еще в зал не пустили, так как частное совещание не было окончено. Офицеры, т.е. представители командного состава, прибыли в срок и никаких частных совещаний не устраивали, так как ни я, и никто из них не были ознакомлены с тем, что нам предстоит рассматривать. Когда генерал Корнилов рассматривал проект с Савинковым, то я приглашен не был, и мне только ген. Лукомский сказал, что главковерх оспаривает некоторые положения проекта и даже пришел к соглашению с Савинковым. Было, например, решено, что право отзыва, назначения, аттестации ком[андного] состава комитетами и комис[сиями] будет выкинуто и даже не прочтено на заседании. Первое заседание общее состоялось в 12 ½ часов и до двух прошло в чтении гр. Толстым общего положения. Вступительное слово сказал Савинков, кажется, призывал всех к объединению. Из доклада Толстого выяснилось, что зачеркнутые места им, по-видимому, были прочитаны, так как проект производил впечатление, что он читается целиком. В 2 часа был объявлен перерыв до четырех, и председательствующий Филоненко заявил, что в четыре часа начнутся прения, причем от каждой группы он допускает не более двух офицеров. Офицеры заявили, что они еще не сговорились и не выработали общей точки зрения, на что им было отвечено, что они за это сами ответственны, так как другая сторона уже устала сговариваться. Это произвело нехорошее впечатление на офицеров, и они решили сейчас же собраться в помещении Офицерского союза и обсудить, как поступать в дальнейшем. На это совещание поехал и я. Должен сказать, что лучших людей армии и фронта прислать не могли. Здесь были два генерала, несколько офицеров Генер[ального] штаба, и

большинство остальных — с высшим юридическим образованием. Наскоро сорганизовавшись, мы выбрали председателем генерала Чайковского и сейчас же решили, что раньше завтрашнего дня наши ораторы выступать не могут. Из обмена мнений выяснилось, что все как один свидетельствуют, что армия умирает, если уже не умерла, и что мы честно должны заявить о тех мероприятиях, которые надо провести, и о недостатках проекта, бегло и выдержками нам прочитанного. Было решено, что от командного состава будут говорить Генерального штаба полковник Новиков и капитан Аметистов. Речи должны носить характер декларативный. Новикову была предложена общая часть, устанавливающая точку зрения ком[андного] состава, а Аметистову — детали проекта, нам прочитанного, и наши возражения, насколько таковые можно делать лишь при беглом ознакомлении. Так как мнения относительно общей части расходились, и были даже такие, которые считали необходимым немедленное закрытие армейских и фронтовых комитетов, то я выступил с предложением о необходимости согласовать нашу точку зрения с точкой зрения главковерха. Изложив собранию все, что я знаю, я тем не менее не желал допускать в столь серьезном деле каких-либо ошибок или недомолвок, предложил выработанную резолюцию предложить сначала на одобрение главковерха, для чего я могу испросить аудиенцию для некоторого числа из приехавших офицеров. Со мною все согласились. Аудиенцию я испросил, и таковая была назначена на 9 ½ ч. утра 25-го. В связи с этим мы решили, что наше выступление раньше 10-ти утра 25-го быть не может. Аудиенцию испрашивал я лично, и когда входил к главковерху, то встретился с выходящим Савинковым. Кажется, при выходе я в зале видел статского господина, который, как мне сказал адъютант Долинский, оказался Львовым. Припоминаю, что еще раз я видел этого Львова в тот же день в помещении Офицерского союза, куда я приехал на указанное выше совещание с представителями командного состава. Что там делал Львов, я не знаю. Заседание в этот день в 4 часа не состоялось, а было отложено до 9-ти, вследствие чего мы получили еще несколько часов для частного совещания. Это время нами было использовано для составления декларированных речей. Речи эти потом были напечатаны на машинке и имеются в делах Особого делопроизводства. Представление состоялось утром 25-го. В этот же день на заседании говорили наши представители, выступал и генерал Корнилов. Речь Корнилова на нас, офицеров, произвела очень сильное впечатление, особенно своею решительностью и уверенностью. Охарактеризовав положение России, он твердо заявил, что не время теперь спорить и раздорить[I], что рассматриваемый проект ведет не к оздоровлению армии, а окончательному ее разложению и что он, как Верховный главнокомандующий, с ним не согласен. После речи Корнилов вышел. Несколько секунд царила гробовая тишина. Филоненко пошел провожать его. Левые оправились первые и уже начали журжать[II]. Вошел Филоненко и тоже в дополнение речи глав[ковер]ха сказал несколько сильных слов. Мне казалось, что он говорит убежденно, искренне болеет за погибель родины, и мое первое желание было пойти и пожать ему руку. Я этого, однако, не сделал. В общем, и это совещание ни к чему не привело. Еще раз убедились, что н[ачальни]ки по долгу совести не могут отдать то, без чего нельзя воевать, т.е. власть. Комитеты стараются захватить, что им еще не предоставлено законом, а комиссары лавируют, придерживаясь более комитетского берега. Забыл сказать, что генер. Корнилов прочитанные Новиковым и Аметистовым речи одобрил и утвер-

[I] Так в тексте.

[II] Так в тексте.

дил, сказав, что с проектом он знаком лишь мельком, но что и при беглом обзоре много недостатков бросилось ему в глаза, и это против них он протестует и будет протестовать. Комиссия 26-го закончилась, я облегченно вздохнул и был рад, что все обошлось без особенного скандала. Наступило утро 27-го. По обыкновению, к 9 часам я прибыл на службу и прошел прямо в кабинет генерала Романовского, как это делал и всегда. На вопрос, что нового, я получил ответ, что генерал Корнилов смещен и что для окончательного решения он выговорил час времени. Я был поражен. Это было слишком неожиданно. Через несколько минут к нам в комнату вошел генер. Лукомский и сказал, что от принятия должности главковерха он отказывается и посылает, вероятно, известную следствию телеграмму. Все мы невольно задавали вопрос, что будет дальше... Ответом послужили последующие события. Их я излагать не буду, потому что они выяснены из показаний тех, кому пришлось быть непосредственными исполнителями. Лично моя деятельность почти прекратилась. На фронтах установлена была комитетская цензура телеграфа, и нам передавали только то, что не имело существенного значения. Я являлся на службу каждый день, но работы не было, и мне оставалась только роль стороннего наблюдателя так же, как, вероятно, и остальным начальникам отделов. Что касается Офицерского союза, то я долго не вступал в состав его членов и записался только в конце июня, внеся 25 р. единовременно, и обязался вносить по 5 руб. помесячно. Записался потому, что уж очень хорошие и честные люди входили в его состав, и я был убежден, что ничего дурного они сделать не могут. Ни на одном заседании Союза я не был и делами его совершенно не интересовался. Еще раз могу подтвердить в объяснение сего, что питаю и питал болезненное отвращение ко всякой политике и общественности, в особенности после 5-недельного пребывания в составе Офиц[ерско]-солдатского союза, о котором говорил выше.

Вот все, что я могу сказать по этому делу. Виновность свою категорически отрицаю и думаю, что арест мой основан на недоразумении. За весь период с 27-го ни одного документа за моей подписью, относящегося к данному делу, не отложилось. Все сказанное могут подтвердить мои подчиненные, которых я и прошу допросить. Распоряжений мною тоже никаких не отдавалось. Приказ № 897 (кажется), продиктованный мне генер. Лукомским, переписывался у меня в Управлении, а для печатания и рассылки был отослан в Управление дежурного генерала, как это и всегда делается с приказами. В установлении особого положения я тогда участия не принимал. Цензура части телеграмм тоже шла мимо меня, и я их в руках не имел. Правдивость моих показаний могут также подтвердить генералы Лукомский и Романовский.

На вопрос, начато ли было все это дело единолично генер. Корниловым или нет, точно ответить не могу по неосведомленности. Из тех документов, которые мне случайно пришлось видеть, у меня составилось убеждение, что до утра 27-го генер. Корнилов шел вместе с А.Ф. Керенским и Савинковым. По получении роковой телеграммы генер. Корнилов вправе был думать, что здесь произошло какое-то фатальное недоразумение, которое выяснится и уладится. Может быть, этим обстоятельством и следует объяснить его решение. Полагаю также, что на решение такого сильного человека, как он, вряд ли кто мог влиять. Генерал Лукомский фактически не мог бы все равно принять от генерала Корнилова должности. Я думаю, что его бы немедленно арестовали и произошло бы нечто невероятное, т.е. раскол и междоусобие в самой Ставке. Я глубоко убежден, что если все обошлось благополучно на фронте, то только потому, что этого раскола в Ставке не произошло. Оперативное руководство не прерывалось так же, как и другие функции управления. Отпала только полити-

ка. Ареста начальника Штаба или одного из начальников Управления достаточно было бы, чтобы вызвать междоусобицу, а может быть, и резню в городе. Неминуемо гарнизон бы разбился на корниловцев и его противников, и последствия были бы непоправимы.

Полковник Юрий Николаевич ПЛЮЩЕВСКИЙ-ПЛЮЩИК
Член Комиссии Н. КОЛОКОЛОВ
Полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 55–66. Автограф.

№ 48
Протокол допроса прапорщика Корниловского ударного полка Н.М. Путилина

4 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 4 дня член чрезвычайной комиссии по расследованию дела о генерале Корнилове и др. полковник Украинцев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля.

Прапорщик Корниловского ударного полка Николай Митрофанович Путилин, 21 года, православный, не судился, показал:

Основная идея нашего полка — удар, а не политика, и о политике у нас мало говорили. После последних боев мы укомплектовывались в Проскурове. Укомплектование не было еще окончено, когда нас повезли на север в район Нарвы для боевых операций. Об этом был отдан приказ. По пути на Север в Могилеве нас высадили. Кто говорил, что для окончания укомплектования, а некоторые говорили, что для смотра генерала Корнилова. Это было 26 августа. 27 августа в 2 часа дня был смотр, и тут нам генерал Корнилов сказал, что Вр. пр[авительство] ему предлагает сдать должность, но что заменить его некому, поэтому он остается на посту и приглашает Вр. пр[авительство] приехать к нему. Относительно причин требования Вр. пр[авительства] сдать пост он сказал приблизительно то, что потом было изложено в воззвании его «По линиям железных дорог». Затем он спрашивал, готовы ли мы поддержать его. Все кричали «ура!». На этом же смотру был и Георгиевский батальон и речь была одна сразу к обоим полкам. В крике «ура!» принимали одинаковое участие и те и другие.

Я категорически заявляю, что для нас это было полной неожиданностью. До этого момента ни командир полка, ни офицеры, ни солдаты не говорили, что целью нашего прихода могла быть поддержка чего-либо подобного. Мы разошлись и стали нести службу патрульную в городе и на вокзале. За городом службы, насколько я знаю, не несли, никаких окопов не рыли. Пулеметов у нас 24, я сам состою в пулеметной команде. 2 пулемета всегда были с дежурной ротой и ночью располагались в саду дома, где стоял полк. Кроме того, в каждой из трех пулеметных команд по два пулемета оставлялись дежурными, но находились в командах. Никуда за город, никуда на крыши домов и церквей пулеметов не ставили.

Газет почти нельзя было получить, продавались по цене, доходящей до 6 рублей. Первые две газеты до нас дошли 29-го и 30-го, и тут мы впервые узнали о положении более подробно. 30-го числа было официально расклеено распоря-

жение правительства о неподчинении генералу Корнилову, то же самое[I], в этот же день стали разбрасываться и распространяться об этом воззвания. В этот же день нас, пять человек офицеров, через товарища председателя[II] полкового комитета собрано полковое собрание, и на нем решили осветить события. Начали с чтения газет.

27-го числа настроение было всецело в пользу генерала Корнилова. Так было и 28-го и 29-го, что поддерживалось большинством офицеров и солдат, веривших в безупречную честность и доблесть генерала Корнилова и в то, что он на плохое не поведет. 30-го с получением газет у солдат[III].

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 50, 50 об. Подлинник. Рукопись.

№ 49
Протокол допроса подпоручика 2-й батареи 1-го запасного артиллерийского дивизиона П.С. Раевского[103]

2 октября 1917 г.

Протокол

2 октября 1917 г. в Петрограде член Чрезвычайной комиссии для расследования деятельности генерала Корнилова и его соучастников Н.А. Колоколов допрашивал нижепоименованного, и он показал:

Павел Сергеевич Раевский, 40 лет, православный, под судом и следствием не был, подпоручик 2-ой батареи 1-го запасн[ого] артиллерийского дивизиона, проживаю в своей части, гор. Луга, Петроградской губ.

Обстоятельства, сопровождавшие мой арест в г. Луге 28 августа с.г., подробно изложены мною в прошении моем на имя председателя Чрезвычайной комиссии от 20–21 сентября сего года[IV]. То, что в прошении этом <и приложении к нему>[V] изложено, я всецело ныне подтверждаю и прошу их принять за мое показание по делу. Я могу заявить Вам еще, что то недоразумение, ради которого я просидел более месяца под арестом, произошло при таких условиях. Когда я утром пришел в батарею и услышал, как фейерверкер Петухов читал какой-то листок солдатам, я еще ничего не знал о состоявшемся смещении Верховного главнокомандующего генерала Корнилова. Я полагал, что какой-то листок с сообщением о мятеже генерала Корнилова не может быть признан доказательством того, что Верховный главнокомандующий, славный боевой генерал, неоднократно рисковавший своею жизнью для блага Родины, вдруг будет сочтен за мятежника, тогда как мне было известно еще по сведениям с московского Государственного совещания, что между генералом Корниловым и Временным правительством существует известное согласие по главнейшим вопросам момента. Мне казалось, что тут какое-то недоразумение, и до разъясне-

---

I Далее слово неразборчиво.

II Первоначально в тексте был следующий порядок слов: *«председателя товарища»*. В документе исправлено, над словами проставлены цифры: «2», «1».

III Далее в деле 11 текст документа отсутствует.

IV Прошение Раевского на имя председателя Чрезвычайной комиссии от 20–21 сентября 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 86. Л. 19–21.

V Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

ния такового я находил необходимым предупредить фейерверкера Петухова о необходимости соблюдения осторожности в распространении непроверенных сведений. Вполне возможно, что в моих словах заключалось известное сочувствие генералу Корнилову, доблесть коего я высоко ценю, но ведь я об этом говорил вовсе не для призыва кого бы то ни было к неповиновению Временному правительству, о чем у меня и в мыслях не было, а для защиты генерала Корнилова от несправедливых и, во всяком случае, непроверенных обвинений. Необходимо при этом иметь в виду, что к солдатам я вовсе при этом не обращался и вел лишь частную беседу с Петуховым, а солдаты тем временем окружили нас тесным кольцом. Настроение их было враждебное по отношению ко мне, мне казалось, что слова Петухова их возбуждают все сильнее и сильнее, и вот наш спор этот совершенно неожиданно вылился затем в тяжелое для меня недоразумение, результатом которого явился мой столь продолжительный арест. Мне говорили потом, что мое задержание было сделано в моих же интересах во избежание самосуда. Во всяком случае, я знаю, что никакого дознания о моих действиях не производилось, в дивизионном суде также свидетелей не опрашивали; в заседание этого суда, кроме меня, никто не вызывался. Председатель дивизионного суда мне объяснил, что содержание под стражей необходимо лишь для того, чтобы изолировать меня от солдат. Вот и все обстоятельства моего дела. Я убедительно прошу меня освободить из-под ареста. О том, что вопрос о моем освобождении будет Чрезвычайной комиссией обсужден в завтрашнем ее заседании, мне Вами сего числа объявлено. Более добавить ничего не имею.

Протокол прочитан. Вписано: «и приложении к нему».

Подпоручик РАЕВСКИЙ

Член Комиссии Ник[олай] КОЛОКОЛОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 86. Л. 26–27 об. Подлинник. Рукопись.

№ 50
Протокол допроса члена Государственного Совета А.А. Римского-Корсакова[1]

26 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 26-го дня Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о генерале Корнилове и его соучастниках допрашивала нижепоименованного в городе Старом Быхове, содержащегося под стражей сенатора, члена Государственного Совета Александра Александровича Римского-Корсакова, который показал:

Александр Александрович Римский-Корсаков, 67 лет, сенатор, член Государственного Совета, последнее время проживал безвыездно в имении моем Старый Двор Ленельского уезда Витебской губ.

Во время переворота я находился в Петрограде в качестве члена Государственного Совета. Тогда же члены Государственного Совета, в том числе и я,

[1] Протоколы допросов А.А. Римского-Корсакова судебно-следственной секцией Витебского Совета солдатских и рабочих депутатов см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 52. Л. 35–38 об.

подали кн. Львову письменное заявление о готовности служить новому строю. 9 марта 1917 г. комиссаром Вр. правительства Гриммоли мне было выдано удостоверение в том, что я состою членом Государственного Совета, что я свободно могу проживать в г. Петрограде и выезжать из Петрограда, а также что я аресту и обыску не подлежу.

Около 15 марта я выехал в мое имение Старый Двор Ленельского уезда Витебской губ., где проживал безвыездно до дня моего задержания. Арестован я был в своем вышеназванном имении 29 августа с.г. при следующих обстоятельствах. Ко мне в имение прибыло два грузовых автомобиля с двумя членами Полоцкого Исполнительного комитета, произвели у меня обыск, спрашивали, не храню ли я пулеметов, затем предъявили письменное требование Полоцкого Совета рабочих и солдатских депутатов о моем задержании, объявили меня арестованным и отвезли в Полоцк. В Полоцке меня поместили в гостинице под стражей. Там же мне учинили допрос председатель Совета Р. и С. Д. и секретарь. Мне была предъявлена телеграмма моя, посланная Верховному главнокомандующему Корнилову 28 августа, следующего содержания: «Горячо молю Бога помочь Вам спасти Россию. Представляю себя в полное Ваше распоряжение». И письмо генерала Корнилова ко мне приблизительно следующего содержания: «Благодарю Вас за Ваше любезное письмо. К сожалению, не могу исполнить Вашу просьбу за неимением вакансий». На этом основании меня обвинили в контрреволюционной деятельности. 1 сентября меня перевели в г. Витебск, где поместили в тюрьму. Здесь меня подвергли второму допросу полковник Военно-судебного ведомства в присутствии члена Витебского Совета Р. и С. Д.

Как на допросе в Полоцке, так и на допросе в Витебске я объяснял и повторяю вновь, что с генер. Корниловым знаком я не был, никаких сведений о предполагаемом выступлении его против Вр. правительства я не имел и впервые узнал о том, что Корнилов порвал с Вр. правительством и объявил себя диктатором, 29 августа от членов Полоцкого Исполнительного комитета, прибывших в имение мое для моего ареста. И это вполне понятно, так как имение мое расположено в глухой местности, в 12 верстах от почтовой станции, петроградскую почту получаю на третий, четвертый день, соседей близких не имею, сам нигде не бываю. Вышеприведенную телеграмму послал ген. Корнилову по следующему поводу. После Рижского прорыва г. Двинск очутился под угрозой неприятеля. Имение мое расположено на левом берегу Зап[адной] Двины, поблизости от фронта. Передо мной встал вопрос об эвакуации. Приходилось покидать старое гнездо. Не желая оставаться бездеятельным и чувствуя еще в себе силы быть полезным в тыловых организациях, я предложил ген. Корнилову свои услуги. Поместил в депеше фразу, что молю Бога помочь ему спасти Россию, потому что считал его законным Верховным главнокомандующим, в руках которого лежало это спасение.

Письмо генерала Корнилова, как видно по датам, не могло быть ответом на приведенную депешу мою, а было ответом на мое письмо, посланное ему около 20 августа. В письме своем от 20-го или около того августа м[есяца] я просил генерала оказать содействие переводу племянника моего подъесаула Раздеришина с Кавказского на Европейский фронт, так как тяжелые климатические условия того фронта расстроили здоровье его. Генерал Корнилов в перехваченном письме своем, как уже сказано выше, сообщил мне, что не может исполнить моей просьбы. Повторяю, о заговоре Корнилова, если таковой имел место, мне ничего не известно, как равно не было мне известно о разрыве Корнилова с Вр. правительством в момент отправки перехваченной депеши моей.

Добавляю, что после допроса в Витебске и без предъявления мне обвинения я пробыл в тюрьме там же до 25 сентября или до 24-го, когда нас перевезли в место нынешнего заключения, в Старый Быхов.

Показание прочитано. Сенатор, член Государственного Совета Александр Александрович Римский-Корсаков.

Председатель Комиссии Иосиф ШАБЛОВСКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 198–199 об. Подлинник. Рукопись.

№ 51
Показание есаула Войска Донского И.А. Родионова

3–5 сентября 1917 г.

Протокол

3–5 сентября 1917 г. Чрезвычайная комиссия для расследования действий генерала Корнилова и его соучастников производила допрос нижепоименованного, и он показал:

Иван Александрович Родионов, 48 лет, есаул, под судом и следствием не состоял.

1917 года 3 сентября я, член Главного комитета Союза офицеров армии и флота, Войска Донского есаул Иван Александрович Родионов, на предложенные мне Чрезвычайной следственной комиссией вопросы отвечаю следующее:

Мне совершенно не известно, была ли при Ставке Верховного главнокомандующего организация, имевшая целью изменение власти в России, а, следовательно, если она и существовала, мне также ничего не известно об ее отношениях к генералу Корнилову. По моему мнению, Союз офицеров армии и флота относился к бывшему Верховному главнокомандующему генералу Корнилову с величайшим уважением, доверием и надеждой, что этот человек со своей железной энергией, со своим безупречным прошлым, человек, всю жизнь отдавший беззаветному служению родине и армии, герой Русско-японской и нынешней войн и есть настоящий военный вождь, который сможет залечить раны нашей потрясенной, больной армии, поведет ее к победам и тем спасет погибающее отечество. Как Союз офицеров армии и флота отнесся к конфликту генерала Корнилова с Временным правительством, не имею данных судить. Когда и кто писал воззвание Главного комитета Союза офицеров армии и флота[1], а также как и когда оно было принято на заседании Главного комитета, мне не известно, потому что на некоторых заседаниях в последние дни минувшего августа я не участвовал, как не участвовал и на том заседании, на котором было принято это воззвание. С содержанием его я ознакомился только 1 сентября. Так как до самых последних дней я был далек от высших лиц командного состава Ставки, то не могу указать, кто из этих лиц играл выдающиеся роли. Бывшего комиссара при Штабе Верховного главнокомандующего Филоненко я видел только в Офицерском собрании во время завтраков и обедов, знаком с ним не был и никогда с ним не говорил. Насколько я могу судить, Филоненко, будучи офицером, в офицерской среде едва ли пользовался симпатиями и дове-

[1] Воззвание Главного комитета Союза офицеров армии и флота от 28 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 47. Л. 15. (Приложение № 7 — т. 2).

рием. Бывшего управляющего Военным министерством Савинкова я никогда даже не видал, слышал отзывы офицеров, что он — человек сильной воли, совместно с генералом Корниловым стремится поднять в армии дисциплину и установить порядок. Об Аладьине знал из газет и разговоров еще во времена 1-ой Государственной Думы, встретился с ним в первый раз в вагоне по дороге из Москвы в Могилев 17 августа этого года. Я узнал только, что он едет в Ставку, но к кому и зачем, мне не было известно, потом я встречался с ним в последние дни августа раза два-три в квартире полковника Голицына и у генерала Корнилова. Какую роль он играл — не знаю. Там же, т.е. в квартире полковника Голицына, одновременно с Аладьиным я видел и Завойко. Говорить с ним мне не приходилось, слышал в Штабе, что он состоит телохранителем при генерале Корнилове и будто бы приехал с ним с Юго-Западного фронта. Подполковника Пронина я узнал по совместной деятельности в Главном комитете, куда он в последнее время появлялся очень редко и всегда на короткое время, потому что работал в оперативном отделении Ставки. Близко знаком с ним никогда не был. По общему мнению, к которому присоединяюсь и я, это человек громадной трудоспособности, всегда перегруженный работой по службе. Подполковника Новосильцева увидел в первый раз в мае этого года на общем офицерском съезде в Ставке. Он был тогда председателем съезда. Познакомился же я с ним только при совместной работе в Главном комитете. Это — бывший член Государственной Думы, по-видимому, имеющий большие связи в общественных кругах, несколько раз командировался по поручению Главного комитета в Петроград и Москву для изыскания денежных средств, так как нужды Союза, особенно по изданию и печатанию уставов, резолюций, брошюр и газеты, которую Главный комитет предполагал издавать ежедневно, были громадны, а наличность комитетской кассы была для всего этого недостаточна. Полковника Сахарова знаю по совместной моей службе с ним в штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, откуда он был откомандирован в одну из боевых дивизий летом 1916 года, снова встретился с ним в мае этого года на общеофицерском съезде. Во время съезда он был в числе других офицеров избран в инициативную группу по формированию Военного союза. О дальнейшей его деятельности мне ничего не известно. Что касается Георгиевского союза, то, в общем, он стремился к тем же целям, достижение которых наметил себе и наш Союз офицеров, т.е. поднятие боеспособности нашей армии. Роль его в последних событиях 27 августа — 1 сентября мне не известна, и никого из георгиевцев я не знаю. Отношение солдат, как Могилевского гарнизона, так и вновь прибывших частей, к событиям последних дней августа, мне кажется, было недоумевающее. Они не могли разобраться в молниеносно быстро развивающихся событиях.

В первый раз с генералом Корниловым я встретился 27 октября 1914 г. во время боя под Лисками в Галиции, когда его 48-ая пехотная дивизия выбивала австрийцев из Карпат. Во второй раз я увидел его издали во время парада Георгиевского батальона и корниловцев 28 августа сего года. 30 августа во второй половине дня я зашел в дом, где квартирует Верховный главнокомандующий, с целью узнать о новейших событиях и оповестить о них Главный комитет, хотелось знать обо всем из первоисточника, а не питаться одними непроверенными слухами, которых ходило множество. Мне кто-то сообщил, что генерал[1] Корнилов в нижнем этаже в дежурной комнате сносится с генералом Алексеевым по прямому проводу. Состояние у всех было крайне напряженное. Все с нетер-

[425] Далее зачеркнуто: *«Алексе»*.

пением ждали разрешения создавшегося положения. Я вошел в дежурную и поклонился генералу Корнилову, который сидел у письменного столика. У аппарата же принимал депешу генерал Лукомский и толпилось несколько офицеров. Генерал Корнилов несколько раз взглядывал на меня, как бы что-то припоминая, и обратился ко мне с вопросом о моей службе. Отвечая, я решился напомнить ему о бое под Лисками. Тогда генерал узнал меня и обменялся со мною несколькими словами о том времени, в заключение пригласил меня к себе к 8 часам вечера, как оказалось потом, к обеду. За обедом, на котором кроме самого генерала и адъютантов его присутствовал Аладьин, генерал Корнилов опять и довольно подробно припомнил бой под Лисками и те обстоятельства, при которых я был у него, с грустью заметив: «Какое это было хорошее время. Мы форсированным маршем с боем гнали врага!» Потом разговор перешел на настоящее, крайне тяжелое положение нашего отечества. Помню, я высказал взгляд, которого держусь и сейчас, что спасение или гибель России в значительной мере зависит от той или иной позиции казачества, сравнил теперешнее время со смутным временем на Руси 1611–1613 гг. и коснулся роли тогдашнего казачества в ту далекую эпоху. Потом я раза два бывал у генерала Корнилова для осведомления Главного комитета о текущих моментах, встречал у него генералов Лукомского, Кислякова, полковника Сахарова, подполковника Пронина, Аладьина. О генералах Лукомском и Кислякове ничего решительно не могу сказать, так как непосредственно по службе никогда с ними не соприкасался и частных разговоров с ними не вел. Ни о какой контрреволюции, ни о каком государственном перевороте ни у генерала Корнилова, ни в Ставке вообще не было и речи. По крайней мере, я не слыхал. Все желали только твердой власти, восстановления порядка в отечестве и боеспособности армии, ибо каждый ясно сознает, что при настоящих грозных временах развал армии и расстройство в тылу знаменует собою близкую и неизбежную гибель отечества. Таково общее мнение громадного большинства офицерства. Я не берусь судить о характере поведения и действий высших военных чинов Штаба Верховного главнокомандующего, так как был далек от этой сферы, но что касается офицерства младших чинов, то в массе своей оно в последние дни августа, я бы сказал, испытывало недоумение от всего происходившего, считало своим законным начальством генерала Корнилова и его Штаб, так как заместителя генерала Корнилова в Могилеве еще не было, да и само Временное правительство предписало исполнять оперативные распоряжения генерала Корнилова, и все чины Штаба исполняли его волю в полной уверенности, что так повелевает им долг перед родиной. Доказательством того, что мысль о мятеже никому из офицеров Ставки и в голову не приходила, служит то, что когда 1 сентября в Ставку приехал начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев, то все беспрекословно подчинились ему и стали исполнять его распоряжения.

На третьей странице зачеркнуто слово «Алексе», больше добавить ничего не могу, показания написал собственноручно.

Есаул Иван Александрович РОДИОНОВ

Член Комиссии Н. КОЛОКОЛОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 94–97 об. Автограф.

№ 52
Показание есаула Войска Донского И.А. Родионова

7–11 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 7–11 дня член Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и других полковник Украинцев допрашивал нижепоименованного:

Есаул Родионов, показываю дополнительно.

Показания записываю собственноручно. 24 августа сего года во второй половине дня в помещение Главного комитета Союза офицеров армии и флота в гостинице «Париж» пришел некто Добрынский с В.Н. Львовым. С Добрынским я первый раз встретился 17 августа с.г. в вагоне по пути из Москвы в Могилев. Знакомство было мимолетное, чисто вагонное. Тут же я познакомился и с г. Аладьиным, и все мы обменялись впечатлениями о московском Государственном совещании и на этом расстались. Когда 24 августа Добрынский с Львовым пришли в помещение Комитета, то я пригласил их в свою комнату, которую я занимал тут же в «Париже», так как Добрынский заявил, что они с Львовым приехали прямо с вокзала без вещей и у них нет времени на отыскание для себя помещения. Я угостил их чаем. Во время завязавшейся беседы Добрынский показал мне письмо, адресованное на имя Завойко, как он заявил, от Аладьина. Из дальнейшей беседы выяснилось, что Львов приехал в Ставку по поручению министра-председателя Керенского для переговоров с генералом Корниловым о некоторых намеченных Керенским переменах в составе Временного правительства. По словам Львова, перемены должны были состоять в следующем: министром-председателем назначался генерал Корнилов, министром заместителем председателя — Керенский, и в состав нового Временного правительства должен был непременно войти Савинков. О министре Керенском Львов отзывался очень хорошо, называл его идеалистом, в высшей степени талантливым и идейным человеком, необходимым России, говорил, что лично он Керенского очень любит. Потом Львов с Добрынским ушли, сказав, что они должны сегодня же представиться Верховному главнокомандующему. Так как в моей комнате стояла одна лишняя кровать, то я предложил г. Львову заночевать у меня в случае, если у него не найдется другого, более удобного помещения. Когда ночью я пришел к себе, Львов уже спал, но тотчас же проснулся и почти с ужасом задал мне вопрос: «Как спасти Керенского?» Я был удивлен: «От кого же его спасать?» — спросил я. *[В.Н. Львов]:* «Верховный главнокомандующий сказал, что между 27–30 августа в Петрограде ожидается выступление большевиков. И я боюсь, что они убьют Керенского, потому что они страшно злы на него». «Вероятно, там приняты меры охраны», — заметил я. *[В.Н. Львов]:* «Я боюсь. И помимо того, что Керенского я люблю как человека и мне его жаль, подумайте, что произойдет, если правительство будет уничтожено большевиками. Тогда прервется преемственность власти, и восстановлять[I] ее придется посредством pronunciamento[II]. А это ужасно». За точность передачи вышеприведенного разговора не ручаюсь, но смысл его был именно таков. Потом Львов сообщил мне, что предложение Керенского встретило сочувствие со стороны генерала Корнилова и что завтра утром он еще раз побывает у генерала Корни-

[I] Так в тексте.

[II] Pronunciamento *(ит.)* — военный мятеж, переворот.

лова, а потом поедет прямо в Петроград для доклада Керенскому о результатах переговоров. Утром Львов ушел к генералу Корнилову, и больше я его не видал. Раньше до этой встречи я не был знаком с г. Львовым, но на этот раз в разговоре мы припомнили, что раза два встречались в Петрограде лет 7 тому назад в Национальном клубе, но не были представлены друг другу. Прибавить больше ничего не имею.

Есаул Иван Александрович РОДИОНОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 19–20. Автограф.

№ 53
Показание штаб-офицера для поручений в Особом делопроизводстве Управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем В.Е. Роженко[I]

4–7 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 4–7 дня член Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и других полковник Украинцев допрашивал нижепоименованного.

Генерального штаба капитан Владимир Ефремович Роженко, 29 лет, православный, не судился, по делу показываю:

Показания записываю собственноручно:

Я, Генерального штаба капитан Владимир Ефремович Роженко, занимаю в Ставке две должности: 1) секретаря Главного комитета Союза офицеров (выбран на съезде офицеров армии и флота в мае месяце) и 2) штаб-офицера для поручений в Особом (политическом) делопроизводстве Управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем.

По делу об отрешении от должности генерала Корнилова и о последующих за сим событиях особо назначенной Следственной комиссии мною сего 4 сентября даны следующие письменные показания:

Хотя я и знаком со многими документами сего дела, но все само дело настолько непонятно и запутанно, что во многих существенных вопросах я не могу разобраться до сих пор.

По документальным данным, и главным образом по рассказам генералов Корнилова и Лукомского, дело мне рисуется в следующем виде.

По поручению Керенского бывший обер-прокурор Св. Синода князь Львов[II], а затем Савинков вели с Корниловым переговоры о том, что по тем или иным причинам политического характера желательно и возможно разделение власти между Керенским и Корниловым.

Детали переговоров мне не известны, но генерал Корнилов говорил нам, что намечалось несколько вариантов реконструкции кабинета, но, во всяком случае, и Керенский и Савинков как определенные революционные вожди и авторитеты должны были при всех комбинациях остаться в составе кабинета.

[I] Протокол допроса В.Е. Роженко от 24 сентября см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 169–170 об.

[II] В.Е. Роженко ошибочно указал титул В.Н. Львова (подробнее о В.Н. Львове см. именные комментарии).

Соглашение по этому поводу между Корниловым и Львовым было достигнуто, и последний выехал в Петроград к Керенскому с докладом. После чего министр-председатель с Савинковым и несколькими видными общественными деятелями должны были через несколько дней приехать в Ставку для окончательного решения и опубликования вопросов о реконструкции кабинета.

Подобные же переговоры, по словам генералов, велись между Савинковым и Филоненко, с одной стороны, и Корниловым, с другой.

Эти переговоры с официальными представителями правительства уже приняли настолько конкретные формы, что, например, Филоненко настойчиво выговаривал для себя в новом кабинете портфель министра иностранных дел. Когда же генерал Лукомский, присутствовавший при этом разговоре, горячо запротестовал, то Филоненко согласился на портфель министра внутренних дел. Савинков оставался военным министром. Керенский также оставался в составе кабинета.

Во время этих переговоров также было условлено, что Керенский с Савинковым в ближайшие дни приедут в Ставку.

Одновременно Савинков доложил Корнилову, что по достоверным сведениям около 27–28 августа ожидается в Петрограде вооруженное восстание большевиков с целью захвата власти, объявления диктатуры пролетариата и заключения сепаратного мира.

Так как, по словам Савинкова, Временное правительство не рассчитывало на свои силы, то он, Савинков, от имени Керенского просил распоряжения Корнилова о спешном направлении в район Петрограда конного корпуса.

В дальнейшем в присутствии генералов Корнилова, Лукомского, Романовского (1-й ген.-квартирм[ейстер]) и Барановского (начальник Кабинета военного министра) и Савинкова произошел знаменательный разговор, во время которого Савинков сказал, что необходимо освободить Временное правительство от пагубных влияний и во время подавления восстания большевиков арестовать и СР и СД в Петрограде.

Вопрос был решен в положительном смысле. Об этом знал и Филоненко.

Вот обстановка, которая рисуется мне со слов генералов Корнилова и Лукомского и из тех документов, которые я видел.

Все это держат, конечно, в большом секрете, и я лично узнал об этом лишь 27 августа.

В дальнейшем то, что я узнавал постепенно, для меня все — непонятно: 1) Львов по приезде в Петроград арестуется Керенским «как посланец Корнилова, предъявлявший министру-председателю требования Корнилова о передаче последнему власти» (!); 2) Савинков в разговоре по аппарату с Корниловым (или с Лукомским) отрекается от своих слов (!); 3) получается в ночь на 27 августа телеграмма Керенского с отставкой Корнилова; 4) Филоненко уезжает в Петроград для посредничества, но обращается с воззванием к Туземной дивизии.

Я, как офицер, не имею права не верить Верховному главнокомандующему и генералу Лукомскому, но, с другой стороны, совершенно не понимаю роли и позиции Керенского и Савинкова. Вот в этом и заключается весь тот кошмар, вся та душевная драма, в которую были втянуты все мы, офицеры Ставки и члены Главного комитета Союза офицеров. Сознавая, с одной стороны, необходимость подчинения Корнилову, с другой — все мы инстинктивно чувствовали, что происходит что-то неясное. Да и действия самого правительства указывали на это, так как, с одной стороны, он был отрешен и признан чуть ли не изменником, а с другой — было приказано всем исполнять его распоряжения.

Я не допускаю мысли, чтобы Савинков, Филоненко и Львов могли допустить здесь какие-либо «ошибки»! Слишком серьезен вопрос, и слишком они все умные люди! Дальше начинается вихрь событий...

Обстановка была настолько нервной, что я даже не представляю себе сейчас, что когда именно произошло. Большинство фактов запоминается эпизодически, а не по числам. Корнилов «до выяснения обстановки» отказывается сдать должность главковерха. Да ее и некому было сдать, так как генералы Лукомский и Клембовский отказались принять должность. Одновременно от всех четырех главнокомандующих (Клембовского, Балуева, Деникина и Щербачева) были получены сочувственные телеграммы о том, что в настоящее тяжелое время невозможно сменять генерала Корнилова[104]. Это сильно подбодрило офицеров Ставки. Вообще мы до последнего момента были уверены, что происходит что-то в согласии с Временным правительством, но осложнилось недоразумением.

Здесь есть характерный эпизод. Когда была получена телеграмма об отставке Корнилова, комиссарверх Филоненко у него в кабинете написал Керенскому телеграмму о том, что невозможно сменять Корнилова, надо отменить приказ об этом, иначе могут произойти нежелательные осложнения. Подлинник телеграммы я видел.

Таким образом, для нас было очевидным, что и представитель Временного правительства за Корнилова.

Вот история возникновения и фактов «разрыва» с Керенским, как это рисовалось нам, офицерам Ставки. О никаком заговоре или мятеже не может быть и речи. Я не допускаю возможности и мысли, чтобы он был. И что тогда значат все переговоры Савинкова и Львова?..

Офицерство же, увлеченное всеми событиями, естественно, присоединилось к Корнилову, которому доверяло и к резким выпадам которого в сторону Временного правительства уже привыкло.

Никаких войск против Временного правительства не двигалось, так как о перевозке конного корпуса было условлено с Савинковым на словах, кроме того, об этом же была послана телеграмма военному министру.

В дальнейшем мы все, офицеры Ставки (да и солдаты то же самое), сознавая всю серьезность обстановки и ожидая окончательного разрешения вопроса (конечно, мирным путем), исполняли приказания Корнилова и подчиненных ему лиц, чувствуя, что все это должно, наконец, разрешиться, и, безусловно, не сомневались в глубоких патриотических стремлениях генерала Корнилова, всегда стоявших выше личных интересов.

Никаких эксцессов на этой почве не было в гарнизонах, и каждый делал свое дело или то, что ему поручали. Так, например, все офицеры Главного комитета Союза офицеров армии и флота привлекались Ставкой к несению цензорских обязанностей на телеграфе по случаю введения в Могилеве осадного положения.

Все действия генерала Корнилова указывали на твердость и решительность его характера. Повторяю, не только мы, офицеры, но и все общество, вероятно, настолько привыкло за последнее время к эксцессам в стране вообще, а к резкостям генерала Корнилова в частности, что на весь этот эпизод смотрели даже не без некоторого любопытства. Тем более что слухи о какой-то миссии Львова и Савинкова носились по всем городам.

Относительно воззвания Союза офицеров всех подробностей не знаю, так как последние дни в Главный комитет заходил урывками, да и офицеров Главного комитета также видел урывками, ибо, как указано выше, все они были в нарядах по цензуре.

Текст воззвания с приказанием «разослать» мне передал подполковник Пронин. Сам он получил, кажется, от генерала Корнилова. Я отослал текст этот в Главный комитет, но там его офицеры, кажется, несколько переделали. Я лично при этом не присутствовал, так как дело происходило в служебные часы, когда я был в Ставке.

Роли Аладьина и Завойко для меня не ясны. Будучи лично знаком с состоящим при генерале Корнилове полковником Голицыным, я часто к нему заходил и по несколько раз там встречал Завойко и Аладьина. Во время последних событий Завойко куда-то уехал из Ставки, но почему именно, мне не известно. Вообще с обоими этими лицами я знаком очень мало.

Роли Савинкова, Филоненко и Львова мною очерчены выше.

Председатель Главного комитета Союза офицеров подполковник Новосильцев приехал из отпуска 28 августа, а 29-го поехал в Оршу кого-то встречать и был солдатами арестован.

Все распоряжения по вопросам конфликта между Корниловым и Керенским в Ставке и нами получались через генерала Лукомского и подполковника Пронина.

Деталей всей переписки я не знаю, так как видел далеко не все документы.

Повторяю, весь этот эпизод мне представляется каким-то фатальным недоразумением, результатом чьего-то злого умысла или, как считает сам генерал Корнилов, провокации. Мое глубокое убеждение, что генерал Корнилов, не раз доказавший родине свою искреннюю и горячую к ней любовь и преданность, неутомимо работавший на ее пользу и наметивший в согласии с Временным правительством целый ряд спасительных для армии и России реформ, — такой генерал не может быть изменником. Равно как не могут быть изменниками и идущие за ним офицеры.

Означенные показания даны мною по просьбе товарища прокурора полковника Украинцева и на предложенные им вопросы.

На дополнительно заданный мне вопрос «об офицерах-бомбометателях» показываю:

Распоряжением Ставки или Упарта (точно не знаю, кем и когда) в 20-х числах августа в Могилев были вызваны с фронта офицеры для участия в опытах с английскими бомбометами. Так как был прислан только один бомбомет, то подполковник Пронин говорил мне, что офицеров этих предположено было вернуть в свои части, но генерал Корнилов приказал их временно задержать. Затем подполковник Пронин получил приказание отправить желающих офицеров в распоряжение генерала Крымова. Так как все офицеры Генерального штаба оперативного отделения были, ввиду тревожного времени и Рижского прорыва, чрезвычайно заняты, то подполковник Пронин просил меня помочь ему в деле отправления и ориентирования офицеров. Тем более что в моем отделении спешной работы не было. Наоборот, наблюдалось как бы затишье. Я попросил подполковника Пронина возможно подробнее меня ориентировать и не усматривал в этой миссии ничего предосудительного, а даже наоборот, имел беседу с несколькими группами офицеров. Подполковник Пронин с некоторыми офицерами говорил лично, но о чем именно — не знаю. Я лично говорил офицерам преимущественно следующее: «В Петрограде готовится большое восстание большевиков, имеющих целью свергнуть Вр. пр[авительство], заключить сепаратный мир и объявить диктатуру пролетариата. Вы понимаете, каковы гибельные последствия этого? Керенский не надеется подавить это восстание своими силами и прислал к Корнилову Савинкова просить помощи. После чего к Петрограду был направлен конный корпус генерала Крымова. Так

как положение очень серьезное, то теперь Корнилов приказал занятия с бомбометами прекратить и предложить желающим офицерам отправиться в распоряжение генерала Крымова. Вы, конечно, не будете вовлечены в уличные беспорядки, но нужны генералу Крымову как интеллигентная сила для предотвращения излишнего кровопролития (я еще помню, что при этом сказал «для населения одинаково опасны как банды большевиков, так и толпы казаков; вы меня извините, г[оспода] присутствующие казаки, но согласитесь, что это — правда), кроме того, вы, вероятно, будете охранять ж[елезно]-д[орожные] станции, водопровод, телеграф, телефон и пр.» Я же всем, безусловно, офицерам говорил, что никаких принуждений в этом деле быть не может, и Корнилов приказал отправлять только желающих офицеров, а всех прочих — вернуть в свои части.

На ряд вопросов я громогласно и определенно отвечал, что это вышло случайно, так как, насколько я знаю, опыты с бомбометами должны были производиться, что все это (подавление восстания большевиков) делается в полном согласии с Вр. пр[авительством] и по просьбе самого Керенского и Савинкова. Секрета из этих бесед никакого не делалось, и с офицерами велись разговоры в приемной Ставки в часы занятий, в то время, когда через приемную беспрерывно проходили люди (один раз беседа велась в вагоне на станции, но также совершенно открыто). Да и вообще об этом знали все, никто и не думал скрывать. Я лично, повторяю, был убежден даже, что действительно офицеры эти могут помочь генералу Крымову в предотвращении излишнего кровопролития. Большинство офицеров с большой охотой согласились ехать к генералу Крымову, и им были предоставлены отдельные вагоны. Да я уверен, что если бы офицеры почувствовали что-либо «подозрительное» в этой командировке, то, конечно, не пошли бы на нее так охотно. Тем более что они видели, что отказавшиеся их товарищи остаются на свободе в полнейшей неприкосновенности. Оставшиеся офицеры впоследствии, когда было объявлено в Могилеве осадное положение, были переданы в распоряжение коменданта для несения обязанностей по военной цензуре.

Вышеизложенное могут подтвердить все офицеры, с которыми мне приходилось говорить по этому вопросу. Я думаю, что фамилии их можно получить у коменданта Главной квартиры, так как все прибывающие офицеры являлись в ее управление для прописки билета. На вопрос, где они встретят генерала Крымова, я говорил офицерам, что, начиная от ст. Дно, все полустанки заняты его казаками, и у них они и узнают все необходимое.

Своего, личного я во все это дело не вносил, а действовал по указаниям подполковника Пронина, который лично получал приказания свыше.

Сколько всего было отправлено офицеров — не знаю, но я говорил с человеками 30–40, из них отказалось ехать человек 5–6–7.

Офицеры направлялись, кажется, 25 и 26 августа.

Впоследствии, когда уже окончательно выяснилось, что никакого восстания большевиков в Петрограде нет и что происходит какое-то недоразумение на этой почве, означенные офицеры в Петроград более не отправлялись, а подполковник Пронин приказал мне их отправить в распоряжение коменданта для несения нарядов в гарнизоне, пока не будет снято осадное положение.

Генерального штаба капитан РОЖЕНКО

Член Чрезвычайной комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11 Л. 169–175 об. Автограф.

№ 54
Показание 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем И.П. Романовского[I]

2–4 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года, сентября 2–4 дня, член Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о генерале Корнилове и других полковник Украинцев допрашивал нижепоименованного:

Генерал-майор Иван Павлович Романовский, 1-й генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем, православный, 40 лет, не судился, по делу показываю.

Показания записаны собственноручно.

На должность 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем я был назначен с должности начальника штаба 8-ой армии в начале июня с.г. и в Ставку прибыл, кажется, 10 июня, а 11 июня вступил <в исправление должности>[II]. По должности 1-го генерал-квартирмейстера мне подчинялись оперативное делопроизводство (1-ое), разведывательное (2-ое) и по службе связи (5-ое). Когда я прибыл в Ставку, то оперативные планы на летний период были уже составлены, и со дня на день должно было начаться их осуществление. Сводились они к нашему наступлению на всех фронтах с нанесением главного удара на Юго-Западном фронте, причем этот последний фронт должен был начать наступление первым, удары на других фронтах должны были последовать на протяжении семи—десяти дней за началом наступления на Юго-Западном фронте.

16 июня началась артиллерийская подготовка, а 18 июня началась атака 11-ой и 7-ой армий. Результаты этого наступления известны. Подготовленная могучей артиллерией, разрушившей первые линии неприятельских окопов, первоначальная атака повсюду была успешна, но упорства и настойчивости войска, лишенные дисциплины, проявить не могли, и там, где встретили немцев, они немедленно были выбиты обратно, на участках, на которых были австрийцы, удалось закрепиться на занятых позициях, но дальнейшее наступление было остановлено и возобновить его, несмотря на многочисленные свежие резервы, не удалось.

25 июня началось наступление 8-ой армии, которой в то время командовал ген. Корнилов, наступление было удачно, и результаты его превзошли те ожидания, которые возлагались на этот второстепенный удар, но через неделю примерно и здесь порыв пропал, и мы начали топтаться на месте.

6 июля со стороны противника последовал удар на участке 11-ой армией[III]. Удар был произведен, как позднее заявляли немцы и австрийцы, для восстановления первоначального положения, но легкий успех и вид панически безуспешных русских войск, почти без сопротивления сдававших сильно укрепленные позиции, побудил австро-германцев развить наступление, и операция разрослась в большую победу, закончившуюся очищением нами Галиции и Буковины.

[I] Дополнительные показания И.П. Романовского от 11 сентября см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 86. Л. 65, 65 об.

[II] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над зачеркнутым: *«11-го июля»*. Внизу страницы примечание: *«Зачеркнутому и исправленному «в исправление должности» верить. Генерал-майор Романовский»*.

[III] Так в тексте. По-видимому, следует читать: *«на участке, занятом 11-ой армией»*.

С первых же дней нашего отступления выяснилось, что для того, чтобы остановить это стихийное <бегство или ввести его, хотя бы немного, в русло порядка>[I], нужны нечеловеческие усилия, нужны начальники из ряда вон выдающиеся. Бывший в это время в Ставке военный министр А.Ф. Керенский настаивал перед ген. Брусиловым на необходимости немедленной смены главнокомандующего Юго-Западным фронтом ген.-лейт[енанта] Гутора. Я не помню точно, министром ли был предложен в качестве заместителя ген. Гутора ген. Корнилов, но других фамилий не называли, и ген. Брусилов уехал на Юго-Западный фронт с целью назначения вместо ген. Гутора ген. Корнилова. Я лично докладывал ген. Брусилову о неудобстве такой смены в настоящий момент, когда, ввиду вмешательства комиссара 8-ой армии Филоненко в оперативные распоряжения, ген. Гутором был поставлен вопрос об отозвании Филоненко или об увольнении его самого от должности. Но и ген. Брусилов, и ген. Лукомский соглашались с военным министром, и замена была произведена.

Вступление ген. Корнилова в должность главнокомандующего Ю[го]-З[ападным] фронтом ознаменовалось рядом решительных мер, до расстрела беглецов и мародеров, и его знаменитой телеграммой, облетевшей всю Россию, с требованием от Временного правительства ряда решительных мер[105]. Отступление хотя и не прекратилось немедленно по назначении ген. Корнилова, но всеми почувствовалась сильная рука, порядок начал восстанавливаться. Большую помощь в работе ген. Корнилова оказывал комиссар Юго-Западного фронта Б.В. Савинков, человек, видимо, столь же твердый и решительный, как и ген. Корнилов[II], действовавший с ним, по-видимому, в полном согласии и подписавшийся под телеграммой ген. Корнилова, по своему содержанию являвшейся, в сущности, тоже мятежом против правительства. Но в то время требования ген. Корнилова, по крайней мере в кардинальном вопросе о введении смертной казни, были удовлетворены. В период начавшегося отступления на Юго-Западном фронте, на Северном и Западном фронтах в связи с подготовкой к наступлению, а затем и с началом наступления происходили события, столь же печально рисовавшие полный развал армии. В 5-ой армии доходило дело до стрельбы по своей коннице, до задержки походных кухонь, подвозивших пищу частям, оставшимся верными долгу. В 10-ой армии в районе Молодечно скопилось до пяти дивизий, не желавших подчиняться приказаниям начальства. Сил для быстрого восстановления порядка не было; выяснилось, что рассчитывать можно только на конницу, но ее во многих случаях в нужную минуту не оказывалось под рукой, особенно это почувствовалось на Западном фронте. Естественным следствием этого явилась мысль о необходимости сосредоточить крупную конную часть в резерве Верховного главнокомандующего, где-либо в районе Западного фронта. Мысль эту предположено было осуществить выводом с Румынского фронта, наиболее богатого кавалерией, 3-го конного корпуса, стоявшего частью в резерве помощника главнокомандующего Румынским фронтом, частью на охране железных дорог этого фронта. Вывод этот можно было провести безболезненно для фронта, и 3-ий конный корпус начал перевозиться на Западный фронт, но непрекращающееся отступление армий Юго-Западного фронта заставило свернуть корпус и расположить его в районе Проскурова.

[I] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над зачеркнутым: *«бедствие»*. Внизу страницы примечание: *«Зачеркнутому «бедствие» и написанному сверху «бегство или ввести его, хотя бы немного, в русло порядка» верить. Генерал-майор Романовский»*.

[II] Далее зачеркнут союз *«и»*. Внизу страницы примечание: *«Зачеркнутому «и» верить. Ген.-майор Романовский»*.

Мысль эта, однако, оставлена не была, и ген. Брусилов решил в район Могилева перевести Кавказскую кав[алерийскую] дивизию, стоявшую на отдыхе в Тифлисской и Елисаветпольской губерниях, но затем, кажется, ввиду указания военного министра на неудобство сосредоточивать части в районе Могилева, дивизия была направлена в район Минска.

Тяжелые события на Юго-Западном и других фронтах побудили военного министра созвать в Ставке совещание, которое бы осветило положение на фронте и наметило бы ряд необходимых мер. Такое совещание было созвано 16 июля, состоялось при участии министра-председателя и военного и морского министра А.Ф. Керенского, министра иностранных дел М.И. Терещенко, Верховного главнокомандующего ген. Брусилова, начальника его Штаба ген. Лукомского, главнокомандующих Северным и Западным фронтами генералов Клембовского и Деникина[1], генералов Алексеева и Рузского и комиссара Юго-Западного фронта Б.В. Савинкова. Ген. Корнилов и ген. Щербачев не могли быть вызваны, первый вследствие происходивших операций, второй за дальностью расстояния. От обоих этих генералов были лишь телеграммы о положении дел и необходимых мероприятиях.

На этом совещании всеми членами, особенно ярко ген. Деникиным, была нарисована картина полного развала армии и потребован ряд мероприятий, проведение которых в жизнь являлось неотложным (журнал этого совещания находится в оперативном отделении). В основании все были единодушны, все признавали необходимость срочных, героических мер. Все признавали необходимость восстановления дисциплины, дисциплинарной власти начальников, смертной казни, прекращения вредной агитации. Некоторое расхождение получилось лишь в вопросе об институте комиссаров и комитетов, но и тут все, по-видимому, признали нелепость этих институтов в армии, возникал лишь вопрос о возможности в данный момент от них отказаться, причем большинство склонялось к отрицательному решению.

А.Ф. Керенский, по-видимому, поверил нарисованной картине, в его заключительном слове как будто чувствовалось желание пойти навстречу предъявленным требованиям, тон его речи был извиняющийся, те акты, которые развалили армию, он относил на счет своего предшественника А.И. Гучкова и на комиссию ген. Поливанова[106]. Ген. Деникину, говорившему очень резко, он пожал руку и благодарил за откровенное и правдивое слово. Хотя некоторые из мероприятий он находил невозможным провести в данный момент, тем не менее получалось впечатление, что со стороны военного министра будет все сделано, чтобы помочь армии. Дальнейшие его шаги, выразившиеся в замене на посту Верховного главнокомандующего ген. Брусилова более решительным ген. Корниловым, укрепляли в этой мысли, равно и назначение Б.В. Савинкова на пост управляющего Военным министерством подтверждало как будто взятый решительный курс.

Окончательных решений в совещании 16 июля вынесено не было, но те пожелания, которые были высказаны, легли в основание записки, составленной штабом и затем предъявленной 3 августа Временному правительству.

В поездке 3 августа в Петроград я сопровождал ген. Корнилова. Пробыли мы в Петрограде с 11 ½ час. до 2 часов ночи, значительная часть этого времени, часа 3–4 были проведены ген. Корниловым в разговоре с Савинковым с глазу на глаз. Впечатление от поездки получилось, что ген. Корнилов действует в полном согласии с Савинковым.

---

[1] Далее зачеркнут союз *«и»*. Внизу страницы примечание: *«Зачеркнутому «и» верить. Генерал-майор Романовский»*.

Привезенный проект необходимых мероприятий ген. Корнилов решил не представлять Временному правительству до выработки согласованного проекта Савинковым. Керенский, которому вручен был проект, внимательно прочел его, но чтение это, по моему впечатлению, вызвало в нем душевную борьбу: он, видимо, сознавал необходимость предлагаемых мер, но проведение некоторых из них, главным образом введение смертной казни в тылу, вызывало[I] душевный протест, и[II] он, видимо, был рад, что рассмотрение проекта несколько затягивается.

От заседания Временного правительства у меня лично осталось впечатление довольно тяжелое, чувствовалось глубокое раздвоение и отсутствие каких-либо высоких стимулов, способных спаять это разнородное сообщество. Впечатление это подтверждалось и общим голосом всех тех, с которыми приходилось говорить о правительстве, и тем наставительно-нравоучительным тоном М.И. Терещенко, которого он придерживался во время своего сообщения о дипломатическом международном положении и которым подчеркивалась необходимость говорить и разъяснять такие вещи, которые не только людям, стоящим у государственного кормила, но и вообще здравомыслящим людям должны быть сами собой очевидны. Довершилось же это впечатление рассказом ген. Корнилова о том, что во время своего сообщения о военном положении генерал получил записку от Керенского, чтобы он воздержался от сообщения излишних подробностей. На мое замечание после заседания М.И. Терещенко о его тоне во время заседания он безнадежно махнул рукой и заявил, что, к сожалению, все время приходится втолковывать им (министрам левого крыла) азбучные истины. Позднее тот же М.И. Терещенко показывал полк. Плющевскому группу министров, снятую 3 августа вместе с Верховным главнокомандующим, на просьбу полк. Плющевского показать министров-социалистов ответил, по словам полковника Плющевского, фразой: «Разве бы я стал сниматься с этими господами?»[III] Словом, у меня было впечатление, что это кратковременное сообщество, не имеющее ни реальной силы, ни морального авторитета.

Являлся ли достаточной силой сам Керенский? Хотелось верить, что да. Но от соприкасавшихся с ним приходилось слышать о том, что он устал, измотался, повести за собой весь кабинет он, видимо, не мог. Ген. Корнилов на обратном пути говорил, что Керенский задал ему вопрос: не пора ли ему (Керенскому) уйти с поста министра-председателя, на что он ему ответил отрицательно. У меня получилось впечатление, что мысли о создании твердой власти вынашивались обеими сторонами, и с Савинковым, и Филоненко, а возможно, и с Керенским генерал Корнилов, по моему впечатлению, ими обменивался.

В поездке 10 августа в Петроград и на Московское совещание ген. Корнилова сопровождал полк. Плющевский-Плющик. Эти поездки в политическом смысле, на мой взгляд, явились прямым продолжением предыдущего, т.е. настойчивым требованием ген. Корниловым[IV] провести предложенные им мероприятия, и поскольку настоящее правительство не способно этого выполнить, заменить его более[V] твердым и решительным.

I Далее зачеркнуто *«видимо»*.

II Союз *«и»* вписан над зачеркнутым *«поэтому»*. Внизу страницы примечание: *«Зачеркнутому «видимо» верить. Зачеркнутому «поэтому» и исправленному «и» верить». Ген.-майор Романовский».*

III Слово *«господам»* написано над зачеркнутым *«мерзавцами»*. Внизу страницы примечание: *«Зачеркнутому и надписанному «господами» верить. Ген.-майор Романовский».*

IV Слова *«ген. Корниловым»* вписаны над строкой.

V Далее зачеркнуто: *«крепким»*. Внизу страницы примечание: *«Вставленному «ген. Корниловым» и зачеркнутому «крепким» верить. Ген.-майор Романовский».*

До конца июля главное внимание Штаба Верховного главнокомандующего сосредоточивалось на Юго-Западном и Румынском фронтах, где был произведен удар австро-германцами и где ожидалось его продолжение в направлении между Днестром и Прутом, но уже с начала июля, а может быть, и ранее начали поступать агентурные сведения о предполагающемся со стороны немцев ударе в Рижском районе. К концу июля выяснилось, что на Юго-Западном фронте противник приостановился, на Румынском фронте атаки в районе Окны и Текучиу стоили австро-германцам значительно дороже, чем они предполагали, достигнутые успехи, видимо, не окупались потерями. На правом фланге Румынского фронта ожидался главный удар, к началу августа были сосредоточены нами достаточные силы не только для обороны, но и для наступления, вместе с тем к этому времени начало выясняться фактическое сосредоточение немецких сил к Рижскому фронту. В связи сначала с агентурными сведениями, а затем и с данными военной разведки высшим командованием был принят ряд мер: очищено Икскюльское предмостное укрепление, как только выяснилось, что мы наступать не можем, затем очищены были выдвинутые вперед позиции на Туккумском направлении, и войска отошли на франкендорфские позиции, чем сокращен был фронт; сосредоточены крупные резервы за участком Двины между устьем р. Огера и остр[овом] Даленом, где, по данным разведки, можно было ожидать удара немцев. Однако крайне неудовлетворительное состояние войск 12-ой армии и Балтийского флота, наличие Петрограда и Кронштадта в сравнительно близком тылу, серьезные осложнения в Финляндии — все это не давало уверенности в том, что немцы в случае удара не получат крупного и дешевого успеха, который побудит их развивать операцию вплоть до Петрограда. Положение осложнялось получавшимися сведениями, что большевистское движение растет, что в ближайшем будущем можно ожидать новых выступлений большевиков, причем указывалось на их стремление захватить власть хотя бы на короткое время с тем, чтобы по радиотелеграфу объявить мир или перемирие.

Ввиду всех этих данных Верховный главнокомандующий приказал в начале августа начать сосредоточение кавалерии в районе Невель — Новосокольники — Великие Луки. Этот район давал возможность подать части как на любой участок Северного фронта, так и на правый фланг Западного фронта, на побережье, в Финляндию, а в случае надобности и в Петроград. Позднее, с целью более быстрой посадки и перевозки, дивизии были рассредоточены между Псковом, Дном и Великими Луками. Кавалерия начала перевозиться с Юго-Западного фронта, где к этому времени выяснилась приостановка операции со стороны немцев. Подготовка к наступлению с нашей стороны имела чисто теоретическое значение, т.к. командный состав фронта говорил о необходимости получить укомплектования в части, которые поступали чрезвычайно туго, обучить эти укомплектования и дождаться оздоровления армии. В первую голову в начале августа началась перевозка Кавказской туземной дивизии, а затем 1-ой Донской и Уссурийской конной дивизий. Настроение всех этих частей, по заявлению начальствующих лиц, было очень хорошее, и в случае выступления против правительства большевиков можно было вполне положиться на эти части, в случае же возникновения конфликта у правительства с Советами, по заявлению ген. Крымова, рассчитывать на то, чтобы части пошли против Советов, нельзя было.

В случае оставления нами линий р. Двины возникала угроза г. Петрограду, между тем оборона подступов к нему совершенно не была обеспечена. Петроградский в[оенный] округ не подчинялся Верховному главнокомандующему.

Таким образом, передвижение частей в этом округе, усиление войск округа частями с других фронтов, согласование инженерных работ, — все это выходило за пределы власти Верховного главнокомандующего. Управление округом было вверено генералу, может быть удовлетворяющему требованиям политического момента, но совершенно не обладающему данными, необходимыми для управления в стратегическом отношении. Прикрытие подступов со стороны Финляндии и с моря лежало на ответственности главнокомандующего Северным фронтом, у которого управление получалось чересполосное, и опять-таки ближайший район столицы имел своего хозяина, не подчиненного главнокомандующему Северным фронтом. Таким образом, очередной задачей по обеспечению Петрограда являлось создание нормальных условий управления, почему по приказанию ген. Корнилова был составлен доклад о создании Петроградской армии и произведении сношения с военным министром о подчинении Петроградского округа Верховному главнокомандующему[I]. На сношение это со стороны военного министра в течение 3–4 дней ответа не поступало, но затем 24 августа прибыли управляющий В[оенным] министерством Савинков и начальник кабинета в[оенного] министра полк. Барановский, имевшие, между прочим, поручение договориться по вопросу о Петроградском округе. Из слов п[олковника] Барановского выяснилось, что на подчинение округа военный министр, вынужденный силою обстоятельств, соглашается, но исключая самого Петрограда и ближайших окрестностей его, считая невозможным такое подчинение в силу пребывания в Петрограде Временного правительства. Савинкову и Барановскому было поручено договориться о границах того района, который должен был пользоваться как бы правами экстерриториальности и быть выделенным из подчинения главнокомандующему Петроградской армией. Мною была заготовлена двухверстная карта района Петрограда, и с этой картой, между 10 и 11 часами вечера, меня пригласили в кабинет Верховного главнокомандующего, где я застал ген. Корнилова, ген. Лукомского, полк. Барановского, Б.В. Савинкова и Филоненко. Разговор при мне продолжался, причем по характеру его видно было, что шел разговор о передвижении 3-го конного корпуса в район Петрограда. Затем ген. Лукомский взял карандаш и начал очерчивать район Петроградского генерал-губернаторства. Я попытался возражать против возможности такой экстерриториальности, указывая на то, что нельзя пункт, который, конечно, явится базой для армии, где сосредоточены все магазины, где железнодорожный узел, через который пойдет все питание армии и переброска войск, не подчинить главнокомандующему армией и создать особого хозяина, с которым[II] с первого же момента возникнут трения. Затем я указал на необходимость очистки Петрограда и Кронштадта в политическом отношении, что непременным условием ставит морской штаб и командующий Балтийским флотом, на это мне возразили, что это будет произведено Временным правительством, которое объявит Петроград на военном положении, как только подтянется 3-ий конный корпус к Петрограду. Я усомнился в том, что Временное правительство, являясь коллективным органом, в который к тому же входят представители самых крайних левых партий, сможет осуществить эту чистку достаточно решительно. На это Филоненко мне что-то язвительно возразил в том смысле, что недопустимо сомневаться в том, что Временное правительство не будет

[I] Предложение отмечено знаком: *«х)»*. Внизу страницы примечание: *«Материалы в оперативном отделении»*.

[II] Далее зачеркнуто *«конечно»*. Внизу страницы примечание: *«Зачеркнутому «конечно» верить. Ген.-майор Романовский»*.

решительно в проведении намеченных им мероприятий. Ген. Корнилов спросил Савинкова, можно ли рассчитывать, что эта чистка будет произведена достаточно решительно, Савинков заявил, что можно и что 3-ий конный корпус они просят потому, что не могут рассчитывать на советские полки, т.к. Советы могут тоже поддержать большевиков. Затем Савинков указал на желательность по психологическим мотивам, чтобы в подавлении беспорядков кроме казаков участвовала также и регулярная конница. Ему на это было сообщено, что в Уссурийской дивизии имеется Приморский драгунский полк, что можно воспользоваться частями передвигающейся из Финляндии к Рижскому побережью 14-ой кавалерийской дивизии и, наконец, что можно подтянуть полк или два 2-ой Кав[казской] дивизии, которая в то время перебрасывалась с Западного фронта на Северный. Решено было 2-ой уланский Курляндский полк передвинуть в район Царского Села. В дальнейшем обсуждался вопрос, в течение какого времени может быть переведен 3-ий конный корпус к Петрограду.

Через день после этого, зайдя к ген. Корнилову с докладом, я узнал, что у него был в качестве посланца от Керенского Вл[адимир] Львов с условиями относительно реорганизации правительства.

Таким образом, до 27 августа казалось, что ген. Корнилов идет в полном согласии с Временным правительством, но 27 августа в 8 1/2 час. утра мне была подана телеграмма, в которой Керенский предлагал ген. Корнилову[1] сдать должность главковерха ген. Лукомскому и отправиться в Петроград. Эта телеграмма выясняла, что если ген. Корнилов думал, что он шел в согласии с Временным правительством, то это последнее совсем иначе думало и вело какую-то, как мне представляется, ничтожную и провокационную игру с целью выявить ген. Корнилова в качестве стремящегося узурпировать законную власть у Временного правительства. Телеграмму я отнес ген. Лукомскому, а от него ген. Корнилову, куда вслед за мной пришел и ген. Лукомский. Дальнейшие события развивались в постепенности, которую легко проследить по делу. В ответ на телеграмму министра-председателя последовала телеграмма ген. Лукомского с отказом принять должность и с указанием на ту обстановку, которую создало правительство своей игрой. Затем следовал разговор Савинкова с ген. Корниловым. Затем по указанию Верховного главнокомандующего я говорил с главнокомандующими всех фронтов, кроме Кавказского, и от всех получил ответы о невозможности в данное время сменять Верховного главнокомандующего. Все эти ответы были протелеграфированы военному министру. Ген. Клембовский от принятия должности также отказался. Таким образом, для Ставки оставалось подчиняться и исполнять приказания ген. Корнилова, пока положение не разъяснится. Оперативное руководство, поскольку фронты сами не прерывали связи со Ставкой, продолжалось на прежних основаниях, и Ставка стремилась возможно меньше потрясений внести в жизнь армии. Оперативные перевозки продолжались, и лишь Корниловский ударный полк был задержан и высажен в Могилеве.

Организаций каких-либо, которые вместе с ген. Корниловым стремились бы к ниспровержению существующего правительства, я лично не знаю и думаю, что их не было, так как при существовании они, вероятно, как-нибудь проявились бы, и, во всяком случае, дело военного мятежа против Временного правительства оказалось бы более организованным, в данном же случае я лично следов какой-либо организации не видел.

Что касается Офицерского союза, то его причастность к данному делу совершенно не известна мне. Сочувствуя целям и задачам Союза, я по недостатку

[1] Слова *«ген. Корнилову»* вписаны над строкой.

времени совершенно не имел возможности посещать заседания Главного комитета. Думаю, что участие Союза выразилось лишь в резолюции Комитета[I], выражавшей сочувствие ген. Корнилову. Некоторые из офицеров Союза, сопровождавшие по своей штабной службе ген. Корнилова во время его поездок, как, например, подполковник Пронин, капитан Роженко, стояли несколько ближе к генералу Корнилову и, по личным своим побуждениям, а не как представители Союза, принимали живое участие во всех происходящих событиях.

Кроме Союза офицеров поставлен вопрос относительно вызова офицеров с фронта. Должен сказать, что в двадцатых числах августа мною было получено от Верховного главнокомандующего приказание вызвать офицеров для обучения действиям при английских бомбометах и минометах. Надо сказать, что англичане несколько раз указывали на недостаточное использование этих орудий, причем причину видели в недостатке обучения. Офицеры с Западного и Юго-Западного фронтов, кажется, по одному с дивизии, были вызваны телеграммами, адресованными[II] в штабы фронтов[107]. Офицеры ошибочно были вызваны в Могилев и отсюда направлялись в Петроград на полигон, где это обучение представлялось наиболее удобно организовать.

С комиссаром шт[абс]-кап[итаном] Филоненко по службе мне не приходилось иметь дела, и сталкивался с ним я только случайно. Впервые я с ним познакомился, когда он ехал в качестве посланца Временного правительства убеждать ген. Корнилова принять должность Верховного главнокомандующего. Он зашел ко мне просить автомобиль, предполагая, что автомобили в моем распоряжении. Говорил он достаточно самоуверенно о своих широких полномочиях от Временного правительства, при наличии которых он, конечно, быстро разрешит создавшееся недоразумение.

Окончательно в Ставку он приехал с ген. Корниловым. Отношения ген. Корнилова к нему представлялись достаточно близкими. Видно было, что ген. Корнилов ему доверяет, с его мнением считается и ценит его как умного, энергичного и ловкого человека. Во время поездки в Петроград 3 августа Филоненко, бывший уже до того в Петрограде, встретил наш поезд в Павловске и, видимо, ориентировал генерала в обстановке. Что он говорил генералу, не знаю, т.к. этот разговор был с глазу на глаз, но думаю, что отзвуками его речей явились речи его помощника Фонвизина, с которыми я познакомился со слов полк. Голицына. Это были сплетни дурного тона. Говорилось о том, что Керенский делами не занимается, что занят всецело любовью, что живет он в настоящее время с женою полк. Барановского, в силу чего полк. Барановский пользуется неограниченным влиянием, что в деловых отношениях надо опираться на Савинкова, который всецело предан ген. Корнилову, что некоторой помехой в установлении добрых отношений и полного согласования действий является ген. Лукомский, человек, которому доверять нельзя, что на этих днях ген. Лукомский помешал отъезду из Ставки ген. Тихменева, которого Савинков хотел сместить за его вредную деятельность и т.д. Я убеждал полк. Голицына, что все это имеет характер сплетен из швейцарской.

Впоследствии ген. Корнилов рассказывал мне, что Филоненко инсценировал какое-то покушение на генерала, причем организатором этого покушения

[I] Под резолюцией Главного комитета Союза офицеров, вероятно, подразумевается воззвание Главного комитета от 28 августа 1917 г. (См.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 47. Л. 15. См. также приложение № 8 — т. 2).

[II] Слово *«адресованными»* вписано над строкой. Внизу страницы примечание: *«Вставке «адресованными» верить».*

выставлен был ген. Тихменев, почему и убрать его из Ставки предполагалось. Против г. Лукомского велась несомненная интрига. Генерал Корнилов меня раза два спрашивал о том, что представляет из себя ген. Лукомский, объясняя свои вопросы тем, что его предупреждали, чтобы он не особенно доверял ген. Лукомскому, служившему и при Сухомлинове, и при царе и интриговавшему против Брусилова. Я, как умел, возражал и, кажется, убедил ген. Корнилова в прямоте и честности ген. Лукомского. Из всех этих фактов у меня слагалось впечатление, что Филоненко, по-видимому, в согласии с Савинковым, ведет какую-то игру. Это подтверждалось и тем обстоятельством, что в проекте кабинета, который бы пришлось созвать при переходе к более сильной власти с участием ген. Корнилова, Филоненко намечался в качестве кандидата на пост министра иностранных дел, или, в крайнем случае, он соглашался принять портфель министра внутренних дел.

При изложении разговора 24 августа в кабинете Верховного главнокомандующего я забыл упомянуть, что Савинковым с ген. Корниловым было заключено условие, что как только 3-ий конный корпус начнет сосредоточиваться к Петрограду, так тотчас же будет послана телеграмма, дабы могло быть объявлено военное положение в Петрограде к концу сосредоточения корпуса.

В предшествовавшем изложении я ничего не писал о себе. Я не знаю, что мне инкриминируется, думаю, что исполнение приказаний ген. Корнилова и, таким образом, участие в вооруженном мятеже кучки генералов-авантюристов против Временного правительства. Должен сказать, что по природе своей я к авантюристам не принадлежал, в заговорах никаких не участвовал, к политическим организациям не принадлежал, если не считать Союза офицеров, который я не отношу и к политическим организациям и в котором я хотя и состоял членом, но, как писал выше, по недостатку времени никогда не бывал. Совершенно чуждый политики, насколько ее можно избегнуть в настоящее время, я всей душой люблю Россию, армию и военное дело и гордился своей принадлежностью к военному сословию. Как человек, любящий Россию, я страдал за тот развал, который Россия переживала при царе, радовался, когда, как мне казалось, кончился кошмар распутинских и немецких влияний, но еще больше страдаю теперь, когда с каждым днем убеждаешься, что Россия безвозвратно гибнет. Но в Россию у меня есть вера, рано или поздно она, конечно, воспрянет, и народный светлый разум восторжествует. Хуже вопрос с армией. Для меня несомненно, что армия погибла, и как человеку, любящему армию, отдавшему всю жизнь ей, — мне нестерпимо примириться с мыслью, что армии нет, что немцы нас добьют и вправе плевать нам в физиономию и говорить, что славянский навоз годен только для удобрения немецкой культуры. Самолюбие русского и самолюбие военного, может быть, оно покажется некоторым смешным, направляло меня по пути[I], который мог бы привести к спасению России, к спасению армии, без которой не может жить Россия. Единственным путем для меня представлялся путь сильной власти, какая будет эта власть, для меня, в сущности, все равно, лишь бы она была сильная, разумная и честная, т.е. русская, а не немецкая. Для меня было несомненно, что сильной властью не может быть власть, осуществляемая коллективами, для меня было несомненно, что эта власть не может не быть в полном согласовании с Верховным главнокомандующим. Как я уже писал выше, существовавший состав Временного правительства не являлся, по моему мнению[II], той силой, которая может

[I] Далее зачеркнуто *«поисков»*.

[II] Слова *«по моему мнению»* вписаны над строкой.

вывести Россию из того страшного тупика, в который она попала, события внутри государства указывали, что мы неуклонно падаем вниз и что скоро это падение приведет нас к катастрофе: железные дороги станут[I], продовольствие иссякнет. В армии дело шло тоже неизменно к ухудшению. В течение лета мы пережили поражения, которые при нашем превосходстве в силах и хорошем снабжении уже с весны 1916 г. являлись недопустимыми, причем условия, при которых протекало Рижское поражение, устанавливали гораздо более низкий уровень боевого качества армий, чем во время Галицийского поражения. Отношение комиссаров и комитетов к этим поражениям тоже указывало, что мы и здесь с пути честной правды спустились на путь политики. В то время как на Юго-Западном фронте комиссар Савинков вместе с другими комиссарами и комитетами[II] честно на всю Россию прокричал о позоре, свидетелем которого он явился, помощник комиссара Северного фронта Войтинский писал о доблести войск после того, как войска бежали, не оказав никакого сопротивления переправе через многоводную реку на участке, на котором ожидалась эта переправа. Авторитетов в армии не осталось, можно было безвозбранно поносить кого угодно, вплоть до Верховного главнокомандующего и военного министра. Армия без головы, конечно, уже не армия, а страшная для[III] своей страны и для своего народа банда. Это такие истины, которые, мне казалось, должны быть сами собой понятны всякому человеку, столкнувшемуся с ними. Поэтому мне казалось, что стремление создать сильную власть должно быть и у каждого члена правительства, поскольку он является человеком, не лишенным честности и не узкопартийным. Таким образом, для меня было совершенно естественна мысль о стремлении правительства, так или иначе, опереться на ген. Корнилова, что поддерживалось различными слухами и подтверждалось фактами.

Отношения у меня лично к ген. Корнилову сложились так. Впервые я о нем узнал в Русско-японскую войну. По условиям боевого соседства я мог оценить тот незаурядный подвиг, за который он получил орд[ен] Георгия 4-ой ст[епени], затем во время службы в Туркестане ознакомился с его чрезвычайно опасной экспедицией в Афганистан для обрекогносцирования[IV] кр[епости] Дейдази, там же, т.е. в Туркестане, я впервые и познакомился с ген. Корниловым, куда в 1906 г. приезжал из Гл[авного] упр[авления] Ген[ерального] штаба. Затем, в бытность мою начальником отделения Гл[авного] штаба, ген. Корнилов ко мне заходил раза два при своих назначениях. По своей должности я близко знал службу ген. Корнилова и ту честную позицию, которую он в свое время занял на должности к[оманди]ра отряда в Заамурском округе пограничной стражи. Эта война с пленением ген. Корнилова, а затем его бегство из плена[108] укрепляли только во мне то высокое мнение о силе духа и характера ген. Корнилова, которое я имел ранее. Вызов ген. Корнилова в первые дни революции в Петроград на пост главнокомандующего мне представлялся тоже вполне естественным. На мой взгляд, это был едва ли не единственный генерал, который мог в то время поддержать среди петроградских войск авторитет власти. Затем я с ген. Корниловым встретился в роли начальника штаба 8-ой, куда он был назначен командующим армией. В штабе 8-ой армии я прослужил с ген. Корниловым около месяца, причем расстался с ним, унеся с собой представление о нем

I Так в тексте.

II Слова *«и комитетами»* вписаны над строкой. Внизу страницы примечание: *«Вставкам «по моему мнению» и «и комитетами» верить. Ген.-майор Романовский».*

III Далее зачеркнуто *«армии»*.

IV Так в тексте.

как о человеке сильном, военном, демократе по всему своему существу, любящем Россию и не пожалеющем своей головы для ее блага.

Затем следовало пребывание ген. Корнилова в должности главнокомандующего Юго-Западным фронтом, оно промелькнуло достаточно ярко. В конце июля ген. Корнилов приехал в Ставку. По своей должности генерал-квартирмейстера я уже не был так близок к ген. Корнилову, как в роли начальника штаба армии, и встречался с ним только на оперативных докладах, но раз или два мне пришлось говорить с ген. Корниловым наедине. Разговор заходил о ген. Лукомском, ген. Корнилов спрашивал мое мнение о ген. Лукомском, указав на то, что его предупреждают о том, чтобы он не доверял ген. Лукомскому. Я, со своей стороны, указывал генералу, что вряд ли можно вполне доверять Филоненко и Савинкову, что приемы Филоненко слишком отдают интригой низкой пробы, а что ген. Лукомского я знаю как очень порядочного, открытого и прямого человека, не говоря уже о нем как о прекрасном начальнике Штаба и крупном государственном человеке. О политике и о возможности перестройки кабинета впервые со мной ген. Корнилов заговорил 4 августа, на обратном пути из Петрограда. Говорили о необходимости создать деловой кабинет действительно из государственных людей и сожалели, что многим еще время не приспело ввиду их участия в правительствах при старом строе. Мое впечатление было, что эти вопросы были затронуты в разговоре либо с Керенским, либо с Савинковым.

Затем, до Московского совещания, я видел генерала только во время докладов. Московское совещание выявило расхождение двух течений общественной русской жизни. Одно течение стремится спасать Россию, а вместе с тем и завоевания революции, другое стремится спасать только революцию. Ген. Корнилов оказался одним из ярких представителей первого течения, у меня и мысли не могло возникнуть, чтобы я не примкнул к этому течению. Куда примкнет правительство, до 27-го трудно было сказать, но многие данные указывали, что к первому течению, так мне казалось. 27 августа выяснилось, что я ошибался. Но и убедившись в своей ошибке, я готов за ген. Деникиным сказать[109], что по этому пути я не пойду. Только тот лагерь, в котором сосредоточено все, что имеется государственного в России, в смысле мысли, знания, опыта и честности, могло привести к спасению[I], а потому и размышления в выборе пути не могло быть.

27 августа, когда получена была телеграмма о смещении ген. Корнилова, для меня стало ясно, что то течение, представителем которого являлся ген. Корнилов, потерпело крушение, в успехе ген. Корнилова с этого момента у меня никаких самообольщений не было, и оставалось только приложить силы к тому, чтобы предотвратить возможность гражданской войны и затем разделить участь ген. Корнилова и ген. Лукомского, что я и готов сделать. О том, что ни 3-ий конный корпус, ни какая другая часть не выступит <против Временного правительства>[II], у меня никаких сомнений не было, и оставалась лишь надежда, но, сознаюсь, очень слабая, на то, что общественное мнение воздействует на правительство, убедят его, что здесь вопрос не в мятеже против правительства, а гораздо более глубокий, что мятеж этот будет скоро подавлен, но глубокая рана останется во всем русском организме, и что лучше избежать раздирать эту рану.

[I] Далее зачеркнуто: *«по моему убеждению»*. Внизу страницы примечание: *«Зачеркнутому «по моему убеждению» верить. Ген.-майор Романовский»*.

[II] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над зачеркнутым: *«на стороне ген. Корнилова»*. Под строкой примечание: *«Исправлению: «против Временного правительства» верить. Ген.-майор Романовский»*.

По вопросу о том, что оперативное руководство Ставки не прекращалось, поскольку фронты сами не прерывали связи со Ставкой, дополнительно показываю, что связь оставалась со всеми фронтами, за исключением Румынского, который, кажется, 30 августа прервал связь со Ставкой. По моему приказанию дежурный штаб-офицер пошел выяснить всю недопустимость этого положения и говорил, кажется, с помощником комиссара фронта, который заявил, что это сделано по распоряжению Военно-революционного комитета фронта. Вскоре связь была вновь восстановлена.

Генерал-майор РОМАНОВСКИЙ

Член Чрезвычайной комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 77–90. Автограф.

№ 55
Протокол допроса полковника, командующего войсками Московского военного округа К.И. Рябцева

24 сентября 1917 г.

Протокол

24 сентября 1917 г. в Москве, в штабе военного округа, члены Чрезвычайной комиссии В.Н. Крохмаль и Н.А. Колоколов производили допрос нижепоименованного, и он показал:

Константин Иванович Рябцев, 35 лет, православный, полковник, командующий войсками Московского военного округа.

Во время московского Государственного совещания я, занимая должность начальника штаба округа, 13 августа выезжал на вокзал встречать Верховного главнокомандующего генерала Корнилова. Сделал я это потому, что до меня доходили сведения о том, что члены Временного правительства находились в тревоге вследствие начавшихся слухов об агрессивных будто бы против них намерениях Ставки. Мне хотелось получить личное впечатление от свидания с лицами, состоявшими в Ставке, с коими я ранее служил в 10-ой армии и других местах[1]. На вокзале я получил совершенно определенное впечатление, что встреча ген. Корнилова, несомненно, была подготовлена заранее. Мне представлялось, что и дамы в белых платьях с цветами, и крики «ура» со стороны не совсем трезвых кавалерийских офицеров, и даже речь Ф.И. Родичева, произнесенная без обычного для этого оратора подъема, — все это носило следы какой-то бутафории. Казалось, что у кого-то был определенный расчет подчеркнуть торжественность встречи генерала Корнилова по сравнению с приемом членов Временного правительства.

Я получил убеждение за время московского Государственного совещания, что тогда не было со стороны Ставки никакой опасности переворота, было только известное настроение, при коем возможно возникновение замыслов о перевороте. Таково было мое впечатление тогда.

По поводу вопроса о передвижении войск в пределах Московского округа я могу сказать, что мне представлялась сомнительной цель возбужденного телеграммой генерала Романовского около 9–10 августа с.г. вопроса о необходимости перевода в Москву 7-го Сибирского казачьего полка на время Государственного

[1] Слова *«и других местах»* вписаны над строкой.

совещания. Я и генер. Верховский запротестовали, и полк был, в конце концов, после совещания расквартирован нами частью в Кашире, частью в других местах. Откуда шел полк, точно пока не знаю, но наведу справку. Затем, уже во время корниловского восстания в Москву двигались железнодорожные войска, но были остановлены нами в Смоленске.

По вашей просьбе я передаю к делу копию телеграммы генерала Корнилова генералу Каледину от 27 августа 1917 г.[110] Был ли ответ ген. Корнилову от ген. Каледина на эту телеграмму, я не знаю.

Я могу еще по поводу встречи ген. Корнилова в Москве 13 августа добавить, что чьим-то распоряжением были на вокзал посланы для встречи кроме караула <от Александровского в[оенного] училища>[I] также Женский батальон и казачья сотня. Все это было, очевидно, необходимо для большей толпы.

Вписано: «и других местах», «от Александровского в[оенного] училища», — верно.

Более никаких сведений, имеющих отношение к корниловскому восстанию, я представить не имею. Прочитано.

Полковник К.И. РЯБЦЕВ

Члены Комиссии: В. КРОХМАЛЬ, КОЛОКОЛОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 177–178. Подлинник. Рукопись.

№ 56
Показание капитана Генерального штаба С.Н. Ряснянского[II]

4–6 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 4–6-го дня член Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и других полковник Украинцев допрашивал нижепоименованного:

Генерального штаба капитан Сергей Николаевич Ряснянский, 30 лет, православный, не судился, по делу показываю:

Показания записываю собственноручно[III].

Я, Генерального штаба капитан Сергей Николаевич Ряснянский, занимаю должность помощника ст. адъютанта штаба 9-ой армии и нахожусь в прикомандировании к Управлению генкварверх. Состою членом Главного комитета Союза офицеров армии и флота и с 15 августа несу в нем секретарские обязанности.

По делу об отрешении ген. Корнилова и о последующих за ним событиям даю следующие показания Особой следственной комиссии:

О действиях г. Корнилова и причинах его выступления[IV].

27 августа около 15 час. я узнал об отставке ген. Корнилова, о его отказе сдать должность и о поддержке его в этом решении четырьмя главнокомандующими

[I] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

[II] Отрывок из воспоминаний С.Н. Ряснянского о пребывании в Быховской тюрьме помещен в первом томе настоящего сборника. См. документ № 2 — т. 1, часть 2. «Быховский альбом», подготовленный С.Н. Ряснянским, см. приложение № 9 — т. 2.

[III] Показание С.Н. Ряснянского от 4–6 сентября см. также: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 163. Л. 90–93.

[IV] Здесь и далее в документе текст, выделенный курсивом, вписан на полях.

фронтами. Для меня лично это была полная неожиданность, т.к. еще накануне везде в печати и в Ставке говорилось о полном согласии Вр. правительства с ген. Корниловым. В тот же день в Ставке (от кого именно, я сейчас не помню) я узнал, что отставка г. Корнилова явилась и для него лично и для чинов Штаба полной неожиданностью, т.к. еще два-три дня тому назад к ген. Корнилову приезжали Савинков и Владимир Львов и предлагали ему от имени Вр. правительства образовать кабинет на каких угодно условиях, ибо все меры ген. Корнилова желательно провести в жизнь. Мне[I] было также сказано, что Вр. правительство потребовало движения корпуса ген. Крымова к Петрограду для подавления предполагавшегося выступления «большевиков» и что войска теперь идут туда. Узнал я также, что ген. Корнилов стал жертвой провокации, и, боясь теперь, что Вр. правительство, находясь под влиянием «большевиков», заключит сепаратный мир и предпримет ряд мер, ведущих к гибели России, ген. Корнилов не считает возможным сдать должность, тем более что никто ее и не принимает, и вызывает в Ставку министра-председателя Керенского для образования нового правительства. Для меня не было ни минуты сомнения, что действия ген. Корнилова, горячо любящего свою Родину и высоко честного человека, клонятся к благу Родины и Армии и продиктованы именно этим чувством, а не желанием сохранить свой пост, не считаясь со средствами. Выступление г. Корнилова было, по моему мнению, следствием его убеждения в правильности своих действий, а не следствием работы какой-либо организации. Существовали ли вообще организации, действовавшие именем г. Корнилова или от его имени, я не знаю.

О роли Союза офицеров.

Категорически же утверждаю, что Офицерский союз с Гл. комитетом никакого участия для подготовки выступления г. Корнилова не принимал. Будучи более 1 1/2 месяцев членом Гл. комитета на местах и делая доклады, я могу заверить, что офицеры, образуя подразделения Союза, всегда подробно расспрашивали о целях и задачах Союза, не желая принимать участия в политическом союзе. Со своей стороны Гл. комитет и, в частности, и я всегда в докладах и во всех своих постановлениях руководствовались исключительно профессиональной точкой зрения.

О выступлении г. Корнилова перед войсками.

28 августа г. Корниловым был выпущен ряд воззваний и приказов. В тот же день г. Корнилов собрал могилевский гарнизон и обратился к войскам с речью, в коей указал, что его выступление явилось следствием болезни за судьбу России, находящейся ныне в слабых руках, что он, ген. Корнилов, не желает власти для себя, и не ему, сыну крестьянина, покушаться на свободу России. Указал также на провокацию по его[II] со стороны Вр. правительства, приведшую к его отставке. В своей речи г. Корнилов сказал, что, не желая гражданской войны, он просит Вр. правительство приехать к нему для ликвидации конфликта и образования нового кабинета и никаких вооруженных сил применять не предполагает. Для переговоров с Вр. правительством им послан комиссар Филоненко. Никаких других публичных выступлений г. Корнилов не делал. Подробности о жизни в эти дни г. Корнилова и г. Лукомского я не знаю.

I Слово «*мне*» вписано над строкой.

II Далее слово неразборчиво.

О деятельности Гл. комитета в дни 27 ав[густа] — 1 сен[тября].

28 августа утром в Гл. комитете были получены воззвания г. Корнилова и агентская телеграмма с приказом министра Керенского об отставке г. Корнилова. Гл. комитет во время[I] обсуждения создавшегося положения, видя, что в такую тяжелую минуту армия остается без руководства, т.к. никто не принял верховного командования, веря в искренность и глубокую любовь к родине г. Корнилова, зная, что в Петрограде готовится выступление «большевиков» и, таким образом, и страна останется без всякой власти, Гл. комитет решил идти за ген. Корниловым, веря, что он выведет армию из тяжелого положения и спасет страну. Не вынося никакой резолюции или воззвания, члены Гл. комитета разошлись. Придя днем в комитет, я узнал, что из Ставки принесен текст воззвания к офицерам, составленный г. Корниловым. Почти все члены Гл. комитета были здесь и рассматривали принесенный текст воззвания. После нескольких редакционных поправок воззвание без всяких возражений было принято и в виде телеграммы было подписано подполк[овником] Новосильцевым и сдано на телеграф. Принимая это воззвание, я лично считал, что раз оно продиктовано г. Корниловым, в глубокую любовь к родине которого я верю, раз наш Верховный главнокомандующий просит нас поддержать его в его требованиях Вр. правительству, в требованиях, клонящихся к благу нашей Родины и возрождению армии, то мой долг исполнить его желание. В нашем воззвании я не видел измены, контрреволюции, призыва к мятежу или гражданской войне. Я видел в нем документ, правильно освещающий выступление г. Корнилова офицерам и населению, неоднократно выражавшим ему свое доверие. Я полагал, что это воззвание, осветив обстановку, даст возможность офицерам через своих начальников просить Вр. правительство не удалять г. Корнилова. В последующие дни Гл. комитет собирался только для обсуждения создавшегося положения и ознакомления с происходящими событиями, никаких резолюций не выносил и со своими подотделами не сносился. Члены Гл. комитета несли обязанности цензоров и в свободное время заходили в Комитет.

О настроении офицеров и солдат.

Среди офицеров в дни 27 авг[уста] — 1 сен[тября], насколько я мог запомнить, господствовало желание, чтобы конфликт разрешился мирным путем. О каком-либо вооруженном выступлении не было и речи. О настроении среди солдат и населения мне мало известно.

Моя деятельность в дни 27 авг[уста] — 1 сен[тября].

В дни 27/VIII — 1/IX я почти все время был в Комитете, т.к. к нам приходили за справками[II] офицеры приезжие[III] или же наши местные[IV]. Всех приходящих офицеров, не имевших своей определенной службы здесь в Штабе, я отправлял к коменданту, т.к. ему нужны были офицеры для назначения цензорами и дежурными. По поручению Гл. комитета ходил в Ставку для ориентировки, а 30/VIII вместе с пр[апорщиком] Ивановым был у ген. Лукомского, чтобы получить сведения о происходящем, т.к. Гл. комитет был не в курсе событий. 30/VIII дежурил по Управлению генерал-квартирмейстера.

I Слова *«во время»* вписаны над строкой.

II Далее текст стерт и поставлен прочерк.

III Далее текст стерт и поставлен прочерк.

IV Далее зачеркнуто: *«офицеры»*.

О роли отдельных лиц.

Роли Львова, Савинкова и Филоненко мне известны только из речи и воззваний г. Корнилова и разговора с г. Лукомским, в котором он сказал, что эти лица вели переговоры с ген. Корниловым о преобразовании Вр. правительства и предлагали ген. Корнилову взять на себя это преобразование. Деятельность п. Сахарова и г. Аладьина мне совершенно не известна. О подп. Новосильцеве знаю, что он приехал 28/VIII из Москвы, был в этот день в Комитете и в Ставке, а 29-го уехал кого-то встречать в Оршу и, по слухам, был там арестован. Подп. Пронин был при ген. Корнилове, но его роль мне не известна. Благодаря нервному состоянию в дни 27/VIII — 1/IX я, быть может, перепутал сейчас дни, в которые протекали те или иные события, как равно многое могло улетучиться из памяти. Главное же я все изложил.

Показания свои я записал согласно желанию члена Следственной комиссии полк[овника] Украинцева и согласно поставленным им вопросам.

Вставлено:
1). На стр. 2 в строке 13 сверху слово «мне».
2). На стр. 4 в строке 11 снизу 2 слова «во время».
Зачеркнуто: на стр. 6 в строчках 1 и 2 снизу слово — «офицеры».
На стр. 6 выскоблено несколько слов, и строчки 2, 3 и 4 снизу нужно читать так: «приходили за справками офицеры приезжие или же наши местные».

Генерального штаба капитан РЯСНЯНСКИЙ
Член Комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 147–150 об. Автограф.

№ 57
Протокол допроса бывшего управляющего Военным и морским министерством Б.В. Савинкова

13–15 сентября 1917 г.

Протокол допроса свидетеля

1917 года, сентября 13–15 дня, в городе Петрограде, Чрезвычайная комиссия по делу генерала Корнилова и других допрашивала нижепоименованного, причем на предложенные ему вопросы заявил:

Я, бывший управляющий Военным и морским министерством Борис Викторович Савинков, 38 лет, православный, судился по политическим преступлениям. По делу показываю:

Еще в бытность мою комиссаром VIII[1] армии и затем комиссаром Юго-Западного фронта я, в особенности после Тарнопольского разгрома наших войск, пришел к убеждению, что для поднятия боевой способности армии, а следовательно, и для спасения страны необходима сильная революционная власть, осуществляемая Временным правительством. В конце июня я по обязанностям службы познакомился с генералом Корниловым, тогда командовавшим VIII армией, и из общения с ним убедился, что генерал Корнилов не только разделяет мой взгляд на необходимость твердой революционной власти, осуществляемой

[1] Цифра в тексте исправлена. Первоначально было: *«VII»*.

Временным правительством, но и является тем человеком, который, стоя близко к Временному правительству, сможет взять на себя всю тяжесть проведения решительных мер для поднятия боевой способности армии. Поэтому я взял на себя смелость рекомендовать его[I] особенному вниманию А.Ф. Керенского. В этом вопросе со мною был совершенно согласен занимавший тогда должность комиссара VIII армии М.М. Филоненко. На Юго-Западном фронте я познакомился также с г. Завойко, состоявшим ординарцем при генерале Корнилове. Г[осподин] Завойко тогда не внушал мне доверия. Мне казалось, что если генерал Корнилов совершенно чужд каких-либо политических планов и заботится лишь о поднятии боевой способности армии, то г. Завойко, быть может, руководится в своих действиях и другими соображениями. Поводом к недоверию послужил первоначальный, написанный г. Завойко, текст телеграммы генерала Корнилова о необходимости смертной казни на фронте. Текст этот был написан в таких ультимативных выражениях, что я счел нужным указать генералу Корнилову на полную их недопустимость, причем заметил, что если генерал Корнилов будет действовать в духе этих выражений, то мы неизбежно станем политическими врагами. В этом был со мною согласен и М.М. Филоненко. После моего указания первоначальный текст был разорван, и был составлен М.М. Филоненко, г. Завойко и мною новый — тот, который и появился в печати. Однако М.М. Филоненко и я этим удовлетвориться не могли. На следующий день мы потребовали у генерала Корнилова, чтобы г. Завойко был удален из Ставки главкоюза. Генерал Корнилов наше требование удовлетворил, и г. Завойко выехал из Каменец-Подольска.

15 июля я получил от[II] А.Ф. Керенского приказание выехать в Могилев, где 16-го должно было состояться совещание в Ставке. Я был допущен на это совещание и по окончании его получил приказание ехать вместе с А.Ф. Керенским в Петроград. Вместе со мною поехал и М.М. Филоненко. По дороге, в вагоне, я узнал от А.Ф. Керенского, что я вызван им с Ю[го]-З[ападного] фронта ввиду формирования нового кабинета. В вагоне же намечался новый состав этого кабинета, построенного на принципе утверждения сильной революционной власти. В предполагаемый кабинет должны были войти Г.В. Плеханов и Е.К. Брешковская, имена же г. Чернова, Н.Д. Авксентьева и М.И. Скобелева не упоминались. Однако намеченная А.Ф. Керенским в вагоне комбинация по приезде в Петроград не осуществилась. Вопрос о твердой революционной власти остался открытым, но генерал Корнилов был назначен главковерхом, М.М. Филоненко — комиссар-верхом и я — упровоенмином[III]. Это давало мне надежду, что А.Ф. Керенский в будущем станет на ту точку зрения, которую защищали генерал Корнилов и я.

28 июля я вступил в должность управляющего Военным министерством, а 31-го М.М. Филоненко сперва телеграммой, а потом по аппарату Юза известил меня, что по его сведениям в Ставке готовится заговор и что одним из участников его является генерал-майор Тихменев, которого он просил немедленно вызвать в Петроград под предлогом беседы о железнодорожных перевозках (телеграмму[111] и юзограмму прилагаю[112]). Однако генерал Тихменев в Петроград вызван не был, ибо за него поручился начальник Каб[инета] воен[ного] мин[истра] полковник Барановский. На основании доклада того же полковника Барановского о вышеназванных телеграмме и юзограмме М.М. Филоненки[IV]

I Слово *«его»* впечатано над строкой.

II Предлог *«от»* впечатан над строкой.

III Так в тексте.

IV Так в тексте.

А.Ф. Керенский значения им не придал, М.М. Филоненку распорядился отставить от должности за то, что он, по сообщению М.И. Терещенки, только что вернувшегося из Могилева, не сумел создать добрых отношений с чинами Штаба[I] Ставки. По моему ходатайству М.М. Филоненко был, однако, оставлен в занимаемой им должности, но был вызван в Петроград, где А.Ф. Керенский сделал ему выговор за «вмешательство не в свои дела» и, в частности, за неумение установить добрые отношения с генералом Лукомским, за которого ручался полковник Барановский и который, по словам А.Ф. Керенского, показал себя не только прекрасным генералом, но и верным слугой Временного правительства. Инструкция А.Ф. Керенского связала М.М. Филоненку и отчасти меня в деле ликвидации заговора в Ставке, но в ближайшие дни я все же по собственной инициативе приказал начальнику контрразведки Н.Д. Миронову учредить наблюдение за г. Завойко и за г. Аладьиным, о чем и доложил впоследствии А.Ф. Керенскому и возражений с его стороны не встретил. Я отдал это приказание потому, что г. Завойко, не внушавший мне доверия, как я уже сказал выше, и еще на Юзфронте[II], явившись в Петроград, обратился ко мне с просьбой дать место в Военном министерстве некоему Кюрцу. Кюрц же, по сведениям контрразведки, подозревался в германском шпионаже, и еще потому, что г. Аладьин явился ко мне в Военное министерство с заявлением, что он послан английскими политическими деятелями для «осведомления» их о русских делах. Наблюдение выяснило, что г. Аладьин по приезде из Англии остановился на квартире у г. Завойки.

3 августа в Петроград приехал генерал Корнилов с проектом докладной записки, изготовленной в Штабе Ставки и касавшейся мероприятий в тылу, необходимых для поднятия боевой способности армии. Так как Военным ведомством уже собирались тогда, по моему приказанию, материалы для таковой же докладной записки, я просил генерала Корнилова в заседании Временного правительства ограничиться лишь сообщением о состоянии армии и не касаться тех заключений, которые из этого состояния вытекают. Я просил также генерала Корнилова передать мне привезенную им докладную записку, которая должна была войти как составная часть в предположенную мною докладную записку. Генерал Корнилов исполнил обе мои просьбы и закончил свое сообщение во Временном правительстве обещанием приехать в Петроград еще раз для обсуждения необходимых мероприятий. Во время заседания Временного правительства я послал А.Ф. Керенскому записку приблизительно следующего содержания: «Уверен ли министр-председатель, что сообщаемые генералом Корниловым государственные и союзные тайны не станут известны противнику в товарищеском порядке». Об этом же на словах, сколько мне известно, запросил А.Ф. Керенского и М.И. Терещенко. Кроме того, по окончании заседания я сказал генералу Корнилову, что я, к сожалению, не уверен, что все сказанное во Временном правительстве останется тайной. Я, разумеется, не имел в виду обвинять кого-либо из министров в сношениях с противником, но я знал, что некоторые члены Временного правительства находятся в постоянном и товарищеском общении с членами Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, среди коих, по сведениям контрразведки, имелись лица, заподозренные в сношениях с противником. Помимо этого, мне было известно, что на заседание Исп[олнительного] ком[итета] СР и СД был однажды приглашен офицер австрийской службы Отто Бауер.

[I] Слово *«Штаба»* впечатано над строкой.

[II] Юзфронт — Юго-Западный фронт.

По отъезде генерала Корнилова я приказал М.М. Филоненке на основании уже собранных материалов изготовить докладную записку о поднятии боевой способности армии. Эта докладная записка, помимо законопроектов о комитетах и комиссарах, содержала в себе еще и законопроект: 1) о введении военно-революционных судов в тылу; 2) о возвращении дисциплинарной власти начальникам; 3) о милитаризации железных дорог и 4) о милитаризации предприятий, работающих на оборону. О том, что такая докладная записка изготовляется Военным ведомством, А.Ф. Керенский несколько раз был поставлен мною в известность, причем я несколько раз излагал ему сущность ее, подчеркивая особенно законопроект о военно-революционных судах, которому придавал решающее значение. А.Ф. Керенский не высказывал своего отношения к предлагаемым мною мерам до 8 августа, когда в доме воен[ного] мин[истра] он мне категорически заявил, что он ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах такой докладной записки не подпишет. После этого его заявления я сказал, что в таком случае докладную записку во Временное правительство представит генерал Корнилов, и подал в отставку. Отставка моя не была принята. Я продолжал заниматься текущими делами, но на доклады к А.Ф. Керенскому не являлся.

9-го я по аппарату Юза говорил с генералом Корниловым. Я узнал от него, что он колеблется приехать в Петроград 10-го, ибо, по его мнению, изменившаяся стратегическая обстановка требовала его присутствия в Ставке. Я настойчиво просил его приехать в Петроград, и о том же по аппарату Юза просил его М.М. Филоненко. Мы указывали на то, что обсуждение докладной записки во Временном правительстве имеет первостепенное государственное значение и что в отсутствие генерала Корнилова я едва ли смогу защитить с успехом содержащиеся в ней законопроекты. Я вызвал генерала Корнилова в Петроград в убеждении, что действую в полном согласии с А.Ф. Керенским, ибо: 1) 3 августа генерал Корнилов предупредил, что приедет в Петроград для обсуждения докладной записки, и заявление его не встретило возражений со стороны А.Ф. Керенского; 2) 7 августа генерал Корнилов телеграфировал о том же А.Ф. Керенскому и возражений не встретил и 3) я доложил 8 августа А.Ф. Керенскому о том же и возражений не встретил. То обстоятельство, что 9-го А.Ф. Керенский послал генералу Корнилову телеграмму, не заставшую уже генерала Корнилова в Ставке, с указанием, что приезд его в Петроград не необходим, мне известно не было. Об этом мне не сообщил ни А.Ф. Керенский, ни М.И. Терещенко, по всей вероятности, знавший о телеграмме и видавшийся со мною 9-го ночью и 10-го на вокзале в ожидании поезда генерала Корнилова.

10-го приехал в Петроград генерал Корнилов. Прямо с вокзала он в сопровождении М.И. Терещенко проехал к А.Ф. Керенскому, причем М.И. Терещенко мне заявил, что я в Зимний дворец не приглашен. Около 7 часов ко мне в дом военного министра прибыл генерал Корнилов, и между нами состоялась беседа, приблизительный текст которой при сем прилагаю[113]. В конце этой беседы генерал Корнилов подписал «докладную записку» и приказал моему адъютанту штабс-ротмистру Мироновичу протелефонировать к А.Ф. Керенскому и М.И. Терещенке с просьбой созвать на девять часов членов Временного правительства на предмет обсуждения «докладной записки». В девять часов я приехал в Зимний дворец на это предполагаемое заседание Временного правительства, но в Зимнем дворце узнал, что заседания не будет и что «докладная записка» рассматривается в совещании, на котором присутствуют лишь генерал Корнилов, А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов и М.И. Терещенко. Я приказал о себе доложить, но допущен на совещание я не был.

11-го А.Ф. Керенский принял мою отставку, но указа о ней не подписал. 12-го А.Ф. Керенский уехал на Московское совещание, и 12-го же вечером ко мне явились товарищ министра генерал Якубович и полковник Туманов. Они дали мне понять, что А.Ф. Керенский хотел бы снова видеть меня управоенмином, но под условием отставки М.М. Филоненки. Так как за М.М. Филоненкой я не знал никакой вины и так как к нему не предъявлялось А.Ф. Керенским никакого обвинения, то я ответил, что на отставку М.М. Филоненки, моего подчиненного, которому я верю и которого уважаю, я согласиться не могу. С этим моим ответом К.Н. Туманов выехал в Москву к А.Ф. Керенскому и через сутки вернулся с подтверждением требования отставки М.М. Филоненки. Я был уверен, что мне придется покинуть Военное министерство, но А.Ф. Керенский, вернувшись 17 августа из Москвы, вызвал меня в Зимний дворец и сказал, что принципиально согласен с точкой зрения «докладной записки». На отставке М.М. Филоненки он не настаивал более. Эти обстоятельства позволили мне вернуться к управлению делами Военного ведомства.

Того же 17 августа А.Ф. Керенский приказал заготовить законопроект о мероприятиях в тылу. Во исполнение этого приказания мною была образована комиссия для разработки этого законопроекта под председательством генерала Апушкина и с представителем от Министерства юстиции.

19 августа А.Ф. Керенский приказал возможно скорее выехать в Ставку: 1) для того, чтобы по возможности ликвидировать Союз офицеров, ибо, по имевшимся сведениям, некоторые члены Союза офицеров участвовали в заговоре; 2) для того, чтобы по возможности ликвидировать Политический отдел при Ставке из тех же соображений; 3) для того, чтобы убедить генерала Корнилова в необходимости, при подчинении Петроградского военного округа в целях стратегических главковерху, выделить из этого округа Петроград с ближайшими окрестностями, причем Петроград объявлялся на военном положении и 4) для того, чтобы испросить у генерала Корнилова конный корпус для реального осуществления военного положения в Петрограде и для защиты Временного правительства от каких бы то ни было посягательств, в частности от посягательства большевиков, выступление которых уже имело место 3–5 июля и, по данным иностранной контрразведки, готовилось снова в связи с германским десантом и восстанием в Финляндии.

Тогда же я известил М.М. Филоненку о приказании А.Ф. Керенского принять меры против Союза офицеров и Политического отдела при Ставке и имел с ним 20-го беседу по этому поводу по аппарату Юза, каковую прилагаю[114].

24 августа в Ставке должно было состояться Совещание комиссаров и представителей войсковых организаций для заслушания[1] положений о комиссарах и комитетах. Я выехал в Ставку 22-го с таким расчетом, чтобы быть в ней 23-го, на день раньше упомянутого совещания, дабы иметь время переговорить с генералом Корниловым[115] и с М.М. Филоненкой о данных мне поручениях. С вокзала, где я был встречен М.М. Филоненкой и генералом Лукомским, я проехал к генералу Корнилову и имел с ним беседу, приблизительный текст которой прилагаю. Я должен отметить, что вместе со мною в Ставку выехал полковник Барановский с неизвестным мне поручением и что кроме нескольких комиссаров и моего адъютанта меня сопровождал, по моему приказанию, начальник контрразведки Н.Д. Миронов.

Вечером у меня состоялась вторая беседа с генералом Корниловым в присутствии генерала Лукомского, генерала Романовского, полковника Барановского

[1] Так в тексте.

и М.М. Филоненки, приблизительное содержание которой прилагаю, а также и приблизительное содержание третьей беседы, имевшей место 24-го в полдень, без свидетелей[116].

24-го в 3 часа я выехал обратно в Петроград, условившись с генералом Корниловым, что военное положение будет объявлено в Петрограде лишь тогда, когда конный корпус сосредоточится в его окрестностях, о чем генерал Корнилов должен был меня своевременно предупредить по телеграфу. Я уехал в убеждении, что поручения, данные мне А.Ф. Керенским, мною выполнены, ибо: 1) Политический отдел при Ставке ставился отныне под контроль М.М. Филоненки, что было им условлено с генералом Корниловым до моего приезда; 2) Союз офицеров, который было невозможно закрыть как потому, что в заговоре подозревались лишь отдельные его члены, а не весь Союз в целом, так и потому, что существование его было не менее законным, чем существование любого союза или общества, в сущности, ликвидировался переездом его в Москву, что лишало его технических средств Штаба, и это было тоже условлено между М.М. Филоненко и генералом Корниловым еще до моего приезда в Ставку; 3) генерал Корнилов согласился на выделение из Петроградского военного округа города Петрограда и 4) генерал Корнилов согласился на посылку конного корпуса в распоряжение Временного правительства, причем обещал не назначать командиром этого корпуса генерала Крымова и заменить Туземную дивизию регулярной кавалерийской дивизией. Кроме того, я был удовлетворен заявлением генерала Корнилова о готовности его всемерно поддерживать А.Ф. Керенского.

Несмотря на это, общее настроение Ставки показалось мне напряженным, и поэтому, когда на обратном пути, в вагоне, комиссар VIII армии Вендзягольский заговорил со мною о возможности заговорщических попыток со стороны Штаба Ставки, я не удивился и на его предложение в этом случае немедленно предоставить в распоряжение Временного правительства всю VIII, хорошо ему известную армию ответил благодарностью и обещанием в случае нужды послать ему телеграмму. Телеграмму эту я послал Вендзягольскому 27-го, доложив предварительно об этом моем разговоре А.Ф. Керенскому.

Вернувшись 25-го в Петроград, я доложил о результатах моей поездки А.Ф. Керенскому и затем, по требованию министра путей сообщения Юренева, Временному правительству. 25-го же я дважды в присутствии князя Туманова, генерала Якубовича и полковника Барановского представлял А.Ф. Керенскому на подпись приготовленный по его приказанию и представленный мною для ознакомления генералу Корнилову законопроект о мероприятиях в тылу[1], и дважды А.Ф. Керенский отказывался его подписать. 26-го я снова дважды в присутствии тех же лиц представлял его А.Ф. Керенскому, и снова дважды он отстранял его. А.Ф. Керенский дал обещание внести его во Временное правительство лишь после того, как, оставшись с ним наедине, я умолял его не отвергать этот законопроект, по его же приказанию изготовленный и, по моему глубокому убеждению, единственно спасительный для страны.

Вечером я явился на заседание Временного правительства в уверенности, что будет обсуждаться указанный выше законопроект. В зале заседания ко мне подошел гос[ударственный] контр[олер] Кокошкин и спросил меня, правда ли, что А.Ф. Керенский занят разговором по аппарату Юза с генералом Корниловым по вопросу о каком-то выступлении Корнилова. Я не знал об этом и с тем же вопросом обратился к Н.В. Некрасову, который тоже не знал ничего. Вскоре после этого я из зала заседания был вызван А.Ф. Керенским и нашел его в

[1] Так в тексте.

кабинете вместе с гг. Вырубовым и Балавинским. В присутствии их А.Ф. Керенский показал мне «ультиматум» Львова и ленту своего разговора с генералом Корниловым и спросил мое мнение. Я ответил, что правительство обязано исчерпать все средства для мирной и без огласки ликвидации конфликта, ибо противоположное может повести к крайне тягостным осложнениям. Того же мнения были гг. Вырубов и Балавинский, но А.Ф. Керенский не согласился со мною. Я должен сказать, что В.Н. Львова я почти не знал, о его разговорах с А.Ф. Керенским тоже не знал, о его поездке в Ставку тоже не знал, и его «ультиматум» был для меня полною неожиданностью. В равной степени я не знал и о посылке А.Ф. Керенским генералу Корнилову телеграммы об отставке.

Узнав об «ультиматуме» В.Н. Львова[117], я, с разрешения А.Ф. Керенского, имел беседу по аппарату Юза с М.М. Филоненкой, текст которой прилагаю[I]. В беседе этой я не усмотрел, да и не мог усмотреть того смысла, на который указывает генерал Корнилов в юзограмме от 27 августа. В пояснение скажу, что мои слова о приезде А.Ф. Керенского и моем не соответствовали истине. Говоря их, я руководствовался указанием А.Ф. Керенского о том, что генерала Корнилова надо оставить в убеждении, что мы оба приедем в Ставку. Так как, беседуя по аппарату Юза, никогда нельзя быть уверенным в сохранении тайны, то я и не мог сообщить М.М. Филоненке о точке зрения А.Ф. Керенского на «ультиматум» В.Н. Львова. Из слов М.М. Филоненки я заключил, что он об этом «ультиматуме» ничего не знает, юзограмму же доложил А.Ф. Керенскому, и она, как и юзограммы моих разговоров с генералом Корниловым, М.М. Филоненкой и Г.С. Фонвизиным 27 августа в присутствии К.Н. Туманова, генерала Якубовича, П.И. Пальчинского, В.А. Маклакова и других, была оглашена во Временном правительстве, и ни с чьей стороны никаких ни возражений, ни замечаний не последовало.

Если от беседы М.М. Филоненко у меня осталось впечатление, что ему ничего не известно об «ультиматуме» В.Н. Львова, то от беседы с генералом Корниловым по аппарату Юза 27 августа[II] у меня окрепла уверенность, что в основе «ультиматума» лежит недоразумение и что его необходимо во что бы то ни стало исчерпать. Едва ли я ошибусь, если скажу, что мнение это разделялось не только В.А. Маклаковым, но и всеми присутствовавшими. Поэтому я из аппаратной послал адъютанта в Зимний дворец с просьбой повременить с опубликованием дела генерала Корнилова.

Вернувшись около 8 часов в Зимний дворец, я застал там Н.В. Некрасова, который в резкой форме заметил мне, что из-за моей просьбы повременить с опубликованием дела генерала Корнилова Временное правительство «уже опоздало». Замечания этого я не понял и, отыскав А.Ф. Керенского, снова настойчиво просил его попробовать исчерпать недоразумение и вступить с генералом Корниловым в переговоры. А.Ф. Керенский и на этот раз не согласился со мной, сказав мне приблизительно следующее: «Уж если вы колеблетесь, значит, надо сдаваться и отдать город Корнилову». Это было сказано так, что мне показалось, что А.Ф. Керенский подозревает меня в сочувствии выступлению генерала Корнилова. Мне не известно, убеждал ли В.А. Маклаков А.Ф. Керенского начать переговоры с генералом Корниловым, но я знаю, что он хотел говорить с А.Ф. Керенским об этом.

[I] Запись разговора по прямому проводу Б.В. Савинкова и М.М. Филоненко с 1 до 4 часов утра 27 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 97–100.

[II] Запись разговора по прямому проводу Б.В. Савинкова и Маклакова с Л.Г. Корниловым 27 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 87–88. (См. приложение № 2 — т. 2).

Ввиду того, что я исчерпал все доступные мне средства убеждения А.Ф. Керенского, и ввиду того, что я, как военнослужащий, считал своим долгом беспрекословное подчинение начальству, даже если я не вполне согласен с ним, я принял в ту же ночь поручение, возложенное на меня А.Ф. Керенским, а именно: оборонять Петроград от генерала Корнилова в качестве военного генерал-губернатора города Петрограда.

В 4 часа утра[I] 28-го я из Штаба округа, где находился с момента моего назначения, вернулся в Зимний дворец по вызову А.Ф. Керенского и нашел там генерала Алексеева, г. Вырубова и М.И. Терещенко. Мы все четверо были согласны, что «ультиматум» В.Н. Львова не более как недоразумение. Но тогда уже, если не ошибаюсь, было известно, что генерал Корнилов отказался сдать должность, задержал М.М. Филоненку и двинул в авангарде конного корпуса Туземную дивизию, а командиром корпуса назначил генерала Крымова, т.е. не исполнил данных мне обещаний. При этом положении дел уже невозможно было вступать с генералом Корниловым в переговоры.

Вступив в должность военного генерал-губернатора гор. Петрограда, я 28 августа ознакомился с планом обороны, составленным начальником штаба округа полковником Багратуни. Не считая себя компетентным в вопросах стратегических, но желая убедиться в правильности этого плана, я воспользовался предложением бывшего начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала Алексеева и попросил его высказать свое мнение о плане полковника Багратуни. Генерал Алексеев план этот одобрил, подчеркнув, что главную опасность для Петрограда видит в возможности движения конного корпуса на Николаевскую жел[езную] дор[огу], ибо в этом случае Петроград будет отрезан в смысле продовольствия от остальной России, хлеба же в Петрограде было всего на три дня. Принимая во внимание это указание, я немедленно распорядился доставить в Петроград возможно большее количество продовольствия из запасных магазинов Северного фронта, т.е. со станций Рыбинск и Бологое. Для наблюдения на месте за выполнением плана полковника Багратуни в Царское Село того же 28 выехал и.д. командующего войсками[II] Петроградского военного округа капитан Козьмин, но выполнение это было поневоле затруднено как несовершенством технического аппарата штаба округа, так и недисциплинированностью частей Петроградского гарнизона, так, наконец, и тем обстоятельством, что на месте приказания отдавались разными лицами и что распоряжения военных властей обсуждались людьми безответственными, так, напр[имер], бывшим министром земледелия. Кроме капитана Козьмина в Царское Село выехал назначенный мною начальником штаба левой группы войск, хорошо мне известный по Юзфронту штабс-капитан Геймовский.

28-го ночью приехал из Ставки освобожденный генералом Корниловым М.М. Филоненко и, после доклада в штабе округа А.Ф. Керенскому, был назначен моим помощником по военной части. Я был весьма доволен приездом М.М. Филоненки, ибо знал его за энергичного, доблестного и знающего офицера. М.М. Филоненко тоже выехал в Царское Село и там принял ряд мер для обороны Петрограда. Между прочим, по его инициативе был послан отряд пехоты с пулеметами на ст. Тосно для защиты ее от возможного движения корниловских войск, а также был сформирован в Новгороде конный отряд из 5000 сабель для похода на ст. Дно, чтобы отрезать корниловские войска от их базы.

I Слово *«утра»* впечатано над строкой.

II Слово *«войсками»* впечатано над строкой.

Начальником штаба этого отряда я назначил хорошо мне известного по Юзфронту штабс-ротмистра Кузьмина-Караваева.

Предоставив оборону Петрограда в тесном[1] смысле этого слова полковнику Багратуни, капитану Козьмину, штабс-капитану Геймовскому и М.М. Филоненке, я сосредоточил свое внимание на мероприятиях административных. Но я должен отметить, что уже 29 августа утром А.Ф. Керенский призвал меня в Зимний дворец и объявил мне, что М.М. Филоненко им арестован, в ответ на что я просил немедленно арестовать и меня. А.Ф. Керенский пояснил тогда, что М.М. Филоненко не арестован, но что к нему предъявляются обвинения. Я попросил допросить М.М. Филоненку в моем присутствии и в присутствии его обвинителей. Таковыми явились полковник Багратуни, от обвинения, однако, отказавшийся, и В.И. Лебедев, заявивший, что слышал, что я 28-го ночью беседовал с М.М. Филоненкой о разговоре М.М. Филоненки с генералом Корниловым о директории. Этот разговор и ставился М.М. Филоненке в вину, и он же послужил поводом к намерению А.Ф. Керенского его арестовать. Но так как, по заявлению М.М. Филоненки, в разговоре этом шла речь о директории в составе Временного правительства и возглавленной А.Ф. Керенским, т.е. о той форме правления, за которую неоднократно высказывался не только я, но и М.И. Терещенко, и Н.В. Некрасов, и сам А.Ф. Керенский, и которая ныне осуществлена, хотя и в другом персональном виде, то состава преступления А.Ф. Керенский в этом разговоре М.М. Филоненки с генералом Корниловым не нашел, М.М. Филоненку не арестовал и даже не отрешил от должности. Что же касается В.И. Лебедева, то он в тот же день вышел в отставку.

Работая в Штабе округа, я не имел возможности посещать заседания Временного правительства, происходившие в Зимнем дворце, но А.Ф. Керенский поставил меня 28-го в известность, что в формируемом заново кабинете мне предоставляется на выбор портфель военного министра или министра внутренних дел. От портфеля министра внутренних дел я отказался, но полагал, что участие мое в новом кабинете предрешено. Тем большею неожиданностью явилась для меня отставка моя от должности управляющего Военным и Морским министерствами (упр[авляющим] Мор[ским] мин[истерством] я был назначен 20.VIII), переданная мне А.Ф. Керенским по телефону и мотивированная тем, что генерал Алексеев желает, чтобы военным и морским министрами были назначены чины военного и морского ведомства. Вечером 30-го я просил А.Ф. Керенского освободить меня от всех занимаемых мною должностей, мотивируя это тем, что назначение генерала Верховского и адмирала Вердеревского знаменует поворот государственной политики в ту сторону, которой я сочувствовать не могу. А.Ф. Керенский принял мою отставку и не назначил меня в распоряжение Временного правительства. Обстоятельства моей отставки породили разнообразные слухи.

Определенных сведений о заговоре в Ставке я не имел. Я имел указания М.М. Филоненки, донесения помощника комиссара Юзфронта Гобечии, и, кроме того, мне было известно, что А.Ф. Керенский имеет еще другие указания о заговоре. Существование заговора мне подтвердил и начальник контрразведки Н.Д. Миронов. Членами заговора назывались: г. Завойко, Аладьин, ген. Лукомский, ген. Тихменев, ген. Кисляков, рот[мистр] кн. Кропоткин, подполковник Пронин, полковник Сахаров, полковник Плющевский-Плющик, ген. Деникин.

---

[1] Так в тексте.

Я должен сказать, что с 10 августа отношения между генералом Корниловым и А.Ф. Керенским становились все более и более напряженными. А.Ф. Керенский подозревал генерала Корнилова в диктаторских замыслах, а генерал Корнилов подозревал А.Ф. Керенского в нерешительности и слабости. Обстоятельства приезда генерала Корнилова в Москву усилили подозрительность А.Ф. Керенского, желание же А.Ф. Керенского отрешить генерала Корнилова от должности, ставшее известным генералу Корнилову, оскорбило генерала Корнилова. А.Ф. Керенский поставил в вину генералу Корнилову назначение генерала Деникина главкоюзом и намерение назначить ген. Лечицкого главкосевом, ген. же Корнилов поставил в вину А.Ф. Керенскому некоторую противоречивость иных из его по этому поводу распоряжений. Хотя я и был свидетелем этой все нараставшей напряженности отношений, я все же не терял надежды, что А.Ф. Керенский и генерал Корнилов смогут, работая вместе, осуществить твердую революционную власть, и по мере моих сил, совместно с М.М. Филоненкой, пытался сблизить А.Ф. Керенского с генералом Корниловым. Зная генерала Корнилова, я должен сказать, что я не сомневаюсь, что он участия в заговоре не принимал. О генерале Корнилове я думал и думаю, что он доблестный генерал, беззаветно любящий родину, чуждый политике и достойный всякого уважения. Выступление его, по моему убеждению, вызвано недоразумением и стечением всевозможных неблагоприятных обстоятельств. Известную роль в выступлении этом сыграли и лица, принимавшие участие в заговоре и сознательно толкавшие генерала Корнилова на противоправительственный путь.

М.М. Филоненку я знаю за честного и преданного Временному правительству работника, искреннего республиканца и доблестного офицера.

Приложение[I]:
1). Телеграмма М.М. Филоненки о заговоре в Ставке.
2). Юзограмма о том же.
3). Разговор с ген. Корниловым 10 августа.
4). Юзограмма разговора с М.М. Филоненкой 20 августа.
5). Разговор с ген. Корниловым 23 августа в 3 ч. дня.
6). Разговор с ген. Корниловым 23 августа вечером.
7). Разговор с ген. Корниловым 24 августа.
8). Юзограмма разговора с М.М. Филоненкой 27 августа.
9). Юзограмма разговора с ген. Корниловым 27 августа.
10). Вторая юзограмма разговора с ген. Корниловым 27 августа[II].
11). Юзограмма разговора с М.М. Филоненкой и Г.С. Фонвизиным 27 августа

Б. САВИНКОВ
15 сентября 1917 года. Петроград
Председатель Ком[иссии] ШАБЛОВСКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 37–45 об. Подлинник. Машинопись; Д. 9. Л. 1–9 об. Копия. Машинопись.

[I] Приложения к протоколу допроса Б.В. Савинкова от 13–15 сентября находятся в деле 28, после показания Б.В. Савинкова от 20 сентября (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 74–110). Отсылки к приложениям см. ранее в примечаниях и комментариях.

[II] Запись разговора Савинкова с Корниловым 27 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 101–102.

№ 58
Показание бывшего управляющего Военным и Морским министерствами Б.В. Савинкова

18–19 сентября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года сентября 18–19 дня, в гор. Петрограде Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о генерале Корнилове и др. допрашивала нижепоименованного, который на предложенные ему вопросы заявил:

Я, бывший управляющий Военным и Морским министерствами Борис Викторович Савинков, дополнительно показываю:

1. По вопросу о комментариях к условным разговорам по аппарату Юза.

В разговоре с М.М. Филоненкой 31 июля его слова о ген. Тихменеве были поняты мною так, что ген. Тихменев высказывался в том смысле, что члены Временного правительства заслуживают смертной казни через повешение и что он, Тихменев, готов сделать все от себя зависящее, чтобы таковая смертная казнь состоялась. Слова «через Пекин в Париж» и т.д. были поняты мною так, что войска передвигаются по приказанию Ставки с востока на запад. Слова о «груше» и о «созревшем фрукте» и т.д. были поняты мною в том смысле, что М.М. Филоненко не хочет ликвидировать заговора без достаточных данных, но боится вместе с тем, что промедление может способствовать успеху заговорщиков. В разговоре с М.М. Филоненкой 27 августа слова его, начиная с «мне кажется, что высоты» и кончая «что еще прикажете», были поняты мною не вполне ясно, не во всех подробностях и в том смысле, что М.М. Филоненко в беседе с ген. Корниловым и, быть может, с ген. Лукомским с большим трудом убедил ген. Корнилова в том, в чем убеждал его, ген. Корнилова, 23 и 24 августа я, т.е. что никакое правительство немыслимо без А.Ф. Керенского и что необходимо теснейшее единение между А.Ф. Керенским и ген. Корниловым. Кроме того, слова М.М. Филоненки были поняты мною еще и в том смысле, что по имеющимся у него сведениям в Ставку съехались главнокомандующие фронтами.

2. По вопросу, известно ли мне, что заседания Исп[олнительного] ком[итета] СР и СД бывают публичные и закрытые, и если известно, то на каком именно заседании присутствовал Отто Бауэр?

Мне неизвестно, какие бывают заседания Исп[олнительного] ком[итета] СР и СД и на каком именно из них присутствовал Отто Бауэр, но факт присутствия австрийской службы офицера даже и на публичном заседании Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов свидетельствует о товарищеском общении членов Исп[олнительного] ком[итета] СР и СД с подданными воюющих с Россией держав.

3. По вопросу о деятельности контрразведки в области политического розыска.

Политическим розыском в прямом значении этого слова контрразведка не занималась, но ввиду того, что некоторые лица, подозревавшиеся в противоправительственной деятельности, одновременно подозревались в сношениях с противником, точного разграничения между политическим розыском и наблюдением за германским шпионажем во многих случаях сделать было невозможно. Так, напр[имер], гг. Ленин и Зиновьев привлекались по делу о вооруженном выступлении 3–5 июля, и в то же время о них было известно, что они из Швейцарии проехали в Россию через Германию, для каковой цели вошли в

сношение с противником. Так, напр[имер], г. Завойко подозревался в участии в заговоре, и в то же время на него мною было обращено внимание ввиду его добрых отношений с г. Кюрцем, высланным в г. Рыбинск по подозрению в германском шпионаже.

4. По вопросу о роли «безответственных советчиков».

Мне пришлось убедиться, что Н.В. Некрасов и М.И. Терещенко с ведома А.Ф. Керенского вмешиваются в дела военного ведомства. Так, Н.В. Некрасов 29 августа предлагал арестовать М.М. Филоненку. Так, М.И. Терещенко высказывал 10 августа свои соображения ген. Корнилову по вопросу о комиссарах и комитетах <и по вопросу об отдании чести>[1]. Он же, М.И. Терещенко, советовал 31 июля А.Ф. Керенскому отстранить М.М. Филоненку от должности, а 28 августа не назначать его помощником военного генерал-губернатора. Кроме того, мне пришлось убедиться, что А.Ф. Керенскому по делам государственным подают свои советы лица, не принадлежащие к составу Временного правительства. Так, по вопросу о формировании министерства высказывались полк. Барановский, флаг-капитан Муравьев, а также, насколько мне известно, А.Р. Гоц и В.М. Зензинов, а по вопросу об «ультиматуме» В.Н. Львова — гг. Вырубов и Балавинский. Кроме того, полк. Барановский высказывался неоднократно по вопросу о назначениях и смещениях лиц высшего командного состава, в частности, еще в начале августа, о смещении ген. Корнилова и о назначении Верховным главнокомандующим А.Ф. Керенского. Кроме того, доклады по Военному ведомству, несмотря на мои возражения, мне не раз приходилось делать в присутствии моих подчиненных — адъютантов А.Ф. Керенского. В.А. Маклакова я видел в Зимнем дворце только однажды — в день «ультиматума» В.Н. Львова.

5. По вопросу о том, кем составлялся в 20-х числах июля список членов Временного правительства.

Список членов Временного правительства в 20-х числах июля составлялся в поезде между Могилевом и Петроградом и потом в Царском Селе А.Ф. Керенским, М.И. Терещенко, Н.В. Некрасовым, мною, полк. Барановским и флаг-капитаном Муравьевым, и был изменен впоследствии в Петрограде, насколько мне известно, после разговора А.Ф. Керенского с Н.Д. Авксентьевым, А.Р. Гоцом, В.М. Зензиновым и И.Г. Церетели. Список этот мною ген. Корнилову сообщен не был.

Подписал Б. САВИНКОВ.
18 сентября 1917 г.

Стр. 2, 8 стр[ока] снизу вставлены слова: «и по вопросу об отдании чести». Б. Савинков.

Члены Комиссии: Н. КОЛОКОЛОВ
М. ГОЛЬДМАН-ЛИБЕР
В. КРОХМАЛЬ
полковник УКРАИНЦЕВ
полковник РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 46–47. Автограф; Д. 9. Л. 10–11. Копия. Машинопись.

[1] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

№ 59
Показание бывшего управляющего Военным и морским ведомством Б.В. Савинкова

20 сентября 1917 г.

Протокол

20 сентября 1917 г. в г. Петрограде Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о ген. Корнилове и др. дополнительно допрашивала нижепоименованного, и он показал:

Борис Викторович Савинков.

По поводу представленного мне протокола о моем пребывании в Могилеве 23 и 24 августа (в протоколе ошибочно помечено 24 и 25 августа), подписанного ген. Корниловым, Лукомским и Романовским, показываю:

Протокол этот в общем верен, хотя в нем и есть редакционные неточности (так, напр[имер], я не говорил о «требованиях» генерала Корнилова, а говорил о «предложениях») и хотя в нем опущена моя просьба, обращенная к ген. Корнилову, заменить Туземную дивизию регулярной кавалерийской. Кроме того, моим словам о СР и СД придан несколько не тот оттенок, который я им придавал, ибо я просил конный корпус в распоряжение Временного правительства для защиты Временного правительства от каких бы то ни было посягательств, а в том числе, значит, и от посягательств членов СР и СД, если бы такие посягательства имели место в связи с объявлением Петрограда на военном положении или по какому-либо другому поводу.

Полк. Барановский принимал участие в разговоре 24 августа вечером и высказывался за решительные меры, но произнес ли он приписываемую ему фразу, не помню.

На заданный мне вопрос о СР и СД в связи с просьбой прислать в распоряжение Временного правительства конный корпус повторяю, что этот конный корпус должен был защищать Временное правительство от каких бы то ни было посягательств, откуда бы они ни шли, а значит, и от посягательств членов СР и СД, если бы отдельные члены СР и СД или весь СР и СД выступили как вооруженная сила на поддержку большевиков, восстание которых по имевшимся в Военном министерстве данным готовилось на конец августа или начало сентября. Этот же конный корпус должен был служить гарантией осуществления военного положения в Петрограде, ибо на части Петроградского гарнизона, ввиду их недисциплинированности, Временное правительство не могло вполне положиться.

На заданный мне вопрос о ген. Крымове отвечаю, что сведений о его участии в заговоре у меня не имелось. Я знал лишь, по слухам, что ген. Крымова нельзя считать искренним республиканцем. Только это обстоятельство побудило меня просить ген. Корнилова не назначать командиром конного корпуса ген. Крымова.

На заданный мне вопрос о распоряжениях министра-председателя в то время, как я занимал должность петроградского военного генерал-губернатора, отвечаю, что распоряжения по г. Петрограду делались министром-председателем, несмотря на мои неоднократные просьбы, без совещания со мной и даже без моего ведома, чем создавалось своего рода двоевластие. Так, я не знал о закрытии газет «Новое время»[118], об обыске в гостинице «Астория»[119] и др.

На заданный мне вопрос о приказании М.М. Филоненко рыть в окрестностях Петрограда окопы отвечаю, что такое приказание было сделано с моего ведо-

ма, ибо из донесений посланных мною в окрестности Петрограда шт[абс]-кап[итана] Геймовского и шт[абс]-ротм[истра] Кузьмина-Караваева мне было известно, что первая линия обороны недостаточно сильна, что в сторожевом охранении поставлены тракторные орудия, что связи между заставами нет, что настроение воинских частей неопределенное и что посторонние лица обсуждают распоряжения военных властей и даже иногда отдают приказания, а это все, вместе взятое, заставляло меня опасаться, что в случае боя правительственные войска вынуждены будут отступить к Петрограду. Одновременно, однако, мною принимались меры и к тому, чтобы Петроград не оказался в руках большевиков. Так, я отдал распоряжение об отправке обратно в Кронштадт 2000 прибывших самочинно в Петроград кронштадтских матросов, за исключением одной роты. Кроме того, я предполагал приступить к арестам большевиков, чего не успел исполнить ввиду моей отставки.

На заданный мне вопрос, говорил ли я с ген. Корниловым о возможности бомбардировки г. Гельсингфорса артиллерией наших дредноутов[1] и в случае восстания финляндцев, отвечаю, что в моем присутствии ген. Корнилов высказывался за невероятность такой бомбардировки, не допуская мысли, что русские матросы будут поддерживать финляндцев против Временного правительства. Вместе с тем ген. Корнилов прибавил, что если бы невероятный случай имел место, то оставалось бы одно — затопить корабли.

На заданный мне вопрос о состоянии контрразведки отвечаю, что контрразведка Петр[оградского] воен[ного] округа была поставлена крайне слабо и что по просьбе нач. контрразведки Н.Д. Миронова я ходатайствовал перед министром-председателем о реорганизации ее, причем представил доклад по сему вопросу Н.Д. Миронова, а также соображения французского военного агента. Несмотря на усердие Н.Д. Миронова, допускаю, что сведения, доставлявшиеся контрразведкой, иногда были ошибочны, причем возможность ошибки я, как и Н.Д. Миронов, в каждом отдельном случае принимал во внимание.

На заданный мне вопрос, когда мною получено имеющееся в деле письмо М.М. Филоненко, отвечаю, что, сколько помню, оно получено в середине августа. Сведения о заговоре в Ставке я имел от М.М. Филоненко, В.П. Гобечии, Н.Д. Миронова и А.Ф. Керенского. Сведения о заговоре большевиков я имел от французского военного агента.

На заданный мне вопрос о телеграмме А.Ф. Керенского ген. Корнилову отвечаю, что, обсуждалась ли отставка ген. Корнилова во Вр. правительстве, мне не известно, но что о посылке телеграммы я в известность поставлен не был.

На заданный мне вопрос об отношении членов Вр. правительства к необходимости переговоров с ген. Корниловым в целях устранения возможного недоразумения отвечаю, что до того, как стало известно, что ген. Корнилов арестовал М.М. Филоненку и двинул конный корпус под командою ген. Крымова и с Туземной дивизией в авангарде, т.е. нарушил данные мне обещания, тогда все члены Вр. правительства (за исключением, однако, А.Ф. Керенского и Н.В. Некрасова) высказывались за таковые переговоры, после же этих событий отношение к этому вопросу членов Вр. правительства мне не известны, ибо я находился постоянно в штабе округа, я же лично находил, что переговоры уже неуместны, ибо в действиях ген. Корнилова усматривал признаки открытого выступления против Временного правительства.

---

[1] Дредноуты (*англ.* dreadnought — буквально: бесстрашный) — устаревшее название крупных бронированных кораблей с мощной дальнобойной артиллерией. В настоящее время — линкоры.

На заданный мне вопрос, было ли мне известно, что чины штаба Петр[оградского] воен[ного] округа собирали сведения о членах СР и СД, отвечаю, что об этом мне известно не было.

На 2 стр., строка 10 зачеркнуто слово «такие»; на 4 стр., строка 25 вставлено: «А.Ф. Керенского и».

Б. САВИНКОВ. 20/IX–17

Председатель Ком[иссии] ШАБЛОВСКИЙ

Члены Ком[иссии]: Н. КОЛОКОЛОВ, М. ГОЛЬДМАН-ЛИБЕР, В. КРОХМАЛЬ, полк. РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 72–73 об. Автограф; Д. 9. Л. 12–12 об., 13. Правл. копия. Машинопись; Д. 20. Л. 1, 1 об., 2. Копия. Машинопись.

№ 60
Показание и.д. заведующего военно-судной частью Штаба Верховного главнокомандующего Л.И. Сазонова

3–4 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года 3–4 сентября член Чрезвычайной комиссии, учрежденной для расследования дела о генерале Корнилове и других, допрашивал нижепоименованного:

И.д. заведующего военно-судной частью Штаба Верховного главнокомандующего полковник Леонид Иванович Сазонов, 43 лет, православный, по делу показываю:

Показания записываю собственноручно.

Я состоял членом Главного комитета Союза офицеров армии и флота. Обремененный в последнее время текущей служебной работой по судной части Ставки, я, к сожалению, не мог уделять работам в Комитете необходимых для того сил и внимания. Между прочим, я состоял представителем Юридической комиссии, но Комиссии приходилось работать без меня, и только с некоторыми из ее членов я виделся урывками обычно у себя на службе, куда кто-нибудь из них забегал переговорить по тому или иному вопросу.

Для меня лично события последних дней разразились с полной неожиданностью. 27 августа, спустившись из военно-судной части в общее помещение Управления дежурного генерала, я в инспекторском делопроизводстве узнал о полученной якобы телеграмме об удалении генерала Корнилова от должности Верховного главнокомандующего. На меня и на окружающих эта новость подействовала угнетающе. За три месяца происходила третья смена Верховного главнокомандующего. Ушел генерал Алексеев, ушел Брусилов, увольняли генерала Корнилова, и это в тот момент, когда началась только что налаживаться работа по восстановлению боевой мощи армии. Кто должен был быть заместителем генерала Корнилова, никто не знал, не было имени, на котором можно было бы остановиться. Ясно было одно: ни линия поведения генерала Алексеева, ни совершенно иная линия поведения генерала Брусилова, ни твердость ген. Корнилова не удовлетворяли тыл. Та цель, к которой стремился генерал Корнилов, о чем он громогласно заявил на Московском совещании, — восста-

новление в армии твердой власти и прочного порядка, а вместе с этим и восстановление боевой мощи армии рядом насущных мер, — отходила на задний план. С этим смутным чувством и встретило большинство лиц, принадлежащих к Ставке, а равно и к комитету, весть об увольнении генерала Корнилова. Большинство, кроме того, поняло это так, что в акте правительства проявилось вновь влияние известных групп населения, которые систематически вели в последние дни поход против Верховного главнокомандующего и против его Штаба поход[I], в некоторых воззваниях можно было усмотреть недоверие к лицам, стоящим у власти, но это недоверие всецело объяснялось создавшейся в связи с конфликтом обстановкой и отсутствием веры в силу этих лиц вывести Родину из тяжелого положения, в котором она оказалась перед лицом (главным образом) внешней опасности.

Если смотреть на воззвание как на политическое выступление, то и в этом отношении я лично не усматривал ничего преступного ввиду того, что с падением старого режима всем гражданам, в том числе и военнослужащим, предоставлено право открыто высказывать политические убеждения и вообще участвовать в политической жизни страны. Что касается поведения в эти дни собственно чинов Ставки как таковой, то в этом отношении я мог наблюдать только жизнь Управления дежурного генерала и должен определенно отметить, что служебная деятельность Управления протекала в те дни в обычных служебных условиях и текущая переписка шла и выполнялась установленным порядком. Писаря Управления были созваны на общее собрание полковых комитетов. На собрании, как я слышал, была вынесена резолюция выжидать разрешения конфликта, возникшего между Верховным главнокомандующим и Временным правительством, и воздерживаться от каких бы то ни было выступлений. Сам я большую часть дня в обычном порядке проводил в служебной обстановке. Члена Государственной Думы Львова, Аладьина, Савинкова, ординарца Верховного главнокомандующего Завойку никогда не видал и о деятельности их ничего не знаю. С Филоненко встречался раза два по службе, один раз в комнате дежурного генерала по поводу дела прапорщика Гольмана, второй раз числа 25 августа в Управлении комиссара по поводу неправильного направления дела генерала Скалона, начальника 33-ей пехотной дивизии <комиссаром Северного фронта Станкевичем>[II] в военно-революционный суд. Об отказе чинов типографии печатать обращение к населению генерала Корнилова я слышал, о том, как и где потом печаталось это обращение и дальнейшие воззвания и приказы, относящиеся к событиям, не знаю.

Перелом в настроении Московского гарнизона не в пользу генерала Корнилова, как мне кажется, произошел в связи с получением в гарнизоне телеграммы министра Керенского, с приказанием не исполнять распоряжений генерала Корнилова и называвшей его изменником. О получении в гарнизоне такой телеграммы мне говорил кто-то из чинов Ставки со слов писарей. О каких-либо серьезных эксцессах в Ставке за дни конфликта я не слышал, кроме случая избиения какого-то солдата в Корниловском ударном полку, больше [в] газетах принявший характер травли, ничем и никем не сдерживаемой, несмотря на то, что это крайне болезненно отзывалось на организме армии, подрывая в корне авторитет верховного командования, которому в то же время поручалось руководство ответственной боевой работой[III]. Из разговоров с окружающими стано-

---

I Так в тексте.

II Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

III Так в тексте.

вилось ясно, что симпатии многих на стороне генерала Корнилова. О каком-либо заговоре в словах тех лиц, с которыми мне приходилось разговаривать, не было и речи.

Вскоре стало известно, что назначенный Верховным главнокомандующим генерал Клембовский отказывается принять эту ответственную должность, что и прочие главнокомандующие настаивают на оставлении генерала Корнилова. Тем временем была получена агентская телеграмма с сообщением об удалении генерала Корнилова за предложение, якобы сделанное им членам Временного правительства через члена Государст[венной] Думы Львова. Генерал Корнилов ответил на это обращением к населению, в котором сообщал, что не он прислал Львова к министру Керенскому, а некоторые члены правительства прислали Львова к нему, генералу Корнилову, с предложением принять участие в управлении страной. Получилось впечатление, что в действиях представителей Временного правительства есть что-либо неясное и как бы что-то недоговоренное. Наступили, что называется, «смутные дни».

В это время, кажется 28 августа, после трех часов дня я зашел в Главный комитет Союза офицеров, где и ознакомился с составленным от Комитета воззванием. Было ли оно в то время передано куда-нибудь, не знаю. При быстром ознакомлении с его текстом по существу его содержания, при условиях переживаемого момента я не усматривал в нем чего-либо преступного, что в нем был призыв поддерживать Верховного главнокомандующего, решившегося остаться у власти в тот момент, когда в отношении его произошло какое-то недоразумение и когда ему не находился заместитель. Мне казалось, что если известные объединенные группы лиц выносят резолюции с призывом против настоящего состава Временного правительства, или, в частности, против отдельных лиц, входящих в состав правительства, с призывом к установлению нового не только политического, но и общественного строя, и если эти воззвания открыто не печатаются на страницах газет, то не являлось, казалось мне, ничего преступного и в призыве к установлению твердой власти ради спасения армии и Родины от полной гибели, но этих своих суждений я никому не высказывал. В воззвании я не видел и, безусловно, не вижу ничего контрреволюционного. В нем не было призыва к царизму. Союз офицеров с самого своего возникновения заявил, что для него нет и не может быть возврата к старому, и всегда в лице Главного комитета Союз громко заявлял об этом, выступая всегда открыто. Все его постановления, все его резолюции печатались в общее сведение[1] в виде отдельных воззваний или вместе с другими материалами в «Вестнике Главного комитета». Категорически утверждаю, что Комитет, как таковой, ни в каких заговорах не участвовал. Целый ряд мер, на твердом проведении которых в жизнь Союз офицеров настаивал ради спасения армии от полного разложения, а вместе с тем и в целях спасения Родины, в темных массах солдат и в неосведомленных группах общества, самочинно и безответственно врывавшихся в жизнь и строй армии, толковался как стремление к контрреволюции. Пожелания о восстановлении хотя бы минимальных дисциплинарных прав начальников, об ограничении широких полномочий комитетов точно определенными рамками, о привлечении членов комитетов к ответственности за самочинные и явно противозаконные выступления, — все трактовалось как контрреволюция, и виновных в этом искали в Союзе офицеров. Свидетельствую не столько как член Союза офицеров, выслушавший на съезде офицеров при Ставке сообщения с мест, характеризующие состояние армии, но и как заведующий военно-

[1] Так в тексте.

судною частью Штаба Верховного главнокомандующего, через которую проводят донесения о чрезвычайных происшествиях, что разложение нашей доблестной армии дошло до крайних пределов. В армии нет власти, нет авторитета. Наилучшим доказательством этого служит одновременная гибель в последних числах августа начальника III пех[отной] дивизии генерала Гиршфельда и комиссара армии (особой) Линде, почти накануне своей смерти от рук солдат выступившего против Союза офицеров с обвинением в контрреволюции.

Я сам не являюсь представителем строевых частей, но считаю своим нравственным долгом обратить внимание на членов Главного комитета — представителей строя. Это почти все лица, проведшие всю войну в передовых линиях, в окопах, неоднократно смотревшие смерти в глаза, запечатлевшие любовь к Родине собственною кровью, раненные по несколько раз, о чем свидетельствуют их шевроны. Все их поведение говорит о любви и преданности Родине, и в том воззвании, которое было составлено от имени Главного комитета, нельзя было видеть в те моменты смутных дней ничего преступного, направленного во вред Родине.

В добавить ничего не имею[1].
Вписано: «комиссаром Северного фронта Станкевичем».

Полковник САЗОНОВ

Члены Комиссии полковник УКРАИНЦЕВ
Н. КОЛОКОЛОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 72–76. Автограф.

№ 61
Показание заведующего Особым делопроизводством Управления 2-го генерал-квартирмейстера при главковерхе К.В. Сахарова

4–6 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 4–6-го дня член Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и других полковник Украинцев допрашивал нижепоименованного:

Генерального штаба полковник Константин Вячеславович Сахаров, 36 лет, православный, не судился, по делу показываю:

Показания записываю собственноручно:

Я, Генерального штаба полковник Константин Вячеславович Сахаров, занимаю должность заведующего Особым делопроизводством Управления 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем. В круг моих обязанностей входит ведение военно-политическими вопросами в д[ействующей] армии и переписка по ним, и ведение военной цензурой в отношении общего руководства ею на фронтах. Первая часть круга обязанностей включает в себя очень широкую область всех новых начал, вошедших в армию после февральского переворота, т.е. комиссары, комитеты, различные союзы и пр., подготовка приказов и распоряжений по урегулированию взаимоотношений, прика-

[1] Так в тексте. Вероятно, предложение следует читать: *«В добавление ничего показать не имею»*.

зов, имеющих характер дополнений или изменений существующих военных уставов, а также и всех других приказов, не имеющих оперативного или хозяйственного характера.

По обязанностям службы мне приходилось иметь дело с комиссарверхом шт[абс]-капитаном Филоненко и его Управлением, причем всегда отмечал, что работа их была направлена к поддержанию мероприятий генерала Корнилова по возрождению боевой мощи армии. Особенно ясно это подтверждается, что доклад генерала Корнилова о тех мерах, какие необходимо ввести в армии и в тылу безотлагательно, встретил со стороны комиссарверха Филоненко и бывшего управоенмина Савинкова полное сочувствие, как о том говорил сам ш[табс]-кап[итан] Филоненко, это же видно и из пометок карандашом на одном экземпляре доклада. Всегда шт[абс]-кап[итан] Филоненко отмечал исключительную роль личности генерала Корнилова в деле оздоровления армии и доведения войны до благополучного конца, говоря, что такого же мнения о генерале Корнилове и Временное правительство.

Далее мне известно было, что в 20-х числах августа приезжает в Ставку г. Савинков с предложением генералу Корнилову образовать в стране твердую власть; тогда же слышал, что между ними было полное доверие и согласие. Это видно хотя бы из того, что генерал Корнилов, как говорил в день отъезда Савинков, выразил согласие на участие в новом кабинете, буде такой образуется, министрами Керенского, Савинкова и Филоненко. Затем я слышал о приезде в Ставку г. Львова, бывшего обер-прокурора Св. Синода, который приезжал сделать генералу Корнилову от имени мин[истра]-пр[едседателя] Керенского представление об образовании нового кабинета под предводительством бывшего Верховного главнокомандующего.

Все это не оставляло сомнений, что между генералом Корниловым и Временным правительством имеется и соглашение, и полное согласие. Поэтому известие 27 августа о телеграмме министра-председателя об отозвании генерала Корнилова с поста Верховного главнокомандующего представлялось полной и необъяснимой неожиданностью. Утром 27 августа, подходя к Ставке на службу, я встретил комиссара шт[абс]-капитана Филоненко, причем мне бросилось[1] в глаза его расстроенный вид и поспешность, с какой он поздоровался на ходу. Относительно его ареста я не знаю ничего, наоборот, помню, слышал несколько раз, что генерал Корнилов оставил шт[абс]-капитана Филоненко «под честное слово», а затем разрешил ему выехать в Петроград.

Затем я узнал, что 4 главнокомандующих фронтами заявили по прямому проводу о том, что крайне опасна и даже гибельна смена с поста генерала Корнилова в данное тяжелое на нашем боевом фронте время. После этого последовал отказ генералов Лукомского и Клембовского от принятия временного Верховного главнокомандования и решение генерала Корнилова не оставлять этого поста. Как офицер Генерального штаба я представляю себе, какие гибельные результаты могли получиться, если бы фронты остались без объединяющего начала. Не имея полной ориентировки в событиях и совещаниях, я не мог, как не могу и в данное время, уяснить себе причин, вызвавших телеграмму о смене генерала Корнилова. Мне представлялось, на основании всего предшествовавшего, что здесь какое-то крупное и запутанное недоразумение. Тем более, что относительно личности генерала Корнилова, его беспредельной преданности родине, ее интересам и ее истинной свободе двух мнений встречать не приходилось не только среди офицеров, но и среди солдат.

[1] Так в тексте.

По роду моей службы мне случалось иногда, как при генерале Корнилове, так и ранее, при генерале Брусилове, присутствовать в кабинете Верховного главнокомандующего для доклада справок либо для получения указаний. В таких случаях вызывал дежурный адъютант. Был призываем я также 30 и 31 августа, причем считаю своим долгом засвидетельствовать, что приходилось всегда слышать, как генерал Корнилов в каждом случае категорически приказывал принимать все меры не только к избежанию гражданской войны, но и всякого могущего быть кровопролития. Такова же была и деятельность генерала Лукомского и все его распоряжения. Принимались все меры, дабы устранить даже возможность насилия и кровопролития.

Что касается до деятельности моего делопроизводства и моей лично, то таковая шла обычным порядком. Естественно, что часть работы по изданию приказов и воззваний легла на Особое делопроизводство, ибо, как мною указано выше, переписка подобного рода относится к кругу его ведения. Напечатанные экземпляры сосредоточивались частью в Комендантском управлении, когда же там не хватало места, то частью в Особом делопроизводстве, опять-таки на основании заведенного порядка.

Кроме того, ко мне на просмотр в Делопроизводство два раза присылались из Комендантского управления телеграммы после их цензуры. Что же касается до распоряжения о напечатании в типографии воззвания Главного комитета Союза офицеров армии и флота, то я сделал надпись о напечатании на[1] уже прокорректированном экземпляре, принесенном мне моим помощником капитаном Генштаба Роженко, доложившим, что это воззвание приказал напечатать Верховный главнокомандующий. До прихода генерала Алексеева я исполнял приказания бывшего Верховного главнокомандующего генерала Корнилова, так как считал, что я обязан исполнять их по долгу и совести. При ином порядке, т.е. при неисполнении приказаний кем-либо из чинов Штаба или гарнизона, неизбежно возникала бы междоусобица и произошли бы эксцессы. Стремление же и генерала Корнилова и общее было возможно глаже и безболезненнее пройти через эти трудные дни.

О передвижении войск к Петрограду я не знал, так как все распоряжения, связанные с этим, делались в порядке оперативном и, как таковые, совершенно секретно. В 20-х числах августа видал несколько раз в помещении Ставки генерала Крымова и слышал, что он получает новое высшее назначение главнокомандующего фронтом в связи с перестроением схемы высшего оперативного управления.

28 августа днем на площадке перед Ставкой были собраны воинские части (видал Георгиевский батальон, Корниловский полк и ординарческий эскадрон). К войскам выходил генерал Корнилов и обратился к ним с речью, содержание которой я не слыхал; воинские части встречали и провожали генерала Корнилова с большим воодушевлением и криками «ура».

Настроение офицеров и солдат все время с 28 августа и по день приезда и принятия должности генералом Алексеевым было нервное и повышенное. Причем по мере затяжки конфликта нервность увеличивалась. Но никаких эксцессов и даже попыток к ним я не наблюдал и не слыхал о них.

Деятельность всего Штаба шла, не прерываясь ни на минуту, причем я заходил ежедневно в оперативную часть узнать, как наше положение на фронте, и всегда наблюдал там обычную работу офицеров, заведующих фронтами.

---

[1] Внизу страницы вписано примечание: *«На 13-й странице зачеркнуты слова: «проредактированном уже», надписано: «на».*

После начала переговоров по прямому проводу генерала Корнилова с генералом Алексеевым настроение начало успокаиваться, так как появилась надежда, что недоразумения, на основе которых возник конфликт, разъяснятся и все осложнения исчезнут перед истиной.

Не только ни о какой контрреволюции, но и вообще о каком-либо предполагавшемся перевороте не слыхал; полагаю, что такие слухи явились плодом малой осведомленности широких масс о действительных причинах конфликта.

Равно ничего не знаю и не слыхал о существовании вообще и связи с происшедшим какого-либо заговора или тайной организации.

Сам я участвовал как член в союзах Георгиевских кавалеров и Офицеров армии и флота и в Исполнительном бюро Военного союза. Все эти организации совершенно открытые, общественные и преследующие одну общую цель оздоровления армии и поднятия ее боеспособности. Последнее время, примерно с середины июля, я отдавал почти все свободное время Союзу Георгиевских кавалеров, так как видел и вижу в развитии этого Союза реальную возможность создания в армии действительно крепких духом воинских частей, могущих дать родине силу, способную отстоять ее от внешнего врага.

Бывшего комиссарверха шт[абс]-капитана Филоненко я встречал довольно часто. Последний довольно продолжительный разговор произошел числа 22 и 23 августа в адъютантской комнате Верховного главнокомандующего, причем мы вели принципиальный спор о степени развития армейских организаций. Шт[абс]-капитан Филоненко в подкрепление своих доводов сказал, что такой же взгляд и генерала Корнилова, и г. Савинкова, прибавив, что между этими тремя лицами существует полная солидарность, что видно из того, что Филоненко и Савинков подписали доклад генерала Корнилова Временному правительству. Из чинов управления комиссарверха я встречался и беседовал с подпоручиком Языковым, что на генерала Корнилова они, т.е. комиссариат, смотрят как на человека, наиболее способного возродить мощь нашей армии.

С членом 1-ой Государственной Думы Аладьиным я познакомился на московском заседании Государственного совещания; встречался несколько раз мимоходом в Ставке, обмениваясь короткими разговорами общего содержания. На меня г. Аладьин производит впечатление человека, искренне стремящегося принести пользу нашей армии своим опытом политического работника.

Г[осподина] Завойку видал несколько раз мельком, почему о нем не мог составить себе мнения.

Говоря выше, что часть работы по изданию приказов и воззваний легла на Особое делопроизводство, я разумел именно следующее: только один приказ № 897 печатался на машинке в моем Делопроизводстве, причем я лично принимал участие лишь в обсуждении редакционной части некоторых частей приказа. Все прочие приказы и воззвания изготавливались и писались вне участия моего и Делопроизводства, кем — не знаю; в Особое делопроизводство доставлялись уже напечатанные в типографии экземпляры. Что касается приказа № 897, как мною выше указывалось, подготовка и ведение такого рода переписки входили в круг обязанностей моего Делопроизводства, почему я и считал себя обязанным по службе выполнить указанную мне работу.

Полковник К. САХАРОВ

Член Чрезвычайной комиссии полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 155–157 об. Автограф.

№ 62
Протокол допроса бывшего министра труда М.И. Скобелева

9 октября 1917 г.

Протокол

1917 года октября 9 дня Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о генерале Корнилове и его соучастниках допрашивала в качестве свидетеля нижепоименованного:

Матвей Иванович Скобелев, 32 лет, молоканской секты[120], бывший министр труда, судился по политическому делу, на предложенные вопросы показываю:

Я не ручаюсь за точность чисел. О всех событиях, о посылке войск к Петрограду и выступлении Корнилова узнал впервые от А.Ф. Керенского из доклада его Вр. правительству после разговора по прямому проводу с Корниловым. Тогда он, Керенский, сказал, что Львов говорил с ним уже несколькими днями раньше от имени общественных групп с предложением большей опоры власти. После того Львов, по словам Керенского, ездил в Москву и Ставку, но поручения никакого от Керенского не имел, который только выслушал при первом посещении Львова неясные предложения его об укреплении власти при поддержке общественных групп и сказал Львову, что согласен предпринять некоторые шаги для расширения базы власти. Керенский представил нам записку Львова и ленту. Некоторые члены правительства обратили внимание Керенского на неполноту разговора его с Корниловым и на отсутствие в ленте тезисов Львова, изложенных в записке, но Керенский ответил, что для Корнилова, как пославшего Львова, поручение, данное ему, должно было быть известно. Сейчас же после доклада своего о предложении Львова Керенский объяснил нам, что был возбужден вопрос о подчинении Петрограда власти Верховного главнокомандующего, и решен в смысле выделения его из сферы военного подчинения Верховному, и указал на необходимость решительных мер. Тогда же выяснилось, что некоторые члены Временного правительства считали обстановку недостаточно выясненной, считали возможным недоразумение в отношениях Корнилова и не склонны были к решительным мерам против него до окончательного выяснения создавшегося положения.

После этого Керенский заявил, что считает возможным взять на себя ответственность за страну и ликвидацию этого конфликта лишь при условии, если ему будет дана возможность предпринимать быстро необходимые меры, причем во имя этой успешности, быть может, придется произвести изменение в составе правительства. После этого члены Временного правительства предложили Керенскому свои портфели и тут же подали письменные заявления о своей отставке. Керенский заявления принял и просил министров пока исполнять свои обязанности. После этого создалось такое положение, например, государственный контролер Кокошкин и некоторые другие министры высказали мнение, что при таких условиях создается как бы личная диктатура Керенского и что при таких условиях они нести свои обязанности не могут; другие министры и я лично полагали, что никакой диктатуры не учреждается, а только по данному вопросу корниловщины предоставляются Керенскому полномочия принимать согласно с обстоятельствами решительные меры. После этого заседаний Временного правительства уже не было, а бывали только частные совещания, причем некоторые министры передали управление своими ведомствами своим товарищам. На частных заседаниях этих Керенский осведомлял о предпринимаемых им ме-

рах, и велись беседы о реконструкции власти. Был такой случай, что министр путей сообщения отказался исполнить какое-то предложение Керенского по своему ведомству, ссылаясь на то, что управление он передал своему товарищу. В квартире Керенского в присутствии моем и Церетели была брошена мысль создать более благоприятную обстановку для ликвидации корниловского выступления путем приглашения генерала Алексеева в состав Временного правительства, и Керенский даже высказался, что, по-видимому, нет другого выхода, но под влиянием моих слов и слов еще кого-то колебания Керенского были устранены и он от этой мысли отказался.

В первый день конфликта с Корниловым, т.е. последний день заседания Временного правительства, вопрос об отставке Корнилова не решался, т.е. формального решения и постановления Временного правительства не было, однако впоследствии в порядке обмена мнений Керенский сообщал о мерах, принятых им для ликвидации корниловщины.

Повторяю, что до доклада Керенского об ультимативном требовании Корнилова мне лично ничего не было известно о движении или приближении войск к Петрограду, и я о наличности какого-либо[I] решения Временного правительства вызвать войска в Петроград не знал. Впоследствии во время частных собеседований мне сообщили, что Военное министерство требовало воинскую часть к Петрограду, но очень незначительную, а между тем Корнилов двинул целый корпус.

Изложив нам ультимативное требование Корнилова, Керенский сообщил нам, что к Петрограду двигаются войска. Впрочем, не ручаюсь, что о движении войск Корнилова к Петрограду было сообщено в том же заседании: возможно, что это было на другой день, когда велись переговоры Савинковым по аппарату с Корниловым.

До того заседания, в котором Керенским был нам сделан доклад о выступлении Корнилова, мне ничего не было известно о поднимавшемся вопросе об объявлении Петрограда на военном положении и не было известно решение, принятое по этому вопросу.

Вопрос об отношении советов к возможным репрессивным мерам в Петрограде в связи с выступлением большевиков при мне во Временном правительстве не обсуждался. До 26 августа отдельные министры задавали мне вопросы о возможности большевистских выступлений, но в моих сферах не было подтверждений для этих опасений, и, осведомляясь специально в советских сферах, я всегда заявлял, что такие выступления не предвидятся.

На Московском совещании были опасения, что Корнилов может выступить[II] на этом совещании как сторона против Временного правительства по вопросу о предполагавшихся им мероприятиях в армии и известной уже правительству программе его, и к Корнилову тогда ездил министр Юренев, чтобы убедить его не делать такого выступления.

В день доклада Временному правительству об ультимативных требованиях Корнилова Керенский говорил нам, что он уже ранее чувствовал, что здесь неладно, что теперь это вскрылось, но никаких конкретных данных о существовании заговора до этого момента он не сообщил.

Создавшееся после этого доклада в связи с подачею заявлений членов Временного правительства об отставке неопределенное положение власти продолжалось до учреждения Совета пяти. Одновременно с учреждением Совета пяти

I Слова *«о наличности какого-либо»* вписаны над строкой над зачеркнутым *«такого»*.

II Слово *«выступить»* вписано над строкой.

остальным министрам было предложено управление ведомствами на правах министров, от чего я отказался и передал управление товарищу.

<Зачеркнуто: «такого», вписано: «о наличности какого-либо».>[1]

Мат[вей] СКОБЕЛЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–2. Подлинник. Машинопись; Л. 3, 4 об. Копия. Машинопись; Д. 20. Л. 3, 4 об. Копия. Машинопись; Д. 46. Л. 95, 96 об. Копия. Машинопись.

№ 63
Показание штаб-офицера для поручений при штабе 11-й армии И.Г. Соотса

3–4 сентября 1917 г.

Протокол

3 и 4 сентября 1917 г. Чрезвычайная комиссия для расследования действий генерала Корнилова и его соучастников производила допрос нижепоименованного, и он показал:

Иван Генрихович Соотс, 37 лет, лютеранин, эстонец, подполковник, под судом и следствием никогда не был, показание свое записываю собственноручно.

Я состою членом Главного комитета Союза офицеров армии и флота и, занимая штатную должность штаб-офицера для поручений по авиации при штабе XI армии, прикомандирован к отделу генерал-квартирмейстера Ставки. В Ставке я только нес дежурство и только иногда помогал по оперативной части, отдавая все остальное время работам в Главном комитете Союза офицеров армии и флота.

Будучи убежден, что одна из причин развала армии есть внесение в нее политики, я неоднократно высказывался, что, хотя членам Главного комитета по уставу и вне комитета и службы разрешено принадлежать к политическим партиям, но желательно совсем отказаться от политики. При этом я указывал, что для меня лично даже невозможно заниматься политикой, ибо пришлось бы, на основании формулы «самоопределения народов», переехать в Эстляндию, чтобы пристать к какой-нибудь эстонской политической партии, так как я по происхождению эстонец.

Возможно, что, зная мой такой взгляд, Главный комитет не поручал мне ни одного дела с гражданскими лицами, а поручал только работы по научно-военным и канцелярским вопросам. Я участвовал в культурно-просветительной комиссии, в комиссии по составлению устава кассы взаимопомощи, ввел в канцелярии регистрационный отдел, не раз писал доклады и рапорты по чисто военным вопросам.

Со Ставкою я был мало связан. О каких бы то ни было заговорах или подготовках Ставки к каким бы то ни было выступлениям я ничего не знал. Савинкова я ни разу не видел. Филоненко мне показали раз в столовой, также видел раз Завойко, с указанием, что этот — «ординарец Корнилова».

Читал в газетах нападки на Ставку с обвинением ее в «контрреволюции», но не придавал этому никакого значения, ибо в настоящее время все, что по той

[1] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан чернилами.

или иной причине кому-нибудь желательно дискредитировать, принято назвать[I] «контрреволюционным».

Такие же нападки читал на Главный комитет Союза офицеров армии и флота, но безосновательность этих нападков[II] для меня была более чем ясна.

В частности, я лично, понимая под словом «русская революция» — крушение царизма, под словом «контрреволюция» должен понимать восстановление царизма. Последнему же я уже по своей природе сочувствовать не могу, так как я потомок крестьянина-эстонца, предки которого 700 лет находились под немецким гнетом, причем этот гнет до последних времен поддерживался царскими чиновниками в угоду местным, прибалтийским немцам-баронам. А потому естественно, что при первых попытках Главного комитета идти по дороге контрреволюции я должен был бы уйти из его состава и оставаться только при отсутствии каких бы то ни было намеков на контрреволюцию.

Ход событий в связи с выступлением генерала Корнилова в Главном комитете представлялся в следующем.

Агентская телеграмма об отставке генерала Корнилова вызвала среди членов Главного комитета смущение и тревогу, что объясняется как редакцией изложения причин отставки, так и тем, что незадолго перед этим, когда в печати была поднята травля генерала Корнилова, казаки, Георгиевские кавалеры и Главный комитет Союза офицеров армии и флота вынесли резолюцию об оставлении на своем посту генерала Корнилова. После этого Главный комитет получил массу телеграмм с присоединением к его резолюции, а в газетах до последних дней продолжали печатать, что вопрос о смещении генерала Корнилова даже не подымался. Поэтому такая неожиданная отставка в связи с обвинением Корнилова обещала вызвать эксцессы. Но раньше, чем принять какую бы то ни было резолюцию, члены Главного комитета пожелали получить подробные сведения из Ставки. Скоро стали поступать сведения, что генерал Корнилов считает эту телеграмму провокацией, что генералы Лукомский и Клембовский отказываются от принятия должности Верховного главнокомандующего.

28 августа состоялось заседание Главного комитета Союза офицеров армии и флота, вынесшее обращение к офицерам и солдатам о поддержке генерала Корнилова.

На этом заседании сперва прочли агентскую телеграмму об отставке генерала Корнилова, телеграммы о поддержке Корнилова всеми главнокомандующими, воззвания Корнилова и проект обращения Главного комитета с призывом присоединиться к Корнилову. Последний, после некоторых корректурных поправок, был принят единогласно.

Я лично считал это обращение нужным и допустимым по следующим соображениям:

1. На войне войска ни на секунду не могут оставаться без Верховного руководства, в особенности в такое тревожное время, как теперь. А потому после отказа генералов Лукомского и Клембовского генерал Корнилов естественно должен был оставаться на своем посту.

2. Множество сочувственных телеграмм, присланных Главному комитету после его первого выступления в защиту генерала Корнилова, нравственно обязывали Главный комитет и впредь выступать в защиту генерала Корнилова.

3. Требование о смене правительства считал допустимым, исходя от того, что раз большевики Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов со-

---

[I] Так в тексте.

[II] Так в тексте.

вершенно открыто требуют не только смены всего правительства, но и всего государственного строя, руководствуясь при этом не государственными, а партийными интересами, то почему же Главный комитет Союза офицеров армии и флота не может требовать смены правительства, исходя из чисто военных и государственных соображений данного времени и ставя пользу родины выше чьих бы то ни было личных интересов.

После принятия резолюции и закрытия заседания я был приглашен в Ставку к работам по оперативной части, где и проводил дни вплоть до прибытия генерала Алексеева. А потому очевидцем событий в Могилеве я лично не был. Все я узнавал или из получаемых бумаг, или по слухам от сослуживцев, и ничего достоверного ни о событиях, ни о лицах сказать не могу. Более вообще никаких полезных для дела сведений представить не имею. Прочитано.

Генерального штаба подполковник Иван Генрихович СООТС
Член Комиссии Н. КОЛОКОЛОВ
Полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 69–71 об. Автограф.

№ 64
Протокол допроса в.и.о. директора дипломатической канцелярии Верховного главнокомандующего Г.Н. Трубецкого

31 августа 1917 г.

Протокол № 1

1917 года августа 31-го[I] *дня, в городе в Петрограде, Чрезвычайная комиссия для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Корнилове и соучастниках его, производила допрос нижеследующих лиц, с соблюдением ст. 7 постановления Временного правительства от 12 июля 1917 года*[121]*, причем допрашиваемое лицо показал:*

Я, российский посланник [в] Сербии, вр. и. об. директора дипломатической канцелярии Верховного главнокомандующего князь Григорий Николаевич Трубецкой, 43 года, православный, не судился, по делу показываю: проживаю в г. Москве, Трубниковский переулок, дом № 19, кв. № 4.

В марте 1917 года я вступил в должность директора дипломатической канцелярии Верховного главнокомандующего и с того времени[II] проживал в г. Могилеве. Поэтому мне приходилось встречаться со многими представителями высшего командного состава нашей армии, а также лицами, состоявшими при Штабе Верховного главнокомандующего. В числе прочих я познакомился с генералами Деникиным, Марковым, Корниловым, Лукомским и другими, с комиссаром при Верховном главнокомандующем Филоненко, членом первой Государственной Думы Аладьиным. Видел я также ординарца генерала Корнилова Завойко.

По моим наблюдениям, генерал Деникин и Марков — люди исключительно военного мировоззрения, обсуждавшие все вопросы текущего момента с этой точки зрения. Оба они неизменно болели душой за установившуюся в армии разруху. Они говорили мне, что им противно заниматься политикой. Будучи назначен главнокомандующим Юго-Западного фронта, Деникин высказывал

I Дата вписана чернилами.

II Слово *«времени»* впечатано над строкой.

мне свое удовольствие по поводу совпадения точек зрения его и генерала Корнилова на вопросы военные и надеялся, что последний сумеет отстоять свою точку зрения. Этот же взгляд на военные дела разделялся всеми чинами Штаба, которые жаловались, что вынуждены заниматься политикой, а не своим чисто военным делом. Огорчались они главным образом падением дисциплины в армии, посеянною между солдатами и офицерами рознью и создавшимся тяжелым положением последних. Вдумываясь в причины этих явлений, они неминуемо наталкивались на вопрос общей политики и не могли, таким образом, избегнуть оценки важнейших событий политической жизни страны.

С генералом Корниловым я познакомился после назначения его Верховным главнокомандующим в 20-х числах июля сего года, и хотя встречался с ним редко, однако, как директор дипломатической канцелярии, интересовался его наблюдениями по поводу политического настроения армии. Общее мое впечатление о Корнилове таково: он прежде всего — солдат и в сложных политических вопросах разбирается мало, и в этом отношении в нем ярко выразилось то, что было свойственно и всему командному составу армии. Июльские события на нашем фронте и в Петрограде указывали на несомненную связь между теми и другими. Запасные части приносили в действующую армию свое растлевающее влияние; продовольствие изо дня в день ухудшалось, правильность железнодорожного движения нарушалась, и оценка всех этих явлений с новой силой приводила к неизбежности обсуждения вопросов общей политики. Кроме того, существовало глубокое убеждение, что частая смена высшего командного состава вредно отражается на боеспособности армии. Во время наших неудач под Тарнополем генерал Корнилов, несмотря на отмену смертной казни, первый решился применить расстрелы[122], и тем не менее ему, т.е. лицу, фактически введшему казнь, был предложен пост Верховного главнокомандующего.

Это назначение создало и укрепило в нем сознание, что не соблюдение буквы закона, а исполнение своего долга, хотя бы и очень тяжелого, находит оправдание и одобрение. Оставаясь на посту главнокомандующего Юго-Западным фронтом, генерал Корнилов ставил условием вступления в верховное командование и исполнение ряда его требований, среди которых главное — ответственность только перед своей совестью и народом.

Вступив при таких условиях в должность Верховного главнокомандующего, генерал Корнилов сам говорил про себя: «Я солдат и демократ, на меня смотрят и справа и слева, но по своим убеждениям я не мог бы идти с тем, кто целью своею ставит реставрацию монархии, но не мог бы примкнуть и к тем левым организациям, которые, ставя во главу всего свободу, не обеспечивают в то же время и порядка».

Числа 6 или 7 августа я расстался с генералом Корниловым и выехал в Москву. Встретился я с ним на Московском совещании, и так как его приезду туда предшествовали разного рода слухи, то я, между прочим, спросил его о его отношениях к Савинкову. Корнилов ответил, что нашел в нем человека, стоящего на той же платформе мероприятий по реорганизации армейских комитетов, как и он сам. Рассказал он также о происшедшем в Петрограде недоразумении. Дело заключалось в том, что его вызвал туда Савинков, действовавший, как он, Корнилов, думал, в полном согласии с А.Ф. Керенским. Между тем через два часа после его отъезда из Ставки там была получена телеграмма министра-председателя с просьбой не приезжать и с указанием, что в противном случае он, Керенский, не отвечает за последствия. Выехав до получения этой телеграммы в Петроград, он невольно попал в происшедшее между Савинковым и Керенским недоразумение. По словам Корнилова, во время этого свида-

ния в Петрограде председатель Совета Министров спрашивал его, оставаться ли ему у власти. Корнилов ответил, что хотя влияние его, Керенского[I], и идет на убыль, но доверие значительной части демократии все ж заставляет ждать его участия в составе правительства. Что касается его самого, то смена его с должности позволила бы ему, быть может впервые, уснуть спокойно, но делать этого он все же не советует, боясь возможных потрясений в армии, соединяющей с ним надежды на восстановление ее боеспособности. Ну, а если бы такие потрясения произошли и пролилась бы кровь, то он, Корнилов, не может поручиться за те меры, к которым он прибегнет. Беседуя в Москве с князем Георгием Евгеньевичем Львовым, мы коснулись, между прочим, вопроса о возникших между Корниловым и Керенским трений. <*Как я узнал, князь Львов, дружески расположенный к Керенскому и желавший содействовать улажению*[II] *трений между ним и Корниловым, беседовал по этому поводу с министром-председателем и*[III] вынес впечатление, что и последний склонен к этому. О том же говорил с Керенским и генерал Алексеев, и я имею основание думать, что мнения этих лиц Керенским были приняты во внимание.

Вернулся я в Ставку 23 августа. События>[IV] последнего времени как на фронте, так и в тылу выдвинули на первую очередь вопрос о неотложном преобразовании высшего государственного управления. Верховный главнокомандующий неоднократно обращал внимание правительства на тесную связь между тылом и фронтом в вопросе о боеспособности армии. Соответственно с этим он выдвинул ряд требований, которые правительство фактически не ввело в действие, хотя неоднократно уверяло, что в общем согласно с точкой зрения генерала Корнилова. Последние события на Рижском фронте, неслыханная в военной истории переправа через такую водную преграду, как Двина, неприятельской конницы почти без потерь, падение Риги, с другой стороны, грандиозный пожар в Казани, уничтоживший огромное количество боевых снарядов[123], — еще раз наглядно подчеркнули необходимость борьбы с общей разрухой не только путем тех или иных мер и законодательных постановлений, но и путем объединения власти в армии и в тылу. Сознание это не чуждо было, как казалось, и самим представителям Временного правительства. Об этом говорил с Верховным главнокомандующим военный министр Савинков во время своего последнего посещения Ставки. Он высказался за необходимость создания сильной власти для борьбы с большевиками и безответственными организациями. Ввиду предполагавшегося в конце месяца выступления большевиков в Петрограде Савинков просил генерала Корнилова послать в Петроград конный корпус под начальством генерала Крымова. В то же время Петроградский военный округ, за исключением Петрограда и некоторых пригородов, подчинен был власти Верховного главнокомандующего.

Вместе со мной приехал в Ставку член Государственной Думы В.Н. Львов. Он явился к Верховному главнокомандующему в качестве лица, уполномоченного министром-председателем Керенским выяснить точку зрения генерала Корнилова на вопрос о наиболее целесообразном способе создания сильной власти. При этом В.Н. Львов указывал на три возможных варианта нового правительства. Согласно первого — центральная роль в правительстве принадлежала бы Керенскому, все прочие члены кабинета являлись бы лишь сотрудниками, ему

I Слово «*Керенского*» впечатано над строкой.

II Так в тексте.

III Текст, выделенный курсивом, повторно вписан на полях карандашом.

IV Текст, заключенный в угловые скобки, впечатан поверх стертого текста.

подчиненными. Второе предположение выдвигало мысль о сильном правительстве, в коем все члены были бы облечены равной властью. Наконец, третье предположение указывало на возможность предоставить преобладающее положение в кабинете военному элементу в лице Верховного главнокомандующего, причем В.Н. Львов спрашивал мнения генерала Корнилова о том, считает ли он желательным, чтобы в состав кабинета вошли Керенский и Савинков в этом случае или нет. Генерал Корнилов высказался за третью комбинацию, о чем и уполномочил своего собеседника довести до сведения министра-председателя, добавив, что признает желательным безотлагательный приезд в Ставку Керенского и Савинкова, так как ввиду развития событий в Петрограде он не может ручаться за их личную безопасность в этом городе в ближайшие дни.

Когда я узнал, что В.Н. Львов был у Корнилова, я спросил у кого-то из адъютантов, знает ли Корнилов, что Львов человек ограниченный. Адъютант улыбнулся и ответил, то это знают все, что генерал Корнилов сказал, что ведь передать-то сказанное ему он может и что, кроме того, ведь еще недавно он был членом кабинета Керенского.

Ориентироваться в атмосфере, создавшейся в Ставке, мне было нелегко. Я заметил, что постоянно бывали и сидели в кабинете Корнилова комиссар Филоненко, член Государственной Думы Аладьин и некий Завойко. Всех этих лиц я тогда впервые застал в Ставке. О Завойке, имевшем, по разговорам в Ставке, отношение к финансовым кругам, я раньше никогда ничего не слыхал, хотя сам имел в этих кругах знакомство. Получалось впечатление, что Корнилов — солдат, не вполне разбирающийся в политических деятелях и их значении, окружен безответственными людьми, и в их возможном влиянии на него заключалась опасность.

24 августа увидевшись с Корниловым, я сказал ему, что с его именем связываются самые разнообразные ожидания, что слишком доступны беседы с ним разных лиц и что лица эти могут вложить в его уста свои собственные мысли. В частности, к удивлению Корнилова, я характеризовал Аладьина как политического деятеля несерьезного, изменившего свое прежнее политическое направление, и высказал опасение, что это не последняя его эволюция.

В субботу 26 августа министр-председатель вызвал генерала Корнилова по прямому проводу и просил его подтвердить, уполномочил ли он В.Н. Львова передать ему свои предположения. На утвердительный ответ Верховного главнокомандующего А.Ф. Керенский спросил, продолжает ли он считать желательным безотлагательное прибытие в Ставку его и Савинкова. На этот вопрос Верховный главнокомандующий также ответил утвердительно. А.Ф. Керенский сказал, что теперь в субботу уже поздно выехать, и отъезд придется отложить до воскресенья. Генерал Корнилов ответил, что будет ожидать их обоих в понедельник 28-го числа.

Я видел генерала Корнилова после этого разговора. Вздох облегчения вырвался из его груди и на мой вопрос: «Значит, правительство идет Вам навстречу во всем?» — он ответил: «Да». Ни малейших сомнений в точности передачи В.Н. Львовым Керенскому и Корнилову их взаимных предложений у меня не было. Это убеждение разделяли все знавшие содержание переговоров по прямому проводу. Все верили, что соглашение налаживается.

Полагая, что между ним, Корниловым[1], и министром-председателем установилось полное принципиальное согласие, Верховный главнокомандующий отдал распоряжение в подкрепление уже данным ранее приказаниям об отправке

[1] Слово *«Корниловым»* впечатано над строкой.

к Петрограду нужных воинских частей. В то же время он по телеграфу обратился к некоторым видным политическим деятелям с приглашением прибыть в Ставку для обсуждения создавшегося положения, имея в виду привлечь их вместе с членами Временного правительства к составлению нового кабинета, который, по мнению генерала Корнилова, должен был осуществлять строго демократическую программу, закрепляя народную свободу и поставив во главу угла разрешение земельного вопроса.

На мой вопрос, почему он, Корнилов, настаивает на участии в кабинете Керенского и Савинкова, я получил ответ: «Новая власть в силу обстоятельств должна будет прибегнуть к крутым мерам, я бы желал, чтобы они были наименее крутыми. Кроме того, демократия должна видеть и знать, что она не лишается своих любимых вождей и наиболее ценных завоеваний». Я спросил Корнилова, считает ли он таким любимым вождем и Савинкова, при участии которого был проведен закон о смертной казни? Он заметил, что Савинков очень сильный и крупный человек, и притом стоящий вне всяких подозрений в контрреволюционных замыслах.

Имея в виду, что приглашенным Корниловым общественным деятелям Милюкову, Родзянко, Маклакову и др. очень важно знать, что он действует с ведома Временного правительства и при участии А.Ф. Керенского и что без такого указания смысл совещания им может быть неясен, я предложил со своей стороны послать некоторым из указанных лиц телеграммы от себя. Адъютант, которому я об этом сказал, согласился, но когда я его, некоторое время спустя, увидел, он сообщил мне, что в моих по этому поводу услугах надобности не встречается, так как редакция посланных телеграмм не дает никаких оснований сомневаться, что приезд приглашенных лиц обеспечен. Это заявление вновь убедило меня, как плохо разбираются в Ставке в вопросах политических и как, с другой стороны, несомненна была уверенность, что деятельность Ставки идет в одном русле с деятельностью правительства. Редакция посланной общественным деятелям телеграммы была приблизительно следующая: «Вследствие грозного положения прошу не отказать пожаловать на совещание в Ставку».

На следующее утро, в воскресенье 27 августа, генерал Корнилов получил по телеграфу предписание министра-председателя сдать верховное командование армии генералу Лукомскому до назначения нового Верховного главнокомандующего, а самому выехать в Петроград. Телеграмма эта, шедшая вразрез с имевшими место только еще накануне переговорами по прямому проводу, произвела на всех впечатление разорвавшейся бомбы. Создалось убеждение, что данное уже обещание приехать в понедельник, как и весь разговор со Львовым, есть или провокация, или совершенно непонятный поворот правительства в сторону большевизма. Атмосфера в Ставке стала очень напряженной. Вся предшествовавшая обстановка создавала убеждение, что решение вопроса стало безотлагательным, и вдруг все переменилось, а главное, рушилась последняя надежда на вывод России и армии из безвыходного положения.

Стало очевидно, что времени терять при таких условиях нельзя, и перед всеми потому с особенной остротой стал вопрос: подчиняться дальнейшим распоряжениям Корнилова или не подчиняться.

Все главнокомандующие фронтом[1] по вопросу о замене Корнилова другим лицом дали единодушные ответы, отличавшиеся не по смыслу, а по оттенкам и варианту. Генерал Лукомский в мотивированном отказе указал на невозможность заменить генерала Корнилова хотя бы на короткое время и оканчивал свою

[1] Так в тексте.

телеграмму указанием, что он рассчитывает на перемену взглядов правительства.

Насколько припоминаю, генерал Лукомский говорил мне, что Корнилов принял решение не покидать своего поста до полного выяснения обстоятельств.

Некоторое время спустя военный министр Савинков вызвал генерала Корнилова по прямому проводу и имел с ним длинное объяснение. Заявив, что соображения, изложенные генералом Лукомским, не соответствуют истине и являются клеветой на него, Савинкова, не предлагавшего никаких политических комбинаций, военный министр поставил генералу Корнилову целый ряд упреков в стремлении к диктатуре из личных целей, в преступлении против родины, в том, что он содействует торжеству императора Вильгельма, открывая фронт, и в том, что не он, Савинков, виноват, что ему не удалось сблизить Корнилова с демократией. В заключение он взывал к патриотизму и чувству долга генерала Корнилова, приглашая его подчиниться приказаниям Временного правительства и отбыть из армии.

Генерал Корнилов ответил со своей стороны, что ему не приходится учиться чувству долга и преданности родине у кого-либо из членов Временного правительства, что эту преданность он доказал неоднократно, рискуя своею жизнью, но что именно сознание своего долга перед Родиной налагает на него тяжелую и ответственную обязанность остаться на своем посту. Вместе с тем, отвергая мысль о каких-либо личных честолюбивых замыслах, генерал Корнилов устанавливал, что не он посылал А.Ф. Керенскому В.Н. Львова, а последний явился в качестве посланца министра-председателя, предлагавшего в числе прочих комбинаций ту, при коей главным объединяющим лицом новой власти был бы он, генерал Корнилов. Савинков признал, что посредничество Львова было несчастным. Однако приказание Временного правительства об оставлении генералом Корниловым своего поста не было отменено, несмотря на признание Савинковым возможности недоразумения, на коем было оно основано. Пост Верховного главнокомандующего был предложен главнокомандующему Северного фронта генералу Клембовскому, который от него отказался.

Создавшееся у меня убеждение, что в основе события, влекущего за собой столь грозные последствия, лежит роковое недоразумение, побудило меня изложить свои впечатления в телеграмме на имя министра иностранных дел[124], уже выехавшего в Ставку, но вернувшегося с пути.

Текст отправляемой телеграммы я показал Корнилову и Лукомскому около 9 час. вечера и, получив согласие на ее отправку, тогда же ее отослал.

Должен сказать, что еще 24 августа, зайдя после разговора с Корниловым к генералу Лукомскому, я указал ему на окружающих генерала Корнилова лиц, высказав опасение возможности вредного с их стороны на него влияния.

Генерал Лукомский, вполне разделяя мои на этот счет взгляды, заметил, что он был совсем в стороне от политических разговоров последнего времени, что «мы все, военные, в политике не искушены» и что он поставил Корнилову вопрос о доверии, после чего и был ознакомлен в общих чертах с политическими вопросами момента.

Между прочим, я невольно обратил внимание на то недоверчивое отношение к комиссару Филоненко, которое чувствовалось в Ставке. Некоторое недоумение вызывало его поведение и во мне. Воскресенье 27 августа, когда я находился в зале[1], из кабинета вышли генералы Корнилов и Лукомский, причем последний просил Корнилова предоставить ему возможность хоть несколько минут переговорить с ним наедине.

---

[1] Так в тексте.

Когда оба они ушли, в кабинете оставались Филоненко, Аладьин и Завойко, причем последний, выйдя оттуда, сообщил Филоненко только, что просил его арестовать. Обстоятельство это стало известным и создало всевозможные разговоры и предположения. Впоследствии я говорил по этому поводу с Лукомским и спрашивал его, арестован ли Филоненко. Лукомский ответил, что с него взято честное слово о невыезде. Свою просьбу об аресте сам Филоненко объяснял тем, что, как представитель Временного правительства, он должен быть на его стороне, между тем как всей душой сочувствует Корнилову. Находясь почти безотлучно в Ставке, я имел возможность убедиться, что генерал Корнилов, только что отпустивший Филоненко домой, вновь его вызвал и продолжал вести с ним разговор. Объяснить это я мог только простодушием солдата.

28 августа утром я спросил Лукомского, настоял ли он на том, чтобы все вопросы решались при его, как начальника Штаба, участии, и не произошло ли за ночь каких-либо новых событий. На первый вопрос определенного ответа от генерала я не получил, на второй же он ответил, что была послана какая-то телеграмма, которую, как оказалось, ни он, ни генерал-квартирмейстер не читали. Тогда же к нам подошел Завойко и прочел текст телеграммы № 2.

Мне стало ясно, что разрыв произошел, но так как примирение я все же считал еще возможным, то и предложил послать министру иностранных дел вторую телеграмму[125], ознакомившись с текстом которой, генерал Корнилов заметил: «Посылайте».

Только уезжая уже из Ставки, я в вагоне получил распространявшийся там приказ № 1[126] и настолько был удивлен им, что даже усомнился в его подлинности. Мне стало ясно, что случайные люди подсунули генералу Корнилову документ, который тот, не продумав его глубоко, подписал.

Мое искреннее убеждение, что никакого заговора в Ставке не было и что все явилось результатом создавшейся там слишком напряженной атмосферы. Так заговоры не делаются. Я видел Корнилова после переговоров с правительством, видел, какая гора свалилась у него с плеч. В этом меня убеждало, кроме того, и то, что во всех моих предыдущих беседах с ним желание сладиться с правительством проходило красною нитью.

По прибытии в Москву я сразу убедился, насколько неверно освещаются там события, и тогда же изложил их действительный ход в форме записки, которую и передал некоторым своим друзьям.

Весь вышеприведенный разговор В.Н. Львова с Корниловым мне сообщил сам генерал Корнилов 25 августа, причем тогда еще, т.е. за два дня до конфликта с правительством, Корнилов определенно сказал мне, что Львов прислан к нему Керенским и говорил от его имени. Что Львов не приезжал по приглашению Корнилова, в этом у меня не могло быть сомнения и потому, что я видел, как с вокзала он ехал в город на извозчике, так как за всеми приглашаемыми в Ставку лицами посылались автомобили, и как потом я узнал, ночевал в одной из второсортных гостиниц.

Больше ничего по делу я показать не могу. Показание мне прочитано.

Князь Григорий Николаевич ТРУБЕЦКОЙ

Председатель Чрезвычайной комиссии Иосиф ШАБЛОВСКИЙ

Члены Комиссии полковник РАУПАХ
Н. КОЛОКОЛОВ
полковник УКРАИНЦЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–7 об. Подлинник. Машинопись.

№ 65
Показание верховного комиссара Временного правительства при Ставке главковерха М.М. Филоненко[127]

25 сентября 1917 г.

Я, гвардии штабс-капитан, морской инженер Максимилиан Максимилианович Филоненко, 31 года от роду, по делу выступления генерала Корнилова против Временного правительства показываю:

Будучи назначен комиссаром в VIII армию, которой командовал генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов, я познакомился с ним, прибыв в Черновицы 8 июня 1917 года. Наша первая встреча носила характер весьма сдержанный. Я счел нужным заявить генералу Корнилову, что, не зная, насколько наши взгляды на реорганизацию[I] армии совпадут, я могу его заверить в том, что имею главною целью своей поднятие боеспособности армии, — что в этом отношении он может рассчитывать на полное мое содействие. Вместе с тем я просил его верить, что если бы мы и разошлись с ним в чем-либо, я никогда не позволю себе предпринимать против него какие-либо шаги, не поставив его предварительно открыто в известность относительно разногласия и не предупредив его во всей полноте о том, что я имею в виду сделать.

В частности, могу отметить, что VIII армия, единственная, которая наступала вполне удачно, взяла Галич и Калуш, многочисленных пленных и орудия, закрепила за собой все завоеванное, отбив все контратаки врага, и была вынуждена к отходу только вследствие бегства VII и XI армий. Этот результат был достигнут без всякого применения вооруженной силы к неповинующимся, хотя таких было много, исключительно путем убеждений и постоянного систематического втягивания войск в боевую жизнь, а также путем чрезвычайно требовательного отношения командующего армией к лицам военного командного состава, с которых спрашивалась самая серьезная и вдумчивая работа с вверенными им войсками и самая тщательная о них заботливость, связанная, однако, с твердостью и непреклонностью[II] воли, в отношении предъявляемых к войскам требований. Несколько генералов, не удовлетворявших этим требованиям, были удалены.

Прямота, честность, простота генерала Корнилова, геройское мужество и любовь и преданность Родине создали во мне, при совместном с ним служении, уважение к нему и привязанность. Вследствие этого я позволил себе обратить внимание Б.В. Савинкова, в то время комиссара Юго-Зап[адного] фронта, на генерала Корнилова как на лицо, наиболее подходящее для замещения освободившегося поста главнокомандующего Ю[го]-З[ападным] фронтом.

На меня ложится ответственность за то доверие, которое с первых шагов знакомства Б.В. Савинков обнаружил к генералу Корнилову.

Назначение генерала Корнилова на пост главнокомандующего Юго-Зап[адным] фронтом состоялось, и вскоре наступили дни Тарнопольского бедствия. Б.В. Савинкова и меня, находившегося тогда по делам службы в Каменец-Подольске, встретил в Ставке главнокомандующего Ю[го]-З[ападным] фронтом ординарец генерала В.С. Завойко, который от имени генерала Корнилова сообщил нам, что в армии ходят слухи о провозглашении вел[икого] князя Николая Николаевича диктатором и что генерал Корнилов спрашивает Б.В. Савинкова и меня, как далеко готовы мы с ним, генералом Корниловым, идти против та-

---

I Слово *«реорганизацию»* вписано над строкой.

II Слово *«непреклонностью»* вписано над зачеркнутым *«направленностью»*.

кой диктатуры. Б.В. Савинков выразил изумление, что нам, революционерам, предлагается такой вопрос, что не может быть сомнений, что мы пойдем до конца, и что если вопрос этот угодно ставить, то он может быть поставлен лишь нами генералу Корнилову, но не обратно. От дальнейшего обсуждения дела с г. Завойко мы уклонились и ушли. В комиссариате мы подвергли вопрос тщательному обсуждению и пришли к выводу, что необходимо переговорить с генералом Корниловым и выяснить его намерения. Я, как знавший генерала Корнилова лучше, чем Б.В. Савинков, позволил себе утверждать, что, каковы бы намерения генерала ни были, он никогда не уклонится от прямого ответа на прямо поставленный вопрос, и мы решили просить его принять нас обоих и переговорить с нами без свидетелей[I].

Я передал об этом г. Завойко, прося его доложить наше желание главкоюзу[II], причем, к его явному неудовольствию и беспокойству, дал ему понять, что его присутствие при беседе недопустимо.

Как я узнал впоследствии, беспокойство г. Завойко передалось и другим лицам, приближенным к генералу Корнилову, и в частности, ему самому в такой степени, что он за час до нашего прибытия увез из дому свою семью, опасаясь каких-либо насильственных действий с нашей стороны. Мы в свою очередь, оценивая появление в городе Текинского полка, весьма преданного генералу Корнилову, а также странное поведение г. Завойко, считались с возможностью чего-либо исключительного[III], и потому, уходя к генералу Корнилову, Б.В. Савинков оставил своим офицерам — <штаб[с]-ротм[истру] Мироновичу, штабскап[итану] Геймовскому и др.>[IV] — распоряжение на случай, если бы произошли попытки нашего ареста и вооруженного с нашей стороны сопротивления. Как характерный, хотя[V] и не имеющий прямого отношения к делу факт отмечу предложение В.П. Гобечиа, помощника Б.В. Савинкова, <заявившего, что он, как старый революционер, готов, если это нужно, пожертвовать собою, пойти и убить генерала Корнилова, с тем чтобы мы с Б.В. Савинковым напрасно собою не рисковали, как люди, по мнению В.П. Гобечиа, более способные, чем он, потому более нужные родине и свободе>[VI].

Мы пришли в Ставку и были немедленно приняты генералом Корниловым, который был по обыкновению спокоен и любезен, хотя возбуждение его было заметно по плотно сжатым губам и ярко блестевшим глазам. Б.В. Савинков открыл беседу и после нескольких вступительных слов прямо перешел к диктатуре, указывая, что если бы генерал Корнилов почел нужным себя провозгласить диктатором, то перед ним бы, возможно, встала необходимость и желание его, Б.В. Савинкова, расстрелять, и что такая же необходимость и такое же желание явилось бы у него, Савинкова, относительно генерала Корнилова. Прибавив, что так вопрос ставится не только относительно генерала Корнилова, но и всякого[VII] другого возможного диктатора, Б.В. Савинков замолчал, ожидая ответа. Генерал Корнилов, после короткого[VIII] раздумья, ответил, что к диктатуре он не стремится.

I Далее текст написан другим почерком.

II Слово исправлено. Первоначально было: *«главковерху»*.

III Далее зачеркнуто: *«и неожиданного»*.

IV Текст, заключенный в угловые скобки, вписан между строк.

V Слово *«хотя»* вписано над строкой.

VI Текст, заключенный в угловые скобки, зачеркнут.

VII Слово *«всякого»* вписано над зачеркнутым *«нового»*.

VIII Далее зачеркнуто: *«молчания и»*.

Тогда я взял слово и обратил внимание генерала Корнилова на всю неуместность поставленного нам г. Завойкой от его имени вопроса и попросил указать, получил ли г. Завойко действительно так формулированное поручение. Ответ последовал отрицательный. Я тогда развил мысль о том неудобстве, которое создается присутствием при генерале Корнилове лица, обладающего, правда, волей и инициативой, но совершенно безответственного и вносящего к тому же в дела государственные приемы, заимствованные из деловой торгово-промышленной области, которые не могут быть приветствуемы. Иллюстрировав высказанную мысль несколькими примерами, я закончил указанием на необходимость для г. Завойко покинуть Ставку. Генерал Корнилов с моими доводами согласился и обещал предложить г. Завойко покинуть Ставку, намереваясь, однако, сделать это в такой форме, чтобы его не обидеть. Обещание было ген. Корниловым выполнено. Мы продолжали обсуждать после этого создавшееся на фронте положение, и на следующий день были посланы нами, как результат этого обсуждения, известные телеграммы о необходимости смертной казни в армии. Первоначальный текст телеграммы от имени ген. Корнилова был предложен г. Завойко, но отвергнут, так как, несмотря на талантливость изложения, он совершенно уклонялся от[I] демократической и республиканской ориентации. Все три телеграммы были редактированы Б.В. Савинковым и мной[II] при непосредственном участии ген. Корнилова.

К 15 июля Б.В. Савинков был вызван в Ставку Верховного главнокомандующего в Могилев, на совещание главнокомандующих фронтами, совместно с генералами Алексеевым и Рузским, при участии министра-председателя А.Ф. Керенского, для обсуждения общего военного положения, создавшегося после Тарнопольского разгрома. Ген. Корнилов вызван не был и свое заключение предоставил в письменном виде[III]. Б.В. Савинков, имея в виду изложить министру-председателю свой взгляд на способы упорядочения и армии и страны, приглашает меня ехать с ним вместе.

По окончании совещания Б.В. Савинков и я были приглашены в поезд А.Ф. Керенского и вместе с ним выехали в Петроград. По пути при энергичной поддержке М.И. Терещенко, министра иностранных дел, мы несколько раз докладывали министру-председателю[IV] [о] необходимости образования *сильной*[V] власти, и, в частности, обсуждался вопрос о малом военном кабинете в составе Временного правительства для непосредственного управления всем, что имеет касательство к войне. За эту мысль, находившую полное сочувствие А.Ф. Керенского, горячо высказывался М.И. Терещенко, одновременно проектировавший переезд правительства в Москву и высказавший предположение, что малому кабинету (War cabinet[VI], ибо самая идея заимствована из английской практики) придется, может быть, местонахождение иметь в Могилеве. В связи с этими соображениями А.Ф. Керенский пришел к выводу желательности замены на посту главковерха генерала Брусилова генералом Корниловым. Вместе с тем А.Ф. Керенский решил, что на новую должность комиссарверха должен быть назначен или Б.В. Савинков, или я. Выбор пал на меня, так как

I Далее зачеркнуто *«политической»*.

II Слова *«и мной»* вписаны над строкой.

III В тексте исправлено. Первоначально было: *«предоставил письменно»*.

IV Далее зачеркнуто *«на»*.

V Слово исправлено. Первоначально было *«самой»*. Часть слова, выделенная курсивом, вписана над строкой.

VI *War cabinet* — военный кабинет *(англ.)*.

Б.В. Савинкову наметилась более ответственная роль в качестве члена Временного правительства.

По приезде в Петроград вопрос об образовании твердой власти принял оборот менее благоприятный, хотя на частных совещаниях и А.Ф. Керенский, и Н.В. Некрасов, и М.И. Терещенко неизменно оставались сторонниками ее необходимости.

Я не дождался конца переговоров, ибо должен был спешно выехать в Бердичев, в штаб Ю[го]-З[ападного] фронта, так как генерал Корнилов не желал вступить в должность Верховного главнокомандующего до принятия правительством его условий, которые, насколько я помню, сводились к следующему:

1) Ген. Корнилов несет ответственность только перед своей совестью и народом. 2) Невмешательство правительства в стратегические операции и замещение лиц высшего командующего состава и, в частности, недопустимости[I] назначения ген. Черемисова главкоюзом, сделанное без ведома[II] генерала Корнилова[III] А.Ф. Керенским. 3)[IV] Немедленное восстановление дисциплинарной власти начальников. 4). Распространение мер, принятых[V] к поддержанию дисциплины в армии, на фронте и в тылу.

А.Ф. Керенский поручил мне выяснить вопрос с ген. Корниловым, причем вы*сказал*[VI] тревогу и неудовольствие по этому поводу. Я позволил себе выразить надежду, что мне удастся быстро уладить инцидент, и[VII] выехал немедленно через Могилев в Бердичев, причем в Могилеве получил телеграмму ген. Корнилова, что он ждет меня в Бердичеве, откуда никуда, не переговорив со мной, не выедет. По приезде я был немедленно принят ген. Корниловым, с которым у меня произошло объяснение в присутствии моего помощника Г.С. Фонвизина, прибывшего вместе со мной, и.д. комиссара Ю[го]-З[ападного] фронта В.П. Гобечиа и[VIII], если не ошибаюсь, нач. штаба Ю[го]-З[ападного] фронта генерала Духонина. Я заявил ген. Корнилову, что его требование об ответственности перед народом и совестью может вызвать самое серьезное опасение, но что, насколько мне его точка зрения известна, я полагаю, он разумеет под ответственностью перед народом ответственность перед его единственным полномочным органом — Временным правительством. Ген. Корнилов подтвердил понимание им именно в этом смысле своей ответственности.

По пункту о порядке замещений и назначения начальствующих лиц я указал ген. Корнилову, что правительство отнюдь не намеревается нарушить его право назначения лиц, ему подчиненных, ибо этим правом обусловливается и та[IX] ответственность, которая лежит на Верховном главнокомандующем, но что вместе с тем правительство полагает необходимым оставить за собою право контроля этих назначений. Само собой разумеется, что вмешиваться в область стратегии правительство не собирается. Ген. Корнилов вполне удовлетворился таким порядком.

I Слово *«недопустимости»* вписано над строкой.

II В тексте исправлено. Первоначально было: *«сделанного без его ведома»*.

III Слова *«генерала Корнилова»* вписаны над строкой.

IV Далее зачеркнуто: *«Находит необходимым»*.

V Слово *«принятых»* вписано над строкой.

VI Слово исправлено. Первоначально было: *«выразил»*. Часть слова, выделенная курсивом, вписана над строкой.

VII Слово *«и»* вписано вместо зачеркнутого *«я»*.

VIII Союз *«и»* вписан над строкой.

IX Слово исправлено. Первоначально было: *«эта»*.

Пункты 3 и 4 я предложил ген. Корнилову снять с обсуждения, *как представляющие собой* вопрос общей политики Временного правительства и не *могущие*[I] решаться столь спешным образом; и я полагаю, что в порядке общих служебных сношений с Временным правительством они могут быть возбуждены ген. Корниловым в качестве Верховного главнокомандующего. Вследствие согласия с моей точкой зрения и по пунктам 3 и 4 генерал Корнилов[II] решил в тот же вечер выехать в Могилев для принятия поста главковерха. Единственным неурегулированным[III] остался вопрос о ген. Черемисове, так как ген. Корнилов настаивал на том, что даже помимо принципиальной недопустимости его назначения, и по существу последние действия ген. Черемисова в качестве командарма VIII [армией] внушают ему опасения, что генерал Черемисов не справится с задачей управления фронтом. Желая найти выход из положения, я пошел к аппарату Юза переговорить с ген. Черемисовым, надеясь его убедить отказаться от поста главкоюза и остаться на посту командарма в VIII [армии], так как[IV], высоко ценя военный талант ген. Черемисова, я[V] находил[VI] необходимым, чтобы он ни на минуту не покидал действующей армии.

Разговор[VII] с ген. Черемисовым[VIII], а также последующий доклад, сделанный Временному правительству по прямому проводу, при сем прилагаю[128].

1) Я, однако, настоял на том, чтобы ген. Черемисов во исполнение постановления Временного правительства был допущен к исполнению обязанностей главковерха[IX], впредь до дальнейших распоряжений.

В Бердичеве я застал еще г. Завойку, который, однако, в тот же вечер уехал.

2) По дороге в Ставку я представил ген. Корнилову о том, что многие войсковые начальники, неправильно понимая дух последних распоряжений по введению дисциплины в армии, открывают поход против комитетов[X].

Ген. Корнилов нашел возможным послать известную редактированную мною циркулярную телеграмму, ограждавшую права комитетов. Точно так же по приезде в Ставку им была послана телеграмма, устанавливающая порядок конфирмации смертных приговоров комиссарами и в качестве[XI] известной гарантии[XII] правильности судебных решений.

Через короткий промежуток времени наметилось существенное различие в политической ориентации между ген. Лукомским и мной, и в частности, это различие особенно резко обозначилось, когда приходилось разрешать вопросы,

---

I Здесь текст, выделенный курсивом, исправлен. Первоначально было: *«так как они представляют из себя... и не могут»*.

II Далее зачеркнуто *«по моему предложению»*.

III Слово *«урегулированным»* вписано над зачеркнутым: *«формулированным»*.

IV Далее зачеркнуто: *«я»*.

V Слово *«я»* вписано в строку на полях.

VI Далее зачеркнуто *«недопустимым»*.

VII Перед словом *«разговор»* зачеркнуто *«мой»*.

VIII Здесь и далее в документе отсылки даются на приложения, помещенные в деле вместе с машинописным экземпляром показания. (См. также комментарий № 127 — т. 2). Приложение № I (Запись разговора по прямому проводу М.М. Филоненко с генералом Черемисовым 22 июля 1917 г.) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 23. Л. 40–55.

IX Так в тексте. Правильно: *«главкоюза»*.

X Первоначально пронумерованные абзацы следовали в обратном порядке. На полях перемещение текста отмечено стрелкой.

XI Слово *«качестве»* вписано над строкой.

XII Слово *«гарантии»* вписано над зачеркнутым *«степени»*.

касающиеся войсковых выборных организаций и несоответствие по политическим причинам начальствующих лиц. Я чувствовал затруднительность[I] совместной работы и в особенности опасался того влияния, которое направление ген. Лукомского, постоянного докладчика главковерха, могло иметь на действия ген. Корнилова. Затронув в беседе с ген. Корниловым этот вопрос, я с удовольствием услышал, что он ничего не имеет против предоставления ген. Лукомскому поста командующего армией, тем более что генерал Корнилов считал нормальным, чтобы столь великий пост, как начальник Штаба Верховного главнокомандующего, занимался лицом, имеющим надлежащий строевой ценз и, в частности, командовавшим армией. Точно так же генерал Корнилов признал целесообразным, чтобы ген. Лукомский не являлся[II] впредь единственным докладчиком по всем делам армии и чтобы соответственные начальники управлений делали главковерху свой доклад непосредственно. Я не помню[III] точно, какого числа, но вскоре по приезде в Ставку я получил сообщение Б.В. Савинкова о том, что он назначен управляющим Военным министерством. И ген. Корнилов и я были весьма[IV] этим удовлетворены, так как считали, что нашими согласованными усилиями явится возможность повлиять на правительство в смысле про*явления*[V] большой твердости и устойчивости в[VI] политике и достижения той организации власти, которая могла бы спасти страну.

Впрочем, мне неоднократно вспоминается изречение Б.В. Савинкова, что он один в министерстве, не поддержанный людьми единомысленными[VII], будет «мухой в варенье».

К этому времени относится свидание мое с ген.[VIII] Черемисовым. Я, несмотря на происшедший между нами обмен мнений по Юзу и несмотря на то, что отставка его от должности главкоюза последовала вследствие повторных моих настояний, которые я под*крепил*[IX] указаниями на неизбежность[X] в случае отказа или промедления правительства, отставки главковерха и моей, продолжал твердо держаться своего первоначального намерения сохранить В.А. Черемисова для действующей армии, а потому, узнав о том, что он, направляясь в Петроград, будет проезжать через Могилев, я просил комиссара VIII армии Н.И. Ципкевича, по делам службы находившегося тогда в Могилеве, встретить В.А. Черемисова в пути и предложить ему на сутки остановиться в Могилеве и побеседовать в частном порядке со мной. Как только Н.И. Ципкевич уведомил меня о том[XI], что В.А. Черемисов отцепил свой вагон от поезда и ждет меня, я направился к генералу Корнилову и заявил ему о предстоящей беседе с В.А. Черемисовым, имеющей целью создать почву[XII] для совместной работы его с ген.

I Далее зачеркнуто: *«такой»*.

II Слово *«являлся»* вписано над зачеркнутым *«читался»*.

III Слово *«помню»* вписано над зачеркнутым *«имею»*.

IV Слово *«весьма»* вписано над зачеркнутым *«вполне»*.

V Слово исправлено. Первоначально было: *«проведения»*. Часть слова, выделенная курсивом, вписана над строкой.

VI Предлог *«в»* вписан в строку.

VII Так в тексте.

VIII Далее зачеркнуто: *«Корниловым»*.

IX Слово исправлено. Первоначально было *«подтвердил»*. Часть слова, выделенная курсивом, вписана над строкой.

X Слово *«неизбежность»* вписано над зачеркнутым *«неудобность»*.

XI Слова *«о том»* вписаны над строкой.

XII Слово «почву» вписано в строку. Здесь и далее правка внесена М.М. Филоненко.

Корниловым[I], и просил ген. Корнилова пригласить к себе В.А. Черемисова для беседы, которая, я надеялся, устранит осадок, оставшийся в душе обоих генералов. Ген. Корнилов ответил, что он, озабочиваясь пользой армии, совершенно не считается с теми, может быть, даже оскорбительными выражениями, которые ген.[II] Черемисов позволил себе по его адресу в разговоре со мной по Юзу, и что он с удовольствием предоставит ген. Черемисову командование первой освобождающейся армией. Понимая, что самолюбие может не позволить В.А. Черемисову приехать, не имея приглашения, генерал Корнилов выразил готовность послать за ним своего адъютанта, но вместе с тем ген. Корнилов выразил надежду, что В.А. Черемисов не позволит себе какой-либо некорректности или невоздержанности, которую он не как генерал Корнилов, а как Верховный главнокомандующий не мог бы допустить. Мы условились, что адъютант генерала Корнилова будет ждать моего звонка. Я поехал к генералу Черемисову и имел с ним долгую и откровенную беседу, и когда мне удалось получить его обещание в спокойном и воздержанном поведении по отношению к генералу Корнилову, я позвонил адъютанту, который и явился немедленно пригласить ген. Черемисова к Верхов[ному] главнокомандующему. Беседа генералов имела наилучший результат, и в весьма непродолжительном времени ген. Черемисов получил в командование 9-ую армию. В моей беседе с ген. Черемисовым я упомянул о том, как желательно было бы видеть В.А. Черемисова на посту начштаверха, тем более что при его помощи было бы особенно легко осуществить обновление командного состава армии. Наш разговор происходил в присутствии Н.И. Ципкевича.

В последних числах июля ко мне одновременно с разных сторон поступили тревожные сведения:

1) Мне были переданы отрывки из разговора, веденного в экстренном поезде главкоюза, находившемся тогда еще в распоряжении главковерха. Участником беседы был штабс-ротмистр князь Кропоткин, комендант поезда. Доносившиеся до слуха отрывки были таковы: «Идет все хорошо». «Надо установить между нами связь». «А то если сорвется, тогда надо решиться на все сейчас же». Повторно упоминалась фамилия генерала Тихменева. В то же время мне передали, что генерал Тихменев высказал мысль, что Б.В. Савинкова и меня, лиц, осмеливающихся заводить новые порядки в армии, виновников ухода генерала Гутора с поста главкоюза, он при первой возможности постарается повесить. Мне сообщали также, что генерал Тихменев имеет близкую связь с Главным комитетом Союза офицеров, учреждением, вызывавшим нарекания со стороны армейских комитетов и комиссаров. Одновременно один офицер, служащий в Ставке по железнодорожным перевозкам, сообщил мне, что в Могилев идет с неизвестными целями Кавказская конная дивизия и что железнодорожники находятся в волнении, так как[III] идут слухи, что, опираясь на эту дивизию, в Ставке готовят какой-то coup d'Etat[IV]. Я немедленно запросил ген. Корнилова о том, что ему известно о движении дивизии, и получил ответ, что ничего не известно. Я предупреждал его о некоторых своих подозрениях и, зная, насколько генерал Корнилов непопулярен в штабах и как косо смотрят на его близкие отношения к революционерам, Савинкову и мне, я опасался, что в первую очередь опасности может подвергнуться генерал Корнилов, рекомендо-

---

I Далее показание дописано самим М.М. Филоненко.

II Далее зачеркнуто: *«Корнилов»*.

III Здесь и далее в тексте *«так как»* М.М. Филоненко сокращает: *«тк. кк.»*

IV Coup d'État *(фр.)* — государственный переворот.

вал генералу для поручения полковнику Голицыну усилить меры охраны главковерха. Я зашел к генералу Лукомскому и спросил его о назначении Кавказской конной дивизии. Генерал Лукомский дал объяснения, совершенно меня не удовлетворившие. Дивизия идет по распоряжению, отданному еще ген. Брусиловым, на Западный фронт, где отсутствует совершенно конница, нужная для поддержания боеспособности и порядка в войсках. Но вместе с тем генерал Лукомский сказал, что по имеющимся у него сведениям дивизия заражена большевизмом. На вопрос, официальные ли эти сведения, ответ последовал отрицательный. Я не получил сколь-либо удовлетворительных разъяснений о том, почему дивизия направляется через Могилев, когда прямой путь ей лежит через Жлобин, и почему распоряжением генерала Тихменева назначена высадка эшелонов этой дивизии в Могилеве.

Особенно странным мне казалось указание на большевизм дивизии, так как в кавалерии примеров этому не было[I], и, в частности, относительно Тверского драгунского, одного из нашей дивизии, я располагал совершенно иными сведениями. Не имея средств розыска и возможности подробного выяснения дела, я счел правильным предупредить какое-либо выступление и прежде всего просил генерала Корнилова распорядиться немедленной посадкой и дальнейшим следованием эшелонов, прибывших в Могилев, и приказать направлять остальные через Жлобин. Я просил железнодорожников держать меня в курсе перевозки и осведомлять, если бы в ней последовали какие-либо изменения. Затем я просил главковерха направить поезд главкоюза в Бердичев. Б.В. Савинкова я поставил в известность о моих опасениях относительно существования заговора телеграммой «то, что Жорж[II], Ерна, Феодор...», подлинник которой находится у Б.В. Савинкова. Смысл ее тот, что то, что действующие лица романа «Конь бледный» собирались делать с Запада, т.е. революционный заговор, теперь в Шатре, т.е. в Ставке, собираются сделать с Востока, т.е. противоположными контрреволюционными намерениями. Я просил Б.В. Савинкова подойти к аппарату утром и сделать то, что я буду его просить.

В разговоре (копия находится у Б.В. Савинкова) я, указав на основания моих опасений и упомянув о генерале Тихменеве, просил вызвать генерала в Петроград, где при общих осведомительных средствах правительства его роль могла быть точно установлена. Я указал, что не считаю возможным ждать, пока группа (т.е. заговор) созреет, и что предпочитаю все устроить как человек решительный и благовоспитанный, т.е. принять такие меры, которые являлись действительными в целях устранения какой-либо непосредственной опасности, дали бы в то же время возможность обследовать положение и, вместе с тем, были бы обставлены так, чтобы не вызвать ни у кого ни подозрений, ни преждевременного общественного скандала. Я просил вызвать генерала Тихменева в Петроград для доклада о железнодорожных перевозках, вопроса, входящего в круг ведения генерала по должности его начальника Управления путей сообщения действующих армий. Если бы оказалось, что генерал вообще непричастен, то он, конечно, возвратился бы в Могилев, не имея оснований жаловаться на предъявление к нему неосновательных подозрений, если бы, наоборот, подозрения были бы подкреплены фактическими данными, Б.В. Савинков имел бы полную возможность распорядиться соответственно.

Я не могу и сейчас сказать утвердительно, участвовал ли ген. Тихменев в каких-либо противоправительственных действиях или замыслах. Вопрос не был

I Слова *«не было»* вписаны над строкой.

II Слово *«Жорж»* вписано над строкой.

обследован, так как вызов генерала Тихменева был отменен. Я не могу указать и характера заговора, но полагаю, что он был военный по преимуществу, и склонен думать, что он был направлен не только против Временного правительства данного состава, но и против Временного правительства с демократической ориентацией вообще. Определенных указаний не было, но и у моих сотрудников по комиссариату, и у меня создалось единообразное впечатление, слагавшееся из ряда мелких впечатлений и улавливаемого настроения окружающих, что заговор есть. Мне представлялось тогда, как и теперь, что наилучшим способом борьбы с заговорами была бы твердая политика правительства вообще и, как мера частная, перемены в той среде, которая всякие заговоры могла питать, т.е. личном составе Ставки, с целью рассредоточения собравшихся там лиц определенно антидемократического направления. На следующий день после моего сообщения Б.В. Савинкову в Ставку прибыл министр иностранных дел М.И. Терещенко, которому я сообщил все вышеизложенное, и, в частности, определенно указал М.И. Терещенко на необходимость оставления ген. Лукомским поста наштаверха, так как в его лице всякое противоправительственное начинание найдет неизменную опору.

Я не оспаривал мнения министра иностранных дел о больших способностях и уме генерала Лукомского, которые и я ставлю весьма высоко, но остался при мнении о желательности его ухода.

М И. Терещенко прибыл главным образом для участия в совещании по румынским делам, которое после полудня состоялось под председательством генерала Корнилова. Присутствовали мин[истр] ин[остранных] дел, генералы Лукомский и Романовский, румынский посланник г. Диаманди, румынский военный агент генерал Коанда, нач. дипломатической канцелярии при Ставке кн. Гр[игорий] Трубецкой, г. Муравьев и я. Предметом обсуждения было соглашение, имеющее быть заключенным между русским и румынским правительствами в связи с нараставшей угрозой вынужденного оставления Молдавии, и связанного с этим переходом на нашу территорию румынской армии, и размещением в русских пределах румынских двора, правительства и государственных учреждений. Румынский посланник, желая охранить румынскую армию от произвольного использования русским высшим командованием, настаивал на том, чтобы румынской армии, по примеру армии бельгийской во Франции, был назначен определенный сектор, за пределы которого она не должна была быть перемещаемой. Министр иностранных дел, в своей речи выдвинувший вопросы публично-правовые, связанные с пребыванием румынского правительства на нашей территории, не затронул вопросов военных, поставленных на обсуждение румынским посланником и представлявшихся имеющими по обстоятельствам дела важнейшее значение.

Генерал Корнилов, указывавший на неприемлемость с точки зрения стратегической условия о неподвижности румынского сектора, как стесняющего маневренную способность наших армий, не встречая поддержки со стороны других участников совещания, был предоставлен собственным силам.

Я позволил себе написать Верховному главнокомандующему записку, в которой предлагал, если он найдет это удобным, предоставить слово мне, так как я имею внести предложение, которое, мне кажется, будет приемлемо для румын и вместе с тем будет отвечать интересам нашей армии и страны. Ген. Корнилов предоставил мне слово, и я высказал мнение, что нет никаких оснований к тому, чтобы его величество король Румынии, с такой славой несший тяжелые обязанности главнокомандующего союзными русско-румынскими армиями Румынского фронта, перестал им быть с момента перехода румынских

войск на русскую территорию. Поскольку же король Румынии будет по-прежнему главнокомандующим, он, естественно, должен будет обладать свободой маневрирования подчиненными ему тремя русскими и двумя румынскими армиями в пределах подведомственного ему фронта, и тем самым отпадут справедливые опасения, возникшие у главковерха в связи с прикреплением румынских войск к одному участку фронта, тем более что в зависимости от требований стратегической обстановки протяжение румынского фронта и численность русских войск, в него входящих, может быть и уменьшаема, и увеличиваема. С целью облегчения трудов короля румынского, обремененного также заботами общегосударственного управления, русское правительство могло бы сохранить при нем опытного генерала в качестве помощника главнокомандующего. Изложенная постановка вопроса, поддержанная румынами, была принята совещанием, по окончании которого министру иност[ранных] дел угодно было высказать мне несколько комплиментарного свойства соображений по поводу удачно найденного мною выхода. Однако в непродолжительном времени министр и[ностранных] д[ел] изменил свой взгляд на мое выступление, и, насколько мне известно, в докладе министру-председателю содержалось указание М.И. Терещенко на недопустимое, по его мнению, вмешательство мое в круг ведения Министерства иностранных дел. В беседе перед отъездом министр и[ностранных] д[ел] не скрыл от меня тех сомнений, которые у него возникли относительно моего помощника Г.С. Фонвизина, секретаря нашего посольства в Константинополе, назначенного в комиссариат с ведома и согласия М.И. Терещенко. Я сказал, что знаю Г.С. Фонвизина за человека, как в смысле осведомленности, так и прогрессивности образа мыслей, выгодно выделяющегося на общем фоне личного состава ведомства, возглавляемого М.И. Терещенко, и что я до тех пор не изменю своего служебного и личного к нему уважения, пока мне не будут представлены фактического рода подтверждения возводимых на него коридорными слухами министерства обвинений. Г.С. Фонвизин, поставленный мною в известность об изложенном, немедленно предложил свою отставку, которую я категорически отклонил. После отбытия министра и[ностранных] д[ел] ген. Корнилов в предвидении Московского совещания решил затребовать доклады начальников всех подведомственных ему управлений для представления на их основании общего доклада о состоянии наших вооруженных сил Временному правительству для того, чтобы оно, располагая полной осведомленностью, могло выступить перед совещанием с определенной политикой и перечнем законодательных предложений, отвечающих условиям сложившейся обстановки. Составление самого доклада я взял на себя. 30 июля я был вызван в Петроград Б.В. Савинковым. Несмотря на сильнейшее нежелание ехать и тем отрываться от дела, вследствие настояния Б.В.[1] я поехал. По приезде Б.В. осведомил меня, что положение главковерха пошатнулось, мое же стало критическим, что лица, близко связанные со Ставкой, стремятся через посредство полковника Барановского дискредитировать генерала Корнилова в глазах министра-председателя и что подчеркивается его намерение разогнать Штаб Ставки, деятельно и честно исполняющий свой долг. Министр-председатель высказал мысль, что надо искать другого главковерха и что в конце концов, возможно, придется ему самому занять этот пост. Меня же обвинял министр иностранных дел, как это указано выше, и министр-председатель находил своевременным меня отстранить за то, что я не сумел создать хороших отношений со Штабом Ставки.

[1] Б.В. — здесь и далее имеется в виду Б.В. Савинков.

Получив от меня сообщение о заговоре, Б.В. Савинков, не находя желательным делать доклад Временному правительству до выяснения обстановки, в то же время в качестве меры предупредительной вызвал генерала Тихменева и, не считая себя вправе оставить мое сообщение в качестве секрета между нами двумя, осведомил о его содержании нач. Каб[инета] Военмина полковника Барановского и нач. Политического управления Военного министерства поручика Степуна, причем по общему соглашению было решено в течение 24 часов в ожидании дальнейших сведений никому ничего не сообщать. Однако в тот же вечер полковник Барановский сделал доклад А.Ф. Керенскому, причем будто бы выяснилось, что Кавказская конная дивизия передвигалась по распоряжению министра-председателя в целях охраны Ставки. В то же время полковник Барановский ручался за генерала Тихменева и оказал поддержку генералу Лукомскому. Б.В. Савинков, осведомившись о решении министра-председателя касательно меня, воспротивился моей отставке, и я был вызван в Петроград для преподания[I] мне инструкций. 1 августа Б.В. Савинков и я были приняты министром-председателем, который указал мне на необходимость найти надлежащую линию поведения по отношению к Штабу, в воинском и гражданском смысле честно исполняющему свой долг, и в особенности министр-председатель подчеркнул невозможность оставления поста ген. Лукомским, выносящим всю тяжесть заботы на своих плечах и являющимся не только преданным Временному правительству человеком, но и главной действующей силой Ставки. Эти указания чрезвычайно стеснили меня в дальнейших действиях в Ставке. Вечером, в тот же день, в кабинете Б.В. Савинкова я встретился с министром и[ностранных] д[ел], вернувшимся к вопросу о Г.С. Фонвизине и услыхавшим от меня единообразный с моим предшествовавшим ответ.

Я виделся также с полковником Барановским, высказавшим мне, между прочим, свое впечатление, что ген. Черемисов по своим взглядам подходит ближе к А.Ф. Керенскому, чем ген. Корнилов. От меня не ускользнуло значение этого мнения, совпавшего с отмеченным в печати сближением ген. Черемисова с И[сполнительным] к[омитетом] СС и РД. По завершении всех этих переговоров я собрался выехать в Ставку для составления доклада, приурочиваемого ко времени Московского совещания, но не уехал, так как Временное правительство вызвало ген. Корнилова в Петроград. Я узнал по Юзу, что генерал Корнилов везет с собой доклад, составленный силами Ставки. Я встретил главковерха в[II] Павловске, чтобы просмотреть доклад до вручения его Временному правительству. Доклад был составлен вторым генерал-квартирмейстером полковником Плющевским-Плющиком; скреплен ген. Лукомским и им. Насколько мне известно, отдельные положения, вошедшие в него, обсуждались в Ставке в мое отсутствие при участии главкоюза ген. Деникина. Доклад показался мне весьма неудачным, обнаружившим непонимание автором условий политического момента и лишенным твор*чества*[III] мысли при разрешении новых проблем, особенных условий, переживаемых армией, стихийно тяготевшей исключительно к реставрации старых форм и порядков. Я откровенно высказал свое впечатление главковерху, который, видимо, был им неприятно удивлен. Так как главковерх прямо с вокзала отправился к министру-председателю в Зимний дворец, куда я приглашен не был, и взял доклад с собой, я послал записку Б.В. Са-

---

I Так в тексте.

II Далее зачеркнуто: *«Ставке»*.

III Слово исправлено. Первоначально было: *«творческой»*. Часть слова, выделенная курсивом, вписана над строкой.

винкову о том, что нахожу доклад весьма неудовлетворительным и что необходимо не допустить представления его Временному правительству. Б.В. Савинкову удалось удержать ген. Корнилова от передачи доклада министру-председателю, и по приезде ген. Корнилова в дом военного министра Б.В. Савинков и я получили согласие главковерха на то, чтобы он ограничился[I] в предстоявшем заседании Временного правительства устным докладом[II] о состоянии армии, обязавшись подробный письменный доклад представить в ближайшие дни. Вечером 3 августа состоялось заседание Временного правительства при участии главковерха[129]. Я приглашен не был. Отмечаю это обстоятельство потому, что, не присутствуя при свиданиях ген. Корнилова с А.Ф. Керенским и прочими членами Вр. правительства, за исключением Б.В. Савинкова, письменно давал указание. Я был в курсе[III] их бесед только на основании того, что мне находил нужным сообщить главковерх, т.е. то лицо, перед которым я представлял Временное правительство. Вообще за исключением тех указаний, которые я получил от министра-председателя по поводу Штаба Верховного главнокомандующего вообще и генерала Лукомского в частности, я во все время пребывания на посту комиссарверха никаких иных указаний или сведений от Временного правительства не получал, находясь только в сношениях с Б.В. Савинковым, который также не всегда был вполне осведомлен. При совместном обсуждении вопроса о докладе с ген. Корниловым и Б.В. Савинковым мы остановились на решении, что доклад должен охватить все стороны жизни армии и тыловых учреждений, с ней сопряженных, и что доклад Ставки, равно как и доклад главных управлений министерств, составленный по[IV] приказанию Б.В. Савинкова, должен послужить материалом. Составление доклада Б.В. Савинков возложил на меня. Обстоятельства, которыми сопровождалось составление и представление доклада, последовательно изложены в сообщении, сделанном по аппарату Юза мной комиссарюзу В.П. Гобечиа. Юзограмму прилагаю[130]. Также прилагаю копию доклада «во Временное правительство»[V].

Дополнительно упомяну, что, когда общая концепция доклада у меня созрела, я воспользовался приглашением фронтовой комиссии ЦИК сделать сообщение и 5 августа в закрытом заседании под председательством М.С. Бинасика произнес речь, в которой обрисовал ту политику, кою надлежит, по моему мнению, принять Временному правительству. Последовали бурные прения, и, в частности, имели место нападки на генерала Корнилова, которого я защищал, не скрывая, однако, той тревоги, которую в меня вселяет Штаб Ставки.

Точно так же заслуживает быть отмеченным, что в Ставку 4 августа выехал Г.С. Фонвизин, в пути встретившийся с полковником Барановским, официально следовавшим в Киев для свидания с больным отцом, в действительности же остановившимся в Могилеве с неизвестными мне официально целями. Впоследствии мне передавали в Штабе, что полковник Барановский зондировал отношение, с которым было бы Штабом встречено назначение А.Ф. Керенского или, вернее, принятие им на себя поста главковерха.

I Далее зачеркнуто: *«устным докладом»*. Слово *«устным»* вписано над строкой.

II Слова *«Временного правительства»* и *«докладом»* подчеркнуты карандашом. На полях помета: *«3.VIII»*.

III Далее зачеркнуто слово *«этих»*.

IV Предлог *«по»* вписан над строкой.

V Приложение IV («Доклад во Временное правительство» от 10 августа, подписанный Л.Г. Корниловым, Б.В. Савинковым и М.М. Филоненко) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 23. Л. 78–91.

Мне неизвестно, обсуждались ли сколь-либо серьезно в Ставке эти тогда лишь предположения. Г.С. Фонвизин имел поручение следить за тем, чтобы под влиянием Штаба за подписью ген. Корнилова не вышло бы из Ставки чего-либо, не отвечающего определенной, им же одобренной политической ориентации, а также Г.С.[I] должен был просить главковерха не настаивать на назначении генерала Лечицкого главкосевом, к чему сначала Вр. правительство не встретило препятствий, а затем изменило свой взгляд, причем все дело комментировалось в неблагоприятном для генерала Корнилова свете в близких ко дворцу кругах. 8 августа Г.С. Фонвизин вызвал меня к аппарату и предложил мне не удививший меня, хотя и досадный вопрос, не состоялась ли отставка генерала Корнилова, о чем в этот день распространились слухи в Ставке. Я ответил отрицательно и в последующей беседе узнал от Г.С., что в Ставке царит настроение, не удовлетворяющее его, и что Г.С. Фонвизин немедленно выезжает для доклада Б.В. Савинкову и мне обстоятельств, его обеспокоивших. По приезде Г.С. сообщил, что в мое отсутствие из Ставки, связанное молвой с надеждами на мое невозвращение в Могилев, сильно возросло влияние на генерала Корнилова его Штаба, стремившегося толкнуть его на шаги, могущие повлечь печальные последствия, причем работа Штаба в этом направлении облегчается слухами, не прекращавшимися и не лишенными основания, об отставке ген. Корнилова, это не могло не создавать в нем[II] известной нервозности. Г.С. Фонвизин сообщил, что ген. Корнилов с полной готовностью исполнил все те деловые просьбы, которые он ему от моего имени передал, но что, несмотря на то что главковерх уже предупредил Вр. правительство о своем приезде 10-го числа, ген. Корнилов подчеркнул, что могут случиться такие события на фронте, которые заставят его по стратегическим причинам отказаться от приезда и доклад сделать по телеграфу. Ген. Корнилов под влиянием Штаба и всей совокупности слухов опасался какого-то непредвиденного действия относительно него и не желал, по-видимому, покидать Ставку.

Возможно, что известное значение имело и то невыясненное в причинах столкновение, которое поезд главковерха[III] при его приезде в Петроград 3 августа имел с загруженными шпалами вагонетками. Я не счел тревогу Г.С. Фонвизина сколь-либо преувеличенной, так как опасался, что Штаб, стремясь разъединить ген. Корнилова с представителями демократического образа мысли в лице Б.В. Савинкова и моем, изобразит стратегическую обстановку так, чтобы воспрепятствовать поездке генерала Корнилова в Петроград, аннулировать этим изготовленный мною доклад и путем представления ген. Корниловым по телеграфу доклада в духе Ставки заставить его сжечь корабли.

Б.В. Савинков, разделяя указанные опасения, счел нужным вызвать генерала Корнилова к аппарату и представить ему необходимость его приезда. По-видимому, влияние Штаба успело значительно окрепнуть. На все доводы Б.В. ген. Корнилов указывал на невозможность приехать из-за стратегических соображений. Видя бесплодность убеждений Б.В., формулированных в ему обычно свойственной корректной и сдержанной форме, я в свою очередь обратился к генералу Корнилову с соображениями, подкрепляющими аргументы Б.В., причем, вследствие серьезности положения, отойдя от привычных форм языка официального, обострил форму изложения, дабы дать почувствовать генералу Корнилову всю важность его присутствия в Петрограде и всю вредоносность

I Г.С. — здесь и далее имеется в виду Г.С. Фонвизин.

II Слова *«в нем»* вписаны над строкой.

III Далее вписано над строкой и зачеркнуто слово *«имел»*.

влияния нездоровой атмосферы, окружавшей его в Ставке. Результатом разговора был отъезд генерала в Петроград. Юзограмму при сем прилагаю[1].

На вокзале ген. Корнилов был встречен Б.В. Савинковым, М.И. Терещенко и мной, и мы в вагоне обсудили доклад, который был, за подписями Б.В. Савинкова и моей, нами генералу Корнилову представлен. Генерал Корнилов пожелал внести два несущественных редакционных изменения. Министр и[ностранных] д[ел], не касаясь вопросов общегосударственных, высказывал разнообразные соображения по вопросам военноведомственным, однако из сего не воспоследовало необходимости в каких-либо изменениях в докладе. Я отбыл с генералом Корниловым 10-го вечером в Ставку, чтобы оттуда отправиться на Московское совещание. В пути мною была получена телеграмма Б.В. Савинкова о состоявшейся его отставке. Я намеревался также выйти в отставку из солидарности с Б.В. и перед отъездом представил ему выбрать ее[II] время[III]. По приезде в Могилев я имел беседу с Б.В. Савинковым и Г.С. Фонвизиным по аппарату. Они известили меня, что отставка Б.В. прошла под знаком личных отношений его с министром-председателем, и в частности, было учтено антидисциплинарное поведение Б.В. как упрвоенмина, прекратившего свои ежедневные доклады у министра-председателя, но не прекращавшего, однако, ведения текущих дел. Через несколько часов я был вторично вызван к аппарату Г.С. Фонвизиным, который сообщил, что Б.В. Савинков получил предложение остаться, с тем, однако, чтобы я ушел в отставку. Причин такого пожелания указано не было. При полной неопределенности положения как Б.В. Савинкова, не соглашавшегося при подобном условии войти во Временное правительство, так и моего, я вместе с генералом Корниловым выехал в Москву. Прежде чем говорить об обстановке Московского совещания, отмечу встречи с г.г. Аладьиным и Завойкой, имевшие место в промежуток между 20 июля и 13 августа. Г[осподин] Завойко 28 или 29 июля был в Ставке, к генералу Корнилову не заезжал, а посетил меня в комиссариате и сообщил под большим секретом об имеющихся у него сведениях о монархическом заговоре, главными участниками коего будто бы являются в[еликий] к[нязь] Павел Александрович, г-жа Пистолькорс и г. Берг, и о серьезном положении в Румынии, рекомендуя привлечь на службу по румынским делам некоего Кюрца, которому, по словам г. Завойко, можно верить, как ему самому.

Г[осподин] Завойко просил меня поддержать его в разговоре, который он по поводу вышеизложенного собирался иметь в Петрограде с Б.В. Савинковым. Я ничего определенного г. Завойко не сообщил, и он расстался со мной, прося меня его вызвать, если мне будет нужно, по адресам, оставленным им у генерала для поручений при главковерхе полковника Голицына. Я затруднился бы указать, что дало г. Завойко повод думать, что он может быть мне нужен, но могу отметить, что для того, чтобы считать себя и с Б.В. Савинковым и со мной на самой дружеской ноге, г. Завойко в особом поощрении не нуждался. Так, еще в Каменец-Подольском он, беседуя со мной всего лишь в четвертый раз в жизни, а с Б.В. Савинковым — во второй, он поверг нас в немалое изумление заявлением, что у нас с ним секретов быть не может.

Я известил Б.В. Савинкова о посещении г. Завойко и предварил его о желании г. Завойко с Б.В. иметь беседу.

[I] Приложение V (запись разговора по прямому проводу Л.Г. Корнилова с Б.В. Савинковым (дата на документе отсутствует) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 23. Л. 92–102.

[II] Слово *«ее»* вписано над строкой.

[III] Далее зачеркнуто: *«моей отставки»*.

4 августа ко мне на квартиру в Петроград позвонил А.Ф. Аладьин, с которым я не был знаком, и выразил желание со мной познакомиться, предложил позавтракать вместе в Европейской гостинице. Я принял приглашение. Разговор наш за завтраком показался мне занимательным по оригинальности и остроумию суждения А.Ф. Аладьина, — суждения его об Англии, где он провел многие годы в изгнании, интересными. Я в уважении к деятельности А.Ф. Аладьина как члена Первой Государственной Думы отнесся предупредительно к его желанию посетить Ставку в качестве гостя Верховного главнокомандующего и моего.

В Москву генерал Корнилов прибыл 13-го числа. Встреча его носила хотя неофициальный, но восторженный и торжественный характер. На вокзале я не заметил никого из официальных представителей власти. В глаза бросалось множество дам в светлых платьях, стоявших плотными шеренгами вдоль платформы. Перед прохождением вдоль них генерала Корнилова неизвестные мне офицеры, проходя сзади, услужливо снабжали дам цветами, которыми они усыпали путь Верховного главнокомандующего. Моментом особенно напряженным была речь Ф.И. Родичева, приветствовавшего ген. Корнилова, кажется, от имени Государственной Думы. Я не мог разобрать отдельных слов ее, но слышал возлик[1]ования, и в памяти осталось лицо генерала Корнилова, неподвижное, суровое, торжественное, подчеркнутое Георгиевским крестом на шее. После встречи ген. Корнилов, кажется, ездил к Иверской. Я отправился в Кремль во дворец и, встретив там помощника военного министра полковника князя Туманова, узнал, что вопрос о моей отставке еще не разрешился, а потому, передав начальнику кабинета полковнику Барановскому для доклада министру-председателю о своем прибытии и местопребывании, я не нашел нужным затруднять испрошением приема министра-председателя. По-видимому, в Москве существовали даже и в официальных кругах какие-то опасения по поводу предстоявшего будто бы какого-то исключительного выступления генерала Корнилова, и мне казалось, что под знаком этого впечатления прошла беседа генерала Корнилова с министром-председателем вечером по телефону. 13-го вечером я спросил генерала Корнилова, подготовлена ли у него речь, с которой он намерен выступить на заседании 14-го числа, и, узнав, что нет, предложил ему помочь выработать ее содержание. Помимо естественного желания оказать ген. Корнилову возможное личное содействие, я считал себя и обязанным так поступить в силу той ответственности, которая лежала на мне за все политического характера действия главковерха. Свое содействие предложил также г. Завойко, встретивший генерала Корнилова. Помощь г. Завойко выразилась в том, что он под мою диктовку записал текст речи, предварительно в общих чертах обсужденной мною с ген. Корниловым. Эту речь с некоторыми дополнениями, чисто фактического характера, ген. Корнилов и произнес на совещании. Речь была построена на тех же соображениях, которые легли в основу доклада, представленного во Временное правительство, что и было подчеркнуто формальной на него ссылкой в речи и может быть удостоверено из сопоставления текста обоих этих документов.

Встреченный грандиозной овацией правой части совещания, генерал Корнилов обнаружил полную невозмутимость по поводу поведения левой его половины. После речи было заметно некоторое смущение на левой. Фокус внимания же правых кругов, сосредоточенный было на особе генерала Корнилова, переместился на других лиц, выступавших на совещании.

---

[1] Так в тексте.

Тем не менее напряженность отношений между ген. Корниловым и министром-председателем не была устранена, так как новым фактором к ее усилению явилось посещение генерала Алексеева, сообщившего генералу Корнилову о тех шагах, которые были предприняты перед ген. Алексеевым для выяснения его степени готовности занять пост главковерха. В числе посетивших генерала Корнилова лиц были П.Н. Милюков и А.Ф. Аладьин. Последний сказал мне, что он собирается на днях в Ставку и желал бы иметь от меня письменный пропуск на случай, если бы, не застав меня в Ставке, он имел надобность обратиться к содействию моих сотрудников по комиссариату. Я удовлетворил желание А.Ф. Аладьина, написав на листе бумаги карандашом записку примерно такого содержания: «Многоуважаемый Алексей Феодорович! Если Вы собираетесь посетить Ставку, буду рад Вас видеть также у себя в комиссариате. М.Ф.»

15 августа ген. Корнилов и я возвратились в Ставку, и 17-го числа было получено известие, что Б.В. Савинков и я сохраняем свои посты и что министром-председателем в принципе принята программа, изложенная в докладе, представленном ген. Корниловым, Б.В. Савинковым и мной во Временное правительство. Так как из армии не переставали поступать сведения о непрекращающихся недоразумениях между начальствующими лицами и их штабами, комиссарами и комитетами, и так как генерал Корнилов продолжал считать военное положение чрезвычайно угрожающим, я предложил ему созвать Совещание председателей комитетов фронтовых и армейских, комиссаров и представителей штабов, для того, чтобы при совместном обсуждении выяснить наиболее острые противоречия и, поставив в известность относительно предстоящих военных затруднений, побудить, используя авторитет главковерха, к взаимной уступчивости и дружной работе на пользу свободы родины. Я считал, что таким путем хотя бы временно можно было устранить неудобства, вытекающие из-за отсутствия положения о комитетах и комиссарах. В связи с созывом совещания возникло недоразумение, вследствие неудачной редакции телеграммы, посланной полковником Плющевским-Плющиком, в которой вместо приглашения вышеупомянутых лиц в Ставку говорилось о приказании им на этот предмет со стороны главковерха. Полковник Плющевский-Плющик по моему представлению вынужден был дать циркулярную телеграмму с признанием неловкости своей телеграммы и принятием вины на себя. Этому недоразумению, к счастью выясненному, и комитеты и некоторые из комиссаров склонны были придавать весьма серьезное значение. Совещание, назначенное на 22 августа, было перенесено на 24-ое, так как Б.В. Савинков уведомил меня о том, что к этому числу будет изготовлен в Политическом управлении законопроект о комитетах и комиссарах, и заслушание[1] его было решено сделать главным предметом занятий совещания. Тем временем я предпринял шаги перед генералом Корниловым с целью ликвидации деятельности Главного комитета Союза офицеров, а также Политического управления при Ставке. Я основал свои обвинения против деятельности Главного комитета на руководящей статье, помещенной в № 4 «Известий Союза»[131], где в качестве приемов борьбы с офицерами-большевиками выдвигались такие способы, как вмешательство в их частную жизнь и преследование всегда и всюду вообще, причем указывалось, что при этом особенно разбираться в средствах намерения нет. Руководящий орган Союза, ополчаясь против большевиков, не устанавливал, однако, никакого объективного признака большевизма и, распространяя категорию лиц, подлежащих преследованию, также и на демагогов, тем самым ставил под общую угрозу всех инако-

[1] Так в тексте.

мыслящих. Я также подчеркивал, что пребывание Главкомитета в Ставке и использование им этого обстоятельства пометкой телеграммы местопребыванием отправителя Ставкой[132] создает в общественном мнении армии представление весьма нежелательное о такой связи Ставки с Главным комитетом, том доминирующем влиянии, которое будто бы это учреждение на направление дел в Ставке имеет. Принимая во внимание эти доводы и остановившись на соображении моем, что Главкомитет статьей своей поставил в положение с традиционным понятием об офицерской чести [несовместимым], заявил, что он немедленно отдает распоряжение Главкомитету выехать из Ставки в Москву или какое-либо иное место. Считая, что этим деятельность Комитета будет фактически парализована, я тем не менее поставил также вопрос о запрещении штабом обслуживать персон Главкомитета и его отделения в армиях при помощи казенных средств связи и передвижения. Генерал Корнилов сказал, что надлежащее распоряжение будет сделано начальником Штаба. Зная, что генерал Лукомский состоит почетным членом Комитета, я не сомневался, что придется выдержать в этом вопросе борьбу. В тот же вечер я поставил вопрос об упразднении Политического управления при Ставке, указывая, что предмет его ведения входит в круг компетенции комиссариата, и подчеркивая несоответствие занимаемому посту полковника Плющевского-Плющика, расходящегося значительно в своей политической ориентации с главковерхом и не отличающегося тем служебным и политическим тактом, который лицу, занимающему столь ответственный пост, должен быть присущ. Подкрепляя свои соображения примерами, в частности я указал на то неловкое положение, в которое генерал Корнилов был поставлен телеграммой полковника Плющевского-Плющика относительно созыва совещания. Генерал Корнилов, не возражая, выразил намерение и этот вопрос обсудить с начальником Штаба. На следующий день меня посетили представители Главкомитета, два штаб-офицера, один из них — подполковник Новосильцев, и просили не настаивать на переводе Главкомитета из Ставки, следствие фактического уничтожения таким путем Союза, деятельность коего допущена Временным правительством. Такого же порядка аргументы приводились по поводу запрещения использования [для] целей Союза штабных средств. Не вдаваясь в то, каким образом могут отозваться предложенные мною меры на деятельности Союза, я обратил внимание его руководителей на статью в № 4 «Известий» и достиг того, что подполковник Новосильцев признал ее недопустимость, которую он, однако, извинял отсутствием умысла у ее автора.

Вечером того же дня я имел вторичную беседу на указанные темы с генералами Корниловым и Лукомским. Не возвращаясь к вопросу о переезде Комитета, по которому уже имелось определенное обещание генерала Корнилова, ген. Лукомский отстаивал право Союза офицеров пользоваться штабными средствами. На мое указание, что Союз, как частная профессиональная организация, не имеет в этом отношении никаких прав, последовало возражение, что совершенно таким же порядком должны тогда пониматься права и Совета С и РД. Я возражал, останавливаясь на ЦИК СС и РД как правопреемнике Петроградского совета и указывая, что он имеет публично-правовой характер вследствие участия в одобрении первого состава Временного правительства и обладания функциями контроля, выразившимися в известной формуле «постольку поскольку», а также в последующем праве принимать отчет от министров-социалистов. Мнение генерала Корнилова склонялось в пользу генерала Лукомского, но вследствие решительных моих настояний отказа моему требованию не последовало, и мне было предложено составить проект приказа по армиям, в котором были бы формулированы мои пожелания. Генерал Лукомский также возражал против

ухода полковника Плющевского-Плющика и упразднения Политического управления. Мне удалось добиться того, чтобы все, как входящие, так и исходящие, бумаги Политического управления поступали ко мне на просмотр и заключение. 18 и 19 июля на один день приезжал А.Ф. Аладьин, который, не имея пристанища, воспользовался моим гостеприимством. Цели приезда г-на Аладьина мне известны не были. Вечером ко мне приехали г-н Завойко и профессор Московского университета Яковлев, был также г. Аладьин. Г[осподин] Завойко несколько раз настойчиво пытался завязать разговор на политические темы, но я решительно, хотя и не без труда, такого рода беседу отклонял. Все означенные лица затем из Ставки выехали. Г[осподин] Аладьин меня много расспрашивал о Б.В. Савинкове. Я не скрывал от него моей искренней привязанности и глубокого уважения к Б.В. и выражал мое удовлетворение по поводу того, что имею честь работать с ним. Г[осподин] Аладьин желал встретиться с Б.В. в Ставке, и я сообщил, что ожидаю Б.В. 23-го числа. Из политических мнений г. Аладьина я удержал в памяти его отрицательное отношение к кадетам и к П.Н. Милюкову в частности, а также указание на то, что Вр. правительство не ответственное перед представительным учреждением, не соответствует тем самым республиканским идеалам, которые общи громадной части населения России. Не считая ни 4-ю Государственную Думу, ни СР и СД удовлетворяющими назначению такого представительного органа, г. Аладьин полагал, что он может быть конструирован из прогрессивной части 4-й Госуд[арственной] Думы, пополненный левыми элементами 1, 2, 3-ей Дум и достаточным числом делегатов ЦИК, и что для создания твердой и авторитетной власти наилучшим средством явилась бы полная парламентская ответственность правительства перед таким учреждением.

23 августа приехал управляющий Военным министерством Б.В. Савинков. Встреченный на вокзале ген. Лукомским, он сейчас же вместе с ним проехал к генералу Корнилову и прошел к главковерху в кабинет. Я, имея в виду, что Б.В. будет необходимо переговорить с генералом Корниловым не в присутствии ген. Лукомского, но что просить его одного[I] удалиться будет неловко, вошел в кабинет, чтобы облегчить задачу Б.В. удалением нас обоих.

Б.В. после разговора наедине с ген. Корниловым приехал ко мне и выразил свою тревогу по поводу настроения ген. Корнилова. При вечерней беседе он просил присутствовать и меня. Мы обедали вместе у генерала Корнилова и после обеда прошли в его кабинет для деловой беседы; присутствовал ген. Лукомский. Б.В. передал генералу Корнилову просьбу министра-председателя о сосредоточении вблизи Петрограда конного корпуса для поддержки Временного правительства на случай беспорядков и выступления большевиков по примеру июльских дней при предстоящем объявлении Петрограда на военном положении.

Ген. Корнилов ответил, что даст надлежащие указания командиру 3-го конного корпуса, который со стратегическими целями в течение августа месяца переводился с Юзфронта и сосредоточивался в районе станции Дно. Б.В. Савинков прибавил, что он просит, чтобы этим корпусом не командовал ген. Крымов и чтобы в составе его была не дикая дивизия, а кавалерийская регулярная. Меня не удивили пожелания Б.В., так как я накануне, беседуя с ген. Лукомским, обращал внимание его на нежелательность предположенного им назначения ген. Крымова командармом Особой [армии], вследствие несоответствия в политическом смысле. Дикая же дивизия по составу русских[II] офицеров, большинства

[I] Слово *«одного»* вписано над строкой.

[II] Слово *«русских»* вписано над строкой.

бывших чинов гвардейской кавалерии, тоже представлялась мне мало отвечающей целям Временного правительства, которое, считаясь с возможными беспорядками, должно было быть весьма осмотрительным в выборе орудия подавления их.

Центром беседы было[I] выделение Петрограда из Петроградского военного округа[133], переходившего по стратегическим соображениям по настоянию главковерха в его подчинение. Генералы Корнилов и Лукомский горячо возражали против выделения. Б.В. и я настаивали, и нам удалось Верховного главнокомандующего поставить на нашу точку зрения. Затем в кабинет были приглашены генерал Романовский и полковник Барановский, прибывший также в Ставку для того, чтобы нанести на карту границу выделяемой области. Ген. Романовский позволил себе при этом высказать, что при правительственном многоголовии[II] и безволии необходимо, имея в виду беспорядки, город также подчинить главковерху. Я сказал ген. Романовскому, что каковы бы его мнения ни были, он не может высказывать их в таком виде в присутствии одного их членов Временного правительства и моем. Тогда в разговор вступил полковник Барановский, высказавшийся, что, имея в виду связь с финляндской группой войск, чрезвычайно неудобно выделять Петроград и его железнодорожный узел из ведения Верховного главнокомандующего. Эти неожиданные соображения полковника Барановского, хотя и прибывшего в Ставку с целями неизвестными, но по обязанностям службы своей, как начальника кабинета А.Ф. Керенского, казалось бы, долженствовавшего поддерживать при официальных переговорах точку зрения Вр. правительства, поколебали было генерала Корнилова, и лишь вторичное напоминание Б.В. Савинкова, что вопрос уже решен, прекратило дальнейшее обсуждение этого вопроса.

На следующий день последовало открытие Совещания комиссаров и комитетов, причем на предварительном частном совещании я обратился к представителям комитетов с призывом не протестовать в целях единения армии против присутствия представителей штабов. Мое обращение было уважено, и совещание в полном составе было открыто речью управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова.

Штабом были назначены присутствовать в качестве представителей полковник Плющевский-Плющик и полковник Сахаров. Я просил генерала Лукомского заменить полковника Сахарова, слишком отмеченного его ролью на Московском совещании, другим лицом и был удивлен тем взрывом гнева, который последовал со стороны всегда выдержанного генерала Лукомского, заявившего, что он уйдет, если будут предъявляться такого рода требования. Так как я имел инструкцию министра-председателя о непременном сохранении генералом Лукомским его поста, я был поставлен в затруднительное положение, но мне все-таки удалось настоять на отозвании полковника Сахарова.

По окончании совещания стало известно, что генерал Лукомский потребовал уничтожения в телеграммах в газеты, имевших мою визу, того места, в котором говорилось о недопущении мною полковника Сахарова на совещание. Так как генерал Корнилов не успел просмотреть весь законопроект о комитетах и комиссарах, привезенный Б.В. Савинковым, и по некоторым пунктам имел возражения, то на совещании был доложен не самый законопроект, а лишь те соображения, которые легли в основу его.

После доклада начальника Политического управления поручика Степуна и прапорщика графа Толстого высказалось по два оратора от групп, присутство-

---

[I] Далее зачеркнуто: *«объявл»*.

[II] Так в тексте.

вавших на совещании, причем примирительный и крайне выдержанный тон, господствовавший даже тогда, когда обнаруживались разномыслия довольно крупные, свидетельствовал о ясно сознаваемой всеми серьезности положения и преобладающем чувстве ответственности.

К концу занятий совещания прибыл генерал Корнилов и обратился к собранию с речью, в которой сначала указывал на необходимость единения ввиду секретных сведений о грозных намерениях врага, а затем внезапно, поддавшись, по-видимому, впечатлениям, которые усиленно ему внедрялись лицами, бывшими ярыми противниками институтов комитетов и комиссаров, генерал Корнилов в резком, совершенно не соответствовавшем всему совещанию тоне заявил, указывая рукой на проект, лежавший перед графом Толстым, что он «этого» никогда не утвердит.

От главковерха, по-видимому, ускользнуло, что, идя ему навстречу, Б.В. Савинков нашел возможным самого проекта не оглашать и что как им, так и мною были приложены все усилия к мирному и согласному разрешению всех наиболее острых вопросов. Я должен отметить, что существованию комиссаров и комитетов и Б.В. Савинков, и я придавали громадное значение и, как усматривается из доклада во Временное правительство, стремясь поднять боеспособность армии, желали дать в то же время этим институтам твердую и законную почву и законом оградить их от каких-либо покушений со стороны военной власти, ибо для нас было несомненным, что дисциплинированная армия могла бы стать послушным орудием в руках военачальника для достижения целей и невоенного характера, и что единственной гарантией против такого ее использования являлись бы комиссары и комитеты. В особенности жизненным Б.В. и я считали институт комиссаров и всемерно стремились к поднятию их значения в армии, привлекая на посты комиссаров таких видных политических деятелей, как, например, В.А. Жданов и Н.И. Иорданский.

Я говорил последним, стремясь вернуть совещанию то настроение, которое так несчастливо было нарушено главковерхом.

Б.В. Савинков уехал, не дождавшись конца совещания, и при расставании мы имели подробную беседу относительно впечатлений его от пребывания в Ставке в связи с проведением в жизнь политики единения всех живых сил страны в целях образования сильного, сознающего свои цели и задачи правительства. Б.В. высказывал, что ему удалось выиграть борьбу налево, склонив А.Ф. Керенского к принятию положений нашего доклада, и что мне теперь придется выдержать борьбу направо с генералом Корниловым, считаясь с индивидуальными его качествами, борьбу более трудную. Б.В. метафорически обозначил А.Ф. Керенского и генерала Корнилова теми двумя столпами, левым и правым, которые должны символизировать коалицию и быть индивидуально непременной ее основой. Я выражал надежду, что мне удастся утвердить генерала Корнилова в его согласии, которое он после убеждения Б.В. Савинкова дал, работать вместе с А.Ф. Керенским и поддерживать его. Но я в то же время указывал, что моя задача чрезвычайно затруднена, во-первых, возросшим влиянием Штаба, против чего в свое время я предлагал определенные меры, и, во-вторых, поведением А.Ф. Керенского относительно генерала Корнилова, накопившего раздражение против министра-председателя и недоверия к нему. 25-го днем, после закрытия совещания, я поехал на вокзал встретить министра иностранных дел и увидел там полковника Голицына и адъютанта главковерха прапорщика Долинского, с которыми, как людьми близкими к генералу Корнилову, я поделился тяжелым впечатлением, произведенным на меня речью главковерха на совещании, и я не скрыл от них, что, несмотря на мою преданность и уваже-

ние к[I] генералу Корнилову, я не колеблясь пойду против него, если последуют и в будущем такие выступления, неприемлемые политически и не соответствующие основанным на взаимном доверии отношениям нашим. Во время разговора подошел г. Завойко, снова появившийся в Ставке, и спросил меня о причинах моего неудовольствия. Я удовлетворил его любопытство. Г[осподин] Завойко спросил меня, что я намерен предпринять. Я сказал, что изложу все генералу Корнилову так же прямо, как и его друзьям. Г[осподин] Завойко просил меня не волноваться и дать ему предварительно переговорить с главковерхом. Я его помощь отклонил.

М.И. Терещенко не приехал, но прибыл А.Ф. Аладьин, которого я, однако, на сей раз к себе не пригласил, так как Б.В. Савинков посоветовал мне быть с ним осторожным.

Днем я явился к генералу Корнилову. Г[осподин] Завойко, дежуривший в адъютантской, пытался меня уговорить повременить с объяснением с главковерхом, но я, не давая ответа, просил обо мне доложить.

Генерал Корнилов принял немедленно, и, приступив прямо к делу, я сказал о том весьма тяжелом впечатлении и в политическом и личном смысле, произведенном на меня речью на совещании, и повторил генералу Корнилову то, что высказал приближенным к нему лицам. Генерал Корнилов был огорчен услышанным и сказал, что всегда готов признать свою ошибку. Я ему доложил, что граф Толстой под наблюдением поручика Степуна и моим приготовляет тезисы, которые затем должны будут влиться в закон о комиссарах и комитетах, и что эти тезисы представляют собой ту крайнюю линию, дальше которой Военное министерство не пойдет. Я просил генерала Корнилова иметь это в виду при рассмотрении им тезисов.

Затем беседа перешла на темы общего характера, и довольно неожиданно генерал Корнилов спросил, не думаю ли я, что из того положения, в котором находится Россия, единственный выход лежит через военную диктатуру. Я ответил отрицательно, указывая на то[II], что, мысля реально, диктатором возможно предположить только генерала Корнилова и что, признавая всю силу воли и другие высокие качества Лавра Георгиевича, я, однако, полагаю, что единоличие управления, в чем теоретически заключается идея и смысл диктатуры, будет в данном случае фиктивным, так как самому Л.Г.[III] известно, что он[IV] не обладает достаточными познаниями в областях знаний невоенных и что поэтому фактически его именем будет управлять безответственный коллектив, нечто вроде того, что в обыденной речи именуется камарильей, и что даже если бы диктатуру номинально хотя бы удалось осуществить, она не была бы принята широкими слоями демократии, и была бы вызвана гражданская война, плоды которой пожал бы один Вильгельм.

Последним аргументом я выставил то, что демократические и республиканские деятели и круги, теперь поддерживающие ген. Корнилова, Б.В. Савинков и я в том числе, должны будут пойти против него. Тогда генерал Корнилов спросил меня, что же делать, когда ясно, что у данного состава правительства не хватает энергии на проведение тех мероприятий, которые необходимы для спасения страны от внешнего и внутреннего рабства, и когда время не терпит.

I Предлог *«к»* вписан над строкой.

II Слова *«указывая на то»* вписаны над строкой.

III Л.Г. — здесь имеется в виду Л.Г. Корнилов.

IV Слово *«он»* вписано над строкой.

Я ответил, что сильная революционная власть возможна и в форме иной, чем диктатура. Таким видом ее мне представляется Временное правительство, имеющее в своем составе директорию или малый военный кабинет, наделенный большими полномочиями для разрешения всех вопросов, связанных с войной. Развивая свою мысль далее, я указал, что имеются основания полагать, что именно в таком виде разрешится правительственный кризис, который должен последовать с принятием министром-председателем положений нашего доклада, настолько определенного, что либо с его отвержением должны были уйти в отставку ген. Корнилов, Б.В. Савинков и я, либо теперь, с принятием его министром-председателем, должны будут выйти из состава кабинета лица, для которых его положения являются заведомо неприемлемыми. Я полагал далее, что такая директория может быть популярна и сильна только тогда, если в составе ее в качестве <председателя будет находиться А.Ф. Керенский и участие в ней примет генерал Корнилов. Ныне «Совет пяти» и осуществляет этот именно вид управления>[I], с тем, однако, уклоном в сторону диктатуры, что ныне пост министра-председателя и главковерха совмещен в одном лице.

Генерал Корнилов сказал: «Да, Вы правы, а Вы, Максимилиан Максимилианович, в такой кабинет вместе со мной вошли бы?» «Да, — ответил я, — счел бы за честь, но при непременном условии нахождения в нем А.Ф. Керенского и Б.В. Савинкова и признания ими моего участия желательным». Генерал Корнилов снова вернулся к единоличной диктатуре: «Ну, а если бы оказалось, что Временное правительство и такой малый кабинет в его составе все-таки недостаточно сильны и оказалось бы нужным перейти к диктатуре, Вы не согласились бы мне помочь?» *[Филоненко]:* «Нет[II], Лавр Георгиевич, во-первых, в силу тех доводов, которые я Вам уже привел, во-вторых, потому, что я не предвижу необходимости диктатуры ни при каких обстоятельствах». *[Корнилов]:* «Но предположите же на минуту, М.М.[III], что Вы сами пришли бы к выводу, что в диктатуре единственное спасение страны, которую Вы ведь любите, что бы Вы сделали тогда?» *[Филоненко]:* «Я не могу себе представить такого положения, Лавр Георгиевич. Вы и меня затрудняете таким вопросом, но если Вам угодно, то попробую его себе вообразить. Я бы бесповоротно ушел тогда от активной политической жизни и как республиканец покинул, вероятно, страну». Генерал Корнилов прошел несколько шагов по комнате в раздумье. *[Корнилов]:* «Да, я тоже стою за директорию. Я обещал Савинкову поддержку Керенского, хотя он слабый человек, и исполню это. Но только надо все делать скорей, ведь время не ждет». *[Филоненко]:* «Я хотел бы прибавить еще одно слово, Лавр Георгиевич. Обратите внимание на идею Аладьина о создании до созыва Учредительного собрания представительного органа, перед которым правительство должно быть, безусловно, ответственным. Можно сказать о составе его, но в принципе только то правительство может быть действительно сильным, которое за каждое свое действие отвечает пред представительным органом и готовое перед его волей каждый момент преклониться и уйти. Если нет ответственности парламентской, всегда будет или факт узурпации, или склонность к ней».

Вечером того же числа я был у генерала Корнилова по очередным текущим делам, и он, вернувшись к нашей беседе, сказал мне, что был Львов с предложениями от Временного правительства (не было сказано — какими) и что

[I] Текст, заключенный в угловые скобки, отчеркнут карандашом. На полях вписана помета: *«Аладьин авт[ор]»*.

[II] Слово *«нет»* вписано над строкой.

[III] М.М. — здесь имеется в виду М.М. Филоненко.

генерал Корнилов просил приехать 27-го в Ставку А.Ф. Керенского и Б.В. Савинкова для обсуждения вопроса о сформировании нового кабинета, при этом генерал Корнилов прибавил, что он желал бы видеть меня на посту министра иностранных дел. Я ответил, что если Керенский и Савинков будут участвовать в кабинете, и Керенский будет министром-председателем, и они оба найдут мое участие желательным, я буду считать своим долгом идти в кабинет. Тогда генерал Корнилов спросил меня, кто из политических деятелей мог бы войти в кабинет, ставящий себе целью оборону страны и приведение армии и тыла в порядок. Я указал на бывшего министра почт, телеграфов И.Г. Церетели, Г.В. Плеханова, Аргунова, Малянтовича, А.С. Зарудного, Г.С. Тахтамышева и из кадетов упомянул В.Д. Набокова, А.В. Карташева и Ф.Ф. Кокошкина. Имена гг. Аладьина[1], Завойко и Львова названы ни генералом Корниловым, ни мной не были. Я прибавил, что все эти имена сообщаются мной в порядке справки, ибо вопрос о составе кабинета должен быть обсужден при свидании с А.Ф. Керенским и Б.В. Савинковым.

Днем 26-го ко мне приехали гг. Аладьин и Завойко, рассказавшие содержание предложения г. Львова в виде трех вариантов: или ухода А.Ф. Керенского, или директории, или диктатуры генерала Корнилова по назначению от Временного правительства. Я не высказал своим собеседникам удивления, которое было, однако, весьма велико. Я ощущал также некоторую неловкость от того, что правительство помимо меня ведет с генералом Корниловым переговоры по столь важному вопросу и что я узнаю содержание их от лиц посторонних. Я предпочитал молчать и предоставил говорить моим собеседникам. Г[осподин] Аладьин был также весьма сдержан и ничего существенного или обязывающего не высказывал. Г[осподин] Завойко, напротив, был весьма словоохотлив и, между прочим, сообщил, что кто-то возражает против моего появления на посту министра и[ностранных] дел, что кто-то возражает, во всяком случае, против приглашения мною с собой Г.С. Фонвизина, против которого кто-то в Министерстве и[ностранных] д[ел] сильно настроен, что ему лично, г. Завойко, ничего не нужно для себя, что он будет счастлив, когда вернется к себе на нефтяные промыслы, но что он готов, если это необходимо, быть министром продовольствия и членом директории.

Речи г. Завойко ни с моей стороны, ни со стороны г. Аладьина отклика не встречали. Г[осподи]н Аладьин опять спросил меня о Б.В. Савинкове. Я ответил кратко, что могу повторить лишь о своем исключительном к нему уважении и что во всяком случае и при всех условиях я буду свои действия точно согласовывать с его.

Днем 26-го числа меня посетил полковник Верховский, командующий войсками Московского округа, и высказал свою тревогу по поводу позиции Ставки. На меня чрезвычайно располагающе подействовало открытое и откровенное обращение ко мне А.И. Верховского, которого видеть я имел удовольствие первый раз в жизни, и я, в свою очередь, обрисовал ему с полной откровенностью положение в Ставке, как я его понимал, влияние Штаба, политику Б.В. Савинкова и мою, наше стремление удержать ген. Корнилова на верном пути, трудности, которые в этом отношении приходится преодолевать.

Так как мои мысли встретили полное сочувствие А.И. Верховского и так как ему предстояло иметь беседу с главковерхом, я просил его, в противовес влиянию штаба, заявить генералу Корнилову о его, полковника Верховского, солидарности с политикой Б.В. Савинкова и моей, направленной к созданию сильной

[1] Далее зачеркнуто: *«и»*.

демократической и революционной власти. Беседа с А.И. Верховским происходила в присутствии Г.С. Фонвизина и, насколько я помню, второго моего помощника — С.В. Тура.

А.И. Верховский вечером был у меня снова и просидел до поздней ночи. На всякий случай мы с ним условились относительно координации действий, если бы Ставка решилась на что-либо неожиданное. Из моей квартиры А.И. Верховский говорил по телефону с ген. Лукомским, и после одной фразы, оброненной ген. Лукомским и переданной мне А.И. Верховским с обязательством никому ее не говорить, я посоветовал А.И. Верховскому уезжать по возможности безотлагательно. В 9 часов вечера я по обыкновению был по текущим делам у генерала Корнилова. В кабинете были гг. Аладьин и Завойко. Г[осподин] Завойко начал беседу на политическую тему, говорил о составе кабинета и о своей роли в качестве министра продовольствия. Г[осподин] Аладьин и я воздерживались от суждений. Мне показалось, что словоохотливость г. Завойко не вызывает сочувствия генерала Корнилова. Вообще отношения г. Завойко с главковерхом после Каменец-Подольска не носили прежнего интимного характера. Г[осподин] Завойко в Ставке бывал только наездами, и, по-видимому, у него были нелады со Штабом.

В тот же вечер я осведомлялся у генерала Корнилова, выехал ли из Ставки во исполнение его приказания Главкомитет Союза офицеров. Генерал Корнилов обещал справиться. По возвращении домой я был вызван к аппарату Юза около 12 1/2 ночи Б.В. Савинковым, который переговорил со мною о положении в Ставке[134]. Не имея шифра и не считая возможным говорить открыто, я иносказательно описал положение. Под высотами, переходящими из рук в руки, я разумел генерала Корнилова и хотел этим характеризовать упорство борьбы. Под доблестными генералами, шедшими в атаку, я разумел генерала Лукомского и других, стремившихся склонить генерала Корнилова на свою сторону. Под воодушевлением министром-председателем я разумел его теплое отношение к генералу Лукомскому, под двумя любимыми женщинами, нужными для того, чтобы ребенок выздоровел, разумел А.Ф. Керенского и ген. Корнилова, под ребенком — Россию. Указывая, что согласен только на танец между двумя Геркулесовыми столбами, я разумел опять-таки сотрудничество генерала Корнилова и А.Ф. Керенского, в зависимости от чего ставил свое участие в активной работе. Я был весьма удивлен непонятным вызовом меня и Г.С. Фонвизина в Петроград, особенно в связи с ожидавшимся приездом А.Ф. Керенского и Б.В. Савинкова в Ставку. Я усмотрел в этом недопустимый признак недоверия А.Ф. Керенского и просил уволить меня в отставку. Б.В. отклонил это мое желание и, хотя я указывал, что считаю свое отсутствие из Ставки[1] крайне рискованным, продолжал настаивать на моем отъезде. Так как я все-таки не мог себе усвоить сущности происходящего, я просил Б.В. Савинкова оставить мне письмо с необходимыми разъяснениями.

Разговор наш возобновлялся два раза вследствие порчи провода, и я только в 4 часа ночи возвратился домой и сообщил о происшедшем Г.С. Фонвизину и С.В. Туру. Мы провели почти весь остаток ночи в тщетных догадках. Во всяком случае, с первым поездом, т.е. 27-го в три часа дня, решено было во исполнение распоряжения выехать. 27-го в 9 утра я был разбужен адъютантом генерала Корнилова, [просившего] немедленно приехать к генералу Корнилову. Пока я одевался, ко мне два раза звонили по телефону, справляясь, скоро ли я приеду, и давая повод думать, что произошло нечто исключительное.

[1] Так в тексте.

Приехав, я был немедленно принят генералом Корниловым, который молча протянул мне телеграмму приблизительно такого содержания: «Приказываю Вам выехать в Петроград, сдав должность главковерха ген. Лукомскому, коему и командовать впредь до назначения нового главковерха. Керенский». Я дважды со всем вниманием прочел телеграмму и сказал, что для меня она является полной неожиданностью и что вместе с тем у меня является предположение о злом умысле какого-нибудь третьего лица, так как телеграмма для столь важного и ответственного документа заключает слишком много формальных дефектов. Так, нет часа отправления, нет исходящего номера, нет прописанного официально звания министра-председателя. Самый адрес имеет частный характер: «Ставка. Генералу Корнилову». Указывая на формальные дефекты, я умолчал о материальных недостатках, мною замеченных. Так, в телеграмме не заключалось ссылки на соответственное постановление Временного правительства, которому одному предоставлена власть отозвания Верховного главнокомандующего. В случае же решения этого вопроса в порядке верховного управления, поскольку вообще такой порядок допустим в государстве, не имеющем официального верховного главу, следовало искать кроме официальной подписи министра-председателя также скрепы соответствующего министра или управляющего министерством. Наконец, в смысле политическом мне казалось странным хотя бы временное назначение ген. Лукомского. Такое нагромождение ошибок в документе, юридически столь незамысловатом и вместе с тем государственно столь ответственном, заставляло меня самым серьезным образом опасаться, что со злонамеренными целями помимо воли министра-председателя посылается телеграмма за его подписью людьми, лишенными элементарных административных познаний, захватившими телеграф, а может быть, и власть.

Я просил генерала Корнилова спокойно ждать выяснения моих сомнений, пока я не переговорю по Юзу с Б.В. Савинковым. Вызвав Б.В., ввиду своих вышеуказанных опасений я прежде, чем начать говорить по существу, просил его дать мне доказательства того, что у аппарата находится именно он. Удостоверившись в этом, я спросил его о подлинности телеграммы, указывая на ее формальные и материальные дефекты. Б.В., не отвечая прямо на вопрос, дал мне понять, однако, что телеграмма подлинная, намекнув на обстоятельства в Петрограде, ее предрешившие. Б.В. продолжал настаивать на моем отъезде, ссылаясь на нежелание министра-председателя со мной встречаться в Ставке. (Фикцию о приезде А.Ф. Керенского в Ставку Б.В. продолжал по его приказанию поддерживать.) Мое недоумение продолжало возрастать, так как я совершенно не мог понять логической связи между предположенным приездом А.Ф. Керенского и Б.В. Савинкова по приглашению генерала Корнилова в Ставку и одновременным распоряжением ген. Корнилову, исходящим от А.Ф. Керенского же, — выехать в Петроград. Выяснить его мнение не удалось, однако я счел долгом обратить внимание Б.В., ссылавшегося на Львова, что с передачей им мнений генерала Корнилова происходит нечто весьма неладное и что ген. Корнилову приписываются такие суждения, которых он в виду не имел. Я указывал также на то, что может произойти гражданская война, как мне совершенно недвусмысленно заявил генерал Корнилов. Б.В. ответил, что слова Львова подтверждены генералом Корниловым в разговоре по Юзу с А.Ф. Керенским. Ленту[I] разговора с Б.В. Савинковым при сем прилагаю[II].

[I] Перед словом *«Ленту»* зачеркнуто *«копию»*.

[II] Приложение VI (запись разговора по прямому проводу Б.В. Савинкова с М.М. Филоненко 26 августа 1917 г.) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 23. Л. 103–106.

Я немедленно прошел к генералу Корнилову, которого застал в саду, и подтвердил, что, по-видимому, в подлинности телеграммы сомнения быть не может. При этом я просил изложить мне, что именно поручено Львову и с каким поручением он приезжал. Генерал Корнилов изложил ту версию о трех вариантах, которые он поддерживал, и в последующем указал, что он отверг диктатуру и остановился на директории или war cabinet'е. Я попросил его мне сообщить, что спрашивал А.Ф. Керенский по Юзу и что ему ответил генерал Корнилов. Генерал Корнилов ответил, что он был спрошен, подтверждает ли он сообщение Львова, и ответил, что подтверждает.

Я в более резких, чем обычно, выражениях высказал, что и форма вопроса А.Ф. Керенского, и ответ генерала Корнилова абсолютно недопустимы в каких-либо серьезных деловых сношениях, а тем более при решении дел громадной государственной важности, так как А.Ф. Керенский не обозначил, что же он спрашивает, а генерал Корнилов не знал, на что, собственно говоря, он отвечает. Я рекомендовал все-таки генералу Корнилову ехать в Петроград. В это время в сад пришел ген. Лукомский, который, кажется, спросил, отправлять ли офицеров, и получил утвердительный ответ генерала Корнилова. Затем генерал Корнилов прошел к себе в кабинет, пригласив следовать за ним и меня. Там собрались ген. Лукомский, гг. Аладьин и Завойко. Первые два в резких выражениях обвиняли[1] А.Ф. Керенского и Б.В. Савинкова в провокации, причем генерал Лукомский заявил, что ему показалась весьма подозрительной просьба Б.В. Савинкова отставить генерала Крымова от командования 3-им конным корпусом. Я заявил, что, хотя положение для меня неясно, я уверен, что в корне лежит недоразумение, которое еще может и должно быть выяснено, и что, во всяком случае, я не намерен выслушивать что-либо оскорбительное о Б.В. Савинкове. Я заявил, что согласно полученному распоряжению должен выехать в Петроград. Это заявление вызвало дружный протест всех присутствовавших. Г[осподин] Завойко полагал, что мне, вследствие наших хороших с ним отношений, следует остаться в Ставке. Г[осподин] Аладьин полагал, что, как и всякому другому порядочному человеку, мне следует отказать в повиновении правительству, компрометирующему себя провокационными действиями, и что в порядке революции я должен восстать против него. Ген. Лукомский указывал на то весьма неблагоприятное впечатление, которое мой отъезд произведет в Ставке, и что это обстоятельство может отозваться на мне лично. Я возражал, что я посланник Временного правительства, что как таковой, какого бы мнения я о его действиях ни был, я обязан, как лицо, облеченное особым доверием, его приказания исполнять, что, кроме того, в порядке доверия личного и дружбы, которой я никогда не изменяю, я должен ехать, раз меня вызывает Савинков. Генерал Корнилов хранил молчание, затем все вышли из комнаты, и оставшийся со мной г. Аладьин, руководимый, по-видимому, добрым ко мне отношением, просил меня отдать ему мой револьвер. Я отказался, и он тоже вышел. Я остался, дописывая телеграмму министру-председателю, в которой указывал на ужасные последствия, которые повлечет за собой конфликт, и предлагал приостановить решение правительства до личного свидания А.Ф. Керенского и Б.В. Савинкова с ген. Корниловым. Генерал Корнилов вернулся и заявил мне о принятом им решении не допускать моего отъезда ни поездом, ни автомобилем, так как мое отбытие может вызвать чрезвычайное повышение настроения в Ставке. В кабинет вернулся генерал Лукомский. Я прочел свою телеграмму министру-председателю. Ген. Лукомский заметил, что

[1] Далее зачеркнуто: *«генерала Корнилова»*.

свидание с таким человеком, как Б.В. Савинков, всегда может быть опасно. Генерал Корнилов ни страха, ни опасения не выказывал, но я нашел уместным просить разрешения ген. Лукомского прибавить в телеграмме[I], что он со[II] своей стороны также ручается своим честным словом за безопасность и А.Ф. Керенского и Б.В. Савинкова в случае их приезда в Ставку. Ген. Лукомский дал на это свое согласие и предложил мне пометить мою телеграмму, так как она иначе на телеграф принята не будет. Я решил прежде всего принять меры для того, чтобы поставить в известность о всем происходящем Временное правительство, а также, пока есть возможность, отправить из Ставки чинов комиссариата, дабы не подвергать их возможному личному риску. Я вышел из кабинета и, вызвав по телефону Фонвизина, на английском языке просил его немедленно приготовиться к отъезду вместе с В.С. Вонским в Петроград, а С.В. Туру и А.П. Языкову — в Москву к полковнику Верховскому. Я сообщил, что я арестован и что мне, вероятно, придется застрелиться. Я просил его передать моей жене «farewell»[III].

Мне удалось, однако, приехать домой проститься с моими сотрудниками и дать инструкции С.В. Туру для осведомления полковника Верховского и предложения ему некоторых мер к ликвидации грозившей вспыхнуть гражданской войны. Я оставался дома, когда услышал звон шпор, и вошедший ко мне штабс-ротмистр Панчулидзев, адъютант наштаверха, объявил, что принес вещи Г.С. Фонвизина и А.П. Языкова, приглашенных главковерхом к себе. Я понял, что они арестованы, но ничего не сказал в ответ, так как решил выждать для объяснений то время, которое было нужно С.В. Туру и В.С. Вонскому[IV], уехавшим незамеченными, для того, чтобы добраться до Орши и быть в безопасности. В начале пятого часа я явился в Ставку. В адъютантской был и Г.С. Фонвизин. Мне было передано, что ген. Корнилов у аппарата говорит с Б.В. Савинковым и просит меня туда. Я присутствовал при разговоре и затем сам говорил с Савинковым, указывал на то, что я правильно утром оценил положение как имеющее в основе недоразумение, и, перейдя к своему отъезду, заявил, что выеду или в Петроград, или на тот свет, о чем Б.В. Савинкова и просил довести до сведения Временного правительства. Во время беседы в кабинете присутствовал адъютант наштаверха поручик Кузминский, которого я не приглашал. Названный обер-офицер интересовался лентой разговора моего с управляющим Военным министерством, но успокоился, когда узнал, что лента будет мною, в целях осведомительных, предъявлена главковерху. Пройдя вместе с Г.С. Фонвизиным к генералу Корнилову, я[V] ознакомил его с лентой и тут же получил согласие на мой отъезд совместно с теми лицами из состава комиссариата, которых я признаю нужным с собой пригласить. Когда же я указал генералу Корнилову, что после происшедшего разговора между нами и Б.В. Савинковым создалась большая вероятность благополучного разрешения конфликта и что чем скорее я буду в Петрограде, тем более на это шансов, генерал Корнилов взамен[VI] дал мне экстренный поезд, об отбытии которого надлежало условиться с наштаверхом. Я на прощание обратил самое серьезное внимание генерала Корнилова на необходимость приостановить движение конного корпуса, чему, как

I Слова *«в телеграмме»* вписаны над строкой.

II Предлог *«со»* вписан над строкой.

III Farewell *(англ.)* — прощай.

IV Далее зачеркнуто: *«для»*.

V Далее зачеркнуто: *«предъявил ее»*.

VI Слово *«взамен»* вписано под строкой.

мне известно было из предыдущей беседы, противился генерал Лукомский. Я указывал, что улажение[I] конфликта возможно лишь при спокойном выжидательном положении. Я виделся до отъезда с генералом Лукомским, воинственность которого сильно понизилась. Отбытие моего поезда было назначено на 5 часов утра 28 августа. Я был снабжен удостоверением за подписью генерала Лукомского, что поезд мне предоставлен распоряжением генерала Корнилова и что со мной следуют Г.С. Фонвизин и поручик Геймовский. Ген. Лукомского весьма озадачивало то обстоятельство, что мой поезд помешает движению конных эшелонов. Перед отъездом я пригласил к себе контр-адмирала Бубнова, которому сообщил то, что мне было известно о конфликте, и просил его всячески умерять страсти и поддерживать ген. Корнилова и Штаб от каких-либо непоправимых шагов, так как я не оставлял надежды на возможность улажения столкновения. А.Д. Бубнов обещал свою полную поддержку. Я выехал в 5 утра после преодоления ряда мелких препятствий вроде неисправности подвижного состава, отсутствия служебного персонала и т.п., что, по-видимому, делалось умышленно. Из слышанных по телефону разговоров о необходимости меня задержать мне сообщили члены ЦИК СР и СД города Могилева, пришедшие на вокзал для совещания со мной. От них же узнал, что печатается какое-то воззвание ген. Корнилова, и просил передать рабочим просьбу его не печатать. На вопрос, не порекомендую ли я вооруженное выступление против генерала Корнилова местными силами, я ответил отрицательно, считая, что меньшие числом и без вождя местные части никогда не устояли бы против закаленных Текинского[II] конного и Корниловского ударного полков, прибывшего неожиданно в Могилев. Я советовал, однако, снестись с Гомельским гарнизоном. Моя поездка в Петроград сопровождалась большими затруднениями, так как на всех станциях Московско-Виндаво-Рыбинской ж.д. начальники эшелонов захватили власть в свои руки, терроризовав[III] ж.д. служащих. Волнение не было громадное. Всюду были расклеены телеграммы А.Ф. Керенского и генерала Корнилова. Я потерял надежду на улажение конфликта и старался поскорее приехать в Петроград и задержать конные эшелоны путем бесед с офицерами-мусульманами и указанием, что им, кавказцам, не следует вмешиваться в русскую распрю и идти на столицу. Догнав поезд, который вышел в 15 часов 27-го[IV] из Ставки, я взял с собой В.С. Вонского, находившегося в этом поезде. В поезде ко мне хотели также сесть несколько офицеров, которые направлялись в Петроград из Ставки. Один из них вошел ко мне в вагон и доложил, что он из числа тех, которые вызваны как бы для обучения бомбометному делу, но на самом деле с другой целью, которую Вы ведь знаете, г. комиссар. Я ничего не знал и потому с интересом слушал дальше. Офицер вынул блокнот и прочел три фамилии[V] лиц, к которым ему надлежало явиться в Петрограде. Две я запомнил: полковник Дюсиметьер[VI] и генерал Федоров. Я отказался брать с собой офицеров, просил Г.С. Фонвизина и поручика Геймовского запомнить фамилии и, считая, что они дают одну из нитей заговора, сообщил их по приезде А.Ф. Керенскому. Доехав до места, где был разобран и забаррикадирован путь, я по-

---

I Так в тексте.

II Далее зачеркнуто: *«полка»*.

III Так в тексте.

IV Далее повторно написано: *«в 15 часов»*.

V Далее зачеркнуто: *«тех»*.

VI В тексте фамилия указана ошибочно: *«Дюссимитьер»*.

шел пешком по направлению к Петрограду. Офицеры Дикой дивизии, бывшие в заставе, пропустили меня с большим трудом, причем В.С. Вонский прошел под видом солдата, несущего вещи. Дойдя до станции Семрино, я нашел паровоз, на котором, благодаря любезности ж.д. служащих, покинувших по моему предложению станцию и вывинтивших болты у стрелок, доехал до Ц[арского] Села и оттуда дачным поездом в Петроград. Мер охраны города я, идя пешком, не заметил и полагаю, что, следуя вдоль линии ж.д., конница могла совершенно свободно захватить город. Мои последующие действия в качестве командующего войсками известны из статьи в газете «День»[135], при сем прилагаемой, и моей беседы по Юзу с Новгородом, также при сем прилагаемой[I].

Поведение войск Петроградского гарнизона было ниже какой-либо критики, и революция под Петроградом в случае столкновения нашла бы таких же защитников, как и отечество под Тарнополем. Последним моим действием в качестве комиссарверха было обращение к кадровым русским солдатам Дикой дивизии, из которых я многих лично знал, с предложением покинуть свои полки и идти в распоряжение правительства в Петроград. Я считал, что такая мера лишала всякой боеспособности дивизию и устраняла возможность эксцессов, так как русские солдаты выражали желание «израсходовать» русских офицеров, с которыми у них создался давний антагонизм. В ночь с 30-го на 31-е число я просил А.Ф. Керенского освободить меня от командования войсками, так как, возложив эту задачу на меня, не решался, однако, объявить об этом в приказе, вследствие чего создалась невообразимая путаница, войска не знали, кого слушаться, и я, неся тяжелую ответственность, вместе с тем не имел достаточной суммы прав. Я также считал необходимым, чтобы вследствие ходивших по городу слухов о роли Б.В. Савинкова и моей в моем служебном положении не было никакого экивока. На мое место был назначен ген. Теплов.

31-го утром я узнал, что Б.В. Савинков отстранен от всех должностей. Так как я имел основание думать, что во мнении правительственных сфер он сильно пострадал, отчасти из-за защиты меня от разных нападок, я немедленно подал в отставку. Так как я не ложился шесть суток подряд, то моим единственным желанием был отдых и сон. Я не читал газет, но стороной до меня доходили слухи о желании меня арестовать, на чем настаивали и некоторые товарищи по партии с.-р.[II]

Я не был ни удивлен, ни огорчен, так как, борясь за республику, право и счастье народа, ни на чью благодарность не рассчитывал.

Глубоко сожалея генерала Корнилова, продолжаю относиться к нему с полным уважением как патриоту и беззаветно храброму и честному воину, который помимо своей воли, следствием чужих ошибок и несчастного стечения обстоятельств, оказался в роли нарушителя закона и, желая счастья родине, создал причину добавочных ее потрясений.

Максимилиан ФИЛОНЕНКО
Петроград. 25/IX/17

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 22. Л. 3–35 об. Подлинник. Рукопись; Д. 23. Л. 1–39. Подлинник. Машинопись.

[I] Приложение VII (запись разговора по прямому проводу М.М. Филоненко с Новгородом) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 23. Л. 110–115.

[II] С.-р. — эсеры.

№ 66
Протокол допроса прапорщика Корниловского полка П.М. Яковенко

6 сентября 1917 г.

Протокол допроса свидетеля

1917 года сентября 6-го дня в гор. Могилеве член Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о генер. Корнилове и др. допрашивал нижепоименованного, который на предложенные ему вопросы заявил:

Я, прапорщик Корниловского полка Павел Михайлович Яковенко, 29 лет, православный, не судился, по делу показываю.

До 24 августа с[его] года наш полк находился в гор. Проскурове и переформировался там для отправки на Северный фронт. В уверенности, что именно туда мы идем, мы и выступили из Проскурова 24 августа. 27 августа, часов в 10 или 12, мы прибыли в Могилев и здесь совершенно неожиданно получили приказание выгрузиться и расквартироваться в городе. Около 5 ч. дня командир 10-ой роты, в которой я состою, подпор[учик] Григорьев передал мне от имени к[оманди]ра полка, что полк прибыл в Ставку ввиду объявления генерала Корнилова диктатором. Сам ли Корнилов объявил себя таковым или это сделало правительство, подпор[учик] Григорьев мне не говорил и я об этом его не спрашивал. На другой день с утра я и прапорщики Колоколов и Горбацевич стали наводить в городке справки о намерениях генерала Корнилова. Горбацевич и Колоколов отправились к губернскому комиссару и от оставшегося за него его помощника узнали, что объявление диктатуры делается генер. Корниловым самовольно и идет вразрез с желаниями правительства. Узнав об этом, я сообщил все[I] наиболее сознательным из солдат своей роты и старался убедить их не допускать кровопролития, т.е. не вступать в борьбу с какими бы то ни было другими войсками. 29-го утром полк был приведен к помещению Штаба Верх[овного] главн[окомандующего], из штаба вышел генер. Корнилов и объявил полку, что не подчинился требованию Временного правительства, имея в виду исключительно благо родины. Далее он указал[II] на разруху в армии и тылу и сказал, что необходимо создать твердую власть. О том, что эту власть берет именно он, ген. Корнилов не говорил. Уже после этого командир полка капитан Неженцев в помещении 3-го батальона указал нам, офицерам, и части бывших там случайно[III] солдат, что Петроград в руках Крымова, что Керенский не существует и что войска Каледина отрезали Юг. 30 августа было созвано экстренное совещание полковых и ротных комитетов, на котором присутствовали, т.е. были приглашены, все офицеры полка. На этом совещании прап[орщик] Горбацевич, как член президиума полкового комитета, ознакомил собрание с текущими событиями по газете «Новая жизнь»[136]. Тут же командир полка капитан Неженцев заявил, что свято верит генер. Корнилову и пойдет за ним при всяких условиях. Председатель полкового комитета подполк[овник] Дударев первоначально не хотел созывать собрание, ссылаясь на осадное положение, но товарищ его, подпор[учик] Кондратьев, настаивал на необходимости его созвать, и когда за его мнение высказалось еще девять человек, то собрание было созвано,

---

I Слово «*все*» вписано над зачеркнутым «*об этом*».

II Далее зачеркнуто: «*что*».

III Слово исправлено. Первоначально было: «*случайных*».

и председательствовал в нем подпор[учик] Кондратьев. Став председателем, подп[оручик] Кондратьев стал определенно высказываться за действия генерала Корнилова. На этом собрании прап[орщик] Горбацевич доложил, что он не присоединяется к Корнилову и[I] остается верным правительству. К этому заявлению присоединился я, прап[орщик] Колоколов и прап[орщик] Шморгунов. После этого по распоряжению командира полка все мы четверо были арестованы. Таким образом, мы содержались под арестом с вечера[II] 30 августа[III] до вечера 1 сентября. До настоящего времени в полку среди некоторых офицеров еще существует весьма сочувственное отношение к Корнилову, скажу даже более, стремление[IV] оправдать его поступок и дискредитировать правительство. К числу таких офицеров относится подпор[учик] Григорьев, который еще 2 или 3 сентября говорил, что и приехавшую комиссию, да и всех их надо отсюда выгнать. Говорил он это в помещении офицеров 10-ой и 11-ой рот, но слова эти могли слышать и все находящиеся там вестовые.

4 сентября к[оманди]р полка указал мне, что мне надо уйти из полка, т.к. полк по своему настроению должен быть однороден, я же расхожусь во взглядах с большинством офицеров и солдат. Кроме того, он указал мне, что и рота меня не желает. Последнее обстоятельство не соответствует действительности, но сейчас его проверить трудно, т.к. всем солдатам, не сочувствующим Корнилову, было предложено уйти в другие части. Другим сроком ухода было назначено 12 ночи 5 сентября.

Больше ничего по делу я показать не могу. Прочитано.

Зачеркнуто: «об этом», «что», «их», «вечера».
Подписано: «все», «о», «вечера», «стремление».

Прапорщик ЯКОВЕНКО

Член Чрезвычайной комиссии полковник РАУПАХ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 158–159 об. Подлинник. Рукопись.

I Слово *«и»* вписано над строкой.

II Слово *«вечера»* вписано над строкой.

III Далее зачеркнуто: *«вечера»*.

IV Слово *«стремление»* вписано над строкой.

РАЗДЕЛ II. ПЕТРОГРАДСКИЙ ОКРУЖНОЙ СУД

№ 67
Протокол допроса помощника начальника Главного управления по делам милиции С.А. Балавинского

27 августа 1917 г.

Протокол допроса

1917 года, августа 27 дня, судебный следователь Петроградского окружного суда 16-го участка гор. Петрограда в помещении б. Зимнего дворца допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства][137], и он показал:

Я, Сергей Александрович Балавинский, 51 года, православный, помощник начальника Главного управления по делам милиции.

Вчера, 26 сего августа, около девяти часов вечера, когда Александр Федорович Керенский вернулся с бывшим обер-прокурором Святейшего Синода во Временном правительстве Владимиром Николаевичем Львовым с прямого провода из Военного министерства к себе в кабинет в Зимний дворец, я случайно находился в кабинете Керенского и хотел уйти ввиду предстоящей беседы его со Львовым, но А.Ф. Керенский попросил меня остаться, и я оставался в кабинете во все время разговора А.Ф. Керенского с В.Н. Львовым. А.Ф. Керенский привез с собою два документа: прежде всего он прочел вслух В.Н. Львову ленту телеграфа прямого провода со Ставкой, содержащую разговор его, Керенского, с Верховным главнокомандующим генералом Корниловым, ту самую, которую вы мне теперь предъявляете (свидетелю предъявляется телеграфная лента, представленная при допросе А.Ф. Керенского[I]), и В.Н. Львов подтвердил правильность изложенного на ленте разговора. Затем А.Ф. Керенский прочел вслух В.Н. Львову предъявляемую мне написанную собственноручно В.Н. Львовым записку[138], и тот также подтвердил правильность этой записки, удостоверяя, что все предложения в этой записке исходили от генерала Корнилова. В дальнейшем своем разговоре А.Ф. Керенский просил объяснить В.Н. Львова, что так как обязательный выезд его, Керенского, в Ставку мотивируется ожидаемым сегодня выступлением большевиков, то чем же другим мотивируется необходимость выезда его, Керенского, в Ставку, если выступления большевиков не будет, но В.Н. Львов <продолжал настаивать на том>[II], что выступление

[I] Стенограмму допроса А.Ф. Керенского от 8 октября см. документ № 28 — т. 2.

[II] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над зачеркнутым: *«категорически удостоверил»*.

большевиков 27 августа предполагается[I], а вторую часть приведенного вопроса А.Ф. Керенского оставил без ответа. Далее, В.Н. Львов говорил, что все общество и все в Ставке так возбуждены против А.Ф. Керенского и Временного правительства, что генерал Корнилов не ручается за личную безопасность А.Ф. Керенского ни в одном месте России, и потому приезд А.Ф. Керенского и Савинкова в Ставку необходим, а В.Н. Львов, со своей стороны, дает А.Ф. Керенскому «добрый совет» принять и исполнить требования генерала Корнилова; В.Н. Львов говорил, что генерал Корнилов во вновь образуемом им Кабинете[II] министров предлагает пост А.Ф. Керенскому — министра юстиции и Савинкову — военного и, как мне кажется, морского министра. В своем разговоре с В.Н. Львовым А.Ф. Керенский несколько раз возвращался к вопросу о том, что так как, по имеющимся у него точным сведениям, сегодня, 27 августа, выступления большевиков не будет, то чем же в таком случае мотивируется и какие другие причины делаемого генералом Корниловым предложения и необходимости вызова его, Керенского, и Савинкова в Ставку, но В.Н. Львов этот вопрос А.Ф. Керенского обходил молчанием.

В своем разговоре В.Н. Львов упоминал, что он четыре ночи уже не спал, чувствует себя утомленным, и просил А.Ф. Керенского скорее принимать решение. О чем будет вести в своем кабинете разговор вернувшийся А.Ф. Керенский, я сначала не знал, и, присутствуя в кабинете при разговоре А.Ф. Керенского с В.Н. Львовым, я остался последним незамеченным. Более пока ничего добавить не имею. Показание прочитано.

На второй странице показания в 5-ой строке зачеркнуто «категорически удостоверил» и надписано «продолжал настаивать на том», в 6-ой строке зачеркнуто «будет» и надписано «предполагается» и в 17-ой строке зачеркнуто «Совете» и надписано «Кабинете».

Сергей Александрович БАЛАВИНСКИЙ

Судебный следователь ШУЛЬЦ

Присутствовал тов. прокур[ора] Суд[ебной] палаты ПОВОЛОЦКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 4–5. Подлинник. Рукопись; Д. 4. Л. 4–5. Заверенная копия. Машинопись; Д. 17. Л. 1–2. Копия. Машинопись.

№ 68

Протокол допроса подпоручика 29-го саперного батальона, прикомандированного к 10-му армейскому конно-железнодорожному батальону М.Д. Белкова

31 августа 1917 г.

Протокол допроса

1917 года, августа 31-го дня, судебный следователь Петроградского окружного суда 16-го участка гор. Петрограда, в здании б. Департамента полиции допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства], и он показал:

I Слово *«предполагается»* вписано над зачеркнутым: *«будет»*.

II Слово *«Кабинете»* вписано над зачеркнутым: *«Совете»*.

Я, Михаил Дмитриевич Белков, 33 лет, православный, подпоручик 29-го саперного батальона, прикомандированный к 10-му армейскому конно-железнодорожному батальону, живу в действующей армии, ст. Радашковичи Либаво-Роменской ж.д. управления полевой дороги, грамотный, не судился, участвующим в деле — посторонний.

Вчера, 30-го сего августа, около 8 часов вечера я был на Варшавском вокзале, собираясь ехать к своей семье на платформу Карташевскую. У билетной кассы я обратился к одному незнакомому мне до того офицеру, оказавшемуся затем подпоручиком Вирбелауэром, с вопросом, не известно ли ему чего-либо нового о Корнилове. На это подпоручик Вирбелауэр сразу и охотно сообщил мне, видя во мне, очевидно, офицера, верного присяге и надежного, следующее: будучи командирован в гор. Петроград по служебным делам на 18 дней, в пути ему, Вирбелауэру, пришлось ехать с одним из эшелонов корниловцев. Из разговора его с офицерами он узнал, что за 6 дней до открытого выступления Корнилова приказом Верховного главнокомандующего были вызваны в Ставку по четыре офицера от полков армии для изучения английских бомбометов и минометов. В предписании этом было указано о необходимости командировать кадровых офицеров. По прибытии командированных офицеров в Ставку, коих собралось там около 4000 человек, было устроено заседание, на котором офицерам сообщили, что цель их вызова не изучение бомбометов и минометов, а что они должны спасти родину и подавить «большевистский» Петроград. Частью этого заседания руководил один какой-то полковник, а частью Верховный главнокомандующий, генерал Корнилов. Из собравшихся к генералу Корнилову отдельными лицами были предложены вопросы: 1) как генерал Корнилов смотрит на украинизацию Малороссии. На что генерал Корнилов отвечал, что он не имеет ничего против благоприятного разрешения национальных вопросов, но что он против Рады; 2) Каковы отношения генерала Корнилова к Временному правительству и, в частности, к военному министру Керенскому, на что генерал Корнилов заверил собрание, что у него отношение к Временному правительству и Керенскому самое лучшее и что он ожидает вот-вот приезда в Ставку министра Керенского. Всем собравшимся объявили, что не разделяющие изложенных целей могут свободно заявить о нежелании своем участвовать в задуманном плане, но когда четыре офицера заявили о таком своем нежелании, они тут же были арестованы. Согласившиеся с изложенным планом офицеры были снабжены деньгами в размере по 120 рублей каждому, равно им были даны адреса на Сергиевскую и Фонтанку, но куда именно и к кому, подпоручик Вирбелауэр не знал, где офицеры эти должны были получить все дальнейшие инструкции и суточных по 25 рублей, а также в Петрограде же должно было быть произведено распределение этих офицеров. По словам подпоручика Вирбелауэра, настроение части офицеров этого эшелона и, в особенности, начальника этого эшелона, капитана, но фамилия его Вирбелауэру осталась неизвестной, было антиправительственное, а из беседы дальнейшей подпоручик Вирбелауэр узнал, что командированные в г. Петроград офицеры должны были войти в состав военных училищ и других частей гарнизона в количестве, обеспечивающем офицера на взвод. Одновременно с наступлением генерала Корнилова на Петроград офицеры, подчинившие своей воле юнкеров и солдат, должны были поднять восстание в Петрограде в пользу Корнилова. Подпоручик Вирбелауэр, по его словам, стал убеждать офицеров отказаться от такого дела, явно контрреволюционного, часть офицеров эшелона пришла в уныние, поняв, что они заговорщики-контрреволюционеры, и на станции Вы-

рица некоторые из них в числе двадцати одного человека бежали из эшелона. Начальник эшелона, капитан, записал имена бежавших, говоря, что они будут преданы суду. На платформе, на станции Вырица, подпоручик Вирбелауэр имел разговоры с казаками-корниловцами, убеждая их не идти против Петрограда. Один из казаков доложил об этих разговорах подпоручика Вирбелауэра начальнику штаба отряда князя Гагарина, и через некоторое время начальник эшелона командированных офицеров и казаков объявил подпоручику Вирбелауэру о его арестовании. Однако подпоручик Вирбелауэр, воспользовавшись отсутствием начальника эшелона, отлучившегося в штаб князя Гагарина, и подошедшим поездом, следовавшим в Петроград, вскочил в отходивший поезд и прибыл в г. Петроград. По словам подпоручика Вирбелауэра, офицеры, командированные в Петроград, были снабжены предписаниями следующего содержания: «По получении сего предписываю вам отправиться в гор. Петроград для изучения английских бомбометов и минометов. Срок командировки истекает 10 сентября», — следует подпись «Полковник», и самую подпись подпоручик Вирбелауэр, по его словам, не помнит, а отправляли этих командированных офицеров в Петроград, прицепляя один-два вагона к поездам, следовавшим в Петроград. Узнав все эти подробности от подпоручика Вирбелауэра, который, из показанного им мне удостоверения, оказался адъютантом 17-го корпусного воздухоплавательного отряда, частью около кассы, а частью уже в вагоне, я сейчас же до отхода поезда вышел из вагона, отложив свою поездку в Карташевку, поехал на Гороховую[1] в Политический отдел Керенского и заявил там обо всем дежурному офицеру капитану Рогачеву. Из разговора с подпоручиком Вирбелауэром я узнал, что он тоже ездил в Зимний дворец и заявил обо всем какому-то офицеру Генерального штаба. Подпоручик Вирбелауэр должен находиться у своей семьи в Гатчине или на станции Сиверской, и сегодня я сговорился с ним встретиться в Гатчине, чтобы вместе ехать в Петроград, но поездами мы, видимо, разошлись, и я с подпоручиком Вирбелауэром не встретился. Более ничего добавить не имею.

Показание прочитано и записано с моих слов вполне точно.

Зачеркнуто: «в Зимний дворец», надписано: «на Гороховую».

Подпоручик БЕЛКОВ

Судебный следователь ШУЛЬЦ

Товарищ прокурора Судеб[ной] палаты
ПОВОЛОЦКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 16–17 об. Подлинник. Рукопись; Д. 4. Л. 12–15. Заверенная копия. Машинопись.

[1] Слова *«на Гороховую»* вписаны над зачеркнутым: *«в Зимний дворец»*.

№ 69

Протокол допроса начальника штаба Кавказского туземного конного корпуса В.Н. Гатовского, командующего Черкесским конным полком К.С. Султан-Гирея, мл. унтер-офицера из вольноопределяющихся Кавказской туземной конной дивизии команды шоферов и мотоциклистов Г.Ф. Припутневича, прапорщика 18-го Вологодского пехотного полка В.И. Ершова, хорунжего 1-го Амурского полка М.В. Матвеева, священника 1-го казачьего Амурского полка Я.А. Попова, подъесаула 10-го Амурского казачьего полка Ф.А. Слюсарева, сотника 1-го Амурского казачьего полка Б.А. Савицкого

4 сентября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года сентября 4-го дня судебный следователь Петроградского окружного суда по важнейшим делам Гудвилович в камере своей допросил нижепоименованных в качестве свидетелей с соблюдением 443 ст. У[става] у[головного] с[удопроизводства], и допрашиваемые показали:

1). Владимир Николаевич Гатовский, 38 л[ет], полковник Генерального штаба, начальник штаба Кавказского туземного конного корпуса, православный, не судился, живу временно в Петрограде, Чесменская 2, кв. 3.

В первой половине августа Кавказская туземная конная дивизия, блестяще закончившая Галицийскую операцию (с 25 июня по 17 июля) на Юго-Западном фронте и отведенная на отдых в район Проскурова, была срочно переброшена в распоряжение Верховного главнокомандующего на Северный фронт в район Ново-Сокольники — Невель — Великие Луки. Переброска началась, кажется, числа 10 августа. Начальник дивизии генерал князь Багратион, обогнав двигавшуюся эшелонами дивизию, вместе со мною прибыл в Ставку, в Могилев, для выяснения предстоящей задачи дивизии. Здесь нам было указано генералом Лукомским, что дивизия, расположившись в указанном районе, составит резерв главнокомандующего на случай развития операций немцев на Северном фронте. Здесь же определилось, что вопрос формирования Кавказского туземного корпуса придачею дивизии других полков разрешен положительно. К дивизии должны были быть присоединены 1-ый Дагестанский конный полк, 1-ый Осетинский конный полк и 3-я Туркестанская батарея, которая вместе с пешею Осетинскою бригадою, переформируемою в конный полк, должны были составить вторую дивизию корпуса. Эти сведения были переданы кн. Багратиону генералом Лукомским в присутствии меня, полковника Баева и генерала Картаци. Известно мне, что в то же пребывание в Ставке кн. Багратион был у Верховного главнокомандующего Корнилова, но я при этом не присутствовал; сам князь говорил мне потом, что приглашен он был к Корнилову для собеседования по вопросу о переформировании корпуса. Пробыв один день в Ставке, мы уехали к месту расположения дивизии — в Ново-Сокольники, где помещался штаб. Там я и пробыл до 21 августа. Затем, в связи с операциями, начавшимися на Рижском фронте, дивизии было приказано перейти с занимаемого района на станцию Дно. 22 августа, как только началось передвижение эшелонов дивизии к новому месту назначения, я был уволен начальником дивизии в кратковременный отпуск в гор. Петроград для устройства моих личных дел, где и находился до 27 августа. В Петрограде 26 августа я получил от начальника дивизии

телеграмму с приказанием немедленно выехать в штаб и с извещением, что сам начальник дивизии выехал в Ставку. Телеграмма эта была подана 24 августа, но до меня дошла только 26 августа в 18 часов, т.е. через час после ухода поезда, на котором я мог бы ехать. Ввиду этого я и должен был отложить выезд из Петрограда до 27 августа.

На станцию Дно я прибыл 28 августа в 2 часа, причем узнал, что наша дивизия поданными уже эшелонами (Черкесского конного полка) двигается якобы в направлении на Гатчину для действия против немцев и, кроме сего, для того, чтобы быть ближе к Петрограду на случай возникновения там беспорядков на почве усилившегося движения большевиков. Тут же на вокзале говорилось, что большевики фактически уже захватили власть, что именем министра-председателя Керенского пользуются для подписания тех актов и распоряжений, которым в действительности он сам и не сочувствует. Пробыв на станции около двух часов в ожидании автомобиля, который должен был отвезти меня в штаб дивизии, который находился в 9 верстах от станции Дно, я, зайдя на телеграф, получил от бывшего там офицера Черкесского конного полка корнета Курнакова телеграмму за подписью министра-председателя Керенского, адресованную железным дорогам и комитетам, о конфликте между генералом Корниловым и Временным правительством, о смещении генерала Корнилова и о назначении Верховным главнокомандующим генерала Клембовского. Приехав ночью в штаб, я разбудил кн. Багратиона, который выразил удивление по поводу моего прибытия, так как полагал, что в связи с происходившими в Петрограде беспорядками, о чем у него были весьма распространенные тогда сведения, он опасался, что я могу быть арестован. Я сказал, что в Петрограде по наружным признакам все спокойно. На это кн. Багратион выразил удивление, сказав, что по циркулирующим здесь слухам, которые в действительности дошли и до меня на станции, в Петрограде большие беспорядки, но что власть фактически в руках большевиков. Распространялись слухи также и о том, что сам Керенский, находясь во власти большевиков, в то же время солидарен с Корниловым. В ту же ночь была получена телеграмма из Ставки за подписью заведующего службой связи Карамышева о том, что все главнокомандующие отказались заменить генерала Корнилова. Под утро, около 7 час., я был разбужен телефонистом, который передал мне телеграмму из штаба Петроградского военного округа за подписью полковника Баграшева с изложением подлинной телеграммы министра-председателя (на чье имя она была адресована, я не помню) с требованием о прекращении дальнейшего продвижения войсковых эшелонов. В ответ на эту телеграмму начальник дивизии приказал немедленно же отправить две телеграммы: одну в Ставку Верховному главнокомандующему с точной передачей полученной телеграммы и с просьбой дать по сему поводу надлежащие разъяснения[1]; другую — в штаб Петроградского военного округа на имя полковника Баграшева с извещением, что копия телеграммы передана Верховному главнокомандующему с просьбой об указаниях и с ходатайством все телеграммы, отменяющие распоряжения военного начальства, посылать не непосредственно, а через подлежащие войсковые инстанции. Ни на одну из этих телеграмм ответа получено не было. Между тем кн. Багратион сообщил мне, что приказ о сформировании корпуса подписан Корниловым и что мы подчиняемся, на основании предписания Корнилова, командиру 3-го конного корпуса генералу Крымову. На следующее утро кн. Багратион показал мне полученные им от начальника штаба генерала Крымова на станции Орша приказ и инструкцию генерала Крымова о

[1] Слово *«разъяснения»* вписано над зачеркнутым: *«распоряжения»*.

предстоящих действиях в Петрограде; в то же утро прибыл из Ставки кн. Гагарин, назначенный начальником 1-ой Кавказской туземной дивизии. Он передал, что главнокомандующим остается генерал Корнилов и что мы должны продолжать исполнение его приказаний. Вечером 28 августа был получен приказ генерала Корнилова о том, что он остается Верховным главнокомандующим, и такая же телеграмма по линиям железных дорог за подписью товарища министра путей сообщения, генерала Кислякова. В этот день эшелоны наши постепенно продвигались вперед. 29 августа утром, около 8 час., в штаб дивизии у станции Дно прибыл назначенный командиром 3-го кавалерийского корпуса генерал Краснов (генерал Крымов объединял командование обоими корпусами как командующий Отдельной армией) и сообщил, что вызван генералом Крымовым для принятия командования. Обстановка для него была совершенно неясна, и он просил поделиться с ним имеющимися у нас сведениями. Кн[язь] ознакомил его с приказом генерала Крымова. Штаб дивизии в 17 часов в тот же день выступил далее через станцию Оредеж и прибыл на станцию Чолово 30 августа в 6 часов. Утром начальник дивизии рассказал мне о том, что на станции Оредеж нас догнали эшелоны с двумя сотнями конного Осетинского полка, отказывавшиеся следовать с нами, но что он уговорил их к дальнейшему совместно[му] продвижению.

30 августа замечалась нервность настроения людей, причем осетины вместе с командой штаба собрались на митинг, на котором, обвиняя полковника Федора Ивановича Жиляева (комендант штаба) в том, что он приказал снять с вагона красный флаг, заявили, что арестовывают его. Полковник Жиляев объяснил, что не «снять», а «смотать» красный флаг он в действительности приказал по просьбе железнодорожного начальства, во избежание смешивания этого флага с железнодорожным сигналом. Невзирая на мои разъяснения по этому же поводу, полковник Жиляев был оставлен под арестом и выпущен лишь через два часа с передачей оружия командиру корпуса. К этому времени от начальника первой дивизии князя Гагарина, находившегося на ст. Вырица, были получены сведения о том, что у Царского Села расположены вооруженные части и что разъезды его были обстреляны из деревни неподалеку от Царского Села. Принимая во внимание остроту создавшегося положения и совершенную неясность общей обстановки, командир корпуса отправил генералу кн. Гагарину телеграмму с воспрещением вооруженных действий и в согласии с постановлением комитета на станции Чолово командировал избранных делегатов для приглашения членов комитетов всех частей корпуса на станцию Чолово. Утром 31-го прибыли не только члены комитета, но и делегированные из Петрограда Ингушского конного полка полковник Мерчуле, передавший командиру корпуса сношение военного министра от 29 августа за № 3009 с предложением командиру корпуса, мне и командирам бригад явиться немедленно в Петроград; с полковником же Мерчуле прибыла и мусульманская делегация. Благожелательным воздействием мусульманских делегатов, объяснивших осетинам общую обстановку, внесено было немедленно полное успокоение, и командир корпуса вместе со мною и с командирами бригад, в соответствии с вышеприведенным сношением военного министра, совместно с делегацией отбыл в Петроград, где после посещения штаба округа были приняты министром-председателем и Верховным главнокомандующим Керенским, выразившим нам свое полное удовлетворение по поводу нашей деятельности.

По поводу предъявляемых мне вами приказа генерала Крымова за № 1 и инструкции его для личного сведения (предъявлены перечисленные документы, представленные при допросе свидетелем кн. Багратионом 3 сентября), на которых

сделана помета о получении их 25 августа, я объясняю, что помета эта сделана чернилами мною по памяти и ошибочно, как теперь припоминаю, бумаги эти были получены 26-го, как мне об этом говорил кн. Багратион. Телеграммы, напечатанной в номере «Известий Совета рабочих и солдатских депутатов» от 3 сего сентября, я раньше никогда не видал и о получении подобной телеграммы кн. Багратионом ничего не слышал. Более ничего показать не могу.

Зачеркнуто: «распоряжения», надписано: «разъяснения».

Владимир ГАТОВСКИЙ

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ[I]

2) Крым Селетович Султан-Гирей, 40 л[ет], полковник, командующий Черкесским конным полком, мусульманского вер[оисповедания], не судился, проживаю временно в Петрограде, в гостинице «Астория».

В первой половине августа[II] наш полк, который стоял около Проскурова, получил приказание грузиться на железной дороге и следовать в северном направлении для расположения в районе станции Ново-Сокольники. Никаких больше указаний относительно цели нашего передвижения и возлагаемой на нас задачи не было, и можно было делать только разные более или менее правдоподобные предположения. До Ново-Сокольников мой полк следовал последним. В район Ново-Сокольников мы прибыли, кажется, числа 17 августа, но, ввиду нового приказа, не остановились в Ново-Сокольниках, а проследовали дальше до станции Дно, где и разгрузились. Здесь по окрестным деревням мы простояли до 27 августа утра, когда последовало распоряжение о том, что дивизия переходит в район Гатчины и[III] что первым отправляется[IV] туда Ингушский конный полк, с первым эшелоном которого должны следовать квартирьеры всей дивизии, которым прибыть на станцию Дно к 12 часам[V]. Таким образом, 27 августа части нашего полка стали собираться на станцию для отправления. Посадка, однако, задержалась, так как железнодорожное начальство выказывало какую-то нерешительность и объясняло, что получает противоречивые приказания: с одной стороны, из Петрограда сообщают, чтобы не перевозить наших частей, а с другой стороны, военное начальство требует перевозки. Здесь же впервые до меня дошли слухи о происходящих в Петрограде беспорядках. Так, напр[имер], кроме многих других, один знакомый еще по западному краю проводник железнодорожный рассказывал, что по Петрограду ходят какие-то мерзавцы с черными флагами, кричат «Долой войну!» и «Да здравствует Германия!» и т.п. Ничего нельзя было разобрать. Вечером все-таки нас повезли, и к ночи[VI] 28 августа мы прибыли на станцию Вырица. Дальше следовать нельзя было, так как шедший впереди Ингушский полк обнаружил, что путь впереди испорчен.

Тут только я впервые узнал о конфликте между Временным правительством и генералом Корниловым, причем последний объявлялся изменником родины и

I Здесь и далее в документе текст, выделенный курсивом, вписан чернилами.

II Слово *«августа»* вписано над строкой.

III Слово *«и»* вписано в строку.

IV Часть слова, выделенная курсивом, исправлена чернилами.

V Так в тексте.

VI Слово *«ночи»* вписано над зачеркнутым *«утру»*.

отрешенным от должности и т.п. Все это меня крайне поразило, так как до этого момента до меня не доходило никаких сведений о возможности чего-либо подобного. Знал о разногласиях между Корниловым и Временным правительством, но чтобы разногласия могли обостриться до такой степени, предполагать было невозможно. Несмотря на это, мы все-таки были в полном неведении, куда нас ведут. В Вырицу мы прибыли[I] в ночь на 29-ое, а утром, мы еще не успели разгрузиться, как на станцию прибыла из Петрограда мусульманская делегация в составе: председателя Всероссийского мусульманского союза[139] 1)[II] Ахмеда Цаликова (Конногвардейский пер. 6, кв. 4), 2) внука Шамиля (адрес тот же), 3) члена Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана[140] Айтека Намитокова, 4) члена Военной грузинской организации ротмистра князя Мачабели (адреса его не знаю, полагаю, что он известен в штабе округа), 5) товарища председателя Всероссийского союза воинов-мусульман[141] Османа Бека Тукумбекова (он — лейтенант флота, живет в «Астории», № 109) и некоторых других лиц, которых я не помню. От них только мы узнали о настоящем положении вещей, а именно, что в Петрограде полный порядок, никаких революционно-анархических выступлений нет, что рабочие, солдаты гарнизона находятся в полном согласии с Временным правительством. После этого, когда полк выгрузился, я собрал полковой комитет, председателем которого я состою, и мы решили пока никакой депутации никуда не посылать, так как я состоял председателем не только полкового, но и дивизионного комитета, и хотел выждать[III] остальные части нашей дивизии, чтобы собрать дивизионный комитет и принять решение от имени крупной части; во всяком случае, я решил дальше не двигаться, так как не находил возможным втягивать Черкесский полк и черкесский народ в междоусобную борьбу русских. Об этом я тогда же заявил своему бригадному командиру полковнику князю Чавчавадзе, который вполне разделил и одобрил образ моих мыслей. К тому же времени была получена телеграмма и от кн. Багратиона о том, чтобы приостановить всякое движение вперед и никаких выступлений против войск Временного правительства не предпринимать. Был также приказ кн. Багратиона о собрании комитетов для обсуждения создавшегося положения.

К утру 31 августа я прибыл на станцию Чолово, где находился штаб нашего корпуса; туда же собрались и комитеты почти от всех полков, и на общем собрании комитетов под моим председательством было единогласно постановлено выразить полное доверие и подчинение Временному правительству, послать делегацию от корпусного комитета Керенскому и просить самое строгое расследование сделать для того, чтобы выяснить, кто именно втянул нас в такую некрасивую историю. Затем все наше начальство отправилось в Петроград, где и представлялось министру-председателю Керенскому. Более ничего сказать не могу.

Вписано: «августа». Зачеркнуто: «утру», «не утром 28», надписано: «ночи».

Крым СУЛТАН-ГИРЕЙ

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

I Далее зачеркнуто: *«не утром 28-го, а»*.

II Здесь и далее текст пронумерован чернилами.

III Так в тексте.

3) Георгий Францевич Припутневич, 25 лет, младший унтер-офицер из вольноопределяющихся Кавказской туземной конной дивизии, команды шоферов и мотоциклистов, православный, не судился, живу временно в Петрограде, Литейный пр. 45, кв. 23.

В половине августа сего года наша дивизия, которая в то время стояла в районе Проскурова, получила приказание грузиться на железной дороге, и стали нас перевозить на север. Говорили, что следуем в Гатчину или в Петроград на формирование из дивизии в корпус, а впрочем, наверное тогда никто ничего не знал. Я следовал с эшелонами штаба дивизии. Числа 21-го мы прибыли на станцию Дно и тут простояли неделю. 27 августа стали поступать какие-то странные сведения: с одной стороны, были телеграммы Керенского о том, что генерал Корнилов отрешается от должности, что его приказов не следует исполнять, а с другой стороны, генерал Корнилов призывал к повиновению и заявлял, что имеет в виду спасение родины и т.п. Часов в 11 вечера ко мне пришел товарищ и предупредил меня, что меня будто бы хотят арестовать, тогда я пошел в хозяйственную канцелярию и выяснил, что арестовать меня не собираются, а имеется только приказ о моем откомандировании из части к этапному коменданту. Тогда я в тот вечер пошел объясняться к начальнику штаба полковнику Гатовскому, который сказал, что он тут ни при чем, а что мое откомандирование находится в зависимости от начальника команды связи — подполковника Жиляева. Полковник Гатовский стал меня расспрашивать о том, не знаю ли я сам причин моего откомандирования, и выразился в том смысле, что как работник я хорош, но что, может быть, мое откомандирование находится в связи с какими-нибудь моими неприемлемыми политическими воззрениями. В дальнейшем разговоре полковник Гатовский заявил мне, что он, со своей стороны, согласен отменить распоряжение подполковника Жиляева при том условии, если я соглашусь с его, Гатовского, точкой зрения на положение вещей. Затем он стал развивать мне свою точку зрения, которая состояла в том, что Керенский — больной человек, развелся с женой, что он занимается не делами, а любовью во дворцах; что, как штатский человек, он совершенно не способен управлять армией и что нашим начальником является только Верховный главнокомандующий Корнилов, а никак не Временное правительство. Гатовский требовал от меня, чтобы я в этом направлении вел агитацию среди команды. На это я давал Гатовскому уклончивые ответы в том смысле, что целью нашей деятельности является спасение родины, а не партийные раздоры. На этом наш разговор окончился, и Гатовский отпустил меня; он сказал на прощание, что надеется на меня как на порядочного человека, который поймет положение вещей. Отчисление мое не состоялось. 28 августа мы погрузились, и 29-го мы прибыли на станцию Чолово, рано утром — часа в 3. Здесь соединились два штабных эшелона: эшелон Кабардинского полка и один эшелон Осетинской пешей бригады. Стали обмениваться взглядами по вопросу о том, куда и зачем нас ведут. Тут же вышел инцидент с подполковником Жиляевым, который приказал убрать с вагона красное знамя с надписью «Земля и воля», — этот поступок возмутил эшелоны, подполковник был потребован на объяснение, причем он говорил, что ему известны железнодорожные правила, которые запрещают выставлять красные флаги на вагонах ввиду того, что это является железнодорожным сигналом. Тем не менее подполковник Жиляев был арестован, но впоследствии освобожден. На паровозе находился поручик Кануков и всадник. Их сняли с паровоза — это был тот паровоз, который должен был нас везти дальше. Тут же было образовано заседание представителей эшелонов, на котором было постановлено немедленно собрать корпусной съезд и

до сбора корпусного съезда потребовать от командующего корпусов кн. Багратиона приостановления всех действий против Временного правительства и движения эшелонов. К кн. Багратиону от комитетов был делегирован я. Передавая требование[I] собравшегося комитета, я указал на необходимость приостановить как движение эшелонов, так и прочее, согласно постановлению комитета. На это кн. Багратион ответил, что он не может дать такого распоряжения от своего имени ввиду того, что командиром корпуса является генерал Крымов, и, таким образом, его распоряжение может быть не исполнено передовыми частями. Тогда я спросил его, что он предпримет, если эшелоны заставят его дать такое распоряжение, так как первоначально кн. Багратион предлагал сообщить от имени комитетов. Он сначала не соглашался дать от своего имени распоряжения, которое требовалось мною, и когда я вышел от него, чтобы доложить о нашем разговоре комитету, то явился штабс-ротмистр Севоев, который и сказал, что кн. Багратион подписал требуемое распоряжение. Решено было послать делегатов для собрания всех полковых комитетов, которые и собрались 30 августа на станции Чолово. Тогда же прибыли делегации: мусульманская, делегация от Совета рабочих и солдатских депутатов и от Временного правительства, и от 1-ой гвардейской дивизии. 31 утром было созвано корпусное совещание, на котором было решено послать делегацию в Петроград в Совет рабочих и солдатских депутатов и во Временное правительство с изъявлением солидарности с ними. Тем дело и кончилось.

Зачеркнуто: «требование».

Георгий ПРИПУТНЕВИЧ

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

4) Владимир Ионович Ершов, 20 лет, прапорщик 18-го Вологодского пехотного полка, православный, не судился, живу временно в Петрограде, «Северная» гостиница, 196.

25 августа сего года в нашем полку, который находился на позиции на[II] Западном фронте, была получена телефонограмма, кажется, от начальника дивизии, о том, что требуются в Ставку для изучения новейших минометов и бомбометов английского образца кадровые или опытные боевые офицеры. Того же 26-го числа наш батальонный командир от имени полкового командира предложил мне эту командировку, на что я и согласился. В Ставку, в гор. Могилев, я прибыл 27 августа, где и остановился в вагоне Штаба. Кроме меня там было еще человек 25 офицеров, таким же образом командированных, как и я. В самый день приезда в Ставку в вагон к нам явился какой-то[III] штабной офицер, которого я, ввиду позднего прибытия в Ставку, видел только мельком и фамилии его не знаю, и сказал мне, что мои товарищи по дороге в Петроград все мне объяснят. Вслед за тем он вышел из вагона. Оказалось, что наш вагон прицепили к отправлявшемуся в Петроград поезду, и мы поехали очень скоро после того. По дороге в Петроград товарищи-офицеры объяснили мне, что в Петрограде предполагается бунт большевиков, что Временное правительство будет свергнуто, что будет объявлена «диктатура пролетариата», заключен сепаратный мир с Германией и т.п., и что на нас, собственно, будет возложено

I Далее зачеркнуто: *«требование»*.

II Слово *«на»* вписано над строкой.

III Частица *«то»* вписана в строку.

принятие мер к предотвращению и подавлению беспорядков. По прибытии в Петроград нам надлежало обратиться к нескольким лицам для получения дальнейших инструкций, а именно, насколько припоминаю, к генералу Федорову, кажется, на Сергеевской ул., 36, а остальных фамилий не помню, так как данный мне кем-то из товарищей список[I] я разорвал и бросил. На дорожные расходы мне было дано в Ставке 150 рублей тем самым офицером штаба. Доехали мы только до станции Вырица, так как дальше ехать было нелепо ввиду порчи пути. Наш вагон прицепили к одному из корниловских эшелонов. В Вырице нас отцепили и поставили в тупик. В Вырицу мы прибыли 30 августа. Простояли там до 1 сентября, узнали здесь истинное положение вещей, и я решил ехать в Петроград, где явился в штаб, который и послал меня к Вам. Более я ничего показать не могу. Предъявляю вам предписание Штаба Верховного главнокомандующего о командировании меня в Петроград. (Представлено предписание)[II].

Вписано: «на», «то», «список».

Владимир ЕРШОВ

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

5) Михаил Васильевич Матвеев, 30 лет, хорунжий 1-го Амурского казачьего полка, православный, не судился, живу временно в Петрограде, Екатерининский канал, 27, кв. 14.

Мой полк входит в состав Уссурийской дивизии и 3-го конного корпуса. В августе сего года стояли мы в Подольской губ. Числа с 17 августа наш полк стал грузиться на железной дороге для отправки на север. Я следовал в четвертом эшелоне. Куда именно нас везут, было неизвестно, а слухи и предположения были разные. Привезли нас в Великие Луки, где мы пробыли до 27 августа, когда нам было внезапно приказано выступать на станцию для погрузки в вагоны, причем обозов с собою приказано было не брать, а фуража захватить как можно больше. На вопрос, куда мы идем, никто ничего не знал, думали, что поедем под Ригу, так как там дела были скверные. Провезли нас через Дно, Псков и взяли направление на Нарву; не доезжая последней, стала происходить задержка в движении эшелонов, по какой причине, тогда не было в точности известно. Пошли слухи, что в Петрограде неладно, будто бы большевики производят беспорядки. Кем были пущены эти слухи, неизвестно. На Нарве-2-ой скопились все эшелоны нашего полка. В общем, дальше Ямбурга наши эшелоны не пошли. Во время стоянки на Нарве-2-й пришло корниловское воззвание через начальника дивизии. В этом воззвании Корнилов приглашал Временное правительство к себе в Ставку. Оно было прочитано по сотням по распоряжению начальника дивизии. Об отрешении Корнилова от должности Верховного главнокомандующего точных сведений тогда еще не было, а были только слухи. По поводу этого воззвания началась с казаками частная беседа, и когда один из казаков сказал, что Корнилов есть изменник и подлец и что он на немецкие деньги бежал из плена, я возразил; осуждать его у нас нет данных, что мы не знаем еще, может и Керенский оказаться «жуликом 96-ой пробы». Уже после этого мне была впервые показана телеграмма, в которой министр-председатель Керенский объявлял об отрешении Корнилова от должности и о том, чтобы

[I] Слово *«список»* вписано в строку.

[II] В делах № 29 и № 4 (ГА РФ. Ф. 1780) предписание не обнаружено.

никаких его распоряжений не исполнять. Собственно, движение наше вперед тут и приостановилось. Пошли разные митинги; благодаря близости города Нарвы казаки часто ходили туда, на митингах принимали участие разные посторонние лица из города, рабочие и т.п., которые призывали казаков не верить офицерам, убеждали казаков, что офицеры — это изменники и контрреволюционеры и т.п., под влиянием такой проповеди и несколько человек офицеров было казаками «арестовано», собственно, без всякого повода, совершенно зря. Добавляю, что фразу относительно Керенского я сказал просто как полемический прием, который, конечно, должен быть признан неудачным.

Хорунжий Михаил Васильевич МАТВЕЕВ
Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

6) Яков Афанасьевич Попов, 40 лет, священник 1-го казачьего Амурского полка, православный, проживаю временно в Петрограде по Фонтанке, 52.

Вместе с полком, в котором я состою священником, я прибыл с Юго-Западного фронта в Нарву, и здесь, в то время, когда происходили разные митинги и обсуждалось создавшееся положение в связи с конфликтом между Верховным главнокомандующим Корниловым и Временным правительством, я, между прочим, сказал, что нужно слушаться Корнилова как Верховного главнокомандующего, сказал я так потому, что совершенно не знал тогда, что Корнилов смещен. После того один из офицеров нашего полка сказал мне, что на собрании какой-то казак говорил, что и я, тоже высказывался в том смысле, что нужно слушаться якобы Корнилова, а не Временное правительство, и что лучше было бы мне по этому поводу поехать в Петроград и здесь объясниться. Я так и сделал: прибыл в Петроград в штаб, а оттуда меня послали к вам. Более я ничего пока сказать не могу.

Полковой священник ПОПОВ
Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

7) Федор Андреевич Слюсарев, 32 лет, подъесаул 1-го Амурского казачьего полка, православный, не судился, живу в Петрограде временно, Фонтанка, 52, кв. 33.

Вместе с полком, в котором я служу, я прибыл из-под Проскурова в Нарву, причем совершенно не было известно, для чего именно и куда нас перебрасывают. О конфликте между Корниловым и Временным правительством узнали в Нарве, равно как и об отрешении Корнилова от должности Верховного главнокомандующего. Настроение у казаков было, безусловно, за Временное правительство, из офицеров решительно никто не только не уговаривал казаков, но даже и речи не произносил о том, что надо поддержать Корнилова против Временного правительства, что в конфликте между ними надо присоединиться к Корнилову. Конфликт этот был совершенно неожиданным. По пути движения к Нарве, ввиду слухов о каких-то выступлениях большевиков, принимались меры предосторожности, так, например, на паровозе ставили офицера, чтобы машинист не ушел. Можно было ожидать какого-нибудь крушения и т.п. Обо всем этом ходили слухи, но от кого именно они исходили, кто их распространял — неизвестно. Во время стоянки в Нарве я, по постановлению полкового комитета, был арестован за то, что какой-то казак доложил комитету, что подслушал фразу из разговора моего с другим офицером, которому я будто бы

сказал, что «Корнилов был прав, а кадеты поступали правильно». Действительно ли я сказал такую фразу и по какому поводу она была произнесена, я совершенно в настоящее время не помню. Более ничего показать не могу.

Федор СЛЮСАРЕВ

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

8) Борис Александрович Савицкий, 21 года, сотник 1-го Амурского казачьего полка, православный, не судился, живу временно в Петрограде, Фонтанка, 52, комната 33.

С тем полком, в котором я служу, нас в половине августа перевезли из-под Проскурова в Великие Луки, причем не было известно, для чего именно и куда, собственно, нас везут. 23 или 24 августа из штаба дивизии последовало распоряжение в спешном порядке грузиться на железную дорогу и выступать в боевом порядке, т.е. все обозы оставить сзади, а с собой взять патроны и самое необходимое. По этому поводу делались самые разнообразные предположения. Около Нарвы стало известно, что движение эшелонов под каким-то предлогом тормозится; в Нарве выяснилось окончательно, что железнодорожная администрация не дает нам паровозов. Тут же в Нарве были получены сведения о конфликте между генералом Корниловым и Временным правительством, о том, что Корнилов смещен и что распоряжения его не подлежат исполнению. Обстановка была весьма неясная, и настроение казаков было неопределенное. Однако, по мере выяснения обстановки, настроение казаков явно определилось на стороне Временного правительства. Никаких призывов со стороны офицеров к поддержке генерала Корнилова не было. Под влиянием разных посторонних ораторов, призывавших на митингах казаков к недоверию офицерам и т.п., некоторые из нашего офицерского состава были объявлены арестованными. Большую роль при этом сыграло также и сведение личных счетов. В планы и намерения генерала Корнилова я не был посвящен, да и не думаю, чтобы вообще кто-либо из офицеров мог что-нибудь знать о том, куда и для чего нас везут. По крайней мере, никаких подобных разговоров до меня не доходило. Более ничего показать не могу.

Сотник САВИЦКИЙ

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 84–92. Подлинник. Машинопись; Д. 4. Л. 45–47, 49–54. Заверенная копия. Машинопись.

№ 70

Протокол допроса чиновника военного времени Н.В. Данилова и младшего унтер-офицера команды связи Кавказского туземного корпуса И.К. Новикова

6 сентября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года сентября 6-го дня судебный следователь Петроградского окружного суда по важнейшим делам В. Гудвилович в камере своей допросил нижепоименованных свидетелей с соблюдением 443 ст. У[става] у[головного] с[удопроизводства], и допрашиваемые показали:

Николай Васильевич Данилов, 32 л[ет], чиновник военного времени, из мещан гор. Жиздры, православный, не судился, живу временно в Петрограде, в гостинице «Версаль», на углу Пантелеймоновской ул. и Фонтанки.

Я состою делопроизводителем штаба Кавказской туземной конной дивизии, ныне корпуса, с 21 февраля 1915 года. Летом, в последнее время, перед переброской нашей дивизии на север, она стояла в Подольской губ., откуда и началась перевозка ее в северном направлении 11 августа. Сначала совершенно ничего не знали, куда и зачем нас везут, на пути же следования, по мере того как мы приближались к Ново-Сокольникам, стали говорить как между солдатами, так и среди офицеров, что нас двигают на Петроград. Оговариваюсь, что я могу говорить о разговорах и настроениях среди служивших в штабе, в команде мотоциклистов и в команде связи, т.е. солдат русского[1] происхождения, тогда как остальные солдаты, туземцы с Кавказа, которые вообще считались как настроенные реакционно. В Ново-Сокольниках, куда мы прибыли между 16 и 18 августа, мы простояли дней пять; затем числа 21-го или 22-го погрузились, и нас повезли на станцию Дно, куда мы прибыли на другой день. Здесь штаб корпуса расквартировался в имении Марьина Дубрава, верстах в семи от станции. 27 августа в штабе дивизии была получена телеграмма временно управляющего Министерством путей сообщения Ливеровского, в коей была приведена телеграмма министра-председателя А.Ф. Керенского, в которой приказано было генералу Корнилову сдать командование, говорилось о присылке к нему, Керенскому, члена Государственной Думы Львова, и войска призывались к единению и спокойствию. Вместе с тем была получена копия телеграммы генерала Корнилова за № 563, в которой он называл себя сыном крестьянина-казака. Телеграммы эти были объявлены в приказе по дивизии за № 206. Приказ этот я сам писал в инспекторской канцелярии, на машинке, и слышал, что офицеры штаба в недалеко находившейся комнате кричали приветственные слова по адресу генерала Корнилова, но подробно разобраться в этом, равно как и узнать голоса, было невозможно, так как, кроме того, что я занят был своим делом, это все происходило через комнату от того помещения, в котором я находился.

В тот же вечер в инспекторскую канцелярию, в которой находился я и чиновник Павлов, а также ротмистр Максимович, писарь Павел Двукраев и еще какие-то писаря, но кто именно, я не помню, вошел начальник штаба дивизии полковник Гатовский. Подойдя ко мне, он меня спросил, каково мое настроение, я ответил, что теперь, как я полагаю, в Петрограде происходит борьба, на чьей стороне будет верх еще, по моему мнению, не решен вопрос об этом. В то же время полковник Гатовский говорил, что в Петрограде пока еще спокойно, что получена телеграмма от министра-председателя Керенского о том, что нашей дивизии, собственно, нечего там делать. Однако полковник по этому поводу выражал недоумение, почему министр-председатель не делает распоряжений относительно нашей дивизии через Верховного главнокомандующего. Далее он выражался в том смысле, что если его Верховный главнокомандующий не слушается, то, значит, он, Керенский, не пользуется достаточным авторитетом и доверием, власть его слишком слаба, и потому она должна быть передана в более сильные руки, а именно в руки Верховного главнокомандующего Корнилова, который, по словам полковника Гатовского, ничуть не посягает на свободу. На запрос же полковника Гатовского по поводу настроения команды я ответил, что в команде, между прочим, царит неудовольствие

[1] Далее зачеркнуто: *«настроения»*.

по поводу откомандирования нескольких лиц, на что полковник Гатовский ответил, что это, собственно, дело подполковника Жиляева, начальника команды связи, так как он ответственен за команду. Тогда же ротмистр Максимович говорил, что обнаружено[I], что в Стокгольме находилось отделение германского генерального штаба, которое работало заодно с нашими большевиками. Открытие это, по его словам, было сделано капитаном Генерального штаба Никитиным, в Петрограде. Этот самый капитан Никитин раньше состоял адъютантом в нашем же штабе. Еще полковник Гатовский говорил про министра-председателя, что он кокаинист и морфинист, что он помещается во дворце и спит на кровати Александра III и т.п.; что он развелся со своей женой.

28 августа штаб дивизии выступил на станцию Дно для погрузки. По пути на станцию чиновник военного времени Сергей Михайлович Павлов говорил мне, что он видел[II] у полковника Гатовского план города Петрограда, с отметками на нем, сделанными синим карандашом, и что полковник Гатовский сказал ему, Павлову, по секрету, что штаб нашей дивизии будет расквартирован в Петрограде на Знаменской площади. Об этом полковник Гатовский, по словам Павлова, просил никому не говорить. Во время погрузки на ст. Дно старший унтер-офицер штаба дивизии Скляднев, состоявший членом комитета штаба дивизии, передал мне номер «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» от того же 28 августа. Так как на этой станции кроме наших частей были также и казаки Уссурийской дивизии и 3-го Уральского казачьего полка, желавшие знать об истинном положении вещей, то я и стал им читать этот номер «Известий» вслух. Тут же стоял и подполковник кн. Дадиани, который, прослушав некоторое время чтение, отправился за командиром дивизии генералом кн. Багратионом, который в то время находился у телеграфа.

Кн. Багратион по приходе спросил меня, откуда я взял читаемую мной газету, на что я ему и ответил, как было дело. Тогда он стал просматривать газету и, заметив, что там, между прочим, говорилось о назначении Багратиона помощником военного министра, сказал: «Вот вам уже первая ложь: я на станции Дно, а в газете говорится, будто бы меня назначили помощником военного министра». Основываясь на этом, кн. Багратион стал доказывать слушателям, что вообще в газетах содержатся неверные сведения, и старался вызвать недоверие к сведениям, заключавшимся в прочитанной мною газете. Тогда некоторые из солдат стали выражать кн. Багратиону недоверие вообще. Поговорив некоторое время с солдатами, кн. Багратион взял меня за руку и пошел со мною по направлению к классным вагонам, и тут он мне сказал: «Раньше, чем читать такую газету массе, надо было бы прежде самому прочитать ее и усвоить содержание про себя». Кроме того, он приказал мне прийти к нему в вагон перед самым отходом поезда. Я это исполнил; кн. в своем купе сказал мне[III] следующее: «Министр-председатель окружен большевиками, не дающими ему полностью осуществлять власть, а так как большевики, по мнению кн. Багратиона, работают совместно с немцами, то и надо сделать так, чтобы министра-председателя вырвать из их рук и дать возможность генералу Корнилову создать новое правительство по его, Корнилова, выбору и усмотрению. При этом кн. Багратион убеждал меня в том, что выступление генерала Корнилова ведет к спасению отечества и что на свободу генерал Корнилов не посягает. Тогда среди

I Слово *«обнаружено»* вписано над зачеркнутым: *«открыто»*.

II Слово *«видел»* вписано над зачеркнутым: *«был»*.

III Слова *«сказал мне»* вписаны над строкой.

солдат возникло брожение и постепенно росло убеждение в том, что нас ведут на Петроград для свержения Временного правительства.

На станции Чолово, куда прибыли утром, сошлось 4 эшелона: штаба корпуса — 2, кабардинцев — 1 и осетин — 1. На этой станции начальник команды связи подполковник Жиляев приказал снять с вагона революционное знамя, т.е. красный флаг. За это подполковник Жиляев был солдатами арестован. Тут же был созван временный комитет из чинов названных эшелонов. Комитет этот постановил: 1) эшелоны остановить и впредь не двигаться, пока не будет получено приказание от Временного правительства; 2) выбрать две партии делегатов и отправить в оба конца по линии для оповещения замыслов нашего начальства против Временного правительства и для немедленного созыва комитетов всех частей дивизии; и 3) потребовать от кн. Багратиона дать телеграмму впереди находящимся эшелонам, чтобы они остановили движение вперед и не предпринимали бы никаких действий против войск Временного правительства. Такая телеграмма, после того как к кн. Багратиону ходил уполномоченный от комитета Припутневич, в действительности была дана. Когда к 30 августа были собраны делегаты всех комитетов, то состоялось корпусное совещание на той же станции Чолово, на котором было постановлено послать в Петроград делегатов для заверения Временного правительства в преданности нашей дивизии (или вернее — корпуса) Временному правительству. В состав этой делегации был избран и я.

По прибытии в Петроград мы являлись к министру-председателю, а также были в Исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов. Когда штаб дивизии стоял в Марьиной Дубраве, то туда из Ставки приезжал Чеченского конного полка полковник Келлер, который, кажется, находился в прикомандировании к Ставке, в то же время он был назначен командиром 2-го Осетинского конного полка. Тогда же в штабе дивизии был и генерал Краснов — начальник не помню какой Донской дивизии. Полковник Келлер выбыл из штаба дивизии, вернее был командирован в ставки Верховного главнокомандующего и Северного фронта 26 или 27 августа. Во время движения со станции Дно к Петрограду к командиру дивизии на станциях являлся дежурный офицер с докладами, но о чем именно были доклады командиру, я не знаю, так как когда я находился у кн. Багратиона в купе, то по приходе дежурного офицера меня просили выйти из купе, а потом, по окончании доклада, меня снова пригласили в купе. Добавляю еще, что того же 27 августа, когда наш штаб дивизии стоял в Марьиной Дубраве, то писарь оперативного отделения Мирошниченко, имени и отчества его я не помню, высказывался в том смысле, что теперь от Временного правительства никого не осталось[I], даже А.Ф. Керенского, и что теперь Временное правительство заключается в генерале Корнилове. Начальник дивизии кн. Багратион вместе с начальником штаба полковником Гатовским ездили в Ставку еще из Подольской губ. и возвратились в Ново-Сокольники 17 августа. Затем кн. Багратион ездил еще раз в Ставку из Марьиной Дубравы[II] и вскоре вернулся обратно. Полковник Гатовский ездил в Петроград со станции Ново-Сокольники и возвратился в Марьину Дубраву в ночь на 27 августа. Поручик Татарского конного полка, прикомандированный к штабу дивизии, Штукенберг был командирован из штаба в Гатчину или в Красное Село 24 или 25 августа. Он обещал мне купить пленок для фотографического аппарата, но он сказал, что в Петрограде не будет, а в Гатчине, если

[I] Слово *«осталось»* вписано над зачеркнутым: *«соатлось»*.

[II] Далее зачеркнуто: *«в ночь на 27 августа»*.

найдет, то купит. Добавляю, что сам я не был очевидцем того случая, как подполковник Жиляев приказывал снять красный флаг с вагона, и потому мне в точности не известно, в какой форме было отдано подполковником Жиляевым это приказание.

Зачеркнуто: «настроения», «был», «соатлось», «в ночь на 27 августа». Надписано: «видел», «сказал мне», «осталось», «обнаружено». Зачеркнуто «открыто».

Н. ДАНИЛОВ

Судебный следователь В. ГУДВИЛОВИЧ[I]

2) Иван Карпович Новиков, 24 лет, младш[ий] унтер-офицер команды связи Кавказского туземного корпуса, православный, не судился, живу временно в Петрограде, гостиница «Версаль», но сегодня возвращаюсь в действующую армию.

26 августа, когда наш штаб стоял в имении Марьина Дубрава у станции Дно, была получена телеграмма от министра-председателя Керенского[II] о том, что в Петрограде все спокойно, никаких беспорядков не происходит, и что туземная Кавказская дивизия в Петрограде не нужна. Сам я этой телеграммы не видел, а знаю о том, что такая телеграмма была, от младшего унтер-офицера Лысова, ефрейтора Дея и ефрейтора Алякринского, которые в то время были дежурными по станции. Потом была получена подобного же рода телеграмма за подписью Ливеровского, а также телеграмма Верховного главнокомандующего Корнилова, который называл себя сыном крестьянина-казака. Обе эти телеграммы были объявлены в приказе дивизии поздно вечером 27 августа. В то время, по словам младшего унтер-офицера Плохинского и писаря Фарманюка, офицеры в штабе кричали: «Да здравствует Корнилов!», «Долой Временное правительство!», «Да здравствует монархия!» Сам я подобных криков не слышал, а знаю об этом со слов названных лиц. Оба они из команды связи. Потом ефрейтор из вольноопределяющихся Дей (имени и отчества его не знаю) показывал мне списанную им, по его словам, в штабе дивизии телеграмму следующего содержания: «Главковерх приказал комкору 3-го конного, начдивам 2-ой Уссурийской, Донской и Туземной высадиться между Гатчиной и ст. Александровской и в конном строю двигаться к Петрограду в полном боевом порядке к Нарвской, Московской и Невской заставам. В случае обстоятельств, мешающих выполнению плана, главковерх приказал старшему генералу в чине принять на себя командование корпусами и дать сражение войскам Временного правительства». Затем были из нашего состава некоторые лица, относительно которых начальство не было уверено, что они не будут мешать выполнению замысла генерала Корнилова. Были слухи, что полковник Гатовский, который состоял начальником штаба, приказал арестовать председателя комитета команды связи ефрейтора Григория Ладоху, а также откомандировать старшего унт[ер]-оф[ицера] Александра Видика, мл[адшего] унт[ер]-оф[ицера] Василия Воеводенко, мл[адшего] ветеринарного фельдшера Николая Завалова и рядового Сергея Марщакина. Когда до них дошли слухи об этом, они[III] 28 августа рано утром уехали в какие-то соседние части, и до настоящего времени сведений о них не имеется.

I Здесь и далее в документе текст, выделенный курсивом, вписан чернилами.

II Далее зачеркнуто: *«о»*.

III Слово *«они»* вписано над строкой.

Солдат службы связи телефонист Чернявский (имени и отчества его я не помню) говорил мне, что генерал кн. Багратион дал дежурному телефонисту 27 августа на ст. Дно Алякринскому 25 рублей за то, чтобы тот не передавал никаких секретов посторонним. Сам Алякринский мне об этом не говорил. Вечером 27 августа наша команда, которая стояла в деревне в расстоянии одной версты от места расположения штаба, хотела было идти и арестовать офицеров, но комитет сумел удержать солдат от выступлений. В тот же вечер, 27 августа, временно исполнявший должность начальника команды связи Ингушского конного полка поручик кн. Грузинский приказал выключить все линии из коммутатора и соединить напрямую начальника штаба со станциею Дно для того, чтобы телефонисты не могли подслушать секретных переговоров. Но команда в это время выслала телефониста мл. унт[ер]-оф[ицера] Лысова, чтобы он соединил командную линию с линией начальника штаба, дабы была возможность подслушивать и перехватывать разговор. Для этой цели был посажен телефонист Дей. После соединения начальника штаба полковника Гатовского напрямую начался разговор на французском языке, известном Дею. Последний перевел нам и сообщил нам из этого разговора следующее: «Впереди находящихся эшелонов линия разобрана, и надо следить за командою связи, чтобы она не имела никакого сношения с конно-пулеметным отрядом корпуса... Полковник Гатовский запрашивал, во сколько времени отправились погруженные эшелоны. При этом полковник Гатовский советует порвать провод с Петроградом». Во время погрузки команды на станции Дно я спросил поручика кн. Грузинского, куда мы едем, на что он ответил: «Что же, очистили Галицию, отдали Ригу, так теперь надо действовать туда и сюда». Тут же на станции Дно подполковник кн. Дадиани вел агитацию против министра-председателя Керенского в том смысле, что Керенский — морфинист, кокаинист, женат на немке и не пользуется доверием большинства населения, и что такой человек, занимающийся разводами, не может управлять страной. Потом, когда чиновник Данилов прочитал на станции газету, номер «Известий Совета рабочих и солдатских депутатов», то кн. Дадиани все метался по станции и кого-то искал. Кн. Багратион два раза ездил в Ставку Верховного главнокомандующего, один раз — с начальником[I] штаба полковником Гатовским из Подольской губ., а потом — один из Марьиной Дубравы. Со станции Дно были командированы в Гатчину квартирьеры, из нашей же команды, а именно: <младший унтер-офицер Александр Шатов и рядовой Иов Белов.>[II] Мы их просили во что бы то ни стало добраться до Петрограда и рассказать там, что против Временного правительства затевается поход. Это и было ими выполнено, о чем потом и было сообщено в какой-то газете, но в какой именно, в точности не могу сказать. Во время движения было замечено, что на каждой станции впереди были дежурные офицеры, которые при приходе поезда к станции ходили к начальнику корпуса с докладом. На том паровозе, который должен был везти корпусной эшелон, в котором следовали начальник дивизии и начальник штаба, находились корнет Кабардинского конного полка Кануков и с ним четыре всадника военной милиции. Они сторожили машиниста. Я сам лично спросил машиниста, зачем он едет, на что тот мне ответил: как же не ехать, если угрожают кинжалом и револьвером. Кануков и всадники были сняты с паровоза, и дальше Чолова мы

[I] Далее зачеркнуто: *«станции»*.

[II] В тексте, заключенном в угловые скобки, исправлены окончания слов. Первоначально было: *«младшего унтер-офицера Александра Шатова и рядового Иова Белова»*.

не поехали. После того полковник Гатовский вышел из вагона и направился к телеграфу, но я сам предупредил его намерение, опередил его и приказал телеграфистам запереть телеграф, что и было ими исполнено. Затем[I] от команды связи был поставлен караул на телеграфе, я сам приказал никого не пропускать туда. Тогда наши телеграфисты начали принимать железнодорожные депеши, которые передавались еще со станции Дно, о движении эшелонов, но эти депеши задерживались. На платформе полковник Гатовский уговаривал солдат продвигаться вперед для более удобного расположения по деревням под Петроградом. В это время со станции Оредеж эшелон дагестанцев просил продвинуть его вперед, до станции Чолово. Однако, не зная настроения дагестанцев, я и чиновник Данилов просили дежурного по станции не пропускать этого эшелона под тем предлогом, что все пути заняты. На станции Чолово был спешно собран временный комитет из четырех находившихся на этой станции эшелонов. Комитет постановил: приостановить всякое продвижение эшелонов, выбрать две партии делегатов для разъяснения войскам корпуса действий нашего командного состава и для созыва полковых комитетов частей корпуса, немедленно потребовать от кн. Багратиона распоряжения о том, чтобы прекратить всякие действия против[II] Временного правительства. Для передачи кн. Багратиону этого требования был уполномочен вольноопределяющийся Припутневич, который и отправился к князю в его вагон. В это время чиновник Данилов открыто, встав на стол, говорил, что мы идем для свержения Временного правительства и для пролития братской крови, и в то же время призывал к спокойствию и к разумным действиям, к предотвращению пролития крови. Ввиду общего требования всех солдат кн. Багратион согласился дать телеграфное распоряжение о приостановлении продвижения эшелонов вперед и о том, чтобы не предпринимать враждебных действий против Временного правительства. Во все это время немало мешал нам подпрапорщик Саницкий, который был доносчиком и подслушивал, что говорится. Он агитировал между солдатами в пользу генерала Корнилова, говорил о скором свержении Временного правительства и о восшествии на престол Михаила Александровича, за что полковник Гатовский, по его словам, обещал произвести его в прапорщики. Этот Саницкий при каждой победе немцев смеется над русскими. Мы неоднократно делали постановления об удалении его, но начальство каждый раз отклоняло наши постановления. Более я ничего показать не могу. Исправляю мое показание в том смысле, что и Алякринский тоже мне говорил, что кн. Багратион дал ему 25 рублей за то, чтобы он не передавал содержания секретных разговоров по телефону.

Зачеркнуто: «о», «станции», «Верховного пр[авительства]», «Арирм». Надписано: «они», «Затем». Исправлено: «младший унтер-офицер Александр Шатов и рядовой Иов Белов».

Иван НОВИКОВ

Судебный следователь В. ГУДВИЛОВИЧ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 101–105 об. Подлинник. Машинопись; Д. 4. Л. 57–61 об. Заверенная копия. Машинопись.

I Слово *«Затем»* вписано над зачеркнутым: *«Арирм»*.

II Далее зачеркнуто: *«Верховного пр[авительства]»*.

№ 71

Из протокола допроса командира 2-й бригады Уссурийской конной дивизии В.Ф. Железнова, временного командующего 1-м Нерчинским казачьим полком А.Л. Сабеева, командира Уссурийского казачьего дивизиона Н.Н. Ободовского, ст. помощника командира 15-го Донского казачьего полка П.М. Еманова, начальника пулеметной команды 15-го Донского казачьего полка М.С. Ковалева, командующего 1-м Ансурским казачьим полком войскового старшины Г.П. Полковникова, командующего Уссурийской конной дивизией А.А. Губина, и.д. начальника штаба Уссурийской конной дивизии Г.И. Дементьева

2 сентября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года, сентября 2-го дня, Судебный следователь Петроградского Окружного суда по важнейшим делам В. Гудвилович в камере своей допросил нижепоименованных свидетелей с соблюдением 443 ст. У[става] у[головного] с[удопроизводства], и допрашиваемые показали:

1) Владимир Феофилактович Железнов, 54 лет, православный, генерал-майор, командир 2-ой бригады Уссурийской конной дивизии, временно живу в Петрограде, Поварской пер. 4, кв. 5.

Бригада, которой я командую, входит в состав 3-го конного корпуса, которым командовал генерал Крымов, дивизией же командует генерал Губин. Летом сего года наш полк стоял в Бессарабии, в конце июля он был переброшен на Юго-Западный фронт к Тарнопольскому прорыву. Здесь мы простояли до 18 августа, насколько помню, может быть, до 19-го, когда вся дивизия генерала Губина была перекинута в неизвестном направлении. Дело было так, что нам было приказано грузиться в вагоны без указания, куда именно нас повезут. Повезли нас в северном направлении, причем сначала мы думали, что нас повезут на Западный фронт, но по мере движения наши предположения не оправдались, так как нас двигали все далее и далее на север. Явилось новое предположение, что нас придвигают к Балтийскому побережью для охраны такового. Так[1] прибыли в Полоцк, где увидели, что нам приказано выгрузиться и расположиться в районе Великих Лук Псковской губ., куда мы и прибыли, если не ошибаюсь, 21 или 22 августа, по крайней мере, первый эшелон Амурского полка. В состав командуемой мною бригады входят 1-й Амурский казачий и Уссурийский казачий полки и отдельный Уссурийский казачий дивизион (от двух до трех сотен, но этот дивизион состоял именно из двух сотен). В субботу, 26 августа, утром, было получено приказание от начальника дивизии генерала Губина немедленно идти на станцию Великие Луки для погрузки, причем первым номером должен был грузиться Нерчинский полк, а за ним Амурский. Направление нам опять-таки не было дано, знали мы только, что двигаемся на север. Оказалось, что на Псков. Предполагалось, что нас оставят там в районе Пскова, в резерве, и по мере боевой надобности нас перекинут или к Риге, или к Двинску. Однако провезли нас через Псков в направлении Нар-

[1] Далее зачеркнуто: *«мны»*.

вы. Здесь, в Нарве-2-ой, у нас отцепили паровоз и дальше не повезли по неизвестной причине. Прибыли мы в Нарву, кажется, 28 августа, рано утром. Здесь нам принесли телеграмму Керенского об отрешении генерала Корнилова от должности Верховного главнокомандующего и о том, чтобы приказаний его не исполнять, там же значилось, что временное верховное главнокомандование возлагается на генерала Клембовского. В Нарве мы простояли часов семь. Правильность, т.е. подлинность, указанной телеграммы мы проверить не имели возможности, так как железнодорожный телеграф никаких телеграмм от нас не принимал. Немного позднее нами получен гектографированный приказ генерала Корнилова о том, что для спасения Родины он видит себя вынужденным ослушаться Временного правительства и что он приглашает Временное правительство к себе в Ставку, гарантируя неприкосновенность и т.д. Тогда я пригласил командира Нерчинского полка полковника Сабеева и Амурского полка войскового старшину Полковникова для обсуждения создавшегося положения, так как очутились между Временным правительством и Верховным главнокомандующим, а от своего непосредственного начальства никаких указаний мы не получали. От генерала Клембовского тоже никаких указаний не было. На совещании этом было решено ознакомить нижних чинов и офицеров со всеми имеющимися у нас сведениями, о которых упомянуто выше, и предложить им выбрать депутации для посылки в Петроград, в Совет Союза казачьих войск и к Временному правительству, чтобы узнать, кому же нам подчиняться и что, наконец, такое творится. Это и было исполнено, нам был дан для этой цели паровоз и вагон, и депутация выехала в Петроград. Впоследствии из газет я узнал, что депутации наши добрались до Петрограда. Около 10 час. утра было получено приказание от начальника дивизии генерала Губина в письменной форме продвигаться вперед, к Ямбургу, где к вечеру того же 28 августа и сосредоточиться, причем если нам не будут давать паровозов, то брать их силой. Во исполнение этого приказания нами было взято несколько паровозов, которые, впрочем, были нам выданы без всякого сопротивления, и мы стали продвигаться к Ямбургу, где и расположились. Здесь к нам придвинулся и начальник дивизии, от которого и последовало приказание впредь до выяснения политического положения никуда не двигаться из района Ямбурга. В таком положении мы пробыли до 30 августа или, вернее, 31-го, когда с вернувшимися из Петрограда нашими депутациями было получено предписание управляющего Военным министерством Савинкова начальнику дивизии, командирам бригад и командирам всех полков дивизии немедленно явиться в Петроград, в штаб округа. С этими же депутатами было прислано другое предписание Савинкова, обращенное к офицерам и казакам, что в случае, если мы откажемся подчиниться этому приказанию, то нас надо арестовать и доставить в Петроград. Это второе предписание по какой-то случайности стало известно раньше казакам. Исполняя это приказание, мы немедленно же прибыли на вокзал в Ямбурге и обратились к железнодорожной администрации с требованием об отправлении нас в Петроград. Около часа дня мы выехали из Ямбурга и прибыли в Петроград к 8 часам вечера, где немедленно сообщили о прибытии в штаб округа[1]. Около 9 часов вечера мы были привезены на автомобилях в штаб округа. Таким образом, мы совершенно даже и не знали, куда именно и зачем нас ведут, политического характера нашей переброски мы даже и не подозревали. Дополняю показание тем, что непосредственных приказаний ни от Корнилова, ни от Крымова я никогда не получал, а все приказания доходили до меня как

[1] Далее зачеркнуто: *«о прибытии»*.

обычно, исключительно от начальника дивизии генерала Губина. Более ничего показать не могу.

Зачеркнуто: «о прибытии».

Генерал-майор ЖЕЛЕЗНОВ
Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ
Товарищ прокурора Суд[ебной] палаты Л. ПОВОЛОЦКИЙ[I]

[...][II]

4) Павел Михайлович Еманов, 40 лет, войсковой старшина, старший помощник командира 15-го Донского казачьего полка, православный, не судился, живу временно в Петрограде, в «Европейской» гостинице, № 192.

Полк, в котором я служу, входит в состав 1-ой Донской казачьей дивизии и 3-го конного корпуса, состоявшего под командой генерала Крымова. В первой половине августа командир полка заявил мне, что весь наш корпус перебрасывается в район Невель — Великие Луки и что я назначен старшим квартирьером от корпуса, а дальнейшие инструкции мне надлежит получить в штабе корпуса в Проскурове. Наш полк стоял тогда в Бессарабии. Я отправился в Проскуров, но там в штабе корпуса мне никаких определенных указаний дать не могли, не было там и карт района Великие Луки — Невель, ввиду чего мне было указано ехать с квартирьерами в Ставку, где и явиться к генерал-квартирмейстеру Верховного главнокомандующего, и если окажется, что генерал Крымов находится в Ставке, то и к нему. Я отправился в Могилев, где и встретил генерала Крымова на вокзале, он проживал в поезде и столовался на вокзале. Генерал подтвердил, что корпус переводится в район Великие Луки — Невель, и сказал, что нужные карты я получу в Ставке. Решительно никаких больше разговоров с генералом Крымовым я не имел. Он только сказал, что все инструкции по расквартированию я получу от коменданта в Невеле. На следующий день, которого именно числа, я не помню, я поехал в Невель совместно с квартирьерами, всего нас было 19 человек: 4 офицера, по одному от каждой дивизии, и 15 казаков. По прибытии нашем в Невель, где по предварительному уговору предполагалось разместить Уссурийскую дивизию, квартирьер этой дивизии, который все время ехал вместе со мной, сказал[III], что получено распоряжение от Штаба Верховного главнокомандующего о том, чтобы Уссурийской дивизии расположиться в районе Великих Лук. Местный комендант в Невеле подтвердил заявление этого квартирьера и показал мне секретную телеграмму из Штаба Верховного главнокомандующего, кажется, от имени генерал квартирмейстера, о том, чтобы эшелоны Уссурийской дивизии направлять в район Великих Лук, а эшелоны 1-ой Донской казачьей дивизии — в Псков, где должны расположиться штабы 1-ой Донской дивизии и штаб корпуса, и что дальнейшие подробности будут сообщены местными комендантами. Я отправился в Псков, а через несколько часов после прибытия моего туда пришел туда же и штаб корпуса. После переговоров с начальником штаба корпуса генералом Солнышкиным о моем недоумении по поводу того, что первоначально предполагалось расквартировать части корпуса в Великих Луках и в Невеле, а потом в отмену этого получилось другое распоряжение, причем Солнышкин мне сказал, что это часто бывает и что он уже получил необходимые указания, а я могу возвратиться к

I Здесь и далее в документе текст, выделенный курсивом, вписан чернилами.

II Далее опущены показания А.Л. Сабеева и Н.Н. Ободовского.

III Слово *«сказал»* вписано над строкой.

своему полку, я уехал из Пскова в полк, который расположился в 12 верстах от Пскова, в деревнях. Здесь мы простояли неделю, причем я все время был болен. 26 августа, вечером, командир полка был вызван по телефону в штаб дивизии, который находился тогда в Пскове, оттуда он по телефону передал мне через писаря, чтобы к семи часам вечера собрать командиров сотен и начальников команд[I] на квартиру к командиру полка, и передал бы о том, чтобы готовились ночью к выступлению по железной дороге. В восьмом часу вечера командир полка вернулся и объявил, что наш полк направляется на север, на станцию Волосово, по Балтийской дороге, для охраны побережья. В десятом часу вечера 26 августа наш полк выступил, в Пскове произошла погрузка в вагоны (полк шел тремя эшелонами), и нас повезли в Нарву. Доехали до станции Комаровка около Нарвы, где и простояли часов 15, не двигались дальше потому, что отцепили паровоз, а по какой причине, не знаю, да я тогда был болен и не интересовался этим. Среди казаков начались недовольства и волнения, так как на таком маленьком разъезде нельзя было ни самим поесть, ни лошадей попоить. Это было 27 августа. Во время стоянки в Комаровке до нас дошли воззвания и телеграммы Керенского о смещении Корнилова ввиду его выступления против Временного правительства. Эти телеграммы переданы нам были местным начальником станции, который объяснил, что, вероятно, ввиду этого нас и не пропускают дальше вперед. В конце концов мы доехали до Ямбурга, где и остановились. Отсюда нами была отправлена делегация к Временному правительству и к Союзу казачьих войск, причем двое из наших делегатов после явки Временному правительству были произведены в прапорщики. Таким образом, истинная цель движения нашего на север нам вовсе не была известна, о планах и замыслах Корнилова ровно ничего не знал ни я, ни другие офицеры.

Приписано: «сказал», зачеркнуто: «для отдачи».

Павел ЕМАНОВ

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

[...][II]

6) Георгий Петрович Полковников, 33 лет, православный, войсковой старшина, командующий 1-м Амурским казачьим полком, проживаю временно в Петрограде, «Европейская» гостиница, комната 18-а.

Полк, которым я командую, входит в состав Уссурийской конной дивизии и 3-го конного корпуса. До половины августа полк стоял в Подольской губ[ернии], а 17 августа от начальника дивизии был получен приказ о погрузке в вагоны около Проскурова для отправления в северном направлении, но куда именно, не было указано. Полк шел пятью эшелонами, причем я находился в головном эшелоне, и 21 августа мы прибыли в Великие Луки, где мне и было дано указание о том, чтобы расположиться в окрестностях этого города. В ночь на 26-ое адъютантом было получено по телефону из штаба дивизии приказание о подготовке полка к посадке на железную дорогу. Утром, 26-го, я выехал в штаб дивизии в Великие Луки для получения указаний относительно подробностей посадки. Около 11 часов утра при мне в штабе дивизии было получено приказание командира корпуса, кажется из Пскова, о посадке. В штабе я получил указания только о том, что наш полк направляется на Нарву-2-ю, где будут даны дальнейшие указания. Я предполагал, что нас отправляют на Север-

---

I Далее зачеркнуто: *«для отдачи»*.

II Далее опущены показания М.С. Ковалева.

ный фронт, куда-нибудь на охрану Балтийского побережья, грузиться приказано было возможно скорее и взять с собой возможно больше фуража, сухарей, патронные двуколки и лазаретные линейки, остальной обоз — в хвосте дивизии.

Из Великих Лук я выехал с головным эшелоном в ночь на 27 августа, двигались мы через Дно, Псков, и в ночь на 28 августа прибыл в Нарву-2-ю. Здесь дежурным офицером мне было доложено, что железнодорожная администрация отбирает паровозы и не допускает дальнейшего движения, ввиду чего дежурный офицер распорядился задержать паровоз и выставить охрану. Около трех часов ночи на 28-ое тот же дежурный офицер принес мне телеграмму Керенского о смещении Корнилова, назначении Верховным главнокомандующим генерала Клембовского и воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов о недопущении дальнейшего движения наших эшелонов, т.е. тех эшелонов, которые двигались по распоряжению генерала Корнилова. Так как мы перевозились по распоряжению генерала Корнилова, а последний был смещен, то я решил оставаться на месте до получения нового приказа и отпустил паровозы в депо. Утром 29 августа подошел второй эшелон моего полка, я собрал представителей офицеров и казаков обоих эшелонов и сообщил им, что происходят крупные политические события: генерал Корнилов отрешен и вместо него назначен генерал Клембовский, и так как для меня обстановка совершенно непонятна, неизвестно наше назначение, то я решил выслать депутатов от обоих эшелонов — по одному офицеру и 8 казаков, — которых отправил вперед на Ямбург с задачей выяснить и получить какие-нибудь указания от штаба корпуса, который, как я предполагал, должен был находиться впереди нас. Эти депутаты проехать не могли, так как путь оказался разобранным. Тогда один офицер и два казака от полка были отправлены в Петроград на дрезине. Здесь они явились к управляющему Военным министерством Савинкову и спросили дальнейших указаний. 29 августа, в 1 ч. 30 мин. дня, прибыл третий эшелон моего полка и привез приказание начальника дивизии идти на Ямбург, Красное Село, если же железнодорожная администрация откажет в паровозах, то брать их силой, при невозможности двигаться по железной дороге разгрузиться и к вечеру сосредоточиться в гор. Ямбурге. Это приказание, как выяснилось, было получено в штабе дивизии из Северного фронта, т.е. места пребывания вновь назначенного нового главнокомандующего. Ввиду этого я взял паровоз от подошедшего эшелона и продвинулся до станции Ямбург, забитую эшелонами, и так как дальнейшее движение было невозможно, то, согласно приказу начальника дивизии, разгрузился и стал по квартирам в гор. Ямбурге. Остальные эшелоны полка оставались на станции Нарва-2. 30 августа, ввиду приказа начальника дивизии о том, чтобы дальше не двигаться, я оставался в Ямбурге, куда в ночь на 31 августа вернулся офицер, посланный в Петроград (хорунжий Спасский), и сообщил мне предписание управляющего Военным министерством начальнику дивизии о вызове всех командиров частей в Петроград, а также инструкцию казакам и офицерам Уссурийской конной дивизии о том, что если начальники не исполнят этого приказания, то доставить их в Петроград силой или судить на месте военно-революционным судом. В 16 часов, в тот же день, я вместе с начальником дивизии выехал в Петроград. Таким образом, я в планы генерала Корнилова вовсе не был посвящен и об истинном характере нашего движения вовсе не знал. Более ничего показать не могу.

Георгий ПОЛКОВНИКОВ

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

7) Александр Александрович Губин, 44 лет, генерал-майор, командующий Уссурийской конной дивизией, православный, не судился, проживаю временно в Петрограде, в «Европейской» гостинице.

В первой половине августа сего года Уссурийская конная дивизия находилась в районе Проскурова и Волочиска, состоя в резерве 11-ой армии. В половине августа я получил от командира 3-го кавалерийского корпуса генерала Крымова распоряжение о том, чтобы перевезти дивизию в Великие Луки, в тот же район переправлялся и весь корпус. Куда именно нас направляют, мне в точности не было известно, было только одно обстоятельство, которое могло дать основание для предположений, а именно: в составе дивизии был 2-ой конно-горный артиллерийский дивизион, который перед отправлением на север был передан в 10-ю кавалерийскую дивизию, которая осталась на фронте, а к нам вместо того был присоединен 3-ий Донской казачий артиллерийский дивизион. Так как 2-ой конно-горный артиллерийский дивизион находился под некоторым влиянием большевизма, в противоположность 3-му Донскому казачьему дивизиону, то можно было думать, что нас отправляют не на фронт, а против каких-либо выступлений большевистского характера, подобно тому как это было в июле месяце. В Великие Луки мы прибыли, кажется, 22 августа и пробыли там до 26 августа. В ночь на 26-ое была получена из штаба корпуса телеграмма о погрузке в вагоны дивизии для отправки ее в Нарву. Характер телеграммы свидетельствовал о том, что требовалась спешная отправка. Штаб корпуса в то время находился в Пскове, 26 августа выступили по направлению к Нарве Нерчинский и Амурский полки. 27 августа выступил я со штабом дивизии, а после меня должны были грузиться Приморский драгунский и Уссурийский казачий. Что касается 3-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона, то он ко мне в Великие Луки не прибывал, во всяком случае не разгружался, и, кажется, был отправлен куда-то по другому пути. Когда я по пути в Нарву проезжал через Псков, то ко мне приехал из штаба Северного фронта офицер, фамилии которого я не знаю, и передал мне телеграмму, которую представляю Вам (представлена телеграмма[1]) о том, что если встретится какое-либо затруднение к следованию эшелонов по железной дороге, то дальнейшее движение производить походным порядком. Там же во Пскове ко мне прибыл офицер из штаба командира корпуса генерала Крымова — штабс-ротмистр 10-го гусарского полка Ерхо или Иерихо — наверное не помню, и передал мне пакет, в котором находились два приказа генерала Крымова о том, что нам надо двигаться до Красного Села, где и разгружаться, что объектом наших действий являются позиции на Красной Горке, в Старом и Новом Петергофе. В другом приказе генерал Крымов объявлял, что Верховный главнокомандующий назначил его главнокомандующим Особой армией, в которую входит моя дивизия, и дал ему поручение восстановить порядок в Петрограде и его окрестностях, а также в Финляндии и в других соседних местностях. Петроград и его окрестности объявляются на осадном положении, и приводится распорядок внутренней жизни в местностях, объявленных на осадном положении. Далее в приказе предписывалось: по прибытии в Петроград задерживать всех солдат, не принадлежащих к составу гарнизона и расквартированных в Петрограде воинских частей, и отправлять их в распоряжение комендантов, а последние должны собирать их в команды и отправлять в свои части; при водворении порядка прибегать к решительным мерам, для чего, между прочим, в каждой части образовать военно-полевые суды в составе трех офицеров. Приказ был помечен: «Петроград. № 1». Число не было выставлено, подписан

[1] Телеграмма в делах 29 и 4 (Ф. 1780) не обнаружена.

он был Крымовым. Так как эти приказы показались мне, во всяком случае, странными, то я решил никому их не показывать и даже до времени не говорить о них, пока я не получу каких-либо подтверждений. Офицерам я говорил в том смысле, что ввиду того, что мы направляемся на Красное Село и на Красную Горку, то возможны три предположения: или на нас будет возложена поимка дезертиров, которые из-под Риги могут устремляться в Петроград, или существует опасность десанта где-нибудь в непосредственной близости от Петрограда, или же, наконец, что в Петрограде происходят беспорядки. Еще когда мы грузились в Великих Луках, то были слухи о том, что в Петрограде резня, что Временное правительство арестовано и т.п. В упомянутом мною приказе генерала Крымова упоминалось также и о Кронштадте, а именно: следовало под угрозой батарей на Красной Горке потребовать, чтобы матросы и солдаты покинули Кронштадт и прибыли в Ораниенбаум, где их и арестовать, после чего занять Кронштадт своими караулами для водворения порядка. Псков мы проехали вечером 27 августа, а в Нарве были, кажется, 29 августа. Около Нарвы я получил от прапорщика Руссо телеграмму Керенского — его воззвание о том, что генерал Корнилов поднял мятеж, что он за это смещается и что вместо него назначается генерал Клембовский. Получив эти сведения, я отдал приказ по эшелонам о том, что я, ввиду неполучения определенных указаний, решил остановиться в дальнейшем движении и дальше Ямбурга не двигаться. Тогда же я отправил две телеграммы командиру корпуса и в штаб Северного фронта о том[I], что, не имея определенных приказаний о цели моего движения, я решил остановиться в Ямбурге и жду распоряжений. Никакого ответа на эти телеграммы я не получил. Тогда же в наших эшелонах были созваны полковые комитеты, которые и вынесли решения о поддержке Временного правительства и о полном к нему доверии. Что касается вышеупомянутых приказов генерала Крымова, то их у меня не сохранилось, так как, кажется, уже в Ямбурге или на перегоне между Нарвой и Ямбургом ко мне явился от имени Крымова с его собственноручной запиской поручик Приморского полка, фамилии его не знаю или, вернее, не помню, в записке этой Крымов просил меня выдать этому поручику те приказы, которые были мне вручены во Пскове, что и было мною исполнено.

30 августа вечером я отправил в Петроград из Ямбурга на автомобиле начальника штаба дивизии, а на следующий день сам выехал в Петроград по вызову управляющего Военным министерством или генерал-губернатора Савинкова. Более я по делу ничего показать не могу, добавляю только, что, получив 27 августа представленную мною сегодня вам телеграмму, я тогда же передал содержание ее начальникам эшелонов в том смысле, что если не будут давать паровозов, то брать их силою, а если и этого не удастся сделать, то двигаться походным порядком. Все приказания я получал только от штаба корпуса и изредка от штаба Северного фронта.

Зачеркнуто: «о том».

Генерал-майор ГУБИН

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

[...][II]

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 55–56, 57 об., 58 об., 59 об. — 62. Подлинник. Машинопись; Д. 4. Л. 29–30, 31 об., 32 об., 33 об. — 36. Заверенная копия. Машинопись.

I Далее зачеркнуто: *«о том»*.

II Далее опущены показания Г.И. Дементьева.

№ 72
Протокол допроса войскового старшины 1-го Нерчинского казачьего полка П.Е. Кудрявцева и командира Кавказского туземного конного корпуса Д.П. Багратиона

3 сентября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года сентября 3-го дня судебный следователь Петроградского окружного суда по важнейшим делам В. Гудвилович в камере своей допросил нижепоименованных свидетелей с соблюдением 443 ст. У[става] у[головного] с[удопроизводства], и допрашиваемые показали:

[1)] Павел Емельянович Кудрявцев, 33 лет, войсковой старшина 1-го Нерчинского казачьего полка, православный, не судился, живу временно в Петрограде в гостинице «Астория», № 245.

Летом сего года наш полк стоял в резерве у Волочиска. В половине августа был дан приказ о погрузке в вагоны, и полк стали перевозить в северном направлении, причем ни солдаты, ни офицеры понятия не имели о том, куда нас собственно везут и для какой надобности. Оказалось, что нас привезли в Великие Луки. Прибыли мы туда вскоре после 20-го числа, расположились по деревням около названного города, а потом было приказано грузиться, и повезли на Псков. Во время настоящей войны нас постоянно перебрасывали с места на место, причем никогда никто в точности не знал, куда именно мы следуем, так что все привыкли к тому, что перевозят, не объявляя, куда именно. Даже ссора вышла между командиром полка Сабеевым и начальником дивизии Губиным[1], который не мог по незнанию указать Сабееву, куда именно мы идем. Сабеев же интересовался этим, собственно, с хозяйственной стороны. Слухи были разные: говорили, что идем на Нарвское побережье и т.п. Я следовал в головном эшелоне. Доехали мы утром 28 августа до Ямбурга, и тут впервые до меня дошли известия о конфликте между Верховным главнокомандующим Корниловым и Временным правительством, о телеграмме Керенского по поводу восстания Корнилова. Все это было для нас полною неожиданностью, так как и Корнилову и Керенскому мы верили как патриотам. Трудно было разобраться во всем этом, причем могли даже возникнуть сомнения в подлинности телеграммы Керенского. Во всяком случае, я тогда же собрал офицеров, ознакомил их с создавшимся положением и высказал свое мнение, которое сводилось к тому, что какие бы цели ни преследовал Корнилов, его выступление гибельно для России, потому что войска с фронта под предлогом защиты революции уйдут и в большинстве разойдутся по домам, словом, произойдет массовое дезертирство целыми частями. Тогда же я созвал сотенные комитеты 3-ей и 2-ой сотни и сказал им, что Временное правительство приказало нам остановиться здесь, мы и останавливаемся, так как приказание Временного правительства для нас обязательно. Хотя приказание это было нами получено на предыдущем разъезде, но по приказанию начальника мы были вынуждены продвинуться до Ямбурга исключительно ввиду продовольственного вопроса, так как в Ямбурге есть продовольственные склады. Начальником эшелона состоял есаул Шемелин. Когда мы прибыли в Ямбург, то никаких сведений о том, что впереди разобран путь, не было, и мы свободно могли бы двигаться дальше, если бы

[1] Протокол допроса А.А. Губина см. документ № 71 — т. 2.

хотели. Лишь часа через четыре после нашего прибытия в Ямбург были получены сведения о порче пути впереди. Постепенно к Ямбургу подтягивались и следующие эшелоны, всего в Ямбурге сосредоточилось четыре эшелона нашего полка вместе с командиром полка и два эшелона Донского полка. На следующий день после прибытия в Ямбург, кажется 29 августа, прибыли из Петрограда представители Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Один из этих представителей был Федор Александрович Фокин (членский билет за № 1664). Был собран митинг на станции, на который были приглашены и офицеры. Пошел и я тоже. На митинге Фокин сказал речь, после чего заинтересовался вопросом о том, какого взгляда на положение вещей придерживается офицерский состав. Тогда выступил я и сказал, что никакое государство не может существовать без правительства, особенно в такой критический момент, который переживает Россия, и пока Временное правительство будет существовать в тогдашнем его составе, оно всегда может рассчитывать на нашу защиту от всяких покушений, как справа, так и слева. Я подразумевал именно правительство Керенского, а не правительство каких-либо большевиков, например. На митинге выступила, между прочим, какая-то женщина, которая хотя и призывала к поддержке Временного правительства, но в то же время содержание ее речи могло возбудить солдат против офицеров, так как она высказывалась в том смысле, что хотя офицеры тоже за поддержку Временного правительства, но, в общем, офицеры «думают не так, как солдаты». Вечером нам было предложено присоединиться к резолюции, принятой стоявшим в Ямбурге 125-м пехотным запасным полком. На митинге, о котором я упомянул, говорилось об этой резолюции, но я тогда сказал, что мы не можем присоединиться к ней ввиду того, что в ней содержится много разных требований, предъявляемых Временному правительству: о разгоне Государственной Думы и т.п., наше дело — поддержка Временного правительства, а какая же это поддержка, которая состоит из предъявления целого ряда разных требований. Кроме того, я находил, что подобную резолюцию мы не можем принять без обсуждения в дивизионном комитете, о чем я и сказал Фокину, добавив, что в том, что полк готов поддерживать Временное правительство, сомневаться не приходится, в чем я могу ручаться, пока я состою в полку, где я пользовался большим влиянием.

На следующий день, 30 августа, прибыли из Петрограда делегаты, которые были посланы туда командиром полка; созваны были полковой и все сотенные комитеты. После объяснений делегатов, приказный (что соответствует ефрейтору в пехоте) Седякин спросил, не известно ли было войсковому старшине Кудрявцеву, т.е. мне, о том, что выступление Корнилова поддерживалось Союзом офицеров. По этому поводу необходимо заметить, что я был организатором создания Офицерского союза у нас в дивизии. Я ответил, что если, как можно судить по газетам, отдельные члены Союза и замешаны в этом деле, то нельзя из-за того бросать обвинений всему Союзу. После того я начал объяснять свою деятельность на офицерском съезде при организации Союза. После моих объяснений Седякин сказал, что это «пустозвучие» с моей стороны. Я сказал ему, что он должен быть вежливее в своих выражениях; завязался спор, во время которого я назвал Седякина «провокатором». Тогда под давлением Седякина, который даже не состоял членом Комитета, было составлено постановление, в котором инцидент был изложен в совершенно ложном свете, а именно, было сказано, что в то время, когда Седякин поддерживал Временное правительство, то я назвал его «провокатором». В результате Комитет признал меня арестованным, и отправили меня в Петроград «к комиссару». По-

следнего, однако, в Петрограде не оказалось, я явился в штаб округа, откуда меня направили к вам. Более ничего показать не могу.

Павел КУДРЯВЦЕВ

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

После подписания протокола войсковой старшина Кудрявцев добавил: «Я прошу допросить в качестве свидетеля упомянутого мною Фокина, который проживает в Петрограде, Новая Деревня, Сабировская ул., 29, кв. 7».

Павел КУДРЯВЦЕВ

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

2) Князь Дмитрий Петрович Багратион, 54 лет, генерал-лейтенант, командир Кавказского туземного конного корпуса, православного вероисп[оведания], не судился, живу временно в Петрограде, Моховая, 26.

Я состоял до последнего времени командиром Кавказской туземной конной дивизии, которая приказом Верховного главнокомандующего от 22 августа переформирована в Кавказский туземный конный корпус. В качестве дивизии последняя состояла из шести полков, 1-ая бригада — Кабардинский и 2-ой Дагестанский, 2-ая бригада — Татарский и Чеченский полки, 3-я бригада — Черкесский и Ингушский полки, кроме того, в состав дивизии входили 8-ой Донской артиллерийский казачий дивизион и Осетинская пешая бригада, кроме того, отряд конных пулеметчиков и два перевязочных отряда и команда службы связи. Осетинская пешая бригада раньше входила в состав 8-ой армии, а к нам она была вновь присоединена 10 августа. Переформирование дивизии в корпус повело или, вернее, должно было повести, но фактически это еще не осуществилось, к присоединению Осетинского конного полка и Дагестанского 1-го полка, а кроме того, Осетинская пешая бригада должна быть превращена в Осетинский конный[I] полк. Таким образом, корпус должен состоять из 9 полков, которые разделяются на две дивизии: в одной 4 полка, а в другой 5 полков, причем при первой дивизии остается 8-ой Донской артиллерийский дивизион, а при второй должен быть Туркестанский дивизион, который предполагалось развернуть из отдельной Туркестанской 6-орудийной батареи по 4 орудия. Фактически все это еще до настоящего времени не осуществлено. До самого последнего времени у нас в дивизии не хватало: 600 винтовок, 1000 пик и 500 шашек. Таким образом, боевая сила моей дивизии выражалась цифрой 1350 шашек, из которых не хватало вышеуказанного комплекта оружия. Телеграмму о том, что оружие находится в Пскове и ожидает от меня приемщика, я получил только 31 августа, эту телеграмму представляю Вам. (Представлена телеграмма[142].)

В августе сего года дивизия моя стояла недалеко от Проскурова. 8[II] августа был получен по инстанциям приказ от Верховного главнокомандующего о том, чтобы отправляться в Проскуров, грузиться на железную дорогу и отправляться по новому назначению, но, по какому именно, не было указаний. После повторных депеш о том, чтобы грузиться во что бы то ни стало, погрузка состоялась 10 и 11 августа, и началась переброска дивизии на север. Первый эшелон

I Далее зачеркнуто: *«конный»*.

II Дата вписана над зачеркнутым: *«11»*.

выступил 10-го. 12 августа я приехал в Могилев, где и увиделся с главнокомандующим Корниловым, начальником его Штаба генералом Лукомским и дежурным генералом Картаци. В Ставке я пробыл сутки, с генералом Корниловым имел самый короткий разговор, причем он меня спросил, как настроение в моей дивизии (разумеется под этим настроение боевое). Я ответил, что настроение хорошее, как и всегда, но не хватает оружия — винтовок, пик и шашек. На это Корнилов сказал, что в штабе главнокомандующего Северным фронтом, куда отправляется моя дивизия, я получу все необходимое. Таким образом, я тут впервые узнал о том, что нас переводят на Северный фронт. Больше никаких разговоров с генералом Корниловым я не имел, он только сказал мне, чтобы я переговорил с генералом Лукомским по поводу переформирования моей дивизии в корпус. После этого я имел с генералом Лукомским разговор по поводу переформирования, причем в конце этого разговора он мне сказал, что весьма возможно, если в Петрограде опять будет выступление большевиков, то моя дивизия может быть потребована туда для усмирения. Я ему на это ответил, что у нас есть постановление Горского съезда на Кавказе[143] о том, что туземцы не должны выступать для усмирения русских, дабы не обострить и без того существующий на Кавказе антагонизм между русскими и туземцами[1]. На это Лукомский возразил, что это не столько усмирение русских, сколько борьба с немецкими агентами, которые таким образом способствуют победе немцев, впрочем, прибавил он, вероятно, ничего там и не будет, так как эти большевики вообще большие трусы. Я опять указал на недостаток оружия, на что Лукомский направил меня к заведующему артиллерийской частью в Ставке для того, чтобы последний сделал бы распоряжение на Северный фронт о снабжении моих частей недостающим оружием по первому моему требованию. В тот же день Корнилов уехал в Москву на Государственное совещание, и в Ставке вообще по этому поводу наблюдалась торопливость и суетливость. На следующий день, 13 августа, я зашел к генералу Картаци с моим начальником штаба полковником Гатовским и командиром Осетинской пешей бригады полковником Баевым для окончания разработки плана развертывания дивизии в корпус. В тот же день я выехал из Ставки в Псков. Таким образом, я был уверен в том, что нас переводят на Северный фронт, с одной стороны, для развертывания в корпус и помещения на каком-либо из участков того фронта, а с другой стороны, если произойдут в Петрограде какие-либо события в виде повторения большевистского выступления, то на нас будет возложена задача поддержки и охраны Временного правительства. Добавляю, что в Ставке я видел, между прочим, генерала Крымова и узнал от него, что его корпус и наша дивизия будет расположена в одном районе: Великие Луки — Дно — Порхов. Тут же Крымов выразился не вполне, впрочем, ясно, что моя дивизия будет включена в состав его 3-го конного корпуса, что для меня было весьма неприятно, так как я вспомнил мой разговор с Гучковым и Половцовым о том, что Крымов дал обо мне бывшему военному министру Гучкову отрицательную аттестацию, послужившую основанием к устранению меня в течение некоторого времени, до появления на посту военного министра Керенского, от командования Туземною дивизией. По прибытии 14 августа в Псков я явился к главнокомандующему Северным фронтом генералу Клембовскому, который, между прочим, мне сказал, что, быть может, моя дивизия будет переброшена в район Валк — Юрьев ввиду того, что немцы на Рижском фронте зашевелились. Там же, в Пскове, я узнал, что наша дивизия в ближайшем будущем будет разме-

[1] Далее зачеркнуто: *«на Кавказе»*.

щена в районе Ново-Сокольников южнее станции Дно. Из Пскова я выехал в ночь на 15 августа через Петроград и прибыл в Ново-Сокольники 17-го. Здесь я узнал, что[I] головной эшелон Черкесского полка уже прошел по направлению к станции Дно, и тут же от подошедшего штаба дивизии узнал, что получено распоряжение дивизии от Ново-Сокольников следовать походным порядком в Порхов. Совершить этот переход, однако, никоим образом не представлялось возможным вследствие непролазной грязи, полного расстройства нашего обоза и до 40% некованых лошадей. Об этом я немедленно же донес в Ставку. Оттуда последовал ответ, чтобы привести в порядок обозы и лошадей и все-таки следовать в Порхов. По справке оказалось, что подковать лошадей в районе Ново-Сокольников не удастся, а можно было бы сделать это в Великих Луках, до которых от Ново-Сокольников недалеко. Ввиду этого я опять сообщил в Ставку, прося разрешения перевести дивизию в Великие Луки. В течение четырех дней на это не было никакого ответа. Между тем как раз в те дни произошел прорыв немцами Рижского фронта, и только 19 августа я получил распоряжение грузиться и отправляться на станцию Дно, куда я прибыл 23 августа утром. 24 августа, ночью ко мне из Ставки приехал полковник Келлер и привез приказ Верховного главнокомандующего об утверждении плана развертывания дивизии в корпус, о назначении меня командиром корпуса, начальником 1-ой Туземной дивизии — генерала кн. Гагарина и начальником 2-ой дивизии — генерала Хоранова, и приказание прибыть 25-го в Ставку. Поэтому в 11 час. утра 25 августа я прибыл в Могилев. Видеть генерала Корнилова мне удалось только на следующий день, 26-го, в 12 часов дня. Оказалось следующее: из Ново-Сокольников я написал генералу Лукомскому письмо, в котором просил не ставить меня в необходимость быть в подчинении у начальника, в данном случае генерала Крымова, давшего обо мне в свое время неудовлетворительный отзыв и таким образом составившего себе обо мне предвзятое мнение. Никакого ответа на это письмо я не получил, а был вызван лично в Ставку. Вот генерал Корнилов, когда я явился к нему 26 августа, и сказал мне, что он решительно требует моего подчинения генералу Крымову, не принимая в соображение моих личных отношений. Я ответил, что ввиду такого категорического требования я вижу себя вынужденным подчиниться[II]. На этом разговор наш и окончился.

В тот же день я встретился в Ставке с генералом Крымовым, с которым и имел объяснение по поводу данной им обо мне аттестации Гучкову. Генерал Крымов заверил меня, что никакой неблагоприятной обо мне аттестации он никогда Гучкову не давал. После этого я стал его расспрашивать о цели его назначения и включения моей, переформированной уже в корпус, дивизии в состав его корпуса. На это генерал Крымов ответил, что если не потребуется содействия для парирования наступления немцев на Рижском фронте, то, может быть, потребуется наше участие в подавлении предполагаемого восстания большевиков в Петрограде, что большевики постепенно захватывают в свои руки правительство и даже влияют на деятельность Керенского. На этот случай нам придется перебросить в Петроград, и тогда район действия Туземной дивизии в Петрограде будет на восток от Фонтанки, впрочем, как сказал Крымов, на все это я получу распоряжения своевременно. Крымов добавил, что он едет в Псков и там оставит нужные для меня распоряжения. Тем мой разговор с генералом Крымовым окончился.

I Слова *«узнал, что»* впечатаны над зачеркнутым: *«уже застал»*.

II Далее зачеркнуто: *«ему»*.

Того же 26 августа я выехал на станцию Дно. Оказалось, что с тем же поездом в особом вагоне ехал и Крымов. На станцию Дно поезд пришел в шестом часу утра, и тут только я узнал о присутствии Крымова. Я вошел к нему в вагон и спросил его: «Не будет ли еще каких-либо распоряжений?» На что он дал ответ отрицательный и только спросил меня, получил ли я пакет в Орше. Я ответил утвердительно, так как, действительно, когда мы проезжали через Оршу, то там мне был передан запечатанный пакет начальником штаба генерала Крымова генералом Дитерихсом[I]. В пакете этом оказались план гор. Петрограда[144], предстоящий приказ № 1[II], определяющий действия в гор. Петрограде, и обязательные правила для жителей Петрограда, а также приказ или, вернее, предписание для личного сведения о том, что мне надлежит делать в случае выступления большевиков[145]. Документы эти представляю вам (представлены упомянутые документы). Я потом передал их начальнику штаба, который впоследствии по памяти пометил их полученными 25 августа, тогда как в самом деле они получены 26-го на станции Орша. Приказы эти я понял как предполагаемые, которые осуществятся только в том случае, если в Петрограде действительно что-либо произойдет. Прибыл я на станцию Дно 27 августа, рано утром, в тот же день прибыл туда из Ставки генерал кн. Гагарин для принятия 1-ой Туземной дивизии. Пока я находился в Ставке, пришло распоряжение о погрузке первых эшелонов и отправлении их на Вырицу, так что когда я прибыл на станцию Дно, то головные эшелоны уже отправились в Вырицу, поэтому и кн. Гагарин в тот же день, т.е. 27 августа, тоже отправился догонять эти эшелоны. 28 августа приехал на ст. Дно генерал Краснов, назначенный командиром 3-го конного корпуса вместо генерала Крымова, который становился во главе Особой армии, которая, по-видимому, стягивалась к Петрограду. Краснов расспрашивал меня относительно места нахождения генерала Крымова, причем я ответил, что не знаю, известно мне только, что он поехал в Псков, а потому я и посоветовал Краснову ехать в Псков, где в штабе Северного фронта, вероятно, имеются сведения о месте пребывания Крымова. В тот же день Краснов и уехал. Я тоже отправился на станцию Дно, застал там еще Краснова и части Приморского драгунского полка, проходившие через эту станцию. Из разговоров выяснилось, что драгуны не знают, куда и зачем их ведут. Тогда генерал Краснов прочитал им циркулярную телеграмму генерала Корнилова от того же 28 августа. Эта же телеграмма была получена в тот же день в моем штабе, в селе Дубраве перед отправлением на станцию Дно. После этого у меня уже не оставалось сомнений в том, что мы идем на Петроград, где, очевидно, вспыхнули крупные беспорядки. Точных сведений о том, что именно происходит в Петрограде, не имелось. Тогда же на станции Дно чиновник штаба моей дивизии Данилов получил откуда-то экстренный выпуск «Известий Совета рабочих и солдатских депутатов»[III], в котором говорилось подробно о ходе событий в Петрограде, о конфликте между Временным правительством и генералом Корниловым, о смещении последнего, о военном положении в Петрограде и о том, что помощником Петроградского генерал-губернатора назначен генерал Багратион, т.е., по-видимому, я. Трудно было судить, насколько все это соот-

---

[I] В тексте ошибочно: *«Дидерихсом»*.

[II] Приказ главнокомандующего Отдельной армией (приказ № 1) А.М. Крымова от 25 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 15. Л. 6–9.

[III] Экстренный номер «Известий Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» от 28 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 15. Л. 22–23 об.

ветствует действительности, так как большевики, сделавшись господами положения, могли как угодно морочить публику. Поэтому мы решили все-таки двигаться вперед, тем более что головной эшелон уже подходил к Вырице, а в том эшелоне были и квартирьеры. Я решил, продвинувшись к Петрограду, выяснить положение и остановиться. Местное начальство в Дне тоже недоумевало, что ему делать, так как, с одной стороны, приходили телеграммы из Ставки, а с другой стороны, из Петрограда требовали не исполнять распоряжения из Ставки. Кроме того, получились сведения о том, что путь за Вырицей разобран и ни один поезд из Петрограда не прибыл. Отсюда возникали предположения о том, что, значит, «что-либо происходит в Петрограде». Поезд, в котором я следовал, отошел со станции Дно в пятом часу вечера, во втором часу ночи мы прибыли на станцию Оредеж, где мы нагнали эшелон Осетинского конного полка. Чины этого полка дальше идти не желали вследствие того, что на этой станции была получена депеша, подписанная именем министра-председателя Керенского, о том, чтобы распоряжения бывшего главнокомандующего Корнилова не исполнять. Телеграмма эта была адресована по железным дорогам и железнодорожным комитетам, и текст ее был не совсем понятен. Представляю Вам эту телеграмму (представлена телеграмма)[I]. В то же время, однако, была получена телеграмма или, вернее, телефонограмма (мне эта телеграмма была передана по телефону со станции Дно) за подписью товарища министра Кислякова о том, что все приказания Корнилова подлежат исполнению. Поэтому, когда мне подполковник Осетинского полка Зегоев сказал, что они не знают, куда и зачем идут, я ответил, что и я, в конце концов, ничего не понимаю и сам не знаю, куда и зачем мы идем, и не могу себе дать отчета в том, что, собственно говоря, происходит. Я находил, однако, что нам все-таки необходимо дойти до Вырицы, так как там сосредоточено продовольствие для нас, а иначе нам придется голодать. Дальше Вырицы я сказал категорически, что не пойду. В подтверждение противоречивости доходивших до нас известий могу представить, например, полученную мной 29 августа телефонограмму, подписанную Карамышевым[II] — кажется, это помощник начальника военных сообщений Северного фронта, — о том, что все главнокомандующие фронтами отказались принять должность Верховного главнокомандующего, и телеграмму[III], которая была мне передана 30 августа утром на станции Чолово, подписанную министром-председателем Керенским, о том, чтобы не исполнять никаких приказаний генерала Корнилова и не передавать никаких телеграмм в Ставку (представлены телефонограмма и копия телеграммы). Того же 30 августа мне был доставлен каким-то ординарцем приказ[IV] по 3-му кавалерийскому корпусу генерала Крымова от 29 августа за № 128. Приказ этот представляю Вам (представлен приказ[V]). Того же 30 августа со станции Чолово утром я послал в головную часть наших эшелонов в Вырицу начальнику 1-ой дивизии кн. Гагарину и копию

[I] Копию телеграммы А.Ф. Керенского начальникам по всем железным дорогам тыла, фронта и дорожным комитетам от 28 августа 1917 г. см.: Там же. Д. 15. Л. 21.

[II] Телефонограмму Карамышева от 28 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 15. Л. 18. На телефонограмме помечено: *«получ[ено] 28/VIII»*.

[III] Здесь имеется в виду телеграмма А.Ф. Керенского начальникам по всем железным дорогам тыла, фронта и дорожным комитетам от 28 августа 1917 г. Копию телеграммы см.: Там же. Д. 15. Л. 21.

[IV] Далее зачеркнуто: *«приказ»*.

[V] Приказ А.М. Крымова № 128 от 29 августа 1917 г. см.: Там же. Д. 15. Л. 25–26. Подробнее о приказе № 128 см. комментарии № 11, 14 — т. 2.

всем командирам полков и командиру 8-го дивизиона телеграмму о том, что приказываю приостановить передвижение частей дивизии и никаких выступлений против войск Временного правительства ни в коем случае не предпринимать. Копию этой телеграммы представляю Вам (представлена копия телеграммы[I]). Одновременно посланы были по всем эшелонам делегаты для вызова на станцию Чолово полковых комитетов на предмет обсуждения настоящего положения и для выбора делегации в Петроград. 31-го комитеты собрались, и к этому времени прибыла делегация от Временного правительства и от Мусульманского съезда в Петрограде. Тут только мы в точности узнали о положении в Петрограде. Тогда же я получил предписание от военного министра о прибытии в Петроград в штаб. Со станции Дно я действительно телеграфировал[II] на имя начальника Штаба Верховного главнокомандующего о том, что получена телеграмма[III] за подписью неизвестного мне в то время Кислякова о том, чтобы приостановить отправку эшелонов, и что этой телеграммы я не исполняю. В телеграмме этой за подписью Кислякова никаких мотивов приостановки отправки эшелонов не было приведено.

Что же касается перехваченной будто бы солдатами телеграммы от 27 августа, шифрованной, от генерала Корнилова о том, чтобы «старшему в чине генералу принять на себя командование корпусами и дать сражение войскам Временного правительства», то подобного рода депеши я не получал и сомневаюсь, чтобы такого рода шифрованная депеша могла быть расшифрована солдатами. В «Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов» от сего 3 сентября сказано, будто бы телеграмма перехвачена солдатами, но раз она была перехвачена, то, ясно, она и не могла попасть ко мне. Кроме того, вызывает сомнение в подлинности этой телеграммы и самый текст ее. Никакой главнокомандующий или чин его штаба не мог бы выразиться так: «Дать сражение войскам Временного правительства». В планы генерала Корнилова я не был посвящен и считал, что оказываю поддержку Временному правительству, если приму участие в подавлении большевистского против него мятежа. Более ничего показать не могу.

Зачеркнуто: «конный», «11», «на Кавказе», «уже застал», «ему», «приказ». Надписано: «8», «узнал, что».

Кн. БАГРАТИОН

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 78–83 об. Подлинник. Машинопись; Д. 4. Л. 39–44 об. Заверенная копия. Машинопись.

[I] Копию телеграммы Д.П. Багратиона начальнику 1-й Кавказской туземной конной дивизии Гагарину о приостановке передвижения частей дивизии см.: Там же. Д. 15. Л. 28.

[II] Копию телеграммы Д.П. Багратиона начальнику штаба главнокомандующего Северного фронта от 27 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 15. Л. 14.

[III] Копию телеграммы товарища министра путей сообщения Кислякова о приостановке отправки эшелонов см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 15. Л. 19.

№ 73
Протокол допроса солдата штаба 1-го кавалерийского корпуса А.К. Цехановича[I]

11 сентября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года сентября 11 дня судебный следователь Петроградского окружного суда по важнейшим делам В. Гудвилович в камере своей допросил нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. У[става] у[головного] с[удопроизводства], и допрашиваемый показал:

Антон Клементьевич Цехановичь, 32 лет, солдат штаба I кавалерийского корпуса, из кр[естьян] Минской губ. Новогрудского уезда Новомышской вол[ости], римско-католического вероисповедания, не судился, живу постоянно при штабе корпуса в действующей армии, а временно в Петрограде — Моховая ул., дом № 3.

У князя Долгорукова, который ныне состоит командиром I кавалерийского корпуса, я еще до войны служил камердинером. Взят я был на действительную военную службу при первой же мобилизации, пробыл в строю около года, но затем по болезни был эвакуирован в Петроград. После поправки я был зачислен в запасный батальон л[ейб]-гв[ардии] Преображенского полка и назначен в вестовые к прапорщику Муравьеву; но в это время как раз нужен был вестовой и генералу кн. Долгорукову, а потому он и устроил мой перевод в третью Донскую казачью дивизию, которою он в то время командовал, и я был назначен к нему в вестовые. В августе месяце сего года, так как наш корпус стоял в Финляндии, то и генерал Долгоруков, как командир корпуса, тоже находился в Финляндии, за Выборгом, в гор. Лахти. Оттуда его 24 или 25 августа вызвали в Могилев, в Ставку; кто именно вызывал и для какой надобности, я не знаю. Он тогда же отправился туда и, по обыкновению, взял меня с собою. В Могилев мы прибыли 26 августа, я остался с вещами на станции, а кн. Долгоруков уехал в город, в Ставку; часа три или четыре спустя он вернулся на железнодорожную станцию на автомобиле, велел мне перенести на этот автомобиль вещи, после чего мы с ним и поехали по дороге на Оршу, откуда можно было следовать дальше по железной дороге. Кроме кн. Долгорукова, меня и двух шоферов с нами был еще адъютант князя, прапорщик Петелин[II]. Но в Орше мы узнали, что поезда на Петроград не идут, почему именно, в точности было не известно, слухи были о том, что будто бы железная дорога где-то недалеко от Петрограда разрушена. Поэтому часа через два вернулись в Могилев, куда и прибыли часу в двенадцатом ночи; кн. Долгоруков отправился в Ставку, а я остался на автомобиле. Затем кн. Долгоруков приказал отвезти себя на станцию, где и расположился на ночлег в штабном вагоне. Однако часу в пятом или шестом утра мы опять на том самом автомобиле выехали из Могилева на Псков. Одновременно с нами в том же направлении из Могилева ехал другой автомобиль, на котором находился полковник Генерального штаба и какие-то[III] другие

[I] Протокол допроса военным судьей Петроградского военно-окружного суда Опацким солдата штаба 1-го кавалерийского корпуса А.К. Цехановича по делу А.Н. Долгорукова от 1 сентября 1917 г. см. документ № 79 — т. 2.

[II] В документе фамилия написана неверно: *«Петерин»*

[III] Частица *«то»* вписана чернилами.

офицеры, фамилий их я не знаю. В Псков приехали вечером; расположились ночевать в штабном вагоне. В Пскове генерал заходил в штаб Северного фронта и был там несколько часов. На следующий день, часу во втором, мы с кн. Долгоруковым поехали на том же автомобиле дальше, по направлению на Юрьев. На этот раз адъютанта с нами не было, так как он остался в Могилеве. Вечером приехали в Юрьев, ночевали там в какой-то гостинице. В Юрьеве только переночевали и часов в шесть утра на следующий день поехали дальше по направлению на Ревель. В Юрьеве ни с кем из военных Долгоруков не виделся; сейчас же по приезде туда он[1] пообедал, после чего лег спать. В Ревель мы приехали часу в шестом вечера. При въезде в город нам навстречу попался какой-то флотский офицер, которого кн. Долгоруков остановил и спросил, как пройти к командующему флотом. Офицер встал на подножку автомобиля и указал дорогу к судну «Кречет». Генерал вышел из автомобиля и направился на это судно, а я остался на автомобиле. Через некоторое время ко мне подошли какие-то матросы и стали меня расспрашивать, кто такой тот генерал, с которым я приехал. Я объяснил, кто такой кн. Долгоруков. Тогда они мне сказали, что он уже арестован. На следующее утро меня перевели на то же судно, на котором находился кн. Долгоруков, и нас повезли в Петроград. По какой причине был арестован кн. Долгоруков, мне неизвестно. Приехали мы в Ревель потому, что оттуда ген. кн. Долгоруков имел в виду переправиться по морю в Гельсингфорс к своему корпусу.

ЦЕХАНОВИЧ

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 156–156 об. Подлинник. Машинопись; Д. 4. Л. 79–79 об. Заверенная копия. Машинопись.

№ 74
Протокол допроса начальника радиоотделения Уссурийской конной дивизии П.М. Черкеза

7 сентября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года сентября 7-го дня судебный следователь Петроградского окружного суда по важнейшим делам В. Гудвилович, в камере своей, допросил нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. У[става] у[головного] с[удопроизводства], и допрашиваемый показал:

Петр Михайлович Черкез, 28 лет, подпоручик, начальник радиоотделения Уссурийской конной дивизии, православный.

Наша дивизия находилась на Юго-Западном фронте, откуда 17 августа сего года была перевезена в район Великих Лук, куда мы и прибыли 22 августа, причем никто не знал, куда, собственно, и для чего нас перевозят, — как это вообще бывает при стратегических перебросках войск. 26 августа утром была получена телеграмма от командира 3-го конного корпуса о том, что во исполнение приказания главнокомандующего Северным фронтом дивизии приказывается немедленно погрузиться на станции Великие Луки и следовать через Псков на Нарву. Дальнейший маршрут будет указан по прибытии. 27 августа мы погрузились в Великих Луках и через станции Ново-Сокольники и Идрицу поехали

[1] Слово «*он*» вписано в строку чернилами.

через Псков на Нарву. Мы предполага*ли*[I] сначала, что нас везут против немецкого десанта. До 28 августа никаких сведений о конфликте между Временным правительством и генералом Корниловым у нас не было. 28-го числа, вечером, на станции Березка, под Псковом, начальником дивизии было получено три телеграммы, которые я сам видел, так как начальник дивизии генерал Губин показывал эти телеграммы офицерам; первая телеграмма была от главнокомандующего Северным фронтом, следующего содержания приблизительно: «Во исполнение приказания главковерха приказываю во что бы то ни стало продвигаться вперед на Гатчину, применяя, если понадобится, силу оружия; если пути будут разобраны или взорваны, то выгружаться и экстренным порядком двигаться в Гатчину». Вторая телеграмма была от генерала Корнилова, в которой говорилось, что некоторые представители Временного правительства, поддавшись влиянию большевистской партии Совета солдатских и рабочих депутатов, вошли в контакт с германским генеральным штабом, вследствие чего[II] произошло падение Риги; поэтому генерал Корнилов призывает всех русских людей сплотиться для защиты отечества. Третья телеграмма содержала воззвание генерала Корнилова о том, что он клянется довести Россию до Учредительного собрания, что он имеет в виду спасение России и пр.

Среди офицеров начались волнения, так как у многих, в том числе и у меня, подозрение в том, что некоторые члены Временного правительства виновны в падении Риги, пользовалось доверием. Словом, телеграмма Корнилова по приказанию начальника дивизии была объявлена солдатам, так как начальник дивизии находил, что от солдат ничего не следует скрывать. Я был дежурным офицером по эшелону, и начальник штаба приказал мне прочитать телеграмму Корнилова солдатам, что и было мною исполнено, причем после прочтения телеграммы я сказал солдатам, что если действительно окажется, что некоторые члены Временного правительства продали наши планы немцам, то все мы должны стать на защиту Родины.

Затем мы двинулись дальше, а с утра 29 августа стали замечать, что нам мешают продвигаться вперед, с впереди лежащих станций нам телеграфировали, что там все забито эшелонами. Эшелон, в котором я следовал, был третьим или четвертым. Почему нам мешают продвигаться вперед, никто еще определенно не знал, ходили разные слухи, между прочим, о том, что началось восстание большевиков. Поэтому начальник дивизии приказал выставить на паровозах пулеметы и продвигаться вперед без путевок, т.е. без получения извещения от впереди лежащей станции о том, что путь свободен. Таким образом, нам удалось продвинуться до Ямбурга, куда[III] мы и прибыли в тот же день, т.е. 29 августа днем. Здесь нами было получено воззвание от Временного правительства о том, что генерал Корнилов замыслил государственный переворот и потому смещен, и воззвание от Совета солдатских и рабочих депутатов гор. Нарвы о том же самом, а именно, что Корнилов — изменник делу революции и что он замышляет контрреволюцию. Начальник дивизии немедленно приказал прекратить всякое движение, и были посланы депутации в Совет солдатских и рабочих депутатов и в Совет казачьих войск. Среди солдат началось сильное брожение, которые обвиняли офицерский состав в том, что все офицерство знало о готовящейся «контрреволюции» и *ск*рыло это от солдат. Вечером в тот день у нас собрался полковой комитет; я подошел к группе солдат, причем кто-то из

I Здесь и далее в документе части слов, выделенные курсивом, вписаны чернилами.

II Слово *«чего»* вписано над строкой.

III Далее зачеркнуто: *«и»*.

них сказал мне, что известие о падении Риги есть провокация со стороны Корнилова, который хочет очернить солдата для того, чтобы доказать, что ему нельзя давать такой широкой свободы, и, основываясь на этом, вводить репрессивные меры по отношению к солдатам. Я, будучи вообще нервным, и еще более под влиянием последних событий, сказал, что говорить так может только провокатор, а слушают и верят подобным речам бараны. После этого я ушел. Утром мне сообщили, что общее собрание солдат штаба дивизии требует меня для объяснений. Когда я явился, то солдаты начали в очень возбужденном тоне предъявлять мне разные обвинения, между прочим, и в «контрреволюционности», основываясь на моих словах, сказанных мною при чтении телеграммы Корнилова. Слова эти приведены мною выше.

Когда атмосфера достаточно сгустилась, кто-то из солдат крикнул: «Да что с ним разговаривать? Убрать его!» Все было бросились на меня с кулаками, но мне удалось тогда успокоить их, и они дали мне возможность уйти. Спустя полчаса прибыла делегация из Петрограда, причем мне было указано ехать в Петроград, в штаб округа для объяснений по вопросу о том, почему я читал воззвание генерала Корнилова. Когда я прибыл в штаб округа, ко мне вышел какой-то офицер и сказал мне, что я арестован. Меня отвезли в комендантское управление, где я нахожусь по сие время. Что же касается чтения воззвания генерала Корнилова, то читал я его, как я уже указал, во исполнение прямого приказа начальника штаба дивизии подполковника Дементьева, который потом входил в состав посланной к министру-председателю Керенскому депутации[I].

Исправлено: «предполагали», «скрыло», приписано: «чего», «то».

Подпоручик ЧЕРКЕЗ

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 112–113. Подлинник. Машинопись; Д. 4. Л. 70–71. Заверенная копия. Машинопись.

Дело командира 1-го кавалерийского корпуса А.Н. Долгорукова[146]

№ 75

Показание командира 1-го кавалерийского корпуса А.Н. Долгорукова, данное военному судье Петроградского военно-окружного суда Опацкому

1 сентября 1917 г.

Протокол № 3[II]

1917 года сентября 1 дня в Петрограде на миноносце «Меткий» производящий расследование по делу генерал-лейтенанта кн. Долгорукова военный судья Петроградского военно-окружного суда, полковник Опацкий, производит допрос нижепоименованного в качестве подследственного.

I Далее текст вписан чернилами.

II Протоколы пронумерованы военным судьей Петроградского военно-окружного суда Опацким, который вел следствие по делу А.Н. Долгорукова.

Я, Александр Николаевич, князь Долгоруков, 44 лет, генерал-лейтенант, командир 1-го кавалерийского корпуса, православный, под судом не был. Штаб корпуса в г. Лахти. Квартира в Петрограде по Моховой ул., 3.

По делу показываю и пишу собственноручно.

Приехал в Ставку Верх[овного] главнокомандующего ген. Корнилова по телеграмме ген. Романовского[147]. Телеграмму получил в г. Лахти 25 авг[уста] в 4 ч. дня. Приехал с прапорщ[иком] Петелиным 510-го п[ехотного] п[олка][I] и денщиком Цехановичем. В Штабе видел Верх[овного] гл[авнокомандующего], который мне сказал, что имел в виду со мною переговорить, но что с сегодняшнего утра обстановка вся изменилась, и кратко передал обстановку; разговор продолжался не более 5 м[инут], так как он очень торопился. С г. Лукомским мне не пришлось совсем говорить, <лишь на лестнице поздоровался>[II]. Я немедленно же отправился на автомобиле в Оршу в надежде догнать поезд, но поезда не было. Я пообедал на станции и вернулся в Могилев в Штаб, где узнал, что поезда на завтрашний день может не быть, а что ночью пойдет 2 автомобиля с тремя офицерами, четырьмя шоферами и двумя солдатами. В одном — казак-ударник, из-за багажа оставалось 2 места; я взял Цехановича, а прапорщику Петелину сказал, что *бы*[III] он[IV] ехал[V] поездом или пристроился к какому-нибудь другому автомобилю. В Пскове я был в штабе фронта у гл[авно]ком[андующего] Клембовского и ввиду того, что ж[елезные] дороги[VI] на Сев[ерный] фронт не шли, просил задержать 14-ую дивизию в Финляндии, чтобы ей не быть остановленной в вагонах[VII] в Петрограде или быть вынужденной выгружаться, что мотало бы людей и лошадей. Дивизия должна была грузиться 29 августа, т.е. на следующий день, следовательно, нужно было спешить. Фронт снесся со Ставкою и ночью должен был послать телеграмму. Рано поутру я должен был выехать, но починка оси задержала[VIII] до 12 часов дня 29 авг[уста]. Из фронта кап[итаном] I р[анга] Альтерфатером[IX] по моей просьбе с разрешения гл[авно]ком[андующего] была послана ком[андующему] Балт[ийским] флотом телеграмма, которая при деле[X]. Благодаря скверным дорогам мы приехали в Юрьев поздно вечером 29-го и заночевали. В авт[омобиле] был казак-ударник Цеханович, я и солд[ат] Поддубный, штаба 1-го кав[алерийского] корп[уса], которого мы встретили на вокзале Пскова. В Юрьеве я оставил казака-ударника, дабы не было с ним историй. Приехал в Ревель 30-го в 5 ч. дня и был арестован.

Ген.-лейт[енант] кн. ДОЛГОРУКОВ

1917–1/IX

Вписано: 1) на 13 лин[ии] слово «510 п.п.»; 2) на 2 стр. во второй строке вписано «лишь на лестнице поздоровался»; 3) на 12 стр[оке] зачеркнуто слово

I Текст *«510 п[ехотного] п[олка]»* вписан над строкой.

II Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

III Слог *«бы»* вписан над строкой.

IV Далее зачеркнуто слово *«пусть»*.

V Слово *«ехал»* написано поверх слова *«едет»*.

VI Далее зачеркнуто: *«в»*.

VII Текст *«в вагонах»* вписан над строкой.

VIII Слово *«оси задержала»* вписано над строкой.

IX Здесь и далее в тексте фамилия указана ошибочно: *«Альтфатер»*.

X Телеграмма в деле 29 (Ф. 1780) не обнаружена.

«пусть»; 4) на 7 строке вставлено: «оси задержала»; 5) исправлена фамилия «Альтфатером».

Кн. ДОЛГОРУКОВ

Производящий расследование полковник ОПАЦКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 135 об. — 137 об. Автограф.

№ 76

Показание командира 1-го кавалерийского корпуса А.Н. Долгорукова, данное военному судье Петроградского военно-окружного суда Опацкому

4 сентября 1917 г.

Протокол № 6

1917 года сентября 4 дня в Петрограде, в помещении Петропавловской крепости, военный судья Петроградского военно-окружного суда полковник Опацкий дополнительно опрашивал нижепоименованного командира 1-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта князя Долгорукова.

Я, генерал-лейтенант Александр Николаевич кн. Долгоруков, дополнительно показываю и пишу собственноручно.

В момент выезда из г. Лахти ко мне пришли полк. Жайворонков, командир стрелкового полка 14-ой кав[алерийской] див[изии] и старший полк.[I] (Мит. Гусар. п[II]. 14-го находящийся в стрел[ковом] полку) и доложили, что полк готов идти на позицию и исполнить свой долг, но что в полку есть, тем не менее, брожение на почве разговоров[III], что солдаты говорят, что 14-ую кав[алерийскую] див[изию] все время мотают и она исполняет все, а 106-ая наотрез отказывается и ее не трогают. То же и другие части. На основании этого заявления я и обещал узнать, можно ли[IV] (но не хлопотать) оставить 14-ую к[авалерийскую] див[изию], если она не нужна немедленно к перевозке.

К предыдущему моему показанию имею добавить, что, уезжая из Ставки, я спросил г[енерала] Лукомского, который был на телеграфе, были ли какие-нибудь распоряжения Ставки относительно отправки 14-ой кав[алерийской] див[изии] на фронт, на что он мне ответил: «Какие могут быть распоряжения, никто наших не передает». Разговор продолжался 2 минуты, и я с ним больше[V] не говорил, так как он пошел к аппарату; от военных агентов в Ставке я слыхал о конфликте Корнилова с Временным правительством, но официально не знал, что должно произойти из всего. На вопрос, в чем заключалась краткая передача г[енералом] Корниловым[VI] обстановки, могу объяснить, что он мне объяснил приезд д[октора] Львова как провокацию для его увольнения, из его коротких и торопливых слов я понял, что г. Керенский предложил ему диктатуру, а потом сказал, что это было требование г[енерала] Корнилова. Даль-

---

I Так в тексте.

II Так в тексте. Сокращения не разобраны.

III Слово *«разговоров»* вписано над строкой.

IV Слова *«можно ли»* вписаны над строкой.

V Слово *«больше»* вписано над строкой.

VI Слова *«г. Корниловым»* вписаны над строкой.

нейшего я не просил его разъяснять. В штабе Сев[ерного] фронта я снова возбудил вопрос о 14-ой кав[алерийской] див[изии], так как думал, что его там разрешат самостоятельно, но положение было в штабе настолько неясное вследствие отказа г. Клембовского[I] от должности В[ерховного] гл[авнокомандующего], что я пошел к Юзу и спросил через штаб-офицера у ген. Лукомского, может ли 14-ая див[изия] задержать свою погрузку. На это получил согласие и передал его генералу Лукирскому, ген.-кв[артирмейстеру] Сев[ерного] фронта. Мотивировал я свое желание тем, что Петроград отрезан от Сев[ерного] фронта. И в Петрограде может получиться с дивизиею полная неразбериха, так как положение политическое не выяснено, и она попала бы в Петроград без определенного назначения. Тогда как, оставив ее на месте на 3–4 дня, можно было бы ее сразу направить на определенную цель приказанием фронта. Если же ее посадить и потом, ввиду непропуска, вернуть, то получится мотание[II].

На вопрос, откуда у меня оказалась копия телеграммы ген. Корнилова, разъясняю: уезжая из Пскова, я вступил на подъезде штаба фронта в Пскове в беседу с офицером-поручиком в адъютантской форме, и он мне дал[III] ее прочесть. Я ему сказал: «Я ее не читал раньше, что очень интересно; дайте ее мне, я сейчас уезжаю». Он мне ее дал. Насколько я узнал потом, эта телеграмма циркулировала повсюду и была в газетах. Полковника Лебедева я не знал до 26 авг[уста], в вагоне штабном он ехал во 2-ом классе, а я в вагоне 1-го класса (вагон mixte[IV]). В вагоне почти не разговаривали, он мне помог получить место в отд[елении] ген. Смирнова, так как в отделении, куда поставили мои вещи, было 5 пас[сажиров]. Вечером, когда я вернулся в Штаб Ставки из Орши, он мне встретился и сказал, что у него в автомобилях 2 места свободные. Сперва он ехал в открытом, а я в закрытом автомобиле, а потом пересели они в закрытый. С ним мы беседовали мало, так как оба дремали. Но, хотя я его встретил в Ставке фронта и сказал ему, что остаюсь до утра, и устроился в вагоне поезда Штаба, он мне сказал, что думает ехать в Петроград, но не знаю, поехал ли он туда. Он мне сказал при этом, что открытый автомобиль остается в Пскове. Так как я думал, что он попадет в Петроград, то я просил его заехать на Моховую, 3, сказать жене моей, что я надеюсь приехать в корпус, но не знаю, как мне это удастся, и чтобы она не беспокоилась. Не знаю, исполнил ли он мое поручение. На следующее утро я разыскал автомобиль и решил поехать на Ревель. Автомобиль починили только к 12 ч. дня. О событиях полк. Лебедев не распространялся.

Вписано между строк: «разговоров», «можно», «больше», «г[енералом] Корниловым».

Зачеркнуто: «копия», «мне», «г[енерала] Клембовского».

Ген.-лейт[енант] князь ДОЛГОРУКОВ

Производящий расследование полковник ОПАЦКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 146–149. Автограф.

I Слова *«г. Клембовского»* вписаны над строкой.

II Далее зачеркнуто: *«Копия»*.

III Далее зачеркнуто: *«мне»*.

IV Смешанный *(фр.)*.

№ 77
Протокол допроса командира 1-го кавалерийского корпуса А.Н. Долгорукова[148]

12 сентября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года сентября 12 дня судебный следователь по важнейшим делам Гудвилович в Петропавловской крепости допросил нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. У[става] у[головного] с[удопроизводства], и допрашиваемый показал:

Кн[язь] Александр Николаевич Долгоруков, 44 лет, генерал-лейтенант, командир 1-го кавалерийского корпуса, православный, не судился, постоянное место жительства в действующей армии, а в Петрограде — Моховая ул., 3.

До последнего времени корпус, которым я командую, стоял в Финляндии, причем штаб корпуса находился в гор. Лахти.

В состав этого корпуса входят 14-ая кавалерийская дивизия и 5-ая Кавказская казачья дивизия. 25 августа в гор. Лахти я получил из Ставки Верховного главнокомандующего телеграмму за подписью генерала Романовского о том, чтобы немедленно выехать в Ставку. Вызов этот для меня был совершенно неожиданным; в ту же ночь я выехал из Лахти в Ставку через Петроград вместе с прапорщиком Петелиным и моим денщиком Цехановичем. В Могилев мы приехали 27 августа днем; я[I] отправился в Ставку, но не был принят Верховным главнокомандующим и стал дожидаться приема, который и последовал часов около шести дня или в пять. Приняв меня, генерал Корнилов беседовал со мною не более пяти минут, он очень торопился, причем так и не сказал мне точно, для чего, собственно, он меня вызывал. Я мог понять только, что он предполагал назначить меня в Москву, кажется на должность[II] какую-то тыловую, но прибавил, что обстановка совершенно изменилась, что у него с Керенским вышло столкновение, причем я мог понять это как министерский кризис, но никак не открытие военных действий против Петрограда. Я выразился в том смысле, что я не хотел бы занимать тыловых должностей, но если будет на то приказание Верховного главнокомандующего, то я буду принужден его исполнить. На том свидание наше с Корниловым и окончилось. Общее впечатление мое было таково, что все уладится благополучно и каких-либо резких форм конфликт между Корниловым и Керенским не примет по примеру того, как это уже было, кажется, 12 августа. С генералом Лукомским виделся только мельком, спросил его, какие распоряжения будут даны 14-ой кавалерийской дивизии, которую предполагалось 29 августа передвинуть из Финляндии на Северный фронт, на что Лукомский мне ответил, что никаких распоряжений не будет и что он очень торопится. Вернее, я спросил Лукомского, не было ли сделано каких-либо распоряжений относительно названной дивизии, на что он и ответил отрицательно. Он шел как раз в то время на телеграфный аппарат. В тот же день на автомобиле я поехал в Оршу, надеясь попасть на поезд, но поезда не оказалось, так как я опоздал; тогда я пообедал на станции и вернулся в Могилев, в Штаб, где узнал, что на завтрашний день поезда может и не быть, а что ночью пойдут два автомобиля с тремя офицерами, двумя солдатами и четырьмя шоферами на Псков. Так как в этих автомобилях оставалось два

[I] Слово «я» вписано чернилами.

[II] Далее зачеркнуто: *«главноко»*.

свободных места, то я взял с собою Цехановича и решил ехать вместе с этими офицерами до Пскова, рассчитывая попасть оттуда как-нибудь дальше в Финляндию. Прапорщику же Петелину я сказал, чтобы он или возвращался по железной дороге, или пристроился бы к какому-либо другому автомобилю. Из Могилева мы выехали рано утром 28 августа, оказалось, что мой попутчик — полковник Лебедев, с которым я перед тем встретился в вагоне поезда 26 августа, когда ехал из Петрограда в Могилев. Сперва мы ехали на разных автомобилях, а потом на одном. В Псков приехали вечером того же числа; здесь я зашел в штаб Северного фронта, так как в то время 14-ая дивизия должна была перевозиться в 12-ую армию, то есть к Риге, а между тем, по имевшимся в то время сведениям, железнодорожный путь под Петроградом был испорчен, и дивизия не могла быть перевезена беспрепятственно, то я и попросил сделать распоряжение из штаба Северного фронта о том, чтобы задержать погрузку дивизии до тех пор, пока представится возможность беспрепятственно ее перевезти. Вызывалось это, между прочим, тем, что в дивизии уже было неудовольствие по поводу мотания, причем заявляли, что, тогда как другие воинские части стоят на месте, эту дивизию все время перевозят с места на место. Об этом говорил, между прочим, командир стрелкового полка 14-ой кавалерийской дивизии полковник Жайворонков и старший полковник того же полка, фамилии которого я не помню. По этому поводу я сам переговорил по прямому проводу с Лукомским и, получив его согласие на то, чтобы подождать с отправкой названной дивизии, передал об этом в штаб Северного фронта[I] для[II] дальнейших по этому поводу распоряжений. Последовали ли со стороны Штаба какие-либо распоряжения относительно вышеупомянутого, мне в точности не известно. Из Пскова, по моей просьбе, стоящий в распоряжении штаба Северного фронта капитан 1-го ранга Альтерфатер дал, от имени главнокомандующего или начальника штаба, телеграмму командующему Балтийским флотом о том, чтобы меня перевезли из Ревеля в Гельсингфорс морем; в Ревель я должен был приехать 30 августа. Такой путь я избрал потому, что сообщение с Петроградом в то время было прервано, в точности не было известно даже, что там, на путях к Петрограду, происходит; а я торопился к своему корпусу и такой путь на Ревель—Гельсингфорс был наиболее близкий. Из Пскова я должен был выехать рано утром 29 августа, но вследствие починки автомобиля выезд состоялся только в 12 часов дня. Благодаря скверным дорогам в Юрьев мы приехали только поздно вечером 29 августа, где и заночевали. В автомобиле[III] были со мною казак-ударник, которому было приказано следовать с автомобилем, Цеханович и солдат Поддубный, которого я встретил в Пскове, он был послан за картами. Этого казака-ударника я оставил в Юрьеве, так как в Ревеле матросы могли бы учинить над ним какие-либо насилия. Из Юрьева мы выехали утром 30 августа, а часа в три или в четыре приехали в Ревель, прямо на судно «Кречет», где я[IV] был арестован, по какому поводу — мне не известно. Таким образом[V], никаких указаний относительно действий против Петрограда или против Временного правительства я ни от кого не получал. По поводу приобщенной к расследованию военного судьи полковника Опацкого записки[VI] я объясняю, что она

I Слово «*фронта*» вписано над строкой.

II Далее зачеркнуто: «*для*».

III Далее зачеркнуто: «*со мною*».

IV Слово «*я*» вписано чернилами.

V Далее зачеркнуто: «*я*».

VI Записку А.Н. Долгорукова см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 141.

была составлена мною 16 августа и заключает расквартирование моих частей в Гель*сингфорсе*[I] по поводу недопущения самочинного созыва сейма; номера телефонов моего начальника штаба генерала Чеснокова в гор. Гельсингфорсе[II].

Зачеркнуто «главноко», «для», «со мною», «я». Надписано: «фронта». Исправлено: «я», «Гельсингфорсе».

Генерал-лейтенант князь ДОЛГОРУКОВ
Судебный следователь В. ГУДВИЛОВИЧ
Товарищ прокурора Судебной палаты ПОВОЛОЦКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29 Л. 157–158 об. Подлинник. Машинопись; Д. 4. Л. 92–93 об. Заверенная копия.

№ 78
Протокол допроса штаб-офицера для делопроизводства и поручений Управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем Д.А. Лебедева

4 сентября 1917 г.

Протокол допроса № 7

1917 года, сентября 4 дня в Петрограде в помещении 1-го комендантского управления военный судья Петроградского военно-окружного суда полковник Опацкий производил опрос нижепоименованного в качестве свидетеля.

Я, полковник Генерального штаба Дмитрий Антонович Лебедев, 33 лет от роду, православный, под судом не был, генерал-лейтенанту Долгорукову посторонний. По делу показываю и пишу собственноручно.

В первый раз видел князя Долгорукова года два тому назад в армии, когда[III] его дивизия входила в состав 24-го арм[ейского] корпуса, где я служил. Затем я встретился с князем Долгоруковым в поезде, который шел в Могилев, и здесь от него узнал, что он вызван в Ставку. Так как я получил спешное указание выехать из Могилева в отряд генерала Крымова и в том же направлении должен был ехать кн. Долгоруков, то мы условились ехать вместе. Выехали из Могилева на двух автомобилях в ночь на 28 августа и ехали по шоссе через Витебск — Невель на Псков. Из разговоров с князем Долгоруковым я узнал, что он едет в Финляндию к своему корпусу. В Пскове мы расстались. Князь Долгоруков мне сказал, что он предполагает выехать в Финляндию через Финский залив, и просил меня, если я буду в Петрограде, зайти к его жене и передать, что он уехал в Финляндию к своему корпусу. Был ли посвящен ген. кн. Долгоруков в планы выступления генерала Корнилова и должен ли был играть какую-нибудь роль, мне не известно.

Зачеркнуто: «он входи...»

Генерального штаба полковник ЛЕБЕДЕВ
Производящий расследование военный судья полковник ОПАЦКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 149 об. — 150. Автограф.

I Часть слова «Гель*сингфорсе*», выделенная курсивом, вписана чернилами.

II Далее текст вписан чернилами.

III Далее зачеркнуто: «*он входи...*».

№ 79

Протокол допроса военным судьей Петроградского военно-окружного суда Опацким матроса, члена ЦК Балтфлота В.Г. Машкевича, матроса Балтфлота В.В. Василькова, шофера автомобильной команды Штаба главковерха С.М. Кропачова, ординарца штаба 1-го кавалерийского корпуса П.В. Поддубного, рядового штаба 1-го кавалерийского корпуса А.К. Цехановича

1 сентября 1917 г.

Протокол № 1

1917 года сентября 1 дня в Петрограде на миноносце «Меткий» военный судья Петроградского военно-окружного суда полковник Опацкий производил на основании распоряжения начальника Главного в[оенно]-судного управления (сн[ошение] председателя суда 1 сентября с.г. за № 1838[I]*) расследование по делу о генерал-лейтенанте*[II] *кн. Долгорукове, причем допрошенные лица показали.*

1) Я, Василий Гервасиевич Машкевич, 22 лет, матрос, член Центрального комитета Балтийского флота, вероисповедания —[III], под судом не был, с генералом Долгоруковым в особых отношениях не состою.

По делу показываю. 29 августа с.г., находясь на м[иноно]с[це] «Кречет» комиссаром при штабе командующего флотом при проверке получаемых и отправляемых юзограмм[IV], я прочитал юзограмму комиссара Онипко к Керенскому за № 5683 следующего содержания: «Сегодня получил юзотелеграмму: «Ревель, командующему флотом. Прошу оказать содействие генералу кн. Долгорукову, имеющему прибыть [в] Ревель 30 августа, перейти морем в Гельсингфорс. 28/VIII—17 г. Вахрушев». Прошу указания, как поступить».

В ответ на эту юзограмму было получено от Керенского приказание арестовать генерала Долгорукова по его прибытии в Ревель. Комиссаром Онипко было поручено мне наблюдение за поездами, с которыми мог приехать генерал Долгоруков, и дано распоряжение арестовать его по прибытии. Но названный генерал приехал не поездом, а в автомобиле и был арестован самим комиссаром Онипко.

Член ЦК Б[алтийского] ф[лота] В. МАШКЕВИЧ

2) Я, Василий Василиевич Васильков, 30 лет от роду, матрос Балтийского флота с[удна] «Кречет», член крестьянского совета, православный, под судом не был, генералу кн. Долгорукову посторонний.

По настоящему делу показываю. После арестования ген. Долгорукова комиссаром Онипко я сопровождал арестованного с «Кречета» на миноносец «Меткий». Причину ареста названного генерала я не знал; но я знал, что он приехал на автомобиле из Ставки. Этого не отрицал сам генерал Долгоруков, но говорил, что автомобиль и шоферы были им наняты; в действительности же у шоферов оказались командировочные документы. Кроме того, шоферы говорили, что они уезжали последней группой командированных автомобилей. Ранее их

I Отношение председателя Петроградского военно-окружного суда № 1838 от 1 сентября 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 128.

II В тексте ошибочно указано: *«генерал-майоре»*.

III После слова *«вероисповедания»* поставлен прочерк.

IV Здесь и далее в документе написано ошибочно: *«изограмм»*.

были командированы автомобили по разным направлениям из Ставки. Когда я предложил генералу Долгорукову разоружиться, то он заявил, что револьвера у него нет, а шашку он с раздражения выбросил за борт. Будучи на миноносце, генерал Долгоруков несколько раз просил револьвер, чтобы застрелиться.

Василий ВАСИЛЬКОВ

3) Я, Семен Михайлович Кропачов, 26 лет, автомобильной команды Штаба Верховного главнокомандующего шофер, православный, под судом не был, с генералом Долгоруковым в особых отношениях не состою. По делу показываю:

27 августа, по наряду, я возил генерала Долгорукова из Могилева в Оршу, на жел[езно]дор[ожн]ую станцию. Но мы опоздали на поезд и вернулись в Могилев. В 2 часа ночи с 27-го на 28-е число я получил новый наряд в дальнюю поездку, и около семи часов утра мы выехали двумя автомобилями на Псков. Генерал Долгоруков и полковник Лебедев ехали не на моей машине, на моей же машине ехал вестовой генерала и его вещи. К Пскову рессоры в моей машине постепенно поломались, и я должен был задержаться для починки, часов [до] шестнадцати. 29-го утром на мою машину сел генерал Долгоруков с вестовым и неизвестным мне солдатом, и мы поехали в Ревель. Выехали туда во второй половине дня, остановились у судна «Кречет», и генерал отправился к командующему флотом, а вестовой и солдат остались со мной. Потом оказалось, что генерал был арестован.

С. КРОПАЧОВ

4) Я, Петр Владимирович Поддубный, 25 лет, ординарец штаба 1-го кавалерийского корпуса, православный, под судом не был, с генералом Долгоруковым в особых отношениях не состою.

По делу показываю. 24 августа я был отправлен из Лахти во Псков за картами и получил таковые 28-го числа. На вокзале я узнал, что железнодорожного сообщения с Петроградом нет, а 29-го числа я встретил вестового генерала кн. Долгорукова, от которого узнал, что он с генералом едут на автомобилях. Немного времени спустя я увидел самого генерала, который, узнав, что я командирован за картами, взял меня с собой в автомобиль. Мы поехали через Юрьев, где ночевали, в Ревель и приехали туда в 5–6 часов вечера. По пути, в самом городе, мы встретили флотского офицера, который по просьбе генерала указал, где находится командующий флотом — на судне «Кречет», до которого сам нас сопровождал в автомобиле. Генерал с офицером ушли на судно, а мы остались ожидать около корабля «Петр Великий». Не более как через полчаса генерал был арестован, а также были задержаны и все мы. До Юрьева нас сопровождал какой-то казак, но затем, ввиду плохой дороги, был оставлен.

Петр ПОДДУБНЫЙ

5) Я, Антон Клементьевич Цеханович[1], 32 лет, штаба I кавалерийского корпуса рядовой, римско-католического вероисповедания, под судом не был, с генералом Долгоруковым в особых отношениях не состою. По делу показываю.

---

[1] Протокол допроса в Петроградском окружном суде А.К. Цехановича от 11 сентября см. документ № 73 — т. 2.

Я около года, после призыва по мобилизации, пробыл в строю и затем по болезни был эвакуирован в Петроград. Генерал Долгоруков знал меня еще до поступления на службу, я у него служил около полугода, и взял к себе вестовым, в каковой должности я нахожусь при нем второй год. 24–25 августа генерала вызвали в Ставку, кто именно вызвал его, я не знаю. Он поехал туда и, как всегда, взял меня с собой. В Могилеве, на железнодорожной станции, я остался с вещами, а генерал уехал в Ставку; затем вернулся на автомобиле, велел уложить вещи, и мы поехали в Оршу, откуда дальше можно было сесть на поезд. Но в Орше мы узнали, что поезда на Петроград не идут, вернулись в Могилев и через несколько часов уехали в автомобиле на Псков, Юрьев и Ревель, откуда генерал, по его словам, имел в виду просить пароход до Гельсингфорса, чтобы попасть домой в Лахти. Ночевали мы во Пскове и в Юрьеве. Во Пскове в штабном вагоне, а в Юрьеве в какой-то гостинице. Во Пскове генерал заходил в штаб фронта и был там несколько часов. В Юрьеве же, в гостинице и в ресторане, я не видел, чтобы генерал встречался с кем-либо из военных. При въезде в Ревель нам навстречу попался незнакомый флотский офицер, которого генерал Долгоруков остановил и спросил, как проехать к командующему флотом. Офицер встал на подножку автомобиля и указал дорогу к судну «Кречет». Генерал с офицером вышел из автомобиля и направился к командующему флотом, а я остался при автомобиле. Не более чем через полчаса я узнал, что генерала арестовали. Причину ареста не знаю.

ЦЕХАНОВИЧ

Военный судья, производящий расследование, полковник ОПАЦКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 129–134. Подлинник. Рукопись.

Дело полковника Генерального штаба Д.А. Лебедева[149]

№ 80

Из протокола допроса военнослужащих автомобильной команды при Штабе главковерха: шофера Ф.И. Штейнберга, солдата Л.М. Чувадзе; ст. унтер-офицера 1-го кирасирского полка Я.И. Крупенина; 5-го Оренбургского казачьего полка ст. урядника Г.М. Варавина, хорунжего И.И. Степаненкова, сотника Г.М. Гурьева

1 сентября 1917 г

Протокол допроса

1917 года, сентября 1-го дня, Судебный следователь Петроградского Окружного суда по важнейшим делам Гудвилович, в камере своей, допросил нижепоименованных свидетелей с соблюдением 443 ст. У[става] у[головного] с[удопроизводства], и допрашиваемый показал:

[...][1]

3). Яков Иванов[ич] Крупенин, 33 лет, старший унтер-офицер 1-го кирасирского полка (Кричевские казармы, Новгородской губ.), родом Лужского уезда, Лубенской вол., дер. Брянска, православный, грамотный, не судился.

[1] Опущены показания Ф.И. Штейнберга, Л.М. Чувадзе.

Состою членом Новгородского губернского Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

28 августа, находясь в Петрограде, я узнал о движении на Петроград войск генерала Корнилова, имеющего целью свержение Временного правительства. В тот же день, осведомившись о настроениях Петроградского гарнизона и Совета рабочих и солдатских депутатов, я выехал в Новгородскую губернию для мобилизования там сил на предмет поддержания Временного правительства и недопущения дальнейшего наступления войск Корнилова на Петроград. 29 августа Новгородским губернским комитетом я был назначен комиссаром в 175-й запасный пехотный полк, стоящий в селе Медведь. Вечером состоялись заседания полкового Совета и Совета офицеров, на которых и состоялись решения о недопущении корниловцев на Петроград. Часов около десяти вечера подпоручиком Гусевым в названном селе был задержан автомобиль, на котором ехало трое офицеров и один казак. Они были доставлены в Исполнительный комитет полка, куда и я тоже был позван. Оказалось, что один из этих офицеров полковник Лебедев из Ставки Верховного главнокомандующего, на мои расспросы, как они оказались в селе Медведь, он ответил, что по дороге из Луги в Псков. Когда же сказал, что дорога эта вовсе не проходит через село Медведь и что он, Лебедев, вероятно, объезжал войска генерала Корнилова по поручению последнего, то Лебедев ответил: «Да, я исполнял поручение генерала Корнилова», но какое именно поручение, подробно не указал. С другими офицерами, которые были задержаны вместе с Лебедевым на автомобиле, я не разговаривал. Представляю Вам: 1) дознание, произведенное по поводу задержания Лебедева[I] и др. с автомобилем; 2) принадлежащий Лебедеву чемодан с разными его вещами; 3) отобранные у Лебедева и других бывших с ним офицеров документы и планы[II]; 4) принадлежащие Лебедеву деньги: две тысячи шестьдесят два рубля 40 коп. (Представлены перечисленные предметы, документы и деньги.) Всего было отобрано у Лебедева 2087 руб. 40 коп., из коих 25 рублей израсходовано им в дороге. Добавляю еще, что Лебедев сказал мне, что на станции Передольской ему нужно было ссадить с автомобиля какого-то офицера, фамилию которого он отказался назвать.

Яков КРУПЕНИН

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

Товарищ прокурора Судебн[ой] палаты Л. ПОВОЛОЦКИЙ

[...][III]

5) Иван Иванович Степаненков, 29 лет, хорунжий 5-го Оренбургского казачьего полка, православный, не судился, на вопросы показываю:

В последнее время наш полк стоял при 20-м корпусе, между Сморгонью и Вилейкой, в дер. Гануте. В двадцатых числах августа я и еще три офицера и 14 казаков нашего полка были командированы в Ставку Верховного главнокомандующего, причем командир полка полковник Панов сказал, что на нас будет возложено ответственное поручение, а именно рекогносцировка Балтийского побережья. В Могилев мы прибыли 24 августа. 27 августа день прошел в Моги-

---

[I] Протокол дознания по поводу задержания полковника Д.А. Лебедева см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 29–31 об.

[II] Протокол осмотра вещей и документов Д.А. Лебедева и Г.М. Гурьева см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 41–44 об.

[III] Далее опущены показания Г.М. Варавина.

леве тревожно: ожидали почему-то выступления большевиков, но ничего особенного не состоялось. В ночь на понедельник, 28 августа, меня разбудил казак, который и передал мне приказание прибыть к 4 час. утра в «Тульскую» гостиницу, т.к. я назначен сопровождать полковника[I] Лебедева в его поездке. Кроме меня назначен был для того же сотник Гурьев и два казака.

В пять часов утра подали два автомобиля. Перед тем по поручению полковника Лебедева сотник Гурьев съездил на станцию, где в поезде главнокомандующего проживал генерал кн. Долгоруков, для предупреждения последнего, что за ним заедет автомобиль. Лебедев объяснил, что мы поедем в Псков, в штаб Северного фронта, а может быть, и дальше. Цели поездки не объяснял. Таким образом, мы и поехали, сначала на станцию, забрали там Долгорукова и отправились по дороге на Псков, куда и прибыли вечером. Лебедев отправился в штаб, я туда не ходил, а ужинал в какой-то столовой, не помню названия улицы. Здесь, в Пскове, из вечерних газет я узнал, что Корнилов отрешен от должности Верховного главнокомандующего, причем ему предписывалось сдать должность генералу Клембовскому. Вечером в ту же столовую явились Гурьев и Лебедев, после ужина мы пошли к штабу, в самое помещение которого, однако, не входили, там нас дожидался автомобиль, и мы поехали дальше. Лебедев говорил, что мы едем в Лугу, где, по его словам, будет расквартирован 3-ий кавалерийский корпус, и ему нужно к командиру этого корпуса. На какой предмет там будет расквартирован этот корпус, разговора не было. Из Пскова мы выехали часов около 11 вечера, а в Лугу прибыли часа в четыре утра, причем были встречены двумя казаками, которые нам сказали, что они поставлены здесь по распоряжению генерала Крымова для того, чтобы проводить нас в штаб корпуса. Последний оказался в деревне Стрешнево, верстах в 15–20 от Луги. Приехали мы туда на рассвете. Лебедева проводили к генералу Крымову, а меня и Гурьева дежурный офицер повел к себе, и мы у него легли спать. Проспали до часа дня. Затем обедали в помещении штаба, разговоров о цели пребывания кавалерийского корпуса под Лугой и о направлении его движения не было. Беседовал с некоторыми из казаков нашего же войска, которые говорили, что их гонят в Петроград, где происходит восстание большевиков, взрывы заводов и т.п., и что необходимо охранять ото всего этого Петроград. С офицерами мне не приходилось вести бесед.

В тот же день мы выехали из Луги, причем Лебедев говорил, что поедет обратно в Псков, но не по прежней дороге, а по другой дороге, с которой можно свернуть на Новгородское шоссе. Из Стрешнева мы захватили с собой одного офицера, которого и довезли до станции Передольской. К вечеру мы приехали в село Медведь, где были остановлены и задержаны. Таким образом, настоящая цель поездки Лебедева мне не была известна.

Иван СТЕПАНЕНКОВ

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

Товарищ прокурора Судебн[ой] палаты Л. ПОВОЛОЦКИЙ

[...][II]

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 22, 23 об. — 24, 25–25 об. Подлинник. Машинопись; Д. 4. Л. 19, 20 об. — 21, 22–22 об. Копия. Машинопись.

I В тексте ошибочно указано: *«подполковника»*.

II Далее опущено показание Г.М. Гурьева

№ 81
Протокол допроса штаб-офицера для делопроизводства и поручений при Управлении генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем Д.А. Лебедева[150]

2 сентября 1917 г.

Протокол допроса обвиняемого

1917 года сентября 2 дня судебный следователь Петроградского окружного суда по важнейшим делам В. Гудвилович в камере своей допросил поименованного в качестве обвиняемого с соблюдением 403 ст. у[става] у[головного] с[удопроизводства][151]*, и допрашиваемый показал:*

Вопросы	Ответы
1) Имя, отчество и фамилия	Дмитрий Антонович Лебедев
2) Возраст	33 лет
3) Место рождения и крещения	г. Царицын Саратовской г[убернии]
4) Место приписки (город или село)	из дворян Саратовской г[убернии]
5) Постоянное место жительства (или временное пребывание)	По месту службы – в Могилеве
6) Рождение (брачное или внебрачное)	Брачное
7) Звание (состояние, сословие, чин, где служит, имеет ли знаки отличия и какие)	Полковник генерального штаба; имею орден Анны 4-ой ст., Станислава и Анны 3-ей ст. и 2-ой ст. и Георгия 4-ой ст.
8) Народность, племя и религия	Русский, православный
9) Какое получил образование	Окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую военную академию
10) Семейное положение	Холост
11) Занятие или ремесло	Штаб-офицер для делопроизводства и поручений при Управлении генерал-квартирмейстера при в[ерховном] главнок[омандующем]
12) Степень имущественного обеспечения	Недвижимого имущества не имею
13) Особые приметы	Не имею
14) Отношения к потерпевшему от преступления	
15) Был ли на призыве и когда подлежит призыву на действительную службу	Состою на военной службе
16) Был ли под судом. Не состоит ли под следствием по другим делам	Не судился, под следствием не был и не нахожусь

В предъявляемом мне обвинении меня в том, что я в августе сего года, состоя в Штабе Верховного главнокомандующего генерала Корнилова в должности штаб-офицера для делопроизводства и поручений при Управлении генерал-квартирмейстера, по предварительному на то соглашению и в соучастии с другими лицами принимал участие в насильственном посягательстве на изменение существующего государственного строя в России, на смещение органов верховной в государстве власти, каковое мое участие выразилось в поездке, между прочим, в двадцатых числах августа из Ставки во Псков и Лугу, в штаб двинутого для занятия Петрограда конного корпуса генерала Крымова, для передачи ему соответствующих распоряжений и сведений по исполнению возложенной на названный корпус задачи, т.е. в преступлении, предусмотренном 51[I] и 100 ст. Угол[овного] улож[ения], я виновным себя, да, признаю.

Вечером 27 августа генерал Корнилов дал мне поручение отправиться на розыски командира 3-го конного корпуса генерала Крымова для того, чтобы передать ему распоряжение о сосредоточении корпуса и направлении его в район Петрограда. Предполагалось занять Петроград неожиданно именно силами этого корпуса. Начало движения частей этого корпуса по направлению к Петрограду относится[II], насколько мне известно, еще к половине августа сего года. Раньше же корпус этот стоял отчасти на Румынском, отчасти на Юго-Западном фронте. Состоял корпус из трех дивизий — Уссурийской (4 казачьих или, вернее, конных полка), 1-ой Донской дивизии (3 Донских казачьих полка и один Оренбургский) и Туземной кавказской дивизии, которая состояла из шести полков малого состава. По направлению к Петрограду части этого корпуса двигались разными путями — по Виндаво-Рыбинской жел[езной] дор[оге] через Псков на Лугу. Часть же, ввиду железнодорожной путаницы, а может быть, противоречивых распоряжений, пошла на Нарву. При каждой из перечисленных дивизий было от двух до трех батарей артиллерии. Положение получалось неудобное именно ввиду такой разбросанности частей корпуса, — надо было предпринять что-нибудь для того, чтобы поскорей соединить силы и восстановить связь этого корпуса со Ставкой, так как связь эта была потеряна. Между прочим, мне поручено было установить, каким порядком будет поддерживаться связь штаба корпуса со Ставкой.

Из Могилева я выехал на автомобиле рано утром 28 августа в сопровождении двух казачьих офицеров, казака-урядника; на другом автомобиле вместе с нами ехал в Псков генерал князь Долгоруков. Что касается казачьих офицеров, меня сопровождавших, сотника Гурьева и хорунжего Степаненкова, то они представляли собой просто мой конвой, никакого особого поручения им дано не было, и в цели и подробности моей командировки я их не посвящал. Не зная точно, где находится генерал Крымов, и предполагая, что он должен быть где-нибудь между Псковом и Гатчиной или в Пскове, где можно было навести об этом точную справку, я прежде всего и поехал в Псков, куда мы прибыли 28 августа вечером. От штабных офицеров во Пскове я узнал, что генерал Крымов поехал на Лугу и в то время мог находиться где-либо за Лугой. Настроение в Пскове было какое-то неопределенное, там получались распоряжения из Могилева и из Петрограда, и, в конце концов, там сами не знали, кого именно слушаться. Будучи во Пскове, я имел разговор по прямому проводу с несколькими лицами из Ставки. Из Пскова в тот же вечер я поехал дальше на розыски генерала Крымова, по направлению к Луге. Около Луги меня встретил пост, выставлен-

---

[I] Цифра исправлена. Первоначально было: *«41»*.

[II] Слово *«относится»* впечатано над зачеркнутым: *«началось»*.

ный Крымовым, который и указал, где находится его штаб, а именно в деревне Стрешнево, верстах в семи или в десяти от Луги. В деревню эту мы прибыли под утро 29 августа, где и оказался весь штаб с генералом Крымовым. Я передал Крымову распоряжение ген. Корнилова о движении на Петроград, на что Крымов ответил, что он фактически лишен возможности исполнить это распоряжение, так как у него корпуса нет — последний находится на железных дорогах, где-то высаживается, так что первым делом надо собрать и сосредоточить его силы; в тот момент у ген. Крымова было не более 8 сотен Донской дивизии. Далее ген. Крымов объяснил мне, что помимо того, что корпус еще не собран, положение в том районе вообще изменилось в том смысле, что неожиданного захвата Петрограда нельзя было уже сделать как потому, что о движении на Петроград было уже повсюду известно, железные дороги повреждены, и можно двигаться к Петрограду только походным порядком, так что некоторым частям придется проделать 200–300 верст; затем, со стороны Петрограда были уже выставлены войска, так что без столкновения с последними войти в Петроград было уже невозможно, а надо было продвигаться с боем. Независимо от всего этого были получены сведения о том, что между правительством и Могилевом происходят переговоры, а при таких обстоятельствах Крымов не мог взять на себя ответственность открытия военных действий на путях к Петрограду. Поэтому Крымов, со своей стороны, просил меня направиться во Псков выяснить позицию главнокомандующего Северного фронта[152], получить от него ориентировку и по возможности переговорить по прямому проводу со Ставкой и получить оттуда указания. В то же время я должен был ориентировать Ставку о том, в каком положении находится корпус генерала Крымова. Ввиду этого я выехал из штаба генерала Крымова часов в пять в тот же день, причем меня просили подвезти до линии железной дороги одного офицера, фамилии которого назвать не желаю, которому дано было поручение разыскать по линии железной дороги части Туземной дивизии и передать им распоряжение о сосредоточении в определенном месте. Высадив этого офицера у станции Передольская, я повернул по дороге в сторону, где можно достигнуть шоссе Новгород — Псков. По пути приходилось нам проезжать через село Медведь, куда мы прибыли поздно вечером. Там нас и задержали. Штатское платье при мне было потому, что я предполагал возможность посещения Петрограда, если бы все обошлось так, как предполагалось. К возложенному на меня поручению это, во всяком случае, никакого отношения не имеет. О смещении генерала Корнилова мне стало известно из телеграммы Керенского, разосланной по России, еще в Ставке, перед отъездом, 27-го числа. Но раз Корнилов фактически не ушел, еще не сдал должности, — я считал, что мой долг, как военнослужащего, исполнять его распоряжения[1].

Зачеркнуто: «началось» и надписано «относится».

Полковник ЛЕБЕДЕВ
Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ
Товарищ прокурора ПОВОЛОЦКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 49–50 об. Подлинник. Машинопись; Д. 4. Л. 24–25 об. Заверенная копия. Машинопись.

[1] Далее текст вписан чернилами.

№ 82
Протокол допроса штаб-офицера для делопроизводства и поручений Управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем Д.А. Лебедева

9 сентября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года сентября 9 дня судебный следователь Петроградского окружного суда по важнейшим делам В. Гудвилович в камере своей допросил дополнительно нижепоименованного в качестве обвиняемого с соблюдением 403 и сл[едующих] статей У[става] у[головного] с[удопроизводства], и допрашиваемый показал:

Дмитрий Антонович Лебедев:

С февраля сего года я состоял в Ставке Верховного главнокомандующего в должности штаб-офицера для делопроизводства и поручений при Управлении генерал-квартирмейстера, причем, в частности, находясь в оперативном отделении, я ведал Румынским фронтом. С самого начала разрухи в армии Ставка Верховного главнокомандующего явилась тем центром, куда ежедневно поступали сведения, касающиеся этой разрухи, в виде ли разгрома той или иной нашей воинской части или самовольного оставления частями позиций, убийств и арестов офицеров, неисполнения боевых приказаний и т.п. Ежедневно получались телеграммы от лиц командного состава о невозможности при создавшихся условиях управлять войсками; кроме того, через Ставку проходила масса лиц офицерского состава — либо уволенных солдатскими организациями, либо бежавших от самосудов, часто уже после различных истязаний или оскорблений и т.д., наконец, офицерские составы отдельных частей присылали заявления о невозможности продолжать службу при создавшемся положении. Все это создавало[1] напряженное состояние, тревожную атмосферу в Ставке, где значение развала армии и тыла понималось особенно ясно, благодаря чему нельзя было не прийти к заключению, что для того, чтобы выйти из такого положения, необходимы какие-либо решительные меры, и именно на Ставку и возлагались надежды, что оттуда, наконец, будет предпринято что-нибудь, что сможет остановить развал армии и тыла. Эти надежды выражались как устно, так и письменно. Между прочим, результатом этого настроения явилась организация Офицерского союза. Ставкою был созван в апреле съезд офицеров для организации всех офицеров в общий союз. Таким образом возник Союз офицеров армии и флота, который своею основною целью имел предотвращение развала армии и офицерского корпуса и поднятие боеспособности армии. В июле сего года произошли события в Тарнополе и Калуше, которые наглядно показали, в каком положении находится армия при отсутствии каких бы то ни было реальных мер к ее оздоровлению. Когда после того пост Верховного главнокомандующего был предложен генералу Корнилову, им были указаны те меры водворения порядка и дисциплины в армии, принятием которых со стороны правительства он обусловил занятие поста главнокомандующего. Это выступление генерала Корнилова повело к тому, что имя его приобрело широкую известность в армии, причем офицерский состав смотрел на него как на человека, который выведет, наконец, армию из состояния хаоса и разрухи на путь порядка и дисциплины. Правительство обещало генералу Корнилову проведение в жизнь пред-

[1] Далее зачеркнуто: *«в Ставке»*.

ложенных им мер, однако он вступил в главнокомандование еще до осуществления намеченного им плана, и так как правительство выполнило лишь часть требований генерала Корнилова и то только по отношению к фронту, то отсюда в дальнейшем произошли трения между ген. Корниловым и правительством, так как было совершенно ясно, что разруха в армии питается таковою же разрухою тыла, вследствие чего невозможно бороться с разрухой армии, оставляя в стороне тыл. Это и было тою почвою, на которой зрел конфликт, причем состав Ставки был всецело на стороне Корнилова, благодаря вышеприведенным обстоятельствам. Настроение обострилось особенно перед Государственным совещанием, которое состоялось в Москве в половине минувшего августа, причем доходили сведения о том, что Корнилов либо будет смещен, либо даже арестован в Москве; с другой стороны, последовали резолюции казаков о несменяемости Верховного главнокомандующего, которая была поддержана Союзом Георгиевских кавалеров и Союзом офицеров, о чем и были посланы телеграммы правительству. Одним из мотивов подобного рода[I] резолюции было, между прочим, то, что непрерывная смена высших начальствующих лиц вносила полную разруху в работу верховного командования. Московское совещание ничего не дало в смысле водворения порядка в армии; наоборот, отношения Корнилова с правительством, по-видимому, обострились. После этого начались переговоры между Корниловым и правительством, причем Корнилов настаивал на введении строгих мер в тылу, а правительство не решалось принять предложение Корнилова целиком и, по-видимому, искало выхода из возможности прийти к какому-нибудь компромиссному соглашению. Такое у меня, по крайней мере, получилось впечатление, так как я сам не принимал участия в переговорах. Знаю, что в этих переговорах принимали участие комиссар Филоненко и Савинков, относительно которых известно, что они до последнего времени поддерживали программу Корнилова настолько, что доклад Корнилова о мерах, необходимых на фронте и в тылу, был составлен Савинковым и Филоненко и подписан Корниловым. К этому времени в Ставке (с начала августа) начали сосредоточиваться сообщения в разведывательном отделении о подготовке германцами операции на Рижском направлении. Таким образом, меры, предлагаемые генералом Корниловым, приобрели характер особой срочности. Одновременно с тем по распоряжению из Ставки начали перевозить в северном направлении 3-ий кавалерийский корпус, находившийся перед тем на юге Юго-Западного фронта; к этому корпусу была присоединена Туземная дивизия (Кавказская). Сделано это было потому, что до последнего времени казачьи и Туземная дивизия находились в состоянии наибольшего порядка. Командиром этого корпуса был генерал Крымов. Корпус этот должен был сосредоточиться в районе железнодорожного узла Дно — Невель — Великие Луки; более ничего определенного известно не было. Предполагалось, что[II] корпус, в состав которого входило также по две батареи артиллерии при каждой дивизии, переправляется в указанное место в связи с назревавшими событиями на Рижском фронте, где мог произойти прорыв нашего фронта, а также ввиду ходивших в то время упорных слухов о возможности нового выступления большевиков в Петрограде, резни, беспорядков, взрывов заводов и т.п. В случае таких событий корпус легко мог бы быть двинут в Петроград из указанного района. Оговариваюсь, что это только наши предположения, определенного же тогда ничего известно не было. От 20 до 26 августа меня в Ставке не было, так как я в указан-

[I] Слово «*рода*» вписано над строкой.

[II] Далее зачеркнуто: «*дивизия*».

ное время находился в Петрограде, где имел свидание с приезжавшей из Перми моею матерью. Поэтому я не знаю подробно, что в эти дни происходило в Ставке. Вернулся я в Ставку днем 27 августа; узнал о назревающем между генералом Корниловым и Временным правительством конфликте, что Корнилов непрерывно ведет переговоры с Временным правительством и что возможно его смещение. Ввиду приведенной резолюции о признании Корнилова несменяемым возник вопрос о его поддержке. Почти все офицеры в Ставке состояли членами Офицерского союза, и поддержку Корнилова следует понимать именно как новую резолюцию или обращенное к правительству требование с напоминанием о признании Корнилова несменяемым. Ничего определенного по этому вопросу достигнуто не было. Тогда же я узнал и сущность предъявленных генералом Корниловым к Временному правительству требований, а именно о том, что всю власть он, Корнилов, берет на себя. Было это им сделано в ответ на телеграмму, данную из Петрограда по линиям железных дорог, о его смещении и о неисполнении его распоряжений. Корнилов вечером 27 августа в моем присутствии заявил, что с ним учинили провокацию, что он берет всю власть на себя и делает приказание корпусу Крымова двигаться на Петроград. Так как[I] с Крымовым связи не было по телеграфу и никто в точности даже не знал, где он в тот момент находился, то необходимо было поехать кому-либо лично и передать ему это распоряжение Корнилова. Выполнить это приказано было мне начальником Штаба генералом Лукомским, мне[II], тогда же, в присутствии самого Корнилова. Выбор пал на меня потому, что я был в то время свободен в том смысле, что мне, как только что вернувшемуся в Ставку, не нужно было сдавать никаких дел и вообще должности, а дело было ночью и притом спешное. В пятом часу утра 28 августа я и выехал из Могилева на розыски генерала Крымова, на автомобиле, о чем я уже давал показание при моем первом допросе. Лично я полагал, что правительство в конце концов согласится на все требования генерала Корнилова, так как оно частями, постепенно принимало его требования. Данное мне поручение сводилось к следующему: разыскать Крымова, передать ему распоряжение занять своим корпусом Петроград. О том, что Крымов должен делать по занятии Петрограда, — мне никаких указаний дано не было. Очевидно, Крымову самому было известно, что он должен делать в Петрограде. Сущность моей беседы с Крымовым сводилась к следующему: во-первых, он мне заявил, что корпус его не сосредоточен, и что он сам не знает, где находятся части его войск, и что приказание о занятии Петрограда он не может выполнить, пока не узнает, где находятся части его корпуса, и пока он их не соберет; во-вторых, по словам Крымова, против него выставлены Временным правительством войска и разные агитаторы, которые призывают казаков не идти на Петроград[III], поэтому он, Крымов, в целях избежания столкновений с Лужским гарнизоном, который находится в весьма нервном состоянии, умышленно не занял со своими 800 казаками Луги, а остановился в верстах 15 от нее, разослал повсюду разъезды для сбора частей корпуса и подтягивания их к тем местам железной дороги, где путь разрушен. От этих мест Крымов предполагал двигаться дальше походным порядком. Не имея, по его словам, никаких на сей предмет инструкций, а именно по вопросу о том, как поступать в случае необходимости разыграть настоящий бой на путях к Петрограду с выдвинутым на защиту подступов к последнему гарнизоном, Крымов просил меня ориентиро-

---

I Слово *«как»* вписано над строкой.

II Слово *«мне»* вписано в строку.

III Слово *«Петроград»* вписано над зачеркнутым: *«казаков»*.

вать Ставку о том, что на путях к Петрограду стоят уже крупные части; а во-вторых, что его корпус может быть собран только через несколько дней; и в-третьих, что среди конных дивизий идет агитация в пользу непродвижения к Петрограду. Обо всем этом я имел в виду передать в Ставку из Пскова по аппарату, для чего и выехал от Крымова днем 29 августа. Карта у меня была только одна с пометами красным карандашом[153]. Пометы эти были сделаны мною у Крымова, были обозначены наиболее вероятные пункты сосредоточения всех этих растянувшихся по железным дорогам частей корпуса. По поводу телеграфной ленты, которая была у меня отобрана при задержании, объясн*<ения дам при следующем допросе, который, ввиду позднего времени, прошу отложить.*

Зачеркнуто: «в Ставке», «дивизия», «казаков». Надписано: «рода», «как», «мне», «Петроград». Исправлено: «объяснения».

Полковник ЛЕБЕДЕВ
Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ
Товарищ прокурора Суд[ебной] пал[аты] ПОВОЛОЦКИЙ>[1]

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 119–121. Подлинник. Машинопись. Д. 4. Л. 74–76. Заверенная копия. Машинопись.

№ 83
Протокол допроса штаб-офицера для делопроизводства и поручений Управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем Д.А. Лебедева

11 сентября 1917 г.

Протокол допроса

1917 года сентября 11 дня судебный следователь Петроградского окружного суда по важнейшим делам В. Гудвилович в камере своей допросил нижепоименованного обвиняемого, с соблюдением 403 и сл[едующих] ст. У[става] у[головного] с[удопроизводства], и допрашиваемый показал:

Дмитрий Антонович Лебедев, дополнительно:

Перед самым моим отъездом из Ставки генерала Крымова были заготовлены предписания о подчинении генералу трех воинских частей, одною из которых был Ревельский ударный батальон, находившийся в то время где-то на марше между Ревелем и Петроградом; другою — Корниловскому ударному полку, который стоял в Могилеве, а третьей воинской части я не помню. Это была какая-то мелкая пехотная часть. Ввиду спешности выезда моего из Могилева я эти три предписания забыл там, а потому по прибытии во Псков отправился на телеграф и по прямому проводу в Ставку просил мне передать эти предписания в качестве телеграмм. Этих телеграмм я, однако, во Пскове не дождался и выехал дальше, не получив их. Затем, будучи во Пскове и узнав, что там не выполняется приказание генерала Корнилова о том, чтобы к передаче по телеграфу принимались только его, Корнилова, распоряжения, я передал об этом в Ставку для доклада генерал-квартирмейстеру Романовскому. Эту связь Пскова с Петроградом я и имел в виду, указывая, что необходимо эту связь прекра-

[1] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан чернилами.

тить. В Пскове были получены сведения о том, что 42-ой корпус, стоящий в Финляндии, принял сторону не Корнилова, а Временного правительства, об этом я тоже сообщил в Ставку. Убедившись в том, что связи с Крымовым нет даже у Пскова, откуда можно было бы для него сноситься со Ставкой, я решил[I], что нужно действовать самостоятельно, не ожидая указаний из Ставки, так как связи с ней не будет, а в зависимости от обстановки. Из дальнейших сведений, сообщенных мне в разговоре моим собеседником, по-видимому, полковником Прониным[154], видно, что имевшиеся сведения о передвижениях частей корпуса генерала Крымова не соответствовали действительности. Наконец, насколько я мог удостовериться во Пскове, положение на Северном фронте было неопределенное; события застигли штаб Северного фронта врасплох, так что там сами не знали хорошенько, что именно произошло и какой линии им держаться. Ленту этого разговора я взял с собою, так как в ней, до известной степени, заключалась для меня ориентировка. Начало разговора оторвалось, очевидно, случайно, разговор начался именно по поводу вышеупомянутых предписаний. Относительно генерала князя Долгорукова, который состоит командиром 1-го конного корпуса, расположенного в Финляндии, могу сказать только то, что как раз в то время он должен был ехать в Финляндию к своему корпусу через Псков; узнав, что и я туда еду, мы решили ехать одновременно, что представляло и практические удобства в том смысле, что при дальних поездках всегда существует риск поломки автомобиля или чего-либо подобного, так что ехать с попутчиком гораздо удобнее и безопаснее. Таким образом, мы с кн. Долгоруковым одновременно и выехали на двух автомобилях из Могилева и одновременно же доехали до Пскова, где кн. Долгоруков остался, а я поехал дальше. Больше я про кн. Долгорукова ничего не знаю, и иного отношения к моей поездке он не имел. В каком направлении предполагалось использовать в Петрограде тех офицеров, которых посылали сюда из Ставки под предлогом изучения новых бомбометов и т.п., я не осведомлен[II].

Зачеркнуто «нужно».

Полковник ЛЕБЕДЕВ

Судебный следователь ГУДВИЛОВИЧ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29 Л. 122–122 об. Подлинник. Машинопись. Д. 4. 80–80 об. Заверенная копия. Машинопись.

I Далее зачеркнуто: *«нужно»*.

II Далее текст написан чернилами.

РАЗДЕЛ III. МОСКОВСКИЙ ОКРУЖНОЙ СУД

№ 84
Протокол допроса свидетеля Д.Б. Гисена

30 августа 1917 г.

Протокол

1917 г. августа 30-го дня судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам в камере своей допрашивал с собл[юдением] 443 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства] нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Давид Борисович Гисен, сын присяжного поверенного, 17 лет, иудейского вероисповедания, грамотный, не судился, живу в доме 18, кв. 6, по Б[ольшому] Харитоновскому[I] переулку, 1-го участка Яузской части.

Мой отец Борис Ефремович Гисен живет постоянно в Могилевской губ., 4-го сего августа я поехал к нему гостить и пробыл там до вчерашнего дня. Сегодня утром я приехал в Москву и, будучи знаком с прокурором Судебной палаты Алексеем Федоровичем Стаалем, решил сообщить ему все, что я знаю, о событиях, разыгравшихся в Могилеве. Теперь я Вам покажу все то, чему я был свидетелем-очевидцем.

Должен сказать, что до 28 августа в Могилеве все было спокойно и о никаких[II] столкновениях Корнилова с Временным правительством не было слышно. А в тот день по городу стали циркулировать различные о том слухи. Утром в тот день по городу были расклеены объявления генерала Корнилова по линиям железных дорог от 28 августа № 658[III], экземпляр[IV] которого я Вам при сем представляю. В то же время по рукам жителей ходил отпечатанный частным образом экземпляр телеграммы Керенского, также по линиям железных дорог, от 27 августа № 4153[V], который мною был списан и который теперь представляю Вам.

В тот же день в четыре часа на площади города (бывшая Губернаторская) собрались войска: 1-ый ударный отряд корниловцев, часть георгиевцев, казаки и части Дикой дивизии. Генерал Корнилов обратился к ним с речью приблизительно такого содержания: «Товарищи солдаты и офицеры! Когда началась революция, то все думали, что Россия возвеличится и станет великой страной. Теперь же, спустя полгода, мы видим, что русский солдат, который был лучше

I Так в тексте. Правильно: *«Харитоньевскому»*.

II Так в тексте.

III Дата указана ошибочно. Обращение генерала Корнилова «По линиям железных дорог» № 658 от 27 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 10.

IV Слово *«экземпляр»* вписано над зачеркнутым: *«номер»*.

V Телеграмма Керенского № 4153 от 27 августа 1917 г. см.: Там же. Д. 27. Л. 10 об.

всех солдат в мире, стал трусом. Русские пороховые заводы, которые снабжали армию, теперь взлетают на воздух, как в Казани, где погиб миллион снарядов и двенадцать тысяч пулеметов. Все это происходит потому, что у нас нет твердой власти, а Временное правительство действует под влиянием тех темных элементов, в карманах которых звенят немецкие деньги. Я сам присутствовал при разложении армии, когда[I] командовал 8-ой армией. Моя армия не поддалась вражескому натиску, и я был назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. Это я настаивал на введении смертной казни, так как считал ее исключительно необходимой для восстановления дисциплины в армии. Затем я был назначен Верховным главнокомандующим. Я несколько раз предлагал Временному правительству и говорил об этом на Московском совещании, что необходимы еще экстренные и решительные меры, иначе враг будет в Риге. Меня не послушались, и так и случилось. Если и теперь эти меры не будут приняты, то через несколько недель враг будет у ворот Петрограда, а через два-три месяца в Москве. Для принятия этих мер я несколько раз вызывал к себе в Ставку Временное правительство, но оно ко мне не приехало, а прибыл лишь посланец министра-председателя член Государственной Думы. Он выслушал меня и уехал в Петроград, где должен был снова передать Временному правительству мое приглашение. На следующий день я получил телеграмму от Керенского, что мои предложения приняты, а еще через день я получил от него приказ сдать должность Верховного главнокомандующего.

Я сын казака-крестьянина. На своих же руках я видел мозоли, и возвращения к старому я не желаю. Но я считаю, что сейчас, когда родина находится в смертельной опасности, невозможна смена командного состава. Это же мне подтвердили и главнокомандующие фронтами, от которых я получил телеграммы. Клембовский отказывается стать Верховным главнокомандующим и считает мое пребывание необходимым, и поэтому я Временному правительству не подчинюсь и, как бравый солдат, останусь на своем посту. Ибо я считаю, что Временное правительство не способно спасти страну. Я считаю, и буду на этом настаивать, что Керенский должен остаться в правительстве, но он должен быть окружен людьми дела, которые действительно бы составили Правительство Народной Обороны. Я вызвал все Временное правительство, председателя Думы Родзянко и лидеров всех политических партий, чтобы вместе со мной они составили такое правительство. Я своим честным словом гарантирую им свободу и безопасность. Но если Временное правительство не откликнется на мое предложение и будет так же вяло вести дела, то мне придется взять власть в свои руки, хотя я заявляю, что власти не желаю и к ней не стремлюсь. И теперь я спрашиваю вас, будете ли вы готовы тогда, — (молчание),— будете ли вы готовы?» (Некоторые сотни, — трудно установить, сколько, — сказали: «Готовы». Впечатление же получилось жидкое.) Затем Корнилов провозгласил: «Да здравствует свобода и армия!» На что последовало общее громкое «Ура!»

По окончании парада были розданы и расклеены воззвания «Обращение к народу» от 28 августа[II], экземпляр которого я тоже Вам представляю.

Вечером в тот день были расклеены телеграммы генералов Клембовского, Балуева, Щербачева и Деникина, экземпляры которых я Вам представляю[III].

I Далее зачеркнуто: *«присутствовал»*.

II «Обращение к народу» Л.Г. Корнилова от 28 августа 1917 г. см.: Д. 27. Л. 7.

III Телеграммы генерала Клембовского № 574/А, генерала Щербачева № 493 и генерала Балуева № 10459 от 28 августа и телеграмму генерала Деникина №145 от 27 августа 1917 г. см.: Д. 27. Л. 9.

Тогда же город Могилев и его окрестности на протяжении десяти верст кругом был объявлен на осадном положении. Комендантом города был назначен комендант Главной квартиры Штаба В[ерховного] г[лавнокомандующего] полковник Квашнин-Самарин, а в помощь ему начальник Корниловского отряда — Неженцев.

29-го я получил от коменданта Квашнина-Самарина разрешение на выезд из города Могилева.

В четыре часа дня, когда я выезжал, на вокзале раздавали воззвание генерала Корнилова к казакам, в котором он призывал их поддержать его и, в частности, писал[I] следующее: «Когда я был на заседании Временного правительства 3 августа, то Керенский и Савинков сказали мне, что всего говорить нельзя. Есть ненадежные люди». Экземпляра этого воззвания достать мне не удалось.

Между прочим, на вокзале был арестован какой-то солдат «за оскорбление генерала Корнилова». В чем выражалось оскорбление, я не знаю.

Добавляю, что среди разнообразных слухов, ходивших по городу, был также пущен слух, что генерал Корнилов будет брать деньги в Казначействе и банках ввиду того, что у него другого источника не имеется. Это создало панику, и публика бросилась в разные кредитные учреждения за получением своих вкладов.

Добавляю: фамилии вышеназванного члена Государственной Думы, который был посредником между Временным правительством и генералом Корниловым, генерал Корнилов в своей речи не назвал[II].

Исправлено: «экземпляр», «иудейского», «губернаторская», «потому», «писал», «ней».

Зачеркнуто: «присутствовал».

Давид Борисович ГИСЕН

И. д. судебного следователя КОРЕНКОВ

Прокурор суда[III]

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 4–5 об. Подлинник. Машинопись.

№ 85

Протокол допроса обер-офицера при Политическом отделе штаба Московского военного округа Б.А. Дунаева

1 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 1-го дня судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам в камере своей допрашивал в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства] нижепоименованного, и он показал:

Борис Александрович Дунаев, подпоручик, 30 лет, православный, не судился, живу в доме 19 по Оболенскому переулку, 1 уч[асток] Хамовнической части.

I Слово *«писал»* вписано над зачеркнутым: *«пишет»*.

II Далее текст написан чернилами.

III Далее подпись неразборчива.

Я состою в настоящее время обер-офицером при Политическом отделе штаба Московского военного округа. Согласно предписания начальника штаба Московского военного округа от 28 августа с.г. за № 907 я должен был произвести обыск на предмет обнаружения документов, устанавливающих связь мятежного выступления Верховного главнокомандующего генерала Корнилова с Союзом Георгиевских кавалеров[I]. В час ночи я, прокурор Московского окружного суда г. Лисовский и старший адъютант отделения штаба Московского военного округа по связи с общественными организациями и печатью подпоручик Дмитриев[II] прибыли с нарядом войск в помещение, занимаемое Московским отделом Союза Георгиевских кавалеров и Центральным комитетом того же Союза. Вокруг дома, в котором находится то помещение, была расставлена цепь, после чего я, подпоручик Дмитриев с офицерами из наряда подошли к двери помещения. На наши звонки дверь не была открыта, хотя ясно было, что звонок был услышан, так как в верхнем этаже дома, где находится помещение местного отдела Союза Георгиевских кавалеров, зажглись огни и появилися в окнах фигуры бегающих людей. Минут через пять из-за двери нас стали спрашивать, кто мы. Кто-то из нас сказал, что мы явились по предписанию командующего войсками для производства обыска, а посему требуем немедленного открытия двери для входа в помещение. Тогда из-за двери женский голос попросил нас пригласить к двери домового дворника, который удостоверил бы, что мы не грабители. Но и после того, как дворник был приведен и объяснил им, кто мы, дверь не была открыта. Тогда подпоручик Дмитриев, на обязанности которого было общее руководство обыском, боясь, что по телефону предупредят находящихся в другом помещении того же Союза, в комнате № 367 в гостинице «Дрезден», решил немедленно ехать туда с прокурором и частью наряда, а мне предложил войти в первое помещение силой, занять помещение и дожидаться его для производства обыска. Немедленно я[III] распорядил*ся*[IV] прикладами ломать дверь. Она была сорвана с петель, но за ней оказалась другая дверь, более толстая и отворяющаяся в нашу сторону. Тогда я послал одного из солдат с дворником для отыскания топора, чтобы взломать эту дверь, так как прикладами взломать ее не было возможности. В это время ко мне подбежал один из солдат и заявил, что из одного окна, выходящего на улицу, какой-то господин просит подойти офицера. Я подошел, но уже человека в окне не было, а солдаты мне доложили, что тот человек, удостоверившись, что дом окружили именно солдаты, пошел отворять дверь. Действительно, возвратившись к двери, я увидал, что дверь открыта и на пороге стоит какой-то мужчина, который объясняет солдатам, стоящим перед дверью, что он не пускал их потому, что в доме есть кассы с большими деньгами и он боялся грабителей. Немедленно я вошел туда и поставил там наряд во всех комнатах при одном офицере. С другим офицером и с другой частью наряда я отправился для занятия помещения Центрального комитета в другом доме того же владения, где помещается Центральный комитет Георгиевского союза, который занял беспрепятственно.

Когда я вернулся[V] обратно в первое помещение, кем-то из присутствовавших мне было указано, что в одной из комнат помещения ощущается запах гари от бумаги, а в печке заметны следы пепла. У меня был в то время насморк, так что

I В слове *«кавалеров»* буква *«а»* вписана над строкой.

II Текст исправлен. Первоначально было: *«поручиком Дмитриевым»*.

III Слово *«я»* вписано в строку.

IV Здесь и далее в документе части слов, выделенные курсивом, впечатаны над строкой.

V Слова *«Когда я вернулся»* вписаны над зачеркнутым: *«Вернувшись»*.

запах гари я мог и не ощущать, а я действительно его и не ощущал. Но в указанной печке пепел от сожженной бумаги видел; был ли тот пепел свежий или несвежий, сказать не могу. Тогда я спрашивал и других солдат, ощущают ли они запах гари. Некоторые из них говорили, что ощущают, другие, что не ощущают. По моему мнению, сначала был обнаружен пепел в одной из печек после того, как было отдано распоряжение осмотреть все печки в помещении, и уже после того стали принюхиваться и ощущать запах гари. Фамилии бывших в том помещении я не знаю. Там оказались один поручик, два солдата, два штатских и две женщины. Обыск был произведен там часа через три по занятии мной того помещения, когда прибыли подпоручик Дмитриев и прокурор г. Лисовский. Протокол обыска и взятые при обыске документы[I] находятся у подпоручика Дмитриева. Добавляю, что все находившиеся в том помещении лица действительно были страшно перепуганы при нашем к ним появлении, а о бывшем там поручике я потом слышал, что у него на следующий день пошла кровь из ран.

В ночь на 31 августа я произвел обыск в помещении общеказачьей организации в гостинице «Петергоф» против городского манежа. Там никаких осложнений при производстве обыска не было[II].

Исправлено: «кавалеров», «подпоручик Дмитриев», «я распорядился», «объясняет», «Когда я вернулся».

Подпоручик Борис Александрович ДУНАЕВ

И.д. судебного следователя КОРЕНКОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 19–20. Подлинник. Машинопись.

№ 86

Протокол допроса помощника начальника общего отделения железнодорожного эксплуатационного отдела Управления путей сообщения при Штабе Верховного главнокомандующего В.А. Дьяконова

1 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 1-го дня судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам в камере своей допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства], и он показал:

Виталий Алексеевич Дьяконов, помощник начальника общего отделения железнодорожного эксплуатационного отдела Управления путей сообщения при Штабе Верховного главнокомандующего; 30 лет, православный, не судился, живу в гор. Могилеве.

Я член Исполнительного комитета солдатских и рабочих депутатов в городе Могилеве. Я прибыл из Могилева в Москву сегодня утром. До ночи 27 августа с.г. (на 28-ое) я почти ничего не могу Вам сообщить относительно событий, происходивших в Ставке Верховного главнокомандующего. Только обращало внимание

[I] Протоколы обысков см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 24, 26–30. Документы, изъятые при обыске, в деле не обнаружены.

[II] Далее текст написан чернилами.

на себя, что приходили в Могилев ударные батальоны, так называемые корниловцы, и проходившая на фронт артиллерия была в Могилеве задержана, но[I], не разгружаясь, была направлена по своему назначению. Также был 27 августа арестован верховный комиссар с его помощником Языковым. Потом они были освобождены, и я с товарищем Колпаковым были делегированы Исполнительным комитетом для выяснения положения и для совета с ними, что нам предпринимать. С ними мы, сохраняя конспирацию, виделись в начале 5-го часа утра на 28 августа на железнодорожных линиях около вагона Филоненко. Сначала мы беседовали с Филоненко, который нам объяснил, что один член Государственной Думы (фамилия не называлась) неверно передал Временному правительству слова Корнилова, породившие недоразумение, — причем добавил, что Корнилов никогда не стремился и не стремится к единоличной диктатуре, поэтому он, Филоненко, едет в Петроград с полной уверенностью, что все разрешится благополучно, а поэтому мы должны выжидать событий... Может быть, он и другое нам указал бы, но предварительно он спросил о наших силах и, узнав, что у нас их недостаточно, посоветовал нам быть осторожнее. После этого он нас познакомил с Языковым, представив его нам как своего товарища и сказав, что ему мы можем всецело доверять. Языков нам порекомендовал то же, что и Филоненко. В ту же ночь в городе всюду расставлялись и везде ходили патрули, конные и пешие, из ударников и текинцев. В ту же ночь выехали по неизвестному направлению несколько автомобилей. Между прочим, в числе уезжавших лиц назывался князь Голицын. На автомобиле, который сопровождал шофер (его фамилии не помню) и его помощник, член Исполнительного комитета Меньшиков, ехали горбатый господин с какой-то женщиной и при них был большой тюк. Адрес свой тот господин указал — Москва, редакция «Русского слова», причем обещал шоферам за быстроту по 100 рублей. Нашим Исполнительным комитетом был выдан Меньшикову мандат на командировку в Москву и было приказано доставить пассажиров непосредственно в Московский Совет рабочих и солдатских депутатов для выяснения личностей пассажиров и их миссии. (Ввиду сильного утомления свидетеля дальнейший допрос был отложен[II].)

Исправлено: «но».

Виталий Алексеевич ДЬЯКОНОВ
И.д. судебного следователя КОРЕНКОВ
Товарищ прокурора А.Н. ХРИСТИАНОВИЧ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 31, 31 об. Подлинник. Машинопись.

№ 87
Протокол допроса помощника начальника общего отделения железнодорожного эксплуатационного отдела Управления путей сообщения при Штабе Верховного главнокомандующего В.А. Дьяконова

2 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 2-го дня судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам в камере своей допрашивал нижепоименованного в качестве

[I] Слово «*но*» вписано над строкой.
[II] Далее текст написан чернилами.

свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства], и он показал:

Виталий Алексеевич Дьяконов (уже допрошенный).

Продолжая свое показание, я сообщаю дальнейшие события, разыгравшиеся в Ставке Верховного главнокомандующего, в хронологическом порядке.

В ночь на 28 августа нашим комитетом через особо уполномоченных лиц было установлено наблюдение за всем происходящим в Ставке и во всем городе. Между прочим, от тех уполномоченных было получено Комитетом донесение о перехваченных разговорах по полевому телефону. Во-первых[I], разговаривали два голоса — один известный, одного приближенного к Корнилову (имени его сейчас не помню), другой неизвестный. Второй голос спрашивал, как поступить с Филоненко. Голос приближенного Корнилова ответил, что сейчас он не может доложить о том генералу Корнилову, так как тот спит, «но, во всяком случае, постарайтесь затормозить отъезд Филоненко в Петроград». Во-вторых[II], разговаривали два голоса, оба неизвестные. Один спросил: «Как у вас?» Другой ответил: «Мы все в сборе». Первый голос сказал «Хорошо», и на этом разговор прекратился. В эту же ночь по телефону был нашими уполномоченными перехвачен приказ какого-то голоса из Ставки начальнику штабной типографии, чтобы к утру было напечатано какое-то воззвание. Начальник штабной типографии ответил, что он постарается отпечатать к утру 20 тысяч экземпляров того воззвания. В ту же ночь через одного из наших уполномоченных нами было дознано[III], что ночная смена типографских рабочих заявила начальнику штабной типографии о том, что они напечатают воззвание только в том случае, если оно неконтрреволюционное, а утром один солдат из той типографии (фамилии его не помню) сообщил, что рабочие отказались ночью отпечатать то воззвание, за что были арестованы, а затем были поставлены другие солдаты-наборщики, и они отпечатали воззвание, но под охраной текинцев.

В течение 28 августа были расклеены по городу следующие телеграммы, воззвания, приказы и обязательные постановления: 1) ответная телеграмма генерала Корнилова на телеграмму министра-председателя за № 4163[IV], причем последняя депеша не была нигде опубликована в городе и только распространялась нашим Комитетом через особоуполномоченных среди войсковых частей. Она была отпечатана во многих экземплярах, и к ней была приложена печать нашего Комитета, была она нами распространена также среди железнодорожных служащих и рабочих, 2) воззвание к казакам[V], 3) обращение к народу[VI], 4) приказ генерала Корнилова за № 886[VII] об объявлении Могилева и его окрестностей на расстоянии 10 верст на осадном положении и назначении комендантом осадного района полковника Квашнина-Самарина, а его помощником — командира Корниловского ударного полка капитана Генерального штаба Неженцева,

---

I Словосочетание *«во-первых»* обозначено: *«во-1-х)»*.

II Словосочетание *«во-вторых»* обозначено: *«во-2-х)»*.

III Далее зачеркнуто: *«и»*.

IV Телеграмму генерала Л.Г. Корнилова от 27 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 38. Все приложения к протоколу допроса — это листовки, отпечатанные в типографии.

V Воззвание главковерха Л.Г. Корнилова к казакам от 28 августа 1917 г. см.: Там же. Д. 27. Л. 40.

VI «Обращение к народу» главковерха Корнилова от 28 августа 1917 г. см.: Там же. Д. 27. Л. 48.

VII Приказ главковерха Л.Г. Корнилова № 886 от 28 августа 1917 г. см.: Там же. Д. 27. Л. 43.

5) обязательные постановления полковника Квашнина-Самарина[I], 6) приказ Корнилова за № 897[II]. Печатные экземпляры перечисленных документов я вам передаю.

28 августа в Могилев прибыли еще несколько[III] корниловских ударных батальонов, причем для размещения их было реквизировано одно[IV] помещение, принадлежащее Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Кажется, 28 августа (или 29-го, хорошо не помню)[V] на Губернаторской площади, в 5 часов вечера, был назначен Корниловым смотр войскам, на который прибыли все ударники-корниловцы (сколько батальонов, не знаю), затем текинцы и незначительная часть Георгиевского батальона. Корнилов обратился к ним с речью, разъясняющею положение, и предлагал идти за ним. На первый вопрос, готовы ли они идти за ним, войска ответили гробовым молчанием. И только на второй призыв войска ответили жидким согласием, главным образом офицерство. Должен оговориться, что сам я на том смотре не был и рассказываю Вам о нем со слов очевидцев.

28 августа пришла депеша Керенского с обращением к железнодорожным служащим исполнять только распоряжения Временного правительства, которая опубликована не была. На эту депешу была разослана ответная депеша Корнилова с припиской товарища министра путей сообщения Кислякова[VI] такого содержания: «Объявляю настоящую телеграмму к руководству в спокойной уверенности, что железнодорожники исполнят свой долг для спасения Родины». Печатанный служащими путей сообщения на множителе Ромео[VII] экземпляр последней телеграммы я Вам передаю. Кисляков все то время был в Ставке. По полученному из Петрограда телеграфному сообщению от своей[VIII] должности он был Временным правительством устранен.

С 28 августа телеграф при управлении путей сообщения охранялся караульными, и вход туда допускался только по особым разрешениям.

28 или 29 августа по городу Могилеву были расклеены отпечатанные копии депеш к генералу Корнилову генералов Клембовского, Щербачева, Балуева и Деникина об их верности Корнилову. Печатный экземпляр копий тех депеш я вам передаю[IX].

Ночью или на 29-ое, или на 30 августа пришли в Могилев стоявшие вблизи его Польские легионы. На следующий день часов в 10 утра им был произведен на Театральной площади города смотр. Смотр должен был произвести генерал Корнилов, но, по слухам, он был тогда болен и поручил произвести смотр от его имени какому-то другому генералу. По нашим сведениям, полученным путем переговоров с польскими легионерами, последние решили не вмешиваться

I Обязательные постановления коменданта г. Могилева полковника Квашнина-Самарина от 28 и 29 августа 1917 г. см.: Там же. Д. 27. Л. 44–45.

II Приказ главковерха Л.Г. Корнилова № 897 от 28 августа 1917 г. см.: Там же. Д. 27. Л. 42.

III Далее зачеркнуто: «*ударных*».

IV Слово «*одно*» вписано над строкой.

V Далее зачеркнуто: «*был назначен*».

VI Телеграмму главковерха Л.Г. Корнилова и товарища министра путей сообщения Кислякова № 1743 от 28 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 39.

VII Слова «*множителе Ромео*» впечатаны над строкой над зачеркнутым: «*шапирографе*».

VIII Слово «*своей*» вписано над строкой над зачеркнутым: «*его*».

IX Телеграммы генерала Клембовского № 574/А, генерала Щербачева № 493 и генерала Балуева № 10459 от 28 августа и телеграмму генерала Деникина №145 от 27 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 49.

во внутренние дела России и, во всяком случае, решили не стрелять. То же решила и польская кавалерия, стоящая в Рогачеве.

В окопах под Могилевом стоят две дивизии ударников-корниловцев, с которыми до моего отъезда связи установить не удалось. Вообще же наш комитет вел среди корниловцев и польских легионеров усиленную агитацию. К тем и другим мы выпустили массу воззваний, причем к польским легионерам на польском языке. Между прочим, наш Комитет задержал на станции проходивший через Могилев эшелон, которому было разъяснено положение дела, после чего он перешел на сторону Временного правительства. Мы также в ночь на 28-ое и 29 августа вошли в сношение с Гомелем и Оршей, куда дали указания, чтобы стоящие там войска были наготове и по нашему требованию пришли бы нам на помощь. В такие же отношения мы вошли с Москвой, Киевом и Петроградом, причем Петроград был нами еще запрошен, будет ли оттуда нам поддержка и как нам поступать — выжидать ли или выступать со своими силами.

Около 11 часов ночи на 30 августа[I] помещение солдатских и рабочих депутатов[II] (у нас было два помещения) было окружено корниловцами, у входа были поставлены часовые, никого туда не пропускавшие, а вовнутрь вошел в сопровождении солдат и офицеров не то прокурор Могилевского окружного суда, не то военный при Ставке следователь. Сам я при этом не был. В комнатах Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов вошедшие лица застали только дежурного члена Казакова, члена Комитета георгиевца Усанова и одного постороннего — студента Чернявского. Пришедшие просмотрели не вывезенные еще из[III] помещения документы и дела и, показав отпечатанную нами телеграмму Керенского, спросили, кто печатал ее. Усанов все взял на себя, после чего был арестован. На следующий день Георгиевский батальон потребовал от Ставки освобождения Усанова, на что получился ответ, что Усанов не будет освобожден до приезда Алексеева. 29-го и 30-го по разным поводам были произведены и другие аресты.

Утром 30 августа служащими Управления путей сообщения передавалось сообщение о том, что в ночь на то число военным цензором от Ставки[IV] (имени не знаю) была задержана депеша Керенского, которая не была даже передана в отделение Управления, где все сортируется.

Утром 30 августа над городом летали аэропланы, которые до этого дня не летали (аэропланы Ставки).

В течение 30 августа по городу были расклеены обязательное постановление Квашнина-Самарина относительно покупки и продажи хлеба и фуража, его обращение к народу[V] и выдержки разговора между Алексеевым и Корниловым[VI]. Экземпляры этих документов я вам передаю.

В ночь на 31 августа состоялось свидание офицера-летчика с товарищем председателя нашего Исполнительного комитета Никитским. Авиатор заявил, что авиаторы на стороне Временного правительства и что Ставка посылает в Ви-

---

I Слова «*на 30 августа*» вписаны над строкой.

II Так в тексте. Имеется в виду помещение Исполнительного комитета солдатских и рабочих депутатов.

III Слово «*из*» вписано в строку.

IV Слова «*от Ставки*» вписаны над строкой над зачеркнутым: «*в отставке*».

V «Обращение к населению» коменданта г. Могилева Квашнина-Самарина от 30 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 46.

VI Выдержки из разговора генерала Алексеева с главковерхом Корниловым от 30 августа 1917 г. см.: Там же. Д. 27 Л. 51.

тебск за бензином. Поэтому нами было дано в Витебск распоряжение арестовать посланного и не давать бензина.

В эту же ночь с заднего хода квартиры генерала Корнилова вышел плотно закутанный военный и уехал в сопровождении двух текинцев в[I] автомобиле, которым правил личный шофер Корнилова. Говорят, что в эту же ночь был минирован мост через Днепр.

31 августа утром был арестован на станции чиновник почтового железнодорожного отделения Байковский за то, что он вывесил там одну из телеграмм Керенского. Но тогда тотчас же собрались на перроне все железнодорожные мастеровые и рабочие и под угрозой прекращения работ потребовали освобождения Байковского. Он был освобожден.

При изложении событий, имевших в последнее время место в Ставке Корнилова и в Могилеве, я забыл сообщить о следующем случае: после ареста Усанова член нашего Комитета Казаков[II] ходил к прокурору Могилевского окружного суда, который объяснил Казакову, что кроме Усанова подлежат аресту по имеющемуся у прокурора списку еще шесть человек из нашего Комитета как подозреваемые в большевизме. Считаю нужным здесь указать, что в нашем Комитете вообще большевиков не имеется.

Я забыл еще сказать, что перед моим выездом из Могилева 31-го в Москву у меня была беседа с помощником Филоненко Языковым, сообщившим мне, что Морской штаб при Ставке находится на стороне Временного правительства и что мы должны оказать содействие адмиралу Бубнову, если он попросит, к выезду его из Ставки, а связь с Бубновым мы должны установить через прапорщика Лидке.

При своем отъезде из Могилева я получил от делегированного нами в Киев товарища Гайера, прибывшего тогда оттуда, что там все спокойно и что Юго-Западный фронт не даст ни одного солдата Корнилову.

Я[III] ехал из Могилева в одном вагоне с протопресвитером военного и морского духовенства Шавельским и лицом, назвавшим себя членом Могилевской продовольственной управы, в котором я подозреваю полковника Генерального штаба (на станции в Могилеве мне сказали, что там сидел переодетый полковник Генерального штаба). Из разговоров с ними я вывел заключение, что Ставка все свои надежды возлагала на корпус генерала Крымова и на войска Каледина.

Зная, что Ставка совсем не думает о сдаче, а, наоборот, стягивает войска к Могилеву, я, имея директивы и полномочия своего Комитета, указал в Орше дежурным членам местного Совета рабочих и солдатских депутатов, заявившим мне, что они уже стали направлять войска по назначениям, скапливать их в Орше до сообщения нашего из Могилева.

Добавляю еще, что начиная с 27 августа (вечера) вокруг Могилева были расставлены заставы, никого не пропускавшие, — с этого же вечера по городу усиленно стали проезжать автомобили и мотоциклетки, по городу стали ходить усиленные патрули, конные и пешие, повсюду были расставлены часовые, и почти беспрерывно стал работать радиотелеграф. С введением в городе осадного положения без особого разрешения контрразведывательного отделения Штаба Верховного главнокомандующего никто из города и в город не выпускался и не впускался[IV].

I Предлог *«в»* надписан поверх предлога *«на»*.

II Фамилия *«Казаков»* впечатана над строкой.

III Перед словом *«я»* зачеркнуто: *«В вагоне я ехал»*.

IV Далее текст написан чернилами.

Исправлено: «телеграмма», «своей», «Корнилову», «от Ставки», «связи», «Корнилова», «в», «Морского», «множителе Ромео». Зачеркнуто: «и», «ударных», «был назначен», «В вагоне я ехал». Вставлено: «одно», «на 30 августа», «Казаков».

Виталий Алексеевич ДЬЯКОНОВ
И.д. судебного следователя КОРЕНКОВ
Товарищ прокурора А.Н. ХРИСТИАНОВИЧ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 35–37. Подлинник. Машинопись.

№ 88
Протокол допроса корреспондента газеты «Русское слово» М.С. Лембича

30 августа 1917 г.

Протокол

1917 г. августа 30-го дня судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам в камере своей допрашивал с собл[юдением] 443 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства] нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Мечислав[1] Станиславович Лембич, потомственный дворянин Витебской губернии, 27 лет, католик, не судился, живу в Москве, Тверская, 48.

Я состою корреспондентом газеты «Русское слово» и командирован редакцией в действующую армию для информирования о военных событиях. Разъезжая по армиям фронта и бывая всегда в тех местах, где происходят наиболее выдающиеся события, я часто заезжал в Ставку Верховного главнокомандующего. В последний раз я приехал туда с Юго-Западного фронта, где наступило затишье, 1 сего августа. Когда началось последнее наступление германцев на Рижском фронте, я, пробыв два дня в Ставке, выехал в район 12-ой армии, отступившей от Риги. Объехав фронт в три дня, я возвратился в Могилев (в Ставку). Это было 25 августа ночью. На другой день я зашел в Штаб Верховного главнокомандующего, но ничего особенного там не заметил; все спокойно занимались своим обычным делом. Я ушел, ничего не узнав для меня интересного о положении на фронте, и весь остаток дня был занят обработкой материалов, почерпнутых мною из поездки в Венден. Закончил я свою работу 27-го и затем около полудня пошел в особое отделение Штаба, чтобы представить ее в цензуру. На исходе первого часа я встретил в Штабе полковника Генерального штаба Сахарова и попросил его, как обычно, процензуровать мою статью. Сахаров показался мне очень занятым. Он взял мою статью, взглянул на заголовок и вдруг заявил мне, что ему некогда статью цензуровать и что, кроме того, он не знаком с Рижской операцией, поэтому советует мне обратиться к полковнику Пронину. Последнего я не разыскал и обратился к первому встречному офицеру оперативного отделения, имени которого не знаю. Тот прочел статью, вычеркнул некоторые места и сказал, что в остальном статья может быть напечатана. Я не согласился с некоторыми цензорскими купюрами и пошел к полковнику Плющевскому-Плющику, занимающему должность второго генерал-квартирмей-

[1] Здесь и далее в документе имя указано ошибочно: «*Мячеслав*».

стера. Плющевский также не захотел читать статью, заявив, что ему некогда; по-видимому, он был чем-то очень взволнован, и настолько заметно, что я спросил встречного офицера, имени которого не знаю, почему так волнуется Плющевский. Тот махнул рукой, молвив, что ему теперь не до меня. Я снова пошел к Сахарову, но и на этот раз он отказался просмотреть статью, сказав, чтобы я ее оставил в Штабе до вечера. Не согласившись на последнее, я попытался, как последнее средство, процензуровать статью через полковника Голицына.

Голицын состоит в должности генерала для особых поручений при генерале Корнилове и имеет влияние в Штабе. Его я не застал в адъютантской, и меня провели в одну из комнат, где он находился. Когда я вошел, Голицын работал на пишущей машинке. Он был сильно поглощен своей работой. Увидя меня, он замахал руками со словами «Ради Бога, не мешайте, некогда». Тогда я выразил ему свое удивление, что меня отовсюду гонят, и указал на статью. Голицын, к тому времени кончивший свою работу, вскочил и, выбегая из комнаты, на ходу бросил, сильно жестикулируя, следующую фразу: «Знаю, прекрасно знаю... Ваша статья, может быть, очень важна; но есть события более важные... Узнаете потом сами». Я покинул комнату, где был Голицын, сильно озадаченный, поняв, что в Штабе происходит нечто выдающееся. Когда я сходил по лестнице, то встретил ординарца Завойко, исполняющего обязанности секретаря при Корнилове. Он был спокоен. На мои расспросы, что случилось, он ответил: «Узнаете потом», — посоветовав прийти вечером и обещав тогда все рассказать. Идя уже домой, на улице я встретил верховного комиссара Филоненко. Он шел в сопровождении своего секретаря Вонского и был чрезвычайно взволнован. Я спросил его, что случилось. Он на ходу тихим голосом ответил: «Ах, ничего особенного...» Затем случилось то, чего я не ожидал: Филоненко вошел в подъезд к Корнилову, а Вонский остался на улице. Я принялся его расспрашивать, но он упорно отказывался сообщить что-либо, в волнении хватаясь за голову. Я ушел домой, и уже в городе мне был передан слух, что Корнилов смещен. В седьмом часу вечера я снова пошел в Штаб, где была мною оставлена моя злополучная статья. Там я уже застал всех офицеров. Никто из них не занимался делом; они ходили, волнуясь и нервничая. Я смешался со всеми и стал переходить от одной группы к другой, прислушиваясь к разговорам. Мало-помалу мне стало ясно, что между Корниловым и Временным правительством произошел какой-то серьезный конфликт. Признаюсь, что это меня очень удивило, так как я считал, что Корнилов, Керенский и Савинков все время идут рука об руку. Кроме того, в Штабе упорно ходили слухи, что в недалеком будущем Корниловым и Керенским будет составлен новый кабинет, в который должны будут войти Керенский, Корнилов, Савинков, Филоненко, Набоков, Аладьин, Плеханов, Колчак[1] и другие. Все говорили там, что новое министерство действительно явится министерством спасения Родины. Монархических тенденций в Штабе я не наблюдал, но против Советов солдатских и рабочих депутатов — в особенности против петроградских — в Штабе всюду царило предубеждение. Моя статья была процензурована, но отправлять ее я уже не стал, поняв, что теперь наступают уже более важные события. Я прошел в адъютантскую комнату, где нашел большое общество офицеров; все были возбуждены, как в дни величайших событий, и страшно возмущались тактикой Временного правительства, удалившего Корнилова. Улучив, когда Голицын, Аладьин и Завойко были несколько свободны, я постарался узнать от них, что происходит. Мне дали ознакомиться с целым

[1] Фамилия *«Колчак»* впечатана над строкой.

рядом документов, относящихся к конфликту. Около 11 часов распространилось известие, что Временное правительство считает инцидент недоразумением и что, возможно, он уладится. Все успокоились, шутили и ждали дальнейших известий. Около 12 ночи была получена телеграмма Керенского, в которой Корнилов объявлялся мятежником. Это произвело чрезвычайное потрясение на присутствовавших. Некоторые говорили, что это провокация, и клялись умереть либо добиться восстановления власти Корнилова, без которого они не представляли себе[I] возможности спасения государства. Другие говорили, что теперь уже компромисс невозможен, и Корнилов должен открыто бросить вызов Временному правительству. <Тут же была написана в отсутствие генерала Корнилова первая его телеграмма с опровержением на телеграмму Керенского за № (его сейчас не помню), которая гласила: «Сообщение Керенского является ложью». Насколько помню, телеграмма эта была написана ординарцем Завойко, который прочел[II] ее всем, а затем понес ее к Корнилову для подписи и вернулся через несколько минут с подписанной телеграммой. Тогда Завойко обратился еще ко мне и к другому присутствовавшему там корреспонденту «Утра России»[155] Митропольскому со словами: «Вот Вам, господа корреспонденты, исторический документ, огласите его».>[III] Я, конечно, не замедлил снять с него копию. Тут же немедленно офицеры распределили между собой принятие предупредительных мер к охране города; по телефону было передано, что среди солдат местного гарнизона уже началась агитация против генерала Корнилова и что ночью возможны кровавые эксцессы. Вообще чувствовалось, что надвигаются грозные события. Опасаясь за бывшую со мной в Могилеве жену, я решил немедленно покинуть Могилев и ехать в Москву для доклада редакции о случившемся. Со стороны Штаба к этому препятствия не встречалось, и я выбыл в Москву на автомобиле.

Добавляю, что я слыхал в Штабе в тот день, что войска были двинуты на Петроград еще 24 августа, якобы по соглашению, как мне утверждали Завойко и Голицын, Корнилова с Временным правительством. <На Ваш вопрос отвечаю, что Завойко, кажется, хорошо известен в московских банковских кругах как делец по нефтепромышленности[IV].> Завойко ранее я не знал и познакомился с ним сравнительно недавно в Штабе генерала Корнилова. Его хорошо знает коллежский советник Полибин, находящийся на Юго-Западном фронте[V].

Исправлено: «Корнилове», «Корнилова» 2 р[аза], «теперь», «слыхал». Вставлено: «Колчак». Зачеркнуто: «власть в го», «ее». Исправлено: «страшно».

Мечислав ЛЕМБИЧ

И.д. судебного следователя КОРЕНКОВ

Прокурор суда[VI]

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 11–12 об. Подлинник. Машинопись.

I Далее зачеркнуто: *«власти в Го»*.

II Далее зачеркнуто: *«ее»*.

III Текст, заключенный в угловые скобки, подчеркнут.

IV Текст, заключенный в угловые скобки, подчеркнут.

V Далее текст написан чернилами.

VI Подпись неразборчива.

№ 89
Протокол допроса корреспондента газеты «Русское слово» М.С. Лембича

31 августа 1917 г.

Протокол

1917 года августа 31-го дня судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам в камере своей допрашивал в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства] нижепоименованного, и он показал:

Мечислав[I] Станиславович Лембич (уже допрошенный).

В дополнение к показанию моему, вчера данному, представляю Вам, по Вашему требованию, весь тот материал о выступлении генерала Корнилова, который мною был получен в Ставке Верховного главнокомандующего 27 сего августа. Материал этот представляет собою копии с подлинников, имевшихся на ленте аппарата Юза в Ставке[II].

На Ваш вопрос, какие офицеры были в Ставке в тревожные моменты, отвечаю, что, кроме полковника Голицына, я никого из них по имени не знаю; и их в Штабе Ставки, как мне кажется, я[III] раньше не видал, Сахарова, Плющевского тогда там не было. Поэтому я и не могу указать, кто из них, <т.е. офицеров, бывших тогда в Ставке>[IV], и какие роли на себя взял. Что касается Сахарова и Плющевского, то мое указание на них носит случайный характер. Волнение[V], которым они как будто были при встречах со мной охвачены, я не могу приписать тому, что они были соучастниками какого-либо заговора против Временного правительства и революции. Как офицеры Генерального штаба они не могли не знать о тех переговорах, которые велись в тот день между представителями Временного правительства и Корниловым. Эти переговоры конфликтного характера, несомненно, волновали весь Штаб, а тем более лиц генералитета.

Добавляю, что, кроме указанной выше переписки, я никаких воззваний генерала Корнилова и других каких-либо документов из Могилева не вывез[VI].

Вставлено: «т.е. офицеров, бывших тогда в Ставке». Зачеркнуто: «которым я», «их». Исправлено: «Корниловым», «Корнилова».

Мечислав ЛЕМБИЧ

И.д. судебного следователя КОРЕНКОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 13. Подлинник. Машинопись.

I В документе имя указано ошибочно: «*Мячеслав*».

II Материалы о выступлении Л.Г. Корнилова, переданные Комиссии Лембичем, см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–18.

III Далее зачеркнуто: «*их*».

IV Текст, заключенный в угловые скобки, впечатан над строкой.

V Далее зачеркнуто: «*которым я*».

VI Далее текст написан чернилами.

Дело командира 14-й Донской казачьей особой сотни подъесаула С.В. Овсянкина[156]

№ 90
Протокол допроса командира 28-й Донской казачьей отдельной сотни А.И. Китайского

5 сентября 1917 г.

Протокол

1917 г. сентября 5-го дня судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам в камере своей допрашивал с собл[юдением] 443 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства] нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Ананий Иванович Китайский, есаул, командир 28-ой Донской казачьей отдельной сотни, 42 лет, православный, не судился, живу в доме английского госпиталя на углу Вознесенской и Немецкой улиц.

В конце прошлого месяца, — какого числа, не помню, — но после уже слухов о выступлении генерала Корнилова, в Московском комендантском управлении я увиделся с адъютантом нашего атамана генерала Каледина есаулом Епифановым. Зачем он приезжал в Москву, мне совершенно не известно, и о том у меня с ним не было никакого разговора. Но при встрече тогда у коменданта (в его управлении) я беседовал с ним о выступлении генерала Корнилова. Есаул Епифанов мне сообщил, что у нас на Дону о выступлении Корнилова ничего не известно и что генерал Каледин объезжает верхние округи, исследуя вопрос о голоде. Из последнего обстоятельства я вывел заключение, что и Каледин ничего о выступлении Корнилова не знал. Тогда же есаул[1] Епифанов спросил меня, как настроена моя сотня. И когда узнал от меня, что моя сотня держится спокойно, заметил: «Ну, так и держитесь спокойно и выжидайте, какие будут последствия событий!» Ни о каких директивах Епифанов со мной не говорил. И я думаю, что в предъявленном Вами мне письме подъесаула Овсянкина к прапорщику Костину от 30 августа с.г. говорится о таких директивах или ложно, или Епифанов беседовал с Овсянкиным о таких директивах не при мне. С Епифановым тогда я виделся не при Овсянкине, но потом нам случилось беседовать и втроем, и ничего особенного в тех беседах сказано никем не было. В тот же день, после моего свидания с Епифановым, я с подъесаулом Овсянкиным являлись по вызову к командующему Московским военным округом, нынешнему военному министру генералу Верховскому. Генерал Верховский, гарантируя нам полную неприкосновенность и обещая, что он предоставит нам вагоны для выезда на Дон, если мы стали на сторону генерала Корнилова, спросил нас, на чьей мы стороне будем держаться, на стороне Временного правительства или на стороне генерала Корнилова. И я, и Овсянкин ему ответили, что мы будем нейтральны до выяснения положения и получения от своего войскового начальства распоряжения. На вопрос затем Верховского, подчинимся ли мы его распоряжениям, если он нас вызовет для усмирения уличных беспорядков, я ответил (видимо, молчаливо со мной соглашался и Овсянкин), что для усмирения уличных беспорядков мы по его приказанию выедем, но ни

[1] Далее зачеркнуто: *«может быть»*.

в каких[I] событиях, связанных с политическими вопросами, участвовать не будем. Мы, как казаки, считаем для себя обязанными подчиняться решительно во всем нашему Казачьему кругу, и другого ответа генералу Верховскому казаки дать не могли[II]. Хитрить нам нечего было, так как генерал Верховский, обещая нам неприкосновенность и проезд на Дон, говорил нам, что он не намерен насиловать наших убеждений и обращается к нам с полной откровенностью как к офицерам Русской армии.

Странным мне кажется в предъявленном Вами мне письме Овсянкина к Костину, что Овсянкин хотел агитировать в пользу генерала Корнилова, и особенно странным, что он хотел агитировать таким образом среди солдат, которые не являются членами нашей тесной казачьей семьи, среди которой еще возможно допустить было не агитацию в пользу генерала Корнилова (без приказания нашего Казацкого[III] круга), а только беседы по разъяснению положения[IV].

Зачеркнуто: «может быть», «хитри».
Исправлено: «затем», «каких».

Есаул Ананий Иванович КИТАЙСКИЙ
И.д. судебного следователя КОРЕНКОВ
Товарищ прокурора[V]

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 88. Л. 11, 11 об. Подлинник. Машинопись.

№ 91
Протокол допроса прапорщика 14-й Донской казачьей особой сотни М.П. Костина[VI]

3 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 3-го дня в г. Москве товарищ прокурора Московского окружного суда[VII] *опрашивал нижепоименованного, и он объяснил:*

Я, Михаил Петрович Костин, прапорщик 14-ой особой Донской казачьей сотни, православный, 32 лет, не судился, живу временно в г. Коломне, где стоит моя полусотня.

Моей сотней командует подъесаул Овсянкин. Я неоднократно обращался к нему с просьбой устроить так, чтобы полусотню перевели в Москву. Такая просьба была вызвана экономическими затруднениями казаков, переведенных совершенно экстренно в Коломну для подавления беспорядков и не захвативших с собою даже белья. Переговоры с Овсянкиным я вел по телефону. Ника-

---

I Слово исправлено. Первоначально было: *«какие»*. Часть слова, выделенная курсивом, вписана чернилами.

II Далее зачеркнуто: *«хитри»*.

III Так в тексте.

IV Далее текст написан чернилами.

V Подпись неразборчива.

VI Протокол допроса судебным следователем Московского окружного суда по особо важным делам Коренковым М.П. Костина от 15 сентября см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 88. Л. 35, 35 об.

VII Далее фамилия неразборчива. Возможно: *«Павлинов»*.

ких разговоров на политические темы, напр[имер], по вопросу о том, какую позицию (примет) займет казачество в столкновении Корнилова с Временным правительством, я с ним не вел. Я лично поступил так: как только Корнилов выступил, я созвал своих казаков и сказал им, что мы присягали Временному правительству[I], должны быть верны присяге и в случае надобности с оружием в руках выступить против изменивших присяге казаков. Ни о каком нейтралитете речи не было. В этом смысле мы сделали заявление начальнику Коломенского гарнизона подполковнику Маслову, когда он нас по этому поводу запросил. Наше заявление было отдано в приказ по Коломенскому гарнизону и телеграммой было сообщено начальнику штаба округа. Я ознакомился с содержанием предъявленного мне Вами в копии письма от 30 августа с.г., начинающегося словами: «Михаил Петрович, на все мои попытки», — и т.д. за подписью Овсянкина я заявляю: 1) что такого письма я не получал и никогда с Овсянкиным разговора по поводу воззвания Корнилова не имел, так что письмо это является для меня полной неожиданностью; 2) что я ни в каком случае не последовал бы совету Овсянкина агитировать среди казаков и солдат в пользу Корнилова; 3) что к выступлению Корнилова, как изменившего присяге, я отношусь отрицательно и категорически утверждаю, что ни на минуту не задумался бы исполнить приказание Временного правительства, если бы пришлось усмирять восставших против него солдат.

В настоящем протоколе неверно записано, что я неоднократно обращался к Овсянкину с просьбой о переводе. Такой разговор был только один раз. Должен сказать еще, что Овсянкина я очень мало знаю; он только за неделю до моего перевода в Коломну приехал в сотню из Новочеркасска, и его политических убеждений я совершенно не знаю. Я по своим политическим убеждениям издавна уже принадлежу к республиканцам. Прочитано.

Прапорщик 14-ой Донской казачьей особой сотни
Михаил Петрович КОСТИН
Товарищ прокурора[II]

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 88. Л. 2–2 об. Подлинник. Рукопись.

№ 92
Протокол допроса командира 14-й Донской казачьей особой сотни С.В. Овсянкина[III]

4 сентября 1917 г.

Протокол допроса обвиняемого

1917 года сентября 4-го дня судебный следователь Московского окружного суда[IV] *по особо важным делам в камере своей допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого с соблюдением 403 ст. Уст[ава] уголовного суд[опроизводства], причем он показал:*

I Далее зачеркнуто: *«и»*.

II Далее подпись неразборчива. Возможно: *«А. Павлинов»*.

III Показания С. В. Овсянкина от 3 сентября 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 88. Л. 3–4; от 29 сентября — Там же. Д. 88. Л. 42, 42 об; от 30 сентября — Там же. Д. 88. Л. 43, 43 об.

IV Далее зачеркнуто: *«камере своей»*.

Вопросы	Ответы
1. Имя, отчество и фамилия	Семен Васильевич Овсянкин
2. Возраст во время совершения преступления	23 лет
3. Звание (состояние, сословие, чин, где служил, имеет ли знаки отличия и какие, отбыл ли воинскую повинность: если запасный или отставной военный чин, то когда вышел в запас или получил отставку)	Подъесаул, командир 14-ой Донской казачьей особой сотни
4. Место рождения: а) губерния, б) уезд или город	Город Новочеркасск
5. Постоянное местожительство (временное пребывание)	Там же
6. Рождение	Брачного
7. Народность и племя	Донской казак
8. Религия	Православный
9. Какое получил образование: а) высшее или среднее, б) грамотен или не грамотен	Кончил Новочеркасское казачье училище
10. Семейное положение (холост, женат, вдов, разведен, имеет детей, если малолетний, то живет ли при родителях, сирота, подкидыш и т.п.)	Женатый, бездетный
11. Занятие во время совершения преступления: а) чем именно занимался, б) хозяин, работник, служащий	
12. Имел ли недвижимое имущество	Нет
13. Особые приметы	Нет
14. В каких отношениях состоит к пострадавшему от содеянного преступления	
15. Прежняя судимость	Не судился

По существу предъявленного обвинения допрашиваемый объяснил:

Я не признаю себя виновным в том, что, задумав по предварительному уговору с другими, следствием еще не установленными, лицами произвести насильственным путем изменение существующего государственного строя России, а также смещение органов верховной в государстве власти, в целях содействия поднявшему знамя восстания генералу Корнилову, 30 августа сего года переслал прапорщику Костину, стоявшему с частью 14-ой казачьей Донской особой сотни в городе Коломне, воззвание генерала Корнилова, заключающее в себе призыв к бунту против Временного правительства, и письмо, в котором склонял Костина к распространению указанного воззвания среди Коломенского гарнизона, т.е. в преступлении, предусмотренном 51 и 100 ст.ст. Угол[овного] улож[ения].

Предъявляемое Вами мне письмо от 30 августа сего года, начинающееся словами: «Михаил Петрович. На все мои попытки...»[157] — и подписанное «С. Ов-

сянкин», написано мной. Это письмо было мной написано вследствие того, что из Коломны приехал наш казак Чернышев, который возвращался 30 августа в Коломну. А тогда наш прапорщик Костин по телефону из Коломны просил меня сообщить, какие у нас имеются новости. Так как по телефону разговаривать было трудно, — ничего не было слышно, — то я и написал Костину указанное письмо. Прежде всего я должен заявить Вам, что я всецело подчиняюсь и подчинялся Временному правительству, что я данной мной присяги скоро не меняю и что я всегда стоял за порядок. Никакой с моей стороны агитации против Временного правительства и после выступления генерала Корнилова не было. Все это могут подтвердить как казаки, так и офицеры моей сотни. Я просил только моих казаков не становиться ни на какую сторону. Стать на сторону Временного правительства нас связывало подчиненность нас, казаков, нашему Войсковому кругу, а по газетам генерал Каледин стал на сторону генерала Корнилова, — чего, повторяю, без разрешения Войскового круга[I] всего казачества российского сделать он не мог бы. Поэтому мы, казаки в Москве, попали в очень странное положение, не зная, чего держаться. Бывший в то время в Москве адъютант генерала Каледина есаул Епифанов приказал нам тогда оставаться совершенно <спокойными, без нарушения порядка>[II]. Мы так и решили поступить. Когда нас вызвал к себе, меня и командира 28-ой Донской казачьей сотни есаула Китайского, бывший командующий войсками Московского военного округа генерал Верховский и спросил нас, за кого мы, обещаясь, что в случае если мы стоим на стороне генерала Корнилова, выслать нас свободно за пределы Московского военного округа, мы ему ответили, что мы останемся совершенно нейтральными до распоряжения нашего Войскового круга. Выбить из меня то, что я донской казак, невозможно; и если бы наше все казачество стало по приказанию нашего круга на сторону генерала Корнилова, то, конечно, и я должен был бы этому подчиниться. Так я должен был бы поступить по заветам казачества. Как бы я поступил в таком случае, я не знаю. Думаю, что это решили бы все находящиеся в Москве казаки, т.е. поступить так или иначе. В таком случае мое личное убеждение осталось бы при мне. И думаю, что все-таки не так бы легко я изменил бы данной мною присяге. В начале указанного письма я писал Костину, что ясно, почему Верховский не хочет приводить нашу полусотню и других казаков в Москву. Я высказывал здесь свою догадку, что генерал Верховский опасался появления казаков в Москве, чтобы не вызвать этим толков среди солдат, у которых с казаками уже появились недоразумения.

Фразой, что дела идут пока хорошо, я хотел сказать, что идут хорошо пока дела в Москве, где порядок не нарушается. Телеграмму Корнилова, которую я послал Костину, я поднял в Москве, на улице, их валялось много. В той телеграмме никакого призыва генерала Корнилова против Временного правительства не заключалось. В ней указывалось на то, что народ должен еще[III] спокойно пережить одно испытание, выпавшее на долю Родины. И если я просил Костина распространять ее осторожно среди солдат, так только имея в виду, что солдаты подозрительно относились к казакам, так, из газет было видно, что казаки стали на сторону генерала Корнилова. Фраза в письме[IV] об агитации в пользу генерала Корнилова написана случайно и не так, как я хотел выразить-

---

I Далее зачеркнуто: *«Донского казачьего»*.

II Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над зачеркнутым: *«нетра нейтральными»*.

III Так в тексте.

IV Слово *«письме»* вписано над зачеркнутым: *«пичме»*.

ся. В этой фразе пропущено слово «телеграмма», стало быть, я хотел написать: «в пользу телеграммы генерала Корнилова», — т.е. в пользу порядка и спокойствия. Последними словами моего письма: «В будущем я Вам все сообщу. Теперь нужно молчать. Грядущие события покажут, как нам нужно действовать», — я хотел именно сказать то же, что теперь показал Вам и о нашем нейтралитете, а также и о том, что, по моему мнению, мятеж генерала Корнилова будет ликвидирован бескровно, и мы останемся по-прежнему в подчинении Временному правительству, и я не верил, чтобы в конце концов казаки стали бы на сторону[I] генерала Корнилова[II].

Зачеркнуто: «в камере своей», «Донского казачьего», «нейтра», «Временного прави».

Исправлено: «спокойными, без нарушения порядка», «письме».

Командир 14-ой Донской казачьей особой сотни
подъесаул ОВСЯНКИН

И.д. судебного следователя КОРЕНКОВ

Присутствовал товарищ прокурора[III]

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 88. Л. 8–9 об. Подлинник. Машинопись. Бланк Московского окружного суда.

I Далее зачеркнуто: *«Временного прави»*.

II Далее текст написан чернилами.

III Далее подпись неразборчива.

РАЗДЕЛ IV. АРМЕЙСКИЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ КОМИССИИ. СЛЕДСТВЕННЫЕ КОМИССИИ СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ

1. Чрезвычайная следственная комиссия по делу об участниках заговора генерала Корнилова в районе Северного фронта[158]

Дело начальника 1-й Донской казачьей дивизии Грекова[159]

№ 93

Показание есаула Петра Андреевича Бирюкова[I]

18 сентября 1917 г.

18 сентября 1917 г. стояли мы в Пскове. Было получено приказание погрузиться. Корпус вызывался распоряжением Вр. правительства (как выяснилось, где теперь при нашем представлении к министру-председателю), в тот же момент не было известно, откуда исходили приказания. Нам объяснили только при погрузке, что мы едем до Гатчины и Волосово.

Прибыв в Лугу, узнали, что впереди разобрали путь. Получен был приказ выгрузиться. Отошли к одной деревне и там пробыли день и ночь. Потом началось движение походным порядком на Гатчину через Лугу.

Подойдя к Луге, как мне говорили, была встречена[II] группа людей[III] от Лужского гарнизона. Движение остановилось. Командир корпуса вызвал по одному представителю от комитетов, которые, возвратившись, сказали, что командир корпуса, опасаясь <могущих быть недоразумений>[IV], решил идти в обход Луги <и что дальше Гатчины он не пойдет до тех пор, пока не вернутся наши делегаты из Петрограда>[V]. После этого стали появляться слухи, что мы идем не для той цели, для которой вызывались[VI].

I Заголовок документа.

II Далее зачеркнуто: *«отряд»*.

III Слова *«группа людей»* вписаны над строкой.

IV Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над зачеркнутым: *«столкновений»*.

V Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

VI Далее зачеркнут текст: *«Подходя к одной деревне, где заночевали, распространился слух, что мы не пойдем в Петроград до тех пор, пока не возвратится наша делегация из Петрограда»*.

Во время чтения приказа по корпусу ген. Грековым я не присутствовал, я был в своей части, в батарее.

Не только в те дни, но и теперь, отвечая на вопрос, шел ли ген. Корнилов против Вр. правительства или за него, я затрудняюсь, так как этим вопросом я не занимался. Я исполнял приказ, исходящий от начальства. Вообще я слыхал много слухов в те дни, даже видал листок <на одной из станций>[I], в котором говорилось о задержке эшелонов на Петроград, но всему этому значения не придавал, так как[II] знаю по опыту, как мало можно доверять разным слухам и газетным сведениям. Официально я узнал о событиях из приказа по корпусу. В оценку этого приказа и в обсуждения его я и те офицеры, с которыми мне приходится сталкиваться, не входили. Он выполнялся нами безотчетно. Мне во время походного движения приходилось докладывать ген. Крымову и пред[седателю] дивизионного комитета. В один из таких докладов я присутствовал при разговоре полковника Самарина, который, мне помнится, говорил так генералу Крымову: «Вас приглашают прибыть в Петроград министр-председатель и генерал Алексеев[III] как Спасителя Отечества, причем гарантируют Вам беспрепятственный въезд и выезд»[IV]. За точность этих слов я не ручаюсь, но мысль была такова.

Генерал Греков, безусловно, не был посвящен в замыслы Корнилова, так как, если б он знал хоть что-нибудь, он[V] поделился бы этим с командирами частей. По-моему, он был в таком же неведении, что и мы.

При объявлении разного рода приказов в эти дни ген. Грековым я не присутствовал. К войсковым организациям, к комитетам ген. Греков относился с должным вниманием, препятствий абсолютно не чинил, а шел навстречу комитетам.

На первой странице сделаны три вставки и зачеркнуты слова: «подходя ... из Петрограда» по моей просьбе.

Есаул БИРЮКОВ

Показания приняты Чрезвычайной следственной комиссией Северного фронта.

Председатель Вл. ВОЙТИНСКИЙ
Члены КОРОЛЕНКО
АЛКСНИС
Секретарь ГУСЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 81. Л. 13–14. Подлинник. Рукопись.

№ 94
Показание начальника 1-й Донской казачьей дивизии Грекова[VI]

14 сентября 1917 г.

14 сентября 1917 г. мы были весною в Ананьеве, и там вступил в командование корпусом генерал Крымов. Тут я его увидел впервые. Потом мы опять

I Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над зачеркнутым: *«в Луге»*.
II Слово *«как»* вписано над строкой.
III Далее зачеркнуто: *«причем»*.
IV Далее зачеркнуто: *«Слова эт[и]»*..
V Далее зачеркнуто: *«обязятельно»*.
VI Заголовок документа.

были в Бессарабии, где были до весны. После этого были в Волочиске, стояли там для боевых операций. А потом в середине августа нас перебросили в Псков. Для меня было непонятно, зачем нас сюда перекинули. На бивуаке в Пскове нами и было получено предписание 26 августа от генкварсева № 4370 о том, что моя дивизия должна быть готова к отправлению 27 августа. Генерала Крымова здесь не было. После этого предписания было второе в виде разъяснения генерала Крымова за № 6340.

Начальник штаба дивизии[I] полковник Попов доложил мне, что по словесному приказу из штаба корпуса 1-ая Донская дивизия должна погрузиться не 27-го, а 26-го. В момент погрузки мне донесли, что прибыл генерал Крымов, я к нему явился, он спрашивал, началась ли погрузка, я ответил утвердительно. Он объяснил мне, что корпус предназначается для действий против ожидавшихся большевистских беспорядков в Петрограде, а может быть, на побережье. Кажется, он так же говорил и казакам. Генерал Крымов отправился с головным полком № 15[II].

Никаких распоряжений о порядке движения эшелонов и внутреннем порядке я не делал[III], кроме обычных распоряжений. Казакам, чтобы они не разговаривали с посторонними, приказа не давал.

Никаких препятствий до Луги у нас не было.

В Луге из разговоров я узнал, что будто бы получена телеграмма, что наши эшелоны в Петроград не пропускаются. Генерал Крымов выяснял положение (28 августа) и приказал нам, что главковерх приказал во что бы то ни стало двигаться вперед.

Потом генералом Крымовым получена была телеграмма Керенского. Генерал Крымов по поводу ее относительно продолжения движения переговаривал из Луги с Псковом с командированным туда для выяснения у главкосева генералом Дитерихсом[IV]. После переговоров он установил, что необходимо продвигаться дальше. Перед отправкой генерал Крымов проходил между эшелонами и обращался к казакам с речью, что «в Казани взрывы, в Петрограде тоже, по слухам, предполагается, и вот для водворения порядка мы и едем туда, нам приказывает это Верховный, ваш несменяемый вождь генерал Корнилов». Почти такие же слова были им объявлены в приказе № 128 (§ 4)[160].

Уехать мы не могли, т.к., получив[V] известие, что разобран путь.

Я помню, что у генерала Крымова была делегация от Лужского Совета депутатов и начальника гарнизона, артиллерийского генерала. Я находился в это время у генерала Крымова, но при выходе делегации он просил всех присутствующих удалиться.

Ко мне никакие делегации не приходили. Казачий комитет[VI] не раз[VII] обращался <о посылке делегатов в Петроград в Союз казаков, но комкор отказал>[VIII]. Отдельные казаки, просив разъяснения, назначен[IX]. Обращался[X] урядник Дол-

---

I Слово *«дивизии»* вписано над зачеркнутым: *«корпуса»*.

II Текст *«полком № 15»* вписан над зачеркнутым: *«эшелоном»*.

III Далее зачеркнуто: *«сверх случаев»*.

IV В тексте фамилия напечатана ошибочно: *«Дидерихсом»*.

V Так в тексте.

VI Далее зачеркнуто: *«тоже»*.

VII Слово *«раз»* вписано над строкой.

VIII Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

IX Так в тексте.

X Слово *«обращался»* вписано над строкой.

гопятов[I] <через подъесаула Грекова>[II], но т.к. я сам ничего не знал <и не мог разъяснить делегации>[III], то вместе с подъесаулом[IV] Грековым <и ур[ядни]ком Долгопятовым>[V] обратился к командиру корпуса. На вопрос, что пути разрушены, и как быть, если нас будут задерживать силой, генерал Крымов ответил, <обратясь к Долгопятову>[VI]: «На Вас Георгиевский крест, на мне он тоже есть, опасности мы не боимся». На предложение послать в Петроград делегацию из казаков генерал Крымов ответил отказом и сказал, что когда пойдем к Петрограду, то мы вызовем, и к нам из Петрограда же приедет делегация из Союза казачьих войск, мы тогда с ней и будем разговаривать.

Вечером приказано было выгрузиться и расположиться на ночь бивуаком около Луги.

В ночь с 29-го на 30-е командир корпуса выпустил приказ о движении походным порядком. Этот приказ (копия при сем прилагается[161]) я читал своим казакам, но своих слов я не говорил. <Сказал только, что командир корпуса считает приказ боевым, и кто согласен с этим, кто считает приказ не подлежащим сомнению, тот пусть выйдет ко мне. Сначала, очевидно, не поняли, но потом вышли все, остался только один урядник Иванов и еще один мотоциклист, которые говорили, почему мы идем воровским способом, крадучись ночью[VII], и для какой цели. Я объяснил словами генерала Крымова, что ночью можно ожидать пройти без трений и столкновений с Лужским гарнизоном.>[VIII]

Лично я почти безотчетно выполнял приказы генерала Крымова, так как приходилось испытывать в эти дни сильное волнение.

13-ый полк в ночь эту, с 29-го на 30-е число, идти в Петроград отказался. Я доложил командиру корпуса, и он приказал мне ехать туда и выяснить, в чем дело. Когда я приехал, вслед за мной приехал и генерал Крымов. Он приказал собрать представителей от всех полковых комитетов. Собравшимся представителям генерал Крымов объявил, что на первый раз он прощает, но при повторении он будет поступать как с не исполнившими боевой приказ. После объяснения с полковыми комитетами отказался от своего желания идти через Лугу и решил двигаться с 8 часов утра обходным путем в Гатчину. Во время одного из привалов[IX] ко мне обратился председатель дивизионного комитета есаул Бирюков и просил разрешения послать в Петроград делегацию. Я ему ответил, чтобы собрали все комитеты для заявления об этом командиру корпуса. Немного спустя получился приказ собраться у командира корпуса всему командному составу и комитетам. Когда все собрались, генерал Крымов объявил, что прибыл из Петрограда полковник Самарин, который предлагает ему поехать в Петроград. По словам полковника Самарина, ему обещают беспрепятственный въезд и выезд. Генерал Крымов спрашивал, ехать ли ему или нет. Мы ответили утвердительно. Тогда он приказал выбрать представителей от комитетов для совместной с ним поездки. По отъезде генерала Крымова (около 6 часов вечера),

---

I Фамилия исправлена. Первоначально было: *«Долгочеров»*.

II Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

III Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

IV Слово *«подъесаулом»* вписано над зачеркнутым: *«генералом»*.

V Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над зачеркнутым: *«к какому дому прежде всего»*.

VI Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

VII Слово *«ночью»* вписано над строкой.

VIII Текст, заключенный в угловые скобки, отчеркнут на полях красным карандашом.

IX Так в тексте.

ночью, когда мы расположились *квартиро*бивуаком[I] у станции Оредеж[II], прибыл из Петрограда полковник Ерендаков, который пригласил весь командный состав для представления министру-председателю и представителей от комитетов. В тот же день утром мы тронулись в Петроград, куда прибыли около четырех часов дня. Лично ко мне никаких делегаций не приходило. В Пскове представители Псковского Совета депутатов у меня не были. О заговоре Корнилова я не знал, и обо всей картине событий я узнал уже во время приезда полковника Самарина. Вспоминаю, что командир корпуса приказывал ставить на паровозы (начинали от Пскова) двух казаков на случай забастовки машинистов. Он также приказал, и я его приказ передал казакам, что если мы будем в Петрограде и нести там службу в более тяжелых условиях, то будем получать усиленное жалованье или суточные[III]. Это незаконно, и я не знал, на чем основывался генерал Крымов.

У меня с казаками отношения были хорошие, обращаясь ко мне, были всегда корректны. Никакого приказа, чтобы посторонние лица разговоры с комитетами вели только с моего разрешения, я не давал.

Оружие в Псковском артиллерийском складе наполнение недостающего[IV], ручные ружья-пулеметы были взяты нами по приказу штаба корпуса. Больше ничего не брали. Может быть, и требовали, но только помимо меня[V], пополняясь в недостающем.

При разговоре с министром-председателем я говорил, что 1-ая Донская дивизия шла отнюдь[VI] не с желанием свергать Вр. правительство.

При прочтении приказа по корпусу № 128 я не произносил фразы, что: «Я иду за Корнилова, и кто за мной — тот за мою спину». А говорил, как указано выше[VII].

Все поправки, сделанные чернилами, сделаны собственноручно мною.

Генерал-майор ГРЕКОВ

Показание принято: Чрезв[ычайной] следственной комиссией Сев[ерного] фронта.

Председатель Вл. ВОЙТИНСКИЙ

Члены В. КОРОЛЕНКО
АЛКСНИС

Секретарь ГУСЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 81. Л. 3–4 об. Подлинник. Машинопись.

I Так в тексте. Часть слова, выделенная курсивом, вписана над строкой.
II Далее зачеркнуто: *«уже»*.
III Слова *«или суточные»* вписаны над строкой.
IV Так в тексте.
V Далее предложение дописано от руки.
VI Слово *«отнюдь»* вписано над строкой.
VII Далее текст вписан чернилами.

№ 95
Дополнительное показание начальника 1-й Донской казачьей дивизии Грекова[I]

20 сентября 1917 г.

1917 года сентября 20 дня показываю дополнительно:

Утверждаю, что по прочтении мною казакам приказа по корпусу № 128 я сказал: «У кого приказ не вызывает сомнений — выходите[II] ко мне». Сказано мной это было потому, что я хотел выяснить мнение и отношение к приказу со стороны казаков, чтобы, опираясь на это мнение, обратиться вместе с ними к командиру корпуса за разъяснением положения дела. Я неоднократно обращался к ген. Крымову с просьбой (и во время похода) послать делегации в Петроград, и, между прочим, ночью, когда ген. Крымов был в 13-ом полку, при одной из моих просьб, кажется, присутствовал мой начальник штаба полковник Попов. Категорически утверждаю, что я исполнял приказания ген. Крымова, а не ген. Корнилова, и о замыслах последнего я не имел понятия. Я, как коренной казак, никогда не пошел бы против желания своих казаков и всегда старался опираться на[III] мнение Войскового круга.

Генерал-майор ГРЕКОВ

Показания приняты Чрезвычайной следственной комиссией Северного фронта.

Председатель Вл. ВОЙТИНСКИЙ

Члены В. КОРОЛЕНКО
Р. АЛКСНИС

Секретарь ГУСЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 81. Л. 26, 26 об. Подлинник. Рукопись.

№ 96
Показание начальника конно-саперной команды 1-й Донской казачьей дивизии подъесаула Грекова

18 сентября 1917 г.

Начальник конно-саперной команды 1-ой Донской казачьей дивизии подъесаул Греков 18 августа[IV] показываю:

Лично я не знаю, обращались ли к ген. Грекову представители демократических организаций, но последние обращались ко всем проходящим офицерам, казакам и обращались лично ко мне. Я по этому поводу обращался к начальнику дивизии ген. Грекову с просьбой объяснить происходящее, последний ответил, что он сам никого не знает, и предложил вместе пойти к ген. Крымову. Я пошел с ген. Грековым, взяв [с] собою члена командного комитета, урядника Долгопятова. Ген. Греков доложил ген. Крымову, что начальник команды вме-

---

I Заголовок документа.

II Далее зачеркнуто: *«за»*.

III Далее зачеркнуто: *«их»*.

IV Так в тексте. Ошибочно указана дата. Правильно: 18 сентября.

сте с членом комитета просит выяснить положение и послать делегацию в Петроград. Ген. Крымов ответил, что делегацию сейчас он не может послать, так как если мы по желанию всех организаций от всех остановок пошлем делегации, то от всей дивизии ничего не останется. «Пойдем в Гатчину, вышлем оттуда делегацию, и я обещаю, что до ее возвращения ни шага не сделано дальше». Я присутствовал при чтении приказа по 3-му кавалерийскому корпусу за № 128 ген. Грековым командам штаба дивизии. Ген. Греков читал приказ громким, отчетливым голосом, как обычно, не подчеркивая и не отделяя[I] отдельных мест приказа. Прочитав приказ, ген. Греков сказал: «В ком приказ не возбуждает сомнения — тот за мной». Вышли все офицеры, казаки — нет. Ген. Греков сказал: «Что же, одни офицеры?» Тогда казаки все вышли[II], за исключением казака Иванова и мотоциклиста[III]. Тем дело и кончилось.

Подъесаул ГРЕКОВ

Дополнительно показываю. Когда ген. Греков прочитал приказ № 128, кажется, он сказал, что командир корпуса приказал выступать в 10 или 12 ч. ночи (точно не помню), и затем сказал: «У кого приказ не вызывает сомнения, тот за мной». Никаких разъяснений приказа ген. Греков не давал.

Подъесаул ГРЕКОВ

Показания приняты Чрезвычайной следственной комиссией Северного фронта

Председатель ВОЙТИНСКИЙ

Члены КОРОЛЕНКО
Р. АЛКСНИС

Секретарь ГУСЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 81. Л. 17, 17 об. Подлинник. Рукопись.

№ 97
Показание урядника Долгопятова[IV]

19 сентября 1917 г.

1917 г. сентября 19 дня я, урядник Долгопятов, показываю:

Я член полкового комитета при штабе 1-ой Донской казачьей дивизии. По прибытии в Лугу я считал, что нужно выяснить положение дела. Я ходил в полки, желая побудить других, чтобы были посланы делегаты в Совет рабоч[их] и солдатск[их] депутатов, но меня встречали казаки враждебно и кричали, что я провокатор и что меня надо арестовать. С тем же я обращался к старшему адъютанту дивизии подъесаулу Ожогину, который пошел и доложил начальнику штаба. Возвратясь, он заявил, что будут читать приказ о присоединении всех фронтов к ген. Корнилову, и идите к своим частям. Так как этот приказ не читали, то я пошел снова к начальнику штаба дивизии. По дороге я встретил начальника дивизии и подъесаула Грекова, последний позвал меня к ген. Кры-

[I] Далее зачеркнуто: *«один»*.

[II] Слово *«вышли»* вписано над строкой.

[III] Далее зачеркнуто: *«Хряпкина»*.

[IV] Заголовок документа. В документе должность Долгопятова не указана.

мову, которого я просил послать делегацию в Петроград. Генерал Крымов ответил, что нужно исполнить приказ ген. Корнилова, что если мы на каждой остановке будем посылать делегаты[I], то от дивизии ничего не останется, а когда приедем в Гатчину, тогда пошлем. Тогда я попросил разрешения собрать выборных от полков, чтобы обменяться мнениями между собою, а также с Лужским Совет[ом] солд[атских] и раб[очих] депутатов. Ген. Крымов ответил, что приказ ген. Корнилова двигаться — боевой, и нельзя, и нет времени обсуждать со всеми Исполнительными комитетами. Я присутствовал при прочтении начальником дивизии приказа по корпусу № 128. Первую часть этого приказа он читал тише, а вторую часть, где говорится о ген. Корнилове, читал громко с повышенным голосом, патриотическим. По прочтении приказа ген. Греков сказал: «Я иду по приказу ген. Корнилова, и кто желает идти за ген. Корнилова, тот — за мою спину». Вышли офицеры, казаки остались. Ген. Греков воскликнул: «Что же! Одни офицеры?» Тогда вышли все казаки, в том числе и я. Остался один Иванов и Хряпкин. К ним он обратился со словами: «Вы малодушны, останьтесь здесь». И велел записать фамилии Иванова и Хряпкина для доклада ген. Крымову.

Урядник ДОЛГОПЯТОВ

Показания приняты Чрезвычайной следственной комиссией Северного фронта

Председатель Вл. ВОЙТИНСКИЙ

Члены В. КОРОЛЕНКО
Р. АЛКСНИС

Секретарь ГУСЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 81. Л. 23, 23 об. Подлинник. Рукопись.

№ 98
Показание прапорщика конно-саперной команды 1-й Донской казачьей дивизии Иванова

18 сентября 1917 г.

Прапорщик Иванов конно-саперной команды 1-ой Донской казачьей дивизии 18 сентября 1917 г. показываю:

Нам было объявлено при погрузке в Пскове, что мы идем на Петроград для подавления большевистского восстания. Начальники станции всячески препятствовали нашему проезду. Прибыли мы в Лугу 28 августа. В Луге мы были выгрузиться и разместиться[II] в деревне, так как путь жел[езной] дороги дальше был разобран. В Луге нас встретили депутаты Лужского Совета солд[атских] и раб[очих] депутатов. Они объяснили нам, что нас ведут не против большевиков, а против Врем[енного] правительства, и рассказали нам, что против нас в Петрограде имеются войска и выставлены пушки. Лужские депутаты предлагали нам выслать в Петроград своих депутатов для разъяснения общего положения, но начальник дивизии и начальник штаба этому воспротивились. 29 августа генер. Греков объявлял приказ № 128, причем приказ Керенского читал не-

I Так в тексте.

II Так в тексте. Вероятно, следует читать: *«были вынуждены выгрузиться и разместиться»*

внятно и тихо, тогда когда приказ Корнилова читал отчетливо и громко. По прочтении приказа ген. Греков сказал: «Кто за Корнилова, тот за моей спиной». Перед этой последней фразой я выступал с речью, где возражал против ночных переходов, как против спящего врага, и добавил: «Прежде чем идти, нужно справиться в Петрограде, что там делается». Перед выступлением из Пскова[I] штабу дивизии были выданы ручные пулеметы и бомбы. В Луге ген. Крымов не разрешал собираться комитетам.

Пр[апорщик] ИВАНОВ

Показания приняты Чрезвычайной следственной комиссией Северного фронта.

Председатель Вл. ВОЙТИНСКИЙ

Члены В. КОРОЛЕНКО
Р. АЛКСНИС

Секретарь ГУСЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 81. Л. 12, 12 об. Подлинник. Рукопись.

Дело главнокомандующего Северным фронтом генерала В.Н. Клембовского[162]

№ 99
Протокол допроса начальника штаба главнокомандующего армиями Северного фронта М.Н. Вахрушева

4 сентября 1917 г.

Части кавалерийского корпуса находились у нас, так сказать, географически, но подчинены нам не были. Мы получили только одно приказание Ставки, чтобы кавал[ерийский] корпус передвигать на Петроград, и его мы передали в корпус. Штаб фронта в этом случае был передаточной станцией, на фронте и в армиях не раз бывали части, находившиеся в таком же положении, как кавалерийский корпус.

Должен еще сказать, что нами распоряжение Ставки не только было передано, но и подтверждено <по приказанию Ставки>[II]. Последнее было 27 августа. Причем должен сообщить, что до этого времени нами еще ничего официального о смещении ген. Корнилова получено не было. Разговор по аппарату генерал-квартирмейстера штаба Петроградского военного округа с дежурным офицером штаба фронта о задержании эшелонов корпуса был утром 27 августа. Нам все время не было ничего известно, что назревает, что делается. Мне показалось чрезвычайно странным, что передает такой приказ ген. Васильковский, так как этот способ передачи приказания совершенно необычный. Слухов, циркулировавших в это время в городе, мы не знали. Мне не показалось странным и то, что был приказ кав[алерийскому] корпусу, если нельзя двигаться по жел[езной] дороге, то идти походным порядком. Я совершенно не мог бы объяснить собы-

[I] Далее зачеркнуто: *«нам»*.

[II] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

тий, если б меня спросили в то время. Замыслы Штаба Ставки мне не были известны, и ни малейшего намека на них в сношениях Ставки со мною делаемо не было. О том, что полковник Лебедев имел переговоры со Штабом, мне не известно. Вызов офицеров в Ставку вообще был явлением обычным и не мог вызвать какое-либо подозрение. О том, что накануне событий вызов в Ставку был интенсивней обыкновенного, мне не известно. О том, что вызывают в Ставку для политических целей, прикрываясь техническими задачами, я не знал.

Воззвание Всеросс[ийского] военного союза[163] я не знал и не читал. Воззвание Корнилова — первое было передано лицам, подчиненным непосредственно главнокомандующему. Распространялось ли второе, я не помню. Первое воззвание было смелое, но, по моему первому впечатлению, нехорошее. Передано оно было потому, что Корнилов был еще главковерхом. Относительно того, от кого зависело распространение[I] этих телеграмм, должен сказать, что все телеграммы главковерха обычно всегда передавались командармам и что это делалось с распоряжения главкосева. Когда докладывал я эти телеграммы, я спросил, передавать их или нет, и про первую телеграмму получил ответ: «Обычным порядком передайте». Ответа про вторую не помню, но поступлено[II] было согласно приказаниям. Но когда командарм 12-ой спрашивал, распространять или нет, ему было отвечено в том смысле, что это предоставляется его усмотрению. А вот главнаокр[III] Двинскому положительно было отвечено, чтобы не распространять, чтобы не разжигать страстей. Считал ли генер. Клембовский телеграммы Корнилова обычными, я не могу сказать. Я при докладе говорил просто: посылать или не посылать. Подробно с указанием на опасность я доклада не делал. Распространение в штабе было только среди старших начальников в целях осведомительных. Распоряжения распространять всюду сделано не было, напротив, было указано, что это не для распространения, а для личного сведения.

Личное мое мнение такое, что у ген. Клембовского, безусловно, не было желания содействовать ген. Корнилову. Он человек замкнутый, не любит иметь широкого общения даже с близкими сослуживцами. Но могу наверное сказать, что он не содействовал, т.к., кроме всего, у него было недружелюбное отношение к Корнилову.

Помню, что ген. Клембовского вечером вызвал к аппарату Лукомский, который сообщил, что по всем жел[езным] дорогам есть телеграмма, которой Клембовский назначается главковерхом, желает ли он принять эту должность или поддерживает он Корнилова, как другие главнокомандующие. Вообще вопросы были такие, которые, насколько помню, ждали определенных ответов с поддержкой Корнилову. Ген. Клембовский ответил так же, как изложил в телеграмме Керенскому. Керенскому же он протелеграфировал примерно так: «Из разговора с Лукомским я узнал, что назначен главковерхом. Докладываю, что у меня не хватит ни сил, ни умения. Высказываюсь против смены главковерхов в такую трудную минуту на фронте». Таким образом, все главнокомандующие фронтами высказались, что поддерживают Корнилова, и просили об оставлении его главковерхом, а ген. Клембовский выразился о нежелательности смены главковерха принципиально.

Распоряжений ген. Клембовский с напоминанием о присяге не делал, т.к. у нас все было тихо. О происходившем на ст. Дно ген. Клембовскому и мне известно не было. Я не могу сказать, что ген. Клембовский был нейтрален во время

I Перед словом *«распространение»* зачеркнут слог *«не»*.

II Так в тексте.

III Главнаокр — главнокомандующий округом.

событий, по-моему, он был строго формален. Он был замкнут. У нас были исключительно служебные отношения. Мы были с ним вместе за все время сослужения[I] только один раз на прогулке.

Помню телеграмму Корнилова о награждении по 5 крестов на роту некоторых частей 12-ой армии, но так как было сомнение, что она исходит от Корнилова как главковерха, я приказал эту телеграмму не передавать. Вообще мы как узнали, что Корнилов отрешен, ему уже телеграмм не посылали, а адресовали наштаверху, как центральному учреждению. Было бы опрометчиво, если б мы прекратили сношения со Ставкой в смысле оперативном.

Была телеграмма из Ставки — прервать связь Пскова с Петроградом, очень странная телеграмма, повергшая нас в недоумение. У нас была беседа по этому поводу с ген. Клембовским, который решил это не исполнять, т.к. она была получена 28-го числа.

29 августа у меня было собрание генералов штаба исключительно с осведомительными целями без обмена мнений. Это было просто служебное приглашение[II].

Слова: «по приказанию Ставки» вставлены мною собственноручно.

Генерал-лейтенант ВАХРУШЕВ

4 сентября 1917 г. Показание принято Чр[езвычайной] сл[едственной] ком[иссией] при Сев[ерном] фронте.

Председ[атель] Вл. ВОЙТИНСКИЙ

Члены: инж[енер] РЕМИЗОВ
прапорщ[ик] ОРЛОВ

Секретарь ГУСЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 83. Л. 18–19. Подлинник. Машинопись.

№ 100
Показание главнокомандующего Северным фронтом В.Н. Клембовского

2 сентября 1917 г.

Я знаком с генералом Корниловым недавно. Виделся только в Петрограде. По служебным сношениям я заметил, что он что-то против меня имеет. История назначения ген. Лечицкого вместо меня ясно доказывает, его слова: «Не верьте газетным слухам», — явная ложь. Он бывал придирчив. Например, когда я по представленному мне праву снесся с военным министром по делу о доставке пулеметов, ген. Корнилов сделал замечание.

27 августа утром начштаба доложил, что дежурный офицер штаба фронта имел разговор с генерал-квартирмейстером штаба Петроградского округа. Было передано, что ген. Васильковский приказал приостановить движение 3-го кав[алерийского] корпуса на север. Меня поразила форма приказа, именно через деж[урного] офицера[III]. Кроме того, ген. Васильковский отлично знал, что 3-ий кав[алерийский] корпус подчинен только главковерху и что последний, не спра-

[I] Так в тексте.

[II] Далее текст вписан чернилами.

[III] Далее зачеркнут текст: *«Кроме того, ген. Васильковский приказал»*.

шиваясь никого, продвигает его по любому направлению. Потом, вообще, непонятно, к чему вмешался сюда ген. Васильковский. Я сообщил этот разговор в Ставку, и мне ответили, что движение эшелонов продолжать, если нельзя по железной дороге, то походным порядком. В тот же день к вечеру были две проходящие телеграммы, кажется, от Раттеля, по ведомству путей сообщения. Одна говорила продвижение войск продолжать, а другая — нет. В три часа дня говорил по прямому проводу с комиссаром Станкевичем, который в краткой форме посвятил меня в события. После этого я говорил с начштаба Западного фронта ген. Духониным, который ничего о событиях мне сказать не мог. Часов в 11 вечера вызвал меня к аппарату наштаверх. Он сказал мне, что я назначен главковерхом, но что ген. Корнилов не слагает своих обязанностей, что ген. Деникин к нему присоединился и с ген. Валуевым ведутся переговоры. Он спросил меня, какое мое решение, и я сказал, могу ли я ответить, не дожидаясь ответа ген. Валуева. Я ответил ему почти тотчас же, что верховное командование принять не могу, а принципиально смену верх[овных] главнокомандующих признаю вредной для боевых операций. Утром 28-го числа меня посетил ген. Дитерихс[I], нач. штаба 3-го кав[алерийского] корпуса. Он спросил, принял ли я верховное командование и могу ли дать ему какие-либо указания как Верховный главнокомандующий. Я ему ответил, что командование не принял, что меня официально никто не назначал до сих пор, но в частной беседе я уже отказался и дать ему распоряжений никаких не могу. В 12 часов дня получил телеграмму Керенского о назначении меня главковерхом. Я тотчас же послал телеграмму с отказом, так как при моих силах и моем знании фронтов принять новое назначение было невозможно. 28-го же ко мне приходил дважды пом[ощник] комиссара Савицкий, и дважды разговаривали с ним по телефону. Главным образом шла речь об установлении контроля в телеграфах генкварсев и дегенсев, контролируя даже оперативные телеграммы, п[отому] к[ак] Савицкий сказал, что под флагом оперативной может пройти политическая телеграмма. Он мне пояснил, что мои исполнители в данный момент могут не выполнить приказа главкосева. Он обещал, что в телеграфы будут поставлены члены комиссариата. Позже ночью начштаба явился с докладом, что в телеграфы у генкварсева и начвососева явились депутаты, не члены комиссариата, с вооруженной командой и заняли телеграф. Я сейчас же переговорил по телефону с Савицким. Указал на то, что мы условились только о двух телеграфах и ничего не говорили о телеграфе начвососева, тем более не говорили о занятии телеграфа вооруженной силой. Он меня уверил, что вооруженных депутатов совсем нет, и перечислил фамилии тех, кто там дежурит. Мною было предложено решение вопроса оставить до утра, когда будет выработана инструкция. Он отказался, но согласился на то, что в телеграфы начвососев он тоже назначит члена комиссариата и сообщит мне фамилию. Это было сделано. Я отдал приказом по фронту. В ночь на 29[II] числа ко мне явился штаб-офицер и лично спросил, допускать ли членов комиссариата на телеграф. Я подтвердил и сказал, чтобы допускали до контроля всех телеграмм, не исключая и оперативных. Утром 29 августа я заболел, пригласил доктора, который настоятельно указал на необходимость мне отдыха в 3–4 дня. После этого я передал все дела начштаба, оставив за собой только оперативную сторону дела. Спустя некоторое время меня вызвал к аппарату комиссар Станкевич и просил дать ему определенный ответ. Я сказал, что в обеих армиях ежеминутно ожидают удара против-

---

I Здесь и далее в документе фамилия напечатана ошибочно: *«Дидрихс»*.

II Предлог *«на»* вписан над строкой. Цифра исправлена. Первоначально было: *«28»*.

ника, что очень утомлен, все дела сдал начштаба и себе оставил исключительно оперативную часть. Сказал, что буду, безусловно, подчиняться приказаниям нового Верх[овного] главнокомандующего, которого назначит Вр. правительство. Я должен еще упомянуть, что при первом разговоре со Станкевичем мною была сказана следующая фраза: «Я у аппарата не один, поговорим подробно, когда вы приедете». Фразу эту я объясняю следующим образом. Я вообще вел такую линию, что военные не должны вмешиваться в политику, а исключительно отдать свои силы в пользу оперативных действий. Если бы я стал вмешиваться в политику, писать разные воззвания, то это могло повредить боевым операциям. Отвлекать армию от важнейших в данную серьезную минуту задач невозможно. Теперь я доволен, что армии спокойно провели эти дни. На телеграфе я был не один, там был юзист, а я не хотел, чтобы мои слова получили огласку.

Относительно плана передвижения кавалерийского корпуса. Недели три назад я просил главковерха, чтобы он дал мне Первую Донскую кав[алерийскую] дивизию для ген. Парского. Получил телеграмму с отказом с указанием, что кавалерийские войска предназначены для парирования десанта противника. Я телеграфировал об этом ген. Парскому. Через мое посредство шли переговоры Ставки с командиром 3-го кав[алерийского] корпуса, заключавшиеся в том, что корпус стягивается к ст. Дно, что там они будут перековываться, и будет ремонтироваться обоз, на что потребно от 10 до 14 дней. Я уже поставил крест на то, что эти кавалерийские войска будут мне полезны[1]. Потом от начштаба я узнал на словах, что конный корпус направляется к Нарве. Для меня это было хорошим известием, так как там находится одна из наших позиций и не обороняемое мною Финское побережье. Вообще же о движении корпуса я не имел точного представления. Даже ген. Дитерихс 28 августа не мог мне сказать определенно, где находятся части корпуса, говоря, что они чрезвычайно разбросаны. Относительно контроля на телеграфе. Телеграмма (приблизительно около 26 августа) из Ставки говорила, чтобы телеграмм, сеющих раздор, направленных против верховного командования, не пропускать. Предлагалось установить контроль. Организовал этот контроль начштаба, и я этим делом мало интересовался. Когда ко мне обратился комиссар Савицкий, что его разговор контролируется, я сейчас же отменил такое распоряжение.

О генерале Краснове. Генерала Краснова я не видел и не знаком с ним. Он просил у меня приема, я назначил вечером, но ген. Краснов не пришел.

От штабных офицеров о подробностях мятежа я ничего не слышал, так как у меня кроме начштаба бывают только капитан Альтерфатер, ген. Зубов и ген. Фролов.

О разговоре с прапорщиком Шубиным. Прапорщик Шубин вопроса, что теперь два лагеря и к какому из них я примкну, мне не задавал, я этого положительно не помню. Вопрос о том, чье исполнять приказание, если ген. Корнилов устранен, он мне задавал, и я разрешил его указанием на соответствующую статью.

Моя фраза: «Если Вр. правительство назначит Верх[овного] главнокомандующего, я буду ему повиноваться», — ясно говорит за мои убеждения, и, кроме того, Вр. правительству я дал присягу. Комиссару Станкевичу я ответил не прямо потому, что был не один. Пом[ощник] комиссара Савицкий мне сказал, что комитеты интересуются моим мнением и что он их успокоил заявлением, что главкосев на стороне Вр. правительства. Я не возражал, так как это было верно. Кроме того, свои мнения я высказывал Савицкому в таком духе: знайте, главнокомандующий на стороне Вр. правительства.

[1] Так в тексте.

Связь с командармами. Мнение ген. Парского мне было неизвестно. Ген. Данилов прислал мне в копии свою телеграмму военмину, что он придерживается взглядов ген. Корнилова, который ратует за твердую власть, между тем Вр. правительство является только фикцией власти. Телеграмма эта в делах штаба.

Я вспоминаю, что Савицкий говорил мне о необходимости цензуры над объявлениями Корнилова. Ответил я в том смысле, что мое дело ведать оперативным делом, а политическое дело касается исключительно комиссара. Кроме этого, частным образом[1] заметил, имеем ли мы право контролировать чужие убеждения. Я сомневался, совместимо ли это со свободой слова.

Телеграмму о моем назначении, что на меня возлагается верховное командование, потому что я защищаю пути к Петрограду, я понял так, что Северный фронт в данное время имеет большое первенствующее значение ввиду Рижской неудачной операции. У меня совсем не было в голове, что я должен буду защищать Петроград от войск ген. Корнилова. Я говорю это совершенно откровенно, и приказ этот я понял именно так.

Относительно продвижения кав[алерийского] корпуса, мне помнится, говорил начштаба, что он должен продвинуться в Петроград для усмирения большевиков. Это было 19—20-го числа. Принять какие-либо шаги в исполнение приказа Керенского об остановке эшелонов лично от себя я не мог, так как не знал, где они находятся. Но я посылал копии телеграммы Керенского о приостановке войск Корнилову, кажется[II], даже на автомобиле, так как тогда все сообщение было очень нерегулярно. Так мне докладывал начштаба. С начвососев о необходимости задержки эшелонов к Петрограду я не говорил, я имел разговор только с начштаба. Между прочим, на телеграмму Керенского о приостановке продвижения эшелонов к северу я ответил ему, что они подчинены главковерху, а копию приказа Керенского я переслал в Ставку.

Всей остроты вопроса о продвижении войск ген. Корнилова и моего назначения я не сознавал. Телеграмму о приостановке эшелонов я получил до того времени, когда я узнал о смещении Корнилова. До того же момента отправил телеграмму продвигать во что бы то ни стало эшелоны на север. Категорически утверждаю, что эту телеграмму я послал до получения каких бы то ни было сведений о смещении Корнилова. Непосредственно Ставка не могла передать приказ конному корпусу, так как у нее не было связи. Сохранить нейтралитет в мятеже Корнилова у меня не было умысла, я связан присягой с Вр. правительством. После смещения Корнилова должен сказать, что Ставка для меня все же существовала как орган, координирующий действия армии.

28-го числа около 10 час. вечера я получил шифрованную телеграмму Корнилова приблизительно такого содержания: «Прошу ген. Клембовского прибыть в Ставку немедленно. Приказываю прервать связь с Петроградом». Эту телеграмму я оставил без всяких последствий. Об этой телеграмме военному министру я не доложил, так как для меня она была не вполне понятна. Может быть, это был мой промах, это я сознаю. Но я был слишком тогда переутомлен. Подпись Корнилова в телеграмме была зашифрована.

Ген. Парский меня запрашивал о какой-то <посланной мною копии>[III] телеграммы по поводу событий. Я ответил, что ему виднее, какая обстановка на фронте и настроение войск. Рекомендовал делать так, чтобы не возбуждать армию и не обессиливать ее боевую мощь.

I Слово *«образом»* вписано над зачеркнутым: *«вопросом»*.

II Слово *«кажется»* вписано над строкой.

III Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

О существовании Военного союза я знал точно так же, как и об его отделении в Пскове. С условиями работы в Союзе я совершенно не знаком. Хотели об этом мне доложить в Ставке, но у меня не было времени. Потом я получил пакет с уставом этого Союза и заявлением для поступления в члены. Я его не читал, но передал начштаба и просил записать меня членом. Я записываюсь во все военные общества, которые не преследуют политические цели, а о Военном союзе мне говорили в Ставке, что он преследует цели только усиления боевой мощи армии.

О чрезвычайном собрании 28-го числа всех штаб-офицеров моего штаба мне не докладывали[1].

Генерал от инфантерии КЛЕМБОВСКИЙ

Собственноручным поправкам ген. Клембовского верить.

Вл. ВОЙТИНСКИЙ

2 сентября 1917 г. Показание принято Чр[езвычайной] сл[едственной] ком[иссией] Сев[ерного] фронта

Председатель Вл. ВОЙТИНСКИЙ

Члены: прапорщ[ик] ОРЛОВ
Пр[апорщик] КОРОЛЕНКО
Иос[иф] ШВАБИНСКИЙ
инж[енер] РЕМИЗОВ

Секретарь ГУСЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 83. Л. 14–17. Подлинник. Машинопись.

№ 101
Показание помощника комиссара Северного фронта Д. Савицкого

2 сентября 1917 г.

При первом моем свидании с генералом Клембовским (28 августа) я указал ему на требование Временного правительства не исполнять приказы Корнилова и ввиду объявления о его восстании против правительства задерживать все его распоряжения, воззвания и т.д. На это он мне ответил, что теперь «свобода слова» и что он считает, что у него могут армии потребовать ответа за задержку и укрывательство мнения другой стороны, а также вообще обвинить в оплошности задерживать чьи-либо воззвания, обращения etc. Отказался также прекратить немедленно отправку на Петроград эшелонов, сославшись на подчинение их непосредственно Ставке.

Не согласился он также и на мою просьбу дать согласие на установление моего контроля на телеграфах и телефонах и только после продолжительного убеждения и спора согласился допустить дежурства для «связи» и скорейшего вызова моего к аппарату.

Я тогда же обратил его внимание на недопустимое поведение дежурного офицера на телеграфе, который требовал от меня не упоминать в моем разговоре с Петроградом о Корнилове и дать ему возможность этот разговор читать. Он заявил мне, что распоряжение это было общим для всех и последовало из Ставки, но что он уже отдал распоряжение о его отмене.

[1] Далее текст написан чернилами.

При второй встрече в следующую ночь я явился к нему с категорическим требованием выявить свою позицию, причем сослался на 5-ую и 12-ую армию. Однако и на этот раз ген. Клембовский уклонился от ответа, заявив, что он не политик и что ею заниматься не хочет, а будет заниматься только операциями. Причем он заявил, что «вооруженной силой» мне мешать не будет.

Общее мое впечатление от разговоров с генерал[ом] Клембовским, что он совершенно растерялся, но, несмотря на это, сознательно не желал идти против Корнилова и совершенно не желал своим именем и своей властью помочь Временному правительству в его борьбе с восставшим генералом. Кроме отсутствия личного желания помочь Вр. правительству я должен констатировать его стремление помешать и мне чем только возможно в исполнении мною, как представителем Вр. правит[ельства], моего долга.

2 сентября 1917 г. *Дмитрий САВИЦКИЙ*

Показание принято Чр[езвычайной] сл[едственной] ком[иссией] Сев[ерного] фронта

Председ[атель] Вл. ВОЙТИНСКИЙ

Члены: пр[апорщик] ОРЛОВ
пр[апорщик] КОРОЛЕНКО
Иос[иф] ШВАБИНСКИЙ
инж[енер] РЕМИЗОВ

Секретарь ГУСЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 83. Л. 2, 2 об. Автограф.

Дело начальника военных сообщений Северного фронта генерала К.М. Ушакова[164]

№ 102
Протокол допроса[I] *подпоручика Управления военных сообщений Северного фронта Берзина*

4 сентября 1917 г.

Отношение офицеров отделения к событиям было чисто официальное. До 28-го вечера мы не знали ничего определенного. 27-го числа <от ген. Кислякова был приказ приостановить, потом>[II], получив от полк. Раттеля[III] [приказ], чтобы эшелоны отправлялись до Луги, а те, которые должны были идти в Нарву, то по старому направлению.

В эти дни[IV] я вел беседы с писарями, и, в частности, с Сопиным. Последний меня спрашивал, доверяю ли я Керенскому. Во время разговора присутствовали Дмитриев, писарь, еще один, фамилию не знаю, и два вестовых. Сопину я ответил да, что Керенскому я доверяю. Что допускал по отношению Керенско-

I Текст протокола допроса написан карандашом.

II Текст, заключенный в угловые скобки, вписан между строк.

III Вписано под строкой повторно чернилами: *«полковн[ика] Раттэля»*.

IV Текст *«В эти дни»* вписан над зачеркнутым: *«С писар[ем] Сопиным»*.

го резкие выражения, я не помню, во всяком случае, что Керенский дурак, я не говорил. Я говорил, что для меня нежелателен Нахамкес[I] и что Керенский мог бы воздействовать, чтобы такие не приходили в Совет. Вообще я не слыхал, чтобы еще кто-либо говорил резко о Керенском в нашем Управлении. Не говорил также никто из офицеров прямо в пользу Корнилова. Хотя, пожалуй, верно будет, если скажу, что все у нас в отделении держались выжидательной политики.

О Корнилове я говорил так, что если бы даже он имел благие цели, то его план нехорош, т.к. вызывает братоубийственную войну.

Подпоручик БЕРЗИН[II]

Показание принято Чрезвычайной следственной комиссией Северного фронта

Председатель Вл. ВОЙТИНСКИЙ

Члены: КОРОЛЕВ
Иос[иф] ШВАБИНСКИЙ
Инж[енер] РЕМИЗОВ

Секретарь ГУСЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 84. Л. 23. Подлинник. Рукопись; Там же. Л. 24. Копия. Машинопись.

№ 103
Протокол допроса помощника комиссара Северного фронта Д. Савицкого[III]

3 сентября 1917 г.

Ген. Ушакова я видел только один раз, после того, как уже мною было выпущено воззвание, и был главкосевом ген. Бонч-Бруевич. Ко мне явился полковник Карамышев 29/VIII, которого я вызвал по телефону. Последний тут же изъявил желание всецело мне подчиниться и удивлялся, что я до сих пор не сообщил ему о своих полномочиях. Я потребовал от него немедленного прекращения посылки эшелонов на Петроград и взял у него подписку об исполнении сообщенных ему приказаний Вр. правительства. По его предложению я отправился с ним в Упвососев для просмотра графиков передвижения войск. Там я был принят ген. Ушаковым, с которым говорил по вопросу исполнения им приказов Корнилова. Он встретил меня очень холодно, доказывал мне, что контроль над его телеграфом не имеет никакого основания, так как он удостоверяет, что через его телеграф не могут приходить и получать распространение не строго служебные телеграммы. На мой вопрос, знает ли он приказание Вр. правительства о непосылке войск на Петроград и сделал ли он по этому поводу распоряжение, он ответил, что, пока у него нет[IV] приказания по этому

I Слово *«Нахамкес»* повторно вписано чернилами поверх слова *«Нахамкес»*, написанного карандашом.

II Далее текст написан чернилами.

III Показания Д. Савицкого по делу ген. Клембовского см. документ № 101 — т. 2.

IV Слово *«нет»* вписано над строкой.

поводу от начальства, он должен исполнять приказания Ставки, не входя в их обсуждение. Тогда я ему официально заявил, как представитель Вр. правительства, что дальнейший пропуск эшелонов на Петроград и вообще неисполнение требований Вр. правительства будут поняты как сознательное пособничество Корнилову. После этого мы расстались. Он мне сказал: «Представьте мне соответствующий приказ главкосева, и он тогда будет исполнен». В рапорте он ссылается на свою подчиненность Кислякову, на что я ему возразил, что согласно телеграммы Кислякова ему переданы права последнего в районе Северного фронта. Наш разговор происходил часов в 9–10 вечера.

3/IX–17 г. *Дм[итрий] САВИЦКИЙ*

Показание принято Чрезв[ычайной] следст[венной] комиссией Сев[ерного] фронта

Председатель Комиссии Вл. ВОЙТИНСКИЙ

Члены Инж[енер] РЕМИЗОВ
Пр[апорщик] КОРОЛЕВ
Иос[иф] ШВАБИНСКИЙ

Секретарь ГУСЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 84. Л. 13, 13 об. Подлинник. Рукопись; Там же. Л. 14. Копия. Машинопись.

№ 104
Протокол допроса[I] писаря Управления военных сообщений Ф. Сопина

4 сентября 1917 г.

Как наш комитет узнал о мятеже Корнилова, мы сообщили в Совет депутатов, в это же время полков[ник] Карамышев говорил с Лукомским по аппарату Юза[II], кажется, 28 августа. Начштаба спрашивал его подробно, где находятся эшелоны, и сказал, что эшелоны должны быть погружены и отправлены на север. Полковн[ик] Карамышев говорил, что связь потеряна. Точно сказать, <где находятся эшелоны>[III], не может. А в это время распоряжение Вр. правительства о задержании эшелонов уже было, мы о нем узнали в обед.

До разговора полк. Карамышева у нас было общее собрание, на котором не было обсуждений. Пор[учик] Решетилов не дал мне слова. Когда мы говорили с подпор[учиком] Берзиным о положении дел, он сказал, что Керенский дурак, он специалист только как юрист. Вообще Берзин высказывал сочувствие Корнилову[IV]. 27 августа ген. Ушаков говорил со Ставкой при закрытых дверях. Часть его разговора слышал тел[еграфист] Куговский и чиновник п[очтово]-тел[еграфной] к[онто]ры № 61, он ходил всегда к нам работать. Это было в обед.

Ф. СОПИН[V]

I Текст протокола допроса написан карандашом.
II Над словом *«Юза»* повторно вписано чернилами *«Юза»*.
III Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.
IV Далее зачеркнуто: *«то, что такое, как»*.
V Далее текст написан чернилами.

Показание принято Чрезвычайной следственной комиссией Северного фронта

Председатель Вл. ВОЙТИНСКИЙ

Члены: Инж[енер] РЕМИЗОВ
Пр[апорщик] КОРОЛЕВ
Иос[иф] ШВАБИНСКИЙ

Секретарь ГУСЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 84. Л. 19. Подлинник. Рукопись; Там же. Л. 20. Копия. Машинопись.

№ 105
Протокол допроса начальника военных сообщений Северного фронта К.М. Ушакова

4 сентября 1917 г.

Оговорюсь, что могу перепутать даты. Перевозка кав[алерийских] войск была назначена нарядом Ставки 15 августа еще с Юго-Западного фронта в район Ново-Сокольники. А потом дан был дополнительный наряд 3-му кон[ному] корпусу. До 25 августа эта перевозка еще не закончилась. Наше дело было регулировать перевозки эшелонов. До 25 августа было изменение маршрутов, именно Дикую дивизию перекинуть на Дно, к 25-му числу она там и собралась. 1-ая Донская[I] дивизия была перевезена в Псков. Кажется, 25-го числа[II] начальник отдела путей сообщений был вызван по проводу Ставкой, и ему было сказано, чтобы он собрал порожняк. Позже вечером мы узнали, что будет большая переброска войск в район Нарвы, на побережье. Для меня цель была ясна: охрана побережья от немцев. 26-го утром положение было такое: 1-ая Донская находилась в районе[III] Пскова, Уссурийская — в районе Вел[иких] Лук, Туземная — [в] районе Дно. 27 августа они должны были сделать посадку. В этот день утром передвижение уже началось. Тогда же около полудня отвосев[IV] получил записку от полк. Шихеева с запросом, по чьему распоряжению делается перевозка. Полковник Карамышев его удовлетворил, что это выполнение оперативного плана. Потом была вторая телеграмма от полк. Шихеева, что по распоряжению ген. Васильковского перевозка эшелонов к северу нежелательна. Потом вечером же была телеграмма от ген.-кварт[ирмейстера] полковника Параделова (Петрогр[адского] округа) в том же духе, что надобность в эшелонах миновала и ген. Васильковский просит посылку их прекратить. Затем я получил[V] <в ночь с 27-го на 28-ое распоряжение>[VI] ген. Кислякова, чтобы посылку эшелонов на север прекратить. Я докладывал о записках[VII] телеграммах из Петрограда на-

---

I Слово *«Донская»* вписано над строкой.

II В тексте изменен порядок слов. Первоначально было: *«25-го числа, кажется»*.

III Здесь и далее в предложении слова *«районе»* вписаны над строкой. Окончания слов исправлены только в копии показаний. Копию показаний см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 84. Л. 28, 28 об.

IV Слова *«около полудня отвосев»* вписаны над строкой. Отвосев — отдел военных сообщений.

V Далее зачеркнуто: *«приказ»*.

VI Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

VII Слово *«записках»* вписано над строкой.

штасеву еще днем[I], но от него никаких распоряжений не последовало, <рекомендовано было выяснить вопрос по аппарату в Ставке, что и было сделано помощником моим>[II]. Генер. Кисляков вызывал[III] меня днем[IV] к аппарату, <и переговорить мне лично не пришлось, я говорил только с полк. Раттель, а около 6 ч. дня Ген[еральный] штаб говорил с полк. Кондратьевым>[V], передал мне права[VI], <установленные ст. 74 Положения[165]>[VII] на Северном фронте. Утром 28 августа ген. Кисляков прислал опять телеграмму, чтобы движение эшелонов продолжать. Я свое последнее приказание о продвижении эшелонов на север отдавал вечером[VIII] 27-го числа. С того момента, как была получена ночью на 28 августа телеграмма Кислякова, я уже никаких приказаний продвигать эшелоны в Петроград не давал, несмотря на то что утром 28-го и был второй приказ Кислякова — продвигать. Мы оставили эшелоны на своих местах, передав их собственной судьбе, <ничего иного и сделать не могли, так как никакой связи с комендантами станции Дно, Нарва, В[еликие] Луки не было, ничего не могли добиться и от местных ж.д. агентов>[IX].

<Когда я был на докладе ночью 27—28 августа, меня вызвал полк. Раттель, но вместо меня переговаривал с ним полк. Кондратьев.>[X] Полковник Раттель <при разговоре с полковником Кондратьевым>[XI] интересовался положением дела продвижения эшелонов. Никаких приказаний после приказа Керенского о продвижении эшелонов не давалось. С 27-го на 28-ое всякое руководство передвижением войск вышло из рук Управления, и поезда двигались по инерции. В помыслы Ставки мы не были посвящены[XII].

Все исправления сделаны мною собственноручно.

Нач. воен[ных] сообщений] Сев[ерного] фронта г. К.М. УШАКОВ
5/9. [1]917

Собственноручным исправлениям г. Ушакова верить.

Вл. ВОЙТИНСКИЙ

Показание приняла Чр[езвычайная] сл[едственная] ком[иссия] при Сев[ерном] фр[онте].

Предс[едатель] Вл. ВОЙТИНСКИЙ
Члены Инж[енер] РЕМИЗОВ
И. ШВАБИНСКИЙ
Секретарь ГУСЕВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 84. Л. 27, 27 об. Подлинник. Машинопись; Там же. Л. 28, 28 об. Копия. Машинопись.

I Слова *«еще днем»* вписаны над строкой.
II Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.
III Далее зачеркнуто: *«ночью»*.
IV Слово *«днем»* вписано над строкой.
V Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.
VI Далее зачеркнуто: *«на самостоятельную перевозку»*.
VII Текст, заключенный в угловые скобки, вписан под строкой.
VIII Слово *«вечером»* вписано над зачеркнутым: *«среди дня»*.
IX Текст, заключенный в угловые скобки, вписан в строку чернилами.
X Текст, заключенный в угловые скобки, зачеркнут.
XI Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.
XII Далее текст написан чернилами.

№ 106
Протокол допроса начальника военных сообщений Северного фронта К.М. Ушакова

7 сентября 1917 г.

Второе[I] показание начальника военных сообщений армий Северного фронта генерала Ушакова.

7 сентября 1917 года. На вопрос о том, почему я не реагировал на телеграмму полк. Шихеева, переданную[II] им в 1 ч. 45 мин. дня 27 августа, должен сказать, что телеграмма эта была не прямо на мое имя. Содержание этих телеграмм я доложил наштасеву, который просил переговорить со Ставкой. Из Ставки получились категорические приказания. 27 августа ген. Клембовского я не видел, а ген. Вахрушев мне ничего о разговоре ген. Клембовского с комиссаром Станкевичем не говорил.

Полковнику Кондратьеву никаких особых указаний и инструкций по поводу разговора с начальником Туземной дивизии не давал.

Я узнал в ночь с 27 на 28 августа около 3 ч. ночи после получения телеграммы Керенского о происходящих событиях, до того же времени не подозревал о том, что вышел конфликт ген. Корнилова с Вр. правительством. Разноречивость распоряжений по перевозке 3-го кон[ного] корпуса до трех часов ночи представлялась мне как конфликт распоряжений различных ведомств, но никоим образом не видел в этом конфликта между Корниловым и Вр. правительством. Разговоры мои по Юзу со Ставкой около 3 ч. дня 27 августа сохранились на ленте[III].

<8/9. 917. *Нач. воен[ных] сооб[щений] Сев[ерного] фронта генерал-майор УШАКОВ*

Показание принято Чрезв[ычайной] следств[енной] ком[иссией] при Сев[ерном] фр[онте].

Предс[едатель] Вл. ВОЙТИНСКИЙ
Члены: Инж[енер] РЕМИЗОВ
Пр[апорщик] КОРОЛЕВ
Иос[иф] ШВАБИНСКИЙ
Секретарь ГУСЕВ>[IV]

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 84. Л. 32. Подлинник. Машинопись.

№ 107
Протокол допроса Чрезвычайной комиссией начальника военных сообщений Северного фронта К.М. Ушакова

18 сентября 1917 г.

Протокол допроса свидетеля

1917 года сентября 18-го дня в гор. Петрограде член Чрезвычайной комиссией по расследованию дела о генер. Корнилове и др. допрашивал нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал:

I Слово *«Второе»* вписано чернилами.

II Далее зачеркнуто: *«мне»*.

III Приложение к показанию К.М. Ушакова (выписки с телеграфной катушки № 99 аппарата Морзе отдела перевозок Управления военных сообщений армий Северного фронта — записи разговоров 26–28 августа 1917 г.) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 84. Л. 34–36, 36а, 37–39 об.

IV Текст, заключенный в угловые скобки, вписан чернилами.

Я, начальник военных сообщений Северного фронта генер.-майор Константин Михайлович Ушаков, 46 лет, православный, не судился, по делу показываю дополнительно:

Я подтверждаю показания мои, данные следственной комиссии 4 и 7 сентября и находящиеся в предъявленном мне деле (предъявлено дело Чрезвыч[айной] след[ственной] комиссии Север[ного] фронта на 22 листах). В дополнение к этим показаниям могу заявить, что 27 августа около часу дня я получил записку полковника Шихеева, заведовавшего также передвижением войск Варшавского района, в которой указывалось, что по распоряжению Временного правительства движение эшелонов на Петроград должно быть приостановлено. Из записки полк. Шихеева было видно, что упомянутое распоряжение Временного правительства дано было главнокомандующему Петроградским военным округом, в последующем передано Шихееву. Получив эту записку, я снесся по телефону с начальником штаба фронта генералом Вахрушевым, от которого получил приказание перевозку войск продолжать, по поводу же отмены ее переговорить со Ставкой по прямому проводу. Переговоры со Ставкой я поручил моему помощнику полковнику Кондратьеву, который от вр. и. об. начвосевверха полк. Раттеля получил категорическое приказание продолжить перевозку, несмотря на требования полк. Шихеева. Это было около двух часов дня 27 августа. В 3 ч. дня я был вызван к аппарату товарищем министра путей сообщения на театре военных действий генералом Кисляковым и около четырех часов дня я говорил с полковником Раттелем, заменившим у аппарата генер. Кислякова. Полк. Раттель сообщил мне, что утренний разговор полк. Кондратьева о прекращении перевозки по записке Шихеева он доложил н[ачальни]ку Штаба Верх[овного] главнокомандующего, который требует продолжения перевозки войск. Около пяти часов дня я вынужден был уйти с докладами к н[ачальни]ку Штаба, и в мое отсутствие вызвавший меня генерал Кисляков говорил с моим помощником полк. Кондратьевым. В мое отсутствие полк. Кондратьев получил предъявляемую мне телеграмму № 1041 сборную, в которой: 1) генерал Васильковский требовал приостановления движения войск в Петроград, 2) полковник Багратион указывал поставить эшелоны в место прежних их стоянок и предлагал продолжить перевозку всех эшелонов, кроме следующих в Петроград. Содержание этой телеграммы полков[ник] Кондратьев передал по прямому проводу генер. Кислякову, от которого именем главковерха получил приказание движение эшелонов в Петроград не прекращать. При этом генерал Кисляков передал мне установленные ст. 74 Полож[ения] о полевом Управлении свои права, устанавливавшие мне подчинение начальников дорог Полевого управления Северного фронта. Около 9 ч. вечера последовала отмена этих полномочий, почему я их и не объявлял. Около 12 ч. ночи от нач. Воен[ных] сооб[щений] Вер[ховного] гл[авнокомандующего] было получено распоряжение все перевозки войск в Петроград приостановить. Затем была получена вторая записка начвосоверха положительного характера, и обе они были доложены около двух ч. ночи н[ачальни]ку штаба Сев[ерного] фронта. Последний отказался дать какие-либо распоряжения, ссылаясь на то, что корпус ему не подчинен. Получив упомянутые записки начвосоверха, я приказал дальнейшее движение войск в Петроград прекратить, что же касается до возвращения эшелонов к месту их стоянок, то решение этого вопроса ввиду технической его сложности было отложено до утра 28 августа. В третьем часу ночи, т.е. уже после сделанного о приостановке движения войск в Петроград распоряжения, была получена телеграмма за подписью тов. мин[истра] путей сообщения Ливеровского, сообщавшая, что генерал Корнилов Временным правительством смещен, и излагавшая обстоятельства, это смещение вызвавшие. До этого ни о каком конфликте генер. Корнилова с Временным правительством

мне известно не было. Ввиду этого я и считал своей обязанностью исполнять только те приказания, которые исходили от лиц, которым я был подчинен, т.е. н[ачальни]ка штаба фронта и н[ачальни]ка военных сообщений на театре военных действий. Больше ничего по делу я показать не могу. Прочитано.

Зачеркнуто: «что».

Начальник военных сообщений Северного фронта
Генерал-майор УШАКОВ
Члены Комиссии Михаил ГОЛЬДМАН-ЛИБЕР
В. КРОХМАЛЬ
Полковник УКРАИНЦЕВ
Н. КОЛОКОЛОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 84. Л. 2–4 об. Подлинник. Рукопись.

2. Показания офицеров штабов о командировании их в Ставку для изучения минометов и бомбометов[166]

№ 108
Протокол допроса исполняющим должность судебного следователя Московского окружного суда А.В. Коренковым поручика 248-го пехотного Славяно-сербского полка А.В. Александрова[167]

1 сентября 1917 г.

Протокол

1917 года сентября 1-го дня судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам в камере своей допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства], и он показал:

Анатолий Васильевич Александров, поручик 248-го пехотного Славяно-сербского полка, 24 лет, православный, не судился.

Я прибыл в Москву из Ставки Верховного главнокомандующего утром 29-го августа с.г. В Ставку я был командирован командиром полка 25 августа по телефонограмме для ознакомления с английскими бомбометами и минометами (телефонограмма штаба корпуса № 09945). Я прибыл в Ставку 27-го утром. В тот же день, часов в 12, у генерал-квартирмейстера его заместитель обратился ко мне и к еще трем неизвестным мне офицерам с такой речью: «В Петрограде готовится выступление большевиков, страшно сильное. Туда привезено много германских и австрийских пленных, которых там вооружили. Все это для того, чтобы кончить войну, предполагается взорвать там пороховые заводы, а тогда война, конечно, должна уже кончиться. Ведь заводы те последние, и все это делается на немецкие деньги. Правительство, надо полагать[I], тоже в лице некоторых его членов принадлежит к большевикам, поэтому оно должно быть реконструировано. Советы солдатских и рабочих депутатов должны быть распущены, генерал Корнилов[II] временно должен быть провозглашен диктатором».

[I] Слова *«надо полагать»* впечатаны над строкой.

[II] Далее зачеркнуто: *«должен»*.

На мой вопрос, останется ли в правительстве Керенский, капитан Генерального штаба, заместитель квартирмейстера, обратившийся к нам с вышеуказанной речью (его имени я не знаю), ответил, что Керенский, вероятно, будет сохранен в правительстве. В заключение тот капитан Генерального штаба предложил нам, офицерам, ехать в Петроград, чтобы там руководить несколькими[I] солдатами, предупреждать во время выступления большевиков избиение жителей, предупреждать взрывы пороховых и других заводов и взрывы мостов. Мотивы выставлялись капитаном убедительные: гибнет Родина, — и я согласился. Имен тех трех офицеров, которые были у капитана со мной, я не помню; один из них был хорунжий, другой прапорщик, третий поручик. Хорунжий был из первого Астраханского казачьего полка, прапорщик или из 691-го или из 598-го пехотного полка, поручик был гренадерской дивизии, но какой именно и какого полка, я не помню. У генерал-квартирмейстера было тогда много и других офицеров, из каких частей, не знаю[II]; помню, что там были сибирские части, но какие именно, не помню. Офицеры подходили к названному капитану Генерального штаба отдельными группами, по мере своего появления. И, очевидно, он обращался к ним с такою же речью, с какой обратился к нам. Это мы поняли, в особенности потом, беседуя[III] друг с другом, из полунамеков[IV] при встречах, о событиях, которые должны были разыграться в Петрограде. И у меня сложилось впечатление, что все офицеры решили ехать в Петроград, чтобы спасти родину от большевиков и немцев. В Петрограде мне указали два адреса, куда я должен был явиться за инструкциями. Это: 1) Фонтанка, 22, полковник (имени не помню); 2) Сергиевская, дома не помню, генерал-майор Федоров. Когда я приехал 27 августа в Могилев и явился в Главную квартиру к коменданту, меня удивило, что мне не указали определенной квартиры, а послали остановиться в штабные вагоны. Также странно было, что у коменданта нам не *ука*зали[V], куда мы должны явиться для занятий, для которых мы приехали. И уже в указанных нам вагонах нам объявили, что мы должны явиться к генерал-квартирмейстеру. Поправляюсь, что, кажется, был отведен один такой вагон, и в нем нас было человек восемь — я и три моих товарища, которые были со мной одновременно у капитана, кто были остальные и к каким частям войска они принадлежали, не помню. Но у генерал-квартирмейстера вообще не было офицеров, когда я там был. Быть может, они останавливались в других местах. Кроме того, офицеры отправлялись в Петроград по мере их прибытия и по мере ухода поездов. В Могилеве тогда я ничего особенного не заметил и не понимал, что генерал Корнилов уже порвал связь с Временным правительством. Весь день 27 августа из Могилева шли войска на север. Видел я артиллерию, два сибирских казачьих эшелона и пехотный полк первой дивизии с инициалом буквы «Х» на их погонах[VI]. Я спрашивал у казаков-сибиряков, куда они идут. Один ответил неопределенно: «Ни то на север, ни то в Петроград[VII], — там большевиков, что ли, усмирять». Другой ответил: «А Бог его знает».

I Далее зачеркнуто: *«инж»*.

II Слово *«знаю»* вписано над зачеркнутым: *«помню»*.

III Слово исправлено. Первоначально было: *«беседуют»*. Часть слова, выделенная курсивом, исправлена чернилами.

IV Слово *«полунамеков»* вписано над зачеркнутым: *«разговорах»*.

V Слово исправлено. Первоначально было: *«куазали»*. Часть слова, выделенная курсивом, исправлена чернилами.

VI Слово *«погонах»* вписано над зачеркнутым: *«трафаретах»*.

VII Так в тексте.

В Петроград я отправился 28-го утром с пассажирским поездом. В Орше появились слухи, что поезд наш может не дойти до Петрограда: путь разобран. Я подумал, что путь разобран большевиками, и решил ехать в Петроград через Москву. Дорогой я узнал, что генерал Корнилов порвал с Временным правительством и с Керенским, и решил возвратиться в полк, для чего явился в штаб, чтобы окончательно убедиться в измене генерала Корнилова.

Добавляю, что офицеры, ехавшие из Могилева в Петроград, были по преимуществу поручики и штабс-капитаны, хотя встречались и прапорщики. Добавляю, что капитан Генерального штаба, беседовавший со мной и другими тремя офицерами в Ставке у генерал-квартирмейстера, говорил еще, что большевики решили вырезать офицеров и интеллигенцию, что Керенский должен был приехать в Ставку и не приехал или потому, что за ним следят, или что он уже арестован; что правительство находится под давлением Советов[I] рабочих и солдатских депутатов, которые настроены большевистски. Капитан вообще обвинял правительство в бездействии власти, в том, что возле него возникла опасная большевистская организация, и только из Ставки о том предупредили правительство и приняли меры к поражению большевиков.

Затем я должен пояснить несколько неверно записанное Вами место моего показания. Я видел 27 августа много офицеров не у генерал-квартирмейстера, а на вокзале, где я закусывал, и недалеко откуда стоял вагон, в котором я остановился. Затем в вагоне, в котором я остановился, я видел кроме трех офицеров, с которыми я находился в одном купе, еще человек восемь. Затем[II], я думаю, что всем группам капитаном Генерального штаба говорилось то же самое, что и нашей группе, потому что, разговаривая с офицерами других групп полунамеками о предстоящих событиях в Петрограде, мы понимали друг друга[III].

Зачеркнуто: «о», «должен», «инж», «при встречах».
Вставлено: «надо полагать», «Советов».
Исправлено: «знаю», «беседуя», «полунамеков», «указали», «погонах».

Поручик Анатолий Васильевич АЛЕКСАНДРОВ
И.д. судебного следователя КОРЕНКОВ
Товарищ прокурора Л. ПОВОЛОЦКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 33–34. Подлинник. Машинопись.

№ 109
Отношение Чрезвычайной комиссии командирам воинских подразделений о допросе офицеров, командированных в Ставку для изучения минометов и бомбометов

Не позднее 1 сентября 1917 г.[IV]

Прошу Вас лично допросить[V] по нижеследующим вопросам:

I Слово *«Советов»* вписано над строкой.
II Далее зачеркнуто: *«при встречах»*.
III Далее текст написан чернилами.
IV Датируется по смежным документам дела.
V Далее во всех рассылаемых отношениях указывалось, кого следовало допросить.

1) Вызывался ли он в Ставку [в] 20-х числах августа для ознакомления с новыми системами бомбометов и минометов, и если вызывался, то когда прибыл в Могилев?

2) К кому в Могилеве явился?

3) От кого, где (в вагоне, в Ставке) получал по этому вопросу указания и разъяснения?

4) Чем мотивировалась отмена занятий с бомбометами, и какое он получил новое назначение?

Точные выражения, в которых сообщалось о новом назначении и кем?

5) Сопровождалось ли новое назначение какими-либо обращениями, в случае принятия его, или угрозами, в случае отказа?

6) Предполагалось ли или не обсуждалось ли возможности действий командируемых в Петроград офицеров против Временного правительства, и при утвердительном ответе на этот вопрос, какие именно?[I]

7) Не делалось ли офицерами, предполагавшими поездку в Петроград, из этого секрета: не делалось ли это предложение при закрытых дверях вагона или комнаты, не удалялись ли перед разговором по этому поводу посторонние лица из помещения, в котором разговор происходил, не происходил ли этот разговор под усиленной наружной охраной и т.п. При утвердительном ответе на этот вопрос, в чем конкретно эти действия выразились?

8) Куда и к кому он должен был по новому назначению явиться?

Председатель
Член Комиссии, полковник

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 120, 120 об. Копия. Машинопись. Бланк Чрезвычайной комиссии.

№ 110
Показание поручика 248-го пехотного Славяно-сербского полка А.В. Александрова[II]

20 октября 1917 г.[168]

Д[ействующая] армия

1. Я выехал из полка в Ставку по предписанию командира полка для ознакомления с новыми системами бомбометов и минометов[169], куда прибыл 27 августа.

2. В Могилев я явился к коменданту Главной квартиры Ставки, где мне указали временную квартиру в штабных вагонах Ставки.

[I] В отношении, посланном командиру 114-го Новотерского полка о допросе штабс-капитана Г.Г. Гогоберидзе, пункт 6 дополнен: «*А также против Советов Р. и С.Д.? Не было ли упоминания о предстоящем восстании большевиков?*» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 118 об.).

[II] Заголовок документа.

Протокол допроса исполняющим должность судебного следователя по особо важным делам Московского окружного суда А.В. Коренковым поручика 248-го пехотного Славяно-сербского полка А.В. Александрова от 1 сентября 1917 г. см. документ № 108 — т. 2.

3. В вагоне (Ставки) подпоручик из Штаба (фамилию не знаю) пригласил меня явиться к генерал-квартирмейстеру Ставки, где будут даны указания на предмет данного мне[I] полка предписания.

4. По прибытии к генерал-квартирмейстеру Ставки я узнал следующее: занятия по изучению новых систем бомбометов и минометов в Могилеве временно отменяются, все приехавшие для сего офицеры с фронта направляются в Петроград и совершенно по другим причинам, а именно: в Петрограде ждут событий, которые отразятся чрезвычайно неблагоприятно и болезненно на общем положении и без того истерзанной России.

В общих чертах и вкратце было сообщено о сем следующее. В Петрограде в ночь с 31 августа на 1 сентября готовится большевиками сильное и хорошо организованное вооруженное восстание с тем, чтобы реализовать лозунги большевиков, каковы следующие: «Долой войну!» «Армию налево, кругом!» «Все сразу по домам!» «Резня офицеров и вообще интеллигенции». (Все подчеркнутое, насколько помню, выражения точные[II].) «Вся власть в руки большевистских вождей!» Восстание это настолько сильно и хорошо организовано, что все рабочие Петрограда и почти весь гарнизон на стороне большевиков, все Советы Р. и С. Д. частью или терроризированы, или сами примкнули к большевикам, а также в сем замешаны и некоторые члены из комитета[III] Временного правительства. Все было, конечно, сорганизовано не без участия немецких марок, так как задолго до восстания со всех концов России, а в особенности из Сибири стягивались к Петрограду пленные германцы и австрийцы, которых теперь как в самом городе, так и возле Петрограда довольно много и все хорошо вооружены. (Подчеркнутое приблизительно точно[IV].) Затем было предложено принять участие в потушении мятежа большевиков, где офицеры будут необходимы как интеллигентная сила для урегулирования резни, которая неизбежно будет между повстанцами и войсками, посланными уже в Петроград. Офицерам могут быть даны и отдельные задачи, как-то: охрана мостов через Неву, пороховых заводов, и вообще заводов и фабрик, работающих на оборону, правительственных учреждений и т.д., где в помощь каждому офицеру будут даны человек 6—10 надежных солдат.

5. Ни обещаниями, ни угрозами новое назначение не сопровождалось.

6. Кроме перечисленных мною в ответе на четвертый вопрос задач для офицеров, командируемых в Петроград для участия в потушении большевистского мятежа, о других каких-либо исключительных задачах для таких офицеров, где предполагалась бы возможность действий против Временного правительства, не обсуждалось и не сообщалось.

7. Офицеры, командируемые в Петроград, должны были[V] свое назначение в секрете: во-первых[VI], предписания, данные офицерам, гласили, что они едут для ознакомления новых систем[VII] бомбометов и минометов, хотя сами командируемые знали, что это не отвечает действительному их назначению поездки,

---

I Далее текст утрачен. Вероятно: *«Сл[авянского]»*.

II Примечание документа.

III Так в тексте.

IV Примечание документа.

V Далее текст утрачен. Возможно: *«держать»* или *«иметь»*.

VI Слово *«во-первых»* в документе обозначено: *«во-1-х»*.

VII Так в тексте. Первоначально был следующий порядок слов: *«систем новых»*. Над словами проставлены цифры: над словом *«систем»* — цифра 2; над словом «новых» — цифра 1.

во-вторых[I], все офицеры, командируемые в Петроград, должны были являться не в штаб округа или [к] коменданту г. Петрограда, как обыкновенно делается в этих случаях, а сообщались частные адреса частных квартир. Инкогнито поездки офицеров объяснялось тем, чтобы ошарашить большевиков неожиданным противодействием их замыслам, так как и войска Ставкой стягивались к Петрограду так же секретно.

Данный мне в Ставке адрес, по которому я должен был явиться в Петроград, не вспомню.

Больше показать ничего не могу.

Поручик АЛЕКСАНДРОВ

Командир 248-го пехотного Славяно-сербского полка полковник[II]

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 2–3 об. Автограф.

№ 111

Протокол допроса офицером для поручений при штабе Южного района Московского военного округа Козловым штабс-капитана 114-го Новоторжского пехотного полка Г.Г. Гогоберидзе[III]

4 сентября 1917 г.

Дознание

По приказанию начальника штаба Южного района Московского военного округа мною, офицером для поручений при военно-политическом отделе штаба прапорщиком 28-го пехотного запасного полка Козловым, был произведен допрос штабс-капитана 114-го Новоторжского пехотного полка Георгия Григорьевича Гогоберидзе, который показал следующее:

В 114-ом Новоторжском пехотном полку отношения между солдатами и офицерами на позиции были отличные вплоть до Корниловского переворота, а особенно со старыми служаками-солдатами. Трений и эксцессов никаких не было. Офицерство относилось без предубеждения к высшему командному составу. Все боевые приказы исполнялись точно и беспрекословно. 25 августа[IV] с.г. я получил предписание выехать в Ставку Верх[овного] главнокомандующ[его] якобы для изучения бомбометов и пулеметов английского образца. Прибыв в Ставку 27 августа, я встретил на вокзале капитана Генерального штаба Роженко, который дал предписание немедленно отправиться в Штаб для испытания минометов и бомбометов английского образца. Вместе с приказанием он дал мне такую инструкцию: на днях в Петрограде ожидается выступление большевиков, которые хотят захватить власть в свои руки и арестовать Временное правительство. Поэтому Вас, офицеров, мы посылаем туда для водворения порядка. Вместе с этим он дал мне адреса, к кому явиться в Петрограде за

I Слово *«во-вторых»* в документе обозначено: *«во-2-х»*.

II Далее подпись неразборчива. Вероятно: *«Балдин»*.

III Протокол допроса командиром 114-го пехотного Новоторжского полка штабс-капитана Г.Г. Гогоберидзе от 16 октября 1917 г. по вопросам Комиссии см.: Д. 21. Л. 9–10 об.

IV Протокол допроса Г.Г. Гогоберидзе от 4 сентября опубликован в «Революционном движении в России...» (С. 452) со слов: *«25 августа»*.

получением дальнейших инструкций и распоряжений, а именно: 1) Сергиевского улица № 46 — генерал Федоров; 2) Фурштадская № 28, кв. 3 — полковник Сидоренко или хорунжий Кравченко; 3) Фонтанка № 22 — полковник Дюсенетюр[I]. Нас было много — около 40 человек, поэтому нам дали отдельный классный вагон. В нем ехали офицеры разных полков 3-ей и 10-ой армий. Капитан Роженко говорил, что было вызвано из полков разных фронтов более 3 тысяч офицеров в Петроград под различными предлогами[II]. По дороге в Петроград в вагоне не подозревали о готовящихся событиях. До станции Вырица ехали спокойно. На этой станции мы встретили Туземную дивизию (Дикую) и получили телеграммы Корнилова и Керенского, в которых они друг друга отрешают от должностей. Тогда мы поняли, для какой цели нас послали в Петроград, но нельзя было выехать ни вперед, ни назад, так как пассажирское движение было прекращено, а к тому же мы не имели предписаний возвратиться в свои полки. Через три дня пассажирское движение было возобновлено, и мы решили ехать в Петроград за документами, чтобы вернуться в свои части, но адресаты в момент нашего приезда не нашлись, так как одни были арестованы, а другие скрылись. Мы обратились к начальнику Управления воздушного флота полковнику Яковлеву за советом и содействием, но он ничего определенного нам не сказал, для ночевки же предложил временно увеселительные дома, так как для гостиниц у нас не было удостоверения личности. На следующий день мы решили выехать из Петрограда. Я выбыл с товарищем в город Харьков, где у меня были знакомые, и явился в комендантское управление для дачи показаний.

Настроение войск Туземной дивизии на станции Вырица. Дивизия была вызвана Ставкой, для какой цели, неизвестно. Ни солдаты, ни офицеры ничего не подозревали. Когда получили телеграммы Корнилова и Керенского, офицеры и солдаты узнали истину. Я слышал разговор: «Мы поступили добровольцами на службу, и дали присягу защищать родину, и не желаем вмешиваться в политическую жизнь страны. Полки сдались без боев, а один из них даже послал свои пулеметы Керенскому с выражением поддержки».

Все изложенное выше записано с моих слов верно:

Штабс-капитан 114-го Новоторжского пехотного полка
ГОГОБЕРИДЗЕ

Офицер для поручений при штабе Южного района
Московского военного округа прапорщик КОЗЛОВ

4 сентября 1917 года.
3 часа дня. г. Харьков.

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 84. Л. 10, 10 об. Подлинник. Машинопись; Д. 21. Л. 7, 7 об. Копия. Машинопись.

Частично опубл.: Революционное движение в России... С. 452, 453.

I Так в тексте. Вероятно, имеется в виду полковник Дюсиметьер.

II Протокол допроса Г.Г. Гогоберидзе от 4 сентября опубликован в «Революционном движении в России...» (С. 453) до слов: *«под различными предлогами...»*.

№ 112
Показание подпоручика 3-го гренадерского Перновского полка В.С. Денисенко

31 августа 1917 г.[I]
Секретно

Я, подпоручик 3-го гренадерского Перновского полка Василий Семенович Денисенко, заявляю следующее.

25 на 26 августа 1917 г. в канцелярии полка мне было вручено предписание командира полка, согласно телефонограммы начальника 1-ой гренадерской дивизии отправиться спешно «в ночь на 26 августа» в Ставку Верховного главнокомандующего для изучения новой системы бомбометов и минометов (английских). В ту же ночь я выехал. Со мною ехало офицеров для той же надобности много и из других полков (по первому).

По прибытии в Могилев в ночь на 27 августа мы остановились в штабном вагоне по указанию писаря коменданта станции. В одном из вагонов, куда я пошел узнать что-нибудь от раньше приехавших офицеров, мне сказали, что в Могилеве не будет занятий с бомбометами, так как они не пришли, а нужно ехать в Петроград для изучения их. Эти офицеры, говорившие мне, почему-то отнеслись очень-очень внимательно в объяснении, куда, когда обратиться за получением предписания для поездки в Петроград. Эти офицеры уехали в ту же ночь. На другой день нас, правда, не единовременно, перебывало в Ставке очень много. Приблизительно, но не уверен, побывало около 100 офицеров. Из них уехали в Петроград[II] все, за исключением нас 3–5 человек. Не уехали, кажется, 5-го Сибирск[ого] инженерн[ого] полка капитан Кондратьев, 26-го Сибирского стрелк[ового] полка подпоручик Касакин, 274-го п[ехотного] Изюмского п[олка] прапорщик Князев и я. Да... Еще я помню одного подпоручика, кажется, 5-го Сиб[ирско]-Туркестанского п[олка], и еще одного прапорщика и подпоручика.

За первых я хорошо помню потому, что я жил с ними несколько дней. В Ставке 27-го нам подполковник Пронин, а затем и капитан Роженко говорили, что они ждут Керенского, но получили лаконическую телеграмму будто бы: «Выехать не могу». Потом говорили, что большевики готовились на 30 августа, а теперь перенесли на 26–27-ое забрать в свои руки власть, перерезать правительство, заключить сепаратный мир, перерезать офицеров и так далее и так далее. Для этого необходимо сделать контрнаступление. Капитан Роженко говорил, что, возможно, большевики и возьмут на несколько дней верх, для этого их необходимо уничтожить и т.д.

Уезжающие офицеры получали еще по (150) сто пятидесяти р[ублей] и предписание, что такой-то уезжает в Петроград для изучения бомбометов и минометов. Еще считаю долгом сказать, что некоторые офицеры спрашивали и их поддерживали, как вообще эта организация идет, как Керенский относится. Еще скажу, кажется, 29-го нас пришло человек 15–18. Вышепоименованные по фамилиям офицеры некоторые и вновь прибывшие. Нам опять объяснял один штабс-ротмистр, а потом капитан Роженко, что вот правительство, губящее Россию, провокаторским образом поступило, подослав к Корнилову лю-

---

[I] Показание В.С. Денисенко от 8 сентября см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 38–39. По документам дела не установлено, кому В.С. Денисенко давал показание.

[II] Слова *«в Петроград»* вписаны над строкой.

дей, чтобы разузнать его мысли и намерения таким непохвальным образом. Тут же предлагал ехать в Петроград. Из этих офицеров согласилось сейчас ехать только четверо. Поехали ли после они, не знаю, но тогда не согласились. Кто они, т.е. фамилий их, не[I] знаю.

(29-го) 27 августа еще мы, отдав свои предписания капитану Роженко, ходили по несколько раз в день за предписаниями отправиться в свои части. Предписания не выдавались. Говорили — некогда.

29 или 30 августа нас, явившихся за предписаниями в свои части, капитан Роженко послал в Главный комитет Союза офицеров. Там были наши предписания, и вообще мы были Штабом переданы в распоряжение Союза. Из Союза нас позвали к коменданту Главной квартиры, где распределяли должности — цензорами на типографии и телеграфе. Меня лично назначили в какую-то «маленькую», как говорили, типографию. Но предписания я получать не заходил и в типографии не был. В Союзе нам выдали по 25 рубл[ей]. «Суточные», — говорили.

В Союзе был главный офицер один капитан. Он высокого роста, Генерального штаба, с Георгиевским орденом и академическим значком. Вчера же он, почему не знаю, сдал эту должность подполковнику, с трафаретом, кажется, «5 ф» с Владимиром 4 ст[епени] на груди. Может, ошибаюсь, но думаю так: совсем не потому генерал Корнилов так решительно начал действовать, что Керенский его сместил! Ничего ведь не было еще, что он уволен 27 августа, а утром капитан Роженко говорил, что «в эту ночь Корнилов принял решение объявить себя диктатором, и приказ выйдет или завтра утром, или вечером сегодня».

Не могу не сказать, что капитан Роженко не все объяснял офицерам и не так, как оно есть, дабы они ехали. Это мое мнение.

Кроме того, капитан Роженко говорил, что «на это дело отпущены большие суммы, т.к. здесь заинтересованы и банки».

Вчера нас, четырех человек: капитана Кондратьева, подпоручика Касакина, прапорщика Князева и меня, после просьб отправили к коменданту Штаба с отношением, чтобы выдали разрешение на выезд в свои части. Вчера же ночью мы получили литеры и предписания. В 4 часа утра сегодня я уехал из Могилева. Помнится, полковник Пронин говорил, что нас вызвали нарочно якобы для изучения бомбометов, а капитан Роженко говорил, что занятия с бомбометами производиться не могут ввиду событий и т.д.

Все, что я написал, верно. Может быть, что, благодаря мучительнейшим дням, проведенным во власти людей, стремящихся к старому, я немного смешал мелкие факты, но мысль та. В этом я даю свое слово гражданина-солдата и революционера. По первому требованию[II] власти революционной готов все подтвердить.

Я, подпоручик 3-го гренадерского Перновского полка. Д[ействующая] армия.

По первому вызову революционной власти[III] обязуюсь выехать, куда потребуется.

Подпоручик Василий ДЕНИСЕНКО
1917 г. 31 августа

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 60–62. Автограф.

I Далее зачеркнуто: *«помню»*.

II Далее зачеркнуто: *«своих»*.

III Слова *«революционной власти»* вписаны над строкой.

№ 113
Показание подпоручика 7-й Туркестанской стрелковой артиллерийской бригады Кармилова[170]

Не ранее 3 сентября 1917 г.[1]

Показания подпоручика 7-ой Туркест[анской] стр[елковой] арт[иллерийской] бригады Кармилова о его поездке в Могилев во время с 25 [августа] по 3 сентября 1917 года.

25 августа от 18 часов мною было получено предписание командира бригады отправиться в Ставку для изучения английских минометов. В ночь на 26 августа я выехал в Ставку и в ночь на 27-е (около 2 часов 27 августа) прибыл на ст. Могилев.

Обратившись к писарю коменданта станции, я узнал, что командированные на минометные курсы в Ставку отправляются в Лугу, где есть для стрельбы полигон, и что через два часа примерно вагон с такими же командированными отправится к месту своего назначения, что нам, прибывшим только что в Могилев, следует установить, нельзя ли устроиться в том же вагоне и ехать. Был указан № вагона. Придя в вагон, я спросил одного из не спавших офицеров, нельзя ли с ними же ехать и какие для этого нужны документы. Ответ: нужно обязательно явить свой документ в Ставке, также получить порядочные деньги, и едва ли это успеется сделать теперь же.

Не желая проживать в Могилеве без дела, я с двумя офицерами, фамилии которых не знаю, отправился тот час же в Комендантское управление Ставки. Там дежурный писарь заявил, что единственно, что он может сделать, — дать пропуск для ночлега в одном из штабных вагонов, все же остальное может быть сделано только завтра, ибо полковника Пронина, котор[ый] заведует минометным курсом, нет.

Утром 27 августа я и несколько офицеров, прибывших на минометные же курсы, отправились к коменданту Ставки для получения предписания на дальнейшее следование. Один из его адъютантов (фамилии его не знаю) заявил, что минометным делом заведует полковник Пронин, что его в Комендантском управлении нет, позвонивши по телефону ему, адъютант сообщил, что нет инструкции, предписания, и порционные деньги мы получим от полковника Пронина в том же штабном вагоне, где мы переночевали, в 15 часов (за точность времени не ручаюсь, подпоручик Кармилов). Около 15 часов, когда офицеры, едущие на курсы по минометному делу, собрались в вагоне, прибыл туда капитан Роженко, двери у вагона были затворены. Капитан Роженко обратился к присутствующим с краткой речью. В ней говорилось, что большевики взяли верх в Совете С. и Р. Д. Петрограда, что правительство во власти большевиков и слепо идет за германским генеральным штабом, что на улицах Петрограда, вероятно, уже резня, что надо спасать родину, что надежда, м[ожет] б[ыть], в значительной мере на офицеров, что генерал Корнилов приказал ввиду того, что курсы минометные, не состоящиеся из-за развертывающихся событий, предложил собранным офицерам, не желают ли они ехать в Петроград для подавления мятежа; кто не желает, может ехать в свою часть. Решать надо скорее: до отхода поезда осталось 15 минут.

Я спросил у капитана Роженко: «А как же Керенский?» «Керенский тоже во власти большевиков, м[ожет] б[ыть], даже арестован, во всяком случае, он не может выехать из Петрограда, когда его вызывал генерал Корнилов по прямому проводу».

---

[1] Датируется по тексту документа.

Я тогда выразил желание отправиться в свою часть. Капитан Роженко взял мое предписание и сказал, что предписание на обратное следование я могу получить только завтра, 28-го. Никого из офицеров, присутствовавших при этом, по фамилии я не знаю. Утром 28-го я явился к капитану Роженко, но мне было заявлено, что он на занятиях не будет, что следует прийти завтра. Не желая оставаться в Могилеве, я отправился к коменданту и, рассказавши к[омендантск]ому штаб-офицеру (фамилии его не знаю) о своем положении человека, живущего в Могилеве без дела, просил дать предписание для следования в свою часть. Мне было приказано подать рапорт, но уже поданный рапорт был мне возвращен с указанием, что необходимо приложить к нему то предписание, которым я командирован в Ставку. Я же сделать этого не мог за отсутствием капитана Роженко.

29 августа (не ручаюсь за точность чисел) Могилев был объявлен на осадном положении, вместо предписания выехать в свою часть я получил от коменданта Главной квартиры предписание вступить в исполнение обязанностей военного цензора в типографии «Бр[атьев] Подземских» (Днепровский проспект), каковые обязанности я и нес до приезда генерала Алексеева и отмене им осадного положения.

3 сентября, получив предписание от коменданта Главной квартиры отправиться в свою часть и согласие на выезд из Могилева со стороны помощника начальника Штаба Верховного главнокомандующего г. Вырубова, я отправился к месту своего служения.

Подпоручик КАРМИЛОВ

При отправлении обязанностей военного цензора пришлось руководиться словесной инструкцией, переданной одним из комендантских адъютантов, и притом весьма краткого[I], чтобы не печатать ничего волнующего, бунтующего страсти. Ни одного запрещения ни напечатано, ни на выдачу напечатанного мною сделано не было.

По приезде своем в часть я уведомил, что моя поездка, совпавшая с выступлением генерала Корнилова, дала совершенно необоснованный повод безответственно приклеить к моему имени этикет[II] «контрреволюционера». Этому, думаю, способствовали и телеграммы комиссара армии об указании фамилий ездивших в Ставку в дни конца августа — начала сентября.

Раньше я пользовался доверием солдат в батарейном комитете, в дивизионном собрании, ездил в качестве делегата от дивизии ко Вр. правительству и в С. Р. и С. Д. В настоящее время состою председателем батарейного суда, но уже встречаю к себе весьма подозрительное отношение, что в высшей степени тяжело. Ввиду того, что в таком положении, взятом под незаслуженное подозрение, находятся, вероятно, и др. офицеры армии, вызванные в Могилев по служебным обязательствам, считаю совершенно необходимым в возможно скором времени сообщения комитетам об истинной роли того или другого офицера, называя фамилии, в Корниловском деле. Иначе тяжело не только[III] слушать, но и жить.

Подпоручик КАРМИЛОВ

С подлинным верно:

Начальник Управления комиссара 2-ой армии,
подпоручик НАЗИМОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 42–43. Заверенная копия. Машинопись.

I Так в тексте.

II Так в тексте.

III Слово *«только»* вписано поверх напечатанного: *«дело»*.

№ 114
Показание прапорщика[I] Филатова

Не ранее 28 августа 1917 г.[II]

25 августа я был командирован в Ставку Верховного главнокомандующего в Могилев на Днепр согласно телефонограммы штаба дивизии для ознакомления с новой системой бомбометов и минометов английского типа. Командирован я штабом полка как начальник команды траншейных орудий. Прибыл в Могилев я в 2 часа 27-го и поступил на учет к коменданту Ставки. Нам, приехавшим, отвели вместо гостиницы вагон при станции Могилев. Я же с товарищем остановился в городе. На другой день, придя в Штаб Верховного главнокомандующего, мы узнали, что поступили в распоряжение полковника Пронина, которого мы не могли дождаться и видеть. Через несколько часов нам сообщили, чтобы мы, приехавшие офицеры, были в вагонах на станции. На станции мы услышали, что прибывшие офицеры от каждой части, не исключая и специальных войск, поедут в гор. Лугу, так как испытание предполагается там. Вскоре прибыл капитан Генерального штаба Роженко на станцию и предложил войти в вагон, предварительно выслав всех вестовых и проводников вагонов. Здесь же он, капитан Роженко, в кратких словах объяснил: созваны офицеры для другой цели, а не для изучения бомбометов. Положение вещей в стране требует решительных мер со стороны генерала Корнилова. Офицеры должны сейчас ехать в Петроград с поездом, который отходит через 15 минут. Эти офицеры должны составить ударное ядро, которое должно арестовать Совет Петрограда, Временное правительство и руководить массой, примкнувшей к движению. Свершив это, объявить диктатуру генерала Корнилова. При этом пояснил, что за Корниловым идут казачьи полки и несколько полков кавалерии, уже рассеянных вокруг Петрограда. Дикая дивизия уже отправлена. Прибывших офицеров было около 50. На размышление было дано 5 минут. За или нет. Всматриваясь в окружающих офицеров, я видел, что среди нас есть немало офицеров далеко не окопных бомбометчиков, было видно, что эти штабные офицеры, пронизывающие взглядами попавшую публику, эти лица учитывали каждое слово, сказанное прибывшими офицерами, переглядывались. На мой вопрос: «А Керенский куда примкнул? Делается ли это в контакте с ним?» Этот вопрос поставил в тупик капитана Роженко. Он замялся и начал говорить, что связь с Керенским порвана, и они не могут его добиться, услышал, говоря, что дело, вероятно, уже идет и судьба решена[III]. Я тут же вышел на площадку, куда выскочил еще один прапорщик и говорит: «Товарищ, как быть? Здесь ловушка». Я заявил, что не поеду в Петроград и что он уже здесь на учете, его не выпускают из Могилева, за ним следят. Услышав слова капитана Роженко, я тут же мысленно сказал: «В Петроград не поеду, а поеду в полк». Но когда я услышал предупреждение товарища, и, зная, как расправляются с лицами, не сочувствующими заговору, я решил уйти путем маневра: вхожу в вагон, и когда до меня дошла очередь, до меня последнего, я сказал: «Я еду в Петроград». Записали полк, чин, фамилию, выдали 150 рублей суточных по 10 сентября, тут же нам предложили пересесть в вагоны отправляющегося поезда, я заявил, что должен взять вещи, которые были в гостинице. На меня был брошен взгляд,

---

I Название воинского подразделения, где служил Филатов, в документе не указано.

II Датируется по тексту документа.

III Так в тексте.

еще раз спросили: «Вы едете?» Я говорю: «Да», — ибо другого выхода не было, кругом вагонов стояли офицеры Штаба группами, а дальше солдаты Туземной дивизии, зорко посматривавшие кругом. Выехал я из Могилева 28-го в 4 часа, на вокзал пришлось приходить несколько раз. Дожидаясь в Орше пересадки, я узнал, что выезд из Могилева в 8 часов невозможен, и все выходы из вокзала и города заняты войсками Корнилова. Приехав в полк, я счел долгом заявить командиру и комитету все, что произошло со мной.

Прапорщик ФИЛАТОВ

С подлинным верно:

Начальник Управления комиссара
2-ой армии подпоручик НАЗИМОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 44, 44 об. Заверенная копия. Машинопись.

№ 115
Рапорт[I] подпоручика отдельной инженерной роты Шадрина начальнику штаба 178-й пехотной дивизии о командировке в Могилев

31 августа 1917 г.

Доношу, что, прибыв сего числа из командировки, в исполнение прямых своих обязанностей вступил.

Вместе с тем считаю долгом службы донести о нижеследующем.

Получив телеграфное предписание корпусного инженера 50-го армейского корпуса за № 3636 от 25 августа о командировании меня в гор. Могилев в Ставку для ознакомления с английскими бомбометами новейшей системы, я выехал по назначению 26 августа (мой рапорт № 860, лит[ерный] № 8735 от 26 августа сего года, удостоверение коменданта на право проживания в гор. Могилеве № 5191 от 28 августа сего года). В тот же день я отправился к дежурному генералу, но там никто мне ничего не мог сказать о времени испытания бомбометов и минометов, и направили меня в Главное полевое артиллерийское управление. Там тоже об испытании ничего не было известно, но офицер, разговаривавший со мною, сказал, что по поводу моей командировки мне необходимо обратиться в генерал-квартирмейстерскую часть. Причем этим офицером была сказана фраза, что эти командировки, как он слыхал, организованы начальником Штаба Верховного главнокомандующего по собственной инициативе. После этого разговора я отправился в генерал-квартирмейстерскую часть. Здесь в приемной уже ожидало несколько гг.[II] офицеров, которые, как потом выяснилось из разговоров, тоже были вызваны для присутствия при испытании английских бомбометов и минометов новейшей системы. Затем нас всех вызвали в другую комнату, где капитан (если не ошибаюсь, его фамилия Роженко), указав, что сейчас настал такой грозный момент, когда никакие комиссии и никакие испытания бомбометов и минометов иметь место не могут, стал излагать последовательность переговоров генерала Корнилова с министром-председателем Керенским через Владимира Львова и управляющего Военным министерством Савинкова по поводу вступления генерала Корнилова сначала в состав министерства, а

[I] Рапорты подавались начальникам штабов и рассматривались как показания.

[II] Гг. — господа.

затем будто и на должность министра-председателя. В своей речи г. капитан заявил, что Владимир Львов и управляющий Военным министерством Савинков для переговоров с генералом Корниловым были командированы от имени министра-председателя Керенского. Переговоры эти будто закончились каким-то требованием генерала Корнилова, о котором капитан почему-то умолчал. Дальнейшие события, по словам капитана (насколько я помню), развивались в следующем порядке: Владимир Львов и управляющий Военным министерством Савинков выехали в Петроград. По приезде их туда министр-председатель Керенский будто вызвал генерала Корнилова к аппарату и спросил, подтверждает ли он (Корнилов) все то, что ему передали Львов и Савинков, на что генерал Корнилов ответил: «Да». Разговор на этом закончился. Затем ночью (по словам того же капитана) была получена в Ставке телеграмма с отчислением генерала Корнилова от должности Верховного главнокомандующего и с приказанием прибыть в Петроград в распоряжение министра-председателя Керенского. Генерал Корнилов решил в Петроград не ехать и верховного главнокомандования не сдавать, о чем и была будто послана телеграмма министру Керенскому. Затем на пост временно Верховного главнокомандующего до прибытия генерала Клембовского было предписано вступить генералу Лукомскому, но генерал Лукомский отказался, также будто отказался генерал Клембовский, оба мотивируя свой отказ полной своей солидарностью с генералом Корниловым. По словам излагавшего события капитана, будто генералу Корнилову и министру Керенскому были посланы телеграммы о своей солидарности с генералом Корниловым главнокомандующими фронтов: генералом Деникиным и генералом Щербачевым. Затем капитан указал, что на стороне генерала Корнилова Дикая дивизия, часть артиллерии, часть кавалерии и часть пехоты, что от прибывших в Ставку, хотя и с иными целями, гг. офицеров генерал Корнилов ждет поддержки его «справедливых требований», по выражению капитана. Причем ответ требовался немедленно. Выразившие согласие поддержать требования генерала Корнилова должны были немедленно отправиться в Петроград, а почему-либо не пожелавшие или не могущие «будут через два-три дня отправлены в свои части». После этих разговоров, когда я выходил из комнаты, я встретил штабс-ротмистра (фамилию его не знаю) и спросил его: «Разрешите узнать, г. ротмистр, те, кто не может ехать в Петроград, в свои части ведь не могут возвратиться. Они, вероятно, будут здесь в Могилеве находиться под домашним арестом?» «Да, по всей вероятности», — был ответ штабс-ротмистра. Тогда я решил заявить о своем желании ехать в Петроград, чтобы, воспользовавшись пропуском, уехать в свою часть. Вечером в тот же день после моего заявления о желании ехать в Петроград мне был выдан чистый бланк (из целой серии таких же, имевшихся в кармане г. капитана) предписания № 800 с пометкой от 27 августа и 150 рублей на проезд. На бланке предписания я должен был по приказанию капитана вписать «поручику Шадрину», что мною и было исполнено, дабы не возбуждать подозрения. Поезд, в котором я должен был ехать с группой военнослужащих по одной литере, отходил в 4 часа с какими-то минутами утром. Я решил для большей легкости[1] выполнения моего плана от этого поезда отстать и следовать одиночным порядком. Отход 4-часового поезда я проспал и часов в 10 1/2 утра 29 августа с.г. снова отправился в генерал-квартирмейстерскую часть. Встретился там снова с тем же капитаном и просил его содействия для следования одиночным порядком, как отставший от поезда. Капитан приказал явиться к коменданту станции Могилев и просить его выдать мне документ для

[1] Далее зачеркнуто: *«для»*.

проезда как отставшему. Комендантом мне была выдана заметка-удостоверение без № с казенной печатью от 29 августа с.г. для следования до следующего коменданта. Имея это удостоверение и предписание № 800, я выехал из Могилева с поездом, идущим около 15 часов. По приезде на станцию Орша я, дабы не возбуждать никаких подозрений <насчет моих намерений>[I] (так как, по моим наблюдениям, за мной в поезде следили), отправился к коменданту станции с просьбой сделать отметку о моем дальнейшем следовании, каковую в комендантском управлении сделали до города Витебска. Затем, явившись в вагон (в котором я ехал, стоя в коридоре, т.к. ни одного места свободного не было), я заявил моим соседям по вагону, что перехожу в другой вагон, взял свои вещи и вышел на вокзал. Поезд, в котором я ехал, простоял на станции часа 2, наконец ушел. Я ждал в вокзале поезда, идущего на Минск в 23 часа. Здесь в зале вокзала после трех-четырехчасового моего ожидания минского поезда ко мне подошел член Исполнительного комитета С. Р. С. Д. Оршанского района (фамилии его не знаю) и попросил предъявить документы. Мною было предъявлено удостоверение личности и предписание Ваше № 5560 от 25 августа с.г. Член Исполнительного комитета С. Р. С. Д. Оршанского района, посмотрев указанные документы, вызвал конвойного и предложил мне под конвоем следовать в Исполнительный комитет, что мной и было беспрекословно исполнено. В Исполнительном комитете, выслушав, что я следую в свою часть, выдали мне пропуск с печатью комитета за № 302, после чего я был отпущен на свободу для дальнейшего следования. Здесь[II] мною был взят, ввиду изложенного, билет только до Минска, а оттуда уже до Лунинца. При моей посадке в вагон около 23 часов 29 августа у меня было спрошено удостоверение осматривавшей вагон охраной, коей мною и был предъявлен вышеуказанный пропуск № 302, после чего я уже без каких-либо инцидентов доехал до своей части [в] дер. Край, о чем и доношу.

Приложение[III]: 1) 150 руб. деньгами, 2) телеграмма № 3636, 3) предписание № 5560, 4) удостоверение Могилевского коменданта № 5196, 5) предписание Штаба Ставки № 880, 6) литер № 6735, 7) пропуск № 302, 8) удостоверение № 5561, 9) удостоверение коменданта станции Могилев без №, 10) неиспользованное предложение литер А № 14510155, 11) проездной билет от Орши до Минска № 4415 и 12) от Минска до Лунинца [№] 0086.

Подлинный подписал *Подпоручик ШАДРИН*

Верно: *Вр.и.д. штаб-офицера для особых поручений штаба 50-го армейского корпуса штабс-капитан АРТЫМОВ*

С подлинным верно: *начальник Управления комиссара 2-ой армии подпоручик НАЗИМОВ*

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 35–36 об. Заверенная копия. Машинопись.

I Текст, заключенный в угловые скобки, впечатан над строкой.

II Далее зачеркнуто: *«со»*.

III Приложения в деле 21 (ГА РФ. Ф. 1780) не обнаружены.

№ 116
Показание подпоручика Янковского, данное командиру 11-го Туркестанского стрелкового полка Шиманову

31 октября 1917 г.

На предложенные командиром полка вопросы отвечаю[I]:

1. Вызывался я в Ставку из 11-го Туркестанского стрел[кового] полка 25 августа с.г. для ознакомления с новыми системами бомбометов и минометов, куда и прибыл 29 августа.

2. В Могилев явился, кажется, в Главное управление генерал-квартирмейстера, куда направил меня комендант станции подпоручик N.

3. Собравшись там, в Ставке, все офицеры, командированные для ознакомления тех же бомбометов или минометов, представлялись к капитану Генерального штаба, адъютанту, фамилию которого не помню[II]. Обращался он к нам с речью, видимо, от имени генерала Корнилова. Он указывал, что в самое критическое для России положение армия на фронте разлагается и дезорганизуется. В тылу беспорядки и буйства солдат. А для восстановления боеспособности армии на фронте и водворения порядка в тылу нужна твердая государственная власть, которой сейчас не чувствуется и которую генерал Корнилов по своему патриотизму желает создать для спасения России и ее революции, а для этого нужно прежде всего произвести чистку (арестовать) членов во Временном правительстве, в котором были лица, действительно работавшие в руку немцев. (Что были такие лица[III] во Временном правительстве, приводились доказательства, которых совершенно не помню).

4. Но так как время вызова офицеров для ознакомления с бомбометами и минометами совпало со временем, когда генерал Корнилов организовал свою власть, власть для спасения страны, и когда от офицеров ожидалась плодотворная работа в это время, то занятия с минометами не состоялось. И желающим офицерам[IV] предложено было ехать в Петроград, на обязанности которых будет лежать охрана всевозможных правительственных учреждений, почт, телеграфов и мостов.

5. Часть из офицеров изъявили согласие ехать в Петроград, а остальные, по всей вероятности, вернулись в свою часть. Я, например, лично немедленно явился в свою часть ввиду финансовых недостатков и других сложившихся обстоятельств.

6. Заговора и действий против всего[V] Временного правительства из речи капитана я не видел.

7. Все освещения офицеров капитаном о текущем моменте и предположении в действиях генерала Корнилова происходят в приемной комнате Ставки, где из[VI] посторонних лиц никого не было и охраны никакой не выставлялось, все разговоры происходили при открытых дверях.

I Подпоручик Янковский отвечал на вопросы, предложенные Чрезвычайной комиссией (отношение Чрезвычайной комиссии см. документ № 109 — т. 2). Отношение Чрезвычайной комиссии командиру 11-го Туркестанского полка Шиманову о допросе подпоручика Янковского см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 31, 31 об.

II Вероятно, здесь имеется в виду капитан Генерального штаба В.Е. Роженко.

III В тексте изменен порядок слов. Первоначально было: *«лица такие»*.

IV Первоначально в тексте был другой порядок слов: *«офицерам желающим»*. Над словами проставлены цифры: 1, 2.

V Слово *«всего»* вписано над строкой.

VI Предлог *«из»* вписан над строкой.

8. Все офицеры, изъявившие согласие ехать в Петроград, должны были явиться там в распоряжение какого-то генерала, фамилию которого не знаю (позабыл). В таком духе и в таком положении вещей состоялось освещение и беседа офицеров, приехавших на минометные курсы.

Подпоручик ЯНКОВСКИЙ[I]

<Допрашивал лично я, командир 11-го Туркестанского стрелкового полка полковник Шиманов. 31 октября 1917 г. Д[ействующая] армия.>[II]

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 32, 32 об. Автограф.

3. Следственные комиссии Советов

№ 117

Из протокола допроса комитетом обоза штаба 38-го армейского корпуса рядовых обоза Е.Т. Булатова, М.Н. Неборакова, К.И. Старооовилова, Г.И. Завьялова, А.Н. Малицкого; ст. унтер-офицеров обоза Л.В. Дмитриевича, В.Д. Лебедева; ст. ветеринарного фельдшера М.П. Кульнева; мл. унтер-офицера С.В. Малева; подпоручика командира обоза И.И. Ширая

16 сентября 1917 г.

Дознание, произведенное членами корпусного комитета 38-го армейского корпуса солдатом Щеголевым и врачом Кульвановским на основании постановления президиума кор[пусного] комитета 38-го от 16 сентября 1917 г.

Рядовой обоза штаба 38-го армейского корпуса Булатов Евгений Тимофеевич, 39 л[ет], православный, не судился. При опросе показал:

В последние числа августа с.г. в дни Корниловского мятежа командир обоза штаба 38-го арм[ейского] корпуса подпоручик Ширай, возвратившись вечером домой часов в 8, по словам денщика его Константина Солопа, вел с ним такой разговор. Когда денщик сказал ему, что, по слухам, арестован генерал Корнилов, поручик Ширай назвал его дураком и сказал: «Кто может арестовать Корнилова?» «Глуп тот, глупы и солдаты, что могут этому поверить». Когда же Солоп сказал, что арестовать Корнилова может Керенский, подпоручик Ширай сказал, что Керенский шарлатан и окружил себя какой-то бандой и что им арестовать Корнилова не удастся. Об этом денщиком Константином Солопом имеется показание в ротном комитете обоза. Когда мне приходилось разговаривать с подпоручиком Шираем, то он всегда защищал Сухомлинова, Корнилова и называл их лучшими людьми.

Показание записано с моих слов. *Евгений БУЛАТОВ*

Допрашивали: *солдат ЩЕГОЛЕВ*
врач В. КУЛЬВАНОВСКИЙ

[I] Текст показания написан карандашом.

[II] Текст, заключенный в угловые скобки, вписан чернилами.

[...][I]

Подпоручик Ширай Илларион Иванович, командир обоза штаба 38-го арм[ейского] корпуса, православный, 35 лет, не судился.

Допрашиваемый показал, что в дни Корниловского выступления, возвратившись утром[II] из штаба корпуса, я, зная, что Небораков вернулся из Минска, спрашиваю денщика: «Ну, что нового слышно?» На это он сказал: «Корнилов — изменник», — и ругал его другими словами. Говорил, что его Керенский арестует. Я на это ему сказал: «Мало ли кого теперь могут арестовать, прохвостов теперь много найдется». Т.е., другими словами, действовал я успокаивающе, чтобы было меньше волнений. Больше по адресу Керенского, Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов я ничего не говорил. Никогда не говорил, что солдатские организации нужно разогнать. Все приказы мною всегда читались, но так как команда моя бывала не всегда в сборе, то я отдал распоряжение, чтобы по возвращению каждому отсутствовавшему читались все приказы, полученные за его отсутствие. По поводу текущих событий с командою беседовал, но никогда груб не был. Команду «смирно!» требовал только в строю. Если же я появлялся в помещении, где находилась команда, и во дворе, то я только требовал к себе вежливого обращения, причем лежание солдата в моем присутствии считал неудобным и теперь считаю это невежливым. Да и в декларации прав солдата указано, чтобы солдаты были вежливы. Считаю в данный момент, что никакой комитет не вправе арестовать меня без судебных властей и что если бы это имело место у меня в команде, то я бы оказал сопротивление.

Записано показание с моих слов. Зачеркнуто «вечером», надписано «утром».

Читал *подпоручик Илларион Иванович ШИРАЙ*

Допрашивал *врач В. КУЛЬВАНОВСКИЙ*

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 48. Л. 157, 159. Подлинник. Рукопись.

№ 118

Протокол допроса членом Исполнительного комитета Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов гарнизона г. Борисова П.Н. Рябовым командира противоаэропланного взвода при ст. Приямино подпоручика В.Н. Дорошкевича

3 сентября 1917 г.

3 сентября 1917 г. в пос. Ново-Борисове в 430-м пол[евом] зап[асном] госпитале допрошен находящийся на излечении командир противоаэропланного взвода при ст. Приямино подпоручик Виктор Николаевич Дорошкевич, показавший:

30 августа в 11 ч. утра я выехал на ст. Приямино, чтобы присутствовать при погрузке орудий вверенного мне взвода, отправляемых согласно приказа артснабзапа в тыловой артиллерийский запас фронта и для того, чтобы отдать последние приказания в связи с этой отправкой. Закончив дела, я остался

[I] Далее опущены показания М.Н. Неборакова, К.И. Староовилова, Г.И. Завьялова, А.Н. Малицкого, В.Д. Лебедева, М.П. Кульнева, С.В. Малева.

[II] Слово *«утром»* вписано над зачеркнутым: *«вечером»*.

ожидать скорого поезда, чтобы купить газет. Купив газеты и бегло просмотрев их, я по просьбе кого-то из солдат начал читать выдержки из газет на текущие вопросы жизни: прорыв у Риги и восстание ген. Корнилова. Окружавшие меня солдаты ругали ген. Корнилова за то, [что] он сдал немцам Ригу, сняв для этого с Рижского фронта часть войск. Возмущенный до глубины души такими нападками на нашего бывшего главнокомандующего, я начал излагать свой взгляд на положение под Ригой. Приводил выдержки из газет об отказе целых частей пойти в контратаку. Рассказал эпизод с переправой противника через Двину и наводкой понтонов, один из которых был разбит нашей артиллерией, и все же, несмотря на это, части пехоты, стоявшие на противоположном берегу, отказались идти в атаку и отхлынули назад, очистив противнику плацдарм, на котором и развернулся. Приводил я и другие эпизоды, случаи мародерства. И в конце сказал, что надо хорошо подумать, прежде чем обвинять ген. Корнилова. Вина в несчастье под Ригой лежит на совести тех частей, которые опозорили себя отходом без боя, а не на ген. Корнилове, который еще на Московском совещании предупреждал, что враг стучится в Ригу и можно ожидать катастрофы ввиду небоеспособности и недисциплинированности частей, защищающих Ригу. Я сам заметил, что солдаты остались недовольны моей защитой ген. Корнилова. С событий под Ригой разговор перешел на восстание ген. Корнилова. Я ознакомил присутствующих с содержанием телеграмм воен[ного] мин[истра] Керенского и ген. Корнилова. Говорил, что по этим отрывочным сведениям нельзя осуждать ни Временное правительство, ни ген. Корнилова. Говорил, что, безусловно, как одно[1], так и другой желают счастья России. Говорил о непонятной истории со Львовым. Высказывал предположение, что здесь произошла роковая ошибка или провокация, как выразился в своей телеграмме ген. Корнилов. Говорил, что трудно допустить, чтобы заслуженный старик-генерал Корнилов мог пуститься в авантюру, и что, бросая такие обвинения Временному правительству в работе на руку с германским генеральным штабом (телеграмма ген. Корнилова), он или имел веские к тому данные, или же впал в роковую ошибку. Говорил, что трудно судить по тем данным, которые пока имеются в печати, кто прав, ген. Корнилов или Временное правительство. Говорил, что, может быть, и ген. Корниловым была сделана ошибка, но ошибки свойственны всем людям. Делало ошибки и Временное правительство. Высказал свой взгляд, что большая ошибка, по моему мнению, что правительство посылает за границу великих князей и других преступников павшей династии. Место им не за границей, а в Тобольске, где сейчас находится Николай Романов. Высказывал свой взгляд по вопросу о силах, которые пойдут за ген. Корниловым. Говорил, что, по моему мнению, казачьи войска, кавалерия будут на стороне ген. Корнилова. Агитации я не вел, а просто разговаривал с солдатами местных парков, как это я делал и раньше несколько раз. Знать, что среди слушателей есть солдаты проходящего эшелона, не знал, т.к. и солдат-то парков в лицо не знаю.

Объясняю себе выдвинутое против меня обвинение недоразумением. Главный пункт обвинения против меня — приписываемая мне фраза, что Временное правительство соединилось с германским генеральным штабом. Цитируя телеграмму ген. Корнилова, я действительно повторял слова ген. Корнилова, но с добавлением, что так говорит телеграмма. Что касается фразы одного из солдат-свидетелей, что я будто бы сказал, что воен[ный] мин[истр] Керенский шпион и провокатор, скажу, что это наглая ложь. Фразы этой я не говорил, и

[1] Так в тексте.

если еще цена офицерскому честному слову котируется высоко, охотно его даю, что подобной фразы я не произносил. И выдвинула это обвинение против меня провокационная свора. Если бы я хотел вести пропаганду против Временного правительства, то прежде всего я начал бы это делать среди подчиненных мне солдат. Факты с достаточной очевидностью говорят, что я не агитировал против Врем[енного] правит[ельства], а всегда был на его стороне и платформе.

29 августа утром я собрал подчиненных мне солдат, прочел им телеграмму воен[ного] мин[истра] Керенского и ген. Корнилова и сказал, что мы присягали на верность Временному правительству, а потому должны ему остаться верными и ждать дальнейших событий. Неоднократно до переживаемых событий я и на станции, и один раз на заседании группового комитета артиллерийских парков вел с солдатами беседы о наступлении. Был в оппозиции по этому вопросу с местными большевиками. Убеждал солдат не слушать их, говорил, что те лозунги, которыми они прикрываются, фальшивые. Говорил, что ими руководит не идея, а шкурный вопрос. Называл их трусами. Убеждал солдат подавать докладные записки о переводе в действующую армию, чтобы идти спасать Родину. Я и младший офицер вверенного мне взвода, подпоручик Исаев, после Тарнопольского прорыва подали рапорты о переводе нас на передовые позиции. Мотивировали мы это стыдом за преступление перед Родиной сидеть в тылу, когда гибнет отечество. Своим примером мы сделали то, что девять человек подчиненных мне солдат, наиболее сознательных, подали докладные записки о переводе их на позиции, а весь взвод высказался в том смысле, что они не просятся, так как не хотят испытывать судьбу, но если их пошлет начальство, то они с честью выполнят свой долг перед Родиной. Пользуясь таким настроением, я поехал к артснабзапу, изложил настроение солдат, свой взгляд на наше пребывание в Приямной и добился того, что ген. Похвиснев приказал расформировать взвод и вошел с ходатайством о переводе взвода в какую-нибудь часть для направления на передовые позиции. В результате ходатайства ген. Похвиснева мы были предназначены на сформирование противоаэропланной батареи и 28-го должны были отбыть к новому месту, но в день погрузки были остановлены телеграммой, приказывающей нам оставаться на месте.

Подпоручик ДОРОШКЕВИЧ

Дознание производил *прапорщик*[1] *РЯБОВ*

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 93. Л. 27–28 об. Подлинник. Рукопись.

№ 119

Из протокола допроса Чрезвычайной следственной комиссией комитета 28-го армейского корпуса военнослужащих 2-го уланского Курляндского полка: священника 2-й кавалерийской дивизии А.Ф. Шабашева, полковника Н.И. Кучвальского, подполковника В.Ф. Мосевича, полкового писаря Е.А. Уласевича, подпрапорщика Я.Е. Кривошея, корнета Г.И. Иванова, ст. писаря И.М. Корнева, полковника Г.А. Муханова

2 сентября 1917 г.

1917 года сентября 2-го дня Чрезвычайная следственная комиссия при Комитете 28-го армейского корпуса в составе председателя поручика Лапина и

[1] Далее слово неразборчиво.

члена ст. унтер-офицера Куща допрашивала нижепоименованного, который показал:

[...][I]

Кривошей Яков Евстратьевич, подпрапорщик 2-го уланского Курляндского полка, 27 лет, православный, не судился.

На ст. Антонополь я спросил у подполковника Мосевича, моего эскадронного командира, который, как и я, отстал от своего эскадрона, куда идет наш полк. Он мне ответил: «Мы едем в Гатчину. Генерал Корнилов берет себе диктатуру. Всю сволочь, которая в Петрограде, — вон». Что он понимал под сволочью, он не говорил. Я сказал подполковнику Мосевичу, что в Двинске читал телеграмму, что генерал Корнилов смещен. Подп. Мосевич сказал мне: «верховное командование он сдал, а будет диктатором».

Прочитано: *Подпрапорщик КРИВОШЕЙ*

[...][II]

Дознание производили в штабе 2-го уланского Курляндского полка в д[ействующей] армии поручик Лапин, солдат Кущ.

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 163 об., 165–165 об., 166 об. Подлинник. Рукопись.

№ 120

Из протокола допроса Чрезвычайной следственной комиссией комитета 28-го армейского корпуса военнослужащих 2-го уланского Курляндского полка: командира корпуса Г.А. Муханова, ст. врача В.М.Беляева, ст. унтер-офицера В.Я. Москалева, ефрейтора Н.И. Царькова, мл. унтер-офицера И.П. Иванченко, мл. унтер-офицера П.А. Кузьмина

30 августа 1917 г.

1917 года августа 30-го дня Чрезвычайная следственная комиссия при Комитете 28-го армейского корпуса в составе председателя поручика 4-го гусарского Мариупольского полка Лапина и члена старшего унтер-офицера Управления 60-ой артиллерийской бригады Куща допрашивала нижепоименованного, который показал[III]*:*

[...][IV]

Кузьмин, Павел Анисифорович, мл. у[нтер]-офицер 2-го уланского Курлянского полка, 26 лет, православный, не судился.

Когда нас грузили, нам не говорили, куда нас везут. Между собой говорили, что идем, должно быть, под Ригу, т.к. были слухи, что там появилась немецкая кавалерия. Офицеры говорили то же самое. В Двинске мы узнали из

[I] Опущены показания А.Ф. Шабашева, Н.И. Кучвальского, В.Ф. Мосевича, Е.А. Уласевича.

[II] Далее опущены показания Г.И. Иванова, И.М. Корнева, Г.А. Муханова.

[III] Протокол написан карандашом. Текст, выделенный курсивом, вписан чернилами.

[IV] Опущены показания Г.А. Муханова, В.М. Беляева, В.Я. Москалева, Н.И. Царькова, И.П. Иванченко.

телеграммы Керенского, что Корнилов смещен. Я сейчас же, как член эскадронного комитета, обошел все вагоны и сообщил всем. Сказал об этом штабс-ротмистру Масловскому, после этого корнету Иванову. И тот [и] другой сказали мне, что, наоборот, вся власть перешла к генералу Корнилову и он диктатор.

Когда мы 29-го приехали в Штокмансгоф, подполковник Мосевич, к[оманди]р 1-го эскадрона вызвал вахмистра Кривошея и сказал ему под секретом, что в Петрограде всю сволочь смели, Корнилов взял власть в свои руки и разговорам конец. В тот же день ротмистр Рубец в разговоре с уланом Смирновым, который обвинял Корнилова в том, что тот в такой момент нанес удар родине, когда все хотят поддержать Вр. правительство, заявил, что Корнилов удара не нанес, а только поднял руку, но не ударил. Этим заявлением ротмистр Рубец очень вооружил против себя наш эскадрон, которого он назначен командиром.

Прочитано: *КУЗЬМИН*

Дознание проводили в штабе 2-го уланского Курляндского полка в д[ействующей] армии поручик Лапин, [солдат] Кущ.

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 157, 161–161 об. Подлинник. Рукопись.

№ 121
Показание солдата Текинского полка 2-го эскадрона П. Морозова, данное Исполнительному комитету Совета солдатских депутатов Могилевского гарнизона

3 сентября 1917 г.

1917 г. 3 сентября показания солдата Текинского полка 2-го эскадрона Морозова.

За три дня до восстания командир эскадрона штабс-ротмистр Натензон приказал вахмистру, чтобы объявить на поверке всадникам, что свободы теперь нет, а настал старый режим, и что если были старые порядки гг. офицеров титуловать «ваше благородие» и т.д., русским солдатам не давали ничего говорить в защиту Временного правительства и свободы. На второй день мятежа командиром полка полковн[иком] Фон-Кюзильгеном[I] было приказано 28 августа вывезти все пироксилиновые взрывчатые вещества, шашки и бомбы и подложить под мост и взорвать, в то время когда будут через мост проходить войска Временного правительства, свидетели могут подтвердить: кузнец 2-го эскадрона Александр Молчанов и тем, кому был[II] отдан приказ, подпоручик Ата-Мурадов и вольноопределяющийся мл. ун[тер]-оф[ицер] Мустафа Адаманов; кроме всего этого, на четырех шоссейных дорогах было поставлено по одному пулемету. Митинги устраивал командир эскадрона Натензон, чтобы все всадники доносили, кто из русских против Корнилова, те будут преданы смертной казни.

Всадников же со своей стороны я не виню, а только признаю виновным весь состав офицеров[III]. Перед этим, когда всадники уходили сюда из позиций, то Корниловым было дано 100 пудов сахару, по приводе же полка в Могилев Кор-

---

I Далее зачеркнуто *«28 авгус»*.

II Далее зачеркнуто: *«дан»*.

III Далее зачеркнуто: *«солдат Текинского»*.

ниловым было выдано на каждый эскадрон по одному пуду конфет, и было передано командирами эскадронов всадникам, что скоро Корнилов выдаст им офицерские сапоги и все казенное обмундирование, а также было объяснено всадникам, что жалованье теперь будут получать не 20 руб. в месяц, а 50 рублей. За 3 дня до мятежа полк ездил на железнодор[ожную] станцию, где было Корниловым дадено на каждый эскадрон по пяти Георгиевских крестов. Во время мятежа были выданы Корниловым осадные деньги всему полку по одному рублю в сутки на каждого всадника с 28 августа по 2 сентября. Русские солдаты от этих денег отказались категорически, и повторяю опять, что всадников я не виню, а виню их офицеров, т.к. они немцы, в чем и подписуюсь.

Солдат Текинского полка 2-го эскадрона
Павел МОРОЗОВ

Помета: Получено 4 сент[ября]. Полк. Украинцев.

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 78, 78 об. Автограф.

№ 122

Из протокола допроса членом Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов Осташковского гарнизона Каркозом военнослужащих 38-го пехотного полка: ст. унтер-офицеров 9-й роты С. Мушинского, В. Баранова; мл. унтер-офицера Н. Воронова, солдата 12-й роты Т. Трусова, солдат 9-й роты А. Прокудина, С. Лисянского

31 августа 1917 г.

Спрошенный 31-го сего августа стар[ший] ун[тер]-офицер 9-ой роты 38-го пех-[отного] запасного полка Степан Мушинский, вероисповедания православного, происходящий из крестьян, Холской губ., Замостьского уезда, Суховольской волости, состоящий в роте, налицо показал:

Сегодня я был дежурным по роте. Утром при встрече с прапорщиком Егоровым я поздоровался и обратился с вопросом: «В каком вы настроении в данный момент, т.е. доверяете ли Временному правительству или же генералу Корнилову. Он ответил: «Генералу Корнилову. И за него дам на отсечение свою голову». Я спрашивал несколько раз: «Вы шутите или же говорите серьезно?» Он клятно[I] подтверждал, что «за Корнилова дам на отсечение свою голову». Я сказал: «Ведь вас рота за это арестует». Но он тогда указал мне[II] на шашку, на что я сказал: «Вы мелко плаваете, и в таком случае я с вами прерываю разговор», — и подошел к прапорщику Шибанову и рассказал наш разговор. Прапорщик Шибанов в это время находился в роте за дверью и читал газету. Я спросил у прапорщика Шибанова: «Что с ним делать?» На что от него получил ответ: «Прапорщика Егорова арестовать надо». Здесь же при разговоре с прапорщиком Шибановым присутствовал и председатель ротного комитета Степан Лисянский, к которому я обратился о наряжении[III] двух человек для отправления прапорщика Егорова в Исполнительный комитет. После этого я и прапор-

[I] Так в тексте.
[II] Слово *«мне»* вписано над строкой.
[III] Так в тексте.

щик Шибанов вошли [в] ротную канцелярию, где находился прапорщик Егоров. Прапорщик Шибанов поздоровался с прапорщиком Егоровым и сказал: «Что вы здесь распространяетесь?» На что прапорщик Егоров ответил: «Что вам дало или сделало новое правительство?» И при этом добавил, что «в разговоре со стар[шим] ун[тер]-офиц[ером] Мушинским я сказал шутя». Когда два солдата были наряжены с винтовки[I], я и председатель ротного комитета попросил прапорщика Шибанова отнять оружие от прапорщика Егорова. В сдаче оружия прапорщик Егоров не сопротивлялся. При этом добавляю, что при первом разговоре меня с прапорщиком Егоровым присутствовал млад[ший] унт[ер]-офицер Николай Воронов и 12-ой роты нашего полка вест[ов]ой Тимофей Трусов. Больше из людей[II] никого не было[III].

Больше показать ничего не имею, в сем и расписуюсь[IV].

Ст. ун[тер]-оф[ицер] МУШИНСКИЙ

[...][V]

Производил дознание прапорщик Каркоз.

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 48. Л. 178–179, 181 об. Подлинник. Рукопись.

№ 123

Показание прапорщика 9-й роты 38-го пехотного запасного полка Шибанова, данное Исполнительному комитету Совета солдатских депутатов Осташковского гарнизона

31 августа 1917 г.

Сегодня утром, придя в 9-ую роту, я получил, прежде всего, от солдат вопрос, за кого я стою, за Корнилова или за Временное правительство. Я ответил, что я никогда не шел и не пойду против Временного правительства. Через несколько времени подходит ко мне ст. ун[тер]-оф[ицер] Мушинский и говорит мне: «Пришел прапорщик Егоров и на мой вопрос, за кого вы, за Корнилова или за Временное правительство, ответил, что я душой и телом принадлежу Корнилову и готов за него понести что угодно». При этом ст. ун[тер]-оф[ицер] Мушинский просил меня помочь им арестовать прапорщика Егорова. Собрали ротный комитет и пошли в канцелярию. Войдя в канцелярию, я услышал слова Егорова: «Возможно, что Корнилов устроит все лучше и при том, что хорошего сделало Временное правительство». На мой вопрос: «Вы приверженец ген. Корнилова?» Прап[орщик] Егоров прямой вопрос[VI] не дал, а только говорил: «Посмотрим, что будет». Солдаты, находившиеся здесь (члены ротного комитета и посторонние солдаты), потребовали немедленного ареста прап[орщика] Егорова. Я задал еще вопрос пр[апорщику] Егорову: «Правда ли, что[VII] вы сказали ст. у[нтер]-оф[ицеру] Мушинскому, что готовы что угодно понести за ген. Кор-

---

I Так в тексте.

II Слова *«из людей»* дописаны в строку.

III Далее зачеркнуто: *«Рота слыш»*.

IV Так в тексте.

V Далее опущены показания В. Баранова, Н. Воронова, Т. Трусова, А. Прокудина, С. Лисянского.

VI Так в тексте.

VII Далее зачеркнуто: *«он»*.

нилова?» На это прап[орщик] Егоров дал ответ отрицательный. Когда находящийся здесь ст. ун[тер]-оф[ицер] Мушинский сказал: «Что же вы отказываетесь от своих слов?» Прапорщик Егоров стал говорить что-то несвязное. Я попросил прапорщ[ика] Егорова отдать свою шашку и поручил двум конвойным отвести его в Осташковский испол[нительный] ком[итет].

Прапорщик ШИБАНОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 48. Л. 182, 182 об. Автограф.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Протокол пребывания управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова в Ставке 24 и 25 августа 1917 г.

25 августа 1917 г.

Протокол пребывания управляющего Военным министерством Савинкова в гор. Могилеве 24 и 25 августа 1917 г. и касающийся разговоров Верховного главнокомандующего генерала Корнилова с ним и другими лицами по вопросу, касающемуся ближайших событий.

24 августа Савинков с поезда поехал прямо к Верховному главнокомандующему. Одновременно с ним приехали: начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Лукомский и комиссар при Верховном главнокомандующем Филоненко.

Войдя в кабинет к главковерху и поздоровавшись с ним, Савинков заявил, что ему хотелось бы переговорить с генералом Корниловым с глазу на глаз. Генерал Лукомский и Филоненко из кабинета вышли.

Разговор Савинкова с генералом Корниловым касался установления тесных отношений между генералом Корниловым и министром-председателем Керенским, так как Савинков считал, что оба эти лица, будучи вождями различных партий, должны работать рука об руку. Затем Савинков показал генералу Корнилову те проекты законов, которые выработаны для рассмотрения Временным правительством на основании требований, предъявленных генералом Корниловым.

В тот же день после обеда, примерно в 9 часов вечера, в кабинете у генерала Корнилова собрались, кроме хозяина, Савинков, генерал-лейтенант Лукомский и Филоненко.

Сначала обсуждался вопрос о комитетах и комиссарах, причем Савинков и Филоненко высказались против главкоюза генерала Деникина, который не может наладить отношения с комиссарами и комитетами, и высказали опасение, что если во главе фронтов будут стоять такие генералы, то трудно установить дружную работу, и это будет отражаться на состоянии войск.

Генерал Корнилов и генерал Лукомский горячо восстали против возможности легко убирать отличных боевых генералов из-за того, что у них являются иногда шероховатости в работе с комитетами и комиссарами. Было высказано, что если новое положение о комиссарах и комитетах будет составлено вполне определенно, то никаких недоразумений не будет. Хороших же боевых генералов слишком мало, чтобы их выбрасывать за борт из-за всякого недоразумения.

Затем Савинков предложил обсудить вопрос об установлении границ Петроградского военного губернаторства, которое признается необходимым выделить из состава Петроградского военного округа при формировании Особой армии для обороны подступов к Петрограду.

В кабинет были приглашены генерал-майор Романовский и полковник Барановский (начальник кабинета военного министра), которые принесли карты, и полковник Барановский доложил о тех границах губернаторства, которые считает нужным установить в Петрограде.

После некоторых переговоров граница была установлена.

До прихода генерала Романовского, после доклада полковника Барановского о необходимости выделить особое Петроградское военное губернаторство Савинков, обращаясь к генералу Корнилову сказал почти дословно[1] следующее: «Таким образом, Лавр Георгиевич, Ваши требования будут удовлетворены Временным правительством в ближайшие дни, но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные осложнения.

Вам, конечно, известно, что примерно 28 или 29 августа в Петрограде ожидается серьезное выступление большевиков. Опубликование Ваших требований, проводимых через Временное правительство, конечно, послужит толчком для выступления большевиков, если последнее почему-либо задержалось.

Хотя в нашем распоряжении и достаточно войск, но на них мы вполне рассчитывать не можем. Тем более что еще не известно, как к новому закону отнесется СР и СД. Последний также может оказаться против правительства, и тогда мы рассчитывать на наши войска не можем.

Поэтому прошу Вас отдать распоряжение о том, чтобы третий конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и был предоставлен в распоряжение Временного правительства.

В случае, если кроме большевиков выступят и члены СР и СД, то нам придется действовать и против них. Я только прошу Вас во главе третьего конного корпуса не присылать генерала Крымова, который для нас не особенно желателен. Он очень хороший боевой генерал, но вряд ли пригоден для таких операций...»

После этого пришел генерал Романовский, и были окончательно установлены границы Петроградского военного губернаторства.

Затем Савинков вновь вернулся к вопросу о возможном подавлении при участии третьего конного корпуса выступления в Петрограде большевиков и СР и СД, если последний пойдет против Временного правительства.

При этом Савинков сказал, что действия должны быть самые решительные и беспощадные.

На это генерал Корнилов ответил, что он иных действий и не понимает, что инструкции будут даны соответственные и что он вообще к вопросу употребления войск при подавлении беспорядков относится серьезно, и уже им отдавалось приказание о предании суду тех начальников, которые допускают стрельбу в воздух. Что и в данном случае, раз будет выступление большевиков и СР и СД, то таковое будет подавлено со всей энергией.

Полковник Барановский, стоявший около стола, с своей стороны прибавил: «Конечно, необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия».

После этого Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, сказал, что необходимо, дабы не вышло недоразумения и чтобы не вызвать выступления боль-

[1] Слова *«почти дословно»* впечатаны над строкой.

шевиков раньше времени, предварительно сосредоточить к Петрограду конный корпус, затем к этому времени объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и объявить новый закон, устанавливающий целый ряд ограничений.

Дабы Временное правительство точно знало, когда надо объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и когда опубликовать новый закон, надо, чтобы генерал Корнилов точно протелеграфировал ему, Савинкову, о времени, когда корпус подойдет к Петрограду.

После этого Савинков и Барановский ушли.

В доказательство соглашения генерала Корнилова с управляющим Военным министерством Савинковым о подводе к Петрограду третьего конного корпуса приводится следующий текст телеграммы, отправленной Савинкову в зашифрованном виде 27 августа 2 часа 40 минут: «Управоенмину. Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа. № 6394. Генерал Корнилов»[1].

Генерал от инфантерии КОРНИЛОВ
Генерал-лейтенант ЛУКОМСКИЙ
Генерал-майор РОМАНОВСКИЙ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14 Л. 34–36. Подлинник. Машинопись.

Опубл.: *Владимирова В.* Контрреволюция в 1917 г. (Корниловщина). М.: Красная новь, 1924. С. 206–209.

Приложение № 2

Запись разговора по прямому проводу управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова и деятеля кадетской партии В.А. Маклакова с генералом Л.Г. Корниловым о возможности соглашения между Временным правительством и Корниловым

27 августа 1917 г.

[Савинков]: Генерал Корнилов у аппарата? У аппарата Савинков. Здравствуйте, господин генерал, позвольте Вам доложить, что, во-первых, сведения, сообщенные генералом Лукомским в его телеграмме 6406, не соответствуют истине, ибо я никогда не предлагал Вам от имени министра-председателя никаких политических комбинаций, да и не мог предложить. Я не могу не рассматривать сообщение генерала Лукомского иначе, как клевету. Вместе с сим позволяю себе напомнить Вам, что Вы неоднократно удостоверяли мне, что Вы руководствуетесь исключительно любовью к Родине во всех Ваших действиях, и заверяли меня в этом Вашим честным словом.

Едва ли Вы будете отрицать, господин генерал, что требования, предъявленные Вами Временному правительству через Владимира Львова, и та позиция, которую Вы заняли в этом вопросе, губительны для отечества, ибо чем бы ни закончилось начатое Вами предприятие, родина наша пострадает безмерно, в

[1] Далее текст вписан чернилами.

действующей армии и в стране прольется кровь тех людей, которые хотят защищать Россию от могущественного врага, фронт обнажится, и победу будет праздновать император Вильгельм. Во-вторых, позволю себе доложить Вам, что оправданием Вашего предприятия не может служить даже и ссылка на нежелание правительства следовать той программе, которую Вы изложили в докладной записке. Подписанной и мною, ибо я в Ставке не имел честь доложить Вам, что правительство определенно становится на предлагаемый Вами путь, в доказательство чего показал Вам изготовленный уже законопроект о мероприятиях в тылу, Вами одобренный. В тот день и даже почти в тот час, когда правительство должно было принять этот законопроект, о чем я Вас поставил в известность своевременно по телеграфу, Вам угодно было попытаться продиктовать Вашу единоличную волю народу русскому, и этим Вы взяли на себя ответственность незабываемую. Все попытки мои, длительные и упорные, связать Вас тесной связью, с демократией российской, осуществляя именем признанного ее вождя программу, Вами предложенную, не увенчались успехом, смею сказать, не по моей вине, а единственно по Вашей вине. В-третьих, позвольте Вам доложить, что арест Филоненко является не только преступлением против правительства, но и вопиющим нарушением доверия личного, ибо со стороны Филоненко, как и моей, Вы еще в бытность Вашу командармом 8 и затем неизменно всегда видели лишь доверие и уважение.

Господин генерал, во имя несчастной Родины нашей, во имя того, чтобы чужеземец не продиктовал народу русскому своего закона, во имя, наконец, спасения жизней человеческих, которые погибнут от братоубийственных рук, я обращаюсь к Вам с почтительной просьбой и настойчивым требованием подчиниться Временному правительству, сдать должность и уехать из действующей армии. Жду?

[Корнилов]: Здравствуйте, Борис Викторович. Прежде всего прошу верить, что генерал Корнилов в своих действиях руководствовался всегда и везде только сознанием своего долга перед Родиной, всегда любил ее и доказал неоднократно это на деле, не раз жертвуя ради нее своей жизнью. Я обдумаю Ваше сообщение и через полчаса дам Вам ответ по всем его пунктам. Прошу Вас подойти к аппарату в 4 часа. Пока до свидания.

[Савинков]: До свидания, господин генерал, хотя я и не уверен, что говорю с генералом Корниловым, ибо подписи нет. Савинков.

[Корнилов]: Говорю с Вами я лично. Генерал Корнилов.

[Корнилов]: У аппарата генерал Корнилов. Отвечаю по пунктам Вашего сообщения.

Первое: в телеграмме генерала Лукомского подразумевается, что правительство приняло определенные решения относительно большевиков и Советов, так как для осуществления этого решения Вы от имени Временного правительства предложили мне двинуть к Петрограду конный корпус; причем между нами было условлено, что окончание сосредоточения этого корпуса явится по моей телеграмме Вам указанием момента объявления Петрограда на военном положении, что изложенное было заявлено Вами мне в присутствии генералов Лукомского, Романовского и полковника Барановского.

Второе: в беседах наших 24 и 25 августа в Ставке я высказал Вам, что колебания правительства в проведении принципиально принятой им программы, предложенной Вами и мною, приводят к тому, что намеченные меры запаздывают и за их проведение в жизнь нам приходится расплачиваться нашей русской территорией и новым позором армии. Я указывал, что, по моему глубокому убеждению, только сильная, твердая власть, не колеблющаяся ни перед какой

ответственностью и олицетворяемой диктатурой единоличной или коллективной, в зависимости от дальнейшего хода событий может спасти страну от гибели. Далее я заявил Вам, что независимо от личных моих взглядов на характер и свойства А.Ф. Керенского и его отношения ко мне, я признаю участие его в составе правительства, безусловно, необходимым. Кроме того, я заявил, что признаю также безусловно необходимым и Ваше участие в составе правительства.

Третье: по отъезде Вашем мною были получены новые тревожные известия о положении дел на фронте и тылу — приготовление немцев к производству десанта на побережье Рижского залива, убийство начальника 111-ой пехотной дивизии и комиссара Особой армии, телеграмма о количестве погибших при взрыве в Казани снарядов и пулеметов. Эти сведения были приняты мною во внимание во время беседы с В.Н. Львовым, который, по его словам, приехал по поручению А.Ф. Керенского с предложением высказать ему мой взгляд на три варианта на организацию [правительства], намечаемых самим А.Ф. Керенским: первый вариант — уход А.Ф. Керенского из состава правительства; второй — участие А.Ф. Керенского в составе правительства и, наконец, третий — с предложением мне принять диктатуру с объявлением таковой нынешним Временным правительством. Я заявил, что, по моему глубокому убеждению, я единственным исходом считаю. Так, почему Вы перешли на Морзе? ...[1]

...После того, как я заявил, что, по моему глубокому убеждению, я единственным исходом считаю установление диктатуры и объявление всей страны на военном положении, я просил В.Н. Львова передать А.Ф. Керенскому и Вам, что участие Вас обоих в составе правительства считаю безусловно необходимым, просил передать мою настойчивую просьбу приехать в Ставку для принятия окончательного решения, причем заявил, что, ввиду имеющихся у меня точных сведений о готовящемся в Петрограде выступлении большевиков, я признаю положение крайне грозным и, в частности, считаю нахождение Вас и Александра Федоровича в Петрограде весьма опасным для Вас обоих, почему предложил приехать в Ставку, гарантируя своим честным словом Вашу полную безопасность.

Вчера, при обсуждении общего положения дел с комиссарверхом, мы пришли к окончательному выводу, что для спасения страны [необходимо] немедленное установление коллективной диктатуры в виде Совета обороны при непременном участии в нем А.Ф. Керенского, Вашем, М.М. Филоненко и моем. Об этом взгляде моем Вы были поставлены иносказательно в известность М.М. Филоненко. Вчера вечером во время разговора с министром-председателем по аппарату я подтвердил ему переданное через В.Н. Львова [это предложение] и был в полном убеждении, что министр-председатель, убедившись в тяжелом положении страны и желая работать в полном согласии со мной, решил сегодня выехать в Ставку, чтобы здесь принять окончательное решение. Сегодня я получил телеграмму о моем отозвании. Я вновь повторяю, что мне интересы моей родины, сохранение мощи армии дороже всего. Свою любовь к родине я доказал, рискуя много раз собственной жизнью, и ни Вам, ни остальным министрам правительства не приходится напоминать мне о долге перед родиной.

Я глубоко убежден, что совершенно неожиданное для меня решение правительства принято под давлением Совета рабочих и солдатских депутатов, в составе которого много людей, запятнавших себя изменой и предательством. Уходить под давлением этих людей со своего поста я считаю равносильным уходу

[1] Далее в документе пропуск.

в угоду врагу, уходу с поля битвы. Поэтому, в полном сознании своей ответственности перед страной, перед историей и перед своей совестью, я твердо заявляю, что в грозный час, переживаемый нашей родиной, я со своего поста не уйду. Задержание отъезда М.М. Филоненко вызвано моим стремлением не осложнять и без того запутанное положение дел. Ближайшие мотивы моего решения он объяснит лично. Я кончил.

Генерал Корнилов. 27 августа 1917 г. 5 час. 50 мин. Ставка.

[Савинков]: У аппарата генерал Корнилов? Я слушаю, Савинков. Я не буду спорить с Вами, господин генерал, и доложу о нашем разговоре Временному правительству, но я считаю долгом для восстановления исторической точности заявить, что по поручению министра-председателя просил у Вас конный корпус для обеспечения проведения в жизнь военного положения в Петрограде и для подавления всяких попыток возмущения против Временного правительства, откуда бы они ни шли. Что касается возможной высадки противника, то я узнал о ней из беседы с Вами в Ставке, а также о количестве взорванных пулеметов и снарядов в Казани. Филоненко говорил так иносказательно, что того смысла его слов, на который Вы указываете, я не усмотрел. Лавр Георгиевич, я, как Вам известно, стоял на точке зрения необходимости чрезвычайно сильной власти и этого ни от кого не скрывал, но власть революционная не может быть властью единоличной, и я докладывал Вам, что если бы даже А.Ф. Керенский объявил себя диктатором, то даже и он нашел бы во мне врага. Из изложенного Вами я усматриваю, что Львов сыграл в этом деле плачевную, если не сказать больше, роль. Я не могу забыть Ваших последних слов в Ставке, что Вы готовы всемерно поддерживать А.Ф. Керенского, если это нужно для блага отечества и моего ответа Вам, что я счастлив слышать эти слова. Я боюсь, что недоразумение, порожденное Львовым, сыграло роковую для нашей родины роль, и я с прискорбием вижу, что все мои труды не дали результата.

Лавр Георгиевич, я уже сказал, что мне не надлежит ныне спорить с Вами, но у аппарата Маклаков, он хочет говорить с Вами. Угодно Вам выслушать его? Савинков.

И еще одно слово, — следует ли понимать Ваши слова о Филоненко, что он уже Вами отпущен?

[Корнилов]: М.М. Филоненко находится здесь, стоит рядом со мной у аппарата и не выедет из Могилева до завтрашнего дня. С В.А. Маклаковым поговорю с удовольствием. Здравствуйте, Василий Алексеевич, что прикажете?

[Маклаков]: У аппарата Маклаков. Здравствуйте, Лавр Георгиевич. В передаче Львова Ваше предложение было принято здесь как желание насильственного государственного переворота. Глубоко рад, что это, по-видимому, недоразумение. Вы недостаточно верно осведомлены в политическом настроении. Такая попытка была бы несчастьем [для] России, повела бы к гибели армии, резне офицеров и победе Вильгельма. Необходимо принять все меры, ликвидировать это недоразумение без соблазна и огласки. Вы недостаточно в курсе того, что здесь происходит. Если могу быть полезным, охотно приеду в Ставку.

[Корнилов]: Возможно, что я недостаточно ясно разбираюсь в нынешних политических течениях, но только для меня ясно, что страна и армия неудержимо идут в пропасть, и своим последним неосторожным шагом правительство еще более обострило положение. Я охотно встретился бы с Вами, с А.Ф. Керенским и Б.В. Савинковым здесь, в Ставке, и думаю, что недоразумение могло бы быть устранено при личных объяснениях, только полагаю, что при существовании последней телеграммы о моем отозвании почва для благополучного исхода вряд ли благоприятна. Корнилов.

[Маклаков]: До свидания. Маклаков.

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–14. Телегр. бланк; Там же. Д. 45. Л. 2–4 об. Копия. Машинопись.

Опубл.: Революционное движение в России. С. 448–452; *Мартынов Е.Н.* Корнилов: Попытка военного переворота. М., 1927. С. 188–190.

Приложение № 3

ОБРАЩЕНИЕ К НАРОДУ

Я, Верховный главнокомандующий, генерал Корнилов, пред лицом всего народа объявляю, что долг солдата, самопожертвование гражданина Свободной России и беззаветная любовь к Родине заставили меня, в эти грозные минуты бытия Отечества, не подчиниться приказанию Временного правительства и оставить за собою верховное командование народными армиями и флотом.

Поддержанный в этом решении всеми главнокомандующими фронтов, я заявляю всему Народу Русскому, что предпочитаю смерть устранению меня от должности Верховного.

Истинный сын Народа Русского всегда погибает на своем посту и несет в жертву Родине самое большое, что он имеет, — свою жизнь.

В эти поистине ужасающие минуты существования Отечества, когда подступы к обеим столицам почти открыты для победного шествия торжествующего врага, Временное правительство, забывая великий вопрос самого независимого существования страны, кидает в народ призрачный страх контрреволюции, которую оно само своим неумением к управлению, своею слабостью во власти, своею нерешительностью в действиях вызывает к скорейшему воплощению.

Не мне ли, кровному сыну своего Народа, всю жизнь свою на глазах всех отдавшему на беззаветное служение Ему, стоять на страже великих свобод, великого будущего своего народа!

Но ныне будущее это в слабых безвольных руках; надменный враг, посредством подкупа и предательства распоряжающийся у нас в стране, как у себя дома, несет гибель не только свободе, но и существованию Народа Русского.

Очнитесь, люди русские, от безумия ослепления и вглядитесь в бездонную пропасть, куда стремительно идет наша Родина!

Избегая всяких потрясений, предупреждая какое-либо пролитие русской крови в междоусобной брани и забывая все обиды и все оскорбления, я, перед лицом всего Народа, обращаюсь к Временному правительству и говорю: «Приезжайте ко мне в Ставку, где свобода ваша и безопасность обеспечены моим честным словом, и, совместно со мной, выработайте и образуйте такой состав Правительства Народной Обороны, который, обеспечивая победу, вел бы Народ Русский к великому будущему, достойному могучего свободного народа.

Верховный главнокомандующий, генерал КОРНИЛОВ

28 августа 1917 года
СТАВКА

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 48. Типогр. экз.; Там же. Д. 27. Л. 28. Типогр. экз.

Опубл.: Корниловские дни. Бюллетени Временного военного комитета. Пг., 1917. С. 105–106.

Приложение № 4

ВОЗЗВАНИЕ К КАЗАКАМ

Казаки, дорогие станичники!

Не на костях ли ваших предков расширялись и росли пределы Государства Российского.

Не вашей ли могучей доблестью, не вашими ли подвигами, жертвами и геройством была сильна Великая Россия.

Вы — вольные, свободные сыны тихого Дона, красавицы Кубани, буйного Терека, залетные, могучие орлы уральских, оренбургских, астраханских, семиреченских и сибирских степей и гор и далеких Забайкалья, Амура и Уссури, всегда стояли на страже чести и славы ваших знамен, и русская земля полна сказаниями о подвигах ваших отцов и дедов.

Ныне настал час, когда вы должны прийти на помощь Родине.

Я обвиняю Временное правительство в нерешительности действий, в неумении и неспособности управлять, в допущении немцев к полному хозяйничанью внутри нашей страны, о чем свидетельствует взрыв в Казани, где взорвалось около миллиона снарядов и погибло 12 тысяч пулеметов; более того, я обвиняю некоторых членов правительства в прямом предательстве Родины и тому привожу доказательство: когда я был на заседании Временного правительства в Зимнем дворце 3 августа, министр Керенский и Савинков сказали мне, что нельзя всего говорить, так как среди министров есть люди неверные.

Ясно, что такое правительство ведет страну к гибели, что такому правительству верить нельзя, и вместе с ним не может быть спасенья несчастной России.

Поэтому, когда вчера Временное правительство в угоду врагов потребовало от меня оставления должности Верховного главнокомандующего, я, как казак, по долгу совести и чести, вынужден был отказаться от исполнения этого требования, предпочитая смерть на поле брани — позору и предательству Родины.

Казаки, рыцари Земли Русской.

Вы обещали встать вместе со мной на спасенье Родины, когда я найду это нужным.

Час пробил, Родина — накануне смерти.

Я не подчиняюсь распоряжениям Временного правительства и ради спасенья Свободной России иду против него и против тех безответственных советников его, которые продают Родину.

Поддержите, казаки, честь и славу беспримерно доблестного казачества, и этим вы спасете Родину и Свободу, завоеванную Революцией.

Слушайтесь же и исполняйте мои приказания.

Идите же за мной.

Верховный главнокомандующий,
генерал КОРНИЛОВ

28 августа 1917 г.

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 40. Типогр. экз.; Там же. Д. 47. Л. 11. Типогр. экз.

Приложение № 5

ПРИКАЗ
Верховного главнокомандующего
28 августа 1917 г.
№ 897

Галицийский разгром армий Юго-Западного фронта определенно указал, до какой степени разложения дошла наша армия.

Как главнокомандующий фронтом я считал своим долгом выступить с требованием о введении смертной казни для изменников и трусов. Требование это было удовлетворено, но не в полной мере, так как не распространялось на тыл, наиболее зараженный преступной пропагандой.

Вступая на пост Верховного главнокомандующего, я предъявил Временному правительству те условия, которые я считал необходимым провести в жизнь для спасения армии и для ее оздоровления. Среди этих мероприятий было и введение смертной казни в тылу.

Временное правительство принципиально мои предложения одобрило, и я вновь подтвердил их 14-го сего августа на Государственном совещании в г. Москве.

Время было дорого, каждый потерянный день грозил роковыми последствиями, а между тем Временное правительство с одной стороны не решалось осуществить мои предложения, а с другой — допускало даже определенную критику их газетами и различными организациями. Одновременно в целях окончательного разложения армии была начата и травля высшего командного состава.

В то же время по самым достоверным сведениям в Петрограде готовилось вооруженное выступление большевиков. Имелись определенные указания на то, что они намереваются захватить власть в свои руки, хотя и на несколько дней, и, объявив перемирие, сделать решительный и непоправимый шаг к заключению позорного сепаратного мира, а следовательно погубить Россию.

Что подобное намерение со стороны большевиков и некоторых безответственных организаций являлось вполне вероятным, подтверждается и тем, что в составе их, как то с несомненностью доказано, имеется большое число предателей и шпионов, работающих в пользу Германии на немецкие же деньги.

Видя бессилие Временного правительства и отсутствие у него решимости принять энергичные меры против лиц и организаций, определенно ведущих к гибели Россию, и дабы предотвратить катастрофу, я решил подтянуть к Петрограду четыре кавалерийских дивизии с тем, что если выступление большевиков действительно последует, то — оно будет подавлено самыми решительными и крутыми мерами. С преступной работой изменников тыла надо было покончить раз навсегда.

Решаясь на это, я лично не преследовал никаких честолюбивых замыслов и не желал принимать на себя всю тяжесть единоличной ответственности по управлению страной. Я хотел в согласии с целым рядом лиц, пользующихся общественным доверием, и с целым рядом общественных организаций, стремящихся к спасению России, — дать при помощи этих же видных общественных деятелей сильную власть Родине, способную спасти ее от гибели и позора. Я лишь считал необходимым вступление мое, как Верховного главнокомандующего, в состав нового правительства.

Выступление большевиков в Петрограде намечалось на 28–29 августа, а к 24-му числу в Пскове, Великих Луках и на ст. Дно уже было сосредоточено три кавалерийских дивизии.

24-го августа ко мне в Ставку прибыл управляющий Военным министерством г. Савинков, который привез проект мероприятий Временного правительства, составленный на основании предъявленных мною требований, и заявил мне, что хотя эти мероприятия правительство и намеревается провести в ближайшие дни, но вместе с тем оно сильно опасается, что это вызовет выступление в Петрограде и сильное противодействие со стороны безответственных организаций.

Одновременно г. Савинков сообщил мне, что Временное правительство, в ожидании выступления большевиков, не уверено в своих силах и просит меня предоставить в его распоряжение кавалерийский корпус, который надлежит подвезти к Петрограду. Правительство же, со своей стороны, предполагало, по получении сведений о сосредоточении вышеуказанного корпуса, немедленно объявить Петроград на военном положении.

Пожелание Временного правительства, переданное мне через г. Савинкова, вполне соответствовало принятому уже мною решению, а потому я в тот же день отдал все распоряжения, необходимые для подавления возможного восстания в Петрограде.

25-го августа ко мне в Ставку прибыл член Государственной Думы, бывший обер-прокурор Св. Синода Владимир Львов, который от имени министра-председателя Керенского предложил мне высказать ему мой взгляд на три варианта организации власти, намечаемых самим Керенским: 1) уход А.Ф. Керенского из состава правительства; 2) участие А.Ф. Керенского в составе правительства; и 3) предложение мне принять диктатуру с объявлением таковой нынешним Временным правительством.

Я ответил, что единственным исходом считаю установление диктатуры и объявление всей страны на военном положении.

Под диктатурой подразумевал диктатуру не единоличную, так как указал на необходимость участия в правительстве Керенского и Савинкова.

Принимая это решение, я во всеуслышание заявляю, что определенно считал и считаю полную невозможность возврата к старому и что задача нового правительства должна сводиться единственно к спасению Родины и гражданских свобод, завоеванных переворотом 27 февраля.

26-го августа вечером я вновь обменялся телеграммами с министром-председателем Керенским, который спросил меня, подтверждаю ли я то, что мною сказано Львову.

Не допуская мысли, что посланец Временного правительства мог исказить смысл моего с ним разговора, я ответил, что вполне подтверждаю и вновь прошу Керенского и Савинкова прибыть в Ставку, так как при оставлении их в Петрограде я не в состоянии буду отвечать за их безопасность.

Министр-председатель на это мне ответил, что выехать в Ставку 26-го он не может, а выезжает 27-го.

Таким образом, до вечера 26-го, как видно из всего вышеизложенного, мои действия и решения шли в полном согласии с Временным правительством, и я имел полное основание считать, что министр-председатель и управляющий Военным министерством не ведут двойной игры.

Утро 27-го показало обратное. Я получил телеграмму министра-председателя, коей указывалось, что я должен немедленно сдать должность Верховного главнокомандующего моему начальнику Штаба, а сам — немедленно выехать в Петроград.

Начальник Штаба от принятия должности отказался. Я также счел невозможным сдать ее до полного выяснения обстановки.

В течение дня 27-го я беспрерывно вел переговоры по телеграфу с управляющим Военным министерством Савинковым, из которых выяснилось, что министр-председатель и сам Савинков не только отказываются от сделанных мне предложений, но даже отрицают самый факт таковых.

Принимая во внимание, что при создавшейся обстановке дальнейшие колебания смертельно опасны и что предварительно отданные распоряжения отменять уже поздно, я, сознавая всю тяжесть ответственности, решил не сдавать должность Верховного главнокомандующего с тем, чтобы спасти Родину от неминуемой гибели, а русский народ от немецкого рабства.

В этом моем решении меня поддержали главнокомандующие фронтами, и я убежден, что вместе со мною пойдут также все честные защитники нашей многострадальной Родины.

Правда и справедливость на нашей стороне.

Я твердо верю, что русская армия, восстав от одра болезни, поможет мне отразить врага, изгнать его из наших пределов и, закончив войну в полном единении с нашими доблестными союзниками, тем самым обеспечить Свободной России творческую работу для светлого будущего, которое она заслужила своими великими жертвами в течение трехлетней войны.

Одновременно с этим я обратился к Временному правительству со следующим: «Приезжайте ко мне в Ставку, где свобода Ваша и безопасность обеспечена моим честным словом, и совместно со мною выработайте и образуйте такой состав правительства народной обороны, который, обеспечив победу, вел бы народ русский к великому будущему, достойному могучего свободного народа».

Подписал: генерал от инфантерии КОРНИЛОВ

(По Управлению 2-го генерал-квартирмейстера).

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 42. Типогр. экз.; Там же. Д. 47. Л. 14. Типогр. экз.

Частично опубл.: *Владимирова В.* Революция 1917 года (хроника событий). Август — сентябрь. Л.: Государственное издательство. 1924. Т. IV. С. 112.

Приложение № 6

ПРИКАЗ
Верховного главнокомандующего

г. Могилев *29 августа 1917 г.*

№ 900

Я, Верховный главнокомандующий, генерал Корнилов, объясняю всем вверенным мне армиям, в лице их командного состава, комиссаров и выборных организаций, смысл происшедших событий.

Мне известно из фактических письменных данных, донесений контрразведки, перехваченных телеграмм и личных наблюдений нижеследующее:

1. Взрыв в Казани, где погибло более миллиона снарядов и 12 тысяч пулеметов, произошел при несомненном участии германских агентов.

2. На организацию разрухи рудников и заводов Донецкого бассейна и юга России Германией истрачены миллионы рублей.

3. Контрразведка из Голландии доносит:

а) На днях намечается одновременно удар на всем фронте, с целью заставить дрогнуть и бежать нашу развалившуюся армию,

б) Подготовлено восстание в Финляндии,

в) Предполагаются взрывы мостов на Днепре и Волге,

г) Организуется восстание большевиков в Петрограде.

4. 3 августа, в Зимнем дворце, на заседании Совета Министров, Керенский и Савинков лично просили меня быть осторожнее и не говорить всего, так как в числе министров есть люди ненадежные и неверные.

5. Я имею основания тяжко подозревать измену и предательство в составе различных безответственных организаций, работающих на немецкие деньги и влияющих на работу правительства.

6. В связи с частью вышеизложенного и в полном согласии с управляющим Военным министерством Савинковым, приезжавшим в Ставку 24 августа, бал разработал и принят ряд мер для подавления большевистского движения в Петрограде.

7. 25 августа ко мне был прислан министром-председателем член Думы Львов, и имела место историческая провокация.

У меня не могло быть сомненья в том, что безответственное влияние взяло верх в Петрограде и Родина подведена к краю могилы.

В такие минуты не рассуждают, а действуют.

И я принял известное вам решение: спасти Отечество или умереть на своем посту.

Вам хорошо известна вся моя прошлая жизнь, и я заявляю, что ни прежде, ни ныне у меня нет ни личных желаний, ни личных целей и стремлений, а только одна задача, один подвиг жизни — спасти Родину, и к этому я зову вас всех; в обращении моем к Народу звал и Временное правительство.

Пока я ответа не имею.

Должности Верховного главнокомандующего я не сдал, да и некому ее сдать, так как никто из генералов ее не принимает; а поэтому приказываю всему составу армии и флота, от главнокомандующего до последнего солдата, всем комиссарам, всем выборным организациям сплотиться, в эти роковыми минуты жизни Отечества, воедино и все силы свои, без мысли о себе, отдать делу спасения Родины, а для этого, в полном спокойствии, оставаться на фронте и грудью противостоять предстоящему натиску врага.

Честным словом офицера и солдата еще раз заверяю, что я, генерал Корнилов, сын простого казака-крестьянина, всей жизнью своей, а не словами, доказал беззаветную преданность Родине и Свободе, что я чужд каких-либо контрреволюционных замыслов и стою на страже завоеванных свобод, при едином условии дальнейшего существования независимого великого Народа Русского.

Верховный главнокомандующий
генерал ***КОРНИЛОВ***

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 109. Типогр. экз.; Там же. Д. 47. Л. 19. Типогр. экз.

Приложение № 7

ТЕЛЕГРАММЫ

Копия телеграммы генерала Клембовского от 28 августа 1917 года за № 574А. Военному министру, главковерху и всем главнокомандующим

От главковерха получил телеграмму, что я назначаюсь на его место. Готовый служить Родине до последней капли крови, не могу во имя преданности и любви к ней принять эту должность, так как не чувствую в себе ни достаточно сил, ни достаточно уменья для столь ответственной работы в переживаемое тяжелое и трудное время. Считаю перемену верховного командования крайне опасной, когда угроза внешнего врага целости Родины и свободе повелительно требует скорейшего проведения мер для поднятия дисциплины и боеспособности армии. 28 августа № 574А.

КЛЕМБОВСКИЙ

Верно: *Генерального штаба подполковник ПРОНИН*

Копия телеграммы генерала Балуева от 28 августа 1917 года за № 10459 военному министру, копии главковерху, главкосев, главкоюз, поглавкорум, главкокав

Телеграмме по должности командарма 11 еще от 12 июля я высказал, при каких условиях возможно поднять боевую способность армии и тем спасти Россию. В отношении мер, какие должны быть приняты, я вполне согласен с генералом Корниловым. Сейчас получил телеграмму, что генералу Корнилову приказано сдать должность главковерха. Считаю уход генерала Корнилова гибелью для армии и России, во-первых, потому, что генерал Корнилов всегда самоотверженно, всем сердцем и искренно работал на благо Родины и единственный человек в России, способный своей железной волею водворить в армии порядок, а во-вторых, увольнение его показывает, что проектированные меры правительством не принимаются, между тем нынешнее положение России требует безотлагательного принятия исключительных мер, и оставление генерала Корнилова во главе армии является настоятельно необходимым, несмотря ни на какие политические осложнения. № 10459.

Генерал БАЛУЕВ

Верно: *Генерального штаба подполковник ПРОНИН*

Копия телеграммы генерала Щербачева от 28 августа 1917 года за № 493. Военному министру, копия главковерх, главкосев, главкозап, главкоюз и главкокав

Считаю смену верховного командования настоящее особенно трудное время, которое переживает Россия, — крайне опасною в военном отношении, с другой стороны, вполне разделяя меры, предложенные генералом Корниловым для

поднятия дисциплины целях восстановления боеспособности армии, считаю долгом совести заявить, что смена генерала Корнилова неминуемо гибельно отразится на армии и защите России. Обращаюсь к вашему патриотизму во имя спасения Родины сохранить армию от раскола. 28 августа 1917 г. Яссы № 493.

ЩЕРБАЧЕВ

Верно: *Генерального штаба подполковник ПРОНИН*

Копия телеграммы генерала Деникина от 27 августа 1917 года за № 145. Петроград, министру-председателю, копии главковерху, главкосев, главкозап, поглавкорум, главкокав

Я солдат и не привык играть в прятки. 16 июля на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда как сознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста главковерха. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду. 27 августа № 145.

Генерал ДЕНИКИН

Верно: *Генерального штаба подполковник ПРОНИН*

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 49. Типогр. экз.; Там же. Д. 47. Л. 18. Типогр. экз.

Опубл.: Корниловские дни. Бюллетени Временного военного комитета. Пг., 1917. С. 117–119; Революционное движение в России. С. 454–456.

Приложение № 8

ВОЗЗВАНИЕ
Главного комитета Союза офицеров

В дни небывалых бедствий и несмываемого позора, накануне перелома настроения армии и в период нового строительства ее для возрождения боеспособности и мощи — самому сердцу России, ее армии, безумной рукой наносится новый и, быть может, смертельный удар.

В Петрограде вновь подняли голову немецкие наемники-большевики и шпионы; власть их растет ежечасно, и в последние дни они совершенно опутали сетью своих интриг и козней всех членов Временного правительства и подчинили их своей воле.

Временное правительство, не надеясь справиться с приближающимся восстанием своими силами, сделало через управляющего Военным министерством

Савинкова и бывшего обер-прокурора Святейшего Синода Владимира Львова предложение генералу Корнилову разделить власть с некоторыми членами Временного правительства и войти в состав кабинета на каких угодно условиях.

После долгих колебаний и уговоров генерал Корнилов дал на это свое согласие, желая лишь блага Родины и надеясь, что этим может быть достигнуто соглашение между армией и тылом и начнется новое, здоровое и разумное государственное строительство. Но сегодня совершенно неожиданно была получена телеграмма от Керенского с отставкой генерала Корнилова, и вместо него Верховным главнокомандующим был назначен генерал Клембовский, который от этой должности отказался.

Вслед за этим генералы Клембовский, Деникин, Балуев и Щербачев поддержали требования генерала Корнилова о реформах в армии и заявили об этом Временному правительству и генералу Корнилову, указав, что в настоящий критический момент **власть может принадлежать лишь генералу Корнилову.**

Нет места колебаниям в сердце нашего первого народного Верховного вождя генерала **Корнилова!** И он с твердой решимостью отклонил предложение Керенского и остался во главе нашей Великой Армии.

Правительство, уже неоднократно доказавшее нам свою государственную немощь, ныне обесчестило свое имя провокацией и не может дальше оставаться во главе России, не может и далее распоряжаться судьбами всех русских граждан.

Да не будет же никаких колебаний и сомнений и в сердцах офицеров и солдат нашей армии!

К вам, дорогие соратники, четвертый год беззаветно исполняющие свой тяжелый долг, мы, Главный комитет Союза офицеров армии и флота, обращаем свой призыв: будьте тверды и непоколебимы в решении идти за нашим Верховным вождем генералом Корниловым!

Вы понимаете, что правительство, отдающее себя в руки продажного большевизма и не отвечающее за свои действия, такое правительство не может рассчитывать на доверие всей армии и флота и должно подчиниться совершившемуся факту.

В тяжелые дни мы все наши надежды и помыслы устремляем лишь на нашего Верховного вождя генерала **Корнилова**, и мы все, офицеры армии и флота, молим его и далее быть твердым в своих решениях, сохранить власть в своих руках, спасти Россию и довести ее и ее армию до Учредительного собрания. Без этого гибель и позор всем нам, всем русским гражданам, и превратимся мы в немецких батраков.

Все ваше влияние, весь ваш авторитет употребите на раскрытие колеблющимся тяжелого создавшегося положения — истинного положения дел в стране.

Да здравствует наш вождь генерал **Корнилов**, избранник страны и армии, ставший во главе России для спасения ее от врагов внешних и внутренних!

Ваша честь, доблестные офицеры армии и флота, и ваша горячая любовь к Родине служат порукой тому, что Россия не погибнет.

Главный комитет Союза офицеров

28 августа 1917 г. 10 ч. 45 м.
СТАВКА

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 48. Л. 15. Типогр. экз.; Там же. Д. 48. Л. 5 об. Копия. Машинопись.

ОБРАЩЕНІЕ КЪ НАРОДУ.

Я, ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ, ГЕНЕРАЛЪ КОРНИЛОВЪ, предъ лицомъ всего народа объявляю, что долгъ солдата, самопожертвованіе гражданина Свободной Россіи и беззавѣтная любовь къ Родинѣ заставили меня, въ эти грозныя минуты бытія Отечества, не подчиниться приказанію Временнаго Правительства и оставить за собою Верховное Командованіе народными арміями и флотомъ.

Поддержанный въ этомъ рѣшеніи всѣми Главнокомандующими фронтовъ, я заявляю всему Народу Русскому, что предпочитаю смерть устраненію меня отъ должности Верховнаго.

Истинный сынъ Народа Русскаго всегда погибаетъ на своемъ посту и несетъ въ жертву Родинѣ самое большое, что онъ имѣетъ— свою жизнь.

Въ эти, по истинѣ ужасающія, минуты существованія Отечества, когда подступы къ обѣимъ столицамъ почти открыты для побѣднаго шествія торжествующаго врага, Временное Правительство, забывая великій вопросъ самого независимаго существованія страны, кидаетъ въ народъ призрачный страхъ контръ-революціи, которую оно само своимъ неумѣніемъ къ управленію, своею слабостью во власти, своею нерѣшительностью въ дѣйствіяхъ вызываетъ къ скорѣйшему воплощенію.

Не мнѣ-ли, кровному сыну своего Народа, всю жизнь свою на глазахъ всѣхъ отдавшаго на беззавѣтное служеніе Ему, стоять на стражѣ великихъ свободъ, великаго будущаго своего Народа!

Но нынѣ будущее это въ слабыхъ безвольныхъ рукахъ; надменный врагъ, посредствомъ подкупа и предательства, распоряжающійся у насъ въ странѣ, какъ у себя дома, несетъ гибель не только свободѣ, но и существованію Народа Русскаго.

Очнитесь, люди русскіе, отъ безумія ослѣпленія и вглядитесь въ бездонную пропасть, куда стремительно идетъ наша Родина!

Избѣгая всякихъ потрясеній, предупреждая какое-либо пролитіе русской крови въ междуусобной брани, и забывая всѣ обиды и всѣ оскорбленія, я, передъ лицомъ всего Народа, обращаюсь къ Временному Правительству и говорю: «Пріѣзжайте ко мнѣ въ Ставку, гдѣ свобода Ваша и безопасность обезпечены моимъ честнымъ словомъ, и, совмѣстно со мной, выработайте и образуйте такой составъ Правительства Народной Обороны, который, обезпечивая побѣду, велъ бы Народъ Русскій къ великому будущему, достойному могучаго свободнаго народа.

Верховный Главнокомандующій,
Генералъ КОРНИЛОВЪ.

28 августа 1917 года.
СТАВКА.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ КАЗАКАМЪ.

Казаки, дорогіе станичники!

Не на костяхъ-ли Вашихъ предковъ расширялись и росли предѣлы Государства Россійскаго.

Не Вашей-ли могучей доблестью, не Вашими-ли подвигами, жертвами и геройствомъ была сильна Великая Россія.

Вы—вольные, свободные сыны тихаго Дона, красавицы Кубани, буйнаго Терека, залетные, могучіе орлы Уральскихъ Оренбургскихъ, Астраханскихъ, Семирѣченскихъ и Сибирскихъ степей и горъ и далекихъ Забайкалья, Амура и Уссури всегда стояли на стражѣ чести и славы Вашихъ знаменъ и Русская земля полна сказаніями о подвигахъ Вашихъ отцовъ и дѣдовъ.

Нынѣ насталъ часъ, когда Вы должны прійти на помощь Родинѣ.

Я обвиняю Временное Правительство въ нерѣшительности дѣйствій, въ неумѣніи и неспособности управлять, въ допущеніи нѣмцевъ къ полному хозяйничанью внутри нашей страны, о чемъ свидѣтельствуетъ взрывъ въ Казани, гдѣ взорвалось около милліона снарядовъ и погибло 12 тысячъ пулеметовъ; болѣе того, я обвиняю нѣкоторыхъ членовъ Правительства въ прямомъ предательствѣ Родинѣ и тому привожу доказательство: Когда я былъ на засѣданіи Временнаго Правительства въ Зимнемъ Дворцѣ 3 августа, Министръ Керенскій и Савинковъ сказали мнѣ, что нельзя всего говорить, такъ какъ среди министровъ есть люди невѣрные.

Ясно, что такое Правительство ведетъ страну къ гибели, что такому Правительству вѣрить нельзя, и вмѣстѣ съ нимъ не можетъ быть спасенья несчастной Россіи.

Поэтому, когда вчера Временное Правительство, въ угоду враговъ, потребовало отъ меня оставленія должности Верховнаго Главнокомандующаго, я, какъ казакъ, по долгу совѣсти и чести, вынужденъ былъ отказаться отъ исполненія этого требованія, предпочитая смерть на полѣ брани—позору и предательству Родины.

Казаки, рыцари Земли Русской.

Вы обѣщали встать вмѣстѣ со мной на спасенье Родины, когда я найду это нужнымъ.

Часъ пробилъ, Родина—наканунѣ смерти.

Я не подчиняюсь распоряженіямъ Временнаго Правительства и, ради спасенья Свободной Россіи, иду противъ него и противъ тѣхъ безотвѣтственныхъ совѣтниковъ его, которые продаютъ Родину.

Поддержите, казаки честь и славу безпримѣрно-доблестнаго казачества и этимъ Вы спасете Родину и Свободу, завоеванную Революціей.

Слушайтесь-же и исполняйте мои приказанія.

Идите-же за мной.

Верховный Главнокомандующій,
Генералъ **Корниловъ.**

28 августа 1917 г.

ПРИКАЗЪ

Верховнаго Главнокомандующаго.

28 августа 1917 года.

№ 897.

Галиційскій разгромъ арміи Юго-Западнаго фронта опредѣленно указалъ до какой степени разложенія дошла наша армія.

Какъ Главнокомандующій фронтомъ, я считалъ своимъ долгомъ выступить съ требованіемъ о введеніи смертной казни для измѣнниковъ и трусовъ. Требованіе это было удовлетворено, но не въ полной мѣрѣ, такъ какъ не распространялось на тылъ, наиболѣе зараженный преступной пропагандой.

Вступая на постъ Верховнаго Главнокомандующаго, я предъявилъ Временному Правительству тѣ условія, которыя я считалъ необходимымъ провести въ жизнь для спасенія арміи и для ея оздоровленія. Среди этихъ мѣропріятій было и введеніе смертной казни въ тылу.

Временное Правительство принципіально мои предложенія одобрило и я вновь подтвердилъ ихъ 14-го сего августа на Государственномъ Совѣщаніи въ г. Москвѣ.

Время было дорого, каждый потерянный день грозилъ роковыми послѣствіями, а между тѣмъ Временное Правительство съ одной стороны не рѣшалось осуществить мои предложенія, а съ другой—допускало даже опредѣленную критику ихъ газетами и различными организаціями. Одновременно въ цѣляхъ окончательнаго разложенія арміи была начата и травля высшаго командного состава.

Въ тоже время по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ въ Петроградѣ готовилось вооруженное выступленіе большевиковъ. Имѣлись опредѣленныя указанія на то, что они намѣреваются захватить власть въ свои руки хотя на нѣсколько дней и, объявивъ перемиріе, сдѣлать рѣшительный и неисправимый шагъ къ заключенію позорнаго сепаратнаго мира, а слѣдовательно погубить Россію.

Что подобное настроеніе со стороны большевиковъ и нѣкоторыхъ безотвѣтственныхъ организацій являлось вполнѣ вѣроятнымъ, подтверждается и тѣмъ, что въ составѣ ихъ, какъ то съ несомнѣнностью доказано, имѣется большое число предателей и шпіоновъ, работающихъ въ пользу Германіи на нѣмецкія же деньги.

Видя безсиліе Временнаго Правительства и отсутствіе у него рѣшимости принять энергичныя мѣры противъ лицъ и организацій, опредѣленно ведущихъ къ гибели Россію и дабы предотвратить катастрофу и рѣшимъ подтянуть къ Петрограду четыре кавалерійскихъ дивизіи съ тѣмъ, что если выступленіе большевиковъ дѣйствительно послѣдуетъ, то—оно будетъ подавлено самыми рѣшительными и крутыми мѣрами. Съ преступной работой измѣнниковъ тыла надо было покончить разъ навсегда.

Рѣшаясь на это, я лично не преслѣдовалъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ и ко всякимъ принимать на себя всю тяжесть единоличной отвѣтственности по управленію страной. Я хотѣлъ лишь сказать съ тѣмъ рядомъ лицъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ и съ цѣлымъ рядомъ общественныхъ организацій, стремящихся къ спасенію Россіи,—дать при помощи этихъ же видныхъ общественныхъ дѣятелей сильную власть Родинѣ, способную спасти ее отъ гибели и позора. Я лишь считалъ необходимымъ вступленіе мое, какъ Верховнаго Главнокомандующаго въ составъ новаго Правительства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ большевиковъ въ Петроградѣ насчитывалось на 28—29 августа, а къ 24-му числу въ Псковѣ, Великихъ Лукахъ и на ст. Дно уже было сосредоточено три кавалерійскихъ дивизіи.

24-го августа ко мнѣ въ Ставку прибылъ Управляющій Военнымъ Министерствомъ г. Савинковъ, который привезъ проектъ мѣропріятій Временнаго Правительства, составленный на основаніи предъизложенныхъ мною требованій и заявилъ мнѣ, что хотя эти мѣропріятія Правительство и намѣревается провести въ ближайшіе дни, но вмѣстѣ съ тѣмъ Оно сильно опасается, что это вызоветъ выступленіе въ Петроградѣ и сильное противодѣйствіе со стороны безотвѣтственныхъ организацій.

Одновременно г. Савинковъ сообщилъ мнѣ, что Временное Правительство, въ ожиданіи выступленія большевиковъ, не увѣрено въ своихъ силахъ и проситъ меня предоставить въ его распоряженіе кавалерійскій корпусъ, который надлежитъ подвезти къ Петрограду. Правительство же, съ своей стороны, предполагаю, по полученіи свѣдѣній о сосредоточеніи вышеуказаннаго корпуса, немедленно объявить Петроградъ на военномъ положеніи.

Пожеланіе Временнаго Правительства, переданное мнѣ черезъ г. Савинкова, вполнѣ соотвѣтствовало принятому уже мною рѣшенію, и потому я въ тотъ же день отдалъ всѣ распоряженія, необходимыя для подавленія возможнаго возстанія въ Петроградѣ.

25-го августа ко мнѣ въ Ставку прибылъ членъ Государственной Думы, бывшій Оберъ-Прокуроръ Св. Синода Владиміръ Львовъ, который отъ имени Министра-Предсѣдателя Керенскаго предложилъ мнѣ высказать ему мой взглядъ на три варіанта организаціи власти, намѣченныхъ самимъ Керенскимъ: 1) уходъ А. Ф. Керенскаго изъ состава Правительства; 2) участіе А. Ф. Керенскаго въ составѣ Правительства; и 3) предложеніе мнѣ принять диктатуру съ объявленіемъ таковой нынѣшнимъ Временнымъ Правительствомъ.

Я отвѣтилъ что единственнымъ исходомъ считаю установленіе диктатуры и объявленіе всей страны на военномъ положеніи.

Подъ диктатурой подразумѣвалъ диктатуру не единоличную такъ какъ указалъ на необходимость участія въ Правительствѣ Керенскаго и Савинкова.

Принимая это рѣшеніе, я во всеуслышаніе заявилъ, что опредѣленно считалъ и считаю полную невозможность возврата къ старому и что задача новаго Правительства должна сводиться единственно къ спасенію Родины и гражданскихъ свободъ, завоеванныхъ переворотомъ 27-го Февраля.

26-го Августа вечеромъ я вновь обмѣнялся телеграммами съ Министромъ-Предсѣдателемъ Керенскимъ, который спросилъ меня подтверждаю ли я то, что мною сказано Львову.

Не донская мысли, что посланецъ Временнаго Правительства могъ искажать смыслъ моего съ нимъ разговора, я отвѣтилъ, что вполнѣ подтверждаю и вновь прошу Керенскаго и Савинкова прибыть въ Ставку, такъ какъ при составленіи ихъ въ Петроградѣ я не въ состояніи буду отвѣчать за ихъ безопасность.

Министръ-Предсѣдатель на это мнѣ отвѣтилъ, что выѣхать въ Ставку 26-го онъ не можетъ, а выѣзжаетъ 27-го.

Такимъ образомъ до вечера 26-го, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, мои дѣйствія и рѣшенія шли въ полномъ согласіи съ Временнымъ Правительствомъ и я имѣлъ полное основаніе считать, что Министръ-Предсѣдатель и Управляющій Военнымъ Министерствомъ не ведутъ двойной игры.

Утро 27-го показало обратное. Я получилъ телеграмму Министра-Предсѣдателя, коей указывалось, что я долженъ немедленно сдать должность ВЕРХОВНАГО Главнокомандующаго моему Начальнику Штаба, а самъ—немедленно выѣхать въ Петроградъ.

Начальникъ Штаба отъ принятія должности отказался. Я также счелъ невозможнымъ сдать ее до полнаго выясненія обстановки.

Въ теченіе дня 27-го я безпрерывно велъ переговоры по телеграфу съ Управляющимъ Военнымъ Министерствомъ Савинковымъ, изъ которыхъ выяснилось, что Министръ-Предсѣдатель и самъ Савинковъ не только отказываются отъ сдѣланныхъ мнѣ предложеній, но даже отрицаютъ самый фактъ таковыхъ.

Принимая во вниманіе, что при создавшейся обстановкѣ дальнѣйшія колебанія смертельно опасны и что предварительно отданныя распоряженія отмѣнять уже поздно, я, сознавая всю тяжесть отвѣтственности, рѣшилъ не сдавать должность Верховнаго Главнокомандующаго съ тѣмъ, чтобы спасти Родину отъ неминуемой гибели, а русскій народъ отъ нѣмецкаго рабства.

Въ этомъ моемъ рѣшеніи меня поддержали Главнокомандующіе фронтами и я убѣжденъ, что вмѣстѣ со мною пойдутъ также всѣ честные защитники нашей многострадальной Родины.

Правда я справедливость на нашей сторонѣ.

Я твердо вѣрю, что русская армія, возставъ отъ одра болѣзни, положитъ мнѣ отразить врага, изгнать его изъ нашихъ предѣловъ и, закончивъ войну въ полномъ единеніи съ нашими доблестными союзниками, тѣмъ самымъ обезпечитъ Свободной Россіи творческую работу для свѣтлаго будущаго, которое она заслужила своими великими жертвами въ теченіе трехлѣтней войны.

Одновременно съ этимъ я обратился къ Временному Правительству со слѣдующимъ: „Пріѣзжайте ко мнѣ въ ставку, гдѣ свобода Ваша и безопасность обезпечена моимъ честнымъ словомъ и совмѣстно со мною выработайте и обнародуйте такой составъ Правительства Народной Обороны, который обезпечитъ побѣду вамъ народъ русскій и великому будущему, достойному могучаго свободнаго народа".

Подписалъ:
Генералъ отъ Инфантеріи Корниловъ.

(По Управленію 2-го Генералъ-Квартирмейстера).

ПРИКАЗЪ

Верховнаго Главнокомандующаго

г. Могилевъ. *29 августа 1917 года.*

№ 900

Я, Верховный Главнокомандующій, Генералъ Корниловъ, объясняю всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ арміямъ, въ лицѣ ихъ командная состава, комиссаровъ и выборныхъ организацій смыслъ происшедшихъ событій.

Мнѣ извѣстно изъ фактическихъ письменныхъ данныхъ, донесеній контръ-развѣдки; перехваченныхъ телеграммъ и личныхъ наблюденій нижеслѣдующее:

1. Взрывъ въ Казани, гдѣ погибло болѣе милліона снарядовъ и 12 тысячъ пулеметовъ, произошелъ при несомнѣнномъ участіи германскихъ агентовъ.

2. На организацію разрухи рудниковъ и заводовъ Донецкаго бассейна и юга Россіи Германіей истрачены милліоны рублей.

3. Контръ-развѣдка изъ Голландіи доноситъ:

а) На дняхъ намѣчается одновременно ударъ на всемъ фронтѣ, съ цѣлью заставить дрогнуть и бѣжать нашу развалившуюся армію,

б) Подготовлено возстаніе въ Финляндіи,

в) Предполагаются взрывы мостовъ на Днѣпрѣ и Волгѣ,

г) Организуется возстаніе большевиковъ въ Петроградѣ.

4. 3 августа, въ Зимнемъ Дворцѣ, на засѣданіи Совѣта Министровъ, Керенскій и Савинковъ лично просили меня быть осторожнѣе и не говорить всего, такъ какъ въ числѣ Министровъ есть люди ненадежные и невѣрные.

5. Я имѣю основанія также подозрѣвать измѣну и предательство въ составѣ различныхъ безотвѣтственныхъ организацій, работающихъ на нѣмецкія деньги и вліяющихъ на работу Правительства.

6. Въ связи съ частью вышеизложеннаго и въ полномъ согласіи съ Управляющимъ Военнымъ министерствомъ Савинковымъ, пріѣзжавшимъ въ Ставку 24 августа, былъ разработанъ и принятъ рядъ мѣръ, для подавленія большевистскаго движенія въ Петроградѣ.

7. 25 августа ко мнѣ былъ присланъ Министромъ Предсѣдателемъ членъ Думы Львовъ и имѣла мѣсто историческая провокація.

У меня не могло быть сомнѣнья въ томъ, что безотвѣтственное вліяніе взяло верхъ въ Петроградѣ и Родина подведена къ краю могилы.

Въ такія минуты не разсуждаютъ, а дѣйствуютъ.

И я принялъ извѣстное вамъ рѣшеніе: спасти Отечество или умереть на своемъ посту.

Вамъ хорошо извѣстна вся моя прошлая жизнь, и я заявляю, что ни прежде, ни нынѣ у меня нѣтъ ни личныхъ желаній, ни личныхъ цѣлей и стремленій, а только одна задача, одинъ подвигъ жизни—спасти Родину, и къ этому я зову Васъ всѣхъ; въ обращеніи моемъ къ Народу звалъ и Временное Правительство.

Пока я отвѣта не имѣю.

Должности Верховнаго Главнокомандующаго я не сдалъ, да и некому ее сдать, такъ какъ никто изъ генераловъ ее не принимаетъ; а, поэтому, приказываю всему составу арміи и флота, отъ Главнокомандующаго до послѣдняго солдата, всѣмъ Комиссарамъ, всѣмъ выборнымъ организаціямъ сплотиться, въ эти роковыя минуты жизни Отечества, воедино и всѣ силы свои, безъ мысли о себѣ, отдать дѣлу спасенья Родины, а для этого, въ полномъ спокойствіи, оставаться на фронтѣ и грудью противостоять предстоящему натиску врага.

Честнымъ словомъ офицера и солдата еще разъ завѣряю, что я—Генералъ Корниловъ, сынъ простого казака-крестьянина, всей жизнью своей, а не словами, доказалъ беззавѣтную преданность Родинѣ и Свободѣ, что я чуждъ какихъ либо контръ-революціонныхъ замысловъ и стою на стражѣ завоеванныхъ свободъ, при единомъ условіи дальнѣйшаго существованія независимаго великаго Народа Русскаго.

Верховный Главнокомандующій
Генералъ **КОРНИЛОВЪ.**

ТЕЛЕГРАММЫ.

Копія телеграммы Генерала Клембовскаго отъ 28 Августа 1917 года за № 574 А. Военному Министру, Главноверху и всѣмъ Главнокомандующимъ.

Отъ Главковерха получилъ телеграмму, что я назначаюсь на его мѣсто. Готовый служить Родинѣ до послѣдней капли крови, не могу во имя преданности и любви къ ней принять эту должность, такъ какъ не чувствую въ себѣ ни достаточно силъ, ни достаточно умѣнья для столь отвѣтственной работы въ переживаемое тяжелое и трудное время. Считаю перемѣну Верховнаго Командованія крайне опасной, когда угроза внѣшняго врага цѣлости Родины и свободѣ повелительно требуетъ скорѣйшаго проведенія мѣръ для поднятія дисциплины и боеспособности армія. 28 августа № 574А.

Клембовскій.

Вѣрно:

Генеральнаго Штаба,
Подполковникъ **Пронинъ**.

Копія телеграммы Генерала Балуева отъ 28 августа 1917 года за № 10459 Военному Министру, копіи Главковерху, Главкосѣв., Главкоюз., Поглавкорум., Главкокав.

Телеграммѣ по должности Командарма 11 еще отъ 12 іюля я высказалъ при какихъ условіяхъ возможно поднять боевую способность армія и тѣмъ спасти Россію. Въ отношеніи мѣръ какія должны быть приняты я вполнѣ согласенъ съ Генераломъ Корниловымъ. Сейчасъ получилъ телеграмму, что Генералу Корнилову приказано сдать должность Главковерха. Считаю уходъ Генерала Корнилова гибелью для армія и Россіи во первыхъ потому, что Генералъ Корниловъ всегда самоотверженно всемъ сердцемъ и искренно работалъ на благо Родины и единственный человѣкъ въ Россіи, способный своей желѣзной волею водворить въ армія порядокъ, а во вторыхъ увольненіе его показываетъ, что проектированныя мѣры Правительствомъ не принимаются, между тѣмъ нынѣшнее положеніе Россіи требуетъ безотлагательнаго принятія исключительныхъ мѣръ и оставленіе Генерала Корнилова во главѣ армія является настоятельно необходимымъ несмотря ни на какія политическія осложненія. № 10459.

Генералъ **Балуевъ**.

Вѣрно:
Генеральнаго Штаба,
Подполковникъ **Пронинъ**.

Копія телеграммы Генерала Щербачева отъ 28 августа 1917 года за № 493. Военному Министру, копія Главноверх, Главкосѣв, Главкозап, Главноюз и Главкокав.

Считаю смѣну Верховнаго Командованія настоящее особенно трудное время, которое переживаетъ Россія—крайне опасною въ военномъ отношеніи, съ другой стороны, вполнѣ раздѣляя мѣры, предложенныя Генераломъ Корниловымъ для поднятія дисциплины цѣляхъ возстановленія боеспособности армія, считаю долгомъ совѣсти заявить, что смѣна Генерала Корнилова неминуемо гибельно отразится на армія и защитѣ Россіи. Обращаюсь къ Вашему патріотизму во имя спасенія Родины сохранить армію отъ раскола. 28 августа 1917 г. Ясы № 493.

Щербачевъ.

Вѣрно:

Генеральнаго Штаба,
Подполковникъ **Пронинъ**.

Копія телеграммы Генерала Деникина отъ 27 августа 1917 года за № 145 Петроградъ Министру Предсѣдателю, копіи Главковерху, Главкосѣв, Главкозап, Поглавкорум, Главкокав.

Я солдатъ и не привыкъ играть въ прятки. 16 іюля на совѣщаніи съ членами Временнаго Правительства я заявилъ, что цѣлымъ рядомъ военныхъ мѣропріятій оно разрушило, растлило армію и втоптало въ грязь наши боевыя знамена. Оставленіе свое на посту Главнокомандующаго я понялъ тогда какъ сознаніе Временнымъ Правительствомъ своего тяжкаго грѣха передъ Родиной и желаніе исправить содѣянное зло. Сегодня получилъ извѣстіе, что Генералъ Корниловъ, предъявившій извѣстныя требованія могущія еще спасти страну и армію смѣщается съ поста Главковерха. Видя въ этомъ возвращеніе власти на путь планомѣрнаго разрушенія армія и слѣдовательно гибели страны, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Временнаго Правительства, что по этому пути я съ нимъ не пойду. 27 августа № 145.

Генералъ **Деникинъ**.

Вѣрно:

Генеральнаго Штаба,
Подполковникъ **Пронинъ**.

ВОЗЗВАНІЕ

Главнаго Комитета Союза Офицеровъ

Въ дни небывалыхъ бѣдствій и несмываемаго позора, наканунѣ перелома настроенія Арміи и въ періодъ новаго строительства ея, для возрожденія боеспособности и мощи—самому сердцу Россіи, ея Арміи, безумной рукой наносится новый и, быть можетъ, смертельный ударъ.

Въ Петроградѣ вновь подняли голову нѣмецкіе наемники-большевики и шпіоны; власть ихъ растетъ ежечасно и въ послѣдніе дни они совершенно опутали сѣтью своихъ интригъ и козней всѣхъ членовъ Временнаго Правительства и подчинили ихъ своей волѣ.

Временное Правительство, не надѣясь справиться съ приближающимся возстаніемъ своими силами, сдѣлало черезъ Управляющаго Военнымъ Министерствомъ Савинкова и бывшаго Оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Владиміра Львова предложеніе Генералу Корнилову раздѣлить власть съ нѣкоторыми членами Временнаго Правительства и войти въ составъ Кабинета на какихъ угодно условіяхъ.

Послѣ долгихъ колебаній и уговоровъ Генералъ Корниловъ далъ на это свое согласіе, желая лишь блага Родины и надѣясь, что этимъ можетъ быть достигнуто соглашеніе между арміей и тыломъ и начнется новое, здоровое и разумное государственное строительство. Но сегодня совершенно неожиданно была получена телеграмма отъ Керенскаго съ отставкой Генерала Корнилова и вмѣсто него Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ назначенъ Генералъ Клембовскій, который отъ этой должности отказался.

Вслѣдъ за этимъ Генералы Клембовскій, Деникинъ, Балуевъ и Щербачевъ поддержали требованія Генерала Корнилова о реформахъ въ Арміи и заявили объ этомъ Временному Правительству и Генералу Корнилову, указавъ, что въ настоящій критическій моментъ **власть можетъ принадлежать лишь Генералу Корнилову.**

Нѣтъ мѣста колебаніямъ въ сердцѣ нашего перваго народнаго Верховнаго Вождя, Генерала **Корнилова!** И онъ съ твердой рѣшимостью отклонилъ предложеніе Керенскаго и остался во главѣ нашей Великой Арміи.

Правительство, уже неоднократно доказавшее намъ свою государственную немощь, нынѣ обезчестило свое имя провокаціей и не можетъ дальше оставаться во главѣ Россіи, не можетъ и далѣе распоряжаться судьбами всѣхъ русскихъ гражданъ.

Да не будетъ же никакихъ колебаній и сомнѣній и въ сердцахъ офицеровъ и солдатъ нашей Арміи!

Къ вамъ, дорогіе соратники, четвертый годъ беззавѣтно исполняющіе свой тяжелый долгъ, мы, Главный Комитетъ Союза Офицеровъ Арміи и Флота, обращаемъ свой призывъ: будьте тверды и непоколебимы въ рѣшеніи идти за нашимъ Верховнымъ Вождемъ, Генераломъ Корниловымъ!

Вы понимаете, что Правительство, отдающее себя въ руки продажнаго большевизма и не отвѣчающее за свои дѣйствія, такое Правительство не можетъ расчитывать на довѣріе всей Арміи и Флота и должно подчиниться совершившемуся факту.

Въ тяжелые дни мы всѣ наши надежды и помыслы устремляемъ лишь на нашего Верховнаго Вождя, Генерала **Корнилова**, и мы всѣ, офицеры Арміи и Флота, молимъ его, и далѣе быть твердымъ въ своихъ рѣшеніяхъ, сохранить власть въ своихъ рукахъ, спасти Россію и довести ее и ея Армію до Учредительнаго Собранія. Безъ этого гибель и позоръ всѣмъ намъ, всѣмъ русскимъ гражданамъ и превратимся мы въ нѣмецкихъ батраковъ.

Все ваше вліяніе, весь вашъ авторитетъ употребите на раскрытіе колеблющимся тяжелаго создавшагося положенія—истиннаго положенія дѣлъ въ странѣ.

Да здравствуетъ нашъ Вождь, Генералъ **Корниловъ**, избранникъ страны и Арміи, ставшій во главѣ Россіи для спасенія ея отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ!

Ваша честь, доблестные офицеры Арміи и Флота, и ваша горячая любовь къ Родинѣ служатъ порукой тому, что Россія не погибнетъ.

28 августа 1917 г. 10 ч. 45 м.
СТАВКА.

Главный Комитетъ
Союза Офицеровъ

Приложение № 9

БЫХОВСКИЙ АЛЬБОМ

Однажды, в Быховской женской гимназии, превращенной по приказанию «главковерха» Керенского в тюрьму для генерала Корнилова и присоединившихся к нему во время его выступления в августе[I] 1917 года против Временного правительства генералов и офицеров, я попросил моих соузников написать в особую тетрадь несколько строк на память о наших злоключениях. Все согласились, и в моих руках оказался целый альбом, «Быховский альбом» автографов, который мне удалось сохранить при всех последующих переживаниях.

Я не предназначал его для печати и не сомневаюсь, что каждый, кто писал в него, писал искренне.

Генерал Корнилов и его соузники были первыми, кто начал противобольшевицкую борьбу. Позже он и старшие быховские генералы взяли на себя руководство этой борьбою и стали во главе Добровольческой армии на Юге России. Они боролись за честь и достоинство России, не заботясь о личных выгодах и не щадя своей жизни. В нескольких строках, написанных ими в Быховский альбом, они высказались ясно, а своей деятельностью полностью оправдали свои слова: в самые трудные минуты особенно смело шел вперед генерал Корнилов, предпочел смерть позорному существованию генерал Марков!

По тернистому пути шли корниловцы, служа духу и ведя борьбу против служителей золотого тельца. Судьба отняла у России генерала Корнилова, отняла жизнь у ряда его единомышленников[II], не дала победы оставшимся в живых его сподвижникам.

Побежденных судят...

Но не страшен правдивый суд истории быховцам, они смело могут сказать: «Клянемся, что в своих действиях мы руководились лишь тем, чтобы спасти Россию!»

С.Р.

Быховские узники

№№	*Чин и фамилия*	*Должность*	*Время освобождения*
Чины Ставки, прибыли из г. Могилева 13 сентября			
1	Генерал от инфантерии Корнилов, Лавр Георгиевич †	Верховный главнокомандующий	Ушел походом с Текинским полком 19-го ноября
2	Генерал-лейтенант Лукомский, Александр Сергеевич	Начальник Штаба Верховного главнокомандующего	18-го ноября

[I] Все даты по старому стилю. *(Примечание документа).*

[II] Генерал Корнилов убит гранатой при атаке города Екатеринодара 31 марта 1918 года, в том же году в бою у д. Шаблиевки 12 июня убит генерал Марков, растерзан большевиками в Полтаве генерал Кисляков, и убит ими же у ст. Великокняжеской капитан Роженко. В 1920 году убит в бою на Северном Кавказе шт.-капитан Чунихин, погиб от сыпного тифа в Новороссийске военный чиновник Будилович, и 23 марта в русском посольстве в Константинополе пал от руки убийцы генерал Романовский. *(Примечание документа).*

№	*Чин и фамилия*	*Должность*	*Время освобождения*
3	Генерал-майор Романовский, Иван Павлович †	Генерал-квартирмейстер Штаба Верховного главнокомандующего	18-го ноября
4	Генерал-майор Кисляков, Владимир Николаевич †	Помощник министра путей сообщения	В начале ноября
5	Капитан Брагин, Александр Павлович	Заведующий типографией Штаба Верховного главнокомандующего	В ноябре
6	Аладьин, Алексей Федорович	Член 1-й Государственной Думы	В ноябре
	Главный комитет Союза офицеров Армии и Флота		
7	Генерального штаба подполковник Пронин, Василий Михайлович	Штаб-офицер Управления ген.-кв. Штаба Верховного главнокомандующего. Товарищ председателя Главного комитета	13-го ноября
8	Подполковник Аракелов, Г.М.[I]	Член Главного комитета	27-го сентября
9	Подполковник Аловский, Д.М.[II]	110 пехотного полка. Член Главного комитета	30-го сентября
10	Генерального штаба подполковник Соотс, Иван Генрихович	Штаба IX-й армии. Член Главного комитета	В конце октября
11	Подполковник Гринцевич, Иван Иванович[III]	Член Главного комитета	30-го сентября
12	Есаул Родионов, Иван Александрович	Штаба Юго-Западного фронта. Член Главного комитета	В октябре
13	Генерального штаба капитан Ряснянский, Сергей Николаевич	Штаба IX-й армии. Член Главного комитета	5-го ноября
14	Генерального штаба капитан Роженко, Владимир Ефремович †	Штаба V-й армии. Секретарь Главного комитета	12-го ноября
15	Штабс-капитан Андерсен, Н.Х.[IV]	Член Главного комитета	27-го сентября
16	Штабс-капитан Чунихин, Георгий Львович †	Член Главного комитета	В октябре
17	Прапорщик Никитин, Сергей Федорович	6-го запасного Саперного батальона. Член Главного комитета	В октябре
18	Прапорщик Иванов, Александр Владимирович	Штаба Верховного главнокомандующего. Секретарь Главного комитета	В октябре

[I] Автографа не имеется, так как был освобожден ранее того времени, когда сбор автографов начался. *(Примечание документа).*

[II] То же.

[III] То же.

[IV] Автографа не имеется, так как был освобожден ранее того времени, когда сбор автографов начался. *(Примечание документа).*

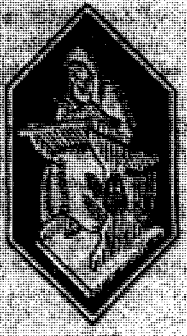
№№	*Чин и фамилия*	*Должность*	*Время освобождения*
Арестован за агитацию			
19	Корнет Сабоцкий		24-го сентября
Чины штаба Юго-Западного фронта, прибыли из г. Бердичева 28-го сентября			
20	Генерал-лейтенант Деникин, Антон Иванович	Главнокомандующий Юго-Западным фронтом	18-го ноября
21	Генерал-майор Марков, Сергей Леонидович †	Начальник штаба Юго-Западного фронта	18-го ноября
22	Генерал-майор Орлов, Михаил Иванович	Генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта	В октябре
23	Генерал-майор Эльснер, Евгений Феликсович	Главный начальник снабжений Юго-Западного фронта	В ноябре
24	Поручик Клецанда, Владимир Войцехович	Переводчик при штабе Юго-Западного фронта	В ноябре
25	Военный чиновник Будилович, Борис Антонович[I] †	Переводчик в разведывательном отделении штаба Юго-Западного фронта	В октябре
Командующие армиями, прибыли из г. Бердичева 28-го сентября			
26	Генерал от кавалерии Эрдели, Иван Георгиевич	Командующий Особой армией	В ноябре
27	Генерал-лейтенант Ванновский, Глеб Михайлович	Командующий Первой армией	В ноябре
Прибыли из г. Витебска 25-го сентября			
28	Подполковник Новосильцев, Леонид Николаевич	Командир 19-й запасной Ополченской батареи. Председатель Главного комитета Союза офицеров	В начале ноября
29	Никаноров, Иосаф Всеволодович	Заведующий отделом печати Георгиевского комитета	В октябре
30	Римский-Корсаков, Александр Александрович[II] †	Член Государственного Совета	27-го сентября

Примечание: Группа Ставки (в том числе и Главный комитет Союза офицеров) была арестована за непосредственное и активное участие в корниловском выступлении. Бердичевская группа — за поддержку этого выступления.

[I] Прибыл отдельно и позднее всей группы. *(Примечание документа).*

[II] Автографа не имеется, так как был освобожден ранее того времени, когда сбор автографов начался. Умер в 1922 г. в Берлине. *(Примечание документа).*

БЫХОВСКІЙ АЛЬБОМЪ



„БѢЛОЕ ДѢЛО"

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ИЗЪ ВТОРОЙ КНИГИ

Быховскій альбомъ.

Однажды, въ Быховской женской гимназіи, превращенной по приказанію «главковерха» Керенскаго въ тюрьму для генерала Корнилова и присоединившихся къ нему во время его выступленія въ августѣ[1]) 1917 года противъ Временнаго правительства генераловъ и офицеровъ, я попросилъ моихъ соузниковъ написать въ особую тетрадь нѣсколько строкъ на память о нашихъ злоключеніяхъ. Всѣ согласились и въ моихъ рукахъ оказался цѣлый альбомъ, «Быховскій альбомъ» автографовъ, который мнѣ удалось сохранить при всѣхъ послѣдующихъ переживаніяхъ.

Я не предназначалъ его для печати и не сомнѣваюсь, что каждый, кто писалъ въ него, писалъ искренне.

Генералъ Корниловъ и его соузники были первыми, кто началъ противобольшевицкую борьбу. Позже онъ и старшіе быховскіе генералы взяли на себя руководство этой борьбою и стали во главѣ Добровольческой арміи на Югѣ Россіи. Они боролись за честь и достоинство Россіи, не заботясь о личныхъ выгодахъ и не щадя своей жизни. Въ нѣсколькихъ строкахъ, написанныхъ ими въ Быховскій альбомъ, они высказались ясно, а своей дѣятельностью полностью оправдали свои слова: въ самыя трудныя минуты особенно смѣло шелъ впередъ генералъ Корниловъ, предпочелъ смерть позорному существованію генералъ Марковъ!

По тернистому пути шли Корниловцы, служа духу и ведя борьбу противъ служителей золотого тельца. Судьба отняла у Россіи генерала Корнилова, отняла жизнь у ряда его единомышленниковъ[2]), не дала побѣды оставшимся въ живыхъ его сподвижникамъ.

Побѣжденныхъ судятъ...

Но не страшенъ правдивый судъ исторіи Быховцамъ, они смѣло могутъ сказать: «Клянемся, что въ своихъ дѣйствіяхъ мы руководились лишь тѣмъ, чтобы спасти Россію!»

С. Р.

---

[1]) Всѣ даты по старому стилю.

[2]) Генералъ Корниловъ убитъ гранатой при атакѣ города Екатеринодара 31 марта 1918 года, въ томъ же году въ бою у д. Шабліенки 12 іюня, убитъ генералъ Марковъ, растерзанъ большевиками въ Полтавѣ генералъ Кисляковъ и убитъ ими же у ст. Великокняжеской капитанъ Роженко. Въ 1920 году убитъ въ бою на Сѣверномъ Кавказѣ шт.-капитанъ Чунихинъ, погибъ отъ сыпного тифа въ Новороссійскѣ военный чиновникъ Будиловичъ и 23 марта въ русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ палъ отъ руки убійцы генералъ Романовскій.

Быховскіе узники.

№№	Чинъ и фамилія.	Должность.	Время освобожденія.
	Чины Ставки, прибыли изъ г. Могилева 13 сентября.		
1.	Генералъ-отъ-инфантеріи Корниловъ, Лавръ Георгіевичъ. †	Верховный Главнокомандующій.	Ушелъ походомъ съ Текинскимъ полкомъ 19-го ноября.
2.	Генералъ-лейтенантъ Лукомскій, Александръ Сергѣевичъ.	Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.	18-го ноября.
3.	Генералъ-маіоръ Романовскій, Иванъ Павловичъ. †	Генералъ-квартирмейстеръ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.	18-го ноября.
4.	Генералъ-маіоръ Кисляковъ, Владиміръ Николаевичъ. †	Помощникъ министра путей сообщенія.	Въ началѣ ноября.
5.	Капитанъ Брагинъ, Александръ Павловичъ.	Завѣдывающій типографіей штаба Верховнаго Главнокомандующаго.	Въ ноябрѣ.
6.	Аладьинъ, Алексѣй Федоровичъ.	Членъ 1-й Государственной Думы.	Въ ноябрѣ.
	Главный комитетъ Союза офицеровъ Арміи и Флота.		
7.	Генеральнаго штаба подполковникъ Пронинъ, Василій Михайловичъ.	Штабъ-офицеръ управленія ген.-кв. штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Товарищъ предсѣдателя главнаго комитета.	13-го ноября.
8.	Подполковникъ Аракеловъ, Г. М.[1])	Членъ главнаго комитета.	27-го сентября.
9.	Подполковникъ Аловскій, Д. М.[1])	110 пѣхотнаго полка. Членъ главнаго комитета.	30-го сентября.
10.	Генеральнаго штаба подполковникъ Соотсъ, Иванъ Генриховичъ.	Штаба IX-й арміи. Членъ главнаго комитета.	Въ концѣ октября.
11.	Подполковникъ Гринцевичъ, Иванъ Ивановичъ.[1])	Членъ главнаго комитета.	30-го сентября.
12.	Есаулъ Родіоновъ, Иванъ Александровичъ.	Штаба Юго-Западнаго фронта. Членъ главнаго комитета.	Въ октябрѣ.

[1]) Автографа не имѣется, такъ какъ былъ освобожденъ ранѣе того времени, когда сборъ автографовъ начался.

№№	Чинъ и фамилія.	Должность.	Время освобожденія.
13.	Генеральнаго штаба капитанъ Ряснянскій, Сергѣй Николаевичъ.	Штаба IX-й арміи. Членъ главнаго комитета.	5-го ноября.
14.	Генеральнаго штаба капитанъ Роженко, Владиміръ Ефремовичъ. †	Штаба V-й арміи. Секретарь главнаго комитета.	12-го ноября.
15.	Штабсъ-капитанъ Андерсенъ, Н. Х. [1]	Членъ главнаго комитета.	27-го сентября.
16.	Штабсъ-капитанъ Чунихинъ, Георгій Львовичъ. †	Членъ главнаго комитета.	Въ октябрѣ.
17.	Прапорщикъ Никитинъ Сергѣй Федоровичъ.	6-го запаснаго Сапернаго батальона. Членъ главнаго комитета.	Въ октябрѣ.
18.	Прапорщикъ Ивановъ, Александръ Владиміровичъ.	Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Секретарь главнаго комитета.	Въ октябрѣ.
	Арестованъ за агитацію.		
19.	Корнетъ Сабоцкій. [1]		24-го сентября.
	Чины штаба Юго-Западнаго фронта, прибыли изъ г. Бердичева 28-го сентября.		
20.	Генералъ-лейтенантъ Деникинъ, Антонъ Ивановичъ.	Главнокомандующій Юго-Западнымъ фронтомъ.	18-го ноября.
21.	Генералъ-маіоръ Марковъ, Сергѣй Леонидовичъ. †	Начальникъ штаба Юго-Западнаго фронта.	18-го ноября.
22.	Генералъ-маіоръ Орловъ, Михаилъ Ивановичъ.	Генералъ-квартирмейстеръ штаба Юго-Западнаго фронта.	Въ октябрѣ.
23.	Генералъ-лейтенантъ Эльснеръ, Евгеній Феликсовичъ.	Главный начальникъ снабженій Юго-Западнаго фронта.	Въ ноябрѣ.
24.	Поручикъ Клецанда, Владиміръ Войцеховичъ.	Переводчикъ при штабѣ Юго-Западнаго фронта.	Въ октябрѣ.
25.	Военный чиновникъ Будиловичъ, Борисъ Антоновичъ. [2] †	Переводчикъ въ развѣдывательномъ отдѣленіи штаба Юго-Западнаго фронта.	Въ октябрѣ.

[1] Автографа не имѣется, такъ какъ былъ освобожденъ ранѣе того времени, когда сборъ автографовъ начался.

[2] Прибылъ отдѣльно и позднѣе всей группы.

№№	Чинъ и фамилія.	Должность.	Время освобожденія.
	Комавдующіе арміями, прибыли изъ г. Бердичева 28-го сентября.		
26.	Генералъ - отъ - кавалеріи Эрдели, Иванъ Георгіевичъ.	Командующій Особой арміей.	Въ ноябрѣ.
27.	Генералъ-лейтенантъ Ванновскій, Глѣбъ Михайловичъ.	Командующій Первой арміей.	Въ ноябрѣ.
	Прибыли изъ г. Витебска 25-го сентября.		
28.	Подполковникъ Новосильцевъ, Леонидъ Николаевичъ.	Командиръ 19-й запасной Ополченской батареи. Предсѣдатель главнаго комитета Союза офицеровъ.	Въ началѣ ноября.
29.	Никаноровъ, Іосафъ Всеволодовичъ.	Завѣдывающій отдѣломъ печати Георгіевскаго комитета.	Въ октябрѣ.
30.	Римскій-Корсаковъ, Александръ Александровичъ. [1] [3] †	Членъ Государственнаго Совѣта.	27-го сентября.

[1]. Автографа не имѣется, такъ какъ былъ освобожденъ ранѣе того времени, когда сборъ автографовъ начался.

[2] Умеръ въ 1922 году въ Берлинѣ.

Примѣчаніе: Группа Ставки (въ томъ числѣ и главный комитетъ Союза офицеровъ), была арестована за непосредственное и активное участіе въ Корниловскомъ выступленіи. Бердичевская группа — за поддержку этого выступленія.

Я никогда не вытаскивал и не старался запоминать изречений великих полководцев, писателей и др. замечательных людей. Но мне глубоко врезались в память слова (ситуация) человека, потерпевшего крушение под Прженшау, а впоследствии ставшего одним из главнейших деятелей в деле возрождения своей родины и восстания ее всякой мощи: „Такие тяжелые положения; такие смелые вперед."

Генерал Корнилов

26 Сентября 1917.
Дт. Быхов.

Я никогда не выписывал и не старался запоминать изречений великих полководцев, писателей и др. замечательных людей. Но мне глубоко врезались в память следующие слова человека, потерпевшего крушение под Пренцлау, а впоследствии ставшего одним из главнейших деятелей в деле возрождения своей родины и воссоздания ее военной мощи: «Чем тяжелее положение, тем смелее вперед».

Генерал Корнилов

26 сентября 1917 г.
Ст[арый] Быхов

В [illegible] 1790 г. на одном из заседаний учредительного собрания прения сторонников Мирабо против права решать вопрос о конституции страны.

Мирабо отвечал так: „Вы все помните слова великого человека древности, преисполненного законными формальностями, чтобы спасти отечество. На вопрос трибуна, собиравшегося их оскорбить, он отвечал: Клянусь, я спасу отечество! Господа (обращаясь к депутатам обеих сторон), клянусь, что вы спасли Францию!"

Ген. Корнилов и „Корниловцы" могут смело сказать: „Клянемся, что в своей деятельности мы руководствовались лишь тем, чтобы спасти Россию!"

Ген.-лейт. Духонин

27/II 17

Честное имя, преданное оружию, противоборствующее действию, вышло в свое время — и оно рано или поздно будет оправдано...

Вл. Оленин

10/X 1917 г.

Старый Быхов

В июле 1790 г. на одном из заседаний Учредительного собрания правая сторона возражала против права решать вопрос о конституции страны.

Мирабо ответил так: «Вы все помните слова великого человека древности, принебрегшего законными формальностями, чтобы спасти отечество. На вопрос трибуна, соблюл ли он закон, он отвечал: «Клянусь, я спас отечество». Господа (обращаясь к депутатам общин), клянусь, что вы спасли Францию!»

Ген. Корнилов и «корниловцы» могут смело сказать: «Клянемся, что в своих действиях мы руководствовались лишь тем, чтобы спасти Россию!»

Ген.-лейт[енант] Лукомский

27/IX — 17.

Честные вожди, преданные сотрудники, решительные действия, вера в свое дело — и оно рано или поздно будет выиграно...

Вл. Роженко

10/X — 1917 г.
Старый Быхов

В тяжкие исторические моменты, когда опасность — не только снаружи, но и преступление

Керенский

Тише воды, ниже травы.

А. Аладьин.

Напутствие Христа ученикам: "в мире скорбны будете, но дерзайте, Аз победих мир" — напутствие и ген. Корнилову и Керенскому: — будут скорби и измены, — тише воды, державный и этим путь устать.

Генерал Лукомский

Бывают исторические моменты, когда оппортунизм не только слабость, но и преступление.

Деникин

Чем ночь темнее, тем звезды ярче.

А. Аладьин

Напутствие Христа ученикам: «В мире скорби будете, но дерзайте, яко победит аз мир». Напутствие и ген. Корнилову и корниловцам: пусть будет скорбь и препятствия, тем более дерзновения и тем вернее успех.

Генерал Эрдели

Могут ли заострить Корнилова, отправить на каторгу его сообщников, но „Корниловщина" в России не погибнет, так как „Корниловщина" – это любовь к родине, желание спасти Россию, и эти высокие побуждения не забудет никакая грязь, не затемнит никакими изменами России

19/X/17. М. Маковец

Время славы прошло, туманы иллюзий рассеялись, настоящие герои должны вновь спасти Родину!

19/X/17. Кир. Писемский

Не унижены, которым подвергались Корниловцы, не оскорблены, которыми они наполнились, не те раны и грязь, которыми они забрасывались, не заставят Корниловцев раскаиваться в своих поступках и сомневаться в правоте своего дела – спасения истерзанной и погибающей Родины.

8 октября 917
Быхов

Е. Эльснер

Могут расстрелять Корнилова, отправить на каторгу его соучастников, но «корниловщина» в России не погибнет, так как «корниловщина» — это любовь к родине, желание спасти Россию, и эти высокие побуждения не забросать никакою грязью, не затоптать никаким ненавистникам России.

$19\frac{4}{X}17.$ И. Романовский

Время славы прошло, туман иллюзий рассеялся, наступила пора делать великое дело спасения родины!

$19\frac{4}{X}17.$ Ник[олай] Кисляков

Ни унижения, которым подвергались корниловцы, ни оскорбления, которые им наносились, ни те камни и грязь, которыми они забрасывались, не заставят корниловцев раскаиваться в своих поступках и сомневаться в правоте своего дела — спасения истерзанной и погибающей Родины.

8 октября 917. Е. Эльснер

Быхов

Легко пасть сильным и честным, помня что смерть лучше позорного существования в отчаянии, униженная Россия

4 янв. 1918 г. С. Марков

Говорят нуль – лишь украшение на нашу шею, и наше поколение умеет честно...

7/I-1918 г. М. Дроздовский

Увенчу как равную мать имеет не имеющая будет сам она разрушена никаких предрассудков. Великие деяния они не рисуются для нее святой и будут это высшей шедевр ее на каждой сознательной. И уверена, что с ними Бог.

Глеб Алексеевский

С. Гойлы
8 янв. 918.

Легко быть смелым и честным, помня, что смерть лучше позорного существования в оплеванной, униженной России.

4 окт[ября] 1917 г. С. Марков

Голгофы путь лишь укрепил в нас веру и выше поднял знамя чести...

7/X — 1917 г. М. Орлов

Родину, как родную мать, никогда не покидать, даже если она заслуживает полного презрения. Немногие честные сыны ее рискуют для нее головой и будут это делать, несмотря ни на какие попытки террора. И устоят, ибо с ними Бог.

Глеб Ванновский

С[тарый] Быхов
8 окт[ября] 917

Горе той стране, сердце которой повернулось к будущему очередную сотню политической борьбы; она сохранит, истребляя душу армии, обратится в многоголовую трусливую гримасу с безжизненными конечностями, бегущую от врага, но хватающую терзающего ее родину, заливающую ее кровью и грязью сапог, влекущей за собой гибель страны.

О, родина, мать!

В великую историческую эпоху мировой войны, на заре свободы, новая группа предателей отдает Германии.

Но не погибнешь ты!

Уже поднимается могучая волна здорового смысла народа русского. На высокой гребне ее голубой волны блещется терпеть с окровавленными костями и надписью „Корнилова"...

Эта волна смоет твою истерзанную грудь, залечит твои раны и воскресит, ты, моя родина, великой, свободной и славной!

Генерального Штаба
Подполковник Тронин

6 октября
1917 г.
Петроград.

Горе той стране, армия которой ввергнута в бушующую огненную стихию политической борьбы; она сожжет, испепелит душу армии, обратит ее в многоголового трусливого дракона с бесчисленными когтями, бегущего от врага, но жестоко терзающего свою родину, заливающего ее кровью и ужасом анархии, влекущей за собой гибель страны.

О, родина-мать!

В величайшую историческую эпоху мировой войны на заре свободы твою грудь терзает этот дракон.

Но не погибнешь ты!

Уже поднимается могучая волна здравого смысла народа русского. На высоком гребне голубой волны белеется череп со скрещенными костями и надписью: «Корниловцы»...

Эта волна омоет твою истерзанную грудь, залечит твои раны, и восстанешь ты, моя родина, великой, свободной и славной.

Генерального штаба подполковник Пронин

6 октября 1917 г.

Старый Быхов

Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ

Отличительной чертой моментальных времен было горе. Я не знаю, кто первый пустил в ходъ эти слова. Ими вел и повсюду и внизу. Кричали о бессознательной армiи, о преступных элементах и разрушении армiи кричали: „нам чрезвычайные меры, не словесные нападения" и „ликвидация органов власти". Ими о сильной власти, контрреволюцiи не имели и контрреволюцiю не громили сознательно.

А нашелся человекъ, который сказал: „довольно горя."

За ним пошли тысячи, тысячи сердца разорвала, которые правили за разгулом анекдотической группы, кто не мог быть в этих трагических днях „тысячными". Сверху опустились горькие очи, упали руки врiя, а черныя крылья „ангелы смерти".

Настанет время, когда ему крикнут: Осанна!"

Бедная моя земля - с верой и надеждой зовущая: „Корнилов"

Сподвижникъ Л. Кавказцевъ

Бог правду видит, да не скоро скажет.

Отличительной чертой последнего времени была ложь. Я не знаю, кто только не лгал. Лгали все и наверху, и внизу. Кричали о боеспособной армии, о железной дисциплине и разрушали армию. Кричали: «Нам чужого не надо, но своего не отдадим», и отдавали целые области. Лгали о сильной власти, которой никто не имел и которую не желали создавать.

Нашелся человек, который сказал: «Довольно лжи».

За ним пошли те, кому дорога родина, кто уже привык за родину рисковать жизнью, кто не мог быть в это ужасное время только «тепленькими».

Сверху ответили ложью одни, умыли руки другие, а чернь кричала: «Распни его».

Настанет время, когда ему крикнут: «Осанна!»

Без веры жить нельзя, а верой и надеждой живут «корниловцы».

Подполковник Л. Новосильцев

Яхтою руководит должна не вахта, вахтенный, один вели-
кий захват. Потому, должен единый вахтенный
постовой, поскольку они совершают об'ективно-
фатальный процесс. Если человек считает
в руках процесса — он творческая воля
посланная, он вещь. А вторая, это на
творящей воли посланная, мы не инструмент
ли, наша Россия, страна этапный путь
мученичества, почему. Я сделал это — я в
этой убежден — прав Господь Сам, а по-
этому я прав.

А. Керенский

События последних месяцев убеждают
что Россия попала в руки людей не идей-
ных, а продажных. Безусловно немецкая
агентура несомненно. Спасти Страну
от окончательной гибели может только
человек честный.
Наша спасения единого.

С. Маклаков

6 октября 1917 г.
Ст. Быхов.

Жизнью руководят законы или, вернее, один великий закон. Поэтому действия единиц важны постольку, поскольку они совпадают с историческим процессом. Если человек стоит в русле процесса, — он творит волю пославшего, — он велик. Я верую, что мы творим волю пославшего, ибо не может быть, чтобы Россия, страна гигантских возможностей, погибла. В сумме мы, я в этом убежден, — орудие Господа Сил, а потому мы правы.

А. Брагин

События последних месяцев убеждают, что Россия попала в руки людей не идейных, а продажных. Торжество немецкого капитала несомненно. Спасти страну от окончательной гибели может только человек честный.

И час спасения близок.

С. Никитин

6 октября 1917 г.

Ст[арый] Быхов

Кто может сейчас безошибочно указать таинственную линию поведения в великом переломе русской души? – Никто. Мы имеем лишь общий представление о том, что нужно для спасения страны, но в комбинации бороздящих общественную сферу путь нашего следования затемнен сложной путаницей переплетающихся явлений. Будущий историк сумеет определить наш путь ясным взором и направленно.

Наше же дело – охранять свою принципиальную годность и на ней строить свое поведение. Пусть будут частные ошибки, но не будет общего уклонения от того, что наиболее верно в нашем сознании.

19/X/17 А. В. Новиков

Мы взялись за страшное дело, а
потому дерзка крепка [illegible]

Счастливые орлята в это не верят,
Кто смертью платному мешал;
Но, в грудь или в горло,
Иначе они не отойдут.
Капитаны, страшное дело
Ведется нами свято и чисто.
Кто с нами вместе, тот чудо и сделу
Отпразднует на мирных пажитях,
Где Вечное Солнце сияет,
Где Вечная Правда живет,
Где все, что сердце наше знает,
Они среди звезд найдут.

Во имя Всемогущего Бога –
Победу нам или смерть дать.
За правду весна наша дорога:
Из тьмы нам не будем выходить.
И если мою грудь навзрыд
Пронзит упавший со стены,
Иную найдут на свободу
В глубоких ранах вместо – вдов...

Борисов Бурмейстер

Быхов, 2 ноября 1917 года.

Кто может сейчас безошибочно указать тактическую линию поведения в великом переломе русской жизни? Никто. Мы имеем лишь общее представление о том, что нужно для спасения страны, но в комбинации борющихся общественных сил путь нашего следования затемнен сложной цепью переплетающихся явлений. Будущий историк сумеет определить их удельный вес и направление.

Наше же дело — охранять свою принципиальную позицию и на ней строить свое поведение.

Пусть будут частые ошибки, но не будет общего уклонения от того, что наиболее дорого в нашем сознании.

$19\frac{10}{X}17$ А.В. Иванов

Мы взялись за служение духу, а
потому должны пройти тернистый путь.
(Людвиг Штур)

Счастлив живет в этом мире,
Кто служит златому тельцу;
Но, в рубище или порфире,
Идет он к другому концу.
Напротив, служение духу
Ведет нас сквозь тернья пути
К тем высям, где зренью и слуху
Отраду мы можем найти,
Где вечное солнце сияет,
Где вечная правда живет,
Где все, чего сердце лишь чает,
Он средь эфира найдет.

В руках всемогущего Бога—
Победу иль гибель нам дать.
Но правды ясна нам дорога:
Во тьме мы не будем блуждать.
И если под игом народу
Придется упасть до земли,
Иную найдем мы свободу
В заоблачных высях, вдали...

Борис Будилович
Быхов, 2 ноября 1917 года

Всю тебя, Земля Родная,
Удручённой ношей крестной
Из рабынь сынов Царь Небесный
Исходящих, благословляя.....
тютчев

Любовь к родине должна быть совершенной: торжествующей и творческой, когда рыцарь над родною землею знамя славы, а дети ея превозносят мирных, как героев, мучеников и святых; — самоотверженной и творческой, когда родину спасают вихрь злобного безумия, а ея дети с женственною чистотой и дворянскою мужественностью передают родную землю, заливая ее кровью и творя чудеса. Только такая любовь рождает героев и вождей, дает им разумные пути спасения и славы и воли — ведет народ по этим путям.

Так Россия пробудит, и совершенные в сей любви из родины начали самый разумно-простой путь своего служения ....

Л. Корнилов
9/X-1917 Быхов

Уметь будить народ, умеющий выковать, готовый к работе пожертвовать всем для защиты чести народной

Генерал Корнилов

Всю тебя, Земля Родная,
Удрученный ношей крестной
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя...

Тютчев

Любовь к родине должна быть совершенной: торжествующей и творческой, когда реют над родной землею знамена славы, а дети ее превознесены миром, как герои, мученики и святые, — самоотверженной и творческой, когда родину сжигает вихрь злобного безумия, а ее дети с ненасытною алчностью и зверскою жестокостью терзают родную землю, заливая все кровью и позором. Только такая любовь рождает героев и вождей, дает им разумение путей спасения и славы и волю вывести народ по этим путям.

Час России пробил, и совершенные в своей любви к родине начали самоотверженно крестный путь своего служения...

И. Никаноров

9/X 1917. Быхов

Жить будет народ, имеющий сынов, готовых с радостью жертвовать всем для защиты чести народной.

Поручик Клецанда

Несмотря на тяжелые поражения и дорогой ценой
России, завоевывая свою свободу, перехватили через край.
Страшная реакция уже начинается, а полное
еще и не наступило. На России тиран во время
чумы пир затеял: пожарами, под рев осатанелой толпы, под аккомпанемент истерических
женщин, под торжествующие клики врагов,
завоевывающих наши города и области, под
непрерывную предательскую дрожь. Но не
вечная ночь за ночью следует и день.

Меня часто думают, что реакция начинается тогда,
когда от великой русской земли отскакивает
одна польская сволочь, а отрезвевшие гиганты увидят себя обнаженными, обобранными,
под чужеземными пятами. Вовсе
реакция тогда, когда сволочь, тоже
выгодное дело. Пусть украинцы
скорее
уничтожатся под пятой тевтонов, пусть
грузинская
интеллигенция
перестреляна
очи. Тогда
только возможно спасение....

М. Родзянко

12 Октября 1917.
Ст. Быхов.

Весело пить, да только похмелье и дорога расплата. Россия, торжествуя свою свободу, перехватила через край. Страшная расплата уже началась, а похмелье еще и не намечается. В России пир во время чумы при зареве пожаров, под рев осатанелой толпы под аккомпанемент немецких пушек, под торжествующие клики врагов, захватывающих наши города и области, под негодующие предостережения друзей. Но не вечна ночь, за ночью следует и день.

Тяжко думать, что рассвет начнется тогда, когда от великой русской земли останутся одни жалкие лохмотья, а отрезвевший народ увидит себя одураченным, обобранным, под чужеземным гнетом. Боже, развей поскорее мрак ночной, пошли светило дня. Пусть угарный чад скорее улетучится из твоей головы, пусть прояснятся хмельные народные очи. Тогда только возможно спасение...

Ив[ан] Родионов

12 октября 1917 г.
Ст[арый] Быхов

Я спешу оправдать ваши ожидания и завещаю свою, которая в своей деятельности руководствуется любовью к родине, но никогда не примиряется с глоболаратерностью и самообольщением.

Велите нам требовать твердой воли и решительных действий

Главнокомандующий Корнилов

Великий народ не может иметь армию, в коей воюют отцы рабами.

Р. Гедеминский

г. Быхов
19 X 17 г

Не надо быть пессимистом, не надо быть пораженцем, а просто нужно иметь рассудок и немного здравого смысла, чтобы видеть, кто ведет армию и родину к позору, и кто их сумеет бы вести к славе.....

И чтобы не случилось, пусть сознание долга удесятерит силы „Корниловцев", дабы вывести армию и страну из анархии к светлой будущности.

М. Свечин.

Я могу оправдать все ошибки и заблуждения людей, которые в своей деятельности руководятся любовью к родине, но никогда не примирюсь с слабохарактерностью и самооплевыванием.

Великие цели требуют твердых людей и решительных действий.

Штабс-капитан Чунихин

Великий народ не может иметь армию, в коей вожди стали рабами.

С. Ряснянский

г. Быхов. 19 $\frac{10}{X}$ 17 г.

Не надо быть гениальным, не надо быть пророком, а просто нужно иметь рассудок и немного здравого смысла, чтобы видеть, кто ведет армию и родину к позору и кто их сумел бы вести к славе...

И чтобы ни случилось, пусть сознание долга удесятерит силы «корниловцев», дабы вывести армию и страну из анархии к светлой будущности.

И. Соотс

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 163. Л. 64–71 об. Типогр. экз

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Поместный собор Русской православной церкви открылся в Москве 15 августа 1917 г. Собор направил приветствие генералу Л.Г. Корнилову.

[2] Государственное совещание. См. комментарий № 32 — т. 1.

[3] К протоколу допроса А.Ф. Аладьина приложена его записка с пунктами полномочий В.Н. Львова: «23 августа 17 [г.]. a) согласен на переговоры; b) переговоры через N; c) Народный кабинет; d) определенная программа; e) определенные требования; f) переговоры негласны; x) Владимир Николаевич Львов и Иван Александрович Добрынский (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 113–114 об.).

[4] Цитируемый разговор по прямому проводу А.Ф. Керенского с генералом М.В. Алексеевым 1 сентября 1917 г. (с 15 ч. 30 м. до 17 ч. 10 м.; ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 109–114) имел следующее продолжение: «*Керенский:* ...Никаких других распоряжений каким бы то ни было войсковым частям от меня не исходило. Я предлагаю вам передать генералу Корнилову, что он должен сдать вам должность, отдать себя в распоряжение властей, демобилизовать свои войсковые части немедленно, причем ответственность на эти части не упадет, если это будет сделано немедленно... Все это должно быть выполнено генералом Корниловым и нарушившими свой долг частями в двухчасовой срок с момента окончания нашего с вами разговора... Если через два часа не получу от вас ответа, я буду считать, что вы захвачены генералом Корниловым и лишены свободы действия...» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 111–112).

[5] 28 августа 1917 г. генерал Л.Г. Корнилов приказом № 886 объявил «город Могилев и ближайшие к нему окрестности на расстоянии до 10 верст на осадном положении». Комендантом района Могилева был назначен комендант Главной квартиры Штаба главковерха полковник Квашнин-Самарин (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 44). Комендант Главной квартиры в соответствии с приказом № 886 в тот же день издал обязательное постановление (Там же. Д. 47. Л. 17).

Осадное положение было отменено 1 сентября 1917 г. приказом № 447 начальника Штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева: «...Коменданту Главной квартиры полковнику Квашнину-Самарину и командиру Корниловского ударного полка Генерального штаба капитану Неженцеву обратиться к исполнению их прямых обязанностей...» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 47. Л. 25).

[6] О протоколе допроса М.В. Алексеева 22 декабря 1917 г. в Новочеркасской судебной палате (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 13. Л. 212–212 об.) см. комментарий № 110 — т. 1. Письма М.В. Алексеева редактору газеты «Новое время» см. документы № 68, 69 — т. 1.

[7] О Главном комитете Союза офицеров армии и флота см. комментарий № 30 — т. 1.

[8] «Вестник Главного комитета Союза офицеров» — газета Главного комитета Союза офицеров армии и флота. Первый номер вышел 14 июня 1917 г. Выходил по

мере «накопления материала». Все статьи в «Вестнике» писались членами Главного комитета, но подписи под ними не ставились, т.к. материалы печатались «от имени всего Главного комитета». Издание и редактирование «Вестника» было поручено капитану Генерального штаба В.Е. Роженко (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 71. Л. 35 об.). (Показания капитана В.Е. Роженко см. документ № 53 — т. 2). Несколько номеров «Вестника» (№ 1–5) имеются в делах фонда 1780 (Там же. Д. 71. Л. 35–39 а).

[9] Приложение № 9 (объявление коменданта г. Могилева Квашнина-Самарина о приезде генерала Алексеева от 30 августа 1917 г.) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 39. В нем говорилось: «1) Довожу до сведения населения, что сего числа генерал Алексеев взял на себя почин и вступил в официальные переговоры от имени правительства с Верховным главнокомандующим генералом Корниловым...»

[10] В дни Февральской революции по приказу царя с фронта на Петроград направлялось несколько дивизий, но в связи с нечеткими действиями Ставки, саботажем железнодорожников и противодействием восставших воинских формирований эти части были остановлены в окрестностях столицы. Так, например, в районе Луги из-за неполадок на железной дороге и наличия распропагандированного местного гарнизона, поддерживавшего Временное правительство, 26 эшелонов войск было задержано, чем было сорвано подавление революционного выступления в Петрограде.

[11] Утром 31 августа генерал А.М. Крымов прибыл в Петроград и в 12 часов дня был принят А.Ф. Керенским. По воспоминаниям присутствующих, разговор велся в довольно резких тонах. Председатель Чрезвычайной комиссии военно-морской прокурор И.С. Шабловский вручил Крымову предписание: «С получением сего предписываю Вам отправиться в Чрезвычайную следственную комиссию к главному военно-морскому прокурору Шабловскому. Председатель А. Керенский. Начальник Кабинета военного министра Генерального штаба полковник Барановский» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 46. Л. 13). Шабловский ждал его вечером в здании Адмиралтейства. Но генерал не явился. Тело Крымова было обнаружено в тот же день в одной из комнат квартиры ротмистра Журавского. Последний, услышав выстрел и увидев тяжело раненного генерала, доставил его в Николаевский военный госпиталь, где Крымов скончался через несколько часов. Перед самоубийством он написал письма жене и генералу Л.Г. Корнилову. В письме Корнилову он высказал резкие и горькие упреки, считая его виновным в неудаче антиправительственного выступления. Письмо генерала А.М. Крымова Верховный главнокомандующий уничтожил, и точное его содержание неизвестно. 1 сентября 1917 г. исполняющий должность главного врача Николаевского военного госпиталя направил Шабловскому документы, обнаруженные у генерала Крымова: карта Генерального штаба № 1 (Там же. Л. 72 а); предписание № 523 (в деле 46 не обнаружено); удостоверение на «право свободного проживания в г. Петрограде для дачи показаний в Чрезвычайной следственной комиссии» № 522 (Там же. Л. 74); копия телеграммы № 9024 командира Уссурийской дивизии от 30 августа 1917 г. (Там же. Л. 75) и другие документы (см.: Там же. Л. 76, 77).

А.Ф. Керенский об этих событиях писал следующее: «Генерал Алексеев "санкционировал" мой приказ доставить Крымова в Петроград, добавив, что перед этим желал бы переговорить с Крымовым. В течение всей ночи 30 августа Крымов консультировался с Алексеевым. О своем прибытии в Петроград он сообщил мне лишь утром в 10 часов. На моем разговоре с Крымовым присутствовали товарищи военного министра — генерал Якубович и генерал Туманов, а также председатель Чрезвычайной комиссии для расследования дела Корнилова И.С. Шабловский. Генерал Крымов, честный и мужественный солдат, начал беседу с заявления о том, что его корпус двигался к Петрограду с целью помочь Временному правительству, и никаких враждебных действий против правительства проводить не планировалось. Видимо, под воздействием ночного разговора с генералом Алексеевым он постарался утаить цель продвижения к

столице, повторив фальшивую версию, пущенную в ход друзьями Корнилова. Однако ложь натуре Крымова претила. И он тут же, перестав запираться, достал сложенный пополам листок бумаги и произнес: "Это — приказ". Прочитав приказ за № 128, я вручил его председателю Комиссии. Генерал Крымов далее признал, что в начале августа он находился в Ставке, где тогда разрабатывались военные мероприятия, связанные с движением к столице. Он также сообщил, что, согласно плану, принятому тогда, предполагалось поделить город на отдельные военные сектора и что он был назначен генералом Корниловым на пост командующего специальной Петроградской армией. Я уверен, что положение для него стало невыносимым, ибо он почувствовал себя безнадежно запутавшимся в сетях лжи. Он, во-первых, не заявил откровенно о своей причастности к делу, а, во-вторых, параграф 4-й приказа начинался с лживого заявления относительно большевистских бунтов в столице. Я задал ему вопрос, почему он прибег к этому очевидному вымыслу. Ответ его был расплывчатым, — видимо, он не пожелал бросить тень на своих сообщников в столице, которые обещали организовать большевистский мятеж в канун его прибытия в Петроград. Генерал Крымов покинул мой кабинет свободным человеком. Единственным ограничением его свободы был вызов Шабловского явиться на следующий день в 5 часов в Чрезвычайную комиссию для расследования и дать там показания. Однако генерал Крымов в Комиссию не явился. Он отправился на квартиру своего близкого друга ротмистра Журавского и там застрелился. Он оставил объяснительную записку, которую передали Чрезвычайной комиссии для расследования и которая, возможно, сохранилась в архивах этого дела» (*Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. Пер. с англ. М.: Республика, 1993. С. 269).

[12] Железнодорожный союз — здесь имеется в виду Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза (Викжель). Функционировал с августа 1917 г. по январь 1918 г. В фонде 1780 имеется переписка исполкома Викжеля с Витебским Советом солдатских депутатов в августе — сентябре 1917 г. по поводу корниловских событий (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 61).

[13] В записке от 26 августа 1917 г. В.Н. Львов писал: «Генерал Корнилов предлагает: 1) Объявить г. Петроград на военном положении. 2) Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего. 3) Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача временного управления министерств товарищам министров впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 47. Л. 9; опубл.: Великая Октябрьская социалистическая революция (документы и материалы). Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 442. Далее: Революционное движение в России...).

[14] Приказ Крымова от 29 августа был опубликован в газете «Рабочий путь» (5 (18) сентября 1917 г. № 2. С. 3) и позднее помещен в качестве приложения к мемуарам А.Ф. Керенского «Россия на историческом повороте». Приказ был следующего содержания: «1. Объявляю копию телеграммы министра-председателя и Верховного главнокомандующего...

2. Копия телеграммы Верховного главнокомандующего генерала Корнилова...

3. Получив телеграмму министра Керенского, командировал генерал-майора Дитерихса в штаб Северного фронта, к главнокомандующему Северным фронтом генералу Клембовскому за получением приказаний. Генерал Клембовский приказал мне передать, что он не вступил в верховное командование армиями, так как он и все командующие признают в это тяжелое время Верховным командующим лишь одного генерала Корнилова, все распоряжения которого действительны. А казаки давно постановили, что генерал Корнилов несменяем, о чем и объявляю всем для руководства.

4. Сегодня ночью из Ставки Верховного командующего и из Петрограда я получил сообщения о том, что в Петрограде начались бунты. Голод увеличивается еще и оттого, что обезумевшие от страха люди при виде двигающихся к Петрограду своих же войск разрушили железные дороги и тем прекратили подвоз продовольствия к столице. И каких же войск испугались? Тех, которые присягали на верность новому строю, тех, которые на Московском совещании громко заявили, что лучшим правлением для России они считают республиканский образ правления. Напрасны ложные наветы, что части войск, двинутых в сторону Петрограда, направляют для изменения существующего строя. Уже из телеграммы генерала Корнилова вы видите, что он признает и считает, что лишь одно Учредительное собрание может сказать свое последнее слово, какому государственному строю надлежит быть у нас. За другим нас посылают. Вы недавно читали в газетах о громадных взрывах пороховых заводов в Казани; теперь получены сведения, что хотят взорвать пороховые заводы вблизи Петрограда, начинаются бунты, и в это время, когда враг у ворот нашей столицы, имеющей большое количество заводов, работающих на оборону. Теперь, как никогда, в столице должен быть порядок. Для поддержания этого порядка мы и посылаем вас. Я твердо верю, что никто из вас не хочет видеть гибели и позора своей родины. Не братская кровь нам нужна. Мы не хотим проливать ее, но если найдутся безумцы, для которых Родина и Отечество стали пустым звуком, нам придется с вами сосчитаться. Я же даю вам клятву, что никому не позволю протянуть руку к новому строю и вместе с Вами стану на его защиту» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 81. Л. 8–9). Частично опубл.: Революционное движение в России... С. 460–461.

[15] Под циркулярной телеграммой подразумевается «Обращение к народу» генерала Л.Г. Корнилова 28 августа 1917 г. (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 48. Опубл.: Корниловские дни. Бюллетени Временного военного комитета при ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. Пг., 1917. С. 105–106). См. приложение № 3 — т. 2.

[16] Телеграмма командира Кавказского конного корпуса Д.П. Багратиона от 30 августа 1917 г. гласила: «Приказываю немедленно приостановить продвижение частей дивизии, сосредоточив их в районе Вырицы. Никаких выступлений против войск Временного правительства ни в коем случае не предпринимать...» Телеграмму см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 17–17 об. Приказ № 128 от 29 августа см.: Там же. Д. 81. Л. 8–9.

[17] В записке от 31 августа 1917 г. Крымов писал: «Начальнику Туземной дивизии. Приказываю Вам отойти в район станции Дно. Лично я (неразбор. — *Сост.*) прибуду в Петроград. Генерал-лейтенант Крымов. 31/VIII» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 16).

[18] Обращение Совета Союза казачьих войск к министру-председателю А.Ф. Керенскому см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 65–66.

31 августа в 17 часов делегация Совета Союза казачьих войск была вызвана в Зимний дворец и выслушала требование Керенского «дать немедленное и жестокое осуждение генералам Корнилову и Каледину и признать их мятежниками и изменниками родины». В тот же день делегацией было составлено обращение к министру-председателю, в котором среди прочего указывалось, что Совет Союза казачьих войск уже выносил резолюцию о подчинении Временному правительству: «Большего сейчас дать не можем, и если Вы будете настаивать, угрожать и оказывать давление на нас, то мы, Совет, вынуждены будем просить свои сложить с нас полномочия, считая дальнейшую работу под давлением не совместимым с достоинством выборного органа всероссийского казачества». Казаки заявили, что они «не судьи, а представители всех 12-ти казачьих войск, в списках коих состоят и генерал Корнилов и генерал Каледин», и поэтому они не могут их осудить, не получив доказательств их вины. Кроме того, Совет Союза счел необходимым заявить Временному правительству о необходимости

ведения мирных переговоров с корниловцами. Члены Совета напомнили министру-председателю о том, что с начала корниловского выступления они неоднократно предлагали свои услуги для ведения переговоров с казачьими частями корниловских войск и с самим генералом Корниловым. С горечью они отметили, что их предложения были отвергнуты, и Временное правительство предпочло урегулировать конфликт с Верховным главнокомандующим с помощью силы (Там же. Д. 10. Л. 65–66).

[19] К показанию Грекова приложена записка генерала Верховского от 15 сентября 1917 г.: «1) Личное заявление всех к[оманди]ров каз[ачьих] частей в Москве, что они до получения указаний с Дона не могут стать на сторону Врем[енного] прав[ительства] в день ультиматума Корнилова. 2) Заявл[ение] ген. Лукомск[ого] в бытность мою в Ставке, что всю Россию покорять не нужно, а нужно занять центр: а) 7 эшел[онов] каз[ачьих] войск — от Смоленска на Москву; б) 4 эшел[она] с бронев[ыми] машинами — на Курск; в) эшелоны — 2–3 — на Харьков. 3) Ряд донесений от Цент[рального] жел[езнодорожного] союза, Цент[рального] почт[ово]-тел[еграфного] союза, к[оманди]ров частей юга и юго-вост[ока]. 4) Казачество хочет занять угольный район, чтобы угрозой не дать уголь, заставить принять требования Корнилова. 5) При встрече Корнилова на Моск[овском] совещании, кроме казач[ьих] частей, назначенных мной для охраны Корнилова, вышли в пешем строю на улицу, вышли сотни по неизвестно чьему приказу, меня не известив. А. Верховский» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 64, 64 об. Автограф; Там же. Л. 70. Копия. Машинопись).

[20] Документ, приложенный к показанию А. Грекова и озаглавленный «Предсмертная речь генерала Крымова, любившего до безумия свою родину», датируется 30 августа 1917 г. (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 71). Его содержание — это четвертый пункт приказа Крымова № 128 от 29 августа 1917 г. Вероятно, после самоубийства Крымова (31 августа) кем-то часть этого приказа была выделена в самостоятельный документ и названа «предсмертной речью». На самом деле никаких речей 29–31 августа Крымов не произносил. Подробнее о приказе № 128 и о самоубийстве Крымова см. комментарии № 11, 14 — т. 2).

[21] 23 августа 1917 г. в разговоре с Л.Г. Корниловым Б.В. Савинков сообщил о намерении Временного правительства выделить из Петроградского военного округа г. Петроград и объявить его на военном положении, а сам округ подчинить Верховному главнокомандующему (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 108. Опубл.: Революционное движение в России... С. 421–423). 24 августа Керенский направил Корнилову телеграмму о подчинении главковерху Петроградского военного округа, за исключением г. Петрограда. Тогда же во исполнение этого приказа Л.Г. Корнилов назначил А.М. Крымова главнокомандующим Отдельной петроградской армией. Формально Петроград в ведение Крымова не входил.

24–25 августа вопрос о статусе Петрограда также обсуждался Савинковым, Корниловым, Лукомским и Романовским, но решен не был (Протокол пребывания управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова в г. Могилеве 24–25 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 33–36. Приложение № 1 — т. 2).

[22] В данном случае под «Приказом главнокомандующего Особой армией» подразумевается приказ главнокомандующего Отдельной петроградской армией А.М. Крымова об объявлении Петрограда, Кронштадта, Петроградской и Эстляндской губерний и Финляндии на осадном положении (25 августа 1917 г.). (Опубл.: Революционное движение в России... С. 433–434).

[23] О назначении Клембовского главковерхом см. комментарий № 3 — т. 1.

[24] Попытка достичь соглашения между генералом Корниловым и Временным правительством была предпринята Б.В. Савинковым и В.А. Маклаковым 27 августа 1917 г. (Запись разговора по прямому проводу Б.В. Савинкова и В.А. Маклакова с Л.Г. Корниловым см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 45. Л. 2–4 об.; опубл.: Революционное дви-

жение в России... С. 448–452; *Мартынов Е.Н.* Корнилов: Попытка военного переворота. М., 1927. С. 188–190). См. приложение № 2 — т. 2.

[25] По версии Керенского его разговор с Крымовым 31 августа был иным. Более подробно см.: комментарий № 11 — т. 2; *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. Пер. с англ. М.: Республика, 1993.

[26] В газете «Утро России» (№ 217, 7 сентября 1917 г. — Д. 27. Л. 56) помещен рассказ Добрынского о событиях, предшествовавших выступлению генерала Л.Г. Корнилова. Это повествование полностью совпадает с его показанием, данным Чрезвычайной комиссии.

[27] Александр Рибо (1842–1923) — французский государственный деятель, один из основателей франко-русского союза, министр финансов (1914–1917).

[28] В сообщении «Утра России» (№ 217, 7 сентября 1917 г.) говорилось: «С большинством намеченных лиц г. Добрынскому не удалось сговориться; те же, которых он повидал, не дали ему определенного ответа. Затем последовали кошмарные известия из Петрограда. Г[осподин] Добрынский недоумевал, был поражен арестом В.Н. Львова, и надвигавшийся на Россию призрак гражданской войны плохо вязался, по его словам, с тем, что ему лично было известно» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 56).

[29] В.С. Завойко был арестован 31 августа 1917 года в г. Гомеле. При аресте он предъявил удостоверение на имя прапорщика Ивана Алексеевича Кузнецова, назначенного в 7-й Оренбургский казачий полк Кавказской армии (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 120). По-видимому, он имел намерение скрыться на некоторое время на Кавказе.

[30] В телеграмме говорилось: «Ввиду идеально организованной охраны всех шоссейных дорог Завойко сего тридцать первого арестован нами (Гом[ельский] Совет)» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 123). Эта телеграмма отправлена не была. Но была послана другая телеграмма, адресованная военному генерал-губернатору Савинкову: «Тридцать первого августа утром арестован в Гомеле. Ходатайствую о полном разделении участи генерала Корнилова. Василий Завойко» (Там же. Д. 13. Л. 136).

По указанию начальника Кабинета военмина В.Л. Барановского начальнику Гомельского гарнизона от 2 сентября предполагалось его отправить в распоряжение Комиссии. Однако А.Ф. Керенский распорядился доставить Завойко в Петроград на гауптвахту Управления петроградского коменданта (РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 99. Л. 77, 79). Поэтому показания Завойко давал в Петрограде. 8 сентября 1917 г. газета «День» писала: «Вчера штаб Петроградского военного округа подверг продолжительному допросу ординарца генерала Корнилова Завойко. Последний представил обстоятельное объяснение и сообщил всю историю заговора Корнилова. Завойко опровергает слухи, будто бы генерал Корнилов преследовал цель восстановления монархии. По словам Завойко, большое влияние на ход событий оказал бывший член 1-й Гос[ударственной] Думы Аладьин, советы которого ценились генералом Корниловым» (День. № 158 (16117). С. 2; ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 23. Л. 107 об.).

В Чрезвычайную комиссию поступали ходатайства о его освобождении. Одно из них — от общего собрания служащих нефтепромышленных обществ, директором которых он был (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 13. Л. 137, 137 об.). Ни одно из прошений не было удовлетворено. По состоянию здоровья в октябре 1917 г. Завойко был переведен в лечебницу под надзор Петроградского комендантского управления (Там же. Д. 13. Л. 143–144).

[31] В деле 14 (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1) имеется разорванное письмо. По сохранившемуся тексту можно определить, что оно было адресовано Алексею Максимовичу Зубову и напечатано на бланке Верховного главнокомандующего. По оставшемуся фрагменту письма можно прочитать отдельные фразы: «Глубокоуважаемый Алексей Максимович. Это письмо передаст Вам мой близкий знакомый, которого Вы уже

знаете [...] с Временным прави[тельством] [...] с просьбой [...] я этого в [...]» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 126).

Можно предположить, что В.С. Завойко пытался уничтожить важный документ, который вез по просьбе или приказу генерала Корнилова. О важности его миссии свидетельствует текст телеграммы Б.В. Савинкову: «Срочная по воен[ным] обст[оятельствам]. Военмин. Борису Викторовичу Савинкову. [В] общих интересах и благ считаю необходимым продолжение моей поездки. Жду предоставления возможности. Завойко. Г[омельский] Совет. Под арестом. 1/IX–17 г.» (Там же. Л. 122). Однако эта телеграмма Гомельским Советом отправлена не была.

[32] В документах, изъятых у В.Н. Львова, обнаружен список предполагаемого состава кабинета министров, отличающийся от приведенного Завойко:

«Керенский.

Военное мин. и Морское — Савинков, Лукомский или Алексеев, Колчак.

Внутр[енних] дел — Филоненко.

Иностр[анных] дел — Аладьин, Петряев.

Фин[ансов] — Завойко.

Продоволь[ствия] — Вл[адимир] Ник[олаевич] Троицкий-Сенютович.

Юстиции — Набоков, Тесленко, Каринский.

Земледелия — Аргунов.

Народ[ного] просв[ещения] — П.Н. Игнатьев.

Труда — Ал. Ив. Белоножкин при Плеханове.

Торг[овли] и пр[омышленности] С.Н. Третьяков.

Путей сооб[щения] — Тахтамышев, Шуберский, Шарин.

Исповед[ания] — Карташев.

Почт и телегр[афов] — Лопатин Герм[ан].

Призрения — Марычев, Чаплыгин» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 4. Л. 17, 17 об.; Там же. Д. 47. Л. 8. Автограф).

[33] О Демократическом совещании см. комментарий № 145 — т. 1.

На Демократическом совещании во время выступления А.Ф. Керенского из зала было много реплик по поводу его конфликта с Корниловым. Керенский, вынужденный оправдываться, заявил, что те силы, которые подтолкнули генерала к «мятежу», не раз обращались и к нему: «Я знаю, чего они хотели, потому что, прежде чем искать Корнилова, они приходили ко мне и предлагали стать на этот путь» (ГА РФ. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 3. Л. 10).

[34] О Тарнопольском прорыве см. комментарий № 189 — т. 1.

[35] В Чрезвычайную комиссию вместе с протоколом допроса А.Ф. Керенского (27 августа 1917 г.) от судебного следователя Петроградского окружного суда Шульца поступил пакет с «вещественными доказательствами, представленными А.Ф. Керенским: 1) Записка за подписью В. Львова от 26 августа 1917 г. 2) Телеграфная лента разговора от того же числа. 3) Телеграмма на имя министра-председателя Керенского для В.Н. Львова от Добрынского за № 987 из Могилева. В.Н. Львовым: 4) Два железнодорожных проездных билета Николаевской ж.д. в г. Москву 1 класса и спальный от 26 августа 1917 г. 5) Список, написанный карандашом на обороте телеграфного бланка» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 4. Л. 16). В протоколе осмотра вещественных доказательств от 31 августа (Там же. Л. 16–18 об.) процитированы все вышеперечисленные документы.

[36] Статья 443 Устава уголовного судопроизводства предусматривала предупреждение свидетелей о том, «что в суде они могут быть спрошены под присягою» (Устав уголовного судопроизводства. Вып. 1. Петроград, 1915. С. 105).

[37] 8 октября 1917 г. А.Ф. Керенский давал показания Чрезвычайной комиссии. Позднее он опубликовал их со своими комментариями в книге «Дело Корнилова».

(*Керенский А.Ф.* Дело Корнилова. Екатеринослав, 1918). О показаниях, зафиксированных в виде стенограммы, Керенский писал: «...Да это и не литературное произведение, не "воспоминания" для истории, не плод моего свободного творчества. Это только документ, кусок подлинной жизни, документ, который тому, кто действительно ищет и хочет знать правду в деле Корнилова, даст больше целого тома мемуаров, потому что, ничего не навязывая, он открывает каждому возможность самому, идя по пути Следственной комиссии, сделать всю работу постепенного выяснения важнейших обстоятельств дела Корнилова и самому прийти к самостоятельному выводу...

Я давал показания 8 октября. Несколько дней стенограмму допроса расшифровывали, и только за 5–6 дней до 25 октября я получил ее на просмотр и подпись. Сделать ни того, ни другого я не успел. Таким образом, окончательного официально установленного текста моего показания в следственной комиссии ко дню большевистского разгрома еще не было. Получив только теперь возможность просмотреть и исправить эту стенограмму, я, однако, счел себя вправе сделать к ней лишь редакционные и стилистические поправки...» (Там же. С. III, V).

[38] О совещании в Ставке 16 июля см. комментарий № 159 — т. 1.

[39] 9 марта 1917 г. «Общие права солдат» были представлены от имени Исполнительной комиссии Солдатской секции Петросовета на утверждение солдатских представителей и были приняты в виде постановления общего собрания Совета солдатских депутатов от 9 марта 1917 г., которое было опубликовано 15 марта в «Известиях Петроградского С.Р. и С.Д.».

Обычно этот известный документ в обществе называли «Декларацией о правах солдат». Первая часть этой декларации, состоявшая из 5 пунктов, определяла гражданские права солдат. Солдат имел право участвовать в какой угодно партии и принадлежать к любой организации (национальной, религиозной, экономической, профессиональной и т.д.). Им предоставлялось право свободно и открыто выражать свои взгляды. Все обязательные молебны отменялись. Всем военнослужащим предоставлялось право носить вольную одежду вне службы. Политическая цензура писем и литературы упразднялась.

Вторая часть содержала 6 параграфов, регулирующих взаимоотношения между солдатами и офицерами. Помимо упразднения наименования «нижний чин», а также упрощения ответов начальникам, был отменен институт денщиков. Отдание чести и титулование отменялись, солдатам и офицерам предлагалось соблюдать взаимную вежливость.

Третья часть состояла всего из одного пункта, говорившего о том, что солдаты имеют право внутренней организации. Этим пунктом утверждались солдатские комитеты.

Четвертый раздел касался вопроса о наказаниях. Первый пункт: «Солдат не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда». Таким образом, командный состав был лишен права наложения наказаний на солдат.

Пятый раздел относился к поверке. Шестой давал общие указания о воинской дисциплине. Все правила и порядки, изложенные в военных уставах: внутренней службы, дисциплинарном и строевом, сохраняли свою силу только во время службы. Причем все положения, противоречащие данной «декларации» и решениям Совета Р. и С.Д., отменялись. См. также комментарий № 197 — т. 1.

[40] Преобразование правительства после событий 3–4 июля 1917 г. было связано с тем, что 2–7 июля из-за неудачного наступления на фронте, разногласий по вопросу о взаимоотношениях с украинской Центральной Радой и, главное, бурных событий в Петрограде 3–4 июля часть министров Временного правительства (кадеты) подали в отставку. 24 июля было образовано третье (второе коалиционное) Временное правительство во главе с А.Ф. Керенским, в состав которого вошли семь кадетов и примыкающих к ним пять эсеров и народных социалистов, три меньшевика.

[41] Настроения на заседании Временного правительства с 27 на 28 августа описал в своих воспоминаниях бывший главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал П.А. Половцов: «Все ожидают окончания заседания Временного правительства. Там происходит крупная ругань, окончившаяся удалением Чернова из заседания. Около двух часов ночи господа министры расходятся, кажется, по обыкновению, предоставив Керенскому какие-то чрезвычайные полномочия. Наконец, появляется и он с Савинковым. Сначала он нам рассказывает свой разговор с Львовым и со смехом говорит: «Ловко я их подловил, притворившись с ними заодно, — они себя и выдали с головой». — Нахожу приемы верховной власти довольно оригинальными. Поди разбери, когда он изволит притворяться, а когда нет. Сажусь в кресло. Слева от меня Пальчинский, справа на диване Керенский. Наклоняюсь к Пальчинскому, продолжая доказывать, что тут кроется какое-то недоразумение и что вооруженный конфликт, наверное, можно избежать.

Вдруг Керенский, услышав мои слова, вскакивает и с жаром мне возражает: "Никакого недоразумения нет, все ясно, вот на этой телеграфной ленте у меня несомненные доказательства Корниловской преступности. Прав был Брусилов, говоривший про Корнилова, что у него львиное сердце, но баранья голова". — После этой тирады, нисколько меня не убедившей, Керенский снова разваливается на диване. Барановский с Багратуни сочиняют какое-то радио "всем, всем, всем" об измене Корнилова, но дело подвигается медленно, так как все лезут с советами...» (См.: *Половцов П.А.* Дни затмения. М., 1999. С. 194–196).

[42] По требованию Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова во второй половине июля командующий 8-й армией генерал-лейтенант В.А. Черемисов был назначен в распоряжение Временного правительства, между тем как ранее предполагалось утвердить его в должности главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Командующим Юго-Западным фронтом временно был назначен генерал П.С. Балуев, а затем генерал-лейтенант А.И. Деникин.

[43] Керенский надеялся назначением генерала Корнилова Верховным главнокомандующим остановить разложение армии и тем самым укрепить свое собственное положение. Однако эта иллюзия быстро рассеялась: Корнилов в ультимативной форме стал выдвигать требования по укреплению боеспособности действующей армии, которые были неприемлемы для Временного правительства. Еще не вступив в должность, Корнилов сразу же послал ультимативную телеграмму правительству, в которой извещал, что примет командование лишь при определенных условиях. (Телеграмму Л.Г. Корнилова Временному правительству № 5807 от 19 июля 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

Получив в такой форме первые требования Корнилова, Керенский пришел в ярость. По свидетельству очевидцев, он хотел тут же отстранить его от командования. Однако этому воспротивились Б.В. Савинков и некоторые другие члены правительства.

Корнилов и в дальнейшем о необходимых мероприятиях по укреплению армии и тыла говорил и действовал «ультимативно», что вызывало раздражение Керенского. Глава Временного правительства при встрече с генералом в начале августа в Петрограде жаловался Корнилову на него самого: Верховный главнокомандующий взял привычку говорить с центральной властью ультиматумами.

[44] 3 августа 1917 г. Л.Г. Корнилов приехал в Петроград с докладной запиской, которую он собирался представить Временному правительству. В этой записке, по словам Керенского, «был изложен целый ряд мер в огромном большинстве вполне правильных», но ее слишком категоричный тон был неприемлем. По настоянию Керенского доклад «был отложен впредь до согласования его содержания с мнением военного министра» (см.: «Красная летопись». 1924. № 1(10). С. 204).

Управляющий Военным министерством Б.В. Савинков и комиссар при Ставке М.М. Филоненко переработали докладную записку Корнилова. На предварительном совещании, в котором принимали участие А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов и М.И. Терещенко, было признано, что «в военной части большинство изложенного правильно и приемлемо». Однако при этом снова был сделан вывод о неприемлемости документа по форме. Министры убедили генерала взять записку обратно. Однако он все же решил подписать докладную записку и направил ее Временному правительству.

4 августа на заседании Временного правительства (см.: Журнал заседания Временного правительства № 147. — ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 2. Л. 110) обсуждались вопросы, связанные с экономическим положением страны, но записка Л.Г. Корнилова не рассматривалась.

Второй раз Л.Г. Корнилов приехал в Петроград 10 августа. В тот же день состоялось заседание Временного правительства (см.: Журнал... № 152. — Там же. Л. 120), на котором были внесены дополнительные статьи 100 и 101 в Уголовное уложение, предусматривавшие наказание за «покушение на государственный строй» и «попытку государственного переворота».

Записка, подписанная Л.Г. Корниловым 10 августа, была обнаружена при разборе материалов и разрозненных документов Временного правительства в Центроархиве и опубликована в журнале «Красная летопись» (1924. № 1 (10). С. 207–217). Суть докладной записки Корнилова заключалась в принятии необходимых мероприятий по «милитаризации страны», могущих осуществляться «если не одним диктатором», то, как сказано в документе, людьми «мощной воли», решившими «во что бы то ни стало спасти свободную Россию».

[45] Постановление Временного правительства о предоставлении министрам военному и внутренних дел исключительных полномочий, включая право на внесудебные аресты, было издано 2 августа 1917 года — см.: Журнал заседаний Временного правительства № 146 от 2 августа. — Там же. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 2).

[46] О газете «Живое слово» см. комментарии № 165 — т. 1.

[47] О «Народной газете» см. комментарий № 165 — т. 1.

[48] О показаниях Л.Г. Корнилова, напечатанных в «Общем деле», и о закрытии этой газеты см. комментарий № 63 — т. 2.

[49] А.И. Гучков, вступивший 4 марта 1917 г. на пост военного министра, в тот же день образовал «особую комиссию», которая должна была преобразовать армейский и флотский быт. Официально комиссия под председательством генерала А.А. Поливанова была образована «для переработки законоположений и уставов в точном соответствии с новыми правовыми нормами».

Первое заседание комиссии состоялось 4 марта в доме военного министра. В состав комиссии входили деятели Военной комиссии Временного комитета Госдумы, а также лица, назначенные Гучковым. На заседании присутствовали: А.И. Гучков, А.А. Поливанов, Б.А. Энгельгардт, Н.В. Савич, П.И. Пальчинский, А.З. Мышловский, К.В. Стеценко, П.И. Аверьянов, Н.С. Аносов, М.П. Каменский, А.С. Потапов, Ф.В. Рубец-Масальский, А.И. Андогский, Ф.И. Балабин, В.И. Лебедев, А.Д. Окунев, П.А. Половцов, Л.С. Туган-Барановский, К.Н. Туманов, Г.А. Якубович, В.П. Дягилев и А.П. Капнист.

Председатель комиссии генерал А.А. Поливанов коротко определил задачи комиссии как проведение «в спешном порядке ряда реформ, которые отвечали бы насущным нуждам армии и были бы вполне согласованы с принципами, провозглашенными Временным правительством».

Гучков надеялся путем некоторого преобразования армейского уклада усилить боеспособность армии и имел в виду, что эти реформы должны были спаять армию и коснуться военного быта, условий прохождения службы, вопросов о пенсиях и посо-

биях, положения офицеров, войскового хозяйства, т.е. всех сторон военной жизни армии и флота.

На первом заседании комиссии все реформаторские предложения сводились к отмене наиболее одиозных статей 99, 100, 101, 102, 104 Устава внутренней службы (например, ст. 99 Устава гласила: «На улицах, на бульварах, в скверах и тому подобных местах не курить»), а также выражались пожелания отменить титулование, что и было запротоколировано.

Однако эти и подобные им мероприятия не смогли остановить падения дисциплины и боеспособности вооруженных сил России.

Приказ № 115 о создании комиссии генерала Поливанова был издан военным министром только 6 марта 1917 г., т.е. через два дня после фактического начала ее работы.

[50] Речь генерала Л.Г. Корнилова на утреннем заседании Московского совещания 14 августа была, по сути дела, более кратким и приглаженным изложением его докладной записки Временному правительству от 10 августа 1917 г. «Для восстановления армии, — говорил с трибуны генерал Корнилов, — необходимо немедленно принятие мер, о которых я доложил Временному правительству. Мой доклад представлен (как отмечалось выше в комментариях, докладная записка была представлена Корниловым 3 августа Временному правительству и окончательно была подписана генералом 10 августа. — *Сост.*)... Я в кратких чертах доложу вам главные основы своего доклада» (Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 63; см. также: Революционное движение в России..., С. 364–368.).

[51] Юнкера 7-й роты Александровского военного училища направили в Московский совет солдатских депутатов заявление (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 60–61 об.). В нем говорилось, что они 12 августа 1917 г. были назначены в караул при Московском Большом государственном театре, «где в этот день было открыто Государственное совещание». Начальник караула сказал им, что первым на Государственном совещании «будет решен вопрос о назначении одного из трех генералов: Алексеева, Брусилова иль Корнилова, — военным диктатором». Далее в заявлении утверждалось, что по «безусловно верным сведениям Московские Советы рабочих и солдатских депутатов настроены против Государственного совещания, и что ими будет организовано при посредстве некоторых склоняющихся на их сторону частей Московского гарнизона нападение вооруженное на Большой театр с целью помешать Совещанию, и что Советами рабочих и солдатских депутатов будет произведено покушение на трех вышеупомянутых кандидатов в диктаторы». Подписавшим заявление стало ясно, что «юнкеров Александровского военного училища желают использовать как сильную физическую силу для проведения какой-то политической интриги против Временного правительства» (Там же. Л. 61 об.).

По этому заявлению было проведено расследование первоначально генерал-майором Друцким по поручению командующего Московским военным округом, а затем исполняющим должность судебного следователя по особо важным делам А. Коренковым (в Московском окружном суде). (Показания и протоколы допросов по этому делу см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 27. Л. 62–94, 114–119, 123–125, 128–134, 137–151, 153–156). Постановление Чрезвычайной комиссии по делу о заявлении юнкеров Александровского военного училища в делах фонда 1780 не обнаружено. См. также комментарий № 179 — т. 1.

[52] О предполагавшемся объявлении Петрограда на военном положении см. комментарий № 21 — т. 2.

[53] Под «протопоповским выделением» в феврале 1917 г. подразумевается создание Петроградского военного округа. Петроградский военный округ подчинялся штабу Северного фронта. 5 (18) февраля 1917 г. для предупреждения беспорядков в

Петрограде был создан Особый военный округ под командованием генерала С.С. Хабалова.

Из-за угрозы немецкого наступления в начале августа 1917 г. в Ставке было решено создать особый Петроградский фронт для защиты столицы. 6 августа Л.Г. Корнилов направил А.Ф. Керенскому телеграмму, в которой просил подчинить Ставке Петроградский военный округ (он должен был войти в формирующийся Петроградский фронт). Началась переброска надежных воинских частей, способных защитить столицу от неприятеля, а также подавить возможные беспорядки в Петрограде.

[54] 8 августа 1917 г. А.Ф. Керенский подписал приказ о разоружении Кронштадта. Под видом укрепления огневой мощи действующей армии предполагалось снять орудия из морской крепости Кронштадт, гарнизон которой находился под влиянием большевиков и не признавал власти Временного правительства. Однако данный приказ не удалось воплотить в жизнь. См. также документ № 88 — т. 1.

[55] «Родзянковская группа». Наименование группа получила по имени М.В. Родзянко — лидера октябристов, председателя IV Государственной Думы. В первые месяцы после Февральской революции Родзянко еще верил в то, что Дума сыграет важную роль в становлении нового порядка, вел «частные совещания» членов Думы, критиковал отдельные действия Временного правительства, однако вскоре стал разочаровываться в сложившейся ситуации. Считал необходимым Первую мировую войну довести «до победного конца, во имя чести и достоинства дорогого отечества». Родзянко 9 августа телеграфировал из Москвы генералу Л.Г. Корнилову: «Совещание общественных деятелей приветствует Вас, верховного вождя Русской армии. Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв вашего авторитета в армии и России считает преступным... В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верою». В августе 1917 г. он поддержал корниловское выступление, но эта поддержка была нерешительной, а после его поражения Родзянко заявил: «Никогда ни в какой контрреволюции не участвовал и во главе фронды не стоял. О всех злобах дня я узнал только из газет и сам к ним не причастен. А вообще могу сказать одно: заводить сейчас междоусобия и споры — преступление перед Родиной».

[56] О собрании комиссаров и представителей комитетов см. комментарий № 205 — т. 1.

[57] О событиях 26–28 августа 1917 г. А.Ф. Керенский в своих воспоминаниях писал: «Приблизительно в 10 часов вечера я распорядился об аресте Львова, которого поместили под стражу в одной из комнат дворца. После этого я немедленно отправился в Малахитовый зал, где проходило заседание кабинета, и, доложив о встрече со Львовым, зачитал его записку и дословный текст моего разговора с Корниловым. Высказавшись за подавление мятежа, я заявил, что считаю возможным бороться с поднятым мятежом лишь при условии, если мне будет передана Временным правительством вся полнота власти. И добавил, что с целью передачи всей необходимой власти Временное правительство должно быть несколько преобразовано. После непродолжительного обсуждения было решено передать председателю всю полноту власти, с тем чтобы скорейшим образом положить конец антиправительственному наступлению, предпринятому Верховным главнокомандующим генералом Корниловым...» (*Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары / Пер. с англ. М.: Республика, 1993. С. 243–244).

[58] Комитет обороны остался при Военном министерстве со времен царского правительства и решал насущные проблемы военного снабжения действующей армии. Позднее собирались «совещания по обороне».

[59] «Деникинская история». См. комментарии № 31, 260 — т. 1.

[60] Командующий Московским военным округом полковник А.И. Верховский 29 августа 1917 г. под предлогом «спасения завоеваний революции» отдал приказ о введе-

нии военного положения. По его распоряжению 11-я пехотная запасная бригада в составе 55, 56, 85, 193, 251-го пехотных полков, две батареи 1-й запасной артиллерийской бригады, пять броневиков и рота самокатчиков были отправлены для подавления корниловского мятежа (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 8. Д. 5. Л. 65). Но сводным полкам Московского гарнизона не пришлось принять непосредственного участия в подавлении выступления Корнилова.

За этот поступок полковник А.И. Верховский 30 августа получил от А.Ф. Керенского портфель военного министра, чин генерал-майора и 1 сентября был введен в состав Директории. Первым шагом Верховского на новом посту было заявление журналистам, что «мы должны организовать армию на тех началах, на которых армия существует у всех народов и во все времена», и «в первую очередь организовать корпус офицеров, который бы пользовался всем авторитетом и мог бы фактически командовать».

[61] Октябристы — члены партии «Союз 17 октября», образованной в ноябре 1905 г. под лозунгом соблюдения положений Манифеста 17 октября 1905 г. о даровании народу политических свобод и учреждении Государственной Думы в качестве высшего законодательного органа империи. Лидеры: П.А. Гейден, А.И. Гучков, М.В. Родзянко, М.А. Стахович, Н.А. Хомяков.

[62] В подготовке доклада о военной реформе кроме Савинкова принимал участие и Филоненко. Доклад Военного министерства, сохранив некоторые общие положения корниловской записки, внес существенные изменения в ее основную мысль (о записке Л.Г. Корнилова от 3 августа 1917 г. см. комментарий № 44 — т. 2). Изменена была форма изложения. В этом докладе предусматривалось значительное расширение прав военно-революционных учреждений и вводились весьма важные законопроекты о милитаризации железных дорог и торгово-промышленных предприятий, работающих на оборону. Общая схема взаимоотношений в армии в представлении одного из авторов доклада М.М. Филоненко преподносилась в следующем виде: «Комитеты должны выражать собою мнение армии, комиссары осуществлять в армии революционную государственную власть, а командный состав должен по-прежнему ведать часть оперативную и подготовку войск». Впоследствии в положении о комитетах проект Военного министерства, вопреки решительному протесту Корнилова, предусматривал даже участие комитетов в аттестовании начальников. Доклад не шел дальше закрепления существующего порядка и обсуждался 10 августа в узком составе (триумвирате) представителей Временного правительства. Читал доклад Плющевский-Плющик. На заседании было установлено, что «правительство соглашается на предложенные меры, вопрос же об их осуществлении является вопросом темпа правительственных мероприятий». Позднее об этом заседании генерал Корнилов дал показания следственной комиссии. Сам доклад (или так называемая 2-я записка) был опубликован в журнале «Красная летопись» (1924. № 1 (10). С. 207–217).

[63] 2 октября 1917 г. часть показания Л.Г. Корнилова была опубликована в газете В.Л. Бурцева «Общее дело» под заголовком «Объяснительная записка Корнилова». Понятно, что, пока шло следствие, их нельзя было обнародовать. Возможно, кто-то из членов Комиссии (по воспоминаниям Украинцева можно предположить, что это был Раупах) передал выдержки В.Л. Бурцеву, чтобы создать благоприятную для Корнилова общественную атмосферу. Из-за этой публикации «Общее дело» было закрыто (*Иоффе Г.З.* Генерал Л.Г. Корнилов перед Чрезвычайной комиссией Временного правительства // Кентавр. 1995. № 5. С. 106).

[64] В телеграмме № 3733 от 8 июля 1917 г. Л.Г. Корнилов писал: «Принял фронт в исключительно тяжелых условиях прорыва противником, обусловленного разложением и развалом, вызванными в армиях падением дисциплины, следствием чего явились самовольные уходы полков с позиций, отказ в немедленном оказании поддерж-

ки. Соотношение сил приблизительно один противник на пять наших, что является разительным доказательством вышесказанного. Такое положение чревато чрезвычайно грозными и тяжелыми последствиями. Нахожу безусловно необходимым обращение Временного правительства и Совета к войскам с вполне откровенным и прямым заявлением о применении исключительных мер вплоть до введения смертной казни на театре военных действий, иначе вся ответственность на тех, которые словами думают править на тех полях, где царит смерть и позор предательства, малодушия и себялюбия» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 15).

[65] О Декларации прав солдат см. комментарий № 39 — т. 2. «Декларация прав солдата для армии и флота» официально появилась в печати только 9 мая 1917 г. после отставки военного министра А.И. Гучкова, так как он отказался ее подписать. Под опубликованной (и несколько измененной по сравнению с первым вариантом от 9 марта) «Декларацией» стоит подпись: «Военный и морской министр А. Керенский». В этом опубликованном документе значилось 18 пунктов.

Пункт 14 гласил: «14) Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда. Но в боевой обстановке начальник имеет право под свою личную ответственность принимать все меры, до применения вооруженной силы исключительно, против не исполняющих его приказаний подчиненных. Эти меры не почитаются дисциплинарными взысканиями [...]».

[66] Телеграмма генерала Л.Г. Корнилова от 11 июля 1917 г. была опубликована в «Вестнике Главного комитета Союза офицеров» (№ 4. 25 июля 1917 г.). В этом обращении к министру-председателю Корнилов для спасения армии требовал «немедленного прекращения наступления на всех фронтах», «введения смертной казни и учреждения полевых судов на театре военных действий» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 17–18; Д. 15. Л. 39 б, 39 б об.).

[67] В телеграмме № 4424 от 19 июля 1917 г. Л.Г. Корнилов изложил условия, при которых он считал возможным принять пост Верховного главнокомандующего: «...Я принимаю назначение при условиях: 1. Ответственности перед собственною совестью и всем народом в лице его Вр. правительства. 2. Полного невмешательства в мои оперативные распоряжения и потому назначения высшего командного состава. 3. Распространения принятых последнее время на фронте мер и на те местности тыла, где расположены пополнения для армии. 4. Принятия моего предложения, переданного телеграфно главковерху к совещанию в Ставке за № 4254. Докладываю, что лишь при осуществлении вышеперечисленных условий я буду в состоянии выполнить возлагаемую на меня Временным правительством задачу и в полном содружестве с доблестным офицерским составом и сознательной частью солдатской массы привести армию и народ к победе и долгожданному справедливому и почетному миру» (Там же. Д. 14. Л. 25).

[68] 30 июля на совещании в Ставке с участием министров путей сообщения и продовольствия генерал Корнилов выразил свое мнение: «Для окончания войны миром, достойным великой, свободной России, нам необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу — в мастерских и заводах, изготовлявшую для армии фронта все ей необходимое, и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту». Не касаясь вопроса, какие меры необходимы для оздоровления рабочей и железнодорожной армии, Корнилов считал, что «для правильной работы этих армий они должны быть подчинены той же железной дисциплине, которая устанавливается для армий фронта».

[69] О Военной лиге Исполнительного комитета Союза офицеров см. комментарии № 30, 185 — т. 1.

[70] О Совете Союза казачьих войск см. комментарий № 77 — т. 1.

[71] О Союзе Георгиевских кавалеров см. комментарий № 11 — т. 1.

[72] Совещание общественных деятелей прислало 9 августа 1917 г. генералу Л.Г. Корнилову телеграмму, в которой говорилось: «...Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв Вашего авторитета в армии и России считает преступными и присоединяет свой голос к голосу офицеров, Георгиевских кавалеров и казачества. В грозный час тяжкого испытания вся мыслящая Россия в Вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасения России. Председатель Совещания Родзянко» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 32).

[73] 31 июля 1917 г. состоялось собрание представителей Совета Военной лиги, Союза офицеров армии и флота, Союза Георгиевских кавалеров, Союза воинского долга, Союза чести Родины, Союза добровольцев народной обороны, Союза армии чести, Добровольческой дивизии, Батальона Свободы, Союза спасения Родины, Общества 1914 года и Республиканского центра. В резолюции этого собрания говорилось: «...1) В переживаемые нами скорбные дни гибели России восстановление боеспособности армии является главным средством спасения, перед коим меркнут все другие. 2) Для достижения этой цели в армии должен быть установлен тот внутренний порядок и та дисциплина, которые признаются нужными самим командным персоналом, а отнюдь не людьми, стоящими вне армии и чуждыми ее задачам и быту. 3) Ввиду выяснившейся невозможности сохранить мощь армии без применения принудительных мер, силой убеждения, вследствие малой сознательности масс и преступной германской агитации под флагом большевизма, необходимо при решении вопросов о поднятии мощи армии считаться с мнением не политических партий, а тех организаций, которые работают, главным образом, в области государственной обороны, объединяя наиболее компетентных в этом деле людей...» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 28).

[74] О частном совещании Временного правительства 10 августа 1917 г. см. комментарий № 44 — т. 2.

[75] Речь генерала Л.Г. Корнилова на утреннем заседании Московского совещания 14 августа 1917 г. была, по сути дела, более кратким изложением его докладной записки Временному правительству от 10 августа 1917 г. «Для восстановления армии, — говорил с трибуны генерал Корнилов, — необходимо немедленно принятие мер, о которых я доложил Временному правительству. Мой доклад представлен...» (Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 63). (Как отмечалось выше в комментариях, докладная записка была представлена Корниловым 3 августа Временному правительству и окончательно была подписана генералом 10 августа.)

[76] О взрыве пороховых складов в Казани см. комментарий № 202 — т. 1.

[77] Станиславский прорыв. Здесь имеется в виду наступательная операция русской армии на Юго-Западном фронте в Галиции. См. комментарий № 189 — т. 1.

[78] Письмо Л.Г. Корнилова А.М. Крымову от 30 августа 1917 г. приложено к протоколу допроса Л.Г. Корнилова: «...Посылаю Вам копии приказов и воззваний, с которыми я обратился к войскам и народу по поводу своего конфликта с Вр. правительством. Посылаю двух человек к Каледину с просьбой надавить. Ответ от Каледина можно ожидать примерно 4 сентября. Приказом Вр. пр[авительст]ва я, Лукомский, Деникин и несколько других генералов отрешены от должности и преданы в[оенно]-революционному суду за мятеж, но вместе с тем я получил приказание руководить операциями до приезда ген. Алексеева, назначенного наштаверхом. Алексеев приезжает завтра к ночи. Получился эпизод единственный в мировой истории: гл[авнокомандую]щий, обвиненный в измене и предательстве родины и преданный за это суду, получил приказание продолжать командование армиями, т.к. назначить другого нельзя. С подателем сего доставьте мне возможно подробные сведения о расположении Ваших полков, настроений Ваших офицеров, казаков и всадников, о связи, имеющейся у Вас с организациями, на которые мы рассчитывали, и на дальнейшие шансы на

возможность крепкого нажима средствами, имеющимися в Вашем распоряжении. Ориентируйте меня в обстановке, и тогда получите от меня дальнейшие указания. Если же обстановка позволяет, — действуйте самостоятельно в духе данной мною Вам инструкции. Преданный Вам Л. Корнилов» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 193–194. Автограф. Опубл.: Революционное движение в России... С. 469).

[79] О документах, изъятых в качестве вещественных доказательств у В.Н. Львова, см. комментарий № 32 — т. 2.

[80] В статье 722 Устава уголовного судопроизводства говорилось, что «свидетель не может отказаться от дачи ответов на вопросы, клонящиеся к обнаружению противоречия в его показаниях или несообразности их с известными обстоятельствами, или же с показаниями других свидетелей, но он не обязан отвечать на вопросы, уличающие его самого в каком бы то ни было преступлении» (Устав уголовного судопроизводства. Вып. 1. Петроград, 1915. С. 144).

[81] 25 августа 1917 г. Н.А. Добрынским была послана телеграмма на имя А.Ф. Керенского для В.Н. Львова: «[На] обратном [пути] заезжайте [в] Москву. Родзянко [в] Петрограде пригласите» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 47. Л. 7).

[82] Казачий союз. Здесь имеется в виду Совет Союза казачьих войск. О Совете Союза казачьих войск см. комментарий № 77 — т. 1.

[83] 14 октября 1917 г. Чрезвычайная комиссия получила от А.Ф. Керенского «листок бумаги, на коем карандашом написано следующее»: «Дорогой Александр Федорович, от души поздравляю и счастлив, что друга избавил от когтей Корнилова. Весь Ваш всегда и всюду. В. Львов» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 253). По заявлению А.Ф. Керенского, эта записка получена им от В.Н. Львова 30 августа 1917 г. (Протокол Комиссии от 14 октября 1917 г. о получении записки от министра-председателя см.: Там же. Л. 252).

[84] В.Н. Львов обращался в Комиссию со «словесным ходатайством об освобождении его из-под стражи». 4 октября 1917 г. был составлен акт о его освидетельствовании врачом Главного Петроградского комендантского управления (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 255), а 5 октября 1917 г. — справка врача-невропатолога о состоянии здоровья арестованного (Там же. Л. 256, 256 об.). В тот же день (5 октября) Комиссия признала, «что дальнейшее содержание В.Н. Львова под стражей при Комендантском управлении по заключению врачей представляет опасность для здоровья заключенного», и приняла постановление об освобождении В.Н. Львова из Комендантского управления «с отдачей его под домашний арест» (Там же. Л. 254).

[85] А.С. Лукомский в телеграмме № 6406 от 27 августа 1917 г. (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 46. Л. 19–21), посланной А.Ф. Керенскому, писал: «Считаю долгом совести, и имея в виду лишь пользу родины, определенно Вам заявить, что теперь остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно, и это поведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием коего, конечно, не будет закрепление завоеванной революции.

Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала.

Я лично не могу принять на себя ответственность за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможность принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию. Ожидаю срочных указаний» (Там же. Л. 20, 21; опубл.: Революционное движение в России... С. 447, 448).

[86] Выражение генерала А.С. Лукомского: «Недопустимо создать из Могилева форт Шаброль» — можно понимать как недопустимость создания из Могилева (т.е. Ставки в Могилеве) центра контрреволюции (сравнение с историей Великой французской революции).

[87] Об отказе Лукомского принять должность см. комментарий № 3 — т. 1.

[88] О «Декларации прав военнослужащих» см. комментарии № 39, 65 — т. 2.

[89] О приказе № 1 Совета солдатских и рабочих депутатов см. комментарий № 207 — т. 1.

[90] Комиссары на фронтах действующей армии после Февральской революции характеризовались А.Ф. Керенским как представители центральной революционной власти, призванные «ограждать армию от анархии слева и от попыток восстановления старых порядков справа». Они обязаны были укреплять армию, повышать боеспособность воинских подразделений, в том числе такими мерами, как введение смертной казни на фронте, ограничение влияния Советов и т.п. Во время выступления генерала Корнилова не все военные комиссары были на стороне Временного правительства.

[91] Введение Временным правительством 12 июля 1917 г. смертной казни для дезертиров было подтверждено в тот же день приказом главковерха А.А. Брусилова. (О законе 12 июля см. комментарий № 40 — т. 1.) Эта запоздавшая мера еще больше подорвала авторитет верховного командования среди солдат, чем воспользовались оппозиционные партии для антиправительственной пропаганды. Не была действенной и выбранная генералом Брусиловым тактика разговоров и «подачи записок» наезжавшему в Ставку министру-председателю.

16 июля по инициативе А.Ф. Керенского в Ставке было созвано Совещание главнокомандующих и министров для выработки новой военной политики.

Кабинет министров фактически был представлен Керенским и министром иностранных дел Терещенко. Присутствовали генералы Брусилов, Деникин, Клембовский, Алексеев, Рузский, Корнилов, Марков, Величко, Романовский, адмирал Максимов, а также комиссар Юго-Западного фронта Савинков.

Настроение у собравшихся было нервное и напряженное. Слово для доклада было предоставлено А.И. Деникину, который показал истинную картину состояния армии и мероприятий, приведших армию к развалу. В целях сохранения «военной тайны» речь Деникина не была приведена в периодической печати.

Генерал Брусилов обратился к присутствующим с краткой речью, которая поразила многих своими общими и неопределенными формами.

После бурного совещания в Могилеве Керенский в тот же день решил сменить генерала Брусилова на посту Верховного главнокомандующего на генерала Корнилова.

Генерал А.А. Брусилов следующим образом описывает свою отставку: «Я не хотел уходить в отставку, считая, что было бы нечестно с моей стороны бросить фронт, когда гибнет Россия». Причиной отставки Брусилов считал то, что он решительно отказался поддержать Керенского «в случае, если он найдет необходимым возглавить революцию своей диктатурой». Что же касается Корнилова, то «он, — как пишет Брусилов, — вероятно, на подобные же вопросы отвечал согласием еще заранее». Именно поэтому он, по мнению Брусилова, и был избран Керенским на должность Верховного главнокомандующего (*Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М.; Л., 1929. С. 218).

[92] Россия имела обязательства перед союзниками по Антанте. В Ставке в конце мая генерал М.В. Алексеев собрал съезд офицеров армии. Офицерам рекомендовалось влиять на солдат через армейские комитеты и убеждать их в необходимости наступления. По договору на союзнической конференции 5–16 ноября в 1916 г. и в Петрограде в феврале 1917 г. Россия обязалась перейти в наступление не позже как через три недели после перехода французско-английских армий в наступление. Но наступление французской армии окончилось полным провалом, и армии на западе перешли к войне на истощение. В России к наступлению на Юго-Западном фронте начали готовиться еще в 1916 г. при Николае II. Однако с тех пор в стране произошли большие перемены, упала дисциплина в армии, и многие воинские части потеря-

ли боеспособность. В таких условиях Русская армия не имела никаких перспектив для крупного и успешного наступления на фронте, но взятые обязательства перед союзниками необходимо было выполнять.

[93] О катастрофе на Юго-Западном фронте см. комментарий № 189 — т. 1.

[94] Позднее в своей книге «История второй русской революции» П.Н. Милюков о событиях августа 1917 г. писал: «Теперь, как Корнилов мне говорил при свидании в Москве 13-го августа... момент открытого разрыва с правительством Керенского представлялся ему совершенно определившимся, вплоть до заранее намеченной даты, 27 августа. Это представляет в несколько ином свете недавно опубликованные свидетельства, которые не в полной мере совпадают с моими показаниями. Я уже касался другого аспекта нашей беседы и желал бы вновь напомнить о нем. В личной беседе с Корниловым в Москве (13 августа) я предупреждал его о несвоевременности борьбы с Керенским — и не встретил с его стороны решительных возражений. Об этом я сообщил и генералу Каледину, посетившему меня в те же дни. Все это, видимо, соответствовало, что и подтвердилось позднее, намерению Корнилова сохранить Керенского в кабинете.

Могу добавить к уже сказанному следующее: генерал Корнилов не входил во все детали предстоящего переворота, однако он выразил желание получить поддержку конституционных демократов в случае реорганизации в критический момент кабинета министров. Я ответил, что мы не сможем поддержать его, если, как свидетельствует тональность его высказываний, дело дойдет до кровопролития или насилия. На это Корнилов ничего не ответил. В заключение беседы я заметил, что со стороны генерала Корнилова крайне неблагоразумно окружать себя людьми вроде Аладьина, который выходил из вагона Корнилова, когда я входил в него...» (см.: *Милюков П.Н.* История второй русской революции. София, 1922. Т. 1. Вып. 2. С. 174).

[95] В воспоминаниях бывшего главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова имеются сведения о посещении Мироновым Ставки в Могилеве 23–24 августа 1917 г.: «Ровно через две недели еду вторично в Ставку, на этот раз с Никитиным, который не может больше выдержать петроградской обстановки и хочет устроиться начальником штаба Туземной дивизии. На вокзале видим Савинкова, едущего с тем же поездом, что мы, в Ставку. Его провожает Васильковский.

Садимся в вагон. Никитин мне сообщает, что Васильковский ему сказал, будто Савинков едет в Ставку в сопровождении Миронова, дабы произвести там обыски и аресты среди чинов штаба, состоящих членами Офицерского союза и подозреваемых в контрреволюционной деятельности. Васильковский просит Никитина немедленно по приезде предупредить всех друзей в Ставке. Решаем, что с вокзала Никитин поедет с этой целью к Доброжияловскому в Отдел военных сообщений, а я в генерал-квартирмейстерство к Романовскому и Плющику. [...]

На одном из станционных буфетов сталкиваюсь с Мироновым. Притворяюсь удивленным и спрашиваю, куда он едет. Отвечает, что в Ставку для обсуждения мер по объединению контрразведки. — Восхитительно.

По приезде в Могилев качу в Штаб. Иду к Романовскому и передаю ему и Плющику предупреждение Васильковского. Оба они смеются и говорят, что получили это предупреждение за два часа до прихода петроградского поезда, что Миронов может обшарить весь Штаб, но ничего не найдет и что, кроме того, Корнилов страшно разозлился и заявил, что никаких обысков или арестов в Штабе он не допустит» (*Половцов П.А.* Дни затмения. М., 1999. С. 189–191).

[96] «Союз освобождения Украины» («Спилка визволення України») — организация, созданная в августе 1914 г. во Львове. Добивалась отделения Украины от России при финансовой и военной поддержке Германии и Австро-Венгрии. К концу 1914 г. Союз

разработал план практических военных операций против России. План не удался из-за утечки секретной информации, слабой подготовленности и др. Организация была распущена летом 1918 г.

[97] Интернационал (Международное товарищество рабочих), первая массовая международная организация пролетариата; основатели и руководители К. Маркс и Ф. Энгельс. Основан в Лондоне 28 сентября 1864 г.

[98] О «заговоре Хитрово» см. комментарий № 183 — т. 1.

[99] По некоторым сведениям, в середине августа 1917 г. управляющий Военным министерством Б.В. Савинков получил из надежных французских источников информацию, что большевики намереваются организовать в начале сентября еще одно восстание. Вскоре секретные сведения появились в печати. 19 августа это сообщение опубликовала газета «Русское слово». В своем № 189 редакция сообщала, что, по мнению правительства, это «будет решительный удар большевиков». Предполагаемая дата выступления большевиков совпадала, по сведениям Ставки, с датой начала немецкого наступления на Петроград (см.: *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Таллин, 1937. Т. 1, ч. 2. С. 15).

[100] Перед своим уходом в отставку министр юстиции А.С. Зарудный, передавая А.А. Демьянову дела, настоятельно рекомендовал ему ликвидировать отдел контрразведки при Министерстве юстиции, который он считал не только ненужным, но и вредным, но до которого у него так и не дошли руки. Вскоре выяснилось, что Зарудный был прав, когда говорил о незаконности существования такого отдела в министерстве. Начальник контрразведки Миронов нередко сажал людей под арест только по одному подозрению, подозреваемых содержали длительное время без возбуждения дела и даже без допроса. Демьянов распорядился немедленно освободить всех задержанных, а отдел контрразведки ликвидировал.

В своих воспоминаниях Демьянов писал: «Контрразведка при Министерстве юстиции была мной совсем ликвидирована, о чем я довел до сведения Совета Министров. Я считал себя в этом отношении совершенно свободным, так как не был связан законом об учреждении ее. [...] Вышеупомянутый Миронов служил по контрразведке и при Военном министерстве. После удаления его из Министерства юстиции его удалили и из Военного министерства». (*Демьянов А.* Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции». Берлин, 1922. Т. 4. С. 105–106).

7 сентября военный министр А.И. Верховский сделал доклад на заседании Временного правительства о посещении Ставки, а на следующий день обнародовал положения своего доклада через «Известия Совета Р. и С.Д.». Из доклада следовало, что, ознакомившись с положением дела на месте, Керенский и Верховский решили восстанавливать дисциплину и поднимать боеспособность армии, но не теми методами, которые признаны целесообразными при Корнилове. Та прежняя программа внедрения дисциплины, «выработанная Временным правительством до корниловского мятежа, в настоящий момент должна быть отвергнута». Она была «построена на принципе усиления строгости и ставила во главу угла карательные меры». Это «при данном психологическом состоянии армии привело бы лишь к еще большему разложению ее, а может быть, и к открытому возбуждению к самосуду». 8 сентября Верховский с этим же сообщением выступил на исполкоме Петросовета.

[101] Циммервальдская конференция состоялась 5–8 сентября 1915 г. (Швейцария, Циммервальд). В ней участвовали 38 делегатов от России, Польши, Италии, Германии, Франции, Швейцарии и др.

[102] Офицерско-солдатский союз. Здесь, вероятно, имеется в виду Союз офицеров армии и флота (см. комментарий № 30 — т. 1).

[103] Чрезвычайная комиссия, «рассмотрев вопрос об основаниях к лишению свободы» подпоручика П.С. Раевского, выяснила, что «ничем не устанавливается» его

причастность «к каким-либо заговорам или мятежным действиям». 3 октября 1917 г. Комиссия постановила подпоручика Раевского из-под стражи освободить (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 86. Л. 1).

[104] О телеграммах Клембовского, Балуева, Деникина и Щербачева см. комментарии № 3, 31, 215 — т. 1. (См. приложение № 7 — т. 2).

[105] О телеграмме Л.Г. Корнилова № 4424 от 19 июля 1917 г. см. показание генерала Л.Г. Корнилова от 2–5 сентября (документ № 32 — т. 2), а также комментарий № 67 — т. 2.

[106] О комиссии генерала Поливанова см. комментарий № 49 — т. 2.

[107] 22 августа 1917 г. генерал-квартирмейстер Штаба главковерха И.П. Романовский разослал начальникам штабов фронтов телеграммы о направлении в Ставку офицеров для изучения английских бомбометов и минометов (Революционное движение в России... С. 420).

[108] Л.Г. Корнилов командовал 48-й дивизией в Галиции. 23–24 апреля дивизия была окружена австрийцами, Корнилов со штабом бежал. После четырехдневного блуждания в Карпатах 29 апреля он со штабом сдался австрийцам. Был помещен в замок Нейгенбах (недалеко от Вены), а затем перевезен в замок Эстергази в Венгрии. Летом генерал был отправлен для лечения в военный госпиталь в город Кессинг, откуда бежал.

[109] Из всех главнокомандующих армиями фронтов только А.И. Деникин открыто поддержал выступление генерала Л.Г. Корнилова, остальные ограничились тем, что направили Временному правительству 28 августа вполне лояльные телеграммы (см. приложение № 7 — т. 2).

Позднее Деникин в «Очерках русской смуты» писал: «Все надежды на возрождение армии и спасение страны мирным путем рухнули. Я не делал себе никаких иллюзий относительно последствий подобного столкновения между генералом Корниловым и Керенским и не ожидал благополучного окончания, разве только, что корпус Крымова спасет положение. Вместе с тем, я ни одного дня, ни одного часа не считал возможным отождествлять себя идейно с Временным правительством, которое признавал преступным...»

[110] В телеграмме Л.Г. Корнилова А.М. Каледину от 27 августа 1917 г. № 6431 сообщалось: «Керенский разослал по всем железным дорогам телеграмму, что я смещен с должности главковерха, а на мое место назначен Клембовский с местопребыванием в Пскове. Я отказался сложить с себя обязанности Верховного главнокомандующего. Деникин и Балуев идут со мной и послали протест Временному правительству по поводу моего смещения. Клембовский решил по получении официального извещения правительства о своем назначении отказаться от него. Если Вы поддерживаете меня со своими казаками, то телеграфируйте об этом Временному правительству, и копию мне» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 179).

[111] Телеграмма комисарверха М.М. Филоненко управляющему Военным министерством Б.В. Савинкову (конец июля 1917 г.) о заговоре в Ставке была следующего содержания: «То, что Ваня, Федор, Генрих, Эрна, Жорж делали [с] запада, теперь может быть [в] Шатре с востока. Конь бледный близко, так мне кажется. Пожалуйста исполните немедленно все то, что завтра утром Вам передам» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 74). Эта телеграмма упоминалась в докладе Чрезвычайной комиссии Временному правительству (см. документ № 88 — т. 1), а расшифрована — в показании М.М. Филоненко (см. документ № 65 — т. 2).

[112] Запись разговора по прямому проводу (юзограмма) М.М. Филоненко с Б.В. Савинковым о заговоре в Ставке от 31 июля 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 75–77. В этой беседе М.М. Филоненко просил Б.В. Савинкова вызвать в Петроград «доблестного генерала Тихменева» для доклада «о предстоящих зимних железно-

дорожных перевозках»: «Генерал должен выехать сегодня же, так как он ведет под уздцы Коня бледного для Лавра» (Там же. Л. 75).

[113] По просьбе Чрезвычайной комиссии 15 сентября 1917 г. Б.В. Савинков воспроизвел по памяти беседы с генералом Л.Г. Корниловым. Всего к показанию приложено 4 записи бесед: 10 августа, 23 августа (в 3 часа дня и вечером), 24 августа (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 103–110).

Разговор 10 августа касался «докладной записки во Временное правительство». (О приезде Л.Г. Корнилова в Петроград 10 августа и о «докладной записке» см. комментарий № 44 — т. 2.)

Беседа начиналась так: «*[Савинков]:* Лавр Георгиевич, я буду говорить с Вами прямо и откровенно. Я должен Вам сказать, что если я не боюсь Вас и вполне верю Вам, то я не верю Вашему Штабу и опасаюсь его.

[Ген. Корнилов]: В каком смысле?

[Савинков]: В том смысле, что по имеющимся у меня сведениям некоторые чины Вашего Штаба пытаются увлечь Вас на гибельный для России путь. С этой точки зрения было бы желательно, чтобы из Штаба были удалены некоторые лица. В частности, Л[авр] Г[еоргиевич], я не верю ген. Лукомскому.

[Ген. Корнилов]: Что Вы имеете против него?

[Савинков]: Ничего определенного. Но я не могу не обратить Вашего внимания на то, что за Вашей спиной работают люди, едва ли в такой же степени одушевленные любовью к родине, в какой одушевлены Вы.

[Ген. Корнилов]: Хорошо. Я сокращу число чинов Штаба Ставки...» (Там же. Д. 28. Л. 103).

[114] Запись разговора по прямому проводу Б.В. Савинкова с М.М. Филоненко от 20 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 78–83.

В этой беседе Б.В. Савинков указал на то, что «деятельность некоторых учреждений и союзов при Ставке» вызывает у него недоумение и что об этом он хотел бы переговорить с главковерхом (Там же. Л. 79). В конце разговора он подчеркнул, что Военное министерство «ведет и будет вести беспощадную борьбу со всякими попытками контрреволюционной деятельности, от кого бы эти попытки ни исходили. Мы определенно вступаем на путь решительных мер против контрреволюции и большевизма» (Там же. Л. 87).

[115] Запись беседы Б.В. Савинкова с Л.Г. Корниловым 23 августа 1917 г. в 3 ч. дня см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 108–110. (Опубл.: Революционное движение в России... С. 421–423.). Разговор был о выделении г. Петрограда из Петроградского военного округа и объявлении его на осадном положении, об отношениях между Верховным главнокомандующим и Временным правительством, о составе нового правительства, о переводе Союза офицеров из Ставки в Москву, о Политическом отделе при Ставке.

Вот что генерал Л.Г. Корнилов сказал о Временном правительстве и А.Ф. Керенском: «Я должен Вам сказать, что Керенскому и Вр. правительству я больше не верю. Во Вр. правит[ельстве] состояли членами такие люди, как Чернов, и такие министры, как Авксентьев. Стать на путь твердой власти — единственный спасительный для страны — Вр. правительство не в силах. За каждый шаг на этом пути приходится расплачиваться частью отечественной территории. Это — позор. Что касается Керенского, то он не только слаб и нерешителен, но и не искренен. Меня он незаслуженно оскорбил на Моск[овском] совещании...» (Там же. Л. 108).

[116] Вот как Б.В. Савинков описал беседу с Л.Г. Корниловым, состоявшуюся вечером 23 августа 1917 г.: «Я совместно с ген. Корниловым, ген. Лукомским, ген. Романовским, полк. Барановским и Филоненко наметил на карте границы выделяемого из Петроградского военного округа города Петрограда с окрестностями и снова подтвердил ген. Корнилову в присутствии вышеозначенных лиц просьбу мин[истра]-предс[е-

дателя] о посылке в Петроград в распоряжение Временного правительства конного корпуса. Заслуживает внимания замечание, сделанное при этом ген. Романовским: «Военное положение ни к чему, ибо пока будет существовать многоголовие, все равно не будет порядка». И ответ ему Филоненко: «Я, как представитель Врем[енного] правительства, не могу допустить такого рода замечаний в моем присутствии». Заслуживает тоже внимания то обстоятельство, что полк. Барановский высказался на этом совещании против выделения Петрограда из Петроградского военного округа, т.е. за подчинение его, по стратегическим соображениям, Верховному главнокомандующему, что шло вразрез с поручением, данным мне мин[истром]-предс[едателем]» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 106).

В полдень 24 августа состоялась еще одна беседа Б.В. Савинкова с Л.Г. Корниловым (Там же. Д. 28. Л. 106–107). На этот раз разговор касался Положения о комитетах и комиссарах, назначения командующего конным корпусом, говорили также и о посылке в Петроград регулярной кавалерийской дивизии «в случае возмущения в Петрограде». В конце разговора Б.В. Савинков спросил Л.Г. Корнилова: «Каково Ваше отношение к Вр. правительству?» На что генерал Корнилов ответил: «Я прочел законопроект о военно-революционных судах в тылу. Передайте Ал[ександру] Фед[оровичу], что я буду его всемерно поддерживать, ибо это нужно для блага отечества». Б.В. Савинков: «Лавр Георгиевич, я счастлив слышать эти слова. Я в Вас никогда не сомневался. Я передам Вами сказанное Александру Федоровичу» (Там же. Л. 107).

[117] Об «ультиматуме» Львова см. комментарий № 13 — т. 2.

[118] Б.В. Савинков 29 августа ввел в Петрограде военное положение. Его приказами органам печати воспрещалось предавать гласности распоряжения мятежников, а также неофициальные мероприятия законной власти, воспрещались призывы к низвержению правительства и ложные сведения, сеющие панику. В тот же день по распоряжению Временного правительства и Савинкова в Москве было закрыто «Русское слово», взявшее на себя роль «корниловского рупора». В Петрограде одновременно были закрыты с помощью юнкеров «Новое время» и еще один суворинский листок, сочувствовавший генералу Корнилову. Причиной закрытия газет стала «вполне определенная тенденция», выразившаяся в подробном изложении корниловских обращений и воззваний и в неподробном изложении документов Временного правительства.

[119] В ночь с 28 на 29 августа 1917 г. по решению Петроградского ВРК был произведен обыск в петроградской гостинице «Астория». В годы войны она была специально приспособлена для нужд приезжающего высшего офицерства. По мнению ВРК, в ней «находились контрреволюционные элементы армии и шли совершенно открытые разговоры, гораздо более "содержательные", чем в редакции суворинского "Нового времени"». После повального обыска в гостинице было арестовано 14 офицеров. На следующие сутки с 11 ч. вечера до 9 ч. утра там вновь производились обыски и аресты. Всего по Петрограду Военно-революционный комитет арестовал несколько десятков человек «заведомых корниловцев», в числе которых были корнет Сумароков, председатель Военной лиги Федоров и др. В газетах появились официальные сообщения правительства, что все эти аресты были произведены по распоряжению Военного министерства.

[120] Молоканская секта — одна из сект духовных христиан. Возникла в России во второй половине XVIII в. Общинами руководят выборные старцы-пресвитеры.

[121] О постановлении Временного правительства от 12 июля 1917 г. см. комментарий № 40 — т. 1.

[122] После отступления от г. Тарнополя Л.Г. Корнилов, будучи главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, издал приказ о расстреле без суда изменников и предателей (см.: Армия и флот свободной России. № 170. 23 июля 1917 г.).

Л.Г. Корнилов принял командование Юго-Западным фронтом 7 июля 1917 г., т.е. в момент активного наступления австро-германских войск. Он направил Временному правительству телеграмму о необходимости введения смертной казни и «учреждении полевых судов на театре военных действий». 8 июля Верховный главнокомандующий генерал А.А. Брусилов также телеграфировал Временному правительству о том, что считает «безусловно необходимым немедленное проведение в жизнь мер, просимых ген. Корниловым». Корнилов, не дожидаясь санкции Временного правительства, вечером того же дня телеграфным распоряжением приказал подчиненным ему командирам и комиссарам в случае самовольного ухода с позиций солдат не колеблясь применять «против изменников огонь пулеметов и артиллерии». Керенский 9 июля одобрил все мероприятия генерала Корнилова, а 12 июля Временное правительство восстановило смертную казнь на фронте (см. комментарий № 40 — т. 1). 16 июля Керенский как военный министр и министр-председатель направил в Ставку телеграмму, в которой требовал усиления власти войсковых начальников всех уровней при сохранении института комиссаров и войсковых комитетов.

[123] О пожаре в г. Казани см. комментарий № 202 — т. 1.

[124] Вероятно, под телеграммой на имя министра иностранных дел подразумевается телеграмма № 261 от 27 августа 1917 г. (см. приложение № 1 к протоколу допроса Г.Н. Трубецкого: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 9, 9 об.). В этом документе Г.Н. Трубецкой описал события и действия генерала Корнилова в сложившихся условиях, а также просил «оказать все возможное воздействие для предотвращения конфликта, в коем генерал Корнилов совершенно чист, но который может привести к гражданской войне со всеми ужасными последствиями для страны и армии» (Там же. Л. 9 об.). Директор дипломатической канцелярии главковерха говорил также о необходимости скорейшего примирения и указывал на то, что если бы Корнилов «согласился отстраниться, то нет сомнений, что последствием этого была бы полнейшая деморализация и ускорилась бы катастрофа фронта и тыла с возможностью каждую минуту торжества какого-нибудь самого ничтожного авантюриста» (Там же).

[125] Вероятно, под второй телеграммой, отправленной министру иностранных дел, подразумевается телеграмма № 262 от 28 августа 1917 г. (см. приложение № 2 к протоколу допроса Г.Н. Трубецкого: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 10–11). Оценивая создавшееся положение, директор дипломатической канцелярии Штаба писал: «...приходится признать, что весь командный состав, подавляющее большинство офицерского состава и лучшие строевые части армии пойдут за Корниловым. На его стороне станет в тылу все казачество, большинство военных училищ, а также лучшие строевые части. К физической силе следует присоединить превосходство военной организации над слабостью правительственных органов, моральное сочувствие всех несоциалистических слоев населения, а в низах растущее недовольство существующим порядком...» (Там же. Л. 10).

[126] О приказе № 1 см. комментарий № 207 — т. 1.

[127] В делах фонда 1780 существует два экземпляра показания М.М. Филоненко (оба подписаны Филоненко). Один из них рукописный (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 22. Л. 3–35 об.), причем большая его часть написана самим верховным комиссаром, а незначительная доля — воспроизведена членами Комиссии. Рукописный вариант и представлен в сборнике. Второй экземпляр показаний машинописный (Там же. Д. 23. Л. 1–39). В нем встречаются ошибки, разночтения с рукописным экземпляром и рукописная правка. Вероятно, при перепечатке возникли трудности с прочтением, т.к. почерк лиц, записывавших показания, и почерк самого Филоненко достаточно сложны.

К показанию имеются приложения, они размечены в обоих экземплярах, а помещены в деле с машинописным текстом (Там же. Л. 40–129). В публикуемом руко-

писном варианте даются отсылки на приложения, расположенные после машинописного экземпляра (Там же. Л. 40–121).

[128] Приложение II (запись разговора по прямому проводу М.М. Филоненко с В.Н. Львовым, не ранее 30 августа 1917 г.) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 23. Л. 56–70. В этом разговоре М.М. Филоненко утверждал: «...вопрос упорядочения дел в армии не может не рассматриваться отдельным и не в связи с упорядочением дел во всей стране. Ген. Корнилов остается сторонником применения как на фронте, так и в тылу аналогичных методов осуществления политики твердой власти, но вместе с тем понимает, что необходимая в этом вопросе планомерность исключает возможность решения дела незамедлительно, и отнюдь не считает выраженный им в этом деле взгляд чем-либо схожим с ультиматумом...» (Там же. Л. 57).

[129] О записке генерала Л.Г. Корнилова от 3 августа 1917 г. см. комментарий № 44 — т. 2.

В журналах заседаний Временного правительства Л.Г. Корнилов среди присутствующих не числится.

[130] Приложение III (запись разговора по прямому проводу В.П. Гобечиа с М.М. Филоненко, не ранее 30 августа) см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 23. Л. 71–77. В этом разговоре о смене главковерха М.М. Филоненко сказал: «...по московским слухам Временное правительство предлагало уже пост главковерха генералу Алексееву, который, однако, будто бы отказался, указав, что частая смена верховных главнокомандующих не может не действовать самым разрушительным образом на армию. Из изложенного, Владимир Павлович, вы видите, что Временное правительство, к сожалению, вопрос государственный свело к вопросу личному...» (Там же. Л. 75).

В записке, приложенной к показанию, М.М. Филоненко писал: «Временному правительству. Управляющему Военным министерством. Считаю долгом сообщить, что принятое правительством решение о смене генерала Корнилова в обстановке данного политического момента вызовет такую аварию и волнение в армии, что фронт будет открыт, и каков бы ни был исход гражданской войны, каковая неизбежно начнется, следствием ее будет сепаратный мир с немцами, по крайнему моему убеждению снова восстановление самодержавия на осколках вассального государства, которое останется от великой России. Победителей в этом междоусобии не будет, так как тот, кто бы им оказался, завтра будет рабом немцев. Только в последнюю минуту я настаиваю на необходимости приостановки отставки генерала Корнилова правительством. Необходимо также свидание министра-председателя и генерала Корнилова. Только если это отсрочит гражданскую войну и гибель России на один день, — беды нет. Полная безопасность приезда и отъезда министра-председателя гарантируется честным словом генерала Корнилова и Лукомского» (Там же. Л. 117–120).

[131] Название газеты, выпускаемой Главным комитетом Союза офицеров армии и флота, указано ошибочно. Комитет издавал «Вестник Главного комитета» (о «Вестнике» см. комментарий № 8 — т. 2).

В № 4 «Вестника» от 25 июля 1917 г. была опубликована «руководящая статья»: «Союз офицеров и политика». В ней не было ни слова о «приемах борьбы с офицерами-большевиками». Главный комитет Союза офицеров, отвечая на обвинения во «вредной политической деятельности», провозглашал свою политику: «Наша «политика» ясна: мы выполняем высшую волю народа так, как этого требует долг гражданина и военная наука; мы являемся исполнителями воли правительства, коим руководят высшие интересы демократии; мы подчиняемся воле народного большинства и требуем того же подчинения и от солдата и матроса, ибо эта воля выражается приказами правительства. Мы требуем от членов Союза в своей служебной деятельности отрешиться от личных политических взглядов и строго соблюдать требования закона и воли начальника, как представителя законной власти... мы требуем от офицера веры в

великое будущее нашей Родины. Мы требуем, чтобы энергия офицера-гражданина не расходовалась в борьбе партий и классов в то время, когда она необходима ему для борьбы за благо всего народа...» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 15. Л. 39а).

[132] В «Вестнике Главного комитета» указывался адрес для телеграмм: «Ставка. Офицерский союз».

[133] О выделении Петрограда из Петроградского военного округа см. комментарий № 21, 53 — т. 2.

[134] О разговорах М.М. Филоненко с Б.В. Савинковым по прямому проводу см. комментарии № 112 (31 июля 1917 г.) и № 114 (20 августа 1917 г.) — т. 2.

[135] О газете «День» см. комментарий № 104 — т. 1.

Приложение VIa (газета «День». № 158. 8 сентября 1917 г.; см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 23. Л. 107, 107а об.). Здесь М.М. Филоненко ссылается на свое письмо в редакцию газеты «День», озаглавленное «Оборона Петрограда в августовские дни». В нем он писал: «Движение войск генерала Корнилова поставило перед военным генерал-губернатором и подчиненным ему штабом округа задачу обороны подступов к городу. Прибыв 28 августа к 11 час. вечера в Петроград и явившись в штаб округа, я получил от министра-председателя предложение вступить в командование войсками округа на правах помощника военного генерал-губернатора, что мною немедленно и было исполнено.

Начальник Генерального штаба полковник Багратуни ознакомил меня с установленным уже планом обороны, который сводился к тому, что впереди Петергофа, Красного и Царского на линии Ратули, Низико, Эртелево, Ковелахти, позднее Царская Славянка было выставлено сильное сторожевое охранение в виде пехотных застав, поддержанных артиллерией с приданными им на некоторых участках частями конницы.

Под прикрытием этого сторожевого охранения главным силам Петроградского гарнизона надлежало развернуться на фронте между Финским заливом и рекой Невой по линии Старо-Паново — Каменка — Плат[форма]-Славянка, заняв означенную позицию к 9 час. утра 29 августа...

Для характеристики поведения как ответственных, так и безответственных лиц, что Б.В. Савинков в спорах тактических участия не принимал, так как он вообще, как это точно известно лицам, его знающим, избегает вмешиваться в дела, в которых он не считает себя достаточно компетентным. Противоположно Б.В. совершенно исключительный интерес к вопросам военным проявлял бывший министр земледелия В.М. Чернов, объезжавший фронт и высказывавший соображения неожиданные...» (Там же. Л. 107).

[136] О газете «Новая жизнь» см. комментарий № 82 — т. 1.

[137] Ст. 443 Устава уголовного судопроизводства. См. комментарий № 36 — т. 2.

[138] О записке В.Н. Львова от 26 августа 1917 г. см. комментарий № 13 — т. 2.

[139] На 1-м Всероссийском мусульманском съезде, состоявшемся 1–11 мая 1917 г. в Москве, было провозглашено образование Всероссийского мусульманского Совета для руководства и координации действий мусульман страны. Одновременно функционировала общественная организация Всероссийский мусульманский союз. Председателем Союза был избран Цаликов (наст. фам. Цалыкаты) Ахмед Тембулатович (1882–1928). Союз выступал против империалистической войны, за мир без аннексий и контрибуций, но признавал, что необходимо «защищать Россию от всяких вражеских посягательств». Представители этих организаций в дни корниловского выступления призывали к нейтралитету Туземной конной дивизии. В обращении «К воинам-мусульманам армии и флота» от 30 августа звучал призыв не подчиняться Корнилову.

[140] Союз горцев Северного Кавказа и Дагестана был образован под лозунгами панисламизма и пантюркизма в мае 1917 г. После событий октября 1917 г. Союзом

была провозглашена Горская республика, а Центральный комитет Союза был объявлен правительством во главе с чеченским нефтепромышленником Чермоевым.

[141] В июле 1917 г. состоялся 1-й Всероссийский мусульманский съезд военных в Казани, где было поддержано провозглашение национально-культурной автономии мусульман Внутренней России и Сибири.

[142] В протоколе осмотра документов (4 сентября 1917 г.), представленных Д.П. Багратионом следствию (частично опубл.: Революционное движение в России... С. 436), цитируются все документы, упоминаемые в протоколе его допроса (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 93–98), а сами документы расположены в деле 15 (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1).

Телеграмму помощника артиллерийского снабжения Северного фронта (помартснабсев) Оган-Догановского командиру Кавказского туземного корпуса Д.П. Багратиону о нахождении оружия в Пскове см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 15. Л. 24.

[143] По-видимому, речь идет о Союзе горцев Северного Кавказа и Дагестана.

[144] В протоколе осмотра документов, представленных Д.П. Багратионом, описан план г. Петрограда: «План гор. Петрограда, исправленный на 1917 г. издания издательства «Маяк», отпечатанный на двух сторонах листа, причем на одной стороне в красках, а на другой стороне — обозначение трамвайных линий. На этом плане часть города в границах: Московское шоссе, Забалканский пр[оспект], река Фонтанка до Французской наб[ережной] и река Нева вверх по течению очерчена с одной стороны красным, а с другой стороны плана — синим карандашом, причем в этой части города, а также и два места на противоположном берегу Невы — на Охте заштрихованы синим карандашом и около заштрихованных мест поставлены цифры. Тут же пометка буквами: «К.Т.К.К.» (Кавказский туземный конный корпус). На Выборгской части помета: «5 кав[алерийская] каз[ачья] д[ивизия], а западнее линии Забалканский пр[оспект] — Фонтанка помета: «1 Донск[ая] каз[ачья] д[ивизия]» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 95). План г. Петрограда см.: Там же. Д. 15. Л. 29.

[145] Приказ главнокомандующего Отдельной армией А.М. Крымова о действиях командира Туземной дивизии в случае выступления большевиков от 25 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–5 об.

В этом приказе говорилось: «...тотчас по получении сведений о беспорядках, начавшихся в Петрограде, и не позже утра 1 сентября вступить в г. Петроград и занять районы города...» (Там же. Л. 3 об.).

[146] 30 августа в Ревеле был арестован командир 1-го кавалерийского корпуса князь А.Н. Долгоруков. Его задержание сопровождалось массовыми выступлениями солдат и матросов Балтийского флота. Долгоруков был доставлен на миноносец «Меткий» генеральным комиссаром морского министра при командующем Балтийским флотом Онипко и представителем Центрального исполнительного комитета солдат и матросов Балтийского флота В. Машкевичем.

Согласно личному распоряжению А.Ф. Керенского, арестованного надлежало отправить в Петропавловскую крепость для дальнейшего расследования. Его обвиняли в попытке присоединить Балтийский флот к выступлению генерала Корнилова. Однако отправка Долгорукова была задержана матросами, требовавшими расправы на месте. Ситуация стала настолько угрожающей, что потребовалось вмешательство командующего Балтийским флотом. В разговоре по прямому проводу с Петроградом командующий Балтфлотом описывал положение так: «Собравшаяся толпа команды со всех стоящих кораблей начала требовать его на стенку. Поведение толпы стало угрожающим. Все уговоры комиссара Онипко, что генералу не предъявлено пока никаких обвинений, а только требуют его ареста и задержания для доставки в Петроград, не помогли. Толпа росла и рвалась на миноносец в каюту, чтобы его вытащить. Насилу удалось спасти генерала, обещав команде не отправлять генерала из Ревеля до пере-

говоров представителей команд с Центрафлотом» (ГРА ВМФ. Р-92. Оп. 1. Д. 12. Л. 272).

После переговоров представителей команд кораблей с Центрафлотом матросы согласились с отправкой князя в Петроград и приняли следующую резолюцию: «1. Отправить князя Долгорукова на миноносце «Меткий» в сопровождении некоторых членов-делегатов под усиленной стражей конвоиров, предоставленных в распоряжение комиссаров, и содействия команды означенного миноносца. 2. Придя в Петроград и остановясь на рейде, затребовать от Центрафлота следственную комиссию для снятия допроса с генерала Долгорукова тут же на миноносце в присутствии делегатов судов ревельского рейда и после допроса отправить в гор. Кронштадт, где поручить Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов для дальнейшего содержания его под стражей и по выяснении степени виновности сообщить результат дознания и дальнейшее желание Центрафлота» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 125).

После прибытия «Меткого» в Петроград представители команд кораблей вновь отказались передать Долгорукова в Петропавловскую крепость следователям Чрезвычайной комиссии и требовали личного подтверждения Керенским своего распоряжения (РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 12. Л. 271). Поэтому первое показание А.Н. Долгоруков давал на миноносце военному судье Петроградского военно-окружного суда полковнику Опацкому 1 сентября 1917 г. (см. документ № 75 — т. 2.)

[147] Телеграмма генерала Романовского от 25 августа с указанием Долгорукову срочно прибыть в Ставку приложена к протоколу допроса от 1 сентября 1917 г. (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 140).

По делу командира 1-го кавалерийского корпуса А.Н. Долгорукова давала показания также его жена С.М. Долгорукова (2 сентября 1917 г.): «25 августа мужем была получена телеграмма в штабе корпуса, содержание которой я видела. Было распоряжение от Верховного главнокомандующего срочно выехать в Ставку. В ночь с 25-го на 26-ое я с мужем выехала [в] Петроград. Приехали с опозданием между 11 и 12 утра 26 августа. 26 августа поездом 5 ч. 40 [мин.] дня с Царскосельского вокзала муж выехал в Могилев, я же осталась здесь. Причина вызова мужа мне не известна» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 144, 144 об.).

[148] Постановлением судебного следователя Петроградского окружного суда В. Гудвиловича от 12 сентября 1917 г. командир 1-го кавалерийского корпуса А.Н. Долгоруков был освобожден из-под стражи. В ходе расследования было установлено, что «кн. Долгоруков в конце августа был вызван из Финляндии, где расположен кавалерийский корпус, коим он командует, в Ставку Верховного главнокомандующего в Могилев, откуда он затем и выехал на автомобиле через Псков и Ревель для того, чтобы следовать оттуда в Гельсингфорс морем... Из Могилева до Пскова кн. Долгоруков и привлеченный к следствию полковник Лебедев ехали на автомобилях вместе просто как случайные попутчики, и вообще в деле не имеется никаких указаний на то, чтобы ген. кн. Долгоруков возвращался бы из Ставки в Финляндию с какими-либо специальными указаниями или полномочиями от генерала Корнилова или его соучастников о действиях вверенных ему, кн. Долгорукову, войск против Временного правительства» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 159, 159 об.).

[149] В ночь с 29 на 30 августа в селе Медведь Новгородской губернии был арестован полковник Генерального штаба Д.А. Лебедев и сопровождавшие его сотник Гурьев, хорунжий Степаненков, урядник Варавин и шоферы Ф. Штейнберг и Л. Чувадзе, направлявшиеся в Псков с поручением из Ставки к генералу Крымову. 31 августа Д.А. Лебедев был допрошен Новгородским Советом солдатских и крестьянских депутатов. (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 29–31 об.). Позднее дело было передано в Петроградский окружной суд следователю по особо важным делам В. Гудвиловичу.

[150] Полковник Д.А. Лебедев допрашивался несколько раз: сначала в Новгородском Совете, затем в Петроградском окружном суде и позднее в Чрезвычайной комиссии. В последнем протоколе допроса, составленном членом комиссии полковником Украинцевым 2 октября 1917 г. (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 237–240), Д.А. Лебедев заявил, что в показаниях, данных судебному следователю В. Гудвиловичу, он признал себя виновным «в преступлении, предусмотренном 51 и 100 ст. Уголовного уложения» и что это признание было формальным: «Я ни в коем случае не могу себя признать соучастником в "мятеже генерала Корнилова". Ни в какое соглашение с генералом Корниловым я не входил, ни в каких заговорах против Временного правительства не участвовал» (Там же. Л. 237, 237 об.). Фактическая же сторона показаний Лебедева совпадает во всех протоколах.

[151] Статья 403 Устава уголовного судопроизводства гласила: «Прежде допроса обвиняемого судебный следователь удостоверяется в его самоличности и объявляет ему, в чем он обвиняется» (Отделение второе. Допрос обвиняемого. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1911. С. 436).

[152] В протоколе осмотра вещей и документов, отобранных у полковника Д.А. Лебедева (1 сентября 1917 г. — ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 41–44 об.), цитируется записка генерал-лейтенанта Крымова от 29 августа 1917 г., адресованная главнокомандующему войсками Северного фронта: «В настоящее тревожное время, когда события развертываются с чрезвычайной быстротой, мне нужна полная ориентировка, и я обращаюсь к Вам как ближайшему старшему начальнику. Мне необходимо знать, чего я должен держаться. Прошу ориентировать меня через подателя сего полковника Генерального штаба Лебедева» (Там же. Л. 42). Заверенную копию этой записки см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 15. Л. 38 а.

[153] В протоколе осмотра вещей и документов (1 сентября 1917 г.), отобранных у полковника Д.А. Лебедева, описана карта «части России в границах: на западе — Вильно — Або, на севере — до северной оконечности Онежского озера, на востоке — гор. Макарьев Нижегородской губ. И на юге — города Слоним — Нижний Ломов (Пензенской губ.), в масштабе 25 верст на дюйм». На этой карте «путь по шоссейной дороге от Могилева на Оршу, Витебск, Невель, Опочку, Остров, Псков и Лугу отмечен красным карандашом; гор. Луга отчеркнут полукругом, и отсюда проведена красным карандашом линия до селения Мина (на север, несколько к востоку от ст. Вырица), которое отчеркнуто тем же карандашом. Около этой линии поставлена цифра 30. По линии Московско-Виндаво-Рыбинской жел[езной] дор[оги] ст. Оредеж также очерчена полукругом красным карандашом, причем тут же поставлена буква «Т». От этого пункта проведена красным карандашом линия на север до дороги, соединяющей селение Мина со ст. Тосно — несколько восточнее от сел[ения] Мина. На линии Балтийской жел[езной] дор[оги] красным карандашом отчерчена Нарва и тут же поставлена литера «У». От этого пункта проведена линия прямо на восток до Сиворицы, находящихся на шоссе между Гатчиной и Лугой, несколько западнее Вырицы. Между этими двумя пунктами, т.е. между Сиворицами и Миной, красным карандашом помечено "31"». (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 43, 43 об.). Карту «части России» см.: Там же. Д. 15. Л. 42.

[154] В протоколе осмотра вещей и документов (1 сентября 1917 г.), отобранных у полковника Лебедева, цитируется разговор по прямому проводу Лебедева с полковником Прониным: «*[Пронин]:* Меня удивляет, что Вы говорите, будто части 3-го конного корпуса только в районе Луги. У нас есть сведения от Крымова, что первая дивизия — около Гатчины, Туземная же дивизия — на станции Вырица, где и задержана (кажется, разрушили путь)... Здесь у нас все в порядке, настроение бодрое. Приказы Вам я передам по аппарату. Что еще нужно Вам знать? *[Лебедев]:* Очень рад, что дивизии продвинулись далеко. Я Вам сообщил только то, что узнал здесь, что

части прошли Лугу. Приказ о связи необходимо отдать немедленно. Здесь нет реальных сил, и идет двойная игра...» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 29. Л. 43).

[155] О газете «Утро России» см. комментарий № 66 — т. 1.

[156] Согласно постановлению судебного следователя Московского окружного суда А.В. Коренкова от 4 сентября 1917 г., С.В. Овсянкин обвинялся в том, что «он, задумав по предварительному уговору с другими... лицами произвести насильственным путем изменение существующего государственного строя России, а также смещение органов верховной государственной власти в целях содействия поднявшему знамя восстания генералу Корнилову, 30 августа с.г. переслал прапорщику Костину, стоявшему с частью названной сотни в городе Коломне, воззвание генерала Корнилова, заключающее в себе призыв к бунту против Временного правительства, и письмо, в котором склонял Костина к распространению указанного воззвания среди Коломенского гарнизона». С.В. Овсянкин содержался под стражей с 4 сентября на Московской гауптвахте (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 88. Л. 10). 28 сентября 1917 г. по состоянию здоровья С.В. Овсянкин был освобожден из-под ареста и отправлен «под ближайший надзор его начальства» (Там же. Л. 41).

[157] Письмо подъесаула С.В. Овсянкина прапорщику М.П. Костину от 30 августа 1917 г. имело следующее продолжение: «...на все мои попытки возвратить Вас в Москву Верховский отделывался молчанием, а вчера мне прямо заявил, что сотня будет стоять в Коломне еще неопределенное время... Верховский заявил вчера мне и к[оманди]ру 28-ой сот[ни] такую вещь: «Если Вы стоите за генерала Корнилова, то прямо скажите мне, и я Вас отправлю в 24 часа на Дон». Но, конечно, мы такого ответа не дали, сказав, что мы останемся совершенно нейтральными, и что прикажет нам наше Войсковое правительство, то и будем делать... Посылаю Вам телеграмму генерала Корнилова, которая не была допущена в печать, постарайтесь распространить ее как среди казаков, так в особенности и солдат, но делайте это осторожнее с солдатами, а казаки ее уже знают... Открытых выступлений ни в коем случае не делать, а вести тайную агитацию среди солдат, и постарайтесь делать [ее] при помощи казаков, конечно, в пользу Корнилова...» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 88. Л. 6, 6 об.).

[158] Чрезвычайная следственная комиссия Северного фронта была создана 2 сентября 1917 г. В тот же день комиссией были разосланы телеграммы с сообщением о начале работы: «На рассмотрение дел об участниках мятежа генерала Корнилова оборудована в Пскове при комиссаре фронта Чрезвычайная следственная комиссия в составе представителей от главнокомандующего. Комиссия приступила к работе 2 сентября. Комиссия имеет право допрашивать свидетелей и обвиняемых по делу, производить высылки и обыски, а также делать постановления о личном задержании изобличенных участников мятежа и об освобождении их, неправомерно задержанных» (РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 43. Л. 67).

В состав комиссии вошли: «1) председатель — помощ[ник] воен[ного] комиссара Вл.С. Войтинский; 2) тов. председателя — представитель главнокомандующего фронтом прапорщик Короленко; 3) от Искобрсева — прапорщик Орлов; 4) от Коморсева — инженер Ремизов; 5) от Псковского исполнительного комитета — ун[тер]-оф[ицер] Швабинский; секретарь — нач. отдела Комиссарсева Гусев» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 83. Л. 1).

[159] Командующий 1-й Донской казачьей дивизией Греков был задержан в Пскове. 15 сентября 1917 г. он дал подписку о невыезде «впредь до разрешения комиссии», а через несколько дней (20 сентября 1917 г.) подписка о невыезде была снята (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 81. Л. 10).

Чрезвычайная следственная комиссия Северного фронта признала, что «поведение ген. Грекова 28 августа в Луге не дает оснований для обвинения ген. Грекова, т.к. здесь все распоряжения исходили от ген. Крымова, а ген. Греков являлся передатчи-

ком и исполнителем его приказаний», что «оглашение ген. Грековым приказа № 128 не может быть вменено ген. Грекову в преступление, т.к. ген. Греков принял этот приказ от своего прямого начальника как приказ боевой, и расследованием не установлено, чтобы в момент получения приказа ген. Греков был посвящен в преступные замыслы ген. Корнилова» и что «обращение ген. Грекова к казакам после прочтения приказа № 128 тоже не дает оснований для обвинения ген. Грекова в контрреволюционных действиях, т.к. это обращение вытекало, как выяснено, из естественного желанья ген. Грекова осведомиться об отношении казаков к происходящим событиям» (Там же. Л. 32, 32 об.). 25 сентября 1917 г. комиссия постановила: «1). Дело по обвинению ген. Грекова в соучастии в заговоре ген. Корнилова прекратить. 2). Всю переписку по делу ген. Грекова вместе со своим заключением переслать в Комиссию Шабловского как материал, характеризующий передвижение к Петрограду 3-го корпуса. 3). Свое постановление сообщить дивизионному комитету 1-ой Донской казачьей дивизии» (Там же. Л. 32 об.).

[160] Копию приказа № 128 3-му кавалерийскому корпусу от 29 августа 1917 г. см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 81. Л. 8–9. Подробнее о приказе № 128 см. комментарии № 11, 14 — т. 2.

[161] Приказ № 039 командира 3-го конного корпуса от 29 августа 1917 г. объявлял продвижение 1-й Донской казачьей, Туземной кавказской и Уссурийской конной дивизий, причем последняя из них должна была «насколько возможно продвигаться по ж.д. на Гатчину, а если это невозможно, то походом с тем, чтобы к вечеру 31 августа занять или Гатчину, или район к ю[го]-з[ападу] от Гатчины» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 81. Л. 5).

[162] На заседании Чрезвычайной следственной комиссии Северного фронта 2 сентября 1917 г. помощник военного комиссара Войтинский по делу генерала Клембовского заявил, что «по его убеждению переговоры, которые вел генер. Клембовский с комиссаром Станкевичем по прямому проводу, а равным образом поведение генер. Клембовского при переговорах с Савицким и Шубиным, дают основания предполагать, что генер. Клембовский не оказывал противодействия преступным замыслам Корнилова и потому явился соучастником его преступления», и считает необходимым «произвести расследование деятельности генер. Клембовского» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 83. Л. 1).

В ходе расследования, допросив свидетелей и самого генерала Клембовского, «комиссия не нашла доказательств явного сочувствия ген. Клембовского мятежу и его непосредственного участия в заговоре. Поведение ген. Клембовского, по мнению комиссии, свидетельствует скорее о том, что ген. Клембовский не решался выступить открыто ни на стороне Корнилова, ни на стороне Вр. правительства и пытался остаться в стороне от борьбы Вр. правительства с мятежниками, дожидаясь, чтоб естественный ход событий определил, за какой стороной останется победа. В силу этого в начале, когда наиболее вероятной ему казалась победа ген. Корнилова, генер. Клембовский оказывал ему содействие, не порывая в то же время с правительством; а позже, когда успех мятежа стал сомнителен, ген. Клембовский стал оказывать содействие Вр. правительству, не порывая в то же время с Корниловым» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 83. Л. 20 об.).

В постановлении 5 сентября 1917 г. Чрезвычайная следственная комиссия Северного фронта сделала вывод, что генерал Клембовский, «не принимая прямого участия в заговоре, вместе с тем допустил преступное бездействие власти и явное попустительство, чем способствовал развитию мятежа в районе вверенных его командованию армий», и постановила представить в комиссию Шабловского свое заключение и все материалы по делу генерала Клембовского для «предания бывшего главнокомандующего Северным фронтом генерала Клембовского суду» (Там же. 20, 20 об.).

[163] О Всероссийском военном союзе см. комментарий № 30 — т. 1.

[164] Чрезвычайная следственная комиссия Северного фронта, рассмотрев вопрос о продвижении к Петрограду эшелонов ген. Корнилова и допросив свидетелей по делу генерала Ушакова, признала собранные улики достаточными для предъявления генералу Ушакову обвинения в содействии мятежу ген. Корнилова, выразившемся: «а) в неисполнении приказа Временного правительства о прекращении отправки эшелонов; б) в побуждении других лиц к неисполнению того же приказа». 8 сентября 1917 г. комиссия постановила: «возбудить ходатайство об устранении ген. Ушакова от должности, и в сопровождении штаб-офицера отправить его в Могилев в распоряжение Чрезвычайной следственной комиссии Шабловского» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 84. Л. 40, 40 об.).

В распоряжение Чрезвычайной комиссии К.М. Ушаков был доставлен 15 сентября 1917 г. (Там же. Л. 6) и допрошен 18 сентября 1917 г. (Протокол допроса Чрезвычайной комиссией К.М. Ушакова от 18 сентября 1917 г. см. документ № 107 — т. 2). В тот же день комиссия приняла постановление: «За отсутствием в настоящее время данных для привлечения генерала Ушакова в качестве обвиняемого, обязать его уведомлением Комиссии о переменах своего адреса впредь до окончания порученного Комиссии расследования» (Там же. Л. 5).

[165] После Февральской революции отменялся ряд статей Устава внутренней службы, таких как статья 100 Устава внутренней службы: а) Не состоять членами никаких обществ, союзов и кружков, образуемых с политической целью. б) Не посещать вовсе клубов, маскарадов, публичных танцевальных вечеров, трактиров, ресторанов, буфетов и других заведений, где производится продажа распивочно-спиртных напитков и пива (кроме станционных и пароходных буфетов III класса).

[166] 22 августа 1917 г. из Ставки в штабы фронтов были разосланы телеграммы следующего содержания: «В конце текущего месяца в Ставке будут произведены испытания английских минометов и бомбометов новейших систем... Для ознакомления с системой бомбометов и минометов в целях распространения их в войсках наштаверх приказал командировать [в] Ставку к 26 августа по три кадровых офицера от каждой пехотной, кавалерийской и казачьей дивизии и по одному офицеру инженерных от каждого корпуса. Командировка продлится около десяти дней». Генерал-квартирмейстер Штаба главковерха И.П. Романовский (отправитель вышеуказанных телеграмм) в своих показаниях (см. документ № 54 — т. 2) утверждал, что «офицеры ошибочно были вызваны в Могилев и отсюда направлялись в Петроград на полигон, где это обучение представлялось наиболее удобно организовать». Однако совпадение событий — выступление генерала Корнилова и вызов офицеров в Ставку с последующей их отправкой в Петроград — стало поводом для начала расследования этого дела.

1 и 3 сентября 1917 г. Чрезвычайной комиссией были отправлены командирам воинских подразделений отношения с указанием допросить командированных в Могилев офицеров по типовыми вопросам (см. документ № 109 — т. 2). Всего было разослано 32 таких указания. Перечень разосланных отношений см.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 119, 119 об.

[167] В разговоре по прямому проводу с начальником Политического управления Военного министерства 2 сентября 1917 г. прокурор Московской судебной палаты А.Ф. Сталь сообщал о допросе поручика А.В. Александрова. Считая его показания важными для расследования выступления генерала Л.Г. Корнилова, Сталь предложил вызвать для допроса всех офицеров, командированных в Ставку (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 123). В результате комиссией были разосланы отношения в воинские подразделения с указанием допросить (подробнее об этом см. комментарий № 166 — т. 2).

Вернувшись в свой полк, поручик А.В. Александров повторно давал показания. (Показание поручика А.В. Александрова от 20 октября 1917 г. см. документ № 110 — т. 2.)

[168] Поручик 248-го пехотного Славяно-сербского полка А.В. Александров в своем показании отвечал на вопросы, поставленные в отношении, присланном Чрезвычайной комиссией (отношение комиссии см. документ № 109 — т. 2). Во всех показаниях и протоколах допросов, присланных в Петербург воинскими частями, сохранена нумерация и последовательность вопросов, предложенных в указании комиссии (см. также показание подпоручика 11-го Туркестанского стрелкового полка Янковского от 31 октября 1917 г. Документ № 116 — т. 2).

[169] Командир 248-го пехотного Славяно-сербского полка, направляя в Чрезвычайную комиссию показание А.В. Александрова, писал: «...сообщаю, что последний был командирован мною в Ставку 25 августа 1917 г. для ознакомления с системой минометов и бомбометов на основании телеграммы штакора 38 за № 09945» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 1).

[170] Исполняющим должность военного комиссара Временного правительства при 2-й армии С. Моисеенко были собраны показания девяти офицеров, «командированных в Ставку для изучения бомбометного дела во время восстания Корнилова» (ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 34). Среди них были: подпоручик 3-го гренадерского Перновского полка В.С. Денисенко, поручик 299-го пехотного Дубненского полка Крысенко, подпоручик 7-й Туркестанской стрелковой артиллерийской бригады Кармилов, прапорщик 712-го пехотного Унцеенского полка А.И. Лотоцкий, поручик 297-го пехотного Ковельского полка Лутков, поручик Гренадерского саперного полка Мурашев и другие.

В свою очередь начальник 3-го отдела Управления комиссара Временного правительства армий Западного фронта направил эти документы в Чрезвычайную комиссию (Там же. Л. 33).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авдеев П.А. — *32, 34, 58*
Аверьянов П.И. — *549*
Авксентьев Н.Д. — *148, 300, 310, 560*
Агафонов — *248*
Адаманов М. — *483*
Азеф Е.Ф. — *93, 248*
Акимов Г. — *14, 15*
Аладьин А.Ф. — *15, 18, 21, 30, 71–74, 76, 89, 90, 93, 94, 99, 100, 103–107, 116, 164, 169, 174, 175, 180, 181, 184, 195–197, 203, 205, 209, 212, 213, 215, 216, 218, 227, 229, 232, 233, 243, 245, 250, 253, 276–278, 282, 299, 301, 307, 314, 319, 324, 327, 330, 344, 345, 348, 351–354, 356, 431, 509, 521, 540, 545, 546, 557*
Александров А.В. — *462, 464, 465, 467, 570, 571*
Алексеев М.В. — *19–21, 23–26, 28, 29, 31, 35, 38, 51, 53, 75, 93, 101, 103, 105, 116, 123, 127, 131, 132, 154, 165, 177, 179, 181, 196, 197, 201, 203, 224, 227, 240, 241, 247, 266, 276, 277, 286, 306, 313, 318, 319, 321, 324, 326, 333, 346, 428, 441, 540, 541, 546, 550, 554, 556, 563*
Алкснис Р. — *441, 444–448*
Аловский М.Д. — *28, 29, 509*
Альтерфатер В.М. — *401, 405, 452*
Алякринский — *379–381*
Аметистов — *269*
Андерсен Н.Х. — *30, 31, 509*
Андогский А.И. — *549*
Аникеев А.И. — *31, 32, 36, 60*
Аносов Н.С. — *549*
Аракелов Г.М. — *509*
Аргунов — *353, 546*
Артымов — *476*
Ата-Мурадов — *483*
Афанасьев — *170, 249, 251, 252*
Афанасьев С.Л. — *36, 37, 39*
Багратион Д.П. — *54, 162, 176, 234, 366–370, 372, 377, 378, 380, 381, 389, 391, 394, 396, 461, 543, 565*
Багратуни Я.Г. — *33, 34, 251, 306, 307, 548, 564*
Баграшев — *367*
Баев — *366, 392*
Байковский — *429*
Балабин Ф.И. — *199, 549*
Балавинский С.А. — *52, 129, 155–157, 247, 257, 305, 310, 362, 363*
Балдин — *467*
Балуев П.С. — *37, 77, 78, 86, 175, 199, 205, 281, 421, 427, 499, 501, 548, 559*
Баранов В. — *484, 485*
Барановский В.Л. — *25, 39–41, 44, 66, 136, 138, 139, 153, 194, 206, 227–229, 243, 252, 257, 262, 264, 280, 289, 291, 300, 301, 303, 304, 310, 311, 341, 342, 346, 349, 488–490, 541, 545, 548, 560*
Бартер Ч. — *70, 234*
Батог С.А. — *9*
Батолин А.П. — *103, 106*
Бауер (Бауэр) О. — *301, 309*
Белков М.Д. — *363–365*
Белов И. — *380, 381*
Белоножкин А.И. — *103, 106, 546*
Беляев В.М. — *482*
Берг — *344*
Берзин — *455–457*
Бинасик М.С. — *342*
Бирюков П.А. — *440, 441, 443*
Болдескул К.И. — *164*
Бонч-Бруевич (ген.) — *456*
Брагин А.П. — *37, 45, 48, 123, 509, 531*
Брамсон Л.М. — *121*
Брешко-Брешковская Е.К. — *300*
Брусилов А.А. — *81, 82, 107, 109, 130–133, 154, 227, 241, 242, 285, 286, 292, 313, 318, 333, 338, 548, 550, 556, 562*
Бубликов — *146*
Бубнов А.Д. — *63, 227, 243, 358, 429*
Будилович Б.А. — *508, 510, 533*
Булатов Е.Т. — *478*
Булычев М.П. — *41, 45*

Бурцев В.Л. — *552*
Валуев — *451*
Ванновский Г.М. — *9, 510, 525*
Варавин Г.М. — *409, 410, 566*
Васильев — *34*
Васильков В.В. — *407, 408*
Васильковский О.П. — *59, 145, 174, 178, 448,450, 451, 458, 461, 557*
Вахрушев М.Н. — *67, 407, 448, 450, 460, 461*
Величко К.И. — *63, 127, 174, 175, 179, 556*
Вендзягольский — *304*
Вердеревский Д.Н. — *163, 307*
Верещагин — *169, 170*
Верховский А.И. — *8, 24, 25, 28, 36, 48, 51, 60–62, 91, 142, 163, 202, 224, 232, 233, 256, 267, 296, 353, 354, 357, 434, 435, 438, 544, 551, 552, 558*
Ветров — *90, 116*
Видик А. — *379*
Вирбелауэр — *364, 365*
Витте С.Ю. — *108*
Владимирова В. — *39, 195*
Воеводенко В. — *379*
Войтинский В.С. — *94, 96, 97, 192, 293, 441, 444–448, 450, 454–460, 568, 569*
Вонский В.С. — *357–359, 431*
Воронов Н. — *484, 485*
Вороновский — *132*
Вырубов В.В. — *22, 25, 27, 51, 53, 129, 153, 155, 214, 219, 247, 305, 306, 310, 472*
Гагарин А.В. — *53, 55, 365, 368, 393–395*
Гайер — *429*
Гатовский В.Н. — *366, 369, 371, 376–378, 380, 381, 392,*
Гедройц — *117*
Гейден П.А. — *552*
Гейликман — *79*
Геймовский — *306, 307, 312, 332, 358*
Гермоев — *78*
Гинденбург — *109*
Гиршфельд К.Г. — *192, 196, 316*
Гисен Б.Е. — *420*
Гисен Д.Б. — *420, 422*
Гобечиа В.П. — *307, 312, 332, 334, 342, 563*
Гогоберидзе Г.Г. — *10, 465, 467, 468*
Голицын В.В. — *37, 55, 58, 71, 73, 74, 78, 82, 84, 87, 89, 91–94, 98, 100, 101, 107, 179, 183, 223, 267, 276, 282, 291, 338, 344, 350, 425, 431–433*
Головин Ф.А. — *247*
Голубев — *14*
Гольдман-Либер (Либер) М.И. — *28, 130, 138, 139, 144, 147, 148, 154, 167, 170, 207, 221, 247, 249, 253, 310, 313, 462*
Гольман М.Б. — *122, 314*
Горбацевич С.И. — *182, 360, 361*
Гоц А.Р. — *310*
Греков, войсковой старшина —*32, 35, 58*
Греков, генерал — *8, 34, 440, 441, 444–448, 544, 568, 569*
Греков, подъесаул — *443, 445, 446*
Григорьев — *360*
Гриммоли — *274*
Гринфельдт — *37, 38*
Гринцевич И.И. — *509*
Грузинский — *380*
Губин А.А. — *382–384, 387–389, 399*
Гудвилович В.К. — *6, 366, 369, 370, 372–375, 379, 381, 382, 384–386, 388, 389, 391, 396–398, 400, 404, 406, 409–412, 414, 415, 418, 419, 566, 567*
Гурко — *240*
Гуров — *33, 34*
Гурьев Г.М. — *409–411, 413, 566*
Гусев — *441, 444–448, 450, 454–457, 459, 460, 568*
Гусев — *410*
Гутор — *81, 82, 130, 285, 337*
Гучков А.И. — *84, 103, 142, 218, 286, 392, 393, 549, 552, 553*
Дадиани, кн. — *377, 380*
Данилевич К.О. — *39–41, 69*
Данилов Н.В. — *375, 376, 379–381, 394,*
Даращев — *33*
Двинский — *449*
Двукраев П. — *376*
Дей — *379, 380*
Делевский — *248*
Дементьев Г.И. — *382, 388, 400*
Демьянов А.А. — *252, 558*
Деникин А.И. — *9, 96, 131, 132, 163, 164, 175, 187, 193, 205, 224, 227, 241, 266, 281, 286, 294, 307, 308, 324, 341, 421, 427, 475, 487, 500, 501, 510, 521, 548, 554, 556, 559*
Денисенко В.С. — *469, 470, 571*
Джумиев Х.Н. — *181*
Диаманди — *339*
Дитерихс М.К. — *22, 43, 45, 62, 70, 173, 268, 394, 442, 451, 452, 542*
Дмитриев — *423, 424*
Дмитриев — *455*
Дмитриевич Л.В. — *478*

Дмитрюков И.И. — *117*
Добржияловский — *557*
Добрынский И.А. — *16, 18, 19, 70, 74, 76, 102, 104, 169, 184, 195, 209–212, 213–215, 216, 217, 219, 220, 222, 223, 278, 540, 545, 555*
Долгопятов — *442, 443, 445–447*
Долгоруков А.Н., кн. — *6, 11, 145, 234, 397, 398, 400– 406, 408, 409, 411, 413, 419, 565, 566*
Долгорукова С.М. — *566*
Долинский — *183, 269, 350*
Дорошкевич В.Н. — *479, 481*
Драгомиров А.М. — *240*
Друцкий — *550*
Дударев — *360*
Дунаев Б.А. — *422, 424*
Дутов А.И. — *32–34, 59, 60, 160, 202,*
Духонин Н.Н. — *334, 451*
Дьяконов В.А. — *424–426, 430*
Дюсиметьер Л.П. — *140, 165, 168, 250, 358, 468*
Дягилев В.П. — *549*
Егоров — *484–486*
Еманов П.М. — *34, 382, 384, 385*
Епифанов — *434, 438*
Ерендаков — *444*
Ерхо (Иерихо) — *387*
Ершов В.И. — *366, 372, 373*
Ефремов И.Н. — *35, 250*
Жайворонков — *402, 405*
Жданов — *37*
Жданов В.А. — *77, 78*
Железнов В.Ф. — *382, 384*
Жиляев Ф.И. — *368, 371, 377–379*
Журавский — *541, 542*
Завалов Н. — *379*
Завойко В.С. — *11, 17, 30, 57, 71, 73–75, 78, 79, 96, 103, 106, 119, 124, 164, 168, 169, 174–176, 180, 181, 183, 196, 197, 202, 203, 206, 210, 211, 214, 217–219, 227, 229, 234, 243, 246, 250, 253, 267, 276, 278, 282, 300, 301, 307, 310, 314, 319, 322, 324, 327, 330–333, 335, 344, 345, 348, 351, 353, 354, 356, 431, 432, 545, 546*
Завьялов Г.И. — *478, 479*
Задоин А. — *210*
Зарудный А.С. — *5, 10, 119–121, 152, 247, 250, 353, 558*
Засорин М.Ф. — *121, 123*
Зегоев — *395*
Зензинов В.М. — *310*
Зиновьев — *309*
Знаменский В.М. — *9*
Зубов А.М. — *452, 545*
Иванов — *124, 298, 443, 447, 448*
Иванов А.В. — *125, 127, 509, 533*
Иванов Г.И. — *481–483*
Иванов, генерал — *117*
Иванов-Разумник — *248*
Иванцова О.К. — *9*
Иванченко И.П. — *482*
Игнатьев — *103, 106, 197*
Игнатьев П.Н. — *546*
Изергин — *43, 44*
Иорданский Н.И. — *9, 77, 112, 350*
Иосифов — *37*
Иоффе Г.З. — *10, 205*
Исаев — *481*
Казаков — *428, 429*
Каледин А.М. — *36, 50, 59–62, 93, 103, 116, 196, 202, 203, 206, 234, 244, 296, 360, 429, 434, 438, 543, 554, 557, 559*
Каменский М.П. — *549*
Кануков — *380*
Капнист А.П. — *549*
Капустин — *263*
Карамышев — *367, 395, 456–458*
Караулов М.А. — *32, 34, 60, 160,*
Каринский Н.С. — *546*
Каркоз — *484, 485*
Кармилов — *471, 472, 571*
Картаци — *366, 392*
Карташев А.В. — *15, 103, 106, 353, 546*
Касакин — *469, 470*
Квашнин-Самарин С.Н. — *37, 38, 127, 128, 422, 426–428, 540, 541*
Келлер — *378, 393*
Керенский А.Ф. — *5–7, 10, 11, 15–24, 26–28, 30, 32–36, 38, 42, 45–47, 52, 53, 56, 57, 59, 60, 62, 64–70, 72–76, 91, 94, 95, 99–102, 104–110, 112, 113, 116, 119–124, 127–170, 173, 174, 179, 180, 184, 188–193, 196–198, 201, 205, 207–223, 226–231, 236, 240, 241, 243–248, 250–258, 260–267, 270, 278, 279, 281–283, 285–287, 290, 291, 294, 297, 298, 300–310, 312–314, 317, 320, 321, 325–329, 333, 334, 341, 342, 349, 350, 352–359, 362–365, 367, 368, 370, 371, 373, 374, 376, 378–380, 383, 385, 386, 388–390, 392, 393, 395, 400, 402, 404, 407, 414, 420–422, 427–429, 431, 432,*

442, 447, 449, 451, 453, 455–457, 459, 460, 463, 464, 468–471, 473, 475, 478–481, 483, 487, 491, 492, 494, 496, 498, 501, 508, 540–543, 545–549, 551–553, 555–557, 560–562, 565, 566
Кисляков В.Н. — *163, 164, 172–181, 187, 234, 277, 307, 368, 395, 396, 427, 455, 457–459, 461, 508, 509, 523*
Китайский А.И. — *434, 435, 438*
Китченер Г., лорд — *71*
Кишкин Н.М. — *247*
Кияшенко — *263*
Клембовский В.Н. — *8, 21, 23, 26, 29, 30, 37, 42, 63, 67–69, 111, 114, 126, 174–178, 192, 198, 199, 227, 230, 234, 241, 266, 281, 286, 290, 315, 317, 323, 329, 367, 383, 386, 388, 392, 401, 403, 411, 421, 427, 448–450, 453–456, 460, 475, 499, 501, 542, 544, 556, 559, 569*
Клембовский, подпоручик — *34*
Клерже Г.И. — *250, 252*
Клецанда В.В. — *9, 510, 535*
Князев — *469, 470*
Коанда — *339*
Ковалев М.С. — *382, 385*
Ковалевский, полковник — *38*
Ковалько — *34, 263*
Козлов — *467, 468*
Козловский — *249*
Козьмин А.И. — *54, 252, 306, 307*
Кокошкин Ф.Ф. — *135, 158, 167, 171, 247, 257, 304, 320, 353*
Колоколов Н.А. — *6, 21, 25, 28, 48, 62, 70, 76, 78, 127, 130, 157, 167–169, 205, 221, 223, 224, 271–273, 277, 295, 296, 310, 313, 316, 324, 330, 462,*
Колоколов Н.Е. — *182, 360, 361*
Колонтаев В.С. — *249, 252*
Колпаков — *425*
Колчак А.В. — *103, 106, 197, 431, 546*
Кондратьев П.Н., подпоручик — *181–183, 360, 361*
Кондратьев, капитан — *469, 470*
Кондратьев, полковник — *459–461*
Коренков А.В. — *5–7, 422, 424, 425, 430, 432, 433, 435, 439, 462, 464, 465, 550, 568*
Корженевский П.И. — *258*
Корнев И.М. — *481, 482*
Корнилов А.А. — *183*
Корнилов Л.Г. — *5–12, 14, 17, 21–26, 28–42, 45–62, 64, 66, 68–70, 72, 73, 75, 77–94, 96–104, 106, 107, 109–116, 118–131, 133–138, 140–149, 152, 155–162, 164, 165, 168, 170–184, 186, 194, 195, 198, 204–212, 214–239, 241–248, 250–287, 289–315, 317–364, 367–371, 373–377, 379, 381, 383, 385, 386, 388–390, 392–396, 399–404, 406, 410, 411, 413–423, 425–442, 444–450, 453–457, 460–462, 464, 468–475, 477–485, 487–490, 492–494, 497–499, 501, 508, 517, 519, 540–545, 547, 549–557, 559–563, 565, 568–571*
Королев — *456–458, 460*
Короленко — *568*
Короленко В. — *441, 444–448, 454, 455*
Коротков А.И. — *24, 27, 28, 165*
Костин М.П. — *434, 435–437, 438, 568*
Кочетков В.М. — *176*
Кравченко — *124*
Кравченко — *468*
Краснов П.Н. — *64, 368, 378, 394, 452*
Краснушкин К.К. — *34*
Кривошеин А.В. — *209*
Кривошей Я.Е. — *481–483*
Кропачов С.М. — *407, 408*
Кропоткин С.А., кн. — *307, 337*
Крохмаль В.Н. — *130, 133, 138, 147, 149, 150, 153, 156, 170, 221, 223, 224, 295, 296, 310, 313, 462*
Крупенин Я.И. — *409, 410*
Крымов А.М. — *6, 20, 22, 26, 27, 32, 33, 42–45, 54, 55, 62–70, 73, 74, 98, 123, 128, 147, 149, 162, 166, 171–173, 178, 180, 195, 199–201, 206, 207, 228, 229, 234, 260, 261, 268, 282, 283, 288, 297, 306, 311, 312, 318, 326, 348, 360, 367, 368, 372, 382–384, 387, 388, 392–395, 406, 411, 413, 414, 416–419, 429, 441–448, 541–543, 545, 554, 565, 567, 568*
Крысенко — *571*
Кудрявцев П.Е. — *389–391*
Кузминский — *357*
Кузнецов И.А. — *78, 545*
Кузьмин (капитан) — *59*
Кузьмин П.А. — *482, 483*
Кузьмин-Караваев — *307, 312*
Кузьминский — *46*
Кульвановский — *478, 479*
Кульнев М.П. — *478, 479*
Курнаков — *367*
Кутовский — *457*
Кучвальский Н.И. — *481, 482*
Кущ — *482, 483*

Кюрц И.Р. — *90, 117, 118, 250, 301, 310, 344*
Ладоха Г. — *379*
Ладунг — *44*
Лансберг — *103*
Лапин — *481–483*
Лебедев — *6, 11, 160, 161, 174, 234, 403, 405, 406, 408–412, 414, 415, 418, 419, 449*
Лебедев В.Д. — *478, 479*
Лебедев В.И. — *252, 307*
Лебедев Д.А. — *566, 567*
Лембич М.С. — *264, 430, 432, 433*
Лемишевский — *123*
Ленин В.И. — *240, 249, 309*
Лечицкий П.А. — *132, 268, 343, 450*
Ливенберг — *9*
Ливеровский А.В. — *174, 176, 177, 07, 208, 258, 261, 376, 379, 461,*
Лидке — *429*
Линде Ф.Ф. — *192, 196, 316*
Лисовский — *423, 424*
Лисянский С. — *484, 485*
Лопатин Г. — *546*
Лотоцкий А.И. — *571*
Лукирский — *403*
Лукомский А.С. — *10, 21, 24, 25, 27, 29, 39, 47–51, 56, 61, 63–65, 74, 99, 103, 105, 109, 124, 126, 135, 136, 154, 163, 164, 172–176, 179, 180, 184, 187, 193, 195, 198, 201, 204, 205, 225, 226, 229, 234, 235, 239, 240, 243, 250, 251, 253, 254, 258, 263, 264, 268, 270, 277, 280–282, 285, 286, 289–292, 294, 297–299, 301, 303, 307, 309, 311, 317, 323, 324, 328–330, 335, 336, 338, 339, 341, 347–349, 354–358, 366, 392, 393, 401–405, 417, 449, 457, 475, 487, 489, 490, 508, 519, 544, 546, 555, 556, 560, 563*
Лутков — *571*
Лысов — *379, 380*
Львов В.Н. — *6, 10, 16–20, 22, 30, 33, 52, 55, 56, 59, 65, 71–76, 99–105, 107, 112, 117, 119, 128, 129, 146, 150–152, 154–158, 168–171, 175, 184, 195–198, 205, 207, 208, 211, 212, 215, 221–223, 229, 230, 233, 245, 246, 252, 257, 258 , 260, 263, 265, 269, 274, 278–282, 290, 297, 299, 305, 306, 310, 314, 315, 317, 320, 326, 327, 329, 330, 352, 353, 355, 356, 362, 363, 376, 402, 474, 475, 480, 489, 491, 492, 496, 501, 540, 542, 545, 546, 551, 555, 563, 564*
Львов Г.Е. — *106, 197, 198, 326*
Львов Н.Н. — *74, 76, 209, 212, 216, 222–224*
Макас Ф.Д. — *181*
Маклаков В.А. — *74, 76, 154, 195, 246, 258, 305, 310, 328, 489, 492, 493, 544*
Максимов А.С. — *200, 556*
Максимович — *376, 377*
Малев С.В. — *478, 479*
Малицкий А.Н. — *478, 479*
Малянтович — *103, 106, 353*
Марков С.Л. — *9, 132, 163, 164, 324, 508, 510, 525, 556*
Марщакин С. — *379*
Марычев — *546*
Маслов — *436*
Матвеев М.В. — *366, 373, 374*
Мачабели — *370*
Машкевич В.Г. — *407, 565*
Мельников — *33*
Мельников — *61*
Меньшиков — *425*
Мерчуле — *368*
Милюков П.Н. — *23, 93, 94, 103, 159, 161, 198, 218, 219, 244, 328, 346, 348, 557*
Минин Н.И. — *121, 122, 124*
Миронов Н.Д. — *121, 153, 248, 252, 253, 262, 301, 303, 307, 312, 557*
Миронович — *302*
Мирошниченко — *378*
Митропольский — *432*
Михаил Александрович, вел. кн. — *121, 251, 381*
Моисеенко С. — *571*
Молчанов А. — *483*
Морозов П. — *483, 484*
Мосевич В.Ф. — *481–483*
Москалев В.Я. — *482*
Муравьев — *339*
Муравьев, прапорщик — *397*
Муравьев, флаг-капитан — *310*
Мурашев — *571*
Муханов Г.А. — *481, 482*
Мушинский С. — *484–486*
Мышловский А.З. — *549*
Набоков В.Д. — *353, 431, 546*
Назимов — *472, 474, 476*
Намитоков А. — *370*
Натензон — *483*
Нахамкес — *456*
Небораков М.Н. — *478, 479*
Неженцев М.О. — *182, 360, 422, 426, 540*

Некрасов Н.В. — *23, 76, 120, 137, 142, 152, 157, 159, 162, 190, 207, 208, 236, 253, 259, 261, 267, 302, 304, 305, 307, 310, 312, 334, 549*
Непесов Ч.П. — *181*
Никаноров И.В. — *9, 510, 535*
Никитин А.М. — *191, 258, 261, 557*
Никитин С.Ф. — *509, 531*
Никитин, капитан — *377*
Николаев — *180, 181*
Николай II, император — *92, 108, 117*
Николай Николаевич, вел. кн. — *118, 331*
Новиков — *269*
Новиков И.К. — *375, 379, 381*
Новосильцев Л.Н. — *9, 73, 75, 124, 139, 164, 165, 204, 276, 298, 299, 347, 510, 529*
Ободовский Н.Н. — *382, 384*
Овсянкин С.В. — *6, 11, 434–437, 438, 439, 568*
Оган-Догановский — *565*
Ожогин — *446*
Окунев А.Д. — *549*
Онипко — *407, 565*
Опацкий — *397, 400, 402, 403, 405–407, 409, 566*
Орановский В.А. — *74, 76*
Орлов М.И. — *9, 510, 525*
Орлов, прапорщик — *450, 454, 455, 568*
Орлова Ю.Г. — *13*
Павел Александрович, вел. кн. — *251, 344*
Павлинов — *435, 436*
Павлов С.М. — *376, 377*
Палутис Н.М. — *261, 263*
Пальчинский П.И. — *161, 305, 548, 549*
Панов — *410*
Панчулидзев — *357*
Параделов Н.Н. — *458*
Парский Д.П. — *94, 96, 192, 452, 453*
Переверзев П.Н. — *121, 248–250*
Петелин — *397, 401, 404, 405*
Петряев А.М. — *546*
Петухов — *272, 273*
Пешехонов А.В. — *106, 187*
Пистолькорс — *344*
Плеске — *108*
Плеханов Г.В. — *103, 197, 300, 353, 431*
Плохинский — *379*
Плющевский-Плющик Ю.Н. — *24, 51, 179, 231, 238, 250, 251, 263, 271, 287, 307, 341, 346–349, 430, 431, 433, 552, 557*
Поволоцкий Л. — *129, 211, 215, 363, 365, 384, 406, 410, 411, 414, 418, 464*
Поддубный П.В. — *401, 405, 407, 408*
Покровский — *197*
Полибин — *432*
Поливанов А.А. — *254, 286, 550, 549, 559*
Полковников Г.П. — *382, 383, 385, 386*
Половцов П.А. — *161, 252, 392, 548, 557, 549*
Поломарчук — *54*
Попов — *442, 445*
Попов Я.А. — *366, 374*
Параделов — *251, 262*
Потапов А.С. — *549*
Похвиснев — *481*
Припутневич Г.Ф. — *366, 371, 372, 378*
Прокопович С.Н. — *121, 258, 261*
Прокудин А. — *484, 485*
Пронин В.М. — *24, 48, 49, 51, 124, 175, 176, 179, 191, 234, 276, 277, 282, 283, 291, 299, 307, 419, 430, 469–471, 473, 499, 500, 509, 527, 567*
Протопопов — *146*
Пуришкевич — *252*
Путилин Н.М. — *271*
Путилов А.И. — *103, 106*
Радунов — *79*
Раевский П.С. — *272, 273, 558, 559*
Разумовский — *43*
Распутин — *92*
Раттель — *63, 173, 451, 455, 459, 461,*
Раупах Р.Р. — *6, 28, 31, 36, 39, 41, 51, 53, 55, 58, 62, 70, 78, 130, 135, 137, 138, 142, 144, 154, 156–159, 161, 164, 205, 207, 208, 253, 259, 261, 263, 310, 313, 330, 361, 552*
Ревин — *37, 47*
Ремизов — *450, 454–460, 568*
Решетилов — *457*
Рибо А. — *72*
Римский-Корсаков А.А. — *9, 273, 275, 510*
Робертсон — *203*
Рогачев — *365*
Родзянко М.В. — *15, 74, 76, 93, 103, 198, 205, 223, 245, 328, 421, 551, 552, 554*
Родионов И.А. — *56, 75, 213, 215, 217, 275, 277–279, 509, 537*
Родичев Ф.И. — *93, 295, 345*
Роженко В.Е. — *124, 251, 279, 283, 291, 318, 467–474, 477, 508, 509, 519, 541*
Розневич — *79*
Романовский И.П. — *24, 39, 48, 49, 51, 63, 64, 68, 99, 173–175, 177, 179, 184, 193–195, 205, 225, 228, 231, 249, 263, 266, 270, 280, 284–287, 289, 293–295, 303, 311,*

339, 349, 401, 404, 418, 488–490, 508, 509, 523, 544, 556, 557, 559–561, 566, 570
Рубец — *483*
Рубец-Масальский Ф.В. — *549*
Рузский — *131, 132, 227, 241, 266, 286, 333, 556*
Русанов — *248*
Руссо — *388*
Рутер — *123, 124*
Рябов П.Н. — *479, 481*
Рябушинский П.П. — *74, 76, 223*
Рябцев К.И. — *62, 295, 296*
Ряснянский С.Н. — *296, 299, 509, 539*
Сабеев А.Л. — *382–384, 389*
Сабоцкий — *510*
Савинков Б.В. — *15, 17, 19–22, 32–34, 39–41, 46, 50, 53, 56, 59, 62–65, 73–75, 77, 79, 84, 85, 88–91, 94, 98, 99, 101, 103, 105–110, 112, 117, 120, 124, 128, 130, 132–139, 141, 142, 144, 149, 153–155, 157, 160–163, 167, 169–171, 173, 174, 180, 183, 184, 186–190, 192–198, 205, 206, 210, 213, 214, 216, 218–220, 226–231, 233, 234, 236–238, 241, 243, 246, 250–255, 257–262, 265–270, 276, 278–283, 285–287, 289–294, 297, 299, 305, 308–311, 313, 314, 317, 319, 321, 322, 325–329, 331–334, 336–344, 346, 348–357, 359, 363, 383, 416, 422, 431, 474, 475, 487–490, 492, 494, 496–498, 544, 546, 548, 549, 552, 556, 558–561, 564*
Савицкий Б.А. — *366, 375*
Савицкий Д. — *451–457, 569*
Савич Н.В. — *549*
Сазонов Л.И. — *313, 316*
Самарин — *44, 69, 166, 441, 443, 444,*
Саницкий — *381*
Сахаров К.В. — *24, 48, 49, 51, 123, 263, 277, 299, 307, 316, 319, 349, 430, 431, 433*
Севоев — *372*
Седякин — *390*
Семенов Е.П. — *84*
Серебренников — *199*
Сидоренко — *468*
Сироткин Д.В. — *74, 76*
Скаржинский П.В. — *75*
Скарятин Г.Д. — *250*
Скляднев — *377*
Скобелев М.И. — *120, 148, 159, 167, 300, 320, 322*
Слюсарев Ф.А. — *366, 374, 375*
Смирнов — *483*
Смирнов, генерал — *403*
Солнышкин — *384*
Солоп К. — *478*
Соотс И.Г — *322, 324, 509, 539*
Сопин Ф. — *455, 457*
Сосков — *253*
Спасский — *386*
Стааль А.Ф. — *420, 570*
Станкевич — *316, 451, 452, 460, 569*
Староовилов К.И. — *478, 479*
Стахович М.А. — *66, 201, 552*
Степаненков И.И. — *409–411, 413, 566*
Степун Ф.А. — *341, 349, 351*
Стеценко К.В. — *549*
Султан-Гирей К.С. — *366, 369, 370*
Сумароков — *561*
Сухомлинов В.А. — *254, 292, 478*
Таганцев Н.Н. — *103, 106*
Тахтамышев Г.С. — *103, 106, 197, 353, 546*
Теплов — *359*
Терехов — *263*
Терещенко М.И. — *15, 23, 74, 75, 87–90, 94, 108, 136, 137, 142, 152, 154, 159–161, 168, 173, 183, 190, 214, 218, 219, 227, 236, 241, 246, 255, 266, 267, 286, 287, 301, 302, 306, 307, 310, 333, 334, 339, 340, 344, 351, 549, 556*
Тесленко Н.В. — *74, 76, 546*
Тихменев Н.М. — *56, 135, 136, 204, 243, 291, 292, 300, 307, 337–339, 341, 559*
Толстой П.М., гр. — *28, 238, 268, 349–351*
Третьяков С.Н. — *74, 76, 103, 106, 197, 223, 546*
Троицкий-Сенютович В.Н. — *103, 546*
Трубецкой Г.Н. — *118, 217, 324, 330, 339, 562*
Трусов Т. — *484, 485*
Туган-Барановский Л.С. — *549*
Тукумбеков О. — *370*
Туманов К.Н. — *154, 160, 161, 252, 258, 303–305, 345, 541, 549*
Тур С.В. — *354, 357*
Украинцев — *567*
Украинцев Н.П. — *6, 15, 28–31, 45, 51, 53, 78, 121, 124, 127, 128, 130, 139, 141, 169–171, 181, 183, 184, 205, 207, 221, 225, 239, 243, 253, 271, 278, 279, 282–284, 295, 299, 310, 316, 319, 324, 330, 484*
Уласевич Е.А. — *481, 482*
Усанов — *428, 429*
Ушаков К.М. — *8, 177, 178, 455–457, 460–462, 570*

Фарманюк — *379*
Федоров — *358, 373, 463, 468, 561*
Филатов — *473, 474*
Филоненко Е.М. — *181*
Филоненко М.М. — *11, 15, 16, 19, 30, 32, 33, 39, 46, 48–51, 53, 56–58, 65, 71, 73–75, 77, 79, 80, 83–85, 87–95, 98, 99, 103–110, 112, 117–119, 122, 124, 130, 132, 133, 135, 136, 141, 144, 154, 161–163, 171, 172, 181, 183, 187, 189, 190, 193, 195–197, 203, 204, 225, 226, 228, 230–232, 238, 239, 241–243, 251, 253–255, 258, 264, 266, 267, 269, 275, 280–282, 285, 287, 289, 291, 292, 294, 297, 299–307, 309–312, 314, 317, 319, 322, 324, 327, 329–331, 335, 336, 342, 352, 355, 359, 416, 425, 426, 429, 431, 487, 490–492, 546, 552, 559–564*
Фокин Ф.А. — *390, 391*
Фомин — *250*
Фонвизин Г.С. — *77, 110, 189, 204, 291, 305, 308, 334, 340–344, 353, 354, 357, 358*
Фон-Кюзильген — *483*
Франк — *9*
Фролов — *452*
Хабалов С.С. — *551*
Харламов И.Г. — *61, 62*
Хитрово М.С. — *121, 250*
Хомяков Н.А. — *552*
Хоранов — *393*
Христианович А.Н. — *425, 430*
Хряпкин — *447*
Худяков — *34, 36, 60*
Цаликов А.Т. (Цалыкаты) — *370, 564*
Царьков Н.И. — *482*
Цветков — *212, 215*
Церетели И.Г. — *103, 106, 125, 146, 310, 321, 353*
Цеткевич — *104*
Цеханович А.К. — *397, 398, 401, 404, 405, 407–409*
Ципкевич Н.И. — *83, 336, 337*
Чавчавадзе — *370*
Чайковский — *269*
Чаплыгин — *546*
Черемисов В.А. — *82, 83, 87, 187, 334–337, 341, 548*
Черкез П.М. — *398, 400*
Чермоев — *565*
Чернов В.М. — *76, 148, 158, 189, 236, 254, 300, 548, 560, 564*
Чернышев — *438*
Чернявский — *380, 428*
Чесноков — *406*
Чувадзе Л.М. — *409, 566*
Чунихин Г.Л. — *508, 509, 539*
Шабашев А.Ф. — *481, 482*
Шабловский И.С. — *6, 7, 70, 130, 136–140, 147–152, 159, 160, 162, 163, 172, 205, 207, 275, 308, 313, 330, 541, 542, 569, 570*
Шавельский — *429*
Шадрин — *474–476*
Шамиль — *370*
Шаргин — *103*
Шарин — *546*
Шатов А. — *380, 381*
Швабинский И. — *454–460, 568*
Шемелин — *389*
Шестоперов — *9*
Шибанов — *484–486*
Шиманов — *477*
Ширай И.И. — *478, 479*
Шихеев — *458, 460, 461*
Шморгунов — *361*
Штейнберг Ф.И. — *409, 566*
Штукенберг — *378*
Шуберский Э.П. — *103, 106, 177, 187, 251, 546*
Шубин — *569, 452*
Шульц — *5, 6, 128, 129, 208, 211, 365, 546*
Щегловитов И.Г. — *101, 117*
Щеголев — *248*
Щеголев — *478*
Щедрин — *92*
Щербачев Д.Г. — *37, 199, 205, 281, 286, 421, 427, 475, 499–501, 559,*
Эльвенгрен Г.З. — *140*
Эльснер Е.Ф. — *9, 510, 523*
Энгельгардт Б.А. — *549*
Эрдели И.Г. — *9, 510, 521*
Юренев П.П. — *187, 191, 207, 244, 258, 261, 321*
Юрченко — *103*
Языков А.П. — *357*
Языков, полковник — *176*
Языков, поручик — *110, 319, 425, 429*
Яковенко П.М. — *182, 360, 361*
Яковлев — *93, 98, 102, 169, 348*
Яковлев, полковник — *468*
Якубович Г.А. — *154, 160, 161, 166, 258, 303–305, 541, 549*
Янковский П.М. — *477, 478, 571*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Б., быв.	—	бывший
в., вв.	—	век, века
в.к., вел. кн.	—	великий князь
вр.и.об.	—	временно исполняющий обязанности
Вр. правительство	—	Временное правительство
военмин	—	военный министр, Военное министерство
ВЦИК	—	Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
г., гор.	—	город
гг.	—	годы
ГА РФ	—	Государственный архив Российской Федерации
ген., генер.	—	генерал
генкварверх	—	генерал-квартирмейстер при Ставке Верховного главнокомандующего
генкварм	—	генерал-квартирмейстер
генкварсев	—	генерал-квартирмейстер Северного фронта
главковерх	—	Верховный главнокомандующий
главкоюз	—	главнокомандующий Юго-Западным фронтом
главкосев	—	главнокомандующий Северным фронтом
Главморхоз	—	Главное морское хозяйственное управление
главнаокр	—	главнокомандующий округом
гр.	—	граф
губ.	—	губерния
д.	—	дело
дегенсев	—	дежурный генерал при штабе Северного фронта
док.	—	документ
ж.д.	—	железнодорожный, железная дорога
и.д.	—	исполняющий должность
земгор	—	Объединенный комитет Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов
изд.	—	издание
ИК	—	Исполнительный комитет
и.о., и.об.	—	исполняющий обязанности
искобрсев	—	исполнительный комитет обороны Северного фронта
искомзап	—	исполнительный комитет Западного фронта
искомитюз	—	исполнительный комитет Юго-Западного фронта
кап.	—	капитан
к.-д.	—	конституционно-демократический/ая, конституционный демократ, кадет

кн.	— книга
кн.	— князь
командарм	— командующий армией
комиссарюз	— комиссар Юго-Западного фронта
комиссарм	— комиссар армии
комиссарсев	— комиссар Северного фронта
комкор	— командир корпуса
коморсев	— командующий морскими батальонами Северного фронта
комштабверх	— командующий Штабом Верховного главнокомандующего
м., мин.,	— минута
м.г.	— милостивый государь
мин.-председатель	— министр-председатель
мл.	— младший
МПС, Министерство ПС	— Министерство путей сообщения
нач.	— начальник
начвосоверха	— начальник войсковых сообщений при Ставке Верховного главнокомандующего
начвососев	— начальник войсковых сообщений Северного фронта
начдив	— начальник дивизии
начштаба	— начальник штаба
наштаверх	— начальник Штаба Верховного главнокомандующего
наштазап	— начальник штаба Западного фронта
наштасев	— начальник штаба Северного фронта
об.	— оборот
оп.	— опись
опубл.	— опубликовано
отвосев	— отдел военных сообщений Северного фронта
отд.	— отдел, отделение
оф.	— офицер
п.	— пункт
пар.	— параграф
Пг	— Петроград
полк., полковн.	— полковник
подп.	— подполковник
помартснабсев	— помощник [начальника] артиллерийского снабжения Северного фронта
понаштаверх	— помощник начальника Штаба Верховного главнокомандующего
пор., поруч.	— поручик
р.	— река
р., руб.	— рубль
разд.	— раздел
райком	— районный комитет
РГА ВМФ	— Российский государственный архив военно-морского флота
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив
с.	— страница
Св.	— Святейший, Святой
с.г.	— сего года
с.-д.	— социал-демократ(ический/ая)
Севфронт	— Северный фронт
СКВ	— Союз казачьих войск

см.	— смотри
совдеп	— Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
солд.	— солдат
СОРСОД; СС и РД; Советы С. и Р. депутатов	— Совет рабочих и солдатских депутатов
СРС и КД	— Совет рабочих, солдатских и крестьянских/казачьих депутатов
с.-р.	— социалист-революционер
ст.	— станция, старший
ст.	— степень
ст.	— статья
стр.	— страница
с.ч.	— сего числа
т.	— том
т., тов.	— товарищ
телегр.	— телеграфный
типогр. экз.	— типографский экземпляр
т.к.	— так как
тыс.	— тысяча
ун.-оф., унт.-оф.	— унтер-офицер
Упарт	— Управление полевого инспектора артиллерии
упвососев	— Управление военных сообщений Северного фронта
управвоенмин	— управляющий Военным министерством
ф.	— фонд
Центрафлот	— Центральный исполнительный комитет солдат и матросов Балтийского флота
ЦИК	— Центральный исполнительный комитет
ЦК	— Центральный комитет
штаокр	— штаб округа
штасев	— штаб Северного фронта
штаюз	— штаб Юго-Западного фронта
ч., час.	— час, часы
ч.	— часть
ЧСК	— Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных действий бывших министров и прочих высших должностных лиц
экз.	— экземпляр
Юзфронт, Юзапфронт	— Юго-Западный фронт

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

РАЗДЕЛ I. ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ДЕЛА О БЫВШЕМ ВЕРХОВНОМ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ГЕНЕРАЛЕ Л.Г. КОРНИЛОВЕ И ЕГО СОУЧАСТНИКАХ *14*

1. Протокол допроса старшего писаря Управления дежурного Генерального штаба главковерха Г. Акимова. *7 сентября 1917 г.* *14*
2. Показание бывшего члена 1-й Государственной Думы А.Ф. Аладьина. *2–4 сентября 1917 г.* *15*
3. Показание начальника Штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева. *7 сентября 1917 г.* *21*
4. Показание начальника Штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева. *7 октября 1917 г.* *25*
5. Показание подполковника 110-го пехотного Камского полка М.Д. Аловского. *4–6 сентября 1917 г.* *28*
6. Показание командира учебного батальона 102-й пехотной дивизии Н.Х. Андерсона. *3–7 сентября 1917 г.* *30*
7. Показание есаула 43-го Донского казачьего полка А.И. Аникеева. *9 октября 1917 г.* *31*
8. Протокол допроса старшего мастера в наборной типографии Штаба Верховного главнокомандующего С.Л. Афанасьева. *3 сентября 1917 г.* *36*
9. Протокол допроса начальника Кабинета министра-председателя и Верховного главнокомандующего В.Л. Барановского и штаб-офицера для поручений при начальнике Кабинета министра-председателя К.О. Данилевича. *7 сентября 1917 г.* *39*
10. Показание младшего унтер-офицера 4-й тыловой автомобильной мастерской М.П. Булычева. *6–9 октября 1917 г.* *41*
11. Показание редактора газеты «Известия действующей армии» капитана А.П. Брагина. *4–5 сентября 1917 г.* *45*
12. Протокол допроса военного министра А.И. Верховского. *11 октября 1917 г.* .. *48*
13. Протокол допроса помощника начальника Штаба Верховного главнокомандующего В.В. Вырубова. *7 сентября 1917 г.* *51*
14. Протокол допроса командира 1-й Кавказской туземной дивизии А.В. Гагарина. *31 августа 1917 г.* *53*
15. Протокол допроса генерала для поручений при Верховном главнокомандующем В.В. Голицына. *11 сентября 1917 г.* *55*

16. Показание преподавателя Донского кадетского корпуса А.Н. Грекова. *4 октября 1917 г.* ... *58*
17. Протокол допроса генерал-квартирмейстера при Штабе главковерха М.К. Дитерихса. *31 августа — 1 сентября 1917 г.* ... *62*
18. Протокол допроса генерал-квартирмейстера при Штабе главковерха М.К. Дитерихса. *28 сентября 1917 г.* ... *70*
19. Показание статского советника И.А. Добрынского. *16–17 октября 1917 г.* ... *70*
20. Показание военного комиссара Временного правительства при командующем Западным фронтом В.А. Жданова. *3 сентября 1917 г.* ... *77*
21. Показание ординарца Л.Г. Корнилова В.С. Завойко, данное Следственной комиссии военной секции Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов. *31 августа 1917 г.* ... *78*
22. Показание ординарца генерала Л.Г. Корнилова прапорщика В.С. Завойко. *6 октября 1917 г.* ... *79*
23. Показание министра юстиции А.С. Зарудного. *18 сентября 1917 г.* ... *119*
24. Протокол допроса рядового 2-й тыловой автомобильной мастерской М.Ф. Засорина и фельдфебеля 92-го пехотного Печорского полка Н.И. Минина. *2 сентября 1917 г.* ... *121*
25. Показание прапорщика Могилевской караульной команды А.В. Иванова. *4 сентября 1917 г.* ... *125*
26. Протокол допроса коменданта Главной квартиры С.Н. Квашнина-Самарина. *3 сентября 1917 г.* ... *127*
27. Протокол допроса судебным следователем Петроградского окружного суда Шульцем министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского. *27 августа 1917 г.* ... *128*
28. Стенограмма допроса министра-председателя А.Ф. Керенского. *8 октября 1917 г.* ... *130*
29. Показание товарища министра путей сообщения на театре военных действий В.Н. Кислякова. *4–5 сентября 1917 г.* ... *172*
30. Из протокола допроса председателя полкового комитета Текинского конного полка Х.Н. Джумиева, секретаря полкового комитета Текинского конного полка Ч.П. Непесова, председателя батальонного комитета Георгиевского батальона Ф.Д. Макаса, товарища председателя полкового комитета Корниловского ударного полка подпоручика П.Н. Кондратьева. *5 сентября 1917 г.* ... *181*
31. Показание личного адъютанта генерала Л.Г. Корнилова штабс-ротмистра 17-го гусарского Черниговского полка А.А. Корнилова. *11 сентября 1917 г.* ... *183*
32. Показание Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова. *2–5 сентября 1917 г.* ... *184*
33. Протокол допроса Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова. *24 сентября 1917 г.* ... *206*
34. Протокол допроса министра путей сообщения А.В. Ливеровского. *4 октября 1917 г.* ... *207*
35. Протокол допроса судебным следователем Петроградского окружного суда Шульцем члена Государственной Думы В.Н. Львова. *27 августа 1917 г.* ... *208*
36. Протокол допроса дежурным судебным следователем Петроградского окружного суда Цветковым члена Государственной Думы В.Н. Львова. *30 августа 1917 г.* ... *212*
37. Показание члена Государственной Думы В.Н. Львова. *14 сентября 1917 г.* ... *215*
38. Протокол допроса члена Государственной Думы В.Н. Львова. *5 октября 1917 г.* ... *221*

39. Показание члена Государственной Думы Н.Н. Львова. *24 сентября 1917 г.* *223*
40. Показание начальника Штаба главковерха А.С. Лукомского. *2–4 сентября 1917 г.* *225*
41. Дополнительное показание генерал-лейтенанта Лукомского в связи с обвинением его в мятеже. *4 сентября 1917 г.* *240*
42. Показание бывшего члена Временного правительства П.Н. Милюкова. *21 октября 1917 г.* *244*
43. Протокол допроса начальника контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа Н.Д. Миронова. *19 сентября 1917 г.* *248*
44. Показание финляндского генерал-губернатора Н.В. Некрасова. *15 сентября 1917 г.* *253*
45. Протокол допроса финляндского генерал-губернатора Н.В.Некрасова. *2 октября 1917 г.* *259*
46. Протокол допроса вольноопределяющегося 11-го Сибирского стрелкового запасного полка Н.М. Палутиса. *18 сентября 1917 г.* *261*
47. Показание полковника Генерального штаба Ю.Н. Плющевского-Плющика. *2–4 сентября 1917 г.* *263*
48. Протокол допроса прапорщика Корниловского ударного полка Н.М. Путилина. *4 сентября 1917 г.* *271*
49. Протокол допроса подпоручика 2-й батареи 1-го запасного артиллерийского дивизиона П.С. Раевского. *2 октября 1917 г.* *272*
50. Протокол допроса члена Государственного Совета А.А. Римского-Корсакова. *26 сентября 1917 г.* *273*
51. Показание есаула Войска Донского И.А. Родионова. *3–5 сентября 1917 г.* *275*
52. Показание есаула Войска Донского И.А. Родионова. *7–11 сентября 1917 г.* .. *278*
53. Показание штаб-офицера для поручений в Особом делопроизводстве Управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем В.Е. Роженко. *4–7 сентября 1917 г.* *279*
54. Показание 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем И.П. Романовского. *2–4 сентября 1917 г.* *284*
55. Протокол допроса полковника, командующего войсками Московского военного округа К.И. Рябцева. *24 сентября 1917 г.* *295*
56. Показание капитана Генерального штаба С.Н. Ряснянского. *4–6 сентября 1917 г.* *296*
57. Протокол допроса бывшего управляющего Военным и морским министерством Б.В. Савинкова. *13–15 сентября 1917 г.* *299*
58. Показание бывшего управляющего Военным и морским министерством Б.В. Савинкова. *18–19 сентября 1917 г.* *309*
59. Показание бывшего управляющего Военным и морским ведомством Б.В. Савинкова. *20 сентября 1917 г.* *311*
60. Показание и.д. заведующего Военно-судной частью Штаба Верховного главнокомандующего Л.И. Сазонова. *3–4 сентября 1917 г.* *313*
61. Показание заведующего Особым делопроизводством Управления 2-го генерал-квартирмейстера при главковерхе К.В. Сахарова. *4–6 сентября 1917 г.* *316*
62. Протокол допроса бывшего министра труда М.И. Скобелева. *9 октября 1917 г.* *320*
63. Показание штаб-офицера для поручений при штабе 11-й армии И.Г. Соотса. *3–4 сентября 1917 г.* *322*
64. Протокол допроса в.и.о. директора дипломатической канцелярии Верховного главнокомандующего Г.Н. Трубецкого. *31 августа 1917 г.* *324*

65. Показание верховного комиссара Временного правительства при Ставке главковерха М.М. Филоненко. *25 сентября 1917 г.* *331*
66. Протокол допроса прапорщика Корниловского полка П.М. Яковенко. *6 сентября 1917 г.* *360*

РАЗДЕЛ II. ПЕТРОГРАДСКИЙ ОКРУЖНОЙ СУД *362*

67. Протокол допроса помощника начальника Главного управления по делам милиции С.А. Балавинского. *27 августа 1917 г.* *362*
68. Протокол допроса подпоручика 29-го саперного батальона, прикомандированного к 10-му армейскому конно-железнодорожному батальону, М.Д. Белкова. *31 августа 1917 г.* *363*
69. Протокол допроса начальника штаба Кавказского туземного конного корпуса В.Н. Гатовского, командующего Черкесским конным полком К.С. Султан-Гирея, мл. унтер-офицера из вольноопределяющихся Кавказской туземной конной дивизии команды шоферов и мотоциклистов Г.Ф. Припутневича, прапорщика 18-го Вологодского пехотного полка В.И. Ершова, хорунжего 1-го Амурского полка М.В. Матвеева, священника 1-го казачьего Амурского полка Я.А. Попова, подъесаула 10-го Амурского казачьего полка Ф.А. Слюсарева, сотника 1-го Амурского казачьего полка Б.А. Савицкого. *4 сентября 1917 г.*. *366*
70. Протокол допроса чиновника военного времени Н.В. Данилова и младшего унтер-офицера команды связи Кавказского туземного корпуса И.К. Новикова. *6 сентября 1917 г.* *375*
71. Из протокола допроса командира 2-й бригады Уссурийской конной дивизии В.Ф. Железнова, временного командующего 1-м Нерчинским казачьим полком А.Л. Сабеева, командира Уссурийского казачьего дивизиона Н.Н. Ободовского, ст. помощника командира 15-го Донского казачьего полка П.М. Еманова, начальника пулеметной команды 15-го Донского казачьего полка М.С. Ковалева, командующего 1-м Ансурским казачьим полком войскового старшины Г.П. Полковникова, командующего Уссурийской конной дивизией А.А. Губина, и.д. начальника штаба Уссурийской конной дивизии Г.И. Дементьева. *2 сентября 1917 г.* *382*
72. Протокол допроса войскового старшины 1-го Нерчинского казачьего полка П.Е. Кудрявцева и командира Кавказского туземного конного корпуса Д.П. Багратиона. *3 сентября 1917 г.* *389*
73. Протокол допроса солдата штаба 1-го кавалерийского корпуса А.К. Цехановича. *11 сентября 1917 г.* *397*
74. Протокол допроса начальника радиоотделения Уссурийской конной дивизии П.М. Черкеза. *7 сентября 1917 г.* *398*

Дело командира 1-го кавалерийского корпуса А.Н. Долгорукова *400*

75. Показание командира 1-го кавалерийского корпуса А.Н. Долгорукова, данное военному судье Петроградского военно-окружного суда Опацкому. *1 сентября 1917 г.* *400*
76. Показание командира 1-го кавалерийского корпуса А.Н. Долгорукова, данное военному судье Петроградского военно-окружного суда Опацкому. *4 сентября 1917 г.* *402*
77. Протокол допроса командира 1-го кавалерийского корпуса А.Н. Долгорукова. *12 сентября 1917 г.* *404*

78. Протокол допроса штаб-офицера для делопроизводства и поручений Управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем Д.А. Лебедева. *4 сентября 1917 г.* *406*
79. Протокол допроса военным судьей Петроградского военно-окружного суда Опацким матроса, члена ЦК Балтфлота В.Г. Машкевича, матроса Балтфлота В.В. Василькова, шофера автомобильной команды Штаба главковерха С.М. Кропачова, ординарца штаба 1-го кавалерийского корпуса П.В. Поддубного, рядового штаба 1-го кавалерийского корпуса А.К. Цехановича. *1 сентября 1917 г.* .. *407*

Дело полковника Генерального штаба Д.А. Лебедева *409*

80. Из протокола допроса военнослужащих автомобильной команды при Штабе главковерха: шофера Ф.И. Штейнберга, солдата Л.М. Чувадзе; ст. унтер-офицера 1-го кирасирского полка Я.И. Крупенина; 5-го Оренбургского казачьего полка ст. урядника Г.М. Варавина, хорунжего И.И. Степаненкова, сотника Г.М. Гурьева. *1 сентября 1917 г.* *409*
81. Протокол допроса штаб-офицера для делопроизводства и поручений при Управлении генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем Д.А. Лебедева. *2 сентября 1917 г.* *412*
82. Протокол допроса штаб-офицера для делопроизводства и поручений Управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем Д.А. Лебедева. *9 сентября 1917 г.* *415*
83. Протокол допроса штаб-офицера для делопроизводства и поручений Управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем Д.А. Лебедева. *11 сентября 1917 г.* *418*

РАЗДЕЛ III. МОСКОВСКИЙ ОКРУЖНОЙ СУД *420*

84. Протокол допроса свидетеля Д.Б. Гисена. *30 августа 1917 г.* *420*
85. Протокол допроса обер-офицера при Политическом отделе штаба Московского военного округа Б.А. Дунаева. *1 сентября 1917 г.* *422*
86. Протокол допроса помощника начальника общего отдела железнодорожного эксплуатационного отдела Управления путей сообщения при Штабе Верховного главнокомандующего В.А. Дьяконова. *1 сентября 1917 г.* *424*
87. Протокол допроса помощника начальника общего отдела железнодорожного эксплуатационного отдела Управления путей сообщения при Штабе Верховного главнокомандующего В.А. Дьяконова. *2 сентября 1917 г.* *425*
88. Протокол допроса корреспондента газеты «Русское слово» М.С. Лембича. *30 августа 1917 г.* *430*
89. Протокол допроса корреспондента газеты «Русское слово» М.С. Лембича. *31 августа 1917 г.* *433*

Дело командира 14-й Донской казачьей особой сотни подъесаула С.В. Овсянкина .. *434*

90. Протокол допроса командира 28-й Донской казачьей отдельной сотни А.И. Китайского. *5 сентября 1917 г.* *434*
91. Протокол допроса прапорщика 14-й Донской казачьей особой сотни М.П. Костина. *3 сентября 1917 г.* *435*
92. Протокол допроса командира 14-й Донской казачьей особой сотни С.В. Овсянкина. *4 сентября 1917 г.* *436*

РАЗДЕЛ IV. АРМЕЙСКИЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ КОМИССИИ. СЛЕДСТВЕННЫЕ КОМИССИИ СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ *440*

1. Чрезвычайная следственная комиссия по делу об участниках заговора генерала Корнилова в районе Северного фронта *440*

Дело начальника 1-й Донской казачьей дивизии Грекова *440*

93. Показание есаула Петра Андреевича Бирюкова. *18 сентября 1917 г.* *440*
94. Показание начальника 1-й Донской казачьей дивизии Грекова. *14 сентября 1917 г.* *441*
95. Дополнительное показание начальника 1-й Донской казачьей дивизии Грекова. *20 сентября 1917 г.* *445*
96. Показание начальника конно-саперной команды 1-й Донской казачьей дивизии подъесаула Грекова. *18 сентября 1917 г.* *445*
97. Показание урядника Долгопятова. *19 сентября 1917 г.* *446*
98. Показание прапорщика конно-саперной команды 1-й Донской казачьей дивизии Иванова. *18 сентября 1917 г.* *447*

Дело главнокомандующего Северным фронтом генерала В.Н. Клембовского *448*

99. Протокол допроса начальника штаба главнокомандующего армиями Северного фронта М.Н. Вахрушева. *4 сентября 1917 г.* *448*
100. Показание главнокомандующего Северным фронтом В.Н. Клембовского. *2 сентября 1917 г.* *450*
101. Показание помощника комиссара Северного фронта Д. Савицкого. *2 сентября 1917 г.* *454*

Дело начальника военных сообщений Северного фронта генерала К.М. Ушакова *455*

102. Протокол допроса подпоручика Управления военных сообщений Северного фронта Берзина. *4 сентября 1917 г.* *455*
103. Протокол допроса помощника комиссара Северного фронта Д. Савицкого. *3 сентября 1917 г.* *456*
104. Протокол допроса писаря Управления военных сообщений Ф. Сопина. *4 сентября 1917 г.* *457*
105. Протокол допроса начальника военных сообщений Северного фронта К.М. Ушакова. *4 сентября 1917 г.* *458*
106. Протокол допроса начальника военных сообщений Северного фронта К.М. Ушакова. *7 сентября 1917 г.* *460*
107. Протокол допроса Чрезвычайной комиссией начальника военных сообщений Северного фронта К.М. Ушакова. *18 сентября 1917 г.* *461*

2. Показания офицеров штабов о командировании их в Ставку для изучения минометов и бомбометов *462*

108. Протокол допроса исполняющим должность судебного следователя Московского окружного суда А.В. Коренковым поручика 248-го пехотного Славяно-сербского полка А.В. Александрова. *1 сентября 1917 г.* *462*

109. Отношение Чрезвычайной комиссии командирам воинских подразделений о допросе офицеров, командированных в Ставку для изучения минометов и бомбометов. *Не позднее 1 сентября 1917 г.* *464*
110. Показание поручика 248-го пехотного Славяно-сербского полка А.В. Александрова. *20 октября 1917 г.* *465*
111. Протокол допроса офицером для поручений при штабе Южного района Московского военного округа Козловым штабс-капитана 114-го Новоторжского пехотного полка Г.Г. Гогоберидзе. *4 сентября 1917 г.* *467*
112. Показание подпоручика 3-го гренадерского Перновского полка В.С. Денисенко. *31 августа 1917 г.* *469*
113. Показание подпоручика 7-й Туркестанской стрелковой артиллерийской бригады Кармилова. *Не ранее 3 сентября 1917 г.* *471*
114. Показание прапорщика Филатова. *Не ранее 28 августа 1917 г.* *473*
115. Рапорт подпоручика отдельной инженерной роты Шадрина начальнику штаба 178-й пехотной дивизии о командировке в Могилев. *31 августа 1917 г.* *474*
116. Показание подпоручика Янковского, данное командиру 11-го Туркестанского стрелкового полка Шиманову. *31 октября 1917 г.* *477*

3. Следственные комиссии Советов *478*

117. Из протокола допроса комитетом обоза штаба 38-го армейского корпуса рядовых обоза Е.Т. Булатова, М.Н. Неборакова, К.И. Староовилова, Г.И. Завьялова, А.Н. Малицкого; ст. унтер-офицеров обоза Л.В. Дмитриевича, В.Д. Лебедева; ст. ветеринарного фельдшера М.П. Кульнева; мл. унтер-офицера С.В. Малева; подпоручика командира обоза И.И. Ширая. *16 сентября 1917 г.* *478*
118. Протокол допроса членом Исполнительного комитета Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов гарнизона г. Борисова П.Н. Рябовым командира противоаэропланного взвода при ст. Приямино подпоручика В.Н. Дорошкевича. *3 сентября 1917 г.* *479*
119. Из протокола допроса Чрезвычайной следственной комиссией комитета 28-го армейского корпуса военнослужащих 2-го уланского Курляндского полка: священника 2-й кавалерийской дивизии А.Ф. Шабашева, полковника Н.И. Кучвальского, подполковника В.Ф. Мосевича, полкового писаря Е.А. Уласевича, подпрапорщика Я.Е. Кривошея, корнета Г.И. Иванова, ст. писаря И.М. Корнева, полковника Г.А. Муханова. *2 сентября 1917 г.* *481*
120. Из протокола допроса Чрезвычайной следственной комиссией комитета 28-го армейского корпуса военнослужащих 2-го уланского Курляндского полка: командира корпуса Г.А. Муханова, ст. врача В.М. Беляева, ст. унтер-офицера В.Я. Москалева, ефрейтора Н.И. Царькова, мл. унтер-офицера И.Г. Иванченко, мл. унтер-офицера П.А. Кузьмина. *30 августа 1917 г.* *482*
121. Показание солдата Текинского полка 2-го эскадрона П. Морозова, данное Исполнительному комитету Совета солдатских депутатов Могилевского гарнизона. *3 сентября 1917 г.* *483*
122. Из протокола допроса членом Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов Осташковского гарнизона Каркозом военнослужащих 38-го пехотного полка: ст. унтер-офицеров 9-й роты С. Мушинского, В. Баранова; мл. унтер-офицера Н. Воронова, солдата 12-й роты Т. Трусова, солдат 9-й роты А. Прокудина, С. Лисянского. *31 августа 1917 г.* *484*

123. Показание прапорщика 9-й роты 38-го пехотного запасного полка Шибанова, данное Исполнительному комитету Совета солдатских депутатов Осташковского гарнизона. *31 августа 1917 г.* *485*

Приложения *487*

1. Протокол пребывания управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова в Ставке 24 и 25 августа 1917 г. *25 августа 1917 г.* *487*
2. Запись разговора по прямому проводу управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова и деятеля кадетской партии В.А. Маклакова с генералом Л.Г. Корниловым о возможности соглашения между Временным правительством и Корниловым. *27 августа 1917 г.* *489*
3. «Обращение к народу» Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова. *28 августа 1917 г.* *493*
4. Воззвание Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова «К казакам». *28 августа 1917 г.* *494*
5. Приказ Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова № 897. *28 августа 1917 г.* *495*
6. Приказ Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова № 900. *29 августа 1917 г.* *497*
7. Телеграмма генерала В.Н. Клембовского военному министру, главковерху и всем главнокомандующим об отказе занять должность Верховного главнокомандующего и о поддержке генерала Л.Г. Корнилова. *28 августа 1917 г.* *499*
8. Воззвание Главного комитета Союза офицеров армии и флота о поддержке генерала Л.Г. Корнилова. *28 августа 1917 г.* *500*
9. «Быховский альбом». (Составлен капитаном Генерального штаба С.Н. Ряснянским) *508*

Примечания *540*

Указатель имен *572*

Список сокращений *580*

RUSSIA. THE XXth CENTURY

DOCUMENTS

General L.G. Kornilov's Case, Vol. II

The documents in the second volume of this collection («The Extraordinary Commission for Investigation of the Case of the Former Supreme Commander, General L.G. Kornilov and his Accomplices: Affidavits and Records of Examination of Witnesses and Defendants in General Kornilov's case. August 27, 1917 — November 6, 1917») elucidate the process of investigation of General L.G. Kornilov's case.

The set of documents contained in the volume depict the events that took place in August, 1917 and the prevailing moods in society and the army of Russia prior to October, 1917. Since the materials in the book are treating the events from different points of view, one may find an answer to the question: whether there existed a plot and the «Kornilov mutiny», was it simply a misunderstanding between the Supreme Commander's Headquarters (Kornilov) and the Provisional Government (Kerensky), or what occured can be regarded as «detrayal on the part of Kerensky» who was under the «control of the Soviets».

РОССИЯ. XX ВЕК

ДОКУМЕНТЫ

Дело генерала Л.Г. Корнилова
Том II

Редактор А.А. Яковлев
Верстка М.Л. Перевозчиковой

ЛР № 061660 от 06.10.97 г.

Подписано к печати 5.12.2002 г.
Формат 70×100 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать высокая. Печ. л. 37. Тираж 2000 экз.
Цена договорная. Заказ № 0216210.

ООО «Издательская фирма Материк»
101000 Москва, ул. Мясницкая, д.24, строение 3
Тел. / факс: (095) 925-02-62
E-mail: nmaterik@mtu-net.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.